ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE

7

Mokslinių straipsnių rinkinys

Kaunas 2013

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE Nr. 7

MOKSLINIŲ STRAIPSNIŲ TĘSTINIS LEIDINYS
Leidžia Vilniaus universiteto
Kauno humanitarinio fakulteto
Užsienio kalbų katedra

THE PROCEEDING EDITION OF SCIENTIFIC ARTICLES
Published by Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanites
Department of Foreign Languages

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
Издает кафедра иностранных языков
Каунасского гуманитарного факультета
Вильнюсского университета

Redakcijos adresas /Adress of the editorial / Адрес редакции

Žurnalas „Žmogus kalbos erdvėje“
VU KHF
Muitinės g. 8
Kaunas LT-44280
Tel.: 8-37-42 24 77
El. paštas: ieva.labutiene@khf.vu.lt

Redagavo / Edited by / Редактировали

Dileta Aleksandravičienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Algis Braun (anglų kalba / the English language/английский язык)
Birutė Briaukienė (lietuvių kalba/the Lithuanian language/литовский язык)
Daiva Deltuvienė (vokiečių kalba/the German language/германский язык)
Alla Diomidova (rusų kalba/the Russian language/русский язык)
Giedrė Dubauskienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Lina Fedorčenkienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Loreta Kamičaitytė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Asta Katkevičienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Vilma Linkevičiūtė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Ilona Mickienė (lietuvių kalba/the Lithuanian language/литовский язык)
Živilė Nemickienė (rusų kalba/the Russian language/русский язык)
Vytautė Pasvenskienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Oleg Perov (rusų kalba/the Russian language/русский язык)
Jūratė Radavičiūtė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Danguolė Satkauskaitė (vokiečių kalba/the German language/германский язык)
Giedrė Stankevičienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Renata Vereikienė (anglų kalba/the English language/английский язык)
Ieva Labutienė (maketavimas/layout/макетирование)
Raminta Žemaitytė (maketavimas/layout/макетирование)

ISBN 978-609-459-209-6

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

REDAKTORIŲ KOLEGIJA

Olegas Poliakovas
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva,
vyriausiasis redaktorius

Natalija Kuzmina
Dostojevskio Omsko valstybinio universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija,
vyriausiojo redaktoriaus pavaduotoja

Elena Remchukova
Rusijos Tautų draugystės universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Rusija
vyriausiojo redaktoriaus pavaduotoja

Tatjana Babko
Minsko valstybino lingvistinio universiteto docentė, dr. (04H), Baltarusija

Daiva Deltuvienė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Ala Diomidova
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Ala Kamalova
Varminskio-Mazurskio universiteto Olsztyne profesorė, habil. dr. (04H), Lenkija

Jurij Mašošin
Daugpilio universiteto docentas, dr. (04H), Latvija

Živilė Nemickienė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Vytautė Pasvenskienė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Danguolė Satkauskaitė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto docentė, dr. (04H), Lietuva

Vadim Šubin
Maskvos valstybinio humanitarinio universiteto docentas, dr. (04H), Rusija

Nikolaj Vaskiv
I. Ogienko Kamenec-Podolsko nacionalinio universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Ukraina

EDITORIAL BOARD

Olegas Poliakovas
Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, **editor-in-chief**

Natalija Kuzmina
Professor (04H), Omsk State University, Russia, **deputy editor-in-chief**

Elena Remchukova
Professor (04H), Peoples Friendship University of Russia, Russia, **deputy editor-in-chief**

Tatjana Babko
Associate Professor (04H), Minsk State Linquistic University, Belarus

Daiva Deltuvienė
Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania

Ala Diomidova
Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania

Ala Kamalova
Professor (04H), Varminsko-Mazursky University in Olsztyn, Poland

Jurij Mashoshin
Associate Professor (04H), Daugavpils University, Latvia

Živilė Nemickienė
Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania

Vytautė Pasvenskienė
Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania

Danguolė Satkauskaitė
Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania

Vadim Shubin
Associate Professor (04H), Russian State University for the Humanities, Russia

Nikolaj Vaskiv
Professor (04H), Kamenec-Podolsk National University, Ukraine

PRATARMĖ

Mieli skaitytojai, Jums pateikiamas 7-asis tęstinio VU KHF leidinio „Žmogus kalbos erdvėje“ numeris. Šio leidinio straipsniuose atsispindi modernios šiuolaikinio mokslo tendencijos bei pateikiamos naujausios įžvalgos į tyrinėjamas problemas. Baltarusijos, Latvijos, Gruzijos, Lenkijos, Kazachstano, Čekijos, Vokietijos, Rusijos, Ukrainos ir Lietuvos mokslininkai šiame rinkinyje pristato šiuolaikinės filologijos tyrimų problematiką, aptaria aktualius teorinius ir praktinius klausimus lingvodidaktikoje, lingvokultūriniuose tyrimuose, moderniojoje lingvistikoje bei literatūriniame diskurse.

Rinkinyje pateikta tarptautinės mokslinės konferencijos „Žmogus kalbos erdvėje“, kurią 2012 m. gegužės 13-14 dienomis organizavo Vilniaus universiteto Kauno humanitarinio fakulteto Užsienio kalbų katedra, medžiaga.

PREFACE

Dear readers, this is the 7th issue of a periodical collection of scientific articles “Man in the space of language”. The group of essays brought together in this volume reflect the trends and tendencies of academic research in a variety of fields in philology. The collection presents the insights of Belarusian, Latvian, Georgian, Polish, Kazakhian, Czech, German, Ukrainian, Russian, and Lithuanian scientists into theoretical and practical problems of modern linguistics, literature and didactics.

The collection contains the compilation of articles of the scientific conference “Man in the space of language” held in Kaunas (Lithuania) on 13-14 May 2012.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Перед Вами 7-ое периодическое издание сборника научных статей, выпускаемое Каунасским гуманитарным факультетом Вильнюсского университета. В этом издании освещены актуальные современные научные тенденции и отображены новейшие подходы к исследуемым проблемам. Ученые Беларуси, Латвии, Грузии, Польши, Казахстана, Чехии, Германии, России, Украины и Литвы представляют в сборнике панораму современной филологии и тем самым помогают читателю ознакомиться с новейшими исследованиями филологов своей страны. Исследователи посвятили свои труды актуальным теоретическим и практическим проблемам лингводидактики, лингвокультурологических исследований, современной лингвистики и литературного дискурса.

Традиционно в сборнике представлены избранные материалы международной научной конференции «Человек в пространстве языка», организованной кафедрой иностранных языков Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета 13-14 мая 2012 года.

TURINYS
CONTENTS
СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТЫ

Вира Берковец (Бондаренко) *(Институт филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Украина).* Способы выражения императивности в украинских народных лечебных заговорах……...**13**
Виктория Григораш *(Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина).* Особенности мелодического оформления речи представителей йоркширского диалекта (на материале радиоинтервью)……..**21**
Ирина Владимировна Каптюг *(Институт языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси, Беларусь).* Обращение в современном белорусском языке……**26**
Юлия Купчишина *(Житомирский государственный университет им. Ивана Ashirimранка,Украина).* К проблеме дифференциации остранения и выдвижения: диахронический аспект….....……**34**
Марина Попова *(Московский педагогический государственный университет, Россия).* Отражение категориальных различий слов в звуковой форме суффикса……..**40**
Арина Фрумкина (*Одесский национальный университет им. И. Мечникова, Украина*). Вариативность приступов немецкого вокализма в звучащей речи СМИ……...**46**
Анна Хвостенко *(Новосибирский государственный технический университет, Россия).* Когнитивные модели кровного родства и свойства в англосаксонском обществе и древнеанглийском языке……..**53**

PROBLEMS OF MODERN PHILOLOGY: LITERATURE AND CULTURE

Jurgita Astrauskienė (*Vilnius University, Lithuania*) Tennessee Williams's t*he Glass Menagerie*: Symbols of Faith……**59**
Madina Ashirimbetova (*Suleyman Demirel University, Kazakhstan).* National Component in Communicative Behavior……...**69**
Eglė Brasaitė, Algis Braun *(Vilnius University, Lithuania*) Conception of Time and Space: Post-Apocalyptic Chronotope……**76**
Maija Brēde *(University of Latvia, Latvia).* Characteristics of Publicistic Intonational Style in English and Latvian……**86**
Aurelija Daukšaitė *(Vytautas Magnus University, Lithuania). Trauma Literature: Trauma in Pat Barker's war trilogy……...96*
Mariam Miresashvili *(Sokhumi State University (in Tbilisi, Georgia).* The Tendencies in the Development of Georgian Literature in the Period of "Thaw"……**104**
Inga Piščikienė, Birutė Ryvitytė *(Vilnius University, Lithuania).* Evaluation in Lithuanian Economic Book Reviews……**109**
Jūratė Radavičiūtė *(Vilnius University, Lithuania).* Reality Preceeded by Simulacra in Salman Rushdie's Novel Shame……...**116**
Nino Tsereteli *(Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia).* Several Aspects of the Development of Futurism in Georgia……...**122**

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИСКУРСА

Сауле Алтыбаева *(Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан).* Мифопоэтика современной казахской прозы: национальное и универсальное……**127**
Светлана Бозрикова *(Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н. Чернышевского, Россия).* Нарративная журналистика в Сша и России…….……**133**
Анна Давыдова-Белая *(Донбасский педагогический университет, Украина).* Одиночество, труд, молчание: поведенческие модели украинских символистов «второго поколения»…..**139**
Ирма Закарая *(Сухумский государственный университет, Грузия).* Научно-технический прогресс и художественная литература……...**145**
Борис Колымагин *(Российский институт культурологии, Россия).* Человек в поэзии Всеволода Николаевича Некрасова……**151**
Зоя Кучер *(Черкасский государственный технологический университет, Украина).* Реконструкция сюжетов и образов в поздней прозе Ф. Дюрренматта……...……**157**
Татьяна Марчак *(Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенкоб Украина).* Нарративные Поиски Гната Мыхайличенка в “Блакытном Романе”....……**164**
Марина Орлова *(Черкасский государственный технологический университет, Украина).* Немецкоязычная литература «новой субъективности» как реакция на студенческое движение второй половины 60-х годов XX ст……..**172**
Ирина Е. Прохорова *(Московский государственный университет им. М. Ломоносова, Россия).* «О критике вообще и у нас в России» С. П. Шевырева в оценке В. Г. Белинского: идея и слово……**179**
Олег Перов *(Вильнюсский университет, Литва).* Особенности употребления абстрактных имён существительных в прозе Ю. Алешковского……**184**
Марина Родина *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь).* К вопросу о понимании иностранными студентами имплицитной информации художественного произведения на русском языке……**192**
Инесе Сухане *(Даугавпилсский университет, Латвия*). Типология образа пространства в прозе С. Соколова и Я. Эйнфелдса… ……..……**200**
Алуа Темирболат *(Казахский национальный* университет имени Аль-Фараби, *Казахстан).* Философско-эстетические аспекты современной прозы Казахстана……**202**
Олеся Тимченко *(Горловский педагогический институт иностранных языков, Украина*). Мотив дома в романе В.Я. Брюсова «Огненный ангел»……**206**

SYNCHRONIC AND DIACHRONIC LANGUAGE APPROACHES

Giedrė Dubauskienė (*Vilnius University, Lithuania*) Some Aspects of Person Deixis in the Discourse of Advertising……..**219**
Vytautė Pasvenskienė *(Vilnius University, Lithuania).* English and Lithuanian Bilabials in Terms of Visual Phonetics……...**227**
Nadiia Govorun *(Kyiv Borys Grinchenko University, Ukraine).* Verba Cogitanti in Middle English Texts: Semantics and Functions……...**233**
Auksė Mockevičiūtė, Tatjana Solomonik – Pankrašova (*Vilnius University,* Lithuania) Pagan Germanic Perception of Death and Afterlife in the Anglo-Saxon Epic Poem Beowulf……..**238**

LANGUAGE IN DIFFERENT DISCOURSES

Vita Balama *(Ventspils University College, Latvia).* Language Issues in Career Building……**245**

Vilma Linkevičiūtė *(Vilnius University, Lithuania).* Tony Blair's Conflict Communication Discourse: *Change* Domain……..**251**
Marcel Pikhart *(University of Hradec Kralove, Czech Republic).* ELF in Intercultural Management: The Space for Language in Current Business Communication……**258**
Jurgita Kerevičienė *(Vilnius University, Lithuania).* Linguistic Modernization and/or Conventionalization……..……**265**
Dovilė Vengalienė *(Vilnius University, Lithuania).* On Some Features of Conventionalised Irony in News Headlines……**272**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

Наталья Сивицкая *Институт языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси, Беларусь).* Социолингвистическая концепция детства в этнопедагогической стратегии белорусов……**279**
Людмила Сукина *(НОУ ВПО Институт программных систем УГП имени А. К. Айламазяна, Россия).* Понятие «самомышление» в русской книжности второй половины XVI – XVII века……..**285**
Татьяна Коваленко, Оксана Цыбулько *(Донецкий национальный университет, Украина).* Формализм и концептуализм в освоении семантического пространства: терминотворчество……**292**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Татьяна Бобко *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь).* Языковая ситуация Беларуси и ее отражение в Интернет-коммуникации……...**300**
Валентина Зразикова *(Институт парламентаризма и предпринимательства, Беларусь).* К проблеме билингвизма в Республике Беларусь……...**307**
Мака Качарава *(Сухумский государственный университет, Грузия).* О соотношении языка и культуры (на материале анализа концепта «правда» в русском и английском языках)…..**314**
Ольга Крылова (*Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Россия).* Лексико-семантическая группа наименований верхней женской одежды в новгородских говорах……**321**
Анна Сергеевна Полищук (Шадчина) *(Институт филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченка, Украина).* Балкано- кавказские параллели в языке и культуре (на примере образа героя в шкуре леопарда)……..**329**
Елена Николаевна Ремчукова, Алиса Владимировна Страхова *(Российский университет дружбы народов, Россия).* Мужчина и женщина в рекламном «Зазеркалье» России и Франции……...**338**
Сергей Рыбаков (*Уральский федеральный университет, Россия).* Значение языка в процессе духовного освоения мира……..**342**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Наталья Бунько (*Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси, Беларусь).* Терминологическая лексика по чрезвычайным ситуациям: особенности структурно-тематической организации, происхождения и образования……..**348**
Валерия Колосова *(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия).* Русские диалектные фитонимы на общеславянском фоне……**355**
Наталия Скиба *(Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Институт филологии, Украина).* Актуализация фразеологизмов в газетном заголовке……...**362**

Елена Сьянова *(Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Россия)*. Лексика крестьянского строительства: этнолингвистический анализ (на материале русско-украинских говоров воронежской области)……**368**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Людмила Варпахович *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)*. Номинация процессов: поиск исходных сем……**376**
Кира Коваленко *(Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Россия)* Наименования человека в азбуковнике 1596 г……..**383**
Асия Ковтун *(Университет им Витаутаса Великого, Литва)*. Семантические обоснования сопоставления русского и литовского свадебного обряда……**393**
Елена Колосько *(Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Россия)*. Прагматическая семантика устойчивых выражений разговорной речи……**399**
Татьяна В. Маркелова, Евгения Сергеевна Маликова *(Государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования* Московский *государственный университет печати имени Ивана Федорова, Россия)*. Трансформация семантической структуры компонента «медиа» в дискурсе современных СМИ……**405**
Лариса Миронова *(Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина)*. Соматические фразеологизмы украинского и испанского языков в репрезентации эмоциональной сферы человека……**412**

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДИСКУРСОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Хатуна Амаглобели *(Сухумский государственный университет, Грузия)*. Грузинская эмиграция и мультикультурное пространство……**420**
Ирина Бакланова *(Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Россия)*. Наименования бус с основой соврул- (словообразовательный и этимологический аспекты)……...**427**
Мэри Габедава *(Сухумский государственный университет, Грузия)*. Языковая политика в Грузии и вопросы глобализации……...**435**
Александр А. Житенев *(Воронежский государственный университет, Россия)*. Сетевой дневник как модель прозаического текста: стратегии стилеобразования……**442**
Ольга Каверина *(Балашовский институт Саратовского государственного университета, Россия)*. Есть ли нарративная журналистика в России?.....**448**
Галина Кутырёва-Чубаля *(Akademia Techniczno-Humanistyczna, Польша)*. Наррация, инкантиция, пение: об энтропии песенного текста в белорусском фольклоре……**455**
Олег Поляков *(Вильнюсский университет, Литва)*. Мифы и мифологизация в гуманитарных науках……...**463**
Дарья Тер-Минасова *(Московский государственный институт международных отношений (университет), Россия)*. Традиции британской монархии как основная составляющая ее имиджа……...**475**
Татьяна Тернова, Анна Фролова *(Воронежский государственный университет, Россия)*. Литературная премия а. Белого как литературная институция: дискуссионное поле и формы самопрезентации……**482**

MODERN TRANSLATION STRATEGIES AND DIDACTICS IN LANGUAGE EDUCATION

Jovita Daukšytė *(Vytautas Magnus University, Lithuania).* Acquisition of Social Competences Through Adults Learning Foreign Languages.....**491**
Brigita Dimavičienė *(Vytautas Magnus University, Lithuania).* The Effect of Translated Literature on Lithuanian Literature for Young People……..**498**
Andrii Kozachuk *(Borys Grinchenko Kyiv University, Ukraine).* Lexicological Aspect of Ukrainian-English Translation of Short Prose of the Late 19th-Eearly 20th Centuries……...**505**
Roma Kriaučiūnienė, Jolanta Karalienė *(Vilnius University, Marijampole, Rygiskiu Jono gymnasium, Lithuania).* Foreign Language Teacher‘ Approach to Values……..**513**
Inna Makarova, Olga Anisimova *(Sankt-Peterbugh State University of Service and Economics, Russia).* Multimedia Project Instead of Traditional English Classes……...**521**
Ieva Rudzinska (*Latvian Academy of Sport Education, Latvia).* Vocabulary Acquisition via Long Term Memory Activation with the Help of Musical Background and On-line Mind Mapping…..**525**
Goda Rumšienė *(Vilnius University, Lithuania).* Translation and Rendering of Culturally-Related Text in Advertisements……**532**
Loreta Ulvydienė, Gintarė Aleknavičiūtė *(Vilnius University, Lithuania).* Subtitles of Films as a Means of Foreign Language Learning……..**539**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Ольга Петриашвили *(Сухумский государственный университет (в Тбилиси), Грузия).* Творческая деятельность И. А. Бунина-переводчика……**547**
Живиле Немицкене, Ауксе Каклаускайте (*Вильнюсский университет, Литва).* Ошибки перевода системы «Google translate» с английского на русский и литовский языки…….**554**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И СТИЛИСТИКИ

Елена Акуленко, Вера Леонтьева *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь).* Функционально-стилевой потенциал японизмов в современном русском языке……**561**
Раиса Козак *(Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина).* Национальный характер экспрессивности эллиптических конструкций в восточнославянских языках……..…**570**
Вера Астрэйка *(Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, Беларусь).* Северо-западные зональные словообразовательные регионализмы беларуского языка как результат Славяно-балтских контактов и связей……**577**

FILOLOGINIAI IR DIDAKTINIAI TYRINĖJIMAI: PROBLEMOS IR SPRENDIMAI

Teresė Aleknavičiūtė *(Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva).* Humanitarinės srities mokslo populiarinimo diskursas multimodaliuoju aspektu.....**586**
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė, Eglė Petrauskaitė *(Vilniaus universitetas, Lietuva).* Populiarusis leidinys „Vapsva“ (1928 – 1932): ironiškoji literatūros, kultūros, visuomenės kritika.....**593**
Birutė Briaukienė (*Lietuvos sveikatos mokslų universitetas, Lietuva).* Lietuvių asmenvardžių kilmė ir vartosenos ypatumai.....**602**
Živilė Dapšauskaitė *(Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva).* Komunikacija mokyklinių atminimų tekstuose ir užrašuose ant nuotraukų.....**606**
Jurgita Girčienė *(Lietuvos edukologijos universitetas, Lietuva).* Adresato įvardijimo raida.....**613**

Daiva Jakavonytė-Staškuvienė *(Lietuvos edukologijos universitetas).* Lietuvos 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimai.....**622**
Danguolė Kalesnikienė *(Ugdymo plėtotės centras, Lietuva).* Skaitymo diagnostika.....**629**
Jurgita Macijauskaitė-Bonda *(Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva).* Vaikas destrukcinės tematikos moksleivių eiliavimuose.....**636**
Aušrinė Peleckienė, Loreta Alešiūnaitė *(Kauno kolegija; Kauno sveikatos mokslų universitetas, Lietuva).* Būdingiausios leksikos klaidos studentų kalboje: analizė ir taisymo metodika.....**643**
Virginija Jūratė Pukevičiūtė *(Vilniaus universitetas, Užsienio kalbų institutas, Lietuva).* Įsiminimo strategijų taikymas mokantis užsienio kalbų: ugdymo projekto atvejis.....**651**
Rasa Račiūnaitė-Paužuolienė *(Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva).* Šiuolaikinių etnologijos ir antropologijos terminų ypatybės.....**658**
Dainius Sobeckis (*Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva).* Žmogiškosios būties prasmingumas Leonardo Andriekaus poezijoje.....**668**
Giedrė Šukytė *(Šiaulių universitetas, Lietuva).* Ko čia spardais kaip arklys dvėsdamas?: Žmogaus vertinimas pasitelkiant gyvūno įvaizdį lietuvių paremijose.....**675**
Gintarė Vaitonytė *(Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva).* Suomių – švedų modernisto kūrybos aktualizavimo Lietuvos periodiniuose leidiniuose problematika.....**681**
Ingrida Žindžiuvienė *(Vytauto Didžiojo Universitetas, Lietuva).* Traumos romanas: kolektyvinė trauma literatūroje **688**

LINGUISTIK, DIDAKTIK UND LITERATURWISSENSCHAFT

Harald Bichlmeier *(Martin-Luther-Universität, Deutschland).* Einige Anmerkungen zu Typologie und Etymologie der Bezeichnungen für ‘Mann’ und ‘Frau’ im Urindogermanischen……**696**
Daiva Deltuvienė *(Universität Vilnius, Litauen),* **Dalia Kačergienė** *(Technische Universität Kaunas, Litauen).* Zum Problem der Übersetzungseinheiten in Fachtexten……**706**
Alma Imbrasienė *(Universität Klaipėda, Litauen).* Struktur der primären Verbentsprechungen in den baltischen, germanischen und slawischen Sprachen……..**713**
Alena Josefova *(Universität Hradec Kralove, Tschechische Republik*). Ethische Probleme des Multikulturalismus und Universitätssprachenausbildung……**721**
Laima Kuprienė *(Staatliches Kollegium in Klaipėda).* Zur Struktur des Gesprächs: Eröffnungs- und Beendigungsphase……..**728**
Danguolė Satkauskaitė *(Universität Vilnius, Litauen).* Zum Problem von Deixis und Anaphorik in der Filmübersetzung……..**735**
Valentina Talerko (*Universität Daugavpils, Lettland*). Dialog mit dem Bild: Zur Wahrnehmung des Porträts in der frühen Prosa von Th. Storm……**743**

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ТЕКСТОВ

Екатерина Быкова *(Вятский государственный университет, Россия).* Сказания о чудотворных иконах Богородицы в старообрядческой среде (по фольклорным и рукописным источникам).....**749**
Николай Васькив *(Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко, Украина)*. Текст как самоизобличение: советско-финская война 1940 года глазами советской медсестры.....**756**
Юлия Давидюк (*Киевский национальный лингвистический университет,Украина)* Эффект обманутого ожидания в структуре художественного текста.....**762**
Нина А. Левковская *(Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Россия).* Языковые и текстовые параметры современного политического эссе....**768**
Юлия Подлубнова *(Уральский федеральный университет, Россия)* Характер автобиографизма в литературе урала 1930-х гг. (случай а. Коревановой).....**772**

СОВРЕМЕННЫЕ ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Инна Андреасян *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)* Автономность студента и интерактивные технологии овладения иноязычным общением.....**780**
Елена Марченко (*Латвийский университет*, *Латвия)* Парадоксы аутентичности: к проблеме обучения жанрам письменной речи.....**786**
Юрий Машошин *(Даугавпилсский университет, Латвия).* Повышение стрессоустойчивости учащихся……..**791**
Юлия Молоткова *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь).* Лингвистические особенности иероглифического письма как предмета овладения студентами языкового вуза……**799**
Ирина Радина *(Минский государственный лингвистический университет, Беларусь).* Преимущества использования подкастинга в обучении студентов устному иноязычному общению……..**807**
Юлия Викторовна Ридная *Новосибирский государственный технический университет, Россия).* Жанр английской научной статьи как методическая модель обучения……**813**
Галина Токарева *(Ивановский государственный энергетический университет им. В. Ленина, Россия).* Системный подход к преподаванию терминологии иностранным студентам в энергетическом вузе……**818**
Виталий Чарторийский *(Российский Университет Дружбы Народов, Россия).* Практика обучения письменной речи на начальном (довузовском) этапе……..**824**
Мирослава Шевченко *(Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Украина).* Разговорная речь в аспекте лингводидактики……..**829**

Вера Берковец (Бондаренко)
Институт филологии Киевского национального университета им.Тараса Шевченко
бульв. Т. Шевченко, 14, Киев, Украина
Эл. почта: Virvolb@ukr.net
Научные интересы: язык сакральных жанров фольклора, фонетика современного украинского языка, фоностилистика, ритмология

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ В УКРАИНСКИХ НАРОДНЫХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

В статье рассматриваются специфика употребления модальных оттенков императивности и способы ее выражения в украинских народных заговорах лечебного характера с эксплицитным (вербальным) и имплицитным адресатами. К непосредственным эксплицитным адресатам обращения отнесены больной и болезнь, к опосредованным эксплицитным адресатам – небесные светила, христианские силы и антисилы, а также силы природы; к имплицитным адресатам – больной. Для лечебных заговоров характерны такие разновидности императивности, как собственно побудительность и желательная побудительность в модальных оттенках приказа, просьбы и пожелания, имеющих в каждой коммуникативной группе текстов свои особенности выражения – как общеязыковые, так и присущие заговорам как особым сакральным текстам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лечебный заговор, императивность, адресат обращения, побудительность, оттенки модальности, приказ, просьба, пожелание, средства выражения, утвердительное / отрицательное сравнение, формула невыполнимого условия, симпатическая антиципация.

На современном этапе развития гуманитарных наук очень перспективными и продуктивными являются кросс-дисциплинарные исследования, формирующие новые отрасли науки. Одной из таких отраслей является коммуникативная лингвистика – компонент теории коммуникации наряду с философией, логикой, социологией, психологией, культурологией и др., а также наука, объединяющая для описания своего объекта другие отрасли лингвистики – лингвопрагматику, паралингвистику, теорию речевых актов, психолингвистику, этнолингвистику и т.п. Предметом коммуникативной лингвистики, как известно, является язык, представленный в реальных процессах коммуникации, а одним из главных заданий – изучение предпосылок и разработка рекомендаций относительно успешности и эффективности проведения коммуникации, ее планирования и контроля над ней.

В этой связи представляется интересным изучить лингвистические особенности одного из наиболее прагматичных жанров фольклора – народных заговоров в аспекте их коммуникативного воздействия. Известно, что спецификой заговора является его направленность в первую очередь на практическое использование, хотя этим текстам присуща и образность, и высокая поэтика. Цель заговора – вызвать или отвернуть любовь, поспособствовать в хозяйственных делах, вылечить человека или животное (домашний скот) и пр.

Объектом нашего исследования послужили украинские народные лечебные заговоры, в которых изучались способы выражения императивности – передача “установки” на выздоровление в коммуникативных парах “исполнитель заговора – больной”, “исполнитель заговора – болезнь” и пр. Императивность и побудительная сила заговоров давно обращали на себя внимание исследователей. Еще Р. Якобсон считал магическую функцию, языковыми проявлениями которой являются заговоры, молитвы и другие сакральные тексты, частным случаем функции призывно-побудительной, с той разницей, что в случае словесной магии адресатом речи является не человек (грамматическое 2-е лицо), а высшие силы, неодушевленное или неведомое “3-е лицо” (Якобсон [1960] 1975, 200).

В то же время языковые особенности народных заговоров все еще недостаточно изучены. Научные исследования народных заговоров в Украине, начатые в конце XVIII – начале XIX ст. в трудах Н. Костомарова, П. Ефименко, А. Потебни, Ф. Зелинского, Н. Познанского, А. Веселовского, Ф. Колессы, С. Кагарова и продолженные в Н. Сумцовым, В. Доманицким, А. Ветуховым, Н. Высоцким, С. Верхратским, В. Петровым, Г. Яковлевым, З. Болтарович, М. Новиковой, В. Антонюк, О. Павловым, М. Гримич, Т. Шевчук, А. Темченко и др., в основном касались фольклорных и литературоведческих аспектов, и мало внимания уделялось изучению языковых особенностей этих текстов. Все выше сказанное обуславливает актуальность нашего исследования.

Для анализа способов выражения императивности в народных заговорах были отобраны 78 текстов лечебного характера из сборника “Українські замовляння” (Київ, 1993). Избранные тексты ми расклассифицировали в зависимости от коммуникативной направленности на такие, которые имеют *эксплицитный*, *вербальный* (непосредственный или опосредованный) и *имплицитный* адресаты (см. Табл. 1).

Табл. 1. Коммуникативная направленность текстов украинских лечебных заговоров

Адресат обращения						
	Эксплицитный (вербальный)					Имплицитный
	Непосредственный		Опосредованный			
	Больной	Болезнь	Небесные светила	Христианские силы и антисилы	Силы природы	Больной
Количество текстов	1	Физическая – 9 Психическая – 7	Месяц – 9 Звезды – 2	Бог – 5 Богородица – 2 Ангелы и архангелы – 2 Все святые – 3 Черт – 1 Виды и видята, ветерницы и ветерники, упыри и упырята – 1	Вода – 3 Змея – 5 Змей – 3 Куры – 1 Бешеная собака – 1 Дуб – 2	Заговоры: Крови – 12 Зубной боли – 3 Трясовиц – 2 Уроков и перелогов – 3 Крикливцев – 1 Пристрита – 2 Опухоли – 1 Болезни (общий) – 1 Огонька – 2 Бельма – 2 Укуса змеи – 3

Как отмечают исследователи, чем “древнее та или иная культура (или ее этап), тем чаще изображаются в ней: зверь, а не человек; женщина, а не мужчина; мертвый, а не живой” (Новикова 1993, с. 9) как более мощная и влиятельная сторона противопоставления. И поскольку заговоры являются едва ли не самым архаичным культурным пластом, закономерно, что в рассмотренных нами текстах только один содержит обращение к человеку и 10 – к представителям животного мира. Из этих 10-ти текстов в 5-ти обращаются к змее и в 3-х – к змею, что опять-таки свидетельствует о превалировании в микрокосме заговоров женской силы над мужской (см. Табл. 1). Небесные светила репрезентируют месяц и звезды – представители ночи, которая в “антимире” заговоров сильнее, чем день. А в заговорах зубной боли с обращением к месяцу речь идет исключительно о царстве мертвых, у которых не болят зубы, а значит, пусть не болят они и у “*раба Божого Івана*” и пр. Христианские силы и антисилы в исследованном нами материале противопоставлены по двум направлениям: 1) Бог – черт; 2) христианские силы – языческие силы. Вне зависимости от того, к каким силам апеллируют с просьбой или приказом, адресатом заговора непосредственно, опосредованно или имплицитно всегда выступает больной, при котором текст читается или который сам является одновременно и исполнителем, и потребителем заговора.

Превалирование тех или иных модальных оттенков императивности, а также способы их выражения тесно связаны с коммуникативной направленностью текстов. Императивность каждой коммуникативной группы в модальных оттенках приказа, требования, призыва, просьбы, пожелания, совета, предостережения и пр. сводится к одному – апелляции говорящего к возможному(-ым) исполнителю(-ям) действия. Такими исполнителями могут быть как собеседник (один – адресат (*ти/ви*) или совместно с говорящим (*ми*)), так и

постороннее лицо (персонифицированное неодушевленное существо), не принимающее непосредственного участия в разговоре (*він/вона/воно/вони*), или же сам говорящий (*я*).

Для украинского языка характерны различные способы оформления модальных значений: 1) формальный (морфологический) – определенные формы глаголов; 2) интонационный; 3) различные семантические группы модальных слов – *прошу; треба; хай / нехай; бодай* и пр.; 4) синтаксические структуры; 5) контекстные условия (часто в сопровождении интонации и фразового ударения).

Побудительная модальность может выступать в предложении в таких семантических разновидностях: собственно побудительность, обозначающая необходимость или обязательность выполнения действия, и желательная побудительность, означающая возможное, желаемое действие. Эти разновидности имеют на лексико-грамматическом уровне свои способы выражения – формы повелительного наклонения глагола-сказуемого для собственно побудительности и формы изъявительного наклонения плюс побудительные частицы и формы сослагательного наклонения – для желательной побудительности (Багмут 1977, с. 333).

В парадигме повелительного наклонения центральными в иерархии форм являются *простые* (синтетические) формы, образованные от глаголов 2-го лица ед. и мн. ч. и полной мерой выражающие семантику повелительного наклонения – апелляцию к собеседнику как возможному исполнителю действия. Простые формы 1-го лица мн. ч., а также *сложные* (аналитические) формы 3-го лица ед. и мн. ч., 1-го лица ед. ч. имеют морфологические способы выражения и передают менее интенсивную степень побудительности. Препозитивное употребление местоимений ***ти, ви*** при формах глаголов повелительного наклонения усиливает категоричность приказа, просьбы (в отличие от постпозитивного употребления, которое, наоборот, смягчает выражение этого значения) (Івченко 1960, с. 396). Роль категорической формы приказа выполняют также инфинитивы.

Кроме общеязыковых средств заговорам присущи и свои, специфические способы выражения побуждения: не только “простые пожелания в третьем лице (V3)” и “приказ, адресованный объекту заговора во втором лице (V2)”, а и “пожелание, выраженное в форме сравнения или невыполнимого условия” (Кагаров 1981, с. 73). Сравнение, как известно, может быть позитивным и негативным, утвердительным и отрицательным. Частным случаем отрицательного сравнения в заговорах выступает формула невыполнимого условия (Кагаров 1981, с. 75). Стилистической разновидностью пожелания, выраженного глаголом в третьем лице, является “прием симпатической антиципации” (Кагаров 1981, с. 75-76), то есть представление желаемого уже свершившимся, где выразителем императивности выступает глагол в 3-м лице ед. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения, с помощью которого желаемое подается как уже осуществленное.

Как показало наше исследование, украинским народным заговорам более характерна *собственно побудительность*, поскольку действие заговора является обязательным, а не желательным, а результат необходимым и до определенной степени прогнозированным. Рассматривая побуждение в спектре *приказ – просьба – совет – предостережение – желание – согласие – разрешение – призыв к действию*, мы пришли к выводу, что наиболее характерными для заговоров лечебного характера оказались приказы, просьбы и пожелания.

1. **Приказы**. Употребляются преимущественно в заговорах – обращениях к болезни, выражены формами глагола во 2-м лице ед. ч. (*сядь; остановись; запікайся, заговорюйся; розійдися; покинь* и т.д.) и во 2-м лице мн. ч. (*підіте; розійдіться, розкотіться; дайте спати, спочивати* и пр.) повелительного наклонения и инфинитивами (*тут тобі не бушувать, не воювать і костей не ломить*), выполняющими роль категорической формы приказа. Оттенок категоричности приказам-обращениям этой группы придает также исключительно препозитивное употребление местоимений ***ти, ви***: “***Ви**, сухоти сухущі, болющі, палющі, розійдіться від младенця Івана та підіть собі за вогнем, за полум’ям,..*”; “*...**вам**, уроки, урочища, у раба Божого Івана не стояти, жовтої кості не ламати, червоної крові не пити, серця його не нудити*” и пр. По наблюдениям исследователей, в обращении к болезни, которая мыслилась персонифицированным представителем низшей мифологии,

отсутствовало характерное многим текстам заговоров торжественное вступление (Ожегова 1988, с. 44 – 47), более того – как показал наш материал, к болезни иногда обращались даже фамильярно: "*…піди собі, болість очная*" и т.д.

В обращениях к месяцу (заговоры зубной боли) категорический приказ выражен инфинитивом ("*Твоїм рогам не стоять, моїм зубам не боліть!*"); приказ – призыв к действию несколько смягчен постпозитивным употреблением местоимения ***ти*** при глаголе 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения ("*Питай ти мертвих і живих: у мертвого зуби не болять?..*") – аналогично в обращении к черту как антисиле: "*...візьми ти, чорте, свої перелоги од рижої, од білої кості...*". В обращениях к змее имеем один категорический приказ с препозитивным ***ти*** ("*Ти, гадина Яселуха, склич свій гад, та вийми зуб до землі од жовтої кості...*") и одно побуждение в форме вопроса ("*Царице Вольга, чому ти не учиш, щоб Івана, раба Божого, гадюка не кусала?" – "Не тільки свій потомок повчу, а й сама перед Господом Богом крижем паду*"), а в обращениях к змею – и категорический приказ с препозитивным ***ти*** ("*Ти, цар Гадюн, склич свій гад лісовий, луговий, степовий...*"), и приказ – собственно побуждение ("*Іди, лютий змію, в Іванів двір і візьми од раба Божого Івана, молитвенного і хрещеного, люту кров, і будеш мати, чим дітей годувати!"*), и призыв к действию, выраженный интонационно и при помощи сравнения ("*Гад, гад, земля горить, тебе спалить, і я горю, тебе спалю!..*"). Примечательно, что в обращениях к змее как к более могущественной силе преобладают просьбы: к ней апеллируют более осторожно и вежливо, чем к змею, которому можно приказывать.

В обращениях к дубу приказы выражены инфинитивами ("*Тобі, дуб і березо, шуміть та густи, а рожденному, хрещеному рабу Божому Івану спать та рости!"*) В обращениях к курам, семантической группе "дим димище, сволок сволочище, слиж слижище", "встеклой" (бешеной) собаке – собственно побудительными формами глагола 2 лица ед. ч. и мн. ч. повелительного наклонения ("*Скрикніть ви сон із усіх сторон на рожденного, хрещеного раба Божого Івана!"*; "*...нате вам крикливці, а дайте нарожденному Івану сонливці!"; "іди, вистрижи, вернись, набери, влупи*") и пр. В группе заговоров с имплицитным адресатом единственный приказ-побуждение (в заговоре укуса змеи) выражен инфинитивом: "*...один листочок у море впав, другий листочок до сердечка припав, третьому листочку рану лічити, рану керовати!*"

2. **Просьбы**. Единичными случаями представлены просьбы, маркированные лексическими средствами: "*Бешишнику, я тебе прошу, відступися...*" (обращения к болезни). В заговорах – обращениях к небесным светилам наряду с приказами месяцу встречаются лексически выраженные просьбы к Богу (такая двойственность адресата связана, очевидно, с общей христианизацией фольклора периода церковных гонений): *"Ти, місяцю Адаме, молодик! Питай ти мертвих і живих: у мертвого зуби не болять?» – "У мертвого зуби ніколи не болять: кості задубіли, зуби заніміли, ніколи не будуть боліть". – "Даруй, Господи, раба Божого нарожденного, молитвяного, хрещеного Івана зуби заніміли, ніколи не боліли!"* В целом же прием обращения к христианским и языческим силам одновременно в одном и том же тексте характерен для заговоров, которые всегда преследовали сугубо практические цели. В обращениях к звездам в одном тексте звучит прямая просьба ("*візьміть раба Божого Івана жовтяниці"*), выраженная глаголом 2-го лица мн. ч. повелительного наклонения. В другом тексте после упоминания имени божества в просьбе к звездам о помощи опущен предикат, побудительную функцию которого выполняет, очевидно, интонация: "*Ви, зорі-зоряниці, Божі помічниці, я річчю, а ви поміччю!*"

В группе заговоров – обращений к христианским силам и антисилам наиболее многочисленны обращения к Богу и Богородице, в которых звучит исключительно просьба (что, очевидно, объясняется мощным авторитетом этих христианских фигур). Просьба выражена лексико-семантическими средствами ("*Пресвятая Богородице, просим собі в поміч*"), морфологическими – глаголами 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения совершенного вида, передающими, в отличие от подобных глаголов несовершенного вида, смягченное обращение (*"Господи помилуй!"*; *"Сохрани, Господи..."*; "*Боже з високості, дай тіло на ції кості!*";

“Пречистая Мати Божа і всі святії, станьте мні днесь на помощі...”), а также при помощи частицы ***щоб*** и соответствующей интонации: “*Даруй, Господи, щоб і у мене, раба Божого нарожденного, молитвяного, хрещеного Івана зуби заніміли, ніколи не боліли!*”; “*Дай же, Боже, щоб і в мене... зуби ніколи не боліли!*”

В обращениях к христианским святым, ангелам, архангелам и т.д. просьба прямая (*потуши*) выражена глаголом 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения: *“Огні, ангели і архангели; і палаєш, і потухаєш; потуши нарожденному, хрещеному, молитвенному рабу Божому Івану бех і бешиху, і пожарну, і пристрітну*”. Упоминание “ангелов и архангелов”, даже без прямого обращения к ним, имело, очевидно, необходимую силу и может считаться скрытой просьбой. В обращениях ко всем святым прямая просьба “*Пречистая Мати Божа і всі святії, станьте мні днесь на помощі...*” выражена глаголом 2-го лица мн. ч. совершенного вида повелительного наклонения и соответствующей интонацией. Скрытая просьба (упоминание святых для усиления действия заговора) представлена в обороте “*Поки вас не знав, від уроків не шептав, а як став знати, то став всіх святих споминати”* (прямое обращение адресовано урокам), а также в заключительной части (“заключке”): “…*і да поможуть мені всі святії хранителі замовляти, заклинати від встеклого собаки!*”, где императивность выражена формой 3-го лица мн. ч. будущего времени изъявительного наклонения глагола совершенного вида с частицей ***да*** в смысле ***хай*** (***пусть***).

В обращениях к воде, очень почитаемой народом как отдельное божество и имеющей даже свое имя (вода Елена), присутствует прямая и скрытая просьба в форме параллелизма: прямая просьба выражена при помощи глагола 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения совершенного вида, стоящего во втором члене параллелизма: “*Очищаєш луги і береги, очисть мене...*”; “*Вмиваєш луги-береги, коріння, біле каміння; умий сего хрещеного...*”; скрытая просьба выражена, очевидно, только интонационно: “*Помагаєш ти, вода явленая, очищаєш ти, вода явленая, і луги, і береги, і середину. Очищаєш ти, вода явленая, нарожденного од прозору...*” А дальше идет не просьба к воде об очищении больного, а прямое обращение к болезни в виде побуждения к действию – приказа, выраженного глаголом 2-го лица мн. ч. совершенного вида повелительного наклонения: “*Підіте, уроки, на сороки, на луги, на очерети...*”

В обращениях к змее частотны просьбы, иногда очень вежливые: “*Будь же ти милосердна, будь милостива: посилай ти три сестри: Марію-Полумарію, Анну-Полуанну, Лукер’ю-Полулукер’ю, нехай виймуть зуб від гадини рябої, від польової, від трав’яної...*”, выраженные интонационными, лексико-семантическими, морфологическими средствами (собственно побудительными формами глагола повелительного наклонения, смягченными постпозитивным употреблением местоимения ***ти***). Вариабельность препозиции и постпозиции местоимения ***ти*** при глаголах позволяет модулировать категоричность просьбы: “*Ти, цариця Веретениця, ти вийди, вигукни, висвисни на своє військо... Закажи ти йому, царице Веретенице, нехай воно так не робить, де не треба, не кусає, зубів своїх не пускає...”* Как известно, отрицательная частица ***не*** придает формам повелительного наклонения глаголов несовершенного вида характер запрета действия или выражает просьбу не действовать (Івченко 1960, с. 395). Такая просьба не действовать, смягченная постпозитивным местоимением ***ти***, встречается в текстах заговоров с имплицитным адресатом, в частности, в тексте – описании встречи и диалога “Діви Марії, матінки Христової” з “двома планітниками, двома пристрітниками, двома планітницями, двома пристрітницями”: “*Не йдіть ви, бо я буду визивати, я буду чесний хрест прикладати...*”

3. **Пожелания**. В единственном обращении к больному (*“…а тобі, мій малий Іване, щоб пристріч більш не упоминавсь*”), в обращениях к месяцу (“*Щоб у мене вік віком і суд судом зуби не боліли*”; “*щоб же зуби не боліли й не щеміли*”) пожелания выражены интонационно (эмоционально-волевая интонация – один из основных признаков повелительного наклонения) и морфологически (глаголом 3-го л. ед. ч и мн. ч. + частица ***щоб***). Пожелания могут выражаться и при помощи инфинитива с частицей ***щоб***: “*Щоб тут тобі червоної крові не спивати, синіх жил не потягати, жовтої кості не ламати!*”

В заговорных текстах широко распространены пожелания в форме сравнения утвердительного или отрицательного (частный случай последнего – форма “невыполнимого условия”), что вполне закономерно, так как сравнение является основным конститутивным признаком заговора в целом. В самом определении этого жанра фольклора, данном А. Потебней, постулируется, что “заговор есть словесное изображение сравнения данного или нарочно произведенного явления с желаемым, имеющее целью произвести это последнее” (Потебня 1877, с. 21). Первоначально заговоры представляли собой двухчленный параллелизм: “…двухчленность заговора <...> лежит и в основании других его форм, лишь по видимому более простых, а в сущности относящихся к первообразной приблизительно так, как опущение субъекта или предиката к двухчленному предложению” (Потебня 1877, с. 22). Причем в первом элементе двучлена приводится факт имеющийся, а во втором – желаемый. В обращениях к болезни представлены преимущественно утвердительные сравнения-пожелания: “*Як пусто я говорю, так пусто з молитвенної, нарожденної Марії волос зійде*”. На основе сравнения построены все заговоры – обращения к месяцу: одно утвердительное (“*Тобі, місяцю, сповні, мені на здоров’я. Тобі, місяцю, насвітитися, мені по світу надивитися, добре находитися!”*) и семь отрицательных: “*Місяцю-князю! Вас три у світі: один на небі, другий на землі, а третій в морі, камінь білий. Як вони всі не можуть докупи зійтися, так не можуть у мене, раба Божого Івана, зуби боліти!..*” и пр. Формула невыполнимого условия встретилась нам в двух текстах: “*Заєць у полі, а риба в морі, місяць на небі: коли будуть три брати вкупі гуляти, то тоді в мене будуть зуби боліти”*. Утвердительные и отрицательные сравнения характерны также для текстов с имплицитным адресатом (заговоры крови, уроков, крикливцев): “*В неділю рано Пречиста Діва плугом небо орала, небо орала, руту сіяла. Рута не зійшла, щоб кров не йшла”; “Як камінь закаменів, так щоб крикливці заніміли!”* и пр. В этой же коммуникативной группе встречается формула невыполнимого условия: “*Місяць у небі, кит-риба в окіяні, дуб на землі. Як оці три брати зійдуться, то тоді у раба Божого Івана зуби будуть боліти”*. Это заговоры зубной боли, опухания. Им характерны структуры типа “*коли... – тоді...”, “як... – то тоді...*” и пр.

Пожелание, выраженное “приемом симпатической антиципации” (представлением желаемого уже свершившимся) присутствует в обращениях к болезни (“*Бешиха бешишище колюча, шпигуча, пекуча, сверблюча, нудюча, вітряна, водяна, кров’яна, пожарна, пристрітна, подумана, погадана, помислена, розійшлась і сему слову амінь!*”), в текстах с имплицитным адресатом – заговорах крови, перелогов, бельма, укуса змеи (“*Іван Богослов, не однослов, море потоптав, рожу посадив; рожа не прийнялась – у нарожденного, хрещеного раба Божого Івана кров уйнялась!”*)

Для выражения пожелания употребляются также формы глаголов 3-го лица настоящего (и будущего) времени изъявительного наклонения + частица ***хай*** (***нехай***): “*Нехай тобі золота корона, а мені щастя й здоров’я*” (пожелание с опущенным предикатом); “*Їхав Юрій на білім коні... веде за собою три хорти: один білий, другий сірий, третій червоний. Білий більмо зближе, сірий сльозу, а червоний кров*” (пожелание с опущенной частицей ***хай***). Иногда для усиления императивности употребляется частица ***же***: “*Нехай же і в хрещеного, рожденного раба Божого Івана не болять!*”; “*щоб же зуби не боліли й не щеміли*” (обращение к архангелу Михаилу) и т.п. В обращении к загадочным – очевидно, языческим – “*відам і видятам, вітерницям і вітерникам, і упирям і упирятам*” пожелание-побуждение выражено описательно: “*Я вас тамо одсилаю, аби улукали кам’яную жену і кам’яную дитину, а рабу Божому Івану дали покой, аби був здоров...*”

В заговорах с описанием незавершенного процесса (“*Йшов Ісус Христос через море”, “Там на горі тури орали”, “Калиновим мостом ішло три сестри”, “Ішла баба чорною дорогою*” и др.) побуждение (в желательной модальности) выражено, очевидно, интонацией. Здесь нет четких выводов и утверждений, что, скажем, кровь уже остановилась, или оформленного пожелания, чтобы это произошло, а только повествование: то-то и то-то происходит, не ограниченное во времени и пространстве (“*На синьому морі, на камені ворон сидить, лапами*

розгрібає, хвостом розмітає, од хрещеного раба Божого Івана всякий пристріт одганяє”). Возможно, такие тексты представляют одну из наидревнейших форм заговоров, где происходит лечение ритмом, под который подбирались подходящие слова. Сюда же можно отнести текст так называемого заговора-абракадабры, в основе которого принцип сведения болезни на нет: “*Був собі чоловік жовна, мав він дев’ять жінок: з дев’ятої – восьму, з восьмої – сьому, <…> з другої – одну, з одної – жодну*”. Императивность этого текста, видимо, также передана интонационно – как и заговора с обращением к “пропасницям”, где основная сила осталась заключенной в обряде и до конца не перешла в слово: “*Добридень, пропасниці! Єсть вас сімдесят сім, а я принесла вам снідання всім!*” Еще А. Пешковский отмечал: “...чем яснее выражено какое-то синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (также вплотную до полного исчезновения)” (Пешковский 1981, с. 306).

4. **Смешанные виды императивности.** Иногда в одном и том же тексте заговора **пожелания** (формы глаголов изъявительного наклонения + побудительные частицы либо утвердительные сравнения) комбинируются с **приказами** (глаголы повелительного наклонения): “*За морем два дуба; давайте побратаємся, давайте посватаємся: у мене син, у вас дочка, – нате вашій дочці крикливці, а моєму нарожденному сину Івану дайте сонливці!”*; *“Волосний волосниче, в тебе син Максим, в мене дочка Марія, будь мені сватом <…> Як пусто я говорю, так пусто з молитвенної, нарожденної Марії волос зійде*” и пр. Так, в текстах с имплицитным адресатом **приказ** “*синові Самсону*” касательно “трясовиц” (*“побіжи, візьми, розпечи, розжени”*) выражен глаголами 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения и совмещен с **пожеланием** относительно действий самих “трясовиц”, выраженным при помощи частицы ***нехай*** (“*нехай вони тіла не труждають, костей не ламають...*”). **Просьба** “трясовиц” к святому Аврааму (*“не бий, не лай і не печи нас, нехай же ми будем кров морити...”*) получает в ответ его **приказ** *“не мучте бідних християн, трясіть купами, очеретами і болотами”*, выраженный глаголами 2-го лица мн. ч. повелительного наклонения. В диалоге Божьей Матери с Иродовыми дочерями **приказ** Аврааму “*візьми ти сих Іродових дочок, зачини їх*” выражен глаголами 2-го лица ед. ч. совершенного вида повелительного наклонения и смягчен постпозитивным употреблением местоимения ***ти***, а **пожелание** касательно Иродовых дочерей выражено при помощи частицы ***щоб*** и соответствующей интонации: “*...щоб вони на світ охрещений не ходили, тіла не в’ялили, серця не сушили, червоної крові не збавляли й жовтої кості не ламали*”.

Выводы

Императивность в украинских народных заговорах выступает в основном в модальных оттенках приказа, просьбы и пожелания; способы ее выражения зависят от коммуникативной направленности текстов. Так, среди текстов с вербальными адресатами для обращений к болезни наиболее характерны приказы, к небесным светилам – пожелания, к христианским силам и антисилам – просьбы, к силам природы и к адресатам имплицитным – и приказы, и пожелания, и просьбы со всеми присущими им оттенками.

Спецификой языкового выражения императивности в украинских народных лечебных заговорах является отсутствие форм сослагательного наклонения для обозначения повелительного наклонения и значительное количество сравнений и параллелизмов. Императивность и ее оттенки передаются интонационно, морфологически, лексико-семантически, синтаксически, а также при помощи особых аналитических конструкций (утвердительные и отрицательные сравнения, формулы невыполнимого условия, прием симпатической антиципации).

Приказ в основном выражен формами 2-го лица ед. и мн. ч. глаголов повелительного наклонения совершенного или несовершенного вида, с препозитивным или постпозитивным употреблением местоимений. Категоричные формы приказа передаются инфинитивами. **Просьба** в заговорах может быть прямой и скрытой. В обращениях к небесным силам и антисилам прямая просьба выражена лексико-семантически, интонационно и

морфологически, в обращениях к воде – через сравнения и параллелизмы; скрытая просьба передается, очевидно, в основном семантически и интонационно. **Пожелание** выражено глагольными формами с модальными частицами ***щоб, аби, нехай*** и интонацией, а также при помощи утвердительного и отрицательного сравнений, формул невыполнимого условия, приема симпатической антиципации (заговоры – обращения к месяцу, тексты имплицитного характера и т.д.).

Лексико-грамматические средства выражения побудительной модальности выступают в сложном взаимодействии с интонационными средствами, причем последние часто являются определяющими (напр., в большой группе имплицитных заговоров, в определенных заговорах – обращениях к болезни, к небесным силам и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

АРУТЮНОВА, Н.Д., 1990. Речевой акт. *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, с. 412 – 413.

БАГМУТ, А.Й., Борисюк, І.В., Олійник, Г.П., Плющ, Н.П., 1977. *Типологія інтонації мовлення.* К.: Наукова думка, 496 с.

БАЦЕВИЧ, Ф.С., 2009. *Основи комунікативної лінгвістики: Підручник.* К.: Академія.

БЕЗПОЯСКО, О.К., Городенська, К.Г., Русанівський, В.М., 1993. *Грамматика української мови: Морфологія: Підручник.* К.: Либідь.

БЛОК, А., 1962. Поэзия заговоров и заклинаний. *Собр. соч. в 8-ми т. Т.5*. М.-Л.: ГИХЛ, с. 36-66.

ВИХОВАНЕЦЬ, І., Городенська, К., 2004. *Теоретична морфологія української мови.* К.: Пульсари.

ГОРПИНИЧ, В.О., 2002. *Українська морфологія: навчальний посібник.* Дніпропетровськ: ДНУ.

ІВЧЕНКО, М.П., 1960. *Сучасна українська літературна мова.* К.: Вид-во Київського університету.

КАГАРОВ, Е.Г., 1981. Словесные элементы обряда. *Из истории русской советской фольклористики.* Л.: Наука, с. 66-76.

МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б., 2000. *Социальная лингвистика. 2-ое изд*. М.: Аспект пресс.

НОВИКОВА, М., 1993. Прасвіт українських замовлянь. *Українські замовляння*. К.: Дніпро, с. 7–29.

ОЖЕГОВА, С.С., 1988. *Композиция и типы севернорусских заговоров*. Этнолингвистика текста: семиотика малых форм фольклора. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Ч. 1, с. 44-47.

ПЕШКОВСКИЙ, А.М., 1981. Интонация и грамматика. *В: Березин, Ф. М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка*. М.: Высшая школа.

ПОТЕБНЯ, А., 1877. *Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія.* Воронежъ: Въ типографіи В.И.Исаева.

СЕЛІВАНОВА, Олена, 2006. *Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія*. Полтава: Довкілля-К.

СУЧАСНА українська літературна мова. За редакцією А.П.Грищенка, 1997. Вид. 2. К.: Вища школа.

УКРАЇНСЬКІ замовляння, 1993. К.: Дніпро.

ЯКОБСОН, Р., 1975. Лингвистика и поэтика. *Структурализм: "за" и "против": Сб. ст*. М.: Прогресс, с. 193 – 230.

Vira Berkovets (Bondarenko)
Taras Shevchenko National University of Kyiv
Research interests: language of sacred genres of folklore, the modern Ukrainian language phonetics, Phonostylistics, Rhythmology.

WAYS OF EXPRESSING IMPERATIVENESS IN UKRAINIAN FOLK HEALING SPELLS

Summary

The article deals with the specifics of the use of modal shades of imperative mood and the ways of its expression in Ukrainian folk healing spells, which are addressed to explicit (verbal) and implicit recipients. Explicit direct recipients of the healing spells are a person (patient) and disease; mediated explicit addressees are the Moon and stars, the Christian forces and anti-forces, the forces of nature; an implicit recipient of Ukrainian folk healing spells is the person (patient).

The folk healing spells are characterized by such variants of the imperative mood, as true motivation and desired motivation. In the analysed texts the imperative mood of healing spells is presented in the shades of modal orders, requests and wishes. Each of these modal groups presents its own peculiar features of expression in different communicative groups. These features of expression are both general linguistic and specific, unique for healing spells as sacred folklore texts.

KEY WORDS: healing spell, imperativeness, recipient, shades of modality, oder, request, wish, means of expression, affirmative/negative comparison, formula of the impossible condition, sympathetic anticipation.

Виктория Григораш
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Французский бульвар 24/26, 65058 Одесса, Украина
Эл. почта: grigorash.viktoriya@mail.ru
Научные интересы: социолингвистика, диалектология

ОСОБЕННОСТИ МЕЛОДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЙОРКШИРСКОГО ДИАЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАДИОИНТЕРВЬЮ)

Актуальность данного исследования обуславливается применением новейших разработок в теории социолингвистической вариативности к изучению интонационных характеристик, которые маркируют речь носителей Йоркширского диалекта. Объектом исследования данной статьи выступают основные единицы речевой мелодики: диапазон, терминальный тон, мелодичная шкала. Материалом исследования послужили радиоинтервью с носителями Йоркширского диалекта, записанные местными радиостанциями BBC. Методом слухового анализа и использования компьютерной программы обработки звукового сигнала Praat выделяются основные характеристики речевой мелодики речи носителей Йоркширского диалекта: узкий мелодический диапазон, доминирование нисходящей, ровной и волнообразной типов шкал, различия в использовании основных типов шкал и терминальных тонов в группах мужчин и женщин. К перспективам дальнейшего исследования можно отнести проведение комплексного электроакустического и спектрального анализов основных акустических коррелятов перцептивных единиц и получение данных, которые позволят сделать детальный социолингвистический анализ речи носителей Йоркширского диалекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интонационные характеристики, речевая мелодика, мелодический диапазон, шкала, терминальный тон.

Несмотря на процессы глобализации, которые способствуют унификации языковых вариантов, сегодня в мире наблюдается укрепление позиций территориальных и социальных диалектов (Назарова 2009, с. 6).

В современную эпоху региональные диалекты не только не исчезают, но и развиваются, в них возникают инновации, многие из которых все шире распространяются в диалектном языке и представляют собой тенденции, которые идут, в основном, в русле общеязыкового развития (Бубенникова 1996, с. 173).

Усиление социальной и территориальной дифференциации привело к появлению большого количества лингвистических исследований, посвященных изучению данной проблемы. Прежде внимание исследователей было приковано к изучению интонации определенных региональных стандартов и диалектов Великобритании: Белфаста (Jarman 1976, Wells 1996), Тайнсайда (Foulkes 1999, Pellowe 1978), Шотландии (Скуланова 1987), Ливерпуля (Knowles 1978), Глазго (Foulkes 1999), Манчестера (Cruttenden 2001), Уэльского английского (Wells 1992). Однако изучению социолингвистических интонационных особенностей Йоркширского диалекта исследователи до сих пор не уделили должного внимания. Существуют лишь некоторые упоминания о быстром темпе речи носителей диалекта в работах П. Райта (Wright 1994) и гортанное произношение, которое создает определенные трудности при имитации его носителями.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения интонационных особенностей, характеризующих речь носителей Йоркширского диалекта.

Объектом исследования данной статьи выступают основные единицы речевой мелодики: диапазон, терминальный тон, мелодичная шкала.

Целью исследования является анализ интонационных особенностей речи носителей Йоркширского диалекта (в частности мелодического компонента) с учетом гендерной

принадлежности интервьюируемых путем проведения слухового анализа и использования компьютерной программы обработки звукового сигнала Praat.

Согласно цели были поставлены следующие **задачи исследования**:

1. Выявить интонационные особенности речи носителей диалекта на уровне слухового анализа, а именно: характер мелодического диапазона, тип мелодической шкалы, тип терминального тона в речи интервьюируемых.

2. Очертить общие и дифференциальные черты интонации речи, учитывая гендерную принадлежность носителей Йоркширского диалекта.

Основным материалом исследования послужили аудиозаписи радиоинтервью с носителями Йоркширского диалекта, записанные местными радиостанциями BBC.

Йоркширский диалект – северный диалект Англии, который уходит своими истоками в 5 век до н.э., когда территорию Йоркшира захватили кельтские племена Британов и Паризов. Он представляет собой самобытный образец грамматики, орфографии, лексики. Зарождение двух основных диалектов в пределах Йоркширского диалекта: диалекта Западного Райдинга (к которому принадлежит речь жителей Запада и Юга Йоркшира) и диалекта Северо-Восточного Райдинга – непосредственно связано с историческими событиями, которые происходили на территории современного Йоркшира. Негомогенность Йоркширского диалекта подтверждает тот факт, что Йоркширский диалект включает большое количество городских и сельских диалектов. Так, например, жители Йоркшира с легкостью могут отличить жителя Бредфорда от жителя Лидса (Bryson 1991, с. 92). Учитывая этот факт, уместным будет анализ речи жителей, представляющих все регионы его существования.

Общее количество речевых реализаций в материале нашего исследования составили 8 образцов региональной речи: 4 мужчин и 4 женщины, проживающих в населенных пунктах графства Йоркшир: Ampleforth, Hawes (Северный Йоркшир), Wakefield, Dewsbury (Западный Йоркшир), Sheffield (Южный Йоркшир), Hull, Wold Newton (Восточный Йоркшир). Среди интервьюируемых встречаем следующие профессии: фермер, консультант по безопасности, врач-терапевт, журналист, волонтер, директор маслозавода, директор паба, торговец. Информанты отвечали на вопросы, касающиеся их трудовых будней, семейных взаимоотношений и быта, социальных событий, воспоминаний детства. Выбор именно этих тем обуславливался необходимостью создать непринужденную атмосферу и вызвать максимально спонтанную речь, которую интервьюируемые используют в повседневной жизни. Длительность звучания аудиоматериала составила 48 минут.

Основной единицей анализа нашего исследования является синтагма, под которой понимается «интонационно оформленное смысловое единство» (Антипова 1979, с. 26).

Результаты проведенного слухового анализа свидетельствуют о вариативности некоторых интонационных характеристик речи носителей Йоркширского диалекта, которая проявляется в таких параметрах: диапазон синтагмы, частотность употребления основных шкал и терминальных тонов.

К одному из дистинктивних признаков социолингвистической вариативности речи относим диапазон синтагмы. Общейоркширской тенденцией следует считать очень узкий диапазон синтагмы, хотя у женщин он шире, чем у мужчин.

Анализ частотности употребления основных шкал детально отражает характер мелодических изменений в предтерминальной части контура (см. табл.1).

Таблица 1Частотность употребления основных шкал

Регион	Основные шкалы, %											
	Нисходящая		Ровная		Скандент-ная		Скользящая		Волнооб-разная		Восходящая	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Северный Йоркшир	37	18	30	59	3	5	5	7	10	7	15	4

Восточный Йоркшир	40	42	28	24	2	–	5	2	5	14	20	18
Западный Йоркшир	20	32	43	12	–	2	8	36	21	6	8	12
Южный Йоркшир	48	48,5	28	40,5	1	1	3	2	2	2	18	6

Группы: м – мужчины; ж – женщины.

Проведенное исследование выявило общую тенденцию произношения характерную для Йоркшира: в мелодическом контуре речи носителей Йоркширского диалекта превалируют нисходящие шкалы, что считается общеанглийской интонационной характеристикой, и ровные шкалы, представляющие интонационную особенность региональных типов произношения.

Характерной особенностью Йоркширской речи является рекурентность ровных шкал, которые относятся к группе нейтрально окрашенных шкал. Доминирующее положение по частотности употребления занимает речь женщины из Северного Йоркшира (59% ровных шкал).

Речь жителей Южного Йоркшира характеризуется частотным использованием нисходящих шкал (к которым мы относим падающую шкалу и нисходящую шкалу с нарушенной постепенностью): 48% в речи мужчин и 48,5% в речи женщин. К региональной особенности можно отнести относительную частотность волнообразных шкал: 21% в речи мужчин из Западного Йоркшира, 14% в речи женщин из Восточного Йоркшира.

Количество эмоционально окрашенных шкал, зафиксированных в речи интервьюируемых, значительно меньше. В процентном отношении прослеживается следующее: по количеству восходящих шкал доминирует речь представителей из Восточного Йоркшира (20% в речи мужчин и 18% в речи женщин) и мужчин из Южного Йоркшира (18%). Частота употребления скандентных шкал варьируется от 1% до 5%. Эта шкала вовсе не представлена в речи женщин из Восточного Йоркшира и мужчин из Западного Йоркшира. Высокая рекурентность скользящей шкалы в речи женщины-журналистки из Западного Йоркшира (36%) свидетельствует об экспрессивности говорящего.

Одним из характерных параметров идентификации речи носителей Йоркширского диалекта является частота и номенклатура терминальных тонов (см. табл. 2).

Таблица 2Частотность употребления терминальных тонов

Регион	Основные терминальные тоны, %									
	Н(\ )		В(/)		Р(–)		НВ(\/)		ВН(/\ )	
	ч	ж	ч	ж	ч	ж	ч	ж	ч	ж
Северный Йоркшир	41	29	12	10	24	25	5	19	18	17
Восточный Йоркшир	35	26	29	20	21	28	5	11	10	15
Западный Йоркшир	21	57	13	5	31	6	18	20	17	12
Южный Йоркшир	35	46	25	14	9	32	9	2	12	6

Группы: м – мужчины; ж – женщины.
Терминальные тоны: Н – нисходящий; В – восходящий; Р – ровный; НВ – нисходяще-восходящий; ВН – восходяще-нисходящий.

Йоркширский диалект выделяется по номенклатуре терминальных тонов, среди которых наиболее частотным является нисходящий (46% в речи женщин из Южного Йоркшира и 57% в речи женщин из Западного Йоркшира), что объясняется отсутствием ярко выраженной эмоциональной окраски речи информантов.

Наиболее отчетливо контраст по частотности нисходящего терминального тона представлен в речи говорящих из Западного Йоркшира (мужчины – 21%, женщины – 57%). Для Западного Йоркшира характерной также является частотность употребления сложного нисходяще-восходящего тона (18% в речи мужчин и 20% в речи женщин).

Речь жителей Восточного Йоркшира отличается рекурентностью вместе с нисходящими тонами (35% в речи мужчин и 26% в речи женщин), восходящих (29% в речи мужчин и 20% в речи женщин) и ровных (мужчины – 21%, женщины – 28%), что примерно в 2 раза превышает процент, характерный для разговорной речи RP – Received Pronunciation (восходящие терминальные тоны – 13,36% и ровные – 11,63%). К общейоркширской особенности следует отнести высокий процент использования сложных восходяще-нисходящих терминальных тонов. Наибольший процент прослеживается в речи представителей из Северного Йоркшира (мужчины – 18%, женщины – 17%).

Проведенный слуховой анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Женщины характеризуются более широким мелодическим диапазоном практически во всех регионах Йоркшира.

2. В целом номенклатура шкал и терминальных тонов в Йоркширском диалекте совпадает со шкалами характерными для RP.

3. Для Йоркшира характерно доминирование нисходящей и ровной типов шкал; рекуррентной, в отличие от RP, является волнообразная шкала.

На основе сравнения частотности использования основных шкал делаем вывод, что ровные, скользящие и скандентные шкалы женщины используют чаще мужчин, в то время как базовые типы шкал (нисходящие и восходящие) чаще используют мужчины. Полученные данные свидетельствуют о большей эмоциональности и экспрессивности женской речи.

4. Женщины используют больше нисходящих, ровных и нисходяще-восходящих терминальных тонов по сравнению с мужчинами, в то время как восходящие и восходяще-нисходящие тона доминируют в речи мужчин по сравнению с женщинами.

К перспективам дальнейшего исследования можно отнести проведение комплексного электроакустического и спектрального анализов основных акустических коррелятов перцептивных единиц и получение данных, которые позволят сделать детальный социолингвистический анализ речи носителей Йоркширского диалекта.

ЛИТЕРАТУРА

АНТИПОВА, А. М., 1979. *Система речевой интонации.* Москва: Высшая школа.

БУБЕННИКОВА, О. А., 1996. *Актуальные проблемы исторической морфологии диалектов английского языка.* Москва: МАЛП.

НАЗАРОВА, А. О., 2009. *Вариативность интонационного оформления регионально-маркированного текста (экспериментально-фонетическое исследование на материале территориальных диалектов американского варианта английского языка). Автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки»*. Иваново: Ивановский государственный университет.

СКУЛАНОВА, Г. М., 1987. *Региональная вариативность интонации (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка в Шотландии). Автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки».* Москва: издательство МГЛУ.

BRYSON, B., 1991. *Mother Tongue.* London: Penguin Books.

CRUTTENDEN, A., 2001. Mancunian Intonation and Intonational Representation. *Phonetica 58.* Basel: S. Karger AG, p. 53 – 80.

FOULKES, P.; DOCHERTY, G. J., 1999. *Urban Voices.* London: E. Arnold.

JARMAN, E.; CRUTTENDEN, A., 1976. Belfast Intonation and the Myth of the Fall. *Journal of the International Phonetic Association 6.* Cambridge: JIPA, p. 4–12.

KNOWLES, G., 1978. The Nature of Phonological Variables in Scouse. *Sociolinguistic Patterns in British English.* Ed. P. Trudgill. London: E. Arnold, p. 80–90.

PELLOWE, J.; JONES, V., 1978. On Intonational Variability in Tyneside Speech. *Sociolinguistic Patterns in British English.* London: E.Arnold, p. 101–121.

WELLS, J.C., 1982. *Accents of English. Volume 2: The British Isles.* London: Cambridge University Press.

WELLS, B., 1996. Ending up in Ulster: Prosody and Turn-taking in English Dialects. *Prosody in Conversation: Interactional Studies*. CUP, p. 101–130.
WRIGHT, P., 1994. *Yorkshire's Yammer.* Skipton: Dalesman Publishing, .

Viktoriia Grygorash
Odessa I.I.Mechnikov National University, Ukraine
Research interests*:* sociolinguistics, dialectology

MELODIC PECULIARITIES OF YORKSHIRE DIALECT SPEECH

Summary

The relevance of this study is stipulated by the applying of the latest achievements in the theory of sociolinguistic variation to the study of the intonation characteristics that mark the Yorkshire dialect speech. The object of the study is the basic units of the speech melody: pitch range, melodic scale and nuclear tone. The radio interviews, recorded by the local radio BBC stations, were chosen as the material for the research. The data received from the auditory analysis and usage of a special computer program Praat emphasize the main melodic peculiarities of the Yorkshire dialect speech: narrow melodic range in almost all the regions of Yorkshire, the predominance of the descending, level and undulating scales in the Yorkshire dialect speech, difference in the usage of the main scales and nuclear tones in male and female groups of speakers. Carrying out the complex acoustic and spectral analyses of the main acoustic correlates of the perceptual units and obtaining the data that will make it possible to make a detailed sociolinguistic analysis of the Yorkshire dialect speech are the main prospects of the further research.

KEY WORDS: intonational characteristics, melodic peculiarities, pitch range, melodic scale, nuclear tone.

Каптюг Ирина Владимировна
ГНУ «Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси»
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь
Эл. почта: ikaptug@mail.ru
Научные интересы: синтаксис, история языка, прагмалингвистика, социолингвистика

ОБРАЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен обзор литературы по теме исследования. Анализируются функции обращения в предложении, а именно: номинативная, эмотивная, функция характеристики, установления контакта, поддержания контакта, завершения контакта. Уточняется синтаксический статус обращения. Определяется место обращения в высказывании, на примерах показывается, что в зависимости от цели высказывания, логического выделения, интонационного оформления и функций устанавливается более-менее определенное место обращения в предложении. Рассматриваются особенности употребления слов различных лексико-семантических групп в роли обращения, например, регулятивов, с помощью которых адресант выражает отношение к собеседнику, и антропонимов. Прослеживается зависимость выбора адресантом обращения от экстралингвистических факторов. Сделан вывод о том, что при выборе обращения адресантом проявляется национальная специфика белорусского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропоним, обращение, обращения-регулятивы, позиция обращения в предложении, синтаксическая связь, способы выражения обращения, функции обращения, экстралингвистические факторы.

В последнее время в современном языкознании возрастает интерес к коммуникативному синтаксису, прагматической лингвистике, социолингвистике. К этой проблематике относится и изучение обращения, которое выполняет значительную роль в организации коммуникативной структуры предложения.

Обзор литературы показывает, что языковедов интересуют синтаксические свойства обращения, а также современные подходы к изучению данной лингвистической единицы. Так, в отношении синтаксического статуса обращения существует несколько основных подходов: одни исследователи считают, что оно грамматически не связано с предложением (А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Т.П. Бондаренко и др.), другие, наоборот, придерживаются взгляда, что обращение без связи с предложением не используется и только здесь находит свое выражение (А.Г. Руднев, А.М. Мухин, Л.И. Шаповалова, В.Е. Гольдин, Л.И. Бурак и др.); третьи придают обращению статус номинативного предложения (В.П. Проничев) или самостоятельного высказывания (Г.В. Рыбаков, Е.П. Бейлина).

В современных исследованиях преобладает прагматический подход при оценке высказывания. Л.А. Киселева, Н.И. Формановская, Л.А. Грачева, Т.В. Нестерова и другие лингвисты определяют прагматику как комплекс средств, направленных на определенное воздействие. Прагматический подход предусматривает осознанный выбор тех или иных речевых единиц в процессе беседы, поэтому адресант в каждой конкретной ситуации выбирает необходимое обращение для воздействия на собеседника. Однако говорящий может не использовать обращение из-за незнания имени адресата или из-за сильного волнения во время разговора, или по другим причинам. Отсутствие обращения в речи должно расцениваться как следствие прагматического подхода одного из участников коммуникации или как прием подачи материала автором.

Многие лингвисты (Х.Р. Аитова, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская, Т.Н. Савчук, И.Э. Савко, В.П. Савко и др.) исследуют этикетные формулы обращения. В зависимости от коммуникативной ситуации этикетные формулы обращения к собеседнику выражают приветствие, прощание, извинение, сожаление, просьбу, благодарность, пожелание, поздравление и т.д. Вместе с обращением собеседники могут употреблять несколько формул

вежливости, что позволяет совместить в одном сообщении несколько значений одновременно, например: приветствие и поздравление, прощание и пожелание, поздравление и благодарность, благодарность и пожелание, поздравление и извинение и т.д. Таким образом, каждая ситуация вежливого общения обслуживается группой формул, которые создают синонимические ряды, что дает возможность выбора той или иной единицы в каждом конкретном случае взаимоотношений между собеседниками.

В социолингвистическом аспекте изучают обращение Т.В. Нестерова, Н.И. Формановская, М.О. Чичина и другие исследователи. Как известно, каждый человек в обществе выполняет множество социальных ролей. Поэтому выбор обращения адресантом зависит от роли, которую собеседник выполняет в данный момент разговора, а также от таких экстралингвистических факторов, как пол, возраст, образованность, место жительства, степень знакомства коммуникантов, обстоятельства разговора и т.д.

Следует отметить, что в белорусском языкознании изучение обращения не получило глубокого теоретического и практического осмысления. Оно рассматривалось только в академической “Граматыцы беларускай мовы, т. 2” (Мн., 1966), в энциклопедиях, в учебной литературе и в отдельных статьях. Поэтому сегодня требуют уточнения и рассмотрения следующие аспекты изучения обращения: функции обращения, его место в высказывании, способы выражения, роль в этикетных формулах, зависимость выбора обращения от экстралингвистических факторов. Некоторые из перечисленных вопросов будут рассмотрены в данной статье.

Материалом для данного исследования послужили обращения, выбранные из прозаических, поэтических и драматических произведений белорусских писателей: Якуба Коласа, Янки Купалы, Максима Богдановича, Кузьмы Чорного, Владимира Короткевича, Ивана Мележа, Янки Брыля, Ивана Шамякина, Василя Быкова, Максима Танка, Нила Гилевича и др. Анализ обращения на материале произведений художественной литературы обусловлен тем, что писатели через речь персонажей отражают характерные, наиболее типичные особенности современного белорусского языка.

В работе мы придерживаемся следующих положений:

1. Обращением следует называть слово или словосочетание, которое обозначает адресата речи. Адресатом речи является человек, живое существо, предмет, явление природы, абстрактное понятие.

2. Обращение связано с предложением смысловой и соотносительной связью, которая проявляется в грамматической соотносительности обращения с глаголом-сказуемым в форме числа, а также с подлежащим-местоимением в формах числа и падежа. В некоторых случаях устанавливается грамматическая соотносительность обращения со сказуемым в форме рода.

Функции обращения. Обращение в предложении выполняет следующие функции: номинативную, эмотивную, функцию характеристики, установления контакта, поддержания контакта, завершения контакта.

Обращению свойственна номинативная функция, так как оно называет адресата речи. Адресатом чаще выступает человек, одушевленное существо, предмет: – ***Мама**, дай я табе буду памагаць…* (А. Васілевіч. Пачакай, затрымайся…). *Няма, **ваўчок**, табе збавення!* (Я. Колас. Новая зямля). *Касі, **каса**, пакуль раса* (Г. Бураўкін. Касец у скверы). Обращение может называть явления и объекты природы, времена года и отрезки времени, абстрактные понятия. Такие обращения зафиксированы в основном в поэтических произведениях, где писатель передает читателю чувство восхищения окружающей средой, обращает внимание на красоту родной природы. Такие обращения легки для запоминания, они придают художественному произведению образность, выразительность, отличительность, яркость: *Ой ты, **мае сонца**, як жа свеціш ясна!* (Я. Купала. Сонцу). *Не забуду, **незабудка**, я блакіт тваіх пялесткаў…* (В. Савуціна. Незабудка). *Пастой, **мароз**, пастой хваліцца…* (Я. Колас. Новая зямля). *У даль вядуць мяне сляды да вас, **дзіцячыя гады*** (М. Багдановіч. Вераніка). *Як ты дорага мне, **мая родная мова!*** (Н. Гілевіч. Родная мова). *Дай, **Айчына**, мне адну магчымасць – быць з табою побач. Да канца* (М. Пракаповіч. Спроба першай малітвы).

Обращению свойственна функция характеристики, так как при коммуникативном акте адресант неизбежно выражает личное отношение к собеседнику, дает ему положительную или отрицательную характеристику: – *Сама ж ты,* ***золатца****, казала мне не раз…* (Я. Купала. Паўлінка). – ***Малайчына****, умееш трымаць слова гонару…* (В. Быкаў. На чорных лядах). *А матылек ужо не б'ецца: табе ахвяра ен,* ***краса!*** (М. Багдановіч. Свяча бліскучая зіяе…). – *Лявей, лявей бяры ты,* ***ахламон!*** (В. Быкаў. Жоўты пясочак). – *Чалавекам зробім,* ***дурань!*** (І. Шамякін. Вазьму твой боль).

Значение обращений, которые реализуют функцию характеристики, может быть контекстуально обусловленным. Так, в роли обращения при адресации человеку выступают существительные, которые обозначают названия птиц, животных, растений, предметов, абстрактных понятий: *Скажы ж ты,* ***галубок****, – звярнуўся Лабановіч да аднаго хлопчыка…* (Я. Колас. На ростанях). – *Хоць маму ўважыў бы,* ***таўкач!..*** (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). – *Хітрыш,* ***стары пень****! Ужо я цябе ведаю* (В. Быкаў. Апошні шанц). – ***Радасць мая****! Прышлі мне грошы, каб я выехала* (І. Шамякін. Крывінка). – *І даўно ўжо трэ было гэтак сказаць,* ***мая ты кветачка майская*** (Я. Купала. Паўлінка).

Значительную роль при характеристике собеседника выполняют обращения с суффиксами субъективной оценки. Уменьшительно-ласкательные формы показывают на проявление симпатии, доброжелательности к адресату: *Прыедзь,* ***Сцяпаначка****, улетку…* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). *Жыві,* ***карміцелька-зямліца****! Радзі! Пладзі! Святкуй жніво!* (Тамсама). *Ен* [Адольф Быкоўскі] *сам мне,* ***каханенькая, родненькая****, хваліўся, што яго гаспадарка ў сто раз лепшая…* (Я. Купала. Паўлінка). – *Ідзіце,* ***свацейка****, тудэма-сюдэма, не зважайце на мяне* (Тамсама). Существительные с суффиксами **-яг-** и **-юг-** в роли обращения характеризуются разговорностью, фамильярностью, придают отрицательную характеристику адресату: – *Ах ты,* ***зладзюга, каняга няшчасны****! Што нарабіў бабе!* (В. Быкаў. На сцяжыне жыцця). – *Я вас злаўлю,* ***бандзюгі!*** (І. Шамякін. Крывінка).

Обращению свойственна эмотивная функция, так как при разговоре собеседники выражают эмоции и чувства друг к другу или высказывают отношение к воспринятому сообщению. В большинстве случаев проявляется положительное отношение говорящего к адресату через обращение, которым выражаются эмоции радости, восторга, умиления, одобрения, похвалы, благодарности, сочувствия, извинения, удивления, ласки, нежности, доброжелательности: ***Мой родны кут****, як ты мне мілы!.. Забыць цябе не маю сілы!* (Я. Колас. Новая зямля). – *Маладзец,* ***Ганька!*** (А. Васілевіч. Пачакай, затрымайся…). – *Не,* ***Іванка****, мне няможна, – была шчырасць і ласка ў яе голасе* (В. Адамчык. Аржаны колас). – *Добры ў цябе,* ***Андрэевіч****, адказны сакратар* (У. Рубанаў. Насустрач твайму сэрцу). – *Дзякую,* ***Анна Іванаўна*** (І. Мележ. Адна). – ***Даніла Платонавіч****, вам нядобра?* (І. Шамякін. Крыніцы).

Обращением могут выражаться и отрицательные эмоции: упрек, раздражение, досада, враждебность, злость, возмущение, гнев, ярость, ненависть и т.д. Наиболее ярко они проявляются в состоянии сильного эмоционального возбуждения собеседников. Существование неприятных коммуникативных ситуаций можно объяснить плохим настроением собеседников, взаимным недовольством и другими причинами: – *Нічога ты,* ***Павал, браце****, не варт…* (К. Чорны. Па дарозе). – *Хіба так можна? Эх,* ***ты!..*** (В. Быкаў. На сцяжыне жыцця). – *Чаму ты не скончыў мой партрэт,* ***гультай****?* (П. Васючэнка. Пясочны гадзіннік). – *За што,* ***Коля****? Ты грошы прынес?* (І. Шамякін. Палеская мадонна). – *Паагрызайцеся мне,* ***паганкі****…* (А. Васілевіч. Пачакай, затрымайся…).

Обращение выполняет функцию установления контакта с адресатом. Действительно, чтобы вызвать собеседника на разговор и успешно наладить с ним отношения, желательно употребить такое обращение, которое расположит к себе: – *Добры дзень,* ***Іван Пятровіч*** (І. Шамякін. Палеская мадонна). – *Выбачайце,* ***цетачка****, што так часта назаляюся вам, але…* (Я. Купала. Тутэйшыя). *Ды бацька раптам на мяне: – А ну,* ***сынок****, за плуг вазьміся, глядзі, трымай яго мацней!* (У. Гетманчук. Першы ранак).

Обращение необходимо не только для установления контакта с адресатом, но и для поддержания контакта с ним. Чтобы поддерживать внимание собеседника к предмету

разговора, говорящий в процессе беседы периодически обращается к адресату, называя его по имени или по иным отличительным характеристикам: – *Не,* ***Настачка****: я ж хачу дабра табе!* (Я. Колас. Адукацыя). – ***Мамка****, ці ты ўсе чула? Ну, як па-твойму: добры сон ці не?* (Я. Купала. Раскіданае гняздо). – *Ну во,* ***братка****, як яно ўсе атрымалася…* (В. Быкаў. На чорных лядах).

Для обращения характерна и функция завершения контакта. Завершение разговора обычно происходит в ситуации прощания. Собеседники стремятся быть вежливыми друг с другом, остаться в хороших взаимоотношениях, чтобы приятно было встретиться в следующий раз: – *Добрай ночы,* ***Даніла Платонавіч****…* (І. Шамякін. Крыніцы). – *Глядзі ж,* ***дзеткі****, слухай усіх, памагай цетцы* (А. Васілевіч. Пачакай, затрымайся…). – *Ты,* ***сыночак****, будзеш з дзедам, хату пасцеражэш* (І. Мележ. Людзі на балоце). – *Бывай,* ***Леня****. І не пераживай* (В. Быкаў. Дарога дадому).

Место обращения в высказывании. Обращение не имеет постоянного места в предложении, оно может находиться в начале, середине или конце предложения, а также выноситься за его границы. Однако в ряде случаев в зависимости от цели высказывания, логического выделения, интонационного оформления и функций обращения устанавливается более-менее определенное его место в предложении. В начале предложения обращение обычно ставится тогда, когда выражает призыв, приказ, побуждение к действию, просьбу, эмоции, чувства. В этом случае оно имеет преимущественно неразвитую структуру и логически более выделяется, чем другие слова в предложении: – ***Маханькоў****, перадай па ланцугу фляжку* (В. Быкаў. Ранак-світанак). – ***Сцяпан Якубавіч****, хачу я табе бяду сваю адкрыць* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). ***Каханая****, ты ўсім сусветам правіш…* (В. Вітка. Жыта). В эмоционально насыщенных высказываниях обращение выносится за пределы предложения: – ***Мамка****! Я толькі хачу гэта няшчасце на шчасце змяніць* (Я. Купала. Раскіданае гняздо). – ***Насця****! Ну, гэта ж глупства, непаразуменне* (Я. Колас. Адукацыя). – ***Ганька****!* ***Ганька****! Хадзем на Фотаву яму!* (А. Васілевіч. Пачакай, затрымайся…).

Обращения, находящиеся в середине предложения, логически не выделяются. Они произносятся более ускоренно и с пониженной интонацией. К ним относятся регулятивы и обращения со значением оценки, характеристики: – *Ты,* ***бабка****, не думай таго: не адна ты знахарка* (Я. Колас. На ростанях). – *Дык вось ты,* ***голубе****, дзе!..* (Я. Брыль. Хвалі і сосны). – *Я хацеў бы,* ***золатца****, сур'езна з табой пагаварыць* (Я. Купала. Паўлінка).

В вопросительных и восклицательных предложениях обращение стоит преимущественно в конце предложения и на него падает логическое ударение: *Дзе вы,* ***лясоў, палеў цвяты****? Вас холад загубіў!* (М. Багдановіч. Дзе вы, лясоў, палеў цвяты?..). *Што ж гэта робіцца,* ***братцы****?* (В. Зуенак. Рэкі дзяцінства…). *Добрай ночы,* ***зара-зараніца****!* (М. Багдановіч. Добрай ночы, зара-зараніца…).

Обращения-регулятивы. Регулятивы – слова, которые утратили свое первичное значение при употреблении в переносном смысле. С их помощью адресат выражает свое отношение к собеседнику. К ним относятся существительные *брат, браток, братка, браце, братцы, маці, мама, бабуля, бабка, дзед, дзядуля, сынок, дачушка, дзеткі, дзядзька, дзядзечка, цетка, цетачка, кум, кума, друг, дружа, дружок, голубе, таварыш, грамадзянін* и др. Регулятивы употребляются как при обращении к незнакомому человеку, так и в процессе разговора между хорошо знакомыми людьми: *Як даўно,* ***брат****, не бачыліся мы з табой!* (М. Танк. Як даўно). – *Ды ты,* ***брат Ганка****, не смуціся!* (Я. Колас. Новая зямля). *Старая жанчына з сухімі вачыма сказала: "Заходзьце, пагрэйцеся,* ***дзеткі****"* (Н. Гілевіч. І там, на Гарыні...). – *А дзе ж,* ***голубе****, след гэтай дзічы? – запытаў дзед Талаш* (Я. Колас. Дрыгва). – *Паслухай жа,* ***друг неадступны****, як зваць цябе? – Смутак…* (М. Танк. Сярод спадарожнікаў розных).

При функционировании во внесемейной сфере (при обращении к неродственнику) термины родства теряют свое первичное значение и становятся регулятивами, которые выражают характер отношений между собеседниками, тон разговора, обычно доброжелательный, дружеский: *А хлеба хоць трохі не знойдзецца,* ***маці****?* (Н. Гілевіч. І там, на

Гарыні...). ***Цетка**, а Сакаўшчына далека? – запытаўся Азевіч, як кабета трохі прыціхла ад свайго плачу* (В. Быкаў. Сцюжа). – *На начлег да вас, **бабуля**, можна?* (М. Танк. Ну і цемень). – *Напэўна гэта ты мне памагла, **бабка**, – сказаў настаўнік, усміхнуўшыся* (Я. Колас. На ростанях). – *Ты, можа, чуў, **сынок**, пра канец свету? – Адкуль вы ўзялі гэта, цетка Альжбета?* (М. Танк. Пра канец свету).

Белорусскому языку свойственно употребление звательного падежа существительного в роли обращения: – *Мудра ты пытаеш, **хлопча**, – проста слухаць мне дзіўно!* (Я. Колас. Сымон-музыка). *Нізка голаў схіляю, **юнача**, перад вечным глаголам тваім* (У. Караткевіч. Багдановічу). *...Потым, калі зусім параўняліся,* [мужчына] *гукае: – **Кабето**!* (Я. Брыль. Ніжнія Байдуны). – ***Дзядзечко**, хадзем к нам!* (І. Мележ. Людзі на балоце). – ***Антоне Глебавічу**, які сэнс у нарысах, што на поўдні?* (У. Караткевіч. Чорны замак Альшанскі).

Обращения-антропонимы. Наименее разработанным в белорусском языкознании остается вопрос об употреблении антропонимов в функции обращения. Сейчас официально принятой является система называния лица, которая состоит из трех частей: личное имя + отчество + фамилия: – ***Андрэй Аляксандравіч Красоўскі**, гэта вас!* (С. Бартохава. Поле бітвы). – *Так-с, **Павел Іванавіч Дроб**... Што з вамі?* (У. Рубанаў. Насустрач твайму сэрцу).

Личное имя употребляется как в официальной обстановке, так и в повседневном общении: – *Ты не прападзеш, **Алесь**, – паддаў яму духу Лабановіч* (Я. Колас. На ростанях). – *Слухай, **Люба**, мяне ў весцы не вельмі пытаюць?* (К. Чорны. Люба Лук'янская). – *Вярніся, вярніся, **Андрэй**, – не ўнімалася жонка* (Я. Колас. Малады дубок). В белорусском языке широко распространена уменьшительно-ласкательная форма личного имени в функции обращения. Эта форма более экспрессивно выражает отношение к адресату, чем исходная. Антропонимы с суффиксами субъективной оценки показывают на теплое, искреннее, нежное отношение к собеседнику: – *Даруй, **Сашок**, ціха папрасіў ен* [Пятро] *прабачэння* (І. Шамякін. Трывожнае шчасце). – *Мы ж не ў школе, **Антоша*** (В. Быкаў. Пайсці і не вярнуцца). – *Ой, **Гануля**, кеб ты знала!..* (І. Мележ. Людзі на балоце). – *І ты, **Анюта**, ідзі таксама! – дазваляе Ганька* (А. Васілевіч. Расці, Ганька). – *Ладна, **Грышачка**, ідзі на ложак, там пагуляеш...* (В. Быкаў. У тумане).

В русском языке употребление личного имени с суффиксом **-к-** в функции обращения показывает на грубоватую тональность общения, имеет отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску (Формановская 1987, с. 98). В белорусском языке такое обращение стилистически нейтрально или даже показывает на чувство близости и расположения к адресату: – *Ды ты ж, **Нінка**, глядзі ўжо* (А. Васілевіч. Расці, Ганька). – *Хлеба няма, **Шурка*** (І. Шамякін. Трывожнае шчасце). – ***Ленька**, завяжаш там, на месцы, – крычала яму некалькі галасоў* (К. Чорны. Люба Лук'янская). – ***Колька**, **Колька**, хвілінку!* (В. Быкаў. Дарога дадому).

В белорусском языке довольно часто обращение выражается сочетанием имени и отчества. Такое называние лица показывает на официальные отношения и наиболее принято при деловой беседе (например, с начальством) или в разговоре с малознакомыми людьми: – *Так, **Вольга Віктараўна**, пахваліцца сваею школаю вы не можаце* (Я. Колас. На ростанях). – ***Іван Антонавіч**! Памагайце мне, калі ласка, сачыць за парадкам!* (Я. Брыль. Абы на здароўе). – ***Сцяпан Якубавіч**, ну як вам на ўлонні роднага кутка?..* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). – *Гэта вам, **Надзея Раманаўна**... Можа, паставіце дзе... успамінаць будзеце...* (У. Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха). – ***Іван Карнеевіч**, ешце, калі ласка* (І. Шамякін. Вазьму твой боль).

Отличительной особенностью белорусов является обращение к людям зрелого возраста при помощи сочетания нарицательных существительных *дзядзька, цетка* и личного имени: *Крычаць* [жанчыны] *старому, што сядзіць з вудай на тым баку: – **Дзядзька Сцяпан**, цякай – брод пераходзіць будзем!* (Я. Брыль. Абы на здароўе). *Хлопчык пазнаў Амельку і загаварыў быстра, глытаючы словы: – А я бягу, гляджу – здаецца, не тата. Ажно ж гэта вы, **дзядзька Амелька*** (К. Чорны. На беразе). *У гэты час адчыніліся дзверы, і прыбіральшчыца Ганка, санлівая, леная дзяўчына, прамовіла: – **Цетка Фрузына**, вас*

Петрачэнкаў клічуць (В. Быкаў. На сцяжыне жыцця). *Ну,* ***цетка Тэкля****… вам зяця ў хату я дастаў!* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). Г.Н. Моложай отмечает, что раньше и “цяпер, асабліва ў весцы, так звяртаюцца дзеці і малодшыя да старэйшых у бытавых абставінах” (Малажай 1994, с. 221).

Употребление отчества в функции обращения распространено при разговоре с друзьями, коллегами, хорошо знакомыми людьми. Такое обращение показывает на неофициальный тон беседы и на некоторую фамильярность отношений между собеседниками: – ***Францаўна****, пагляньце: па-мойму, пара – на падбор!* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). – *А як у нас з палівам сення,* ***Пятровіч****?* (В. Быкаў. Круты бераг ракі). – *Ты знаеш,* ***Аляксеевіч****, я ў сельскай гаспадарцы не бяльмэ* (А. Жук. Паляванне на апошняга жураўля). – ***Васільевіч****, пачакай!* (Я. Брыль. З розных гадоў).

Иногда в роли обращения выступает фамилия человека. Это происходит при коротком разговоре, быстрой смене событий, приказе сделать что-нибудь, при обращении начальника к подчиненному, учителя к ученику и в других ситуациях. Тогда обращение выражает приказ, побуждение к действию, вопрос или ответ на него: *Ці быў хоць дзень адзін,* ***Вячорка****, а ці была хоць ноч адна, каб у самотнасці агорклай цябе не ўспомніла яна?* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці). – *Ну вось,* ***Сінцоў****, табе першае пасляваеннае заданне…* (В. Быкаў. На ўсходзе сонца). – *Скажы мне,* ***Сізоненка****, хто вінаваты, што растуць вось такія?* (І. Шамякін. Сэрца на далоні). – *Ну і спіце ж вы,* ***Засмужац!*** (І. Мележ. У завіруху). *Яна* [настаўніца] *падалася да мяне: – Ну добра,* ***Мечык****, – збянтэжылася і залілася чырванню* (В. Адамчык. Урок арыфметыкі).

Изредка в функции обращения встречается сочетание антропонимов “имя + фамилия”, которое показывает на официальный тон разговора: – ***Кірыла Пракаповіч****, я да вас па заданню* (Я. Брыль. З розных гадоў). – *Прабачце, я без цырымоній,* ***Андрэй Свеціловіч*** (У. Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха).

В качестве обращения может употребляться кличка человека – неофициальное имя с интимно-ласкательным или насмешливым оттенком. Употребление клички свидетельствует о близком знакомстве коммуникантов и показывает на неофициальную обстановку общения между ними: – *А ведаеш,* ***Лабанок****, – таемна прамовіў Турсевіч…* (Я. Колас. На ростанях). – *Давай пісьмо,* ***Жучыла!*** (А. Васілевіч. Пачакай, затрымайся…). – *Раскажы,* ***Калач*** (І. Шамякін. Палеская мадонна). – *Здароў,* ***Мазоль****. Я рад вас бачыць у добрым здароўі* (Я. Брыль. Птушкі і гнезды).

Из проанализированного материала следует, что при обращении к собеседнику употребляются различные антропонимы (личное имя, отчество, имя и отчество, фамилия, имя и фамилия, кличка) в зависимости от ситуации общения: обстановка официальная или неофициальная, собеседники хорошо знакомы или мало знакомы. Употребление в разговоре определенного антропонима характеризует и самого адресанта.

Наблюдения над материалом исследования дают основания сделать следующие выводы:

1. На современном этапе развития лингвистической науки обращение анализируется в лексико-синтаксическом, прагматическом, этикетном, социолингвистическом аспектах.
2. Обращение в предложении выполняет следующие функции: номинативную, эмотивную, функцию характеристики, установления контакта, поддержания контакта, завершения контакта. Преобладающими являются номинативная функция и функция характеристики.
3. Обращение не имеет постоянного места в предложении, оно может находиться в начале, середине или конце предложения, а также выноситься за его границы. В ряде случаев в зависимости от цели высказывания, логического выделения, интонационного оформления и функций обращения устанавливается более-менее определенное его место в предложении.

4. В белорусском языке в роли обращения употребляются регулятивы, с помощью которых адресант выражает отношение к собеседнику.
5. При обращении к собеседнику употребляются различные варианты антропонима в зависимости от ситуации общения.
6. В употреблении обращения проявляется национальная специфика белорусского языка. Это видно по употреблению звательного падежа существительного в роли обращения, сочетания “дзядзька, цетка + личное имя” к людям зрелого возраста, а также по употреблению в роли обращения личного имени с суффиксом **-к-**, которое не имеет эмоционально-экспрессивного оттенка (в отличие от русского языка).

ЛИТЕРАТУРА

АИТОВА, Х.Р., 2003. *Речевые этикетные формулы обращения к собеседнику. (На материале рус. и англ. яз.).* Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т.

БАНДАРЭНКА, Т.П., 1983. Стылістычная функцыя зваротка ў паэтычнай мове Янкі Купалы. *Беларуская лінгвістыка*. Мн.: Навука і тэхніка. Вып. 24, с. 49-54.

БЕЙЛИНА, Е.П., 1975. *Синтаксические конструкции и семантико-грамматические свойства обращений*. Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Алма-Ата: Казахский гос. ун-т им. С.М. Кирова.

БУРАК, Л.І., 1994. Зваротак у беларускіх жніўных песнях. *Веснік БДУ. Сер. IV. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія*. № 3, с. 28-33.

ГОЛЬДИН, В.Е., 1987. *Обращение: теоретические проблемы*. Под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.

ГРАМАТЫКА БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ, 1966. У 2 т. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; Рэд. К.К. Атраховіч, Г.М. Булахаў, П.П. Шуба. Мн.: Навука і тэхніка, 1962-1966. Т. 2. Сінтаксіс.

ГРАЧЕВА, Л.А., 2001. Прагматическая направленность номинации-обращения “артикль+имя” во французском языке. *Языковое разнообразие как фактор межкультурного взаимопонимания и демократической стабильности: Материалы Междунар. науч. конф., 4-5 дек. 2001 г.:* В 2 ч. Мн.: МГЛУ.

КИСЕЛЕВА, Л.А., 1979. *Проблемы исследования русского языка как средства воздействия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01*. Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова.

МАЛАЖАЙ, Г.М., 1994. Зваротак. *Беларуская мова: Энцыклапедыя.* Мн.: БелЭН. С. 220-221.

МУХИН, А.М., 1968. *Структура предложений и их модели*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние.

НЕСТЕРОВА, Т.В., 1999. *Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01*. М.: Гос. ун-т рус. яз. им. А.С. Пушкина.

ПЕШКОВСКИЙ, А.М., 1956. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: Учпедгиз.

ПРОНИЧЕВ, В.П., 1971. *Синтаксис обращения: На материале русского и сербохорватского языков.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

РУДНЕВ, А.Г., 1959. *Синтаксис осложненного предложения.* М.: Учпедгиз.

РЫБАКОВ, Г.В., 1982. Коммуникативный статус обращения в повествовательном, вопросительном и побудительном предложениях (на материале французского языка). *Семантико-синтаксическая организация словосочетания и предложения в современном французком языке: Межвуз. сб. науч. трудов*. Горький: ГГПИ, с. 95-102.

САВЧУК, Т.Н., 1996. *Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.01*. Мн.: Бел. гос. ун-т.

САЎКО, І.Э., САЎКО, У.П., 1998. Калі ласка! Дзякуй! Добры дзень!: Да вывучэння тэмы “Маўленчы этыкет”. *Роднае слова.* № 7, с. 83-89.

ФОРМАНОВСКАЯ, Н.И., 1987. *Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты*. М.: Русский язык.

ЧИЧИНА, М.О., 1995. *Сопоставительный анализ антропонимов-обращений в русском и испанском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20*. М.: Рос. ун-т дружбы народов.

ШАПОВАЛОВА, Л.И., 1979. *Формы и функции обращения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01*. Мн.: БГУ им. В.И. Ленина.

ШАХМАТОВ, А.А., 1941. *Синтаксис русского языка.* Л.: Учпедгиз.

Kaptiug Irina Vladimirovna
The Yakub Kolas and Yanka Kupala Institute of Language and Literature of NAS of Belarus
Scientific interests: syntax, the history of language, pragmalinguistics, sociolinguistics.

ADDRESS IN MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

Summary

The article presents the review of literature on the topic of the research. The functions of address in a sentence are analyzed, namely the nominative and emotive functions, function of characteristics, establishing contact, maintaining contact and completing contact. The syntactic status of address is specified. The position of address in the utterance is determined, the examples show that more or less definite place of address in a sentence is set depending on the purpose of statement, logical selection, intonation and functions. Peculiarities of use of words of different lexical-semantic groups in the role of address are considered; for example, the use of regulatives, which help to express a relation of the addresser to the interlocutor, and anthroponyms. The dependence of the choice of address by the addressee on extralinguistic factors is observed. It is concluded that the choice of address by the addressee shows national identity of the Belarusian language.

KEY WORDS: address, syntactical bond, personal name, position of address in a sentence, means of expression of address, functions of address, terms of relationship, extralinguistic factors.

Юлия Купчишина
Житомирский государственный университет имени Ивана Франко
ул. Большая Бердичевская 40, 10008 ,Житомир, Украина
E-mail: uliakup@gala.net
Научные интересы: лингвистика текста, стилистика, когнитивная лингвистика и поэтика

К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОСТРАНЕНИЯ И ВЫДВИЖЕНИЯ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются концепции остранения и выдвижения в структуре художественного текста. Остранение трактуется как универсальный стилистический прием, система нетрадиционных художественных средств, который используется автором с целью актуализации внимания и эмоций к изображаемому явлению. Функция остранения заключается в реализации двойственной природы метафорических образов, благодаря которой привычные объекты могут представать в новом свете. Выдвижение квалифицируется как концепция, развитая из остранения. Проводятся примеры использования остранения на материале малой прозы В. Вулф.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: остранение, выдвижение, концепция, формализм, диахронический аспект.

Главной чертой, делающей русский формализм уникальным явлением в истории гуманитарной мысли, была внутренняя потребность его представителей превращать литературу из объекта описания в предмет собственного творчества. Не случайно, что именно «остранение» оказывается первой ассоциацией, приходящей в сознание современного гуманитария при упоминании «русского формализма». Формальная школа впервые поставила вопрос о месте эстетической функции среди других функций языка (Заика 2006, с. 36). В изучении поэтического языка, художественной речи был намечен далее успешно развиваемый подход, комбинирующий взаимоотношения между содержательным аспектом произведения и использованными в нем художественными приемами.

При рассмотрении произведения искусства представители русской формальной школы заменили традиционную оппозицию содержание / форма на более продуктивную оппозицию материал / прием (Заика 2006, с. 18). Формалисты, и В. Б. Шкловский в частности, утверждают антропологическую функцию искусства. Искусство существует для того, чтобы дать миру возможность открыться человеческому взгляду; искусство и есть взгляд, остраняющий/открывающий мир для человека, делающий этот мир видимым: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание» (Шкловский 1983, с. 64). Остранение – это способ увидеть привычную вещь как странную, прежде не знакомую, новую, и таким образом вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, «сделать камень каменным» (Шкловский 1983, с. 9). Остранение, которое, с точки зрения Шкловского, заключается в постоянном обновлении восприятия, есть представление непредставимого, представление эффектов того, что не имеет границ, то есть становления как такового (Шкловский 1983). Функция остранения заключается в реализации двойственной природы метафорических образов, благодаря которой привычные объекты и явления могут представать в новом свете (Сингаевская А. В., Купчишина Ю. А. 2012, с. 160).

Важнейшим признаком материала представители ОПОЯЗа (Общество изучения поэтического языка) считали автоматизм его восприятия. Автоматизм отчасти определяется стремлением к сохранению энергии. Это положение согласуется с известным к тому времени в лингвистике автоматизмом речевой деятельности, понимаемым как существенное условие языковых изменений. Многократность восприятия вещи ведет к тому, что она уже не рассматривается во всей полноте признаков, а узнается: «Вещи, воспринятые несколько раз, начинают восприниматься узнаванием: вещь находится перед

нами, мы знаем об этом, но ее не видим. Поэтому мы ничего не можем сказать о ней» (Шкловский 1983, с. 15).

Кроме частотного контекста термина, об остранении говорят как о методе («произведение написано методом остранения»), о принципе создания произведения («принцип изображения мира художником»), о принципе его изучения («аналитический принцип исследователя»). Применительно к теории лингвистики термин остранение употребляют в узком значении, обозначая конкретный стилистический прием (Шкловский 1983, с. 46). В наиболее широком понимании остранение – «инвариант языковой образности» (Новикова 1999, с. 40). Уточняя объект остранения, нужно отметить, что в статьях В. Б. Шкловского употребление термина весьма разнообразно: Толстой «остраняет понятие сечения», вещи «остранены лошадиным восприятием». В работах иных исследователей сочетаемость термина существенно расширяется (Новикова 1999, Воробьева 2004, Заика 2006). Остраняется в соответствии с первичным употреблением изображаемое: *вещь*, *действие*, *процесс*, *мир*, *действительность*. Кроме того, часто объектом остранения являются *смысл*, *понятие*, *значение*, *слово* (языковые штампы и поговорки), *мифы*. Остранение употребляется и по отношению к понятиям исследовательским: остраняется *образ, сюжет, хронотоп, трагедийность*.

Понятие остранения использовалось и до сих пор используется в теории литературы как один из композиционных приемов (Новикова 1999, с. 38). Однако такая интерпретация представляется слишком узкой, не охватывающей всех сторон литературно-словесногообраза. В статье нас интересует диахронический аспект изучения концепций остранения и выдвижения, а также проблема их дифференциации. Замеченное многими представителями различных литературно-критических школ расхождение между концепциями остранения и выдвижения было предметом многочисленных дискуссий и получило очень разные истолкования и названия.

Я. Мукаржовский рассматривал актуализацию как основной процесс, которому подвергается слово обиходной речи для того, чтобы стать элементом поэтической речи, «самовитым» словом (Мукаржовский 1975, с. 170). Точка зрения пражской лингвистической школы была довольно подробно изложена Л. Долежелом. При трактовке этого явления, которое чехи назвали терминами «актуализация» и «выдвижение», Л. Долежел исходит из того, что в поэтическом языке внимание должно направляться на сам языковой факт, который таким образом актуализируется, в отличие от языка коммуникативного, форма которого автоматизирована, а внимание направлено на содержание, передающее внеязыковую реальность (Арнольд 1974). Л. Долежел подчеркивает, что в поэтическом языке следует ожидать не только актуализации. Напротив, в нем обязательно имеется и автоматизация, и обе эти тенденции находятся в состоянии напряженного, как он говорит, равновесия. Эти две противостоящие друг другу силы создают динамическую структуру. Они немыслимы друг без друга, ибо автоматизированные (традиционные) элементы создают фон для выдвижения. В своих работах представители этого направления разрабатывают критерии и методы оценки степени маркированности стиля текстов автора по сравнению с «нейтральными», каноническими вариантами (Van Peer 1986).

Связь остранения с понятием «выдвижение» (foregrounding) показывают Ф. Хакемюлдер и В. Ван Пир. Они говорят о выдвижении как концепции, развившейся из остранения, и выделяют в выдвижении два основных приема: отклонение (deviation) и параллелизм (Van Peer 1986, p. 196). П. Гарвин тоже называет это явление foregrounding, т. е. «выдвижение на первый план» (Garvin 1964). Изменился не только термин, но и его содержание. Теперь выдвижение стали связывать не только с отдельными словами, но и с приемами организации текста, которые способствуют максимальной концентрации читательского внимания на тех или иных его участках, участках повышенной информативности (Garvin 1964, p. 32).

Таким образом, выдвижение, как и остранение, рассматривается, с одной стороны, как отход от общепринятых норм, а с другой, как внедрение в текст привлекающих

внимание параллельных конструкций. Подчеркивается значение выдвижения для усиления выразительности художественных текстов. При этом конкретные языковые средства выдвижения отождествляются по большей части с традиционными тропами. В этой же статье упоминается ряд терминов, часто ассоциируемых с остранением – *estrangement, defamiliarization, deautomatization, alienation* (англ.) и *Verfremdung* (нем.) – причем авторы подчеркивают, что все эти наименования до конца не определены и могут, как выражать разные понятия, так и быть обычными синонимами (Van Peer 1986).

Выдвижение не означает нарушения правил языковой системы, но нарушает привычную языковую норму. Так, метафоры представляют необычное, редкое сочетание слов, инверсия предполагает необычный порядок слов. Противопоставление нормы и отклонения от нормы стало ключевым для различных стилистических теорий. Поколениями ученых поддерживалось представление о том, что художественный (поэтический) язык отличается от языка обыденного своим стремлением к нарушению принятых в последнем норм. Вместе с тем, само понятие «норма» является весьма трудноопределимым, в связи, с чем понятие «отклонение от нормы» представляется еще более нечетким и неоднозначным, что послужило основанием для неоднократно высказывавшихся в адрес «теории нарушения» критических замечаний (Риффатер 1980, с. 70). Л. Милик называет тем же термином «выдвижение» близкое, но не идентичное явление, более узкое понятие, которое также лежит в основе стилистической функции и которое Р. Якобсон назвал «обманутым ожиданием» (Якобсон 1975, с. 193).

Как выяснилось, выдвижение на первый план в качестве основного признака языка художественной литературы какой-либо одной черты («остранение привычного» в концепции русского формализма, «установка на выражение как таковое» в концепции пражской лингвистической школы и Р. Якобсона) является признаком экспрессивной стилистики. Сюда относятся все те языковые ресурсы, которые получили название выразительные средства и стилистические приемы; то, что И. В. Арнольд называет «принципами выдвижения», объединяя взгляды предшествующих работ С. Левина, М. Риффатера и Р. Якобсона: «Под выдвижением в дальнейшем понимаются способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» (Арнольд 2002, с. 99). В качестве одной из функций выдвижения она называет экспрессивность: «Под экспрессивностью мы понимаем такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным» (Арнольд 1999, с. 100). К основным типам выдвижения И. В. Арнольд относит конвергенцию, эффект обманутого ожидания, сцепление.

Нагромождение однонаправленных стилистических средств приводит к тому, что при восприятии между ними возникает своего рода резонанс: они усиливают друг друга и навязывают читателю определенное впечатление, нагнетают эмоцию. В английской стилистике такое скопление средств словесной изобразительности называют конвергенцией; последняя определяется как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» (Арнольд 2002, с. 92). По мнению И. В. Арнольд, конвергенции выделяют наиболее важное в тексте, обеспечивая восприятие этой информации читателем, благодаря избыточности выражения: «Взаимодействуя, стилистические приемы оттеняют, высвечивают друг друга, и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным» (Арнольд 2002, с. 92).

Таким образом, конвергенция позволяет выйти за рамки узуальных языковых значений, частично преодолеть линейность речи, высказать одновременно многое, отразить в слове глубоко индивидуальный взгляд на вещи, индивидуальное мироощущение, воздействуя при этом не только и не столько на рациональное мышление, сколько на воображение читателя, заставляя его прочувствовать и пережить формулируемое таким образом художественное содержание.

Итак, обзор литературы показал, что однозначного определения остранения не существует. Большинство исследователей в области литературоведения и лингвистики подходят к отстранению как к некоторому принципу подачи информации, который определяется через его цель: представить явления окружающей действительности в необычном свете, в том числе за счет нетривиального использования языковых средств. При таком подходе трудно провести границу между принципом остранения и принципом поэтического языка вообще, а сам термин может рассматриваться как один из синонимов выдвижения, отклонения, аномалии. Среди изучаемых способов реализации остранения встречаются явления, уже описанные лингвистикой. Однако связь остранения и выдвижения не была ранее объектом детального лингвистического изучения. Мы не отождествляем эти два понятия, хотя согласимся с трактовкой Ф. Хакемюлдера и В. Ван Пира о выдвижении как концепции, развившейся из остранения.

Остранение трактуется нами как универсальный стилистический прием, система нетрадиционных, необычных художественных средств, который используется автором с целью актуализации внимания и эмоций читателя к изображаемому сюжету или явлению. В этом функции остранения и выдвижения совпадают, поскольку они усиливают выразительность, экспрессивность художественных текстов.

Основной признак объекта, который является причиной применения остранения (выдвижения), – автоматизм восприятия. Все, что воспринимается автоматично и в результате этого автоматизма что-то теряет, требует остранения. Диапазон действия автоматизма весьма широк. Понятие остранения можно приложить ко всему, восприятие чего может автоматизироваться, то есть в равной мере и к предметам жизни, и к предметам искусства, и к языку.

Типом объекта остранения является остранение повествующего субъекта. Такая художественная модель характеризуется специфическим ракурсом, обеспечивающим в самом общем смысле видение вещи (ракурс ребенка, постороннего, животного и пр.). Собственно, этот тип является наиболее экспрессивным и генерализующим остранением. Как уже говорилось, наиболее универсальной в механизме остранения является категория точки зрения. Своим остраненным взглядом повествующий субъект по своему дискретизирует ситуацию, выводит вещь из контекста, отделяет ее от цельной ситуации или выделяет определенную деталь вещи, что приводит к «искривлению пространства».

Прием остранения используется в творчестве британской писательницы В. Вулф. В своих произведениях она находит новые художественные приемы создания образов героев, характеров, ситуаций. Стремясь передать настроение, мышление, восприятие, В. Вулф использует, прежде всего, нелогические, адресованные чувственному восприятию художественные средства (Жуковская 2008), концептуальное остранение (Воробьева 2004). В новелле «The String Quartet» остраняются чувства главной героини: покой, печаль, радость; а тревога воспринимается как призрак, который «рвет» страсть из сердца:

«The boat sinks. Rising, the figures ascend, but now leaf thin, tapering to a dusky wraith, which, fiery tipped, draws its twofold passion from my heart. For me it sings, unseals my sorrow, thaws compassion, floods with love the sunless world, nor, ceasing, abates its tenderness but deftly, subtly, weaves in and out until in this pattern, this consummation, the cleft ones unify; soar, sob, sink to rest, sorrow and joy».

Новелла «Haunted House», как ясно уже из названия, предлагает часто используемое готические клише – дом, посещаемый призраками, и жажда его обитателей найти таинственное сокровище. Однако в новелле В. Вулф переформулировала традиционный контекст: ее привидения не связаны с ужасом и страхом, а наполнены ностальгией и воспоминаниями о счастливом прошлом. Они — своеобразное связующее звено между прежней и настоящей жизнью дома. Духи изображаются как утешающие посланники, приносящие остраненные ценности из прошлого, такие, как верность, преданность, сила духа, чувство истории, любовь: *«treasure is the light in the heart», «death is the glass death was between us, coming to the woman first, hundreds of years ago, leaving the house, sealing all the*

windows; the rooms were darkened», «buried treasure is love».

В новелле «The Lady in the Looking–Glass: A Reflection» В. Вулф использует семиотику зеркала как способ организации новеллы в единую кольцевую композицию. Изображаемые предметы описываются не как существующие сами по себе, а как пропущенные через творческое воспринимающее сознание, которое, как зеркало, отражает впечатление. Благодаря этому создается двойственная художественная условность:

«The room that afternoon was full of such shy creatures, lights and shadows, curtains blowing, petals falling — things that never happen, so it seems, if someone is looking. The quiet old country room with its rugs and stone chimney pieces, its sunken book-cases and red and gold lacquer cabinets, was full of such nocturnal creatures. They came pirouetting across the floor, stepping delicately with high-lifted feet and spread tails and pecking allusive beaks as if they had been cranes or flocks of elegant flamingoes whose pink was faded, or peacocks whose trains were veiled with silver».

Проиллюстрируем остраненные метафорические преобразования фрагментами богатого на образность рассказа В. Вулф «The Mark on the Wall»: *«Why, if one wants to compare life to anything, one must liken it to being blown through the Tube at fifty miles an hour-landing at the other end without a single hairpin in one's hair! Shot out at the feet of God entirely naked! Tumbling head over heels in the asphodel meadows like brown paper parcels pitched down a shoot in the post office!»*

В данном примере образ жизни переосмысливается через его сопоставление со скоростной пересылкой отправлений по пневматической почте. Концептуальная метафора ЖИЗНЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ расширяется благодаря тому, что концептосферы насыщаются дополнительными составляющими – скорость *(being blown through the Tube at fifty miles an hour)*, способ коммуникации, что не без юмора описывается как передача пакетов по почте *(like brown paper parcels pitched down a shoot in the post office)*, чье прибытие означает "конец жизни", СМЕРТЬ это КОНЕЦ путешествия (DEATH is the END of the journey).

В следующем примере мы сталкиваемся с противопоставлением жизни и смерти: *"But after life. The slow pulling down of thick green stalks so that the cup of the flower, as it turns over, deluges one with purple and red light"*. Смерть и жизнь после смерти остраняются в повествование нетрадиционным способом. Речь идет о том, что смерть, вместо того, чтобы разрушать, дает выход свежей энергии, новой жизни, по сравнению с базовой метафорой LIFE is LIGHT. В двух примерах, которые приводятся ниже, базовые концептуальные метафоры подвержены новому истолкованию:

«But as for that mark, I'm not sure about it; I don't believe it was made by a nail after all; it's too big, too round, for that. I might get up, but if I got up and looked at it, ten to one I shouldn't be able to say for certain; because once a thing's done, no one ever knows how it happened. No, no, nothing is proved, nothing is known. And if I were to get up at this very moment and ascertain that the mark on the wall is really - What shall we say? - the head of a gigantic old nail, What should I gain, - Knowledge? Matter for further speculation? I can think sitting still as well as standing up. And what is knowledge?».

В этих фрагментах рассказа В. Вулф под сомнение ставится одна из наиболее известных концептуальных метафор ЗНАНИЕ – ВИДЕНИЕ. Метафора сначала выступает как обратная – ВИДЕНИЕ это ЗНАНИЕ, а затем оспаривается – ВИДЕНИЕ не (всегда) есть ЗНАНИЕ. Отсюда и вопрос: «Верно мы осмысливаем, что есть знание?»

В прозе В. Вулф порождаются художественные смыслы, которые играют важную роль в формировании неповторимого художественного дискурса писательницы. Она выступает не только как художественный преобразователь знаний, но также как предвестник, чьи художественные образы во многом определили вектор развития науки современности (Воробьева 2004).

В ходе исследования мы выделили концептуальный аспект остранения. В нем видят ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-языкового мировоззрения, но и его универсального образа, поэтому изучение концептуального аспекта

является перспективным направлением для дальнейших лингвистических студий. В целом, выдвижение трактуется как концепция, развившееся из остранения, основанного В. Б. Шкловским. Остранение в новеллах В. Вулф реализуется через выдвижение, в частности через авторскую концептуальную метафору, авторское видение абстрактных понятий.

ЛИТЕРАТУРА

АРНОЛЬД, И. В., 1974. *Стилистика декодирования. Курс лекций.* Ленинград: ЛГПИ им. А. И. Герцена.

АРНОЛЬД, И. В., 1999. *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей.* Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.

АРНОЛЬД, И. В., 2002. *Стилистика современного английского языка: Учебник для вузов*. Москва: Флинта.

ВОРОБЬЕВА, О. П., 2004. Вирджиния Вульф в аспекте языковой личности: когнитивный етюд. *In: Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы Первой междунар. науч. конф. Т. II.* Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 50–55.

ЖУКОВСКАЯ, О. И., 2008. Первые литературные опыты Вирджинии Вулф. *In: Вестник НовГУ. Серия: История. Филология.* – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, № 47. 71–74.

ЗАИКА, В. И., 2006. *Очерки по теории художественной речи*: *Монография*. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого.

МУКАРЖОВСКИЙ, Я., 1975. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве. *In: Структурализм: "за" и "против": Сб. статей*. Москва: Прогресс, 164–192.

НОВИКОВА, М. Л., 1999. Остраннение как языковая структура текстового поля. *In: Филологические науки. Вып. 5–6*, 37–44.

РИФФАТЕР, М., 1980. Критерии стилистического анализа. *In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика.* Москва: Прогресс, 69–95.

СИНГАЕВСКАЯ, А. В., КУПЧИШИНА, Ю. А., 2012. Оригинальная метафора как способ реализации остранения. *In: Вестник ЖГУ им. Ивана Франко. Вып. 62.* Житомир: Изд-во ЖГУ им. Ивана Франко, 15–62.

ШКЛОВСКИЙ, В. Б., 1983. *О теории прозы*. Москва: Советский писатель.

ЯКОБСОН, Р. О., 1975. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон. *In: Структурализм: "за" и "против"*: *Сб. статей*. Москва: Прогресс, 93–230.

GARVIN, P., 1964. *A Prague School reader on esthetics, literary structure and style*. Washigton DC: University Press.

VAN PEER, W., 1986. *Stylistics and Psychology: Investigations of Foregrounding*. London: Croom Helm.

Julia Kupchyshyna
Zhytomyr Ivan Franko State University

THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION, DEFAMILIARIZATION, AND FOREGROUNDING: DIACHRONIC ASPECT

Summary

The paper deals with the concepts of defamiliarization and foregrounding in the structure of a literary text. Defamiliarization is treated as a universal stylistic device, a system of non-traditional expressive language means, which is used by the author in order to intensify the attention and emotions of the reader. The reader is required to reinterpret defamiliarized objects in nonprototypical ways, or even to relocate them in a new perspective that must be created during reading. The function of defamiliarization is to implement the dual nature of metaphors, with the help of which familiar objects can perform new meanings. Foregrounding is a way to create the most powerful aesthetic structure in the text. Foregrounding is established as the mechanism by which defamiliarization takes place. Foregrounding is particularly prevalent in literary texts, and might be the key feature of the poetic style. The author provides examples of defamiliarization in short stories by Virginia Woolf.

KEY WORDS: defamiliarization, foregrounding, concept, formalism, diachronic aspect.

Попова Марина
Московский педагогический государственный университет
М. Пироговская ул., д.1. Москва, Россия
Эл. почта: mustang299@mail.ru
Научные интересы: фонетика, дериватология, морфонология.

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ СЛОВ В ЗВУКОВОЙ ФОРМЕ СУФФИКСА

Статья посвящена проблеме корреляции плана содержания и плана выражения. Автор показывает, что категориальные различия имени и глагола, связанные с различием функций этих частей речи – номинативной у имени и предикативной у глагола, отражаются на звуковой форме суффиксального словообразовательного форманта. В статье сопоставляется консонантно-вокалическая структура и фонемный состав словообразовательных суффиксов имени существительного, имени прилагательного и глагола.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словообразовательная структура, суффикс, консонантно-вокалическая структура, инвентарь фонем.

Несмотря на общепризнанность определения слова как единства звучания и значения, означающего и означаемого, проблема взаимоотношения формы и содержания остаётся одной из наиболее сложных и актуальных методологических проблем лингвистики. Мнение В. фон Гумбольдта, что «существует очевидная связь между звуком и значением, но характер этой связи редко удаётся описать достаточно полно» (Гумбольдт 1984, с. 54), и идея Л. В. Щербы о необходимости «изучать формы параллельно с их значениями» (Щерба 1974, с. 93) разделяются далеко не всеми лингвистами (см. работы В. М. Солнцева, Р. А. Будагова, В. З. Панфилова и др.). Однако полная автономность звуковой формы (плана выражения) практически невозможна хотя бы потому, что функция единиц низшего уровня языка заключается в том, чтобы служить материалом для построения единиц более высоких уровней, а значит, между элементами разных ярусов языка существуют непосредственные и опосредованные связи. «Единство и целостность языка как системы обеспечивается конститутивными отношениями между единицами разных уровней и тесной корреляцией между планом содержания и планом выражения при ведущей роли первого» (Зубкова 2010, с. 487).

Говоря о корреляции звуковой формы слова и плана содержания, мы имеем в виду не индивидуальное лексическое значение слова, а его категориальные значения разной степени обобщённости, свойственные целым классам слов, и прежде всего – категориальные значения частей речи.

Связь звучания слова с его частеречной семантикой привлекает особое внимание лингвистов. Различия в структуре именных и глагольных корней, в количестве и характере альтернационных рядов, возникающих при словоизменении имени существительного и глагола, Отмечали ещё Н. С. Трубецкой и В. В. Виноградов. Н. С. Трубецкой связывал фонетические различия корней существительного и глагола с различиями морфологическими и семантическими: во-первых, глагольные корни часто принимают префиксы и оказываются в середине слова, «то есть в наименее определённой в звуковом отношении части словесного целого»; во-вторых, «глагольные корни и с семантической точки зрения менее определённы, чем именные» (Трубецкой 1987, с. 137).

Необходимость учёта принадлежности к той или иной части речи при анализе отношений между звучанием и значением слова подчёркивается в работе Л. Г. Зубковой «Части речи в фонетическом и морфонологическом освещении». Автор отмечает, что необходимость выражения отношений признака к предметам и явлениям действительности приводит к тому, что «среди языков с развитой морфологией преобладают языки с более

развитой глагольной морфологией» (Зубкова 1984, с. 9), а потому в глаголе служебные морфемы имеют большую смысловую нагрузку, что ведёт к уменьшению синтаксической самостоятельности корня.

Имена и глагол различаются также с точки зрения морфонологической организации словоизменительных парадигм. «Отличаясь большей сложностью в плане содержания, глагол превосходит имя и по числу альтернационных рядов, и по их длине. Усложняется и распределение рядов по грамматическим формам, в связи с чем в глаголе выделяется большее число альтернационных парадигм» (Зубкова 1984, с.9). Е. С. Кубрякова и Ю. Г. Панкрац в «Морфологии в описании языков» отмечают, например, для исландского языка у существительных 16 парадигм, у глагола – 35 парадигм; длина ряда у существительных не превышает трёх фонем, у глагола может доходить до семи. В русском языке Л. Г. Зубковой выделены следующие морфонологические различия при словоизменении имени существительного и глагола: число альтернационных рядов; число членов в ряду; функциональная нагрузка альтернантов в различении форм; количество и качетсов альтернантов. Существительные уступают глаголу по всем указанным аспектам, что связано с выполнением глаголом предикативной функции, предполагающей сложность грамматического значения и необходимость многообразия языковых средств для его выражения. Таким образом, в современной русистике разрабатывается идея о морфонологических различиях словоизменительной структуры имени существительного и глагола.

Мы попытались проследить, отражается ли и если отражается, то как именно, различие имени и глагола в словообразовательной структуре, а именно – в звуковой форме суффиксального форманта. Фонемный состав и структура словообразовательных суффиксов устанавливался на основе данных «Словаря морфем» (составители А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова) и «Русской грамматики» (М., 1980); каждый алломорф анализировался отдельно.

Суффиксальные системы разных частей речи различаются прежде всего количеством словообразовательных суффиксов: 294 суффикса входит в суффиксальную систему имени существительного, 93 – в систему имени прилагательного, 28 – глагола. Богатство суффиксальной системы имени существительного связано с его номинативной функцией, с необходимостью называть новые предметы. Кроме того, называя то или иное явление действительности, мы часто выражаем и своё отношение к нему, что также требует наличия определённых языковых средств. Предметный мир гораздо богаче фиксируемых в языке отношений между предметами, что объясняет малочисленность словообразовательных суффиксов глагола.

В суффиксальных системах знаменательных частей речи можно выделить ядро и периферию. И у имени, и у глагола в ядро можно включить двух- и трёхфонемные суффиксы: они составляют 35,7% и 30,7% суффиксов имени существительного, 32,3% и 33,3% суффиксов имени прилагательного, 23,5% и 23,5% суффиксов глагола. (Двухфонемные суффиксы высокочастотны и у наречий – 44,3%.) Таким образом, протяжённость в две или три фонемы можно считать оптимальной для выражения деривационного значения. Данные о протяжённости словообразовательных суффиксов различных частей речи представлены в таблице 1.

Таблица 1. Протяжённость словообразовательных суффиксов

	1-фо-немн.	2-фо немн.	3-фо немн.	4-фо немн.	5-фо немн.	6-фо немн.	7-фо немн.	8-фо немн.	9-фо немн.
Имя сущ.	7,1%	35,1%	30,7%	18,7%	7,5%	1,04%	-	-	-
Имя прил.	8,6%	32,3%	33,3%	14%	8,6%	3,2%	-	-	-
Глагол	17,6%	23,5%	23,5%	5,9%	11,8%	5,9%	5,9%	-	5,9%

Из таблицы видно, что различия суффиксальных систем имени и глагола касаются одно- и многофонемных суффиксов: у глагола однофонемные суффиксы (*-а-* , *-е-, -и-*) занимают промежуточное положение между ядром и периферией, а четырёхфонемные (например, *нича-, -вова-*) находятся на периферии. У имён ситуация прямо противоположная: однофонемные суффиксы (например, суффиксы существительных *-к-, -в-, -j-, -с-*; суффиксы прилагательных *-н-, -л-, -к'-, -в-*) низкочастотны, особенно в суффиксальной системе существительного, четырёхфонемные (например, суффиксы существительных *-енец-,-итель-*, *-онок-, -ушек-*, суффиксы прилагательных *-овск-, -оват-, -тельн-*) – среднечастотны. Кроме того, среди однофонемных суффиксов имён преобладают непродуктивные и нерегулярные суффиксы: *алч-б-а, кряк-в-а, би-т-а, мы-л-о*; *жив-ой, край-н-ий, свет-л-ый*. Таким образом, обусловленная номинативной функцией сложность деривационного значения производного имени, наличие в этом значении смысловых обертонов требуют для своего выражения морфемы, протяжённость которой позволяет создавать различные фонемные комбинации, допускаемые фонетическими законами языка.

Словообразовательные суффиксы разных частей речи различаются с точки зрения консонантно-вокалической структуры. Как известно, основа глагола имеет тенденцию оканчиваться на гласную фонему, основа имени – на согласную. Эти различия чётко отражены в структуре словообразовательного суффикса (см. таблицу 2): все суффиксы имён имеют структуру с конечной согласной фонемой (C, VC, VCC и т. п.), все суффиксы глагола характеризуются конечной гласной фонемой (V, CV, VCV и т. п.)

Таблица 2. Структура словообразовательных суффиксов

	C	V	VC	CC	CV	VCC	CVC	CCC	VCV
Имя сущ.	100%	-	88,8%	11,2%	-	57,1%	41,8%	1,1%	-
Имя прил.	100%	-	75,9%	24,1%	-	83,3%	16,7%	-	-
Глагол	-	100%	-	-	100%	-	-	-	100%

	VCVC	CCVC	CVCC	VCCC	CVCV
Имя сущ.	82,3%	8,2%	4,9%	1,6%	-
Имя прил.	46,2%	-	38,5%	15,4%	-
Глагол	-	-	-	-	100%

	VCCVC	VCVCC	CVCVC	VCCCC	CVCCC	CCCVC	VCVCV
Имя сущ.	67,7%	6,45%	6,45%	6,45%	6,45%	6,45%	-
Имя прил.	12,5%	87,5%	-	-	-	-	-
Глагол	-	-	-	-	-	-	100%

	VCVCVC	VCVCCC	CCCVCC	CCCVCV	VCVCVCV
Имя сущ.	66,7%	33,3%	-	-	-
Имя прил.	66,7%	-	33,3%	-	-
Глагол	-	-	-	1 суффикс -ствова-	1 суффикс -изирова-

Из таблицы видно, что особенности структур суффиксов различают суффиксальные системы не только имени и глагола, но и внутри класса имён. Различия суффиксов существительных и прилагательных начинают проявляться уже в трёхфонемных суффиксах: среди суффиксов существительных есть состоящие из трёх согласных фонем (*-ств-*), у прилагательных суффиксов такой структуры нет; в суффиксальной системе существительного примерно одинаково представлены суффиксы структур VCC (*служ-анк-а, лент-очк-а*) и CVC (*груз-чик, ржав-чин-а*), в суффиксальной системе прилагательного значительно преобладают (83,3%) суффиксы с начальной гласной (*пряд-ильн-ый, бугр-ист-ый, глаз-аст-ый, кругл-еньк-ий*). Ещё более яркие различия суффиксальных систем имён наблюдаются в многофонемных суффиксах: суффиксы существительных характеризуются большим разнообразием структур (4-фонемные суффиксы существительных имеют четыре структуры, прилагательных – три; 5-фонемные суффиксы существительных имеют 6 структур, прилагательных – две), а доля суффиксальных морфов одинаковых структур различна в суффиксальных системах существительного и прилагательного.

Таким образом, с точки зрения консонантно-вокалической структуры словообразовательного суффикса оказываются противопоставлены не только имя и глагол, но и внутри класса имён существительное и прилагательное.

(Интересно, что структурной особенностью суффиксов наречий является отсутствие типичной структуры: для однофонемных суффиксов наиболее характерна структура V, для двухфонемных – VC, для трёхфонемных – VCV. Суффиксы наречий имеют общие черты как с суффиксами имён, так и с суффиксами глагола.)

Вокалическое окончание словообразовательного суффикса, в соответствии с сонорной теорией слога, означает, что в подавляющем большинстве грамматических форм производных глаголов слогораздел совпадёт с границей производной словоизменительной основы и форманта, что способствует автономности морфем, выражающих грамматическое значение: *беле-ю, беле-ла, беле-вший, беле-ющий, беле-я*. Конечная же согласная фонема именного суффикса при слогоразделе всегда будет объединяться в один слог с флексией, что свидетельствует о большей спаянности морфем и более последовательном действии фузионных тенденций в структуре имени. Таким образом, особенности консонантно-вокалической структуры словообразовательных суффиксов отражают положение имени и глагола на шкале лексичности/грамматичности.

Словообразовательные суффиксы разных частей речи различаются с точки зрения инвентаря фонем. В формировании суффиксов имён существительных принимают участие 27 согласных и 5 гласных фонем, суффиксов имён прилагательных – 24 согласных и 5 гласных фонем, суффиксов глагола – 11 согласных и 5 гласных фонем (см. таблицу 3).

Таблица 3. Инвентарь фонем словообразовательных суффиксов
(указан процент суффиксов, содержащих или иную фонему)

	б	б’	в	в’	г	д	д’	ж	з	з’	к	к’	т	т’	ш	с	с’	х	ц	ч’	ш’:
Сущ.	1,4	0,7	6,8	4,4	3,4	0,7	1,4	1,4	1,7	-	***27,2***	-	**12,2**	3,7	7,5	2,4	0,3	3,1	**10,2**	**10,2**	5,8
Прил.	-	1,1	**10,8**	4,3	-	1,1	-	1,1	-	-	4,3	**16,4**	**11,8**	3,2	**11,8**	1,1	1,1	2,2	1,1	6,5	2,2
Глаг.	-	-	***47,1***	-	-	-	-	-	5,9	5,9	5,9	-	5,9	-	-	5,9	-	-	5,9	**11,8**	-

	л	л’	м	м’	н	н’	р	р’	j	а	о	э	и	у	а/о	а/о/э
Сущ.	3,4	**11,2**	0,7	-	**12,9**	**16,3**	6,8	2,7	9,2	**18,4**	14,3	13,3	***38,4***	10,9	10,2	11,2
Прил.	4,3	**12,9**	2,2	4,3	***40,9***	**11,8**	2,2	-	2,2	**21,5**	**25,8**	9,7	**21,5**	6,5	6,5	**18,3**
Глаг.	-	-	-	-	**11,8**	5,9	**17,6**	-	-	***82,4***	35,3	5,9	**41,2**	11,8	-	-

В инвентаре согласных фонем можно отметить общую для суффиксальных систем всех частей речи тенденцию к преобладанию сонорных и шумных глухих согласных над шумными звонкими, твёрдых над мягкими; отсутствие губно-губных <п> и <п’>, губно-зубных <ф> и <ф’>. Вполне ожидаемо, что наиболее разнообразен инвентарь согласных фонем, участвующих в формировании словообразовательных суффиксов имён существительных. Суффиксальная система имени прилагательного содержит в три раза меньше суффиксов, чем суффиксальная система имени существительного, однако инвентарь согласных фонем уменьшился всего на три единицы. В то же время вместе с уменьшением количества словообразовательных суффиксов резко сокращается число согласных фонем, участвующих в формировании этих суффиксов, в суффиксальной системе глагола. Таким образом, именные суффиксы характеризуются консонантным характером, а глагольные – вокалическим. (Это различие заметно и в структуре суффиксов: именные однофонемные суффиксы содержат согласную фонему, глагольные – гласную; двухфонемные именные суффиксы (а у существительных и один трёхфонемный) могут не содержать гласной фонемы, и почти во всех суффиксальных структурах согласные преобладают над гласными: VCC, CVC, VCCC, CCVC и т. п.) Поскольку согласные закреплены за выражением лексических значений, а гласные – за передачей грамматической информации, можно сделать вывод о большей лексичности именных суффиксов и большей грамматичности – глагольных, а следовательно, об отражении в звуковой форме суффикса функционально-семантических различий имён и глагола.

Суффиксальные системы разных частей речи различаются наиболее и наименее частотными согласными фонемами: в суффиксах существительных наиболее частотна фонема <к>, в суффиксах прилагательных – фонема <н>, в суффиксах глагола – фонема <в>. Эти фонемы можно считать маркерами словообразовательных суффиксов соответствующих частей речи. Известно, что в общеславянском языке неопределённое и относительное местоимение имело две основы, обе с характеристикой *k-, а указательное местоимение – основы с характеристиками *w- *n- *l- (Мейе 1951, с. 347 – 357). Сопоставление суффиксальных маркеров с характеристиками основ общеславянских местоимений позволяет проследить связь современного суффиксального словообразования с древним агглютинативным строем языка.

Интересным представляется тот факт, что фонемы-маркеры в подавляющем большинстве суффиксов занимают конечную позицию: фонема <к> является только финальной в суффиксах существительных, фонема <н> – в суффиксах прилагательных (исключение составляют суффиксы, содержащие так называемый спорный отрезок, – *-инск-, -анск-, -ианск-*); в суффиксах глагола всегда конечной (кроме суффикса *-ану-*) является фонема <а>, которой в 59% суффиксов предшествует фонема <в>.

Новые суффиксы возникают в языке за счёт процесса переразложения – перемещения границ морфем в составе основы слова. Закон «сокращения основ в пользу окончаний», открытый И. А. Бодуэном де Куртенэ, на словообразовательном уровне означает сокращение производящей базы в пользу словообразовательного форманта. Из этого следует, что финали суффиксов не подвергаются изменениям, остаются постоянными при варьировании передней части суффикса, а значит, постепенно вырабатывается согласованность между частеречным значением слова и его звуковым оформлением, в частности – конечными фонемами суффикса.

Сравнительный анализ структуры и фонемного состава словообразовательных суффиксов различных частей речи, таким образом, позволяет говорить о соотнесённости звуковой формы производного слова с категориальными различиями имени и глагола.

ЛИТЕРАТУРА

ГУМБОЛЬДТ, В., 1984. Избранные труды по языкознанию. Москва: Наука, 400с.
ЗУБКОВА, Л. Г., 1984. Части речи в фонетическом и морфонологическом освещении. Москва: УДН, 84 с.
ЗУБКОВА, Л. Г., 2010. Принцип знака в системе языка. Москва: Языки славянской культуры, 752 с.

МЕЙЕ, А., 1951. Общеславянский язык. Москва: Учпедгиз, 491 с.
ТРУБЕЦКОЙ, Н. С., 1987. Избранные труды по филологии. Москва: Прогресс, 560 с.
ЩЕРБА, Л. В., 1974. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Просвещение, 427 с.

Popova Marina
Moscow State Pedagogical University

REFLECTION OF THE CATEGORIAL DIFFERENCES OF THE WORDS IN THE SOUND FORM OF THE SUFFIX

Summary

The article is dedicated to the problem of the contents and the plan of expression. The author shows that the categorical differences of the name and the verb, connected with the difference of the functions of these speech parts – nominative and predicative, are reflected on the sound form of the suffix word-formative formant.

KEY WORDS: word-formative structure, suffix, consonant-vocal structure, phoneme inventory.

Фрумкина Арина
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова
Французский бульвар 24/26, 65058, Одесса
E-mail:arynafrumkina@rambler.ru
Научные интересы: фонетика, фонология

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИСТУПОВ НЕМЕЦКОГО ВОКАЛИЗМА В ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ СМИ

Статья посвящена исследованию функционирования уникальной черты немецкого вокализма – вариативности видов приступов между компонентами бифонемных сочетаний гласных, где проявляется наличие противоречия касательно инициальных гласных. Неоднозначность ситуации проявляется не только в кодифицированной норме, а и в речевой действительности – в речи дикторов и модераторов немецкого телевидения, которая представляет собой языковой стандарт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система вокализма, глоттальная смычка, окклюзия, произносительный стандарт, фоностилистический уровень, бифонемные сочетания гласных, монофтонг, дифтонг

Сегодня в отечественной и зарубежной лингвистике наблюдается тенденция к широкому исследованию языкового общения, которое трактуется как сложное, многоаспектное явление и изучается целым рядом наук, в том числе социолингвистикой, коммуникативной лингвистикой прагмалингвистикой или лингвистической прагматикой. Для всех этих направлений современной лингвистики характерно стремление отойти от лингвистического редукционизма, в рамках которого объект исследования ограничивался исключительно речевыми текстами, изолированными от условий их порождения, от человеческой деятельности, ради которой они, собственно говоря, и были продуцированы.

Состояние языковедческой науки за последнее столетие характеризуется бурным развитием и сменой аспектов, попадающий в центр лингвистических исследований. Гуманитарная парадигма в научном исследовании делает человека мерой всего сущего, будь то познание природы и общества в целом или изучение более узкой проблематики, как человеческий язык, вербальная коммуникация, речевой интеллект, в частности. Целостное изучение человека невозможно без рассмотрения вопросов языка и речи как ключевого звена, опосредующего психическое и социальное развитие личности. В настоящее время психолингвистика как относительно новая научная дисциплина интегративного типа занимает достойное место в системе антропологического знания и завоевала всеобщее признание как наука, изучающая язык и интеллект. К. Ф. Седов подчеркивает, что теперь все чаще привычный объект языкознания рассматривается в свете «человеческого фактора» (Седов 2009, с.10–12).

Развитие комплексного подхода в научных исследованиях вызвало появление ряда наук «на стыке» традиционных дисциплин, которые в силу своей узконаправленности оказались несостоятельными для объяснения многих факторов. По мнению О. И. Уланович в лингвистике до сих пор популярна работа с «фрагментами»: звуками, изолированными словами, синтагмами, фразами, вырванными из социокультурного контекста коммуникативной ситуации и без учета рефлексии личности говорящего\слушающего (Уланович 2010, с. 8). Это не «стыковая» дисциплина, не механическое сложение двух контрастирующих наук, а особый научный ракурс видения и объяснения вербальных явлений» (Уланович 2010, с. 12). Все науки развиваются в социуме, в котором человек находится в центре внимания.

Е. А. Селиванова также подчеркивает междисциплинарный подход к изучению и осмыслению языка и речи «… теорія мовної комунікації є мовознавчою дисципліною нового типу, що з метою дослідження власного об’єкту інтегрує відповідні аспекти різних галузей

лінгвістики, як-от: теорії мовленнєвих актів, лінгвопрагматики, паралінгвістики, лінгвогенристики (лінгвістичною генології), теорії мовленнєвої діяльності та психолінгвістики, дискурсології тощо…» (Селіванова 2011, с. 16).

СМИ рассматриваются в поле массовой коммуникации, определяя последнюю как передачу массово произведенных сообщений большим анонимным и гетерогенным массам (Кольцова 1999), как процесс распространения систематической информации с помощью технических средств (печать, радио, телевидение, кино-, звуко- и видеозапись) на численно большие и рассредоточенные аудитории (Энциклопедический социологический словарь 1995). Большинство источников выделяют основной функцией СМИ - воздействие на аудиторию (Конецкая 1997), но при этом отмечено, что воздействие во многом зависит от того, насколько информация соответствует запросам потребителей.

СМИ – это плацдарм для актуализации этических и эстетических норм, источник социализации личности аудитории (Конецкая 1997). Американские психологи, помимо прочих, называют СМИ криэйторами и реформаторами культурных образцов, способных, впрочем, так же сохранять традиции (Кольцова 1999).

Ж. Бодрийяр отводит СМИ роль творца искусственных образов, символов и кодов, которые вместе образуют гиперреальность – довлеющий ориентир в социальной жизни, СМИ предлагают свое видение мира. «Образ ситуации может деформироваться превращенными идеологическими формами или культурным программированием...» (Бодрияр 2000). Когда роль самосознания в формировании образа снижена, то в сознание индивида вторгается внешняя информация. Результатом такого рода воздействия внешней среды на сознание критики современных СМИ считают стереотипизацию, упрощенное видение мира.

Представление об «однобокой коммуникации» (Einweg-Kommunikation) для современных медиа слишком простое. Только диалогические элементы, представленные в медиатексте, делают полной картину коммуникативной ситуации. Главной причиной тому то, что занятые в диалоге персоны разговаривают не только друг с другом, но и всегда с оглядкой на слушателей или зрителей. Структурно можно выделить два «коммуникативных круга», «внутренний» (innerer Kreis) круг диалогического события и «внешний» круг (äußerer Kreis) отношений между участниками диалога («внутреннего» круга) и публики. Так можно говорить о понятии «двойной адресации» („Doppeladressierung“) в коммуникации во внутреннем круге (Duden 2005). Другая распространенная терминология говорит о первичном, вторичном и третичном уровне дискурса (primär, sekundär und tertiäre Diskursebene) (Paganelli 1990).

В передачах с публикой в студии следует вводить уже три коммуникативных круга и тройную адресацию: из внутреннего круга (с его внутренней адресацией) в первый внешний круг (публика в студии) и в то же время на второй внешний круг (публика перед теле- и радиоприемниками). В определенной степени отношение первого внешнего круга со вторым внешним кругом также адресовано: публика в студии знает, что и ее увидят и услышат, а значит и ведет себя соответственно.

В телевидении бросается в глаза не только наличие, но и эффективность коммуникативных кругов. Также в телевизионных выпусках новостей один и тот же модератор может двигаться в обоих кругах четко и ясно. Во внешнем круге он обращается к зрителю визуально и вербально, а затем он так же свободно может обратиться, уже во внутреннем круге, в Live-разговоре к гостю в студии или другому корреспонденту из другой студии, так же ясно и четко к своему интервьюируемому. И, безусловно, совершенно понятно, что разговор во внутреннем круге «вблизи» зрителя ведет уже во внешний круг. Двойная или множественная адресация может реализовываться в разных формах и с разными функциями (Kühn 1995, Peter-Zimmer 1990, Wilhelm 1995).

Для профессиональных модераторов множественная адресация, как правило, не вызывает проблем. Это также не проблема для публичных политиков. Проблемой может стать спонтанный звонок зрителя (Phone-in), при котором он внезапно станет публичным.

«Коммуникатор» (Kommunikator), в общем коммуникативно-теоретическом словоупотреблении – это «посланник» известия – это непросто определяемая, часто не единая величина в медиа. На радио и телевидении проблема коммуникатора выглядит не так как в печатной прессе, поскольку человек, составляющий текст и человек его презентующий публике, как правило не идентичны. Тексты, как правило, пишутся редактором (иногда несколькими). Именно он с перспективы продукции и является первичным коммуникатором. Рецепиенту передают текст уже по средством диктора, который может считаться вторичным коммуникатором (Burger 2005, с. 4).

С перспективы реципиента последовательность и очередность обратная: диктор первичен, а редактор, собственно и являющийся продуцентом, чаще всего не берется в расчет и не появляется в сознании зрителя. В передачах, создаваемых модератором, еще сложнее определить величину «коммуникатора»: в зависимости от типа передачи, модератор становится в большей степени составителем текста или презентует его. Поскольку он, при известных условиях, выбирает live-statements, ведет интервью, но и презентует заранее подготовленные части программы (видео отчеты и т.п.), его все равно «снабжают» текстами других коммуникаторов.Что касается реципиента, то то, что он слышит или видит – это сеть коммуникаторов во главе с главным и многими побочными коммуникаторами (Nebenkommunikator) (Burger 2005, с. 5). С перспективы продуцента вся команда редакторов и есть главный коммуникатор (Hauptkommunikator). В публицистических исследованиях «реципиенты» (получатели) названы «дисперсной публикой» – термином, который показывает, что речь идет о размытой и неконкретной величине (Kuncik 2001). Термин «размытая» означает, что медиа публика состоит из рассеянного в пространстве и времени большого количества людей (Süss, Bonfadelli 2001). Это означает, что индивиды, которые и образуют публику, не имеют ничего общего, кроме приобщенности к медиа. С развитием «сопровождающей программы» была создана фигура модератора, который сопровождает реципиента, как партнер и обращается к нему, как будто с глазу на глаз, приватно. Эта фиктивная форма дискретной коммуникации, которую часто называют «парасоциальной» (parasozial) все сильнее доминирует в теле- и радиовещании (Horton, Wohl 1956).

Объект исследования медиа лингвистики – это все виды текстов, которые предлагаются в СМИ. Как правило, их можно поделить на журналистские тексты (journalistische Texte), художественные тексты (fiktionale Texte), объявления и рекламу (Anzeigen), рекламные тексты (Werbetexte), тексты спонсоров (Sponsoring-Texte) и получателей (Rezipienten-Texte) (Burger 2005, с. 64).

СМИ стремятся к прозрачности естественности, а язык средств массовой информации оказывает влияние на все лингвистические уровни (от звука до текста). Победа аудиовизуальных средств массовой информации: кино, радио и телевидения, а также создание крупных медиаконцернов – все это показывает, насколько привлекательны для современного общества формы коммуникации, которые способны независимо от времени и расстояния оказывать влияние на слушателя (Duden 2005). В связи с этим устная коммуникация в настоящее время доминирует, звучащая речь выходит на первый план (Verbitskaja, Vasylchenko 2010, с.252).

Как отмечал В. Н. Волошинов, чтобы наблюдать явления языка, нужно поместить производящего и слушающего звук субъектов, равно как и сам звук в социальную атмосферу (Волошинов 1995). В рамках модели речевой коммуникации фонетико-фонологические составляющие могут с большой долей вероятности дать ответ на то, кто говорит, что говорит, как говорит, кому говорит, с какой целью и каким образом реализуется речевое воздействие говорящего на слушающего (Потапов 2007, с. 19).

Потапова Р.К. и Потапов В. В. подчеркивают, что дальнейшее развитие коммуникативной концепции предопределило существенное расширение границ традиционной модели, в результате чего возникла новая интегративная область знаний – речеведение (Speechology, Sprechwissenschaft), которая охватывает все сферы связанные с речеязыковой, интеллектуальной, творческой и социальной деятельностью человека

(Потапова, Потапов 2006). Прослеживается эволюция модели межличностной коммуникации от модели фонетико-фонологического типа к речеведческому, что соотносится с изменением общего уровня знаний о человеке, развитие антропоцентричности в лингвистике, синергетическим подходом в изучении межличностной коммуникации в целом (Потапов 2007, с.39).

Следует обратить внимание на важность именно особенностей звучащей речи, так как теле- и радиовещание в современном мире играют огромную роль в области языковой культуры. Даже в самом отдаленном населенном пункте люди ориентируются на языковую норму, преподносимую по средствам массмедиа.

К вопросу о языковом и социальном значении медиатекстов обращается Джон Фиске (Fiske 1987). Он говорит, что различные группы людей (публики), как активная аудитория (active audience), продуцируют различные виды прочтенной речи („Lesarten“), что может идти в разрез с «доминантным», преследуемым или излюбленным толкованием (Hepp 1998). Именно эти и обусловлена важность презентации звучащей речи.

СМИ – самый важный источник для развития и распространения нормы. Вепрева И. подчеркивает,“..СМИ фактически контролируют языковую норму, придавая отдельным элементам особый вес, принижая ценность других“ (Вепрева 2006, с.34). Медиатекст – это не только реализация коммуникативной и когнитивной функции языка, но и культурный код, эффективный механизм внушения стереотипов. Именно язык средств массовой информации, а не сценическое произношение влияет сегодня на языковую норму, как это было еще недавно. Особый интерес вызывает фонетико-фонологическая сторона звучащей речи профессиональных дикторов на радио и телевидении. Звучащий текст – это не просто реализация коммуникативных и когнитивных функций языка – это формирование личности национального характера, т.е. воспитание молодого поколения, оценивающего речь СМИ как образцовую, это культурный код, особо эффективный механизм для внушения стереотипов. Произносительный стандарт, в котором, при ближайшем рассмотрении, обнаруживается достаточно высокая степень вариативности даже в речи дикторов-профессионалов, не говоря уже о коммуникантах, речь которых не является делом их профессионального престижа. Произносительный стандарт представляет собой форму произносительного варианта Федеративной Республики Германия (Standardvarietät der Bundesrepublik Deutschland), распространяется, в основном, при помощи электронных средств массовой информации и обладает высоким престижем (Deutsches Aussprachewörterbuch 2010). В новейшем немецком орфоэпическом словаре (DAWB, 2010) немецкий произносительный стандарт (Standardaussprache) характеризуется как устная форма произносительного варианта в Федеративной Республике Германия (Bundesdeutsch, bundesrepublikanisches Deutsch) и располагает в географическом и социальном смысле большой ценностью, распространяется, в основном по средствам электронных медиа. Такой язык престижен, в первую очередь потому что используется не только в официальных ситуациях, но и является ожидаемым. Согласно ожиданиям слушателей, кодифицированная языковая норма обязательна для всей, пусть и узкой группы профессиональных дикторов. Прежде всего это касается дикторов медиапередач надрегионального ориентирования (Вепрева 2006, Deutsches Aussprachewörterbuch 2010).

Потапова Р. К. подчеркивает, что в последнее время (конец XX – начало XXI века) появился целый ряд научной литературы, в которой ток-шоу (Talk-Show, TS) рассматривается как отдельный общий стиль, а именно – телевизионный дискурс (TS-дискурс). При этом также можно выделить два основных признака TS-стиля, а именно: реализация конкретного коммуникативного представления говорящего и слушающего, а также рассмотрение вербальных и невербальных каналов коммуникации. Любая коммуникативная интеракция характеризуется коммуникативной стратегией и коммуникативной тактикой, которые активно рассматриваются в современной модели коммуникации (Potapova, Potapov 2011).

Уникальная особенность немецкого вокализма – глоттальный приступ (твердый, новый, сжатый, кнаклаут, гортанный взрыв) проявляется в вариативности видов приступов гласных в инициальной позиции в том числе в бифонемных сочетаниях гласных.

За последнее десятилетие в немецкоязычное (социо)лингвистическое и фонетическое пространство было успешно интегрировано понятие „Standardvarietät“, которым в научной литературе часто заменяется термин „Standardaussprache“ (Krech 2007, с. 406). Е. И. Стериополо и Г. Л. Лысенко отмечают, что проблема вариативности звучащей речи и точное описание динамического речевого сигнала, реализуемого в определенном фонетическом контексте, имеют важное значение не только для познания процессов функционирования единиц сегментного уровня конкретного языка, но и для выявления тех произносительных тенденций, которые действуют на современном этапе развития языка (Стериополо 1988, с.44).

Коммуникативное воздействие звучащей речи и доминирующее сегодня в массовой коммуникации, должно опираться на кодифицированную норму и отражаться в представленном в орфоэпических словарях стандартном немецком произношении (Standardsprache), включая наличие его вариативности (Standardvarietäten) (Вербицька 2001). Результаты научного исследования свидетельствуют о расхождениях между кодифицированной нормой и речевой действительностью. Более того, многочисленные расхождения наблюдаются и внутри кодифицированной нормы, представленной в разных орфоэпических словарях, в которых, как нам представляется, нет единого подхода к интерпретации одного и того же звукового явления, и не всегда понятно, чем обусловлена столь широкая вариативность в рамках кодифицированной нормы.

Неоднозначность ситуации проявляется особенно ярко в области немецкого вокализма, для которого характерна достаточно высокая вариативность и неоднозначность приступов гласных (глоттального/Glottisschlageinsatz и мягкого/weicher Einsatz) в бифонемных сочетаниях гласных. Особенно ярко эта вариативность проявляется при сопоставлении разных видов звучащей речи: прочтенной (vorgelesene Sprache) в выпусках новостей и в речи коммуникантов в интервью, где присутствует эмоциональная окраска речи.

Наличие глоттального приступа гласных в инициальной позиции

Слово	Кодифицированная норма			Реальная норма	
	GWdA (1982)	Duden (2005)	DAWB (2010)	Выпуски новостей	Интервью
al-K**ai**da\al-Q**ai**da\ Al K**ai**da	-	-	-	+100% (19)	+100% (10)
B**oa**teng	=	=	=	+100%(14)	+100%(8)
G**ua**ntanamo	-	-	-	+84%(16)	+100%(5)
K**oa**lition	-	+	-	+92%(23)	+100%(15)
M**ua**mmar	=	=	=	+ 100%(25)	+100%(14)
Sch**ii**ten	+	-	-	+100%(28)	+100%(18)

- глоттальный приступ отсутствует;

+ глоттальный приступ присутствует;

= слово отсутствует в словаре.

Данные, полученные нами в результате перцептивного анализа речи дикторов и модераторов общественного телевидения Германии (öffentlich-rechtliches Fernsehen: ZDF, ARD, Deutsche Welle), свидетельствуют о высокой степени вариативности в реализации приступов гласных и о расхождениях в этом отношении с кодифицированной нормой, внутри которой также обнаруживается неоднозначность ситуации. Результаты проведенных нами исследований подтверждают наличие противоречий и неоднозначность ситуации в реализации приступов гласных, в первую очередь, уникальной черты немецкого вокализма – глоттального (твердого, нового, сжатого, кнаклаута, гортанного взрыва) приступа в бифонемных сочетаниях. Есть основания предполагать, что существует связь между степенью подготовленности речи и реализацией приступов немецких гласных: увеличение

количества реализаций глоттального приступа происходит при возрастании степень неподготовленности и спонтанности речи.

ЛИТЕРАТУРА

БОДРИЯР, Ж., 2000. Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства («круглый стол») *In: Социологические исследования*, №7, 73–82.

ВЕРБИЦЬКА, Т. Д., 2001. *Методичні вказівки з навчання аудіюванню німецького аутентичного мовлення.* Одеса: Астропринт.

ВЕПРЕВА, И. Т., 2006. *Мода и норма в современной культурно-речевой ситуации*. Москва: Проблемы языковой нормы.

ВОЛОШИНОВ, В. Н., 1995. *Философия и социология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: Аста-Пресс Ltd.

КОЛЬЦОВА, Е., 1999. Массовая коммуникация и коммуникативное действие *In: Социологический журнал*. № 1/2, С.78–84.

КОНЕЦКАЯ, В. П., 1997. *Социология коммуникаций.* Москва: Международный университет бизнеса и управления.

ПОТАПОВ, В. В., 2007. У истоков речеведения *In: Лингвистическая полифония*. Москва: Языки славянских культур,19–40.

ПОТАПОВА, Р. К., ПОТАПОВ, В. В., 2009. *Язык, речь, личность.* Москва: Изд-во Моск. ун-та.

СЕДОВ К.Ф., 2009. *Нейропсихолингвистика.* Москва: Лабиринт.

СЕЛІВАНОВА, О. О., 2011. *Основи теорії мовної коммунікації: Підручник*. Черкаси: Видавництво Чабаненко Ю. А.

СТЕРИОПОЛО, Е. И., 1988. Некоторые особенности фонетической реализации немецкой спонтанной речи. *In: Вопросы нормы и нормативности в реализации языковых средств: Межвуз. сборник научных трудов.* Горький: ГГПИ им. М. Горького, 44–51.

УЛАНОВИЧ, О. И., 2010. *Психолингвистика: учеб. пособие*. Минск: Изд-во Гревцова.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ,1995. *Общ. ред.* Г.В. Осипова. Москва: ИСПИ РАН, 939.

BURGER, H., 2005. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*, Berlin, New York: Walter de Gruyter.

DEUTSCHES AUSSPRACHEWÜRTERBUCH. 2010. *Krech E. M. u.a*. Berlin, New-York: Walter de Gruyter.

DUDEN, 2005. *Aussprachewörterbuch. Bd. 6 (2. Aufl.).* Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag.

FISKE, J., 1987 *Television Culture*. London, New York: Methuen.

HEPP, A., 1998. *Fernsehaneigung und Alltags Gespräche. Fernsehnutzung aus der Perspektive der Cultural Studies.* Opladen: Wiesbaden.

HORTON, D., WOHL R., 1956. Mass Communikation and Para-Social Interaction. Observations on Intimacy at a Diastance, *In: Psychiatrz 19*, 215–229.

KRECH E, M., 2007. Die Differenzierung von Standarddeutsch und ihre Relevenz für die Kodifizierung. *In: Лингвистическая полифония (сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой)*. Москва: Языки славянских культур, 404–423.

KÜHN, P., 1995. *Mehrfachadressierung. Untersuchungen zur adressatenspezifischen Polyvalenz sprachlichen Handels.* Tübingen: Niemeyer.

KUNCIK, M., ZIPFEL, A., 2001. *Publizistik. Ein Studienhandbuch*. Köln: Gewalt und Medien.

PAGANELLI, B., 1990. Marina Off-Air Recordings: What Interaction? The Case of News and Current Affairs. *In: Rossini Favretti, Rema*. ed.: The Televised Text. Bologna, 37–68.

PETER-ZIMMER, Y., 1990. *Politische Fernsehdiskussionen und ihre Adressaten.* Tübingen: Niemeyer.

POTAPOVA, R. K; POTAPOV, V. V._2011. *Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich.* Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag.

SÜSS, D., BONFADELLI, H., 2001. Mediennutzungsforschung. *In: Jarren, Bonfadelli (Hrsg.)*, 311–336.

VERBITSKAJA, T. D., VASYLCHENKO, E. G., 2010. *Phonetischer Einführungskurs und kommunikative Kompetenz. Записки з романо-германскої філології* . Одеса: Фенікс.

WILHELM, R., 1995. *Ohne Vorstellung keine Vorstellung. Das Vorstellungsgespräch in der Unterhaltungssendung „Traumpaar“ des Schweizer Fernsehens DRS.* Bern, Berlin, Frankfurt/M., New York, Paris, Wien: Peter Lang Vlg.

Frumkina Aryna
Odessa I. I. Mechnikov National University
Research interests: phonetics, phonology

THE VARIETY OF GERMAN VOWEL STOPS IN THE MASS MEDIA LANGUAGE

Summary

The paper focuses on the problem of a specific feature of German vocalic system: variability of vowel stops between the components of biphoneme vowel combinations, where the contradiction concerning initial vowels is revealed. It comes not only in codified norm, but also in speech, mainly in announcers` speech which represents the standard pronunciation.

KEY WORDS: vocalic system, glottal stop, occlusion, standard pronunciation, phonostylistic level, biphoneme vowel combination, monophthong, diphthong.

Анна Хвостенко
Новосибирский государственный технический университет, Россия
пр. Карла Маркса 20,630092,Новосибирск, Россия
Эл. почта: anna.khvostenko@ngs.ru
Научные интересы: лингвистика, язык в диахроническом развитии

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КРОВНОГО РОДСТВА И СВОЙСТВА В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается когнитивный подход к изучению терминов кровного родства и свойства в древнеанглийском языке, анализируются когнитивные фреймы данных терминов. Привлечение фреймовых структур помогает объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне. В частности, фреймовая семантика может быть использована для описания целого ряда событий в их временной последовательности. В ходе исследования анализируются экспериенциальные кластеры наименований терминов кровного родства и свойства в англосаксонском обществе, исходя из тех наименований понятий, которые нами были найдены и проанализированы в процессе изучения текстов и словарных статей на древнеанглийском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивные модели, фреймы, кровное родство, свойство, экспериенциальные кластеры.

Терминология родства очень разнообразна и сложна. Различают три группы терминов:1) родства; 2) свойства; 3) близких (духовных) неродственных связей. В сферу наших научных интересов попадают только две первые группы, т.е. ТЕРМИНЫ РОДСТВА, которые обозначают отношения людей по родству, по крови и ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА, указывающие на отношения людей, возникшие в результате брачного союза – отношения одного из супругов с родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Особую значимость для нашего исследования представляют наименования, значения и эволюция этих терминов в английском языке с точки зрения диахронии. **Актуальность** (семантического) изучения терминов кровного родства и свойства в историческом аспекте развития семантики английского языка обусловлена отсутствием когнитивного подхода к изучению данных терминов. Проведенный нами этимологический анализ терминов кровного родства и свойства может лечь в основу когнитивного исследования данных терминов.

По мнению Джорджа Лакоффа: «Центральной идеей, объединяющей многие современные когнитивные исследования языка и языковых значений, стали представления о том, что наши знания, отражаемые в языковой форме, организуются с помощью определенных структур - когнитивных моделей - и что категориальные структуры (в том числе, вероятно, и языковые категории) – это лишь следствие именно такой организации наших знаний» (Лакофф 1990, с. 68).

Эта же идея прослеживается и в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, и в теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, и в когнитивной грамматике Р. Лэнекера, и в теории ментальных пространств Ж. Фоконье, и в теории прототипов Э. Рош. Она лежит в основе объяснения общих познавательных процессов и того, что обеспечивает действие этих процессов: категоризация мира и языка осуществляется с помощью определенных когнитивных моделей или схем.

Привлечение фреймовых структур помогает также объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне. В частности, фреймовая семантика может быть использована для описания целого ряда событий в их временной последовательности.

Этот же принцип лежит и в основе понимания языковых единиц. Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст или фрейм как модель обыденного знания об основных концептах. При этом сложнейшей

проблемой остается до сих пор определение той грани, за которой кончается языковое значение и начинается общее энциклопедическое знание. Скорее всего, этой грани не существует вообще.

Соответственно, полное понимание некоторых слов становится возможным в результате привлечения нескольких когнитивных контекстов. Дж. Лакофф приводит пример со словом «мать», которое одновременно характеризуется относительно нескольких когнитивных контекстов: «генетический контекст - генетическая мать, контекст рождения – мать по рождению, контекст вскармливания и воспитания – кормилица или мать по воспитанию, генеалогический контекст – генеалогическая мать (ближайший предок по женской линии), брачный контекст – жена отца»

Любой элемент когнитивной модели может соответствовать концептуальной категории. Ряд когнитивных моделей объединяется в составной пучок (экспериенциальный кластер), являющийся с психологической точки зрения более базовым, чем вошедшие в него модели в отдельности. «Мать – это понятие, базирующиеся на комплексной модели, в которой ряд отдельных когнитивных моделей объединяется, формируя кластерную модель» (Лакофф 1990, с .98). Кластер включает в себя следующие модели.

Мы рассматриваем модели, существовавшие в англосаксонском обществе, исходя из тех наименований «матери», которые нами были найдены и проанализированы в процессе изучения текстов и словарных статей на древнеанглийском языке.

Языковые данные в изучении систем родства, как известно, имеют первостепенное значение. Так был выдвинут тезис под влиянием классических работ Б. Дельбрюка и О. Шрадера, согласно которому индоевропейцы не знали матриархата. Данный тезис базировался почти исключительно на языковых свидетельствах, а именно на анализе терминологии родства. На фоне развитой системы терминов родственников мужа с точки зрения жены фактически отсутствуют общие для индоевропейских языков, исконные названия для родственников жены. Данный факт подтвержден и в нашем исследовании терминов свойства (Хвостенко 2011, с. 139). Это же представление о социальной структуре индоевропейцев мы находим в современных исследованиях таких ученых как Э. Бенвенист, Т. В. Гамкрелидзе. Однако следует заметить, все данные (как языковые, так и этнографические) свидетельствуют об особом и главенствующем положении женщины, отраженном в отдельных индоевропейских языках и традициях. Об этом факте свидетельствует и знаменитое сочинение Бахофена «Das Mutterrecht» (Материнское право), в котором на основании свидетельств древних авторов, а также народных преданий и саг, доказывалось, что роль матери была главенствующей, что система родства по матери везде предшествовала родству по отцу. Объяснение этому, странному на первый взгляд, факту Бахофен видел в том, что свободное половое общение (гетеризм), в котором люди некогда, по всей вероятности, жили, делало невозможным определение отца ребенка; поэтому происхождение его естественно считалось по материнской линии. Мать одна пользовалась уважением детей и властью над ними; отсюда – «господство женщин» (гинекократия). Основанием всех родственных чувств несомненно является материнская любовь. Общее происхождение, совместная жизнь в одной хижине, совместная работа, взаимопомощь не могли не связывать детей одной матери тесными родственными узами. Семья, таким

образом, составлялась из матери и детей. Отец, если он даже и был известен, принадлежал к другому роду и, не живя постоянно с семьей, не мог играть сколько-нибудь значительную роль в семейных отношениях. Само осознание кровной связи между отцом и детьми появляется гораздо позже. Необходимую защиту женщина со своими детьми находила не у мужа, а у своих братьев и сестер, рожденных от той же матери. Соображения эти подтверждаются свидетельствами древних писателей. Исаченко А. В., который, основываясь на тех же лингвистических данных, пришел к похожему выводу о том, что только при матриархате могли существовать те общественные отношения, которые объясняют многочисленные сдвиги в древнейших пластах основного словарного фонда индоевропейских языков, в частности в родственной терминологии. Таким образом, мы можем построить следующую когнитивную модель понятия «мать».

Ярким примером может служить образ матери Гренделя из героического эпоса «Беовульф». Она настоящая мать, жалеющая и защищающая своего ребенка.

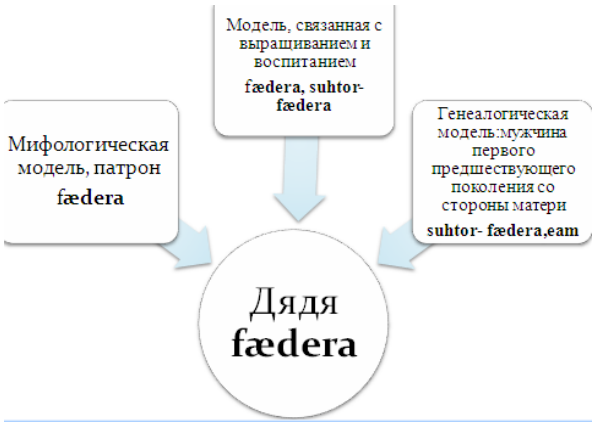
(строфа1260) **Grendles modor,** ides, aglæcwif,
yrmþe gemunde…
Мать Гренделя, женочудище,
Все учла (запомнила)
(строфа1277) Ond his **modor** þa gyt, gifre ond galgmod,
gegan wolde sorhfulne sið, sunu deað wrecan.
И его **мать** затем добирается, мстительная и злая,
Хотела сражаться горем убитая, за смерть сына отомстить
(строфа1283) þa ðær sona wearð edhwyrft eorlum,
siþðan inne fealh **Grendles modor.**
Затем туда вернулись вскоре благородные
поправившиеся воины после терзаний **матери Гренделя**
(строфа1525) Gefeng þa be eaxle (nalas for fæhðe mearn)
Guðgeata leod **Grendles modor;**
brægd þa beadwe heard, þa he gebolgen wæs
Схватил за плечи (враждебно настроенный)
Гаутский витязь **мать Гренделя**
Бросил на поле битвы зло,
Был он обижен….
(строфа.1637). Swa we þær inne ondlangne dæg
niode naman, oððæt niht becwom
oðer to yldum. þa wæs eft hraðe
gearo gyrnwræce **Grendeles modor**,
siðode sorhfull; sunu deað fornam,
wighete Wedra.
Так мы весь день напролет пировали,
Пока не пришел другой.
Затем была вновь быстро готовая мстить за травму,
Мать Гренделя, печальная (опечаленная) смертью сына.

В эту эпоху у англосаксов господствуют патриархально-родовые отношения. Вместе с тем, у Тацита и в некоторых других источниках, имеются сведения о наличии у германцев пережитков матриархата. Признание родства только по матери естественно должно было

выдвигать на первый план в матриархальной семье старшего брата матери. Действительно, многие исторические памятники подтверждают это предположение. Тацит сообщает о германцах, что у них «брат матери смотрит на своих племянников, как на своих сыновей; некоторые считают даже кровное родство между дядей со стороны матери и племянником еще священнее и ближе, чем между отцом и сыном, так что если требуются заложники, то сын сестры представляет большую гарантию, чем собственный сын того, которого хотят к чему-нибудь обязать» (Тацит 1993, с. 355). В поэме «Битва при Мэлдоне», Бюрхтнот показан в глубоком отчаянии после смерти своего племянника и преисполнен благодарностью к воину, который отомстил за смерть его близкого человека.

(строфа115).«Wund wearð Wulfmær, wælræste geceas,
Byrhtnoðes **mæg**; he mid billum wearð,
his swuster sunu, swiðe forheawen.
þær wearð wicingum wiþerlean agyfen.
Gehyrde ic þæt Eadweard anne sloge
swiðe mid his swurde »
«Ранен был Вульфмер, могилу выбрал
Бюрхтнота **племянник**, мечом был убит
Его сестры сын, сильно изрублен.
Там …викингам воздал по заслугам (отомстил)
Презрев, после этого Эдвард, один убил
Жестоко своим мечом…»
В «Беовульфе» главный герой не без гордости сообщает владыке Хродгару, что он воин Хигелака, его племянник, тем самым показывая значимость своего дяди.
(строфа 405).«Wæs þu. Hroðgar, hal! Ic eom **Higelaces mæg** ond magoðen….»,
«Тебе Хродгар, привет! Я **Хигелака племянник** и воин…» (там же: строфы 450, 755).

Таким образом, можно построить следующую модель понятия «дядя», учитывая все имеющиеся наименования этого термина.



Родовое сознание вообще господствует в песнях о героях. Очень часто мы встречаем ссылки на определение родства по отцу. Так в «Беовульфе» можно увидеть следующие примеры: сам Беовульф именуется не иначе как потомком Скильда и сыном Эггтеова на протяжении всей поэмы. Следовательно, образ отца играл заметную роль в аспекте воспитания сыновей.

Так, например, в «Беовульфе» (строфа 50):

ða wæs on burgum Beowulf Scyldinga,
leof leodcyning,longe þrage folcum gefræge
fæder ellor hwearf, aldor of earde,
oþþæt him eft onwoc heah Healfdene.
В то время как был в крепости Беовульф, Скильдинг,
Дорогой правитель, долго народом почитаемый **отец**
Войском, старинной из земель, и его после
Сменил важный Хальфдан.

Для обозначения сына находим сразу три наименования, что неоднократно подтверждается примерами из древнеанглийских текстов.

«Beowulf wæs breme Scyldes **eafora**…»,
«Беовульф был благородным **Скильда потомком**…» (там же: строфы 260, 370, 525).
Хродгар, предводитель племени Скильдингов также предстает перед нами как потомок Хальфдана (строфа 185):
«Swa ða mælceare **maga Healfdenes** singala seað…»,
«Все время **сын Хальфдана** несчастья испытывал…» (там же: строфы 265, 340)

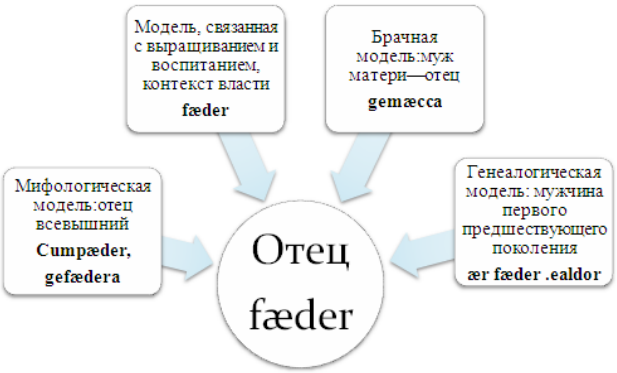
В легендарной «Битве при Мэлдоне» обратим внимание на неопровержимые доказательства существования родственных связей между отцом и сыном.

(строфа 90). «Het þa hæleða hleo healdan þa bricge wigan wigheardne,
se wæs haten **Wulfstan**, cafne mid his cynne, þæt wæs **Ceolan sunu,**
þe ðone forman man mid his francan ofsceat þe þær baldlicost on þa bricge stop»
Приказал затем герой защиту держать,затем за мост драться отважно,
Это было сказано **Вульфстаном**,…который был **сыном Кеолы**,
Тем первым человеком франками убитым, которые на мост вступили
«Ongan ceallian þa ofer cald wæter **Byrhtelmes bearn** (beornas gehlyston):
«Nu eow is gerymed, gað ricene to us, guman to guþe;»
Воззвал затем у холодной воды (реки) **Бюрхтельма сын** (воины слушали)
«Теперь потеснитесь, идите быстро к нам люди на войну»
Важность родственных отношений «отец-сын» прослеживается и в приведенном ниже отрывке из «Битвы при Финнсбурге»:
«Þā wæs on wealle wæl-slihta gehlyn,sceolde cēlod bord cēnum on handa
bān-helm berstan. Buruh-þelu dynede,oð þæt æt þǣre gūðe **Gārulf** gecrang,
ealra ǣrest eorð-būendra,**Gūðlāfes sunu**; ymbe hine gōdra fela.»
«Затем была в зале толпа убийц, защитил щит в руках, шлем разбит на кусочки,
Доски замка трещали до тех пор как в этой битве **Гарулф** пал, первый из всех, всех жителей земли **Гутлафа сын**, вокруг него много хороших людей.»

Следует отметить, что сыновья всегда разделяли ненависть отца и сородичей к их врагам. В «Битве при Брунанбурге» находит подтверждение этот факт.

(строфа138)«Bord-weall clufon,
heowon heathu-linde hamora lafum
eaforan Eadweardes, swa him ge-aethele waes
fram cneo-magum thaet hie aet campe oft
with lathra gehwone land ealgodon,
hord and hamas.»
«Защитную стену они разбили,
Разрубили они щиты из липы
Остатками молотов **сыны** Эдварда, как и подобало
Благородным потомкам как и их предки,
Которые в битве часто против врагов их (свою) землю
Должны были защищать (защищали), сокровища и дом.»

Таким образом, формируется следующая когнитивная модель «отец».

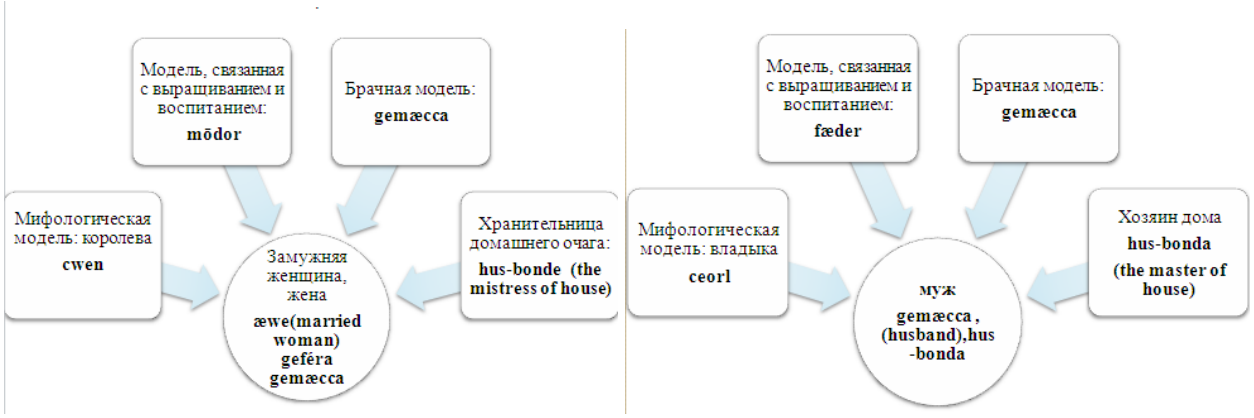


Об обычаях и нравах древних германцев, об их верованиях сохранились свидетельства античных авторов, многое также нашло отражение в литературных памятниках германских народов, созданных в более поздние эпохи. Тацит пишет о строгости нравов древних германцев, о крепости семейных уз, что указывает на значимость взаимоотношений между мужем и женой. В свою очередь мы также находим многообразие терминов для обозначения жены и мужа и их отсутствие для обозначения родственников жены, так как женщина, выходя замуж, теряла связь со своими родными, становилась частью семьи мужа, чем обусловлено отсутствие исконных названий для родственников жены. (Тацит 1993, с. 350)

Но в то же время в литературе женщина рассматривается как королева, служащая украшением двора, и ее роль здесь – хозяйка дома, уважаемая своим мужем. В «Беовульфе» находим следующие примеры:

(строфа 610)«Eode **Wealhþeow** forð, **cwen Hroðgares**…grette goldhroden…»,
« Вышла **Вальхтеов, королева Хродгара**…блистая золотом…»,
(строфа 625) «Не þæt ful geþeah, wælreow wiga, æt **Wealhþeon**, ….»,
«Он эту чашу принял грозный борец (воитель) от Вальхтеов …»
(строфа 640)« … goldhroden freolicu **folccwen** to hire frean sittan.»
«…воссела блистая золотом благородная королева своего народа.. »
(строфа 660) « Wolde wigfruma **Wealhþeow** secan, **cwen** to gebeddan. »,
«Хотел предводитель (войны зачинатель) Вальхтеов найти, чтоб ложе с ним разделила»

Муж и жена – самые важные составляющие системы родственных отношений, влияющие на формирование древнегерманского общества. Они занимают практически равные позиции, так как браки у древних германцев – моногамны. Равенство позиций прослеживается и построенных нами когнитивных моделях. Мужчина сражается с врагами, защищая свою жену и детей; женщина присутствует подле него, поддерживая его победоносный дух.



На данном этапе нами были рассмотрены только некоторые когнитивные модели кровного родства и свойства в англосаксонском обществе. Анализ данных моделей позволяет утверждать, что:

1. Система родства по матери, в которой главную роль играла женщина и ее дети, предшествовала родству по отцу. Экспериенциальный кластер «мать» включает в себя следующие модели: мифологическая модель (богиня-мать), модель, связанная с родами: лицо, которое рожает ребенка, модель, связанная с выращиванием и воспитанием: взрослая женщина, которая воспитывает и растит ребенка, брачная модель: жена отца—мать, генеалогическая модель: женщина первого предшествующего поколения.
2. Признание родства только по матери естественно должно было выдвигать на первый план в матриархальной семье старшего брата матери. Здесь возникают крепкие связи между дядей по материнской линии и племянником. Действительно, многие исторические памятники подтверждают это предположение. И поэтому наш кластер репрезентирует следующие модели: модель, связанная с выращиванием и воспитанием , генеалогическая

модель: мужчина первого предшествующего поколения со стороны матери и мифологическая модель, где дядя является патроном.

3. Муж и жена – самые важные составляющие системы родственных отношений, влияющие на формирование древнегерманского общества. Они занимают практически равные позиции, так как браки у древних германцев – моногамны. Поэтому кластеры этих понятий имеют идентичную структуру.

4. Возмужавшие сыновья бьются с врагом, помогая отцу одержать победу над недругами, разделяя ненависть отца к ним. Здесь вырисовывается линия «отец-сын», которая хорошо раскрывается в повествовании различных битв. Экспериенциальный кластер данной модели выглядит следующим образом: мифологическая модель: отец всевышний, модель, связанная с выращиванием и воспитанием, контекст власти, брачная модель: муж матери—отец, генеалогическая модель: мужчина первого предшествующего поколения.

Таким образом, мы рассмотрели и проанализировали когнитивные модели кровного родства и свойства в англосаксонском обществе и древнеанглийском языке.

ЛИТЕРАТУРА

BACHOFEN J. (БАХОВЕН.И.) *Das Mutterrecht (Материнское право)* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://knigas.com/history/243265-das-mutterrecht.html

BEOWULF [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/a4.1.html

БЕНВЕНИСТ, Э., 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов.* Москва: Прогресс.

ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, Вяч. Вс., 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та.

ДЕЛЬБРЮК, Б. 2003. *Введение в изучение языка: Из истории и методологии сравнительного языкознания.* М.: УРСС Эдиториал.

ИСАЧЕНКО, А.В., 2003. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология*. Bratislava, ч. I, 1954 (2 изд. 1965), ч. II, 1960; репринтное издание в одном томе: М.: «Языки славянской культуры».

ЛАКОФФ, Д., ДЖОНСОН, М., 1990. Метафоры, которыми мы живем. *Теория метафоры*. М: Наука.

ТАЦИТ, К., 1993. О происхождении германцев и о местоположении Германии. *Соч.: в 2 т. Т.1: Анналы. Малые произведения* . Москва: Наука.

ХВОСТЕНКО, А. А., 2011. Терминология кровного родства и свойства в историческом аспекте развития семантики английского языка. *Проблемы языка и культуры в гуманитарном образовании: материалы Международной научно-практической конференции (Кемерово, 27-28 октября 2011г.).* Кемерово: КемГУ.

ШРАДЕР О., *Сравнительное языковедение и первобытная история: Лингвистико-исторические материалы для исследования индогерманской древности*. М. : Эдиториал УРСС, 2011.

Англо-саксонский словарь Босворта-Толлера [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.beowulf.engl.uky.edu/~kiernan/BT/bosworth.htm.

Словарь древнеанглийского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.home.comcast.net/~modean52/oeme_dictionaries.htm.

Словарь древнеанглийского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.utexas.edu/cola/centers/lrc/eieol/engol-BF-X.html.

Anna Khvostenko
Novosibirsk State Technical University
Research interests:linguistics, language in its diachronic aspect

COGNITIVE MODELS OF KINSHIP AND AFFINAL RELATIONSHIP IN ANGLO-SAXON SOCIETY AND THE OLD ENGLISH LANGUAGE

Summary

In this article the cognitive approach to the study of kinship and affinal relationship in the Old English is considered and cognitive frames of terms are analyzed. The involvement of frame-based structures helps to explain the ways of different meaning formation on the functional level. In particular, frame semantics can be used for description of a range of events in their time sequence. In the given research, the experiential clusters of kinship and affinal relationship in Anglo-Saxon society and the Old English language are analysed, taking into consideration all names of concepts, which were found in the process of the research of texts and dictionary entries in the Old English language.

KEY WORDS: cognitive models, frames, kinship, affinal relationship, experiential clusters.

Jurgita Astrauskienė
Vilnius Universit
Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 8, Kaunas 42230, Lietuva
E-mail: jurgeastra@gmail.com

TENNESSEE WILLIAMS'S *THE GLASS MENAGERIE*: SYMBOLS OF FAITH

The paper examines the role of symbols of faith in Tennessee Williams's play "The Glass Menagerie". Various conceptions of the symbol are presented and the impact of religion upon his drama is discussed. The author is particularly interested in the role of religious symbols and their power to present, in distinctive and irreplaceable way, the link between religion and literature. The analysis of particular symbols reveals that the playwright uses the Holy Scripture as archetypal memory thus constructing a Biblical worldview by including various religious motifs and realizing his religious and artistic vision of the personages. The Biblical images inspire and shape the narrative structure of the play. Biblical meanings are evoked by the symbol of the rose that is interpreted as an emblem of the Virgin Mary while the symbolic representation of the Unicorn is associated with Jesus Christ and His Incarnation.

KEY WORDS: symbol, religious motifs, myth, Christianity.

Tennessee Williams's (1911-1983) memory play *The Glass Menagerie* (1945) was his first Broadway success and a sign of remarkable transformation that took place in the American theatre. As a dramatic innovator, he engaged in psychologizing and mythicizing the real world with the help of symbolism. Virtually every line in his plays contains its symbol which is the component of a larger symbolic theme or an overarching symbolic motif. No wonder the playwright called symbols "the natural language of drama" (Williams 1978, p. 66). Even though, *The Glass Menagerie* is one of Williams's first screenplays, nevertheless, it is notably intense in terms of symbolism. Thus, this article aims at expanding the subject of symbols from the interpretation of their meaning to the relationships between Biblical language and thought, and the language and thought of literature.

The profound yet complex subject of religious symbols or symbols of faith has always been a subject of prevailing interest in many diverse fields. In the *Methodological Remarks on the Study of Religious Symbolism* (1959, p. 95) historian of religion Mircea Eliade states that "one could say then, that all research undertaken on a religious subject implies the study of religious symbolism". It follows that such identification and analysis of meanings of various symbols is of crucial importance, as it helps to formulate the thoughts and dictate the relations with the surrounding world. In fact, if there was no way of classifying the world using symbolic codes, most would be overwhelmed by the abundance of sensory data. Consequently, human mental and spiritual states, as well as various transitions in life, could be interpreted as symbolic manifestations that strive to be revealed. However, this is not an easy task for the interpreters. Perhaps because of the profusion and often confusion scholars still argue about what exactly is involved in the process of interpretation of religious symbols. Thus, the main focus of this research is the correlation of the religious symbol system with contemporary experience. The link between Biblical and literary language asks for closer attention. However, many approaches, dealing with such matter, prefer taking different trajectories and in this way present certain challenges to the view. The characteristic response has been introduced to segregate the religious language of faith from the figurative one. Consequently, the theoretical material on the particular subject is lacking but the proposed issue dealing with religious and literary aspects of the investigation object is relevant to the literary criticism.

The American philosopher of art Susanne K. Langer has brought far-reaching ideas applicable in literature with the principal theme of symbolic transformations as the essential activity of human minds. This is how she defines symbols in her study *Philosophy in a New Key*:

> Symbols are not proxy for their objects, but are vehicles for the conception of objects. In talking about things we have conceptions of them, not the things themselves; and it is the conceptions, not the things, that symbols directly mean. <…> Wherever a symbol operates, there is a meaning; and conversely different classes of experience – say, reason, intuition, appreciation correspond to different types of symbolic mediation (Langer 1957, p. 47-60).

The philosopher classifies symbols into discursive, presentational and artistic. She distinguishes between discursive symbols of language and presentational symbols of art, explaining that discursive symbols are used in spoken and written language, and presentational symbols are wordless presentations of meaning. Finally, Langer defines the third kind of symbols:

> An artistic symbol – which may be a product of human craftsmanship, or (on pure personal level) something in nature seen as a 'significant form'- has more than discursive and representational meaning: its form as such, as a sensory phenomenon, has what I have called 'implicit' meaning, like rite and myth, but of a more catholic sort. It has what L. A. Reid called 'tertiary subject matter,' beyond the reach of 'primary imagination' and even the 'secondary imagination' that sees metaphorically. 'Tertiary subject-matter' is subject-matter imaginatively experienced in the work of art <…>, something which cannot be apprehended apart from the work, though theoretically distinguishable from its expressiveness (Langer 1957, p. 262).

Considering Langer's ideas on the notion of many symbols, words that occur in *The Glass Menagerie* might be regarded as discursive symbols. They are also, quite clearly, more than just discursive symbols as there are so many levels of meaning that can be conveyed by the religious symbol. In fact, symbols can be understood as windows into the sacred reality. Mainly, it is the artistic symbol that requires interpretation in *The Glass Menagerie* as it shows the playwrights artistic intention. However, as symbols of faith in non-religious texts pose a unique challenge to the interpreter, hermeneutic theory concerning symbols is therefore of particular interest as it provides a new basis for understanding the relationship between religion and literature. The leading philosopher in linguistics Paul Ricoeur wrote a great variety of essays where he portrayed the articulation of the problems confronting symbols and hermeneutics. In his book *The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics* Ricoeur makes an important statement that, "symbolic word is a word which opens, which explores the possibilities of mankind in relation to the sacred" (Ricoeur 2004, p. xvii). This substantial philosophical idea is closely related to the interpretation of symbols of faith which reflects the way man directs himself towards the sacred; not only the writer of the text who has embedded certain symbols but also the readers who interpret them.

However, understanding the meaning of symbols and especially symbols of faith is not an easy task to pursue and is therefore a kind of hermeneutic problem. In this respect, one of the central concepts expressed in Ricoeur's essay *The Hermeneutics of Symbols and Philosophical Reflection* provides guidelines how to analyze symbols: "I am convinced that we must think not *behind* the symbols, but starting from symbols, *according* to symbols, that their substance is indestructible, that they constitute the *revealing* substrate of speech which lives among men" (Ricoeur 2004, p. 259). This statement does not only give the interpreters a new perspective on symbols, but it also confirms their significance. As the location of the hermeneutic problem for the philosopher takes its shape in the words which have symbolic significance, it is reasonable to consider the definition of symbol by which Ricoeur presents his position and indicates the outline of the problem:

> I define 'symbol' as any structure of meaning in which a direct, primary, literal sense designates in addition another sense which is indirect, secondary, and figurative and which can be apprehended only through the first (Ricoeur 2004, p. xiv).

Thus, the hermeneutic task is that of deciphering this multiple significance. However, because of the density and compression of symbol's meaning, it is never easy to state directly what it means. In this connection Paul Ricoeur sees interpretation as "work of thought which consist in deciphering the hidden meaning in the apparent meaning, in unfolding the levels of meaning implied in the literal meaning" (Ricoeur 2004, p. xiv). Additionally, a symbol, according to Ricoeur, gives birth to understanding by means of an interpretation. However, in order to interpret the symbolic meaning one must terminate the position of remote or disinterested spectator and place himself in "the circle of hermeneutics which can be stated bluntly: you must understand in order to believe, but you must believe in order to understand" (Ricoeur 2004, p. 294). This circle, according to the author, is quite alive and stimulating. You must believe to understand. The interpreter cannot even come close to the meaning of the text if he does not live in "the aura of the meaning that is sought" (ibid. 294). Moreover, the only way to believe is through the interpretation and that is accessible in hermeneutics. In connection with symbol matter a valuable source of information lies in the works of the historian of religion Mircea Eliade who wrote extensively on the process of interpretation of religious symbols. Summarizing Eliade's position on religious symbolism it is necessary to denote the following:

> Religious symbols are capable of revealing a modality of the real or a structure of the World that is not evident on the level of immediate experience <…>. An essential characteristic of religious symbolism is its multivalence, its capacity to express simultaneously a number of meanings whose continuity is not evident on the plane of immediate experience <…>. This capacity of religious symbolism to reveal a multitude of structurally coherent meanings has an important consequence. The symbol is thus able to reveal a perspective in which heterogeneous realities are susceptible of articulation into a whole or even into a "system" (http://www.religion-online.org/showchapter.asp?title=580&C=764).

Canadian literary critic Northrop Frye was among those scholars who evinced a deep appreciation for Eliade's works. He suggested that they present a grammar of religious symbolism. Moreover, according to Frye, "without an understanding of symbolism, it is impossible to deal adequately with contemporary literature" (Ziolkowski 1991, 498). Frye's major work *Anatomy of Criticism* deals with archetypes. The critic is most keen on two basic categories in his framework: comedic and tragic. His archetypal schema displays the alignment of the seasons to the literary genre whereas the context of a genre determines how a symbol or an image is to be interpreted. Frye states that "the poet does not equate a word with a meaning; he establishes the functions or powers of words" (Frye 1990, p. 75). He pursues the idea that "the understanding of their meaning begins in a complete surrender of the mind and senses to the impact of the work as a whole, and proceeds through the effort to unite the symbols toward a simultaneous perception of the unity of the structure" (Frye 1990, p. 75). This scholar points out to the importance of a sequence of contexts or relationships in which the whole work of literary art can be placed, calling these relationships or contexts "phases" (Frye 1990, p. 73). Frye distinguishes three types of such phases: literal/descriptive, formal and mythical. In relation with these phases critic discerns three basic types of symbol: symbol as a sign, symbol as an image and symbol as an archetype (cf. Frye 1990, p. 73). Frye defines symbol as "any unit of any work of literature which can be isolated for critical attention. A word, a phrase, or an image used with some kind of special reference (which is what a symbol is usually taken to mean) are all symbols when they are distinguishable elements in critical analysis"(Frye 1990, p. 367).

As far as Tennessee Williams is concerned, the tendency to employ symbols can be traced throughout his writing but his play *The Glass Menagerie* is especially suffused with symbolism. However, the play was not studied much in terms of symbolism and some literary critics suggest the reason for this is because the plot of the play closely mirrors the actual events in the author's life. One of the most honored and influential theater directors Elia Kazan even made a comment about Tennessee Williams stating that "everything in his life is in his plays, and everything in his plays is in his life" (Spoto 1997, p. 171). Indeed it was playwright's genius for dramatic craft that enabled

Williams to transform his personal experience into a dramatical piece. In his book of selected essays *Where I live* (Williams 1978, p. 126) he states:

> Within the limits of each, the writers of our times can use the method of Proust, that of transposing the contents of his own life into a creative synthesis of it. Only in this way can a writer justify his life and work and I think all serious writers know this and their serious audience has a sense of it too.

This transformation of the writer's experience to art was accompanied by the use of symbols purposely. In fact, Williams believed that "art is made out of symbols the way your body is made out of vital tissue" (Williams 1978, p. 45). The playwright explains his choice of stylistic devices saying that:

> Some critics resent my symbols, but let me ask, what would I do without them? Without my symbols I might still be employed by the International Shoe Co. in St. Louis. Let me go further and say that unless the events of a life are translated into significant meanings, then life holds no more revelation than death, and possibly even less (Williams 1978, p. 142).

It seems that Williams was seeking to find the core of human experience and human nature. He was particularly interested in the details that had a specific emotional value to him and to all humanity. This is where the symbols of faith came to play a very important role in Williams's life and creation helping him to explore the spiritual terrain. God and religion, thus, accompany the author in his early writings and proceed to more complicated ones before the end of his creative period. The playwright uses characters to depict his own passage from spiritual innocence to carnal self-awareness. This transition was taken heavily by the author, but he managed to stay truthful confessing that he did in fact went "from puritanical shackles to, well, complete profligacy" (Williams 1978, p. 369). Despite the fact that the author ultimately abandoned the life characterized by spirituality, it is clear that throughout his career he yearned for the purity he felt he had forsaken. The story from Williams's childhood that the author remembers explains his method of writing in relation to his faith:

> Williams: it was quite a funny story. She (mother) found me digging in the back yard. She said, What are you digging for? I said I was digging for the devil.
> Q.: In a sense, do you still think you're digging for the devil in the plays?
> Williams: In a sense, yes; but I am also digging for the opposite of the devil.
> Q.: For the angels?
> Williams: For God (Williams 1978, p. 127-128).

In his search for God, religion became a kind of language that defined the combination of the most substantial elements in the author's work such as isolation, desire and atonement. Therefore, Williams described his writing as being "emotionally autobiographical. It has no relationship to the actual events of my life, but it reflects the emotional currents of my life" (Williams 1978, p. 342). The playwright distilled the symbols out of his own experience, transferred them into his works and used them as signifiers for something that pulled his heartstrings the most. It certainly takes a lot out of the writer to expose himself in such a sincere manner. However, it appears that for Williams this was an integral part of his creative work. He was convinced that "if the writing is honest it cannot be separated from the man who wrote it. It isn't so much his mirror as it is the distillation, the essence, of what is strongest and purest in his nature" (Williams 1978, p. 100). As the expression in the language of symbols was a process that required a great deal of consideration and selectivity, the playwright talks about it in one of his essays:

> Symbols and their meanings must be arrived at through a period of time which is often a long one, requiring much patience, but if you wait out this period of time, if you permit it to clear as naturally as a sky after a storm, it will reward you, finally, with a puzzle which is still puzzling but which whether

> you fathom it or not, still has the beautifully disturbing sense of truth, as much of that ambiguous quality as we are permitted to know in all our seasons and travels and places of short stay on this risky planet (Williams 1978, p. 146).

It is reasonable to draw a conclusion from what has been stated before that Williams's way of writing is deeply associated with religion and faith. The technique of employing symbols of faith is the major aspect in Tennessee Williams's play *The Glass Menagerie*. On the surface, a short episode of life story seems to be plain. However, in the profoundness of it the discerning reader may detect several symbols that give the play a deeper meaning. A number of images have acquired religious symbolic resonance in the course of the play and, therefore, have an emotional as well as spiritual power that reaches beyond the literal importance. Moreover, each character defines each symbol in a different way. On the other hand, symbols provide the reader with an insight into the inwardness of the personages. Aside from characters' symbols, there is overall symbolism in this play. Symbols play a critical role in illuminating the play's theme and conveying the message the writer is sending to the reader. Therefore, understanding how symbols function in this play is imperative to understanding the play itself. Thus, symbols that have the richest meaning relative to the theme have been singled out for deeper analysis. What is more, the playwright left remarkably precise production notes that became a part of the scrip of *The Glass Menagerie*. Accordingly, this particular acting edition was used in the analysis of symbols of faith as the details and various comments in these notes provide insight into the deep sensitivity of Tennessee Williams's artistic talent.

The two reoccurring symbols of plants in Tennessee Williams's play *The Glass Menagerie* are the symbol of rose and the symbol of jonquil. These two flowers represent the female characters of the play. William Stewart in *The Dictionary of Symbols and Images* (1998, p. 336) states that "it is likely no other flower has been granted so much advertency as the rose, and in the language of flowers, more than forty diverse sentiments can be unveiled by selecting particular colours and types of roses". Rose is one of the central images in Williams's densely symbolic plays. The author employs the nuances of the symbolic language of flowers as a means of communication in which a rose is used to emphasize the theme or character type. The symbolic meaning of rose varies depending on the context and the colour. In Freemasonry roses are symbolic of a guiding principle. Each of the three roses seen in Freemason indicates abiding love, life and light. All three of these subjects are evoked in the play but perhaps the most important of them is love, as rose is not only the name of the flower but also the name of Williams's sister who was the model for Laura.

In Christian symbolism rose as the queen of flowers is a privileged symbol of Mary, Queen of heaven and earth. It is perceived as a spiritual symbol, a kind of a moral emblem to illustrate various adages or maxims of life. As rose is primarily linked to Laura, it is she who is associated with the Virgin Mary. *The Glass Menagerie* is certainly the playwright's seminal work. The recurring symbols such as the symbol of rose appeared in many of Tennessee Williams's literary works. The spiritual signification of it is apparent in Tennessee Williams's poetry, too. For example, in the poem *A Liturgy of Roses*, written in 1944, the poet evinces strong echo of his past, his deep felt regret over the tragic fate of his sister Rose, as well as his religious investigations:

> II
> But I am not sure that I have learned how to let go
> Of not particularly caring enough to sicken the heart,
> that comfort that should not fail to suffice until later,
> oh, considerably later, while moving through rooms
> that are lucky with sun until later, the comfort of much later,
>
> While moving through rooms of dual purposes
> and concealed appurtenances
> to the heart of abundance from which flow eternally roses,
>
> Roses, all roses, the immense impartiality of all God
> and all roses,

orifice emptying, never emptied of roses.

Because you are tolerant only of those who have roses,
Your eyes including the roses of others in bouquets of your own
and saying, These roses, all roses, my roses,
though still in the arms of those who came bearing roses…
(Williams 2002, p. 115-117)

Moreover, painters in the Middle Ages were particularly keen on portraying Mary in an enclosed garden of roses that acquired a term from Latin *Hortus Conclusus.* Thus, the enclosed garden became very special and at the same time emblematic attribute closely associated with Mary. In the paintings "the joys of earthly life were blended with a profound, manifold symbolic content. <...> The motifs of *Hortus Conclusus* theme were depicted in a virtually tactile way and yet they were symbols glorifying the Creation, Mary the Queen of Heaven and the Mother of the Saviour, as well as praising the various virtues" (http://www.wga.hu/tours/gothic/devotion.html#hortus). The playwright invoked this theme intentionally to create Laura's spiritual layer. In fact, there is a clear reference to Laura being in the garden with exotic flowers resembling the paradise as setting:

LAURA: Lately I've been spending most of my afternoons in the jewel-box, the big glass-house where they raise the tropical flowers (Williams 1996, p. 11).

The symbol of rose prevails not only in Williams's plays, but also in his poetry. The poem *Of Roses* from *The Collected Poems of Tennessee Williams* (Williams 2002, p. 217) reveals the same symbolic meaning that was attributed to Laura's character:

All roses are enchantment to the wise,
the veil of sophistry drawn from the eyes,
the heart washed clean of an accustomed stain
by gusts of memory as fresh as rain.
In the confine of gardens or grown wild
they are the crystal vision of a child,
unstained by craft, undisciplined by grief,
sweet as child's laughter, and as wild and brief . . .

It is obvious that *The Glass Menagerie* is rich in the connections between characters and religion. The parallels between the characters and Christian religious figures are quite overt. From the beginning of the play with the help of illumination or through dialogue Williams seeks to establish certain moral as well as religious values that are to be appreciated. There are numerous cases where a clear reference is made that the Wingfield family is a religious one. For example, Amanda is constantly insisting that all family has to be present to say grace before a meal, she is very devotional frequently thanking heavens for the blessings that they have received, she strictly forbids using God's name when not necessary. Tom, however, likes to test his mother's faith. It can be seen in scene 4, where they argue about men and their instincts:

AMANDA: Man is by instinct! Don't quote instinct to me! Instinct is something that people have got away from! It belongs to animals! Christian adults don't want it!
TOM: What do Christian adults want, then, Mother?
AMANDA: Superior things! Things of the mind and the spirit! (Williams 1996, p. 26).

Even Laura does not want to hurt her mother's feelings and tell her that she left school as being disappointed she "gets that awful suffering look on the face, like the picture of Jesus' mother in the museum!" (Williams 1996, p. 11). Although Amanda's character has clear spiritual references more than that the carnal element is being stressed by Williams. This duality that Amanda possesses cannot be reconciled. She strives to meet the spiritual standards she was raised by, but also proclaims a merciless drive to survive at all costs. The corporeal nature of Amanda is unfolded through Blue Mountain reminiscences and highly symbolical flowers jonquils: "So lovely,

that country in May. – All lacy with dogwood, literally flooded with jonquils. That was the spring I had the craze for jonquils. Jonquils became an absolute obsession" (Williams 1996, p. 41). Symbolically jonquil is associated with desire, self-esteem and vanity, as the other title of this flower comes from the name narcissus that derived from Greek mythology (http://archive.org/details/languageofflowers). The spring-flowering plant is interwoven into the memories of a particularly memorable spring for Amanda when she was being wooed. Thus, sexual and spiritual elements are mythically reconciled by jonquils as the fertile symbols of spring. Undoubtedly, Williams was able to employ different plants as purposeful symbols of Christianity and mythology expanding the spiritual dimension and mythological plane with its central symbol – unicorn.

The presence of the unicorn in the play is particularly significant as it also carries a profound religious significance. The unicorn became a religious symbol in the art of the Middle Ages. Unicorns were mostly portrayed in colour white, as a result, they soon assumed the symbolic qualities of that colour and were seen as a symbol standing for innocence and purity. People in the Middle Ages believed that unicorns were actually living beasts, however, they could only be captured by a maiden. A unicorn, seeing a virgin, would immediately become tame and approach her, resting its head in her lap, after which the animal could be captured. Later various artists began depicting the unicorn hunt. "In the primary version of the hunt, the virgin came to represent Mary, the only one holy enough to induce the white unicorn, Christ, to dwell with men, obviously evocative of the Incarnation generally. As time progressed, it came to represent a specific point in the Incarnation: its inception, the Annunciation" (Hamilton 2005, p. 85). Thus, it is clear that the unicorn was assigned especially significant symbolic meaning of Christ "who was made incarnate in Mary's womb, was captured by the Jews, and was put to death. The unicorn's fierce wildness shows the inability of hell to hold Christ. The singe horn represents the Unity of God and Christ. The small size of the unicorn is a symbol of Christ's humility in becoming human" (http://bestiary.ca/beasts/beast140.htm).

It should be mentioned that the concept of the Annunciation is mentioned repeatedly in the play as a legend on the screen that delivers in bold letters "ANNUNCIATION" or later on in the play stating "The Annunciation is celebrated with music" (Williams 1996, p. 29-31). Thus, the unicorn could only be enticed by the Virgin and it seems that this is exactly what captures Jim's attention – Laura's innocence, her docility. Nobody has ever told her she was pretty, danced with her, kissed her. Besides, Amanda makes sure that Laura looks her best for the gentlemen-caller. She bought her a new dress, changed the arrangement of her hair that is now "softer and more becoming" but most importantly there is a change seen in Laura as her "fragile, unearthly prettiness has come out" (Williams 1996, p. 79). The purity and uniqueness of Laura captivates Jim until he awakens to the fact that an invitation to dinner was a calculated plan and Laura is in fact "a pretty trap". Thus, the aspect of deception that has been used in the hunt of a unicorn is transferred symbolically into the play through Amanda and Tom's "plans and provisions".

However, another version of medieval tradition links the symbol of the unicorn to the Virgin Mary because of her purity and chastity (cf. http://www.sacred-texts.com/etc/lou/index.htm). Indeed Laura's ascetic docility can be viewed as her wish to withdraw from the corporal world of senses and devote herself to a spiritual one as it is evident from Tom's words: "Laura is very different from other girls. <...> she's terribly shy and lives in a word of her own and those things make her seem a little peculiar to people outside the house" (Williams 1996, p. 36). Laura possesses the features different from the modern world humanity. In this way she relates very closely to her favourite glass ornament – the unicorn. Even Jim, after seeing a unicorn, points out: "Unicorns - aren't they extinct in the modern world?" (Williams 1996, p. 64). Thus, it is clear that this is a special quality that Williams wants to accentuate – Laura's serenity and uniqueness. Laura's identification with the unicorn is strengthened and confirmed when Jim breaks off the horn and later confesses that he is in fact engaged. This is a very important spiritual episode for Laura as in the end it is her rainbow that is shattered, it is her sky that falls and it is her candles that are snuffed out. The act of breaking the horn is consistent with the medieval tradition where the horn was also broken off because it was

believed that this way it is possible to destroy the power of this fabulous beast. It becomes clear that Laura is the one that has been broken completely, destroyed, a victim of the fate in the modern world. She is indeed as fragile as her glass ornaments and in her own words: "glass breaks so easily. No matter how careful you are" (Williams 1996, p. 67).

To conclude, the Bible, through its themes and motifs, undoubtedly influences literature and urges to take into consideration how dense and powerful symbolic meanings are. Literature similarly interposes various conceptual implications on religious and ordinary life aspects. The same could be said of *The Glass Menagerie* where Williams employs reflections of religious thought and rephrases Biblical text in order to create a correlation between spiritual and artistic vision of human state. Symbols of faith set the tone of the play as they are thematically tuned to the overall narrative of *The Glass Menagerie.* Moreover, Williams's artistic technique of using symbols of faith allows looking deeper into his characters and religious motifs in the play arriving at a new conception of the manner in which religious dimension and literature are closely intertwined by the profoundness of the symbolic meaning.

REFERENCES

ELIADE, M., 1959. Methodological Remarks on the Study of Religious Symbolism. Chicago: University of Chicago Press.

FRYE, N., 1990. Anatomy of Criticism. New Jersey: Princeton University Press.

HAMILTON J., 2005. Unicorns and Other Magical Creatures. Minnesota: ABDO Publishing Company.

LANGER, K. S., 1957. Philosophy in a New Key: A Study in the Symbolism of Reason, Rite, and Art. Cambridge: Harvard University Press.

RICOEUR, P., 2004. The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics. Great Britain: The Athlone Press

SPOTO, D., 1997. The Kindness of Strangers: The Life of Tennessee Williams. Cambridge: Da Capo Press.

STEWART, W., 1998. The Dictionary of Images and Symbols. Great Britain: the Athenaeum Press

WILLIAMS, T., 1978. Where I live: Selected Essays. New York: New Directions Publishing Corporation.

WILLIAMS, T., 1996. The Glass Menagerie. Oxford: Heinemann Educational Publishers.

WILLIAMS, T., Roessel, D., Moschovakis, N. (ed.) 2002. The Collected Poems of Tennessee Williams. London: The University of the South.

WILLIAMS, T., 2009. New Selected Essays: Where I Live; Foreword by John Lahr. New York: New Directions Publishing Corporation.

ZIOLKOWSKI, E. J., 1991. Between Religion and Literature: Mircea Eliade and Northrop Frye. In the Journal of Religion. Vol. 71, No. 4. Chicago: The University of Chicago Press.

SOURCES

Eliade M. and Kitagawa J. M. (ed.) The History of Religions: Essays in Methodology by in http://www.religion-online.org/showchapter.asp?title=580&C=764. Accessed on: 25th September, 2012.

Greenway, K. Language of Flowers via the Internet Archive: http://archive.org/details/languageofflowers. Accessed on: 25th September, 2012.

The Medieval Bestiary: Animals in the Middle Ages in: http://bestiary.ca/beasts/beast140.htm . Accessed on: 25th September, 2012.

Shepard, Odell. *The Lore of the Unicorn* via the Internet Archive: http://www.sacred-texts.com/etc/lou/index.htm Accessed on: 25th September, 2012.

Web Gallery of Art http://www.wga.hu/tours/gothic/devotion.html#hortus. Accessed on: 25th September, 2012.

Jurgita Astrauskienė
Vilniaus universitetas, Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

TENESIO VILJAMSO „STIKLINIS ŽVĖRYNAS": RELIGINIAI SIMBOLIAI

Santrauka

Straipsnyje analizuojamas religinių simbolių vaidmuo Tenesio Viljamso pjesėje „Stiklinis Žvėrynas". Apžvelgiamos įvairialypės simbolio koncepcijos, svarstoma religijos įtaka rašytojo kūrybai. Analizė atskleidžia religijos ir literatūros samplaiką. Prieinama prie išvados, kad autorius, pasitelkdamas religinius simbolius, remiasi Šventuoju Raštu kaip archetipine atmintimi ir stilizuoja Biblinį pasaulėvaizdį varijuodamas skirtingais religiniais motyvais ir taip sukurdamas savitą personažų viziją. Bibliniai vaizdiniai inspiruoja ir formuoja pjesės meninę struktūrą. Biblinės

prasmės akcentai perteikiami rožės - kaip Mergelės Marijos – simboliu, o Vienaragis suvokiamas kaip Kristaus emblema ir yra siejamas su Jo žmogiškuoju pavidalu.
REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: simbolis, religiniai motyvai, mitas, krikščionybė.

Madina Ashirimbetova
Suleyman Demirel University
Ул. М. Кусаин улы 88
мкр Карасу, Алматы Казахстан
Эл. почта madina.sdu@gmail.com

NATIONAL COMPONENT IN COMMUNICATIVE BEHAVIOR

The communicative behavior research gained importance in Kazakhstani linguistics in the first decade of the 21st century. Interest towards the national history, customs and traditions was triggered by the intensification of self-conscience of Kazakh people and expanding international relations within and outside the country. The author of the article discusses the aspect of national influence upon communicative behavior of the nation and some of the traditions extinct and preserved in the modern Kazakh society (such as the principle of seniority, hospitality,etc.), historical conditions of appearance of the traditions and explains the peculiarities of national communicative behavior connected with these.

KEY WORDS: national peculiarities, Kazakh society, principle of seniority, younger generation, traditional, etiquette

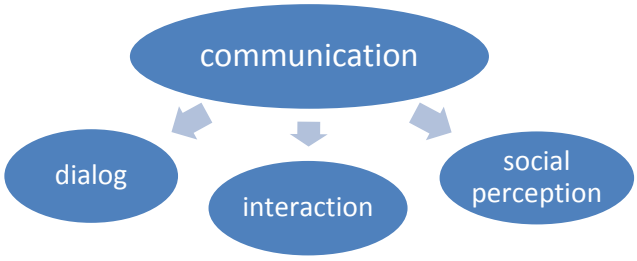
National cultural heritage has always been an object of interest and is often a subject of various researches throughout the world. Kazakhstan as one of the countries of the former Soviet bloc was forced to undergo the expansionist policy of the Russian Empire, ‘barbarian Soviet treatment and ethnocide’ (Seidimbek 2004), forced sedentarization, collectivization, artificial starvation, and many more. The 20th century for Kazakh people was the century of the great changes conditioned by several factors. Forcible sedentarization of nomads and following collectivization of economy ruined nomadic lifestyle; industrialization and urbanization of Kazakhstan, numerous migrations of the representatives of nationalities of different cultural and linguistic backgrounds begot vigorous modernization processes. This consequently changed basic etiquette principles and transformed traditional communicative behavior standards. During the Soviet period, communicative behavior typical for Russian culture penetrated into the communicative behavior of the representatives of all the USSR countries. Our country was not an exception.

Today, with the third decade of existence of independent Kazakhstan there appeared a necessity in retrieval in national memory of cultural roots and backgrounds. This is the country with plentiful historical and cultural background rooting in ancient times.

Communicative behavior research, the scope of the present article, gained importance in Kazakhstani linguistics in the first decade of the 21st century with theintensification of international relations in the country. Familiarity with the traditions and norms of behavior and etiquette allows thorough understanding of psychology and mentality of Kazakhs and optimizing problems of international communication. Thus growth of national self-consciousness and actualization of the national identity among Kazakh people can be noticed in all the fields and spheres of social life and science. On the one hand, compliance with the etiquette allows a person feel comfortable in any situation of everyday communication.On the other hand, respect to one’s own national norms and standards stipulates tolerance towards the cultures of other people. Research of Kazakh communicative behavior will assist both the optimization of communication between representatives of the nation and international communication.

Before referring to the reflection of Kazakh national component in communicative behavior there is a necessity of defining the term. Communication is a complex process of human interaction, consisting of information exchange, reception and understanding of communicants. The subjects of communication are all living things; thus communication is typical of all living things. However, only on the level of humans the process is cognitive, connected to verbal and non-verbal acts. A person transferring communication is a communicator, the one who receives is a recipient.

Furthermore, there are a number of aspects in communication: content, aim and means. The content of communication is the information transmitted from one living object to another. It can be information about the inner condition of an object and the outer environment. The aim of communication reflects the aim for which the subjects start to communicate. The means of communications are the ways of encoding information transferred from one subject to another. The act of communication realized through speech and gestures, allow the people around you to understand or read from their faces certain emotions they communicate. The structure of communication between representatives of one nation can be characterized through distinguishing three interrelated aspects: communicative, interactive and perceptive. Thus the scheme looks like the following:



The communicative aspect consists of information exchange between communicating individuals – in the context of the present article – the representatives of Kazakh nation. This includes exchange of encoded data between the subjects of communication as the communicant possesses a common national and cultural background. At this stage people not only exchange data, but also try to work out the common meaning of the message sent and received. In this case the information is not only accepted, but also understood. In order for this process to be successful, people have to find a 'common tongue'.

The model of communicative process includes 5 elements (Laswell 1948, p. 1):

WHO (transmits the message) – Communicator

WHAT (is transmitted) – Message (text)

HOW (the transfer is established) – Channel

WHO (the message is addressed to) – Auditorium

WITH WHICH EFFECT – Effectiveness

The interactive aspect consists of interaction organization between communicating individuals. This includes characteristics of the communication components connected to the organization of their mutual activity. There exist two types of interaction: cooperation (joint coordination of the subjects of communication) and competition (usually conflict).

The perceptive aspect is the process of perception and mutual cognition of the communicating individuals and establishment of mutual understanding. All the three aspects are connected, interrelated and compose the communication process.

In order for the process of communication to flow successfully, there have to be several stages:

- Contact setting (acquaintance)
- Orientation in communicative situation, realizing of what is happening, pausing
- Discussion of the problem
- Problem solution
- Conclusion of the contact (Averintsev 1988, p. 84)

The term communicative behavior is a range of standards and traditions of communication of people. National communicative behavior (Sternin, Sternina 2001, p. 20) is a range of standards and traditions of communication of a certain lingua cultural community.

Theoretically, there are three types of communicative behavior: national, group and personal. The aim of the modern linguists who research intercultural linguistics and communication is to form scientific foundation and conceptions about national communicative behavior as of a cultural component. Furthermore, there need to be terminological definitions compiled, methodology, techniques and models worked out to describe communicative behavior.

There are four aspects of communicative behavior: general cultural, group, situational and individual norms.

General cultural norms of communicative behavior are typical of the whole lingua cultural community and reflect set etiquette standards. They concern general situations regardless of the communication sphere, age, status, etc. These are attracting attention, greeting, addressing, apologizing, telephoning, congratulations, etc. They differ from nation to nation. For example, when greeting Americans always smile. Kazakhs, however, not necessarily smile when greeting somebody. Or when addressing Kazakh people try to change the tone to respectfully kindred level (Сәкен Жұмабайұлы – Сәке). However, Americans mostly address by the first name regardless of the age of the communicants. The explanation for this will be given further in the paper.

Situational norms are noticed when communication is limited by a certain extra linguistic situation. There exist various kinds of limitations, for example, by status. There are two types of status limitations: vertical (superior – inferior); and horizontal (equal – equal). Limitations also vary and carry national characteristics. For example, in Kazakh culture the relations between the elder generation and he younger generation are vertical, whereas in American culture they are more horizontal.

Group norms reflect the specifics of communication fixed in the culture for certain professional, gender, social, age, etc. groups.

Individual norms of communication reflect individual culture and communicative experience of an individual and personal deflection of general cultural and situational norms in a linguistic persona.

The study of national communicative behavior is of topical character and is an urgent issue in today's linguistics. Misunderstanding of national peculiarities in many cases leads to unexpected consequences, funny, or unpleasant, at times. Every national language shapes its representative, the native speaker, thus, in order to understand peculiarities which shaped us we need to study and research our own cultural peculiarities, philosophical traditions and national mentality.

The scope of the present article touches upon the first aspect of communicative behavior and it has to be pointed out that the latter is viewed through the frame of the whole nation's communicational situation and reflection of national peculiarities on what Kazakh people tend to do or say in one or another certain situation and case.

Considering modern Kazakh culture we can say that it is a representation of a unity of modernized and traditional characteristics. It is known that traditional and modernized cultures are based on different principles and set different objectives to be achieved. Flexibility and mobility of modernized culture provide its possessors a number of advantages in achieving personal aims and adaptation to altering conditions. While traditional culture presents its representative definite values, behavioral patterns, and introduces order and stability in it, thus, fulfilling value-oriented and protective functions more efficiently. This contributes to succession of generations. Overall, modern Kazakh culture is a set of traditions gradually transformed under the influence of modernization processes towards definite unification and simplification. Along with it, the globalization processes – transformation of traditional culture, modernization, Europeanization and moderate unitization of everyday life – are taking place in the cities and urban areas of Kazakhstan. All these are reflected in the communicative behavior of urban population of Kazakhstan. Democratization of relationships between the representatives of the opposite gender, different age and social groups results in the alteration of traditional etiquette principles. Expressions of greeting, postures and gestures symbolizing respect are simplified, and there appear adopted European behavioral standards regulating communication between a woman and man. For example, in the

1930s there was a tradition when a Kazakh woman greeted a man with a slight bow, kneeling on her left knee, crossing both hands on her right knee with a slight bow of her head. Today in the urban areas of Northern and Eastern Kazakhstan this type of greeting is not used. It is preserved in the Southern region of the country as a little imitation of the posture.

The concept of hospitality among nomadic peoples, especially Kazakhs was one of the most reliable ways of preserving and strengthening the inner connections of social unity. Forms of greeting, proxemics characteristics depended to a certain degree on socio-demographic, relation degree, residence (close / faraway), gender and age characteristics of the guest.

Traditional hospitality, considered as the concept of hospitality in the modern culture, can be attributed to a number of basic constants defining the essence of Kazakh mentality. The concept of hospitality is based on mythological notion that the forefather of all Kazakhs divided his fortune into four parts – he gave three parts to his three sons. Each son later founded a separate zhuz (kz. – жүз – clan, kin) (Kazakhs have an inner system of separation, Zhuz system). He left the fourth share of his fortune as a common part destined for regalement and guests. It is a great obliquity among Kazakhs when a host does not or does not want to welcome a guest with proper honor. In traditional Kazakh culture any wayfarer could say: ‘Мен Құдай қонақпын’ (lit. ‘I am the guest sent by the Creator’) and the host was obliged to offer the guest their house, food and security.

Hospitality etiquette in the modern Kazakh society has undergone considerable transformation. Today, countryside traditions vary greatly from those in the city. For example, in the cities people do not distinguish numerous categories of guests – they are only divided into ‘the invited’ and ‘the uninvited’ (‘sent by the Creator’). Furthermore, in the city a stranger can be denied shelter, the guests can be treated only tea with sweets, but not a lavish meal. A casual guest doesn’t stay for a long period of time: in the country today the maximum period one can stay is three days. The aim of the visit is usually asked of at once, without biding their time for three days, as it was done in the past. In urban areas and cities guests usually give an advance notice about their visit and sometimes bring gifts to the hosts. However, some traditions are preserved both in the country and in the cities. A guest, for example, cannot leave the house without having tasted the meal – at least one bit.

Furthermore, there is no reference to communicant’s autonomy and personal zone. Kazakhs usually do not avoid making effect on their communicant. This refers to requests and imperatives. When inviting somebody to their place Kazakh people usually point out their own interest in it (e.g. they say *Келіңіз, сізді құана-құана күтеміз* – lit. *We’ll be happy to welcome you again*). And invitation to their place plays a great role for Kazakh people, because this reflects the general attitude to guests and national hospitality. Kazakhs are always ready to welcome guests, and there were cases when the host slaughtered his last sheep to prepare a meal for a guest. This was also conditioned historically:the conditions of living implied long distances and spaces between one aul (аул – lit. settlement, village) and another, and when a person was coming from the neighboring aul that meant that he was hungry and thirsty after a long way. That is why Kazakh people treated guests with special respect and honor and put on dastarkhan (lit. – table) the best food they had. And usually the guest told the news from the place he was from. Dastarkhan for Kazakh people was more than a table and food consuming. It imposed communication and information exchange on people. The primary function of dastarkhan still remains unchanged. Today Kazakhs get together to exchange news about certain social medium like relatives, friends, fellow-countrymen, fellow-townsmen or fellow-villagers. It is also accepted as a means of building closer and better relationships and enlivening sibling connections. Now the representatives of the middle generation of Kazakhs show great interest towards national customs and traditions. This bears return and revival of Kazakh national traditions in the modern Kazakh society.

Along with hospitality etiquette attitude towards elderly people in Kazakh society also plays a great role. Kazakhs tend to comply to politeness etiquette when communicating with elderly people using positive politeness strategies (Brown, Levinson 1987, p. 1). This refers to steadfast law of Kazakh life reflected in constant respect to forefathers and ancestors. An elderly person has always been a source of wisdom. In the past elderly Kazakhs were accepted and were more

experienced, had wider outlook, and were able to help finding a solution to any situation. Elderly people were obliged and happy to help the younger generation. Younger people were viewed as their traces left after them. Younger people were supposed to help the elders in solving petty life problems. There is a saying *Ағасы бардың жағасы бар, інісі бардың тынысы бар* (*If one has an elder brother they have a person caring for them, if one has a younger brother they will not have minor problems, their life will be calm*). The tradition is preserved in the modern Kazakh society, but not demonstrated in official communication. This is expressed in communication in the following ways: a younger person is the first to greet the older one, when greeting the younger person stands up when greeting the older. The older is the first to start the meal and the talk. When dividing prey after a hunt (kz. – олжа) elderly people were the first to take their share; when entering a house,elderly people were always given turn to enter first, and when seating the most respected place in the house – төр – was given to the eldest and thus the most respected guest; when starting the celebrations the eldest person was suggested to start singing and took the main present (kz. тойбастар – toibastar – lit. starting the celebration, a tradition of Kazakh weddings); when having a meal the head of the slaughtered animal (usually a sheep), the most delicious part was offered to the eldest person; they also had the right to give their blessing (kz. – бата). Today the *principle of seniority* has been retained in all the communicative situations (except for the prey, of course). There still exist special ways of expressing respect towards elderly people in the society, fgor example, the ways of greeting, the ways of addressing, etc., prescribed by etiquette. In any situation youth have to render attention and ability to be helpful. When talking to the elder person, younger people must not be holding their hands in their pockets, chewing a gum, smoking a cigarette or drinking spirits. When talking the elder person is listened to very attentively. The speech and laughter of younger people in the presence of an elderly person must not be very loud, and the questions of the elder person should be answered modestly. The respect to the elderly people can be noticed in their spatial place as well (in the center of the room, higher, further from the entrance, etc.). And the most respected place, as it has been already mentioned above, төр (lit. center), is usually offered to the eldest member of the family and the younger members cannot claim that place.

A steppe law which fostered the previous peculiarity of Kazakh national communicative behavior was knowledge of one's pedigree. This also served as a guarantee of life in Kazakh steppe – it helped to communicate with the people one met, to get a shelter in auls and to feel at ease and comfortable anywhere a person was. Because there was always a possibility that someone they met could be their relative, close or distant, from any branch or generation. The people in the steppe were not afraid of strangers, and every person was treated like a brother, like a blood relative. Otherwise, it would be impossible to live, survive and prosper in the colossal area Kazakhs inhabited. That is why the saying 'Қарға тамырлы қазақ' ('All Kazakhs are the pullets of one nest') was very popular among people throughout centuries. The knowledge of kindred relations among Kazakhs was worldly norm, gradually grew into moral-ethnic criterion. Kazakhs didn't and do not marry to a relative to the seventh generation and if a person violated this law, it was accepted as crime damaging biologic nature outraging moral ideals of people. Thus, nomadic habitat bore unique mechanism providing ethno-biological and ethno-cultural unity – knowledge of ancestors to the seventh generation ('Жеті Ата' – lit. 'Seven Grandfathers').

Genealogy for a Kazakh is not only the list of names on a family-tree. The historic concept of oral genealogies reflects abundant spectrum of relational interconnections in the aggregate of general national solidarity. This is one more institute of nomadic lifestyle, an invaluable achievement of the ethnos cumulated throughout centuries. The pedigree concentrates philosophical, economic, esthetic behavioristic, sacral motives and norms of human communication. All the material and spiritual aspects of life are governed by etiquette of inter-relational connections. Thus, the structure can be considered as a unique phenomenon of nomadic civilization.

In-family structure was also one of the index characteristics of nomadic lifestyle. Thus, when starting a conversation with a stranger Kazakhs started with naming their relatives. Kazakhs

divide all relatives into three groups being guided by considerations that a person as a social subject is connected first of all to three zhurts (kz. жұрт – lit. people): own zhurt – father's relatives; nagashi zhurt (kz. нағашы жұрт) – mother's relatives; kaiyn zhurt (kz. қайын жұрт) – wife's or husband's relatives. The names of the own zhurt (clan) are the following: әке (father), бел бала (son), немере (grandson), шөбере (great-grandson), шөпшек (great-great-grandson), немене (great-great-great grandson), жүрежат (great- great-great-great grandson). These are the seven generations. Further – great baba (ұлы баба – lit. great-greatgrandfather), baba (баба), ata (ата - grandfather), azhe (әже – grandmother), koke (көке – uncle), sheshe (шеше – mother), ogei sheshe (өгей шеше – stepmother), toqal sheshe (тоқал шеше - the second wife of father), apa (апа – mother), agha (аға – elder brother), tate (тәте-aunt), apke (әпке – sister), ini (іні – younger brother), qaryndas (қарындас – younger sister), ul (ұл-son), qyz (қыз – daughter), nemere ini (немере іні-grandnephew), nemere qaryndas (немере қарындас – grandniece), shobere ini (шөбере іні – great-grandnephew), shobere qaryndas (шөбере қарындас – great-granddaughter), etc. And these are the relatives from father's side. There are also names for the relatives on mother's side, names for matrimonial relations. All in all there are 90 main names of close relatives. Naming relatives to their communicant Kazakh people start the titling from themselves. This is why a Kazakh does not feel like a stranger in any society being sure that among their communicants there will be at least one close or faraway relative from one of the titled groups or subgroups. If there is no one, there will be a relative from their zhuz – the biggest (after ethnic) identity index among Kazakh people. There exist other more faraway connections apart from these clans such as branches of nieces and nephews, fathers of the sons-in-law, and non-clan connections according to the rituals, combat kinship, peaceful brotherhood, etc., the ones equally important as blood relations. This was one more physical and psychological adaptation security mechanism on boundless nomadic areas.

The vigor of Kazakh in-family relations can be found in the communicative tactics of convergence. Kazakh people tend to shorten the distance between communicants by expressing their sympathy, benevolence, disposition and solidarity towards the communicant. In both, formal and informal, verbal communication Kazakh people tend to transfer communication to a more relative-like stage. Kazakhs use the names of relatives to address their communicants (for example, the word 'ағай' is usually attributed to a man who is older than the addressor, the words 'апай' and 'әпке' (lit. 'sister') are usually attributedto a woman of an older age than the addressor. These strategies can be also noticed in communication between older and younger people. For example, 'қарындас' (lit. 'little sister') is usually used by men to a woman who is younger than the addressor, 'бауырым' (lit. 'younger brother') is also usually used by men to men who are younger than the addressor, the word 'балам' (lit. sonny) is usually used by women to men who are twice younger than they are, so that they could be their sons), қызым (affectionate-diminutive from daughter) by women to women (girls) who are twice younger than they are, so that they could be their daughters). These words can be used when addressing strangers, as well as familiar people to whom the addressor wants to demonstrate their family-like or relative-like relationship. When communicating to a person whose status is higher than the status of the addressor, Kazakh people tend to add to the first syllable of the addressee's name a polite ending (for example, Бауыржан Серікұлы (first name and second name) – Баке (first syllable of a first name added an affectionate-diminutive ending). When communicating informally and addressing children Kazakh people usually make-up endearing nicknames which can be a shortening of the original name (for example, Дәулет (full first name) – Дәкөш (the first syllable of the first name added an affectionate-diminutive ending), etc.) or names of baby animals or birds (for example, ботақаным (lit. 'my colt', affectionate-diminutive), құлыншағым (lit. 'my foal' affectionate-diminutive), балапаным (lit. 'my poult', affectionate-diminutive), etc.)

REFERENCES

АЛИМЖАНОВА, Г.М., 2010. *Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культура и человека*. Алматы.

АВЕРИНЦЕВ, С. С., 1988. *Попытки объясниться: Беседы о культуре*. Москва.

ОНАЛБАЕВА, А.Т., *Особенности русских, казахских и китайских средств невербального общения*. Available at: http://www.rusnauka.com/6_NITSB_2010/Philologia/59698.doc.htm [Accessed on December 3, 2011].
СЕПИР, Э., 1993. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва.
SIDIMBEK, A., 2001. *The World of Kazakhs*, Rauan, Almaty.
ONALBAYEVA, A., 2010. *Non-verbal Communication: Social and National-Cultural Context.* Almaty.
СТЕРНИН, И.А., 2007. *Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования*, АСТ: Восток-Запад.
СТЕРНИН, И.А., СТЕРНИНА, М.А., 2001. *Очерк американского коммуникативного поведения*, Воронеж :VSU.
СУКАЛЕНКО, Н.И., 1992. *Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира*. Киев: Наукова думка.
ТЕР-МИНАСОВА, С.Г., 2000. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва: Слово.
BLATNER A., M.D., *About non-verbal communications*, part 1. Available at: http://www.blatner.com/adam/level2/nverb1.htm
BROWN, P., LEVINSON, S., 1987. *Politeness Theory*. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Politeness_theory
International Business Wiki website. Available at: http://internationalbusiness.wikia.com/wiki/Kazakhstan-_Communication_Patterns-_nonverbal
LASWELL, H., 1948. *Communication Theory*. Available at: http://communicationtheory.org/lasswells-model/

Мадина Аширимбетова
Университет имени Сулеймана Демиреля

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Аннотация

Исследования коммуникативного поведения приобрели актуальность в Казахстанской лингвистике в первой декаде 21 века. Интерес к национальной истории, традициям и обычаям возрос в связи с интенсификацией самосознания казахского народа и растущих международных отношений внутри и за пределами страны. Автор статьи обсуждает национальный аспект в коммуникативном поведении и некоторые из традиций казахского народа, сохраненных и забытых современными казахами, таких как принцип старшинства, гостеприимство и другие, объясняя исторические предпосылки возникновения особенностей национальной культуры и их отражение в коммуникативном поведении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Национальные особенности, казахское общество, принцип старшинства, молодое поколение, традиционный, этикет

Eglė Brasaitė
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 8, Kaunas 42230, Lietuva
E-mail: ebrasaite@yahoo.com
Algis Braun
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 8, Kaunas 42230, Lietuva
E-mail: apb719@yahoo.com

CONCEPTION OF TIME AND SPACE: POST-APOCALYPTIC CHRONOTOPE

Russian scholar Mikhail Bakhtin (1895–1975) entered the history of literary criticism by introducing the concept of time-space and denominating it as a chronotope. Chronotopic classification provided by the author was comprehensive, yet not complete. It does not comprise the analysis of time-space of all novelistic genres, including science fiction that poses an increasing interest in the readers. Therefore, this article is an attempt to supplement Bakhtinian chronotopic classification by a new type of chronotope. The novelty of this research lies in the investigation of post-apocalyptic fiction that has not yet been examined in respect to Bakhtinian chronotope theory. During the investigation the essential components of the post-apocalyptic chronotope and its motives were established and provided as possible complementation of the classical chronotope classification.

KEY WORDS: chronotope, superchronotope, chronotopic motifs, apocalyptic chronotope, post-apocalyptic chronotope.

1. Bakhtin and the chronotope

Mikhail Mikhailovich Bakhtin (1895–1975) was a Russian philosopher, literary critic and scholar, whose major concerns were the philosophy of language and literary theory. Though Bakhtin was influenced by the ideas of Russian formalists, yet his greatest attention was not focused on the analysis of short stories (as this genre was the major concern of the formalists), but on the novel as a "highly integrative genre" (Spiridon 2008, p.6). The novel was regarded by Bakhtin as a unique, distinctive genre, as Morson and Emerson, the first-rate interpreters of Bakhtin call it, "the richest form of ethical thought" (Morson & Emerson 1997, p.367). At the beginning of the 20th century (1934) the scholar was about to present a new approach towards the analysis of a novel, hence the term and the concept of *chronotope* was introduced, making a great input to the field of literary scholarship. Originally, the term comes from the Greek words χρόνος ('time') and τόπος ('space') that can be literally translated as "time-space" (*The Literary Encyclopedia*). Bakhtin introduced this term in his essay *Forms of Time and of the Chronotope in the Novel*(1975), giving no concise definition of it, only characterizing it as "the intrinsicconnectedness of temporal and spatial relationships that are artistically expressed in literature" (Bakhtin 1998, p.84). According to the scholar, *chronotope* or time-space is the basis for the story. It is the *chronotope* that shapes the events that happen in a story (the plot) and not vice versa. Hence, *chronotope* may be understood not only as a combination of time and space in the story, but as a perception of the world in general – the relation of people to the world that surrounds them. In order to clarify what the concept '*chronotope*' is and how it has changed during different periods of time, the classification of *chronotopes* is provided. According to Bakhtin, there are three *super chronotopes* that encouraged the development of other *chronotopes* in the course of time. These super chronotopes were named according to the ancient novels in which they were found: the Greek romance, the adventure novel of everyday life and the biographical novel. What is more, Bakhtin distinguished between the *chronotopes* of the whole genre (*super chronotopes*) and "chronotopic motifs" (Morson, Emerson

1997, p.374). One must acknowledge that the term "chronotope" is not used by Bakhtin equally in all cases. It sometimes also carries the meaning of "congealed event" – a fixed ending, or to be more precise, an already anticipated turn of the events in a narrative, but not the *super chronotope* which is a combination of chronotopic motifs and different concepts that are the basis for reflection of human life in fiction. Therefore, each of Bakhtin's *super chronotope* has its chronotopic motifs that evoke a preconception of upcoming events in a narrative. As the author remarks many times in his essay, chronotopes and chronotopic motifs share many features in common. In most cases more than one chronotope exists and operates in a narrative (heterochrony). By the appearance of one or another chronotope, or a combination of certain chronotopic motifs, we may imply what novelistic category the text belongs to and what worldview it represents, and Bakhtinian analysis of chronotopes and their classification is very useful here. In order to make it easier to distinguish chronotopes from chronotopic motifs and to avoid misunderstanding, a table of chronotopic classification is provided.

Table 1.*Chronotopic classification*

Super chronotopes	**Chronotopes**	**Chronotopic motifs**
The Greek romance The adventure novel of everyday life The biographical novel	Adventure time chronotope The road chronotope Chronotope of threshold Idyllic-cyclical chronotope Chronotope of the chivalric romance Chronotope of the life course of one seeking true knowledge	Motif of meeting Motif of becoming Motif of guilt and moral downfall Motif of punishment, redemption and rebirth Motif of change Motif of testing and adventures

Source: Created by the authors.

However, many decades have passed since Bakhtin's theory of chronotopes was presented to the world, and several new novelistic genres have appeared, introducing and reflecting different perceptions of the world and consequently new chronotopes. Therefore, this paper will further observe the latest genres of the novel and provide a new study towards the chronotopes and chronotopic motifs.

2. Further chronotope investigations

More than seventy years have passed since Bakhtin presented his approach towards the novel, but his ideas concerning time-space are still relevant and serve as a basis for the analysis of the novelistic chronotope. Popularity of Bakhtin's theory is evident, as articles and conference reports on the topic of Bakhtinian interpretation of the novel are constantly published. However, the presented theory and classification of chronotopes and chronotopic motifs was not a complete one. As the author explained, "serious work on the study of space and time in art and literature has only just begun" (Bakhtin 1998, p.85), and thus the presented theory allowed and still allows supplementation. Supplementation is here understood as further classification of chronotopes that may be discovered in novelistic genres that were not analysed and discussed by Bakhtin. One of such genres is apocalyptic fiction. It is a sub-genre of science fiction, presenting the end of the world (or civilization) caused by incurable disease (plague), natural force (flood, climate change, etc.) or humanity (nuclear war). Naturally, such type of fiction presents its unique perception of the world, time and space, and introduces one more chronotope which supplements Bakhtin's chronotopic classification—*the apocalyptic chronotope*, analysis of which was provided by Michael E.Vines, an assistant professor of Religious Studies at Lees-McRea College in Banner Elk, North Carolina, USA. However, his approach towards the chronotope is highly influenced and connected to theological context. Yet, there are many examples of apocalyptic fiction that do not contain prophetic chronotope in their structure, but are still regarded as apocalyptic, as, for example, Kurt Vonnegut's *Cat's Cradle* (1963) or Jack London's *The scarlet plague* (1912). What is more, due to the heterochrony some chronotopes or chronotopic motifs that were defined by Bakhtin may also be observed in apocalyptic fiction. In order to define general characteristics of the apocalyptic

chronotope, the analysis of the apocalyptic short story *The End of the World as We Know It*, written by Dale Bailey, was carried out, highlighting the key aspects of the apocalyptic chronotope that are provided in table 2.

Table 2.*The apocalyptic chronotope*

Chronotopes	**Chronotopic motifs**
Chronotope of the threshold Chronotope of the road Chronotope of everyday life Dystopian chronotope	Motif of disillusion in world events and human activity Motif of meeting Motif of longing for past Motif of spiritual change
Time presented in the narrative	
Pre-apocalypse The apocalypse Real historical time Biographical time	

Source: Created by the authors.

It should be noticed that the characteristics of the apocalyptic chronotope presented above are basic, but not obligatory to all apocalyptic texts. Different authors imagine and present different kinds of the end-of-the-world, and according to their own perception of the world, different motifs and chronotopes may or may not appear in a narrative. Apocalypse is understood as a final stage of global existence, after which nothing is left.

However, such scenario is not acceptable for all writers of the apocalyptic fiction. Hence, post-apocalyptic science fiction presents a different perception of the world. It represents its unique understanding of time and space, creating an entirely new chronotope, which is going to be observed in the following chapter.

3. Post-apocalyptic chronotope

People have been thinking about the end of the world since ancient times, beginning with the *Book of Revelation* and ending with modern science fiction writings, TV programmes and films that have recently gained enormous popularity (*28 Days Later* (2002), *I Am Legend* (2007) *WALL-E* (2008), *The Road* (2009), *2012* (2009), *Zombieland* (2009) *The Book of Eli* (2010), *Skyline* (2010), *Battle: Los Angeles* (2011) etc.), especially those which present the world after the apocalypse. Popularity of the post-apocalyptic genre may be explained due to a simple interest in what the world would look like after the end. Human nature encourages us to expect something more, to have hope for surviving and moving on, and such hope is provided by the post-apocalyptic fiction.

However, one must acknowledge, that the life “after” would greatly differ from the life “before,” and the life “after” greatly depends on the writer’s imagination. This suggests that each post-apocalyptic text has its separate chronotope, different perception of time, space and man’s role in it.

Yet there must be several common features, some common ideas shared by the authors of post-apocalyptic texts, otherwise there would not be any basis for the formation of the genre. So far no detailed analysis and description of the post-apocalyptic chronotope has been provided. Therefore, the following analysis of the post-apocalyptic novel will help to establish characteristics of the post-apocalyptic fiction and thus provide the basis for further examination of the genre.

3.1. Time-space in the post-apocalypse

In order to suggest a chronotope as a supplement to classical (Bakhtinian) chronotope classification, certain peculiarities and characteristics must be defined and established. Therefore, Cormac McCarthy’s post-apocalyptic novel *The Road* (2006) was chosen as a data source for the experimental research and analysis of the post-apocalyptic chronotope. *The Road* as a bestseller in

the USA, and a winner of the Pulitzer Prize (2007). Literary critics, such as, for example, reviewers of *The Washington Post's Book World*, regard it as a representative of the genre, the outstanding one. Thus the plot of the novel will be analysed in order to describe the time and space presented in the text.

The plot of the novel is composed around two protagonists –father and son – living in the post-apocalyptic world. They travel along the country in order to reach the sea, and their life "on the road" is presented in the book, providing a detailed picture of the surrounding world.

The post-apocalyptic world is dull. There is no sun, no moon, no trees, no animals and very few people, except several survivors wandering in the country. Everything is covered by ashes, there is "the faint light all about, quivering and sourceless, refracted in the rain of drifting soot" (McCarthy 2006, p.15). Naturally, such conditions provide a certain perception of the space presented in the novel. The hero of the story (father) has lost his spatial perception. He does not know where he and his son exactly are, as there are no spatial references left: road signs disappeared, cities were swept out of existence. Only the roads are left to reach the destination of father and son's journey. The direction in which they are moving is south, as the characters are trying to reach the coast of the ocean. They also have an old map, but it is useless as there are no places left on the earth that could be marked on it. Everything has lost its name. Hence, the space in the novel may be defined as vague and limitless. It is an alien world for the characters of the story, similar to the space presented in the Greek romances, where limitless space was provided for unexpectedness and completion of heroic deeds. But the hero of the Greek romance still had his homeland. He had a place he called home, where he would return after adventures. Characters of the post-apocalyptic novel do not have home and even a shelter. What is more, the two main characters are separated from other survivors of the apocalypse. They cannot make friends because they cannot share their food stocks as they are themselves on the limitation of starvation. People are hostile to each other, thus introducing dystopian chronotope to the narrative. Furthermore, there is a danger to be killed by thieves or cannibals. From here follows, that not only the world is distant and alien for those who survived, but also people are alien to each other, which suggests the downfall of social relations. Characters are forced to travel every day in order to survive. Constant moving in space suggests that the story contains the adventure-time chronotope. But the adventure is not here understood as in ancient types of novel. Adventure is here interpreted as a life challenge. Both, father and son, have nothing to fight for, except for another day on Earth. However, their adventures have a purpose. Father has a hope that life near the sea could be better than it is now for him and his son. This hope is the only factor that makes them struggle with death and not give up.

Though space reflected in the novel is abstract, yet the text contains some clues about preliminary location of heroes. Consider the following quotation:

> Well. I think we're about two hundred miles from the coast. As the crow flies.
> As the crow flies?
> Yes. It means going in a straight line.
> Are we going to get there soon?
> Not real soon. Pretty soon. We're not going as the crow flies (McCarthy 2006, p.157).

As the example shows, space markers are necessary in order to make characters' journey reasonable. They help to strengthen the forthcoming climax of the story which is supposed to bring a certain conclusion: a remuneration of characters' efforts and deeds and, finally, the message carried by the author.

Another feature of the post-apocalyptic space that appears in the novel is *the chronotope of the promised land*. This chronotope is composed only of space, as it represents the location on earth that is completely different from the surrounding post-apocalyptic world. There are two episodes in the text where such chronotope appears. The first one is observed when father and son find a bunker. After several days of cold and starvation they finally discover a place full of drinks and food:

> Crate upon crate of canned goods. Tomatoes, peaches, beans, apricots. Canned hams. Corned beef. Hundreds of gallons of water in ten gallon plastic jerry jugs. Paper towels, toilet paper, paper plates.

> Plastic trashbags stuffed with blankets. He [father] held his forehead in his hand. Oh my God, he said(McCarthy 2006, 138).

The bunker resembles paradise on Earth. In the post-apocalyptic world filled with ashes, hunger and filthy clothes, such simple things as fresh bedding, blankets and pillows gain importance and become equal to the most valuable treasures. There are different sorts of canned food in the bunker that father has not seen for years, and his son has not tasted at all. And that food canned in little tins is probably the last left on Earth, because there are no trees to grow fruits and no animals to be raised. Therefore, the idea of eating and drinking as much as one wants is regarded as utopian in the post-apocalyptic world. As the episode of a man and a boy in a bunker introduces one more chronotope in the novel it will therefore be further analysed.

It is evident that the living conditions in the bunker and outside it significantly differ. Life outside the bunker has been over for years, and life inside the bunker can provide comfortable living conditions for those who own it. Hence, the bunker may be interpreted as a separate world from that of the post-apocalypse. The two characters that happen to find it and settle in for several days do not have to obey the rules of distorted world. They do not have to save food for another day, do not have to look for shelter, they do not have to pull a grocery cart filled with items necessary for survival. They may have a bath, have their hair cut and not be afraid of being killed. The bunker provides a feeling of safety which is absent in the post-apocalyptic world. It creates a utopian chronotope that is opposed to the post-apocalyptic world. Characters feel comfortable and relaxed in the bunker, sheltered by its walls. However, fear does not leave the characters. It is a feeling that remains throughout the narrative. Fear of being caught by cannibals is the sole reason why the man and the boy leave the bunker and continue their journey to the coast.

Another episode of the promised land appears at the end of the novel, when father and son reach the coast. The coastal destination was father and son's promised land. The imagined and desired land which appeared to be an illusion. Father had a hope to show the sea to his son, and that it would be fresh and blue as it used to be "before". But he becomes disappointed and disillusioned when he sees it gray and mixed with ashes. Both, the man and the boy, realize there is no place to escape to and the motifs of hopelessness and disappointment appear.

Though disappointment and melancholy were daily companions of father, there were no motifs of irony discovered in the text. This suggests that the character is not hostile to the world. He does not try to change the world or fight with the circumstances of the apocalypse. The character is presented as a passive observer of events happening in the post-apocalyptic world. He is abided with the circumstances and simply tries to escape death and preserve the life of his son. Though the major character is of a passive type that predominates in the narrative, there are several other character types presented in the novel. One of them is the mother of the boy and the wife of his father. She is episodically presented to the reader in the dreams of the man. As the story tells, she was too depressed to live in the ruins of civilization and decided to commit suicide. She believed that suicide is a better choice than deplorable existence. She was constantly afraid of her son's and husband's lives and increasing depression forced her to make a decision. Therefore, such character type may be interpreted differently. On the one hand, woman's decision to commit suicide is brave and willful. She puts an end to her life as she does not see any perspectives to live anyway. Hence, she may be characterized as an acting heroine that makes decisions and struggles (or protests) against the surrounding world. But on the other hand, such behavior may be regarded as a sign of passivity. Passing away without trying to survive and getting rid of responsibility for a child and his further life (or existence) may be appreciated as cowardice and levity. The attribution of such character to the active or passive type depends on the reader's attitude towards suicide in terms of the post-apocalyptic world and towards suicide in general.

One more character type presented in the novel is active and aggressive. Cannibals, who father and son are afraid of, belong to this type. Cannibals in the post-apocalyptic world present an interesting attempt to survive in complex conditions. Apparently, these people were not cannibals before the apocalypse, but their attitude towards other people was changed afterwards. Having no hope to find food and running out of livestock and pets they have found an alternative for life-

sustaining—cannibalism. These people got into groups and started hunting other people, thus creating a distorted society, in which each member has his/her duties: some are hunters, some are guards that protect the house of the group and hunted prey (they do not kill all hunted people immediately, but one by one each day in order to keep the meat fresh), and some play the role of a butcher. These cannibals may hardly be called people, as their values and humanity are lost. They could have chosen death (suicide or other form of passing away), but their primary survival instinct encouraged them to live. And so they kept trying to prolong their existence in the world which stopped existing many years ago, but the will to live remained: "Nobody [wanted] to be here and nobody [wanted] to leave" (McCarthy 2006,169).

Fortunately, father and son manage to escape from the cannibals attack, but their journey on the road is constantly followed by encounters with other nomads. The motif of meeting is a common feature of apocalyptic and post-apocalyptic fiction, but it greatly differs from meetings observed by Bakhtin in the Greek romance texts. If the heroes of the Greek romance usually passed each other, heroes of the post-apocalyptic fiction were not provided with such possibility. Only through meetings with other people on the road the lamentable and impotent existence of survivors was revealed. Therefore, several episodes of meeting are going to be further detailed and analysed.

The first meeting in the novel may be described as shattering and frustrating. Along their journey to the coast, father and son meet a man struck by lightning. He was slowly moving on the road, and father and his son did not come closer:

> "They followed him a good ways but at his pace they were losing the day and finally he just sat in the road and did not get up again. <…> He was as burnt looking as the country, his clothes scorched and black. One of his eyes was burnt shut and his hair was but a nitty of ash upon his blackened skull. As they passed he looked down. As if he'd done something wrong"(McCarthy 2006, 49, 50).

The man was nerveless and hopeless. He suffered pain and needed medical treatment, but there were no hospitals to take care of him. And even though the boy asked his father to help the man, there was nothing that they could do for him. They did not have medicine and sufficient food supply to be shared with strangers. The episode reveals the hopelessness of situation. Father and son feel guilty for not giving a hand and at the same time are forced to ignore the stranger in order to ensure their own safety. Meanwhile, the stranger also perceives the hopelessness of his situation and chooses a passive existence. As the boy and the man pass him by, the stranger lowers his head, thus showing understanding of their deed. It is a sign of rejection of such pathetic existence and a silent farewell.

Another meeting presented in the text happens when the protagonists leave the bunker. They meet an old man. He carries an old military bag with him and looks as bad as the one they have met before. Similarly to the man struck by the lightning, the old man steps aside the road and waits for the strangers to come closer. He has also chosen a role of a passive observer. Starving for many days and walking for many miles he is simply too tired to care about his life. But this time father and son have some canned food stocks and, as son begs, father allows the old man to eat with them. After the meal the old man and father sit near a bonfire and have a conversation. They talk about the life after the apocalypse and even make jokes of it, but besides all that is the feeling of loneliness and desire to communicate, to share everything that has been collected for years, to talk about things the father could not talk to his son. However, the old man does not fulfill his expectations. Father has a hope that the old man would inspire courage and hope for better life, but he is as tired of inhuman existence as father himself, so the next morning their paths split.

One more meeting took place later, when father and son had reached the sea. This meeting was the most unpleasant of all introduced in the novel. The unknown man was a thief who stole a grocery cart filled with father and son's goods, including canned food and blankets. The episode reached its climax as the thief was caught and forced to give everything back. Father also made him to take his clothes off and put them into the cart, thus condemning the man to death, as he would have done the same for the boy and his father by stealing everything they had. It is the episode that

shows how miserably people may act in certain conditions. The man was starving for many days and his own life was more important than lives of those from whom he stole the cart. The man felt guilty and sordid as he saw the boy, but there were certain turning points in his life that made him act in one or another way. Everyone that survived the apocalypse was greatly influenced by it, and therefore, the chronotope of threshold is one of the major components of post-apocalyptic world. It should be noted, that threshold in this story has a metaphorical meaning. Threshold should be regarded as certain events, turning points that influence characters of the novel. As it may be observed in this novel, every character presented in the narrative has overcome apocalypse and turning points in their lives after which their behavior has completely changed: some people became cannibals, some gained passivity and chose dull existence, mother decided to leave her baby and this miserable world, which in other circumstances would hardly happen, and father took the role of protector and tried to save son's life. Though the man could not accept such deed of his wife, he still missed her and everything that was related to the past:

> "He could remember everything of her save her scent. Seated in a theatre with her beside him leaning forward listening to the music. Gold scrollwork and sconces and the tall columnar folds of the drapes at either side of the stage. She held his hand in her lap and he could feel the tops of her stockings through the thin stuff of her summer dress. Freeze this frame. Now call your darkness and your cold and be damned" (McCarthy 2006, 18, 19).

Here the motif of longing may be noticed. The man misses his wife, misses the world and people that surrounded him, misses simple communication and curses the present which took everything from him. Everything that was familiar and precious is set in the past that will never come back, and everything that is left represents the daily routine of survivors. The perception of the future as eschatological is peculiar both for the apocalyptic and post-apocalyptic fiction. As we may observe, father is pessimistic considering even the nearest future, as he and his son have to put a lot of effort to outlive the present. Nonetheless, the man wishes his son will wait for better times. As it was already mentioned in the analysis, hope and fear are the driving forces that develop the plot of the novel, but as the story reaches its climax, the hope disappears and fear overwhelms everything that was left for the protagonists of the story. Yet the fear at the last episodes of the novel is different from that prevailing in the whole work. Fear now includes the motif of peradventure. The man (father) gets injured by an arrow as he and his son observe a seaport town. He now is in a hopeless situation as the man struck by lightning was. Having no medicine or bandages he has no chances to survive, but his major concern is not his life. He is afraid of what life will wait for his son when he dies. There is no one left on earth that would take care of his little boy. The surrounding world becomes darker and savage, until it finally disappears and father dies. The following episode illustrates the boy sitting near his father's corpse and talking to it. Such sorrowful and pitiful moment could serve as the final scene of the novel, summarizing the presented post-apocalyptic world as generally cruel and grim.

However, the author decided to add one more episode at the end of the novel. He introduces another figure in the text—a wandering family that shelters the little boy and does him no harm. The woman accepts him as one of her children. She talks with him and tells him about God. She tries to give hope to the boy and simultaneously to herself that everything will be alright. In this episode the author presents a different type of survivors: they are neither cannibals nor cruel burglars. They are of the old pre-apocalyptic type, preserving faith and classical model of family (and society). Although the family represents virtues that were important in the pre-apocalyptic world and ensured safe and happy life, yet they fail to ensure any life at the post-apocalyptic world, and hence loose significance. The message of the author was to show the post-apocalyptic world as grim and pointless, leaving no hope for both sinners and saints. The novel ends with the illustration of the post-apocalyptic nature and, thus reveals the painful truth: nothing is going to be the same and the world will not come back:

> "Once there were brook trout in the streams in the mountains. You could see them standing in the amber current where the white edges of their fins wimpled softly in the flow. They smelled of moss in your hand. Polished and muscular and torsional. On their backs were vermiculate patterns

> that were maps of the world in its becoming. Maps and mazes. Of a thing which could not be put back. Not made right again" (McCarthy 2006, 286,287).

The perception of the post-apocalyptic world is formed not only by the surrounding world or space, but also by being and living in such conditions, i.e. time. Time that shapes the post-apocalyptic chronotope of the novel greatly differs from that presented in different genres of fiction. It has its unique subdivision of time in to "then" and "now." "Then" is the past often recollected by father. Recollections are always followed by melancholy and sadness. The past embodies all good qualities of the world. It is assumed as the golden age of humanity, whereas "now" is empty and desolated. It is not known when the apocalypse, the breaking point of the world, came and what kind of disaster overwhelmed the world, but some hints were provided in the text:

> "The clock stopped at 1:17. A long shear of light and then a series of low concussions. He got up and went to the window. What is it? She said. He didn't answer. He went into the bathroom and threw the lightswitch but the power was already gone. A dull rose glow in the windowglass" (ibid. 2006, 52).

As the quotation suggests, the end of the world started at night, but the exact time and date were not indicated. The time, showed by the clock, merely represented the start of personal apocalypse. It is not known whether they were the first or the last ones on earth that suffered this disaster. Hence, it may be stated, that real historical time is not included into the chronotope of the novel. As the story proceeds, there are no place names or famous buildings described or named in the text. Characters simply pass from one place to another and do not bother what those places used to be before. Time as if stopped for them and for everyone in the world after the end.

Furthermore, there is no estimation of how long the apocalypse lasted and when the post-apocalypse came. The duration of the post-apocalyptic time in the novel may only be presumed by the detailed illustration of the surrounding world and the state of things that were observed by the characters of the novel:

> "They crossed the broken asphalt apron and found the tank for the pumps. The cap was gone and the man dropped to his elbows to smell the pipe but the odor of gas was only a rumor, faint and stale. <…>The boy stood in the door. A metal desk, a cashregister.Some old automotive manuals, swollen and sodden. The linoleum was stained and curling from the leaking roof" (ibid. 2006, 6, 7).

Though time in the novel is presented as indefinite, yet it still has its chronology. The World time has stopped by the time the apocalypse began, but the biographical time of the survivors remained and was represented in the text. As the plot of the story reveals, biographical time of father and son is cyclical. It is worth mentioning, that the word "cyclical" obtains another meaning in the context of post-apocalypse. It does not represent different stages of human life and their change as it did in the adventure novel of everyday life, but represents the subdivision of time into day and night without any definite starting point of both of them. One day replaces another and that is the only indication of time throughout the narrative. Time slows and loses weight, since there is no need to rush. The post-apocalyptic time is the opposition of the past time, when the world was in a rush and always late. There was no time to stop and enjoy simple things, as people were always "on the road."

The chronotope of the road is also present in the post-apocalyptic world. In Cormac McCarthy's novel the road is the major axis around which the plot is constructed, and plays a double function. First of all, the road denotes place, a section of unnamed space occupied by the protagonists of the novel. Secondly, the road also indicates the flow of time, as father and son spend days and nights on it. To quote Bakhtin, the road is a perfect example of what could be called time-space. It is a fusion of both elements of the chronotope in which characters act. The road in the novel symbolizes characters' path of life. Each time they get off the road, they discover unknown spaces and meet other people. Straying from the path is necessary in order to find some food, but is regarded as a deviation from the basic objective of the journey and therefore does not last for a long

time. Coming back on the road suggests coming back to the purpose of their life—the journey to the promised land which is never fulfilled.

The analysis of the novel provided us with information necessary for the establishing of the post-apocalyptic chronotope. It revealed the uniqueness of time and space presented in the narrative and represented a different perception of the world that it was presented in other genres. Taking everything into consideration, we may provide general characteristics of the post-apocalyptic chronotope that may be useful for further analysis of the post-apocalyptic fiction.

3.2. The post-apocalyptic chronotope

The post-apocalyptic chronotope provides a unique subdivision of time. Time is parted into "now" and "then." "Then" represents the past and contains all good things the world has ever had. It is the time in which the author and the reader exist, as the post-apocalyptic world is realized as taking place after the apocalypse, which is not experienced by those who exist in the present. "Now" represents the post-apocalypse. It is a miserable present for the characters of the story that are separated from the reader by the apocalypse.

As the best part of the world is set in the past, the present gains no importance. Time globally stops, therefore no precise indications of the flow of time are provided in the text. The amorphous whole peculiar to the past is substituted by biographical time, thus leaving no space for historicity. Biographical time also contains the chronotope of everyday life, as the novel illustrates realities of everyday life: hunger, search for food and clothes.

Space in the "after" world is abstract and limitless. There are no indications of historical place names due to the absence of objects those names denote. The characters of the story are also unnamed as their names are of little importance because their identities have vanished. They were tried by the apocalypse and failed to resist it. Hence, the chronotope of the threshold is peculiar to the post-apocalyptic fiction. After the threshold characters lose their identity and set on the road. The chronotope of the road is inseparable from the apocalyptic and post-apocalyptic fiction as it provides space for encounters and adventures to take place. As has been proved by the analysis of the novel, the motif of encounter serves as an illustration of changed social relations and values. Post-apocalyptic people are presented as distant from each other, often prone to abuse and violence that even reaches its top and turns into cannibalism. Sympathy and regret are replaced by fear and self-protection. The world becomes alien for people, and consequently people become alien to one another. In such shapeless and limitless world mankind reveals its extraordinary properties. Some of the presented characters become active, or to be more precise, reactive and struggle against the world. The others, on the contrary, become passive observers, as if hypnotized puppets wandering in the world just for the sake of wandering.

Such are general characteristics of the post-apocalyptic world and the post-apocalyptic chronotope. In order to make it easier to distinguish characteristic features of this chronotope, the following table is provided.

Table 3.*Characteristis of the post-apocalyptic chronotope*

Chronotopes	**Chronotopic motifs**
Chronotope of the threshold Chronotope of the road Chronotope of everyday life Chronotope of the promised land Dystopian chronotope	Motif of meeting Motif of longing for past
Time presented in the narrative	
Past ("Then"—an amorphous whole) Post-apocalypse ("Now") Biographical time	

Source: Created by the authors.

The analysis, provided in the article, is the starting point for further examination of the chronotope theory and its application to different genres of the novel. Therefore, it should not be considered as complete, as there are still many novelistic genres that are not examined on the basis of Bakhtinian approach towards time-space.

REFERENCES

BAILEY, D., 2005. *The End of the World As We Know It*. In: http://www.johnjosephadams.com/wastelands/?page_id=40

BAKHTIN, M. M. ,1998.*The Dialogic Imagination*. Austin: University of Texas Press.

KOKAITĖ, V., 2010. *Slėpynės tarpduryje*. In: http://www.bernardinai.lt/straipsnis/-/44321

McCARTHY, C., 2007. *The Road*. New York: Vintage Books, Inc.

MORSON, B. S., EMERSON, C., 1997. *Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics*. California: Stanford University Press.

SPIRIDON, M., 2008. *Bakhtin Our Contemporary*. In http://www.litencyc.com/php/stopics.php?rec=true&UID=187

The Literary Encyclopedia. In: http://www.litencyc.com/php/stopics.php?rec=true&UID=187

VINES.M., 2004.*The Apocalyptic Chronotope*. In: AAR/SBL Annual Meeting. Texas.

Eglė Brasaitė
Vilniaus universitetas, Kauno humanitarinis fakultetas
Algis Braun
Vilniaus universitetas, Kauno humanitarinis fakultetas

LAIKO IR ERDVĖS SAMPRATA: POSTAPOKALIPTINIS CHRONOTOPAS

Santrauka

Rusų filosofo, literatūros kritiko bei mokslininko Michailo Bachtino (1895 – 1975) įvestas terminas „chronotopas“ gali būti nusakomas kaip laikovietis (Kalpokaitė 2010, p.1) – literatūros kūrinio laiko ir erdvės sąveika, formuojanti siužetą bei perteikianti bendrą pasaulio suvokimą, tačiau chronotopų klasifikacija nėra uždara ir visiškai suformuota kategorija. Laikui bėgant kinta pasaulėžiūra, todėl chronotopų klasifikacija yra nuolat papildoma naujais chronotopų tipais.

Šiuo straipsniu siekiama rasti dar neaprašytą chronotopo tipą, jį išanalizuoti ir pateikti kaip galimą chronotopų klasifikacijos papildymą. Mokslinė fantastika pasirinkta kaip literatūros sritis, kuri iki šiol nebuvo išsamiai nagrinėjama remiantis M. Bachtino chronotopų teorija. Analizei pasirinktas Kormako Makarčio postapokaliptinis romanas „Kelias“ (2006). Analizuojant kūrinį, atrastas postapokaliptinis chronotopas. Šis chronotopas yra svarbus tiek plačiąja, tiek literatūrine prasme, nes per jį atskleidžiamas naujas laiko ir erdvės suvokimas, naujas požiūris į pasaulį ir žmogų.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: chronotopas, superchronotopas, chronotopinis motyvas, apokaliptinis chronotopas, postapokaliptinis chronotopas.

Maija Brēde
University of Latvia
Nicgales St. 8 – 36, Riga LV-1035, Latvia
E-mail: mabred@lanet.lv

CHARACTERISTICS OF THE PUBLICISTIC INTONATIONAL STYLE IN ENGLISH AND LATVIAN

Different speech situations require appropriate intonation styles that are defined as systems of interconnected intonational means used in a definite social setting to achieve some particular aim of communication. The article looks into some features of the publicistic style of intonation in English in contrast to Latvian.

Publicistic style is manifested in political and judicial speeches, in parliamentary debates and sermons, at press conferences and etc. Two full addresses and excerpts of two other speeches delivered by the Prime minister of the UK David Cameron and the ex-president of Latvia Valdis Zatlers were selected for auditive analysis. The analysis provides data on voice timbre, a few style-marking prosodic features and the prominence of semantic centres.

The conclusions include the following. The public speakers' voice timbre is dignified, concerned and personally involved, in some parts emotional. The tempo of speech is normal or slow; the speakers slow down before the most important pieces of information. The pauses registered are relatively long; they include also extra-long pauses (in Latvian) before the semantic centres. The pauses most often mark the boundaries of grammatical constructions; however, according to the speakers' individual interpretation the interpausal segments may occasionally be quite short. Rhythm is stable. The characteristic nuclear tones in the final tone units are the falling tones, especially low falls, whereas in the non-final tone units the predominant tones are rises (low or medium). The function of the falling tones in the non-final tone units is to make the segment sound prominent, or else to draw the listeners' attention to the following stretch of speech.

The basic distinctions of the publicistic style of intonation in Latvian in contrast to English are: a more emotional approach, considerably slower tempo, a more frequent use of long pauses, the absence of the rising tone in statements and a considerable prevalence of the level tone in the non-final tone units.

This analysis indicates that there are features of the publicistic style of intonation that overlap those of the informational style of intonation. It proves the variability of style markers and points to the importance of the interpretation of a particular speech situation.

KEY WORDS: style, intonation, intonational styles, publicistic intonational style, nuclear tones

Introduction

Language variation is typical of all language levels, including the stylistic level, and it applies to all language units. There is an opinion that in spoken language the speaker's attitude is revealed more vividly, whilst written language uses different means to the same end. The Latvian linguist J.Rozenbergs is of the opinian that "The advantages of the living word are associated with intonation as a semantic element, with melodiousness and with pauses, which can be recorded in the written form of language in only a limited way " (Rozenbergs 2004, p. 142). On that account stylistic variation manifests itself not only on the segmental but also on the suprasegmental level of speech including intonation and stress.

The acknowledgement of phonostylistic variations that depend on a number of extra-linguistic factors including the speaker's personality is implemented in singling out styles of pronunciation including intonational styles. Phonostylistic variations are determined by such factors as the aim and the form of communication, the speaker's attitude, the degree of formality and spontaneity. A significant factor in determining the appropriate style of speaking is the speaker's relationship to the addressee. " [...] how well you know someone or how close you feel to them –

relative social distance/solidarity – is one important dimension of social relationships" (Holmes 2001, p. 224). Also D.Brazil points out that the discourse function of the utterance depends on the degree of understanding between the speaker and the hearer: "[…] the discourse values […] are determined on the basis of who knows what" (Brazil 1997, p.100). Different speech situations call for different intonational means to ensure communication.

Intonational styles

Intonation functions differently in individual languages. The features of one particular language used to achieve a certain semantic effect are not the same as in other languages. A.Cruttenden holds that all languages and dialects involve some intonational variation in style, class and sex. In all languages there are varying styles of intonation appropriate to different situations (Cruttenden 1997, p. 128).

A group of Russian linguists defines intonational styles as systems of interconnected intonational means used in a definite social sphere to achieve some particular aim of communication (Sokolova et.al. 1991, p. 153). The following intonational styles are distinguished: informational, academic (scientific), publicistic (oratorial), declamatory (artistic) and conversational (familiar) (ibid.) In reality the number of styles is indefinite, and there is a certain overlapping between them. Among the factors that are taken into account when analysing intonation styles are: the speaker's voice timbre, the borders of utterances marked by pauses, style-marking prosodic features, such as levels and ranges, tempo, pauses, and accentuation of semantic centres: the use of tones in tone units, pre-nuclear patterns and the contrast between accented and unaccented segments (Sokolova 1991, pp. 31, 161).

Several components of this model serve as the basis for the present analysis, since the model comprises essential parameters of intonation patterns related to some particular style.

Publicistic intonational style

The purpose of the publicistic intonational style apart from passing over the intended message is affecting the audience emotionally. In his book on English intonation J.Wells holds that "Lively speakers typically make good use of the wide repertoire of possible intonation patterns… This is true both for the broadcaster, lecturer, preacher, politician, or business-man addressing a public audience…" (Wells 2007, p.1). The material is presented in a forceful and lively manner to sound convincing (Sokolova et.al. 1991, pp. 185, 186). Features of publicistic style are evident in political speeches, parliamentary debates, in congress speeches, press conferences, sermons, etc. Speeches are rarely spontaneous; usually they are prepared and read out. Suprasegmental features, including intonation patterns, stresses, tempo, rhythm and voice timbre are of primary importance in achieving the desired effect.

Gumperz points out that English political speeches, addresses and sermons are distinguished by an unusually large amount of pausing, extensive use of primary stress, marked variation in sentence speech (pitch variations in tone units – M.B.), and tone unit boundaries often cut across syntactic phrases (Gumperz 1982, p.187). The Russian linguists sum up the phonostylistic characteristics of English publicistic speech as follows: the speaker's voice timbre is self-assured, there is personal involvement, the ranges and levels are greatly varied, the tempo of speech is moderately slow, there are a great number of pauses of different length, the speech is rhythmical, terminal tones are mostly emphatic (Sokolova et.al., pp. 188-189).

In Latvian linguistics types of publicistic speeches (mainly for pragmatic purposes) are dwelt on in works by Ceplītis, Katlape and Apele (Ceplītis, Katlape 1968, Apele 1982, 2011). Phonostylistic variation concerning intonation characteristics is a field yet to be explored.

This paper presents the results of an analysis of features of the publicistic intonational style in English and Latvian. The contrastive aspect corresponds fully to the objective of the analysis, namely to register the characteristic properties of the style in both languages with a view to singling

out those that might be common (i.e., typical of the style), as well as distinguishing some individual features in Latvian. It is of no little importance for the purpose of learning and teaching a foreign language.

Materials and methods

For the material of the analysis of the publicistic intonational style, speeches/addresses by two prominent public figures have been chosen: a statement concerning the fight against violence and looting in the country delivered by David Cameron, Prime Minister of the UK (10 August, 2011) and his speech on fair markets (19 January, 2012), an address by the President of Latvia (now ex-president) announcing his decision to instigate the dissolution of the Parliament (28 May, 2011) and his speech on the future of Latvia (24 April, 2011). These are of great concern to the broader public in terms of the information they contain, and they prove the importance of a particular manner of speaking when getting a message across.

The speeches were transcribed marking pauses, stresses and nuclear tones according to regular conventions. The sign ['] before a syllable indicates stress on level pitch (the speakers are using descending scales exclusively); the sigh [,] stands for a low level stress, [·] – for a half-accented syllable and [↑] – for a special rise. Nuclear tones are marked as follows: [̏] – a low fall (LF), [̀] – a high or medium fall (HF/MF), [̗] - a low or medium rise (LR/MR), [́] – a high rise (HR), [̌], [̀ ̗] – a fall-rise (FR). A short or medium pause is marked with [|] , a long pause – with [‖] and an extra long pause – with [|||]. The illustrative examples from Mr Cameron's first address are marked with C-1 and from his second speech – with C-2; examples from Mr Zatlers' first address are marked with Z-1 and from his second speech – with Z-2.

The basic information about the intonational character of the speeches (nuclear tones in final and non-final tone units, pauses, tempo and voice timbre) was obtained on the basis of auditive analysis.

An insight into the proportion of the uses of the nuclear tones is gained on the basis of the speeches analysed in full (C-1 and Z-1). We believe that the most characteristic features of a style become obvious also on the ground of a relatively small material.

Intonation contours of English and Latvian publicistic style of intonation

The first of Mr Cameron's speeches which provides the latest information on the situation and police operations aimed in particular at controlling the situation and fighting rioting was analysed in full.

In the second speech the Prime Minister deals with open markets as the best method of increasing human wealth; for analysis sections of this speech were selected.

The address by Valdis Zatlers, President of Latvia, (now ex-president) also contains information of vital importance to the whole population of Latvia, but in contrast to Mr Cameron's address it is much more emotional. His address was analysed in full. Since the second speech contains a large amount of information and its style is close to that of the informational intonation style it will be illustrated partly**.**

Nuclear tones in the final tone units

Nearly all utterances in relation to the principal division of communicative types correspond to statements. As regards the most frequently used nuclear tones in English statements, the vast majority (81%) end in a low or a high/medium falling tone depending on the speaker's intention to either just conclude the thought that the statement contains or distribute emphasis according to his interpretation and understanding of how important the piece of the presented information is.

Also in Latvian serious and considerate statements require the falling tone. In most cases the speaker alternatively uses a relatively low or high/mid fall.

The following sentences illustrate a **low fall** in the final tone units (altogether 62.1%) that determines the tenor of the particular communicative type:

C-1) I've ' just ' come from ' chairing ' another ˏ meeting | of the ' COBRA e'mergency com ̣ mittee | and I'd ' like to up ' date you on the ↑ latest situ ̣ ation | and the ˏ actions | that we're ˏ taking | to ' get this des ' picable ˏviolence | ' off our ̣ streets. ||

C-2) ˏ First, | we ' need to be ̀ clear | about the spe ' cific mis ˏ takes | of the ' last ̣ decade. ||

Both sentences include topical information, the first one being the actual start of the PM's statement. The conclusive low fall at the end of the sentence underlines the speaker's serious and considerate attitude.

In Latvian this nuclear tone (76%) turns out to be the most appropriate for expressing readiness to act and solve the complicated situation in the country:

Z-1) Mēs ' rūpīgi ˏ pārrunājām | ' situāciju ' valstī ̣ šodien. || ' Ir ̣ jārīkojas. || ("We *must act*.")

Also the decision to instigate the dissolution of the Parliament is declared with a low fall in the final tone unit

Z-1) ' Pamatojoties uz ' Latvijas ' Republikas ' Satversmes , četrdesmit ' astoto ˏ pantu, |
' ierosinu | ' Saeimas ̣ atlaišanu. ||

A **high** or **medium fall** apart from expressing definiteness and finality signals emphasis on particular words. In English it was used in 18.9% of all statements. The following sentences exemplify a way of drawing attention to the most important pieces of information:

C-1) ˏ Courts | ' sat · through the ˏ night | ˏ last ' night | and will · do a ˏ gain | to ̀ night. ||

C-2) So we ' need to ̀ boost com pe ,tition. || ̀ Back ,enterprise. ||

A high fall also bears witness to the speaker's emotional attitude towards the situation described. The emphatic *do* pronounced with a high fall accentuates the speaker's resolute disposition and intolerance of the criminals' actions:

C-1) Well, they ̀ do , have , consequences. ||

The function of a high fall in Latvian is similar to that of English: it obviously is attracting the listeners'attention to both particular facts and the speaker's personal attitude. In the following example the logical emphatic stress falls on the verb, singling out a positive fact:

Z-1) Mūsu ' valstī ̀ ir , panākums. || ("Our country *has* achieved something.")

The emphatic fall may demonstrante also the speaker's intolerant attitude:

Z-1) Es ' gribu ˏ teikt, | ka · vienreiz ' jāpieliek tas ˏ punkts, | ka mēs , domājam ˏ vienu, |
' runājam ˏ citu, | ' darām ' vēl ko ˏ citu, | un ' neviens no tā ̀ nekautrējas. || ("... no one is *ashamed* of it.")

On several occasions in the first speech of the PM of the UK the statements are pronounced with the **rising tone** realized as a **low/medium rise** (16.2%). Such statements are characterized as incomplete, producing an effect of indefiniteness:

C-1) We will ' not put ' up | with ˏ this | in our ˏ country. ||
What ' ever re ' sources the po ' lice ˏ need | they will ˏ get. |

The pattern of these relatively short sentences creates the impression of a dynamic rendition of the facts mentioned. The effect is facilitated by a low rise in the penultimate tone unit.

In Latvian only one statement is pronounced with a rising tone in which the President mentions a few concrete facts of what has been accomplished and the enumeration is continued in the further part of the speech:

Z-1) Ir ' pilnīgi ̀ cits || ' uzvedības ̣ kods | ' Saeimas ˏ plenārsēžu ' zālē, | ir ' cits ˏ pieklājības
' kods. ||

Another final tone registered in Mr Cameron's first speech is a **fall-rise** (2.7%):

C-1) In ˏ Birmingham, | ' over a ' hundred and ' sixty ar ̀ rests were ˏ made. ||

Since this complex tone ends in a rise its pitch movement suggests that some contribution will follow to what has been said so far.

On one occasion the President uses a combination of the rising and falling tones. They fall on identical words ("The situation... became *worse* and *worse*.") which underlines the speaker's negative evaluation of the situation:

Z-1) Un ' situācija ar katru , brīdi | ' kļuva ˏ sliktāka un ̣ sliktāka. ||

Nuclear tones in the non-final tone units

In English the dominant tone in the non-final tone units is a **low/medium rise** (60.5%). It fully corresponds to the expected way of presenting facts in complex grammatical structures that contain several tone units:

C-1) To ˏ day, | ' major po ' lice ope ˏ rations | are ' under ˏ way | ' as I ˏ speak | to ar ˏ rest | the ' criminals who were ' not · picked ' up · last ˏ night | but who ' were · picked ' up | on ' closed- · circuit ` television , cameras. ||

C-2) They are the 'engine of ˏ progress, | ' they 'generate the 'enterprise and ' inno ˏvation| that ' lifts · people ' out of ˏ poverty | and ' give · people , oppor ̣ tunity. ||

In both examples a low rise in the opening tone units, serves to draw the listeners' attention to what will be following in a moment. In the second address the Prime Minister uses also long rises starting their realization with a stressed syllable of a more important word within the context, as can be seen in tone units 3 and 4 of the following sentence:

C-2) An e ˏconomy | where ' people ' feel in con ' trol of their ̣ destity | be ·cause they've ˏ started their · own ' business, | or are ˏ shareholders in the ' company they ' work · for | or in 'deed are ' part of a co ̣ operative. ||

In the non-final tone units of Latvian the most frequently used tone is also the **rising tone -** a low or a medium rise (53.0%). In the following sentence the speaker splits a simple extended sentence into eight tone units, which considerably slows down the tempo, resulting in extra emphasis being given to each and every component of the highly critical statement addressed to the Parliament. The rising tone is used in all non-final tone-units:

Z-1) Diem ˏ žēl | · rodas ' tāda ˏ sajūta, | ka, lai gan ir ' pagājuši ' septiņi ˏ mēneši, | ' jaunievēlētā ˏ Saeima | ' komfortabli ˏ jūtas | ' politisko ˏ shēmu, | ˏ melu | un ' visatļautības ̣ gaisotnē. ||

A **high rise** (0,8%) in non-final tone units cannot be considered characteristic of the publicistic intonational style. It sooner points to individual peculiarities of the speaker's manner, (the tone can occasionally be heard in colloquial style):

Z-1) ' Saeima ' izrādīja | ˏ necieņu | un ´ neuzticēšanos || ' tiesu ̣ varas , kompetencei. ||

In both public speakers' addresses there are a few cases when the speaker makes a pause without changing the pitch direction, i.e. without introducing a kinetic tone. The **level tone** like the rising tone indicates incompleteness of the utterance. In English it was registered in 3.1% and in Latvian – in 18.0% of all cases. Short pauses in the example from Mr Zatlers' address introduced to separate tone units with static tones also indicate his emotional state (here he mentions the gap between the society and the Parliament); the level tone is used in tone units 2 and 4:

Z-1) ˏ Taču | ' galvenais ' uzdevums | ' tomēr ˏ bija | ' atmest | ˏ tos ' niķus un ' stiķus, | kas ' bija par ˏ pamatu | ' lielajai ˏ plaisai | - ' uzticības ̣ plaisai, | kas bija starp ˏ sabiedrību | un ' devīto ̣ Saeimu. ||

The **falling tone** in the non-final tone units brings about the impression of special concern with the thought expressed. In the case of **a low fall** in English (7.7%) the listeners can perceive the speaker's extremely serious, considerate and concerned attitude:

C-1) But there is ' abso· lutely | ' no ' room for com ̣ placency | and there is ' much ' more to be ̣ done. ||

C-2) I ' want · these ' times to ' lead | to a · more ' socially res ̣ ponsible | and ' genuinely 'popular ̣ capitalism. ||

Also in Latvian, apart from the cases when the falling tone marks boundaries between grammatical constructions, it is used to create the impression of greater importance.

A **low fall** is used less frequently (11.1 %) than a **high** or a **medium fall** (16.3%). As can be seen from the following example the low fall in the first tone unit seems sufficient to attract the listeners' attention since the speaker chooses to make a long pause before going on. The speaker sounds restrained, thus providing a backdrop for more conspicuous pitch movements that create actual emphasis:

Z-1) Jau ' devītajā ̣ Saeimā ||| ' likumdevējs | 'neapstiprināja || ' amatā | ̣ tiesnesi, | kura
, profesionālā , atbilstība bija , novērtēta , tiesu ̣ varā. || ("The Parliament did not confirm to the post a judge who was approved and nominated by the legislature.")

A **high fall** (17.8% in English) generally produces the effect of liveliness and emphasis. In the example from Mr Cameron's first address it marks the speaker's interpretation of the situation in the country and the government's resolution to stop the violence:

C-1) ' This | con ' tinued ̀violence | is ' simply ' not ac̀ceptable | and it ' will be ̣ stopped. ||

The same effect is achieved in an example from the second address when the Prime Minister speaks about what needs to be done to build a fair economy:

C-2) … we · need to ' open · up ' enterprise and oppor ̀tunity | so that ' everyone has the
' chance to par̀ ticipate | and ̀ benefit | from the ' genuine ' market e ̣ conomy. ||

Also the President's statement about giving people a chance to change the situation for the better sounds persuasive and appealing; the effect is increased by the use of two high falls:

Z-1) Es ' gribu ' dot ' iespēju | arī ' kļūt un ̀ mainīties ̀ labākā | ̣ formā. ||

Another tone that has been registered in the non-final tone units is a **fall-rise** (10.9% in English). Since usually and also here it is realized as a combination of a relatively high fall with a low rise, the effect is that of accentuation and continuation, as can be heard in the following examples (*owes them something*) and (*open markets, free enterprise*) where the fall-rise is used in a split form:

C-1) ' People al ' lowed to ̸ feel | that the ' world ̀owes them ̸ something, | that their
' rights out ' weigh their res, ponsi ̀ bilities | and that their ̀actions | do ' not ' have
̣ consequences. ||

C-2) And ' I would go ̀ further: | ' where ' markets ' work ̣ properly, | ̀open ̸ markets | and ̀ free ̸
enterprise | can ' actually pro ' mote mo ̣ rality. ||

In Latvian a **fall-rise** has been registered only two occasions (0.8%). It is illustrated in tone unit 3 of the following example:

Z-1) , Vienreiz ' pielikt ̸ punktu, | ka ' visa mūsu ' sūri ' grūti | ̀ kopā , pelnītā ̸ bagātība |
, nogulst | ' ofšoru · firmu ̣ kontos. ||

Apart from the use of tones that possess expressive potential there are other ways of singling out items of information or words that the speaker finds especially important within a particular context. One such way is raising the pitch level onto a particular word i.e. using a **special rise** (the pitch level rises and is higher in comparison to that of the preceding stressed syllable). Among the words singled out in this way there are numerals (*sixteen*) and adjectives and nouns (*appalling, imaginable, values*) that need to be given extra weight e.g.:

C-1) ... there were a ' round ↑ sixteen ' thousand po ̸ lice | ...
... we ' saw the ' same ap ↑palling ' violence and ̸ thuggery | ...

C-2) ' I be ̸ lieve | that ' open ̸ markets | and ' free ̸ enterprise | are the ̀ best |
i ↑maginable force | for im ' proving ̸ human · wealth | and ̣ happiness. ||
We ' need to ' have a ' clearer ' code of ↑ values and ̸ standards | ...

The unusual word combination "*privatization of democracy*" in Mr Zatlers' speech is meant to arouse and activate the public's concern about the ongoing processes in the state, therefore the word for "*democracy*" is singled out:

Z-1) ' Varētu pat ̸ nojaust, | ka ' tuvojas arī | ' mūsu ' valsts ↑ demokrātijas ̣ privatizācija. ||

Also the **sentence/phrase stress** pattern with some stressed form words and pronouns, i.e. words that in a neutral interpretation of facts would be left unstressed (the conjunctions *and* and *as* and the personal pronoun *I*), implies a vigorous and categorical approach to presenting the facts:

C-1) ... and · let me ' pay ̮ tribute | to the ` bravery of those po , lice ˏ officers | ' **and**, in
ˏ deed, | ` everyone ,working for our e ' mergency ̮ services. ||
' **As** I ˏ speak, | ' sentences are ' also being ˏ passed.
C-2) ' **I** ˏ want | in · these ' difficult eco ' nomic ̮ times | to a ' chieve ˇ more | than
· just ' paying · down the ˏ deficit | and en ' couraging ̮ growth. ||

In the President's speech the use of double high falls is intensified to a dramatic effect with a stressed conjunction in a tone unit of its own ("We were watching *and* did not do anything ").

Z-1) Noraudzījāmies, || ˏ **un** | · neko ` nedarījām. ||

The verb "to be" in a stressed form allows the listener to concentrate on what the President is saying about his duty ("My duty *is* to act for the good of the State..."):

Z-1) Un ' mans ˏ pienākums | ' **ir** | ' rīkoties | ' valsts ˏ labā, | ' nevis ̮ savā , labā. ||

The following sentences illustrate the need for **half-accented words** that provide a distinct rhythmical pattern and allow the listener to single out the preceding or following word:

C-1) ˏCourts | ' sat · through the ˏ night | ˏ last ' night | and will · do a ˏ gain | to` night. ||

Z-1) Bet ' es · esmu | ' devis | · valsts ↑ prezidenta ̮ zvērestu - || ' visas · manas ˏ pūles |
' veltīt | ' tautas un ' Latvijas ̮ labumam. ||

The second speech delivered by the President of Latvia on the future of the state met a criticism regarding both its content and also the manner of its presentation: people were addressed in a far too neutral tenor. Actually the speaker's manner corresponds to the content of the speech which contains a great amount of information. The style forming prosodic features like loudness, tempo, pauses, rhythm, are close to that of the informational style of intonation (Brēde, 2011-1, 2011-2). Here are a few examples conveying a relatively *neutral* information:

Z-2) · Savas ' prezidentūras ˏ sākumā | ' vēlējos · daudz ' uzmanības ' veltīt | 'veselības
ˏ aprūpes | un ' izglītības ' sistēmas ̮ pilnveidei. ||

Z-2) ' Ekonomiskā ˏ krīze | ' ieviesa ' būtiskas ̮ izmaiņas | · manās ' sākotnēji ' izvirzītajās
' prezidenta ' darba ` prioritātēs. ||

Z-2) · Tāpēc ' aicinu ' apspriest tā ' dēvētā ' konstruktīvās ' neuzticības ' balsojuma
' principa ̮ ieviešanu, | ˏ paredzot, | ka ' neuzticības ' izteikšana ` valdībai | ir ' iespējama ' tikai
` vienlaicīgi | ar 'uzticības ' balsojumu | ` jaunajai , valdībai. ||

In the final tone units a low or a high/medium fall is used. The third example illustrates the usefullness of a high fall for marking the logical stress (the existing government is opposed to the new government: ` jaunajai ,valdībai).

In the non-final tone units alongside a low/medium rise and a level tone the speaker uses a low or a high falling tone. Its task is to mark the borders of some piece of information that is selected as relatively more important and could stand for an independent statement, as well as stress certain words with a high fall, thus singling out their meaning in the particular context.

Also the occasionally included negative information is put before the public in a business-like manner. In the following example the President is referring to the way he was nominated as candidate for presidentship. A low rise as the final nuclear tone points to the incompleteness of the utterance:

Z-2) Es 'nevaru ' lepoties ar ˏ to, | · kā · tika ' izvirzīta | · mana ˏ kandidatūra ' prezidenta 'amatam. ||

The next two statements continue the thought and are pronounced with a low fall.

Z-2) ' Toreiz gan ˏ sabiedrībai, | gan ˏ man | ' centās | ' atvēlēt ' statista ̮ lomu. || (The society and myself were given a walking-on part.")

Z-2) Diem ' žēl ir ˏ jāatzīst, | ka 'negatīvu ˏ lomu | · mūsu ' nespējā 'nodrošināt ' ilgtspējīgu
` politiku, | tur ' klāt ` visās , nozarēs, | ˏ spēlē | ' biežās ' valdību ̮maiņas. ||

In the non-final tone units a high fall in the sentence above (' ilgtspējīgu ` *politiku* ("sustainable *politics*"), tur ' klāt ` *visās* , nozarēs ("besides in *all* sectors")) is aimed at emphasis that reveals the speaker's critical atitude.

In the part of the speech where the President turns to the problem of Latvia's citizenship it is a high fall as the concluding accent in the final tone units that adds a slightly more emotional shade to the presented pieces of information:

Z-2) Šie ' bērni ir ' izauguši ` Latvijā, | un ' te ir · viņu ` dzimtene. || ("These children have grown up in Latvia, and it is their *native land*.")

Z-2) ˏTam, | ka ' Latvijas ' iedzīvotāji ir ` lojāli · savai ̯ valstij, | ir ' jābūt ` pašsaprotami. || ("The fact that the inhabitants of Latvia are loyal to their state must *speak for itself*.")

In the non-final tone units words pronounced with a high fall acquire special prominence ("We cannot build patriotic society", "society sure of themselves"):

Z-2) Mēs 'nevaram ' uzbūvēt ` patriotisku | un par ' sevi ' pārliecinātu ` sabiedrību, | ja ' visi tās ˏ iedzīvotāji | ' nejūtas tai `piederīgi. ||

The speaker's voice timbre is relatively neutral, the pauses indicate a logical division of the flow of speech which retains a stable rhythmical pattern. Also the included negative information is expressed in a businesslike manner.

Conclusions

The proportion of the use of the nuclear tones in the first address by the Prime Minister of the UK and by the President of Latvia is presented in Table 1.

Table 1

Nuclear tones in the final tone units Nuclear tones in the non- final tone units

English	Latvian	English	Latvian
LF 62.1%	LF 76.0%	L/MR 60.5%	L/MR 53.0%
H/MF 18.9%	H/MF 22.4%		HR 0.8%
L/MR 16.2%	L/MR 0.8%	Level tone 3.1%	Level tone 18.0%
FR 2.7%		LF 7.7%	LF 11.1%
	R+F 0.8%	H/MF 11.1%	H/MF 16.3%
		FR 10.9%	FR 0.8%

In both languages in the final tone units the prevailing tone is a low fall. Also the use of a high/medium falling tone is rather similar in English and Latvian. The main difference lies in the absence of the rising tone in statements in Latvian (the single case registered is an insignificant indicator). In the non-final tone units there is a greater variety of the nuclear tones. A low/medium rise has been registered as the dominant tone both in English and in Latvian. One of the falling tones can be heard in the speeches in both languages; the present material includes a higher persentage of their use in Latvian. A noteworthy observation is a considerable prevalence of the level tone in Latvian.

Conclusions on the main features of the publicistic style of intonation in English and Latvian as revealed in public speeches/addresses are summarized in Table 2.

Table 2. Phonostylistic characteristics of publicistic speeches in English and Latvian

Timbre	**English:** self-assured, proficient, concerned, slight emotional colouring of the voice	**Latvian:** dignified, concerned, personally involved, emotional
Tempo	moderate	moderate and slow
Pauses	variable (short, medium or long); they occur mostly at the boundaries of grammatical	medium, long, extra long; they often cross the boundaries of grammatical constructions

	constructions	
Rhythm	stable	stable
Nuclear tones	*in final tone units* predominance of falling tones, esp. low falls; also low/mid rises have been registered; *in non-final tone units* predominance of low/mid rises; among the falling tones high/mid falls dominate; also fall-rises have been registered	*in final tone units* predominance of falling tones, esp. low falls; *in non-final tone units* predominance of low/mid rises; among the falling tones high/mid falls dominate; also level tones have been registered

The basic distinctions of the publicistic style of intonation in Latvian in contrast to English (apart from the use of the nuclear tones) are: a more emotional approach, considerably slower tempo and a more frequent use of long pauses.

The speakers' voice timbre can be described as self-assured and resolute. The public speakers sound dignified and personally involved. In several fragments of the addresses their voice timbre discloses their serious concern about the situation in the state. The tempo of the statement delivery is moderate and on several occasions slow. The whole text of the speeches is divided into tone units mostly corresponding to the grammatical constructions although there are cases when the phonetic units do not match the syntactic phrases: for emphasis certain words are pronounced in separate tone units. Within the limits of one particular intonational style there might be properties of some other style; in the analysed public speeches also features of the informational style of intonation were observed.

Every parameter characterizing an intonational style in general and the publicistic style of intonation in particular undoubtedly requires a detailed research. This refers in particular to pre-nuclear contours that remains a sphere to be still investigated.

LITERATURE

APELE, A., 1982. *Runas māksla*. Rīga: Zinātne.

APELE, A., 2011. *Prasme runāt publiski*. Rīga: Zvaigzne.

BRAZIL, D., 1997. *The Communicative Value of Intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.

BRĒDE, M., 2011. Stylistic Variation as Manifest in the Informational Style of Intonation (On the Basis of English and Latvian TV Broadcasts). *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*, vol.1. Riga: Faculty of Humanities, UL, 2011-1, pp.4-13.

BRĒDE, M., 2011. Nukleāro toņu funkcionālā slodze informatīvā intonācijas stila kontekstā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti: rakstu krājums*, 15 (1) Liepāja: Liepājas Universitāte, 2011-2, pp.59.-64.

CAMERON, D., 2011. *PM statement on violence in England*. Wednesday 10 August 2011-08-23. (http://www.number 10.gov.uk/news/pm-statement-on-violence-in england/)

CAMERON, D., 2012. *Fair Markets*. Thursday 19 January 2012—11-10. (http:// www.youtube.com)

CEPLĪTIS, L. , KATLAPE, N., 1968. *Izteiksmīgas runas pamati*. Rīga: Zinātne.

CRUTTENDEN, A., 1997. *Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.

HOLMES, J., 2001. *An Introduction to Sociolinguistics*. Longman: Pearson Education.

ROZENBERGS, J., 2004. *The Stylistics of Latvian*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds.

WELLS, J.C., 2007. *English Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.

ZATLERS, V., 2011. Gudra un stratēģiska valsts. *Latvijas nākotnes redzējums*. 26.04.2011. (http://webcache.googleusercontent.com)

ZATLERS, V., 2011. *Valsts prezidenta Valda Zatlera uzruna Latvijas tautai*. 28.05.2011. (http:// www.youtube.com)

СОКОЛОВА, М.А., ГИНТОВТ, К.П., ТИХОНОВА, И.С., ТИХОНОВА, Р.М., 1991. *English Phonetics*. Москва: Высшая школа.

Майя Бреде
Латвийский Университет

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИСТИЧЕСКОГО ИНТОНАЦИОННОГО СТИЛЯ В АНГЛИЙСКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Резюме

Различные ситуации требуют соответствующих интонационных стилей, которые определяются как системы взаимосвязанных интонационных средств, существующие в определённой социальной среде в определённых коммуникативных целях.

В статье рассматриваются некоторые характеристики публистического интонационного стиля в английском и латышском языках. Публистический стиль проявляется в политических речах, в выступлениях на суде, в парламентских дебатах, на пресс-конференциях и др. Два полных обращения и фрагменты двух других выступлений премьерминистра Великобритании Д.Кэмурона и экс-президента Латвии В.Затлерса были отобраны для аудитивного анализа. Анализ содержит данные о голосовом тембре выступающих, некоторые просодические характеристики и фонетические особенности семантических центров. Основные выводы анализа:

Голосовой тембр говорящих почтительный, выражающий личную заинтересованность. Темп речи обычный или замедленный. Отмеченные паузы относительно продолжительные. Паузы в основном совпадают с границами грамматических конструкций. Речь имеет стабильный ритм. Характерные основные тоны в заключительных тональных единицах – это нисходящие тоны, особенно низкие. В серединных тональных единицах преобладают восходящие тоны. Нисходящие тоны в серединных тональных единицах выполняют функцию выделения более значимых сегментов.

Основное отличие публистического интонационного стиля в латышском языке по сравнению с английским: более сильная эмоционадьная окрашенность, гораздо более медленный темп, более частое использование длинных пауз, отсутствие восходящего тона в утвердительных заявлениях и более частое использование ровного тона в серединных тональных единицах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стиль, интонация, интонационный стиль, публистический интонационный стиль

Aurelija Daukšaitė
Užsienio kalbų centras
Vytauto Didžiojo universitetas
K. Donelaičio g. 52
LT-44248 Kaunas
a.dauksaite@ukc.vdu.lt

TRAUMA LITERATURE: TRAUMA IN PAT BARKER'S WAR TRILOGY

The article attempts to explain the relationship between trauma and literature and provide some background material about the beginning of trauma studies. It also aims at researching traumatic experiences in Pat Barker's war trilogy (Regeneration, The Eye in the Door and The Ghost Road) about the outcomes of World War I. The discussion of particular examples from the trilogy, for instance, those that illustrate traumatic symptoms, is supported by theoretical works of such specialists in research on trauma as Cathy Caruth, Kirby Farrell, Geoffrey H. Hartman, Ann Kaplan, Laurie Vickoy, Anne Whitehead, and others. Trauma, in the trilogy, is presented as hindering normal human life because it haunts its victims, but it is also a means to express criticism against authorities and war.

KEY WORDS: Pat Barker, trauma, trauma studies/literature, post-traumatic stress disorder, Regeneration, The Eye in the Door, The Ghost Road.

Introduction

The beginning of trauma studies is associated with Freud. However, E. Ann Kaplan, a Professor in English and Comparative Literary and Cultural Studies, states that "Freud and his peers did not set out to write a theory of trauma", but "[t]he concept of trauma emerges in their work on hysteria" while treating women patients (Kaplan 2005, p. 25). Later Freud shifted his attention to traumas of World War I soldiers. However, studies and research on traumas started gaining more attention in late 20th century when the post-traumatic stress disorder (PTSD) was acknowledged. The disorder was related with the outcomes of the Vietnam War, since the soldiers who had been fighting there would return home feeling various psychological (and other) disorders. Since then, trauma, as a phenomenon, has received a lot of attention in literature worldwide. In Pat Barker's (b. 1943) *Regeneration* trilogy, for example, many soldiers are placed in hospitals after their return from World War I. Their traumatic symptoms include nightmares, hallucinations, eating disorders, and others. They are being treated by doctor Rivers, who doubts the methods he uses and even starts feeling traumatized because of what he hears during the sessions with his patients.

Moreover, according to Laurie Vickoy, a Professor in Comparative Literature, "trauma literature poses a number of thought-provoking questions and dilemas for writers and readers, ranging from the potentially ethical functions of literature, to reconsidering our cultural assumptions about identity, relationality, and intentionality, to what contingencies determine how or if individuals survive the devastations causing trauma" (Vickroy 2002, p. ix). Traumas can be various and range from personal to collective, from war to sexual ones. Therefore, the article does not provide definitions of trauma, but rather focuses on specific situations of traumatic experiences and the importance of speaking about them.

However, why does Barker speak about World War I traumas? It is related to her own family experience although the trilogy is not autobiographical. Vickroy claims that Barker's grandfather was wounded in WWI, while her father died in WWII and she never saw him (Vickroy 2002, p. 193). As a result, writing about war traumas can be a means of reconciliation that is often emphasized by scholars reseaching trauma in (but not only) literature. In addition, she has taught history and politics (British Coincil Literature, 2011). Thus, her earlier interests may explain her present interest in war and war trauma, since *Regeneration*, *The Eye in the Door*, *The Ghost Road* are not her only books that focus on these issues.

Trauma Fiction

Geoffrey H. Hartman, an American literary theorist, (1995) as cited in Whitehead (2004), mentions some key characteristics of interpretation of (trauma) fiction. As he puts it, "[i]n literary studies, interpretation is too often construed as a binary process which takes place between the active subject (the reader) and the passive object (the text)" whereas "[t]rauma theory readjusts the relationship between reader and text, so that reading is restored as an ethical practice" (Hartman, 1995 cited in Whitehead 2004, p. 8). Thus a wish to speak about trauma or emphasise certain historical traumas as examples has been a stimulus to write many important works of contemporary fiction (Whitehead 2004, p. 3). For instance, Pat Barker's trilogy, *Regeneration* (1993), *The Eye in the Door* (1995) and *The Ghost Road* (1996), falls into the category of trauma fiction because of its emphasis on and representation of physical and psychological traumas of British soldiers caused by World War I. Whitehead describes the trilogy in the following way:

Pat Barker's Booker-Prize winning *Regeneration* trilogy (1991-5) [in the present article, I use later editions of the trilogy] represents the most influencial contemporary literary representations of the First World War. In the trilogy, Barker reconfigures history as a trauma that needs to be acknowledged and worked through. She draws on and revises the literary genre of the ghost story, so that the spectres that haunt the soldiers represent a form of psychological possession. Each of soldiers in the trilogy is haunted by his own particular ghost(s). Siegfried Sasoon sees corpses on the streets of London and the dead men of his company visit his room. The ghosts embody his guilt of not fighting in the war and his grief for the men he has lost (Whitehead 2004, p. 15).

Therefore, it seems that trauma has had a lot of influence on fiction, especially contemporary fiction. On the one hand, Tom Toremans, in his article "Trauma: Theory – Reading (and) Literary Theory in the Wake of Trauma", thinks that the problem of trauma in general comes from the fragmentic discourse of such fields as psychiatry, psychoanalysis and sociology while describing reactions to catastrophes of the Vietnam War (Toremans 2003, p. 334). As mentioned above, trauma started gaining more attention in 1980 after the post-traumatic stress disorder had been classified, but this did not help to understand the phenomenon of trauma better (Toremans 2003, p. 334). On the contrary, since scholars tried to classify symptoms of the post-traumatic stress disorder, the boundaries of different disciplines were violated because all of them were trying to explain, heal or define trauma (Toremans 2003, p. 334). On the other hand, later the phenomenon of trauma started to involve many fields (psychiatry, psichoanalysis, history, sociology, literature, etc.) and forced to take into account each other while trying to fill in the gaps in order to understand trauma (Caruth 1995, p. 4). Thus, the term "trauma fiction" shows a transfer from medicine to the field of fiction (Whitehead 2004, p. 4).

One way of reading texts with trauma theory is applying psychoanalytic theory to texts. Another way is what Whitehouse does in her monograph *Trauma Fiction* (2004) where she not only applies the theory, but also tries to reveal what the theory cannot reveal, since, as Whitehead states, theory and literature speak to each other, but, at the same, time attempt to displace each other as if "signalling to the reader the complex and supplementary relationship between the two discourses" (Whitehead 2004, p. 4-5). Similarly, Cathy Caruth, a Professor of Humane Letters, thinks that there is no single way to approach different traumatic experiences and stories, because they require reactions of distinct fields, such as literature (fiction), cinema, psychiatry, neurobiology, sociology and politics, because trauma can be analysed in many aspects (Caruth 1995, p. iv). As a consequence, in *Trauma: Explorations in Memory* (1995) she collected interviews and essays by literary theorists, sociologists, psychologists and others in order to emphasise the interdisciplinary nature of trauma theory and trauma studies.

The concept of trauma for Caruth is related to the problem of relationship between experience and event. Whitehead states that "[i]nsuficiently grasped at the time of its occurence, trauma does not lie in the possession of the individual, to be recounted at will, but rather acts as a haunting or possessive influence which not only insistently and intrusively returns, but is, moreover,

experienced for the first time in its belated repetition" (Whitehead 2004, p. 5). However, in the present article, exact definitions of trauma are not provided, because, as David Becker claims, trauma can be understood only "with reference to the specific context in which it occurs" (Becker, 2001 as cited in Kaplan 2005, p. 39). As a result, the definition can be created as applicable to one particular traumatic situation. For example, Farrell claims that a "culture may make terror and loss heroically meaninful and so diminish its damage, but culture may also contribute to psychic ruin" (Farrell 1998, p. 7). Thus, trauma can be a means of manipulation as well. In Barker's trilogy, for instance, some soldiers are not in a rush to put a mask on and are affected by gas. This is done intentionally in order to avoid fighting in the war and be sent back home.

Fact and Fiction

Allan Young, an anthropologist, in *The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder* (1995) mentions W.H.R. Rivers' work that is important to research on trauma as well. Rivers observed traumatised officers; "[h]is articles on psychogenic origins of war neuroses were widely read, and he was instrumental in establishing a course in psychological medicine for war doctors" (Young 1995, p. 6). He was also an anthropologist and ethnographer, interested in "forms of reasoning underlying medical beliefs and practices" (Young 1995, p. 6). It is interesting to note that in Barker's trilogy Dr. William Rivers is one of the main characters. He is a psychiatrist at Craiglockhart hospital (in *Regeneration*) who tries to help World War I soldiers with their psychological traumas. The soldiers are sent to the hospital in order to solve their problems and return to the trenches as soon as they are recognised as suitable to fight again, but it is not easy for the doctor himself.

In treating his pareints, W.H. Rivers finds himself unable to dismiss the reality of their [patients'] ghosts and at the end of trilogy, it seems that he, like his patients, is marching on the 'ghost road'. Barker suggests that history after the First World War is continually and unredeamably haunted by the memory of loss (Whitehead 2004, p. 15).

In addition, Hartman claims that we become viewers of violence involuntarily when, for example, we watch videos full of violence on television from all over the world; as a result, we cannot feel safe even when we are at home, because we feel fear towards the things we have seen, and we wish we had not seen them (Hartman 2004, p. 1-2). Therefore, trauma affects not only the victim, but also the viewer, the witness, the researcher, and others (Hartman 2004, p. 1). This shows that traumas affect not only those that have survived them, but also those who try to help them, heal them or simply empathize with them. Irene Visser, a Senior Lecturer in Modern English Literature at the University of Groningen, the Netherlands, calls it tranmissibility or "the contagious impact of trauma" that, according to her, was first theorized by Shoshana Felman and Dori Laub in 1992 and now is an important element in trauma studies (Visser 2011, p. 275). In Barker's *Regeneration*, Rivers has to stop working at the hospital and take a leave for three weeks because he starts feeling the symptoms of war neurosis. He stammers and is starting to twitch (Barker 1993, p. 140). Although he is not eager to leave, he is advised to by his colleague. Kaplan calls it a "vicarious" or "secondary" trauma because, for instance, as viewers or readers, we do not experience traumas directly (Kaplan 2005, p. 39). However, she questions why vicarious trauma does not receive enough attention in literary and cultural studies (Kaplan 2005, p. 41). History books and similar sources usually speak of casualties in numbers that seem very pragmatic and can easily be classified and put into categories. Barker, meanwhile, attempts to show what stays beyond wars, since wars are not only about those who die, but also about traumas that affect not only those who suffer from them, but also those that are close to the traumatized. These traumas are individualised and tell us different stories of different people.

The interest in trauma comes from people's need to know about reaction to violent events, such as wars, and ways of helping to relieve pain of the affected people. However, as Caruth claims in the introduction *Trauma: Explorations in Memory*, there is still a problem in trauma research and treatment that is related to the uniqueness and difficulty of trauma phenomenon (Caruth 1995, p.

vii). There is a problem of how to help to relieve the pain and understand its origins without destroying the reality that the affected people have survived and want to share with us, without overworking their stories and minimizing their effect (Caruth 1995, p. vii). This is also a problem that therapeutists, literary critics, movie makers and others face, therefore, it is important to look beyond trauma as a pathology in order to understand the truth it can reveal and learn how the truth can be expressed without repetition of painful traumatic events (Caruth 1995, p. vii-viii).

Post-Traumatic Symptoms

Kirby Farrell, the author of *Post-Traumatic Culture: Injury and Interpretation in the Nineties*, enlists a variety of post-traumatic symptoms that range from paralysis to frantic or disorganized actions (Farrell 1998, p. 6). The actions may be intrusive, for instance, flashbacks, nightmares, and/or troubling throughts may haunt the victim (Farrell 1998, p. 6). In Barker's *Regeneration*, Anderson, a 36 year old doctor is so affected by the death of one of his patient that he thinks he cannot practice as a doctor anymore. He reflects on his experience in this way:

'They brought in this lad. He was a Frenchman, he'd escaped from the German lines. Covered in mud. There wasn't an inch of skin showing anywhere. And you know it's not like regular mud, it's five, six inches thick. Bleeding. Frantic with pain. No English.' A pause. 'I missed it. I tried the minor wounds and missed the major one'. He gave a short, hissing laugh. 'Not that the minor ones were all that minor. He started to haemorrage, and there was nothing I could do. I just stood there and watched him bleed to death' (Barker 1993, 30).

Moreover, Anderson has nightmares that his roommate refers to as "Anderson's nightly outbursts" (Barker 1993, 31). Although Anderson claims he has seen much worse deaths than the one in question, he does not know why this particular case is so significant. He is not able to cope with his traumatic experience and serve as doctor again. On the other hand, he has a wife and a child to support, and thus experiences a great dilemma. However, he cannot make decisions himself because he has no choice. As a reasonable adult he knows he needs to work, but at the same time his body and mind refuse to meet the need. That is, his traumatic experience is something he cannot control; it controls him instead.

Other symptoms that Farrell speaks about are related to feelings, for exmaple, life for the victim may feel meaningless, therefore, the victim may alienate himself/herself from others (Farrell 1998, p. 6). He also speaks about numbness or depression that may evoke aggression, startle responses, panic reactions, and a feeling of losing control (Farrell 1998, p. 6). An example of this is Anderson's reaction to blood, in Barker's *Regeneration*, that is described in the following way:

He [Rivers] found Anderson huddled in a foetal position, in the corner of the window, teeth chattering, a dark stain spreading across the front of his pyjamas. His room-mate, Featherstone, stood by washstand, razor in hand, looking at him with more irritation than sympathy.

'What happened?' Rivers asked.

'I don't know, he just started screaming.'

[...] Rivers looked at Featherstone. A thin trickle of blood was dribbling down his wet chin. *Ah*. Rivers stood up, and patted him on the arm. 'Bleed elsewhere, Featherstone, there's a good chap.' (Barker 1993, 136).

Anderson's reaction to blood would seem inadequte if he had not experienced the trauma menioned above. In this case, even a drop of blood reminds him of his patient that bled to death. Now everything that is in one way or another related to that event brings back his traumatic memories that haunt him when he is asleep and when he is not.

Among the symptoms Farrell also mentions mental confucion, poor concentration or memory, as well as dissociative and personality disorders, neurotic conditions, atypical psychoses, and substance-abuse disorders (e.g. alcoholism), digestive disorders and chronic dread (Farrell 1998, p. 6). In Barker's *Regeneration*, Burns, one of the traumatized soldiers at Craiglockhart hospital, has trauma-related eating disorders and even wakes up at night vomiting. The following excerpt illustrates his traumatic story:

He'd been thrown into the air by the explosion of a shell and had landed, head-first, on a German corpse, whose gas-filled belly had ruptured on impact. Before Burns lost conscious, he's had time to realize that what filled his nose and mouth was decomposing human flesh. Now whatever he tried to eat, that taste and smell recurred. Nightly, he lived the experience, and from every nightmare he awoke vomiting. His body seemed to have become merely the skin-and-bone casing for tormenting alimentary canal. His suffering was without purpose or dignity [...] (Barker 1993, 19).

If it was a film, the view illustrating the situation would be shattering and we would probably close our eyes. However, it is not less effective in Barker's novel. The detailed description of Burns' experience does not make it difficult to imagine what happens, but it is impossible to imagine what he actually experiences. His memories of this shocking experience haunt him. He can neither eat nor sleep normally. Indeed, World War I affects two very important conditions of human survival. Although Burns is alive, it seems as if he may die soon if the trauma keeps haunting him and he has neither enough sleep nor food that are vital for human functioning.

On the other hand, soldiers who have returned from the war seem to find it difficult to lead a normal life not only because of certain traumatic symptoms that they feel. It is also difficult for them to adapt to the present every day life. Unlike Wansbeck, who in *The Ghost Road* feels a smell that is not real (Barker 1996, p. 29), Prior, in the following excerpt from the *The Eye in the Door*, describes how he feels towards other people, sounds and smells that are real:

There were times – and tonight was one of them – when Prior was made physically sick by the sight and sound and smell of civilians. He remembered the stench that comes off a battalion of men marching back from the line, the thick yellow stench, and he thought how preferable it was to this. He knew he had to get off the streets, away from the chattering crowds and the whiffs of perfume that assaulted his nostrils whenever a woman walked past (Barker 1995, 7).

Such Prior's preference for smells may seem to be strange, since he prefers the ones that would be abnormal for everyday people and is irritated by those that are normal for other people. At the same time, he distances himself from what he calls "civilians", as if he is still a soldier somewhere else, for instance, at war in France, not in England. He has to learn to adapt to the present circumstances. Thus it is possible to claim that characters in the trilogy, soldiers in particular, find it difficult to lead a normal life because of their traumatic experience as well as their changed evaluation of very day affairs.

And yet, the concept of post-traumatic stress disorder (PTSD) has become "so powerful that it has seemed to engulf everything around it: suddenly responses not only to combat and to natural catastrophes but also to rape, child abuse, and a number of other violent occurences have been understood in terms of PTSD, and diagnoses of some dissociative disorders have also been switched to that of trauma" (Caruth 1995, p. 3). Furthermore, although the definition of post-traumatic stress disorder is arguable, "most descriptions generally agree that there is a response, sometimes delayed, to an overwhelming event or events, which take the form of repeated, intrusive hallucinations, dreams, thoughts or behaviors stemming from the event, along with numbing that may have begun during or after the experience, and possibly also increased arousal to (and avoidance of) stimuli recalling the event" (Caruth 1995, p. 4). This definition describes what precisely soldiers experience after World War I in Barker's trilogy, since all of them seem to suffer from PTSD. Vickroy summarises the situation very well by saying that "[t]raumatized war veterans are emblematic of the personal and collective losses associated with one of the most devastating twentieth-century wars, bringing with it important shifts in cultural attitudes about war, war trauma, gender, class, and the reliability of authority figures" (Vickroy 2002, p. 192).

Trauma as Metaphor

Farrell analyses trauma as both a clinical concept and a cultural trope. Furthermore, he sees trauma as "a kind of history" which "attempts to square the present with origins" (Some excerpts, 1998). Farrell thinks that "[p]eople may use it [trauma] to account for a world in which power and

authority seem staggeringly out of balance, in which personal responsibility and helplessness seem crushing, and in which cultural meanings no longer seem to stranscend death"; thus, "the trope may be veiled or explicit criticism of society's defects" (Some excerpts, 1998). As a matter of fact, it is so in *Regeneration* where Sasoon, one of the major characters, is to be treated by doctor Rivers. On the one hand, Sasoon has some post-traumatic symptoms, for instance, in one of the scenes he sees ghosts of some men who died at war. On the other hand, he seems to be the healtiest physically and psychologically of all patients at Craiglockhart hospital. Rivers describes Sasoon in the following way:

The patient is a healthy looking man of good physique. There is no physical sign of any disorder of the Nervous System. He discusses his recent actions and their motives in a perfectly intelligent and rational way, and there is no evidence of any excitement or depression. He recognises that his view of warfare is tingled by his feelings about the death of friends and of the men who were under command in France. At the present time he lays special stress on the hopelessness of any decision in the War as it is now being conducted [...]. [...] His view differs from that of the ordinary pacifist in that he would no longer object to the continuance of the War if he saw any reasonable prospect of a rapid decision (Barker 1993, p. 71-72).

The excerpt shows that even though Sasoon is a relatively healthy person, he is kept in hospital. To be more precise, Sasoon's "pacifist ideas" have to be "healed". He is not a coward and is not afraid of war, but he simply does not see any reason why he should return to the trenches again. He states this in his declaration called "Finished with the War: A Soldier's Declaration", with which Parker's *Regeneration* begins. Moreover, Vickroy agrees that Sasoon's role in the novel is not that of a patient like others, since Sassoon "helps [to] shape reader awareness of the social forces that hinder healing from historical trauma" (Vickroy 2002, p. 192). In the trilogy, Sasoon raises a lot of questions concerning the purpose and reasons of the war and emphasises the refusal of authorities to understand the price that a lot of people, who are forced to participate in the war and their relatives, pay. This includes deaths and post-war traumas, physical and psychological. The latter ones are often considered by the authorities as an excuse not to return to the war.

Similarly, Prior in *The Eye in the Door* is haunted by the image of eyes that has two possible interpretations. On the one hand, Prior is affected by World War I traumatic experience that persecutes him in his dreams. Here is one of such dreams that he tells about to Rivers:

I was walking along a path in a kind of dessert and straight ahead of me was an eyeball. [...] Huge. And alive. And it was directly in front of me and I knew this time it was going to get me. [...] Do whatever eyeballs do. Fortunately, there was a river running along beside the path, so I leapt into the river and I was all right (Barker 1995, p. 133).

The dream reflects his trauma that he experienced when he found a soldier's eyes during the war. And yet, he also starts seeing the image of eyes everywhere. Then it seems he begins feeling that he is being watched by somebody although he actually cannot see anybody watching him. Vickroy claims that the image of eyes in this case "signif[ies] how vigilant social, military, moral structures try to maintain their authority through surveillance" (Vickroy 2002, p. 200). This is very well illustrated by activities at hospitals, in one of which a mute patient is treated by electroshock for hours till he says something. What is more, Prior himself participates in the activities of the authorities since he is responsible for censoring letters. In other words, he is a part of the system by which he is being watched. Despite this, Vickroy claims that "Barker portrays a culture fundamentally in denial about the consequences of the war effort, using violent supression, accusation, and surveillance to quash traumatic symptoms or awareness of the senselessness of war" (Vickroy 2002, p. 195).

Conclusions

The article discuses Pat Barker's war trilogy, *Regeneration*, *The Eye in the Door* and *The Ghost Road*. It focused of specific examples related to physical and psychological traumas of World War I soldiers. Such traumatic symptoms as nightmares, hallucinations, eating disorders,

flashbacks, troubling thoughts and panic reactions are illustrated by these examples and discussed. Here the symptoms are seen as hindering to lead a normal life, because they remind of certain traumatic events that haunt the victims. In addition, the very participation in the war is presented as traumatic, since war experience precludes from adaptation to the society and various daily affairs when a soldier comes back home from the war.

It is important to note that the trilogy also fucuses on a so called "vicarious", "secondary" or "contagious" trauma that usually does not receive a lot of attention in literary studies. In the trilogy, the healer, Rivers, becomes the traumatized because he is affected by his patients' traumatic stories. This shows how powerful the effect of trauma is.

Moreover, in the trilogy, trauma is a metaphor as well. It is seen as a criticism against the authorities and the war. Thus, trauma motivates questioning of the cost, purpose and reason of the war (World War I) and proves the ethical function of trauma literature at the same time. Trauma also illustrates the failure and refusal of the authorities to understand the consequences of the war that affect directly and indirectly.

REFERENCES

BARKER, P., 1993. *Regeneration*. New York: Plume.
BARKER, P., 1995. *The Eye in the Door*. New York: Plume.
BARKER, P., 1996. *The Ghost Road*. London: Penguin Books.
CARUTH, C., 1995. Trauma and Experience: Introduction. In *Trauma: Explorations in Memory*, Cathy Caruth (ed). Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 3-12.
British Council Literature, 2011. *Writers: Pat Barker*. British Council. Available from HTTP://LITERATURE.BRITISHCOUNCIL.ORG/PAT-BARKER [Accessed 26 February 2012]
FARRELL, K., 1998. *Post-Traumatic Culture: Injury and Interpretation in the Nineties*. London: Johns Hopkins University Press.
HARTMAN, G. H., 2004. Trauma within the limits of literature. *TRN-Newsletter 2*, Hamburg Institute for Social research, June, 1-11. Available from HTTP://WWW.TRAUMARESEARCH.NET/FOCUS2/HARTMAN.PDF [Accessed 26 February 2012]
KAPLAN, E. A., 2005. *Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and Literature*. New Brunswick, New Jersey and London: Rutgers University Press.
Some excerpts from *Post-Traumatic Culture* (Johns Hopkins, 1998). Available from HTTP://PEOPLE.UMASS.EDU/KFARRELL/ POST-TRAUMATIC_CULTURE.HTML [Accessed 25 July 2011]
TOREMANS, T., 2003. Trauma: Theory – Reading (and) Literary Theory in the Wake of Trauma. *European Journal of English Studies*. 7 (3), 333-351. Available from HTTP://WWW2.MOUNDSVIEWSCHOOLS.ORG/MOUNDSVIEW/USERFILES/WEINBERGD/TRAUMA%202.PDF [Accessed 26 February 2012]
VICKROY, L., 2002. *Trauma and Survival in Contemporary Fiction*. Charlottesville and London: University of Virginia Press.
VISSER, I. 2011. Trauma theory and postcolonial literary studies. *Journal of Postcolonial Writing* 47 (3), 270-282. Available from HTTP://WWW.TANDFONLINE.COM/DOI/ABS/10.1080/17449855.2011.569378 [Accessed 12 November 2011]
WHITEHEAD, A., 2004. Introduction to Part One. *Trauma Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 3-11.
YOUNG, A., 1995. *The Harmony and Illusions: Inventing Post Traumatic Stress Disorder*. Princeton: Princeton University Press.

Aurelija Daukšaitė
Užsienio kalbų centras
Vytauto Didžiojo universitetas

ŠIUOLAIKINĖ TRAUMOS LITERATŪRA: TRAUMA PATO BARKERIO KARO TRILOGIJOJE

Santrauka

Straipsnyje trumpai aiškinama, kaip trauma siejama su literatūra, kaip gimsta traumos teorija ir traumos literatūra. Taip pat analizuojami trauminių patirčių pavyzdžiai iš Pato Barkerio trilogijos (*Regeneration*, *The Eye in the Door* ir *The Ghost Road*) apie Pirmojo pasaulinio karo padarinius. Analizė paremta pripažintų traumos tyrinėtojų darbais literatūroje ir ne tik. Minimi Cathy Caruth, Kirby Farrell, Geoffrey H. Hartman, Ann Kaplan, Laurie Vickoy, Anne Whitehead ir kitų darbai. Trilogijoje trauma persekioja Pirmojo pasaulinio karo kareivius, kuriems būdingos su traumine patirtimi susijusios haliucinacijos, sapnai, baimė, valgymo sutrikimai ir pan. Be to, vieno veikėjo lūpomis reiškiama kritika karo atžvilgiu. Traumos vaizdavimas literatūroje ne tik priverčia susimąstyti apie skaudžią istorinę

patirtį, bet ir kritiškai pažvelgti į karą ir jo kainą – trauma paveikia ne tik jame tiesiogiai dalyvaujančius karius, bet ir kitus personažus, pavyzdžiui, gydytoją.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: Patas Barkeris, trauma, traumos studijos/literatūra, potrauminio streso sindromas, *Regeneration*, *The Eye in the Door*, *The Ghost Road*.

Mariam Miresashvili
Sokhumi State University (in Tbilisi), Georgia
A. Politkovskaia 9, 0186 Tbilisi, Georgia
E-mail: m.miresashvili@gmail.com
Research interests: *Modern Georgian Literature, Literary Theory, Literary relationships and translation*

THE TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF GEORGIAN LITERATURE IN THE PERIOD OF "THAW"

The term "thaw" ("thawing") signifies the period of the Soviet (including the Georgian) literature between the 50-ies and 60-ies of XX century. The death of Stalin in 1953 marked the beginning of a new historical epoch, a different period of the belles-lettres development called a period of "thawing". The changes in the cultural policy of the USSR extended to all the Union Republics, including Georgia as well. The article deals with Georgian literature of the "thawing" period, its trends and characteristic features.

KEY WORDS: "the thaw", Georgian literature, tendencies and characteristic features.

In recent decades much has been changed drastically in Georgian cultural and social life. After the collapse of the Soviet regime, state control over literature and the arts came to an end and their evolution started to proceed in conditions when creative freedom has no bounds. This gave rise to the formation of a new culture of post-Soviet epoch in Georgia. It is characterized by rather complicated and multifaceted processes: "westernization" of the branches of art, development of mass culture, commercialization of literature and art, intensive creative quests, etc. Of topical importance for the humanities, particularly literary criticism has become a detailed examination of literary processes both in the 21st and the 20th centuries, including the study of theory and practice of Georgian socialist realism from the vantage point of modern scientific stand. It is obvious that post-Soviet scholarly research of the issues of socialist realism and the in-depth study of historical regularities is needed.

The world history remembers numerous passed civilizations which have been studied by the scholars specialized in various fields of research over the ages. Today the Soviet reality, an integral part and functionally important phenomenon of which Georgian Soviet literature had been for 60 years, is already a "passed civilization". Resting on the principles of socialist realism it was the carrier of all its properties and features. The study of Georgian literature of socialist realism proceeded mostly in the Soviet period and literary criticism was ideologized to the highest degree as well as the Soviet literature itself: one-sided treatment of artistic-aesthetic facts and phenomena prevailed; true aesthetic values appeared to be rejected whereas the lowbrow literature was advanced.

Enough time has passed after the dismantling of the Soviet empire; a new generation of both literary scholars and the readers came; numerous questions are arising around the literary monuments of the Soviet period and problems of their interpretation. As a rule, it is impossible to find an adequate answer to these questions in the works of the Soviet apologetic literary criticism, which can be seen as an anachronism. As to the post-Soviet literary criticism, here one symptomatic trend is noted, namely, it has preserved to a certain degree the radicalism so typical to the Soviet period –if earlier each and all were liked, now everything is frequently disapproved without distinction. Such antonymy of evaluation makes it even more topical and up-to-date, unbiased study of the literature of socialist realism not based on completeness of the facts and names but conceptually. There should be established as to what were the true and false values of the epoch of socialist realism; what was its artistic ideology. From the vantage point of today the experience and place of the Georgian literature of socialist realism is to be evaluated in the context of the world literature.

The term “the thaw” (“thawing”) signifies the period of the Soviet (including the Georgian) literature of the 50-ies - 60-ies of XX century. 1953 was marked by the decease of Stalin and with it by the beginning of a new historical epoch, a different period of the belles-lettres development called a period of “thawing”. The changes in the cultural policy of the USSR extended to all the Union Republics, including Georgia as well. The article deals with the Georgian literature of the “thawing” period, its tendencies and characteristics.

The term "thaw" was coined after Ilya Ehrenburg’s novel with the same title (1954), in which the "thaw" is regarded as materialization of a metaphor - the thaw of Stalin’s ice. It is believed that Nikolai Zabolotsky’s verse "The Thaw" appeared earlier than Ehrenburg’s novel. In spite of this, literary critics still associate this term with Ehrenburg’s novel. The publication of the novel was a signal to the intellectuals about weakening of the ideological supervision of the party over the culture. In the period of thaw the Party officials became more tolerant in regard to the writers and artists and other spheres of art, but only if they did not denounce or directly criticize the Party and socialist realism. The restrictions of censorship over art and literature were partially eased; it became possible to mirror the actual reality more widely and not one-sidedly. In spite of the above-mentioned, socialist realism still remained the only approved artistic method. It is true at the end of the sixties the revision of “canonic” definition of socialist realism came into being in the directives issued by the creative unions, but no serious effort to break out of the “socialist realist” framework had been made. The above-mentioned tendencies, which were typical for the Soviet literature of the thaw period, found their reflection in the creations of those Georgian writers who established themselves on literary arena in the 1960s.

The debates about culture and literature of the period of "thaw", its trends and typical features havebeen continued up till now. There is not even consensus about its chronological framework: some literary critics determine it by decade (1953-1963) others believe that the "thaw" began in 1961 (the adoption of a new program of the Communist Party) and ended in 1968 (so-called "Prague Spring", the occupation of Czechoslovakia by Soviet troops). Many literary critics exploring the "thawing" culture treat this historic period as an era of the revaluation of the Stalin-period moral values and determination of new moral guidelines.

As a rule, researchers define several stages in the "thawing" period. The reference point of the first stage is considered to be April 16, 1953 (after Stalin's death), when Olga Bergholz’s letter was printed in "Literaturnaya Gazeta" (Literary Journal) in which *lyricism* was regarded as the basics of the discourse of *sincerity*. Naturally, for Soviet readers the subtext was clear: the sincerity was to be replaced by the hypocrisy and the idyllic tone of Stalinist culture. In October 1953, Ilya Ehrenburg publishes an article entitled "On the Work of the Writer," in which he maintains that truthfulness in the literature is more important than to be prompted by authorities and political parties on what the artist should write about. Finally, in December of the same year Vladimir Pomerantsev publishes an essay entitled "On Sincerity in Literature" in literary journal Novy Mir. The essence of the publication was as follows:

- the writer in his work must express one’s own feelings, rather than repeat the official decrees,
- emotional frankness and sincerity are the highest values of a literary work;
- the positive hero of Stalinist culture is an embodiment of hypocrisy (Eggeling 1999, p. 192).

The emotional background of the first stage of the "thawing" - the establishment of truthfulness, sincerity - found its reflection in Guram Asatiani’s "Dialogues" in a very interesting way (Asatiani 2007). The well-known Georgian critic collected his publications of different years (from the fifties and ending with the eighties) under the general name. In the preface he explains that the form of a "dialogue" is a very convenient way for him to transfer his own thoughts and that he often discusses with an imaginary "opponent". In the first dialogue G.Asatiani’s opponent is an unknown passenger of Moscow - Tbilisi passenger train. When the latter finds out that young man (G. Asatiani, - M.M.) educated in Moscow returns back to his home in Georgia and is going to try his hand in the sphere of literary criticism, a "passenger" warns that the main feature determining

his future carrier must be *sincerity*, because “sincerity is the first sign of creator’s inner freedom. A response of the young critic that sincerity is an implied feature in the Soviet literature, sounds like Asatiani’s desire rather than a *status quo* of that period.

The following dialogue (1955) between the so-called "reader" and critic that takes place at the entrance hall of Georgian Writers’ Union, again deals with the lack of sincerity and truthfulness in contemporary Georgian literature. The "reader" says to the critic that "truthfulness is necessary as much as the air to present day Georgian writing. Falseness, artificiality, excessive pathetics have long exhausted themselves. Something new is needed”. G. Asatiani agrees with the critical tone of the "reader", so that a new generation of writers who came to the Georgian literature, must take into account the society's mood and write truthfully, honestly, without embellishing the realities of life (Asatiani 2010, p. 291-332). As we have mentioned above, the "Dialogues" by the celebrated Georgian literary critic actually very vividly reflected the mood and emotional background of the first stage of the "thaw" - the transfer of the sincerity and truthfulness.

The beginning of the second phase of the literary "thaw" is considered to be February, 1956 (XX Congress of the CPSU and Khrushchev's speech, debunked the cult of Stalin). As to the end of the second phase, some researchers believe that it happened in the autumn of the same year (the Soviet invasion of Hungary and the unrest in Poland) (Borev 2008, p. 337-350), and the others consider the end of the second phase to be associated with the case of Pasternak (1958-1959) (Weill, Genis 2003, p. 89).

During the second literary "thaw" a monolithic body represented by the Union of Soviet Writers started to acquire more fragmented structure. In 1956-1957 in the Soviet Union hundreds of territorial and regional creative Unions (unions of artists, journalists), including the writers were formed. A new era had brought to the art new ideas and themes. Writers began to denounce not only Stalin’s cult of personality (that was quite in line with the party course), but also sharply criticized the party bureaucracy, negative social phenomena. The spirit of social protest grew threatening to break the frames of the orthodox sets of socialist realism. This worried the party elite and in response to this a famous meeting between Khrushchev and writers followed. General Secretary of the CPSU in the form of toasts announced to the creators that they were the "engineers of human souls," and should be "Party-machines" to protect its interests and not criticize the reality.

In the context of these developments Otar Chkheidze’s creative destiny seems to be extremely significant. In the late fifties he attracted public attention with his sharp, critical novels which, at the same time, caused suspicion, "staff" critics of the Writers' Union. They believed that literature, of course, has the right to artistic exaggeration, which is intended to contribute to a fuller and deeper comprehension of life in all its complexity. But to stand on the position of one-sided critical perception of life just because of the fact that this trend is opposed to the tendency of the embellishment of reality (manifested in Stalin's time) would mean to disarm Soviet literature ideologically. Therefore, the novel "Mel" (1958) was received with hostility, as "... all attention was focused on the shady sides of life" (History of the Georgian Soviet Literature 1977, p. 297).

At the All-Union Congress of the Soviet Writers, the chairman, Nikolai Tikhonov announced that “O. Chheidze is related to that small category of writers who somehow do not see the progress, success, and continue to cry about the past”. In this story, it is noteworthy that none of O. Chheidze’s novel had been translated into Russian by that time and Tikhonov, could not have read the text with all his desire. But his speech at the Congress scared his Georgian colleagues so much that one of them - Boris Chkheidze - wrote a letter to the Republican newspaper explaining that he was not the writer Chkheidze being criticized at the Congress (Baindurashvili 2009, p. 90). Obviously, even in the fifties the fear of possible reprisals was still great, and, as we know, not in vain. The story of Boris Pasternak evidenced once more that the fate of the creator in a totalitarian state does not cost anything.

The most scandalous history of the period of "thaw" is connected with Pasternak's cult novel "Doctor Zhivago". It is a clear indication that, despite the rejection of the mass repressions, main course of the Stalinist cultural policy was not changed. It is interesting to note that the idea of writing a novel is associated with Georgia. In an interview with Zoia Maslenikova in August 1958

(i.e. after the appearance of the novel), Pasternak said that he was writing the novel for seven years, and work began in 1946. "We were in Tbilisi, celebrating the 100th anniversary of N. Baratashvili. It was a glorious sunny day, everything was in bloom, and we had festive mood. The war was over, the hope sprang up with us. I wanted to do something important, elevated - and there appeared the thoughts about writing the novel "(Meeting with Nobelists 2005: 24-26). In 1956 the novel was finished and the manuscript was handed over to the editor of the journal "Novyi Mir" ("New World"). However, despite the promise, the editors refused to publish the novel. In the explanatory memorandum it was stated that the writer was biased to the October Revolution and unjustly accused the Bolsheviks in the extermination (spiritual and physical) of the Russian intelligentsia. Fortunately, in parallel with "Novyi Mir" Pasternak handed the manuscript to Italian publisher Filtrenelli, who published the novel "Doctor Zhivago" in 1957. In subsequent two years, the novel was translated and published in 24 languages around the world.

The Pasternak case acquired a large scale: on the one hand, the writer was criticized by the Russian emigration (including Vladimir Nabokov), and on the other hand, by simple Soviet farmers and workers, in the same stereotyped expressions. Again, as in the case of O.Chkheidze, it should be noted that by that time the novel Pasternak were available only in Italian, English and French. It is quite impossible to imagine that ordinary Soviet workers at that time had good command of the European languages so that the majority of them could have read the novel, rebelled and demanded to evict the writer from the USSR. All these performances were well-planned. To end the Pasternak case quietly, the writer was forced to decline the Nobel Prize.

Boris Pasternak, left Moscow for a while and arrived to his beloved Georgia, where he visited Titsian Tabidze's family. Of course, at that time Georgia was part of the Soviet Union, however, according to the writer himself, nobody showed such hostility to him as in Russia (Meetings with Nobelists 2005: 32). Moreover, during the writer's visit in Tbilisi there was published a collection of rehabilitated Georgian symbolists (T. Tabidze, Gaprindashvili B., P. Iashvili, etc.) translated by Boris Pasternak. The presentation of the collection was held in the Writers' Union of Georgia. However, the spiritual trauma made itself felt and the writer, who became a victim of politics in the era of cultural "thaw" died in 1960. The Pasternak case became a stage of enlightenment for political and cultural world of the West, and those who still believed that Khrushchev's political course was directed against the totalitarian regime, started seriously pondering, and the "Prague Spring" finally put an end to their hope.

As for the third stage of the "thaw" (sixties of the twentieth century), the main trends of that decade in Georgia became:

- Release of literary anthologies "Tsiskari", "Mnatobi", which published the young Georgian poets and prose writers (A. Kalandadze, M. Machavariani, D. Charkviani, A. Sulakauri, O. Chiladze, N. Dumbadze, etc.)
- The emergence of a new hero of socialist realism. The new hero of literature sought primarily to improve the circumstances of their own lives and to solution of individual consumer and existential problems;
- The main discourse of the sixties of the twentieth century became an irony. In the literature, the virus of irony penetrated through the youth prose of N. Dumbadze, M. Eliozishvili, R. Cheishvili, N. Tsuleiskiri, et al.

Therefore, during the period of «thaw» a complete denial of typical for Stalin period metaphors which determined major pattern of narrative (e.g. trope of positive hero, family trope, war trope) did not take place; they were just revised and renovated. From this viewpoint, only the tropes which occupied the central place in Stalin culture are considered; an analysis has been made as to what changes they experienced, how they were manifested in the works of Georgian writers. Therewith, the anti-trope of Stalinist culture which is associated with irony; it is noted that one of the most important taboos of socialist realism – irony was not banned in Stalin's epoch and the first period of the "thaw" but it was not liked by the officials either. The significant finding of the "thaw" period became the establishment of the ironical manner of narration which restricted the cultural area between the "thaw" and "stagnation" periods. Irony became the landmark of

inconsistency between cultural values of the thaw (anti-monumentalism, honesty, cult of feelings, etc.) and cultural values of stagnation.

The ideological unity of the Georgian writers of the “sixties” was based not on the pathos of the establishment but on the negation. The writers of the “sixties” totally opposed to all that had become an unbearable anachronism of the outer reality: lie, pseudo-monumentalism, schematism, institute of “social order”, “neo-false classicism” (also referred to as Stalin’s “classicism”), etc. At the same time, they were the first who managed to “break” through the normative aesthetics of socialist realism, cover the deficit of sincerity of feeling and truthfulness existing in Georgian literary space, change partially the Stalinist tropes established in previous decades and bring Georgian literature closer to the actual reality.

REFERENCES

ASATIANI G., 2010. Critical Dialogues. vol. 1, Tbilisi, 328p. (in Georgian).
BAINDURASHVILI R. 2009. Actor - co-author of the writer . *Chveni mtserloba, № 12,* (in Georgian).
BOREV YU. 2008. Socialist Realism: the view of a contemporary and modern look. Moscow, 478p.(in Russian).
WEIL, P., GENIS A. 2003. V.1. Native speech. Soviet Baroque, 60th. The world of the Soviet man. Ekaterinburg, 368p. (in Russian).
MEETING WITH NOBELIST. 2005. Tbilisi, 248p. (in Georgian).
HISTORY OF GEORGIAN SOVIET LITERATURE. 1977. *USSR Academy of Sciences.* Moscow,420p. (in Russian).
PROKHOROV A. 2007. Inherited Discourse: Paradigms of Stalinist Culture in Literature and Cinema of the "Thaw." St. Petersburg, 344p. (in Russian).
EGGELING W. 1999. Politics and Culture under Khrushchev and Brezhnev. 1953-1970. Moscow, 310p. (in Russian).

Мариам Миресашвили
Сухумский государственный университет (в Тбилиси)
Научные интересы: грузинская литература XX века, теория литературы, литературные взаимосвязи и перевод

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Термином «оттепель» определяют период советской (в том числе и грузинской) литературы, который пришелся на 50-ые-60-ые годы XX века. После кончины Сталина начался новый этап художественного развития, именуемый периодом «оттепели». Изменения в культурной политике СССР распространились на все союзные республики, в том числе и на Грузию. В статье рассматривается грузинская литература периода «оттепели», ее тенденции и характерные свойства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «оттепель», грузинская литература, тенденции, характерные свойства.

Inga Piščikienė, Birutė Ryvitytė
Vilnius University
Universiteto 5, Vilnius LT-01513, Lithuania
i_piscikiene@yahoo.com , birute.ryvityte@flf.vu.lt

EVALUATION IN LITHUANIAN ECONOMIC BOOK REVIEWS

The aim of this study is to examine the ways in which Lithuanian reviewers express evaluation. The corpus consisted of 30 economic book reviews published in the period from 2004 to 2011. The paper analyses what aspects of books received most evaluation, examines the division of critical acts in the reviews as well as attempts to establish whether there are any systematic differences between evaluation given by male and female reviewers. The findings of the study show that generally reviewers tended to be positive and resorted to negative evaluation only in rare cases. The analysis reveals that the most criticised aspect was content, whereas the least criticised aspect was the quality of publishing. This study corroborates the results of other studies claiming that praise and criticism was most frequently expressed in the third and fourth moves of the book reviews. Besides, it was found that male reviewers were more critical than women reviewers.

KEY WORDS: genre, evaluation, economic book review, evaluative act, move, praise, criticism.

Academic genres have been the focus of scholarly research for several decades. Research on academic writing has examined a great variety of genres such as sections of research article (Yang & Allison 2003), abstracts (Samraj 2005), PhD introductions (Bunton 2002), grant applications (Connor & Mauranen 1999), etc. Despite the fact that books have been reviewed for centuries and such practice is as old as the academic community itself, the genre of book reviews has attracted the attention of linguists quite recently (Gea Valor 2000, Hyland 2000, Alcaraz Ariza 2004, Giannoni 2006, Salager-Meyer *et al.* 2007, Suárez & Moreno 2008). The studies mentioned have examined book reviews written in English and Spanish. Lithuanian linguistic book reviews have been studied by Ryvitytė (2005, 2008). However, to the best of our knowledge, there have been no studies investigating the genre of Lithuanian economic book reviews.

The concept of genre is, indeed, not a new one. It was Swales (1981, 1986) who first formulated the definition of genre for non-fiction texts used by different professional discourse communities. He describes genres as ‘communicative events’ that are characterized both by their communicative purposes and by various patterns of structure, style, content, and intended audience (Swales 1990:58). The genre of book reviews is of great importance to the academic and professional world as they not only inform readers of a new book release in their field of interest, but also evaluate scholarly work within the academic community. Book reviews create that platform where ‘academics can set out their views’ (Hyland 2000) and ‘represent one way in which disciplinary standards are formulated and maintained’ (Shaw 2004).

Hyland (2000) claims that while most academic genres are evaluative in one way or another, the book reviews are evaluative in a most explicit way. Thompson and Hunston define evaluation as ‘expression of the speaker or writer’s attitude or stance towards, viewpoint on, or feelings about the entities or propositions that he or she is talking about’ (Thompson & Hunston 2000, p. 5). They argue that ‘every act of evaluation expresses a communal value-system’(ibid.). According to Hyland (2000), praise helps to demonstrate the solidarity of reviewers with their discourse communities, acknowledging the reputations of colleagues and their previous contributions. A positive speech act, according to Hyland, is ‘an act which attributes credit to another for some characteristic, attribute, skill, etc. which is positively valued by the writer.’ (Hyland 2000, p. 44). A negative speech act is a statement where a conflict between the stance of a writer and that of another scientist is expressed. Hyland further claimed that not all sentences contain evaluation, only some of them realize evaluative acts explicitly. Furthermore, Hunston and Thompson (2000, p. 13) argue that from the conceptual point of view evaluation is a matter of identifying signals of comparison,

subjectivity and social value. It means that evaluation can be realized through comparing or contrasting anything with the norm, it can be achieved through expressing personal viewpoint and judgment' (Hunston, Thompson 2000, p.14).

The purpose of this study is to contribute to the field of academic book review genre analysis. The paper focuses on the expression of evaluation in Lithuanian economic book reviews. Through the use of genre analysis, we hope to uncover how the structure of the economic book review utilizes rhetorical moves in reviews written by Lithuanian reviewers as well as how evaluative acts are distributed and what rhetorical strategies are employed to convey that evaluation.

The material chosen for this research consisted of 30 book reviews written by Lithuanian reviewers in the period from 2004 to 2011. The published reviews were selected from several peer-reviewed journals, published by educational and governmental institutions: *Pinigų Studijos* (Central Bank of Lithuania), *Ekonomika* (Vilnius University), *Intelektinė Ekonomika* (Mykolas Riomeris University), *Inžinerinė Ekonomika* (Vilnius Gediminas Technical University), *Economics and Management* (Kaunas Technological University), and several peer reviews were obtained from Vytautas Magnus University. The sampling of reviews was purposive because only those reviews which had more than five evaluative acts and consisted of no less than a hundred words were selected for analysis. The final corpus consisted of 14 reviews written by women and 16 reviews written by men. It should be noted that the length of reviews written by women and men differed: reviews written by female and male reviewers contained 7339 and 15533 words respectively.

The first stage was to identify positive and negative evaluative acts, which consisted of higlighting all evaluative items such as a word or a string of words situated on a propositional plane of discourse (Hyland & Tse 2004). Usually these items were evaluative adjectives, nouns or verbs. For instance, consider the word *naudinga* (useful) in this sentence:

1) *Tad ši knyga yra* ***naudinga*** *tiek ieškantiems informacijos apie užsienio politikos tyrimų metodologiją, pagrindines teorijas, tiek besidomintiems konkrečiais tarptautinių santykių procesais*. (LT22)

The usual meaning of the adjective *naudinga* is positive, therefore, this sentence was considered a positive evaluative act. Another example, this time of a negative evaluative act due to the standard negative meaning of *stinga* (lacking), can be observed in the following sentence:

2) Aiškiai ***stinga*** *kategorijų, sąvokų, terminų apibrėžimų rodyklės, talpintos rašinio pabaigoje. (*LT5)

The analysis of the reviews showed that there was a great imbalance between positive and negative evaluative acts in the given sample of book reviews. The identification process produced a total of 523 evaluative acts, 92.16% of which were considered to be positive and 7.84% were negative. Also, there was a considerable difference between evaluation produced by male and by female reviewers (see Table 1 below).

Table 1. Distribution of positive and negative evaluation in book reviews written by male and female reviewers

Evaluative acts	Female reviewers	Male reviewers
Total number	202 (38.62%)	321 (61.37%)
Negative	10 (4.95%)	31 (9.65%)
Positive	192 (95.05%)	290 (90.35%)

According to Table 1, men reviewers were more ready than women to express their opinion and produced over 60% of all evaluative acts identified in the sample. Out of 321 evaluative acts produced by men almost 10% were negative evaluations, whereas out of 202 evaluative acts produced by women just under 5% were identified as negative and the remaining 95% as positive evaluations.

The next stage of the analysis followed Hyland's (2000) methodology and addressed evaluation of different aspects of the books under review. The following categories were identified to attract the attention of reviewers: content, style and structure, value and relevance, text, tables, diagrams, tasks, author and publishing. Table 2 shows the distribution of evaluative remarks in the sample of Lithuanian reviews.

Table 2. Evaluation of different aspects of the reviewed books.

Focus	Praise		Criticism	
	Female reviewers	Male reviewers	Female reviewers	Male reviewers
Content	65 (33.85%)	117 (40.41%)	5 (50%)	15 (48.38%)
Style and structure	28 (14.58%)	39 (13.35)	0	3 (9.67%)
Value and relevance	60 (31.25%)	79 (27.05%)	4 (40%)	4 (12.90%)
Text, tables, diagrams, tasks	13 (6.77%)	17 (5.82%)	1 (10%)	7 (22.58%)
Author	26 (13.54%)	36 (12.67%)	0	2 (6.45%)
Publishing	0	2 (0.68%)	0	0

Table 2 shows that the category of content which addresses such matters as interest, approach, argumentation, etc., was the most frequent target for the reviewers' comments, both positive and negative, whereas the aspect least targeted was the quality of publishing. The category of content accounted for the greatest number of positive comments (117 comments by male reviewers and 65 comments by female reviewers). Content was praised in many different ways, e.g.:

3) *Daug dėmesio skiriama ypač reikšmingai diskrečiajai fiskalinei politikai, parodytos jos kaip ekonomikos stabilizavimo priemonės galimybės*. (LT 23) [A lot of attention is devoted to a particularly significant discreet fiscal policy, its potential to stabilise economy is revealed.]

The value and relevance of the book for certain readership or discipline was the second most popular category praised by both groups (79 positive comments in male reviews and 60 positive comments in female reviews). Example (4) below serves to illustrate a positive evaluative act where positive evaluation is presented as the reviewer's personal opinion, e.g.:

4) Parengta monografija, recenzento nuomone, yra vienas iš tų kol kas retų, bet labai reikalingų darbų. (LT28) [The monograph, in this reviewer's opinion, is one of those still rare, yet very much needed publications.]

The category of style and structure received significantly less attention from both male and female reviewers, but there were quite a few positive remarks addressing clarity, difficulty, organization, and readability of the book, e.g.:

5) *Pažymėtina gerai parengta monografijos sandara, klausimų dėstymo nuoseklumas ir gilumas.* (LT 9) [One should note a well designed structure of the monograph as well as consistency and depth of the presentation of issues.].]

Authors of books were discussed in terms of their experience, professional reputation and their previous publications. Praise in this category was expressed in 36 comments made by men and 26 comments made by women. Example (6) mentions previous publications and emphasises the author's experience:

6) Ekonomistams profesionalams iš skelbtų straipsnių šalies ir užsienio moksliniuose žurnaluose jis jau yra žinomas kaip patyręs Lietuvos ekonomikos tyrinėtojas. (LT28) [He is already known to professional economists as an experienced researcher of Lithuanian economy from his articles published in Lithuanian and foreign research journals.]

The category including text, tables, diagrams, tasks received considerably less praise. The reviewers seemed to be much less satisfied with references, relevance of diagrams, tables, etc. 17 positive evauative acts were identified in male reviews and 13 acts in female reviews. The following example expresses a positive opinion about examples, pictures and tables:

*7) Medžiaga monografijoje išdėstyta aiškiai ir suprantamai, iliustruota pavyzdžiais, paveikslais ir lentelėmis. (*LT14) [The material in the monograph is presented in a clear way and is easy to follow, it is illustrated with examples, pictures and tables.]

According to Table 2, negative evaluation in the sample was considerably less balanced. Some categories such as the quality of publishing did not receive any negative evaluation, the category of author received two negative comments by male reviewers, and the category of style and structure was evaluated negatively three times. Surprisingly, female reviewers expressed

negative evaluation only about the content (5 negative comments) and value and relevance of the book (4 negative comments). One negative comment concerned text, tables, diagrams and tasks. The following negative comment addresses the content:

8) *Tačiau tema apie skurdą didaktiškai skurdoka, o santykinio pranašumo nagrinėjimą vertėtų išimti iš vadovėlio, nes jos jau nebėra atnaujintoje programoje.* (LT17) [However, the topic about poverty is rather poor didacticaly, and the analysis of relative advantage should be excluded from the coursebook as it is withdrawn from the updated curriculum.]

Out of 31 negative comments expressed by male reviewers 15 comments dealt with content. The second most frequently criticised category was the book's value and relevance (four negative comments were found in male reviews and four were identified in felame reviews). The reviewer expresses regret about the poor value of the book:

9) *3.2 poskyris, praturtintas labiau išplėsta ir gilesne teorine analize, taptų įdomesnis bei naudingesnis studijuojantiems asmenims ir praktikams*. (LT7) [Section 3.2. would become more interesting and helpful to students and practitioners if it were enriched by more thorough and expanded theoretical analysis.]

There were eight instances of negative evaluation that referred to the category of text, diagrams, tables. The following example was produced by a male reviewer:

10) Aiškiai stinga kategorijų, sąvokų, terminų, apibrėžimų rodyklės, talpintinos rašinio pabaigoje; skaitytojui ar studentui tokia rodyklė būtų ypač pravarti, nes ieškant reikiamo apibrėžimo ar aiškinimo nepatogu klaidžioti per visą apimlų tekstą.(LT5) [The absence of an index of categories, notions, terms and definitions which should have been placed at the end of the book is a drawback, such an index would have been useful to a reader or a student, because it is inconvenient to wander through such an extensive text in search for a definition or an explanation.]

The third stage of analysis addressed the structure of book reviews in the sample. Swales (1990), offered the well-known three-move model for research article introductions which was later applied by many linguists for the analysis of different academic and professional genres. Swales defines a move as "a discoursal or rhetorical unit that performs a coherent communicative function in a written or spoken discourse…a functional, not a formal, unit" (2004: 229). According to Motta Roth (1998), book reviews comprise four rhetorical moves which are identified in relation to the function performed. The first move introduces the book, the second move outlines the organisation of the book, the third move provides the evaluation of different aspects of the book, and the last move contains a closing evaluation of the publication, the book here is either recommended or disqualified, a reviewer may also indicate its outstanding qualities or drawbacks important for the readership.

Prior to discussing the findings of the analysis, it has to be noted that not all of the reviews followed the structure presented above. Three male reviewers did not follow the move structure discussed previously, and as many as six reviews written by women did not match the structure either (see Table 3). The pattern exploited by those reviewers consisted of merging Move 2 and Move 3. Two female reviewers started discussing the books not by providing a general evaluation, but by outlining the structure of the books under review. As a result, the first move was omitted in those two reviews. One review by a female reviewer had no final evaluation of the book or recommendations, therefore, Move 4 was considered missing in that review.

Table 3. Structuring of Lithuanian economic book reviews

	Reviews by men (16)	Reviews by women (14)
Move 1	16 (100%)	12 (85.71%)
Move 2	13 (81.25%)	9 (64.28%)
Move 3	13 (81.25%)	9 (64.28%)
Move 4	16 (100%)	13 (92.85%)

After the analysis of rhetorical structure, evaluative acts across the moves were counted. The results (see Table 4) revealed that the majority of evaluative acts identified in male and female reviews were in Move 3 (43% and 33% respectively).

Table 4. Evaluative acts per Move

Move 1		Move 2		Move 3		Move 4	
male	female	male	female	male	female	male	female
83 (25.69%)	30 (23.07%)	68 (21.05%)	28 (21.53%%)	140 (43.34%)	43 (33.07%)	32 (9.90%)	29 (22.30%)

The findings presented in Table 4 confirm the conclusions drawn by Motta-Roth (1998) and Hyland (2000) that though evaluative acts may occur in all four moves, the majority of both positive and negative evaluative acts would be found in Move 3.

Table 5 presents the division of positive and negative evaluative acts in each Move, however, it should be noted that the results in this table are not divided by gender.

Table 5. Positive and negative evaluation across the Moves

Move I	Positive	100%
	Negative	0%
Move II	Positive	97.06 %
	Negative	2.94 %
Move III	Positive	81.43%
	Negative	18.57%
Move IV	Positive	81.25%
	Negative	18.75%

According to Table 5, no negative evaluative acts were found in Move 1. These findings are not surprising because Move 1 usually introduces the author and the need for the book and those categories tend to receive praise rather than criticism (see Table 2), e.g.:

11) A. *Bakanausko ir L Pilelienės mokomosios knygos aktualumas nekelia abejonių.(* LT2) [The need for Bakanauskas and Pilelienė's training manual raises no doubts.]

97% of evaluative acts found in Move 2 were positive. There were only two negative comments in this move, both written by male reviewers.

12) *Trečiasis skyrius „Mąstymas", regis, teturi vieną naujovę.*(LT5) [The third chapter ' Thinking' seems to posses only one innovation.]

The evaluative acts were quite numerous in Move 3 and just over 18% of these acts turned out to be negative. This should not be surprising because Move 3 is expected to present a detailed evaluation of all aspects of the book, therefore, reviewers make critical remarks about the flaws noticed in the book. The following examples illustrate positive and negative evaluative acts in Move 3:

13) *Teigiamai vertinama tai, kad autorius išskyrė į savarankišką rodiklių grupę pinigų srautų rodiklius, turinčius labai svarbią reikšmę įmonės finansinei būklei*. (LT16) [The fact that the author grouped the indices of cash flows, which are of great importance to the financial state of the company, under independent indices deserves a positive evaluation.]

14) Ne visiškai nuosekliai apibūdinamos stambesnės nei 1 grašio monetos. (LT 21) [Money of higher value than one coin is described slightly inconsistently.]

The percentage of positive (about 81%) and negative (about 18%) evaluative acts in Move 4 appeared to be very similar to the percentage in Move 3. However, the actual number of reviewers' comments was much smaller (32 by male reviewers and 29 by female reviewers). Some of the reviewers felt the need to offer advice to the author of the book. It was rather common to find a negative evaluative act paired with a positive evaluative act, which helped the reviewers to maintain interpersonal relations with the author as in the following example:

15) *Be išdėstytų knygos privalumų, atkreiptinas dėmesys ir į kai kuriuos svarstytinus dalykus*. (LT21) [Such benefits notwithstanding, attention should be drawn to some arguable issues.]

To sum up, the present analysis was intended to shed some light on the expression of evaluation in Lithuanian economic book reviews. The findings show that male reviewers seem to be far more critical than female reviewers. Another trend revealed by this analysis was that, in general, reviewers tended to be positive and resorted to negative evaluation only in Move 3, especially when evaluating different aspects of the content. The application of move analysis model showed that some reviewers preferred not to separate Move 2 and 3 and were ready to present evaluations of the sections of the book without delay. As expected, those reviewers who chose to evaluate after outlining the structure used the greatest number of evaluative acts in Move 3.

REFERENCES

ALCARAZ-ARIZA, M. A., 2010. Evaluation in English-Medium Medical Book Reviews. In *International Journal of English Studies*, 11/1: 137-153.

BUNTON, D., 2002. Generic moves in PhD dissertations. In Flowerdew, J. (ed.) *Academic Discourse*. London: Longman.

CONNOR, U. &Mauranen, A. 1999. Linguistic analysis of grant proposals: European Union research grants. English for Specific Purposes. 47-62.

GEA VALOR, M.L., 2000. A Pragmatic Approach to Politeness and Modality in the Book Review Article. Valencia: Universitat de Valencia.

GIANNONI, D.S., 2006. Expressing praise and criticism in economic discourse: a comparative study of English and Italian book reviews. In Del Lungo Camiciotti, G., Dosena, M. & Crawford, B.(eds.), *Variation in Business and Economics Discourse: Diachronic and Genre Perspectives*. Rome: Officina Edizioni, 126-38.

HUNSTON, S. & THOMPSON G., 2000. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse.* Oxford, England: Oxford University Press,: 3-27.

HYLAND, K., 2000. Praise and criticism: interactions in book reviews. In Hyland, K. (ed), *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing* (pp. 41-62). Harlow, England: Longman.

MORENO, Ana I., & SUAREZ, L., 2008. A framework for comparing evaluation resources across academic texts. *Text & Talk, 28*(4): 501-521.

MOTTA-ROTH, D., 1998. Discourse analysis and academic book reviews: A study of text anddisciplinary cultures. In FORTANET, I., Posteguillo, J., Palmet, J.C. & Coll, J.F. (eds), *Genre studies for English Academic Purposes, ed.* 29–58. Castelló, Spain: Universitat Jaume I.

RYVITYTĖ, B., 2005. Vertinimo raiška lingvistinių knygų recenzijose. *Žmogus ir žodis* 7:96-102.

RYVITYTĖ, B., 2008. *Evaluation in Linguistic Book Reviews in English and Lithuanian*. Doctoral dissertation. Vilnius VU.

SALAGER-MEYER, F., ALCARAZ ARIZA, M.A., and Pabon Berbesi, M., 2007. Collegiality, critique and the construction of scientific argumentation in medical book reviews: a diachronic approach. *Journal of Pragmatics*, XXXIX, 10, 1758-74.

SAMRAJ, B., 2005. An exploration of a genre set: research article abstracts and introductions in two disciplines. *English for Specific Purposes* 24:141-156.

SHAW, Ph., 2004. How Do We Recognize Implicit Evaluation in Academic Book Reviews? In Del Lungo Camiciotti, G. & Tognini Bognelli, E. (eds), *Academic Discourse – New Insights into Evaluation*. Bern: Peter Lang, 121-40.

SWALES, J.M., 1981. *Aspects of Article Introductions*. Birmingham, UK: University of Aston, Language Studies Unit.

SWALES, J.M., 1986. Occluded genres in the academy: the case of a submission letter. In. E. Ventola & A. Mauranen (eds), *Academic Writing: Intercultural and Textual Issues*. Amsterdam: John Benjamins, 45-58.

SWALES, J. M., 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. New York: Cambridge UP.

SWALES, J.M., 2004. *Research Genres: Exploration and Applications*. New York: Cambridge UP.

YANG, R. & ALLISON D., 2003. Research articles in applied linguistics: moving from results to conclusions. *English for Specific Purposes* 22: 365-385.

Inga Piščikienė, Birutė Ryvitytė
Vilniaus universitetas

VERTINIMAS LIETUVIŠKŲ EKONOMINIŲ KNYGŲ RECENZIJOSE

Santrauka

Mokslinių tekstų žanrai tyrinėjami jau keletą dešimtmečių. Pasirodė nemažai lingvistų darbų, kuriuose analizuojami įvairūs akademiniai žanrai, tokie kaip mokslinis (tiriamasis) straipsnis (Yang & Allison 2003), mokslinių straipsnių anotacijos (Samraj 2005), daktaro disertacijų įvadinės dalys (Bunton 2002), tyrimų dotacijų prašymai (Connor & Mauranen 1999) ir t. t. Nors akademinės recenzijos rašomos jau seniai, turbūt nuo to laiko, kai atsirado akademinės bendruomenės, akademinių knygų recenzijos žanras lingvistų dėmesio sulaukė visai neseniai (Gea Valor 2000, Hyland 2000, Alcaraz Ariza 2004, Giannoni 2006, Salager-Meyer *et al.* 2007, Suárez & Moreno 2008).

Hyland'as (2000) teigia, kad visi akademiniai žanrai turi vienaip ar kitaip išreikštą vertinamąjį pobūdį, tačiau knygų recenzijų kaip žanro vertinamasis pobūdis yra pats akivaizdžiausias. Thompson and Hunston apibrėžia vertinimą kaip „kalbėtojo arba rašytojo poziciją, nusistatymą, požiūrį, jausmus kokios nors aptariamos propozicijos atžvilgiu" (Thompson & Hunston 2000: 5). Jie mano, kad „kiekvienas vertinimo aktas išreiškia bendruomeninę vertybių sistemą" (ibid.). Pasak Hyland'o (2000), pagyrimai padeda parodyti recenzentų solidarumą su savo diskurso bendruomene, kolegų reputacijos ir ankstesnių nuopelnų pripažinimą. Teigiamas vertinimas, pasak Hyland'o, yra toks aktas, kuriuo atiduodama duoklė kitam už tokį bruožą, savybę, gebėjimą ir pan,. kuriuos recenzentas vertina. O neigiamas vertinimas yra toks teiginys, kuriuo išreiškiamas recenzento ir kito mokslininko požiūrių nesutapimas ar susikirtimas (Hyland 2000: 44). Hyland'as taip pat teigia, kad ne visuose sakiniuose vertinimas aptinkamas, tik kai kuriuose sakiniuose jis išreiškiamas eksplicitiškai. Pasak Hunston and Thompson'o (2000: 13), vertinimas reiškia palyginimo, subjektyvumo ir socialinių vertybių identifikavimą, kitaip sakant, vertinimas gali būti realizuojamas lyginant ką nors su nustatyta norma ar išreiškiamas kaip asmeninis požiūris arba sprendimas' (Hunston & Thompson 2000: 14).

Straipsnio tikslas – patyrinėti, kokiais būdais lietuvių recenzentai išreiškia vertinimą. Tiriamąją medžiagą sudaro 30 ekonominių knygų recenzijų, paskelbtų per 2004 - 2011 metus. Darbe analizuojama, kokie knygų aspektai buvo vertinami, kaip vertinamieji aktai pasiskirstė knygų recenzijose. Be to, bandoma išsiaiškinti, ar egzistuoja kokie nors vertinimo reiškimo dėsningumai, būdingi vyrams arba moterims. Tyrimo rezultatai rodo, kad lietuviai recenzentai yra linkę reikšti teigiamą vertinimą, o neigiamas vertinimas lietuvių recenzijose pasitaiko retai. Tyrimas parodė, kad iš visų galimų ekonominių knygų vertinimo aspektų recenzentai daugiausia dėmesio skiria ir griežčiausiai vertina knygų turinį, o mažiausiai dėmesio sulaukia spausdinimo kokybė, tačiau įdomu, kad recenzentai,šį aspektą pastebėję, jį sukritikuodavo. Tyrimo rezultatai patvirtina anksčiau atliktų tyrimų (Motta-Roth 1998, Hyland 2000) išvadas, kad daugiausia pagyrimų ir kritinių pastabų randama trečiame ir ketvirtame retoriniame ėjime. Be to, paaiškėjo, kad vyrai recenzentai yra kritiškesni negu moterys.

ESMINIAI ŽODŽIAI: žanras, vertinimas, ekonominių knygų recenzijos, vertinimo aktas, retorinis ėjimas, pagyrimas, kritika.

Jūratė Radavičiūtė
Vilnius University
Muitinės g. 8, Kaunas
jura.te@hotmail.com

REALITY PRECEEDED BY SIMULACRA IN SALMAN RUSHDIE'S NOVEL *SHAME*

The article explores the subject of hyperreality as revealed in Salman Rushdie's novel Shame. The theoretical framework of the article comprises the works by key postmodern theoriticians Jean Baudrillard and Jacques Derrida. The assuption proposed by Jean Baudrillard that the concept of the real in postmodernism presupposes a process rather than a fixed entity and could be defined as the wholesness of different elements is taken as a basis for the analysis of the novel. The interpretation of the imagery of the novel Shame provides an insight into the processes underlying the formation and the transformation of the postmodern sign.

KEY WORDS: postmodernism, simulacrum, reality, sign, process, Jean Baudrillard, Jacques Derrida.

The reality of the postmodern society is to a great extent different from the reality before the evolution of the simulacrum. Having served as the basis for the perception of a sign, the reality of postmodernism is considered to be a product of a sign instead. Jean Baudrillard claims that the reality is now perceived as a process rather than an entity as is produced from the elements constituting a simulacrum, to quote the theorist, "t*he real is produced from miniaturized units, from matrices, memory banks and command models-and with these it can be reproduced an indefinite number of times*." (Baudrillard 1983, p.3)

He uses a different term to refer to this form of reality- the hypperreal. The excess of meaning which is characteristic of hyperreality, according to Jean Baudrillard, is due to the multiplicity and variety of models coexisting within one discourse. The meaning is produced within the discourse and is, consequently, affected by an infinite number of models, which "*allows for all possible interpretations, even the most contradictory- all true.*" (ibid, p. 32) The aim of this subchapter is to analyse the phenomenon of the precession of simulacra, focusing on the portrayal of Bilquis Hyder and her daughters Sufiya and Naveed.

The image of the queen dominates the initial stages of the portrayal of Bilquis Hyder. The indeterminacy of the connotations attributed to the image is emphasized through an extensive use of irony to describe the contrast between the perception of the elements constituting the image by Bilquis and her father and the people outside the family.

The first reference to the image of the queen is related to Bilquis' father who calls himself "*the chief administrative officer of a glorious Empire*" referring to his daughter as a princess in this context. (Rushdie 1995, p. 59) The comment about the Empire soon follows, defining the Empire Talkies which Bilquis' father owns as "*a fleapit of a picture theatre in the old quarter of the town.*" (ibid, p. 60) The contrast is further developed in the description of Bilquis' image of herself as a queen. Under the influence of her father's emperor dreams as well as the images of the films which displayed "*the giant, shimmering illusions of princesses*", Bilquis reinvents herself starting to behave "*with the grandeur befitting a dream-empress*." (ibid, p. 61) However, her image is ridiculed by the neighbours who call her "*queen of coughs, that is to say of expelled air, of sickness and hot wind.*" (ibid, p.61)

Bilquis' image of a queen is entirely created from the images surrounding her: her father's emperor aspirations reflected in the name of the cinema, his image of himself as an emperor and the form of address to his daughter as a princess. It is further enhanced by the images of the films portraying the grandeur of princesses and their knights. The contrast between her image of herself and her image which is perceived by others is immense. However, at this stage the two interpretations of the image coexist peacefully without an intersection.

An accident alters the balance of the situation. The role of a crisis or a catastrophe in the postmodern discourse is stressed by different theorists. Baudrillard maintains that the simulacrum uses the discourse of crisis to prove its own existence by incorporating the signs of reality. (Baudrillard 1983, p. 42) On the other hand, Jacques Derrida asserts that "*the catastrophe opens the play of the supplements because it inscribes local difference*." (Derrida 1997, p. 260)

The image of the wind which incorporates the connotation of crisis into the portrayal of Bilquis Hyder could be viewed in respect of both of these assumptions. Firstly, the image functions as a part of an already-existing discourse, for it is mentioned in respect to Bilquis' queenly image in the eyes of her neighbours. Outside the discourse of the crisis, it is of minor importance; however, at the height of the crisis, its significance increases:

> *The walls of her father's Empire puffed outwards like a hot puri while that wind like the cough of a sick giant burned away her eyebrows (which never grew again), and tore the clothes off her body until she stood infant-naked in the street but she failed to notice her nudity because the universe was ending, and in the echoing alienness of the deadly wind her burning eyes saw everything come flying out* (Rushdie 1995, p. 63)

The excerpt reveals the change of a dominant interpretation of the queenly image: the abundance of royal references is replaced with the variety of negative images: puri, wind, cough of a sick giant, which have already been mentioned are enriched through the use of new related elements: nudity, alienness, infant-naked, deadly wind, ending. The process of the play of supplements is dynamic, for it is described using multiple action verbs such as *puff off, burn away, tear off, fly out*. The description of the process reveals the nothingness underlying the system of supplements, for the wind is said to leave no things on its way: not a thing is left of the father's empire; Bilquis herself is absolutely denuded through the loss of her clothes and the eyebrows.

The nudity caused by the wind is supplemented with the abundance of things after the crisis ends which marks the return of Bilquis' private queenly image. The period of Raza Hyder's courtship is marked with the supplementation of the loss induced by the wind:

> *During their days in the fort, the pouch-eyed Captain visited Bilquis regularly, always bringing with him some item of clothing or beautification: blouses, saris, sandals, eyebrow pencils with which to replace the lost hairs, brassieres, lip-sticks were showered on her*. (ibid, p. 66)

The supplementation of the things revives the recovery of the old self which is manifestedin Bilquis' behaviour as well as the marginalization of a negative attitude towards her changed self. The contrast is emphasised through the reappearance of the queenly references to herself in Bilquis' language ("*Captain who outfits strange ladies like queens*", "*the old dream of queenlines*" (ibid, pp. 66-67)) as well as the comments of the other with the references to Bilquis as a "*scavenger, harlot, whore*." (ibid, p.67) The negative comments are marginalized through the means of isolation from her fellow refugees inside the territory Raza Hyder creates for her.

Although the revival of the initial image takes place, the certainty, which has distinguished it at the period of Bilquis' life in the father's house, disappears; it is replaced with indeterminacy which is manifested in the portrayal of Bilquis as well as her two daughters. The depiction of Bilquis' fear of wind reveals the sense of instability of her recreated image of herself and the environment surrounding her:

> *as she grew older the wind awakened strange terrors in Bilquis…She developed a horror of movement, and placed an embargo on the relocation of even the most trivial of household items. Chairs, ashtrays, flowerpots took root, rendered immobile by the force of her fearful will.*(ibid, p.68)

The presence of things which has once served as a warrant of stability acquires the connotation of absence, for they have proved to be vulnerable to the impact of the wind. Therefore, the things themselves do not ensure the durability of the world they have composed. Bilquis chooses the faith in the power of will to substitute the indeterminacy of things.

The theme of will as a means of creating a stable image is developed in the portrayal of Bilquis' younger daughter Naveed. Naveed employs her will to create an image of herself as an astounding beauty. The indeterminacy of the image is revealed through the difference of opinions that her image induces. Arjumand Harappa expresses her viewpoint in negative terms, claiming that Naveed is "*plain as a plate…and not so fair-skinned at all*." (ibid, pp. 154-155) In contrast, Haroun considers her to be "*the loveliest bride on earth*." (ibid, p. 155)

Naveed's determination to be beautiful is retained throughout her attempts to get married. The play with the contrast is constantly present thus inducing the sense of indeterminacy in the portrayal of her image. The final episode which illustrates the coexistence of the two images is the scene of her wedding: the guests arriving "*in their oldest, most tattered clothes*" are contrasted to the bride Naveed Hyder "*oiled hennaed bejeweled*." (ibid, p. 169)

The crisis which Naveed faces after her wedding is due to the loss of control over her life. Similarly to her mother whose image of herself has been shattered by the wind, Naveed is overwhelmed by the increasing number of children she is forced to give birth to. The connotation of movement which is attributed to the image of birth-giving relates it to the image of the wind: the process of birth giving is compared to "*the endless stream of humanity flowing out between her thighs*." (ibid, p. 207) Naveed's failure to stabilize the movement ends in the emergence of her marginalized image:

> *No more attempts to sit on her hair: the absolute determination to be beautiful…faded from her features, and she stood revealed as the plain, unremarkable matron she had always really been*. (ibid, p. 207)

Similarly to her mother, denuded by the wind, Naveed displays the image which has been carefully disguised with the means of beautification. Although it has never been eliminated, at the peak of crisis it emerges to dominate Naveed's image.

The episode of Naveed's death illustrates the agony underlying the concept of the simulacra and draws parallels with other episodes of her life.

> *That night Begum Talvar Ulhaq, the former Good News Hyder, was found in her bedroom at the Hyder residence, hanged by the neck, dead…There was jasmine in her hair and she filled the room with the fragrance of Joy by Jean Patou, the most expensive perfume in the world, imported from France to cover up the smell of her bowels opening in death*. (ibid, p. 228)

The celebration of death through the resurrection of a simulacrum is chosen over the dominance of the void, the nothingness of the movement which disables the functioning of a simulacrum in favour of the play of simulacra. The episode stresses the indeterminacy of the simulacra through the exposure of the inappropriateness of the constituting elements of the image: the fragrance of joy and the blossom of a jasmine clash with the tragedy of the episode strengthening the impact of the scene. The episode is reminiscent of Naveed's wedding scene where the tattered clothes of the guests contrasted with the festive looks of the bride and the groom, serving as an implication of the indeterminacy of the significations attributed to the scene.

If the story of Naveed continues and develops the issues introduced in the portrayal of Bilquis, the depiction of Sufiya reveals the aspects of the play of simulacra which are barely mentioned in respect to Naveed. Sufiya is initially perceived as a supplement for her brother. The image of her unborn brother has been planned to such an extent that it survives his death:

> *being stone dead was a handicap which the boy managed, with commendable gallantry, to surmount. Within a matter of months, or was it only weeks, the tragically cadaverous infant had 'topped' in school and at college, had fought bravely in war, had married the wealthiest beauty in town and risen to a high position in the government. He was*

dashing, popular, handsome, and the fact of his being a corpse now seemed of no more consequence than would a slight limp…(ibid, p. 83)

The simulacrum which the parents have created as a model for their first child is saturated with detail, whose number and exactness creates the feeling of indeterminacy which is emphasised through the use of irony and hyperbole. The certainty which is attributed to the image is not destroyed in the lethal course of events, for the parents turn to finding a supplement which is supposed to substitute for the absence of the son. Their certitude about a possibility of a supplement is depicted through the use of sarcasm:

[they] convinced themselves that a second pregnancy would be an act of replacement, that God had consented to send them a free substitute for the damaged goods they had received in the first delivery, as though He were the manager of a reputable mail-order firm. (ibid, p. 83)

The parallel which is drawn between business and family reveals the indeterminacy in terms of models which dominate a certain discourse. The use of sarcasm in the comparison of God with a manager and a dead child with damaged goods strengthens the feeling of impropriety caused by the merger of the models from different spheres of life. The supplement which is born on the basis of such a confusion of discourses acquires the features of a postmodern supplement whose meaning is indeterminate. The expected son turns out to be a daughter; therefore, the supplement deepens the void of the loss instead of filling it.

The portrayal of Sufiya Zinobia, the wrong miracle of Hyders family, reveals the processes within the concept of the supplement. Sufiya develops a peculiar way of communicating with the world through the system of physical reactions rather than speaking:

She also blushed. You recall she blushed at birth. Ten years later, her parents were still perplexed by these reddenings, these blushes like petrol fires…To speak plainly: Sufiya Zinobia Hyder blushed uncontrollably whenever her presence in the world was noticed by others. But she also, I believe, blushed for the world. (ibid, pp. 121-122)

The language of blushing which Sufiya employs instead of speaking could be paralleled with the unclassified Japanese cities of Roland Barthes' *Empire of Signs*. Barthes asserts that

the rational is merely one system among others. For there to be a mastery of the real (in this case, the reality of addresses), it suffices that there be a system, even if this system is apparently illogical, uselessly complicated, curiously disparate… (Barthes 1982, p. 33)

Although Sufiya's blushing as a means of communication with the world is condemned as abnormal by her family, it conveys its communicative function effectively, employing the degree of intensity of the blushes to express the intended message. Her personal language is even capable of metaphoric expression: "*Sufiya Zinobia- by blushing furiously each time her mother looked sidelong at her father- revealed to watching family eyes that something was piling between those two*." (Rushdie 1995, p. 123)

The theme of violence which is attributed to the concept of the supplement is exposed through the development of Sufiya's communication system. The extreme reddening leads to the loss of consciousness and the manifestation of violence. The effect of violence in respect to Sufiya is twofold: it is directed towards the outside as well as the inside. In the first case of the manifestation of violence, Sufiya slaughters two hundred and eighteen turkeys and, as a result, falls ill with a devastating illness.

The violence marks the stage of the development of the supplement at which the boundaries between the void and the supplement get blurred. Sufiya attempts to manipulate images for the sake of the recovery of the supplement, protecting herself from the violence inherent in the void. The episode of her playing with toys illustrates the fragility of the supplement in respect to the void:

> *She likes it now that she is sometimes left alone and the things can happen in her head, the favourite things she keeps in there, locked up; when people are present she never dares to take the things out and play with them in case they get taken away or broken by mistake*. (ibid, p. 213)

The excerpt highlights the significance of the play in relation to the concept of the simulacrum. The play is secret because its objects are vulnerable to outer influences. The images acquire the quality of a thing, for they can be broken or stolen; they can also be manipulated for the sake of the play. The nature of the things is both real and imaginary. Sufiya differentiates between the two kinds of things she plays with: "*sometimes they only happen once and you have to be quick and grab them and stuff them away in your secret place. Sometimes they never happen at all*." (ibid, p. 213) The qualities of things depend on their origin, for the ones which belong to the realm of the imaginary are more fragile. The simulacra which do not have any connection to the outside world are related to the desirable, for example skipping with the mother. The images are also differentiated on the grounds of their emotional charge: the ones carrying a positive connotation are repeatedly used for the play, while the negative ones are suppressed, for they are relatable to the concept of the void.

The play of simulacra aims at the differentiation between the void and the supplement. The void which is represented through the image of the Beast is pacified through the ensured continuity of the play. The image of the Beast is closely related to the image of the sea in relation to Sufiya: "*there is an ocean. She feels its tide. And, somewhere in its depth, a Beast, stirring.*" (ibid, p. 215) The fluidity of the ocean is confronted with the thingness of the images, which preserves the boundary between the supplement and the void.

The instability of the supplement is eventually displayed in Sufiya's transformation into the Beast where the quality of the liquid overtakes her personality. The change is gradual, as the certitude of the thingness is replaced with the fluidity. Sufiya is observed to become blurred: "*the edges of Sufiya Zinobia were beginning to become uncertain.*" (ibid, p. 235) The final transformation into the Beast, however, appears to be artificially induced rather than a result of natural development.

The role of medicine acquires the quality of Derrida's pharmakon in relation to Sufiya. When Omar Khayyam halts her transformation into the Beast by injecting her with medicine, he makes her unconscious. However, in the state of unconsciousness, the play of simulacra becomes impossible and the void begins to dominate, destroying all the signs of the supplement:

> *Yellow fire behind her closed eyelids, fire under her finger-nails and beneath the roots of her hair. Yes, she was dead, all right, I'm sure of it, no more Sufiya-Zinobia-ness, everything burned up in that Hell. Throw a body on a funeral pyre and it will jerk, genuflect, sit up, dance, smile; the fire pulls the nerve-strings of the corpse, which becomes the fire's puppet, conveying a ghastly illusion of life…*(ibid, p. 243)

Thus, the transformation of Sufiya Zinobia into the manifestation of the void is not concluded with her death which eliminates the quality of thingness. The death only precedes violence which is the true nature of the void.

Summarising, the portrayal of Hyder women reveals the concept of the simulacrum from the point of view of its reliance of thingness for existence. The depiction of Bilquis demonstrates the significance of things to verify the existence of simulacra. Having originated in the dream, which bears no relation to the reality surrounding her; Bilquis' queenly fantasy feeds on random things which she chooses as proofs for the existence of her dream. The indeterminacy of the simulacrum is revealed

through the repeated occurrence of the image of the wind which signifies the threat of violence underlying the simulacrum.

The portrayal of Bilquis' daughter Naveed reveals the role of will in the formation of the simulacrum. Determined to create an image of herself as a beauty, Naveed pursues a goal of gaining power. However, despite the success of her attempts, the result she achieves is opposite to her expectations: having married the man of her dreams, she is turned into a child-producing machine. The moment of her death marks the failure of the simulacrum she has created in terms of the objectives; however, it is also the moment of the celebration of the simulacrum, for it is relieved from any references to the outside reality.

The portrait of Sufiya could be interpreted as an embodiment of a postmodern sign, which is also a simulacrum. She employs a new means of self-expression through the language of physical reactions rather than oral expression. Through her portrayal the conflict between the image (the supplement) and the void is revealed. The concept of the supplement is explored from different perspectives in relation to her. Sufiya herself is seen as a supplement for her dead brother; in the role of the supplement she displays the features characteristic to the supplement such as adding and replacing. She cannot become an equivalent for her dead brother because of her gender; therefore, her birth is considered as surplus, something that has appeared instead of the absence, but by appearing has deepened the lack instead of substituting it.

What is more, Sufiya herself is also a simulacrum, torn between the image and the attraction of the void underlying the image. The development of Sufiya's story brings the perception of the concept of the simulacrum further than the portrayal of Bilquis and Naveed. Her portrayal reveals the danger inherent in the concept of the simulacra which is due to the violence underlying it. The death appears to be the final manifestation of the simulacra which precedes the exposure of the void and the violence dominating it.

REFERENCES

BARTHES, R. ,1982. *Empire of Signs.* New York: Hill and Wang.
BAUDRILLARD, J., 2003. *The Illusion of the End.*New York: Hill and Wang.
BAUDRILLARD, J. , 1983. *Simulations*.Semiotext(e) Foreign Agent Series.
DERRIDA, J. 2004. *Dissemination*. London: Routledge Classics.
DERRIDA ,J. ,1997. *Of Grammatology.* London: Routledge Classics.
RUSHDIE ,S. ,1995. *Shame.* London: Vintage Books.

Jūratė Radavičiūtė
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas

SIMULAKRO IR REALYBĖS SANTYKIS SALMAN RUSHDIE ROMANE „GĖDA“

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjama kaip Salman Rushdie romane „Gėda“ kuriama hiperrealybė. Straipsnio teoriniu pagrindu pasirinkta postmodernizmo teorija, kurios atstovų Jean Baudrillard ir Jacques Derrida teoriniai darbai sudaro šios interpretacijos teorinį pagrindą. Jean Baudrillard mintis, kad realybės konceptas postmodernizmo diskurse suprantamas kaip procesas, o ne stabilus vienetas, kurio pagrindą sudaro kintančių elementų visuma, pasirinkta interpretacijos pagrindu. Romano „Gėda“ įvaizdžių interpretacija atskleidžia procesus, kurie formuoja ir transformuoja postmodernųjį ženklą.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: postmodernizmas, simulakras, realybė, ženklas, procesas, Jean Baudrillard, Jacques Derrida.

Nino Tsereteli
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
I. Chavchavadze , Tbilisi, Georgia, 0128
tsereteli_n@yahoo.com
Major research interests:Georgian literature of XX-th century,modernism,literary translation

SEVERAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF FUTURISM IN GEORGIA

The period from the end of the 19th century up to the beginning of the 20th century must be considered extremely important in the history of literature. We mean the abundance of various literary groups, manifestos, declarations and theoretical presentations that certainly is not a phenomenon of literary life of only one specific country. Futurism as a trend is the most significant phenomenon in the 20th-century avant-garde art that manifested itself best of all in visual art and literature. In Georgia the development of Futurism proceeded in a rather interesting way that was much determined by the multifacetedness of literary and cultural life in Tbilisi at that time. Of particular interest are the links between literary and artistic café "The Stray Dog Cabaret" in Petersburg and "Fantastic Tavern" in Tbilisi, literary groups "Futurist Syndicate" and "41⁰" founded by Russian futurists - A.Kruchionykh, V.Kamensky, D.Burliuk as well as V.Mayakovsky's literary relations with Georgian poets and their theoretical presentations in Tbilisi. The relationship of Georgian "Leftness" and LEF was expressed in total rethinking and renovation of artistic and cognitive function.

KEY WORDS: Futurism, formalism, futurists, LEF, Tbilisi literary life.

The period from the end of the 19th century up to the beginning of the 20th century must be considered extremely important in the history of literature. We mean the abundance of various literary groups, manifestos, declarations and theoretical presentations that certainly is not a phenomenon of literary life of only one specific country.

Poetry, naturally, most of all gives rise to a variety of associations but it should be taken into account that all literary associations in some degree are related to each other and to other branches of art (painting, music, cinema) where similar processes take place.

Futurism as a trend is the most significant phenomenon in the 20th-century avant-garde art that manifested itself best of all in visual art and literature. For perception of the development of Futurism of particular interest is the problem of the interrelationship between Futurism and Formalism as well as the relationships between futurists and the Left Front of the Arts, "LEF". In December, 1913 a student of the Petersburg University Viktor Shklovsky delivered a speech entitled "The Place of Futurism in the History of language" at the "Stray Dog" cabaret", Boris Pronin's fashionable literary and artistic café.

"The Stray Dog" was located in a cellar of one of the mansions on St. Michael's Square in Petersburg. It occupied a small area and that is why it looked like cabaret. The ceiling was pained by an artist S.Sudeikin who later painted the café "Kimerioni" together with L.Gudiashvili and D.Kakabadze in Tbilisi.

Poets/performers including O. Mandelshtam, V.Mayakovky, A.Akhmatova, M.Kuzmin, etc. were the haunters of the "Stray Dog". It was frequented by Acmeist poet S.M.Gorodetskii, Ilia Zdanevich, etc. without mentioning of whom it is hard to imagine the literary life in Tbilisi in the first decade of the 20th century.

The supporters and organizers of "The Stray Dog" were the Georgians A.K.Shervashidze and G.D.Sidamon-Eristavi.

In November 25, 1917 the similar café called "Fantastic Tavern" was opened in Tbilisi too, and it existed until the second half of 1919. The organizers of the "Fantastic Cafe" or ordinary participants used to be the haunters of the "Stray Dog" and hence, the sources of establishing those traditions in Tbilisi are understandable.

We would like to focus our attention to Paolo Iashvili's verse written in Russian "which emphasizes the genetic link between "The Stray Dog" in Petersburg and Fantastic Tavern in Tbilisi. It is published in the book "The Tbilisi Avant-Garde", Venice, 1982", (Gagoshidze 1982: 42-44). The first line of the verse sounds like this: /The stray and thin dogs have been brought from the North (the poet means Petersburg/, Kuzmin again wants to move into our Fantastic Tavern (the poet M.Kuzmin is implied).

It is interesting to note that at the party arranged in" The Stray Dog" on April 26, 1913 the Baroness fon Kleist, the same Nino Tsitsishvili (1881-1967) performed Georgian dances. An interesting party was also organized on April 22, 1914 where N.D.Kulbin lectured on the theme "On the Caucasian Arts". At the same period there was held "Caucasian Week" and even an exhibition of the oriental art was organized. Along with Georgians N.D.Kulbin was also a member of the organizing committee. He delivered a lecture in the concert hall of the Tbilisi artistic society on the theme "Futurism and relation of modern society and criticism to it" on March 17, 1914.

The theses and program of Victor Shklovsky's report has come down to us. It informed that on Monday at 10:00 p.m. in the cellar of the Petersburg intimate theatre "The Stray Dog" cellar V.Shklovsky's report "The place of futurism in the history of language" would be presented. Here it should be noted that the members of this literary artistic café "Stray Dog" and those who had written recommendations could attend. Presumably, this rule was strictly observed.

We would like to single out the following theses of the report: "The attitude of the criticism to the new movement"; "Word as an elementary form of the poetry"; "The history of the epithet — the history of poetic style"; "Market-place art as evidence that the old art has already died"; "The aim of Futurism is the resurrection of things - the return to men of sensation of the world"; "The semi-comprehensible language of ancient poetry"; "The language of the Futurists" (Parnis,Timenchuk 1985, p. 221f.).

On the basis of the aforementioned report, in February, 1914 V.Shklovsky published a book entitled the "Resurrection of the Word" which become the most known in the history of philology and gave start to the high-sounding trend. Here is meant the formation of the method of Formalism as well as the process of its research.

The "resurrection of the word" implies the revealing of new aesthetic effects and discovery of inexhaustible possibilities of a word. This brings Formalism rather close to Futurism which was rather important for European literature and art in the early 20th century.

It is widely accepted that Futurism originated in Italy but it found rather fruitful ground in Russia where various groups of this movement were formed. Russian Futurist movement was a rather powerful force and in the manifesto written by D.Burliuk and V.Kamensky as early as February 5, 1914 , which was published in Moscow newspaper "Novyi" #19, the existence of something common between Russian Futurism and Italian but the name was rejected.

The cubo-futurist group was formed in 1910 when the first book of the literary almanac "*Sadok Sudei* [*A Trap for the Judges*] appeared. It was followed by numerous almanacs where the manifestos of the Russian cubo-futurists were printed. The leader of the cubo-futurists "the father of Russian Futurism" was David Burliuk (1882-1907), though it is impossible to imagine Russian Futurism without Velimir Khlebnikov (1885-1922), referred to as a "the greatest genius", "king of time", "president of the planet Earth". The unlimited possibilities of his creativity enthrall the reader today too.

The names of Vasily Kamensky (1884-1961) and Aleksei Kruchenykh (1886-1968) must be distinguished in the history of the development of Russian Futurism. It should be mentioned that they first came to Georgia together with Mayakovsky in March, 1914 and delivered a speech at the Treasure Theatre (present day Z.Paliashvili State Theatre of Opera and Ballet).

As we mentioned above, "Fantastic Tavern" held numerous interesting lectures that aroused lively interest of the public. I.Zdanevich and A. Kruchenykh lectured there. The themes of the first were: "On Italian Futurism", "International and National Art", On Tyutchev's and Briullov's blue language"; "Dodi Burliuk's lorgnette"; "On the Theatre being at a deadlock", "On the Magnetism

of the Letters", etc. The second one's were: "The Word as such"; "On Madness in the Art"; "The History of Russian Futurism"; "Azef, Juda Khlebnikov", etc.

In November 1917 in Tbilisi a literary group called "Futurists' Syndicate" was formed. Its members were Ilia Zdanevich, Alekei Kruchionykh, Kolau Cherniavsky and Kara-Darvish; the artists Lado Gudiashvili and Kirill Zdanevich. In 1918 an organization "41^0" (a name refers to Tbilisi's location on the 41st parallel) was separated from "Futurists Syndicate". It can be said with confidence that after Petersburg and Moscow Tbilisi turned into self-sufficient cultural centre. In this case it is meant its special importance for futurists. As is known at that time Russian artists having escaped from the storms of the revolution in Russia chose Tbilisi as their place of residence. And really cultural and literary life in Tbilisi was in full swing.

Obviously, Tbilisi period of "41^0" in the creative life of A.Kruchionykh was not only the most fruitful period but at that time he finally emerged as a cubo-futurist and his new poetic credo – *zaum* became more perfect. The relationship with Georgia made certain impact on his poetic creation, to achieve the so-called *zaum* Georgian phrases and words helped him.

When we speak about Russian Futurism it is impossible not to mention Ego-Futurism which was created in Petersburg. Igor Severyanin being recognized as the king of poets at life became the head and leader of this movement. Severyanin first arrived to Georgia together with Fyodor Sologub in 1913, after which creative ties were strengthened even more and Georgian reader saw Paolo Iashvili's translation of Igor Severyanin's verse "Summer Day" in Georgian which was printed in the journal "Okros Verdzi" #2 in 1913.

In the years 1913-1914 there was a futurist group called "Mezonin Poezii" (V.Shershenevich, R.Ivnev, S.Trediakov, B. Lavrenyov, etc.)

The futuristic group "Centrifuge" was full of vitality in the years between 1914 and 1916. Of the members of this group special attention deserves N.Aseev and B.Pasternak.

Each Futurist group, as a rule, announced itself to be an exponent of true Futurism, engaged in polemics with other groups. But from time to time they closely linked to each other.

Thus, for example, at the end of 1913 and beginning of 1914 Severyanin was with Mayakovsky, Kamensky and Burliuk, in the same way Pasternak and Shershenevich took part in cubo-futurists exhibitions.

Vladimir Mayakovsky made great contribution to the history of Futurism. As is widely known he was born in Georgia and once he had an occasion to say: "Whenever I step in Caucasus, I immediately recall that I am Georgian", and it should be said that already recognized as great poet he did not cut the connection with Georgia. First he arrived in 1914 and arranged the evening of futuristic poetry together with V.Kamensky and D.Burliuk. In subsequent years (1924, 1926, 1927) V.Mayakovsky delivered interesting lectures to Georgian public and familiarized them with his new creative works.

It was on V.Mayakovsky's initiative that LEF (the Left Front of the Arts) was created. The association was formalized in 1922. LEF's goal was to be at the forefront of the world and Russian art. Obviously the association must have had its own printing organ that would re-examine the ideology and practices of the so-called leftist art, and to abandon individualism to increase art's value for developing communism.

The active members of LEF included N.Chuzhak, S.Tretiakov, N.Aseev, O.Brik, B.Kushner, S.Kirsanov. Artists (A.Rodchenko, V.Tatlin) and film-makers (S.Eisenstein, D.Vetrov) had closed relations with LEF. They proclaimed themselves as "ideologists and creators of the fact of art". The purpose of the LEF was to establish new forms and this was announced to be overall, permanent tendency. It should be also noted that cinematography was of particular importance for LEF. "Great success of the Soviet cinematography on the world arena played important role in it. Viktor Shklovsky had close relations with LEF. The founder of Formalism and recognized theoretician of the art with the experience of the literary group "Opoiaz" managed the analysis of the editing theory the enrichment of the poetics of the cinema, the establishment of the relationship between literature and cinematography.

An integral part of the history of Russian cinematography is V.Shklovsky's scripts. It is interesting to note that the script of E.Voynich's "Wasp" together with V.Shklovsky also belongs to K.Marjanishvili. "He had close creative relation with Georgian film studio and is a co-author of the Georgian film scripts. The author of the script created according to I. Tynianov's known historical novel "The Death of the Vazir Mukhtar" is also V.Shklovsky. The shooting of the film was planned in Georgia but the script had not been approved.

M. Kalatozishvili and S. Tretyakov shooted the film "Salt for Svanetia" (1929) which was banned by the film studio. With V.Shklovsky's active participation and his own proposition chronicle shots of the mountaineer's life were inserted in the film which were borrowed from I. Zheliabuzhski's film "Svaneti". After this the film was allowed. It should be noted that in Moscow in S.Tretyakov's house interesting meetings were arranged on the issues of the cinema study. The autumn meeting in 1927 is recalled by V. Machavariani whose theme was "LEF and Cinema". Its shorthand record was printed in the journal "Novy LEF" ('New LEF'), the issues №11 №12.

The year of the creation of LEF, namely 1922, is associated with rather important phenomenon in the history of Georgian literature. In that year precisely the manifesto "Georgia Phoenix" was published signed by M.Chachava, A.Beliashvili, D.Gachechiladze, B.Zhgenti, S.Chikovani, G.Oragvelidze, P.Nozadze, A.Gabeskiria, M.Eristavi. The first literary journal of the Georgian futurists "H2SO4" (the formula for sulfuric acid) which at the same time appeared the last , was published on May 25, 1924. The members of editorial board were: B.Gordeziani, N.Chachava, I.Gamrekeli, P.Nozadze, Zh.Ghoghoberidze, A.Beliashvili, B.Abuladze, S.Chikovani, N.Shengelaia, Sh.Alkhazishvili. The journal "H2SO4" was designed to express the percentage decomposition of Georgian art. Really this journal amazes the reader with unusual, unintelligible verses, theoretical articles, declarations, cubist or constructivist pictures. The print, color and graphical scheme of the text are the factors conditioning the thought. As was mentioned above, for LEF cinema was an extremely important area for the development of which this association conducted great job. The "H2SO4" emphasizes the impact of cinematography on poetry, the voicing of the word on technique, machine, electron language. For renovation of the language *zaum* was needed. In this respect of interest was Sh.Alkhazishvili's article "Cinema". For him cinema is life as well as real art. All branches of art are national, only cinema is understandable for all and international. The cinema managed to release the motion from the word that is evidenced by Charlie Chaplin, "great dumb". He believed that theatres should be liquidated.

The representative of the futurist group "H2SO4", film director Nikoloz Shengelaia, who contributed to this journal his letter "Georgian Circus" considered that a circus was a link between actor and mass, it was more necessary than theatre and its creation should not be delayed", (Shengelaia 1989, p.79). In Niogol Chachava's opinion, the circus should be called "Hedeira".

Beno Gordeziani maintains that "H2SO4" founded the laboratory of words and "artistic palette" with the specimens of which we get acquainted in the journal pages. He states that Georgian Constructivism and productive Futurism (cf. LEF's *proizvodstveniki*) found untreated both the "graphics of Georgian word and word accounting" (Sigua 1994, p.253).

On the pages of the magazine "H2SO4" there is an attempt to implement the idea of introduction of new sounds in Georgian alphabet. According to N.Chachava an alphabet is the same as the unity of optics and acoustics. (N.Chachava), the renovation of the sound system is needed.

"The views expressed in the "H2SO4" are very close to the word formation principles of the Russian futurists and with the attempts of establishment of the *zaum* as a "world language". In this respect of particular interest are the samples of poetry published in the journal. Niogol Chachava's "adjapsandali", "enchanting of sentimentalics", "Hedeira", "chhshiiagadamia", the latter is a film editing where verse lines are put in the film strip. "The poets were much influenced by LEF that had ruptured traditional etiquette, canceled the hierarchy of the theme, material, words and made an attempt of antipoetic space annexation" (Sigua 1994: .214).

In 1925 another short-lived newspaper "Drouli" (Timely) was issued. Two more issues came out in 1926 printed and then it ceased to exist. The second issue of the newspaper "Drouli" is not already the printing organ of the "H2SO4" but that of "Left Frontier" which was created by analogy

with LEF. Here too we find familiar authors: N.Chachava, B.Gordeziani, S.Chikovani. Of special interest is Demna Shengelaia's article *Tacktilism*. According to the author of the article we should treat the word as any other thing or subject. *Tactilism* can also change the *zaum*.

In 1927 the first issue of the journal *Memartskheneoba* (Leftness) began production and in 1928 the second issue edited by Simon Chikovani. The editorial board included: B.Zhghenti, D.Shengelaia, N.Chachava. Of interest are the articles written by B.Zhgenti's "The Boundaries of the Leftism", The Perspectives of Today", D.Kakabadze's "Our Modern Architecture", Sh.Alkhazishvili's "Perspectives of the Leftist painting" in which he develops an idea that painting should become "productive". Here we come across N.Shengelaia's article where he writes about cooperation with S. Tretyakov. In the film shot according to Tretyakov's script (The Blind"), he tries to show "constructional use of the reality in the cinema". Here it should be mentioned that S. Tretyakov co-edited the "Novyi LEF" (New LEF) magazine that was issued in the years between 1927 and 1928, and it was anticipated by the journal "LEF" under V.Mayakovsky's editorship. As is seen Georgian futurism was developing in a rather interesting way. We can conclude that exceptional multifacetedness of creative activity of poets, prosaists, artists, critics, art theorists, film makers in "LEF", "Novyi LEF", "H2SO4", Georgian "Leftists" highlights their desire to renovate totally artistic and cognitive function of art.

REFERENCES

GAGOSHIDZE SH. 1982. Literary and critical sketches. Tbilisi, (in Georgian).
PAMIS, A. E. TIMENCHIK , R D. 1985. Programmy "Brodiachei sobaki", ,Pamiatniki kultury, novye otkrytia",Moscow. (in Russian).
SHENGELAIA N. 1989. "From the Artist's Archive", *Kino*, #2, (in Georgian).
SIGUA S.Avant-gardism in Georgian literature. Tbilisi, 1994 (in Georgian).
"H2SO4", Facsimile, Tbilisi, 2011 (in Georgian).

Нино Церетели
Тбилисский Государственный Университет им. И. Джавахишвили
Сфера научных интересов: Грузинская литература XX века, модерниэм, литературный перевод

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ФУТУРИЗМА В ГРУЗИИ

Конец XIX - начало XX века в истории литературы считается особо важным периодом. Имеется в виду множество литературных группировок, манифестов, деклараций и теоретических диспутов, которыми знаменуется литературная жизнь многих европейских стран, в том числе и Грузии. Футуризм, как особо значимое явление авангардного искусства XX века, в Грузии развивался на фоне насыщенной литературно-культурной жизни Тбилиси. Заслуживают внимание литературные и культурные связи между петербургским литературно-артистическим кафе "Бродячая собака" и тбилисским "Фантастическим кабачком"; связи между литературными группировками "Синдикат футуристов" и "41^{0}", основанных в 1917 году в Тбилиси.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА – Футуризм, формализм, футуристы, ЛЕФ, литературная жизнь Тбилиси

Сауле Алтыбаева
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
пр. Достык 13, 050001 Алматы, Республика Казахстан
Эл. почта: asm2007@mail.ru
Научные интересы: теория и история мифологизма, неомифологизм, многоплановость, межвидовые связи литературы с другими видами искусства, дискурс, постмодернизм, полифония, интертекст, этнокультурная кодификация, нарратив

МИФОПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПРОЗЫ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

В статье рассматриваются проблемы формирования мифопоэтического корпуса современной казахской прозы. В контексте художественной традиции и новаторства выделяются несколько взаимосвязанных блоков мифологем: сакральные, тюркские, универсальные (мировые), авторские, этнические. Этнокультурные образы, символы, мотивы с сильным архетипическим центром часто ложатся в основу национальной картины мира. Полифункциональноть мифа в современном произведении актуализирует проблему неомифологизма, одного из ведущих междисциплинарных кросскультурных направлений XXI века. Вопросы мифопоэтики, неомифологизма современной казахской прозы тесно коррелируются с проблемами этнокультурной специфики, истории казахского народа. Обосновывается идея глубинной взаимосвязи исторического дискурса и мифопоэтики казахской прозы. Неомифологизм выступает важной тенденцией развития современной национальной прозы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миф, мифопоэтика, неомифологизм, национальное, универсальное, национальный образ мира, литературные универсалии.

Человек всегда несет с собою всю свою историю и
историю всего человечества.
К. Юнг

Одним из наиболее востребованных современной литературой творческих методов является, как известно, мифологический метод. Известный российский ученый А.М. Зверев отмечает: «Мифологический метод» не только упорядочивает хаос, он обогащает /…/ панораму большими смыслами, которые обнаруживают определенное понимание феномена человека, и феномена времени, и феномена истории» (Зверев 2002, с.34). Сформулированный Т. С. Элиотом почти столетие назад основной принцип мифологического метода - возможность «взять под контроль, упорядочить, придать форму и значение необозримой панораме пустоты и анархии, каковой является современная история» (Элиот 1988, с.228) – получает в парадигме искусства XXI века новое развитие и осмысление. Это связано, на наш взгляд, с активным поиском национальными литературами нестандартных художественных решений в области поэтики, стиля, концепции, самого языка произведения. Цель такого поиска – создание объемного и емкого поэтического пространства, которое может отразить стремление автора «объять необъятное», сочетать гармонию и хаос, национальное и универсальное, этническое и глобальное. В качестве одного из таких продуктивных направлений мирового литературного процесса, в целом «современной культурной ментальности» (Галанина 2007) выступает неомифологизм. Применительно к современной казахской прозе неомифологизм проявляется:

- в новой интерпретации древнего мифа,

- в воссоздании известных сакральных образов, архетипов в качестве метафоры к современности,
- в обращении к мифу как дополнительному средству внутренней организации сюжета,
- в создании новых авторских мифологем.

Неомифологизм есть сложное, неоднородное художественно-философское явление. Если же учесть, к примеру, частую установку современных авторов на свободу интерпретаций, то здесь можно видеть практически неограниченные возможности неомифологизма в создании: большой интертекстуальной игры («Созвездия близнецов» Хасена Адибаева, «Сны окаянных» Аслана Жаксылыкова), монтаже ситуаций, мотивов, образов национальной и инонациональной принадлежности («Круг пепла», «Тень ветра» Дюсенбека Накипова), создании национальных концептов («Кыпчакская красавица» Мухтара Магауина), актуализации объектов нематериального культурного наследия («Жүсіп Баласағұн» Аскара Егеубая), воссоздании и переосмыслении отдельных эпохальных событий национальной истории («Саки» Булата Жандарбекова, «Кабанбай батыр» Кабдеша Жумадилова). Естественно, в каждом из указанных произведений сильны внутренние переклички мифопоэтических элементов, мифологем как между собой, так и с другими планами повествования (историческим, философским, бытийным и иными).

Мифологическая составляющая реализует скрытые интенциональные и коммуникативные возможности искусства: обращаясь к прошлому (реально-историческому нарративу или миру ирреальному, «фантазийному»), миф в широком смысле связывает прошлое и настоящее народа, открывает возможные грани будущего. В этом его универсальность. Н.В.Володина, исследуя категориальное содержание и эстетические функции литературных универсалий, концептов и стереотипов, отмечает, что «мифы, архетипы и вечные образы имеют общее поле значений, оказываются подчас взаимозаместительными, что позволяет относить их к общей категории – универсалий… Содержание универсалий тоже формируется в процессе их «обновления» в литературе и о взаимодействии, в соотнесении с общекультурными факторами» (Володина 2010, с.29). Она дает следующее научно обоснованное емкое определение: «… универсалиями в литературе можно назвать мифологические, архетипические, вечные образы и мотивы, актуализируемые мировой литературой и функционирующие в неограниченном пространственно-временном континууме» (Володина 2010, с.30). В казахской прозе последних лет пролеживается отчетливая тенденция художественной репрезентации мировых универсалий и национально-культурных концептов, их тесной взаимосвязи. В результате подобного взаимодействия возникают, как правило, широкоформатные эпические произведения с разветвленной системой образов, мотивов, ассоциаций, полифонической и орнаментальной текстурой письма.

Так, эпика романа-дилогии «Саки» Булата Жандарбекова (Жандарбеков 1993) последовательно, в широком историко-культурном контексте, формируется не только представлением динамичных событий в сакской степи (VI в. до н.э.), известных, зафиксированных в мировой истории, номинаций сакских племен и отдельных персоналий (массагеты, тиграхауды, аланы, хаомаварги, царица Томирис, Рустам и др.), но и детальным, подробным описанием многих государств древнего Востока (Персия, Ассирия, Вавилон, Мидия, Лидия, Египет), их цивилизационно-культурных особенностей.

Основным творческим методом, к которому прибегает автор, выступает своеобразный *метод полного погружения читателя (реципиента)* в атмосферу древнего мира Степи и Востока с обычаями, ритуалами, психологическими, ментальными, экономико-политическими и иными особенностями народов, его населявших. Цель такого максимально широкого охвата больших и малых событий, персоналий, репрезентации народов и государств – воссоздание целостной картины мира древнего Востока и Степи, а затем формирование эстетически цельного восприятия читателем событий, их пространственно-временной связи между собой, художественного «моста» между прошлым и будущим. Такой

художественный подход позволяет, согласно идеям рецептивной эстетики, значительно расширить и углубить рефлексивный диапазон читателя, вскрыть скрытые в его подсознании этнокультурные и историко-литературные константы, концепты, ведь «рецептивная эстетика выявляет историческую взаимосвязь художественного произведения и читателя» (Ковылкин, on-line).

Б.Жандарбеков в анализируемом романе представляет многие, ставшие универсалиями, легендарные образы: Вавилонской башни, древневосточных владык – Кира, Креза, Навуходоносора, Киаксара, фараонов Египта и других. В результате возникает оригинальный полиэтнокультурный диапазон романа, выделены специфические черты культуры и религиозных воззрений персов, мидян, вавилонян, египтян, арабов и др. Следует отметить *эстетическую органичность* данных универсалий в контексте казахского романа. Автор также вводит родословные, генеалогические данные как сакских вождей, так и вышеназванных восточных деспотов.

Если введенные мировые универсалии несут функциональную нагрузку важного, но все-таки дополнительного ресурса, то национальные образы, этнокультурные концепты ложатся в основу ключевой задачи романа – художественное воссоздание одной из наиболее драматичных страниц национальной истории (война персидского царя Кира против сакской царицы Томирис), раскрытие особенностей национального характера и образа. Мы придерживаемся мнения, данного Л. Микулиной: «Что означает /…/ национально-культурная специфика? Это, в первую очередь, система литературных образов произведения. Далее, это, очевидно, вся система языковых средств оригинала: национальная идиоматика, специфические сравнения, метафоры, характерные эпитеты, которые отличаются ярко выраженным национальным характером» (Микулина 1981, с.79). Наибольшую частотность в данном романе показывают такие образы-концепты, как казахская Степь, горы, небо, жырау[1], национальная символика имен и чисел, анималистические образы коня, верблюдицы и других священных животных согласно национальной традиции.

Сюжетообразующий этнокультурный образ-концепт царицы массагетов Томирис (в казахской традиции - царица Тұмар) - это знаковый для истории народа исторический образ, отражающий в конечном итоге национальное мировидение, ядро национального характера. Все малые и большие события романа притягиваются к образу Томирис, приобретшему за длительный период бытования в устной традиции народа определенный мифологизированный оттенок. Не нарушая фольклорной традиции идеализации героини (внешняя идеальная красота Томирис, экстраординарность ситуации ее рождения, удивительные способности, интуиция), Б. Жандарбеков тем не менее показывает характер Томирис реалистично, в динамике. Это не статичный образ: на протяжении всего романа читатель видит ее разной: смелой, решительной и смятенной, пребывающей в раздумьях; радостной от великой победы над врагом и убитой горем, потерявшей ребенка матерью, неустрашимой воительницей и мудрой царицей, не стремящейся к войне. Кроме того, Томирис ценит искусство, музыку. Другими словами, в современном произведении исторический образ царицы Томирис становится более насыщенным психологически, эмоционально и жизненно достоверным образом.

Иная ипостась женского образа представлена в повести «Кыпчакская красавица» (в оригинале – «Қыпшақ аруы») Мухтара Магауина (Мағауин 2005). В постмодернистский текст включена вольно интерпретируемая тюркская мифологема Умай, выраженная в образе ожившего через 10 веков балбала (древней скульптуры) Айсулу-бегим. Для автора данный образ-мифологема – источник вдохновения и одновременно идеал женщины, матери. В философско-онтологическом и мировоззренческом контексте вечный образ Кыпчакской красавицы является вечным символом единения народа, праматери всех казахов: «*Ел анасы - Ұмай Ана!*» («Мать народа – Умай!») (Мағауин 2005, с.59). Мифический образ Айсулу-бегим восходит к прототюркским верованиям в высшие небесные существа. Таков образ

[1] Жырау – казахский поэт-сказитель.

вселенского божества Тенгри, который, выступая мировоззренческим ядром тенгрианства (тенгризма), «распространен во всех ареалах кочевых народов» (Ак-Атай 1998, с.99). «Тенгри понималось, - отмечает С. Ак-Атай, - как верховное всемогущее божество, но своеобразное, отличное от божеств известных религий в силу различий породивших его условий»; «это инобытие бытия» (Ак-Атай 1998, с.97). Относительно праматери всех тюрков Умай говорится в книге «Мифология предказахов» С. Кондыбая: «Умай – одно из имен Великой Матери в прототюркской мифологии» (Кондыбай 2008, с. 16). Следует отметить, что тюркские мифологемы выражают глубинную суть верований, древней философии, эстетики, этики, системы права тюрков. Одновременно это исконно национальные образы мира с яркой символикой и семантикой, восходящей к архетипам сознания древнего и средневекового тюркского общества. Таковы некоторые функциональные возможности отдельных мифологем в структуре современного казахского исторического нарратива.

Другой аспект соотношения национального и универсального мы находим в историческом романе «Гибель Отрара» Х.Адибаева (Адибаев 1997), в котором воедино сводятся несколько сюжетных линий и множество философских, сакральных, психологических, исторических и иных контекстов, подчиненных идее нравственного императива. В центре повествования – многомесячная осада войсками Чингисхана легендарного древнеказахского города Отрар (древнее название города – Фараб, родина известного мыслителя Абу Насра аль-Фараби). Автор стремится поставить конкретное историческое событие во вневременной ряд: разрушение Отрара является не просто трагической страницей национальной истории, но и онтологической проблемой противостояния вселенского зла (Чингисхан и его Орда) и добра (степной оазис Отрар, Кербугу-жырау (сказитель). Данная проблема универсального свойства отчетливо проступает в художественной разработке и других «вечных» тем: власть и человек, власть и художник. Наиболее концентрированно они выражаются в идейном конфликте Чингисхана и Кербугу-жырау. Это два мира, два антагониста по своей сути, два миропонимания, два полюса - Добра и Зла. В то же время в трактовке этих исторических образов нет схоластичности и односторонности. И бессильный изменить ход истории Кербугу-жырау, и всемогущий Чингисхан постоянно находятся в движении, во внутреннем развитии, в поиске «своей» истины. Роднит же обоих беспредельное чувство одиночества: они окружены глухой стеной непонимания и отчужденности. Одиночество стало их *осознанным экзистенциальным выбором*. В романе Х. Адибаева национальное ставится в общемировой контекст, и национальная трагедия выявляет онтологические, мировоззренческие истоки тирании, агрессии, что для современного мира, разрываемого противоречиями разного толка, сверхъактуально.

В романе живут и действуют исторические и мифические персоналии не только разных народов, но и разных исторических эпох: Иисус из Назарета, Будда, легендарная Томирис, вышеупомянутые Чингисхан, Кербугу-жырау и многие другие. Все параллели, реминисценции, аллегории, образы, введенные в повествование, подчинены единой авторской концепции: обозрев прошлое человечества, выйти к общечеловеческому знаменателю – императиву совести, добра и созидательного света.

Эта центральная идея как нельзя лучше выражена устами слепого сказителя и мудреца Кербугу-жырау: «Только теперь открылась Истина – все молились единому Богу – Жизни… Ведь Бог был во все сущем – в человеке, земле, былинке; трепетное дыхание Его он видел на крыльях бабочки. Жизнь и есть Бог. И потому Истина не восторжествует, пока слабый, грешный, алчный человек не отрешится от низменного и не понесет Бога в сердце своем, узнавая в каждом брата. А пока… пока всегда и везде сильный будет рвать глотку слабому, и люди, увязая в крови, будут брести по терниям» (Адибаев 1997, с.10). И в конце книги: «Жизнь человека – вечно на распутье, и только совесть указывает верную тропу» (Адибаев 1997, с.269).

Если в вышеприведенных произведениях преимущественно исторической направленности мы говорили о функциональных возможностях традиционных, устоявшихся

мифологем в структуре современного нарратива, то в произведениях постмодернистской ориентации мифологический метод реализуется во множестве неомифологических конструктов, в т.ч. авторских мифологемах, оригинальных мифосюжетах, в основе которых могут лежать известные универсальные мифологемы, архетипы древнего сознания и одновременно мифопостроения нового времени.

Так, в романе интенций «Круг пепла» Д.Накипова (Накипов 2005) фантастико-мифологический план повествования формируют образы-концентраты, т.н. симулякры: *поэты-иккарахи, самионы-оносамы, Осьмихорр, великий вождь Аруxx, клоносамы*. Все эти образы – игра со словом, присущая многим постмодернистам. Вместе с тем есть четкая аллюзивная связь с национальной духовно-религиозной системой: Аруxx – это тот же образ Аруаков (аруақ) в традиционной казахской системе верования в духов предков. Писатель своеобразно обыгрывает данную национально-сакральную категорию, в свойственной ему манере «литературной провокации»: его Аруxx - предводитель фантастических самионов. Ему противостоит чудовище Осьмихорр, обладающий невероятной физической мужской силой. Так выстраивается неомифологическая оппозиция: Аруxx и Осьмихорр как два противоположных полюса Добра (Созидания) и Зла (Разрушения) (соответственно). В ряду авторских неологизмов также - составное понятие «клоносамы», от производных - «клон» и «сам». Такая причудливая техника письма нацелена на создание оригинального многопланового эстетического целого, стиль и метод которого можно также обозначить как приближение к эстетически продуктивной эстетике «гармоничного разлада» и «литературной провокации» одновременно.

Таким образом, универсальные свойства мифологизма («игра с действительностью», создание «иной реальности», протеистичность художественных форм) делают его наиболее привлекательным и плодотворным для современной литературы, в том числе в плане выражения специфики ее национального самосознания и самоосознания. В казахской прозе наблюдается широкое использование традиционных - античных, коранических, библейских и иных сакральных мотивов с их вневременным содержанием и символикой. «Обыгрывание» классических мифо-фольклорных сюжетов на инонациональной почве способствует раскрытию, расширению или углублению концептуальных возможностей как самого мифа-основы с изначально заложенной в нем культурно-философской семантикой, так и собственно авторской идеи. Другими словами, возникает плодотворная «обратная» связь между мифом и литературой, искусством, испытывающими сильное взаимовлияние и взаимотяготение.

Разноаспектные взаимосвязи неомифологизма казахской прозы и заключенных в ней скрытых и явных кодов национальной и мировой культуры являются одними из наиболее актуальных направлений изучения современного состояния национальной литературы. Неомифологические образования, нацеленность на кодирование/декодирование различных смыслов культуры современной казахской прозы отражают в определенной степени процессы поиска собственной постмодернистской модели «множественности интерпретаций», нахождения новых инструментов достижения большей художественной выразительности и обобщения.

Через миф, в том числе неомиф, авторскую мифологему, можно увидеть и человека, и его социокультурную среду, историю нации, ее этнокультурные особенности. Особенно важная функция мифа и мифологизма в литературе – эстетическая, помимо аксиологической, когнитивной и других. Миф в современной культуре и литературе проецируется на создание своеобразного вневременного историко-культурного, духовно-нравственного моста между поколениями и шире – между народами и цивилизациями, а также постулирование универсальных ценностей – материнства, любви к родине, бескорыстное служение отечеству, сыновний долг перед народом.

У современных казахских авторов миф уже играет не периферийную, а равнозначную другим выразительным средствам и приемам, эстетико-мировоззренческую роль. Составляя объемный мифологический (мифо-фольклорный) план произведения, он подчинен

раскрытию авторской концепции, идейной установки. Таковы функции мифа, притч, легенд, например, в трилогии А. Жаксылыкова. Творческие методы А.Нурпеисова, М.Магауина, К. Жумадилова, С.Санбаева, А.Кекильбаева, Р.Сейсенбаева, Х.Адибаева, Т.Абдикова и других казахских писателей, несмотря на их яркую самобытность, тем не менее роднятся стремлением найти новые направления художественного постижения мира, разработки иной, более глубокой, универсальной и полисемантической эстетической парадигмы. При этом повышается общий уровень художественной рецепции, расширяется ее диапазон. Одним из таких направлений и становится мифотворчество: мифопреобразование, мифообразование или мифосотворение.

ЛИТЕРАТУРА

АДИБАЕВ, Х., 1997. *Гибель Отрара*. Алматы.
АК-АТАЙ, С., 1994. Тенгризм. *Культурные контексты Казахстана: история и современность*. Алматы: НИСА, с. 96-101.
ВОЛОДИНА, Н. В., 2010. *Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения.* М.: Флинта, Наука.
ГАЛАНИНА, Е. В. *«Неомифологизм» как ведущее направление современной культурной ментальности*. **Режим доступа:** rudocs. exdat.com/ docs / index-192878.html
ЖАНДАРБЕКОВ, Б., 1993. *Саки. Исторический роман-дилогия.* - Алматы: Жазушы.
ЗВЕРЕВ, А.М., 2002. XX век как литературная эпоха. *Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века*. М.: ИМЛИ РАН, с. 6-46.
КОВЫЛКИН, А., on-line. *Читатель как теоретико-литературная проблема.* Режим доступа: independent-academy.net/science/tetradi/.../kovylkin.html (12.10.2012).
КОНДЫБАЙ, С., 2008. *Мифология предказахов. Книга 3.* Алматы: *Сага*.
МАҒАУИН, М., 2005. Қыпшақ аруы. Хикаят. *Жулдыз,* № 1, с. 6-63.
МИКУЛИНА, Л., 1981. Национально-культурная специфика и перевод. *Мастерство перевода.* Сб. 12, с. 79-92.
НАКИПОВ, Д., 2005. *Круг пепла. Роман интенций*. Алматы: *Сага*.
ЭЛИОТ, Т.С., 1988. «Улисс», порядок и миф. *Иностранная литература*. №12, с. 228-232.

Saule Altybayeva
Kazakh National Pedagogical University named after Abay

MITHPOETICS OF MODERN KAZAKH PROSE: NATIONAL AND UNIVERSAL

Summary

The problems of formation of the mithpoetics case of modern Kazakh prose are considered in the article. In a context of art, tradition and innovation some interconnected blocks of mythologemes are allocated. They are sacral, Turkic, universal (world), author's own and ethnic. Ethno-cultural images, symbols and motives lay down in the basis of a national picture of the world. The functions of the myth in modern work states a problem of the neomithologizm, one of the leading interdisciplinary cross-cultural directions of the 21st century. The questions of the mithpoetics and neomifologizm of modern Kazakh prose are closely correlated with the problems of ethno-cultural specifics and the history of the Kazakh people. The idea of deep interrelation of the historical discourse and the mithpoetic of the Kazakh prose is located. The neomithologizm acts as the important tendency of the development of the modern national prose.

KEYWORDS: myth, mithpoetics, ethno-cultural specifics, neomithologizm, historical discourse.

Светлана Бозрикова
Балашовский институт Саратовского государственного университета, Россия
ул. К.-Маркса 3, 412300 Балашов, Россия
Эл. почта: bozrix@mail.ru
Научные интересы: художественно-документальная литература, нарративная журналистика, когнитивная лингвистика

НАРРАТИВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В США И РОССИИ[2]

Нарративная журналистика – это популярное явление, характеризующееся новыми методами работы с фактуальной информацией (погружение) и ее представления (в форме нарратива, с использованием художественного стиля, с глубоко личной точки зрения).

Нарративная журналистика в США хорошо развита, поэтому страны, где явление только формируется, в частности, Россия, ориентируются на американские примеры. Нарративная журналистика в России считается плохо развитой.

Проанализировав ключевые компоненты американского и российского журналистских нарративов (композиционную структуру, языковой стиль, точку зрения, фактуальность), автор статьи пришла к выводу, что причина отставания отечественной нарративной журналистики от западной в том, что российские авторы, уделяя внимание нарративной форме и использованию средств художественной выразительности, не достаточно серьезно относятся к погружению и фактографичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нарративная журналистика, сюжет, сцена, экспрессивность, точка зрения, фактуальность, погружение.

В последнее время в мире наблюдается заметный рост популярности нарративной журналистики как нового модуса представления фактуальной информации: с использованием художественного стиля и с ярко выраженной точки зрения журналиста. Лидер по производству журналистских нарративов, на которого ориентируются страны, где явление только начинает развиваться – США.

С 60-х годов XX века произведения «новой журналистики» печатаются там в таких изданиях как The New Yorker, Harper, Esquire и др. С конца XX века в Америке издаются печатные и онлайн версии журналов, специализирующихся исключительно на журналистских нарративах: Creative nonfiction, Fourth Genre, River Teeth. Существуют интернет-журналы: Nieman Storyboard, Brevity, Athlantic Unbound; форумы: Salon, Slate и др.

Достойные журналистские нарративы награждаются многочисленными премиями: The Pulitzer Prize, The Worth Bingham Prize for Investigative Journalism, J. Anthony Lukas Prize Project, Taylor Family Award for Fairness in Newspapers, I. F. Stone Medal for Journalistic Independence и т.д.

Нарративная журналистика преподается во многих американских университетах (существует специальная премия, присуждаемая только студентам за исключительные журналистские нарративы: The Christopher J. Georges Award for Excellence in Student Journalism). По этому направлению присуждаются степени бакалавра и магистра, защищаются докторские диссертации (Greenberg 2010, p. 2-3).

В 2006 г. была учреждена международная ассоциация по изучению нарративной журналистики «International Association on Literary Journalism Studies», которая проводит ежегодные конференции и издает научный журнал Literary Journalism Studies. Хотя ассоциация имеет статус международной, подавляющее большинство исследований принадлежит американским ученым. При этом они отмечают низкую степень теоретической изученности нарративной журналистики и необходимость её серьезного научного рассмотрения.

[2] Работа выполнена в рамках тематического плана Министерства образования и науки РФ

В России нарративная журналистика только формируется. Происходят естественные процессы заимствований. Поэтому многие произведения представляют копии (не всегда удачные) американских журналистских нарративов (подробнее см. Татару 2010, с. 217-224).

Кроме того, задача написания качественных журналистских нарративов в России усложняется практически полным отсутствием отечественных и переведенных (ведь английский язык для многих – барьер) работ, посвященных теоретическому и практическому изучению феномена.

В данной статье мы, во-первых, представим ключевые элементы журналистского нарратива; во-вторых, рассмотрим более подробно особенности представления информации в нарративной журналистике на примере криминальных очерков американского и российского авторов: «Hannah and Andrew» Памелы Коллофф (Colloff 2012, URL) и «Мать-изувер забила скалкой четырёхлетнюю дочь» Оксаны Невмержицкой (Невмержицкая 2010, URL). Выбор криминальной тематики обусловлен интересом к ней как американской, так и российской нарративной журналистики.

С точки зрения формы, журналистский нарратив предполагает включение следующих ключевых компонентов:

1. Структура композиции.

Традиционный журналистский текст, как правило, обладает структурой «перевернутой пирамиды» – когда информация ранжируется от степени значимости. Журналистский нарратив обладает драматической структурой, которая развивается по принципу возникновения, развития и кульминации конфликта, с четко очерченной сюжетной линией. Характерным признаком журналистского нарратива является воспроизведение информации в виде сменяющихся сцен, имитирующих жизнь в режиме онлайн.

2. Языковой стиль.

Традиционный журналистский текст излагается в соответствии с газетным стилем (чётко, точно), нарративный – с художественным (образно, эмоционально).

3. Точка зрения.

Автор традиционного журналистского текста стремится к максимально обезличенной подаче информации. Автор журналистского нарратива представляет события намеренно субъективно.

С точки зрения содержания, журналистский нарратив должен представлять фактографический текст. Только при условии абсолютной достоверности, он оказывает на читателя большее воздействие, чем традиционный журналистский текст.

Таким образом, анализируя эмпирический материал, мы сфокусируем внимание на двух основных аспектах: текстуальных особенностях криминальных очерков как журналистских нарративов и степени их фактографичности.

<u>Компоненты журналистского нарратива</u>

1. Структура.

Очерк Памелы Коллофф имеет структуру драматического произведения. Он включает экспозицию, завязку, развитие, кульминацию, развязку.

Экспозиция: параллельно показываются жизни Эндрю и Ганны. Эндрю – мальчик, оказавшийся в приюте в 2,5 года, т.к. его 18-летнюю мать-наркоманку лишили родительских прав. Ребенок отстает в развитии и считается «проблемным» из-за регулярных вспышек гнева. Ганна Овертон – миссионерка, мать четырех детей, беременная пятым, желающая взять ребёнка из приюта. Ганна с мужем Ларри хотят усыновить ребёнка с какими-либо отклонениями, у которого крайне мало шансов найти приемных родителей.

Завязка: Овертоны усыновляют Эндрю. У них получается наладить эмоциональный контакт с мальчиком. Но они не могут справиться с неуёмным желанием Эндрю все время есть (даже несъедобные вещи) и вспышками гнева, когда его разумно ограничивают.

Развитие действия: Гана попадает в аварию и вынуждена провести несколько недель в больнице. На этом фоне состояние Эндрю ухудшается: вспышки гнева из-за ограничения в еде становятся сильнее. После одной из таких вспышек гнева Ганна дает Эндрю бульон с

приправой для супа. Ребёнку становится плохо. Через несколько часов он умирает в больнице от солевого отравления.

Кульминация: Ганну арестовывают. Суд решает, что Ганна Овертон била приемного сына (язвы на теле (от расчесывания во время приступов), гематомы на голове (бился о стену в припадках)) и насильно заставляла его есть соленую приправу в качестве наказания за непослушание. Женщину осуждают на пожизненный срок, разлучая до конца жизни с пятью детьми.

Развязка: оказывается, прокурор умышленно не представил суду документы и свидетелей, подтверждающих, что Ганна пыталась спасти ребёнка, а не убить. Адвокат подает петицию в высший апелляционный суд.

Очерк включает представление информации в форме сменяющихся сцен. Например, Памелы Коллофф не просто сообщает, что у ребёнка часто случались вспышки гнева, но одна из таких вспышек иллюстрируется «в режиме онлайн»:

Andrew asked if he could have lunch, and Hannah told him that he needed to wait; Larry was bringing them something to eat, she explained, and he would be back in a few minutes.

Andrew flew into a rage. He defecated on the floor of his bedroom, then smeared feces on the bed, the dresser, and the walls.

Larry attempted to restore order upon his return, putting Andrew's soiled sheets in the garbage and hosing off the boy and his foam mattress in the backyard. While Larry tried to scrub down the bedroom, Andrew pulled his sheets out of the trash several times, despite repeated warnings not to do so. Losing his patience, Larry took the sheets to the family's fire pit and burned them.

Сразу после этой сцены идет сцена, где Ларри Овертон объясняет журналисту свое поведение:

"Not the brightest thing to do," Larry conceded. "But I was frustrated. The sheets were filthy, and he was getting poop everywhere. I made sure that he saw that we had an identical set of Spider-Man sheets so he would calm down."

Очерк Оксаны Невмержицкой также имеет структуру драматического произведения.

Экспозиция: Вероника Ходырева живет с мужем и двумя детьми. Мать ведет разгульный образ жизни. Воспитанием детей занимается отец.

Завязка: В. Ходырева бросает мужа со старшим сыном и начинает новую жизнь с Геннадием Дорофеевым, от которого беременна, и дочерью Машей. Дочь от первого брака ей в тягость.

Развитие действия: Мать жестоко обращается с Машей. На замечания свекрови и мужа реагирует ещё большей жестокостью по отношению к дочери. Рождается совместный ребёнок. Мать категорически запрещает Маше приближаться к младенцу.

Кульминация: Маша подходит к ребёнку, за что мать жестоко избивает её и ставит в угол. Через несколько часов Маша умирает.

Развязка: Веронику Ходыреву осуждают на 20 лет лишения свободы. Она пытается опротестовать этот вердикт, но Верховный суд оставляет его без изменений.

Очерк Оксаны Невмержицкой также включает сцены, представляющие события примерно в том же темпе, в котором они должны были происходить в реальной жизни. Например, так автор иллюстрирует неадекватно жестокое поведение матери:

— Машенька, будешь супчик кушать? – Ирина Борисовна заглянула в спальню, где сидели Машенька и Вероника с младенцем.

— Буду! – радостно вскочила малышка.

Но тут ее перехватила Вероника.

— Разве я разрешала тебе куда-то идти?! – прорычала она.

Девочка испуганно съежилась, но бабушка решительно встала на ее защиту.

— Что ты за изверг такой?! – набросилась она на невестку. – Что, и покушать ребенку нельзя?!

Ирина Борисовна все же увела Машеньку на кухню, но последнее слово осталось за Вероникой.

— Вернешься ты у меня еще обратно в спальню! – с явной угрозой сказала она дочери, заглянув на кухню.

Таким образом, оба криминальных очерка по структуре соответствуют требованиям нарративной журналистики.

2. Языковой стиль.

Язык очерка Памелы Коллофф отличается эмоциональной насыщенностью. Главным образом, выразительность создается эмфатическими конструкциями (лексическими и грамматическими).

Perplexed, Larry installed a baby monitor equipped with a video camera in the boys' room so that he and Hannah could observe if Andrew was wandering into the kitchen at night. It was while watching the monitor that Hannah saw him trying to eat part of his foam mattress and paint off the wall.

В первой предложении наблюдаем пример инверсии (грамматическая эмфаза): вынесение второстепенного члена – причастия II – на первое место с целью его эмоционального выделения. Во втором предложении – использование эмфатической конструкции it was … that (лексическая эмфаза) для усиления придаточного предложения: именно во время просмотра записи видеокамеры, родители узнал, что Эндрю ест несъедобные вещи.

Hannah did describe how she and Larry had at first tried to treat the boy's symptoms themselves, often volunteering more information than the detective had asked for.

В данном предложении, чтобы подчеркнуть готовность Овертонов сотрудничать со следствием, использовано усилительное do (грамматическая эмфатическая конструкция).

Язык очерка Оксаны Невмержицкой также эмоционально экспрессивный. Большую роль в тексте играет использование выразительных средств синтаксиса: экспрессивных пунктуационных приемов. Для усиления части нарратива, которую необходимо особым образом выделить, используется восклицательный знак, заключенный в скобки. Следующие примеры подчеркивают жестокость матери по отношению к девочке:

После страшного избиения, выдержать которое под силу не каждому взрослому, Машенька еще три с половиной часа (!) простояла в углу – без слез, без крика, без жалоб…

Эксперты насчитали на теле маленькой девочки 46 (!) следов от ударов.

Многоточие передает затрудненность речи, вызванное большим эмоциональным напряжением. Особенно эффективно многоточие передает эмоциональность, когда ставится не в конце, а в середине предложения.

В своей низости Вероника дошла до того, что вину за произошедшее попыталась свалить на… покойную четырехлетнюю крошку.

Вместо того чтобы познакомить четырехлетнюю дочку с маленьким братиком, Вероника категорически запретила ей даже приближаться к ребенку. <…> Войдя в спальню, Вероника буквально остолбенела от гнева: негодная девчонка стояла возле малыша. В одной руке она держала его пустышку, а пальцем второй руки… трогала его личико!

Также наблюдаем обильное использование лексических и морфологических выразительных средств. Например, бешенство, в которое впала женщина при виде старшей дочери у кроватки младенца, описано с помощью метафоры: *Разъяренной фурией женщина метнулась на кухню, где схватила увесистую скалку*.

Описывая издевательства Вероники Ходыревой, для усиления чувства жалости к девочке, автор использует уменьшительно-ласкательные слова по отношению к ней: *«… беспорядочные удары приходились куда придется – по голове, по спинке…», «Выдохшись, истязательница отпустила свою маленькую жертву и велела ей идти в угол. Машенька же, одуревшая от побоев, на дрожащих ножках потопала на кухню», «А потом робко шепнула папе, что у нее болит спинка и ручка».*

Таким образом, оба очерка представляют эмоционально насыщенные нарративы о гибели детей. Экспрессивность создается выразительными средствами разных уровней.

3. Точка зрения.

Памела Коллофф в своем криминальном очерке описывает события гибели ребенка намеренно субъективно, встав на позицию родителей: смерть ребенка случайная, а не насильственная. Хотя в очерке звучат мнения представителей обеих сторон, большую часть текстового пространства автор отдает голосам защиты. Даже обвинительные факты представляются таким образом, что защищают Овертонов. Например, приводя показания медсестры Патриции Гонсалес о том, что когда Эндрю оказывали первую помощь, Ганна улыбалась, автор сообщает, что эти показания давались не сразу, а через год после случившегося, а за этот год в СМИ и в интернете развернулась активная кампания по обвинению приемной матери.

Patricia Gonzalez, a nurse at the urgent care clinic, told the jury that Hannah had not behaved like a panic-stricken parent and had "had a smile on her face" as she performed CPR on the boy. <…> Gonzalez had never made a statement to police and was testifying from memory after nearly a year's worth of negative media coverage <…>.

Оксана Невмержицкая в своем криминальном очерке встает на сторону погибшей девочки и описывает события, обвиняя в смерти ребенка мать. Негативное отношение автора к матери и жалость к ребенку проявляется на различных языковых уровнях. Например, позиция автора отражается в номинации персонажей: мать девочки автор очерка называет *Ходыревой, Вероникой, женщиной, матерью, истязательницей*, а саму девочку – *(бедной) Машенькой, маленькой дочкой, маленькой жертвой, маленькой страдалицей*.

Таким образом, оба автора стремятся не к максимально обезличенному, объективному представлению информации, а, напротив, к субъективному, открыто выражающему их точку зрения.

Проанализировав ключевые компоненты американского и российского криминального очерков, мы приходим к выводу, что, с точки зрения формы, оба текста отвечают требованиям нарративной журналистики.

<u>Степень фактографичности</u>

Выше мы уже отмечали, что журналистский нарратив имеет большее, по сравнению с традиционным журналистским текстом, воздействие только при условии, что читатель уверен, что все, изложенное в истории, – не вымысел.

Стремясь к высокой степени фактографичности, американские журналисты зачастую нарушают определенные этические правила. Например, для погружения читателя в мир истории, 47,6% американских журналистов считают допустимым использование личных документов (письма, фотографии и т.д.) без согласия владельцев, и только 4,9% российских журналистов считают это приемлемым; 43,1% американских журналистов, против 1% российских, считают допустимым раскрывать имена лиц, которые по соображениям права и этики разглашать нельзя (например, жертв преступлений) (Панкратов 2003, с. 396).

Таким образом, американские журналисты чаще нарушают этические нормы, но, благодаря этому, их криминальные очерки получаются более проникновенными; российские журналисты более привержены этическим нормам, что отражается в более низкой степени фактуальности их криминальных очерков.

Проиллюстрируем приведенные выше данные нашими примерами.

Для создания максимально достоверного очерка "Hannah and Andrew", Памела Коллофф на достаточно долгое время погрузилась в жизнь героев истории. Свое погружение автор отметила включением себя в мир истории. Так она описывает свой приезд в тюрьму: *«Hannah and I discussed her case and the anguish that had consumed her following Andrew's death. "I spent many nights beating myself up over 'Could I have done this or could I have done that?' " Hannah told me, staring at her hands…»* и к Ларри с детьми: *«As Larry stood in the kitchen and peeled potatoes, the kids—excited to have a visitor—showed me around their house, pointing out their favorite hiding places and the plaster cast of their footprints in the hallway,*

which includes the letter A for Andrew». В журналистском нарративе представлены выдержки из многочисленных интервью с участниками истории, выдержки из различных документов.

Несмотря на нарративную форму и обилие выразительных средств, данный криминальный очерк представляет фактографическое произведение: все имена, цифры и т.п. – реальные.

Создание криминального очерка Оксаны Невмержицкой также потребовало от нее погружение в мир героев и документов: приводятся результаты экспертиз, выдержки из допросов, приговора суда.

Однако у нас возникают сомнения в фактуальности данного криминального очерка. Во-первых, Оксана Невмержицкая, в соответствии с журналистской этикой, не называет реальные имена участников истории, а заменяет их на вымышленные. Использование нереальных имен существенно снижает степень доверия ко всей информации, представленной в тексте: если изменены «неудобные» имена, возможно, изменены и другие «неудобные» факты. Во-вторых, российская журналистка не включает себя в историю как персонажа, т.е. автор, встав на защиту одной из сторон преступления, все же смотрит на события не с позиции участника, а «сверху».

Проанализировав криминальные очерки американского и российского авторов, мы приходим к выводу, что, с точки зрения формы, криминальные очерки как американского, так и российского авторов отвечают требованиям нарративной журналистики, т.е. материал изложен в соответствии с сюжетной линией, с использованием художественного стиля, с ярко выраженной точки зрения; с точки зрения фактографичности, американский очерк является более достоверным, чем российский, поскольку американский журналист большее внимание уделяет погружению и описанию подробностей, чем отечественный автор.

Таким образом, на сегодняшний день российская криминальная нарративная журналистика отстает от американской из-за недостаточного внимания, уделяемого отечественными журналистами методам работы с материалом.

ЛИТЕРАТУРА

НЕВМЕРЖИЦКАЯ, О., 2010. Мать-изувер забила скалкой четырёхлетнюю дочь. *Криминал,* № 6 (614) [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.allkriminal.ru/614. Загл. с экрана.

ПАНКРАТОВ, В. А., 2003. *История зарубежной журналистики (Курс лекций).* Ставрополь: СтавНИИГиМ., 512 с.

ТАТАРУ, Л. В., 2010. Нарративы знаменитостей в Америке и России. *Современные проблемы взаимодействия языков и культур*: мат-лы междунар. научно-практической конференции. Благовещенск: АГУ, с. 217-224.

COLLOFF, P., 2012. Hannah and Andrew. *Texas Monthly. Available at*: http://www.texasmonthly.com/2012-01-01/feature2.php

GREENBERG, S., 2010. The Poetics of Fact. *The Newsletter of the IALJS.* Literary Journalism. Vol.4 № 4., p.2-3.

RICKETSON, M., 2004. Writing feature stories: how to research and write newspaper and magazine articles. CMO Image Printing Enterprise, 284 p.

Svetlana Bozrikova
Balashov Institute of Saratov State University

NARRATIVE JOURNALISM IN THE USA AND RUSSIA

Summary

Narrative journalism is a popular phenomenon characterized with new methods of work with factual information (immersion) and its presentation (in narrative form, in belles-lettres style, from a deeply personal point of view). Both factuality and artistic form are important.

Narrative journalism in the USA is well-developed. That is why countries, where the phenomenon has just been forming, Russia in particular, are guided by American examples. Narrative journalism in Russia is considered to be poorly developed.

The author of the paper analyzed the key components of American and Russian journalistic narratives (compositional structure, language style, point of view, factuality) and came to the conclusion that one of the main reasons why narrative journalism in Russia falls behind the one in America is that Russian authors, focusing mainly on narrative form and belles-letters style, do not take immersion and factuality seriously enough.

KEY WORDS: narrative journalism, storyline, scene, expressivity, point of view, factuality, immersion.

Анна Давыдова-Белая
Донбасский педагогический университет, Украина
ул. Рудакова 25, 84626 Горловка, Донецкая обл., Украина
Эл. почта: annabila@ukr.net
Научные интересы: альтернативные стилевые течения, когнитивистика.

ОДИНОЧЕСТВО, ТРУД, МОЛЧАНИЕ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УКРАИНСКИХ СИМВОЛИСТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье рассматривается роль поведенческих моделей в структуре стилевого направления на примере украинского символизма 1920-х гг. Автор исходит из теоретической предпосылки единства достаточной стилевой системы, рассматривает формулу системы как сложного комплекса интеракций между подсистемными блоками «Я-эталон» системы, «Работа», «Мы» и «Они». Два последних блока содержат информацию о специфике вербального и невербального поведения участников стилевого направления. Анализ исторических фаз и коммуникативных закономерностей украинского символизма позволяет сделать выводы о том, что «одиночество, труд, молчание» является основной поведенческой моделью представителей данного стилевого направления, несмотря на контекстные отличия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поведенческие модели, стилевая система, подсистемные блоки.

До недавнего времени исследование зрелого украинского символизма ограничивалось кратким обзором движения в границах историко-контекстуальных работ, посвященных, например, футуризму (Ільницький 2003), развитию эстетических направлений в Украине (Marcade 1990), политизации литературного процесса 1920-х гг. (Луцький 2000). Литературоведы практически единодушно признали, что символизм не представлял собой целостного течения, и симпатии его участников были скорее ошибками молодости, желанием перенести несвойственные автохтонной культуре европейские образцы на национальную основу. Такое отношение к символистам обусловлено традицией предшествующей литературоведческой школы, а именно весьма сильными «почвенническими настроениями» последней. Попытки исправить ситуацию наблюдаем в исследованиях нового поколения ученых (Павличко 1999; Гундорова 1997), которые обратились к ранней фазе символистического движения (деятельность объединений «Молодая Муза» и «Украинская хата»), в то время как зрелый символизм остался за границами литературоведческого исследования.

Следует отметить, что проблема изучения украинского символизма 1920-х гг. – это, в первую очередь, вопрос переиздания сборников стихов самих символистов: Я.Савченко («Поезії, кн.1»), М.Рыльского («Під осінніми зорями»), В.Ярошенко («Світотінь», «Луни»), Д.Загула («З зелених гір»), А.Слесаренко («На березі Кастальському. Поезії»), - которые сегодня недоступны читателю. Во-вторых, это вопрос методологический – воспринимать символизм как своеобразную культурную общность, для которой была характерна собственная эстетическая программа или ограничиться исследованием творчества отдельных представителей, которые, отдав дань модернистским умонастроениям, вернулись в лоно национальной «нормы». Последнее, очевидно, связано с той парадигмой, в рамках которой проводится исследование и которая готова обнаружить не только текстовые, но и поведенческие модели как значимый элемент деятельности стилевой системы.

В данной статье предполагается рассмотрение именно поведенческих принципов, характерных для представителей зрелого украинского символизма, исходя из методологии общей теории систем (Буданов 2000), а также позиций когнитивно-поведенческой теории (Kåver 2006). При таком рассмотрении художественный текст может быть рассмотрен как своеобразное «говорящее поведение», которое выходит за пределы собственно

литературоведческого поля исследования. В то же время акция (делание или не-делание) может осмысливаться как важный элемент стилевого дискурса. Междисциплинарные и межпарадигмальные методологические сцепления позволят, таким образом, уловить «невидимое», «необнаруживаемое», и следовательно, принципиально неизученное в украинском символизме 1920-х гг.

Цель исследования определила следующие задачи данной статьи:

- охарактеризовать принципы деятельности стилевой системы в свете общей теории систем,
- определить функции поведенческой составляющей в системе,
- осмыслить поведенческие модели украинских символистов второго поколения.

Деятельность стилевой системы организована сериями высказываний, а именно: сообщений литературных школ и групп; сообщений формализированной и обобщенной системы-эталона (условной конструкции, образованной усилиями школ и группировок, которая рассматривается как «образец» для данной системы и которой приносятся в жертву лучшие индивидуальные стили эпохи); сообщений наблюдателей за деятельностью системы (от читателей и критиков – до структур власти), а также внутрисистемных сообщений, которые могут иметь целенаправленный или случайный характер (нативные и предсказательные интенции, например). Каждый участник дискурса вносит необходимый элемент упорядоченности и хаотичности в развитие системы.

Оптимальная формула достаточной стилевой системы может быть представлена как квадрат, образованный трансакциями между такими системными блоками: Я (эталон системы), Мы (участники дискурса), Они (зрители, критики, структуры власти, другие системы), Работа (продукция) системы.

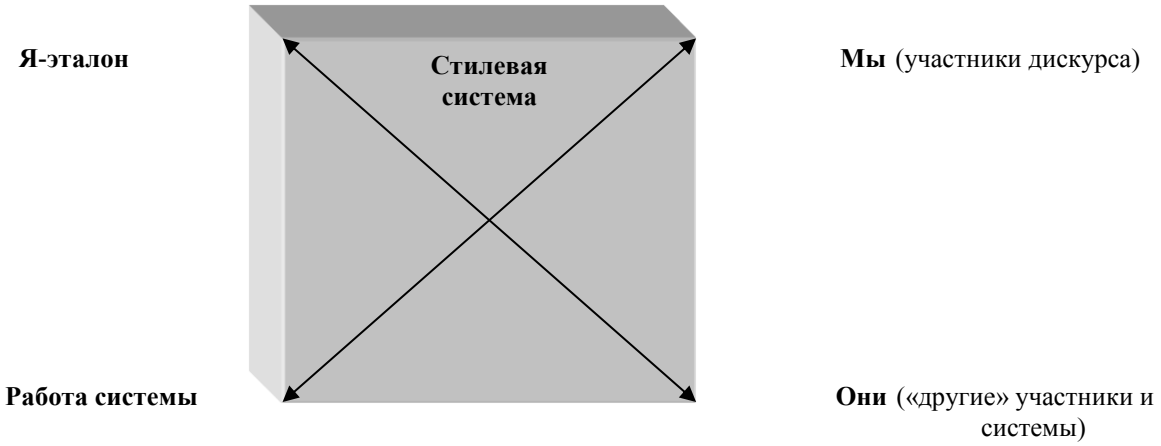


Рис.1. Стилевая система и ее подсистемные блоки

Предложенная общая схема коммуникации стилевой системы (*Рис.1*) аналогична гуманистическому квадрату, посредством модели которого может быть представлено коммуникативное поле мыслящего социального существа. В то же время значимым аспектом деятельности искусственной системы является ее референтность по отношению к внутренним процессам собственной деятельности, сопоставление «Я-эталона» с Я-результатом («Работа») и фильтрация дискурсий между «Мы» и «Они» во время необходимой, с точки зрения эволюции системы, селекции.

Необходимо принимать во внимание, что в таком разрезе стилевая система взята как *готовый* элемент культурной коммуникации, в то время как баланс между компонентами этой базовой схемы может меняться в процессе эволюции, и отношения между подсистемными блоками могут быть далеко не пропорциональными, не «квадратными», то есть неравномерными. Так, на этапе становления, достаточную стилевую систему можно представить заинтересованными группами, которые в процессе формирования ценностно-

эстетической концепции и сети высказываний по отношению к «Они», направляются через блок «Работа» к «Я-эталону». На рассматриваемом этапе становления системы логика ее разверстки мало чем отличается от логики становления идеологических систем, поскольку обе подчинены аналогичной цели – улучшения (т.е. упрощения, унификации и подчинения) коммуникативного процесса.

Вершинный этап развития системы будет соответствовать максимальной ее продуктивности в интеракции «Я» – «Работа» и, как следствие, максимальному достижению цели. В то же время этот период связан с вызреванием в ее недрах неудовлетворенных групп (что заставляет рассматривать «Мы» как «Они» и проводить все более жестокую селекцию, которая в итоге приведет к окаменению стилевого эталона), а также противоречивых структурных элементов (так происходит подготовка смены стилевой доминанты). Кризис системы будет соответствовать периоду достижения цели; извне он проявится как угасание продуктивного диалога в границах коммуникативного квадрата, в первую очередь, в раздробленности групп и переформировании их состава, целей деятельности системы (в сравнении с надзадачами первого этапа), а также в чрезмерном количестве интеракций внутренних структур (редупликации элементов и эпигонстве).

Варианты смерти системы так или иначе будут связаны с утратой цели и автоидентификации (сбой интеракций между подсистемными блоками «Я»-«Работа»; «Я»-«Мы»; «Мы»-«Работа»). При этом другие векторы коммуникации («Я»-«Они»; «Работа»-«Они»; «Мы»-«Они»), хотя и будут восприниматься как значимые на этапе кризиса системы, в то же время, представят угасание ее «звуковой волны». Чем более существенной была их роль на момент становления, тем более периферийную позицию они займут на момент смерти системы; эти коммуникативные векторы можно сопоставить с кругами на воде, которые стремительно расходятся после падения камня, - в данном случае они несут также интерпретационные проекции деятельности системы. Так, общеизвестно, что исчерпанность системного «Я» приходится на момент оформления антологий и других суммирующих артефактов – показателей функционирования «Работы» системы. Будучи тесно связаны с компонентами межгрупповой деятельности («Мы»-«Они»), письменные свидетельства являются ценностным, эстетическим и коммуникативным результатом деятельности всей системы.

В коммуникативном пространстве системы, как видно из Рис.1, поведение участников дискурса будет иметь чрезвычайно важное значение, являясь составляющей подсистемного блока «Мы». Жизнетворческие проекты символизма на сегодняшний день достаточно хорошо изучены многими исследователями российской ветви течения (Минц 2004; Ермилова 1989, Воскресенская 2005). Тем не менее, поведенческая модель может рассматриваться и в более широком контексте. Если жизнетворчество предполагает концептуализацию «жизненного акта» как воплощенного творения, поведенческая модель представляет общую схему поведения участника направления в соответствующем контексте (Бек 1990, с. 27-28).

Следует предположить, что в уравнении «контекст + схема» найдется место как «нормативному», так и «девиантному» поведению – по отношению ко всем компонентам рассматриваемой стилевой системы. При этом, с позиции подсистемного блока «Мы» и его интеракций к «Они», художественные тексты участников, а также переписка, дневниковые записи, телефонные книжки, эскизы и проч. предстают «говорящим поведением», таким образом, значительно расширяя сферу модальности акта коммуникации.

На пересечении системного (адаптированного к литературоведческому исследованию) и когнитивно-поведенческого (в целом, психолого-терапевтического) и возникла гипотеза нашего исследования, которую можно выразить таким образом: поскольку все интеракции в коммуникативном пространстве стилевой системы равно значимы, поведенческие модели участников направления могут рассматриваться как важная составляющая эволюции целой стилевой системы. Возможно, игнорирование исследователями именно этой системной составляющей и привело к эффекту размытой оптики при рассмотрении украинского символизма?..

Расцвет украинского символизма приходится на 1918-1925 гг. При этом следует учитывать, что во время короткого отрезка времени 1918-1921 гг. арену направления полностью занимает фигура Павла Тычины, а остальные участники пытаются хаотично выстроить свою эстетическую платформу в оппозиции к предыдущему поколению модернистов, переживая постоянные межгрупповые метания. В период с 1922 по 1925 гг. стиль П.Тычины все более тяготеет к повторяемости (что отмечали все литературоведы), а политическое давление вынуждает символистов либо выстраивать оппозицию к «пролетарским» и «крестьянским» литературным организациям, либо становиться перебежчиками (примеры А.Слесаренко, Н.Терещенко демонстрируют эту форму поведения при противоположных оценках поэтами своего места в направлении). Данный этап фиксируется литературной критикой как «упадок движения»: символисты теперь рассматриваются как «попутчики» или приобретают роль «невидимых» в литературном процессе.

Уже на примере краткого экскурса можно заметить, что зрелая фаза системы имеет существенные деформации: на 1-м этапе групповая динамика и многоуровневый характер художественных практик приносится в жертву индивидуальному стилю лидера движения. То есть «Я-эталон» формируется под воздействием подсистемного блока «Они», и в свете «Я-эталона» системы оценивается деятельность всех участников, примкнувших к символизму, а именно выдвигаются как значимые такие художественные принципы: мифотворчество, синестезия, метафоризм, сложный синтез народнопоэтического и библейски-семинарского дискурсов в лирике.

На 2-м этапе групповые метания ослабляют блок «Работа», выстраивая многочисленные оппозиции к «Я-эталону». В это же время стиль Тычины существенно примитивизируется (самоповторения, упрощение мифопоэтической картины мира). Иносказание становится ключевой текстовой моделью многих символистов (стихотворение «Лебеди» М.Драй-Хмары рассматриваются как вызов политической власти), а не-деяние, уклонение от прямого действия – ключевой моделью поведения. Интересно отметить, что обе коммуникативные реакции символистов были оценены противниками направления как типологическая черта «буржуазного направления» (социальный эскапизм), то есть даже ослабленная стилевая система представлялась советской критике как опасная и идеологически вызывающая. Многие символисты, например, В.Свидзинский, М.Драй-Хмара, Н.Терещенко, Д.Загул, предпочитают в это время заниматься переводческой деятельностью, а не писанием «нетленок» на продажу.

Обратимся к «говорящему поведению» символистов второго поколения, М.Драй-Хмары и В.Свидзинского, характерного для середины 1920-х гг. В произведениях первого поэта рассматриваемого периода обращает на себя внимание такая особенность: доминирование пейзажно-философской лирики с мотивами отчужденности, пассивности, прощания, превалирование формы прошедшего времени, своеобразное перенесение точки жизненного горения в прошлое: *«Померкло горяне горно / Вдягає ніч жалобне рам'я. / О, хто це ранить утлу пам'ять? / День одгорів. Давно»* (Драй-Хмара 1989, с.61), *«Лози. Піски. Левади / Я загубив дорогу»* (ibid, с.64). Субъектная организация лирики все более тяготеет к формам «собственно автора» - непосредственной эмоции, свободной от лирического «я» (*«Південь. Сонце. Спека. / Хліб зів'яв, посох. / З голубого глека / золотий пісок. // Опускає крила / млявий суховій, - / Де ви забарились, / хмари дощові?»* (ibid, с.94)).

1926-1928 годы отмечены в творчестве М.Драй-Хмары переживаниями одиночества, холода, отчужденности (что безусловно связано с культурно-политическими событиями: навязыванием «неоклассикам», к группе которых относился поэт, ярлыка «попутчиков», и осуждение позиции последних в литературной дискуссии 1925-1928 гг.). Именно в этот период написаны стихотворения «Лебеди» (своеобразное преломление бодлеровского текста), «Завірюха» (обработка пушкинских «Бесов»), «В село», в которых доминируют мотивы холода, утраченных надежд, одиночества. Изменения, которые произошли в когнитивной картине мира М.Драй-Хмары в период 1920-1928 гг., отличаются глубоким

контрастом: «Я» и «Мы» практически полностью исчезают из лирического мира, замещаясь абстрактным безличным переживанием; мотивы весны, радости, влюбленности дают место темам холода, смерти, одиночества.

В.Свидзинский был отмечен литературной критикой в 1927 г. после выхода сборника стихов «Вересень». Характерная особенность художественной системы этого поэта заключается в практически полной свободе от влияния лидера символизма и постепенное создание уникальной мифопоэтической концепции на основе глубинного восприятия народного творчества. Лирика В.Свидзинского развивает мотивы полноты человеческого самовыражения в одиночестве, молчании и даже забвении, поднимая тему восторженного и одновременно грустного приятия гармоничных законов Природы – своеобразного зеркала внутренних движений души: *«Із огневого джерела, розкритого в небеснім полі, / Ви пили, древа лісові, / І довго потім у неволі / Томились промені живі. / Але палаючим ключем я розімкнув темницю їх, - / І от давно погаслим днем / Позолотився мертвий сніг…»* (Свідзінський 2004, с.82).

Обращает на себя внимание «молитва» (наше определение жанра), в которой поэтическое кредо осмысливается В.Свидзинским в страхе перед страданиями в земной юдоли, но в то же время осознается как человеческая миссия пребывания в свете и светотворчество: *«О Боже, не дай загубити ключі / Від сонця, від серця твого огняного, / Бо тяжко і страшно вночі / У кривавому хаосі світу земного. // Але дай, щоб духовний мій зір / Убачав перед себе щохвилі, / Як пасмо сяючих зір / Верховини Твоєї одвічної цілі»* (ibid, с.49).

Светотворчество – основополагающая тема в лирике В. Свидзинского, резонирующая во многих поэзиях середины и конца 1920-х гг.: *«десь з'єдналися тисячі сонців, що так сяє гарячий ранок»* (ibid, с.87), *«серце сп'янить у стозвучнім огні»* (ibid, с.88), *«пити, пити, голубити світ голубий»* (ibid, с.89), *«серед співного хитання в безбережному огні»* (ibid, с.101), *«крила маків огневих»* (ibid, с.121). Иногда тема света, огня, творчества вырастает из контраста к миру земному, холодному, сумрачному и тревожному: *«Куди пливем? Чому ці води / Так смутно плюскотять у тьмі?..»* (ibid, с.65), *«і довга ніч, і довга самота…»* (ibid, с.138). Контрасты между «иным миром» и миром земным у В. Свидзинского более мягкие и осторожные, чем у других символистов рассматриваемого периода; они лишены мистического колорита и эмоционального надрыва, свойственного многим символистам – как французским, так и российским – зрелого периода.

По-видимому, это можно объяснить тем, что поэт находит оригинальное решение психологического конфликта в ситуации внешнего отчуждения (неприятия символистов): именно в поздние 1920-е гг. в его творчестве формируется сложно закодированная мифопоэтическая концепция, которая была не понятна, а поэтому и не доступна критике. Точнее, литературоведческая рецепция могла захватить только поверхностный план художественного мира В.Свидзинского, не проникая в его концепцию одиночества в труде и молчаливом восприятии естества Природы, Бога и человека. Данная концепция еще ожидает внимательного рассмотрения, нам хотелось бы акцентировать внимание на поведенческой модели символистов к.1920-х гг. – осознанном уклонении от социальных тем, тяготении к умолчанию и создании герметичной лирики.

Можно было бы предположить, что «одиночество, труд, молчание» было вызвано специфическими социальными условиями, а именно политизацией художественного дискурса конца 1920-х гг. Чтобы подтвердить или отклонить данное утверждение, обратимся к анализу поведенческих моделей ранних символистов – представителей двух культурных центров – киевской группы «Украинская хата» (Н.Вороной, Г.Чупринка) и слободского кружка (Александр Олесь, Христина Алчевская). Так, представитель «Украинской хаты» Григорий Чупринка с первых своих публикаций рассматривался литературными комментаторами как негативный лидер движения, поскольку его поэтические эксперименты балансировали на грани символизма и футуризма; в 1919 году поэт был расстрелян, и до сегодняшних дней его творчество не удостоилось надлежащего внимания литературоведов.

В роли «позитивного лидера», голоса поколения начала XX века, поэта курсисток и студентов периода 1900-1910-х гг. выступил слободской поэт Александр Олесь. Как и для П.Тычины, для него характерна яркая вспышка таланта и последующая повторяемость (или даже исчерпанность) поэтических смыслов. Украинскую революцию, а точнее последующее кровопролитие гражданской войны, Олесь не смог воспринять, и в 1919 г. поэт эмигрировал в Прагу (хотя уже в поздние 1910-ые гг. было заметно ослабление его художественного стиля и тенденция к социальному отстранению, если не эскапизму). Таким образом, ранний украинский символизм как фаза стилевой системы демонстрирует аналогичную зрелому символизму тенденцию: замирание интеракций между подсистемными блоками «Я-эталон»-«Работа», а также «Они»-«Мы».

Таким образом, проведенный анализ позволяет установить, что поведенческая модель «одиночество, труд, молчание» в принципе свойственна всей системе украинского символизма. Именно поведенческий компонент в интеракции «Мы»-«Они» выполняет конституирующую роль в период достижения стилевой системой зрелой фазы. «Уклонение» от социального заказа характерно для двух поколений украинских символистов – поколения границы столетий и 1920-х гг. При этом, следует отметить, что «девиантная», на фоне литературного контекста 1920-х гг., позиция символистов «второго призыва» подчеркнута также текстовыми артефактами - сложной, закодированной лирикой, что создает предпосылки трансформации стилевой системы в постсимволисткую.

ЛИТЕРАТУРА

БЕК, А., ФРИМЕН, А., 1990. *Когнитивная психотерапия расстройств личности.* Санкт-Петербург: Питер.
БУДАНОВ, В. Г., 2000. Трансдисциплинарное образование, технологи и принципы синергетики. *Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов: сб. статей.* Москва: Прогресс, Традиция.
ВОСКРЕСЕНСКАЯ, М. А., 2005. *Символизм как мировидение Серебряного века.* Москва: Логос.
ГУНДОРОВА, Т., 1997. *ПроЯвлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація.* Львів: Літопис.
ДРАЙ-ХМАРА, М. П., 1989. *Вибране.* Киев: Дніпро.
ЕРМИЛОВА, Е. В.,1989. *Теория и образный мир русского символизма.* Москва: Наука.
ІЛЬНИЦЬКИЙ, О., 2003. *Український футуризм (1914-1921).* Львів: Літопис.
ЛУЦЬКИЙ, Ю., 2000. *Літературна політика в радянській Україні: 1917-1934.* Киев: Гелікон.
МИНЦ, З. Г., 2004. *Поэтика русского символизма.* Санкт-Петербург: Искусство.
ПАВЛИЧКО, С., 1999. *Дискурс модернізму в українській літературі.* Монографія. Киев: Либідь.
СВІДЗИНСЬКИЙ, В. Є, 2004. *Твори:* У 2 т., Т.1. Киев: Критика.
KÅVER, A., 2006. *KBT i utveckling.* Stockholm: Natur och Kultur.
MARCADE, V., 1990. *Art d'Ukraine.* Lausanne.

Anna Davydova-Bila
Donbas's Pedagogical University. Ukraine
Reserach interests: alternative literary trends, cognitive researches.

SOLITUDE, LABOUR, SILENCE: BEHAVIORAL MODELS IN THE UKRAINIAN SECOND GENERATION OF THE SYMBOLISTS

Summary

The article deals with the role of behavioral patterns in the structure of artistic movement, based on the example of Ukrainian symbolism of the 1920th. The author proceeds from the theoretical background of the sufficient unity of any style system. The formula of the sufficient system is a complex set of interactions between the subsystem blocks: "I-etalon" of the system, "Work," "We" and "They". The last two blocks contain information about the particularity of verbal and nonverbal behavior of the participants in the artistic movement. Analysis of historical phases and communication patterns of Ukrainian symbolism suggests that "solitude, work, silence" is a basic behavioral model of the representatives of this movement despite the contextual differences.

KEY WORDS: behavioral model, style system, sub-systemic blocks, Ukrainian symbolism.

Ирма Закарая
Сухумский государственный университет, Грузия
izaqaraia@gmail.com

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Грузии важнейшим фактором для экономического и политического укрепления всегда считали развитие науки и техники. Грузинский народ всегда проявлял интерес к новшествам эпохи и старался внедрить достояния цивилизации. Достижения науки и техники способствовали развитию художественной литературы. С использованием этих достижений художественная литература еще больше влияла как на развитие человека в целом, так и всего общества. Грузинский народ, наряду с другими формами культуры, создал богатую и содержательную художественную литературу, которая всегда чувствовала пульс эпохи. Она, в сравнении с другими видами искусства, занимала ведущее место в жизни грузинского народа и оказывала важное влияние на все сферы общественной жизни и на формирование духовного и интеллектуального мира человека. В представленной статье мы хотели выяснить какова зависимость студенческой молодежи от интернета в современном информационном обществе, какое место занимает в их жизни художественное произведение, заменил ли интернет книгу?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-технический прогресс, художественная литература, духовный мир человека, развитие общества, интернет, информационное общество, вызовы эпохи.

Грузия испокон веков имела политические и культурно-литературные отношения с цивилизованными странами. Несмотря на постоянные нападения со стороны внешних врагов, она старалась не отставать от своего века. Грузинский народ всегда проявлял интерес к новшествам эпохи, соответственно, имел возможность отождествления проходивших в Грузии процессов с мировыми процессами.

Человечество на протяжении своего развития прошло трудный и долгий путь. Много воды утекло с возникновения различных языков до появления письменности.

Согласно исторической традиции, грузинский алфавит возник в III веке до н.э., во времена царя Парнаваза. По мнению большинства ученых, реально дошедшие до нас древнейшие письменные памятники невозможно считать хронологически первейшими памятниками; они считают, что грузинский алфавит возник в дохристианскую эпоху, что обработка грузинской письменности и соответствующая ей книжность несколько опережала время Парнаваза. К сожалению, соответственные языческой идеологии, грузинские письменные памятники и первые литературные образцы не дошли до наших дней. Своими историческими корнями грузинскую письменность связывают с финикийской, семитской, древнеарамейской, древнегреческой письменностью.

Различают три основных вида грузинской письменности: мргловани асомтаврули (круглое заглавное письмо; V-IX вв.), нусхури (строчное письмо; IX-XI вв.), мхедрули (гражданское пиьмо; с XI в. по настоящее время).

Первые грузинские письменные памятники – это эпиграфические памятники. Среди них самыми древними являются: 1) надпись храма Болнийского Сиони (находится в 60 км от Тбилиси), датированная IV веком и 2) надпись построенной в Вифлееме Петром Ибери грузинской церкви, которая датируется V веком.

Грузинский народ, наряду с другими формами культуры, создал богатую и содержательную художественную литературу, которая насчитывает, самое малое, 16 веков и которая занимает свое место в истории мировой литературы.

Возникновению грузинской литературы способствовало богатое народное творчество и изящный грузинский язык.

Первые подлинные сведения о литературных памятниках относятся к V веку, когда было написано оригинальное агиографическое произведение «Мученичество Шушаник».

Грузинская литература всегда чувствовала пульс эпохи. Она- летописец жизни грузинского народа. Грузинская литература, в сравнении с другими видами искусства, всегда занимала ведущее место в жизни грузинского народа, описывая его прошлое, традиции, обычаи, духовный мир и т.д.

Известно, что художественная литература оказывает важное влияние на все сферы общественной жизни и на формирование духовного и интеллектуального мира человека и является одним из существенных факторов развития общества.

В условиях враждебной среды, многочисленных нашествий завоевателей и разрушительных войн художественная литература проповедовала самопожертвование человека во имя Родины и христианской веры, верность высшим моральным идеалам и прогрессивным идеям, укрепляла жизненные силы народа. Художествеенной литературе отводилась особенная роль в деле сохранения национальной самобытности и единства. Она всегда стояла на страже Родины и народа. Исходя из такого значения художественной литературы, ее защита, сохранение, развитие, доступность считалось общим делом.

В Древней Грузии письменную деятельность активно вели члены царской семьи, церковные лица, представители других слоев общества.

Важнейшие очаги литературы, как внутри страны, так и за ее пределами представляли монастыри. Культурно-просветительская деятельность была развернута в расположенных на территории Грузии монастырях Ошки, Ханцта, Гелати, Мцхета, Алаверди, Вардзии, Шатберди, Ишхани, Пархли, Хахули, Зарзма, Матркопи, Бедии, пустыне Гареджи и многих других, а за границей – особенно в Крестовом монастыре Иерусалима (основан в 30-50 годах XI века), Афонском Иберийском монастыре, в Греции (построен в 980-983 годах), монастыре Петрицони, в Болгарии (основан в 1083 году). В грузинских монастырях собрались книжники – писатели, ученые, переводчики, каллиграфы. Там сочинялись оригинальные произведения, осуществлялись переводы с иностранных языков и редактирование, перепись, размножение, сбор, переплет старых рукописей и т.д. (Менабде 1962, с.40).

В монастырях на территории Грузии чувствовался пульс культурно- литературной жизни эпохи. Посредством монастырей, находящихся за пределами Грузии, можно было наблюдать за достижениями передовых стран мира как культурной, так литературной сфере, а также знакомство с новизной, изучение и их внедрение в Грузии.

Как и в других странах книжной культуры, в Грузии материалом для письма использовали пергамент и бумагу. С V-VI веков до XII века использовался пергамент. Папирус в Грузии не употреблялся в качестве писчего материала, но есть несколько грузинских книг, написанных на папирусе, которые были созданы в заграничных центрах грузинской культуры. С X-XI веков бумагу в Грузию привозили из арабско-персидских стран (Иоселиани 1990, с.57-58).

Количество дошедших до нас грузинских палимфсестов достигает 4500 листов. Из них самый древний датируется VI веком. Древнейшая датируемая рукописная книга – это Синайское Многоглавие, переписанное в 864 году.

Создание печатного станка в XV веке сыграло огромную роль на пути человеческого прогресса.

В Грузии важнейшим фактором для экономического и политического укрепления всегда считали развитие науки и техники; исходя из этого, старались внедрить достижения цивилизации и мировой культуры. В Грузии изобретение Гуттенберга из-за трудных исторических условий было введено лишь спустя несколоко веков.

«Первая печатная грузинская книга «Грузинско-итальянский словарь» вышла в Риме.

В начале XVII столетия Папа Римский с целью пропаганды и распространения католического вероисповедания направил в Грузию миссионеров. Им необходимо было изучить грузинский язык. А это требовало издания соответствующего учебника. В тот же период в Рим прибыл посол царя Теймураза Никифор Ирбах (Николоз Чолокашвили).

Грузинский царь через посла просил у папы помощи в борьбе против врагов-мусульман. Никифор больше года пробыл в Риме, изучил итальянский язык и в то же время обучил грузинскому языку итальянца Стефана Паолини... Грузинский печатный шрифт был изготовлен по образцу букв письма, привезенного в Рим Никифором Ирбахом. Ирбах перевел на итальянский язык несколько тысяч грузинских слов, а Стефан Паолини по заданию Ахила Венерио и с помощью Ирбаха составил грузинско-итальянский словарь. Эта книга вышла в 1629 году. Именно с этого года начинается история грузинской печатной книги» (Джангулашвили 1971, с.44).

В Грузии типография была основана в 1709 году грузинским государственным и общественным деятелем Вахтангом VI. Это была типография европейского уровня. Сначала печатались книги церковного содержания, а впервые в 1712 году художественное произведение – «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели.

С этого периода появилось больше возможностей для развития художественной литературы, ее популяризации. Если до сих пор художественная литература была доступна лишь для одной части общества (ведь изготовление рукописей было делом дорогостоящим) и влияние писателя распространялось лишь на эту часть, появление печатной книги сделало художественное произведение более доступным для широких масс и, соответственно, возросла ее роль и значение в формировании духовного мира каждого человека. Этому способствовало также основание в XIX веке грузинских газет и журналов, издательско-торговых организаций, школ, библиотек, а в XX веке – радио и телевидения.

Достижения науки, техники способствовали развитию художественной литературы. С использованием этих достижений художественная литература еще больше влияла как на развитие человека, так и всего общества в целом.

Современная эпоха – эпоха мощного научно-технического прогресса – новая ступень развития человечества, которую часто называют информационным обществом.

Сегодня много пишут об информационном обществе, как об определенном этапе развития техногенной цивилизации, о его характерных признаках.

Информационное общество чаще всего определяют как общество, в котором социально-экономическое развитие, главным образом, зависит от создания, обработки, сохранения и распространения информации между членами общества. Электронная технология определяет социальные сдвиги, изменения нравов, социальных структур, ценностей, жизненного уклада, и для нее характерен высокий темп жизненного развития, дегуманизация общественных отношений, прагматизм, отвержение существующих и формирование новой системы ценностей, разрыв связи между поколениями, коммерциализация культуры, наводнение лишенной всякой ценности маскультуры и т.д.

Известно, что формирование информационного общества в разных странах происходит различными темпами, что процесс информатизации общества особенно характерен для стран, передовых с технической точки зрения. Но показатели везде, в основном, одни и те же.

В таких условиях важно духовно-нравственное возрождение общества. Неоспоримая истина, что одной из сторон нормального функционирования общества является его духовная жизнь. Развитию духовной жизни способствуют религия, отдельные виды искусства и, среди них, конечно же, художественная литература.

Художественная литература, исходя из своих познавательных, воспитательных и эстетических функций, может влиять на душу человека, внушить ему высокие нравственные принципы, привить вкус, общественное самосознание, способствовать развитию общества.

Научно-технический прогресс, в первую очередь, информационные технологии, несомненно, способствовали популяризации, доступности художественной литературы. Наряду с печатной продукцией существуют электронные книги, электронные версии отдельных художественных произведений.

Новейшие достижения человечества, информационные технологии, в будущем имеющие еще больше возможностей, в первую очередь, интернет, влияют на все сферы

жизни современного человека. Возможности новой техники, новых технологий и коммуникаций - огромны.

Какова зависимость грузинского общества от интернета?

Этот вопрос не раз был предметом исследований, но на сей раз наш интерес сфокусировался на одной лишь части общества, в частности, студенческой молодежи, как самом активном потребителе интернета.

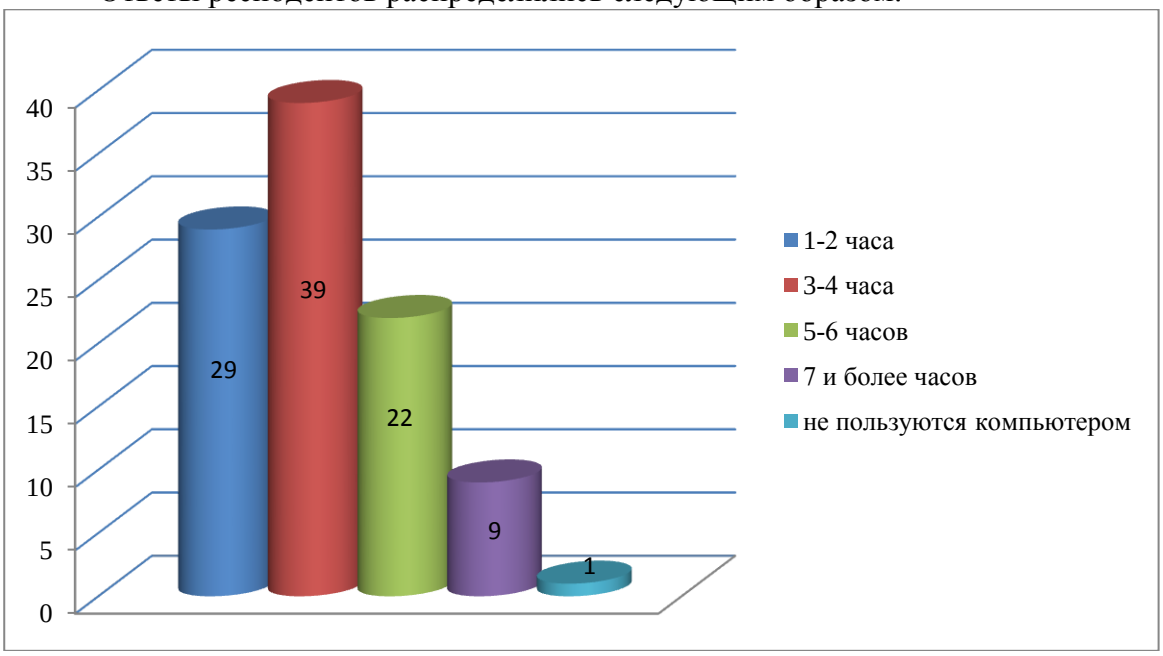
Нашей целью было выяснить, каков уровень зависимости студенческой молодежи от интернета, какое место занимает в их жизни художественное произведение, заменил ли интернет книгу.

Опрос был проведен с помощью социологов и мы постарались как можно яснее представить картину, не ограничиваясь лишь постановкой вопроса.

В опросе участвовали 950 студентов (возраст – 17-25 лет) разных специальностей трех высших учебных заведений Грузии. Итоги таковы:

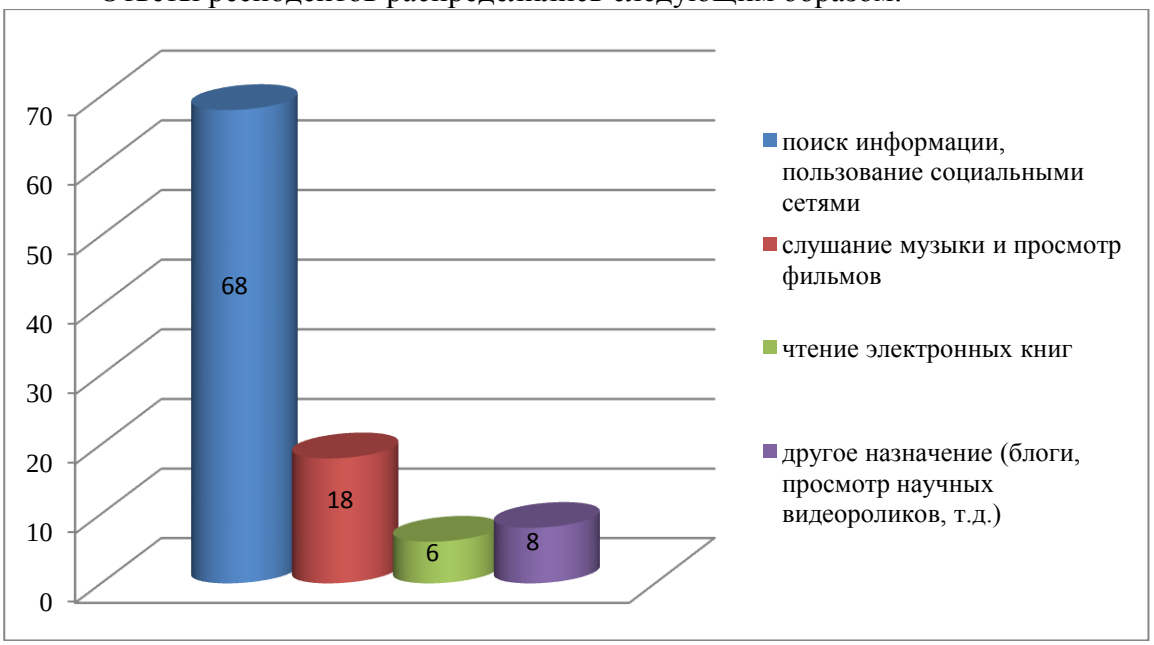
Вопрос – В среднем, сколько часов в день Вы проводите за компьютером?

Ответы респодентов распределились следующим образом:



Вопрос – Для каких целей Вы используете интернет?

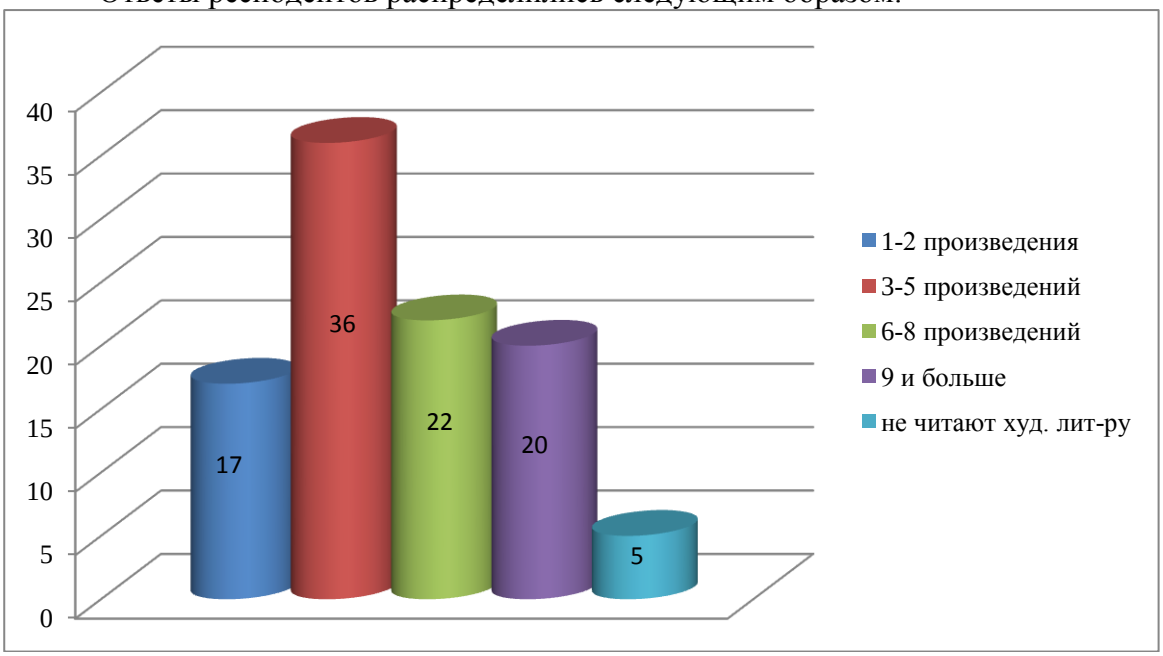
Ответы респодентов распределились следующим образом:



Следует заметить, что под электронными книгами мы подразумевали как художественную литературу, так и учебники и другие учебные материалы.

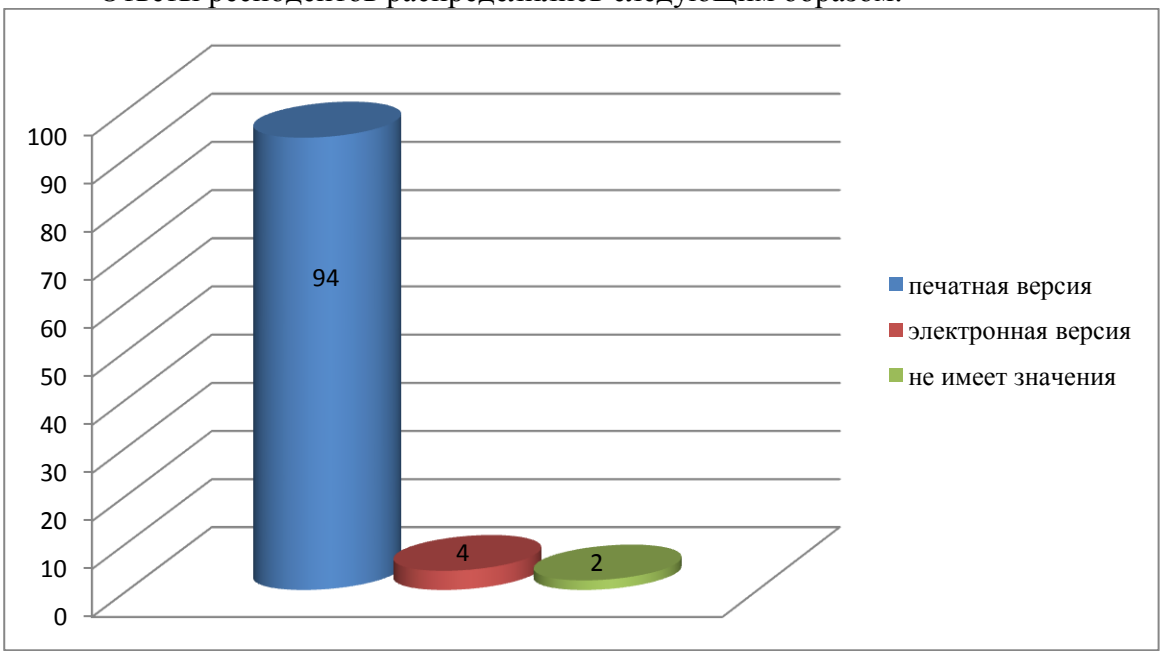
Вопрос – Какое количество художественных произведений Вы читатете в среднем за год?

Ответы респодентов распределились следующим образом:



Вопрос – Чему Вы отдаете предпочтение: печатной или электронной версии книг?

Ответы респодентов распределились следующим образом:



Студенты отметили, что они читают как грузинских и зарубежных классиков, так и современных писателей.

В результате опроса выяснилось, что, несмотря на зависимость от интернета, эпоха электронных книг пока еще не настала, и интерес к художественной литературе не ослаб, хотя такая опасность существует.

Грузинское государство хорошо видит вызовы эпохи и соответственно реагирует. Этому свидетельствует «Программа содействия грузинской книге и литературе»,

разработанная Министерством культуры и защиты памятников Грузии (2011 г.), которая служит осуществлению политики государства в сфере литературы, книги и библиотек, развитию литературного процесса в стране, содействию библиотек.

Согласно данной программе, в 2011 году приоритетными были признаны следующие направления:

а) издание «Литературной газеты»;

б) популяризация книги;

в) конкурс переводчиков для грузинских издателей;

г) конкурс переводчиков для иностранных издателей;

д) закупка антологии лучшего европейского рассказа 2011 года;

е) трехтомное издание, посвященное юбилейной дате грузинского классика Важа-Пшавела;

ж) свободные проекты (содействие свободным инициативам, соответствующих целям программы, но не вписывающихся в рамки одного какого-либо приоритета, способствующие развитию грузинской книги и литературы в стране в целом);

з) обновление веб-страницы, посвященной грузинской книге и литературе;

и) литературный форум-диалог (Программа 2011).

Осуществление таких программ, проектов способствует активизации литературного процесса, популяризации книги, доступности художественных произведений, развитию общества.

Только совместными усилиями читатель и писатель, общество и государство смогут ответить на вызовы эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

МЕНАБДЕ, Л., 1962. *Очаги древнегрузинской литературы*. Т. I. Выпуск первый. Тбилиси. 384с.

ИОСЕЛИАНИ, А., 1990. *Вопросы истории грузинской письменности, книги и типографии*. Тбилиси: Мецниереба. 432с.

ДЖАНГУЛАШВИЛИ, Т., 1971. *Грузинская книга*. Тбилиси: Сакартвело.124с.

ПРОГРАММА 2011. *Программа содействия грузинской книге и литературе*. Министерство культуры и защиты памятников Грузии, www.mcs.gov.ge.

Irma Zakaraia
Sokhumi State University, Georgia

SCIENTIFIC-TECHNICAL PROGRESS AND FICTION

Summary

The increasing progress of science and technology has influenced different spheres of human life, fiction development among them. In its turn, fiction has influenced the development of humanity. Georgia has always had political and cultural relations with civilized countries and the Georgian have always been interested in epochal novelties. The Georgian literary heritage has a sixteen centuries history. Georgian literature has its own place in the heritage of the world literature as it always could feel and reflect Georgians' spiritual aims and world-outlook.

The modern information society (the concrete period of the technical civilization) has its own typical properties and virtues, such as formation (creation) of new values, dehumanization of human affairs, pragmatism etc., which is a very important problem for developed countries. Nowadays it's very important to take care of spiritual life of the society. The Georgian literature has always had this function and it was a very strong factor to influence on the social processes.

Does the development of technical civilization and intensive affairs change anything, for example, does the Internet replace a book? Does fiction have any role in a student's life nowadays? The questionnaire was proposed to students. The results proved the fact that the time of electronic books has not come yet. Despite their dependence on the Internet students are still interested in fiction, though there exists certain impendence which can be overcome by mutual effort of readers, writers, the general public, the government.

KEY WORDS: scientific-technical progress, fiction, spiritual world of the person, society development, the Internet, information society, epochal challenges.

Борис Колымагин
Российский институт культурологии
Берсеневская наб. 20, 119072, Москва, Россия
E-mail: kolymagin1@yandex.ru
Научные интересы: проблема взаимодействия религии и культуры в постсекулярную эпоху; социальные роли современной литературы

ЧЕЛОВЕК В ПОЭЗИИ ВСЕВОЛОДА НИКОЛАЕВИЧА НЕКРАСОВА

В статье рассматривается творчество поэта Всеволода Некрасова (1934 – 2009). Исследователь считает, что герой Некрасова – это сам читатель и его язык. Герой Некрасова – это читатель позднего советского времени. Этот человек является носителем либеральных ценностей и культуры, не связанной с официальной культурой советского времени. Модернизм Некрасова оказался крепко связан с традицией, прежде всего, в поиске живого, точного слова, чего не хотели понимать советские критики. Интересно, что совсем в другую эпоху, в девяностые и нулевые годы Некрасов продолжил модернистский проект. Тем самым, он наглядно продемонстрировал, что постмодерн допускает не только деконструкцию, но и реконструкцию. Реконструкция словесного поля, по Некрасову, неотделима от этики. Он чувствовал качество стиха и резко протестовал против раскрутки сомнительных авторов. Иерархия ценностей не была для поэта пустым звуком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэзия, язык, свобода

В России, несмотря на все застои и периоды тотальных запретов, процесс перехода от модернизма к contemporary art проходил достаточно резко. В поэзии демаркационная линия обозначена лианозовцами, оппонентами которых явилась не традиционная поэтика, а соцреализм и массовая культура.

Одна из самых заметных фигур лианозовской школы – Всеволод Николаевич Некрасов (1934 – 2009). В интервью Анне Альчук (Некрасов http://vz.ru/culture/2007/2/20/68908.html) поэт охарактеризовал свой стих как открытый. Его поэзия открыта речи, она ориентирована на выделение речи из языка, на объективно сильную речь. Сегодня, когда многие слова стерты, превращены в мертвые тени, некрасовская работа с языком представляется чрезвычайно важной.

В своем творчестве поэт искал, как пишет Вячеслав Кулаков (Кулаков 1999, с 123) конкретное, помнящее о своей речевой функциональности слово. Некрасову удается создавать поэтические тексты из клишированных, повседневных слов и фраз и даже из частиц и предлогов. Американский славист Джеральд Яничек обращает внимание на значение контекста для существования этого конкретного слова (Яничек 1993, с. 92).Этим контекстом был мир советского человека. В своей речи Некрасов использует язык советских газет, литературные штампы и повторы. Он обращается к мифологемам повседневности и идеологическим клише. В его стихах нет поэтизмов и пафосности. Но, обращаясь к прозе языка, он создает поэзию. Правда, эта поэзия сильно отличается от традиционной лирики. Она вырастает из обыденности, из бытового языка, и держится благодаря «речи, которая цепляется за язык, вызывает восторг». «Стих – стихия речи, речь, какой она сама хочет быть, сама ложится на язык и остается в памяти», – говорил Некрасов. На смену лирическому герою приходит словесная походка автора, которая и является подлинным героем стихотворений. Некрасов пишет новую историю повседневности, возвращает эпохе ее колорит, ее стиль. Словесным материалом стихов Некрасова может служить цитата из газетной / журнальной статьи, лозунг, речь коммунистического вождя. Литературные штампы также становятся предметом его экзерсисов. Самым, наверное, известным примером центонной поэзии является следующее стихотворение: «Я помню чудное мгновенье / Невы державное теченье / Люблю тебя Петра творенье / Кто написал стихотворенье / Я написал стихотворенье». Несмотря на концептуалистический принцип заимствования, главным в

этом и других подобных текстах оказывается само стихотворение, выросшее из чужих, готовых (ready-made) строчек. Некрасову важен не концепт сам по себе, не идея, а ее воплощение, результат. Этим результатом и становится стихотворение, которое «вызывает восторг».

«Конкретное слово» Некрасова подразумевает не только бытование его в контексте времени, но и с визуализацией стиха. С использованием поэтом различных шрифтов, столбцов, разворачивающихся в стихи примечаний (Новикова 2010 http://polylogue.polutona.ru/) С подчеркиванием и зачеркиванием слова и фразы. Пробелы между строчками также работают на объективно сильную речь. Это даже позволило одному исследователю утверждать, что тексты Некрасова – это «глазами произносимое слово и глазами (молча) слагаемый стих» (Библер 2002, с. 34). Более того, в орбиту поэзии оказались втянуты массивы языкового материала. Как отмечает Юрий Орлицкий, в эстетике Некрасова оказывается значимой оппозиция страница, целиком заполненная текстом, — страница, содержащая минимум текстового материала (Орлицкий http://polylogue.polutona.ru/).

Некрасов по натуре своей был правдолюбцем. И это его стремление к правде воплотилось, прежде всего, в честной оценке качества текстов, в объективном взгляде на произведения, с разбором всех их достоинств и недостатков. Но его поиск правды, конечно, не ограничивался только критикой. Он спорил – и в стихах, и в эссеистике - со стереотипами восприятия литературных произведений, с социокультурными мифами и теми людьми, кто их транслирует. Его обостренный жизнестроительный пафос заставлял его обращаться к гражданским темам. Поэт чувствовал ответственность за жизнь в стране, в которой жил. И появляются стихи о Сталине: «И как талантливо бывал он коварен / Как интересно / Товарищ Сталин / Давайте наконец мы с вами расстанемся / Иосиф Виссарионович / Всего-то навсего азиатская сволочь / Раз навсегда».

О суде над Ходорковским: «А странность / Басманность / Басманность / Басманность/ Басманность». И подобные опусы.

При этом Некрасов не выходит из пространства художественности, живого поэтического слова. Его политические стихи также конкретны и убедительны, как, например, тексты о природе. В этом смысле он выгодно отличается, скажем, от Дмитрия Быкова, чья политическая риторика в стихах не поднимается до уровня поэзии. Не случайно в 2011 году Быкову и артистам, читающим его вирши, вручили чисто политическую премию «ПолитПросвет».

Стихи Некрасова помогают человеку вернуть его человеческое достоинство. В частности, найти нормальный, а не стертый, штампованный язык для выражения своих гражданских взглядов. Как, например, сказать о ценности свободы? Прибегая к многократным повторам и взрывной концовке, Некрасов делает это так: «Свобода есть / Свобода есть / Свобода есть / Свобода есть / Свобода есть / Свобода есть свобода». В его творчестве можно найти тексты о демократии, о загадочной русской душе, об «особом пути», о том, что актуально сегодня. Слова поэта – это реакция среднестатистического жителя мегаполиса на повседневность и нормальная реакция демократически мыслящего человека на политику.

Читатель Некрасова словно сам произносит его тексты, становится на один уровень с поэтом.

В этом особенность всей поэтики Некрасова. Читатель становится автором: эти слова он мог произнести, подумать в этом направлении, подписаться под сказанным. Стихи Некрасова делают акцент на действие, на конкретику общения с читателем. При этом он отказывается от забойной раскрутки строк и обходится минимальными языковыми средствами. На эту особенность поэтики Некрасова обратил в свое время внимание Владимир Библер, писавший: (Некрасов) «воинствующе лаконичен, он доводит синтаксис внешней речи, при помощи пропусков, зияний, умолчаний, лакун, до такой предельной сокращенности, что она оказывается очень близка к характеру внутренней речи» (Библер 2002, с. 57).

Этот речевой минимализм позволил культурологу М. Эпштейну выдвинуть ошибочную идею о близости языка поэта гоголевскому Акакию Акакиевичу. В одной из первых подцензурных статей о творчестве Некрасова, опубликованной в журнале «Октябрь», Эпштейн утверждает, что Некрасов пользуется «в основном материалом служебных и вводных слов, междометий и прочих абстрактнейших элементов языка. Кажется, что такие стихи, сплошь пестрящие «того», «это вот», «так ведь», «ну и», мог бы писать Акакий Акакиевич. Это словарь бедного человека, маленького человека наших дней, завязшего в бурчащей, невразумительной словесной каше, состоящей из канцеляризмов или превращающей в канцеляризмы даже такие слова, как «весна» или «синий», – они повторяются в одном стихотворении по 10— 20 раз, тоже превращаясь в абстрактный элемент речи, в союз или частицу. Поэзия В. Некрасова – это поэзия служебных слов, произносимых с небрежностью ворчуна и настойчивостью заики, угасающая, иссякающая, задремывающая речь, в которой эстетически осваивается само качество монотонности, бедности, минимальности» (Эпштейн 1988, с. 94).

Эпштейн мыслит в категориях XIX века, верха и низа, но в том-то и дело, что в поэтическом мире Некрасова этого разделения нет. Нет «бедных людей» и «вершителей судеб», а есть нормальные граждане, к которым и обращено слово поэта. Есть качество речи, превращающее ее в стихи: «речь / ночью / можно так сказать / речь / как она есть / иначе говоря / речь / чего она хочет». Специального освоения бедности и монотонности в поэзии Некрасова нет, а есть поиск качественной речи во всех ее ипостасях, в том числе и там, где речь идет узким коридором слова.

Правдолюбие Некрасова вынудило его в постсоветские годы выступить против «диктатуры блата» и «науки как не знать». Со всей силой своего обличения он обрушивался на тех, кто отвечал за энтропию культуры. Можно спорить о правомочности тех или иных оценок деятельности авторов, выбранных Некрасовым в качестве козлов отпущения, но сам его пафос понятен и приемлем.

Сейчас, когда сквозь призму языка трактуют все сферы человеческой деятельности, от политики до экономики, филологический (в самом широком смысле) аспект творчества Некрасова воспринимается в историческом ключе, в качестве того, что уже стало. Наоборот, метафизика и традиция, от коих поэт открещивался, неожиданным образом напоминают о себе во весь голос.

К таким традиционным ценностям можно отнести органику некрасовской речи, цельность и ясную сложность прямого поэтического высказывания. Нацеленность поэта на выделение речи из языка, на объективно сильную речь, которая цепляется, остается в памяти, позволили ему совладать с новоязом. Не заслониться от него, как делали это многие, броней классики, а сделать шаг вперед, оставаясь верным правде жизненных обстоятельств.

По Некрасову, удачное стихотворение, даже строчка, как мы сказали выше, вызывает чувство восторга. Этот восторг был хорошо знаком читателям ушедших эпох, но совершенно исчез на равнинах современной культуры.

Модернизм Некрасова оказался крепко связан с традицией, прежде всего, в поиске живого, точного слова, чего не хотели понимать советские критики. Он как бы искал слова, которые сами возникали и выскакивали из поэта. Он не оперировал автоматической речью, а рождал ее. Интересно, что совсем в другую эпоху, в девяностые и нулевые годы Некрасов продолжил модернистский проект. Тем самым, он наглядно продемонстрировал, что постмодерн допускает не только деконструкцию, но и реконструкцию.

Реконструкция словесного поля, по Некрасову, неотделима от этики. Он чувствовал качество стиха и резко протестовал против раскрутки сомнительных авторов. Да и поэтов скромного дарования, вознесенных благодаря пиар-технологиям на олимп славы, он не жаловал, потому что иерархия ценностей не была для него пустым звуком. Многие высказывания Некрасова в адрес поэтов-современников (вроде «пригота и натиск») расставляют точки над «и».

Правдолюбие Некрасова касалось не только поэзии. Он был погружен в социум и реагировал (в стихах, естественно) на фигуры поведения и риторику элиты. Новые контексты старых слов также воспринимались им сквозь призму этики. Скажем, на своих вечерах он специально оговаривал: «Нигде в моих стихах слово «голубой» не значит ничего, кроме цвета».

Верный речи «чего она хочет», Некрасов всю свою жизнь выстроил как служитель Слова. Он вел аскетический, подвижнический образ жизни и на дух не переносил богему. При этом мог, умел выстроить пространство общения, диалога. Знакомил разных людей между собой. В мастерских художников, на вечерах читал сам и приглашал читать других. В числе таких авторов встречались поэты неизвестные, но чем-то глянувшиеся ему. Так, он высоко ценил стихотворный цикл «о бородатеньком» Андрея Дмитриева (не путать с прозаиком Андреем Дмитриевым) и все ждал (так и не дождался), когда тот издаст книжку.

Однажды Некрасов подарил автору этих строк свой сборник с дарственной надписью: «Кто / русский интеллигент? / Иван Телегин / и Борис Колымагин» (Колымагин 2009). Шутка – шуткой. Но тема интеллигенции, ее пути в творчестве Некрасова отнюдь не проходная. Он много писал, говорил о русской литературе, о ее тупиках и прозрениях. И был укоренен в русской культуре. Не случайно им, в соавторстве с женой, Анной Ивановной Журавлевой, написана книжка о драматурге А.Н. Островском.

В стихах Некрасова мы встречаем немало колких словечек в адрес классиков. Но это не меняет сути дела: диалог с великими писателями неизбежно вводил Некрасова в область метафизики. В качестве иллюстрации можно привести фрагмент его спора с Достоевским: «Это / демонов что ли / изгоняли / бесами / бесов / чертями /тех дьяволами /вот и пойми / какого это тоже она / дьявола / делала / наша / Великая Русская Литература / и тут-то ей / и ура».

Некрасов критиковал «пророческий» тренд русской литературы, но как истинный поэт сам изрекал пророчества. Например, утверждал, что если в России не будет независимого суда, то не будет и России. Как раз накануне реформы Конституционного суда.

Сегодня модно рассуждать о литературных стратегиях писателей. Но применительно к Некрасову эти постмодернистские ходы не очень работают, потому что не учитывают глубинные мотивы тех или иных жестов поэта. Лучше говорить о пути, в традиционном его смысле. О пути, связанном с радостью, стойкостью, верностью, крестоношением. Некрасовским крестом было существование на периферии так называемого «культурного сообщества» и жесткое одиночество, ощущение неуслышанности, непрочитанности.

К счастью, рядом с ним была Анна Ивановна Журавлева (1996), не только верная жена, но и друг. Симптоматично, что она умерла сразу после смерти мужа. Выполнила свой долг – и ушла. По ассоциации здесь возникают фигуры свв. Петра и Февронии, Муромских чудотворцев, оставивших нам образец семейной святости.

В каком-то смысле о Некрасове можно говорить как об анонимном христианине. Конечно, в его поэзии присутствует и дух века сего. Конечно, не все его фигуры поведения соответствуют заповедям Христа. Но Бог, и это сказано в Писании, смотрит на весь путь человека. Не на отдельные его ошибки, заблуждения, а на весь путь.

Но вернемся, однако, к антропологии, к тому образу человека, который возникает в стихах автора. Поэтическая речь Некрасова обращена к нормальным гражданам, ко всем без разбору. Каковы же характеристики этого нормального человека? Сразу оговоримся, что этот человек не находит себе подобных по принципу Интернет-сообществ. Он не соприкасается с другими только в точке схождения определенных интересов, взглядов и увлечений, хотя признаки такого рода тоже есть. Он шире Интернет-групп и представляет собой «мы» значительного числа доперестоечных людей.

Человек Некрасова интересуется живописью, кино, поэзией. Если говорить о любимых художниках самого поэта, то, прежде всего, стоит назвать имена Эрика Булатова и Олега Васильева. Наиболее известна московскому зрителю показанная в нулевые годы в Центральном Доме Художника работа Булатова «Живу - вижу» (анаграмма Некрасова

начертана прямо на холсте). Интересно, что порой Некрасов свою лирику преподносил через призму живописи Булатова и Васильева (наблюдение Яничека): облако небо / Эрика Олега // спасибо небу / спасибо серому / за зеленую зеленую зелень / кому / как не облакам / облакам / а главным образом / зеленым белым березам.

Если говорить о фильмах, то в поле зрения Некрасова оказывается, прежде всего, авторское кино, от Феллини до Тарковского, но и ленты для массового зрителя тоже не проходят мимо его сознания. Его интересует как они сделаны и сколько в них вранья. Из поэтов он выделял Николая Некрасова, Маяковского, как раз в то время, когда его начинали «опускать» по идеологическим соображениям, Мандельштама и, конечно, Сатуновского и Евгения Кропивницкого.

Человек Некрасова имеет вполне определенные демократические взгляды. Его нельзя назвать «антисоветчиком», диссидентом, он не участвует в политических акциях, не распространяет антисоветскую литературу, но он предельно дистанцирован от власти и не приемлет коммунистическую идеологию. В каком-то смысле он разделяет призыв Солженицына «жить не по лжи», хотя народнический тренд лауреата Нобелевской премии ему чужд. К слову, Некрасов неоднократно высказывался о роли писателя в общественной жизни. И эти высказывания имеют интонации недоверчивости: «Из-под глыб / булыги / Александр Исаевич / на том стоит / и этим он / потрясает». Некрасовский человек ушел в культурное инакомыслие. «Своих» он находит по отношению людей к деятелям официальной культуры.

Человек Некрасова – «западник». И его антиславянофильский тренд обнаруживается во многих суждениях. Например: «чего надо-то / ась / русскую идею / в действительности / то есть нет / идеи-то есть / есть / врать не надоть / а ведь / это идея / воровать не надоть / и ведь опять / это ли не идея / идея / да и правда ведь / и гадить не надоть / надо полагать / идеи / куды тебе / и идеи / идеи / одна одной / русее русее / все русей / русей и русей».

«Надоть», к слову, отсылает нас к языку новых почвенников, к творчеству Василия Белова, в частности. С Беловым Некрасов полемизирует не в одном стихотворении.

Человек Некрасова не делает различий между советским и досоветским патриотизмом. В этом смысле он идеологизирован, следует в фарватере либеральной идеологии XIX века. Особенность этой идеологии – неспособность полемизировать с представителями других идеологий. Красный, марксистский подход унаследовал черты этой непримиримости. В то же время человек либеральной идеологии до щепетильности честный, открытый к своим, последовательный. Его непримиримость – больше дань эпохе воинствующих однозначностей. Отступление в прошлый век, оглядка на его культуру – особенность доперестроечного человека некрасовского образца.

Человек Некрасова живет в пространстве кухонного общения. Он принципиально не публичный человек. На высокие трибуны, на телевидение / радио его не пускают. Но дефицита общения он не испытывает. Он легко вписывается в различные неформальные группы, в различные объединения. Известно, что сам Некрасов много читал по разным кухням, участвовал в многообразных акциях. В концептуальных акциях «Коллективное действие» Андрея Монастырского, например. И язык некрасовского человека связан с непубличным, кухонным разговором, с полемикой, которая разгоралась на таких посиделках. К слову, протестные акции в Москве весной 2012 года напомнили о том, что современные реформаторы генетически связаны с культурным андеграундом. Взять, скажем, акцию «Контрольная прогулка», организованную писателем Григорием Чхартишвили. Она напрямую связана с загородными походами Андрея Монастырского, в которых Некрасов регулярно участвовал. У акции есть начало – встреча у кинотеатра «Россия». Она допускает возможность участнику действа в любое время выйти из ситуации. Во время контрольной прогулки любой ее участник мог повернуть в сторону и уйти. В акциях Монастырского также допускался подобный поворот. Контрольная прогулка не имела фиксированного завершения. Кто-то, дойдя до Чистых прудов, спустился в метро. Кто-то пошел дальше до памятника Аббая, где разбили «палаточный городок» оппозиционеры. У Монастырского

тоже возникали похожие концовки. Скажем, однажды Некрасов в конце акции просто пошел на платформу и уехал в Москву, в то время как другие участники ждали организатора у платформы.

Язык Некрасова показывает, между прочим, что культурное подполье было очень разнообразно. И «славянофилы-государственники», и «западники» пересекались в нем очень часто. Отсюда и градус спора. Речь Некрасова обращена к «своим - не своим». Он последовательно занимается деконструкцией, декларацией рационализма, здравого смысла. Вот, например, как он работает с мифом о величии России: «величие величие / во / и более ничего // величие / и величие / до потери приличия // величие чие / видимо ядерное / да и ядерное / видимо краденое / ай да родина моя / вроде как / и видимо так / вроде как / а вы говорите // и демократия // как по всей видимости крайне / крайне темное дело /// не почему-нибудь / что-нибудь // а по-видимому / по-прежнему / по подлому все / потому что».

Человек Некрасова при всей своей «кухонности» чужд богемности. Он не пьет, не курит, не любит пафосных жестов и громких слов.

Но он любит природу и все, что хорошо, с любовью сделано на земле. В этом смысле его можно назвать естественным патриотом.

Иван Ахметьев однажды написал о Некрасове: «Всеволод / всем / всем / всем / владеет миром / как Владимир / или Велимир».

Некрасов, действительно, создал особый поэтический язык и дал слово до этого безъязыкому человеку, верней, тому человеку, который раньше говорил на чужом ему языке новояза.

ЛИТЕРАТУРА

БИБЛЕР, В. С., 2002. Поэтика Вс. Некрасова. *In: Замыслы*: В 2 кн. Кн. 2. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
ЖУРАВЛЕВА, А., 1996. Некрасов Вс. *Пакет.* Москва: Меридиан.
КУЛАКОВ, В., 1999. *Поэзия как факт.* Москва: Новое литературное обозрение.
КОЛЫМАГИН, Б. Ф., 2009. Метафизика объективно сильной речи. *In: Стороны света*, № 11.
НЕКРАСОВ, В., 2002. *Живу Вижу*. Москва: Крокин Галерея.
НЕКРАСОВ, В., 1991. *Справка. ЧТО из стихов ГДЕ за рубежом КОГДА опубликовано (1975-1985).* Москва: «PS».
НЕКРАСОВ, В., 1989. *Стихи из журнала.* Москва: Прометей.
ЭПШТЕЙН, М. Н., 1988 *Концепты... Метаболы... (О новых течениях в поэзии).* Октябрь, № 4, 194-203.
ЯНИЧЕК, Д. 1993. Теория и практика концептуализма у Всеволода Некрасова. *Новое литературное обозрение.* № 5.
НОВИКОВА, Д., 2010. Фонетика и графика произведений Всеволода Некрасова. *In: Электронный журнал Полилог*, №3. Режим доступа: http://polylogue.polutona.ru/ (См. 05.01.2012).
НЕКРАСОВ, В. «Открытый стих…». Режим доступа: http://vz.ru/culture/2007/2/20/68908.html) (См. 05.01.2012).
ОРЛИЦКИЙ Ю., 2010. Заметки о поэтике Всеволода Некрасова. *In: Электронный журнал Полилог*, №3, , Режим доступа: http://polylogue.polutona.ru/(См. 05.01.2012).

Kolymagin Boris
Russian institute of culturology, Moskow, Russia
Research interests: problem of interaction between religion and culture, the social role of contemporary literature

THE PERSON IN THE POETRY OF VSEVOLOD NEKRASOV

Summary

The article examines the works of the poet Vsevolod Nekrasov (1934–2009). In the opinion of the researcher, Nekrasov's hero is not only the reader himself, but his language as well. Nekrasov's hero is the reader of the late Soviet times. It is a person of liberal values and culture, who is not connected with the official Soviet culture. Nekrasov's modernism was closely connected with a tradition, primarily in its search for a live, exact word, which Soviet critics did not want to understand. Interestingly, in an entirely different era, the 1990s, Nekrasov continued this modernist project. Thus, it is demonstrated that post-modernism allows not only deconstruction, but reconstruction as well. Reconstruction of the verbal field of Nekrasov is inseparable from ethics. He felt the quality of the verse and strongly protested against the promotion of disputable authors. The hierarchy of values was not just empty words for this poet.

KEY WORDS: poetry, language, freedom.

Зоя Кучер
Черкасский государственный технологический университет
бульвар Шевченко 460, 18005 Черкассы, Украина
Эл. почта: zoya_ku@mail.ru
Научные интересы: История швейцарской литературы второй половины XX века

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЮЖЕТОВ И ОБРАЗОВ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Ф. ДЮРРЕНМАТТА

В статье исследуются сюжеты и образы ранних пьес Ф.Дюрренматта, которые перерабатываются автором, дополняются новыми интерпретациями, а впоследствии используются для создания произведений других жанров. Материалом исследования являются два произведения Ф.Дюрренматта: повесть «Лунное затмение» и пьеса «Визит старой дамы», между которыми очевидна как формальная связь, так и сходство на уровне проблематики. Сравнительный анализ двух произведений, объединенных одной фабульной основой и проблематикой, позволяет сделать вывод о том, что Ф.Дюрренматт в процессе творческой деятельности обращается к своим ранним сюжетам, используя их для создания произведений других жанров. Темы и проблемы, намеченные автором в раннем творчестве (проблема морального выбора, отчуждение, познание истинной сущности Бога и человека), перерабатываются автором, обретают художественное завершение и поднимаются до уровня философского осмысления действительности. Писатель привлекает внимание к истинной сущности человека, живущего в современном «аморальном» обществе, лишенном традиционных аксиологических ориентиров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гротескный театр, образ, сюжет, проблематика, реконструкция, интертекстуальность, проблема морального выбора.

Для многих как зарубежных, так и отечественных исследователей известный швейцарский писатель XX века Ф. Дюрренматт, в первую очередь, - выдающийся драматург 50-60 годов, непревзойденный мастер гротескного театра. Всемирную славу ему, безусловно, принесли пьесы «Брак господина Миссисипи», «Визит старой дамы» и «Физики», с успехом прошедшие во многих театрах мира. Зрителя заинтересовало то, что отличало творчество автора от традиционной реалистической драматургии: яркая театральность, нарушение привычных норм, использование форм условного иносказания, гротескное изображение событий и персонажей, парадоксальный подход к решению некоторых проблем современного мира.

70-80-е годы охватывают два периода в творчестве Ф. Дюрренматта, которые характеризуются тем, что он, по мнению многих зарубежных критиков, «отдаляется от театра» (Knapp 1993, S. 141) и работает исключительно над прозаическими произведениями. В это время в отдельных критических работах появляются не совсем обоснованные, на наш взгляд, высказывания о «непродуктивности» творчества Дюрренматта. При этом подчеркивается, что «литературный рассвет писателя остался далеко в прошлом, а его концепция комедии себя изжила» (Knapp 1993, S. 141).

Однако справедливым представляется мнение современного швейцарского писателя и публициста Х.Лёчера, назвавшего последний период творчества Дюрренматта «декадой большой прозы» (Loetscher 1981), поскольку именно в это время были созданы произведения, которые демонстрируют философский уровень осмысления действительности. В них наиболее полно выражена эстетическая концепция писателя, его онтологический подход к ключевым проблемам современности. Дюрренматт, оценивая свою позднюю прозу, отмечал: «В настоящее время литература является для меня средством коммуникации в процессе создания философских произведений» (Dürrenmatt 1988, S.13).

Следует отметить, что прозаические произведения Дюрренматта, также как и его драматургия – сложное философско-эстетическое явление, для которого характерно

свободное сопряжение элементов различных направлений, течений и школ современной литературы. Проза писателя являются важным составляющим компонентом его творчества в целом, поэтому без изучения ее специфики представление о художественном наследии Дюрренматта может оказаться неполным.

Предпринимая попытку осмыслить свой жизненный и творческий путь, в 70-80-е годы Дюрренматт работает над проектом, который он назвал «Материалы» *(«Stoffe»).* Зарубежные критики единодушны в том, что это произведение следует рассматривать как опыт всей творческой биографии писателя, как попытку соотнести существующую реальность и мир, созданный в его произведениях, а также отобразить концептуальные моменты собственной эстетики.

В 1981 г. выходит первая часть «Материалов» *(«Stoffe»)* под названием «Лабиринт» *(«Labyrinth»),* а в 1990, незадолго до смерти писателя, публикуется вторая книга «Строительство башни» *(«Turmbau»).* В этих произведениях Дюрренматт попытался осмыслить свое творчество, проследить появление и развитие собственных литературных сюжетов, мотивов и образов, а также воспроизвести процесс создания многих произведений. Характерным для двух книг в целом является переплетение различных повествовательных и временных уровней, синтез придуманного и пережитого, наличие автобиографических фактов, вызывающих ассоциации, необходимые автору для обработки жизненного материала, и философских размышлений, которые часто занимают ведущую позицию в повествовании.

Показательным является то, что почти каждый из шести разделов второй книги «Материалов» представляет собой переработанный, «реконструированный», ранее опубликованный текст. Для творчества Дюрренматта в целом показателен тот факт, что он часто обращается к своим уже написанным сюжетам, дополняет их новыми интерпретациями, использует для создания произведений других жанров. Для позднего творчества характерна интенсивная структура интертекстуальности, через призму которой мир предстает как огромный текст, где все когда-то уже было сказано, а новое возникает только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов исходных текстов приводит к возникновению интертекста.

Сомнительными, по нашему мнению, оказываются замечания некоторых критиков о том, что Дюрренматт в последние годы своей жизни «занимается переписыванием произведений, которые он создал раньше» **(**Knopf 1988, S. 194). «Проникая» в собственные сюжеты, предпринимая для этого систематическое переосмысление ранее написанного, Дюрренматт стремится раскрывать различные повествовательные возможности материала, соединяя его с автобиографическими моментами посредством фантазии и воображения. Это способствует раскрытию разносторонних и многогранных связей между фактами действительности, а также развивает мысль писателя о том, что любую историю всегда можно представить по-другому. Таким образом, Дюрренматт подтверждает суждение о безграничности человеческого мышления, которое, подобно лабиринту, обладает огромным количеством «разветвлений».

Ярким примером «переписывания» текстов, то есть создания произведений, объединенных одной фабульной основой, является повесть «Лунное затмение» („Mondfinsternis“ 1981). В середине 50-х годов Ф.Дюрренматт задумывает написать произведение о богатом американце, выходце из Швейцарии, который возвращается в свою деревню и заставляет её жителей пойти на убийство ни в чем не повинного человека. Хотя Дюрренматту и не удалось завершить работу над этим произведением, материалы были использованы им для написания трагикомедии «Визит старой дамы» („Der Besuch der alten Dame“ 1955).

В 70-е годы Дюрренматт вновь возвращается к незавершенному сюжету и занимается его реконструкцией. В итоге, в 1981 году в первой книге «Материалов» выходит повесть «Лунное затмение». В ней очевидны как формальная связь с пьесой «Визит старой дамы», так и сходство на уровне проблематики.

В основе сюжета повести – мотив возвращения «блудного сына», трансформирующийся в пьесе в мотив возвращения «блудной дочери». Канадский мультимиллионер, спустя почти полвека, возвращается в горную швейцарскую деревню с намерением отомстить одному из своих земляков за то, что тот когда-то увел у него девушку. С такой же целью приезжает в маленький, обнищавший и разорённый городок Гюллен разбогатевшая Клара Цаханассьян, вынужденная много лет назад покинуть родной город из-за предательства своего возлюбленного.

Повесть «Лунное затмение» начинается непосредственно с изображения главного героя, в ней отсутствует какая - либо предыстория. Главный герой - Уолт Лачер пробирается с огромными усилиями сквозь заваленную снегом горную дорогу на своем «кадилаке»: «Лачер пробует выбраться из машины, – метровой глубины снег мешает ему открыть дверцу. Он проваливается по пояс. Он карабкается по склону к дороге, срывается вниз, опять лезет вверх. Он отряхивается, с его шубы опадает снег. Дорогу местами совершенно не видно» (Dürrenmatt 1998, S. 224). Не случайно герой находит на своем пути труп. С появлением этой сцены в повествование вводится мотив смерти и обнаруживается явная связь с пьесой «Визит старой дамы». Только прибытие Клары сопровождается многочисленными символическими атрибутами смерти: гроб и венки, которые она привезла с собой. Появление же в деревне Лачера связано с реальной смертью. Становится очевидным, что символические и метафорические элементы, присутствующие в пьесе, приобретают в повести конкретное воплощение и выполняют практическую функцию. Например, топор в лавке Илла, символизирующий в пьесе лишь скрытую угрозу, в финале повести «Лунное затмение» становится орудием убийства. Отличия в характерах и поведении героев изображаются в произведениях разными художественными средствами. Символические и метафорические моменты в пьесе приобретают в повести конкретную и натуралистическую окраску.

Действие в пьесе развивается последовательно и логично. В повести же господствуют импровизация и случайность. Лачер появляется в городе неожиданно, никто не знает о его приезде. Местные жители Гюллена, наоборот, готовят пышный прием для Клары и надеются на ее богатства, которые смогут поправить материальное положение обнищавшего города.

С начала развития действия и до финальной сцены прослеживается явная связь между двумя произведениями на уровне проблематики. Очевидными становятся также совпадения при создании образной системы. Похожими оказываются мотивы поступков персонажей.

Главные герои обоих произведений преследуют одну и ту же цель – отомстить. Они одержимы желанием совершить убийство, восстанавливая, по их мнению, таким образом справедливость. Лачер предлагает каждой из четырнадцати семей, оставшихся в деревне, по миллиону за казнь Мани Деуфу – мужа своей прежней невесты. Клара готова отдать жителям Гюллена миллиард, если они осудят и убьют её бывшего возлюбленного Илла.

Противопоставляя образы Лачера и Клары, Дюрренматт в своей теоретической работе «Реконструкции» *(«Rekonstruktionen»)* подчеркивает, что различия в развитии действия двух произведений определяются только гендерным фактором: мужчина, в данном случае, демонстрирует свою значимость, а женщина просто мстит. Именно поэтому проблема мести и борьбы за справедливость в большей степени проявляется в пьесе, чем в повести. Мотив мести для Лачера не настолько важен, как для Клары. Когда трактирщик спрашивает его, кому он хочет отомстить: Клери или Деуфу, оказывается, что он не помнит: «Забыл. Помню только, что должен отомстить, помню, что поклялся» (Dürrenmatt 1998, S. 224). В данном случае создается впечатление, что для героя не столько важна месть, сколько обещание выполнить клятву, данную им много лет назад.

Клара, в отличие от Лачера, всю жизнь находится под впечатлением пережитой в молодости трагедии. (Много лет назад ее возлюбленный Илл отказался на ней женится. Она, в итоге, оказалась на панели, а через год, где-то в приюте, умер ее ребенок.) Прошлое для неё незабываемо, она живет надеждой вернуться и отомстить. «Мир сделал из меня публичную девку, теперь я сделаю из него публичный дом», – заявляет героиня. Ее поведение

определяется стремлением восстановить справедливость, убив человека, ставшего причиной её страданий.

Лачер, демонстрируя свое материальное величие, физическую и сексуальную силу, устраивает «всемирный публичный дом», метафорически проявляющийся в пределах одного обнищавшего села. В то время как Клара меняет с неимоверной быстротой мужей, устраивает свадьбы и разводы, Лачер проводит ночи поочередно со всеми девушками и женщинами деревни.

Однако, несмотря на то, что Клара и Лачер являются главными героями произведений, их функция, на наш взгляд, оказывается вспомогательной и заключается лишь в том, что они создают провокационную ситуацию, в которой жители Гюллена и Флетигена должны сделать свой фатальный выбор. Писатель привлекает к проблеме выбора, акцентируя при этом внимание на безнравственности людей, ложности их христианской морали.

Хотя мотив мести и восстановления справедливости в пьесе оказывается более актуальным, чем в повести, на самом деле он только прикрывает настоящую проблему, дает возможность гюлленцам оправдать свой аморальный поступок.

Изображение Гюллена и его жителей основано на ироническом понимании общины как культурной и нравственной целостности: бургомистр, врач, учитель, священник, полицейский, художник представляют интересы всех местных жителей. Община гордится своим гуманистическим наследием и христианскими ценностями, которые на самом деле оказываются ложными. Когда бургомистр возмущенно отвергает предложение Клары, создается впечатление, что это воспринимается (на тот момент) вполне серьезно. Под бурные овации всех гюлленцев он говорит: «Мы пока еще живем в Европе, и мы христиане. Лучше быть нищим, чем палачом» (Дюрренматт 1997, с. 253). Но первый акт пьесы заканчивается словами Клары: «Я подожду». Героиня одержима своей идеей и ведет себя, как непримиримая античная Электра, которая не может простить преступление, подрывающее моральные устои общества.

В начале пьесы среди местных жителей преобладают разногласия по поводу судьбы Илла. Следовательно, еще существует возможность обратиться к нравственности в ущерб экономическому процветанию. Но из-за чувства безысходности, долгов, нагромождения лжи гюлленцы поддаются искушению и соглашаются убить Илла, хотя никто из них не хочет признаться себе в том, что они начинают готовиться к убийству. Только один старый учитель честно признается Иллу: «Вас убьют. Я это знаю с первого дня, и вы это знаете уже давно, хотя никто в Гюллене не смеет сказать это вслух. Искушение слишком велико, а наша бедность слишком горька» (Дюрренматт 1997, с. 286). Единственное, чем гюлленцы оправдывают свое решение – безнравственность того поступка, который совершил в молодости Илл. Общественные институты и ложная религиозная мораль, пародируемые писателем в пьесе, не в силах сдержать истинную человеческую природу. Искушение богатством оказывается сильнее.

В повести «Лунное затмение» проблема морального выбора для людей становится еще более очевидной, чем в пьесе «Визит старой дамы», и получает завершенное оформление. Речь идет о самой человеческой природе, ее глубинной сути. Жители Флетингена, в отличие от гюлленцев, быстрее поддаются соблазну и не выдерживают искушения. Они не попадают в конфликт между моральными принципами (даже если эти принципы на самом деле ложные) и сделкой, обязанностью и личными симпатиями. У них не существует духовных ценностей, даже христианская мораль оказывается для них ненужной, создающей лишние проблемы.

Справедливой в данном контексте оказывается точка зрения украинского литературоведа Н. А. Игнатенко о том, что в современном обществе человеческая личность утрачивает традиционные аксиологические ориентиры, которые изначально базируются на классических оппозициях, основанных на противопоставлении добра и зла. В итоге, по мнению исследователя, «имморализм становится «бездуховно-бездушевной» доминантой

современного (постмодерного) человека, отчужденного от окружающего мира и от самого себя» (Игнатенко 2001, с. 51).

Пародией на религиозные догмы в повести выступает проповедь местного пастора в пустой церкви, куда не пришел никто из жителей деревни. Однако их поступок нельзя рассматривать как отказ от проповедуемой пастором нетрадиционной «теологии радости», сущность которой состоит в том, что абстрактным понятиям христианской религии противопоставлены вполне материальные категории: то, что «удается лицезреть, самое обычное и простое – новорожденного теленка, или хорошенькую женщину, или этот великолепный лес и полную луну» (Dürrenmatt 1998, S. 230).

На самом же деле все действия персонажей произведения обусловлены вполне земными, материальными потребностями. Христианская мораль не может сдержать их стремления к обогащению и удовлетворению материальных потребностей. Критерием всех жизненных ценностей для жителей Флетингена становятся деньги. Особенно показательна в этом отношении сцена в гостинице, когда ее хозяин присылает Лачеру всё новых девушек (среди них даже его жена и дочь Энни). В этом случае раскрывается истинная сущность человека, его стремление обогатиться: «Трактирщик считает и считает, в каждой пачке по десять тысячных купюр, солнце ослепляет сквозь оконное стекло его лицо, а он считает и считает, за его спиной слышится прерывистое дыхание Энни. Он смотрит в окно, в нижней части которого, благодаря крыше соседнего дома, отражается все как в зеркале. Там видна танцующая спина голой Энни, – пятьсот тысяч он уже отложил, думает трактирщик, но ему надо точно знать, сколько тут всего, сзади него дыбится огромное тело Лачера, двигается размеренно, как маневровый паровоз из костей и мяса» (Dürrenmatt 1998, S . 259).

В отличие от гюлленцев, жителям Флетигена даже не надо разыгрывать спектакль и создавать видимость морали, справедливости, веры в торжество закона. Они быстрее соглашаются на предложение Лачера. Даже сам Мани согласен погибнуть ради того, что бы его сыновья смогли купить на полученные деньги трактор. Он спокойно воспринимает решение о своем убийстве и не пытается сопротивляться или бежать, имея такую возможность. Единственное, о чем он думает перед смертью – посетить сельскохозяйственную выставку и «посоветовать своим парням, что купить на те большие деньги, которые они получат, вот если бы у него был новый хлев и трактор, его жизнь была бы совсем другой» (Dürrenmatt 1998, S. 260).

В повести не прослеживается развития характера Мани, его готовность к самопожертвованию не объясняется моральными или религиозными принципами. Он не чувствует вины, за которую должен поплатиться жизнью и позволяет себя убить только во имя благосостояния своих близких.

По-другому ведёт себя Илл. Его образ проходит длительное развитие: из ничтожного, хвастливого человека, стремящегося всеми средствами избежать смерти, он превращается в личность, осознавшую свою вину. В его образе выражено определенное трагическое величие, поскольку он добровольно принимает неизбежную смерть. Дюрренматт в примечании к пьесе «Визит старой дамы» обращает внимание на то, что «по ходу пьесы страх и отчаяние пробуждают в этом заурядном человеке нечто в высшей степени индивидуальное» (Дюрренматт 1997, с. 311). Гибель Илла абсурдна, но в то же время она осмысленна им самим. Его образ можно интерпретировать как пародийно-трагическую жертву, так как её субъективный и объективный смысл различны: субъективно она является последствием признания собственной вины, объективно – это жертва отдельного индивидуума за материальное благосостояние общины, которая под предлогом расплаты за вину инсценирует возрождение справедливости.

В отличие от Илла, Мани является «невинным агнцем». Он, подобно Христу, который, согласно христианскому учению, гибнет во имя спасения всего человечества, готов умереть, чтобы облегчить жизнь своей семье, спасти её от бедности. Но его альтруизм не приводит к ожидаемому результату: сын не хочет покупать современный хлев и трактор, а собирается забрать деньги и уехать в город. Никто не соглашается принимать жизненную

позицию Мани, за торжество которой он погибает. Его жертва оказывается бесполезной и ненужной людям.

Сцена убийства Мани, происходящая в момент лунного затмения, вызывает ассоциации с распятием Христа: «Луна все больше и больше заволакивается тьмой, из землисто-коричневой становится ржаво-охристой, ее окружают ярко пылающие звезды, которых до того вовсе не было, и, наконец, диск луны превращается в раскаленное зияющее око, изъеденное чудовищными языками, оно зло уставилось на побагровевший снег и кучу крестьян на нем, чьи топоры сверкают, словно вымазанные кровью» (Dürrenmatt 1998, S. 259). Но страшная картина, воспринятая местными жителями как божественное наказание за нарушение христианской заповеди «Не убий!», останавливает их лишь на мгновение. Они «бухаются на колени» и обращаются к Богу с молитвой. Как только луна вновь появляется, крестьяне забывают о Божьем Законе и продолжают рубить дерево, под которым сидит Мани. В этой сцене, приобретающей ироническую окраску, особенно четко определяется видимый, лицемерный характер их христианской морали.

Орудие убийства Мани – дерево, которое должно послужить перекрытием в церкви, также воссоздает метафорическое отношение к мотиву распятия на кресте. Но самопожертвование как смесь альтруизма, глупости, наивно-материалистического мышления, субъективный смысл которого не имеет отношения к трагическому, выступает всего лишь чистой карикатурой распятия.

Итак, сравнительный анализ двух произведений, объединенных одной фабульной основой и проблематикой, позволяет сделать вывод о том, что Ф.Дюрренматт в процессе своей творческой деятельности обращается к своим уже написанным сюжетам, дополняет их новыми интерпретациями, использует для создания произведений других жанров. Темы и проблемы, намеченные автором в ранних произведениях (проблема морального выбора, отчуждение, познание истинной сущности Бога и человека), перерабатываются автором, обретают художественное завершение и поднимаются до уровня философского осмысления действительности. Писатель привлекает внимание к истинной сущности человека, живущего в современном «аморальном» обществе, лишенном традиционных аксиологических ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

ДЮРРЕНМАТТ, Ф. , 1997. *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 3.: Романы и повести. Харьков: Фолио, 448 с.
ІГНАТЕНКО, М., 2001. Відчуження й імморалізм у дійсності та літературі XX ст *Слово і час.* № 11, с. 45-49.
DÜRRENMATT, F., 1988. *Turmbau. Stoffe IV-IX. Begegnungen. Querfaht. Die Brücke. Das Haus. Vinter. Das Hirn*. Zürich: Diogenes, 278 S.
DÜRRENMATT, F., 1998. *Labyrinth. Stoffe I-III. Der Winterkrieg in Tibet. Mondfinsternis. Der Rebel*. Zürich: Diogenes, 335 S.
KNAPP, G. P., 1993. *Friedrich Dürrenmatt*. Stuttgart, Weimar: Metzler, 224 S.
KNOPF, J., 1988. *Friedrich Dürrenmatt*. München: Beck, 272 S.
LOETSCHER ,H., 1981. Friedrich Dürrenmatt Gedankendramaturg. *Neue Zürcher Zeitung*, v.17/18. 1.

Zoya Kucher
Cherkassy State Technological University, Ukraine
Research interests: the Swiss literature History of the second half of the XX century

PLOTS AND IMAGES' RECONSTRUCTION IN THE F.DÜRRENMATT'S LATE PROSE

Summary

In the article the plots and images of F .Dürrenmatt's early plays, which are revised by the author, supplemented with new interpretations, and subsequently used to create other genres works, are analyzed. Two works by F.Dürrenmatt: the story "Lunar Eclipse" and the play "The Visit," among which a formal connection as well as similarity at the level of the subject matter is evident, are the data for study. Comparative analysis of two pieces, united by a fable and the subject matter, leads to the conclusion that F. Dürrenmatt during the creativity refers to his already written stories, using them to create other genres works. Themes and issues identified by the author in his early works

(the moral choice problem, alienation, the knowledge of God and man’s true nature), are processed by the author, get an artistic completion and rise to the level of philosophical understanding of reality. The writer draws attention to the true essence of a person living in today's "immoral" society, devoid of traditional axiological guidelines.

KEY WORDS: the Theatre of the Grotesque, image, plot, subject matter, reconstruction, intertextuality, the moral choice problem.

Татьяна Марчак
Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко
ул. Ивана Огиенко, 61
г.Каменец-Подольский
Украина, 32300
marchak-tania@inbox.ru

НАРРАТИВНЫЕ ПОИСКИ ГНАТА МЫХАЙЛИЧЕНКА В “БЛАКЫТНОМ РОМАНЕ”

В статье представлено идейно-художественный анализ “Блакытного романа” Гната Михайличенка. Особое внимание уделяется нарративным поискам писателя-новатора, в импрессионистическом воспроизведении изображенных событий. Через прием повествовательной манеры автору удается передать психологический настрой героев и довольно удачно изобразить семантическую нагрузку символов в различных текстовых ситуациях. Прослеживаются некоторые закономерности синтеза образных ассоциаций в пределах тропов в художественном произведении. Отмечается высокий уровень мастерства писателя, которое выражается в ярких, индивидуальных образах. Основательно проанализированы не только герои, но и символическое название романа и его частей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рассказчик, символ, импрессионизм, психологизм, колористика, жанр, архетип.

Впервые “Блакытный роман” был напечатан в журнале “Пути искусства” (№ 1 за 1921 год, Харьков). Критика немедленно отреагировала на появление этого необычного произведения. Правда, тогда, в 20-е годы, мнения относительно “Блакытного романа” не были единодушны. М. Зеров считал, что это талантливая вещь, написана в лирическом подъеме; О.Дорошкевич, наоборот, называет произведение неудачной, мертвой и искусственной попыткой, не производит политического эмоционального впечатления. В. Гадзинский доказывает, что произведение “содержит неслыханно-сильную эстетику – гармонию стиля ... становится источником революционного подъема, сокровищницей, в которой сложенные все сокровища украинской революции, синтез бурного потока событий ...” (Сенык 2002, с. 62). Критик видел в произведении синтетическую картину украинской мировой революции. Современный литературовед Ю. Ковалив в статье “Украинская литература периода национально-освободительных соревнований”, анализируя мнения С. Ефремова, Ю. Яковича, Б. Коваленка, подтверждает гипотезу о том, что “произведение показалось современникам запутанным и чрезвычайно непонятным в истории украинской письменности” (Ковалив 2007, с. 82). Возникает вопрос, кого или что изображал Г.Михайличенко в этом произведении, поскольку произведение было спрятано от читателя, и закодировано, “зашифровано” для исследователей.

Начинается “Блакытный роман” с “Интродукции”, из введения, которое состоит из трех частей. В первой – дается характеристика главного героя “Ты”, точнее, не его, а его души. Автор пишет: “В Твоей душе была блакыть стоячих вод, украшенных бледно-зеленой ряской” (Мыхайличенко 2001, с. 129). Но это болото не мертвое. В нем немало “волшебных явлений” и, в частности, силы. “Первоначальная ярость и дикарская неприхотливость” требуют от той души действий. И хотя форма изложения мыслей затруднена для понимания, читатель подрозумевает, что речь идет о человеке, у которого много энергии, различных идей, желания действовать, реализовывать их, во имя которых нужно жить. Чтобы реализовать энергию, идеи, он должен приобрести опыт и необходимые жизненные навыки, умения. Характеризуя героя, автор сравнивает его из сельским прудом, который “покрыт ряской”, на дне которого кипит жизнь, там “мгла давно прошедших веков, покрытых таинственным туманом волшебных явлений” (Мыхайличенко 2001, с. 129). Автор пишет о своем герое: “Ты хотел знать все и ничего. Ты не хотел. Терял минуты в неизвестность

небытия” (Мыхайличенко 2001, с. 129). Вот такой была его душа. Именно поэтому он часто терял драгоценное время, отправляя минуты “в неизвестность небытия”. Такому человеку нужно было, чтобы кто-то другой, какая-то другая сила нашла средство помочь ему в реализации той богатейшей энергии, которая стремится выбраться на поверхность из “дна океана” и быть полезной людям. Такой силой, как пишет автор, оказалась идея, которую взял на вооружение герой. Она, представлена в образе девушки Ины, с “голубой душой”. Но лазурь души Ины не была подобной лазури главного героя. Она “овеяна жаждой жизни”, исполненная “веры, надежды, любви и ненависти”. Именно эту идею и принимает главный герой произведения на вооружение. Это – идея социализма. Ина становится “его невестой”.

Во второй части “Интродукции” с помощью фантастических образов – “смуглой дочери южной жары”, египтянки, влюбленной в сфинкса, как символ великого, но давно забытого прошлого, женщины, ставшей матерью герою, реалистичных лиц – “англичанина” и его подруги “львицы демимонда” – родителей Ины – раскрывается история сочетания героя с Иной, то есть восхищение его “верой, надеждой, любовью” к простым людям, ко всему своему народу и одновременно ненавистью к тем, кто лишает народ нормальной жизни. Об этом сочетание автор пишет: “Ваши души представляли собой два противоположных бегуны одной пули и стремились стать одним целым” (Мыхайличенко 2001, с. 131).

В третьей части вступления речь идет о любви. “Ты хотел и никого не мог полюбить, кроме своей вымышленной Мавки-Мечты. Ты тосковал по любви” (Мыхайличенко 2001, с. 131), – пишет автор о герое. Это была правда. Она, та правда, нашла свое место в творчестве писателя, в его рассказах, написанных еще в сибирской ссылке в 1916 году. В частности, в рассказе “Девушка”. Герой “Блакытного романа» любит только Ину – идею добра, любит за то, за что ее любят все, за то, что “она их любит”. Ина действительно любила всех, потому что “его душа была неограниченной к любви и до приношения себя в жертву обществу”. Именно поэтому “бегуны душ (Ты и Ины) – нельзя представить ни порознь, ни вместе”. Рассматривая поступки и характеристики этих двух персонажей – героя-бунтаря, искателя правды, и Ины – идеала той правды, – читатель с “Интродукции” может понять, что вместе этим двум героям произведения никогда не быть, хотя они считаются “женихом и невестой”.

Кроме “Интродукции”, в произведении есть еще семь разделов, шесть из которых имеют заглавия: “Когда пожелтеет листва”, “В саду у дома”, “Горело красное зарево”, “Аорист”, “Под лунным светом”, “Голубые души”. Последний, как и первый, имеет структурное название – “Посвящение”. Второй раздел “Когда пожелтеет листва” начинается с описания осеннего пейзажа. Читатель не может не заметить, что герой-автор любит это время года. Он пишет: “Осень – это огненная птица, взмахнув “золотым крылом”, умрет, испепелится до основания. Безумный танец разноцветной смерти, ниже в янтарные бусы рощи и сады” (Мыхайличенко 2001, с. 131-132). А дальше автор объясняет, почему ему так нравится осень; ибо осенью он сильнее чувствует любовь к Мавке – беловолосой царевне Ирис, дочери тайн, исконного, своей недосягаемой жены. Герой признается, что полюбил ее “нечеловеческой мукой любви” и “отдает ей лучшие минуты своего существования”. Он даже поэму пишет о ней. Получалось, что Ирис была конкуренткой Ины, ее соперницей. Но и почему-то не обижалась на героя за его любовь к Ирис. Она не считала ее своей соперницей. В этом разделе Ина сообщает герою, что “сегодня к нам прибудут красные, сегодня будет Яся, сегодня вы должны поговорить с ней, она ненавидит вас, и это невозможно. Я хочу, чтобы вы соблюдали наше интимное соглашение и в мелочах” (Мыхайличенко 2001, с. 133). Яся, кстати, тетя Ины. Ина-невеста не ревнует героя к Ирис и не боится, что может возникнуть у него любовь к Ясе, которая пока его ненавидит. А от ненависти к любви – один шаг. У героя же мысли только о Ирис. Он мечтает о том, что “Когда пожелтеет листва и Твоя душа полетит в голубую неизвестность. Ты скучаешь за царевной Мавкой-Ирис помнишь переменные ее победы над Тобою и над Мужчиной. Когда пожелтеет листва” (Мыхайличенко 2001, с. 135). Ина же и осенью продолжает играть на

свирели и петь о весне. А герой, ее “жених”, и в темноте “маленького чужого номера” думает только о золотой осени. Тогда же, осенью, происходит встреча героя с Ясей и близким к ней, если не соратником, Мужчиной. Яся – на вид вульгарная, накрашенная молодая женщина, – настойчиво стремилась сблизиться с героем, и, видимо, поэтому ему была неприятной. Зато Мужчина, “с лучезарно-карым взглядом высокого, толстого, чуть заполным для мужчины, лет под сорок, со смуглым лицом, русыми волосами и такой же кудрявой бородой” (Мыхайличенко 2001, с. 134), – ему понравился. Они с первого взгляда поняли друг друга. Именно это не нравилось Ирис. Как следствие – поединок между мужчиной и Мавкой-Мечтой. Ирис в том поединке победила – любовь героя к ней осталась такой же непреодолимой, как и до этого.

Третий раздел называется “В саду у дома”. Начинается он неожиданной новостью: герой перешел на сторону Человека, который сумел перетянуть его к себе. За этот поступок Ина упрекает Мужчину, которому пришлось “прятаться в погребах”. Он, “будущий демагог”, стал опасным для правительства. Его преследуют. И поэтому Ина, как воплощение доброты, сочувствует Мужчине, попавшему в беду, и делает печальный вывод: “ – Это страшное оружие. Перед угрозой ее не один изменяет. Это не то, что было в старые времена. ...Вспомнишь об этом, может, неизбежную судьбу и задрожал. Так хочешь жить, ухватить от жизни всего ... Хочется той нежности, которой давно не знал, какая ценная. Вы не подумайте, что я говорю про себя с вами. Но он. Его втянут в работу, следует предусматривать и последствия. Он такой особенный” (Мыхайличенко 2001, с. 135). Автор передает переживания Ины, когда она видела, как “проходили мимо ее глаза многочисленные ряды красных борцов, – были ужасом старого мира. Она должна всех их поддержать на страшной пути, она... А она просто девушка, которая ничего не умеет, не умеет даже ненавидеть, так, как это считает нужным. Она только плачет из ненависти” (Мыхайличенко 2001, с. 136). Чем же можно эту ненависть заменить? Автор пытается назвать таким заменителем любовь. Приход в Украину красных (от того радость Ясе) огорчил Ину. “Ина блуждала в тумане и пыталась представить солнце” (Мыхайличенко 2001, с. 137). Идея была изуродована. Революция затмила ее. Ина блуждала в потемках. Далее оказывается, что переживания ее были небесполезными.

В четвертом разделе “Горело красное зарево” говорится о беде, которая надвинулась на страну. Это была борьба не идей, а “борьба двух миров”, “массово кровавая” борьба “... человечество забыло мирную жизнь. И никто не знал, что случится с ним завтра. Не хотел знать” (Мыхайличенко 2001, с. 137). В городе, где не было никакого правительства, но еще недавно шли бои, поскольку многие дома были разрушены, Мужчина собрал совещание, где присутствовал и главный герой. Именно он первым увидел новое войско – “национальную гвардию”. Какое же чувство вызвала у него эта новость? “У тебя сладко подгибались колени, и неведомая лазурь держала твое сердце в дрожащем колебании. Чутко ловила она какие-то неслышимые звуки, и через Твой тусклый взгляд вырисовывалось смутное счастье” (Мыхайличенко 2001, с. 137). Но через минуту герой лежал на крыше и собирался стрелять в шедших по улице солдат. Взгляд его был равнодушен, такой, как тогда, когда он, лежал “брюхом, смотрел на пулеметную ленту и улицу ...” Главное, что оправдывало, – это то, что он выполнял волю Человека. “И когда улица зацокала тяжелыми сапогами гвардии, Ты не спросил себя, не мог случайно где-то поблизости быть близкий тебе человек” (Мыхайличенко 2001, с. 137). Основное, что он знал, – там нет Человека. Поэтому и стрелял. Герой переживал это событие по-своему: “взыграл мне сердце, и я захотел немедленно увидеть Ину” (Мыхайличенко 2001, с. 138). Возникает вопрос: почему? Зачем ему нужна Ина – символ мира, любви, добра? Видимо, хотел объяснить, что измена героя произошла не по его вине, а под воздействием красного Человека. Именно тот толкнул героя к опасности – загорелся дом, на крыше которого был влюблен в Мужчину Ты. А Мужчина? Он в это время завладел Иной, которая “не противилась”, хотя после этого ее ожидала тоска. Именно Мужчина, который направил героя на борьбу против собственного украинского войска, в настоящее время изнасиловал идею “веры, надежды, любви и ненависти”. От того, что

произошло, больше всех радовалась Яся, которая искала героя, и была уверена, что он сейчас станет ее собственностью. Но, не встретев его, она “упала в мои объятия”. Тем временем на место пожара пришел отряд красных. Обгорелый на пожаре герой и теперь, как раньше, начал искать Человека - и нашел в шалаше. “Человек в нем был как первоначальный дикарь, излишне усталый – отдыхал, в расстегнутой рубашке, с далеко откинутой назад головой и зверски-полным сном” (Мыхайличенко 2001, с. 139). Озверение также передалось и герою, который “сжал крепко кулак и угрожающе бросил в небо”. Теперь зарево пылало не только в городе, но и в душе героя. Проявляя свою любовь к Мужчине, герой в это время полностью подпал под его влияние, стал зависимым от него. И при этом чувствовал себя счастливым, потому что “большой, отлитый из тела-крицы заросший фавн – лидер красных – это то, что темными ночами снился тебе и обещал жизни” (Мыхайличенко 2001, с. 139), – пишет автор. Но герой все же близок к Мужчине. Он почувствовал, что тот был для него не просто дорог, но и необходим.

Раздел “Аорист” сложный своей символикой. Построенный словно по легенде, при чем очень таинственной, поскольку “Знаки неизвестные и древние Твою утоляли лазурь. Чьё-то предорожное надгробие из дикого камня был указателем пути” Это как символ всего плохого. Даже любовь навевает равнодушие. Это явление близко к нечеловеческой выдержке и силе. В разделе идет речь о том, что герой находится в подполье, на чьей-то даче. События происходят поздней осенью. Холодный ветер такой силы, что качает стены дома: “То –шумы багравы стихии аорист”. Герой в таких обстоятельствах думал о Мужчине. У него появилось желание посетить своего наставника. Но непогода не пускает. Об этом говорится в первой части главы. Во второй – уже речь идет о Ясе, которая приехала поездом, но не в вагоне, а прицепившись к буферу последнего вагона. В эту непогоду Яся прибыла с конкретной целью: соблазнять Героя, добиться, чтобы он ее полюбил. Но ответ его был отрицательным. “ – Вы мне мешаете, – спокойно ему сказал” (Мыхайличенко 2001, с. 141). Между ними состоялся поединок – она ударил его по лицу, он ее – в грудь. Яся исчезла. Но все это нисколько не взволновало героя. Он сделал выбор между Ясей и Мужчиной, – выгнав первую, ушел к другому. И все это в страшную непогоду. “Стремясь Ты к нему, ни о чем не хотел думать. Впереди у Тебя Жизнь и Мужчина, сзади же – труп Яси висит” (Мыхайличенко 2001, с. 142). Его никак не потрясла смерть Яси. Он спокойно пошел дальше в жизнь “как ушел на короткую прогулку. Пошел между прочим и не вернулся” (Мыхайличенко 2001, с. 142).

Следующий раздел “Под лунным светом” является как бы попыткой суммировать, сделать вывод из всего, о чем рассказывалось в предыдущих главах. Снова речь идет об осени. Когда природа засыпает перед долгим зимним сном. Люди обсуждают и делают вывод о всем, что было сделано от зимы к зиме. Герой ищет лесничего. – Мужчину, блуждает ночью в лесу и случайно встречается с Ганкой, дочерью Мужчины. Она “неотступно следовала за Тобой”, от чего ему делалось страшно. Но когда он встретился с ней, то заметил “похожа она была лицом на Мужчину”. Она, как и Мужчина, любила Героя и пыталась повести за собой, “впивалась в Тебя своими карими влюбленными глазами”. Но только ночью. И поэтому Герой “подсознательно и неуверенно гулял по лесу, пока не начинал прятаться за лесным горизонтом тусклый месяц“ (Мыхайличенко 2001, с. 144). Он пытается понять, что происходит с ним. Случились страшные вещи. Сначала убита Мавка Ирис. Та Ирис, которую он считал “самой дорогой женой”. Ее убили и утопили в Днепре. Герой во сне видел, как “ее прибивало на берег днепровскими волнами. По снежно-белым мокрым волосам. С вплетенными в них раками вместо цветов. С ужасно посиневшей красотой раздутого тела. С закрытыми глазами – Ирис. Она неживая, спускалась на кручу над Днепром и укоризненно ложилась голубым трупом на пожелтевших листьях под лунным светом” (Мыхайличенко 2001, с. 144). Но была убита не только Ирис, а и Человек. Тело Мужчины он почему-то тоже искал в Днепре, хотя у него нет уверенности, что он утоплен. Найдя мертвого Мужчину на земле, Герой сам пытается утопить его. И это ему удается сделать с помощью Ганки. Но вместе с Мужчиной идет на дно и Ганка. Автор пишет: «Это

не стало Мужчины. Не стало того, кто звал и обещал жизнь ветровым тембровым голосом. Брожение крови в себе Ты похоронил в шуме ветра и волн. Под лунным светом" (Мыхайличенко, с. 146). А дальше уже говорит о своем состоянии: "Отныне ты будешь свободным. Пустым. Ты выстрадал это" (Мыхайличенко 2001, с. 146).

В следующем, предпоследнем разделе – "Блакытные души» – речь идет уже о зиме. Осень закончилась. Не стало Яси, которая повесилась. Не стало Ирис, Мужчины. В живых осталась только нежная Ина, которая уже не играет на свирели, а "тоскует по жизни". Да еще сам Герой произведения. В Ины исчезли способности призывать к победе, к счастью общечеловеческому, весеннему. "Она проявляла только в душе силу нежности к Тебе. И заботы в действительности. И огромную энергию в общественной работе" (Мыхайличенко 2001, с. 147). Но не только герою, "своего жениха", было в ней "трогательно ласковое отношение", а ко всем товарищам. Она чувствовала, что приближается к концу Блакытный роман. "Мой Блакытный роман не начался. Не начавшись, закончился" (Мыхайличенко 2001, с. 147). Вспоминается в этой части о Герое, который болеет и о котором заботится Ина. Герой, вспомнив об убитых Мавке-Ирис и Человеке, признается, что "одна тварь человеческая загубила мечту моей жизни", и называет то чудовище: "Бывший депутат всенародного Конвента, бывший товарищ – двойной убийца. Он забыл недосягаемую Ирис и Человека" (Мыхайличенко 2001, с. 148). Герой просит Ину "отомстить" за него, потому что сам он "лишен возможности" это сделать. Предложить ей стать мстителем он сначала боялся, чтобы она не отказалась. Инна напомнила о "юношеском соглашении» и, конечно, согласилась. Но теперь она была уже не та: в ее душе была "блакыть вечной пустоты». И все же "она устранила последнюю преграду к Твоему счастью: двойное чудовище. Так – бывший депутат всенародного Конвента захлебнулся в луже своей дурной крови. Разве касается кого-то, что для этого Ина должна была отдаться под него?" (Мыхайличенко 2001, с. 149). А дальше, после слияния героя с идеей, с Инной, наступает смерть обоих. Образ смерти – знаковый, он символизирует безысходность и бесполезность единичного человеческого существования. Такой художественный ход выглядит странно на фоне личной активной позиции писателя, который добровольно не собирался уходить из жизни.

"Посвящение" – последний раздел. Это как признание перед человеком, которого уже нет на свете, в том, что "Блакытный роман" – "смертный приговор", написанный "собственной кровью". Кто же мог быть тем человеком, который с самого начала повествования автора-героя была "по ту сторону"? Есть упоминание о камере, в которой сидел герой. Вспоминается усталый взгляд тусклых глаз. "И на сокровища пойду я спокоен и благодарен Тебе. Ты единственный, что для меня в настоящее время является утешением. Когда ничего больше не осталось ..." (Мыхайличенко 2001, с. 150). "Последний свой взгляд тебе я посвящаю" – этими словами начинается и заканчивается посвящение, и весь "Блакытный роман".

Почти все критики обращали внимание на символику "Блакытного романа". Символы были нужны автору, чтобы иметь хоть какую-то возможность сказать правду о себе, о революции, о народе. Попробуем расшифровать символы, которые использовал автор.

"Одним из первых сделал попытку проникнуть в сложную символику" "Блакытного романа" Майк Йогансен. Уже из названия статьи ("Эротизм в новой украинской поэзии") понятно, что Йогансен акцентировал основное внимание на эротически-сексуальной символике произведения Г.Михайличенка. Но исследователь, которому едва исполнилось 26 лет, делает это с позиций ортодоксальной пролетарской идеологии, иронизирует и полностью отрицает все, что может иметь истоки из буржуазного прошлого.

Символику "Блакытного романа" исследовал также В. Гадзинський, который оказался "... основательным исследователем биографии и творчестве автора" "Блакытного романа" В статье "Символика "Блакытного романа" он дает исключительно революционное толкование символов этого произведения: "Ты" – это украинский народ, Ина – Украина; Яся – революция, "Я" – это сам Гнат Михайличенко. В.Гадзинський постоянно подкрепляет свои тезисы цитированием текста произведения, выстраивая более-менее стройную концепцию.

Кроме приведенных цитат в тексте есть много мест, которые указывают на то, что персонажи являются самодостаточными, целостными личностями, возводить которые лишь к иллюстрациям таких абстрактных символов было бы неуместно (хотя концепция В.Гадзинського имеет полное право на существование, как и другие возможные толкования символики

С 30-х годов “Блакытный роман» Г.Михайличенка стал для советского литературоведения олицетворением упадка, художественного вырождения и чрезмерного натурализма, поскольку его автор “в своих насквозь декадентских произведениях клеветал на трудовой народ, на революцию, пытался выдать морально опустошенных людей за революционеров и революционных деятелей” (Васькив 2003, с. 6).

Система цветов здесь сложная и имеет, вероятно, символическое значение, рассчитанное на восприятие читателем, который, все-таки, будет искать в произведении автора современную ему действительность. Передать через цвет, что автор видит, является оригинальным замыслом. Цвет или его оттенки должны что-то представлять, что, наверное, известно автору. Кроме эпитета “голубой”, что определяет различные предметы, явления и состояния, а именно: душу, лунный свет, баговыння, бездну, ночь, порывы, необъятность и другие, находим также, например, еще такие: золотой, золотистый (сумерки, волосы) сизый-осенний-белый-тусклый (месяц), разнообразно-желтый (дымка осени), ослипляюче-яркая (солнечная лазурь), порыжелое-желтое-осеннее (листья), красное (зарево, вселенная), темные (ночи, пропасть), фиялково-длинное (наряда), безоблачно-тихое (небо) и т.д. Кроме “колористики”, эпитеты, вместе с другими признаками, несут в себе еще и другие “измерения” явлений, предметов и состояний, в определенной степени подчеркивают мир, который видит автор “Блакытного романа”.

В романе наблюдаем довольно значительное количество событий, персонажей, сюжетных линий (особенно в первом из них), хотя они и не находят детальной разработки, представляются скорее штрихами. Поэтому есть основания считать, что произведение в жанровом смысле есть романом импрессионистическим по форме изложения материала. Роман насыщен архетипами и образами, характерными для той украинской культуры, которая развивалась в недрах модерновой культуры. Образы, вокруг которых развивается повествование, одновременно архаично традиционные и современные.

Нарративной особенностью “Блакытного романа” является то, что весь его смысл возникает как лиризований монолог-обращение Я к Ты, который является фактически воспроизведением воспоминаний о прошедших событиях. Любовь между Ты и Иной была предсказана еще до их встречи, она преследовала их как рок на протяжении всей их жизни. Еще мать Ты таинственная египтянка, была наделена голубой душой, стремлением к незведанно-высокому и прекрасному. Как только это неизведанное перешло в примитивный брак с богатым англичанином, она отравила своего возлюбленного, так как приземленная определенность дальнейшего существования была невыносимой. Рок-судьба забрасывает ее в украинские степи, сводит с отцом Ины. Невозможность дальнейшего развития ins Blau рождает смерть-самоубийство влюбленных, которых находят “в постели с выражением скрытой извечной тайны на своих незыблемых устах” (Мыхайличенко 2001, с. 149), в момент наивысшего взлета чувств. Но главное предназначение умерших в том, что происходит встреча Ины и Ты, которые знают о неизбежности своей любви, но боятся, наученные горьким опытом родителей, потерять “блакыть своих душ“: “когда мы убедимся, что любим друг друга, то станем мужем и женой”(Васькив 2003, с. 7).

Отблески лазури падают и на остальных персонажей, но прежде этот символический цвет неразрывно связан именно с Иной и Ты. Разнообразные оттенки голубого цвета, в сочетании с другими цветами, определяют настрой произведения. Это настроение усиливается импрессионистическими картинками-впечатлениями, между которыми существует скорее ассоциативная, чем логическая связь. Именно с этим связана сильная лирическая струя в “Блакытном романе”, который проявляется не только в опосредованном воспроизведении всех оттенков чувств персонажей и рассказчика, но и в формальных

особенностях, включительно до ритмики. В некоторых моментах ритмизованная проза произведения переходит в четкий стихотворный метр:
“Падает, падает листва.
Падают листья пожелтевшие ... ” (дактиль) (Мыхайличенко 2001, с. 131);
“Когда пожелтеет листва и полетит, повиснет в паутинном воздухе ... Когда твоя душа полетит ...” (ямб) (Мыхайличенко 2001, с. 132);

В романе нашли воспроизведения не только правда, но искренние, наивные, высокие идеалы-иллюзии того времени. Практическим следствием теоретических исследований можно считать “Блакытный роман” – не яркое проявление символизма в украинской прозе со всеми его классическими признаками формы: поэтическим, до музыкальности, ритмом повествования, насыщенностью отдаленными историческими параллелями, постоянными лирическими отступлениями с импрессионистической окраской. Все это, выходя на первый план, заглушает, растворяет в себе привычную для реалистического восприятия фабулу произведения. Но, прибегнув к отображению сложных политических событий в Украине 1917-1919 годов символистскими средствами, Г.Михайличенко, очевидно, ввиду неопределенности своей безопасности (подполье), еще дополнительно “зашифровал” и персонажей, саму ситуацию. Все это стало окончательным приговором неразгаданности произведения на сюжетном уровне.

“Блакытный роман” передает нам драматическую дисгармонию становления нового общества, когда во имя будущего гуманизма приносятся сегодняшние жертвы, когда человек страдает при столкновении чувства и долга. И все это – передается средствами симфонической оркестровки стиля.

Неординарным представляется нам фигура Михайличенка-писателя. Успешно развивая традиции отечественной и западноевропейской классики, как художник он шел непроторенными путями. У него есть вполне реалистичные, с разветвленным динамическим сюжетом повести, рассказы, новеллы, этюды, проникнутые искренней симпатией к обездоленным. Есть ряд интересных публикаций, совершенно неожиданных для тогдашней украинской литературы, насыщенные образами сказочно фантасмагорическими, утонченно-загадочными. Как писал М.Зеров, подразумевая “Блакытный роман”: произведение, мол, талантливо написано “с настоящим лирическим подъемом", но во многих местах будто зашифрован” (Бурляй 1994, с. 64).

Трудности, возникающие при чтении и рассмотрении отдельных произведений Г.Михайличенка, не могут затмить главного – их высокого и светлого пафоса, истинной человечности, готовности автора и его героев все отдать для блага и счастья трудящихся в борьбе за свободу и славу Украины.

ЛИТЕРАТУРА

БУРЛЯЙ Ю., 1994. Спогади сестри [Є.В. Михайличенко (Підгаєць) про брата – письменника Г.Михайличенка] // *Слово і час*. — № 11-12. – С. 63-64.
ВАСЬКІВ М., 2003. Два українські “кольорові романи”: порив “ins Blau” і “Червоний” порив // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць. Вип. 15* / Упоряд. Михайло Конончук – К.: Твім інтер, – С. 3-15.
КОВАЛІВ Ю., 2007. Українська література періоду національно-визвольних змагань // *Неопалима купина*. – № 3-4.– С. 55-96.
СЕНИК Л., 2002. Роман опору: *Український роман 20-х років: проблема національної ідентичності*. Львів: Академічний експрес, 239 с.
МИХАЙЛИЧЕНКО ГНАТ., 2001. Блакытный роман. *Українське слово. Хрестоматія укр. літ. XX ст.: У 4 т.* / Упоряд. В, Яременко– К.: Аконіт, – Т. ІІ. – 800 с.

Tatjana Marchak
Kamieniec Podolski National University

THE NARRATIVE SEARCH OF HNAT MYHAYLICHENKO IN "BLAKYTNY ROMAN"
Summary

The paper is the literary analysis of "Blakytny roman" (blue novel) written by Hnat Mykhailychenko. Particular attention is given to the writer-innovator's narrative quest in the impressionistic imaging of the events. The narrative style the author can convey the psychological mood of the characters and very well represent the semantic load of different characters in text situations. The paper traces some patterns of synthesis of imaginative associations within the tropes of the novel. The mastership of the writer is expressed with the help of colorful, individual images. The characters, as well as the symbolic title of the novel, are thoroughly analyzed.

KEY WORDS: narrator, symbol, impressionism, psychology, coloring, genre, archetype.

Марина Орлова
Черкасский государственный технологический университет,
бульв. Шевченко 460, 18006, г. Черкассы, Украина
Эл. почта: orlova.gml@gmail.com
Научные интересы: немецкоязычная литература 20 столетия; творчество писателей «новой субъективности»; студенческое движение 1968 года; немецкоязычная литература Австрии и Швейцарии.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА «НОВОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ» КАК РЕАКЦИЯ НА СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 60-Х ГОДОВ XX СТ.

В статье рассматривается влияние студенческого движения 1968 года в Европе на немецкоязычную литературу 70-х гг. В этой связи анализируется новая тенденция данного периода, которая получила название литература «новой субъективности». Было показано, что этот феномен, распространившейся в литературе Германии, Австрии и Швейцарии, считается своеобразной реакцией на политически ангажированную литературу и публицистику, превалирующую в конце 60-х гг. В качестве примера анализируются произведения трёх немецкоязычных писателей, репрезентантов нового литературного направления, а именно П. Хандке, П. Шнайдера и Ф. Цорна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенческое движение, «новая субъективность», кризис идентичности, ангажированная литература, «Я-субъект», «смена тенденций», отчуждение, «новая чувствительность», «поэтический язык», деполитизация.

Как известно, в конце 60-х гг. XX ст. многие страны Европы охватила волна революционных выступлений в кругах студенческой молодежи. 3 мая 1968 года во Франции начались массовые выступления студенчества, протестовавшего против правил буржуазного общества. Это движение нашло поддержку во многих странах, в том числе, и в Германии, Австрии и Швейцарии.

Молодежь немецкоязычных стран протестовала против капитализма, империализма и милитаризма, например, против войны во Вьетнаме, против всех существующих авторитарных структур, например, политики немецкого издательского концерна Акселя Шпрингера (Axel Springer AG — медиаконцерн, выпускавший газеты, в которых действия студенческих лидеров подвергались резкой критике) и вообще против власти как таковой. Самые масштабные столкновения происходили между студентами различных вузов Германии, которые требовали кардинальных реформ в образовании, и администрацией университетов. Все большее распространение получали такие ценности, как независимость и свобода личности, в то время как послушание и подчинение утрачивали былой авторитет.

Студенты были увлечены революционной романтикой, зачитывались Троцким и Бакуниным, цитировали Мао Цзэдуна, мечтая исправить и перестроить весь мир. В университетах и на заседаниях студенческих кружков марксистко-ленинского направления происходили горячие дискуссии, участники которых призывали к классовой борьбе и к участию в революции.

Разумеется, что события 68-го года не могли не найти отображение в литературном творчестве немецкой интеллигенции. В процессе борьбы за очередное «переделывание» мира перед писателями возник важный вопрос о значении литературы как вида искусства. Кульминационным выражением острых дискуссий стало провозглашение «смерти» буржуазной литературы и отрицание каких-либо форм традиционного искусства. Молодые авторы, ссылаясь на популярные в тот период работы известного философа Г. Маркузе, настаивали на том, что творчество должно быть десублимирующим, то есть освободить индивида от традиционных шаблонов и клише, которые ему навязало общество.

Поэтому особо популярной формой выражения этих настроений стало уличное искусство, а именно хепенинги, которые разыгрывались на открытых площадках просто на улице.

Примат политического начала привел также к возрождению документальной литературы. Доминирующим жанром становиться публицистика, так как социальной функцией литературы считается «политически ориентированное обучение» и политизация общества. Происходит возрождение политической лирики. Песни протеста, политические баллады, а также кабаре были в те годы особо популярными. Рупором новых идей стал литературно-критический журнал «Курсбух», в котором и была провозглашена «смерть литературы», а также «смерть критики». Литература и искусство сами по себе оказались под подозрением как опора стабильности существующей системы. Приемлемым считалось только то, что служило агитации и пропаганде.

Многие авторы были убеждены в том, что не писатели должны изображать трудовые будни рабочих, а сами работники заводов и фабрик писать тексты, изображая окружающую их действительность. Например, немецкая писательница Эрика Рунге использовала для создания своего произведения «Ботропские протоколы» *(„Bottroper Protokolle“, 1968)*, который ныне считается классическим образцом публицистической литературы, аутентичные стенограммы переговоров рабочих с управленцами, а также реальные факты из жизни простых людей, записанные в форме интервью.

Писатели-публицисты пытались доказать, что факт, а не художественный вымысел должен стать основой произведения, а действующие лица – исторически обусловленными, реальными персонажами, а не вымышленными. Для таких произведений характерным было перенасыщение цитатами, которые комбинировались по принципу мозаичности.

Но со сменой политической ситуации и распространением новых идей, мировоззренческих настроений революционная эйфория исчезает достаточно быстро. Тотальная увлеченность публицистической и документальной литературой в конце 60-х гг. XX ст. уже вначале 70-х сменяется усиленным интересом к литературе субъективистской, исповедальной. После чего в литературных кругах стали поговаривать о так называемой «смене тенденций». Немецкие писатели провозглашают «возвращение субъективности» в немецкоязычную литературу.

В основе таких изменений немецкий критик и литературовед Г. Карасек видит такие предпосылки:

Общие угасание мировоззренческого оптимизма в конце 60-х годов, а в связи с этим распространение скептического отношения к возможности социальных преобразований;

Рост безработицы, которая посеяла неуверенность в «общественном благосостоянии»;

Недостаток в культурных и духовных ориентирах в кругах интеллигенции (Karasek 1995, S. 105-127).

В тематическом плане проблемы частной жизни, конкретного «Я», обособленного от общества, в начале 70-х годов активно вытесняли социально-политические. «Читатели хотели узнать у писателей не то, как перестроить общество или спасти человечество. Прежде всего их интересовала приватная и индивидуальная сферы», - писала в то время «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (Reich-Ranicki 1979, S. 19).

Таким образом, если 60-е годы характеризовались радикальными выступлениями «новых левых» и активизацией студенческого движения, целью которого было вывести народные массы из пассивного состояния и пробудить в них стремление к социальным изменениям, то в 70-е гг. политическая активность постепенно пошла на спад. Самоанализ как форма самоидентификации и преодоление неуверенности в себе постепенно вытеснили настроенность на радикальные выступления, а субъективность взяла верх над «критической теорией».

В немецкоязычном литературоведении существуют различные обозначения и определения так называемой «смены тенденций» (*Tendenzwende*) в литературе конца 60-х годов – начала 70-х гг. XX ст. Это явление называют по-разному: «новая чувствительность» *(«Neue Innerlichkeit», «Neue Sensibilität»)* и «новая субъективность» *(«Neue Subjektivität»)*, и «новый рационализм» *(«Neue Rationalität»).*

Как видим, несмотря на разные обозначения, в каждом из них присутствует характеристика – «новый», что подчеркивает кардинальные изменения в существовавших литературных тенденциях того времени. Хотя здесь возникает вопрос, если появилась «новая субъективность», то была ли «старая», «прошлая». Действительно, по мнению многих зарубежных исследователей, правильнее, говорить о возвращении субъективности в немецкоязычную литературу. Здесь следует вспомнить немецких романтиков, которые проповедовали субъективизм и индивидуализм в своих произведениях, складывавшийся под влиянием субъективной философии Фихте.

«Новая субъективность» выражает определенное дистанцирование от литературы предыдущего периода, а именно отказ от ангажированной публицистической литературы 60-х гг. Представители появившегося направления сосредоточили свое внимание не на стремлении переделать окружающий мир, а на раскрытии внутреннего мира человека, его личностных переживаниях и чувствах (среди них особенно выделялись Н. Борн, Ю. Теобальди, Б. Штраус, П. Шнайдер, К. Штрук, У. Тимм, П. Хандке, Ф. Цорн и другие). А вот конфронтация субъекта с самим собой стала в литературе центральным конфликтом.

Здесь следует привести как пример, полемику австрийского писателя Петера Хандке с вождем левых экзистенциалистов Ж.-П. Сартром, а именно с концепцией ангажированной литературы, которая была описана в эссе французского философа «Что такое литература?». Оппонируя Сартру Хандке утверждает, что термин «ангажированный» есть политическим и из-за этого требует соответствующей позиции: «Ангажированный писатель работает с системой ценностей и идеологией, которые считает фальшивыми, поэтому он пытается заменить их своими, по его мнению, правильными идеологическими установками» (Handke 1972, S. 38). Как утверждает Хандке, для писателя приемлемым должно быть так называемое «поэтическое поведение», так как только при помощи поэтического языка можно «непосредственно воспринимать первичную сущность вещей, которые описываются, не искажая его чужими понятиями и представлениями» (Handke 1979, S. 38). Автор является своеобразным медиумом между «Я-субъектом» и окружающим миром. А основная задача писателя – поиск такого «поэтического языка». Поэтому Петер Хандке убежден, что ангажированность и художественная литература – это категории, исключающие друг друга.

Как видим, отказ писателей от изображения современной им жизни, политических событий, от примата рационального и привычного привело к смещению акцентов в сторону иррационального, к возрождению интереса к индивидуальному опыту конкретного индивида. Главным персонажем новой литературы стал обычный человек, в котором читатель мог распознать себя.

Важно заметить, что новый субъективный протагонист является отчужденною личностью, для которой условности и социальные шаблоны больше недействительны. Такое отчуждение от общества усиливается какой-то личностной драмой и вообще мировоззренческим кризисом. Показательным в этом отношении можно считать риторический вопрос немецкого литературного критика М. Ручки, прозвучавший в то время: «Литература-катастроф – это новая тенденция?».

К самым главным «катастрофам», о которых говорит Ручка, относятся разлука, предательство, одиночество, болезни, и, конечно же, смерть. Кроме того, под сомнение ставятся все устоявшиеся и привычные социальные нормы. Подобные состояния, а также связанные с ними душевные травмы, как известно, нарушают стабильное человеческое существование и приводят к глубокой депрессии.

Например, швейцарский писатель Фриц Цорн, прославился в 70-х годах своим единственным произведением «Марс» *(„Mars“, 1976)* благодаря тематизации смерти в своем романе. Молодой автор умер в возрасте 32 лет, так и не увидев опубликованный автобиографический роман. Это книга стала культовой благодаря детальному описанию последних лет жизни молодого человека из преуспевающей швейцарской бюргерской семьи, который был смертельно болен. Роман стал знаменитым из-за своей радикальности в отношении к зажиточному крупно-буржуазному обществу. Цорн обвинил своих родителей,

которые были представителями этого класса, в несостоятельности, так как они породили слабую личность, оградив его в детстве от реальности. Теперь молодой человек пытается найти смысл жизни в своей болезни и «выплакать свои невыплаканные слезы».

«Я молод, богат и образован, и я же несчастлив, невротичен и одинок. Я родился в одной из самых лучших семей правого берега Цюрихского озера, называемого также Золотым побережьем. Я воспитывался как буржуа и считал себя порядочным человеком. Моя семья изрядно выродилась, и я сам, наверно, в значительной мере отягощен наследственными заболеваниями и испорчен средой. Конечно же, я болен и раком, что, впрочем, следует из сказанного само собой разумеющимся образом. И этот вот рак — палка о двух концах: с одной стороны, это телесное заболевание, от которого, вероятно, я скоро умру, но которое, может быть, смогу одолеть и пережить; с другой стороны, это душевная болезнь, о которой я скажу только одно: это счастье, что она, в конце концов, проявилась таким образом. Я имею в виду, что из всего, полученного мною в родительском доме на своем нерадостном жизненном пути, самым разумным оказалось то, что я заболел раком...” (Zorn 1977, S. 25).

Следует отметить, что кризис личности становится центральной темой произведений многих немецкоязычных авторов 70-х годов. Среди литературных жанров превалирует лирика, автобиографическая и дневниковая проза. Тем самым субъект превращается одновременно на средство и объект изображения, а субъективность приобретает статус основного содержания и формы произведения.

Таким образом, «новые субъективисты» фиксируют в своих произведениях экзистенциальное неверие в социальном порядке, поддают сомнению традиционные моральные ценности, отрицается общая система образования, не воспринимаются больше политические идеи, игнорируются научные достижения, что, конечно же, связано с общими настроениями, распространёнными в обществе 70-е годы XX ст.

Австрийский писатель Петер Хандке в своей книге-сценарии «Хроника событий» *(„Chronik der laufenden Ereignisse“, 1971)* выразил настроения целого поколения, отобразив, как обозначил сам писатель, «чувства, желания и опасения, некоторого «Я»:

«1969 год. Для всего настал переломный момент. Нет более ценностей, которые можно считать гарантированными, любой строй не считается исчерпывающим или конечным. Все представления о добре и зле, правоте и несправедливости, правде и неправде смешались. Нет уверенных в своей правоте. Повсюду сплошная суматоха, вынудившая каждого задуматься. … везде звучит один и тот же вопрос: как теперь жить?» (Handke 1971, S. 8-10).

Некоторые представители литературы «новой субъективности» были склонны к гипертрофированному индивидуализму, считая, что вследствие усложнения эмпирической действительности объективный мир стал закрытым для писателя. Ведь его взгляд в состоянии охватить только отдельные атомы действительности, вместо этого её целостность является механическим объединением элементов, монтажом разрозненных фиксаций. По мере того, как общественная сфера становится «закрытой» для рационального познания, даже язык, который выступает посредником между субъективной индивидуальностью и окружающим миром, вызывает подозрение, так как и он используется как инструмент политических или экономических манипуляций. Такой тотальный скептицизм оставляет писателю единственную альтернативу: погрузиться в свой внутренний мир, чтобы выявить и актуализировать аутентичное начало, а также сосредоточиться исключительно на собственном «Я».

Немецкий литературовед Г.-Г. Винтер выделил 6 основных критериев, по которым тот или иной текст можно отнести к литературе «новой субъективности»:

1. Автор моделирует мир при помощи «фигуральной перспективы». «Окружающая реальность становиться осязаемой только в том случае, если её воспринимает протагонист».
2. «Внутренний и внешний мир переплетаются».
3. «Исключая себя из внешнего мира, главный герой оказывается в ситуации полного самоуглубления и постоянного самоанализа».
4. В художественных текстах тематизируется проблема идентичности.

5. Произведение не ограничивается только «записью феноменов», оно демонстрирует в определенной степени также преодоление индивидом собственной саморефлексии.

6. Характерной чертой произведения есть его структурная открытость, благодаря чему читатель привлекается к написанию текста, что побуждает его к активному самоанализу (Winter 1981, S. 69).

Наиболее репрезентативным образцом литературы «новой субъективности» в немецкоязычном пространстве считается повесть немецкого писателя Петера Шнайдера «Ленц» *(„Lenz“)*, которая появилась в 1973 году, ставши сразу же знаменитой. Эта книга, по мнению историков литературы, первое значимое прозаическое произведение нового литературного направления.

Петер Шнайдер будучи членом Немецкого социалистического союза студентов (SDS), то есть одним из главарей студенческого движения, мечтал как и многие его сверстники, путём революционного переворота изменить буржуазное общество, заменить “империалистическое” государство социалистическим. Историю Шнайдера можно считать показательным образцом перехода от ангажированной литературы к «новой субъективности»: на этапе зарождения студенческого движения писатель искренне верил в то, что «единственный способ оживить культурную жизнь в Германии – содействовать революционным акциям на улицах и предприятиях» (Literaturmagazin 1976, S. 188). Но постепенно, по мере разочарования в революционной идеологии, он, как и многие другие писатели, меняет свое мнение из-за противоречия между литературным творчеством и бунтом: «Сегодня из-за того, что политически активные писатели снова возвратились на свои старые рабочие места, а движение сопротивления было вытеснено из улиц обратно в дома, события этих лет заполонили литературу. Сразу же появились новые темы … эксперименты – именно тогда, когда вокруг нас набирала силу деполитизация и усиливалась депрессия» (Literaturmagazin 1976, S. 188).

И вот появившаяся повесть «Ленц», бывшего заядлого революционера, засвидетельствовала изменения в мировоззрении писателя, и стала выразителем настроений большинства молодых людей, разочаровавшихся в революционной борьбе. Новое произведение сразу же стало культовым и, по мнению немецкого критика Маркуса Майка, этот текст «является как бы музеем 70-х годов». Ведь «Ленц» был написан в период развития новых взаимоотношений между конкретным индивидуумом и обществом, между общим и частным. Это произведение показывает зарождение нового сознания, которое формируется на основе противоречия между субъективным самосознанием и закрытой политической догматикой.

Как считает Хольгер Швенке, автор книги о революционном движении 68 года – «Поколение 68-го и литература», Петер Шнайдер сумел произвести благоприятное впечатление на широкие читательские круги, между прочим, и тем, что он обратился к сохранившимся традициям литературной истории и образцом избрал жанр классического познавательно-воспитательного романа.

В этой связи, нельзя не провести параллель с романом Й.В. Гете «Страдания юного Вертера», как известно, также культовым произведением своего времени. Ведь участь Вертера, несмотря на весь её трагизм, хотели повторить и повторяли, десятки молодых людей. Это была самая читаемая книга своего времени, как и повесть Шнайдера (первое издание которой, кстати говоря, достигло ста тысяч экземпляров).

Распространение гетевского романа вызвало в Европе волну подражающих самоубийств, что впоследствии было названо эффектом Вертера. Этот эффект был так силен, что в некоторых странах власти запретили распространение книги. Но герой гетевского романа – это не только сентиментальный влюбленный молодой человек, страдающий от неразделенной любви, а также личность, неудовлетворенная общественным строем. Человек мягкий, неспособный преодолевать встающие на его пути препятствия, неспособный применить свои силы и волю к действительности. Вертер гибнет, так как он слишком слаб, слишком безволен, слишком неврастеничен для того, чтобы избежать трагической развязки.

Главный герой повести П. Шнайдера – это студент, политически активный, но уже лишённый отпечатка эйфории прежних лет, который не видит перспективы в дальнейшей борьбе. Его «Я» противостоит одолевающим со всех сторон требованиям быть политически активным. Страдания молодого человека вызваны не только неудачами в политике, но и не задавшейся личной жизнью, одиночеством и душевной пустотой. Состояние глубокого разочарования и мятежный внутренний голос незаметно заглушают в нём лозунги и реплики политической сцены: однажды утром, проснувшись с тяжелой головой после попойки, он угрюмо рассматривал висевший над его кроватью, как было в то время принято, плакат с изображением Карла Маркса, вдруг произнеся вслух: «Какие сны видишь ты, старый мудрец, ночью, имею я в виду? Был ли ты счастлив, собственно говоря?» (Schneider 2010, S. 7).

В романе-воспитании Шнайдера можно выделить определенный этапы, которые переживает его герой Ленц, а именно: дезориентация в жизни, разрыв отношений с подругой, работа на фабрике, перемена местожительства, новый жизненный опыт и возвращение домой.

Проживая эти этапы, главный герой шнайдеровского произведения освобождается от революционной романтики и эйфории. Хотя среди его друзей ещё и распространены сомнительные утверждения, что всё политично, но для Ленца это уже не имеет никакого значения. Для него становится важным индивидуальный опыт, потребности конкретной личности, её желания и цели. Он ищет подлинного опыта, чего-то нового, пытаясь заполнить возникшую пустоту женщинами, новой работой; и когда всё это не помогает и ему не удаётся найти смысл в жизни, он отправляется в Италию. «Как Гёте когда-то, Ленц, которому надоели сковывающие личность общественные отношения того времени, отправился в страну, где, как известно, «цветут лимоны» и где к тому времени «левые» достигли успеха в создании относительно нового, современного еврокоммунизма на коммунальном и национальном уровне. … Однако и в Италии приобретённый опыт, в конце концов, разочаровывает так же, как там, в Германии, с той только разницей, что здесь социалистический образ мыслей проник вплоть до верхнего слоя общества и быть «левым» стало даже своеобразным шиком. Псевдорадикальные манеры богемы и элиты отталкивают Ленца» (Швенке 2009).

По возвращению из своего путешествия, Ленц видит, что окружающий мир изменился, как и он сам. «Ленц даже позавидовал, что эти изменения произошли без его участия» (Schneider 2010, S. 112). Последнее предложение повести выражает новое душевное состояние главного героя: «Чего бы хотел Ленц теперь?» - «Остаться здесь, отвечает он другу» (Schneider 2010, S. 112).

Образ бывшего революционера Ленца, который прошел этап от радикального бунтарства и до возвращения к самому себе, выражает общие настроения генерации 68-го года, для которой измененные революционной борьбой будни стали нормой существования, а новые постулаты – индивидуальность и аутентичность первоочередными.

Как видим, кризис идентичности, которую пережил протагонист Шнайдера, стало для него шансом, начать все заново. Путешествие как акт исцеления главного героя избавил его от чувства одиночества, отчуждения. В этом смысле физическое возвращение домой можно рассматривать и как возвращение к самому себе, как аллегорию процесса творческого мышления, саморефлексии, поиск собственного естества, то есть основ индивидуальной экзистенции. Одновременно мотив путешествия связан также и с преодолением самого себя, познанием себя как противоречивой натуры, а также открытием своего «второго Я», которое стремится к гармонии с окружающим миром. А вот такое познание возможно только при условии выхода индивида за пределы привычного окружения.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наряду со студенческим политическим бунтом 1968-го года произошла своего рода культурная революция, результатом которой была и смена литературных ориентиров.
2. Политичеки ангажированная литература теряет свою популярность и поддается резкому осуждению.

3. Как реакция на политизированную литературу происходит смена тенденций в немецкоязычной литературе, а именно смещение акцентов в сторону развития субъективистского письма и зарождение литературы «новой субъективности».

4. Для писателей нового направления характерным есть субъективное восприятие эмпирической действительности, а основным конфликтом произведений становится кризис личности и конфронтация субъекта с собой и окружающим миром.

5. Главный герой этих произведений отчужденная личность, разочаровавшаяся в революционной борьбе. Обычные жизненные ориентиры утратили для него свою ценность, и на смену им пришла пустота.

6. Протагонист пытается найти новые жизненные ориентиры, замыкаясь в себе и на своих личностных переживаниях.

ЛИТЕРАТУРА

ШВЕНКЕ Х., 2009. «Поколение 68-го» и литература. Пер. с нем. И. Мокова // «Студия», № 13 /http://magazines.russ.ru/studio/2009/13/sh23.html

HANDKE P., 1971. Chronik der laufenden Ereignisse. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 139 S.

HANDKE P., 1972. Ich bin ein Bewohner des Elfenbeinturms. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 233 S.

KARASEK H., 1995. Podiumsdiskussion «Tendenzwende»: Schlagwort oder Wirklichkeit? // Literatur und Gesellschaft. Nr. 4, S. 105-127.

Literaturmagazin 5., 1976. Reinbek, S. 188.

REICH-RANICKI M., 1979. Anmerkungen zur deutschen Literatur der siebziger Jahre. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, S. 17-35.

SCHNEIDER P., 2010. Lenz: Eine Erzählung. Berlin: Rotbuch, 137 S.

WINTER H.G., 1981.Von der Dokumentarliteratur zur «neuen Subjektivität»: Anmerkungen zur westdeutschen Literatur der siebziger Jahre // Literaturmagazin. Seminar 17, S. 69-83.

ZORN F., 2006. Mars: Eine Erzählung. FaM: Fischer Verlag, 253 S.

Maryna Orlova
Cherkasy State Technological University

GERMAN-LANGUAGE LITERATURE OF "THE NEW SUBJECTIVITY" AS REACTION TO STUDENT MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 1960S

Summary

The article examines the impact of the student movement in 1968 in Europe on German-language literature of the 70s. In the context a new trend of the period, which was called the literature of "the new subjectivity", is analyzed. It is revealed that this phenomenon, dominant in the literature of Germany, Austria and Switzerland, is a reaction to the politically committed literature and journalism prevailing in the late 60s. As an example the works of three German-speaking writers, representatives of a new literary movement, namely P. Handke, P. Schneider and F. Zorn, are analyzed.

KEY WORDS: student movement, "new subjectivity", identity crisis, the politically committed literature, "the I", “changing trends”, alienation, “new sensitivity”, “poetic language”, depoliticization.

Ирина Е. Прохорова
МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики
ул. Моховая, 9. 499, Москва, Россия.
Эл. почта: ieprokhorova@mail.ru
Научные интересы: история русской литературы и общественной мысли XIX века; проблемы развития публицистики, журналистики, литературной критики в России первой половины XIX века; зарождение либеральной идеологии; гендерная тематика.

«О КРИТИКЕ ВООБЩЕ И У НАС В РОССИИ» С. П. ШЕВЫРЕВА В ОЦЕНКЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО: ИДЕИ И СЛОВА

И. Е. Прохорова рассматривает программные высказывания С. П. Шевырева о природе и функциях литературной критики, её предназначении и особом месте в России (статья «О критике вообще и у нас в России») в сопоставлении с оценочными суждениями о них В. Г. Белинского. В статье показано, как «неистовый Виссарион» реализует конфронтационную стратегию в полемике, нацеленную на дискредитацию «чужого» слова всеми средствами, включая разного рода уловки, произвольные интерпретации суждений Шевырева, замалчивание многих совпадений и перекличек между идеями «противников».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. Г. Белинский, С. П. Шевырев, проблемы литературной критики, конфронтационная стратегия в полемике, дискредитация «чужого» слова

Первые же полемические выступления В.Г. Белинского в 1834-1835 годах продемонстрировали склонность молодого сотрудника газеты «Молва» к конфронтационной стратегии в дискуссиях (см. об этом подробнее: Прохорова 2011). Ещё более четко и последовательно она реализована Белинским в двух его ключевых публикациях в журнале «Телескоп» в 1836 году - в обозрении «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы» (особенно в части, помещенной в № 4) и в статье «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» (№ 5 – 6).

Полемизируя со С.П. Шевыревым, ставшим с 1835 года ведущим критиком журнала «Московский наблюдатель», по широкому кругу вопросов, Белинский закономерно посчитал нужным выяснить «его литературное учение в приложении к разбираемым им книгам». Но уже в конце первой части статьи «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» (№ 5), её автор язвительно заметил, что даже после рассмотрения им пяти статей Шевырева «литературное учение» последнего «остается <…> тайною» (Белинский 1953, с. 140). Эффект был точно рассчитан: заключительная фраза в публикации, прерывающейся до следующего номера, хорошо запоминается.

Так акцентировался довольно прозрачный намек на отсутствие у Шевырева основательной литературно-критической и шире - литературоведческой концепции, что ставило под вопрос саму его репутацию ведущего критика журнала, претендующего на «ученость» не только в отношении общей образованности, но и профессионального статуса. Напомним, полемика проходила как раз во время утверждения Шевырева в должности адъюнкт-профессора Московского университета, защитившего и издавшего диссертацию «Дант и его век» (1834), а вслед за ней подготовившего и опубликовавшего две большие монографии «История поэзии» (1835) и «Теория поэзии в её историческом развитии у древних и новых народов» (1836, защищена как докторская диссертация).

Все эти труды, по точной характеристике современных исследователей истории отечественной философской и теоретико-литературной мысли, отличала «общность методологического пафоса, приобретающего всё более отчетливую новаторскую направленность», прежде всего, преодоление стереотипов утвердившейся тогда русской философской эстетики (Шевырев 2004, с. 21). Но в середине 1830-х годов, к тому же в пылу полемики, Белинский не смог (не захотел?) это признать. Причем профессорский статус Шевырева мог стать дополнительным раздражающим моментом для Белинского, по крайней

мере - на подсознательном уровне, ведь он едва ли забыл о собственной недавней университетской неудаче. Критик «Телескопа» обвинил Шевырева в невыявленности руководствующих им «оснований прекрасного» и, по сути, уравнял его подход с субъективно - волюнтаристским подходом Сенковского, против которого автор «Московского наблюдателя» активно выступал.

В этой связи закономерным оказывается то, что особое место в статье Белинского «О критике и литературных мнениях…» отведено одной из программных статей Шевырева «О критике вообще и у нас в России» (1835, № 1). Если учесть, что у оппонента Шевырева был почти год для обдуманной оценки этой публикации, сопоставление названных статей приводит к выводу о принципиальном нежелании Белинского донести до читателя адекватное представление о «чужом» слове и его неготовности к диалогу идей.

Белинский справедливо выделил в статье Шевырева две части (на это собственно указывало и двучастное название шевыревской статьи) – посвященную «понятию о критике» вообще и полемическую, направленную против литературно-критической практики «Библиотеки для чтения» Сенковского. Обе части стали объектом критических выпадов рецензента. Даже признав «благородное негодование, неподдельный жар, остроту в выражении, резкость и силу слога» Шевырева в «обличениях» Сенковского, Белинский тут же свел на нет свою позитивную оценку. Он выразил сомнение в необходимости самих «обличений», поскольку позиция «Библиотеки…» якобы вообще не заслуживала большого внимания (Белинский 1953, с. 140). Такой поворот в развитии оценочного суждения представляется явной уловкой, а последнее утверждение автора «Телескопа» - неискренним. Ведь сам он не пренебрегал подобными обличениями Сенковского ни до, ни после публикации антишевыревской статьи, да и в ней призывал разоблачать «надувателей невежества», к которым всегда относил и редактора «Библиотеки…». По сути оспорить тезис этого фрагмента статьи Шевырева - «большая часть России руководствуется её [«Библиотеки…» - И.П.] суждениями касательно всех произведений литературных» и это опасно для культурного развития страны (Шевырев 2004, с. 92) - Белинский объективно не мог и вряд ли собирался. Важно было просто лишить значимости «чужое» слово, носитель которого осознавался как противник, соперник (тем более что печатался в конкурирующем с «Телескопом» московском журнале), а не потенциальный союзник хотя бы на одном из критических «фронтов».

Желание во что бы то ни стало дискредитировать общее «понятие Шевырева о критике» проявилось в статьях Белинского ещё более откровенно. Здесь в полной мере дали о себе знать и установка на замалчивание любых заслуг «другого» и совпадений или перекличек с ним при осмыслении феномена критики, и установка на педалирование неудач противника и малейших разногласий с ним.

В статье «О критике вообще…» Шевырев провозгласил критику в России «главной силой литературного мира», а критика - «первым её [литературы] начинателем». Их особую – главенствующую – роль в отечественной культуре и в этой связи особые – повышенные - к ним требования автор «Московского наблюдателя» объяснял своеобразием развития «народа, позднее являющегося, чем другие», в истории европейской цивилизации. Развитие русской литературы должно было, по Шевыреву, отличаться «обратным» ходом по отношению к литературам, имевшим более древнюю историю, поскольку она изначально подверглась сильнейшим «разнородным влияниям» с их стороны, что требовало серьезного критического осмысления и преодоления. В подтверждение своей идеи Шевырев приводил пример Германии, где «словесность, восшедшая на степень высокого искусства, началась с блистательного развития критики ученой и глубокомысленной», а критики Лессинг, Винкельман и Гердер «предшествовали» писателям Шиллеру, Гете, Жан-Полю (Шевырев 2004, с. 87).

Уже во вступлении к своей статье обратился Белинский к этим положениям Шевырева, заявляя о своем несогласии. Вначале критик оценил мнение оппонента (при всей условности этой номинации, поскольку Шевырев практически не отвечал своему

«гонителю») как «неверное, но остроумное», однако отказался от какого-либо комментария: «не хочу рассматривать его». Автор «Телескопа» поторопился перейти к изложению своей идеи, что отечественной литературе «должна предшествовать некая образованность вкуса», появление «требователей на литературу», ради чего «наша критика должна быть гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины» (Белинский 1953, с. 124 - 125). При этом совершенно игнорировался факт, что о подобных задачах критики уже неоднократно говорилось в прессе, в том числе в раскритикованной Белинским статье Шевырева.

Если формулировка названных задач и не была выведена Шевыревым на первый план, то все его требования к критике исходили из отнюдь не противоречащего Белинскому понимания её многообразных социокультурных функций, предназначенности для всего общества - и для пишущих, и для читающих. Причем автор «Московского наблюдателя» предлагал различать «критику общественную», которая постоянно «совершается в общественном мнении большинством голосов» и от которой напрямую «зависит успех и сбыт сочинения», и «критику истинную», в конечном счете, нацеленную на руководство вкусом аудитории. От такой критики требовался не «один рассказ личных впечатлений, которые могут быть бесконечно разнообразны, смотря по лицам» и которыми «даже неучтиво обременять публику». «Истинная критика», по Шевыреву, это «строгий и уточненный разбор этих [полученных тем или иным критиком при знакомстве с произведением литературы – И.П.] впечатлений, перевод их жаркого языка на охлажденный, беспристрастный и всем равно доступный, всем общий язык мысли, язык отчета» (Шевырев 2004, с. 97, 95). Здесь нельзя не заметить явной переклички с цитированным уже высказыванием Белинского («наша критика должна <…> на простом языке говорить высокие истины»), тем не менее противопоставленного им шевыревскому.

«Истинная критика» мыслилась Шевыревым как «воспитанная своею наукою и основанная на глубоком изучении истории словесности», чуждая «произволу», личным пристрастиям «самодержцев критики» (Шевырев 2004, с. 88, 95). Интересно, что действительно небесспорная идея Шевырева об особой актуальности критики «национальной» в современную эпоху как «эпоху европейскую, угрожающую нам безначалием и безвкусием в словесности» (Шевырев 2004, с. 88), которая вполне вписывалась в формировавшийся тогда дискурс «официальной народности», возражений у Белинского практически не вызвала.

Зато Белинский не посчитал нужным как-либо выразить и поддержку позиции Шевырева, вполне созвучной его собственной, относительно пользы аннотированной библиографии, разного рода дайджестов (говоря современным языком). Автор «Московского наблюдателя» предлагал заняться этим журналистам, умеющим лишь «делать хорошие извлечения из книг <…> и рассказывать содержание». Причем, по Шевыреву, такие авторы ещё не критики - «только услужливые секретари публики», которая не всегда имеет время и средства «приобретать все книги» (Шевырев 2004, с. 97).

Белинский предпочел сконцентрироваться на резком («резкость» почиталась «добродетелью») отрицании принципиального для Шевырева определения критики как «беспристрастной посредницы» между «творчеством и наукою». Вообще понимание Шевыревым соотношения между словесностью и наукой, творческой свободой и подчинением творца всевозможным «законам» теории, «урокам опыта», «преданию» (остроумно названным им «наукой толпы»), постоянно развивалось, а акценты, во всяком случае на уровне словесных конструкций, менялись даже в пространстве одной статьи. Это, конечно, способствовало уязвимости высказываний Шевырева.

В статье «О критике вообще…» сделана попытка показать «жизнь литературного мира» как диалектическое противоречие, «борьбу между словесностью художественною, беспрестанно вновь творящею, и наукою и преданием, которые хотят ограничить её стремление определенными законами и формами». Для сохранения «равновесия и гармонии» и соответствующего устойчивого движения в мире литературы необходима третья сила -

литературная критика, «примиритель, равно наблюдающий права каждой» из «двух враждующих сил», призванная «согласить закон и жизнь» (Шевырев 2004, с. 90-91).

Автор «Телескопа» объявил это рассуждение Шевырева «ложным, потому что выведено из ложного начала». Причем полностью его процитировав, рецензент довольно вольно истолковал многие слова оппонента. Например, борьба «между искусством и наукою» признавалась «жизнью искусства» (вместо «жизнью литературного мира», что отнюдь не тождественно в системе координат Шевырева). Разумеется, приписанный автору «Московского наблюдателя» тезис в «Телескопе» был отвергнут (Белинский 1953, с. 139).

Весьма произвольно интерпретировал Белинский и слова Шевырева о взаимоотношениях искусства и критики как его готовность «покорить» искусство критике. Конечно, Шевырев, как нами отмечено выше, настаивал в своей статье 1835 года на особой, первенствующей роли критики в специфической ситуации культурного развития России, но даже здесь Шевырев четко определил, что цель критики сложна - «равно наблюдать права» борющихся сторон, быть «посредницей» между искусством и наукой. А эта цель вовсе не тождественна «покорению» одного другому.

Так же не совсем обоснованно Белинский готов был приписать Шевыреву недооценку важности обращения критики к читателю за счет преувеличения её направленности на художника. Как уже говорилось, критик «Московского наблюдателя» никогда не отказывался обращаться «к мысли и чувству» читателей, воспитывать их вкус. Но вводимые им ограничения при коммуникации (как сегодня принято говорить) «критик – читатель», возможно, были сформулированы не безупречно. К тому же они во многом противоречили практике «неистового Виссариона». Так, Шевырев считал недопустимым «навязывать свои мнения» читателям или «угождать» каким-либо их «страстям», а полезным - обсуждать с ними только те «произведения, которые чем-либо могли действовать на нравственный успех общества, в хорошую или плохую сторону» (Московский наблюдатель 1836, с. 80). Что же касается такого адресата критики, как сам писатель, то и в этом вопросе Шевырев и Белинский едва ли принципиально расходились. Недаром Белинский на первой странице статьи «О критике и литературных мнениях…» выдвинул ставшую в России на долгие годы классической формулу критики как «движущейся эстетики», что предполагало воздействие одновременно и на публику, и на «гения-творца» (Белинский 1953, с. 123).

Отвергнув шевыревское определение литературной критики как своеобразного «примирителя» - «посредника» между словесностью и наукою, Белинский противопоставил ему собственное - «приложение теории к практике» (Белинский 1953, с. 139). Однако Белинский умолчал, что до него в известной ему статье «Перечень Наблюдателя» Шевырев очень похоже описал оптимальную критическую практику: «искренний и пристойный разговор» с читателями «о тех впечатлениях, которые производят на нас явления нашей словесности, и поверка этих впечатлений с положительными истинами науки» (Московский наблюдатель 1836, С. 79 – 80).

В статье Белинского «О критике и литературных мнениях…» обнародован разрабатывавшийся им, как известно, с «подачи» Н.В. Станкевича (в ходе их занятий немецкой философией) тезис, что «не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку – теорию изящного» (Белинский 1953, с. 139). При этом подавался этот тезис как абсолютно противный позиции Шевырева, что было не вполне справедливо. Ведь в статьях автора «Московского наблюдателя», как уже было показано, декларировалось не первенство науки в отношении искусства, а главенствующая роль критики, и то лишь в особых условиях развития отечественной культуры. В «Предисловии» же к книге Шевырева «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» вообще прямо указано: «Искусство было прежде теории. Не искусство было следствием теории, а теория следствием искусства. Эта истина подтверждается опытом всех веков и народов» (Шевырев 1836, с.1). Такое почти дословное совпадение высказываний едва ли следует трактовать как исключительно вынужденное признание правоты Белинского Шевыревым из-за того, что его книга вышла в свет несколькими месяцами позднее статьи в «Телескопе». Тем более что ещё

в начале 1830-х годов, находясь за границей и самостоятельно изучая труды европейских философов и эстетиков, Шевырев ощутил необходимость выработки особой «методы исторической», отличной не только от французского эмпиризма, но и от немецкого умозрения с его преклонением перед теорией. Так что в указанном совпадении, думается, правильнее видеть дополнительное свидетельство общности теоретических исканий двух ведущих критиков середины 1830-х годов**,** несмотря на нежелание, прежде всего – Белинского, её признать.

Итак, «чужое» слово воспринималось Белинским в основном как повод для возражения, даже если в идейном отношении позиция носителя этого «чужого» слова была близка оппоненту. Как показывает анализ оценок Белинским шевыревской статьи «О критике вообще и у нас в России», полемику он традиционно понимал только как «войну» (ср.: Черных 1994, с. 51) с использованием всех доступных средств ради «уничтожения противника», разного рода уловок вплоть до искажения его идей. В системе координат, исключавших в полемике диалоговую стратегию с необходимой для неё установкой на «разговоры с договоренностью», то есть на конструктивное обсуждение тех или иных явлений и высказываний о них ради поиска консенсуса с противоположной стороной (Прохоров 2004, с. 155-194), мастерство полемиста сводилось к умению дискредитировать «чужое слово».

Для этого, конечно, автору нужны были соответствующие психологические качества - особое «сладострастие протеста» и готовность «заклеймить» противника «позором отвержения» (Иванов 1900, с. 100 - 101). Сам Белинский, очевидно, хорошо осознавал эти свои наклонности. Позднее, обобщая свой журнальный опыт в феврале 1847 года, он подчеркивал, что «природа осудила» его «лаять собакою и выть шакалом» и что «все лучшие» его статьи написаны, когда он мог отдаться «негодованию и бешенству» (Белинский 1956, с. 337 - 338). Понятно, что влияние таких страстей почти неизбежно толкало полемиста к границе дозволенного в «вольности» трактовки «чужого» слова, к нетерпимости в отношении «другого» мнения, которые явно противоречат принципам демократизма в современном их понимании.

ЛИТЕРАТУРА

БЕЛИНСКИЙ, В. Г., 1953. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т. II. Москва.
БЕЛИНСКИЙ, В. Г., 1956. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т. XII. Москва
ИВАНОВ, Ив., 1900. История русской критики. Т. 111. Ч. 1У. С-Петербург.
МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ, 1836. Кн. 1.
ПРОХОРОВ, Е. П., 2004. Журналистика и демократия. Москва.
ПРОХОРОВА, И. Е., 2011. В. Г. Белинский – полемист и проблема диалога в журналистике (по материалам полемики с С.П. Шевыревым в 1834-1835 годах) // Медиаскоп (электр. ресурс). Вып. 4.
ЧЕРНЫХ, П.Я., 1994. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. Москва.
ШЕВЫРЕВ, С.П., 2004. Об отечественной словесности. Москва.
ШЕВЫРЕВ, С.П., 1836. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. Москва.

Irene E. Prokhorov
Moscow State University

“ABOUT CRITICISM IN GENERAL AND AT HOME IN RUSSIA” S.P. SHEVYROVA'S EVALUATION OF V.G. BELINSKYJ: IDEAS AND WORDS

Summary

I. E.Prokhorova discusses S. P. Shevyrev's statements about the nature and functions of literary criticism, its mission and a special place in Russia in comparison to V. G. Belinsky's evaluative judgments about them. In the article it is shown how "furious Vissarion» realizes a confrontational strategy in the polemics, aimed to discredit "other's" word by all means, including various kinds of tricks, arbitrary interpretations of Shevyrev's statements, concealment of many basic coincidences and intersections between the ideas of "opponents".

KEY WORDS: V.G.Belinsky, S.P.Shevyrev, problems of literary criticism, confrontational strategy in polemic, discredit "other's" words

Олег Перов
Вильнюсский Университет, Каунасский Гуманитарный Факультет.
Muitinės g. 8, LT – 44280. Kaunas, Lietuva.
E-mail: kodex333@yandex.ru
Научные интересы: история русской литературы XIX века; Серебряный век русской литературы; экономический дискурс русского языка; история русской культуры; литература русской эмиграции; морфология русского языка (функциональный аспект имён существительных и имён прилагательных).

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АБСТРАКТНЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОЗЕ Ю. АЛЕШКОВСКОГО

Объектом исследования в данной статье является сфера использования абстрактных существительных. Традиционно они вызывают ассоциации с философским или религиозным дискурсом, научной лексикой (в сфере экономики, права, социологии, психологии). Но специфика их употребления в произведениях художественной литературы – является оригинальной и своеобразной. В данном случае они выполняют как информативную, так и эстетическую функцию. Они отражают принцип восприятия действительности и идентифицируют концептуальные особенности стиля Ю. Алешковского. В сборнике рассказов «Книга последних слов (35 уголовных историй)» часто представлены понятия, связанные с юридической лексикой (осуждение, наказание, оправдание, раскаяние, признание), а также – такие слова, как: свобода, революция, честь, совесть. Но последние часто предстают в ироническом, насмешливом свете. Самые частые и приоритетные в использовании слова: правда, справедливость, сочувствие, любовь, возмездие. В результате, как проявление жизненного дуализма, виден естественный баланс между абстрактными существительными, обозначающими отрицательную сторону жизни (гнев, ненависть, презрение, страх, жестокость, предательство, трусость) и абсстрактными существительными, обозначающими положительную сторону (вдохновение, благодарность, уважение, доверие, дружба, гордость, справедливость).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: абстрактные существительные; образ человека; объект действительности; чувство; особенности стиля; истина и справедливость; реальная жизнь, драматизм и ирония; возрождение.

Сфера использования абстрактных имён существительных является довольно обширной, в ней достаточное количество разных уровней и особых аспектов, но в первую очередь, данные языковые единицы ассоциируются с философским или религиозным дискурсом, разумеется, со специальной научной лексикой (в экономике, юриспруденции, социологии, психологии), с политической риторикой и только потом уже с художественной литературой. Но как показывает опыт исследования самых разных текстов не только русской, но и мировой литературы – абстрактные существительные являются не только определённым элементом, который конкретизирует образ человека, чётко определяет его состояние или обозначает бытийный процесс, но это ещё и достаточно серьёзное основание, которое укрепляет смысл произведения, это импульс, посылающий в сферу его дальнейшего осмысления.

Если в теоретическом плане максимально конкретно представить объект исследования, то это можно сделать в следующей форме:

Абстрактные существительные обозначают самые различные отвлечённые понятия: качества, свойства, процессы и состояния. Очень часто они определяют самые важные качества объекта, являются высшей степенью проявления языкового абстрагирования. Как правило, эти языковые единицы обозначают: 1. абстрактное качество, присущее разным объектам действительности. 2. абстрактное действие, которое может совершаться различными субъектами или проводиться над определёнными объектами. 3. абстрактное

состояние или чувство, которое может возникать в различных ситуациях. 4. абстрактное понятие, которое существует только в человеческом сознании и его нельзя представить наглядно.

Так называемые прототипические абстрактные существительные номинируют идеи и это явление принципиально важно для обеспечиния интеллектуальной и духовной жизни человека.

В плане использования абстрактных существительных в литературе – можно выделить следующие моменты. В сфере художественного творчества они выполняют как информативную, так и эстетическую функцию. Кроме того, на их употребление могут оказывать существенное влияние экстралингвистические факторы: этические и эстетические установки автора; приверженность определённому философскому направлению; увлечение каким-либо социальным явлением; глубокая вера или полный атеизм; оригинальная матрица жизненного опыта.

Объект исследования – ***Книга последних слов (35 уголовных историй***), написанная Ю. Алешковским – была издана в 1984 году. И она, в известной степени, выделяется из общего ряда произведений автора. В начале рассуждения, разумеется, необходимо затронуть вопрос об адекватном восприятии самого образа писателя, по отношению к которому успели сформироваться вполне конкретные и достаточно прочные стереотипы.

Первый из них – Ю. Алешковский – автор стихотворений (иронических, скрыто-обличительных, полных насмешки и презрения над уродливой реальностью и фальшивыми ценностями окружающей жизни), текстов, которые потом превратились в песни (в качестве визитной карточки традиционно предлагают – *Товарищ Сталин, вы большой учёный...)*

Второй образ нацелен на интерес к неприличному и отчасти запретному в культуре и литературе, то есть, писатель представлен, как *певец русского мата* (что делает его произведения проблематичными для цитирования в образованной аудитории), и старательный художник низменных плотских утех, который не жалеет в процессе ни красок, ни фантазии и с радостным остервенением демонстрирует результат читателю.

В третьем образе преобладает социально-политическая доминанта: Юз Алешковский – это борец с тоталитарной советской системой. Но совсем не такой, как А. Солженицын – с размышлениями о жестокой природе власти, судьбе страны и народа, углублённым анализом, драматизмом и пафосом. Алешковский – язвительный и циничный пересмешник, который всегда найдёт повод для издевательского хохота, а если нет, то для жалости или презрения.

Четвёртый образ (в силу трёх вышеперечисленных) непопулярный и малоизвестный – автор книг для детей и сценариев детских фильмов для кино и телевидения.

В каждой из ипостасей есть определённое проявление мировоззрения автора, но ни одна из них не может отражать его целиком, поэтому всегда должно быть пространство для самостоятельного углублённого осмысления главных идей и особенностей творчества. Сам Ю. Алешковский в автобиографии говорит о себе так: *В лагере я успел дожить до дня, когда Сталин врезал дуба, а то я обогнал бы его с нажитой в неволе язвой желудка. Чего я только не успел сделать после освобождения! Исполнилась мечта свей моей жизни: я стал шофёром грузовика и залечил язву «Московской особой». Начал печатать сначала отвратительные стишки, потом сносные рассказики для детей. Сочинял песенки, не ведая, что пара из них будет распеваться людьми с очистительным смехом и грустью сердечной. Успел понять, что главное – быть писателем свободным, а не печатаемым, поэтому был счастлив пополнять ящик сочинениями, теперь вот, слава Богу и издателям, предлагаемыми вниманию Читателя...*

Для того, чтобы привести наиболее существенные, объективные и оригинальные оценки писательской манеры, образов и сюжетов Ю. Алешковского, стоит обратиться не только к тем, кто наблюдал эволюцию его творчества, но и, по совместительству, являлся его другом. Как это ни удивительно, но И. Бродский (человек иного Стиля во всех возможных смыслах) и Ю. Алешковский были друзьями. И. Бродский, перефразировав известное

выражение, назвал свою статью о творчестве друга следующим образом – *Он вышел из тюремного ватника*. Мысли и впечатления, которые в ней представлены, возможно, в наиболее конкретной, яркой и рельефной форме обозначают основные, концептуальные особенности стиля Ю. Алешковского, его авторского взгляда на действительность, специфику осмысления важных проблем бытия. И. Бродский определяет это так:

Проза Алешковского – не совсем проза и жанровые определения (роман, повесть, рассказ) приложимы к ней только частично. Повествовательная манера Алешковского берёт своё начало не столько в сюжете, сколько в речевой каденции повествующего. Сюжет в произведениях Алешковского оказывается порождением и заложником каденции рассказчика, а не наоборот, как это практиковалось в художественной литературе на протяжении её (у нас) 200 – летней истории (Бродский).

Весьма характерен момент уменьшения дистанции между автором и тем, кто воспринимает написанное им. Но это автоматически не означает лёгкости восприятия, наоборот, определённый процент читателей свидетельствует о творчестве Алешковского, что читать сложно, но оторваться ещё тяжелее. Этот эффект отчасти достигается за счёт того, в какой форме реализованы многие произведения автора. И. Бродский в одной из статей определил это так:

В произведениях Алешковского расстояние, отделяющее автора от героя, а их обоих от читателя – сведено до минимума. Это объясняется прежде всего тем, что – за малыми исключениями – сочинения Алешковскго представляют собой, по существу, драматические монологи. И неизбежно возникает элемент отождествления – в первую очередь для самого писателя-автора – с его героями. Но не менее неизбежен элемент отождествления читателя с героем рассказчиком. Это происходит всякий раз, когда читатель сталкивается с местоимениями «Я», а монолог – идеальная почва для такого столкновения (Бродский).

Если определить природу монолога у Ю. Алешковского, то можно прийти в выводу, что это так называемый *обращённый монолог – сложно организованное выступление персонажа, обращённое к группе слушателей* (Борев 2003, 255). В то же время возникает вполне естественный вопрос – если язык изначально диалогичен, то как может существовать монологическая речь? Если отнестись строго-теоретически, то это образует поле для дискуссии и во многом прав М. Бахтин, утверждающий, что между монологической и диалогической речью нет твёрдой границы, как результат, эти две данности являются так называемой *взаимопроникающей оппозицией*. Однако, и как элемент произведения, и как отдельная оригинальная форма реализации творческого замысла автора – наличие монолога в определённой форме можно наблюдать.

Ю. Алешковский, запуская повествование в своей любимой манере изложения, обращается с речью к определённым слушателям. В большинстве случаев обращения короткие: *граждане судьи!* Но иногда они предстают в развёрнутой, слегка иронической форме: *Граждане судьи, товарищ прокурор и дорогие зрители нашего показательного процесса!* (Алешковский 2007, 147). Или: *Граждане судьи, товарищи по работе, а также соседи по дому, сидящие здесь в зале!* (Алешковский 2007, 178). Или: *Гражданин председатель трибунала и члены его!* (Алешковский 2007, 194). Но превалирует всё же первое обращение и это создаёт предпосылки для того, чтобы читатель воспринимал позицию автора-героя с точки зрения той личности, которая может его осудить или оправдать.

Несмотря на стандартную установку, что принцип монологизма базируется на интровертности сознания, склонности к самоанализу и внутренним процессам осмысления окружающего мира, невзирая на этот устойчивый небезосновательный принцип – монолог у Ю. Алешковского предполагает обратную коммуникативную связь – или в режиме реального времени или через определённый его промежуток, то есть, монолог ориентирован на реакцию возможной аудитории.

Есть устойчивый взгляд, что в художественной литературе абстрактные существительные применяются достаточно редко, а если это и происходит, то в тех случаях, когда автор хочет сделать акцент на торжественности ситуации, идеализирует облик героя или с определёнными целями сознательно вводит понятия из области религии, философии, этики, психологии.

Однако в первом же рассказе из Книги последних слов *(Случай в мужском туалете*), герой которого обвиняется в избиении и унижении достоинства иностранного гражданина и при этом отказывается от адвоката. В его мотивации присутствует словосочетание *предмет внимания*, которое обычно ассоциируется с рядом определённых понятий и субъектов: предмет внимания соответствующих органов; определённой науки; красивых женщин; интересных мужчин. У автора вниманием обладает актуальная инженерная коммуникация.

Граждане судьи, от защитника я решительно отказался потому, что если человек дошёл до того, что уже и сам себя защитить не может, то знаете, кто он? Предмет внимания канализации, образно говоря (Алешковский 2007, 115).

Кстати, это же полезное изобретение человечества превращается в соучастника и ужасное оружие возмездия, когда обвиняемый окунает головой в унитаз истеричного канадского социалиста и заставляет его съесть разорванные клочки Библии, которые тот пытался уничтожить таким незамысловатым образом. Абстрактные существительные присутствуют и в объяснении эмоциональной подоплёки поступка.

Говорю прямо, что линию своей защиты строю на том, что пребывал в форменном эффекте, если не ошибаюсь, или в аффекте – это не важно. Попросту говоря, в приступе благородного гнева и культурного возмущения (Алешковский 2007, 117).

И этот этюд, несмотря на явный экстремизм сюжета, заканчивается цитатой из Библии, в которой завершающим словом как раз и является абстрактное существительное. Оно эмоционально и логически оправдывает деяния обвиняемого и, что не раз отмечали друзья и знатоки творчества Ю. Алешковского, определяет стремление автора к сознательной кристаллизации окончательной истины и приоритета понятия справедливости.

С раннего утра буду истреблять
Всех нечестивцев земли,
Дабы искоренить из града Господня
Всех, делающих беззаконие (Алешковский 2007, 122).

В рассказе *Двое в каюте*, герой, обвиняемый в убийстве попутчика во время заграничного плавания, излагает мотивы своего поступка, что, во-первых, он сделал это в порядке самозащиты, а во-вторых, пострадавший был определённым противником власти и поклонником чуждых ценностей, в списке которых свобода и революция мало того, что выступают в своих низменных значениях, но ещё и нивелированы смешением с другими понятиями, олицетворяющими, по мнению. героя, пошлость существования.

... мечтал в глубине души о реставрации на родине всей этой мерзости: продажного бабья, шопов, заваленных джинсами, свободы шляться где хочешь и прочих «прелестей» гнилого Запада, не говоря уже о сексуальной революции, пропади она пропадом... (Алешковский 2007, 126).

В конце своей речи обвиняемый использует такие абстрактные существительные как *бдительность, осуждение, правосознание, наказание, несгибаемость*, которые должны создавать атмосферу осмысления вины и надежды на снисхождение. Также звучит обещание торжественное по форме и двусмысленное по содержанию, где ключевым словом является абстрактное существительоне *разложение*, которое использовано в соответствующем контексте:

Обязуюсь впредь при выездах за рубеж не покупать технической порнографии в виде обоеполых вибраторов и сувениров, имеющих форму с небольшим намёком на моральное разложение личности (Алешковский 2007, 133).

Изобилие подобных пассажей давало основание для оценок, смысл которых заключался в том, что автор любит вносить элемент весёлого абсурда в даже наиболее

серьёзные ситуации, более того, в трагическом случае легко выделяет всплеск смешного. Впрочем, бывает и наоборот. *В русской словесности 1960 – 80 годов не найти более карнавального писателя, чем Ю. Алешковский. Поэтика «телесного низа», трущобный натурализм, эксцентричность сюжета и стиля, опора на площадное слово, кощунственная профанация официальных догматов и символов веры, комические гротески и вообще «исключительная свобода образов и их сочетаний, свобода от всех речевых норм и от всей установленной речевой иерархии» (по Бахтину*) (Лейдерман 1992, 47).

Но эффект карнавализации заключается не только в циничном, резком и перманентном осмеянии власти и форм её проявления, смех у Ю. Алешковского амбивалентен, он направлен на всё и на всех, в том числе – и на самих смеющихся. В критике существует определённая склонность к абсолютизации значения такого действа как карнавальный натурализм. И в этом участвует историческая идеологема, которая как раз и представляет собой известное сочетание абстрактных существительных, возвеличенных и поднятых на щит более 200 лет тому назад, несмотря на то, что те, кто их декларировал, уже стояли по пояс в крови, стекавшей с этих понятий.

Карнавальный смех, уравнивая всех, руша иерархические, имущественные, сословные, возрастные перегородки создавал временный мир свободы, равенства и братства (Борев 2003, 120).

Данный элемент карнавальности присутствует не только в реальной жизни персонажа, но и упорно вторгается в параллельное пространство его снов. В данном случае понятие состояние характеризуется как неприличное, а детализация процесса происходит в следующей форме:

Каждую буквально ночь посещаюсь антисоветскими сновидениями в неприличном состоянии, как то: мочусь в избирательную урну с блоком коммунистов и беспартийных; стучу кулаком по мавзолею с просьбой открыть и принять к меня для опохмелки 30 бутылок из-под французского коньяка, которого сроду не пил; наношу устные оскорбления портретам членов политбюро, которое на самом деле обожаю (Алешковский 2007, 138-139).

В рассказе *Смерть овчарки*, название которого, по существу, отражает меньшую часть вины героя, так как он не только залстрели собаку, но и ударом приклада убил её хозяина, в этом рассказе (как и во многих других) представлены абстрактные существительные, отражающие юридический пласт лексики: *обвинение, оправдание, преследование*. Но эти единицы образуют только внешнюю форму оценки и описания действия. В своём желании восстановить справедливость герой обращается к понятию, которое выше и древнее всех правовых терминов. Более того, оно персонифицируется: *С правдой нечего в прятки играть* (Алешковский 2007, 148) Или, в другом рассказе: *Правда путешествует без виз* (Алешковский 2007, 231).Своеобразно то, что главным антагонистом выступает покойный владелец собаки, который специально тренировал этих животных, чтобы они, чуть ли не разрывая на куски, останавливали тех, кто захочет оказаться по другую сторону берлинской стены, а пока натравливает своих питомцев на местных жителей и, смеясь наблюдает за детьми, которые купаются в воде, полной собачьих фекалий. Точкой взрыва послужила ситуация, в которой затронута *Честь.* Данное понятие обычно употребляется в торжественном контексте (честь женщины, родины, мундира), но у персонажа, возмущённого покушением на его собственность, это слово окрашено анимализмом, который обусловлен картиной погибающего от клыков собаки домашнего животного.

Теперь перехожу к телёнку, за честь и здоровье которого выступил не раздумывая, ибо он был мне как родной (Алешковский 2007, 152).

Понятие *взаимности,* которое всегда обладает положительной коннотацией, как доброжелательная реакция в отношения эмоциональных, любовных – приобретает совершенно иное значение в контексте конфликтной ситуации.

В этот момент я получил со стороны покойного ряд ударов по голове. Я ответил ему взаимностью, а затем поторопился, тронул слегка прикладом, ну и вот... Глядим мы теперь друг на друга с непониманием (Алешковский 2007, 152).

Если исходить из эксцентричности образов и более-менее скрытого драматизма сюжетов, то можно говорить, что изрядное количество героев представлены автором как стихийный экзистенциалисты, одинокие люди в мире системного и жестокого абсурда, которые сражаются за своё существование, но в то же время – они не забывают о своём прошлом, родовой памяти, истории страны. Внутренний стержень их характера не ломается под напором обстоятельств.

Герой рассказа *Разговор в постели* в силу служебных обязанностей ознакомленный с массой нелегальной литературы, разрывается между «любовью к идеологии» и картиной «беспардонной лжи нашей жизни». А понятие *близость* по отношению к своей любовнице представляет и в конкретном, и в абстрактном смыслах, не забывая сопроводить процесс идеологически-кощунственной аллюзией.

После физической близости мы автоматиечски приступили к духовной и интеллектуальной, по примеру Владимира Ильича и Надежды Константиновны (Алешковский 2007, 163).

Последний вид близости представлен реакцией на поэму Е. Евтушенко *Мама и нейтронная бомба*, эмоциональным всплеском, выраженным резкой инвективой, где подвергаются осуждению понятия *ревизионизм и пацифизм,* а *бесконечность* из философско-поэтической сферы вламывается в социально-политическую. Результат – две литературные оплеухи, которые автор не скупясь отвешивает коллегам-современникам.

На самом деле он предатель, который завта же вылижет задние промежности какому-нибудь ревизионизму, если таковой пидёт к власти. А вот ты, Владлена, будешь партийна до бесконечности. А этот, говорю, социально-благоухающий подонок, живущий не на родине, кстати, а за границей, просто почуял, что пацифизм нынче снова стал для торговцев способностями и бездарных животных, вроде Робика Рождественского, золотой жилой (Алешковский 2007, 164).

Понятия *правда и реабилитация*, которые обычно ассоциируются с семейным, социальным «воскрешением» безвинно погибших в сталинских лагерях, отражением этого процесса в литературной, публицистической форме, раскрытием брутальных сторон культа личности – у Ю. Алешковского приобретают иронический оттенок. Так, герой одного из рассказов, надзиратель в женской колонии, подчёркивая степень своей откровенности, озвучивает такое соображение:

Я читал книгу Леонида Ильича, где сказано, что партии врать не надо, даже если за правду тебя ожидает смертная казнь с последующей реабилитацией (Алешковский 2007, 197).

Можно отметить отдельные сочетания, в состав которых входят абстрактные существительные, но те единицы, с которыми они соединены, придают им иронический, иногда абсурдный смысл. (ядерное скотство; зверский атеизм; меховая цель; злоупотребления со стороны одеколона). Определённые выражения с абстрактными существительными претендуют на статус авторских афоризмов (*С годами трудно поддерживать своё настроение без спиртного. Врачам это известно* (Алешковский 2007, 180); *Тёща как явление природы и пережиток капитализма в сознании мужа и жены* (Алешковский 2007, 265).

В этом сочетании смешного и серьёзного можно увидеть тот подход к действительности, который отражался ранее не так часто, но в законченных совершенных формах, то есть, творческий взгляд, выделяющий в серьёзной ситуации элемент весёлости, а в комическом случае мотив печали или вообще драматизма.

С точки зрения формальной можно выделить такие факты: во-первых, естественный баланс между абстрактными существительными, обозначающими положительную сторону жизни (вдохновение, благодарность, уважение, доверие, дружба, гордость) и её обратную,

тёмную сторону (гнев, ненависть, презрение, страх, жестокость). Это логично классифицируется на: человеческие чувства; качества личности; общественные явления; абстрактные понятия из определённых сфер. Но главный акцент всё же необходимо сделать на проблеме соотнесения древнейших, исходных противопоставлений, во многом неразрешимых, но общечеловечески-существенных в осознании мира, своего места в нём поведения и смысла бытия (правда – ложь; добро – зло; справедливость – несправедливость; вера – безверие).

Разумеется, многие из понятий, которые представлены у Алешковского выглядят относительно. *Но в его серьёзно-смеховом мире есть только одна, зато освящённая древней традицией сила, неподконтрольная историческому маразму, а значит свободная по своей сути – это величественные и простые законы природного существования, жизнь Плоти, в буквальном смысле «большого родового народного тела, для которого рождение и смерть не абсолютные начало и конец, но лишь моменты его непрерывного роста и обновления (по Бахтину)* (Лейдерман 1992, 45).

Часто автор представлен как личность, исполненная энергии разрушения, без пощады разбивающий не только идеологические установки, но и с удовольствием подрывающий понятия семьи, дружбы, долга. Однако всё было бы очень просто, если бы Ю. Алешковский представлял себя таким Геростратом от литературы, потому что для искусства страшнее даже не разрушение (оно потенциально предполагает появление новых форм), а системное навязывание различных подделок, паллиативов, которые усваиваются легко и бездумно.

Поэтому, главное – правда природной нормы бытия. И у многих героев Алешковского цинизм нравственнее государственной морали, а грубость целомудреннее, чем государственное хамство. Обычно философия карнавальности предполагает невозможность последнего слова о мире, принципиальную незавершённость истины, Но у Алешковского семантика карнавальности претерпевает радикальную трансформацию. Алешковский по природе своего таланта моралист, твёрдо знающий истину и передающий это уверенное знание своим любимым героям. *Монологичность художественных конструкций сказывается и в том, как всякий образ и сюжетное построение доводится до символа, аллегории, так или иначе иллюстрирующей антитезу мудрой Натуры и патологичной Системы* (Лейдерман 1992, 55).

ЛИТЕРАТУРА

АЛЕШКОВСКИЙ Ю. 2007. Книга последних слов (35 уголовных историй). Москва: Дрофа.
БОРЕВ Ю. 2003 Эстетика. Теория литературы. Москва: Астрель – АСТ.
БРОДСКИЙ И. Он вышел из тюремного ватника // yuz.ru – yuzved-1ru.
ЛЕЙДЕРМАН Н. 2005 Русская литература XX века: закономерности литературного развития. Екатеринбург: АРС – Пресс.

Oleg Perov
Vilnius University
Scientific interests:

PECULIARITIES OF USAGE OF ABSTRACT NOUNS IN A PROSE OF J. ALESHKOVSKY

Summary

The object of investigation in this article is a sphere of usage of abstract nouns. They traditionally are associated with philosophic and religious discourse, with scientific items (economy, law, sociology, psychology). But peculiarity of their usage in works of art is very specific and original. In this situation abstract nouns have as information, as aesthetic functions. The perception of reality and main traits of author's style are reflected in the collection of novels, called ***The Book of Last Words (35 crime stories).*** We have a possibility to notice a lot of law terminology (conviction, acquittal, punishment, repentance, confession). And also such words as: freedom, revolution, honor, conscience – but author very often presents them in ironic, mocking sense. It's necessary to pay attention to the range of abstract nouns, which take a first place in author's world outlook: truth, justice, sympathy, love and retribution. As a result we can observe a dualism of life, when created a natural balance between negative abstract nouns (anger, hatred, contempt, fear, cruelty, treachery, cowardice) and positive abstract nouns (inspiration, gratitude, respect, confidence, friendship, pride, justice).

KEY-WORDS: abstract nouns; image of men; object of reality; feeling; peculiarities of style; truth and justice; real life, dramatics and irony; revival.

Марина Родина
Минский государственный лингвистический университет
Республика Беларусь, Минск, Захарова 21
Телефон (моб.)+375447082205
Электронная почта:mararoenator@gmail.com
НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: методика преподавания иностранных языков в вузе, русский язык как иностранный, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, лингвистический и социокультурный потенциал художественных текстов,смысловая интерпретация текста, использование инновационных технологий в обучении иностранным языкам

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена проблемам преподавания русского языка как иностранного, в частности, обучению смысловой интерпретации художественного текста. Анализируется понятие имплицитной информации и выделяются критерии ее классификации. В процессе чтения рассказа одного из современных российских писателей выявлены трудности восприятия имплицитной информации иностранными студентами. Представлены различные типы имплицитной информации. В статье предложены различные пути достижения понимания имплицитной информации художественного текста иностранными студентами, такие как использование фильма-экранизации, обнаружение специальных маркеров имплицитной информации и актуализация фоновых знаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, художественный текст, имплицитная информация, понимание, смысловая интерпретация, русский язык как иностранный, авторский замысел, идея, экспликация, маркеры имплицитной информации, фоновые знания.

В начале XXI века доминантой лингвистического образования стало обучение основам межкультурного общения и изучение иностранных языков в контексте диалога культур и цивилизаций. Для адекватного общения в современном мире билингву как субъекту диалога культур необходимо овладеть целым комплексом культуроведческих знаний и умений.

Произведение художественной литературы является репрезентантом культуры, богатым источником культурологической информации, поэтому изучение иностранного языка на этом материале остается актуальным направлением дидактики. Художественный текст представляет собой, по словам Н.В. Кулибиной, «трижды культурный объект», поскольку не только сам является артефактом культуры, но и отражает жизнь и культуру народа, а также «изготовлен» из языка – важнейшего культурного феномена (Кулибина 2001, с. 40).

Работа с художественным текстом на занятиях по русскому языку как иностранному на начальном этапе обучения позволяет решить целый ряд методических задач (формирование навыков и совершенствование умений чтения, совершенствование техники чтения, расширение лексического запаса, формирование социокультурной и лингвострановедческой компетенций, развитие познавательной активности студентов, повышение их мотивации к изучению русского языка). Язык художественного произведения является уникальным источником эстетической и культурологической информации, он функционирует «на пределе своих возможностей, особенно экспрессивных, эстетических» (Верещагин, Костомаров 1985, с. 26).

Художественное произведение стимулирует мыслительную деятельность студента, воздействует на эмоции, формирует эстетический вкус, а также становятся поводом для дискуссий. Художественный текст становится не только объектом, но и субъектом обучения, как писал Ю.Лотман, "текст сознательно превращается в урок языка" (Лотман 1992, с.19).

Хотя лингводидактический потенциал художественных текстов в достаточной степени исследован, следует отметить, что в современной методической науке большее внимание уделялось изучению лингвострановедческого аспекта художественных произведений,

обучению говорению или дискуссии на основе художественного текста. Проблема обучения пониманию, или смысловой интерпретации художественного текста, изучена гораздо в меньшей степени. В нашем исследовании мы рассматривали художественный текст как объект понимания, то есть не средство, а цель обучения.

Перед преподавателем, работающим над художественным произведением в иностранной аудитории, стоит целый ряд задач. Ему необходимо не только разобраться с языковой стороной текста и помочь студентам правильно понять его содержание и смысл, но и подготовить студентов к диалогу культур посредством погружения в инокультурную реальность, представленную в художественном произведении.

Наиболее сложным для иностранных студентов является проникновение в замысел автора, тему и идею произведения, то есть составляющие смыслового понимания художественного текста. Такое понимание считается полным, если студент после прочтения текста способен выделить основную мысль текста, кратко пересказать содержание, выделяя главную информацию и разбивая текст на смысловые части, соблюдая смысловые связи между ними. К умениям смыслового понимания также можно отнести умения прогнозирования, смысловой догадки и последующей интерпретации авторского замысла произведения.

Понимание смысла художественного текста представляется нам главным критерием, по которому можно оценить успешность работы с художественным текстом, являющимся конечной целью работы с текстом на занятиях. А между тем существует ряд трудностей такого понимания при чтении иностранными студентами художественных текстов на русском языке. Основываясь на многолетнем опыте преподавания русского языка как иностранного и проведенных исследованиях в ряде вузов Республики Беларусь, мы можем сделать вывод о том, что процесс понимания художественного текста на русском языке иностранными студентами характеризуется неоднородностью и частичной неадекватностью смыслового восприятия.

Иностранцы нередко читают произведения русской литературы поверхностно, вникая лишь в содержание и затрудняясь определить их тему и идею, в процессе чтения у них не формируется адекватного представления о прочитанном. Анализируя причины такого непонимания, мы определили, что основные проблемы возникают у студентов из-за недостаточного количества фоновых знаний, неумения понять подтекст и контекст произведений.

Для валидности и достоверности результатов изучения данной проблемы нами были проведены исследования в нескольких группах иностранных студентов в разных вузах (филологических и нефилологических) и на разных курсах (подготовительный факультет, первый, второй и третий курсы). Были опрошены и продиагностированы студенты из разных стран, обучающиеся в белорусских вузах (Китай, Туркменистан, Турция, Иран, Сирия, Ирак, Вьетнам, Нигерия, Корея, Азербайджан). Примерно 50% из них представляли страны Юго-Восточной Азии. В общей сложности было опрошено более ста студентов. Анализ работ показал, что понимание имплицитного содержания художественных текстов и выделение в них главной мысли представляют большую трудность для иностранцев, которые поняли только сюжетные линии, фабулу рассказов, но не обнаружили подтекста произведений, не смогли определить его идею. Самым сложным для студентов было выявление авторского замысла.

Отвечая на вопросы анкетирования, целью которого было определить проблемы восприятия художественных текстов, иностранные студенты отмечали, что для полного понимания художественных текстов при чтении у них не хватает знаний по истории и культуре (более 70%), а также они не в достаточной степени владеют лексикой и стилистикой русского языка (65%), затруднения вызывает и правильное понимание грамматических конструкций (50%). Определенная часть студентов пожаловалась на то, что они не могут понять главную мысль, поскольку она «не написана в самом тексте», а также не понимают, как можно «понять, что думал автор». Пересказ текста с компрессией и

трансформацией вызвал затруднения у многих студентов, что также свидетельствует о недостаточном понимании. Многие студенты в последовавшей дискуссии о проблемах данного художественного произведения не смогли высказать также свое мнение о произведении и о позиции автора (оценка автором поступков героя, прогнозирование возможного развития сюжета и т.п.). Исследование позволило получить количественные показатели результатов восприятия иностранцами художественного текста на русском языке. Степень адекватности восприятия смысла предложенных художественных текстов составила всего 30%.

Как известно, смысловая интерпретация художественного текста, предполагающая выделение в тексте собственно смысла, не может быть выражена однозначно. Всякое художественное произведение предполагает множество интерпретаций и субъективно-личностный подход.

«Постижение художественного текста является результатом смыслового (и связанного с ним эмоционального) восприятия читателем средств его языкового выражения: от узнавания языковых значений текстовых единиц к распознаванию порождаемых на их основе текстовых смыслов, скрытых по большей части, и одновременно к перекодированию словесных образов текста на язык читательских представлений» (Кулибина 2001, с. 89).

Интерпретация текста нередко осуществляется по-разному в зависимости от цели, которую ставит перед собой интерпретатор, а также от личностных характеристик его самого. Можно ли определить общие критерии интерпретации художественного текста? Одним из наиболее объективных критериев может считаться соответствие смыслового понимания текста авторскому замыслу. При этом интерпретация авторского замысла может осуществляться с разных позиций: с одной стороны, это то, что хотел сказать сам автор, а с другой – то, что воспринял читатель.

Поскольку интерпретацией произведения занимаются разные люди, с разными мировоззренческими, образовательными и даже психологичяескими характеристиками, то и их восприятие одного и того же текста существенно отличаются. Тем ни менее в самом тексте мы можем выделить составляющие смысла, которые предполагают примерное совпадение интерпретаций. Одной из таких составляющих является имплицитность.

Анализируя полученные результаты, мы можем диагностировать, что проблема понимания имплицитных смыслов в значительной степени препятствует адекватному пониманию иностранцами художественных текстов на русском языке. Студенты в большинстве случаев не могут обнаружить и тем более понять имплицитную информацию, а также затрудняются эксплицировать скрытые, имплицитные смыслы, содержащиеся в художественном тексте. А ведь категория имплицитности в тексте, особенно художественном, нередко является центром его смыслового содержания. Здесь уместно будет процитировать Ю.М. Лотмана: «художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный. Именно это свойство его имеют в виду, когда говорят о многозначности художественного слова, о невозможности пересказать поэзию прозой, художественное произведение – нехудожественным языком» (Лотман 1992, с. 136). В художественном тексте, изначально многозначном и многоуровневом (в том числе и на смысловом уровне), в отличие от научного или публицистического текстов, объем имплицитно выраженной информации значительно выще, чем объем информации, выраженной эксплицитно.

Остановимся подробнее на том, что же значит понятие «имплицитная информация». Имплицитная информация является одной из наиболее существенных текстовых категорий, так как без ее понимания невозможно адекватное смысловое восприятие текста. Дискуссия о категориях текста, их количестве и критериях выделения до настоящего времени актуальна для лингвистики. Анализируя текст с разных позиций, исследователи расходятся во мнениях, какие категории можно считать облигаторными для всех текстов.

Категория имплицитности выделяется наряду с общепризнанными категориями автора, персонажа, читателя, пространства, времени, начала и конца, интертекстуальности,

поскольку большинство исследователей считают несомненным, что она является универсальной для всех текстов, созданных на естественном языке. Среди наиболее известных исследователей категории имплицитности мы можем назвать И.В. Арнольд, А.В. Бондарко, И.Р. Гальперина, З.Я. Тураеву и других (Арнольд 1999, Бондарко 2006, Гальперин 1981, Тураева 1986). Следует отметить, что понятие «имплицитность» нередко выступает под другими названиями, далеко не бесспорными, как, например, «эллипсис», «скрытые смыслы», «фоновые знания», «подтекст», «подразумевание», «опущенная часть информации», «неполнота высказывания» и даже «интертекстуальность». По этому поводу хотелось бы заметить, что такие понятия как «эллипсис» и «подтекст», на наш взгляд, представляют лишь разновидности имплицитной информации, а «интертекстуальность» является важной категорией текста, которая выражена далеко не всегда имплицитно.

Чаще всего под имплицитностью понимается ассиметрия плана содержания и плана выражения, когда содержание мысли оказывается значительно шире своего выражения в языковых единицах (Жарина 2006, с.9). Имплицитность – сложное понятие, в нем отражены различные лингвистические и экстралингвистические факторы. Всю имплицитную информацию, по нашему мнению, можно было бы разделить на тематические группы:

- общежитейские, бытовые знания;
- культурологические знания;
- этнопсихологические знания;
- общественно-исторические знания;
- профессиональные знания.

Согласно лингвокогнитивной модели имплицитности, предложенной А.В Бондарко, имплицитность является формой существования знания в языке и речи. Можно говорить о следующих формах когнитивного явления «имплицитность»: 1) имплицитное знание, 2) имплицитное значение и 3) имплицитный смысл. Имплицитное знание в качестве латентного фактора включено в языковое значение и проявляет себя опосредованно. Вероятно, наиболее простыми вариантами такого знания мы можем назвать табуизацию (запрет на произнесение определенных слов) и эвфемизмы (замена грубых или слишком эмоциональных слов на более нейтральные). Понятие «имплицитное значение» введено Л.В. Бондарко и подразумевает интерпретационный компонент, включенный в языковое значение в форме семантически немаркированной составной части грамматических категорий (один из членов привативной оппозиции в структуре грамматических категорий аспектуальности, темпоральности, модальности, персональности, локативности, посессивности и других не маркирован). Когда мы говорим, что «нечто представлено в речи имплицитно», мы имеем в виду, что необходима некоторая мыслительная операция для установления связи между ситуацией, усвоенным знанием и (в некоторых случаях) формой высказывания (Бондарко 2006, с.23).

Имплицитный компонент является неотъемлемой частью и содержательной, и смысловой структуры художественного текста, так как часть информации передается в скрытом виде. Если фактографическую канву произведения обычно составляет инвариантное содержание, то в подтексте читатель может обнаружить множество скрытой информации, очень важной для смысловой интерпретации художественного текста.

Вместе с тем следует отметить, что для носителя языка обнаружение и понимание имплицитной информации в большинстве случаев сведено к автоматизму, воспринимается нередко на подсознательном уровне и не требует отдельной вербализации. Навык восприятия имплицитного в любом высказывании и тем более в художественном тексте настолько автоматизирован, что лишь особая организация речевого контекста (в художественных произведениях авторы преднамеренно создают такие прецеденты) способны «вернуть» говорящего к сознательной полной или частичной экспликации имплицитного.

Обычно формальное (внешнее) восстановление (экспликация) имплицитной информации текста не является обязательным для читателя, прекрасно понимающего смысл

текста. «Квалифицированный читатель понимает текст, не прибегая к помощи разного рода комментариев, не зная ничего о прежних его интерпретациях, оценках признанных авторитетов и т.п., опираясь только на то, что сказано автором в тексте, а также на собственный жизненный и читательский опыт в той мере, которая здесь необходима. Постижение художественного текста является результатом смыслового (и связанного с ним эмоционального) восприятия читателем средств его языкового выражения: от узнавания языковых значений текстовых единиц к распознаванию порождаемых на их основе текстовых смыслов, скрытых по большей части, и одновременно к перекодированию словесных образов текста на язык читательских представлений» (Кулибина 2007, с.16)

Но в случае с читателем-иностранцем такого узнавания, распознавания и перекодирования в большинстве случаев не получается, напротив, нередко происходит утечка информации через смысловые лакуны. Высокая степень имплицитности художественных текстов создает определенные трудности понимания их смысла иноязычными и инокультурными читателями. Когда за чтение текста берется иноязычный читатель, то количество имплицируемых смыслов увеличивается, поскольку некоторая часть эксплицитной информации для него также становится скрытой.

Для понимания имплицитной информации иноязычного текста читателю необходимо активизировать весь свой социокультурный потенциал, использовать знания из разных сфер жизни. Реалии иноязычного и инокультурного художественного текста вызывают большие трудности при чтении. Неожиданный ракурс, «обратная перспектива», взгляд сквозь призму другого языка – можно по-разному назвать причину того, что читая иноязычный художественный текст, читатель не всегда может представить и тем более понять даже обычную бытовую ситуацию, не говоря уже о ситуации, насыщенной историческими или культурными реалиями.

Тем более непонятна и глубоко имплицирована такая характеристика художественного текста (и вместе с тем важная составляющая его понимания на уровне смысла), как авторская оценка происходящего в произведении.

Для смысловой интерпретации художественных текстов мы выделили отдельные элементы, в большей степени насыщенные имплицитной информацией:

- заглавие текста
- начало текста
- конец текста
- имена собственные

Еще один подход к работе с имплицитной информацией в художественном тексте предполагает выявление средств актуализации имплицитных смыслов или маркеров имплицитной информации. В качестве них могут рассматриваться языковые единицы разных уровней: грамматические, синтаксические, лексические, стилистические приемы, эмфазы, а также пропуски. Текстовая импликация создается стилистическим контекстом, а стилистические средства ее только маркируют, причем рамками контекста является единица текста – эпизод (Краже 1986, с.7).

Для того, чтобы проверить, как понимают имплицитный смысл иностранные студенты, мы провели исследование в группах 2 и 3 курсов (участвовали студенты-нефилологи и филологи). Для смысловой интерпретации был выбран рассказ В.Пьецуха «А что у вас, ребята, в рюкзаках?» (Пьецух 1997, с. 65-68).

Студентам было предложено прочитать это небольшое произведение и выделить тему, главную идею, разделить рассказ на смысловые части и подчеркнуть непонятные места. На этапе предтекстовой работы было предложено также попытаться спрогнозировать содержание рассказа, исходя из заглавия, а затем и по началу текста (первое предложение). Также нужно было тремя-четырьмя прилагательными охарактеризовать главных героев рассказа.

Заглавие текста «А что у вас, ребята, в рюкзаках?» навело студентов на мысль, что 1) это рассказ о туристах, 2) наверное, люди взяли чужое, 3) это рассказ о покупках и

посещении магазина. Надо отметить, что в рассказе действительно имела места кража, совершенная безработными жителями деревни Дегуниным и Хвостовым. Из первого предложения студенты узнали, что название рассказа – текст песни. Но понять ее смысл они затруднялись. Скрытая ирония в противопоставлении «жизненных ценностей» и «северного сияния и Манифеста коммунистической партии» была не обнаружена, непонятным остался и принцип такого сопоставления.

Конец произведения, в котором, собственно и показана авторская позиция по отношению к Крутову также не был понят (Крутов задерживает Дегунина и Хвостова, затем отпускает, а потом выясняется, что он и сам не имеет никаких выгод отгосударства, которому служит:

«*Хвостов с Дегуниным лениво, точно нехотя, спешились и побрели в сторону своего Савкина, с каждой минутой смазываясь и мельчая. Младший лейтенант Крутов крикнул им вслед:*

- *А зарплату, между прочим, я полгода не получал*» (Пьецух 1997, с. 68).

Характеристики главных героев были даны очень немногословно: Хвостов и Дегунин (их характеризовали вместе): «ленивые», «хитрые», «болтливые», «не любят соседей», «не хотят работать», «лживые». Лейтенант Крутов: «добрый». «строгий», «веселый», «шутливый». «принципиальный». Как видим, только часть выбранных характеристик соответствует действительности.

Студенты отнесли рассказ к следующим темам: «Жизнь человека в деревне», «Милиционер на работе», «Воровство», «Город и деревня». Как видим, тема произведения определялась исходя из сюжета.

Студенты затруднялись назвать основную мысль текста. Были высказаны такие варианты: «Воровать плохо, а Крутов смотрит за порядком», «Жители деревни не любят городских, потому что город грабит деревню», «Милиционер плохо работает, потому что ему не дают зарплату». Следует отметить и другие моменты, которые студенты не поняли.

Например, реплика героя рассказа понятна всякому русскоязычному читателю и без комментариев: «*Все-таки Россия проклятая страна: при тех колбасы не было, деньги были, при этих денег нету, колбаса есть!*» (Пьецух 1997, с. 66) При чтении рассказа в иностранной аудитории для ее понимания потребовалось объяснить значение местоимений «при тех» (советские времена, когда ощущался дефицит продовольственных продуктов) и «при этих» (эпоха конца 90-х годов 20-го века, безработица, кризис, задержка выплат).

Или другое предельно прозрачное высказывание героя: «*А городские нас обкрадывают, как сказать...планомерно, и, наверное, еще с княгини Ольги город жирует за счет села*» (Пьецух 1997, с. 67). В данном отрывке одновременно имплицированы историческая информация («еще с княгини Ольги» обозначает «очень давно», «жирует за счет села» - перекос в государственной политике, делавшей упор на развитие промышленности, а не сельского хозяйства, «планомерно» - такое неравенство предусмотрено государственными программами и планами), на стилистическом уровне – просторечные слова «обкрадывает», «жирует», субстантивированное прилагательное «городские» (горожане, городские жители, дачники из города) имеет пренебрежительный оттенок. Невербальная имплицитная информация выражена заминкой в речи героя (он подбирает слово «планомерно», чтобы более хлестко уязвить хозяев дачи, у которых деревенские безработные воруют «провиант». В тексте можно найти продолжение этой мысли (также развитие идеи «при тех» и «при этих»): «*и при царе земледельца грабили, и при коммунистах грабили, то есть грабили - не то слово*!» (Пьецух 1997, с. 67)

Таким образом, был подтвержден первоначальный тезис о том, что понимание имплицитной информации художественного текста является наиболее сложной задачей для иноязычного читателя.

Каким образом преподаватель может снять трудности понимания, вызванные имплицитной информацией? В его распоряжении немало средств:

- актуализация фоновых знаний, необходимых для понимания текста;

- объяснение ситуаций, содержащих имплицитную информацию;
- развитие умений смыслового понимания текста;
- развитие умений находить имплицитную информацию в тексте, а также выявление маркеров имплицитной информации;
- использование наглядности, которая поможет избежать неадекватности понимания (иллюстрации к рассказу, фотографии, презентации и даже фильм-экранизация данного литературного произведения).

В дальнейшем мы планируем разработать учебное пособие, в котором будут представлены задания, предназначенные для развития умений смыслового понимания, а также поиска и экспликации имплицитной информации, мешающей адекватной смысловой интерпретации художественных текстов.

Адекватное восприятие и смысловая интерпретация художественных текстов на русском языке иностранными студентами– это сложная и трудная задача. Иностранный студент должен настолько расширить свой лингво- и социокультурный потенциал, приобрести богатые фоновые знания и выработать навыки их использования. Только тогда он сможет получать истинное наслаждение, читая художественные произведения и приобщаясь к достижениям мировой культуры.

«Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом еще витает некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную, - писал Д.С. Лихачев. - Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни» (Лихачев 1985, с. 128). Добиваясь такого понимания, можно не только более успешно сформировать вторичную языковую личность иностранного студента, но и ввести его в контекст мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

АРНОЛЬД, И.В. 1999. *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.

БОНДАРКО, А.В. 2006. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики. *Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность/ имплицитность выражения смыслов*. Калининград-Светлогорск: Издательство РГУ им. И.Канта, с. 21-27.

ВЕРЕЩАГИН, Е.М., КОСТОМАРОВ, В.Г. 1985. О национально-культурной семантике слова, обусловленной его внешней формой. *История русского литературного языка и стилистика*. Калинин: Издательство КГУ, с. 46- 58.

ГАЛЬПЕРИН, И.Р. 1981. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Наука.

ЖАРИНА, О.А. 2006. *Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста (на материале русского и английского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* Ростов-на-Дону.

КРАЖЕ, С.Г. 1986. *Маркеры текстовой импликации (на материале современного английского языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* Ленинград.

КУЛИБИНА, Н.В. 2001. Зачем, что и как читать на уроке. *Художественный текст при изучении русского языка как иностранного.* Санкт-Петербург: Златоуст.

КУЛИБИНА, Н.В. 2007. Язык и литература: один учебный предмет или два. *Русский язык за рубежом, № 3,* с.12-18.

ЛИХАЧЕВ, Д.С. 1985. *Письма о добром и прекрасном.* Москва: Детская литература.

ЛОТМАН, Ю. М. 1992. Статьи по семиотике и типологии культуры. *Избранные статьи в 3-х томах.* Таллинн: Александра.

ПЬЕЦУХ, В.А., 1997. А что у вас, ребята, в рюкзаках? *Государственное дитя.* Москва: Вагриус, с. 65-68.

ТУРАЕВА, З.Я. 1986. *Лингвистика текста.* Москва: Просвещение.

Maryna Rodzina
Minsk State Linguistic University
Research interests: teaching methodology, foreign language, Russian as a foreign language, communicative linguistics, lingvokulturology, linguistic and socio-cultural potential of literary texts, the semantic interpretation of the text, the use of innovative technologies in teaching

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE UNDERSTANDING OF THE IMPLICIT INFORMATION IN THE LITERARY TEXT

Summary

This article is devoted to the problems of teaching Russian as a foreign language and the semantic interpretation of a literary text, in particular. The concept of implicit information and the criteria of its classification are analized. The difficulties that foreign students encounter when comprehending implicit information are defined while reading a story by one of the Russian modern writers. Different types of implicit information are considered as well as different ways of teaching foreign students how to understand implicit information of a literary text are described. These are: using a screen version, revealing special markers of implicit information and actualization of background knowledge.

KEY WORDS: culture, literary text, implicit information, understanding, semantic interpretation, Russian as a foreign language, the author's idea, the idea, explication, markers of implicit information, background knowledge.

Инесе Сухане
Даугавпилсский Университет,
Виенибас 13, LV-5401, Даугавпилс, Латвия
Научные интересы: латышско-русские литературные контакты (1991 – 2011).

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗА ПРОСТРАНСТВА В ПРОЗЕ С. СОКОЛОВА И Я. ЭЙНФЕЛДСА

В статье затрагиваются и освещаются вопросы о латышско-русских литературных контактах в 21-ом веке и типологических схождениях обеих национальных литератур. Рассматривается и сравнивается теоретическая литература по таким вопросам как типология, образ и пространство.

*В статье анализируется типология образа пространства в романе С. Соколова „Школа для дураков" и в романе Я. Эйнфелдс**а** „Книга свиней".*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: типология, образ, пространство.

Благодаря непрерывному культурному обмену и взаимодействию, культура обогащается, становится разнообразней. В любую эпоху в развитии культурных связей особо значимая роль отводилась литературе. Литературовед Николай Конрад указывает:

Общем значении литературные контакты – это влияние одной литературы в мир другой литературы (Конрад 1972, с. 319).

В сравнительном литературоведении или компаративистике одним из важнейших терминов являются литературные контакты. Литературовед Виктор Жирмунский писал:

Сравнение не уничтожает специфического качества изучаемого явления (индивидуального, национального, исторического); напротив, только с помощью сравнения можно установить, в чем заключается это качество (Жирмунский 1979, с. 137).

Также влияние литературы другого народа не уменьшает роль национальной литературы, а помогает раскрыть её новые особенности.

Латышско-русские литературные контакты имеют древние и богатые традиции, восходящие к фольклору. На протяжении многих веков под влиянием политических и экономических обстоятельств эти связи пережили и процветание, и искусственно созданное замораживание, однако сохранили тесную связь и взаимодействие двух культур – латышской и русской. Однако, анализируя новейшие литературные процессы в латышской и русской литературе, приходится сделать вывод, что в них в основном обнаруживаются типологические схождения, а не прямые литературные контакты. Различия между двумя национальными литературами особенно ярко выражены, поэтому, только основываясь на типологию, две национальные культуры могут найти схожие темы, концепты.

Нужно отметить, что в анализе двух национальных литератур не всегда возможно четкое разграничение влияний, заимствований и типологических схождений. Типология – это классификация по существенным признакам. Румынский компаративист Александр Дима отмечает:

Типологические схождения зачастую переплетаются с явлениями, относящимися к области влияний и источников. Так, появление разнообразных литературных течений и школ, которые относятся к области типологических схождений, обусловлено также и влияниями, выступающими в качестве дополнительного стимула. Вот почему в любом сравнительно-историческом исследовании необходимо четкое разграничение межлитературных контактов и типологических схождений» (Дима 1977, с. 153).

В отличие от этого В. Жирмундский считает, что при анализе литературного феномена необходимо не разграничивать типологические схождения и влияния, заимствования, но объединять оба этих метода, так как между литературами возможны совпадения и схождения, не имеющие в своей основе генетической близости, но которые появились, как результат общественно-исторического и культурного развития народов. В

свою очередь литературовед Юрий Лотман отмечает, что *типологический подход необходим и при изучении близких и современных явлений в не меньшей степени, чем далеких и необычных* (Лотман 2000, с. 449).

Персонаж является одним из трех элементов (действие – среда - персонаж), составляющих мир любого повествования. Художественный образ – это всеобщая категория художественного творчества, форма истолкования и освоения мира с позиции определенного эстетического идеала путем создания эстетически воздействующих объектов. Литературовед Витольд Валейнис указывает:

Художественный образ – это общее отображение явлений, которому присуще эстетическое значение. Значит в художественном образе соединяется индивидуальное с общим. Художественный образ служит для индивидуализированного обобщения явлений с точки зрения эстетических идеалов (Valeinis 2007, с. 28).

Художественным образом также называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении. Идейно-тематическое содержание художественного произведения раскрывается в образах. В литературных образах в индивидуальной форме раскрывается общее, закономерное. Каждый литературный образ воспринимается, как своеобразная синекдоха (троп, разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними), которая частью характеризует целое, общее. В свою очередь литературный образ или персонаж – это с помощью слов созданное образно-эмоциональное представление, которое формируется в контексте художественного произведения, в более широком значении – представление, которое возникает в восприятии читателя при прочтении литературных произведений. Литературный образ неисчерпаем, как и действительность. Нидерландский литературовед, славист Виллем Вестстейн отмечает:

Литературный персонаж – это не просто сумма значений, более или менее объективно устанавливаемых на основе текста. Крайне важно, что эти данные взаимосвязываются и интерпретируются. Литературный персонаж – это конструкция, создаваемая читателем на основе индикаторов, тут и там рассыпанных по всему тексту (Вестстейн 2003, с. 235).

Для каждой культуры характерно свое понимание времени и пространства, которое отображает литература, так же каждый писатель по-своему, индивидуально воссоздает главные категории художественного мира – пространство и время. Литературовед Фёдор Фёдоров отмечает:

Художественный мир, также как и объективный мир, не существует вне пространства и времени; пространство и время – это формы его существования, его обязательные атрибуты (Федоров 1988, с. 11).

В свою очередь литературовед Бронислав Табун акцентирует:

Время и пространство – это качества объективной действительности, универсальные свойства и формы существования материи, его органически взаимосвязанные константы (Tabūns 1988, с. 143).

То, каким образом отображены главные категории художественного мира, и раскрывается специфика различных культур. Литературовед Валдис Киканс делает вывод:

Художественное время и пространство или хронотоп является неотъемлемым свойством художественной литературы с её первоистоков. Этот феномен следует строго разграничивать с астрономическим временем и географическим пространством, с чем неразрывно связан сюжет и характеры литературного произведения. Понятие времени – пространства включает в себя различные эпохальные и пространственные изменения, которые высвечивают субстациональные и типологические свойства и особенности литературного образа. (Ķikāns 1994, с. 3)

Русский литературовед и теоретик искусства Михаил Бахтин, акцентируя единство, неразрывность и взаимодействие времени и пространства в рамках хронотопа, указывает:

В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. [..] Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем (Бахтин 1975, с. 235).

Пространство в литературном произведении является образно-сюжетной предметной средой, которая может быть открытой (природное пространство) или закрытой (бытовое пространство), реальной или абстрактной. Под понятием „художественное пространство" понимается поэтический мир поэта, заново созданное пространство, изображение перевоссозданной действительности, которое через художественные образы выражает взгляды поэта, его понимание действительности.

В настоящее время пространство трактуется как некий порядок расположения предметов или расстояние между ними и от наблюдателя до объекта осязания. Литературовед Елена Евтушенко указывает:

Современная концепция о пространстве предопределена первоначальным, мифопоэтическим пространством, наделенным одухотворенностью и качественным богатством и породившим множество бинарных пространственных оппозиций и основные параметры членения мира (небо – земля, внутренний – внешний, высокий – низкий, далекий – близкий и т.п.) (Евтушенко 2007, с. 413).

Для исследования аспекта типология образа пространства выбраны роман Саши Соколова „Школа для дураков" и роман Яниса Эйндфелдса „Книга свиней".

Саша Соколов (настоящее имя Александр Соколов) является одним из значительных русских писателей XX века, языковой кудесник, который блещет остроумной и элегантной игрой слов, один из немногих, кто, смело переосмысливая лучшие традиции классики, возвращает русской литературе современное и всемирное звучание. Творчество Саши Соколова – значительное и загадочное явление русского языка и литературы второй половины XX века. Мифотворец и эксцентрик, постмодернист и новый классик, блестящий стилист и тонкий психолог, который органично сочетает в своих произведениях постмодернистские приёмы и поток сознания с особым вниманием к слову и следованием традициям классической литературы. Его романы («Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия») как будто вихрь звуков, ритмов и ассоциаций, который создает и развивает сюжет, они кардинальным образом повлияли на развитие новой русской прозы. Саша Соколов свой писательский стиль называет „проэзией" – комбинацией прозы и поэзии.

Любовь читателей и признание критиков Саша Соколов получил в семидесятых годах после опубликования первого романа «Школа для дураков» (в своё время наиболее сюрреалистического произведения современной русской литературы). Роман был написан в шестидесятых и распространялся через самиздат. Впервые был опубликован издательством «Ардис» в США в 1976 году уже после эмиграции Соколова. В романе автор, пренебрегая сюжетностью и даже определённостью хода времени (понятия прошлое, настоящее и будущее в романе смешаны), живо создаёт образ сознания парня (ученик Такой-то) в возрасте около 14 лет, страдающего раздвоением личности. Помимо этого в книге поднимаются фантасмагорически осмысленные проблемы советского общества – репрессии, гонения на генетику, воинствующий атеизм.

Прозаик Янис Эйнфелдс является автором трех романов и четырех сборников рассказов, его считают выдающимся латышским постмодернистом. Я. Эйнфелдс принадлежит поколению прозаиков, которые входят в литературу в середине девяностых годов 20-ого века, их вхождение в литературу происходит между двумя „пост" – постсоциализмом и постмодернизмом. Ирония и гротеск, пародия и тотемизм, романтизм и абсолютный реализм, от сюрреализма вплоть до дикого натурализма – таков мир прозы Эйнфелдса, в котором действуют самые невоброзимые герои и в основе основ которого закодирована необходимость преодолевать любого типа преграды, неписанные законы и границы, на которых автор непрерывно балансирует. Реальное и ирреальное, живое и неживое в мир его прозы входят как явления одного семантического блока, в свою очередь систему

образов обогащает введение кодов различных культур, нет также недостатка в различных сентенциях и пародоксах, а визуальную образность делают более богатой яркие олицетворения и оригинальные сравнения. Литературные критики признают, что каждая книга Я. Эйнфелдса как большой вопросительный знак, что декларирует смущающую, даже вызывающую непохожесть. Благодаря своей особой стилистике работы Эйнфелдса стали существенной частью латышской прозы, создав даже своеобразный термин „эйнфелды", обозначая им принцип образности.

„Книга свиней" выходит в 1996-ом году и является первым романом Я. Эйнфелдса. В романе автор создает другую реальность – мир свиней. Он соблюдает все детали и нюансы, переводя детали мира людей в мир свиней. В центре Вселенной находится ферма, где обитает семья свиней, а также главный герой – Розовый Кедрик. Структуру „Книги свиней" создают относительно самостоятельные новеллочки, в которых изложена жизнь и дела поросенка, позднее кабана и в конце борова Розового Кедрика, "свободной свиньи без либеральных взглядов". Параллельно протекают две сюжетные линии. Одна описывает службу Розового Кедрика в армии (милитаризированные свиньи в плане кретинизма не отстают от милитализированного рода человеческого). Вторая повествует о жизни Розового Кедрика до армии: ферма, школа, проживание в столице, в каком-то пансионе, муки любви, дружба с богемными свинскими стихоплетами и т.д.

В обоих романах – и в „Школе для дураков" С. Соколова и в „Книге свиней" Я. Эйндфелдса – параллельно протекают две сюжетные линии. В романе С. Соколова „Школа для дураков" первая сюжетная линия описывает блуждание главного героя, мальчика из срецшколы, в воспоминаниях (город, школа, район дач, река, железнодорожная станция, пруд, кладбище и др.):

К пруду вели, по сути дела, все тропинки и дорожки, все в нашей местности. От самых дальних дач, расположенных у края леса, вели тонкие, слабые, почти ненастоящие тропинки. Они едва светились вечером, мерцая, в то время как тропинки более значительные, протоптанные издавна и навсегда, дорожки настолько убитые, что не могло быть и речи, чтобы на них проросла хоть какая-нибудь трава, – такие дорожки и тропинки светились ясно, бело и ровно (Соколов 2009, с. 10).

Вторая сюжетная линия вводит читателя в мир мечтаний ученика такого-то, где свободно блуждают ловец бабочек и инженер с машиной:

Но главное в следующем: я утверждаю, что белый мальчик не стоит, а сидит – это темный мальчик, сидящий на фоне белой зари, книга за книгой, на траве, это мальчик-инженер, которого ждет машина, и он сидит на своем постаменте точно так же, как Савл Петрович – на подоконнике в уборной, грея ступни ног, когда мы идем и входим разгневанно, неся в портфелях наших энтомологические заметки, планы преобразования времени, разноцветные сачки для ловли снежных бабочек, причем длинные, почти двухметровые древки этих прекрасных снастей торчат из портфелей и задевают углы и самодовольные портреты ученых на стенах (Соколов 2009, с. 67).

В свою очередь в романе Я. Эйнфелдса „Книга свиней" одна сюжетная линия описывает службу Розового Кедрика в армии (милитаризированные свиньи в плане критинизма не отстают от милитализированного рода человеческого), где свиньи воюют с волками:

Шел уже четвертый день с начала войны между свиньями и волками. Такой настоящей схватки еще не было. Поэтому свиньи были спокойны и их разумы сдружились с лесом, ночью, огнём, землёй и небом.

Недалеко рычали машины. Свиньи прислушались.

С наступлением темноты машины (грузовые машины) с зажжеными фарами въехали в свинский лагерь.

- *Новички прибыли! Новички прибыли! Пополнение!– кричали со всех сторон.*

Воинствующие свиньи окружили вновь прибывших.

Среди прибывших был и Розовый Кедрик – хряк, который впервые видел так много свиней, которые вылезали из темноты (Einfelds 1996, с. 11).

Вторая повествует о жизни Розового Кедрика до армии:

Розовый Кедрик пришел к директору школы, кабинет которого находился на веранде, которая была похожа на брошенную оранжерею. Директор был серый, невыразительный хряк, который принял нового поросенка приветливо. Разговор не был длинным, поросенку дали форму, белье, отвели комнату, в которой все время гулял сквозняк, и призвали учиться прилежно (Einfelds 1996, с. 24).

Эти параллельные сюжетные линии решаются в разных пространствах: реальном и абстрактном, в свою очередь круг тем и повествование как в одном, так и во втором романе вводит в аллегорически созданные миры. В романе С. Соколова – это мир людей, в котором для центрального образа в перспективе временная димeнсия деформирована, изменена, и в сущности не имеет особого значения:

... все зависит от времени, или наоборот – ничего от времени не зависит, мы можем все перепутать, нам может показаться, что тот день был тогда-то, а по-настоящему он приходится на совершенно иной срок. Ужасно плохо, если одно накладывается на другое без всякой системы (Соколов 2009, с. 121).

В случае Я.Эйнфелдса – это созданный мир свиней или другая действительность с выраженно персонифицированными образами свиней, для которых пояснение земногошара звучит так:

за пределами фермы есть большая ферма, а за ней еще большая и т.д. Они все сливаются в самую большую ферму, которая круглая и вращается вокруг Солнца, выбрасывая в пространство навоз и пульпу (Einfelds 1996, с. 13).

В названных романах есть ряд общих черт в создании и изображении пространственных моделей. Авторы – и С. Соколов, и Я. Эйнфелдс – создавая различные модели пространственной формы, внимательно следят за всеми деталями и нюансами. Хотя сюжеты обоих романов уже в своих основах создаются как модели сознательно исскуственно созданного мирового пространства, однако доминирующими являются эмпирическая реальность и воспроизведение конкретного пространства.

Оба романа являются работами, созданными в традициях прозы модернизма, однако нужно признать, что изображенное в романах подтверждает раскрепощённость фантации авторов и постмодернистическую игру, которая не подчиняется канону.

ЛИТЕРАТУРА

EINFELDS J., 1996. Cūku grāmata. Rīga: Karogs, 352 lpp.
KIKANS V., 1994. Māksliniecisks laiks un telpa latviešu mūsdienu poēmā. Daugavpils: Saule, 76 lpp.
TABŪNS B., 1988. Prozas specifika. Rīga: Zinātne, 210 lpp.
VALEINIS V., 2007. Ievads literatūrzinātnē. Rīga: Zvaigzne ABC, 222 lpp.
БАХТИН, М. М., 1975. Вопрсы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 502 с.
ВЕСТСТЕЙН, В. Г., 2003. Литературный персонаж: от структурализма до когнитивной науки. *Славянские чтения*. Резекне : Издательство Лагальского культурного центра, 279 с.
ДИМА, А., 1977. Принципы сравнительного литературоведения. Москва: Прогресс, 229 с.
ЕВТУШЕНКО, Е. Н., 2007. Пространственная ориентация. *Антология концептов.* Москва: Гнозис, 512 с.
ЖИРМУНСКИЙ, В. М., 1979. Сравнительное литературоведение. *Восток и Запад*. Ленинград: Наука, 495 с.
КОНРАД, Н. И., 1972. Запад и Восток. Москва: Главная редакция восточной литературы, 496 с.
ЛОТМАН, Ю. М., 2000. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 704 с.
СОКОЛОВ, А. В., 2009. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. Москва: Азбука-СПБ, 608 с.
ФЕДОРОВ, Ф. П., 1988. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 456 с.

Inese Suhane
Daugavpils university

TYPOLOGY OF THE SPACE IMAGE IN THE PROSE OF S. SOKOLOV AND J. EINFELD

Summary

In any era in the development of cultural relations an especially significant role is assigned to literature. The influence of literature of other people does not diminish the role of national literature, and it helps to reveal new features.

Tracking the latest literary processes in Latvian and Russian literature, we must conclude that they are mainly identifiable in typological similarity rather than in direct literary contacts, because the differences between the two national literatures are particularly evident, therefore, merely based on the typology, in the two national cultures can be found similar themes, concepts.

Sasha Sokolov is one of the most important 20th century Russian writers. John Einfelde is considered the most distinguished Latvian postmodernists. In the two novels – both S. Sokolov, " School for Fools " and J. Einfelde "Pig Book" - two plot lines, which are being conducted in different spaces, go in parallel. Novels are a number of common features of spatial models and display.

KEY WORDS: typology, image, space.

Алуа Темирболат
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби,
проспект Аль-Фараби, 71, 050040, Алматы, Республика Казахстан
alua_t@mail.ru
Научные интересы: проблема художественного времени и пространства, темпорального ритма; вопросы взаимодействия национальных культур; проблемы современной практической риторики, НЛП; инновационные методы преподавания филологических дисциплин.

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ КАЗАХСТАНА

Статья посвящена исследованию проблематики произведений современных писателей Казахстана. В ней раскрываются представления прозаиков о вечных и общечеловеческих категориях, ценностных ориентирах бытия. В качестве объекта исследования выбраны произведения Ануара Алимжанова, Сатимжана Санбаева, Булата Жандарбекова, Ролана Сейсенбаева, Аслана Жаксылыкова, Дмитрия Снегина, Герольда Бельгера, Михаила Пака. На основе изучения их творчества выявляются своеобразие художественного мира писателей, их эстетических взглядов, особенности пространственно-временной организации их произведений. В статье уделяется внимание концепции бытия прозаиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категория, концепция, бытие, время-пространство, многогранность, мир человека, проблема.

Современную прозу Казахстана отличают многогранность, емкость художественных образов, глобальность поднятых проблем, психологизм повествования. В ней органично сочетаются различные тенденции, литературные традиции.

В современной прозе Казахстана наблюдается углубленный интерес к историческому прошлому народа. Огромный акцент писатели делают на постижении внутреннего мира человека, его взаимоотношений с окружающей действительностью. Вследствие чего особое звучание приобретают проблемы нравственной памяти, отчуждения, смысла бытия, обретения гармонии. На страницах своих произведений писатели размышляют о сущности таких понятий, как любовь, счастье, добро, истина. Яркий пример тому – творчество А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака.

Содержание произведений данных писателей пронизано рассуждениями авторов и героев о вечных и общечеловеческих категориях, что способствует выходу героев в иные пространственно-временные измерения. Так, большое внимание прозаики уделяют теме любви. О ее сущности и роли рассуждают герои практически всех произведений писателей. Любовь, согласно их точке зрения, «плоть жизни», «начало всех начал». Без нее «для человека нет зерна наслаждений, радости и страданий». Она выше всех чувств, и ее таинство священнее всех тайн (Алимжанов 2003, с. 15). Соответственно любовь позволяет человеку выйти за пределы своего частного хронотопа, ощутить свою сопричастность судьбе другого человека, шире – окружающему миру. Она открывает людям иное пространственно-временное измерение, в котором происходят нередко эволюция их взглядов, их духовное преображение.

Любовь в понимании прозаиков характеризуется дуализмом. Ибо данное чувство несет в себе иногда безумство, предательство. Любовь порой обрекает человека на муки. «Желая дать свободу, она может сковать цепью; желая защитить, она может бросить в огонь ада» (Алимжанов 2003, с. 20). Эта двойственность обусловливается сочетанием высокого и низкого начал, духовного и физического. Любовь, как известно, с одной стороны, – чувство, формирующееся в сердце человека, с другой – она связана со страстью, порождаемой

желанием плоти. Отсюда ее противопоставление разуму, знанию, которые, считает Учитель – главный герой романа А. Алимжанова, всегда верны человеку и призваны освещать его дорогу в океане жизни.

Любовь, согласно концепции писателей многолика. Она переменчива, и потому ее невозможно познать до конца.

Любовь, по мнению А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака, несмотря на свой дуалистический характер, представляет собой «совместность желаний». Ее поиски – это стремление к единству двух начал. Ибо «любовь в своем проявлении лишь тогда любовь, когда два «я» сливаются в единое "я"» (Алимжанов 2003, с. 44). Соответственно в идеале данное чувство способствует слиянию частных хронотопов людей. Более того, она вечна. Ей неведомы ни временные, ни пространственные границы. По мысли прозаиков, все на земле меняется, неизменной остается лишь любовь.

Любовь выступает в романах писателей залогом будущего человечества. Ибо лишь гармония отношений людей в настоящем способна продвинуть их в грядущее. Она, по мнению А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака, обеспечивает продолжение рода человеческого во времени.

Любовь, считают писатели, – дар божий. Она связывает хронотоп человека с небесным миром, возвышая его духовно. Подобно крови, она течет по жилам человека, согревая его в минуты жизненных бурь.

Большое внимание писатели уделяют проблеме счастья. В их понимании оно является материальной категорией. Счастье ощутимо. Так, например, в восприятии героев романа Р. Сейсенбаева «Если хочешь жить» оно ассоциируется со слепящей, солнечной, снежной вершиной горы.

Данная категория, по мнению прозаиков, носит относительный и многозначный характер. Счастье переменчиво и невозможно точно сказать, в какой момент ощущение счастья охватывает человека и что составляет его суть. Оно, по мысли писателей, недосягаемо, мимолетно, быстротечно. Мгновения счастья похожи на всполохи, которые, едва загоревшись, гаснут. В этом плане оно противопоставляется горю, поражениям человека. Ибо драматические ситуации, считают писатели, более продолжительные во времени.

Проблема счастья переплетается в произведениях А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака с темой родины. Согласно их концепции, хронотоп каждого человека неразрывно связан с хронотопом его земли. Поэтому людей постоянно тянет на родину. Находясь на чужбине, они мечтают о возвращении домой, стремятся умереть на своей земле.

В прозе А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака неоднократно поднимается тема жизни и смерти. Она вводится в связи с размышлениями героев о смысле бытия. Смерть в их понимании предстает как иное, отличное от реальной действительности, пространственно-временное измерение, очутившись на пороге которого, человек подводит итог своей жизни, дает оценку своим поступкам и делам, переосмысливает прошлое. Смерть подчеркивает конечность бытия людей, ограниченность их частных хронотопов, считают писатели. Герои их произведений рассматривают ее как неизбежность. «Курал, – говорит Бекен в романе Р. Сейсенбаева «Если хочешь жить», – тысячу лет никто из нас не проживет. И перед смертью человек должен вспомнить не только свою жену и детей. Он еще что-то должен вспомнить – дело свое, главное дело своей жизни, лишь тогда он сможет спокойно закрыть глаза» (Сейсенбаев 1983, с. 20).

Смерть, согласно концепции писателей, материальна, ибо человек в любой момент может оказаться в ее объятиях. Она представляет собой закономерный финал жизни людей. Именно поэтому категория смерти переплетается в произведениях писателей с образом

круга. В него становятся рабочие, подбежавшие к умирающему Медведеву. Круги над покойным грабарем наматывает степной орел («Медный колосс» С. Санбаева).

Соответственно бытие человека – лишь мгновенный сон, который пройдет и больше не повторится. Жизнь – преходящая категория. Она кратковременна, быстротечна, противоречива и зависит от судьбы. Отсюда возникновение в стихах Рудаки, которые цитирует А. Алимжанов в своем романе «Возвращение учителя», образа петли. В нее, считает известный восточный поэт, затягивается жизнь. Петля символизирует замкнутость хронотопа бытия человека.

Однако, у людей, занимающих особую пространственно-временную позицию в обществе, утверждает Р. Сейсенбаев в своем романе «Мертвые бродят в песках», жизнь и смерть характеризуются оригинальностью, неповторимостью, яркостью. В качестве примера этому автор приводит образ Акбалака. По его словам, жизнь жырау-музыканта была необычной, ибо он был поэтом, певцом, сложившим множество произведений, которые навсегда останутся в памяти людей, а потому и смерть его была запоминающейся, неординарной. Умирая, он сочинил замечательный кюй и завещал друзьям соединить его тело с морем, с Карашаш, исчезнувшей в пучинах Арала.

Смерть, считает С. Санбаев, несет в себе нечто невероятное, жестокое и несправедливое. Жизнь представляет собой, по мнению писателя, поток. Автор сравнивает ее с рекой. Причем жизнь неподвластна человеку. У нее есть свои законы и правила. Поэтому человек не может противостоять ей.

Размышления писателей о жизни и смерти переплетаются с рассуждениями о теле и душе. Они противопоставляют данные категории. В представлении прозаиков тело обладает определенным физическим пределом. Оно устает, болеет, стареет, изнашивается. Тело подвластно времени. На нем годы оставляют свой отпечаток. Душа – вечная категория. Ей неведомы усталость, старость. Она не нуждается в отдыхе. Душа, считает Р. Сейсенбаев, напоминает собою навьюченного верблюда, влачащего на себе бремя судьбы человека.

Размышления авторов, героев о жизни и смерти переплетаются в прозе писателей с идеями о преходящем и вечном. Согласно их представлениям, мир по своей природе двуедин. Он делится на земной, связанный с бытием людей и характеризующийся конечностью, замкнутостью хронотопа, и божественный, неподвластный времени и не имеющий пространственных границ.

Смерть в дилогии Б. Жандарбекова «Саки» предстает, во-первых, как освобождение от бренности земной жизни. О ней мечтают вожди сакских племен, впавшие в отчаяние и ощущающие свою беспомощность перед Спаргаписом. В этом плане смерть воспринимается в качестве перехода в иное пространственно-временное измерение, в котором нет зла, насилия, борьбы за власть, врагов. Она в противовес жизни воплощает собой гармонию и успокоение. Во-вторых, смерть неразрывно связана с творческим началом в человеке. Она сливается с понятием бессилия. Поэтому, потеряв способность сочинять сказания, песни, Зал чувствует себя умершим. Жизнь теряет для него смысл, поскольку он не может созидать и творить, а значит, устремляться в будущее, обращаясь через свои произведения к потомкам. Его хронотоп всецело замыкается на прошлом и настоящем. Соответственно смерть – это безбудущность. В-третьих, она возвышает человека до божественного мира. Открывая перед людьми путь в вечность, смерть раздвигает границы индивидуальных хронотопов людей настолько, что сказанные ими слова обретают сакральное значение. Поэтому, излагая свою просьбу Томирис, Амага говорит: «…Воля умирающего – это воля богов» (Жандарбеков 1993, с. 577).

В романе «Саки» поднимается тема вечной жизни. О ней мечтает Навуходоносор. Желая обрести бессмертие, вавилонский царь высекает на каменных плитах проспекта Айбуршабум, ведущего к храму богини любви Иштар, свое обращение к верховному владыке Мардуку с просьбой подарить ему вечную жизнь. Под ней Навуходоносор понимает сохранение его имени в истории, в памяти грядущих поколений.

С темой жизни и смерти в дилогии Б. Жандарбекова переплетается мотив рока. Автор упоминает его каждый раз, когда герои оказываются в трагической ситуации, к которой подвели их собственные поступки. Поэтому рок выступает в романе как неблагоприятное стечение обстоятельств, коренным образом меняющее жизнь людей, или подводящее их к гибели. Он довлеет над героями и одновременно связан с их частными хронотопами. Подтверждение тому – гибель Вавилона. Причиной рокового конца столь могущественного города, считает автор, является трусость его жителей, попрятавшихся в своих домах во время нашествия Кира. Трагическая смерть Бардии становится следствием его необдуманных поступков и неправильных советов его пати-кшаятия. Вахъяздат, по словам автора, спеша претворить свои идеи относительно простого народа, совершает одну роковую ошибку за другой.

Согласно концепции А. Жаксылыкова, жизнь – пространственно-временной поток, в котором «мы идем, мы продолжаемся из прошлого в будущее одной только мукой и горем» (Жаксылыков 2005, с. 79). Причем основу движения бытия людей составляет пустота, а его отличительными особенностями являются переменчивость и конечность.

В этом плане ощущается влияние буддистской философии на мировоззрение писателя, которая утверждает, что «всякая экзистенция принципиально сопряжена со страданием», «все непостоянно, …бессущностно, …лишено самости» (Буддизм 2004, с. 9, 103).

В романе «Поющие камни» проходит мысль о том, что человек плывет в потоке жизни, подчиняясь ее законам. Она ведет людей, считает автор, вопреки их воле. Соответственно индивидуальное время-пространство человека замкнуто, ограничено, конечно, и оно вращается в кругу всеобщего хронотопа бытия. Рано или поздно, по мысли автора, у каждого человека наступает главная минута, когда он оказывается у последней черты. Однако смерть в понимании писателя – всего лишь «пауза» между переходами от одного «я» к другому. Ее как таковой нет. Жизнь и смерть образуют цикл, представляющий собой чередование рождений людей и их ухода в небытие. Ибо «я» человека характеризуется множественностью в силу того, что «каждое новое мгновение существует новая личность, причинно связанная с предыдущей и обусловленная ею» (Буддизм 2004, с. 104).

На страницах произведений А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака раскрывается сущность человеческого бытия. Согласно концепции авторов, жизнь людей характеризуется дуализмом. Она соткана из взлетов и падений, крайностей и противоречий, которые обеспечивают ее будущее. Ибо благодаря борьбе двух начал осуществляется движение человека во времени: из прошлого в настоящее и в будущее.

Произведения писателей пронизаны высказываниями об иллюзорности и относительности жизни. В прозе писателей раскрывается идея замкнутости и таинственности бытия. На примере своих героев А. Алимжанов, С. Санбаев, Р. Сейсенбаев, Б. Жандарбеков, А. Жаксылыков, Д. Снегин, Г. Бельгер, М. Пак показывают, что жизнь человека движется по кругу, причем заколдованному. Ибо над людьми довлеют судьба, смерть и рок. Зная о конечности своего жизненного пути, человек в то же время не может предвидеть всех его поворотов, изгибов и перипетий. Он не в состоянии преодолеть смерть. Человек не может заглянуть в потусторонний мир. Отсюда таинственность жизни, смерти, судьбы.

Большое внимание А. Алимжанов, С. Санбаев, Р. Сейсенбаев, Б. Жандарбеков, А. Жаксылыков, Д. Снегин, Г. Бельгер, М. Пак уделяют постижению природы, глубинной сути человека. Согласно их точке зрения, людям присущ дуализм. Человек, утверждают писатели, является одновременно могущественным и бессильным, волевым и безвольным, палачом и спасителем, сокрушителем и созидателем, злодеем и благодетелем. Отсюда варьирование границ индивидуальных хронотопов людей. Они то поднимаются ввысь и выходят за пределы своего времени-пространства, то погружаются в быт, отгораживаясь от мира.

Дуализм людей, по мнению прозаиков, является главной причиной всех войн, междоусобиц, бесконечной борьбы за власть. Данная особенность человеческой природы

обусловливает своеобразие его частного хронотопа. Его индивидуальное время-пространство складывается из двух противоположных начал – духовного и телесного. Они определяют поведение человека, его взаимоотношения с окружающим миром. Яркий пример тому – образ главного героя романа А. Жаксылыкова «Поющие камни». Оценивая и анализируя происходящее в окружающем мире, в самом себе, Жан постоянно акцентирует внимание на раздвоении своего «я». Его душа и тело, отмечает герой, в определенной степени существуют обособленно. Разум, сознание, память находятся в мучительном поиске гармонии, причин негативных явлений, наблюдаемых в действительности. Тело бродит по земле, испытывая боль, претерпевая лишения. Достигнув же последней черты, по мнению Жана, душа перевоплощается, переходя в другое «я». Тело покидает сей бренный мир. Отсюда бесконечность времени и безграничность пространства духа. Однако при этом, считает А. Алимжанов, хронотоп отдельной личности индивидуален, ибо «у каждого свое сердце, свой разум, свой путь» (Алимжанов 2003, с. 56).

В своих произведениях писатели показывают зависимость человека от внешних обстоятельств, постоянно корректирующих его поступки и управляющих его действиями. В частности, по мнению Р. Сейсенбаева, жизнь людей представляет собой мельницу, в жерновах которой они вращаются, постепенно становясь ее рабами. Но в тоже время прозаики утверждают, что человек – это тайна. Он не всегда подвластен приказам и планам. Человек живет по своим внутренним законам, которые ему диктует его природа. Поэтому понять его до конца и предсказать все его поступки невозможно.

В дилогии «Медный колосс» проводится мысль о единстве индивидуального времени-пространства человека и земли, на которой он живет. Автор считает, что между ними есть некая незримая связь, проявляющаяся на уровне интуиции. Свидетельством тому становится легенда, включенная в структуру произведения С. Санбаева. По преданию, Коныр осенял свои наскальные рисунки и картины тотемом – сердцем. Такую же форму, как впоследствии установили геологи, имело рудное тело, покоившееся в недрах балхашской земли. Более того, в дилогии проводится сравнение стройки с больным организмом человека. Оно подчеркивает связь хронотопов людей и объектов, которые они возводят. Фактически стройка становится смыслом их жизни.

В романе А. Жаксылыкова «Поющие камни» звучит мысль о том, что люди – механизмы. Такое определение сущности человека не случайно. Тем самым автор подчеркивает, что в процессе развития цивилизации люди утратили духовные, нравственные ценности. Они уподобились машинам, которые изобретают, ибо их эволюция направлена прежде всего на совершенствование орудий убийства.

Значительное место в данном произведении занимает вопрос об особенностях развития человечества. По мнению автора, обязательным компонентом эволюции общества является ложь. Отсюда статичность развития людей. «Завтра, – говорит Жан, – мы будем все те же – потомки уверенных хищников…» (Жаксылыков 2005, с. 58).

Следовательно, согласно авторской концепции, эволюции как таковой не происходит. Несмотря на достижения науки и техники, человечество по-прежнему пребывает в своем хищническом прошлом и обречено на безбудущность (Семенова 1989, с. 413). Причина тому – жестокость, обманчивость и коварство мира людей.

Повествуя о судьбах героев, прозаики рассматривают проблему отчуждения. Одиночество, согласно их концепции, удел каждого человека в силу индивидуальности его хронотопа. Ибо все люди имеют свой жизненный путь, который они должны пройти. Более того, согласно точке зрения А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака, причиной отчуждения человека с природой и обществом является забвение. Беспамятство возводит стену непонимания между людьми, поколениями, представителями разных социальных слоев общества. Оно вынуждает человека погрузиться в свой собственный мир, отгородиться от окружающих и надеть маску. Забвение связей с природой заставляет людей строить высокие здания, среди которых они чувствуют себя не столько защищенными от стихий, сколько одинокими. Оно служит

причиной отчуждения и обособления государств, которые используют ресурсы, не учитывая интересов друг друга. Утрата нравственной и исторической памяти ведет к обнищанию культуры и ее значительному отставанию от темпов и роста цивилизации, научно-технического прогресса.

Значительное место в произведениях А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака отводится теме добра и зла. Она составляет основу повествования в их прозе. О данных категориях так или иначе рассуждают практически все герои произведений писателей, что объясняется их стремлением разобраться в своей жизни, понять ее смысл и суть развивающихся событий. Так, тема добра и зла затрагивается в споре Абу Насра и Бану в романе А. Алимжанова «Возвращение учителя». В ее понимании эту проблему следует рассматривать в связи с категориями правды и лжи. Ибо истина, по мысли Бану, есть доброта. Аль-Фараби соотносит категорию лжи с воображением. Он полагает, что данные понятия воплощают собой два противоположных пути. Ложь призвана вводить человека в заблуждение. Воображение пытается найти прямые пути к истине.

Точка зрения героя романа А. Алимжанова перекликается с мыслями Жантаса Ахмедова из дилогии С. Санбаева «Медный колосс». Рассуждая о событиях, происходящих в жизни сотрудников комбината, герой приходит к выводу о противоречивости, сложности, жестокости и несправедливости мира. Он отмечает, что судьбы людей зависимы от обмана, клеветы, неправильного понимания и толкования явлений действительности, предрассудков. Соответственно хронотоп человека замкнут и ограничен. Люди зачастую не могут выйти за пределы круга, в котором живут и достичь истины, ибо «правда – впереди, ложь – вокруг» (Санбаев 2006, с. 292).

Такой подход к сути разных философских категорий указывает на единство мира, складывающегося из противоположных начал. Более того, постижение добра и зла, истины и лжи как взаимообусловливающих понятий подчеркивает, что все они – грани пространства духа людей. Отсюда необходимость нравственного выбора, перед которым часто оказываются герои произведений писателей.

Темы добра и зла, правды и лжи, проблема нравственного выбора составляют предмет размышлений Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака, М. Симашко. Подобно казахским писателям, они утверждают взаимосвязь данных понятий, их извечное противостояние и влияние на бытие человека. В частности, М. Пак сущность категорий добра и зла постигает, во-первых, на основе сопоставления отношения властей Кенхына и России к корейским семьям, покинувшим родину. Писатель подчеркивает, что жестокость способствует отчуждению людей, порождая ограниченность их пространства. Наказывая беженцев, власти Кенхына фактически выстраивают стену, отделяющую корейские семьи от их родины. Доброта же помогает преодолевать пространственно-временные границы, лежащие между людьми. Во-вторых, на уровне образов Черджуна и Чханука. Ибо отношения братьев по сути отражают противостояние добра и зла. Раскаяние Чханука означает победу справедливости, высшего (духовного) мира над низшим (материальным). Более того, они – носители двух концепций бытия, между которыми, по мысли М. Пака, должен сделать выбор каждый человек. Ибо жизнь Черджуна – это движение по вертикали, из прошлого в настоящее и будущее. Он ощущает свою связь с историей, бережно хранит традиции предков и неустанно стремится к нравственному совершенствованию. Жизнь Чханука – существование по горизонтали. Он обречен на безбудущность, поскольку не дорожит прошлым.

С темой добра и зла в произведениях Р. Сейсенбаева, А. Жаксылыкова переплетается тема Бога и сатаны. О дьявольском начале в человеке размышляют Абылай, Кахарман, герои романов «Заблудившийся крик» и «Мертвые бродят в песках». Полемизируя с Жаном относительно законов жизни, Арман приходит к выводу, что в каждом человеке сидит дьявол. Он управляет людьми, заставляя их отступать от нравственных принципов и идеалов. Причем дьявол этот, по мнению А. Жаксылыкова, – «сущность человека», «самое тело» его, «утробный огонь жажды и желания». Он непобедим, и Бог проигрывает сатане, пока люди

находятся во плоти. Отсюда двойственность природы человека. В нем, согласно представлениям писателя, идет постоянная борьба духовного и физического (телесного) начал. Подтверждением тому служат слова Жана: «Чудилось, это не я, а кто-то другой в моем и не в моем теле томился ночным ломотным холодом, болью в суставах, витал в полудреме…» (Жаксылыков 2005, с. 33).

Такая постановка указанной проблемы связывает ее с фундаментальным вопросом философии о первичности духа и материи, который поднимается на страницах романов Р. Сейсенбаева «Мертвые бродят в песках», А. Жаксылыкова «Поющие камни». По мнению Кайыра, Армана, бытие определяет сознание, и соответственно в повседневной жизни человека низший мир довлеет над высшим. На этом уровне происходит сужение хронотопа бытия людей до их быта.

В произведениях А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Д. Снегина, Г. Бельгера, М. Пака, М. Симашко рассматривается проблема «человек и природа». В своих рассказах, повестях, романах прозаики утверждают, что люди – часть окружающего их мира. Индивидуальное время-пространство каждого человека вливается во всеобщий поток времени-пространства природы. Ибо она – мать людей. Природа хранит память о прошлом человечества, выступает свидетелем его настоящего и является залогом его будущего. Она заботится о людях. Чутко реагируя на движения их души, она поддерживает их в трудные минуты, залечивает их раны. Именно поэтому люди, оказавшись в сложной ситуации, устав от жестокости и несправедливости окружающего их мира, зачастую отправляются в лоно матери-природы или созерцают ее пейзажи (например, герои романов Р. Сейсенбаева «Заблудившийся крик», «Мертвые бродят в песках», Г. Бельгера «Дом скитальца»).

В прозе писателей исследуется тема художественного творчества. Искусство, согласно их концепции, – нить, связующая человека с высшим миром. Оно позволяет людям выйти за границы их индивидуальных хронотопов и приобщиться к вечному.

Таким образом, представления писателей о времени и пространстве обусловливают особенности их подхода к проблеме человека и мира. В прозе А. Алимжанова, С. Санбаева, Р. Сейсенбаева, Б. Жандарбекова, А. Жаксылыкова, Г. Бельгера, Д. Снегина, М. Пака, М. Симашко уделяется огромное внимание таким вопросам, как «жизнь и смерть», «добро и зло», «вечное и преходящее». На страницах своих произведений писатели затрагивают проблемы взаимодействия культур, отчуждения, влияния цивилизации на сознание людей. В поле их внимания оказываются темы «человек и природа», «искусство и действительность», «слово и мысль», «Бог и сатана».

При решении данных проблем писатели опираются на идеи восточной и западной философии. В их прозе совершенно очевидно проявляется влияние казахской и русской культур.

ЛИТЕРАТУРА

АЛИМЖАНОВ, А. Т., 2003. Познание. Москва: Русская книга, 336 с.
Сост. ЮРЧУК, В. В., 2004. Буддизм. Москва: Современное слово, 320 с.
ЖАКСЫЛЫКОВ, А. Ж., 2005. Сны окаянных. Алматы: Эверо, 480 с.
ЖАНДАРБЕКОВ, Б., 1993. Саки. *Исторический роман-дилогия.* Алматы: Жазушы, 624 с.
САНБАЕВ, С., 2006. Медный колосс. *Роман-дилоги я. Кн. 2.Карьер.* Алматы: Арыс, 432 с.
СЕЙСЕНБАЕВ, Р., 1983. Если хочешь жить. *Роман. Повести.* Москва: Советский писатель, 447 с.
СЕМЕНОВА, С. Г., 1989. Преодоление трагедии. Москва: Советский писатель, 440 с.

Alua Temirbolat
Al-Farabi Kazakh National University

PHILOSOPHY-AESTHETIC ASPECTS OF MODERN PROSE OF KAZAKHSTAN

Summary

The article is devoted to research of the problematics of works of Kazakhstan' modern writers. In it concepts of prose writers about eternal and universal categories, valuable reference points of life reveal. As object of research works of Anuar Alimzhanov, Satimzhan Sanbayev, Bulat Zhandarbekov, Rolan Seisenbaev, Aslan Zhaksylykov, Dmitrii Snegin, Herald Belger, Mikhail Park are chosen. On the basis of studying their work the originality of the art world of writers, their aesthetic views, features of the existential organization of their works come to light. In the article the attention is paid to the writers' concept of life.

KEY WORDS: category, the concept, life, time-space, many-sided nature, the world of the person, problem.

Олеся Тимченко
Горловский педагогический институт иностранных языков
ул. Рудакова, 25
г. Горловка, Донецкая обл.,
Украина
olesia.timchenko@gmail.com

МОТИВ ДОМА В РОМАНЕ В. Я. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»

В сообщении говорится о мотиве Дома в романе «Огненный ангел» В. Я. Брюсова, который соотносится с мотивом Пути, с мировоззрением художника, с эволюцией его миропонимания в контексте эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мотив, образ, архетип, Дом, Путь.

Роман «Огненнный ангел» - интереснейшее явление культурной жизни России рубежа XIX-XX вв., рожденное в период глобальных общественно-политических и духовных изменений в стране. В России, как и во всем мире, совершается длительная и медленная революция, которая носит политический, научный, экономический, социальный и религиозный характер, создавая новое сознание и новое отношение ко всему предыдущему развитию человечества. С одной стороны, актуальность приобретает тема сущности и значения исторического процесса, с другой, – тема религиозного кризиса. И именно проблемы духовного поиска роднят историю и современность всех эпох и народов, связывая Германию XVI века, изображенную автором романа, и Россию начала XX столетия.

В художественной литературе этого периода представление о судьбе как пути к Богу отображается в мотиве путешествия, который с момента своего зарождения в культуре соотнесен с мотивом дома, и эта взаимосвязь имеет оппозиционный характер. Художественная оппозиция «путь – дом» является одной из наиболее часто упоминаемых в литературных сюжетах. Известно, что в древности освоение человеком мира и осознание своего места в нем сопровождалась выходом из дома в пространство внешнего мира, что в литературе получило художественное воплощение в мотиве пути, который, как правило, связан с мотивом дома.

«Канва» мотивов романа «Огненный ангел» полисемантична, а, как известно, «мотивы – это нити, составляющие ткань текста, специальным образом окрашенные и умело сплетенные друг с другом…» (Прозоров 1997, с. 232). В работе под термином «мотив» мы понимаем, проходящий через все произведение устойчивый словообраз, элемент сюжетно-тематического единства, который выражен в тексте лексически, функционально обусловлен и неоднократно используется на уровне художественной формы произведения.

Наиболее характерным для брюсовского повествования является мотив дома, который представляет собой устойчивый архетип. К изучению данного мотива обращались В. Н. Топоров (Топоров 1983), Ю. М. Лотман (Лотман 1997), Ю. В. Манн (Манн 1978), В. М. Жирмунский (Жирмунский 1977). Однако, на сегодняшний день данный аспект поэтики произведения В. Я. Брюсова практически не изучался.

Итак, центральное место в повествовательной структуре романа автор отводит мотиву пути, который неизменно соотносится с архетипом дома, а также, с мировоззрением художника, с эволюцией его миропонимания в контексте целой эпохи. В произведении мотив дороги выражает собой один из ключевых моментов раскрытия авторского замысла повествования. Для брюсовских героев путь – это познание себя и окружающих людей, переоценка ценностей, беспокойство о будущем человека и человечества, мысль о том, что его необходимо спасти от неминуемой гибели, указав верную и безопасную дорогу. Динамика становится важным принципом архитектоники произведения, проявляющимся на фабульном уровне (путешествия персонажей), сюжетном (динамичность в развертывании событий, множество коллизий и перипетий), образном (духовная эволюция героев).

В аспекте художественного пространства «Огненный ангел» – это роман «большой дороги» (Бахтин 1975). А главный герой – искатель приключений, благородный авантюрист, как странствующий рыцарь он преодолевает пространство, доступное человеку только в эпоху великих географических открытий, – от родного Лозгейма на юге Германии до испанских владений в Америке, причем этот путь он проходит трижды. Таким образом, художественное географическое пространство соединяет Старый Свет (Европу) и Новый Свет (Америку). Действие романа начинается на Дюссельдорфской дороге и заканчивается в Гренобле, но путь героя продолжается до Бильбао, где он дописывает свою «повесть» в ожидании корабля, который доставит его «…в Новый Свет, – а именно на север от страны Флориды…» (Брюсов 1991, с. 310). Путь Рупрехта остается незаконченным, ничем не ограниченным, незамкнутым и открытым для путешествий и передвижений, которые являются бесконечными, поскольку и в Америке ему предстоит ехать в глубь страны «…вверх по течению реки Святого Духа…» (Брюсов 1991, с. 310), где ожидает его таинственный и опасный мир, который грозит гибелью. Можно сделать вывод о том, что свою внутреннюю тревогу Рупрехт утоляет, преодолевая пространство двух континентов и Атлантического океана, который их разделяет. Особенность движения героя в том, что он движется в лабиринте, как правило, повторяя отрезки пройденного пути и тем самым, убеждаясь в исчерпанности этого пространства. Он возвращается в Кельн, Лозгейм, замок Веллен, монастырь св. Ульфа, Францию, Испанию, Америку – едет из Кельна в Бонн и обратно, путешествуя «…целый день, от зари до темноты, не раз отдыхая во многочисленных деревенских гостиницах, в Годорфе, Весселинге, Виддиге, Герзеле…» (Брюсов 1991, с. 113], из замка в монастырь и обратно, из Страсбурга в Гренобль и обратно.

Структура романа отражает вынужденный путь героя в замкнутом кругу. Заметим что, буквальный путь, т.е. передвижения в пространстве, соотносится с внутренним, духовным путем. Дороги, по которым фактически передвигается Рупрехт, становятся для него дорогами жизни и судьбы, в этом метафорически реализуется идея пути к духовному просветлению. Мотив пути в произведении выполняет как композиционную функцию, так и символическую. Образ дороги ассоциируется не только с жизненным путем героя, но и народа и целого государства.

С точки зрения цели передвижения можно выделить следующие варианты пути: скитание, путешествие, бегство или уход. С самого детства Рупрехту «ненавистны занятия усидчивые, требующие одного внимания и терпения» (Брюсов 1991, с. 14). Все свободное время он бродит с самострелом по кручам и склонам окрестных гор, и с удовольствием слушает странствующих преподавателей, которые появляются на улицах Кельна. Как герой «романа большой дороги», Рупрехт, повзрослев, преодолевает географические расстояния уже с определенной целью. Его дорога имеет направление. Несмотря на частые задержки и возвраты он продвигается к своей пространственной цели, но, достигнув её, не может осуществить своего намерения предстать перед родителями человеком преуспевающим.

Таким образом, главные герои «Огненного ангела» – слагаемые мирового водоворота, частные личности, страдающие от переживания двоемирия, ищущие себя в жизни, обществе, вере. Рупрехт и Рената, проходя цепь жизненных катастроф, стремятся отгородиться от всего мира – на пути героев встречаются дома, которые имеют значение «временной остановки», а именно – гостиница, пристанище в Кельне, графский замок и т.д. Так как герои замкнуты в себе, Рупрехт и Рената неслучайно оказываются в глухих местах, на окраинах, что соотносится с идеей ограниченности и закрытости внутреннего пространства – пространства души. Итак, Рупрехт впервые встречает Ренату в «…деревянном домике, одиноком, словно заблудившимся там…» (Брюсов 1991, с. 9), который является бедной придорожной гостиницей, находящейся в «лесной глуши» (Брюсов 1991, с. 13).

Путь героя имеет циклический характер, что реализовано автором в «схеме» «дом – путь // дом – путь». Преодолевая большие пространства (от Лозгейма до Новой Испании в Америке, от Дюссельдорфа до Лозгейма, пространство до Дюссельдорфа и после Лозгейма, путь в «лабиринте» в Кельне, в Старом и Новом Свете), Рупрехт не приближается к отчему

дому ближе пограничного пространства – околицы родного дома. Околица является своеобразной «чертой», которая разделяет два мира. Граница между старой и новой жизнью, домом и пространством «внедома» очень тонка и переводится автором в план субъективных переживаний. Недоступность замкнутого пространства родительского дома окончательно отдаляет Рупрехта от дома вообще, обрекая его на вечное одиночество и скитания. Ни в Новом, ни в Старом свете не удается ему обрести свою семью и свой дом. Очевидно, что в этом мире для него нет дома, и только мир странствий распахнул для него свои объятья, стал родным и близким. Как видим, образ дома можно рассматривать в аспекте вечного возвращения и обретения или необретения себя и своей сути. Образ дома приобретает черты емкого символического значения, воплощающего глубины духа отдельной личности.

Дом в брюсовской концепции предстает центром мира, к которому он неизменно возвращается из путешествия. Дом у В. Я. Брюсова служит точкой опоры, обеспечивающей прочность, стабильность бытия, сохранение традиций, преемственность между поколениями: «дед был цирюльником и хирургом, а отец, <…>, практиковал как медик. Местные жители всегда высоко ценили его искусство. Брат Арним, успешно изучив ремесло отца, <…>, был принят в корпорацию трирскими медиками… (Брюсов 1991, с. 13). Едва обучив грамоте, отец Рупрехта, также его, «…стал посвящать в тайны медикаментов, в афоризмы Гиппократа…» (Брюсов 1991, с. 14). Однако в то же время, дом представляет собой пространство, ограничивающее Рупрехта, сковывающее его постоянное желание двигаться: «Я круглые сутки оставался в своих комнатах, <…>, словно преступник, запертый в тюрьме…» (Брюсов 1991, с. 198). Дом важен для него как начало пути и ценностный ориентир в пространстве внешнего мира. Дом – это символ жизни. Несмотря на осознание невозвратимости к прошлому, Рупрехт стремится в дом, к семейному очагу, оставшемуся нерушимым. Герой не желает «…явится перед родителями, как блудный сын в Евангелие…» (Брюсов 1991, с. 303), но он настоятельно стремится увидеть свой дом, скорее всего, в последний раз, и «вид этого старого домика будет для души как некое укрепляющее питье…» (Брюсов 1991, с. 303). Итак, «собственный» дом становится настолько важным для Рупрехта, что этот образ постоянно сопровождает героя в его странствиях.

Как видим, дом является средством характеристики внутреннего мира героя: его душевных качеств, нравственного поиска, двойственности его духа, состояния неприкаянности и жизненных перемен. «Необретение» дома символизирует духовное состояние конкретного персонажа, России в целом, и как судьбу всего человечества в рубежный период его развития.

Традиционность художественных взглядов писателя сказывается в архетипически значимом соотнесении дома с женщиной. В романе такие функции выполняет образ матери, как хранительницы домашнего очага, и образ спутницы Рупрехта – Ренаты. Следует отметить, что «возвращению» героя к дому сопутствует его эволюция от «человека для себя», гордого, беспечного авантюриста, который «целые дни проводил с товарищами в проказах, <…>, переходя из питейных домов в веселые…» (Брюсов 1991, с. 15), к «человеку для человека». Чрезвычайно актуальной становится проблема взаимоотношений между индивидуальностями. Рупрехт страдает от того, что не может облегчить участь Ренаты на суде инквизиции: он искренне хочет «…быть с Ренатою рядом, предать свое тело всем истязаниям, каким подвергали ее…» (Брюсов 1991, с. 290) и ему кажется «чудовищным и нелепым» (Брюсов 1991, с. 290), что он не испытывает боли, «когда она изнемогает от страданий» (Брюсов 1991, с. 290). Таким образом, можно сделать вывод о том, что по мере нарастания беспорядка, тревожных перемен в России, увеличивается потребность писателя найти опору в простых человеческих ценностях, а именно, – в любви друг к другу, к родителям, Родине.

Определенные «пограничные» элементы дома (окно, дверь), также, отделяют «внутреннее» пространство героев от «внешнего», «свой» мир от «чужого», ярко выражая мифологический и символический смысл. В соответствии с мифопоэтической традицией,

окно обозначает «границу между малым пространством человеческого быта и безграничным пространством вселенского бытия» (Топоров 1983, с. 164-185).

Известно, что символическая семантика окна связана с представлениями о жизни и смерти. Таким образом, дом, как неотъемлемая составляющая жизни человека в брюсовском романе, занимает исключительное место, а окно, как обязательная часть жилого помещения, приобретает важное значение в организации художественного пространства. Размышления о своей будущей жизни и настоящем положении, сопровождаются обращением к окну: Рупрехт анализирует свое положение, чувства к Ренате перед окном, рассуждая, что он «приворожен к ней магической силой…» (Брюсов 1991, с. 48). А Рената, беспорядочно «бегая из улицы в улицу» (Брюсов 1991, с. 287) в поисках графа Генриха, заглядывает «в окна домов, ища в них своего Мадиэля» (Брюсов 1991, с. 56). И так как окна и двери домов, в которых останавливаются герои, чаще всего «плотно заперты» (Брюсов 1991, с. 23), «замурованы» (Брюсов 1991, с. 190), «окованы железными брусьями» (Брюсов 1991, с. 294), мы делаем вывод о том, что в душе героев отсутствует гармония. Замкнутое пространство дома не размыкается, а значит «внешний» мир не проникает и не объединяется в единое целое с «внутренним» миром. Таким образом, окно в пространстве дома оказывается местом постоянного контакта с внешним миром, отношение к которому отражает психологию героев.

В романе В. Я. Брюсова окно – это место контакта/общения «внутреннего» мира с «внешним», и способ контакта/общения обитателей «внутреннего» мира с персонажами. Находясь у дома Виссманов, Рупрехт не решается войти к ним вторично и лишь «…заглянув в окна…» узнает «…милый и нежный облик Агнессы…» (Брюсов 1991, с. 195), и «…успокоенный уже этим одним…» (Брюсов 1991, с. 195), он возвращается домой. Рупрехт не может в действительности проникнуть из одного мира в другой. Через окно он видит происходящее в доме. Окно превращается в преграду, разделяющую людей.

В романе окно может быть закрыто (в придорожной гостинице (Брюсов 1991, с. 23), или занавешено, как в доме ворожеи (Брюсов 1991, с. 39). Таким образом, пространство помещения оказывается замкнутым, изолированным от воздействия внешнего мира. Такое положение характеризует героев и сам мир: Рупрехт и Рената «…при завешенных окнах… отказываясь от пищи, … проводили чуть не напролет ночи…» (Брюсов 1991, с. 71), готовясь к опыту магии Рупрехт, «вспоминая наставления Ренаты» (Брюсов 1991, с. 77), затворяет дверь комнаты и «наглухо» (Брюсов 1991, с. 77) завешивает окно. Писатель представляет вниманию читателя героев напуганных, находящихся в тревоге, страхе, которые живут в своем «домике». В. Я. Брюсов, заставляя героев замыкаться в пространстве дома, подчеркивает неправильность такой жизни. В некоторой мере это достигается за счет введения таких мотивов, как мотив духоты, сумерек, страха: Репрехт направляется в темницу, дверь которой окована брусьями, «… заперта тяжелым засовом…» (Брюсов 1991, с. 294), после того как герой его отодвигает, он попадает в низкую и «удушливо-сырую» (Брюсов 1991, с. 294) комнату. Посредством изображения ночного времени дня, писатель отображает окружающую действительность и внутреннее состояние души героев. Темная ночь становится символом неопознанной реальности, запредельного мира: жизнь Рупрехта казалась ему «сплошным удушливым сном» (Брюсов 1991, с. 19); «…стало уже плохо видно в сером сумраке…» (Брюсов 1991, с. 9) когда герой был вынужден заночевать в гостинице и встретить Ренату, которой явились демоны «едва мрак сгустился ощутительно…» (Брюсов 1991, с. 62); ночью Рупрехт летал на шабаш, ночью покинул родительский дом и т.д.

Таким образом, дом из мира, в котором человек обитает по доброй воле, превращается в мир, который он не может покинуть. Дом становится тюрьмой: Рената ничего не хотела слушать и, осыпав Рупрехта упреками, пригрозила тут же уйти из дому, как из тюрьмы (Брюсов 1991, с. 174).

Итак, можно сделать вывод о том, что образ дома наполняет смыслом путь брюсовских героев, он является исходной и конечной точкой в их странствиях, становится их нравственным ориентиром. «Необретерие» дома можно рассматривать как символ самой

души героев, которая находится в состоянии опустошенности, потерянности, оторванности от окружающего мира, а «временный» дом воплощает идею хаоса, разрушение «старых» и порождение «новых» духовных основ бытия. Взаимоотношение героев романа с окружающим миром определяет статическое начало, которое воплощается в мотиве дома, и, так как, этот мотив является полисемантичным, он способен вступать во взаимодействие с другими сюжетными элементами, мы можем определить его роль как ведущую в структурно-смысловой организации художественного текста в романе В. Я. Брюсова.

ЛИТЕРАТУРА

БАУЭР, В., ДЮМОТЦ, И., ГОЛОВИН, С., 1999. Энциклопедия символов. Москва: Крон-Пресс, 512 с.
БАХТИН, М., 1975. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 504 с.
БРЮСОВ, В.Я., 1991. Огненный ангел: Ист. повести. Киев: Дніпро, 763 с.
ДАЛЬ, В., 1935. Толковый словарь (Воспроизведение 2 издания). Москва: Гослитиздат, 723 с.
ЖИРМУНСКИЙ, В. М., 1977. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Москва: Наука, 408 с.
ЖЮЛЬЕН, Н., 1999. Словарь символов. Челябинск: Урал ЛТД, 498 с.
ЛОТМАН, Ю. М., 1997. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993): История русской прозы. Теория литературы. Санкт-Петербург: Искусство, 842 с.
МАНН, Ю.В., 1978. Диалектика художественного образа. Москва: Советский писатель, 317 с.
ПРОЗОРОВ, В.В., 1997. Мотивы в сюжете. Другая реальность: Очерки о жизни в литературе. – Режим доступа: http://www.licey.net/lit/real/ motiv.
ТОПОРОВ, В. Н., 1983. К символике окна в мифопоэтической традиции. Балто-славянские исследования. Москва: Издательство «РУ», С. 164-185.
ТОПОРОВ, В. Н., 1995. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического: Избранное. Москва: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 624 с.

Olesia Timchenko
Gorlovsk Educational Institute of Foreign Languages
Ukraine

THE MOTIVE OF HOME IN THE V. Y. BRYUSOV'S NOVEL “THE FAIRY ANGEL”

Summary

The report treats the motive of home, which correlates with the motive of way in the world outlook of the writer and the evolution of his attitude in the context of the epoch.

KEY WORDS: motive, ‘home’, ‘way’, image

Giedrė Dubauskienė
Vilnius University,Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 8, LT-44280, Kaunas, Lithuania
E-mail: giedre.dubauskiene@khf.vu.lt

SOME ASPECTS OF PERSON DEIXIS IN THE DISCOURSE OF ADVERTISING

This paper focuses on the use of person deixis in the discourse of advertising. Advertising is a very peculiar type of discourse whose basic function is to inform customers about certain goods or services. It is fairly obvious that in the era of mass consumption advertisements have developed into a powerful means of persuasion which allow advertisers to exert influence on customers and induce them to purchase a product or service which they seemingly need. Advertisers attempt to establish close relationship with consumers and exploit a vast array of verbal and visual means which inject liveliness into the static nature of ads and increase verisimilitude of the communicative situation. The relations of participants in advertisements are complicated by the fact that neither the sender nor the receiver knows each other. Therefore the aim of this paper is to prove that person deixis assists to overcome this drawback and helps to establish enough contact between them.

KEY WORDS: person deixis, deictic projection, deictic expression, indexical expression, egocentricity, addresser, addressee, sender, receiver, referent, reference.

The proliferation of personal pronouns in advertising is marked by their flexibility which allows advertisers to use the same pronouns to indicate different referents at the same time: fictional and real addressees, a product, several items, etc. It is fairly obvious that personal pronouns may denote indefinite number of referents, since, to use Bühler's words, 'everybody can say I, and whoever says it, points to another object than everybody else' (1934, p. 103, as cited in Mey 1998, p. 90). R.Fiengo and R.May call such lexical items open. They maintain that some value can be fixed for them only by virtue of context which 'provide[s] closure for what is open' (1997, p. 118). Hence, personal pronouns which are inextricably tied to the context of an utterance are called *deictic* or *indexical expressions* whereas the general phenomenon of their occurrence is defined as *person deixis.*

Usually the process of communication involves at least three participant roles which in face-to-face interaction are labelled as 'the speaker', 'the hearer' and others. Therefore, the first person singular pronoun is 'the grammaticalization of the speaker's reference to himself, second person the encoding of the speaker's reference to one or more addressees, and third person pronouns the encoding of reference to persons and entities which are neither speakers nor addressees of the utterance in question' (Levinson 1994, p. 62). It is important to mention, however, that pronouns in the discourse of advertising are used in peculiar ways and exceed the boundaries of the conventional pronoun distinction mentioned above.

In the broad sense, there is a two-way distinction of personal pronouns used in printed magazine advertisements: people who make ads and people who read them. The former are usually described as senders, addressers, the latter as addressees, receivers (Cook 1992, p.6). An important point to notice here is that these roles are complicated by the fact that there is no single sender or addresser because 'ads are not the creation of an individual. There are, rather, many … senders [and addressers], raging from the manufacturer to the agency and its creative department' (Cook 1992, p. 6). Hence, though sender and addresser are described with grammatically singular nouns, for example, 'the client/manufacturer' or 'the advertiser', they are in fact multiple. This exerts an

influence on the choice of the first person plural pronoun ‘we’ which encodes plurality of senders or addressers.

A similar situation is with the roles of receivers or addressees. In the discourse of advertising receivers or addressees are also multiple. Therefore, a versatile second person pronoun ‘you’ allows to refer to many people in the actual as well as a fictional world. This claim highlights the deictic use of this pronoun which may be reinforced with Grundy’s observation that ‘you’ picks out a particular but different person on each separate occasion when the sentence is read” (1995, p. 19). Thus, this pronoun which is used to indicate anyone as the potential addressee immediately engages the person in the communication and makes him believe that he is the very person who the advertisement addresses. Correspondingly, the dual reference of the pronoun ‘you’ to fictional and real addressees gives the reader two options: to take a detached position and view the situation in the advertisement as an onlooker or take an active participation in it.

This observation can be supported with the advertisement ‘Kinney’ (Figure 1) introducing shoes. The photo portrays a young woman with a girl trying on a pair of shoes. These people who are identified with the pronoun ‘you’ become addressees but they are viewed as such only in the fictional world of the advertisement. Nonetheless their function is very important. They provide the real addressees in the actual world an opportunity to project themselves into the fictional selves of the characters in the photo and become the receivers of the message. The actual addressees fuse with the woman and the girl and get the impression as if it is they who the sender addresses. It is fairly obvious that the personal pronoun ‘us’ corresponds to Cook’s explication and denotes the senders/addressers. However, one more referent of this indexical can be identified via the photo situated at the bottom of the advertisement, which portrays two pairs of shoes (see Figure 1). Thus, the pronoun ‘us’ encodes double reference: on the one hand, the pronoun ‘us’ identifies manufacturers as the potential referents, whereas on the other hand, it denotes a pair of shoes, that is, the product offered by Kinney.

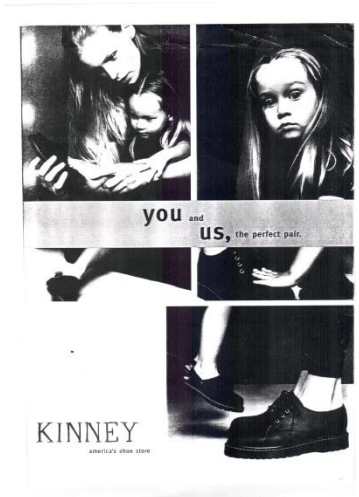


Figure 1. The advertisement ‘Kinney’

The advertisement analysed above vividly illustrates that a minority of ads may dispense with compelling characters or celebrities from a fictional or real world. In a host of advertisements they assume the role of speakers and function as ‘the adviser[s], the expert[s], the relator[s] of experiences and motives leading to the purchase of the product’ (Cook 1992, p. 155). Accordingly, they are grammaticalized by the first-person singular pronoun ‘I’. Lyons contends that the underlying feature of *deixis* is its egocentric organisation, therefore, the speaker who identifies himself with the pronoun ‘I’ ‘casts himself in the role of ego and relates everything to his viewpoint’ (Lyons 1977, p. 638). Hence, the actual speaker provides the pivot of the *deictic context*. It is indispensable to note, however, that egocentricity is temporal because in the course of

interaction the role of the speaker passes from one participant to another. Analogously, the *deictic centre* will also be switched back and forth, together with the reference of 'I'.

The manifestation of this salient feature can be highlighted with the advertisement 'Quaker Oat Life' (Figure 2) promoting cereal.

Figure 2. The advertisement 'Quaker Oat Life'

The picture portrays two fictional characters – a boy and a girl – struggling for a cereal packet. Its aberrant form points to the children making every effort to withhold the packet on his/her side. This reinforces the verisimilitude of their conflict and enhances the immediacy of the situation. The linguistic messages presented above each child indicate the exact speaker, and are the following: (the one adduced above the picture of the girl) *'Can I have some life cereal?'*; (the one adduced above the picture of the boy) *'No ... 'cause I'm too young to know how to share.'* It is instructive to note that a particular kind of print used for the inscription of utterances is reminiscent of a child's handwriting, hence, it emphasizes their subordination to the children. It is readily apparent that both children exploit the indexical 'I' in their utterances, hence, they both identify themselves as speakers. In the course of their dialogue the role of the speaker switches from the girl to the boy together with the indexical 'I', which marks the deictic centre. It is fairly obvious that the utterances retain their sequencing typical of oral communication, that is, the girl's request for permission to have some more cereal is succeeded by the boy's negative answer. It is impossible to confuse this linearity because having been committed to paper the utterances conform to the rules of reading the texts when one does this from left to right.

The important point to notice here is that it is possible to feel the presence of some disembodied speaker, who does not identify himself/herself with the pronoun 'I', but whose presence is marked by the use of the pronoun 'you', presented in the body text at the bottom of the advertisement. This pronoun is used to encode the reference solely to the addressee in the real world, i.e. any parent who cares about his/her children's nourishment. This reference immediately engages the person in the communication and makes the addressee believe that he/she is the very person whom the disembodied speaker addresses. The third person plural 'they' has a double reference because it encodes the reference to fictional children in the advertisement and the children of the addressee.

The example adduced above has vividly illustrated that the first person pronoun 'I', which is embedded in the portion of a direct speech, primarily refers to some fictional speaker. However, in a number of cases with the aid of this pronoun advertisers pursue one goal – to make the addressee presume that he is the actual speaker. Lyons (1977a, p. 579) calls such adoption of other person's perspective *deictic projection*, whereas few other linguists term it a *point of view* (Mey 1998, p. 92). Therefore, in a number of advertisements the reader is impelled to project himself into these fictional characters and actualize himself in the situation relevant to fictional speakers' which, consequently, should impel him to anticipate the purchase of the commodity.

The following advertisement ‘De Beers’ (Figure 3) promoting diamonds provides an illustrative example of deictic use of the first person pronoun ‘I’ and its forms ‘me’, ‘my’.

Figure 3. The advertisement ‘De Beers’

The message presented at the top of the advertisement represents a piece of direct discourse and is as follows:

<u>My</u> fiancé told <u>me</u>
It’s a whole carat and he must be right because
<u>I</u> swear you can see it in the dark.

Roughly speaking, the first person deictic pronoun ‘I’ means ‘the one who is now speaking’ (Lyons 1977, p. 645) and conveys no additional information about the speaker. The pronouns ‘me’, ‘my’ are the forms of the pronoun ‘I’, hence, are co-referential with the speaker. The lexical item ‘fiancé’ which is used in a cluster with the possessive pronoun ‘my’ contains semantic information [+MALE] and indicates that the speaker should be marked with the feature [+FEMALE]. The position arrived at here is compatible with the photograph which portrays a lady. The text which is presented at the bottom of the advertisement constrains the search to a concrete woman called Lisa Cooper.

Lisa Cooper is a fictional speaker, whereas her addressee inhabits the domain of the real world. Nevertheless, many facets of this advertisement increase the verisimilitude of their interaction. Particular emphasis should be laid upon the photograph which makes the speaker’s presence visual and explicitly conveys the paralanguage which is relevant to the linguistic message. Lisa looks straight into the eyes of her addressee. In oral interaction ‘gaze is a significant accompaniment’ (Vershueren 1999, p. 100), whereas in advertising the direct address or gaze of a character functions as connecting force between the fictional world of the speaker and the real world of the addressee (Cook 1992, p. 178). Lisa’s face shines with excitement and satisfaction, whereas the extended hand with the engagement ring on it presupposes the reader’s involvement and invites her to examine it closer. In addition, the filler ‘I swear’ which is typical of casual conversational discourse implies the presence of an interlocutor and reinforces the atmosphere of proximity and intimacy. By virtue of these aspects Lisa seems to emanate from the fictional world and brag about her engagement ring with the reader who assumes the role of a close friend. Accordingly, the addressee is supposed to admire the ring and to take for granted Lisa’s claims because such is the typical reaction of a close friend. It is fairly obvious that such interaction is possible only between two women, therefore, via Lisa’s character the senders appeal to a female addressee. Due to the fact that ‘fiancé’ is not identified the reader can project herself into the persona of a fictional Lisa and assume the role of a speaker. By virtue of this deictic projection a potential consumer may actualize herself in the situation adequate to Lisa’s, that is, boast about her

engagement ring to her friends which, consequently, should impel the consumer to anticipate purchase of the ring.

The instance of the latter advertisement reveals that fictional characters are powerful means for the consumer's enticement, however, advertisers may also dispense with fictional personae and use the first person pronouns to refer directly to the reader. This contention may be exemplified with the advertisement **'**Orajel Gold Toothpaste for Adults' (Figure 4) which explicitly illustrates the importance of deictic projection.

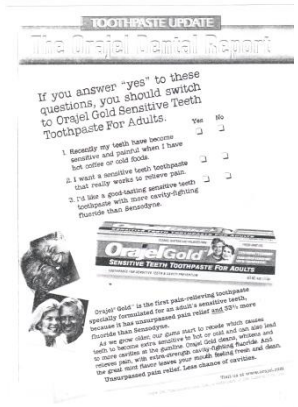


Figure 4. The advertisement 'Orajel Gold Toothpaste for Adults'

The advertisement appropriates the format of a questionnaire which consists of three questions and squares for 'yes' and 'no' answers, respectively. The exploit of the second person pronoun 'you' in the introductory part of the questionnaire appeals directly to the addressee and implies the presence of the speaker. The perspective changes in the questions presented underneath. The prevalence of the first person pronoun 'I' and its possessive form 'my', which are commonly used to indicate the current speaker, suggests that the deictic centre is shifted to the addressee. This change in perspective attests that the advertisers anticipate the way their readers will construe these questions in terms of their point of view and, accordingly, determines the choice of relevant pronouns. It should be pinpointed, however that the usage of such a projection in advertisements is very suggestive. Creating the effect of seeming objectivity it makes consumers accept messages at face value and believe that they themselves express the need for the promoted commodity.

Another point worth to be considered is the unusual use of the pronouns 'we' and its possessive form 'our' in the sequential portion of the body text presented at the bottom of the page:

> *As <u>we</u> grow older, <u>our</u> gums start to recede which causes*
> *teeth to become extra sensitive to hot or cold and also lead*
> *to more cavities at the gumline. Orajel Gold cleans, whitens and*
> *relieves pain, with extra-strength cavity-fighting fluoride. And*
> *the great mint flavor leaves <u>your</u> mouth feeling fresh and clean.*

Apparently, it is delivered by the same disembodied speaker who has encouraged the addressee to provide the answers to the questions. Grammatically, instead of these pronouns, which are used to denote the manufacturer, the speaker should encode his reference to the addressee with the pronouns 'you', 'your', because in the last sentence this reference is retained and the possessive form of the pronoun 'you' is used in the noun phrase 'your mouth'. However, the use of the pronoun 'we' is not accidental. By virtue of this substitution this pronoun acquires a new value and encodes not only the reference to the senders but also to the receivers. The singular form of the first person pronoun used in the questionnaire highlights the addressee's exclusivity, his personal need for the toothpaste. Whereas the plural form of the pronoun implies that addressee is not the only

person who encounters this problem. This deviation shows that the senders and other receivers are troubled by the same problems and should be united.

One more category of person deixis worth to be considered is grammaticalized by the third person singular pronouns ‘he/she’. They signify people who, according to Cook, ‘do not use the product’ (1992, p. 155).

The advertisement promoting ‘Lever 2000 Bodywash’ (Figure 5) provides a very interesting example when the reference to the intended addressee is achieved through a detached person.

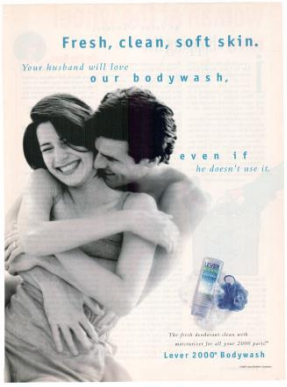


Figure 5. The advertisement ‘Lever 2000 Bodywash’

The slogan is as follows:

Your husband will love our bodywash, even if he doesn’t use it.

It comprises four different pronouns: two possessive forms ‘your’ and ‘our’ and two personal pronouns ‘he’ and ‘it’. It is evident that the possessive pronouns collocate with sequential words and function as antecedent referring expressions of the personal pronouns that occur in the ensuing segment of the statement. Accordingly, the personal pronoun ‘he’ refers anaphorically to the referring expression ‘your husband’, whereas ‘it’ to ‘our bodywash’. It must be stressed, however, that the noun phrase ‘your husband’ and its coreferent ‘he’ are beyond the communicative act because they identify a person, that is, a husband, who does not use the commodity and, actually, is not supposed to use it all.

The advertisement appeals to a female consumer, though it does not refer to her directly by the pronoun ‘you’. In the advert we see a man embracing a woman. This may be presupposed from the following criteria: 1) by the pairing of relational opposites, where the relational opposite of ‘husband’ is ‘wife’; 2) by filling the principal clause ‘Your husband will love …’ with a new object. One can notice at once that the principal clause stands apart from its object ‘our bodywash’. If this noun phrase were neglected and this segment of the sentence was looked at in isolation, it would be easy to predict the possible referent which habitually co-occurs with the transitive verb ‘love’. Without doubt, this is the personal pronoun ‘you’. As a result the principle clause ‘Your husband will love you’ will be generated. Consequently, it is possible to infer that ‘you’ is coreferential with ‘wife’, thus, is marked with the features [+FEMALE], [+MARRIED], which indicates that the addressee is a woman. Moreover, it may be claimed that the value of ‘you’ is commensurate with the value of “our bodywash”, that is, they overlap. Therefore, the indirect reference in the statement “Your husband will love our bodywash, even if he doesn’t use it” may be transmuted into the other with a direct reference “Your husband will love you, if you use it”.

One further issue to be dealt with is the neuter pronoun ‘it’, which is usually set alongside the pronouns ‘he/she’ and is marked with the feature [-ANIMATE], therefore, it cannot be included in the framework of participant roles. Nevertheless, this pronoun merits mention since it is an effective means of reference to the promoted products. Let us look at the advertisement “Perma Soft” (Figure 6).

Figure 6. The advertisement 'Perma Soft'

The slogan comprising indexical 'it' is very simple and runs as follows: *'Use it or lose it'*. It includes two pronouns 'it'. According to Cook's (1992: 156) delineation in majority cases this pronoun refers to the product on offer. However, in this instance two pronouns 'it' are used. If it were considered that both of them refer to the promoted commodity, the proposition expressed by the slogan will become somewhat ambiguous. In order to eliminate ambiguity it is pertinent to resort to the pictorial representation. It is very simple and at once clarifies the referents. It portrays only two objects: two 'Perma Soft' bottles with shampoo and conditioner and one curly lock. Thus, the number of possible referents equates with the number of pronouns. The only thing left is to match them properly. If the first pronoun will be matched with the curly lock and the second with the commodity, it will become obvious that the chosen items do not fit the verbs preceding them. Accordingly, the sentence becomes nonsensical: 'Use the curly lock or lose the shampoo.' This proves that referents should be transposed. Hence, the first 'it' refers to the product and the second to the curly lock. Now the sentence is logical because it implies that the curly lock will retain its features only by virtue of 'Perma Soft'. This instance demonstrates that pictorial representations become an intrinsic part of the context and assist in making the reference successful.

In the view of the above, it can be stated that personal pronouns are irreplaceable means of reference in advertisements which appear in magazines. They exceed the boundaries of the conventional pronoun distinction and act as a shorthand naming system for a potentially infinite number of people who create advertisements or the ones who receive them. Linguistic messages in combination with pictorial representations help to create the context which enables the reader to identify the exact referent from the class of potential referents. Reference to the addressers and addressees in actual and fictional worlds helps to reproduce the pattern of face-to-face interaction and make the implied presence of the interlocutors actual. The flexibility of personal pronouns makes consumers believe that they may actualize themselves in the situations relevant to fictional characters, which, consequently, should impel them to anticipate the purchase of certain commodity.

REFERENCES

COOK, G. 1992. The Discourse of Advertising. London: Routledge.
FIENGO, R.; MAY, R. 1997. "Anaphora and Indentity". In Lappin.,Sh. (ed) The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Oxford: Blackwell Publishers, pp.117-144.
HAWKINS, J. A. 1978. Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction. London: Humanities Press.
LEVINSON, S.C. 1994. Pragmatics. Cambridge: CUP.
LYONS, J. 1975. "Deixis as the source of reference". In Keenan, Edward L. (ed) Formal Semantics of Natural Language. Cambridge: CUP, pp. 61-83.
LYONS, J. 1977. Semantics. Vol. 1-2. Cambridge: CUP.
LYONS, J. 1996. Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge: CUP.
MEY, J.L. 1998. Pragmatics: an Introduction. Oxford: Blackwell Publishers.
9. VERSHUEREN, J. 1999. Understanding Pragmatics. London: Arnold.

Giedrė Dubauskienė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas

KELI ASMENS DEIKSĖS ASPEKTAI REKLAMOS DISKURSE

Santrauka

Straipsnyje analizuojami asmens deiksės vartojimo aspektai reklamos diskurse. Reklama – tai savitas diskurso tipas, kurio pagrindinė funkcija yra informuoti vartotojus apie tam tikras prekes ar paslaugas. Akivaizdu, kad masinio vartojimo epochoje reklama tapo veiksminga įtaigos priemone, kurią naudodami reklamos kūrėjai siekia paveikti vartotojus ir skatina juos pirkti gaminį ar paslaugą, kurių jiems tariamai reikia. Reklamos kūrėjai siekia sukurti artimus santykius su vartotojais, todėl naudoja daugybę verbalinių bei vizualinių priemonių, kurios suteikia statiškiems skelbimams gyvumo bei padaro komunikatyvinę situaciją tikroviškesne. Santykis tarp reklaminio skelbimo dalyvių yra komplikuotas, kadangi nei reklamos kūrėjai, nei jos recipientai vieni kitų nepažįsta. Šiuo straipsniu yra siekiama įrodyti, kad asmens deiksė padeda įveikti šį trūkumą ir leidžia užmegzti glaudų ryšį tarp šios komunikacijos dalyvių.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: asmens deiksė, deiktinė projekcija, deiktinis išsireiškimas, indeksinis išsireiškimas, egocentriškumas, adresatas, siuntėjas, gavėjas, referentas, referencija.

Vytautė Pasvenskienė
Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania
Muitinės g. 8, LT-42280 Kaunas, Lietuva
E-mail: vytautepasvenskiene@gmail.com
Research interests: English phonetics and phonology; translation studies

ENGLISH AND LITHUANIAN BILABIALS IN TERMS OF VISUAL PHONETICS

In translation for dubbing the function of the product prevails, the verbal text functions in the film system where it is constrained by time limits and lip synchrony. The visual constraints, however, are observed only in close-up shots. In terms of visual phonetics, the lip shape of the speaker is well-marked while pronouncing bilabial consonants and open and rounded vowels. The present research limits itself to the comparative analysis of the inventory of English and Lithuanian bilabial consonants, as well as a bilabial following vowel, whether it is close, open or rounded. Recommendations of translation for dubbing from English into Lithuanian in terms of visually parallel bilabials in the onset of the syllable and the vowel in the centre of the syllable are provided.

KEY WORDS: visual phonetics, translation for dubbing, bilabial consonants, sonorants, vowels.

Rapid development of contemporary technologies has brought forth the multimedial category of text, which encompasses the verbal content supplemented by elements of other media. The basic text typology scheme proposed by Katharina Reiss and Hans J. Vermeer distinguishes three definite types of text: expressive, informative and operative. The multimedial category of texts is termed a 'superstructure' over the other three, as the "special requirements of this type take precedence over whatever basic text-type a given text otherwise belongs to" (Reiss and Vermeer 1977/1989, p. 111). Thus, in translation of such texts, it is essential to ensure the target text's suitability in the relevant medium as the underlying source text. In the film system as a poly-semiotic structure, the verbal text functions in close relation to the content of the non-verbal channels: image, movement, music, effects, and gets confronted with the demands of these channels. At this point, time synchrony plays the basic role because the purpose of acceptable dubbing is credibility. In the case of translation for dubbing, among the different types of synchrony distinguished by Henrik Gottlieb (2008, p. 217), namely: total lip synchrony, bilabial lip synchrony, syllable synchrony, utterance synchrony and voice synchrony, it is lip synchrony that comes into focus and cannot be achieved without the analysis of human utterance in terms of visual phonetics.

The term 'visual phonetics' was first introduced by István Fodor in 1976 (Fodor 1976). Alongside with the generally distinguished areas of phonetics – articulatory phonetics engaged in the study of sound production, acoustic phonetics dealing with the physical properties of speech and auditory phonetics whose concern is the perception of speech sounds – visual phonetics has recently been considered as a separate branch of the field concentrating its efforts on the study of the physical properties of speech as a visual motion created by varying position of the lips. Visual phonetics is concerned with both articulatory phonetics and perceptual phonetics because its focus lies on the visual speech perception.

Despite the fact that it is not the predominant mode of audio-visual translation in Lithuania, yielding grounds to voice-over, dubbing has found its niche in the field and seems indispensible for commercials and films for young audience.

Traditionally, in dubbing only close-ups or extreme close-ups – shots showing only the character's face – are taken into account. For this reason, lip synchrony or 'lip sync', also known as 'phonetic synchrony', is considered a translational norm not for the whole film dialogue, which does not mean, however, that isochrony or kinetic synchrony should be neglected. It has been commonly agreed that the lip shape of the speaker is well-marked while pronouncing bilabial consonants and open vowels. Therefore, it is important to analyse and compare the inventory of Lithuanian and English bilabials as well as the vowel systems of the two languages.

With this in mind, this article proposes to give a comparative analysis of English and Lithuanian bilabial consonants in terms of visual phonetics, with a particular focus on how the English phoneme /w/, which is absent from the Lithuanian sound system, can be expressed in a dubbed version of an English screened text. The visual phonetic properties of Lithuanian vowels will be touched upon only in terms relevant for their perceptual consequences of visual similarity to English /w/.

In the English language there are four bilabial consonants: obtrusive plosives /p/ and/b/, the nasal sonorant /m/, and the gliding sonorant /w/. The Lithuanian consonant system contains only three bilabial consonants: obtrusive plosives /p/ and /b/, and the nasal sonorant /m/. There is no sonorant in Lithuanian similar to the English /w/. Thus, the inventory of bilabial consonants in both languages differs (cf. Table 1).

Table 1. *The inventory of English and Lithuanian bilabials*

According to the place of obstruction / According to the type of obstruction			English bilabials	Lithuanian bilabials
Occlusive	Plosives (Stops)		**p b**	**p b**
	Sonorants		**m** (nasal)	**m** (nasal)
Constrictive	Fricatives			
	Sonorants	medial	**w** (glide)	
		lateral		

Obstruent consonants are produced by complete or partial obstruction, and sonorant consonants (or semi-vowels) involve obstruction and resonance together. The table reveals the classification of bilabial consonants according to the place and type of obstruction in their production.

In the production of the bilabial plosives /p/ and /b/ both in English and Lithuanian a full obstruction for the air stream out of the mouth is formed by the lips pressed together and when the obstruction is released the suppressed air passes out with a kind of plosion. Despite the fact that in terms of sounding /p/ is voiceless and /b/ is voiced which means that the vocal cords are lax in the former case and tense in the latter, the vibration in the larynx has no clear visual expression, and the muscles of the face take relatively the same shape for both sounds. Other features specific to the allophones of these consonants, such as aspiration in English and palatalisation in Lithuanian, do not alter the lip position in their articulation either. Thus it can be stated that both English and Lithuanian bilabial plosives visually have adequate articulation.

To produce the nasal /m/ both in English and Lithuanian a complete closure is formed by the lips pressed together, while the air stream is allowed to audibly escape through the nose by lowering the soft palate. Visually this sound is adequately produced in both languages.

Although the duration of the pronunciation of the plosive consonants and the nasal sonorant might acoustically differ, the difference of the lip position is inconspicuous. Therefore, at this point it seems logical to assert the possibility of interchange of /p/, /b/ and /m/ in translation for dubbing, as in their Lithuanian or English pronunciation the closure of the lips is relatively consentient. It is important to note that no English or Lithuanian consonants appear in speech isolated. Therefore, the vowel following any of the bilabial consonants should not be ignored for the lip shape changes from

a bilabial in the onset of the syllable to a more or less open position for the vowel vocalisation in the centre of the syllable. For the vowel production, usually there are distinguished three different lip-shapes: suspended, or neutral, when the lips are almost closed; open, when the mouth is fully open; rounded, when the lips are protruded and turned to a rounded position. Thus, the lip opening for the vowel in the syllable centre can differ considerably regarding the visual phonetic properties of the latter: the lips get spread while producing front close and mid-open vowels, the mouth gets wide open while producing open unrounded vowels, and the lips get to a degree protruded and rounded for all rounded vowels (cf. Table 2).

Table 2. *Parallel Cases of English and Lithuanian Bilabial Plosives and Bilabial Nasals*

ENGLISH		*parallel*	LITHUANIAN	
/p/, /b/, /m/	/I:/, /□/, /e/	→ spread lips	/p/, /b/, /m/	/i:/, /i/, /ė/ byra – bijo – bet pyksta – pila – peš myli – miškas – mesk
/p/, /b/, /m/	/□/, /□:/, /□/	→ open lips	/p/, /b/, /m/	/e/, /□:/, /□/ bekelė – baltas – balkšvas penas – paltas – paršas melas – maras – mažis
/p/, /b/, /m/	/u:/, /□/, /□:/, /□/	→ rounded lips	/p/, /b/, /m/	/u:/, /u/, /o:/, /□/ būna – buvo – bosas – boksas pūva – puvo – ponas – polisas mūras – muša – molis – monstras

Such interchangeability of English and Lithuanian obstruent and nasal bilabial consonants facilitates the solution of dubbing. The most acute problem arises with the case of the English bilabial sonorant /w/ which is absent from the Lithuanian sound system. In verbal text translation, English /w/ is usually translated into Lithuanian by /v/ using transliteration/transcription method. E.g.:

William → Viljamas
Washington → Vašingtonas
etc.

However, Lithuanian /v/, as well as English /v/, is labio-dental, in which the lower lip articulates with the upper teeth, which means that the lip-shape of /v/ production is quite different from that of /w/, and thus, replacing /w/ by /v/ could distort the lip synchrony in dubbing.

English constrictive medial sonorant /w/ is pronounced by rounded protruded lips, gliding in the direction of the vowel following it. The lips form a partial obstruction for the air passage as well as a resonance chamber similar to that formed for the production of Lithuanian rounded vowels /u:/, /u/, /o:/ and /□/. Therefore, it can be assumed that more adequate lip synchrony could be achieved by creating a parallel between English /w/ and a rounded Lithuanian vowel. This assumption goes in agreement with the articulatory and distributional features of English /w/ proposed by the recognised authority on received pronunciation (RP) Alfred Charles Gimson: the English semi-vowel /w/ is a rapid vocalic glide onto a syllabic sound of greater steady duration from position of approximately /u:/ with rounded lips (Gimson & Cruttenden 1994, p. 190). Despite the fact that the semi-vowel /w/ is, in phonetic terms, treated within the consonant class, mainly because its function is consonantal rather than vowel-like (it has a marginal rather than a central situation in the syllable), acoustically it is a vocalic glide and "may be expected to have acoustic features similar to /u:/" (ibid, p. 191). The vocalic allophones of RP /w/ are articulated by the tongue assuming the position for a back mid-open to close vowel (depending upon the degree of openness of the following sound) and moving away immediately to the position of the following sound; the lips are

rounded more closely when followed by /u:, /□/ or /□:/) than when preceding a more open or front vowel (ibid, p. 194) (cf. Figure 1.).

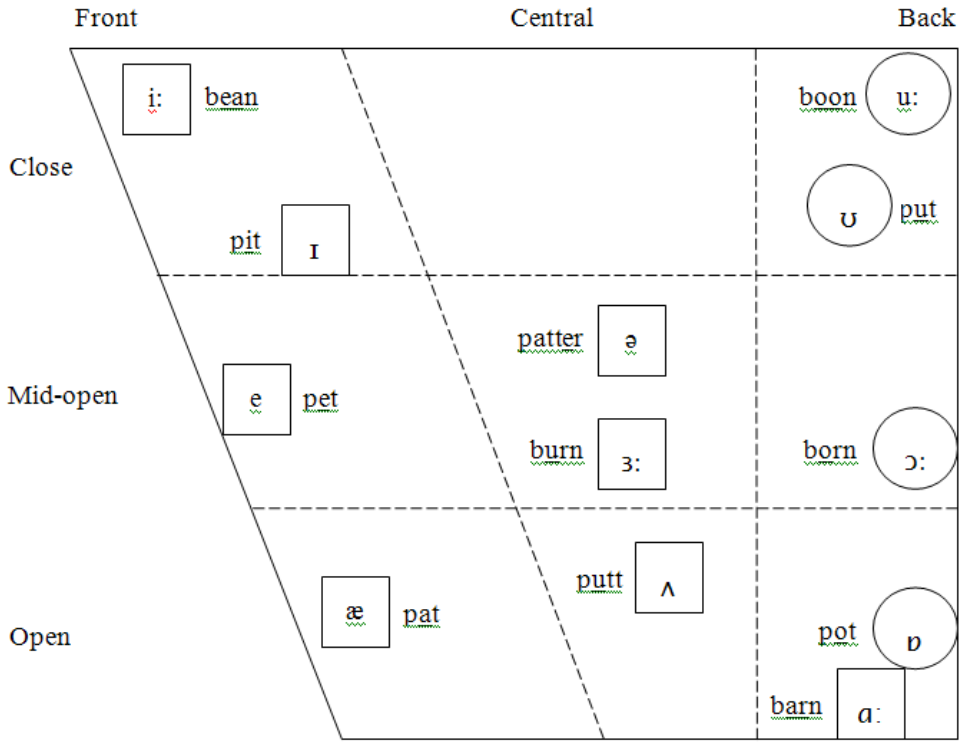


Figure 1. *The Diagram of English Vowels* (Carter & others 2001, p. 59)

The shapes drawn around the sounds in the diagram indicate whether the vowel is pronounced with spread or open lips (inserted in a quadrangular) or it is produced with rounded lips (inserted in a circle). Traditionally, vowels of a language are classified as close, mid-open and open vowels, according to the aperture for the escaping air; and as front, central and back vowels, according to the position of the tongue in the mouth cavity.

The Lithuanian inventory of vowel phonemes is, as a rule, differentiated following the principle of dichotomy: front vowels against back vowels, and close vowels against open vowels. However, due to the advanced (centralised) pronunciation of their allophones, back vowels are often featured as not-front ones. Similar terms are used to discern between open and not-open, and between close and not-close vowels (cf. Table 3.). Lithuanian not-front not-open vowels are produced with clearly rounded lips.

Table 3. *The Inventory of Lithuanian Vowels* (Girdenis 2003, p. 209)

According to the height of the raised part of the tongue		According to the position of the bulk of the tongue			
		long		*short*	
		front	*not-front*	*front*	*not-front*
not-open	*close*	i:	u:	i	u
	not-close	ė	o:		□
open		e:	□:	e	□

In fact, Lithuanian articulation, in general, is more advanced than the English one, which results in more expressive lip motion. Thus, beside the relative similarity of English /u:/, /□/ and /□:/ and Lithuanian /u:/, /u/ and /o:/, Lithuanian /□/ is also pronounced with markedly rounded lips. Therefore the lip shape of the English semi-vowel /w/ can be regarded as matching that of all the Lithuanian rounded vowels. Thus, it seems natural to suggest that, in order to achieve the lip synchrony in dubbing, one of these four vowels should parallel English /w/.

Functionally, however, while vowels form the centre of the syllable, /w/ can only form the onset. Consequently, a visual parallel can be achieved in dubbing, when English /w/ in the onset of a syllable, followed by a rounded close or mid-open vowel in the centre of the syllable, is replaced by any of Lithuanian rounded vowels in the syllable centre, without the onset or with an onset of any consonant, or a consonant cluster, because the production of the consonant preceding a rounded Lithuanian vowel is never clearly expressed visually. E.g.:

What [w□t]	Cobb is trying to say...
O [o:]	Kobas sako...
Mums [mums]	Kobas sako...

...all the	*woun*ded...	[wu:n ...]
...sužeis-	*tų*jų...	[tu: ...]
...visi	*no*ri...	[no: ...]
... jie kaip	*bro*liai...	[bro: ...]

Summing up, theoretically, dubbing of an English audiovisual text into Lithuanian can be visually successful if the following patterns of the parallel of English and Lithuanian bilabials are followed:

- bilabial English and Lithuanian consonants as initials and as initials plus post initials, on the grounds of language phonotactical principles, in the onset, can be used interchangeably on condition that the syllable centre contains a vowel of a relative quality;
- the sonorant bilabial English consonant /w/ followed by a back open or mid-open English vowel in the syllable centre, for a possible visual parallel requires any of the rounded Lithuanian vowels in the syllable centre of the dubbed text with a zero onset;
- the sonorant bilabial English consonant /w/ followed by a back open or mid-open English vowel in the syllable centre, visually parallels with any onset structure preceding a rounded Lithuanian vowel in the syllable centre.

These conclusions, however, taken as theoretical guidelines, require closer empirical investigation in relation to a number of other significant factors, such as individual articulatory features, smiling and laughing faces, etc. Besides, a comparative analysis of diphthongs in the syllable centre in English and Lithuanian should be provided, with the focus laid on their stressing in Lithuanian, which allows a stronger expression of the first or the second element of the syllable. The possible parallel between diphthongs and separate vowels should also be taken into consideration. The influence of strong and weak syllables on the visual credibility of dubbed audiovisual text is another important sphere of investigation.

REFERENCES

CARTER, R., GODDARD, A., REAH, D., SANGER, K. & BOWRING, M. 1997/2001. *Working with Texts.* A core introduction to language analysis. London and New York: Routledge.
GIMSON, A. C. & CRUTTENDEN, A. 1962/1994. *Gimson's Pronunciation of English.* Fifth edition. London, New York, Melbourne, Auckland: Edward Arnold.
GIRDENIS, A., 2003. *Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai.* Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
FODOR, I., 1976. *Film Dubbing : Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects.* Hamburg: Helmut Buske Verlag.
GOTTLIEB, H., 2008. Screen Translation. *In:* Schjoldager, A. ed. *Understanding Translation*. Aarhus: Academica, p. 205-246.
REISS, K., 1977/1989. Text-types, Translation Types and Translation Assessment (translated by Andrew Chesterman). *In:* Chesterman, A. ed. *Readings in Translation Theory*. Finland: Oy Finn lectura Ab, p. 105-115.

Vytautė Pasvenskienė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva
Moksliniai interesai: anglų kalbos fonetika ir fonologija; vertimo studijos

VERTIMAS FILMŲ DUBLIAVIMUI IŠ VIZUALINĖS FONETIKOS PERSPEKTYVOS

Santrauka

Filmų dubliavimui skirtas vertimas orientuojamas į galutinį produktą. Kadangi verbalusis tekstas funkcionuoja filmo sistemoje, kurioje jis yra ribojamas laiko ir lūpų sinchronijos, todėl stambaus plano kadrų vertimas privalo remtis vizualine fonetika. Laikantis bendrųjų nuostatų, lūpų padėties skirtumai yra ryškiausi tariant lūpinius priebalsius bei atviruosius ir lūpinius balsius. Šiame tyrime apsiribojama lyginamąja anglų ir lietuvių kalbų lūpinių priebalsių bei po jų einančių balsių (uždarųjų, atvirųjų, lūpinių) analize. Pateikiamos rekomendacijos angliško audiovizualinio teksto dubliavimui lietuvių kalba iš vizualinės lūpinių priebalsių skiemens inicialėje ir centrinių skiemens balsių tarties perspektyvos.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: vizualinė fonetika; vertimas filmų dubliavimui; lūpiniai priebalsiai, pusbalsiai, balsiai.

Nadiia Govorun
Kyiv Borys Grinchenko University
Pr. Heroes of Stalingrad 41-221, 04210. Kiev, Ukraine
E-mail: nvgovorun@mail.ru

VERBA COGITANTI IN MIDDLE ENGLISH TEXTS: SEMANTICS AND FUNCTIONS

The article analyses the semantic features of the verbs denoting mental activity, considers objective and subjective factors of appealing to them in the Middle English texts.

KEY WORDS: language identity, predicates of mental activity, factual and non-factual verbs, Middle English.

Since ancient times universal categories of "knowledge", "thought", "opinion" have been the subject of research of various sciences: philosophy, psychology, ethics, currently they are also attracting the attention of linguists. The anthropocentric paradigm of modern linguistic studies makes emphasis on the linguistic issues of language personality and language units of different levels as the means of representing the dynamic world of linguistic reality. Thus, the works of modern linguists (Arutyunova, 1976, Seliverstova, 2004) analysing such central concepts of epistemology as "knowledge" and "thought" include research of the verbs that introduce these concepts into language.

The verbs-predicates of mental activity represent the diverse class in English, denoting objective processes of cognition (“know”, “perceive”, “learn”, “assume”, “find”) as well as the subjective aspect, connected with the peculiarities of perception and expressing personal opinions about the objects of the real world (“believe”, “consider”, “mean”, “suppose”, “think”). Therefore, profound study of the cognitive function verbs of the language contribute to understanding the process of cognition of the world, its role in organizing and structuring intellectual activity.

The choice of the Middle period is determined by the fact that in this so-called "transitional" period the most important changes in the verbal phrase occur, typical Old English syntax direct correlation between case inflections and semantic function is lost and since then has been expressed not only via syntactic means (word order, more developed prepositional system), but also by the expansion of lexical-semantic field with Latin and French borrowings. Unlike changes at the other language levels, the above changes in syntax were caused by internal language factors and spread more or less simultaneously to all dialects of the Middle English period, and therefore illustrative material for the research could comprise the samples of the Middle English texts of different genres and geographical origins, in which semantic and functional role of mental activity verbs is the most explicit.

The timeliness of the issue of cognitive activity verbs in the Middle English is determined by the necessity of the profound study of the impact of changes in grammatical structures on modifying the meaning, correlation of verbal lexemes and grammatical forms of their expression, and functional aspects of the use of mental predicates in the texts of the 12th – 15th centuries.

The object of this study is the use of cognitive activity verbs to represent the categories of knowledge (“know”, “perceive”, “learn”, “assume”, “find”) and opinion (“believe”, “consider”, “mean”, “suppose”, “think”) in the texts of the Middle English period. The selection of the verbs was based on the following criteria: 1) they were first recorded in the written texts of the Middle English (according to Klein’s etymological dictionary "A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language" 1967) and 2) they fully express the semantic and syntactic properties of the analysed group of verbs.

The subject of the study comprises semantic types of verbs-predicates of mental activity, the processes that influenced the change in form and meaning of verbs in the Middle English and functional aspect of the selection of verb forms according to the communicative intentions of the author.

The aim of this article is in presenting the semantic structure of the cognitive activity verbs of Middle English, specifying areas of their nomination and determining the objective and subjective prerequisites for their use in literary texts of the above period.

As for the criteria for outlining the beginning and the end of the language history political and historical events are traditionally accepted, the Middle English period is commonly positioned between the Norman Conquest and the coronation of Henry VII, the first monarch of the Tudor dynasty (circa 1066-1485).

However, changes in language do not occur within particular time frames, since from a linguistic point of view the Middle English period can be specified by the most significant changes at all language levels. It is much easier to trace the changes in the Middle English than the processes taking place in Anglo-Saxon period, because the need for a centralised monarchical power contributed to various surveys and descriptions of the country and, therefore, the completion of a large number of documents, many of which have been stored to the present day. In addition, with the popularisation of re-coping of earlier sources by chroniclers and then printing, modern linguists have inherited a large corpus of literary texts which can serve as an empirical basis of a linguistic research. An important step in the systematisation of phonological features of the Middle English dialects was Moore, Meech and Whitehall's work "Middle English Dialect Characteristics and Dialect Boundaries" (1935), in which the authors having studied 266 texts of the 12th – 15th centuries and selecting isoglosses in them, described 10 dialects of the Middle English period: northern, northeast midland, central-east midland, south-east midland, Kentish, southern, southeastern, southwest midland, south central-west midland, north central-west midland and northwest midland. However, the authors consider only phonological features neglecting morphological, lexical and syntactic levels (Blake, Norman 1992). The next attempt to record dialectical features was made in 1986 by Scottish professors McIntosh, Semuels and Benskin who studied the peculiarities of manuscripts copied in different regions of the country. Among the most important results of this work the description of linguistic features of London at different levels should be taken into consideration, as in this particular area the processes that contributed to the introduction of a standard English language actually started. London dialect is the language of Geoffrey Chaucer, "the Father of English poetry", who largely contributed to the popularisation of this dialect in his works, "The Canterbury Tales" in particular, which we have chosen to quote in the current research to illustrate language phenomena in the Middle English period.

"The Canterbury Tales" is a collection of stories, the most prominent work of Geoffrey Chaucer created in the last period of his life (late 15th century). In it the poet diverges from the principle of allegorical images and refers to the direct depiction of the life in England contemporary to him. It is a framed collection of short stories that starts with the General Prologue. The Prologue describes how 29 pilgrims gathered in the tavern "Tabard" on the outskirts of London to go to Canterbury all together to worship St. Thomas Becket's relics. This group is joined by the tavern owner Gary Bailey and the poet himself. Cheerful and witty Bailey offered the pilgrims to take part in story-telling contest, so every of them was supposed to tell two stories on the way to Canterbury and two stories while travelling back.

The characters of the General Prologue are the representatives of almost all social strata of English society: a knight with his son, a yeoman, an abbot of the monastery, a monk, a merchant, an Oxford student, artisans, lawyers, doctors and others. They are depicted in detail by the author, every of them being presented as a bright personality and endowed with distinct features typical for the representatives of their social status. Thus, the collection of stories is diverse in themes, genres and styles. Chaucer used almost all the major genres of medieval literature, as well as allegory, fantasy and primitive didactics. However, inserted in frame of a realistic prologue, they are motivated and justified. Generally, "The Canterbury Tales" is realistic revealing the critical attitude of Chaucer to the medieval society.

We have selected 36 cases of the use of verbs-predicates of intellectual activity in the General Prologue, which we have divided into two semantic groups based on the classification of Seliverstova (Seliverstova, 2004).

Factual verbs express "ready" objects of the real world and play the role of mental correlatives of these objects in the minds of linguistic identities, in this case of "The Canterbury Tales" narrator and some of the characters characterised by him.

Among the most frequent lexemes of this group there are distinguished different grammatical forms of the verbs “knowe” (Old English “cnawan”) and “witen” (Old English “witan”). In the General Prologue Chaucer refers to both words to cover the meanings "to be informed", "to understand the process or the phenomenon" not differentiating them by semantic features:

«He knew alle the havenes as they were, From Gootlond to the Cape of Fynystere ...»
«Wel wiste he by the droghte and by the reyn, The yeldynge of his seed and of his greyn.»
«For aught I woot, he was of Dertemouthe ...»

Non-factual verbs of intellectual activity refer to the cognitive processes in which the reflection of real objects is based on the synthesis of disparate data that exist in the denotative situation or are created in the mind of the subject of cognitive process. This group comprises the verbs with the meaning of "believing", "supposing", "guessing".

«Me thynketh it acordaunt to resoun To telle yow al the condicioun
Of ech of hem, so as it semed me ...»
«Us thoughte it was noght worth to make it wys, And graunted hym, withouten moore avys ...»
«A bettre preest I trowe, that nowher noon ys ...»
"... That ech of yow, to shorte with oure weye, In this viage shal telle tales tweye
To Caunterbury-ward I mene it so, And homward he shal tellen othere two ... »

The evolution of the verbs in the Middle English period reflects a typical for most German languages (including English) tendency of transition from multiparametral inflections of earlier stages of Indo-European languages development to delimited systems with a single parameter dominant for a particular part of speech. Grammatical categories of Old English verbs included two tenses (Past and non-Past), three moods (Indicative, Imperative and Suppositional) and 3 persons (first, second, third). The inflectional system consisted of alternating vowels in the roots of strong verbs in the formation of grammatical categories of tenses, conjugations, persons and number, suffixes for the formation of weak verbs tenses and zero inflections and endings *-e, -(e)d, -(e)st, - ad, -on, -en*.

It is interesting that, despite the significant number of French borrowings of other parts of speech, all verbs-predicates of intellectual activity in the General Prologue are of Germanic origin. Obviously, this can be explained by the fact that the vast majority of them belong to the class of strong verbs, while borrowing of the French and Latin roots and their combination with Anglo-Saxon inflections occurred mainly within the class of weak verbs, which inherited the semantic features of Indo-European languages and, unlike most strong verbs, are formed by productive word-formation methods.

At the end of 15th century due to the omission of /ə/ in the end of a word and in a closed postonic syllable the past tense forms of monosyllabic verbs consisted of not more than two syllables. In Chaucer’s works, however, old and new versions are used side-by-side:

«Another nonne with hire hadd'e she ...»
«This ilke worthy knyght hadd' been also ...»

The changes in the paradigm of strong verbs occurred in three directions: simplification of cases of vowel alternation in the roots of certain verb classes, hybridisation of forms in different classes during conjugation, transition from strong verbs into weak conjugations. First, under Scandinavian influence, in the northern dialect, and then in London, the inflexion of plurality *-(e)n*, the 1st person singular forms of Present Tense Indicative Mood and singular form markers of Imperative Mood become obsolete, these transformations have further contributed to the depletion of the grammatical category of number of verbs (except for Present Simple). And again in Chaucer's works both options can be found, which proves the "transitional" status of the Middle English period:

«Hir knyves were chaped noght with bras ...»
«Hir hosen weren of fyn scarlet reed ...»
«I noot how men hym calle ...»
«It was almoost a spanne brood, I trowe ...»

The Old English inflection *-eth* was still a marker of the 3rd person singular, while at the end of the 15th century it was replaced by *-(e)s* in the northern dialect. It is interesting that Chaucer refers to inflection *-(e)s* to deliver northerners' speech, while the speech of the narrator and the characters from other regions restores *-eth*:

«Man sal taa of twa thynges Slyk as he fyndes, or taa slyk as he brynges ...»
«So priketh hem Nature in hir corages ...»

The grammatical category of tense in the Middle English is represented mainly by Present and and Preterite forms. Present Tense is used to express an action at the time of speaking as well as regular and future actions. The use of Perfect forms in Chaucer's work is a matter of stylistics, as it makes sentences longer and more emphatic, with Preterite and Perfect forms functioning side-by-side.

«A KNYGHT ther was, and that a worthy man,
That fro the tyme that he first bigan
To riden out, he loved chivalrie,
Trouthe and honour, fredom and curteisie.
Ful worthy was he in his lordes werre,
And therto hadde he riden, man ferre ... »

At the syntactic level among the common features of the Middle English the tendency to fixed word order and the transition from synthetic to analytical expressions of grammatical relations within a phrase should be noted. The depletion of case endings causes the levelling of predicate arguments in Genitive, Accusative and Dative used in Old English, survived nominative and non-nominative forms have been performing sheer syntactic role so far, semantic feature of predictive argument being often expressed in terms of prepositional system. In addition, semantic features which in old English were expressed by case inflections in the Middle English are conveyed by means of stylistic synonyms:

«But wel I woot he lyed right in dede ...»
«He wiste that a man was repentaunt ...»
«He knew the tavernes wel in every toun ...»

One of the consequences of the levelling of cases that used to serve as direct verb arguments was strengthening of the role of subject in an English sentence.

Thus, we can note that in the analysed source intellectual activity verbs not only reflect different types of mental processes, but also contribute to the analysis of events from the perspective of the author, the narrator and objective cause-effect relationships. Moreover, all examples of verb transformations at different linguistic levels we have described above suggest that it is in the Middle Age period when the foundation of modern English grammar started, and hence profound study of the evolution of the verb at this stage will benefit to revealing of the nature of many phenomena in Modern English language.

We also believe that further research of semantic and functional aspects of mental activity verbs in other texts of Middle English period should be conducted in order to summarise the dialectical features and analyse the impact of verb transformations of verbs of this class on the development of standard English.

REFERENCES

APRESYAN, Y.D., 1974. *Leksicheskaya semantika. Synonimicheskie sredstva yazika* (in Russian). Moscow: Nauka, pp. 367.
ARUTYUNOVA, N.D., 1976. *Predlozheniye i ego smisl: logico-semanticheskie problemi* (in Russian). Moscow: Nauka, pp. 378.
BLAKE, Norman, 1992. *The Cambridge History of the English Language*. Volume II. Cambridge University Press, pp. 699.
CHAUCER, Jeoffrey. *The Canterbury Tales*. - Mode of access: http://www.librarius.com/cantales.htm
DENISON, David, 1993. *English Historical Syntax: Verbal Constructions* . NY: Longman Inc., pp. 530.
JACKENDOFF, R.S., 1995. *Languages of the mind: essays on mental representation*. The MIT Press Cambridge, pp. 200.
SELIVERSTOVA, O.N., 2004. *Trudi po semantike* (in Russian). Moscow: Yaziki slavianskoy kulturi, pp. 960.

Надежда Говорун
Киевский университет имени Бориса Гринченка

ГЛАГОЛЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье проанализированы семантические особенности глаголов мыслительной деятельности и установлены объективные и субъективные предпосылки их употребления в текстах среднеанглийского периода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность, предикаты мыслительной деятельности, фактические и нефактические глаголы, середнеанглийский период.

Auksė Mockevičiūtė, Tatjana Solomonik – Pankrašova
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 8, LT – 44280 Kaunas, Lithuania
E-mail: auksemockeviciute@yahoo.com

PAGAN GERMANIC PERCEPTION OF *DEATH* AND *AFTERLIFE* IN THE ANGLO-SAXON EPIC POEM *BEOWULF*

The field of historical linguistics attempts to prove that certain similarities between cultures existed. The central principle of the comparative method in historical linguistics is that systematic similarities shared by two or more languages that are not attributed to borrowing, universality, or chance must be attributed to the common proto-language (cf. Duranti 2001, p. 204). Moreover, it is maintained that by means of systematic comparison it is possible to determine if two or more languages descended from a common parent language and are therefore genetically related (cf. O'Grady, Dobrovolsky, Aronoff 1997, p. 323). Hence, according to the scholars, when similarities between several languages have been established, an attempt can be made to reconstruct the common source. This reconstructed language is called Proto-Language and it is made up of proto-forms (cf. O'Grady, Dobrovolsky, Aronoff 1997, p. 325). Consequently, in order to establish the proto-meaning or etymon it is necessary to involve the data on the history of cultural domains (cf. Gamkrelidze, Ivanov 1995, p. 380).

By means of comparative method certain common poetic formulas were found as well as common concepts concerning death and afterlife were established between different cultures.

In the Middle Ages the heroic society was remarkable for the resignation to a Fate. It is the warrior's name and his glorious deeds that would earn imperishable fame. This early Medieval worldview is also embedded in the sign in the Medieval text, whereas the sign becomes a symbol, a mystery and an enigma.

KEY WORDS: reconstruction, death, Afterlife, poetic formulas, Pagan, imperishable fame, warrior.

Introduction

Pagan Germanic comprehension of life, death and afterlife is best revealed in written sources, where pagan customs and traditions are manifest in mythic context. *Beowulf* is a medieval epic poem abundant in references to Pagan beliefs.

"Anglo-Saxonists not infrequently incline to the view that the poem [*Beowulf*] is the sole remaining example of an early Germanic genre of oral epic" (Fulk, Cain 2005, p. 195). *Beowulf* is considered to be the oldest of the great long poems written in English. It may have been written more than twelve hundred years ago, approximately in 800 years. *Beowulf* is a unique example of the old English epic. Besides, it serves as the greatest survived epics by Germanic peoples (cf. Abrams 1986, p. 26).

Death* seen as *Fate

Linguistic evidence rooted in ancient Indo-European tradition provides an opportunity to reconstruct ancient Indo-European words for dying, death and the afterworld, whereas "death as such is seen as a predetermined misfortune which overtakes humans" (Gamkrelidze, Ivanov 1995, p. 721). Thomas V. Gamkrelidze and Vjačeslav V. Ivanov have undertaken a thorough study that reveals a variety of Indo-European word stems related to the concepts of death and fate.

To begin with, death corresponds to Fate, the semantics of the Proto-Indo-European word for *death* found in the historical dialects proves it (cf. ibid, p. 721). The scholars take the concept of *death* in the Proto-Indo-European language. Here, the scholars refer to the concept:

Proto-Indo-European, there **Henkh-/*Hnek^h-* means 'death, plague, fate, compulsion': Hittite *henkan*, genitive *hinganaš* 'plague, pestilence, dying, death', Homeric Greek. *anágkē* – 'compulsion, inevitability, fate' (reduplication of *Hnk^h*-), Old Irish *écen*, Welsh *angen* – 'necessity, need' (Gamkrelidze, Ivanov 1995, 721).

Therefore, death was understood as unavoidable, inevitable and due to happen. The length and fortune of individual human lives differ widely. However, in the individual Indo-European traditions existed certain goddesses which predetermined the fate of a human individual – the *Moirai* in Greek, the *Parcae* in Latin, the *Norns* in Germanic and *Laimos* in Baltic. This idea was common all over the Europe (cf. West 2007, p. 381).

In Norse mythology, "there it is properly the *Valkyries* who have the task of choosing which warriors are to die and go to Valhalla. But the distinction between the Norns and the Valkyries becomes blurred, so that the valkyries too can be portrayed as spinning men's destinies" (ibid, p. 382). According to the *Encyclopedia of Myths, Legends, Tales, beliefs and Customs*, "in their most familiar form Valkyries are the battle maidens of the god Odin, who sends them down to earth before a battle to decree which leaders are to be victorious and which must die, according to his choice" (Lindahl, McNamara, Lindow 2000, p. 1014). Hence, in Norse mythology both the Norns and the Valkyries had a common function to weave the destinies, yet the Valkyries wove the destinies of warriors, whereas the Norns could have attended lay people.

Besides, it is meaningful to analyse the concept of death and its understanding by the Anglo-Saxons, particularly the mythology of death in *Beowulf*, where certain Pagan burial rites are described by an unknown Christian author.

Death **seen as** ***sleep***

The theme of death presented as sleep is widely used as a poetic metaphor or euphemism for death (cf. West 2007, p. 387). Death was an incomprehensible phenomenon, whereas people end their lives in the material world, so people tried to relate it with something which is familiar for them, in this case it is sleep.

In Old English the verb that acquires the meaning of 'sleep' was *swefan*. M. L. West indicates a passage in the poem where the concept of death is manifest (cf. ibid, p. 387):

2057 Manað swa ond myndgað mæla gehwylce	Thus he urges and eggs him all the time
2058 sarum wordum, oððæt sæl cymeð	with keenest words, till occasion offers
2059 þæt se fæmnan þegn fore fæder dædum	that Freawaru's thane, for his father's deed,
2060 æfter billes bite blodfag swefeð	after bite of brand in his blood must slumber,
2061 ealdres scyldig; him se oðer þonan	losing his life; but that liegeman flies
2062 losað lifigende/, con him land geare.	living away, for the land he kens.
	(Francis B. Gummere, 1910*)*

At first, in line 2060, the theme of death is presented while speaking about Grendel. It is said: *æfter billes bite blodfag swefeð* – 'after bite of brand in his blood must slumber'. *Swefeð* indicates sleep in his blood i.e. his death is eternal sleep or slumber, for Francis B. Gummere renders this word as *slumber*. Having torn off Grendel's hand, Beowulf prolonged Grendel's torment. Death will come like a sleep but only after some time.

One more theme of death viewed as sleep is present in the line 2457, where Herebeald's death is described; he is called the rider, the hero, who dies, and whose death is very painful, all sounds stopped in the kingdom ('no harp resounds'). There he is presented as a sleeping rider:

2451 *eaforan ellorsið; oðres ne gymeð*	of the heir gone elsewhere; another he hopes not
2452 *to gebidanne burgum in innan*	he will bide to see his burg within
2453 *yrfeweardas, þonne se an hafað*	as ward for his wealth, now the one has found

2454 *þurh deaðes nyd dæda gefondad.*	doom of death that the deed incurred.
2455 *Gesyhð sorhcearig on his suna bure*	Forlorn he looks on the lodge of his son,
2456 *winsele westne, windge reste*	wine-hall waste and wind-swept chambers
2457 *reote berofene. Ridend* swefað,	reft of revel. The rider *sleepeth*,
2458 *hæleð in* hoðman*; nis þær hearpan sweg,*	the hero, *far-hidden*; *no harp resounds*,
2459 *gomen in geardum, swylce ðær iu wæron*	
	in the courts no wassail, as once was heard.
	(Francis B. Gummere, 1910)

The Old English *Ridend swefað* is rendered as 'the rider sleepeth'. An interesting observation could be made, that death is not mentioned explicitly in this passage. Grave is referred to as 'far-hidden' and the euphemism for the Afterworld is used, i.e. 'elsewhere'. Death was immensely honoured especially if it is the hero who has died, because by his glorious deeds he has achieved immortality. Here, the poetic formula can be mentioned – 'imperishable fame'. The name of the hero will be remembered and his fame will not perish, it determines the hero's immortality.

To conclude, in the epic poem *Beowulf* the theme of death present as sleep is used for several times. Also, this shows that Pagans wanted to make some unusual phenomena more familiar and therefore used the theme of sleep. Also, this theme shows common understanding of death in Proto-Indo-European culture.

Water as the path to the *Afterlife*

Since ancient times water was the source of existence, the foundation of the world, the essence of plant existence, even the elixir of immortality. Water brought healing, ensured longevity and energy (cf. Eliade 1974, p. 188). Water was the beginning and the end.

In Indo-European mythology water as a boundary to be crossed on the way to the Afterworld is manifest (Gamkrelidze, Ivanov 1995, p. 724). It is the ship that serves as the leitmotif of the journey to the Afterworld in Norse mythology.

Ship symbolism can be explained with reference to the enigmatic mode when the ship is a vessel which carries the dead. It is the ship of the dead. The ship serves as a means to sail, to navigate in order to reach the Afterwold, to transcend the existence.

In *Beowulf* sea voyages and a significant description of the ship burial of Scyld (the father of Beowulf) are described (cf. Lindhall, McNamara, Lindow 2000, 919).

34 *Aledon þa leofne þeoden,*	there laid they down their darling lord
35 *beaga bryttan, on bearm scipes,*	on the breast of the boat, the breaker-of-rings,
36 *mærne be mæste. þær wæs madma fela*	by the mast the mighty one. Many a treasure
37 *of feorwegum, frætwa, gelæded;*	fetched from far was freighted with him.
38 *ne hyrde ic cymlicor* ceol *gegyrwan*	No *ship* have I known so nobly dight
39 *hildewæpnum ond heaðowædum*	with weapons of war and weeds of battle,
	(Francis B. Gummere, 1910).

In this extract the ship is mentioned in the line 38, particularly in this ship Beowulf's father was sent off after his death. "Always the implication is the desire to transcend existence – to travel through space to the other worlds" (Cirlot 2001, p. 295). For this reason Scyld was put in the ship – in order to reach another world, the space where he came from.

After the sea journey the dead warriors had to reach some particular place to stay. In Scandinavian mythology, it was *Valhalla*, the dwelling place of warriors fallen in battle. Also Valkyries are very closely related to *Valhalla* (cf. Gamkrelidze, Ivanov 1995, p. 723).

The etymology of the very words 'valkyries' and 'Valhalla' is observed by Th. V. Gamkrelidze and V. V. Ivanov. They provide the stems of the words denoting the place where the dead go. This particularly will serve for the subsequent presentation of the perception of the Afterworld:

> PIE **wel-* 'pasture, meadow; dwelling of the dead' (and subsequently 'god of the dead', 'death'): Hittite *wellu* – 'meadow; pasture of the dead' <…> OIcel *val-holl* 'Valhalla' (dwelling place of warriors fallen in battle), *val-kyria* 'Valkyrie' (maiden who chooses a hero from the dead on the battlefield and conducts him to Odin and the world of the dead), Lithuanian *Vėlinės* 'remebrance of the dead'; Latv.*Velu laiks* 'rite of remembrance for the dead', Lithuanian *Veliuonà* – 'god of the dead' (Gamkrelidze, Ivanov 1995, 723).

Dead warriors reached Valhalla – the dwelling of the dead, meanwhile lay people reached the place called *Hel* <…> This word is related to a verb meaning 'conceal' and to Old Irish *cuile* 'cellar', 'underground chamber'. In Greek mythology the corresponding place is *Hades* which is considered to be the house. In *Beowulf* the concept of *Hel* is presented in the line 1698: *þær hine Hel onfēng*. (cf. West 2007, p. 388). Here *Hel* is the place where lay people go. As this theme of Hel is prevalent in different cultures, it was common in Proto-Indo-European culture.

Reconstruction of common Indo-European poetic formulas in *Beowulf*

The dragon-slaying myth is part of common Proto-Indo-European culture. Calvert Watkins stresses the importance of dragon-slaying myth, which is the underlying theme not only in *Beowulf*, but also "it recurs in texts from the Vedas in India through Old and Middle Iranian holy books, Hittite myth, Greek epic and lyric, Celtic and Germanic epic and saga, down to Armenian oral folk epic of the last century" (Watkins 1995, p. 10).

Common Indo-European formula that refers to the *overcoming of adversaries* is mentioned by Watkins:

> This formula, typically with a reflex of the same Indo-European verb root **g^{u}hen-* (Vedic *han-*, Avestan *jan-*, Hittite *kuen-*, Greek *πεφν-/ φόν-*, Old Irish *gon-*, English *bane*), shapes the narration of 'heroic'killing or overcoming of adversaries over the Indo-European world for millennia. There can be no doubt that the formula is the vehicle of the central theme of a proto-text, a central part of the symbolic culture of the speakers of Proto-Indo-European (ibid, 10).

One of the instances of the formula *overcoming of adversaries is* found in the *Rigveda*, here the phrase *áhann áhim* 'he/you SLEW the SERPENT' is manifest. Calvert Watkins maintains that in this case the formula encapsulates entire myth, particularly Indo-European dragon-slaying myth incorporating varied or invariant narration of the hero who slays the serpent (Watkins 1995, p. 10).

This basic formula *overcoming of adversaries* expresses the main idea of the theme and shows the universality of a dragon-slaying myth in Indo-European cultures.

In *Beowulf* Grendel refers to the Norse myth, where the equivalent of Grendel is Loki: "On the other hand, Loki, whose name may be etymologically related to Lucifer, is every bit as clear an image of the devil as Grendel" (Taylor 1998, p. 115). Also, when Grendel loses his arm, it pertains to establishing order and law with reference to the Indo-European myth (cf. ibid, p. 57).

Besides, in his article *The Authenticating Voice in Beowulf* Stanley Greenfield refers to Grendel as to the evil power. The *poetic voice* reveals him as a historical monster, full of hatred and consummate passion towards human being, because it is monster's fodder. Also, he is a social outcast (*a wonsæli mon*) who cannot receive the ordinary blessing of thaneship (cf. Greenfield 1996, p. 61).

Hence, Grendel is a dragon/a serpent which must be defeated in order to restore the previous order. After the dragon is slayed, the hero, who carries eternal values, is alive.

In many legends, the combat with the dragon is considered to be the supreme test (cf. Cirlot 2001, p. 86). The victory over the dragon is a means to become a hero and to achieve fame which is of particular importance.

Indo-Europeans believed that life after death exists, however, only warriors, kings or soothsayers would never die in the sense that they would live in the memory of their relatives, in the stories and the text. Their name had survived death, and in this way great men achieved unfading fame (cf. West 2007, p. 375). "The hero's desire for fame is such that he willingly and

knowingly buys it at the cost of his life" (ibid, p. 402). This unfading fame corresponds to the already mentioned formula *imperishable fame*, its theme recurs through Greek, Indic and Germanic cultures. M.L. West stresses that "the idea of posthumous fame was a pervasive theme of Indo-European poetry" (ibid, p. 410).

The importance of fame in the Medieval Anglo-Saxon society was of great value. According to M. L. West, Beowulf's words could be considered:

1387 wyrce se þe mote	so win who may
1388 domes ær deaþe; þæt bið drihtguman	glory ere death! When his days are told,
1389 unlifgendum æfter selest.	that is the warrior's worthiest doom.
	(Francis B. Gummere, 1910)

The importance of glory is emphasized in this passage. Glory determines where a dead warrior will stay in the Afterlife. Winning glory in battle may result in being chosen by valkyries and led to Valhalla. Calvert Watkins traces the formula *imperishable fame*.

884 *Sigemunde gesprong*	To Sigemund came
885 *æfter deaðdæge* dom unlytel,	After his death-day, *no little fame*
886 *syþðan wiges heard* wyrm acwealde,	Since the handy battler *killed a serpent*,
887 *hordes hyrde. He under harne stan,*	The guardian of a treasure.

" 'Great fame' is expressed in the ancient figure of litotes, literally '*un*little fame' (*dóm unlýtel*)" (Watkins 1995, p. 415). Also, in the passage quoted from *Beowulf* not only the formula referring to imperishable fame is present, but also the formula of overcoming of adversaries *wyrm acwealde* - 'killed a serpent'. Thus, winning glory and slaying the serpent are closely related in the way that the victory over the dragon determines one's fame and brings glory.

Fame is imperishable, it remains – every creature dies, but the fame told about each of the dead never dies. This song was sung by the Norse god of poetry and of the dead (cf. Taylor 1998, p. 96). For this reason the fame gained a particular significance. Imperishable fame determined immortality.

Beowulf's funeral

In order to be more precise, before analyzing Beowulf's funeral and pagan customs manifest in the ceremony, it is proper to describe the medieval hero, his relationship with his servants, as Beowulf is considered to be a hero, who defeated Grendel.

The relationship between the lord and his *comitatus* i.e. his warriors was of particular importance. Loyalty to the master or a hero was strong. In *Beowulf* the word referring to *comitatus* is used, i.e. Old English *gedryht* 'fellow-soldier' (cf. Fulk, Cain, p. 4). This word is translated as a soldier by Francis B. Gummere:

1671 *Ic hit þe þonne gehate, þæt þu on Heorote most*	And this is my hest, that in Heorot now
1672 *sorhleas swefan mid þinra secga* gedryht	safe thou canst sleep with thy *soldier* band,
	(Francis B. Gummere, 1910).

The revenge theme prevails in the whole poem; warriors should not commit a suicide with their lord in the battlefield. Their aim is to avenge effectively for the lord's death (cf. ibid, 69).

Beowulf fights with Grendel's mother and dies. The death of Beowulf and his funeral are of great consideration as they provide information about pagan conception of the afterworld, since "a death is not complete without a funeral" (West 2007, p. 496). "Beowulf dies at the moment of his greatest triumph – 'Beowulf, dauntless, pressed on to his doom' – fifty years on from the killing of Grendel, but then has to face the newest threat: a second monster, a dragon" (Carter, McRae 1997,

p. 12). After the fight, Beowulf dies obtaining the treasure for his people, but these treasures were buried with him as a fitting sign of his ultimate achievement (cf. Abrams 1986, p. 27). "Beowulf's chief award is pagan immortality: the memory in the minds of later generations of a hero's heroic actions" (ibid, p. 29). Besides staying in the memory of later generations, he himself dies, his body is burned, but his fame and glorious deeds determined his immortality, he achieved imperishable fame.

Apart from this, it is necessary to observe that Beowulf's life was charmed. In *Beowulf*, a scene related to charming, should be considered. It is Wiglaf's attempt to rouse the dead Beowulf by sprinkling him with water in the line 2852-5:

52 wlitan on Wilaf. He gewergad sæt,	*and they gazed on Wiglaf. Wearied he sat*
2853 feðecempa, frean eaxlum neah,	*at his sovran's shoulder, shieldsman good,*
2854 wehte hyne *wætre*; him wiht ne speow.	*to wake him with* water. *Nowise it availed.*
2855 Ne meahte he on eorðan, ðeah he uðe wel	*Though well he wished it, in world no more.*
	(Francis B. Gummere (1910).

Wiglaf cast water on Beowulf's body thrice. This ritual provided magical protection against ill <…> Wiglaf's sadness shows his awareness that Beowulf has passed beyond the power of the charm. (cf. Taylor 1998, p. 82).

In the article *The Authenticating Voice in Beowulf* Stanley Greenfield takes this scene of funeral into consideration. He emphasizes the controlling power over man and nature (Greenfield 1976, p. 56). Man has no power to overcome death, only gods were immortal. Although Wiglaf might have understood that Beowulf has gone to a better place, as he was a hero who gained imperishable fame, but Wiglaf wanted him to stay longer on earth.

Beowulf was buried in a usual pagan way: he was put on a funeral pyre, a chieftain having first given the order to gather wood. Beowulf's armour is committed with him (West 2007, p. 496). The scenes of the funeral ceremony are presented in *The Norton Anhtology of English Literature*: Beowulf was laid in the middle of the pyre, warriors awoke on the barrow the greatest of funeral-fires; the black wood-smoke was seen. The smoke like a sacrifice leaped to heaven. All people lamented for a great hero (cf. Abrams 1986, p. 78).The whole ceremony took place on a hill. The mourning was great. Women were lamenting and they typically sang when a hero or protector died (West 2007, p. 499). Paul Beekman Taylor in his book *Sharing Story: Medieval Norse-English Literary Relationships* refers to Tauno Mustanoja who discussed this episode when a Geatish woman mourns in front of Beowulf's funeral pyre. He maintains that her mourning is a ritual lament, a charm to "propitiate the passage of the defunct from the world of the living to the world of the dead in case his soul might escape from the body and begin to circulate as a spirit" (Taylor 1998, p. 82). Besides all rites, a monument was built to be seen by the passing seafarers. All this ceremony shows the importance of the funeral, as well as respect and care towards the dead, whereas man is led to the Afterworld.

After the ceremony the remains are skillfully gathered in the barrow together with jewels (West 2007, p. 497). "According to the ancient Germanic myth, a dead hero was burned on a pyre on a ship together with his wife, retinue and horse" (Gamkrelidze, Ivanov 1995, p. 728). This tradition was established by Odin, whereas the dead had to be burned with all their possesssions and earthly goods which later could be used in Valhalla, in the Afterworld (cf. ibid, p. 728).

The smoke found in the quoted extract is a symbol which, according to the *Dictionary of Symbols*, means "relationship between earth and heaven, pointing out the path through fire to salvation" (Cirlot 2001, p. 300). Also, Geber, the alchemist maintains that smoke is a symbol of the soul which transcends, leaves the body (cf. ibid, p. 300). Snorri Sturluson regards smoke as an omen. The phrase "heaven swallowed the smoke" is a sign of the hero's election, it adds significance to Beowulf's cremation. The smoke trail into heaven is *prima facie* evidence of the hero's ascension to high favor <…> Funeral practice celebrates the hero's fame. The fame sung by thanes riding about Beowulf's tomb is the nascent story of the hero (cf. Taylor 1998, p. 93f). In

order to comprehend smoke as a sign, a culture-specific code must be applied. Therefore, in Scandinavian mythology, the smoke which has risen up to heaven means Odin's favour. Odin accepts the dead warrior. "Beowulf's funeral smoke can be read in either Christian or pagan systems of belief as entry of the hero into an elect afterlife" (ibid, 92). Smoke also is the symbol of a hierophany, as it reveals the announcement of Odin's will.

Beowulf, similarly to Oðin, provided instructions on his funeral rituals to Wiglaf. It included building a mound as a memorial. Snorri Sturluson, whose elaboration on Beowulf's funeral is provided by Paul Beekman Taylor, maintains that burned treasures is one's value to the people, meanwhile that which is buried remains for the hero to be used in his next life. As a result, Beowulf gave his treasures to his heir, had his treasure burned and had treasure buried. Three acts in keeping with a traditional ritual guaranteeing a triadic memorial pageantry (cf. ibid, p. 93).

It can be concluded that all traditions and customs were meaningful and significant in ancient's people understanding, they believed in the Afterworld, therefore they buried heroes with all necessary equipment, and wanted to escort them to the Afterworld properly. The man himself passed to another world, meanwhile the fame made him alive in the world of the living. Therefore, Beowulf, a hero, achieved imperishable fame and reached Valhalla.

LIST OF REFERENCES

Abrams, M. H., 1986. *Norton Anthology of English Literature*. Norton & Company.
Carter, R., McRae, J., 1997. *The Routledge History of Literature in English*. Routledge: London and New York.
Cirlot, J. E., 2001. *A Dictionary of Symbols*. Routledge.
Eliade, M., 1974. *Patterns in Comparative Religion*. New American Library.
Fulk, R. D., Cain, Ch. M., 2005. *A History of Old English Literature*. Blackwell Publishing.
Gamkrelidze, Th. V., Ivanov, V. V., 1995. *Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture*. Mouton de Gruyter.
Greenfield, S., 1976. The Auhenticating Voice in Beowulf. In *Anglo-Saxon England*. Ed. Malcolm R. Godden. Vol. 5, p.p.51-62. Cambridge: Cambridge University Press.
Lindahl, C., McNamara, J., Lindow, J., 2000. *Medieval Folklore. An Encyclopedia of Myths, Legends, Tales, Beliefs and Customs*. ABC-CLIO.
O'Grady, W., Dobrovolsky, M., Aronoff, M., 1997. *Contemporary Linguistics*. New York: St. Martin's Press.
Taylor, P. B., 1998. *Sharing Story: Medieval Norse-English Literary Relationships*. AMS Press.
Watkins, C., 1995. *How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European poetics*. Oxford: Oxford University Press.
West, M. L., 2007. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford: Oxford University Press.

Auksė Mockevičiūtė, Tatjana Solomonik – Pankrašova
Vilniaus universitetas

PAGONIŠKOJI GERMANŲ POMIRTINIO GYVENIMO SAMPRATA ANGLOSAKSŲ EPINĖJE POEMOJE *BEOVULFAS*

Santrauka

Straipsnio *Pagoniškoji germanų pomirtinio gyvenimo samprata anglosaksų epinėje poemoje Beovulfas* tikslas yra atskleisti pagoniškąją germanų mirties ir pomirtinio gyvenimo sampratą epinėje poemoje *Beovulfas*. Analizuojant tekstą, atskleidžiamas dieviškojo ženklo suvokimas *Beovulfe*, parodomi indoeuropiečių mito slėpiniai pateikiant mirties kaip miego ir mirties kaip likimo suvokimą. Vanduo vaizduojamas kaip kelias į pomirtinį gyvenimą ir atskleidžiamos bendros indoeuropiečių formulės *nugalėti priešą* ir *amžina šlovė* epinėje poemoje *Beovulfas*. Kario Beovulfo laidotuvės atskleidžia pamatinius pagoniškosios pasaulėžiūros aspektus, atsispindinčius laidojimo ritualuose.

ESMINIAI ŽODŽIAI: rekonstrukcija, mirtis, pagoniškas pomirtinis gyvenimas, poetinės formulės, amžina šlovė, karys.

Vita Balama
Ventspils University College
Inzenieru Street 101, LV 3601Ventspils, Latvia
E-mail: vitab@venta.lv

LANGUAGE ISSUES IN CAREER BUILDING

The tertiary education of Latvia faces new challenges and dimensions in its development and sustainability one of which is the welcoming of foreign students. Their level of acculturation is the main issue for the given article. Knowledge of foreign language is one of the most essential factors for successful career building for the graduates. The reasons of the phenomenon of acculturation are evaluated and the forms of it - integration, assimilation, separation, and marginalization and their possible solutions are discussed. The existing experiences of the students are also explored. Culture shock is described from different viewpoints. Within the paper conclusions, recommendations for overcoming culture shock will be proposed.

KEY WORDS: acculturation, assimilation, integration, language knowledge, culture shock.

It is generally accepted that intercultural communication creates stress for most individuals. The individuals who engage in intercultural contacts for extended periods of time will respond to the stress in different ways. Most of them will incorporate at least some behaviours from the new culture into their own behaviour. But there are some that take on the characteristics, the norms, and even the values and beliefs of another culture willingly and easily. However, there are many who resist the new culture and retain their old ways, sometimes choosing to spend time in enclaves populated only by others like themselves. And very seldom there are some who simply find the problems of adjusting to a new culture to be intolerable, and they leave if they can.

People's reactions also change over time. That is, the initial reactions of acceptance or rejection often shift as increased contacts produce different kinds of outcomes. Such changes in the way people react to intercultural contacts are called ***adaption***. For any different behaviour there is needed a certain time of adaption called period of adaptation. For some it is very short, for some it never ends. Thus the foreign students coming to study in host country sometimes adjust very fast. It depends on how big is the basic difference between their own culture expressions: beliefs, values, history, time and space perceptions, and so on. The shorter the period of their stay in the host country for study time is, the more they appreciate it. If the foreign students have chosen longer period of stay there may appear a kind of fall back in their adaptation behaviour. Sometimes these are everyday habits of the host country people that annoy or irritate the representatives of the other culture, sometimes it is simply the language barrier for everyday purposes. Students know fairly well the language of the subjects studied, but fail during the everyday intercourse because of locals using their native language not some internatioanl language that is used during the studying process. Words such as *assimilation, adjustment, acculturation,* and even *coping* are used to describe how individuals respond to their experiences in other cultures. Many of the terms refer to how people from one culture react to prolonged contact with those from another.

Over the years, different emotional overtones have been attached to those terms. To some people, for instance, *assimilation* is a negative outcome; to others it is positive. Some consider *adjustment* to be „good", wheeras for others it is „bad". Anyone has to make one's own value judgement about what constitutes the right kind of outcome. The competent adjustment to another culture will vary greatly from situation to situation and from person to person. There is used the broader term of *adaption* to charcterize these adjustments because it subsumes various forms of cultural or individual adaption. *'Adaption is the process by which people establish and maintain relatively stable, helpful and mutually shared relationships with others upon relocating to an*

unfamiliar cultural setting.' The definition is modified from one proposed by Young Yun Kim. (Gudykunst, Mody, 2002; Kim, 2001). This definition suggests that when individuals adapt to another culture they must learn how to 'fit" themselves into it. Different individuals and different groups will make the fit in different ways. Adaptation includes physical, biological, and social changes.

Physical changes occur because people are confronted with new physical stimuli – they eat different food, drink different water, live in different climates, and reside in different kinds of housing. These things are adapted differently also refering to the age of people under discussion. The older the person is the more obstacles he or she will find in the route of adaptation to different culture. When people are exposed to a new culture, they may undergo actual physical and biological changes. Especially if that is connected with time zone difference. People from USA or Canada when coming to Europe will suffer more discomfort as the people from European countries visiting USA or Canada. People deal with new viruses and bacteria; new foods cause new reactions and perhaps even new allergies. Social relationships change with the introduction of new people. Outgroups may become bonded with ingroups, for example, in opposition to the new outgroup members. Such changes may also cause individuals to define themselves in new and different ways. (Berry, Kim, Boski, 1988). Alternatively, the culture itself might change because of the influence of people from other cultures.

Sustained intercultural contact that requires total immersion in another culture may produce a phenomenon that has sometimes been called *culture shock*. Culture shock is formed by the anxiety that results from losing all our familiar signs and symbols of social intercourse. These signs or cues include the thousand and one ways in which we orient ourselves to the situations of daily life: when to shake hands and what to say when we meet people, when and how to give tips, how to give orders to servants, how to make purchases, when to accept and when to refuse invitations, when to take statements seriously and when not. Now these cues, which may be words, gestures, facial expressions, customs, or norms, are acquired by all of us in the course of growing up and are as much a part of our culture as the language we speak or the beliefs we accept. All of us depend for our peace of mind and our efficiency on hundreds of these cues, most of which we are not consciously aware. (Oberg, 1960). Things taken for granted at home require virtually constant monitoring in the new culture to assure some degree of understanding. The loss of predictability, coupled with fatigue that results from the need to stay consciously focused on what would normally be taken for granted, produces the negative responses associated with culture shock. These can include:

- excessive washing of hands;
- excessive concern over drinking water, food, dishes, and bedding;
- fear of physical contact with attendants or servants;
- a feeling of helplessness and a desire for dependence on long-term residents of one's own nationality;
- fits of anger over delays and other minor frustarations;
- delay and outright refusal to learn the language of the host cuntry;
- excessive fear of being cheated, robbed, or injured;
- great concern over minor pains and eruptions of the skin;
- and finally, that terrible longing for home, to be able to have a good cup of coffee and a piece of apple pie, to walk into that corner drugstore, to visit one's relatives, and in general, to talk to people who really make sense. (Oberg, 1960).

Often associated with culture shock are the U-curve and W-curve hypotheses of cultural adaption. In the U-curve hypothesis, the initial intercultural contacts are characterised by a positive, almost euphoric, emotional response. As fatigue mounts and culture shock sets in, however, the individual's responses are more and more negative, until finally a low point is reached. Then gradually, the individual develops a more positive attitude and the new culture seems less foreign, until a positive emotional response once again occurs. The U-curve hypothesis has been extended to the W-curve, which includes the person's responses to her or his own culture upon return. It posits

that a second wave of culture shock, which is similar to the first and has been called *re-entry shock*, may occur when the individual returns home and must readapt to the once taken-for-granted practices that can no longer be followed without question (Koester, 1984; Martin, 1984).

Many of the students who have spent a term or two abroad on return cannot find their place for some time. They seem to have got used to different life style, different habits, values, and beliefs of their host country. And again one should bear in mind that it depends on the person and its adaptation speed, depths and comprehension.

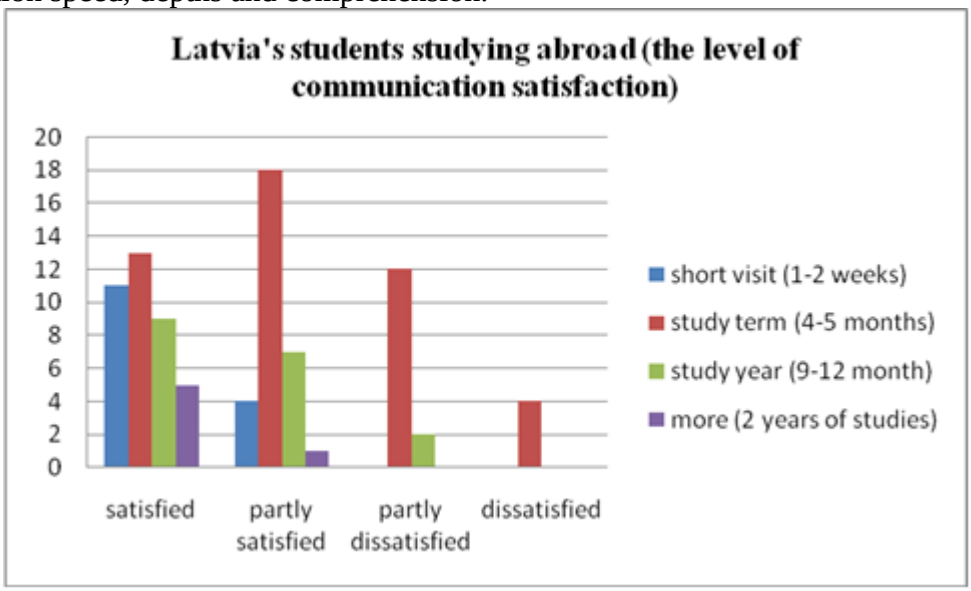


Fig.1. The level of communication satisfaction of students from Latvia studying abroad.

In the research there participated 86 students mainly from 3 different universities of Latvia: Latvia University (27), Ventspils University College (33) and Riga Stradina University (16) as well as 4 representatives from Liepaja University and 6 representatives from Latvia Agriculture University. Most of the respondents (54.7%) studied abroad one term and as the research shows it is the most crucial period for adaptation to foreign culture. The first satisfactory image vanishes and a more critical phase usually starts to end by the time they have to reenter their own culture again. That usually causes certain discomfort.

In the graph shown in Fig. 1 we can see that in general students are satisfied with their stay and level of communication. The students expressing dissatisfaction are among those whose stay is comparatively long - one term (4-5 months), among them usually are also those who are partly dissatisfied. This contributes to the idea about the lowest point of U-curve adaptation.

The differencies in accepting another culture usually are connected with the issues in the following fields:

- eating (how, when, with whom);
- bathing (how, where, how often, with whom);
- types of food (what is edible and not edible);
- personal hygiene (daily regime, use of deodorants or perfumes, teeth cleaning, etc.);
- sleeping (where, how, with whom);
- driving a car (who, which side of the road, how fast);
- greeting someone (how, whom, when, why).

The evaluation of these issues was carried out and regarded as (1) strange, (2) different, but acceptable, (3) different and not acceptable, (4) different and offensive, and (5) the same as one's own.

Due to the fact that most often students go to study only for one term, further data analysis is given only for this group of respondents although other results of the research are also available.

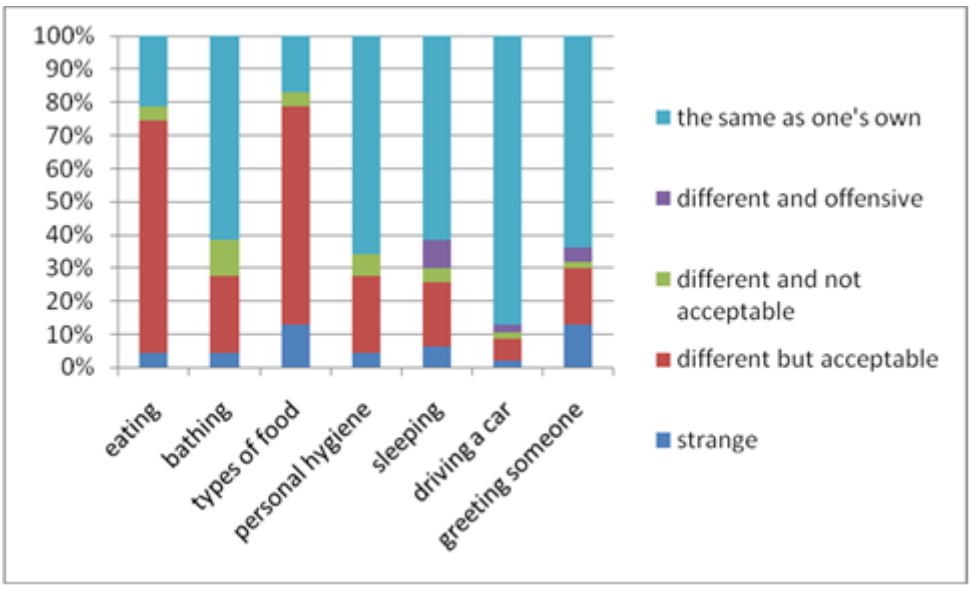


Fig. 2. Everyday issues determining the comfort of adaptation for students living abroad for 4-5 months' period.

As it is seen from the graph displayed in Fig. 2, most of the everyday activities seem to be almost the same as those of their own culture except the food and eating habits. In some cases the way of sleeping habits were annoying (going to bed too late, having the pet in the bed, very loud neighbours and late studying of the roommates). In two cases greeting of persons was not acceptable at all. In another case it turned out to be the driving of a car that caused most of the problems, because of regular violation of traffic rules and even minor accidents in the street and parking allotment. The analysis of such responses gives really true and basic insight into the process of adaptation and at the same time points out the issues to be avoided in the future. It gives the basis for future culture studies and exemplifies the existing theories.

Though initially regarded as plausible, the U-curve and the W-curve hypotheses do not provide sufficiently accurate descriptions of the adaption process. They do not account, for instance for those whose experiences remain favorable, for those who fail to adapt and return home prematurely, or for those whose level of discomfort changes little during the adaptation period. Rather there seem to be a variety of possible adaption patterns that individuals could experience, depending on their particular circumstances. The pattern of adaption varies widely from one individual to the next and therefore no single pattern can be said to characterize the typical adaption process. (Nash, 1991). There is also ample evidence to suggest that the adaption process has multiple dimensions or factors associated with it. For example, Mitchell R.Hammer, William B.Gudykunst and Richard L.Wiseman suggest that intercultural effectiveness consists of three dimensions: the ability to deal with psychological stress, skill in communicating with others both effectively and appropriately and proficiency in establishing interpersonal relationships. (Hammer, Gudykunst, Wiseman, 1978).

Colleen Ward and her colleagues identify just two dimensions of adaption: psychological and sociocultural. The former is similar to Hammer and his colleagues' first dimension and the latter seems to combine the remaining two. (Ward, Kennedy, 1999). Despite such distinctions, however, the adaptation process has usually been viewed as a single „package" of related features that allow the same trajectory of change for a given individual. However, distinct patterns of change similarly characterise each dimension of adaptation.

Answers to two important questions shape the response of individuals and groups to prolonged intercultural contact, thus producing different outcomes. The first concern is whether it is considered important to maintain one's cultural identity and to dispaly its characteristics. The second concern involves whether people believe it is important to maintain relationships with their outgroups (Berry, Kim, Boski, 1988).

There exist four major types of adaptation: assimilation, integration, separation, and marginalization. *Assimilation* occurs when it is deemed relatively unimportant to maintain one's original cultural identity but it is important to establish and maintain relationships with other cultures. Assimilation means taking on the new culture's beliefs, values and norms. In the research carried out by the author real cases of assimilation have not been observed but that does not exclude the fact that such type of adaption exists. This definite type of adaption refers more to those who come to live and survive in another culture for a longer period or life time.

When an individual or group retains its original cultural identity while seeking to maintain harmonious relationships with other cultures, *integration* occurs. Integration produces distinguishable cultural groups that work cooperatively to ensure that the society and the individuals continue to function well. There the students under discussion showed significant acknowledgement to the expressed ideas of cooperation and understanding among different nations. Both integration and assimilation promote harmony and result in an appropriate fit of individuals and groups to the larger culture.

When individuals or groups do not want to maintain positive relationships with members of other groups, the outcomes are different. If a culture does not want positive realtionships with another culture and if it also wishes to retain its cultural characteristics, *separation* may result. If the separation occurs because more politically and economically powerful culture does not want intercultural contact, the result of the forced separation is called *segregation*. If, however, a non-dominant group chooses not to participate in the larger society in order to retain its own way of life, the separation is called *seclusion*. When individuals or groups neither retain their cultural heritage nor maintain positive contacts with other groups, *marginalization* occurs. The form of adaptation is characterized by confusion and alienation. The latter two types mentioned above do not manifest among the respondents of the research, because those students who go to study abroad are well-educated and prepared to face different culture. Still there appear some confusions and misunderstandings as it has been discussed previously and showed in Fig. 2.

CONCLUSIONS

Successful management of culture shock depends on the awareness of its possible existence thus its symptoms and the degree of its severity.

The effective adaptation process takes place when the host culture and the local environment is studied carefully. It could be promoted by mastering verbal and nonverbal language skills.

For better adaptation it is essential to develop intercultural relationships as well as maintain an intimate social network.

When adapting to different culture it is necessary to assume the principle of difference, sometimes simply remember one's own perceptual context.

The research showed that those who anticipated failure adapted better to a different culture.

REFERENCES

BERRY, J. W.; KIM, U.; and BOSKI, P., 1988. *Psychological Acculturation of Immigrants, Cross-Cultural Adaption: Current Approaches*, ed. Young Yun Kim and William B.Gudykunst. Newbury Park, CA: Sage.

ENGLISH, L.M.; LYNN, S. 1995. Business Across Cultures, *Effective Communication Strategies.* Longman.

FIELD, L.; DRYSDALE, D. 1991. *Training for Competence.* London: Kogan page.

GIBSON, R., 2002. *Intercultural Business Communication*. OUP.

GILES, H.; FRANKLYN-STOKES, A.. 2002. Communicator Characteristics, *Handbook of International and Intercultural Communication*, ed. Asante M.K., Gudykunst W.B. Newbury Park, CA: Sage, pp.119-121

GUDYKUNST, W. B.; MODY, B. 2002. *Handbook of International and Intercultural Communication*. 2nd ed., ed. William B. Gudykunst and Bella Mody. Thousand Oaks, CA: Sage.

KIM, Y. Y. 2001. *Becoming Intercultural*: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaption Thousand Oaks, CA: Sage.

LANDIS, D.; BENNETT, J.M.; BENNETT, M.J. 2004. *Handbook of Intercultural Training*, 3rd ed. London: Thousand Oaks, SAGE Publications.

LUSTIG, M.W.; KOESTER, J. 2003. *Intercultural Competence*.USA: Pearson Education.

MARTIN, J.N.; NAKAYAMA, T.K. 2004. *Intercultural Communication in Contexts*. NY: Mc Graw Hill.

MORGAN, J. 2000. *Book of Modern Manners*: Perfect Behaviour in an Imperfect World. London: Harper Collins Publishers.
NEULIEP, J.W. 2000. *Intercultural Communication*. A contextual Approach. NewYork: Houghton Mifflin Company.
OBERG, K. 1960. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Antropology 7*.
SPENCER-OATEY, H.; FRANKLIN, P. 2009. *Intercultural Interaction*. A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication. Palgrave: Macmillian.
WARD, C.; KENNEDY, A. 1999. The Measurement of Sociocultural Adaption. *International Journal of Intercultural Relations 23*, pp. 659-677

Vita Balama
Hochschule Ventspils

SPRACHLICHE ASPEKTE BEI DER GESTALTUNG DER KARRIERE

Zusammenfassung

Die Hochschulbildung in Lettland wird mit neuen Herausforderungen und Dimensionen in deren Weiterentwicklung und Nachhaltigkeit konfrontiert, indem der Empfang von ausländischen Studierenden als eine Aufgabe gilt. Die Kernfrage dieses Beitrags betrifft das Niveau von Akkulturation dieser Studierenden. Die Fremdsprachkenntnisse sind einige der wichtigsten Faktoren für die Gestaltung der erfolgreichen Karriere nach dem Hochschulabschluss. Im Beitrag werden das Phänomen der Akkulturation und deren Formen wie Integration, Assimilation, Separation und Marginalisation behandelt und mögliche Lösungen vorgeschlagen. Die vorliegende Erfahrung von Studierenden wird erforscht. Der Kulturschock wird von verschiedenen Aspekten betrachtet. Zum Schluss werden die Empfehlungen zur Überwindung des Kulturschocks vorgelegt.

SCHLÜSSELWÖRTER: Akkulturation, Assimilation, Integration, Sprachkenntnisse, Kulturschock.

Vilma Linkevičiūtė
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities, Lithuania
E-mail: l.vilma@mailcity.com

TONY BLAIR'S CONFLICT COMMUNICATION DISCOURSE: *CHANGE* DOMAIN

The object of this article is the linguistic means of political conflict communication that are characteristic of the political discourse of the political leader of Great Britain Tony Blair (1998–-2008). Conflict communication has become a research object of modern conflictology, which has mainly focused on interpersonal conflict and effective methods of managing conflict solution. Political conflict communication, which is generally analysed on the basis of parliamentary debates, does not have a precise definition. Conflict communication can be defined as verbalizing conflict situations, which are conditioned by variances with set objectives or their means of implementation, and by discrepancies between the interests and wishes of the sides involved in the conflict. In political communication it is possible to talk about the fact that an initial situation of verbal and non-verbal actions can become a source of conflict, while disapproval of such a situation is verbalized in political communication. Any individual who wants to influence political events becomes the subject of such communication.

KEY WORDS: conflict communication, political discourse, domain, meaning field, concept.

The democratic system divides political power between a political majority and an opposition. Van Dijk (1995) suggests that from the ideological point of view there are *us* versus *them* dimensions, "in which speakers of one group will generally tend to present themselves or their own group in positive terms, and other groups in negative terms" (van Dijk 1995: 22). The political majority is the political leader himself/herself and his/her colleagues from the same political party who won the majority of votes from the electorate. The political majority has the aim to motivate their right to be in power and, for this reason, they legitimate their actions. The opposition, on the contrary, carries out power control by watching the majority and expressing declarative protests, if necessary. Such a situation conditions disapproval of power actions and leads to the emergence of reasons for conflict communication.

In conflict communication, the choice of nominations – the adjectives, nouns, verbs and phrases which are attributed by political leaders to their opponents – is determined by the aim to negatively affect the attitude of society towards them, their ideology and behaviour. Certain nominations are used in order to form stereotypes about political and personal opponents, which are beneficial to those in power, to win their fight for power and to achieve their personal aims. Nominations are also used to form a more positive image of the political leader and his/her colleagues.

According to Bolinger (1987), the choice of nominations is essential in order to create the intended picture of the world; thus, particular nominations are used for particular reasons in propaganda to manipulate the consciousness of the addressees.

In the article "Ideological Discourse Analysis" (1995), Van Dijk does not use the term *nomination* in his investigations, but he draws a parallel between *we* and *they. We* could be regarded as political leaders and those in power; *they* as their opponents. In this investigation the term of nomination will be applied to Van Dijk's "*we–they*" model, which will also be called research into the nominations of political discourse.

The selection of nominations is closely related not only to political identification, but also to the identity of the person. Self-identity descriptions answer the questions, "who are We, where do We come from, what are Our properties, what is Our history, how are We different from Others, what are We proud of" and also provide boundary statements with respect to Others: "Who will be admitted, what are the criteria of admission, who may immigrate, etc." (Van Dijk 1995: 147). The author points out that usually these descriptions are positive. Moreover, this scholar (1995)

proposes that nominations are usually formed on the basis that *we* are positive and *they* are negative.

The choice of nominations is very important in political discourse, especially in conflict communication, because they form the stereotypes which are intended to change the addressees' point of view or to form desirable attitudes. According to Lassan (1995), speakers who use nominations activate the emotive and associative aspects of the word. This helps to form a negative attitude towards the opponent. She also points out that the nominations used by politicians depend on their political ideology.

It is possible to state that there are two main political subjects – the Labour Party and the Conservatives – in Blair's political discourse. Therefore, all positive features are attributed to the Labour Party, whereas the Conservative Party, their political opponents, is defined as a negative power with an outdated, rigid ideology that performs detrimental actions.

The most frequently used domain in Blair's political discourse is *change*. This domain includes the following antonymic meaning fields: *change – against change, change – stuck in the middle/backwards,* etc. The concept of changes is perfectly revealed and enumerated in his 1999 speech delivered in the Labour Party conference:

(1) *650,000 more jobs in the economy, long-term youth unemployment halved and - here's one for us to put back down a few Tory throats - fewer days lost in strikes than any of the 18 years of Tory Government. Who says Labour's not working now? All employees with the right to a paid holiday. Leave for parents to take time off work for a family crisis. [...]Maternity grant doubled. [...]And all around us the challenge of change.* (1999)

(2) *Global finance and Communications and Media. Electronic commerce. The Internet. The science of genetics. Every year a new revolution scattering in its wake, security, and ways of living for millions of people. These forces of change driving the future: Don't stop at national boundaries. Don't respect tradition. They wait for no-one and no nation. They are universal. We know what a 21st century nation needs.*(1999)

The first example contains a counterposition between the Labour Party and the Conservatives which is used in order to show implicated actions – the kindness, efficiency and expedience of the current government as opposed to the backwardness and conservatism of the previous one. This creates a negative *against change* nomination which is attributed to the Conservative Party. Such characteristics are created on the basis of contrast, where all the changes introduced by the Labour Government are contrasted with the actions of the Conservatives. This helps to form a positive image of Labour, while the negative image of the opponents is intensified with the help of the following sentence: *here's one for us to put back down a few Tory throats*. Example (2) provides the target audience with information on all the alterations related to the Labour election to the government. The positivity and novelty of these changes is emphasized by this sentence: *These forces of change driving the future* [...]. It is also necessary to pay attention to the very vigorous repetition of *don't stop* and *don't respect*, which creates a particular rhetorical effect that enables the audience to perceive the expressions as imperatives which prompt them to act. Both examples contain inclusive pronouns: *WE* and *OUR*. Blair may be characterized as the action subject with the help of these pronouns, as he indicates particular actions already carried out by the Labour Party or actions that are still going to be taken. Labour Party attitudes and Blair's strong personal and party image are even more intensified by the following sentence: *We know what a 21st century nation needs.* This sentence also reflects the main *WE* characteristics and may have an implicated meaning that the *OTHERS* do not know.

In his conflict communication Blair introduces another opposite meaning field, *progress–regress*. In the political discourse of this Prime Minister, the party under his leadership is presented as a power which has helped the country to become strong, prosperous and modern.

(3) *Meeting the 18 weeks maximum for waiting in the NHS with an average of 9 weeks from the door of the GP to the door of the operating theatre. Booked appointments. The end of waiting in the NHS. Historic. Transforming secondary schools in the way we have done for primary schools. Schools with three quarters of children getting good results the norm. Historic.* (2000)

(4) *[…] If we fail, and without change we will, then believe me: change will still be done; but in a regressive way by a Conservative Party.*

I want change true to progressive values, done by a fourth term Labour Government. (2006)

(5) *[...]Where progressive and conservative policy can differ is that progressives are stronger on the challenges of poverty, climate change and trade justice.* (2006)

In example (3), the *progress* concept is not directly expressed, though it is implied in the enumeration of all the progressive actions taken by the leading party: *the end of waiting in the NHS, transforming secondary schools.* The characteristics of *regress* that are applied to the Conservative image are presented with the help of a very felicitous and eloquent adjective – *historic*. It is important to consider the way that this adjective is used: an individual phrase is used with the intention to sound very ensured. Examples (4) and (5), with the help of the antonymous adjectives *progressive* and *regressive*, and with the help of contrast, clearly define and complement the opposite *WE–THEY* model, reveal the action subjects and their performance consequences.

Change is associated with the concept of something *new*; thus, the very important meaning field *new–old* is widely used in Labour Party conflict communication with the Conservatives:

(6) *So when I speak of the need for a new moral purpose [...].* (1999)

(7) *A new Britain is emerging with a revitalised conception of citizenship […].* (2000)

(8) *The new school, its new attitude was summed up by one young student who told me she had been badgering her mum all week to buy an alarm-clock, as she was scared of sleeping in case she missed a single lesson. What better symbol of the opportunities we are giving our children.* (2003)

(9) *Years ago, before coming to Government, I said that we would make the arts and culture part of our "core script". In other words, it was no longer to be on the periphery, an add-on, a valued bit of fun when the serious work of Government was done; but rather it was to be central, an essential part of the narrative about the character of a new, different, changed Britain.* (2007)

versus:

(10) […] *the Tories […]. A narrow base. Obsessed about the wrong things. Old fashioned. In retreat.* (2003)

(11) *[…]the Party of no change – the Conservatives […].* (2000)

It is obvious that this opposition, existing in the examples taken from Blair's speech on identity, published in March 2000 in *The Guardian*, and the 2007 speech published on the official website, should convince British society that it is right to trust the Labour Party and to help them stay in that position for more than one or two terms of office. This opposition manifests in the following expressions: *new moral purpose, new Britain, revitalised conception, new school, new attitude, new different, changed Britain*. The constant repetition of the dominant adjective *new* in Blair's political discourse reinforces all the meaning fields included in the *change* domain and substantiates the formation of *new* characteristics. This meaning field is attributed not only to the Labour Party, but to all aspects of social and political life and even to the values related to this party and its members.

The meaning field *old* is attributed to the political opponents, the Conservative Party. It is expressed through a direct meaning relation with the help of the adjective *old fashioned*, emphasizing the negative attitude of the Labour leader towards its opponents, or through such connoted meaning relations as *the Party of no change, in retreat.* Such opponent characteristics are very beneficial for Blair because it enables him to create a strongly negative image of *THEM* and to achieve his intended aim, i.e., to stay in power as long as possible.

It has already been mentioned that Blair and the members of the Labour Party associate change with reforms. He presents reforms which have been introduced and carried out by the Labour Government while describing the Conservatives as the party which opposes those apparently positive and necessary changes. This can be observed in the following examples of one more meaning field, *reformers–anti-reformers*:

(12) *We gave the Bank of England independence. We cut the borrowing. We cut unemployment. We are at long last reforming welfare, making work pay more than benefit for hard-working families through the Working Families Tax Credit.*

They would scrap each and every one of these reforms. (1999)

(13) *To 2 million people given a pay rise through the minimum wage. Tory pledge 1: we'll cut it. To 1.5 million families helped by the working families tax credit. Tory pledge 2: we'll scrap it. To 250,000 young people getting through the New Deal, Tory pledge 3: you'll go back on the dole.* (1999)

After such a presentation, only one favourite emerges: the members of the Labour Party with its leader in the forward ranks. All these examples contain contrasts: *we gave, we cut, we are reforming* appear in counterposition to *They would scrap each and every one of these reforms.* In these statements the *reformers – anti-reformers* characteristic is intensified by verbs which emphasize the contrastive results of the Labourist and the Conservative actions. Moreover, example (13) contains an interpretation of the opponents' words and actions that helps to form a negative image of the Conservatives which should evoke public disapproval of Tory politics. After the formation of this negative Conservative image, Blair depicts the party under his leadership as the saviors of the state.

Another widely illustrated set of meaning fields in Blair's conflict communication is *democracy–anti-democracy.* It includes attitudes towards equal rights, liberty, racism, discrimination, justice and the class system. According to this political leader, New Labour focuses on *democracy* while Conservatives are represented with an *anti-democracy* ideology. In this case, the *anti-democracy* characteristic is based on the adjective *old*, which is intensified by other adjectives, such as *bad, left-wing, hereditary*, and verbs such as *destroy, keep out, hold back, keep down,* and *stunt*, all bearing negative connotations in the context:

(14) *The old prejudices, where foreign means bad.*

Where multi-culturalism is not something to celebrate, but a left-wing conspiracy to destroy their way of life.

Where women shouldn't work and those who do are responsible for the breakdown of the family.

The old elites, establishments that have run our professions and our country too long. Who have kept women and black and Asian talent out of our top jobs and senior parts of Government and the Services. Who keep our bright inner city kids from our best universities. And who still think the House of Lords should be run by hereditary peers in the interests of the Tory Party.

The old order, those forces of conservatism, for all their language about promoting the individual, and freedom and liberty, they held people back. They kept people down. They stunted people's potential. Year after year. Decade after decade. (1999)

The idea that *foreign means bad* (see example (14)), in regard to the attitude of the Conservatives, reveals the fact that Blair transforms the opponents' words in a way meant to disclose their real sense. In the speeches of the Labour leader, the attitude of the Conservative Party towards working women is presented from an angle that should set women against the Conservatives. It is important to point out that in these statements, the Tories are related to their historical performance; this can be treated as a means of black rhetoric, because the Prime Minister wants to historically overshadow the current political battle. The Conservatives' old-fashioned, non-liberal methods and principles seem much worse in the light of the Labour Party's positive and democratic attitude:

(15) *And it is us, the new radicals, the Labour Party modernised, that must undertake this historic mission. To liberate Britain from the old class divisions, old structures, old prejudices, old ways of working and of doing things, that will not do in this world of change.* (1999)

These words do not directly link those old structures to the Conservatives, but from the analyses performed above it is clear that the concept *old* stands for the latter party. Example (15) introduces the idea that under Conservative leadership the state was non-democratic, restricted by prejudices and divided into classes. Such a portentous picture of the previous power helps the

Labourists to secure the support of the electorate for a long time. Moreover, the verb *to liberate*, used frequently in Blair's speeches, helps to present the party under his leadership as saviours.

Another pair of meaning fields in that domain is *equality–inequality*. It is evident that the first speeches delivered by Blair were much more mordant. The Labour methods here are represented as increasing equality versus the Conservative ones, which promote unequal rights for their citizens and the old-fashioned class system which was very beneficial for this party in the past:

(16) *But true equality: equal worth, an equal chance of fulfilment, equal access to knowledge and opportunity. Equal rights. Equal responsibilities. The class war is over.* (1999)

(17) *To be the progressive force that defeats the forces of conservatism. [...]The forces that do not understand that creating a new Britain of true equality is no more a betrayal of Britain's history than New Labour is of Labour's values.* (1999)

(18) *Not a society where all succeed equally - that is utopia; but an opportunity society where all have an equal chance to succeed; that could and should be 21st century Britain under a Labour Government.* (2005)

In order to form and emphasize the *equality* image, Blair repeats it in the form of a noun in every possible case and applies this concept in the form of an adjective to every possible subject related to the Labour Party and its performance: *equal worth, an equal chance of fulfilment, equal access to knowledge and opportunity, equal rights, equal responsibilities.* The opposite meaning fields *equality–inequality* form the basis for further characteristics, evoking the negative connotations applied by Blair to the Conservative image.

In Blair's political discourse, it is possible to define numerous oppositions related to the *positive–negative* features. From the beginning of his term, Blair constantly compares and contrasts two parties, the Labour Party and the Conservatives (*WE–THEY*). This *positive–negative* opposition helps the Labour Party to consolidate its position in the government, to become the one and only governing party for a long period of time. This also helps to present the reforms that have been started or merely planned in a way which helps to win society's agreement and admiration. It is done intentionally in order to marginalize the competing party, to blame it for all maladies and to disparage its ideology. This can be clearly observed in the following examples:

(19) *Let us now finish it and with it finish the Tory Party's chances of doing as much damage in the next century as they've done in this one*. (1999)

(20) *Those who are addicted to violence. Those who confuse any progress with selling out. (Those- the Conservatives* – remark, made by Linkevičiūtė). (1999)

Blair was an especially strident critic of his opponents when comparing their performance with Labour's achievements:

(21) *Arrayed against us: the forces of conservatism, the cynics, the elites, the establishment. Those who will live with decline. Those who yearn for yesteryear. Those who just can't be bothered. Those who prefer to criticise rather than do.* (1999)

(22) *On our side, the forces of modernity and justice. Those who believe in a Britain for all the people. Those who fight social injustice, because they know it harms our nation.* (1999)

(23) *It is between the Conservatives who believe freedom requires only that government stand back while the fittest and most privileged prosper.* (2005)

(24) *Tories are advocating an inheritance tax cut which gives £2 billion to the richest five per cent of estates, Labour's priority will be tax relief for the millions of hard-working families, not tax cuts for the wealthy few.* (2005)

In example (21), direct conflict is revealed in the phrase *arrayed against us*, and the agents belonging to *THEM* are indicated. This and the next examples also contain direct counterpositions: *the poor–the rich, ordinary people–the elite/privileged*. The strength and positivity attributed to *WE* are emphasized by the phrases *on our side* and *the forces of modernity and justice.* The negative characteristics attributed to the Conservatives are formed on the basis of the following eloquent nouns: *the cynics, the elites, the establishment, decline, yesteryear.* These nouns evoke negative connotations in the target audience. The positive characteristics attributed by Blair to himself and the Labour Party are contrasted with the negative connotations and are related to *the forces of*

modernity and justice. This meaning field is intensified and complemented by the following nouns: *equality, opportunity, responsibility, change* and *future*. Blair blames the Conservatives for their self-interest and advocacy of the needs of the rich, and he also contrasts these actions with the plans and reforms introduced by the Labour Party.

The *positive–negative* characteristics include a narrower opposite meaning fields - *strength–weakness*. They are advantageous for Blair's political discourse because they create an image of the Labour Party as a strong power while painting the Conservative party as a group of cowards who lack the resolve to take the necessary actions.

(25) *Today we stand here, more confident than at any time during our 100 years, more confident because we are winning the battle of ideas; we are putting our values into practice; we are the only political force capable of liberating the potential of our people.* (1999)

The linguistic means used in the latter statement suggest the idea of *strength*. The repetition of the adjective *confident*, such verbs as *stand, win, put into practice,* and *liberate* and the expression *political force* leave no space for doubt that the Labour Party is a strong power. The attribution of the *strength* characteristic to the Labour Government is further reinforced by the following sentence: *We are the only political force capable of liberating the potential of our people*, where the adjective *only* is highlighted. This statement also contains a rare war metaphor, *we are winning the battle*, which eventually forms Labour's *strength* characteristic in the electorate's consciousness and emphasizes its importance in the life of society and the country.

The meaning fields *strength–weakness* may be detailed into a *strong state–weak state* characteristic. Because the Labour Party is granted the *strength* feature, and the Conservatives are defined as representing *weakness*, it is possible to conclude that the Labour state is strong while a Conservative state is weak:

(26) *See Britain as it is seen from abroad today. An economy gaining in strength. A society seeking to combine enterprise with investment in public services that bind the nation together. A politics that from relations within the UK, to pursuing peace in Northern Ireland, to engaging with Europe, is prepared to change to overcome the problems of the past and rise to the challenges of a changing world.* (2000)

In this case, the *strong state* meaning field is related to such important issues and areas as economics, society, politics and peace while the Conservative *weak state* is associated with *the problems of the past.*

In the following example Blair implicitly states that under Conservative leadership, Great Britain was a *weak state*; his usage of the expression *rediscovery of strength* implies this opinion:

(27) *We can have confidence in our future. Britain is no longer in decline. We are rediscovering our strength and values. We are uniting those values to a common purpose: modernising the nation for the 21st Century. If we succeed, Britain will be stronger and fairer, on the road to providing opportunity and security for all.* (2000)

Only the strongest power can be in the leading position; as a result, all the others, which are weaker, stay in opposition and criticise the leader. The parties which are analysed in this research are not an exception. The Conservatives, which had grown used to being in power during the 20th century, wanted to regain this position; they therefore criticised the Labour Party in order to show the electorate that those in power were not the best choice. The Labour leader discloses these goals:

(28) […]*The Tories haven't thought it through. They think it's all about image. It's true we changed our image. We created a professional organisation*. (2006)

(29) *They say I hate the Party, and its traditions. I don't. I love this Party. There's only one tradition I hated: losing.* (2006)

It is obvious in the examples presented above that the Prime Minister is involved in a conflict dialogue with the Conservatives. This politician denies the accusations leveled at him and includes the *OTHERS'/THEIR* words in his own speeches.

Labour's *strength* and loyalty to the party's values and ideology as presented by their leader adds more negativity to the already gloomy Conservative image. It is important to emphasize the

usage of the pronoun *they*, as it is indicated to marginalize the communication partner by depriving him/her of his/her name and individuality, which is eliminated by the latter pronoun.

The Labour leader, with the help of the *WE–THEY* model, draws a clear line between the Labour and the Conservative Parties. In his political discourse, all positive features are always attributed to the *WE* side, and all negative features to the *THEY* side. Blair's statements encourage his target audience to believe that all positive phenomena, changes and ideas are thanks to the Labour Party, while all the negative phenomena are the fault of the competitors, the Conservatives. This is a traditional counterposition, indicating that the Conservative ideology is unacceptable for Blair.

It is possible to conclude that Blair carries out open, direct conflict communication with his opponents, the Conservatives, and may be treated as an active action subject in this communication. Moreover, ideological conflict is clearly present here. The conflict communication existing in the political life of Great Britain is ideological in nature.

REFERENCES

Bolinger – Болинджер Д., 1987. Истина проблема лингвистическая. *Язык и моделирование социального взаимодеиствия*. Москва.

Lassan – Лассан Э., 1995. *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*. Вильнюс.

Van Dijk T.A., 1995. Discourse Analysis as Ideology Analysis. In*:* C. Schäffner & A. Wenden (Eds.), *Language and Peace* ,pp. 17-33. Aldershot: Dartmouth Publishing.

http://www.labour.org.uk (Accessed 30 06 2007- 31 08 2007).

http://tonyblairoffice.org (Accessed 30 06 2007- 31 08 2007).

Vilma Linkevičiūtė
Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

TONIO BLERO KONFLIKTINĖS KOMUNIKACIJOS DISKURSAS: *POKYČIŲ* DOMENAS

Santrauka

Straipsnio tyrimo objektas – kalbinės politinės konfliktinės komunikacijos išraiškos priemonės, būdingos Didžiosios Britanijos vadovo T. Blero politiniame diskurse (1998–2008). Konfliktinė komunikacija tapo šiuolaikinės konfliktologijos tyrimo objektu, tačiau labiausiai tyrinėjamas tarpasmeninis konfliktas arba analizuojami efektyvūs vadybiniai konflikto sprendimo būdai. Politinė konfliktinė komunikacija dažniausiai nagrinėjama parlamentiniuose debatuose, tačiau nėra pakankamai griežto jos apibrėžimo. Konfliktinę komunikaciją galima apibūdinti kaip verbalizuojančią konfliktines situacijas, kurias lemia nesutarimai dėl numatytų tikslų arba jų siekimo priemonių bei konfliktuojančių pusių interesų ir norų nesutapimas. Politinis diskursas turi savo subjektų politikos subjektą arba šie subjektai kalba apie temas, susijusias su politiniu gyvenimu bei politinių institucijų veiksmais. Tokiame politiniame diskurse vyksta konfliktinė komunikacija – pasisakymai prieš kitų politinių subjektų nuomones arba veiksmus, o nepritarimas tokiai situacijai verbalizuojamas politinėje komunikacijoje, kurios subjektais tampa bet kokie individai, norintys daryti įtaką politiniams įvykiams.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: konfliktinė komunikacija, politinis diskursas, domenas, prasmės sritis, konceptas.

Marcel Pikhart
University Hradec Kralove
Rokitanskeho 62, Hradec Kralove 500 03, Czech Republic

ELF IN INTERCULTURAL MANAGEMENT: THE SPACE FOR LANGUAGE IN CURRENT BUSINESS COMMUNICATION

The paper concentrates on the role of the English language as a lingua franca in business communication in multinational corporations/enterprises in terms of its significance in creating profitable and communicative environment. Current research shows that it is the English language which dominates the global market forces that predominantly use English even though their mother tongues vary greatly - this can cause many problems, failures in communication and misunderstanding. Therefore, further research is urgently needed in applied linguistics in cooperation with intercultural/transcultural management research to eliminate these pitfalls of current business communication. The aim of the paper is to focus on varieties of business communication and find possible solutions to the current problems of global management.

KEY WORDS: Intercultural management, Business communication, International business, English as a Lingua Franca, ELF, Business English.

Communication, language and business strategies

At the beginning of the 21 century, there appears a growing need of urgency to base our communication strategies, not only business but communication *per se*, in the solid environment of academic discipline such as intercultural communication. However, this approach tends to be slightly chaotic and the whole concept of the discipline is blurred. This negative trend leads to various approaches and we can see that intercultural communication - which should fight intercultural misunderstandings - becomes more theoretical than practical, and thus inapplicable. The approach of applied linguistics to intercultural communication has the potential to provide solid foundations for the discipline. When communicating between cultures, we necessarily have to face indefinite number of discourses, i.e. discourse systems which we encounter. Applied linguistics perspective, often overlooked, is the key to a unifying approach which can achieve effective intercultural communication in order to manage cultural differences flexibly and sensibly, still, on a solid academic basis. I hold that intercultural communication must always be interpersonal communication since communication is never between cultures but individuals. The vague concept of *culture*, thus, leads to the vague concept of the whole discipline, therefore, if we leave overemphasizing aspects of culture and focus on applied linguistics and discourse analysis, we arrive at how language or discourse construct our understanding of difference and identity, i.e. how meaning is negotiated and arrived at in interaction with difference and otherness. Acquiring the conceptual tools to manage these interactions is the task of applied linguistics and, consequently, can lead to better understanding of both; global and domestic diversity trends which are under way in our current society.

Twenty-first century business introduces various challenges and the most important of them is the fact that business processes and encounters are, in principal, based on their cross-cultural contexts. If we understand them and are able to deal with them, this will enable us to become both competent and competitive. Communication technologies and the multinational business context are the two factors which dominate modern communication and therefore we have to take them into account with careful attention. The development of business communicative skills is, therefore, one of the key competencies not only for modern business students but, generally, for anyone who is, or potentially will be, a part of such a context. My aim is to show clearly that intercultural communication courses are a must in today's globalized world and therefore their place at universities is inevitable. Moreover, they also teach us how to be competent communicators not merely in business context but, simply, in everyday human encounters (Samovar 2007, p. 229-231).

The importance of business discourse and communication in language education

There are many reasons for new academic disciplines such as business communication, business discourse and intercultural communication. "Today's complex business environment, with its new technologies, new structures, multiple languages and multiple cultures, has acknowledged the salient role of communication in business activities in general, and international activities in particular; simultaneously, a growing need to know more about communication-related issues sparks new research" (Louhiala-Salminen 2009, p. 305). Both: business discourse and business communication deal with the way people communicate in business context to get their work done, hence, business communication or discourse can be defined as social communicative action in business context. We can see two perspectives of these approaches: the first, micro-level, which is how people communicate to get their work done; and the second, macro-level, i.e. how companies reach their targets through communication.

Business communication as a highly practical discipline can be, or rather should be, closely linked with intercultural communication, and thus, create skills-oriented subject which can greatly support business environment. Business communication is deeply rooted in multicultural and multilingual reality, such as business issues are in their nature (Louhiala-Salminen 2009, p. 305-306).

There have been several attempts to prove that business communication is a coherent academic subject and not merely skills-based approach, however, I still claim that there is no reason to be worried that the discipline is only skills-oriented as this may be an advantage. In business communication, even as an academic pursuit, there has always been a utilitarian goal, which proves that business communication plays an inevitable part in university curricula, and that there is a goal of "developing and disseminating knowledge that increases the effectiveness and efficiency of business operations ... and that the scholarly study of the use, adaptation and creation of languages, symbols and signs to conduct activities that satisfy human needs and wants by providing goods and services for private profit" (Louhiala-Salminen 2009, p. 307). A more modern attitude stresses the fact that these activities are conducted in intercultural and cross-cultural environment; however, the underlying principle still remains the same, i.e. the effectiveness of human communication.

In the current era of globalization we moved to business setting from communication in various languages to discourse in some form of the English language. Even the majority of international companies use English as official corporate language and the language of the majority of international business is English, however, used by non native-speakers – English has therefore become a lingua franca, at least in business. Moreover, scholars have noticed and highlighted the fact that globalization will naturally lead to the importance of investigating culture – pointing out the significance of intercultural communication we admit that business communication in the intercultural context is the key to understand the issue. Having this background in mind, we have to admit that "in the context of globalisation, intercultural communication has become ubiquitous in contemporary business communication and the importance of preparing business graduates for communication in the global village has become a truism" (Piller 2009, p. 317-324).

Intercultural communication scholars usually distinguish three individual phases of the discipline: the first phase focuses on the nation and national differences between the people and their cultures; the second indicates that the companies are the source and aim of communication; and third introduces the idea that the individuals are the ones who compete and collaborate globally. The last phase is characterised by "the commodification of language and communication skills," (Piller 2009, p. 322) i.e. language proficiency and further ability of intercultural communication in multilingual and multicultural business environment is highly valued, even financially – intercultural competence can thus be "converted into economic gain ... and in an economy where business activities centre on knowledge, information and services, language and communication become a part of people's job, something they may be remunerated for" (Piller 2009, p. 323).

In today's companies much of work consists of language-related tasks. In service companies (such as banking, insurance and finance), due to their international basis, these language-related tasks form the substantial part of management work. Managers of these multinational and international companies have to transfer all the information from the headquarters of the parent companies which use English for communication even if the company comes from not English-speaking country. Understanding, clear communication strategy and flawless transfer of information on this international level is a substantial prerequisite of any business activities on the field of international business. This is the way how to transfer linguistic capital into the economic one.

The European Union attitudes to language education

In 2001 the European Union, or to be precise, the Council of Europe, introduced a similar vision, i.e. the need for intercultural communication courses either within university language education or individual courses, in its Council of Europe's Common European Framework for Languages. The document clearly states the necessity of language education connected with the enhancement of intercultural competences. Mere language education, based on the pure transfer of information regarding grammar, vocabulary and syntax of the given language, is absolutely not sufficient and this kind of old-fashioned education can no more survive a fierce competition from both inside and outside the world. Language competencies must also contain basic communication skills which can help not only business environment but also international communication as such. Globalized world urgently needs such an attitude and it is the task of universities to help to facilitate it and university curricula should always bear in mind that dialogue between cultures is the basis for any language education.

Three fundamental principles have been set to meet the aim which is to achieve greater unity among members of the European Union. The first aim expresses the rich heritage of diverse languages and cultures throughout Europe. This diversity must be – possibly through language education – converted from a barrier into a source of mutual enrichment and understanding. The second is to increase better knowledge of modern languages, so that it facilitates communication and interaction among various European communities in order to promote mobility, mutual understanding and co-operation to overcome discrimination and prejudice. The third aim is to co-operate and co-ordinate language learning and teaching policies with the aim of greater convergence on the European level. We can already see that the European Union wants to cover all aspects of language education globally in their cultural context and not only the instrumental basis of language education and further communication. Language education is therefore no more pure and isolated entity which helps to communicate, but languages work in their context and cultural background (The Common European Framework in its Political and Educational Context).

According to the European Union, the following political objectives exist in the field of modern languages education and I claim they are worth transferring into the university curricula: (1) to equip all Europeans for the international challenges in education, culture, science, trade and industry; (2) to promote mutual understanding and tolerance, respect for identities and cultural diversity; (3) to maintain and develop the richness and diversity of European cultural life; (4) and to meet the needs of multilingual and multicultural Europe by developing the ability of Europeans to communicate across linguistic and cultural boundaries (The Common European Framework in its Political and Educational Context).

These objectives have been identified, highlighted and particular urgency was attached to them since the major threat of European stability is xenophobia and ultra-nationalist movements. The European Union stresses the importance of all sections of population to have access to the effective means of acquiring knowledge of the languages of other member states; however, this mutual transfer is neglected since the prevailing dominance and importance of English is clear. Idealistically, the European Union wanted all member states to have equal access to all Union languages so that everyone studied various languages and their multi-language competences were

developed. However, the reality is different as practically no one studies any other language but English. Mutual knowledge of national and regional languages, including those less widely taught and spoken, remains just a dream.

The basis of communication needs to be defined by the European Union (The Common European Framework in its Political and Educational Context). The following aspects are particularly important: (1) to deal with everyday life situations in another country; (2) to exchange information and ideas with people who speak different language and to communicate thoughts and feelings; (3) to achieve a wider degree and deeper understanding of the way of life and forms of thought of other peoples and their cultural heritage – basically, these clear aims copy the objectives of any intercultural communication course and it is the aim of university education to follow them either in language education or within intercultural communication courses.

If we meet these aims, or at least we struggle to reach them, it will definitely bring us to better co-operation, mutual understanding and even business profit. By means of elementary communication, courses and dialogues on various levels will be engaged and the complexity of people's cultural identity will prove to be an advantage rather than a disadvantage. We will respond to people according to how we find them, not what we have heard about them. We will avoid easy answers about how these people are. We will appreciate each culture in its complexity, uniqueness and variations. And finally, we will learn to build up clear notions what happens between us and others when we communicate – we will work out how to communicate as we go along (Holliday 2010, p. 11).

The business setting of current global communication

In today's growing international market one of the major concerns, which is important for any company operating in such market, is a question what are the basic factors that make small and medium enterprises successful in international business. I claim that in the business context it is intercultural competence that can be a catalyst and one of the most influential factors which determines the success or failure of any economic endeavour. As many scholars put it, we can agree that "it might be expected, in the global era, that increased and more diverse patterns of trading would lead to significant interest in the ability of SMEs to communicate effectively with an increasingly large range of international clients partners simultaneously" (Mughan 2009, p. 32). Though, the core focus has always been, both in our university business curricula and various business communication courses, on developing more language skills, ignoring intercultural dimension of international business. However, in large multinational and international companies, we can observe a vivid trend regarding intercultural strategies and cross-cultural business communication, unlike in SMEs, which is the interest in intercultural strategies having recently increased dramatically (Mughan 2009, p. 32).

There are several factors, that must be taken into account, determining the exposure of the firm to foreign cultures, such as the readiness of the owner-manager to explore international opportunities, the availability of resources and also the capacity to respond to business opportunities (Ibeh 2000, p. 435-455). Having been exposed to a number of multicultural market opportunities, the companies have to concentrate on various strategies needed to develop understanding so that they are able to communicate more effectively. Language competence is seen thus as the prerequisite for such an encounter and, moreover, further understanding of the given culture is a must to enhance business/profit opportunities in a foreign market. Quite often we can see that "the owner-manager will approach and encounter intercultural situations and challenges with a plethora of questions and uncertainties in mind, relating not just to the concepts of difference and communication, but also, and probably firstly, to the business opportunity, its financial, logistical, legal and commercial dimensions" (Mughan 2009, p. 34.). That would naturally mean that any potentially successful businessperson wants to and will find their given opportunities on the market, and also takes threats, which arise from international business environment full of pitfalls of communication drawbacks, into account.

The applied linguistics setting of current communication

There exists a new paradigm in applied linguistics regarding intercultural communication which states that intercultural trainers and consultants often exaggerate cultural differences and are inclined toward stereotyping whereas there ought to be more space for "the possibility of a social encounter based on openness and healthy curiosity aimed at mutual understanding" (Fleming 2009, p. 7). Previously accepted simplistic model of cultural differences (Holliday 2009, 210) stressing cultural diversity and exaggerating cultural differences, such as Hofstede's theory for instance, could often have a negative impact on the intercultural understanding and subsequent working practices. Having made generalizations, we often acknowledge that there was a great deal of stereotyping in our judgment and we tend to reconsider our previous attitudes. The only way out of this is to recognize that the direction we think and behave is not the only possible and appropriate method. Otherwise, when dealing with other cultures, we have to observe, listen and show respect, i.e. to accept the differences and understand the otherness.

There are several attempts trying to explain the basic discrepancies in human communication between cultures. Among the most influential is the classic Geert Hofstede´s approach, based on pure value orientation differences that could be quantified and measured (such as his famous Power Distance Index, Individualism, Masculinity, Uncertainty Avoidance Index and Long-Term Orientation) – the basic premise was that the key problem in intercultural communication is caused by the fact that people from different cultures have different value orientations. Not undermining the impact of his work, I claim that his concepts are inappropriate in today's global world where searching for common ground is more important than looking for discrepancies and possible pitfalls in communication and interaction. Positive view of intercultural communication as the key to success and economic gain is nowadays the clue for any attempts to reconsider the discipline. Or to put it more aptly, "in an economy where business activities centre on knowledge, information and services, language and communication become part of people's job, something they may be remunerated for" (Louhiala-Salminen 2009, p. 323).

There have been several tendencies in intercultural communication courses which should be challenged because they are biased, and thus do not provide us with adequate and appropriate view of communication and business relationships in current business world. The first of the two puts Western culture in the position of superiority and the second one, more or less Hofstede´s, highlights the differences between cultures rather than their commonality (Holliday 2010, p. 220). These two attitudes can possibly create a negative impact on working practices, and intercultural understanding and cooperation is therefore blurred and fuzzy. There is also prevailing focus of intercultural trainers to see the distinction between individualism and collectivism "and this distinction has trickled down into numerous popular guides for those visiting, living and working in foreign cultural contexts, or working in the global market-place" (Holliday 2010, p. 221). It is questionable if these distinctions are still valuable in helping us to understand and communicate with people who we encounter in a variety of cultural contexts.

The most common binary opposition between "the West and the rest", applied widely in intercultural communication, focuses usually on whether cultures promote individual values, such as private profit and success on the one hand, and on the other, emphasize collective values, such as respect for conformity and society (Munshi 2001, p. 14). Standard classification is, of course, the US, the UK, Western Europe as individualistic cultures, whereas Asia and Latin America as examples of collectivistic cultures. We have to admit that "they do not spell it out, but these groupings are unmistakably divided on East-West lines … Ignoring the obvious contradictions in oversimplified categorizations, such intercultural communication, in fact, codifies a gap between the 'us' and the 'them' " (Munshi 2001, p. 15). While looking for the differences and stereotyping rather than commonalities in various cultural traditions, I observed the most significant problem which is hidden in many intercultural courses and leading more to misunderstanding and hidden or unconscious conflicts rather than to necessary understanding and cooperation – the aims of all

intercultural or cross-cultural communication courses. Nowadays, the trend is that the global axis of economic power is, more or less, shifting eastward and the West economic power will dramatically depend on the knowledge of cultural values and traits of non-Western cultural groups and not on the ability to look for potential stereotypes in diverse cultures as we can see in many textbooks (Samovar 2007).

Munshi and McKie confirm this trend when they say that in such a global context, despite its egalitarian goals, intercultural communication aids and abets neo-colonial business in maintaining the gap between Western and non-Western cultures. By talking about difference in terms of traits, it ignores the social processes behind the construction of cultural differences … As a result … the field of intercultural communication disowns its colonial legacy, neo-colonial present, and link to neo-colonial futures. In practice, the field maintains three major ideological components of colonialism and colonial racism: one, the gulf between the culture and the colonialist and the colonized; two, the exploitation of these differences for the benefit of the colonialist; three, the use of these supposed differences as standards of absolute fact (Munshi 2001, p. 19).

The majority of textbooks on intercultural communication focus on the dynamics of cultural interaction between the (business) people from the West and the East, usually the US versus China and Japan and they also tend to find traces of individualism vs. collectivism and other classic binary oppositions well known from cultural anthropology, thus, they strengthen the gap between "us" and "them" as it has already been mentioned (Holliday 2010, p. 219-220). It creates a paradox that intercultural communication courses which should lead to better understanding without prejudice enlarge space for misunderstanding and homogenized constructions of national stereotypes and generalizations, and again, put the Westerners in the position of superiority.

The only way is that any valid approach to intercultural communication courses and training ought to be based on respect to and knowledge of both cultures they encounter. This is the way to transcend the simplistic and stereotypical nature of the type of some of intercultural courses to apply the "negotiating reality" as Friedman and Antal put it. By the term they mean the basic strategy for "effectively engaging intercultural interactions and generating a richer repertoire of action strategies". Mapping the knowledge we have about the given culture we encounter and analyzing this knowledge, we are aware of the fact how this pre-understanding shapes our perception of and expectations for the culture we meet. "It also means engaging with others to explore what lies under the surface of the visible tip of their cultural iceberg … negotiating reality generates the necessary cultural knowledge for situation as they arise and, from this knowledge, constructs affective action strategies" (Holliday 2010, p. 221).

One of the new and modern approaches to intercultural training is to move away from the technique where participants communicate on the basis of pre-taught cultural models or templates. On the contrary, it is vital to analyze our own cultural identities and to view ourselves as others might see us (Holliday 2010, p. 228). "Another key element in a more 'enlightened' approach to intercultural training is that participants should focus on what occurs in instances of interaction, and analyze in depth the contextual focus and identity issues in trying to explain how interactions proceed. Finally, such an approach involves encouraging a critical stance to the many texts about cultures and intercultural communication which define and explain by means of simplistic and stereotypical cultural models or dimensions" (Holliday 2010, p. 228).

REFERENCES

Fleming, M. "Introduction" in *Becoming Interculturally Competent through Education and Training.* Ed. Anwei Feng, Mike Byran and Mike Fleming. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009.

Holliday, A., M. Hyde, and J. Kullman, *Intercultural Communication. An Advanced Resource Book for Students.* London and New York: Routledge, 2010.

Ibeh, K. "Internationalisation and the Small Firm," in *Enterprise and Small Business, Principles, Practice and Policy.* Ed. S. Carter and D. Jones-Evans. Harlow: Pearson Education, 2000.

Louhiala-Salminen, L. "Business communication," in *Handbook of Business Discourse*, Fr. Bargiela-Chiapini, Ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

Mughan, T. "Exporting the Multiple Market Experience and the SME Intercultural Paradigm," in *Becoming Interculturally Competent through Education and Training.* Ed. Anwei Feng, Mike Byran and Mike Fleming. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009.

Munshi, D., D. McKie, "Toward a new cartography of intercultural communication: mapping bias, business, and diversity," *Business Communication Quarterly* 64/9: 9-22, 2001.

Piller, I. "Intercultural communication," in *Handbook of Business Discourse*, Fr. Bargiela-Chiapini, Ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009, p. 317-324.

Samovar, L. A., R. E. Porter, E. R. McDaniel, *Communication between Cultures*. Belmont: Thomson Wadsworth, 2007.

The Common European Framework in its Political and Educational Context. http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf, accesed on 1 April 2012.

Marcel Pikhart
Hradec Kralove universitetas, Čekija

ANGLŲ KALBA KAIP LINGUA FRANCA TARPKULTŪRINĖJE VERSLO TERPĖJE: KALBOS VIETA ŠIUOLAIKINĖJE VERSLO KOMUNIKACIJOJE

Santrauka

Straipsnyje aptariami šiuolaikiniai bei alternatyvūs požiūriai į tarpkultūrinę komunikaciją bei atsiribojama nuo tradicinio požiūrio, kuris skirtingų kultūrų atstovų stebėjime, analizavime, derybose bei komunikacijoje rėmėsi ne panašumų, bet skirtumų ieškojimu. Toks požiūris suformavo nuomonę, jog vakarietiškoji kultūra yra pranašesnė nei kitos kultūros. Paradoksalu, kad tarpkultūrinės komunikacijos kursai nesuteikė reikalingo pagrindo bendram dialogui bei įvairių kultūrų ir grupių tarpusavio supratimui. Šiuolaikinės taikomosios kalbotyros perspektyva suteikia pagrindą požiūriui, jog tarpkultūrinė komunikacija vyks efektyviai tuomet, kai į kultūrinius skirtumus bus reaguojama lanksčiai ir protingai.

Tarpkultūrinė komunikacija visuomet yra tarpasmeninė, tad jei atkreipsime dėmesį į taikomąją kalbotyrą ir diskurso analizę, pastebėsime kaip perteikiama reikšmė situacijose, susijusiose su kitoniškumu ir skirtingumu. Taikomosios kalbotyros užduotis yra sukurti konceptualiąsias priemones, o tarpkultūrinės komunikacijos- valdyti tarpkultūrinį bendravimą. Tai padės sukurti abipusę toleranciją ir geresnį tarpusavio supratimą tarp žmonių ir kultūrų.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: tarpkultūrinė vadyba, verslo komunikacija, tarptautinis verslas, anglų kalba kaip lingua franca, ELF, verslo anglų kalba.

Jurgita Kerevičienė
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės 12, LT-44280 Kaunas, Lithuania
jurgita.kereviciene@vukhf.lt, jukere3@gmail.com

Linguistic Modernization and/or Conventionalization

Language provides insights into the nature, structure and organization of human thoughts and ideas. Contemporary linguists have attempted to describe and account for its organization and realization by means of different linguistic units. In opposition to traditional grammar, linguists with a modern approach seek to present language as a reflection of certain fundamental properties and design features of the human mind.

This article represents a cognitive view to the grammatical and semantic peculiarities of the Lithuanian dative case by revealing some controversial nuances described in the traditional grammatical manuals, though, attaining no proper explanation by the Lithuanian scholars.

KEY WORDS: dative, animacy, possession, personal sphere, sphere of influence.

Introduction

Language is 'a vehicle for the expression or exchanging of thoughts, concepts, knowledge, and information as well as the fixing and transmission of experience and knowledge. It is based on cognitive processes, subject to societal factors and subject to historical change and development. (Routledge Dictionary of Language and Linguistics 1996, p. 253). The definition implies the idea that language is a system of both spoken and written symbols, which are used by communicators in a shared culture to express their ideas. Since language is symbolic where the link between word forms and their meanings is based on the convention, every language denotes its own specific conceptual content and shows how people construe this content by using linguistic means. That is the fact why in many languages the same meaning is expressed by different forms. On the other hand, people live in a fast moving world (as Shakespeare wrote, in "these most brisk and giddy-paced times'[3]) where principles of the language economy are necessary to adapt themselves in the speeding pace of time. However, despite the fact, well-formed linguistic expressions must appeal to the particular grammatical principles and rules established in the spoken community by 'prescriptive scholars'[4]. The problem arises when the intersection of the traditional perspective view on a language and the cognitive explanations of the use of particular linguistic units clearly pose a serious dilemma not only for users of a language but also for linguists and professional translators: what is more important to keep/reveal speakers' usual and accepted way to express their conceptualized sight following a conventional/traditional way of thinking or to conform to the established fashion of grammaticality which in some cases neither belies speakers' conceptual content nor gives a firm grounding in choosing certain linguistic expressions. Or just sometimes to disregard for the set grammatical rules. Since no traditional grammar manuals say about the use of specific cases in the Lithuanian language (instead, they give a descriptive cataloguing of different and/or detected uses and possible semantic aspects of the linguistic units) cognitive theories, methodology should be applied to explain controversial linguistic events. The present article focuses on some specific uses of the dative case in Lithuanian from the perspective of Cognitive Grammar, taking into account semantic and pragmatic peculiarities. Consequently, the aim of the paper is to reveal the specificity of the use of the Lithuanian dative while expressing possession and animacy; and the object of the paper remains the Lithuanian dative case. The research methods used were: analysis of linguistic theoretical sources, study of the modern Lithuanian linguistic data, survey about the application of two Lithuanian cases, namely genitive and dative and empirical study.

Traditional Description of the Lithuanian Dative

Traditionally, the Lithuanian dative case as all the cases within the paradigm is analysed as a morphosyntactic or grammatical category *par excellence*. This view stresses morphological features of cases, takes the notice of case endings (morphemes) and their grammatical usage. Besides, the Lithuanian grammarians (Ambrazas (1994), Paulauskienė (1989), Morkūnas (1999)) have indicated syntactic functions of the case while adapting distributional criteria, i.e. all the functions are grouped considering whether the

[3] William Shakespeare: Twelth Night, Act II, Sc.4.
[4] By the prescriptive tradition I refer to the approaches to language which attaches priority to 'prescribe' what is judged to be correct and identify and eliminate 'incorrect' usage rather than to describe actual use of the linguistic expression.

case-marked word or the phrase is governed by other parts of speech (nouns, verbs, adjectives, adverbs), alternatively whether the case occupies a free syntactic position.

Thus, according to the grammarians the Lithuanian dative case may be analysed taking into account its syntactic functions performed within a grammatical construction. There are distinguished three major groups of the dative case: ***adnominal*** (when dative is governed by a nominal word class, i.e. a noun, an adjective, a pronoun or a numeral), ***adverbal*** (when dative is governed by a verb), and ***adverbial*** (when a dative-marked phrase is not governed by an adverb, though, it functions itself as an adverb). Following this classification, it is evident that the key feature of syntactic functions is the character of ***case government,*** i.e. the grammatical relation between a head and object or other complement where presence of the head determines the form of case, cf. Trask (1997, 98), Berg-Olsen (2004, p. 32).

Regarding semantic aspects, the Lithuanian linguists (Šukys (1998), Paulauskienė (1989, 1994), Ambrazas (1994)) point out that the basic and most prototypical syntactic function of the Lithuanian dative is to express an entity (typically, animate) that may be affected positively or negatively (for the benefit or to the prejudice of the object) by a certain action or event (DLKG 1997, p.513), whereas inanimate objects must be expressed with the genitive case. The following examples illustrate the use of dative:

(1) Tada išpažinau ***tau*** savo nuodemę. (Ps 32, p.5)
Then I declared my sin to you.
(2) Jis davė ***vėjams*** jėgą. (Job 28, p.25)
He gave its weight to the wind.
(3) Kartą brangiausi žmonės ėmė ir sudaužė ***jai*** širdį.
Once close confidants broke her heart.
(http://www.blogas.lt/soulmate/48284/istorija-apie-maza-mergaite.html)
(4) Tėvas pamojo ***vaikui*** ateiti (DKLG 1997, p.524).
Father has waved his son to come.
(5) ***Man*** liūdna.
I am sad.

As it is seen from the examples above, the dative is commonly used in the function of an indirect object with (di)transitive verbs accompanied by a direct object expressed by accusative or genitive (1, 2, 3), as a direct object with transitive verbs (4), and as a subject (5).

So far, the Lithuanian dative has been reviewed from the perspective of the descriptive cataloguing of different and/or detected uses and possible semantic aspects of the case. However, this approach fails to view dative as a semantically integrated category. For this reason, the cognitive view may be applied.

Cognitive Approach to the Dative Case

The cognitive study proposed and developed by Taylor, Langacker, Dąbrowska conveys the semantic structure of dative, leaving aside disputes of case governing. Consequently, the distinction between free and governed datives is irrelevant. According to cognitive linguists, the difference between these two 'kinds' of datives is the degree to which the semantic contribution of the dative ending is profiled by nominal and/or verb[5]. The choice of the dative case depends on the speaker's communicative strategies and general knowledge of the world. Thus, the distinction of datives does not play a crucial role because, following cognitive linguists, in all constructions "the semantic purport of the dative morpheme of the target person, however, remains the same" (Berg-Olsen 2004, p.66).

The key semantic indicator of the dative case is *target person* (TP) that refers to "an individual who is perceived as affected by an action, process, or state taking place within or impinging upon his personal sphere" (Dąbrowska 1997, p.7). Following Dąbrowska, in cognitive analysis dative is the grammatical exponent of the target person role. As it is seen from the TP definition above, the concept of TP rests on the apprehension of *personal sphere* (PS) which "comprises persons, objects, locations, and facts sufficiently closely associated with an individual that any changes in them are likely to affect the individual as well"

[5] Dąbrowska attributes constructions with lexically governed dative to syntactic situations when the semantic input of the dative ending is fully compatible with the meaning of verb and is redundant. When the affectedness of the *Target Person* is in profile, the verb is said to govern dative, and the dative complement is obligatory. When its nature has to be deduced from the context, dative should be treated as 'free'. However, she accepts the fact that it is difficult to distinguish between free and governed datives because their meanings overlap (Dąbrowska 1997, p.25).

(Dąbrowska 1997, p.16)[6]. The region of the personal sphere is referred to *the sphere of influence* (Dąbrowska's term) that involves one's territory, possessions, the objects one is holding or going to use and the people that the target person has control over (subordinates, dependants, subjects, etc.). Furthermore, since there are endless various objects and persons that may be involved in, the personal sphere is actually an open-ended category where any inclusion in it may be determined either by contextual factors, or by "an individual speaker's subjective assessment of the relationship between the target person and the participant directly involved in the action" (ibid).

As the personal sphere comprises parts of the target person's body, his clothes and other possessed objects it is evident that the dative construal implies possession. However, the Lithuanian possessive comprises syntactic constructions with both genitive and dative where each of them expresses different values of possessives: ownership, kinship terms and part-whole relations. This notwithstanding, genitive like a possessive modifier specifies the relationship between the object and the person to whom it belongs, whilst the dative construal allows coding both the affected object and the owner, who is affected indirectly as "a consequence of the agent's acting on the object belonging to his personal sphere" (Dąbrowska 1997, p.115). Additionally, it is worth stating that the constructions with the possessive dative are determined by the pragmatic factors and knowledge about the world of the speaker. As Šarič (2002, p.16) remarks, if a speaker is not at the same time possessor in the utterance, he must have a motivation to use the possessive dative, i.e. he must know that the possessor is affected, or the nature of event leads him to suggest this to the hearer. If the speaker is the possessor in the utterance, the possessive dative denotes his emotional commitment, i.e. he wants to express something more than the possessive relation.

Taking *inanimate entities* into account, they cannot customarily possess anything in the strict sense of word; neither can they be mentally affected by something in the way human beings can. Since the possessive dative is focused on the target person and his as individual's personal sphere, the inanimate possessive dative is much more limited in its use. Sometimes the possessive dative can be ascribed to an entity or an organization that metaphorically possess or could possess something, and to which it could be ascribed. In such cases, inanimate possessors have their basis in metonymy or personification. Examples can illustrate the fact:

(6) ***Įvairioms tautoms*** charakteringa tokio turinio pasaka.
A tale with such a content is typical for various nations.
(www.spauda.lt/history/vytautas/pirma.htm)

(7) Nuriedėjo debesėlis ***vakarui*** per skruostą. (Juška)
A cloudlet rolled down the cheek of the evening.

In connection with the possessive dative it is necessary to draw an attention to the fact that the use of the Lithuanian possessive constructions is restricted in some ways. Here the degree of animacy seems to be a rather crucial factor in the choice of the possessive dative constructions. There is a strong connection between the animacy hierarchy and empathy. If an affected object is at the top the animacy hierarchy, a speaker will more likely assume the 'inner' perspective of the affected target and thereby share the empathy with him. On the contrary, if an affected object is at the bottom of the hierarchy, a speaker will more likely retain the outside perspective, i.e. the more objective viewpoint of the observer on the situation. The simplified version of the animacy hierarchy may be represented as follows:

Pronouns (1st person > 2nd > 3rd) ***proper names*** > ***kinship terms*** > ***other humans*** > ***other animals*** > ***physical objects*** > ***abstract entities***[7]

On the basis of the animacy hierarchy, the empathy hierarchy can be applied:

Body parts > ***kinship terms*** > ***other relation between humans*** > ***clothes*** > ***other objects an individual is interested in***, etc. (cf. Šarič 2002, p.13).

Thus, in (7) the cheek is not located close to the possessor and the evening does not have its personal sphere. The personified use of the evening (as of a certain kind of possessor) expresses the constructed

[6] Both terms are borrowed by Dąbrowska, where *target person* was introduced by Wierzbicka (1988, p.362), and *personal sphere* (or *sphère personelle*) was first used by Bally (1926) – cf. Dąbrowska (1997, p.210, note 14).

[7] There are formulated more implicational hierachies, reflecting features of animacy, situation or affectedness, inalienability and syntactic relations, in construction with the possessive dative in different languages (cf. Haspelmath, 1999, pp.112-115), the animacy in Lithuanian dative constructions has been discussed by Kerevičienė (2004, pp.25-33), Semėnienė (2006, pp.160-162), partly by Holvoet (2001, p.204) and Šukys (1998, p.123).

relationship with applied characteristic human qualities to indicate the speaker's emphatic attitude to the dative-marked referent.

Despite the cases of personification and metonymy, in modern Lithuanian, both written and spoken, there is a clear tendency to apply syntactic constructions with the dative possessive with inanimate entities. As linguistic data shows, the events are particularly common to indicate a speaker's empathy for things that are very dear and close to his/her personal sphere (I would call these objects *intimate*). For instance, examples of newspaper language of military texts show that certain nominals like *ginklas*, *automatas* (a gun), *vėliava* (a flag) sometimes are marked by dative in the possessive constructions. A similar observation can be made from the data of the colloquial language where entities that are close to a speaker also are coded by dative. Some examples below illustrate the fact:

(8) Neprižiūrint kulkosvaidžio šaudymo metu, ***ginklui*** gali subyrėti spyna
If the maschine-gun is being unattended at the action of shooting, the lock of the gun may conk out.
(*http://www.kam.lt/index.php/lt/141947/)*
(9) Neatsargiai naudojantis ginklu, gali iškristi ***automatui*** dėtuvė[8].
Using the gun irresponsible, its magazine chamber might fall out.
(www.ginklai.net/galerija/2643/mp_28.html)

(10) Dailininkas Saulius Chlebinskas pirmai jo apsakymų ***knygai*** nupiešė menišką viršelį.
Artist Saulius Chlebinskas designed an artistic cover for his first story book.
(http://www.tekstai.lt/metai/200512/uzknygos.htm)
(11) Turiu nešiojamą kompiuterį, bet ***jam*** sugedo monitorius.
I have a laptop but its monitor went down.
(http://www.ats.lt/kompiuteriai/turiu-nesiojama-kompiuter-bet-jam-sugedo-monitorius-tvarkyti-brangu-t107/0/)

The data (including examples above) illustrate the fact that a Lithuanian speaker, while expressing the 'possessive' relations between an inanimate objects and its part, is typically inclined to express both his/her inalienable possession and empathic attitude to the inanimate entities that are likely to be personified. Therefore, a military speaker linguistically codes his attributes that are affected in the way humans can be. (And indeed, speakers can hardly think of a soldier without a gun.) Similarly, students code their often used entities as *computer*, *mobile phone*, *dictionary* and even *car* alike when they are somehow improved or damaged. Thus, the data shows that the coding of the possessive dative is closely associated with the ranking on the animacy and empathy hierarchies, where firstly animate referents outrank inanimate entities and, subsequently, inanimate objects that are in a speaker's close interest outrank inanimate nonspecific referents. The latter are always marked by the genitive case excluding metaphorical uses. The observations and examples presented above provide the support for the particular semantic map of distribution of the two types of Lithuanian possessors that are affected by the process indicated by the predicate.

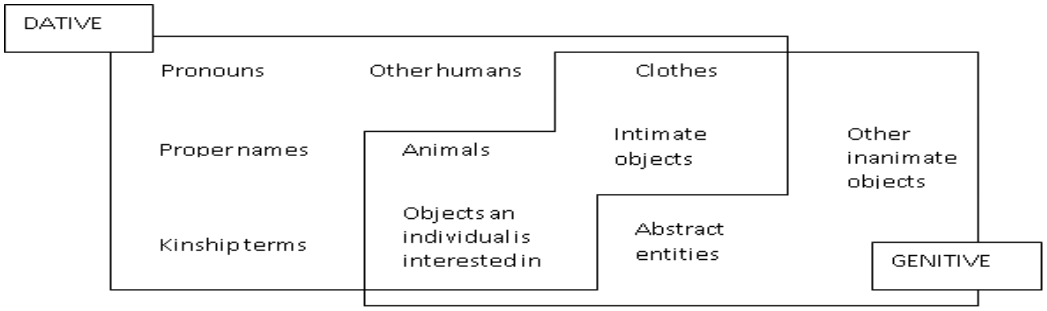


Diagram 1. Semantic map of the distribution between the genitive and dative marked possessors in Lithuanian (created by author).

The diagram above shows that in Lithuanian the distribution between the two cases is not clearly determined. The choice normally depends on a speaker's intention where the way of possessor marking invokes addressee's encyclopaedic knowledge and constructs various scenarios about the world.

[8] Magazine chamber is an inalienable part of a gun as a metal or plastic ammunition container, which is fitted to a gun and is designed to feed the rounds directly into the breech (cf. Bowyer, 2004).

After such explorations of the Lithuanian examples, it is possible to generalize that a speaker, using constructions with the possessive dative, is likely to lay his attention on how the possessor is affected by an outside force that acts on its possession. Consequently, more events deal with animate possessors and some with different kinds of inanimate entities (while the possessive constructions with genitive chiefly highlight the single relation of possession).

In addition to this, one more controversial example could be taken under consideration. Traditional grammarians point out the fact that in Lithuanian with the adjective *šykštus* ('mean', cheeseparing, close with sth') only genitive can be used (12) and constructions with dative respectively should be treated as ungrammatical[9], yet the dative complement, as seen in (13) and (14), can occur in the preceding construction:

(12) Vaikinas buvo šykštus ***žodžių*** (Šukys, 1998, p.154).
The fellow was sparing of words.
(13) Nebūk kietaširdis ar šykštus savo ***beturčiui artimui*** (Įst 15, p.7).
You shall not harden your heart nor close your hand to him in his need (NAB).
(14) Aš suvokiu, koks esu bailys, prisitaikėlis ir šykštus ***sau pačiam***.
I percieve how coward, timeserving and close with myself I am.
(http://www.paulocoelho.com.br/ozahir/livro/lith/zahir.pdf)

However, Lithuanian grammars consider syntactic peculiarities and say nothing about these alternative constructions; while it should be acknowledged that the alternation between dative and genitive is determined by the semantic role of the dative-complement. Consequently, the genitive complement in constructions with the adjective *šykštus* (12) usually attributes the source or the object to which the feeling is directed; whereas, the dative complement (13), (14) denotes a person like an addressee who experiences the directed feeling. Here there is an obvious contrast between dative and genitive experiencers.

To generalize what has been presented above concerning particular uses of the Lithuanian dative it is significant to examine the linguistic events with dative in practice, i.e. with the colloquial linguistic data taken from the survey.

Grammaticalization and/or Conventionalization

Applying linguists' ideas, *grammar* could be perceived as any systematic account of the structure of a language; the patterns that it describes. In the widest sense a grammar is at once a set of rules said to be internalized by members of a speech community, and account, by a linguist, of such a grammar. According to Chomsky (1965), grammar is the knowledge of a language developed in the minds of its speakers. In the same line, *grammaticalization* in this paper may be defined as a property either assigned to sentences by a specific grammar, or of sentences judged to be acceptable to speakers who hypothetically 'know' its grammar. (cf. Matthews 2005, p.150-151). On the other hand, *conventionalization* is a usual or accepted way of communicating and/or showing in writing based on convention. As it has been mention in the introductory part of the paper, to achieve maximum linguistic effectiveness with minimal linguistic effort sometimes speakers tend not to follow established traditional grammatical rules but express their attitudes towards the situation they perceive.

In order to verify the fact concerning the use of the spoken Lithuanian dative in the possessive constructions with animate/inanimate objects the survey with VUKHF students was carried out. In the survey respondents were given certain linguistic collocations to recount and describe a particular situation from their everyday life. They were asked to set the given collocation in the context. For instance, the situation: *You see your pretty neighbour. She has just come back from the hairdresser's. Obviously, there she had her hair dyed and you say: "Oh, look! A hairdresser has…….*

COLLOCATION ⇨ (to dye/ hair/ the girl).

The preliminary results of the survey of the colloquial Lithuanian language are presented in the diagrams below:

[9] Their position is defined by Šukys (1998, p.154), (2003, p.142), Miliūnaitė (2003, p.43) and Kazlauskienė et al (2006, p.123).

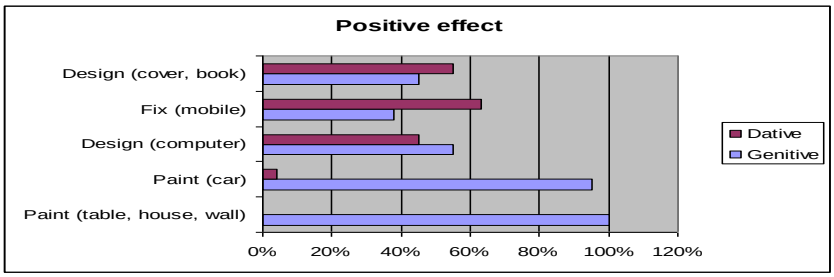


Diagram 2. Possessive constructions with inanimate objects to express a positive effect on the change of their condition.

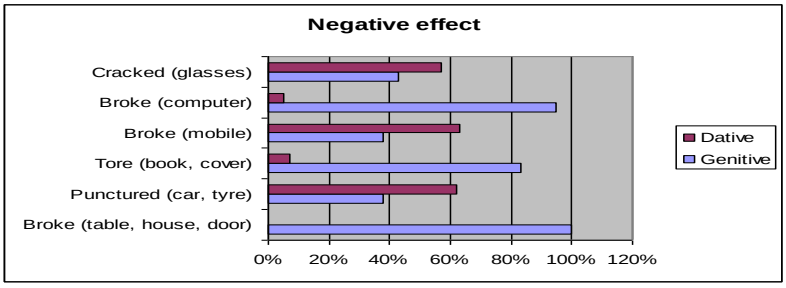


Diagram 3. Possessive constructions with inanimate objects to express a negative effect on the change of their condition.

The results of the survey testify the cognitive insights to speakers' choice while encoding their attitude to the described objects. Obviously, *glasses, mobile phones, computer* and even *books* are perceived as intimate objects for students; therefore, the dative but not genitive case is used to denote some effect on the condition of the objects. In contrast, *table, house, wall* and *door* as remote entities are encoded by genitive to express no students' empathy to the objects. Interestingly, negative effect plays a more significant role to personify intimate objects, most probably because of the degree of speakers' empathy and an obvious influence on their personal sphere. Thus, the evident choice between the dative and genitive constructions is determined by the speakers' point of view in the modern colloquial Lithuanian; however, the problem remains for writers and translators to convey the semantic and pragmatic aspects without distorting grammaticality.

Conclusions

Language is a certain intrinsic reflection of the nations' conceptual world. People as social beings share the information with others about everything what goes on in their mind, how they imagine and perceive outward things, what they achieve from their own experience. In order to communicate people use words and grammatical patterns as certain symbolic signs both to indicate the experienced reality and share their knowledge about the world. Nowadays economy plays a crucial role in every sphere of human life, consequently, language is not an exception: speakers tend to use minimal linguistic effort in order to achieve maximum linguistic effectiveness. In addition to this, users of language and translators have faced the dilemma: to follow linguistic rules set by grammarians or apply the linguistic knowledge arisen from their intrinsic linguistic competence (so called language faculty) in order to follow the principle of language economy.

To illustrate the fact particular uses of the Lithuanian dative constructions have been examined from the perspective of Cognitive Grammar and a survey with students was conducted. Moreover, having applied cognitive methodology and key notions as target person, personal sphere, sphere of influence specific grammatical constructions with dative and genitive were studied.

Thus, the linguistic analysis reinforces the fact that the choice of alternative constructions is determined by the degree of animacy and empathy. Contradicting with traditional grammatical rules, there written instances where dative is used to encode inanimate possessive entities closely related with cases of metonymy, metaphor and personification. However, the case of speakers' intimacy and empathy plays here a significant role.

The (pilot) survey findings suggest that in general the dative uses observed in literary texts have been encountered in colloquial language in Lithuanian. However, the statistic data present the fact that, by ignoring grammatical rules and by harm rather than certain benefit, Lithuanian speakers often refer to the dative marking to encode certain affectedness of their personal intimate and sometimes 'attributive' inanimate objects which typically undergo their physical state indicated by the clause.

Finally, the insight that cognitive theories can explain the occurrence and usage of specific linguistic events; however, the traditional grammatical approach tends to leave the semantic and pragmatic aspects of the use of language aside emphasizing grammaticality rather than convention.

REFERENCES

Ambrazas, V., 1994. *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. (DLKG). 2nd edn. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.

Berg-Olsen, S., 2004. *The Latvian dative and genitive: a Cognitive Grammar Account*. The doctorial dissertation. University of Oslo.

Bowyer, R., 200. *Dictionary of Military Terms*. London, United Kingdom: Bloomsbury Publishing PLC.

Chomsky, N. (1965). *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Dąbrowska, E., 1997. *Cognitive Semantics and the Polish Dative*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

DLKG. *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika* (1997). (red.) Ambrazas, V. 3rd edn. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.

Haspelmath, M., 1999. *External Possession in a European Areal Perspective*. In: *Typological Studies in Language (TSL).* Payne, D.L. & Barshi, I. (eds). Vol 39: 109-135.

Holvoet, A., 2001. *Zur Variation des possessiven Dativs mit dem adnominalem Genitiv im Baltischen (besonders im Lettischen).* In: Boeder, W., Hentschel, G. (eds). Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs. Oldenburg:BIS (Studia Slavica Oldenburgensia, 4), p. 201-217.

Kazlauskienė, A. & Rimkutė, E. & Bielinskienė, A., 2006. *Bendroji ir specialybės kalbos kultūra*. Kaunas: Pasaulio lietuvių centras.

Kerevičienė, J., 2004. External Possession in Lithuanian. In *Acta Linguistica Lithuanica*. Holvoet, A. (ed.). Vol 50, p. 25-33. Also available at http://www.ceeol.c.om/aspx/getdocument.aspx?logid=5&id=87195ca6-97d7-11da-8299-005022b04780.

Langacker, R.W., 1991. *Foundations of Cognitive Grammar. Descriptive Application*. Standford: Standford University Press. Vol 2.

Matthews, P.H., 2005. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford University Press.

Miliūnaitė, R. (sud.), 2003. *Kalbos patarimai. Sintaksė: Linksnių vartojimas*. 2(1). Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Morkūnas, K., 1999. *Lietuvių kalbos enciklopedija*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.

Paulauskienė, A., 1989. *Gramatinės lietuvių kalbos vardažodžių kategorijos.* Vilnius: Mokslas.

Paulauskienė, A., 1994. *Lietuvių kalbos morfologija. Paskaitos lituanistams*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.

Šarič, L., 2002. *On the semantics of the „dative of possession" in the Slavic languages: An analysis on the basis of Russian, Polish, Croatian/Serban and Slovenian examples.* Glossos: The Slavic and East European Language Resource Center. Available from: http://seelrc.org/glossos/issues/3/saric.pdf.

Semėnienė, L. (2006). *Morfosintaksinis posesyvumo žymėjimas: vidinė ir išorinė posesyvumo raiška*. In: Holvoet, A. & Mikulskas, R. (eds). (2006). 151-178.

Šukys, J., 1998. *Lietuvių kalbos linksniai ir prielinksniai: vartosena ir normos*. Kaunas: Šviesa.

Šukys, J., 2003. *Kalbos kultūra visiems*. Kaunas: Šviesa.

Taylor, J.R., 2002. *Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford University Press.

Trask, R.L., 1997. *A Student's Dictionary of Language and Linguistics*. Arnold: A member of the Hodder Headline Group.

Wierzbicka, A., 1988. *The Semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

Lingvistinis modernizmas ir/ar konvencionalizmas

Santrauka

Kalba kaip komunikacijos priemonė leidžia atskleisti, kas sudaro žmogaus minčių esmę, kaip organizuojama informacinė struktūra ir koks yra pats kalbėtojo požiūris į reiškiamus faktus. Šiuolaikiniai lingvistai stengiasi ne tik aprašyti kalbinius faktus, bet ir paaiškinti tiek tam tikrais lingvistiniais vienetais reiškiamą kalbos esmės organizaciją, tiek ir jos praktinę realizaciją. Priešingai tradicinės gramatikos paradigmai, šiuolaikiniams lingvistams, pasitelkus modernias kalbos tyrimo metodikas, svarbu ne tik aprašyti kalbą ir jos pagrindines raiškos savybes, bet ir atskleisti kalbos sąsajas su žmonių reiškiamomis mintimis, konceptalizavimo atspindžiais ir kognityvinėmis savybėmis.

Šiame straipsnyje pristatomas kognityvinis požiūris, kuriuo remiantis siekiama paaiškinti keletą lietuvių kalbos naudininko linksnio kontraversinių gramatinių ir semantinių aspektų vartoseną, kuri tradiciniuose lietuvių kalbos gramatikos žinynuose yra tik aprašoma, nustatytomis taisyklėmis apibūdinama, visgi tiksliai ir motyvuotai neapibrėžiama. Be to, taikant kognityvinę paradigmą, metodologiją ir pagrindines sąvokas yra bandoma iškelti pačios kalbos vartojimo principus, pagal kuriuos kalbėtojai, sąmoningai pasitelkę tam tikrus semantinius atspalvius, morfologines priemones ir sintaksines konstrukcijas, kartais net ignoruodami gramatines taisykles, konstruoja kalbą taip, kad efektyviai galėtų išreikšti savo pasaulėžiūrą.

ESMINIAI ŽODŽIAI: naudininkas, gyvumas, turėjimas nuosavybėje, asmeninė erdvė, įtakos erdvė.

Dovilė Vengalienė
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 12, LT–44280 Kaunas, Lietuva
E-mail dovile.veng@gmail.com
Research interests: cognitive linguistics: conceptual blending, verbal irony, figurative language.

ON SOME FEATURES OF CONVENTIONALISED IRONY IN NEWS HEADLINES

The article addresses the question of irony conventionalisation in on-line news headlines. Leaving aside the conventionalised patterns of irony expression that have already been analysed, the study focuses on explicit irony-signaling markers. It is argued that irony can be signaled both with syntactic marking as well as lexical-morphological clues. The syntactic structure seems to serve as a major clue, providing the headline with a surrealistic scenario that is sometimes based on phrasal irony. On the other hand, overt syntactic markers such as inverted commas or brackets can be employed to indicate a possible ironic intention. Rhetorical questions, as one of the possible syntactic indices of irony, are also addressed in the article.

Another group of irony markers comprises the most typical lexical-morphological indices which include adjectives and adverbs, forms of familiarity and occasionalisms. Occasionalisms, as the most numerous case, are given special attention and more detailed discussion.

KEY WORDS: irony, conventionalisation, surrealistic scenario irony-signaling markers, occasionalisms.

Irony is usually employed in order to support or to defeat an argument, to give critical assessment, and simultaneously it is also a part of a speaker‘s socio-cultural behaviour. Kapogianni (2011) argues that irony employs the strategy of being absurd or surrealistic. The scientist admits that irony, as a certain form of “surrealism and creative absurdity is not just a privilege of certain artists, but it can be employed as rhetorical technique by anyone who intends to have less conventionalised and more challenging verbal interactions”(p.51). Yet some patterns of irony might be seen as already conventionalized in the mass media, and particularly in news headlines. „The degree to which the hearer is forced to deduce a particular interpretation depends on the degree to which the form of the utterance constrains the hearer in choosing the contextual assumptions necessary to achieve relevance in interpreting the utterance“(LaPollap,J.R., p.118). This form of the utterance might vary at several levels.

In the article “Irony and Conventionalization” (Vengalienė, 2012), a few patterns of fully or partially conventionalized irony have been examined. The analysis included such cases of ironic references as pretended forgetfulness or ignorance (e.g. „Bush Conveniently Forgets His Own Role in the Baseball "Steroids Era" (alternet.org), the use of the word „Teflon” to refer to political leaders (e.g. (“Will the “Teflon Minister” burn?” (“Ar prisvils Tefloninis ministras?” (delfi.lt)), ironic references based on the mental model of the conceptual metaphor POLITICS IS SPORT (e.g.**“Death Atlas: Lithuania is among the “Leaders” Once Again” (“**Mirtingumo atlasas”: Lietuva – vėl tarp Europos “lyderių”, (delfi.lt)), ironic metonymic references based on the comparison to other countries or nationalities(e.g. a reference to Lithuania in: “The Perspectives of Cheburek Land” (“Čeburėkų šalies perspektyvos” (delfi.lt)), and fiction-based irony (as in ‘The Art of Envelopes and its Interpretation in the Land of the Looking-Glasses’ (“Vokų menas ir jo interpretacija kreivų veidrodžių krašte”) (delfi.lt).

However, as irony is a constantly developing, dynamic phenomenon, the field of investigation has not been exhausted. The current study aims at further examination of typical ironic patterns in on-line political news headlines and focuses not on conventionalized input spaces as in the latter study, but on explicit irony-signaling markers. Intentionalist theories insist that it is the

responsibility of the ironist to leave guiding clues for the interpreter (Amante, 1981, p. 77)[10]. The more clues are available, the easier it is for the addressee to decode the ironic meaning. Thus, the means of conventional irony marking that are focused on in this study are syntactic and lexical/morphological factors[11].

The syntactic structure and syntactic marking of an utterance are potential irony markers. Livnat (2003) analyses the syntactic structure of ironies in the light of echo-mention theory and argues that the interpretation of the speaker's meaning in some cases of irony must rely on an understanding of the implicated meaning of the identity relations underlying the syntactic structure. According to the scientist, "the syntactic structure seems to serve as a major clue to the speaker's meaning as it helps the reader to pick out an originator of the echoed utterance as a possible victim of the irony" (2003, p. 78). Some syntactic irony markers tend to occur repeatedly and can be referred to as conventionalized irony markers.

First, the form of irony can encompass the whole headline, providing either a surrealistic scenario – as in "The Agreement of Three parties or the Swan, Pike, and Crab' ("Trijų partijų sutartis, arba Gulbė , lydeka ir vėžys") (delfi.lt) –or echoing the syntactic structure of a well known catch-phrase/saying that instantly builds up analogies and serves as a basis to recover the implied scenario. Following the ideas of Livnat (2003), the syntactic structure of such headlines as: "Putinas nekaltas, aplinka kalta" ("Putinas Is Not Guilty, the Environment Is to Be Blamed")(15min.lt), or "Zuokas nekaltas – aplinka kalta" ("Zuokas Is Not Guilty, the Environment Is to Be Blamed"(www.delfi.lt) echo-mention the syntactic structure of the catch-phrase of R.Paksas, "Aš nekaltas, aplinka kalta" ("I am not guilty, the environment is to be blamed") and therefore may be considered as marked for irony. The marking for irony in this case is supported by the wide use of the phrase in daily life to mock politicians,as reflected in a variety of article commentaries posted by readers (examples). Similarly, "How Bush stole the elections" (alternet.org) echo-mentions the syntactic structure of the Dr. Suess story *How the Grinch Stole Christmas*, providing a scenario for the elections; or the headline "Get the New DVD: Republicans Gone Wild 2" depicts the actions of the Republicans within the scenarios of the films "Girls Gone Wild" or "Crackheads Gone Wild: New York 2".

As A.Partington (2010) puts it, occasionally, "the ironic use of a particular phrase or phrase template is found to be repeated frequently and productively and can therefore be said to have become a recognised usage in its own right"(p.1790). Here undoubtedly the references to Lithuania as a Banana Republic, Mary's Land, or Land of Miracles should be mentioned (as in: "Stebuklų šalies pasakos. Gedimino sapnas" ("The Tales of the Land of Miracles. Gediminas'Dream"(delfi.lt)), or "Marijos šalis ar pedofilų žemė" ("Mary's Land or Country of Pedophiles" (delfi.lt))). If the "Banana Republic" reference has been conventionalized in the mass media globally, the "Mary's Land" and "Miracle Land" references can be seen as locally conventionalized ironies. The claim is supported by numerous cases of ironic reference in articles' commentaries as well as by the name of a recently launched local TV show "Land of Miracles" that takes an ironic approach to Lithuania's life.

Other ironic headlines present cases where the originator of the echoed utterance is actually the victim of the irony expressed in the headline.

Throughout the recent years, ironic headlines most frequently exploited the words of Paksas (the catch-phrase discussed above and numerous other references (especially about forgetfulness[12]) and Bush (e.g. ironic echoing of his ill-used phrases "axis of evil", "benchmarks", or irrational

[10] Amante (1981) writes: "it is mandatory that some clue to irony be provided by the ironist" (1981, p. 83); however, as Attardo (2001) notes, Amante does not provide any arguments for his position.

[11] Attardo further makes a distinction between the markers and the factors of irony. The distinction is based on the fact that "a marker may be removed without affecting the presence of the irony (...) while a factor may not be removed without destroying the irony" (2001, p. 118). However, as the differences among markers are not within the scope of this analysis, all the means used to mark ironic meaning here are referred to by the commonly accepted concepts of marker, clue or indicator.

“stimulus plan” for America’s “thriving economy” (as in: “George Bush and the Axis of Evil (alternet.org), “Bush says "benchmarks," whatever that means” (alternet.org), “Earth to Bush - There's a Ton of Pain in Your "Thriving" Economy”, etc). However, it should be mentioned that the life of ironies based on currently popular catch-phrases is directly dependant on the memory of the society, i.e. how long it relates a certain phrase to a certain political leader or situation.

Second, the form of the headline might give overt syntactic markers to indicate a possible ironic intention.

a. The most conventional means to signal irony is the use of inverted commas. In this way the ironist secures the processing of his ironic intention. As Attardo puts it, “‘Scare quotes’ are used to convey a certain detachment from a written utterance and hence irony” (2001, p.119)[13]. Carvalho et al. note that “quotation marks are also frequently used to express and emphasize an ironic content, especially if the content has a prior positive polarity (e.g. positive adjective qualifying an entity)” (2009, p. 55). This case can be illustrated with such headlines as: “V.Uspaskichas grįžta į Seimą: teisinė neliečiamybė- “smulkus dalykas“ („V.Uspaskichas Is Back to Parliament: Legal Immunity Is Not “a Big Deal““ (delfi.lt), “"Žemaitijos prezidentas" drebino orą prie Seimo” (““Lowland Lithuania’s President” Makes Fuss at Seimas” (delfi.lt)), “McCain's "Senior Moments" a Product of Bush's Iran Propaganda” (alternet.org), “With "Progressives" Like These, Who Needs Enemies?” (alternet.org), etc.

b. Another explicit strategy that has not been conventionalized, but is gradually becoming frequent in news headlines, is the use of brackets to deliver a double/contradictory meaning and leaving the optional processing to the reader. The strategy has been employed in such news headlines as: “**A.Sakalas. Kas bendro tarp (ne)pasitikėjimo teismais ir lito ilgumo**” (“What is in Common Between the (Dis)Trust in Courts and the Length of Litas” (delfi.lt), “Ar **demokratija** (**ne**)kenkia Europos ateičiai?” (“Does Democracy (not)Harm the Future of Europe?” (balsas.lt), “(Ne)teisėti Seimo nariai” (“(Il)legal Members of Parliament” (delfi.lt), “(**Ne**)**demokratija**, (ne)kerštas ir (ne)atrakcija” (“(Non)Democracy, (Non)Revenge, (Non)Attraction” (laikas.lt)), “**Partinis** špionažas. (**NE**)toleruotina!” (“Espionage in Parties. (In)**Tolerable**!” (laikas.lt)), etc. However, it should be admitted that the ironic intention in such cases is much more ambiguous in comparison to the use of inverted commas.

c. Rhetorical and tag questions. Rhetorical questions as one of the possible indices of irony are addressed in the works of Koženiauskienė (2004), who next to traditional forms of rhetorical questions draws attention to “smarter forms” of rhetorical questions. Rhetorical questions proved to be frequently employed in ironic on-line news headlines. By asking a rhetorical question the ironist invites the reader to join his position and look critically at the political situation in such headlines as: “Kada baigsis “kniaziaus” patyčios iš tautos?” (“When will “*Knyaz*” Stop Bullying the Nation?” (delfi.lt)), “Kada nustosime ieškoti pasiaiškinimų „mūsų įstatymuose“?” (“When will We Stop Searching for Excuses in “Our Laws”?” (delfi.lt)), “Kaip išgelbėti pasaulį? Lietuvos (ne Amerikos) misija” (“How to Save the World? The Mission of Lithuania (not America)” (delfi.lt)), “**Balsų pirkimas**? Nieko naujo” (“Bought Votes? Nothing New” (vilkmerge.lt), “Noblesse Oblige? Not our President” (alternet.org), “Gonzales Named Lawyer of the Year? What's Next, Bush Wins Nobel Prize!?” (alternet.org), etc.Tag questions (which in this case are also rhetorical questions), according to Kreuz et al. (1999), “appear to be frequently appended to ironic statements” and are used as “another potential cue of ironic intent” as the tag might function “to make the statement seem even more ironic” (ibid, p.1698). The form of the tag questions in ironic references does not follow the regular grammatical form of tag questions, the questions here follow the “so what?” type of tags that follow statements in headlines. For example, “Na taip, įstatymai pažeidinėjami. Tai ką?” (“Yes, the Laws are Violated. So What?” (delfi.lt)), “Išaugo nauja karta... **ir kas** iš to?” (“A New

[12]The case discussed in more detail in Vengaliene, 2012

[13] Though, as Renauf puts it (1987), quotation marks are ambiguous. They can indicate novelty, but they can also flag the metalinguistic status of a word, new or otherwise, or the fact that the writer has a particular reaction to a word, e.g. that the writer is being ironic.

Generation has Come…. So What?" (delfi.lt)), "Decline In Arctic Sea Ice -- Yeah, so?"(alternet.org), or "The Turks are coming – so what?"(alternet.org).

Another group of irony markers comprises lexical factors. Lexical factors have been thought to play a role in the identification of written irony by several ironologists (Kreuz, Roberts, Utsumi, Attardo, Carvalho, Silva, Sarmento, Oliveira, Livnat, Rubinstein, etc). According to Roberts and Kreuz (1994), the two major goals of irony are to show negative emotions and to clarify, and these goals are easier to reach when lexical cues are provided. Numerous analyses and experiments have made the compilation of a list of the lexical cues of irony feasible. In this study the most typical lexical indices of irony are taken into consideration:

a. Adjectives and Adverbs. According to Kreuz et al., speakers often use exaggeration when they speak ironically. The authors provide the example of saying, "What a perfectly wonderful day we are having!" on a rainy day (1999, p.1686). The importance of exaggeration in signaling ironic intent is verified by the experiments of Kreuz and Roberts (1995).[14] Utsumi (2000) suggested that adverbs act as cues that can help a listener recognize irony by implicitly displaying a negative attitude. The findings of Utsumi are supported by Kreuz and Caucci (2009), while Rubinstein notes that "intensifying adverbs" are crucial clues in detecting irony. In the headline "Bush Conveniently Forgets his Own Role in the Baseball Steroids Era" (alternet.org), the adverb *conveniently* serves as an intensifier of the ironic meaning by hinting that it was convenient for Bush to forget his role, thus implying that Bush did not actually forget what had happened. Similarly, the oppositional aspect of irony is quite noticeable in the headline "For Putin and the Kremlin, a Not So Happy New Year" (alternet.org) where the phrase 'not so happy' stands for the meaning "not a happy new year at all". The adverb "almost" acts in a similar way in the headline "Beveik premjero ir premjero ginčas dėl "Gazprom" interesų" ("Argument Between Almost Prime Minister and Prime Minister" (delfi.lt)).

b. Forms of familiarity. When a high-ranking politician is referred to by the use of his/her first name only, such familiarity is likely to be seen as ironic. For example: "Ar perlips rūpintojėlis Gediminas "Dujotekanos" vamzdį?" ("Will Pensive Gediminas Step over Dujotiekana's Tube?" (delfi)) vs. "Ar pavyks G.Kirkilui susitarti su Gazpromu?"(delfi.lt) ("Will G.Kirkilas Manage to Come to Terms with Gazprom?"). Certain forms of dialogism might also be regarded as an expression of familiarity and therefore a potential marker of irony, as in all the cases with rhetorical questions discussed above.

c. Occasionalisms. Occasionalisms that are context-dependent and do not belong to the lexicon are likely to indicate irony. It is interesting to note that to express an ironic attitude the ironist often employs the means of linguistic blending at the morphological level. In the headline "Lietuvos "stribuomenė" pagal V.Landsbergį" ("Lithuania's "Stribuomene" According to Landsbergis" (delfi.lt)) the word "stribuomenė" is deliberately formed [15] to express a negative ironic attitude to certain Lithuanian political figures. Such word-formation is called blending, which is supposed to be the most prolific word-making method. Peters (2011) applies the term of "linguistic crossbreeds" to such formations and provides such examples of recent blends as "botax" (a union of botox and tax), "jeggings" (jean leggings), "vook" (a video book), "hopium" (hope plus opium, a substance non-fans of President Obama accuse his supporters of mainlining), and a flurry of blends brought by a recent snowmageddon, including "snownami," "snOMG," and "snowverkill." Irony is one of the fields that make extensive use of word blending. The morphological indices of ironic blends fall into a few categories, according to the word-parts or splinters (Lehrer, 2007) that appear in the blends.

Relying on Lehrer (ibid), the formal classification of blends deals with three major types of blends (word+splinter, splinter+word, and splinter+splinter), two of which can also be traced in ironic references:

---

[14] The findings and full analysis and can be found in Kreuz and Roberts (1995), *Two cues for verbal irony: hyperbole and the ironic tone of voice.* Metaphor and Symbol Activity, 10: 21-31.

[15] Stribai (collaborators of the Soviet occupants, destroyers) + aukštuomenė (the higher society).

1. word + splinter as in “stribuomene” (“Lithuania’s “Stribuomene” According to Landsbergis” (delfi.lt)) where the root of the word “**strib**as” is given a splinter “**-uomenė**“ (coming from the word „aukštuomenė“ (the higher society). Similarly, Londonistan (**London** + i**stan**[16]) in “Farewell, Londonistan?” (latimes.com), Paksoidas (**Paksas** + **-oidas** (a suffix meaning “resembling,” “like,”)) in “Internete – raginimai „neleisti babytei balsuoti“ ir priešintis „senelio Paksoido“ valiai” (“Calls on Internet to Prevent Granny and Grandpa Paksoid from Voting”(delfi.lt)), Bushonomics[17] (**Bush** + ec**onomics** in “Understanding Bushonomics: President Releases Details Of His Genius Formula For Spurring Targeted Ultra-Prosperity” (whitehouse.georgewbush.org) to refer to the economics of America under the government of Bush, or the blends of Paksism and Bushism to refer to the policy of the leaders.

2. splinter + splinter as in the ironic reference “Agurkichas” to the leader of Labour party V.Uspaskichas ((**agurk**as (cucumber)+Uspas**kich** = Agurkichas[18]). Here also belong such cases as Zuokteleti (The mayor of Vilnius **Zuok**as + k**uoktelėti** (to go off the hooks)) in “Zuoktelėjusi Lietuva“ (“Zuokish(?) Lithuania“ (delfi.lt)), Zuokula (**Zuo**kas + Dra**cula**) in “Pasaka apie Slibiną Zuokulą ir Mergelę” (“The Story of Zuocula the Dragon and the Maiden” (delfi.lt)), Čiukčianovas and Neftianovas (**Čiukčia** + **-novas** and **Neft** (oil in Russian)+- **novas**, where –nov(as) is a typical suffix of Russian surnames with the Lithuanian flexion –as) in “Į Lietuvą atvyko Čiukčianovas ir Neftianovas” (“Chukchianovas and Neftianovas Come to Lithuania”(delfi.lt)).

Lithuanian headlines provide cases of further sub-varieties, where the morphological structure of the occasionalisms relies on phonological properties, as in Briu**k**selis (Briuselis + kriukseti (to grunt)) in “Į Briukselį, į Briukselį” (“To Bru**k**ssels, to Bru**k**ssels” (delfi.lt)), where asplinter as short as the singleletter “k” is inserted into the word Brussels. The ironist relies on the reader’s ability to recognize the phonological similarity between the blend “Brukssels” and asound made by pigs, implying the relation between the politicians eager to be delegated to Brussels and the pigs eager to get their feed as soon as possible[19]. Morecasesofblendsexploitingone-letter splintersto criticise and ridicule the leader of the Labor party, Uspaskich, can be found in the headlines “Rinkimuose pirmaujanti Pravieniškių koalicija generuos skurdo **i**kanomiką” (“The Leading Coalition of Pravieniskes is Going to Generate the Economics of Poverty” (delfi.lt)) or “Rimtas pokalbis su Viktaru”(“A Serious Conversation with Viktaras” (delfi.lt)).Deliberate changes are made to the spelling of words, both to emphasize the linguistic incompetence of the politician as well as to question his intentions and relations with Russia (Ekonomika changed into Ik**a**nomika, and Viktoras changed into Vikt**a**ras). Here the blends are based on the phonological features of equivalent words in the Russian language. In such cases it is possible to refer to “cross-linguistic blending” (Braun, 2010), as the blended parts of the occasionalisms come from different languages: Lithuanian and Russian. An interesting field of investigation of cross-linguistic blending (as well as linguistic blending in general) can be found in articles’ commentaries and blogs, which not only exhibit the creativity of readers, but which often balance on the verge of irony and share in the mockery through such conventional linguistic blends as, for instance, Qubilistanas (Q + Kubilius(the prime minister) + -istan, where “Q” is a letter not found in the Lithuanian alphabet, but nevertheless used relying on its English pronunciation) to refer to Lithuania, or Socdemons (socialists + demons), Ruspaskich (Russian +Uspaskich) to refer to the aforementioned politician, etc.

The function of ironic occasionalisms in general is to catch the attention of the reader by using some unconventional word forms. If successful, they tend to be easily recognized in daily communication and repeatedly used in articles’ commentaries.

---

[16] The suffix –istan is frequent in the names of Asian countries (e.g. Afghanistan, Pakistan, etc)

[17]The blend “US president name + economics” is quite conventional (Nixonomics, Carternomics, Reaganomics, Clintonomics, Obamanomics), yet it is Bushonomics only that is usually approached ironically.

[18] Member of Parliament Uspaskich, also known as a major producer of pickled cucumbers.

[19]Though it should be noted that the letter „k“ in the spelling could be related to the original spelling of the name of the city Bruxelles (French). „K“ or „x“ is also present in the spelling of the name of the city in some other languages such as Bulgarian, Danish, Polish, Italian,Turkish , etc.

Relying on Muecke (1978, p.57), in order to perceive an utterance as ironic it is obligatory "to know more of the speaker or his views" and his intentions, as irony markers alone "cannot be defined as infallible pointers to irony" (1978, p.118). On the other hand, the wide scope of the research that has been carried out in the field of irony markers testifies to the importance of irony markers, especially when taken along with the context in which they appear. The presence of the indices of irony and their supportive context prove to be efficient and play an important role in irony comprehension.

SOURCES

www. alternet.org
www.delfi.lt
latimes.com
www.whitehouse.georgewbush
www.krantas.lt
www. vilkmerge.lt

REFERENCES

AMANTE, D.J., 1981. *The Theory of Ironic Speech Acts*. In *Poetics Today*, Vol. 2:2 pp. 77-96.
ATTARDO, S., 2001. *Humor and irony in interaction: from Mode Adoption to Failure of Detection*. In: *Say not to Say: New Perspectives on Miscommunication* (ed. Riva, G.), pp. 160-179. IOS Press, Amsterdam.
BRAUN, A., 2010. Crosslinguistic Blending: An Interdisciplinary Study of Language Production. Lambert Academic Publishing.
CARVALHO, P., SARMENTO, L. and OLIVEIRA, E., 2009. *Clues for detecting irony in user-generated contents:oh...!! it's "so easy"* . In TSA '09: Proceeding of the 1st international CIKM workshop on Topic sentiment analysis for mass opinion, pp. 53–56.
GIORA, R., 1998. *Irony.* In: Handbook of Pragmatics, Verschueren, J. et al (eds), Amsterdam, Netherlands, Benjamins, pp.1-21.
KAPOGIANNI, E., 2011. 'Irony via "surrealism"'. In *Dynel, Marta* (ed.), *The Pragmatics of Humour Across Discourse Domains*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
KREUZ, R. & ROBERTS R.M., 1995. *Two cues for verbal irony: hyperbole and the ironic tone of voice.* Metaphor and Symbol Activity, 10: 21-31.
KREUZ, R. J., & CAUCCI, G.M., 2009.*Social aspects of verbal irony use*. In: **Language and social cognition: Expression of the social mind,** Pishwa, H. (ed.), pp. 325-345. Berlin: Mouton de Gruyter.Lehrer,2007
KOŽENIAUSKIENĖ, R., 2004. *Keletas retorinių figūrųvariantų*. Respectus Philologicus, Nr.6 (11).
LIVNAT, **Z**., **2003**. On verbal **irony** and types of echoing. Livnat, Z., 2003. On verbal irony and types of echoing. *In: Working Papers in Linguistics, Volume15,* Linguistics, University College London.
LEHRER, A., 2007. Blendalicious. In: Lexical Creativity, Texts and Contexts, **Munat**, J.(ed.), pp.115–133)
MUECKE, D.C., 1978. *Irony markers.* Poetics7, pp.363-375.
PARTINGTON, A., 2011. Phrasal irony: Its form, function and exploitation, in Journal of Pragmatics, Volume 43, Issue 6, May, pages 1786–1800.
PETERS, M., Whoo-hoo! Linguistic reduplication! In: *Good Magazine*. n.p. 2009. Web. 25 March
PETERS, M., Word Blending: Linguistic Crossbreeds from Smog to Snowverload, In: *Good Magazine*. n.p. Web. February 13, 2010
RANDY J. LAPOLLA"Why languages differ: Variation in the conventionalization of constraints on inference". *Language Variation*,ed by Bradley, D., LaPolla,R., Michailovsky,B.& Thurgood,G. 113-144. Pacific Linguistics. Canberra: Australian National University, 2003.
SPERBER, D. & WILSON, D., 1986/1995. *Relevance:Communication and Cognition*, Oxford: Blackwell.
UTSUMI, A., 2000. *Verbal Irony as Implicit Display of Ironic Environment: Distinguishing Ironic Utterances from Nonirony*. Journal of Pragmatics, 32-11, pp.1777-1806.
VENGALIENĖ,D., 2012. Irony and Conventionalisation, in: Tekstai ir kontekstai: konfliktai ir slapti susitarimai, Vilnius (in press).

Dovilė Vengalienė
Vilniaus universitetas, Lietuva
Moksliniai interesai: kognityvinė lingvistika, blendingo teorija, ironijos perteikimo ir suvokimo teorijos.

TAM TIKRI IRONIJOS KONVENCIONALIZACIJOS ASPEKTAI

Santrauka

Straipsnyje siekiama aptarti visiškai ar iš dalies konvencionalizuotus ironiškus pasakymus internetinių naujienų antraštėse. Paliekant nuošalyje jau aptartas konvencionalizuotas ironijos įvesties erdves, dėmesys kreipiamas į eksplikuotą ironijos žymėjimą. Teigiama, jog ironija gali būti žymima tiek sintaksiniu, tiek leksiniu-morfologiniu ženklinimu. Sintaksinė struktūra įvardijama kaip vienas pagrindinių ironijos ženklinimo būdų, suteikiančių antraštei siurrealistinį scenarijų, kuris dažnai remiasi vadinamąja frazine ironija. Antra vertus, tiesioginis ironijos žymėjimas (kabutėmis arba dvigubą pasakymo prasmę komunikuoti padedančia nauja ironijos ženklinimo tendencija – skliausteliais) taip pat priskirtinas konvencionalizuotiems ironijos ženklinimo būdams. Kaip sintaksiniai ironijos ženklinimo būdai straipsnyje taip pat aptariami retorinių klausimų variantai.

Antroji ženklų grupė apima labiausiai konvencionalizuotus leksinio-morfologinio ironijos žymėjimo būdus, kuriems priskiriami būdvardžiai, prieveiksmiai, familiarumo formos ir okazionalizmai. Okazionalizmams, kaip dažniausiam ir įvairiausiam ironijos ženklinimui antraštėse, straipsnyje skiriama daugiausia dėmėsio.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: ironija, konvencionalizacija, siurrealistinis scenarijus, ironijos žymėjimo būdai, okazionalizmai.

Наталья Сивицкая
Институт языка и литературы им. Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Беларусь
Эл. почта: nata_sivickaja@mail.ru
Научные интересы: диалектология, этнолингвистика, культурология, этонопедагогика.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ БЕЛОРУСОВ

В статье рассматривается социолингвистическая концепция детства в этнопедагогической стратегии белорусов, народные названия личности на соответствующих возрастных этапах и в определенных социальных статусах. Проведен анализ народных знаний, традиций, мифологических представлений о человеке на различных жизненных этапах, отраженнных как в сакрально-ритуальных действиях, так и в народных названиях личности на соответсвующих возрастных этапах и в определенных социальных статусах. Отмечено, что в белорусском диалектном языке наряду с номинациями с преимущественно прозрачной мотивацией употребляются наименования-сигнификаты, указывающее не только на принадлежнось субъекта к определенной половозрастной группе, но и синтезирующие в себе народные представления о сущностных характеристиках личности на данном этапе, которые, в свою очередь, являются определяющими для выбора этнопедагогических средств, форм и методов относительно субъекта воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:социолингвистическая концепция детства, этнопедагогическая стратегия, мифологические представления, социализация, мотивация, народная культура, белорусские народные говоры, народное словотворчество.

Этнопедагогическая стратегия белорусов, под которой понимается синкретическая совокупность воспитательных принципов, форм и методов в комплексе с народными знаниями, обычаями и традициями, целенаправленно подключалась к процессу формирования личности с самого начала существавания человека и требовала выстраивать воспитательный процесс в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями личности.

В народной традиции белорусов детством принято считать период жизни человека от рождения до совершеннолетия, причем совершеннолетие наступало после вступления в брак. Таким образом к социальной общности детей народная традиция относит собственно детей, подростков и юношество.

Методы воспитания являлись преимуществено семейными, однако общество также принимало участие в формировании личности посредством целенаправленного воздействия – через воспитание в поле общественной традиции. Особенной востребованностью народно-педагогические методы и принципы характеризовалась на этапах детства и в периоды перехода личности на иной социокультурный уровень в обществе.

Следует отметить, что народные знания, традиции, мифологические представления о человеке на различных жизненных этапах нашли отражение как в сакрально-ритуальных действиях, так и в народных названиях личности на соответсвующих возрастных этапах и в определенных социальных статусах.

Поскольку наиболее интенсивная социализация личности происходит в детстве в периоды раннего младенчества, младенчества и собственно детства, мы в первую очередь обратимся к белорусским народным наименованиям детей на указанных возрастных этапах. Процесс социализации предусматривает не только целенаправленные, но и спонтанные действия, благодаря которым ребенок присоединяеся к народной культуре и становится равноправным членом сообщества. Это достаточно долговременный процесс, в нем

задействованы народные знания, традиции, обряды, которые вырабатывались и закреплялись в народной культуре на протяжении столетий.

Характерной особенностью номинации человека в данном случае является употребление наряду с общеизвестными наименованиями с преимущественно прозрачной мотивацией наименования-сигнификата, указывающего не только на принадлежность субъекта к определенной половозрастной группе, но и синтезирующего в себе народные представления о сущностных характеристиках личности на определенном социально-возрастном этапе, которые, в свою очередь, являются определяющими для выбора этнопедагогических средств, форм и методов относительно субъекта воспитания.

Как в традиционном, так и в посттрадиционном обществе особенностью отличается возрастной период от рождения до двух-трех лет – так называемый *период раннего младенчества*.

Если обратиться к белорусским народным номинациям детей данного возрастного периода, можно отметить, что представители этой возрастной группы именуются преимущественно названиями с прозрачной мотивацией, а именно: *груднячок, цмактунок, пялюшкавы* ‘грудной ребенок’*; апоўзлік, крыксун, немаўля, немчык, нямцюлька* ‘совсем маленький ребенок, младенец’; *гадун, гадунок, гадавалы* ‘годовалый ребенок’; *драбнота, драбязок, маль, крошка, карапуз, малеча* ‘маленький ребенок’ (Чалавек 2006, с. 19, 20). Как видим, данные лексемы отражают в первую очередь физические особенности и возрастные характеристики ребенка.

Согласно этнологических исследований и наших личных наблюдений для детей данной возрастной группы является характерным еще одно название – *анёлак* (Беларусы 2001, с. 112). Што касается происхождения этой номинации в белорусском народно-диалектном языке, вероятно, оно могло стать результатом мифологических представлений белорусов о детях на данном возрастном этапе – в народной традиции ребенок от рождения до двух-трех лет считался святым, безгрешным, чистым. Об особенном отношении к младенцам и причины таких отношений выразительно свидетельствует запись Ч. Петкевича, сделанная в Речицком Полесье: «*Дзіцятка – ета ангелочак кволенькі, дак яго трэба часценько купаць у чысценькай, цёпленькай вадзічцы, абціраць мякенькім ручніком, покуль не акрэпне да не падрасце. Старому можно памыцца хоць у памыйніцы, уцерціся хоць дзеркачом, то яго чорт не возьме, а за дзіця трэба журыцца, штоб не ўзяць граху на душу»* (Пяткевіч 2004, с. 353).

У белорусов существует поверье, согласно которому дети, не попробовавшие материнского молока и умершие некрещеными, служат на небесах Богу как ангелы (Беларусы 2001, с.112).

Именно в соответствии с данными представлениями выстраивалась и народно-педагогическая стратегия – относительно детей указанной возрастной группы очевидно превалирование принципа гуманизма.

Традиционно было принято, что к детям данной возрастной группы относились снисходительно, не обращали внимания на баловство и шалости, многое прощали, иначе говоря, пестовали. В раннем детстве детей нельзя было обижать, в отношении них практически никогда не применялись средства наказания: спокойствие, нежность, снисходительность являлись определяющими качествами отношения к детям данной возрастной группы.

Переход в другую возрастную группы (с двух-трех до шести-восьми лет – так называемые период младенчества) был обозначен началом вербальной деятельности ребенка. В это же время он получал и новые названия – *дзяцёнак, дзяціна, дзетка, дзіцянятка, дзіцё, рабёнак, малы*. В белорусском народно-диалектном языке распространенными наименованиями детей данной возрастной группы являются лексемы *блазнюк, блазён, блазнота, блазнюкі* (Чалавек 2006, с. 21). Мы считаем, что данные номинации отражают народные представления о праведности и святости человека в этот возрастной период. Не исключено, что лексема *блазнюк* (и её морфологические варианты) являются генетически

родственными лексеме *блаженный* ‘благословенный, праведный, святой’. Обратившись к этнографическим исследованиям, находим убедительные сведения о том, что согласно народных представлений дети этого возраста считались источником правдивости, безгрешности. Так белорусская народнаям мудрость гласит: *Чалавек да сямі лет праўду гаворыць*; *Дзіця не салжэ*; *Малое і п’янае найлепшу праўду скажа* (Прыказкі 1976, с. 124), сравните также русскую поговорку *Устами младенца глаголит истина*.

Что касается воспитательной стратегии в педагогической стратегии прослеживается использование принципов гуманизма и природосообразия.

Материалы этнологических источников свидетельствуют, что в этот период также отмечаются внимательное и заботливое отношение в детям указанной возрастной группы со стороны родителей и членов сельской общины. Однако, по материалам этнологических исследований, «блазнюкі», также как и «анёлкі», были окружены вниманием родителей, старших, но их желания и просьбы исполнялись лишь в том случае, когда родители считали это необходимым – «блазнюкоў» постепенно переставали пестовать, в практике воспитания о обучения постепенно переходили к целенаправленному педагогическому воздействию и постепенно начинали приучать ребенка к труду (Беларусы 2001, с. 112).

На следующем возрастном этапе (от шести-семи до двенадцати-четырнадцати лет – период собственно детства) детей еще продолжали называть *блазнамі, блазнюкамі,* но вместе с тем в обиход входили и другие номинации – для мальчиков *хлопец, хлапец, малец,* для девочек – *дзяўчо, дзеўка, дзяўчына*. Мы считаем, эти названия выразительно свидетельствуют о появлении новых особенностей в стратегии воспитания и обучения на данном возрастном этапе. Традиционно именно этот период собственно детства связан с оформлением гендерного подхода в процессе воспитания и обучения. В этот же период появляются отличия в играх, трудовых занятиях детей, што нашло отражение в народном словотворчестве. Также следует отметить, что в этот период в традиционном обществе впервые появлялись отличия в одежде – в шесть-семь лет происходило первое переодевание детей: в присутствии всей семьи мальчику надевали первые штаны, а девочке – юбку (Беларусы 2001, с. 117).

Завершение периода социализации народное сознание всегда связывало со вступление человека в брак. В традиционном обществе брак осознавался как сакральный институт, который позитивно маркирует человека (сравним синонимическую пару: *жаніцца – ачалавечыцца*).

Любое общество, а тем более традиционное, чрезвычайно заинтересовано в адекватной социализации личности, поэтому всегда в той или иной форме оказывает целенаправленное воздействие на личность. В нашем случае речь пойдет о воспитательном воздействии вербальными средствами на людей, социализация которых не была звершена согласно народных представлений. Традиционно человек, не создавший семью, не имел всей полноты прав, предусмотренных обычным правом для взрослого человека, следовательно, он не считался полностью взрослым и дееспособным, т.е. по сути продолжал пребывать в социальной общности детей.

Белорусы осуждали людей, которые на создали семью. Понятно, что речь идет не о физически или психически больных людях. Те, кто не вступил в брак – демонологизировались, приобретали черты сакрально негативного существа, подвергались общественной изоляции. Например, факт рождения нового человека сначала старались утаивать от старых дев, чтобы не сглазили. Согласно народных мифологических представлений, наказание за безбрачие ожидало человека не только при жизни, но и после смерти. Так, на Витебщине зафиксировано поверье, согласно которого на том свете старые девы будут пасти козлов, а старые холостяки – коз (Славянские древности 1995, с. 148).

Соответственно в белорусском народно-диалектном языке существовал ряд наименований-сигнификатов, которые характеризовали человека, не создавшего семью. Данные названия являются показателем лиминальности, социальной отчужденности личности.

Так, старого холостяка называли *стары дзяцюк, сівун, мірун, саломенны жыніх, нікалаеўскі халасцяк, стары кавалер, керанскі, высівень, жаніхайла, перастарак* (Чалавек 2006, с. 41; Матэрыялы), мотивация отмеченных наименований достаточно прозрачная.

В ономасиологическом плане представляют интерес названия *керанскі, саломенны жыних* ‘старый холостяк’. Очевидно, образование данных номинаций связано с образно-ассоциативным переосмыслением.

В случае с образованием лексемы *керанскі* основой является массово растиражированная в советское время история о побеге за границу председателя Временного Правительства А. Ф. Керенского, переодетого в женское платье, после Октябрьского переворота. Поскольку в традиционной культуре переодевание использовалась исключительно в определенных ритуальных действиях, которым придавался сакральный смысл (например, муж во время родов жены мог одеть ее одежду с целью перенесения части родовых мук на себя; «цыгане» на свадьбе, колядные маски и т.п.), в других условиях это считалось неприемлемым, чем-то аномальным. Таким образом, очевидно, што в народном сознании номинация *керанскі* в значении ‘старый холостяк’ ассоциируется с личностью неопределенной гендерной принадлежности и является показателем ее социальной отчужденности.

Что касается номинации *соломенны жыніх*, данный фразеологизм рассматривается исследователями как калька с немецкого, где в свою очередь, является поздним образованием от «соломенная вдова», где «соломенная» связывается со средневековым обычаем прирейнских городов, согласно которого на голову девушки, имеющей незаконнорожденного ребенка, надевали соломенный венок (Лепешаў 2004, с. 338). Мы склонны считать, что данное название возможно связано с этнокультурной семантикой реалии – *соломы* – т.е. продукта переработки, вторичного материала после молотьбы зерновых культур, которая в народной традиции белорусов символизировала смерть и возрождение, являлась носителем мотива исчерпанной природы и одновременно потенциала возрождения (Міфалогія 2011, с. 424). Сигнификат *соломяны жыних*, с одной стороны, закономерно соотносится с исчерпанной социальной сущностью личности на определенном жизненном этапе, с другой стороны указывает на потенциальную возможность «возрождения» в новом социальном статусе.

В данном случае выразительно прослеживается реализация одного из наиболее актуальных в этнопедагогике белорусов воспитательных принципов – принципа максимального оптимализма. Как известно, солома в белорусской культуре была широко распространенным материалом для изготовления различных предметов декора и игрушек, таким образом, называя неженатого мужчину *соломяным жынихом* тем самым подчеркивалась его «орнаментальность», социальная незначительность, что, согласно народным представлениям, могло побудить представителя мужского пола предпринять некоторые действия для качественного изменения своего социального статуса и соответственно последующего избавления от наименования-сигнификата.

Особенно негативным в традиционном социуме было отношение к старым девам, поскольку в традиционной культуре женщина могла полностью реализовать себя только будучи в браке. По этой причине старая дева подвергалась всеобщему осуждению (Славянские древности 1995, с. 206).

В белорусских народных говорах в качестве названий старых дев бытуют лексемы *надаўба, сівуля, бабіца, векавуха, перастарка, выстарак, окыдышчэ, засядзелка, пераседзелка, стрымка* (Чалавек 2006, с. 41, 42). Мотивация данных наименований прозрачная, очевидно, что они соотносятся с особой, которая «переседела в девках», то есть задержалась в социально-возрастном сообществе юношей и девушек свыше традиционно определенного срока.

В качестве наименований-сигнификатов мы склонны рассматривать лексемы *стрымка, окыдышчэ, надаўба*.

Наименование *стрымка* с одной стороны, можно рассматривать, как фонетический вариант белорусского *стрэмка*, которое в белорусском языке известно в значениях ‘заноза’ и ‘придирчивый человек с дурным характером’. В этом случае данное наименование можно рассматривать как характеристику некоторых личностных качеств человека, находящегося в состоянии социальной изоляции, на это указывают также и данные фольклорных исследований, так, белорусская пословица гласит: *Няма злей восеньскай мухі і дзеўкі-векавухі*.

С другой стороны, в основе данного названия может быть отражено незыблемое правило белорусской народной матримониальной традиции, согласно которому дочери на выданье должны выходить замуж строго согласно возрасту, замужество младшей дочери невозможно до тех пор, пока в законный брак не вступит старшая. Таким образом, незамужняя старшая сестра выступает своего рода помехой в успешном завершении процесса социализации младших сестер, поскольку *стрымливае, трымае*, т.е. сдерживает, удерживает их в социальной общности молодежи, что, вероятно, и нашло отражение в названии-сигнификате.

Как показатель лиминальности личности можно квалифицировать наименование *окыдышчэ.* В белорусских народных говорах отмечены лексемы *акінуты* ‘покинутый, забытый, недосмотренный’ (Сцяшковіч 1972, с. 24), *окидать* 'оставлять в забвении, презрении’ (Насовіч 1983, с. 362).Таким образом, данная номинация является показателем социальной изоляции личности.

Наиболее целостно отражающим народно-педагогическую стратегию относительно индивида на определенном социальном этапе можно считать название *надаўба*. Кроме значения ‘старя дева’, в белорусском народно-диалектном языке данная лексема известна в значениях ‘несговорчивый, упрямый человек’ (Сцяшковіч 1983, с. 273), 'дурень, недотепа', сравните также глагол *надалбивать* ’натолковывать, часто внушая; с трудом внушать’ (Насовіч 1983, с. 303). Как видим, наименование является как показателем социального статуса личности, так и в некоторой степени отражает определенные усилия относительно завершения социализации личности.

Таким образом, в педагогической стратегии относительно немолодых незамужних женщин также очевидно использование принципа максимального оптимализма в его наиболее радикальной форме. Это подтверждает и зафиксированная белорусскими диалектологами поговорка: *Каму нада надаўбінь – на рубаль дзве!* говорящая о социальной неполноценности немолодой незамужней женщины.

Радикализм педагогической стратегии распространялся не только на средства вербального воздействия, но и определял социокультурное и материально-духовное окружение личности. Так, социальный статус незамужней женщины подчеркивался не только названием, но и соответствующей одеждой, которую вековуха должна была носить. Так, они не имели права одевать головные уборы замужних женщин (например, намитку) и делать прически, характерные для замужних женщин, но вместе с тем они не имели права оставаться и в девичьем уборе, таким образом, их наряд представлял собой эклектику из элементов женского и девичьего уборов, что подчеркивало их лиминальность. Кроме того, было значительно ограничено их участие в социально значимых событиях. Так, им не разрешалось ходить проведывать роженицу, принимать участие в крестинах, печь свадебный каравай и т.п. (Славянские древности 1995, с. 148). Как непосредственное народно-педагогическое воздействие на людей не создавших семью в контексте белорусских народных обычаев и традиций можно рассматривать некоторые народные календарные обряды – например, «цягаць калодку» на Масленицу.

Качественное изменение социального статуса было связано не только с браком, но и с разводом брачной пары.

Так, в белорусском народно-диалектном языке существует ряд наименований человека, который расторг брак: *развадны, разводнік, разводчык, развядзенец, разводка, развадзельніца, развадная, развадуха, разлучэнка, разлучэнец, разлучнік* (Чалавек 2006, с. 72).

Мотивация приведенных наименований прозрачная, однако, некоторые из них можно квалифицировать как своего рода показатель типа развода и последующего социального статуса личности после расторжения брака.

Как свидетельствуют материалы этнологических источников, развод в традиционном обществе мог быть двух типов – временный, который имел название *прочкі* и окончательный, который назывался *разлучыны*. Действия сторон во время *прочак* не являлись строго регламентированными и зависели в первую очередь от материального положения семьи, в в то время как *разлучынам* были характерны предметно-атрибутивная символика и магически-ритуальные действия, сопровождаемые вербальным текстом (Беларусы 2001, с. 346). В результате бывшие супруги оказывались в новых социальных ролях и имели право вступать в новый брак. Новый социальный статус, в свою очередь, отражался в названиях *разлучэнка, разлучэнец, разлучнік* ‘человек, оформивший «разлучыны»’.

Как видно из проанализированного материала, наименование-сигнификат выразительно отражает и мифологические представления об определенном периоде жизни человека, и статус личности в семье и сообществе, оно представляет собой своего рода «код», согласно которого выстраиваются и педагогическая стратегия, направленная на обеспечение социокультурной успешности личности, и межличностные отношения с другими членами семьи и общественности.

ЛИТЕРАТУРА

БЕЛАРУСЫ, 2001. Беларусы. Т.5. Сям’я. Склад. В.К. Бандарчык, Г.М.Курыловіч, Т.І.Кухаронак. Мінск: Беларуская навука, 375 с.
ЛЕПЕШАЎ, І. Я., 2004. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 448 с.
МАТЭРЫЯЛЫ. Матэрыялы апытанняў аўтара.
МІФАЛОГІЯ, 2011. Міфалогія беларусаў. *Энцыклапедычны слоўнік.* Мінск: Беларусь, 607 с.
НАСОВІЧ, І.І., 1983. Слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 792 с.
ПРЫКАЗКІ, 1976. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2. Мінск: Навука і тэхніка, 616 с.
ПЯТКЕВІЧ, Ч. 2004. Рэчыцкае Палессе. Мінск: Беларускі кнігазбор, 672 с.
СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ, 1995. Славянские древности:этнолингвистический словарь. В пяти томах. Т. 1, А—Г. Москва: Международные отношения, 584 с.
СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ, 1999.Славянские древности: этнолингвистический словарь. В пяти томах. Т. 2, Д—К (Крошки). Москва: Международные отношения, 704 с.
СЦЯШКОВІЧ, Т.Ф., 1972. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 619 с.
СЦЯШКОВІЧ, Т.Ф., 1983.Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 671 с.
ЧАЛАВЕК, 2006. Чалавек: тэматычны слоўнік. Мінск: Беларуская навука, 573 с.

Natallia Sivitskaya
The Yakub Kolas and Yanka Kupala Institute of Language and Literature of NAS of Belarus
Research interests: dialectology, ethno-linguistics, cultural studies, ethnic-pedagogical.

SOCIOLINGUISTIC CONCEPT OF CHILDHOOD IN ETHNIC-PEDAGOGICAL STRATEGY OF BELARUSIANS

Summary

Sociolinguistic concept of childhood in ethnic-pedagogical strategy of Belarusians as well as folk names of a person on respective age levels and in certain social statuses are concerned in the article. The analysis of indigenous knowledge, traditions and mythological images of man at different life stages, as in sacral ritual actions, and people's names to corresponding age stages and in certain social statuses. Folk lore, traditions, the mythological view of the man at various stages of life as reflected in the sacral-ritual actions, and people's names to corresponding age stages and in certain social statuses. Noted that in the Belarusian dialects along with nominations from predominantly transparent motivation used names-signifikats, indicating not only the subject of a particular age, in people's perceptions of the essential characteristics of a personality at this stage, which, in turn, are used to select the ethnic-pedagogical tools, forms and methods on the subject of education.

KEY WORDS: sociolinguistic concept of childhood, ethnic-pedagogical strategy, mythological representation, socialization, motivation, national culture, Belarusian dialects, folk name.

Людмила Сукина
НОУ ВПО Институт программных систем
«УГП имени А.К. Айламазяна», 152020, Россия,
Ярославская область, г. Переславль-Залесский,
ул. Советская, 2
lbsukina@gmail.com

ПОНЯТИЕ «САМОМЫШЛЕНИЕ» В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI—XVII ВЕКА

В статье рассматривается новое для русской средневековой книжности понятие «самомышление» и его смысловые синонимы, зафиксированные в текстах XVI—XVII вв. Оно было индикатором трансформации русского культурного сознания накануне Нового времени. Право человека на самостоятельное мышление в сфере православной веры и культуры являлось предметом полемики в среде книжников этой эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская средневековая культура, книжность, сознание, человек

В XVI—XVII вв. в Русском государстве, вслед за другими странами Европы, утверждается «предписанное» христианство. Православная вера населения страны регламентируется юридическими документами светской и церковной властей (Стоглав 1551 г., Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., решения «больших» соборов 1666—1669 гг., царские и патриаршие грамоты и др.). При этом верующий человек был полностью лишен права на суждения в области веры, оно становилось исключительной прерогативой царя и церковных иерархов. За неукоснительным соблюдением этой нормы на всей территории государства должна была следить верхушка духовенства. Но не все русское общество приняло такой порядок вещей. Книжность того времени сохранила свидетельства скрытого несогласия, в первую очередь отдельных представителей верхнего слоя служилого и торгового сословий (то есть, наиболее образованных, по меркам того времени, людей), с таким ограничением духовной сферы жизни мирянина. Это несогласие проявилось в форме «самомышления» в вере, реализовавшихся в конкретных высказываниях и поступках людей того времени.

В это время в русской книжности появилось понятие «самомышление» и его смысловые синонимы. Поясним его значение, так как оно не встречается в научной литературе. «Самомышление» — понятие имманентное культуре русского Средневековья. В словаре И.И. Срезневского оно толкуется как «собственный домысл» (Срезневский 1989, столб. 251). При этом И.И. Срезневский ссылается на хрестоматию Ф.И. Буслаева, где цитируется Стоглав: «*Самомышления* (курсив мой — *Л. Сукина*) бы и своими догадками божества не описывали плотию» (Буслаев 1861, с. 811). Со своей стороны, сошлюсь еще на одну цитату из Стоглава, где предписывается: «Писати иконописцем иконы с древних переводов <…> а от *своего замышления* (курсив мой — *Л. Сукина*) ничтоже претворяти» (Стоглав 1863, с. 150). «Свое замышление» в тексте Стоглава является синонимом «самомышления». То есть, «самомышление» можно толковать и как собственный замысел, собственное представление. Отметим, что понятие «самомышление» и его смысловой синоним «свое замышление» появляются в тех местах текста Стоглава, где речь идет о регламентации иконографии сюжетов и образов, связанных с таким важным для православия догматом как Боговоплощение, и подводится черта под дискуссиями богословов и иконописцев о том, можно ли изображать Бога Отца, и как писать Троицу. В таких вопросах человек не должен проявлять «самомышление», за него все решила церковь.

В исследованиях русской средневековой культуры (в частности, в работах А.И. Клибанова (Клибанов 1994) и А.Л. Юрганова (Юрганов 1998, с. 216-305) используется и анализируется понятие «самовластие» человека, также имманентное своему времени, которое, на первый взгляд, может показаться синонимичным «самомышлению».

«Самовластие» мыслится в культуре русского Средневековья как идея дарованной богом свободы воли человека, сцепленная с идеей ответственности человеческой души перед господом за пройденный земной путь. Проблема «самовластия», как отмечают и А.И. Клибанов, и А.Л. Юрганов, обсуждалась в русской культуре с конца XV до начала XVIII века. Но, заметим, круг полемистов был сравнительно узок и включал лишь людей искушенных в сложных богословских вопросах, от Максима Грека и Иосифа Волоцкого до протопопа Аввакума, Юрия Крижанича и Ивана Посошкова. А.Л. Юрганову принадлежит сделанный в результате анализа источников ценный для наших рассуждений вывод, что в середине XVI в., при Иване Грозном, идее «самовластия» человека была противопоставлена идея государственной власти, выступающей посредницей во взаимоотношениях человека и бога (Юрганов 1998, с. 271-275). И дальнейшая полемика вокруг «самовластия» затрагивала уже и этот аспект.

Тогда же, в середине XVI в., в Стоглаве, кодифицировавшем каноническое право русского Средневековья, появляется и иное по содержанию и смыслу понятие «самомышление». Идея «самовластия» импонировала лишь немногим представителям церковной и светской «умственной элиты» русского общества XVI—XVII вв., тогда как «самомышление» в вере мог допустить каждый человек, занимавшийся строительством храмов и иконописанием, выступавший заказчиком постройки церквей, их росписи и украшения иконами, шитыми пеленами или священными сосудами, вершивший дела благотворительности, поминавший усопших близких, и воспитывавший семью в традициях православия. «Самомышление» — это не свободомыслие в современном понимании, а лишь попытка собственной «догадки», создание индивидом собственного представления о том или ином аспекте веры или благочестия, искреннее заблуждение, проистекающее из желания достичь большего «благолепия» или неукоснительного следования духу и букве «древлего благочестия». Но при сознательном или невольном попустительстве со стороны церкви и государства прецеденты проявления «самомышления», накапливаясь и воспроизводясь в обществе, могли изменить само религиозное сознание, и, добавим, изменяли его на протяжении тех полутора столетий истории русской культуры, о которых идет речь в данной работе.

Одним из первых, ставших жертвой введенного Стоглавом ограничения на «самомышление», был дьяк И.М. Висковатый. Его дело, известное под названием «Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 1553», рассматривалось на церковном соборе 1553—1554 годов. Предметом соборного обсуждения были неоднократные публичные высказывания Висковатого по поводу несоответствия иконографии росписи царских палат и новых икон, писанных псковскими и новгородскими мастерами для придворного Благовещенского собора, пострадавшего от пожара 1547 г., православной иконописной и богословской традиции. Дело И.М. Висковатого достаточно хорошо освещено в исследованиях по истории русской церкви и древнерусского искусства, но вопрос о причинах столь резкого осуждения церковными иерархами «мудрствования» дьяка остается не вполне разрешенным. Исследователей неизменно удивляет то обстоятельство, что с обличениями Висковатого выступал митрополит Макарий, только что провозгласивший на Стоглавом соборе принцип следования старине в иконописании. А.В. Карташев пытался объяснить это личной неприязнью Макария к Висковатому, вызванной ущемленным самолюбием митрополита не только как носителя высшего церковного авторитета, но и как известного иконописца (Карташев 1992, с. 515). Л.А. Успенский, напротив, настаивал на том, что Макарий «искренне не понимал существа затронутых Висковатым вопросов» (Успенский 1989, с. 261). При этом Успенский с удивительным упорством игнорировал прямой смысл им же цитируемых источников по делу Висковатого.

Когда на соборе 1552 г., где обсуждалось исполнение решений Стоглава о надзоре за иконописцами и их произведениями, И.М. Висковатый открыто выступил со своим осуждением вновь написанных икон, образцами для которых новгородцам и псковичам, как

полагают, послужили западные гравюры, митрополит ответил ему резко, но, на наш взгляд, вполне определенно: «*Не велено вам о Божестве и о Божиих делах испытовати…*(курсив мой — *Л.Сукина*). Знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков» (ЧОИДР 1858, с. 2). Несмотря на это предупреждение, дьяк подал митрополиту свой «Список *о мудровании и о своем мнении* о святых иконах» (курсив мой — *Л.Сукина*) с просьбой рассмотреть его на соборе, обсуждавшем в это время ересь Матвея Башкина. Висковатый писал, что причиной выступить против новшеств в иконописном деле «была вся ревность моя, иже по человеческому смотрению образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистые Его Матери, и святых угодивших Ему образы сняли и в то место поставили *свои мудрования* (курсив мой — *Л. Сукина*), толкующие от приточ, и мне, государь, мнит, что по своему разуму, а не по божественному писанию» (ЧОИДР 1858, с. 11). В случае если его «мнение» о чужом «мудровании» неверно, Висковатый готов принять церковное наказание: «И аз тебе, государю моему, челом бию, высмотри сумнение мое все, и что не по Бозе, накажи мя в том» (ЧОИДР 1858, с. 12). В цитируемом мною «Розыске» зафиксированы такие смысловые синонимы понятия «самомышление», как «свое мнение» и «свое мудрование», также имеющие отношение к интеллектуальной деятельности мыслящего индивида или определенной социальной группы.

Церковный собор не смог или не захотел ответить на вопросы и сомнения дьяка. Вместо этого он осудил его писания как «развратные и хульные», а самого Висковатого наказал трехгодичной епитимьей не за то, что он сомневался «не по Бозе», а за то, что в течение трех лет «вопил на народе» о своих недоумениях по поводу иконографических новшеств. При этом на заседаниях собора самим митрополитом Макарием было вновь неоднократно повторено, что «не велено вам о Божестве и Божиих делах испытовати, но токмо веровати и с страхом святым иконам покланятися». Не спасло Висковатого обращение к традиции и авторитету VII Вселенского собора. При всей своей правоте в богословском рассуждении о подходе к иконописному изображению как, в первую очередь, отражению новозаветных «реалий», произошедших после боговоплощения, Висковатый словно забыл или не хотел знать о том, что после Стоглавого собора рядовой верующий, а тем более мирянин, не может иметь никаких «своих мнений» по вопросам веры и судить, что есть канон, а что просто «мудрование» иконописцев, нанятых царем или митрополитом для украшения кремлевских палат и соборов. И здесь, наверное, мы можем согласиться со словами Л.А. Успенского, что споры по делу Висковатого на соборе 1553—1554 годов «показательны для происходившего сдвига в русском церковном искусстве и определенного направления мышления, соответствующего тому упадку церковного сознания, от которого мы не избавились до сих пор» (Успенский 1989, с. 254).

В случае с Висковатым церковь сумела настоять на том, что мирянин, пусть даже и искушенный в вопросах веры государев служилый человек высоко ранга, занимавшийся вопросами внешней и внутренней политики в государстве, не может быть «святее» митрополита Московского и епископата, принимающих соборные решения. В столкновении интересов «государева мужа», отстаивавшего чистоту православия, только что фактически провозглашенного идеологической опорой царской власти, и интересов церковной корпорации, получившей право управлять духовной жизнью населения страны по своему усмотрению, победу одержала корпорация. А универсальное государство в лице царя Ивана Грозного приняло ее сторону. «Симфония» властей для этого государства была важнее «правды» одного, пусть даже и искренне преданного интересам дела государственного администратора, посмевшего проявить «самомышление» в религиозной сфере.

Других «самомышленников» в вопросах личной веры и благочестия — боярина Василия Шереметева и его сына Иону сам царь Иван Грозный в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь сравнивал с византийскими императорами-иконоборцами Львом Исавром и Константином Гноетезным. Василию он приписывал роль разрушителя отшельнической жизни в Троице-Сергиевом монастыре, а на аналогичные устремления Ионы в отношении обители Кирилла Белозерского царь указывал кирилловской братии. А

все началось, по-мнению царя Ивана, с того, что Василий Шереметев вместе с И.М. Висковатым перестал участвовать в крестных ходах. Такое поведение людей, занимавших видное место в системе государственной власти, оказало пагубное влияния на сознание рядовых мирян, которые до этого все без исключения вместе с женами и младенцами не только ходили крестным ходом во все положенные дни, но и не торговали в это время ничем, кроме съестного. «А то все благочестие погибло от Шереметевых», — утверждал царь (ПЛДР 1986, с. 156, 158). Иван Грозный считал своей обязанностью восстановить порядок и благочестие не только в миру, но и в стенах древнего Кирилло-Белозерского монастыря. И хотя царь пытается представить свои нравоучения в адрес монастырской братии как простую заботу рядового верующего о сохранении чистоты древних уставных правил монашеской жизни и как свое частное мнение на сей счет, (то есть, по сути, то же «самомышление», только царское), послание он заканчивает недвусмысленными намеками на то, что выбор братии в пользу Ионы Шереметева и его самовластного поведения в обители в качестве основного вкладчика и благодетеля монастыря приведет к отказу в царской поддержке и внимании: «Сия мала от многих изрекох вам любви ради вашея и иноческого для жития, имже сами множае нас весте; аще хощете, обрящете много в божественном писании. А нам к вам болше того писати невозможно, да и писати нечего, уже конец моих словес к вам. А вы пред бы есте о Шереметеве и о иных о безлепицах нам не докучали: нам о том никаку ответу не давати. *Сами ведаете* (курсив мой — *Л. Сукина*), коли благочестие не потребно, а нечестие любо! А Шереметеву хоти и золотыя сосуды скуйте и чин царской устройте, — то вы ведаете. Уставьте с Шереметевым свое предание, а чудотворцово отложите, будет так добро. Как лутче, так делайте! *Сами ведаете* (курсив мой — *Л. Сукина*), как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет! Впред о том не докучайте: воистинну ни о чем не отвечивати» (ПЛДР 1986, с. 168). Таким образом, Иван Грозный обвиняет монахов Кирилло-Белозерского монастыря в «самомышлении», так как они якобы «сами ведают» (еще один смысловой синоним, «самомышление» — «самоведение», то есть самостоятельное, собственное знание, понимание какой-либо проблемы), как строить отношения с Шереметевым, не спрашивая о том царя и митрополита. Но кирилловская братия была, по сути, лишена свободы суждения о том, допустима ли позиция и поведение Шереметева с точки зрения его личной веры и благочестия и правил внутреннего монастырского распорядка, так как царь все уже решил за них, еще раз подчеркнув, что государственной власти виднее, кто и как должен исполнять свои обязанности по отношению к богу и христианской вере. Она, царская власть, не вправе ограничивать свободу мысли человека в его отношениях с богом, но может направить ее в нужное русло с помощью политического и экономического давления на окружение «самомышленника».

О «самомысленном» отношении служилой знати к благочестию свидетельствует и пример первого избранного царя Бориса Годунова. Знатные люди, обладавшие большой властью, ориентировались не столько на священные тексты и установления церкви, сколько на собственные представления о возможностях использования веры для преумножения своей славы и демонстрации могущества. Мнение сведущих в вопросах веры и благочестивых современников о «самомышлении» царя Бориса отражено во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева (сохранился в списке 30-х гг. XVII в.), автор которого находился на государевой службе при дворе Бориса Годунова, а затем Василия Шуйского. Иван Тимофеев не сомневается в первоначальном поистине царском, образцовом благочестии «избранного государя», которое проявлялось особенно ярко в первый период его правления, еще при царе Федоре Иоанновиче, до гибели царевича Дмитрия: «… преже бо уклонения его ко злейшим, иже на господско подражания убивство, по первосамодержцех благочестию последуя, во инех и вящще» (ПЛДР 1987, с. 298). Но благочестие это не было твердым, ибо не опиралось на тонкое знание оснований православного вероучения, так как Борис Годунов «яко первый таков царь не книгочий нам бысть» (ПЛДР 1987, с. 288). Поэтому решение о строительстве храма Святая Святых и организации в нем оригинального культа гроба Христа он принимал

не благочестивым сердцем, испорченным уже к тому времени гордостью, а «во уме своем». По мнению И. Тимофеева, плохое знание царем текста Священного Писания, церковного канона и православных традиций привели к тому, что вместо возвышения кремлевских святынь было достигнуто их унижение: «… яко же во Иерусалиме, во царствии си хотяше устроити, подражая мняся по всему Соломону самому, яве, яко уничтоживъ толикъ древняго здания святителя Петра храмъ Успения божия матери» (ПЛДР 1987, с. 298). Иван Тимофеев указывает, зачем в своем сочинении он подробно перечисляет красоты новых сооружений и христовой гробницы: «…не вещи дивства естества, но превзятие Борисово описую, сугубство гордости, *высокоумие бо вере его одоле* (курсив мой — *Л. Сукина*), множае камень честных з бисерами и существа самого злата превозношение взыде» (ПЛДР 1987, с. 298). Таким образом, источником «высокоумия» как крайней степени «самомышления» в вере, с точки зрения И. Тимофеева, является недостаточная книжная образованность, заставляющая восполнять отсутствие истинного знания собственными измышлениями, пусть даже и инициированные религиозным усердием.

Ближние бояре, как пишет И. Тимофеев, вместо того, чтобы умерить горделивое рвение царя разжигают его лестью и потворствуют Борисовым затеям, отринув собственное благочестие. Результатом становится удвоение царских грехов: «…сего хотение и оныхъ ласкание — грехоплетенная верига» (ПЛДР 1987, с. 300). Самовольство Бориса Годунова, который даже не пытался, как считает И. Тимофеев, найти в писании подтверждение права на подобные храмоздательные замыслы, не могло получить божьего одобрения, и гибель так и не завершенных сооружений в период Смуты была естественной платой за нарушение их строителем и создателем норм царского благочестия, установленных усилиями «предварших его Всероссийских деспот»: «Како убо той *помысли толика велия дела наздавати* (курсив мой — *Л. Сукина*), еже воздвижение толика святыни храма и о вотелеснии господни, кроме божия хотения и воли, не ведый, яко и богоотецъ древле пророкъ святый царь Давидъ, иже по сердцу господню бывый, таковое здание рачаше и не получи, но ему же повелеша, иже от чреслъ его изшедый нача таковое и совершитъ? Добре иже о себе начинающихъ таковая рекошася. Яко “*помыслиша советы, их же не возмогоша составити*” (курсив мой — *Л. Сукина*). <…> Обоихъ си деле богъ имени своему совершенехъ имъ быти не благоволи, показуя всем, яко в них же с гордостию вера того слияна бе, нечто си примесися вкупе, мню, и от неправды собраное. Еже от слез и кровей, от создавшаго око и насадившаго ухо и научающаго языки мня утаити. Но не возможе. От неправды богъ угождаемъ не обыче бывати, яко же овча порочно, слепо же и хрома приносимо древле богу на жертву: «Принесе, рече, таковое ко князю вашему, еда приимет». В них онъ угождати тому надеяся, в тех прогневая того паче. <…> Яко добродетели убо по естеству свя благи суть, различие же от бога судятся произволениемъ творящих я — сице и о сихъ» (ПЛДР 1987, с. 300-302). Государев служилый человек и книжник Иван Тимофеев, вероятно, был хорошо знаком не только с писанием, но и с текстами церковных и государственных нормативных документов. Поэтому во «Временнике» он твердо и последовательно отстаивает православную «старину» и необходимость следовать предписанным нормам и традициям веры и благочестия. Даже царь, сего точки зрения, должен действовать с оглядкой на них и воздерживаться от горделивых самовозвышающих замыслов в своей храмоздательной практике, чтобы не впасть в грех, когда «высокоумие» одолевает веру. Любопытно, что «самомышление» «дворянского царя» Бориса Годунова решительно осуждает не видный церковный иерарх, а государев служилый человек, принадлежащий фактически к тому же социальному слою, что и бывший монарх. Храмоздательные инициативы государя Бориса не получили какой-либо негативной оценки церкви, и это открывало возможности для представителей социальных верхов и дальше проявлять в этой сфере инициативу, опиравшуюся на свое индивидуальное видение того, как должен был выглядеть их «собственный» храм.

Несколько десятилетий спустя с осуждение «самомышления» выступит и протопоп Аввакум, которому в научной литературе еще до недавнего времени часто приписывали «вольномыслие». Осуждая новую иконографию, используемую художниками-иконописцами

XVII в., в беседе «Об иконном писании» он указывал, что «просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и потонку разумевает вся нововводная, не увязает в советех, *яже умышляют грешнии* (курсив мой — *Л. Сукина*) (Пустозерская проза 1989, с. 102). Художественную фантазию и использование чужих образцов Аввакум считает опасной игрой с бесами. Истинный православный, с его точки зрения, должен, много не рассуждая, пойти в огонь, но не принять «церковный изврат».

В беседе «О внешней мудрости» он ополчается на «своемудрие» астрологов, тянущихся к знанию, превосходящему ограниченные богом человеческие возможности. В собственном рассуждении Аввакума об этом предмете подчеркивается: «Алманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася *своими умышленьми* (курсив мой — *Л. Сукина*), уподоблятися Богу своею мудростию начинающее, якоже первый блядивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодеица, о них же Гронограф и вси кронники свидетельствуют; также по них бывшее Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша, достигоша с сатаною *разумом своим* (курсив мой — *Л. Сукина*) небесных твердей, и звездное течение поразумевше, <…> и тою *мудростью своею* (курсив мой — *Л. Сукина*) уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати (Пустозерская проза 1989, с. 104-105). «Самомышление» античных философов, по мнению Аввакума, привело к погибели не только их тела, но души. Православному человеку не к лицу внешнее «своемудрие», он должен ограничиться «смиренной мудростью», основанной на любви к богу и полном доверии к смыслу и букве писания.

В «Челобитной царю Федору Алексеевичу», пытаясь открыть глаза новому государю на греховность церковной реформы, затеянной его отцом и патриархом Никоном, Аввакум настаивает на том, что существо произошедшего «не я *своим умыслом* (курсив мой — *Л. Сукина)*, скверной, затеваю: ни, никакож; но время открывает (Пустозерская проза 1989, с. 134). Аввакум ошибался. Время работало против него. Церковная реформа, затеянная «самомышлением» царя и патриарха была необратима.

В русской книжности второй половины XVI — XVII в. «самомышление» и его смысловые синонимы «свое замышление», «свое мнение», «свое мудрование», «самоведение», «своемудрие», «высокоумие», «свое умышление», «свой разум», «свой умысел» употребляются в контексте позднесредневековой полемики о допустимости и границах свободы мысли индивида и отдельных социальных групп. Во второй половине XVII в., как убедительно показала М.С. Киселева, Россия совершила свой интеллектуальный выбор (Киселева 2011). И в культуре петровского времени «самомышление» стало само собой разумеющимся свойством человеческого разума. Но все же в церковной сфере оно продолжало сдерживаться «Духовным регламентом».

ЛИТЕРАТУРА

БУСЛАЕВ, Ф. И., 1861. Историческая Хрестоматия Церковно-Славянского и Древне-Русского языков. Москва. 1000 с.

КАРТАШЕВ, А.В., 1992. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. Москва: ТЕРРА, 686 с.

КИСЕЛЕВА, М.С., 2011. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: *от древнерусской книжности к европейской учености*. Москва: Прогресс-Традиция, 472 с.

КЛИБАНОВ, А. И., 1994. Духовная культура средневековой Руси. Москва: АО АСПЕКТ ПРЕСС, 368 с.

ПЛДР, 1986 (*Памятники литературы Древней Руси*). *Вторая половина XVI века.* Москва: Художественная литература, 640 с.

ПЛДР, 1987. (*Памятники литературы Древней Руси*). *Конец XVI — начало XVII веков.* Москва: Художественная литература, 616 с.

Пустозерская проза, 1989. Москва: Московский рабочий, 364 с.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И., 1989. Словарь древнерусского языка. Т. III. Ч. 1. Москва.

Стоглав, 1863. Москва: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 450 с.

УСПЕНСКИЙ, Л. А., 1989. Богословие иконы православной церкви. Коломна: Издат-во Западно-Европейского экзархата Московского патриархата, 475 с.

ЧОИДР (*Чтения в императорском обществе истории и древностей российских*). 1858. Апрель-июнь. Кн.2.

ЮРГАНОВ, А. Л., 1998. Категории русской средневековой культуры. Москва: МИРОС, 448 с.

Liudmila Sukina
The Program systems Institute “Ailamasyan`s University of Pereslavl-Zalessky”

THE CONCEPT “SAMOMYSHLENIE” IN RUSSIAN SCRIBAL BOOKS OF THE XVI—XVIITH CENTURIES

Summary

The article presents a research of the concept ‘samomyshlenie’ and its synonyms observed in the Russian scribal books of the XVI—XVIITH centuries. This concept can be considered an indicator of the transformation of Russian cultural consciousness before the New Times. The right of man to independent cultural and religious thinking was the subject of the polemic of the scribes of the epoch.

Татьяна Коваленко, Оксана Цыбулько
Донецкий национальный университет,
ул.Университетская 24,83008 Донецк, Украина
Эл. почта: t_kovalenko07@mail.ru; oxyice@yandex.ru
Научные интересы: литература и литературоведение XX в., альтернативные художественные системы, теория систем и теория моделей.

ФОРМАЛИЗМ И КОНЦЕПТУАЛИЗМ В ОСВОЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО

В статье исследуется освоение семантического пространства формализмом и концептуализмом. Использование методов WEB-аналитики позволило сформировать семантическое ядро формализма и концептуализма, которое стало основой для сравнения их терминотворческой деятельности. Сопоставление набора ключевых терминов названных явлений показало, что основой для терминотворчества в формализме и концептуализме стала общеупотребляемая лексика, а переход таких единиц в разряд терминов осуществлялся путем наделения их особой функцией. Дальнейшее исследование раскрыло ключевую роль терминов в реализации связи между теоретическими построениями в формализме и концептуализме и их воплощением. Обобщая результаты исследования, можно очертить стратегию терминотворчества в формализме и концептуализме как изменение полюсов на языковом поле путем изменения функций употребляемых единиц.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминотворчество, формализм, концептуализм, предтермин, семантическое ядро.

Масштабные социально-политические изменения, связанные с созданием и разрушением Советского государства, стали результатом радикальной смены характера мышления в начале и конце XX в., которой сопутствовало конструирование синтетических научно-художественных систем, призванных «переварить» и адекватно усвоить происходящее. При этом пути ментального преодоления кризисов начала и конца «эксперимента СССР» оказываются удивительно подобными, что наглядно демонстрирует сравнение формализма и концептуализма: оба названные явления прибегали к разнообразным средствам «вживления» во вновь создаваемую культуру, в том числе, посредством создания специфической словесной базы.

Адекватным ответом на значительные социально-политические перемены могла быть только соразмерная смена семантического пространства культуры, которое требовало заполнения радикально новыми феноменами. В ситуации конкуренции за первенство в процессах культурной коммуникации необходимо было конструирование систем с достаточным для удовлетворения запросов ее участников коммуникативным потенциалом. Соответствие максимальному числу запросов (точнее, стремление привлечь наибольшее количество запрашивающих), таким образом, стало одной из главных целей авторов проектов «формализм» и «концептуализм». Следует также учесть, что наполненность семантического пространства индивида формирует его поведенческие и мировоззренческие векторы, поэтому создание формалистами и концептуалистами уникального тезаурусного поля становится одним из способов успешной реализации названных проектов.

Наиболее действенным способом расширения собственных коммуникативных горизонтов является оптимизация продуцируемых информационных явлений таким образом, чтобы их содержание отвечало запросам поиска как можно большего числа коммуникантов. Проблема соответствия предлагаемого контента запросам является ключевой при создании сайтов и освоении Интернет-пространства и, закономерно, наиболее полно разработанной на этом материале. Восприятие формализма и концептуализма сквозь призму их участия в коммуникативных процессах и продуцирования ими сообщений разного характера позволяет

использовать инструменты WEB-аналитики (СЕО-оптимизация) для изучения специфики освоения формализмом и концептуализмом семантического пространства, в котором они функционируют. Подобный подход дает возможность проследить основные аксиологические векторы феноменов – путем СЕО-анализа текстовых артефактов концептуализма и формализма, выделения их семантических ядер, прослеживания стратегий составления словарных статей и формации терминов.

Таким образом, *цель статьи* – исследовать стратегии терминотворчества формализма и концептуализма в рамках освоения названными явлениями семантического пространства. Достижению поставленной цели будет способствовать выполнение следующих *задач*:

1) описать механизмы построения семантического ядра и роль терминов в этом процессе;

2) проследить процессы создания семантического ядра в формализме и концептуализме, выявить стратегии, закладываемые при его конструировании;

3) на основании проведенного анализа сделать вывод о специфике освоения формализмом и концептуализмом семантического пространства.

Методологическую основу исследования проблемы составляет теория коммуникации и WEB-аналитика (СЕО-оптимизация), использование которых позволит создать модель, наглядно описывающую поведение формализма и концептуализма в указанном аспекте и дополняющую знание об исследуемых явлениях.

Феномены формализма и концептуализма глубже всего изучены в их российской версии и практически не исследованы в нероссийской реализации. В то же время, в существующих сегодня работах о формализме и концептуализме довольно редко поднимается вопрос о подобии и связи названных явлений, хотя изучение этой проблемы необходимо для осмысления культурных преобразований в кризисные периоды. Кроме того, выводы о специфике построения семантического ядра в формализме и концептуализме могут стать основой для дальнейшего исследования особенностей развития альтернативных синтетических систем. Перечисленными факторами обуславливается *актуальность* поставленной проблемы. *Научная новизна* статьи обоснована отсутствием исследований, посвященным специфике конструирования семантического ядра в формализме и концептуализме.

Формализм и концептуализм являются сложными и структурно неоднородными феноменами, представленными разнообразными реализациями, свести которые к однозначному общему знаменателю невозможно. Так, хронологический и содержательный разбег между национальными версиями формализма (имеется в виду российская, украинская и польская реализации, генезис, функционирование и цели которых существенно отличались) настолько велик, что найти общую почву для их анализа довольно сложно. Подобно, движение концептуализма, позиционировавшее себя как аналитическое искусство, противопоставленное метафизическому способу мышления и инструментальному подходу к «прекрасному», представлено несводимыми одна к другой реализациями (восточной – постсоветские государства, и западной – «европейско-американская» (Smith 2011) версия). Поэтому, полностью осознавая возможность дистинктивности формалистских и концептуалистских стратегий не только в различных «континетальных» версиях феноменов (дихотомия «Восток-Запад»), но также и внутри относительно единых национальных реализаций, считаем наиболее рациональным анализ не абстрактных явлений формализма и концептуализма, включающих все их версии, а конкретных артефактов художественной системы. Поиску адекватных для реализации поставленной в статье цели артефактов способствует тенденция обеих систем к саморефлексии (синхронному осмыслению процессов собственной деятельности), благодаря которой возникли тексты, предоставляющие в большей или меньшей степени надежную почву для анализа специфики терминотворчества в формализме и концептуализме – «Теория формального метода» (1925 г.) Б.Эйхенбаума (данный текст представляет собой первое наиболее полное осмысление результатов функционирования формализма) и «Словарь терминов Московской

концептуальной школы», которые одновременно могут считаться и официальными манифестами системы, и подытоживанием результатов ее деятельности.

Технология СЕО, являясь в узкоспециализированной трактовке «комплексом мер для поднятия позиций сайта по определенным запросам пользователей» (Камбулов 2011), тем не менее, оказывается наиболее приемлемым инновационным методом для работы с семантическими пространствами синтетических научно-художественных систем по нескольким причинам. Во-первых, составление семантического ядра – это процесс подборки ключевых слов и словосочетаний, максимально соответствующих тематике сайта, а поскольку любой сайт распознается в виде информационного текстового, т. е. семантического единства, *тексты-артефакты* формализма и концептуализма могут приравниваться к отдельным «сайтам» доступным для СЕО-анализа (далее, для более полного соответствия специфике изучаемых в статье объектов, понятие «сайт» будет заменено понятием «контента»). Во-вторых, формализированный процесс составления семантического ядра с помощью программы Advego позволяет избежать погрешностей в результатах определения ключевых слов. И в-третьих, набор ключевых слов дает возможность определить типы запросов к контенту, на которые латентно ориентируется система для продвижения своих позиций, а также ее аксиологические векторы.

Запросы, на которые может ориентироваться система при построении своего контента, различаются по содержанию (информационные, навигационные, транзакционные) и частотности (высокочастотные, среднечастотные, низкочастотные). Информационные запросы – «тип запросов, в котором содержится интенция пользователя на получение какой-либо информации, сведений о чем-либо, а вовсе не желание совершить какое-либо действие» (Камбулов 2011). Подобные запросы дополняются атрибутами *что?*, *где?*, *когда?*, *как?* и, по нашему мнению, могут быть приравнены к синтаксическому обстоятельству либо подлежащему, если речь идет о получении пользователем информации о каком-то конкретном объекте без спецификации, какую именно информацию он хочет получить (А. Камбулов выделяет подобный вид запросов как «общие» (Камбулов 2011)). Навигационные запросы, напротив, ориентируются на конкретный атрибут, предполагаемо содержащийся в запрашиваемом контенте (функционируют как синтаксическое определение). Интенция пользователя на выполнение какого-либо действия является характерной чертой транзакционных запросов (подобных синтаксическому сказуемому). Согласно критерию частотности, высокочастотными считаются запросы, содержащие исключительно номен, среднечастотными – номен и атрибут действия, низкочастотными – номен в сочетании с атрибутом действия и качественным атрибутом (Камбулов 2011). Ориентация на каждый из названных типов запросов будет вносить существенные коррективы в содержание конструируемого контента, в том числе – и в процесс создания терминов, а ее анализ позволит вскрыть цели функционирования системы.

В историю культуры формализм и концептуализм вошли, в том числе, благодаря многочисленным лексическим новациям – созданию нового языка, который должен был отвечать изменяющемуся культурному контексту. Лексические новации играли ключевую роль при конструировании семантического ядра формализма и концептуализма, в котором базовую функцию выполняла специальная терминология. Термины как наиболее специфические для определенного предмета слова выполняют роль маркеров, по которым распознается данный контент. Закономерно, чем более специальным будет набор ключевых слов-терминов, тем более точным и результативным может быть поиск; с другой стороны, чрезмерная спецификация может стать причиной сужения аудитории, поскольку для выхода на подобный материал необходимы запросы, уже содержащие специальную терминологию. Решением задачи создания одновременно специфической и доступной терминологии в формализме и концептуализме стало конструирование терминов на основании общеупотребительной лексики, что существенно расширяет целевую аудиторию, делая излагаемый материал для менее профессионально подготовленной публики понятным, а для специалистов – интересным.

Формализм и концептуализм, общей чертой которых можно считать «освоение широкого интерпретационного поля, с применением специфического дискурса, и наукообразие в подаче материала» (Якушина 2010, с. 38), в практике терминотворчества не могут выйти за пределы преодолеваемого антагонистичного контента: для формалистов это, прежде всего, академическая традиция в литературоведении и символизм, для концептуалистов – советское искусство (поэтому последние в большинстве своем перенимают «советскую традицию описательного выражения концепта путем применения правильно ориентирующих слов» (Михальченко 2006, с. 13). Подобная зависимость от контекста непосредственно отображается на вокабулах («заглавное слово (или словосочетание), т. е. определяемый в данной статье термин» (Михальченко 2006, с. 15), в которых всегда имплицитно содержится аллюзия к преодолеваемому содержанию. Так, формалистские терминологические предложения всегда содержат отталкиваемый элемент «чужого»: прием и остранение были призваны аннулировать образ, понятиями литературного ряда и литературной эволюции вытеснялись понятия влияния и традиции, литературный быт был призван вытеснить традиционно понимаемые контекст и биографию. Концептуалисты же обыгрывают советскую нацеленность на абревиатурность (языковая кастрация), видя в подобном усечении магическую процедуру, определенное заговаривание слов («КДД – коллективный дискурс детства»), а так же включают в состав «Словаря» отдельные знаки «советскости», наделяя их статусом терминов: «*космонавты, титаны, колосники, коротыши, грузины – пять «бесплотных чинов» советского коллективного сознательного, которые представлены в архитектурно-скульптурно-парковом сакральном дискурсе ВДНХ*» (Словарь терминов Московской концептуальной школы 1999, с. 53) Однако, исследуемые системы все же вырабатывают собственные стратегии терминотворчества, чему способствует установка на альтернативность.

Вектор на изменение способа осмысления литературы, являющийся характерной чертой формализма, определил необходимость конструирования нового языка, альтернативного уже имеющемуся, результатом чего стало введение в научный дискурс понятий *остранения, приема, материала, функции* и т. д. При этом, степень отличия от академической традиции состояла не в самом «переназывании» уже использовавшихся понятий, а в создании новой терминологической системы на основе «ненаучного» языка (что также можно расценивать как остраняющий прием для привлечения внимания публики); подобная литературоведческая практика существенно отличалась от академической науки, базируюзщейся в первую очередь на античных поэтиках. Параллельным путем происходило конструирование семантического ядра в концептуализме: московские концептуалисты были нацелены на преднамеренную мистификацию и использование терминотворчества как художественного жеста, обличающего пустотные структуры языка. Интрига терминотворчества, как указано в самом «Словаре» концептуалистов, – это «трансформация языка в постоянно генерируемую терминологическую сеть, т. е. в сеть слов с ограниченным временем их использования и ограниченным количеством пользователей» (Словарь терминов Московской концептуальной школы 1999, с. 186). Однако, следует акцентировать внимание на том, что формалисты и концептуалисты в процессе терминотворчества создавали не термины как таковые, а *предтермины*, учитывая «временный характер, неустойчивость формы, невыполнение требований краткости и общепринятости, и зачастую отсутствие стилистической нейтральности» (Воробьева 2009, с. 10). Могло бы возникнуть подозрение, что представители формализма и концептуализма продуцировали *терминоиды* – «специальная лексема, которая используется для названия недостаточно устоявшихся и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит и дефиниций» (Воробьева 2009, с. 11), однако дискурсивное поле функционирования производимых системами понятий-терминов является четко определенным. Принимая во внимание тенденцию предтерминов переходить в термины «при случае, если предтермин закрепляется в специальной лексике, приобретая устойчивый характер» (Воробьева 2009, с. 10), можем говорить о том, что формалисты и концептуалисты претендовали на переход от

наукообразности к предельной научности (в случае с первыми), а также на трансформацию мировоззренческой картины индивида, живущего в семантическом пространстве культуры. И хотя цели формализма и концептуализма значительно разнятся, они оба избирают терминотворчество как выверенный алгоритм достижения целей системы. При этом подобие терминотворческого эксперимента в анализируемых системах заключается в создании напряжения между общеупотребляемой и специальной лексикой и балансировании на границах названных лексических слоев. Подобная тактика служит как бы подтверждением языковой свободы формализма и концептуализма, которые «перекраивают» язык, конструируя термины посредством наделения слов особой «терминологической» функцией, что вполне отвечает концепции языка, предлагаемой названными системами (так, формалистское терминотворчесво можно воспринять как противоположный зауми полюс), и в чем также можно усмотреть подобие пониманию термина Г.О. Винокуром (Винокур 1939, с. 5).

Анализируя тезаурусное пространство формализма и концептуализма, исходим из того, что *квазитермины* формализма и концептуализма предположительно составляют семантическое ядро их контента. Для того чтобы система успешно распространялась и получала максимальное количество запросов от пользователей (читателей, участников коммуникации), ее семантическое ядро должно быть составлено с предварительным ориентированием на типы запросов, которые будут предъявлены пользователями, как уже отмечалось выше. Наиболее продуктивными для продвижения контента являются *низкочастотные транзакционные* запросы, что отчетливо прослеживается в формалистких текстовых артефактах, содержание которых часто имеет характер «рецептов» – для создания художественных либо научных текстов в рамках продвигаемой парадигмы (иллюстрациями могут служить художественные тексты В. Шкловского, построенные на «обнажении приема» (прежде всего – «ZOO или Письма не о любви»), статья «Как делать стихи?» В. Маяковского; в украинском контексте – произведения («Подорож ученого доктора Леонардо і його майбутньої коханки прекрасної Альчести у Слобожанську Швейцарію») и исследования («Елементарні закони версифікації», «Як зроблено оповідання. Аналіза прозових зразків») М. Йогансена). Контент формализма, безусловно, был рассчитан также на удовлетворение других типов запросов (что подтверждает конструирование терминов, отвечающих информационным (*прием, материал, установка, функция, конструкция*) и навигационным запросам (*поэтический язык, литературный факт, литературная эволюция*)), однако, именно транзакционные запросы составляли основу его семантического ядра, что подтверждает анализ статьи Б. Эйхенбаума «Теория формального метода» с помощью программы Advego (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1), по результатам которого наиболее повторяемым в тексте является слово «работа», концептуализирующее семантическое ядро формализма, а также вскрывающее установку на практическую реализацию теоретических построений.

Московские концептуалисты чаще всего используют вокабулы, ориентированные на *низкочастотные информационные* («варум-варумные дела», «коммунальные тела», «искусство элитарных халтурщиков»), а также – *общие высокочастотные запросы* («агент», «автор», «картина»). Обращение к последним может объясняться приматом «пустотности» и «общих мест» (А. Апресян), но стоит обратить внимание и на то, что дефиниция подобных терминов, при условии их лишенности дополнительных коннотаций, резко резонирует с предоставляемой вокабулой, деконструируя само семантическое наполнение понятия. Низкочастотные информационные запросы должны сигнализировать о достаточно ограниченном числе предполагаемых обращений к контенту, но семантическое ядро формируют вокабулы и дефиниции предтерминов в совокупности, поэтому концептуалистская мимикрия под абсурдизм в «назывании и переназывании» («крик-фашист – крик или визг коллапсирующего смысла» (Словарь терминов Московской концептуальной школы 1999, с. 117) понятий может быть легко обнаружена при формальном анализе контента на предмет составления семантического ядра с помощью программы Advego (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 2), результаты которого свидетельствуют о том, что аксиологические

векторы концептуального искусства направлены на теоретизацию собственной художественной составляющей, поскольку семантическое ядро «Словаря» конструируется из таких ключевых слов, как *искусство, текст, автор, культура, тело, дискурс, пространство, картина, объект, метод* и т. д. Формализм же предстает, скорее, «практически» ангажированным – направленным на реализацию сконструированных теоретических положений в собственной художественной составляющей. Соответственно, семантическое ядро системы формируют следующие ключевые слова: *работа, форма, материал, язык, прием.*

Сравнение набора ключевых слов формализма с семантическим ядром концептуализма дает основания для вывода о подобии стратегий терминотворчества в анализируемых системах, основанных на взаимодействии теоретизации и воплощения концептуальных построений (что подчеркивает синтетический характер формализма и концептуализма). Однако, векторы связи теории и ее реализации в формализме и концептуализме взаимно обратные, что объясняется противоположными ситуациями «вхождения» в официально конструируемую культуру (отсюда и «пафос конструирования» в формализме, реализовавшийся в попытках формирования литературного ряда – левая проза, литература факта) и «выхода» из нее (вызвавший установку на переход от примата теоретической конструкции к примату художественного текста в концептуализме), в которых происходило конструирование изучаемых систем.

Подтверждением сделанного наблюдения является различие функциональной нагрузки терминов в формализме и концептуализме. В формализме критерием функциональности становится вхождение реализации термина в литературный ряд, чем частично объясняется смена исследовательских приоритетов в истории формализма и, закономерно, изменение списка «продвигаемых» терминов (от теоретизации поэзии и бессюжетной прозы к левой прозе и литературе факта). Функциональность терминов в концептуализме обосновывается, напротив, их теоретической ценностью – способностью «терминологического» функционирования, что прослеживается в «Приложении 1» к «Словарю», в котором предоставлен опрос по терминам на предмет их употребления в кругу московских концептуалистов с соответвующим ранжированием по релевантности и категоризации по авторам. При этом ни одного голоса не набрали такие термины как «метабола – тип метафоры (в постмодернистской поэтике), которой a priori присвоен статус «экскремента», статус «отходов жизнедеятельности» (что требует разработок специальных канализаций для этих «токсичных» отходов)» (термин МГ) (Словарь терминов Московской концептуальной школы 1999, с. 58), «реляры (редакционные лярвы) – персонажи, «курирующие» то или иное периодическое издание (напр., Панч в «Панче», Крокодил в «Крокодиле», Мурзилка в «Мурзилке» и т. п.)» (П. Пепперштейн) (Словарь терминов Московской концептуальной школы 1999, с. 76). Произведенная проверка на употребляемость терминов в сообществе вскрывает интенцию на формирование языка теоретизации, который базируется на договоренности при наделении терминов конкретным значением.

Произведенный анализ семантического ядра формализма и концептуализма позволил выделить следующие особенности его конструирования:

1) термины, составляющие основу семантического ядра в формализме и концептуализме, конструируются, как правило, на базе общеупотребляемой лексики путем наделения слов особой функцией;

2) созданные термины являются ключевыми актантами в реализации связи между теоретическими построениями и их воплощениями, на чем основывается критерий функциональности термина;

3) терминотворчество формализма и концептуализма находится в сильной зависимости от преодолеваемого контента, что наделяет конструируемые лексемы «отталкивающей» способностью.

Обобщая результаты исследования, можно очертить стратегию терминотворчества в формализме и концептуализме как изменение полюсов на языковом поле путем изменения функций употребляемых единиц. Подобия, обнаруженные при анализе терминотворчества в формализме и концептуализме, с нашей точки зрения, вызваны не только схожестью ситуаций генезиса феноменов, но также их генетической связью, которая требует более глубокого осмысления и может стать предметом отдельного исследования. Скажем лишь, что обнаружение в формализме корней концептуализма делает появление последнего в славянском контексте более закономерным и открывает перспективы для результативного исследования закономерностей литературного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

ВИНОКУР, Г. О., 1939. О некоторых явлениях словообразования русской технологической терминологии. *Труды МИФЛИ. Филологический факультет: сб. статей по языкознанию*. Москва: МИФЛИ, Т. 5, с. 3–54.
ВОРОБЬЕВА, И. О., 2009. Экономические прототермины в русском языке XV – XVI вв. *Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык»*. Москва: МГОУ, 26 с.
КАМБУЛОВ, А., 2011. *СЕО-бомба* [Электронный ресурс] : обучающее видео. Москва: Кальпрофи.
МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю., 2006. О принципах создания словаря социолингвистических терминов: к постановке проблемы. *Словарь социолингвистических терминов*. Москва: Институт языкознания РАН, с. 5-15.
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ МОСКОВСКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ШКОЛЫ, 1999. [Электронный ресурс]: *Словарь терминов Московской концептуальной школы* [Ред.-сост. А.Монастырский]. Москва: Ad Marginem, 222 с. – Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/dictionary/m-k-sh/slovar-m-k-sh.htm.
ЭЙХЕНБАУМ, Б. М., 1987. Теория «формального метода». *О литературе: Работы разных лет*. Москва: Советский писатель, с. 375-408.
ЯКУШИНА, И. Л., 2010. Русский поэтический концептуализм и его осмысление в прессе. *Дис. ... кандидата филол. наук :* 10.01.10. Москва: МГУ им. М.В.Ломоносова , 279 с.
SMITH, T., 2011. One and Three Ideas: Conceptualism before, during and after Conceptual Art [Электронный ресурс]: *E-flux journal*, № 29. (Режим доступа к журн.: http://www.e-flux.com/issues/29-november-2011).

Tatjana Kovalenko, Oksana Tsybulko
Donetsk National University, Ukraine
Research interests: literature and literary criticism of the XX century, alternative art systems, systems theory and modelling.

.FORMALISM AND CONCEPTUALISM IN EXPLORATION OF SEMANTIC SPACE: TERM-CREATION

Summary

The article presents an exploration of semantic space by Formalism and Conceptualism. Usage of the WEB-analytic methods allowed for the creation of a semantic kernel of Formalism and Conceptualism which formed the basis of comparison of their activity in term-creation. Juxtaposition of a set of key terms of the above mentioned phenomena showed that common lexis became the basis for term-creation in Formalism and Conceptualism and the transition of such lexical units to the category of terms is carried out by investment with their special function. Further research opened a key role of terms in the realization of communication between theoretical constructions of Formalism and Conceptualism and their embodiment. Generalizing results of the research, it is possible to outline that term-creation strategies in Formalism and Conceptualism are focused on changing of poles of a language field by changing of functions of the units used.

KEY WORDS: term-creation, Formalism, Conceptualism, pre-term, semantic kernel.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Семантическое ядро «Теории формального метода» (1925) Б.Эйхенбаума

	Слово	**Количество точных вхожений в текст**	**Процент вхождений**
1.	Работа	71	0.69%
2.	Форма	70	0.69%
3.	Стих	69	0.68%
4.	Понятие	61	0.60%

5.	Проблема	60	0.59%
6.	Вопрос Материал Язык	59	0.31%
7.	Теория	55	0.54%
8.	Прием	53	0.52%
9.	Литература	50	0.49%
10.	Поэтический	47	0.46%
11.	Формалист	43	0.42%
12.	Искусство	41	0.38%
13.	Связь Эволюция	36	0.35%

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Семантическое ядро «Словаря терминов Московской концептуальной школы»

10	**Слово**	**Количество точных вхожений в текст**	**Процент вхождений**
1.	Термин	47	0.64%
2.	Искусство	44	0.59%
3.	Текст	42	0.57%
4.	Работа	37	0.50%
5.	Автор Культура	25	0.34%
6.	Тело	24	0.32%
7.	Дискурс	23	0.31%
8.	Пространство	22	0.30%
9.	Картина Объект	21	0.28%
10.	Действие Зритель	20	0.27%
11.	Концептуализм	18	0.24%
12.	Коммунальный Метод	17	0.23%
13.	Коллективный Эстететический	16	0 22%

Татьяна Бобко
Минский государственный лингвистический университет
ул. Захарова 21, 220034, Минск, Беларусь
Эл. почта: tatyana1973@tut.by
Научные интересы: языковая картина мира, наивная (народная) лингвистика, национально-культурная специфика языка, метаязыковая функция языка, инновации в языке, нормы языка, Интернет-дискурс

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ БЕЛАРУСИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности восприятия жителями Беларуси важных вопросов функционирования русского и белорусского языков. Анализ проводится на материале популярных белорусских Интернет-ресурсов.

Исследование показало, что круг социальных проблем, обсуждаемых на русскоязычных или белорусскоязычных форумах, будет различаться. Кроме того, есть существенные различия в том, на какие аспекты общения обращает внимание носитель языка в рамках русскоязычной или белорусскоязычной коммуникации. Эти различия касаются: представлений говорящих о русском и белорусском языках и их нормах; отношения к своей и чужой речи; закономерностей положительной и отрицательной оценки; правил организации текстов; правил речевого поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метаязык, метатекст, метакоммуникация, метакоммуникативное высказывание, языковая ситуация, Интернет-коммуникация, наивная (народная) лингвистика

Особый интерес для лингвистов, изучающих наивную языковую картину мира, представляет метакоммуникативный дискурс, принадлежащий к сфере народной лингвистики и включающий в себя «наивные» комментарии языка и речи. Исследования, проводимые в рамках этого научного направления, позволяют выявить закономерности метакоммуникативной оценки и самооценки в условиях спонтанной речевой деятельности. Особенно продуктивным такое исследование становится при сравнении метакоммуникативного дискурса на двух или более языках, что позволяет определить национально-культурную специфику представлений о языке. Целью нашего исследования является выявление сходств и различий в метакоммуникативной деятельности носителей русского и белорусского языков: определение закономерностей как содержательной, так и формальной организации русско- и белорусскоязычного метакоммуникативного дискурса, а также представлений жителей Беларуси о функционировании и роли русского и белорусского языка.

Богатый материал для выявления метакоммуникативных представлений носителей языка дает обращение к свободному, неформальному Интернет-общению (форумам, чатам, блогам). Неофициальные жанры сетевой коммуникации, представляя собой имитацию живого, непринужденного устного диалога или монолога, фиксируют современную обиходно-бытовую форму языка и позволяют непосредственно, в режиме он-лайн, наблюдать естественную речевую деятельность говорящих. Таким образом, мы можем выявить спонтанные, высказанные мимоходом суждения о тех или иных коммуникативных явлениях, касающихся трех важных аспектов: системы языка, организации текста и принципов общения.

Материалом нашего исследования послужили метакоммуникативные комментарии, полученные методом сплошной выборки с популярных белорусских форумов (как русско- и белорусскоязычных) максимально широкой тематики, т.е. неспециализированных. Исследование этих комментариев позволяет зафиксировать высказанные мимоходом,

специально не подготовленные суждения о языке, правилах построения текста и правилах коммуникации. Именно такие суждения фиксируют те факты коммуникации, на которые обращают внимание говорящие – неспециалисты в данной сфере. Важно подчеркнуть, что рассматривались только неспециализированные форумы, т.е. имеющие максимально широкий спектр тем для обсуждения и объединяющие пользователей независимо от их образования, профессии, возраста и т.п. Исключение из материала нашего исследования специализированных (например, общественно-политических, экономических, исторических, филологических) белорусских Интернет-форумов обусловлено тем, что по нашему мнению, лучше всего метакоммуникативные представления говорящих (как четкие, осознанные, так и смутные, интуитивные) отражаются в неподготовленных высказываниях, не связанных с заранее заданной лингвистической тематикой. Позволим себе в этой связи привести слова С.С.Аверинцева по поводу древнегреческой поэзии: «Принципиально важно, что приметы времени проступают чаще всего помимо воли сочинителя, так сказать, «между строк», и улавливание их есть дело рискованное, как всякое чтение «между строк» (Аверинцев 1981, с. 27). Как нам кажется, мы можем распространить это утверждение на любой другой, в том числе на наш языковой материал: самые важные для той или иной культуры явления лучше всего видны в тех текстах, которые напрямую к этим явлениям не относятся, а затрагивают их как бы вскользь, случайно, без специальной цели.

Далее определим наше понимание термина «метакоммуникация». Как известно, метакоммуникация – это общение, предметом которого является само общение. Термин «метакоммуникация» в лингвистической литературе употребляется в широком смысле и узком смысле. В широком смысле метакоммуникация понимается как любая рефлексия говорящего/пишущего над языком, речевой деятельностью и процессом вербального общения (например, в: Кашкин 2002). В таком значении этот термин будет использоваться в настоящей статье. В узком же смысле термин «метакоммуникация», введенный в научный обиход психологами, означает комментарий коммуникативного поведения как адресанта, так и адресата, т.е. сообщение по поводу реализации фатической функции языка (например, в: Гуревич 2009). В дальнейшем мы будем использовать в этом значении термин «собственно метакоммуникация», чтобы избежать двусмысленности.

Итак, в рамки метакоммуникации в широком понимании этого термина входят комментарии, касающиеся трех ее аспектов: метаязыковые (комментарий языка), метатекстовые (комментарий текста) собственно метакоммуникативные (комментарий коммуникативных действий). Говоря по-другому, носитель языка в процессе общения обращает внимание на:

1) язык и его единицы;
2) правила организации текста;
3) правила использования языка (речевой этикет).

Представления о языке могут быть условно систематизированы в виде двух уровней: представления о своем языке и/или других языках мира; представления о языке как средстве общения или передачи информации. При этом очевидно, что суждения говорящих о конкретном языке (родном или иностранном) являются более четкими, ясными, осознанными по сравнению с суждениями о языке в лингвистическом понимании этого термина.

Самые разнообразные по содержанию ветки (темы) форумов (покупка автомобиля, воспитание ребенка, выбор одежды и косметики, вопросы психологии, обсуждение бытовых вопросов и пр.), которые ежедневно посещают сотни пользователей и на которых обсуждается очень широкий круг самых разнообразных проблем, содержат значительное количество метакоммуникативных высказываний. Исследование причин частотности таких высказываний предполагает три вопроса:

1. Что заставляет говорящего отвлечься от обсуждения актуальной для него темы и обратить внимание на язык, который используется участниками беседы?

2. В каких случаях говорящий считает, что собственный или чужой текст достоин комментария?

3. В каких случаях говорящий считает, что собственное или чужое речевое поведение заслуживает комментария?

При этом частотность высказываний, принадлежащих указанным выше трем аспектам коммуникации, будет значительно различаться.

Перед тем, как перейти к обсуждению русско- и белорусскоязычных метакоммуникативных комментариев, отметим, что есть значительные различия в функционировании русскоязычных и белорусскоязычных форумов и круге обсуждаемых на них языковых вопросов.

Русскоязычные форумы имеют крайне широкий круг вопросов, очень большое число пользователей, дискуссия идет практически в режиме реального времени; белорусскоязычные форумы рассматривают меньший круг вопросов, они менее посещаемы. Однако на русскоязычных форумах обычно есть особые ветки, в которых общаются белорусскоязычные пользователи или обсуждаются проблемы функционирования белорусского языка.

Самые актуальные лингвистические и окололингвистические вопросы, которые интересуют «наивного» русскоязычного белоруса, можно проследить по наличию на всех русскоязычных форумах популярных специальных веток (тем), касающихся таких вопросов, как:

1) изучение языка: выбор и изучение иностранного языка как взрослыми, так и детьми; изучение русского или белорусского языка в школе; проблемы грамотности; трудности, связанные с изучением родного или иностранного языка;

2) свое или чужое имя / фамилия / ник: выбор имени для ребенка; сочетание имени и фамилии; смена фамилии при замужестве; выбор и объяснение ника;

3) развитие речи: задержка или разнообразные нарушения речевого развития, логопедические занятия, поиск специальных программ для ускорения речевого развития;

4) обсуждение детских, чаще всего смешных, высказываний;

5) ошибки и опечатки: цитирование высказываний, содержащих опечатки и ошибки; обсуждение фактов нарушения норм языка или самых раздражающих ошибок.

Из приведенного списка видно, что большинство вопросов, которые волнуют русскоязычных говорящих, относятся скорее к социальной сфере, чем к лингвистической. При этом любопытно отметить, что проблемы белорусского-русского двуязычия и языковой ситуации в стране редко становятся предметом специального обсуждения: участников Интернет-дискуссий интересуют, в основном, практические вопросы. Самая популярная тема – это изучение белорусского языка в школе: выбор школы для первоклассника, плюсы и минусы обучения в белорусскоязычных школах, способы повышения грамотности у школьников. Еще один популярный вопрос – как познакомить с белорусским языком дошкольника, где найти детские книги или учебные пособия, мультфильмы или фильмы на белорусском языке. Кроме этого, пользователи Сети активно обсуждают вопросы транслитерации имени и фамилии в паспорте, возможности белорусизации операторов мобильной связи или компьютерных программ. Из чисто лингвистических вопросов популярным является вопрос о выборе написания *Белоруссия / Беларусь, белорусский / беларуский*. Комментарии, связанные с фактами нарушения норм белорусского языка, встречаются очень редко.

Следует отметить, что в рамках русскоязычных форумов существуют специальные опросы, цель которых – выяснить уровень владения белорусским языком, а также сферы и частоту его использования, причины и условия, в соответствии с которыми говорящие выбирают русский или белорусский язык. Любопытно, что большинство отвечающих пишут по-русски, даже если говорят о необходимости поддерживать и развивать белорусский язык.

Самые актуальные вопросы, обсуждаемые на белорусскоязычных форумах или в уже упомянутых особых ветках, в которых общаются белорусскоязычные пользователи или

обсуждаются проблемы функционирования белорусского языка, напротив, касаются лингвистических и социолингвистических, а не практических проблем:

1) нормы белорусского языка: выбор одного из вариантов – т.н. наркомовки или тарашкевицы, инновации в системе белорусского языка, нарушение норм белорусского языка, отношение к заимствованиям, в том числе русизмам;

2) изучение белорусского языка в школе: выбор школы для первоклассника, плюсы и минусы обучения в белорусскоязычных школах, способы повышения грамотности у школьников, достоинства и недостатки различных учебных пособий;

3) обучение белорусскому языку дошкольников: белорусскоязычные детские сады, выбор круга общения для ребенка, двуязычие в семьях, где есть маленькие дети;

4) обсуждение детских, чаще всего смешных, высказываний;

5) отношение к белорусскому языку в среде как белорусскоязычных, так и русскоязычных белорусов, а также среди иностранцев.

6) отношение к т.н «трасянке» как особому языковому и социальному явлению: от нейтрального до резко отрицательного.

7) языковая политика глазами неспециалистов в этой сфере.

Как видим, сходство в круге обсуждаемых на русско- и белорусскоязычных форумах проблем касается, в основном, изучения белорусского языка в школе, обучения дошкольников и обсуждения речи своих детей, т.е. тех тем, которые обычно волнуют родителей независимо от языка, на котором они предпочитают говорить.

Любопытно отметить, что использование обоих языков в рамках русско- или белорусскоязычных дискуссий имеет различия. В русскоязычные дискуссии белорусскоязычные посты (т.е. отдельно взятые сообщения) могут включаться без дополнительного комментария. Иногда автор спрашивает разрешения писать по-белорусски, интересуется тем, все ли его понимают, объясняет причины выбора белорусского языка. При этом со стороны русскоязычных участников обычно не возникает ни комментариев, ни вопросов – по-видимому, переход с одного языка на другой воспринимается как нечто естественное или рассматривается как частное дело (лишь в редких случаях это становится темой для обсуждения). В белорусскоязычные дискуссии, наоборот, русскоязычные посты не включаются, а сама такая возможность воспринимается отрицательно.

Теперь рассмотрим и попытаемся систематизировать закономерности метакоммуникативных комментариев, касающихся русско- и белорусскоязычной коммуникации: в каких именно ситуациях неформального Интернет-общения говорящие на том и другом языке «замечают» сам процесс общения и считают необходимым высказать мнение по его поводу.

1. Русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные комментарии различаются частотностью выражения положительной и отрицательной оценки или ее отсутствия (нейтральности).

В русскоязычных метакоммуникативных высказываниях отрицательный комментарий встречается чаще, чем нейтральный (констатация факта), а самый нечастотный – положительный комментарий. Это можно объяснить закономерностями психологии человека: отрицательные факты, нарушающие наши представления о норме, мы замечаем и комментируем гораздо чаще, чем те, которые являются в нашем представлении нормативными. Так, например, комментарии, имеющие своей целью сообщить, что собеседник пишет слишком много или слишком мало, сумбурно, не по теме, невежливо и т.п., занимают значительное место в русскоязычной метакоммуникации. В то же время комментарии по поводу правильного языка, красивой и уместной языковой формы, ясности мысли и т.п. имеют очень малую частотность. Нейтральные комментарии, констатирующие те или иные факты (например, сообщение темы или причины высказывания, пояснение своей мысли и т.п.), занимают промежуточное положение.

В белорусскоязычных метакоммуникативных высказываниях нейтральный комментарий встречается чаще, чем положительный, а самый нечастотный – отрицательный.

Мы можем предположить, что говорящие в этом случае руководствуются правилами вежливости, которые предписывают поддерживать собеседника, или, по крайней мере, не выражать отрицательных эмоций по поводу общения. Особенно очевидно эта закономерность проявляется в тех случаях, когда собеседник выражает свое стремление говорить по-белорусски, несмотря на недостаточное знание языка: типичной позицией в этом случае будет одобрение или указание на ошибки в виде некатегоричного указания на определенные нормы белорусского языка. При этом пишущие по-белорусски менее склонны замечать разнообразные коммуникативные недостатки собеседника и больше внимания уделяют пояснению своих мыслей, объяснению темы или причин высказывания, т.е. безоценочным метакоммуникативным суждениям.

2. Русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные комментарии различаются частотностью выражения оценки своей или чужой речи.

В русскоязычных метакоммуникативных высказываниях нейтральный комментарий чаще касается собственной речи, а оценочный (в основном отрицательный) – чужой. В белорусскоязычных метакоммуникативных высказываниях отрицательный комментарий чаще касается собственной речи, а положительный – чужой. Это обусловлено, на наш взгляд, теми причинами, о которых уже было сказано выше: с одной стороны, особенностями восприятия человеком мира, с другой – правилами вежливости. При этом в дискуссиях на обоих языках крайне редок положительный (без иронии) комментарий своей собственной речи, что, очевидно, связано с нормами вежливости - запретом на комплименты и похвалы самому себе.

3. Русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные комментарии различаются вниманием к разным аспектам коммуникации.

В русскоязычных метакоммуникативных высказываниях чаще встречается комментарий текстов и комментарий поведения в коммуникации (как адресата, так и адресанта). Говорящие замечают такие факты, как длина, логичность, ясность, убедительность текста; вежливость, уместность, тактичность коммуникантов. Метаязыковые высказывания встречаются крайне редко и чаще всего касаются прояснения значения определенных слов, например, *менеджер*.

В белорусскоязычных метакоммуникативных высказываниях чаще встречается именно метаязыковой комментарий: оценка выбранных адресатом или адресантом слов и выражений, оценка тех или иных грамматических форм, высказывания по поводу инноваций в системе белорусского языка, попытки объяснить происхождение слов. Например, объясняется разница в значении и употреблении таких пар, как *работа – праца, начальнік – кіраўнік, любіць – кахаць, свабодны – вольны.* При этом метатекстовый и собственно метакоммуникативный комментарий имеют гораздо меньшую частотность, чем в русскоязычных дискуссиях. Частотными также являются комментарии, касающиеся перевода с русского языка на белорусский и наоборот, поиска эквивалентной лексики, объяснения лингвокультурных различий, например:

- *Гордиться - гэта ганарыцца, а наогул такога паняцця, як "гордость", ідэнтычнага рускаму па сэнсе ў беларускай мове няма*.

4. Русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные комментарии различаются отношением к нелитературным формам языка.

Любопытно, что абсолютное большинство говорящих по-белорусски (или говорящих о белорусском языке по-русски) раздражает использование трасянки или нелитературных белорусских слов:

- *Да, мне не нравится, когда говорят "робра" и "бруки"... И "шч" мне не нравится. Белорусский язык - это белорусский, а вот это смешение русского и белорусского мне не нравится. Абсолютно ничего не имею против правильного языка на радио, тв и т.д.*

- *Прынамсі абвяшчэнні дыктарамі ў грамадскім транспарце "з'вяртаем, з'яўляюцца" з цвердым "з" вымаўляюцца. Што мяне страшна злуе.*

Говорящих по-русски нисколько не беспокоит использование просторечных и жаргонных языковых форм. В нашем языковом материале зафиксированы очень редкие, единичные случаи, когда говорящий обращает внимание на нелитературную лексику в собственных или чужих постах, например:

- *Я знаю, что слова «шуфлядка» нет в русском языке, но оно мне нравится*.

5. Русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные комментарии различаются отношением к незнанию или плохому знанию норм литературного языка. Это касается как самокомментария, так и комментария чужой речи.

Только в белорусскоязычной метакоммуникации встречаются просьбы об исправлении собственных ошибок говорящего, извинения за плохое знание языка. При этом многие пишущие по-белорусски считают своим долгом заранее извиниться за возможные ошибки, чего никогда не делают русскоязычные коммуниканты, даже те, кто пишет по-русски с многочисленными ошибками. Белорусскоязычные собеседники обычно с благодарностью или нейтрально воспринимают поправки со стороны более грамотных участников дискуссии, что является редкостью для русскоязычной метакоммуникации.

В то же самое время пишущие о белорусском языке (и по-белорусски, и по-русски) негативно настроены к нарушению его норм в нашей повседневной жизни, например:

- *Некаторая рэклама зроблена добра, і мова у ёй слухаецца прыемна, але ж з большага каробіць слух: на жаль, не усе прыгожа і правільна размауляюць на беларускай мове, таму і складаецца меркаванне у людзей, што яна жорсткая і нязграбная. Тое ж датычыцца и праграм на ТБ.*

- *Мне кажется , что наш язык отличается тем, что если на нем говорить ПРАВИЛЬНО - то он безумно красивый. А если калькой с русского - то превращается в "трасянку" и звучит "колхозно"...*

Интересно, что толерантность по отношению к языковым несовершенствам собеседника, о чем уже говорилось выше, не распространяется на ситуации, когда говорят о третьих лицах или о белорусском языке «вообще».

Русскоязычные коммуниканты в большинстве своем просто «не замечают» нарушений норм русского литературного языка: многочисленные ошибки типа *ложить, камбенизон, деффект, согласно правил, обоими руками* и т.п. не вызывают никакой реакции. Напротив, редкие попытки исправить ошибки собеседника воспринимаются как проявление вербальной агрессии или уход от темы:

- *Ну давайте здесь еще устроим урок орфографии. Мы же вроде бы не в школе, все взрослые люди*.

Авторы метакоммуникативных комментариев, касающихся белорусского языка, в поисках истины часто апеллируют к образцовым носителям языка: учителям, дикторам, журналистам, актерам, например:

- *Мало, крайне мало людей, действительно умеющих говорить по-белорусски. Самый красивый белорусский, который я когда-либо слышала, - это язык актрисы, которая играла Ганну в спектакле "Тутэйшыя" лет 10 назад. Не помню ее фамилию, но помню некое почти благоговейное чувство, которое она у меня вызвала.*

Поиск неких языковых образцов совершенно несвойствен русскоязычным собеседникам – в нашем материале не было зафиксировано ни одного подобного примера.

Эти особенности восприятия норм литературного русского и белорусского языка и отношения к нелитературным языковым единицам можно объяснить тем, что белорусский язык воспринимается как символ национальной культуры, поэтому столько внимания уделяется его чистоте и правильности, поиску верных языковых форм, а также вежливому речевому поведению. Русский же язык оценивается как удобное и привычное средство общения, поэтому говорящие скорее озабочены понятностью своих и чужих текстов, а также нарушением норм речевого этикета; сами же языковые формы практически никогда не становятся объектом особого внимания.

6. Русско- и белорусскоязычные метакоммуникативные комментарии различаются отношением к русскому или белорусскому языку как таковому.

Интересным кажется нам тот факт, что те, кто пишет на белорусском языке и те, кто пишет о белорусском языке по-русски, высказывают сходные мнения как о самом этом языке, так и о его использовании в стране. Так, и русско-, и белорусскоязычные говорящие озабочены проблемой сокращения коммуникативных сфер, в которых используется литературный белорусский язык, распространением трасянки, отсутствием мотивации использовать белорусский язык как у молодежи, так и у старшего поколения. При этом комментарии по поводу русского языка как такового – редчайший случай в нашем языковом материале, это единичные высказывания о русском языке как языке мирового общения, языке ООН.

Еще одна важная особенность – частотность оценок «правильного» белорусского языка как мелодичного, мягкого, благозвучного, красивого, напевного и т.п., эмоциональное отношение к белорусскому языку, выражаемое в высказываниях типа *я обожаю белорусский язык; ганаруся роднай мовай*. Подобных оценочных комментариев русского языка нами выявлено не было.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что в «наивных» представлениях о русском и белорусском языках существуют важные различия, которые касаются того, на какие аспекты коммуникации обращает внимание носитель языка. Эти различия касаются представлений говорящих о русском и белорусском языках и их единицах, нормах речевого поведения на этих языках и правилах организации текстов.

ЛИТЕРАТУРА

АВЕРИНЦЕВ, С.С., 1981. Риторика как подход к обобщению действительности. *Поэтика древнегреческой литературы: сборник статей.* Москва: Наука, с. 15–46.

ГУРЕВИЧ, Л.С., 2009. *Когнитивное пространство метакоммуникации*. Иркутск: Изд-во ИГЛУ.

КАШКИН, В.Б., 2002. Бытовая философия языка и языковые контрасты. *Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности*. Воронеж, с. 4-34.

Tatyana Bobko
Minsk State Linguistic University, Belarus
Research interests: cultural specification of the Russian language, folk linguistics, metalinguistic function of a language,innovations of a language, standards of a language, Internet discourse.

BELARUSIAN LANGUAGE REVIEW AND ITS REFLECTION IN INTERNET DISCOURSE

Summary

The article discusses the features of perception by Belarusian people of some important problems of functioning of the Russian and Belarusian languages. The analysis is carried out on the material of popular Belarusian Internet resources.

The study showed that the range of social problems discussed at the Russian or Belarusian Internet discourse varies. In addition, there are significant differences in the aspects of communication, which native speakers pay attention to in the Russian-language or Belarusian-language intercourse. These differences relate to the representations of native speakers about the Russian and Belarusian languages and language standards; relations to their own and somebody else's speech; patterns of positive and negative estimation; rules of organization of texts; rules of verbal behaviour.

KEY WORDS: metalanguage, metatext, metacommunication, metacommunicative statement, language situation, Internet discourse, folk linguistics .

Валентина Зразикова
Институт парламентаризма и предпринимательства,
ул. Тимирязева 65 А, Минск, Беларусь
Эл. почта: zrazikova@tut.by
Научные интересы: история белорусского литературного языка, стилистика, лексикология

К ПРОБЛЕМЕ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрена языковая ситуация в Республике Беларусь на современном этапе развития, при которой в социуме функционируют два государственных языка – белорусский и русский. Однако законодательно закрепленный в стране билингвизм пока далек от реального воплощения. Белорусский язык, являясь языком титульной нации, достаточно ограниченно используется во многих сфер, которые как раз и формируют престиж языка (наука, образование, масс-медиа и др.). Поэтому актуальной является выработка государственных программ конкретных действий, направленных на обеспечение реального двуязычия, как это предусмотрено в Конституции Республики Беларусь.

Особое внимание уделено анализу деятельности белорусских средств массовой информации в условиях билингвизма. На различных уровнях языка (фонетическом, акцентологическом, морфологическом) приведены примеры интерферем – ошибочного использования под влиянием одного языка (в нашем случае, как правило, русского) языковых единиц в речевой практике другого. Кроме этого, отдельно затронут вопрос о проведении правописной реформы белорусского языка, основным результатом которой стала новая редакция «Правил белорусской орфографии и пунктуации».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык, социум, билингвизм, билингв, аудитория, коэффициент языковой инвазии, коммуникация, интерференция, интерферема.

Одной из особенностей развития белорусского языка на современном этапе является его функционирование в условиях билингвизма (двуязычия). Языковая ситуация в Республике Беларусь характеризуется существованием и параллельным использованием белорусского и русского языков, что дает основание оценить ее как белорусско-русское государственное двуязычие, при котором имеет место индивидуальное и групповое, как белорусское, так и русское, одноязычие. Учитывая такой аспект двуязычия, как пассивное (рецептивное) владение вторым языком, возможность и способность воспринимать на нем информацию, необходимо признать, что все население нашей страны является двуязычным.

Вместе с белорусско-русским двуязычием на территории Беларуси в местах совместного проживания белорусов с поляками, литовцами, латышами и другими национальностями существует соответственно белорусско-польское, белорусско-литовское, белорусско-латышское двуязычие. Для небелорусского населения оно носит характер польско-белорусского, литовско-белорусского и т.д. Поскольку в этих районах функционирует и русский язык, можно говорить, например, о местном белорусско-польско-русском и т.д. многоязычии.

На территории Беларуси двуязычие существовало давно, хотя его характер и составляющие компоненты менялись. Например, для периода Великого Княжества Литовского (XIII – XVIII вв.) было характерно белорусско-церковнославянское письменное и устное двуязычие. После объединения Великого Княжества Литовского с Речью Посполитой и распространения польского языка начало складываться белорусско-польское двуязычие. В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) белорусские земли отошли к России и функции официального языка в значительной степени стал исполнять русский язык, в это время широко развивается белорусско-русское двуязычие. Специфика проявления национально-русского двуязычия обусловлена такими факторами, как генетическое родство и сходство структур белорусского и русского языков (благодаря этому возможно активное двуязычие, когда его носитель (билингв) свободно владеет обоими

языками, и пассивное двуязычие, при котором носитель одного языка свободно читает на втором языке, хотя и не говорит на нем), а также культурно-исторические условия развития. Так, исследователи белорусско-русского двуязычия советской эпохи отмечают исключительное распространение русского языка в БССР, что дает основание отнести ее к числу республик с наиболее развитым двуязычием (Шакун, 2001).

В наше время белорусский и русский языки используются в большинстве важнейших сфер жизни социума (от бытового уровня до науки и официального делопроизводства), однако распространенность и популярность русского языка, безусловно, значительно выше, что в определенной степени обусловлено экстралингвистическими причинами. На наш взгляд, такое положение нельзя считать нормальным, поскольку белорусский язык, язык титульной нации, должен играть исключительную роль в духовном развитии жизни народа, коммуникативные потребности которого он обслуживает. Именно национальный язык служит не только средством общения между людьми, но и способствует сохранению как исторического и культурного опыта народа, так и новых знаний об окружающей действительности, отражает особенности менталитета и мировоззрения (Лукашанец, 2009).

К сожалению, в последнее время под влиянием различных исторических, экономических и политических факторов наблюдается снижение уровня национального самосознания. Хотя для законодательного регулирования языковой жизни общества были предприняты положительные меры – 26 января 1990 г. вступил в силу закон «О языках в Белорусской ССР», который предусматривал возобновление функционирования белорусского языка во всех сферах жизни, в первую очередь в образовании и официальном использовании, повышение общественного престижа родного (белорусского) языка и увеличение количества его активных носителей.

Однако этот конструктивный процесс был приостановлен, когда по результатам общереспубликанского референдума (14 мая 1995 г.) вторым государственным языком был провозглашен русский. На самом деле функциональное неравенство между русским и белорусским языками весьма очевидно. При этом белорусскому языку, как правило, отводится символическая функция, и в сложившейся ситуации он не может наравне конкурировать с русским.

Придание русскому языку статуса государственного «неминуемо привело к снижению социальной роли белорусского языка, резко сузило сферы его использования. В современных условиях белорусский язык все больше становится элитарным, вынужден с трудом отвоевывать и хотя бы в некоторой степени сохранять свой ранее установленный имидж одного из высокоразвитых и самодостаточных языков Европы» (Прыгодзіч, 2009).

Из-за постоянного взаимодействия народов и их языков мы наблюдаем несоответствие этнической и языковой картины мира. Сегодня не всегда является верным утверждение: «один язык – одна нация», поскольку существуют народы, для которых естественно пользоваться несколькими языками. Например, в современной Швейцарии сосуществуют четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. В противовес этому распространена ассиметрия другого рода, когда один язык используется многими народами. Так, на английском языке говорят англичане, американцы, канадцы, австралийцы, южноафриканцы. На русском – многие нации, входившие ранее в состав СССР. В некоторых случаях, особенно в переходные времена, нация стремится самоутвердиться в мире, тогда язык выступает как один из оплотов национального самосознания. Примером может служить ситуация в странах Прибалтики, которые пытались всеми способами «отделить» себя от советского прошлого, делая особый упор на использовании своих национальных языков и практически вытеснении русского.

Процессы, возникающие при близкородственном двуязычии, обладают спецификой, которая достаточно отличает их от процессов контактирования генетически далеких языков. Можно выделить некоторые положительные и отрицательные стороны близкородственного билингвизма. Так, индивид сравнительно быстро и легко изучает «неродной» язык и активно им пользуется. Но в нашей стране практически невозможно определить, какой именно язык

является «родным». Если вокруг отдельно взятого человека с самого детства в ближайшем окружении для коммуникации используется русский язык, но по национальности он является белорусом, то как раскрыть понятие «родной – неродной» язык? Иными словами, как определить место и роль родного (по национальному признаку) языка в условиях доминирования неродного, который зачастую воспринимается как национальный.

Русский язык на большей территории постсоветского пространства играет роль межнационального языка, на котором общаются и сотрудничают представители разных национальностей. Интересной в этом отношении является информация о престижности (влиянии) русского языка в бывшем СССР, представленная через коэффициент языковой инвазии (владение языком определенного этноса представителями других этносов, т.е. распространение языка в иноэтническом окружение). Так, в 1989 г. в СССР насчитывалось 140,6 млн человек нерусской национальности, среди которых 87,5 млн, или 62,3% от всего нерусского населения, владели русским языком (Клімчук, 2005). По союзным республикам коэффициент языковой инвазии русского языка в 1989 г. представлен следующим образом: БССР – 80,2; Казахская ССР – 72,9; УССР – 72,4; Латвийская ССР – 72,2; Молдавская ССР – 63,8; Киргизская ССР – 44,9; Армянская ССР – 43,5; Литовская ССР – 42; Эстонская ССР – 41; Грузинская ССР – 37,2; Азербайджанская ССР – 34,7; Туркменская ССР – 32,1; Таджикская ССР – 31,1; Узбекская ССР – 27,3 (Клімчук, 2005).

Определенная престижность была характерна и для языков титульных национальностей союзных республик, которые в 1989 г. имели следующие коэффициенты языковых инвазий: белорусский язык в БССР – 35,4; армянский язык в Армянской ССР – 33,4; украинский язык в УССР – 33,4; литовский язык в Литовской ССР – 29,1; грузинский язык в Грузинской ССР – 23,9; азербайджанский язык в Азербайджанской ССР – 23,9; латышский язык в Латвийской ССР – 23; узбекский язык в Узбекской ССР – 16,6; эстонский язык в Эстонской ССР – 16; таджикский язык в Таджикской ССР – 12,4; молдавский язык в Молдавской ССР – 12,4; киргизский язык в Киргизской ССР – 3,1; казахский язык в Казахской ССР – 1,6 (Клімчук, 2005).

Обратимся к современной статистике: по данным переписи населения Беларуси 2009 г., белорусский язык назвали родным 5 млн 58 тыс. человек, или более половины жителей нашей страны. Среди белорусов язык своей национальности считают родным чуть более 60% (данные Национального статистического комитета).

Интересно отметить, что в качестве родного при переписи учитывался язык, который сам респондент считал родным, или язык, усвоенный им первым в раннем детстве. Родным язык своей национальности назвали 60% жителей страны, однако обычно разговаривают на нем дома 30% населения. Вместе с тем большая часть населения нашего государства (70%) предпочитает общаться на русском языке, на котором разговаривают 96% русских, 88% украинцев, 70% белорусов, 51% поляков. Белорусский язык в качестве разговорного используют 23% населения, и только 26% белорусов говорят дома на белорусском языке (Народная газета, 2012).

Кроме этого, языковые «пристрастия» жителей различных регионов республики значительно отличаются. Так, например, в Минской области около 70% населения в качестве родного языка назвали белорусский, в то время как в Минске этот язык родным считают только 35% населения и общаются на нем только 6% жителей столицы. В остальных регионах родным языком считают белорусский немногим более 50% жителей (Народная газета, 2012).

Приведем некоторые цифры относительно языковой ситуации в 2011/2012 учебном году в различных социальных институтах. В группах учреждений дошкольного образования воспитатели общаются на белорусском языке более чем с 45 тыс. дошкольниками, что составляет 12% детей, посещающих учреждения дошкольного образования. В текущем учебном году в дневных учреждениях общего среднего образования на белорусском языке изучают все предметы около 164 тыс. учащихся (18% всех школьников). В учреждениях среднего специального образования на русском и белорусском языках обучаются 23 тыс.

учащихся (14% всех учащихся), на белорусском языке – 1,6 тыс. учащихся (около 1%), а в учреждениях высшего образования на русском и белорусском языках – 164,2 тыс. студентов (37% всех студентов), на белорусском языке – 4,2 тыс. студентов (0,9%) (Народная газета, 2012).

Характеристика двуязычия в Республике Беларусь предусматривает детальный анализ функционирования национального языка и других языков в каждой из коммуникативных сфер, в зависимости от которых распределение сосуществующих языков и интенсивность их использования могут быть различными. В качестве примера обратимся к особенностям функционирования средств массовой информации (СМИ) в условиях билингвиальной ситуации. Как известно, именно СМИ не только информируют общество, но и зачастую формируют его позицию. При этом используются разнообразные способы воздействия на сознание, в том числе и языковое варьирование. Не только художественно-стилистические средства выражения, но и сам выбор языка, на котором автор обращается к своей аудитории, может акцентировать внимание на материале, заставить задуматься над его проблематикой.

Республиканские СМИ наглядно отражают функционирование родного и русского языков на территорий нашей республики. По сведениям Министерства информации Республики Беларусь, на 1 ноября 2002 г. из числа 1353 зарегистрированных в республике периодических изданий на русском языке было издано 484, на русском и белорусском – 332, на русском и других – 129, на белорусском и русском – 221, на белорусском – 119, на белорусском и других – 57 источников (Іўчанкаў, 2003).

Сравним, как выглядит ситуация в СМИ сегодня. В 2010 году вышли 885 единиц журналов и других периодических изданий годовым тиражом более 59 млн экземпляров, из которых на белорусском языке – 147 печатных единиц (более 16% от общего числа) с годовым тиражом 3,2 млн экземпляров. В 2010 году из 713 наименований газет на белорусском языке – 185 наименований газет (26%). Годовой тираж газет составил 510,3 млн экземпляров, при этом более четверти тиража выходило на белорусском языке. Разовый тираж газет составил 8,1 млн экземпляров, из них 1,2 млн экземпляров – на белорусском языке (Народная газета, 2012).

Вероятно, «спрос» на белорусскоязычную медиа-продукцию определяет и языковую «политику» белорусских СМИ, направленную в большинстве случаев на русскоязычного зрителя, слушателя, читателя. Так, на белорусском телевидении очень мало белорусскоязычных проектов и программ, поэтому не зря участники интернет-форумов белорусских телеканалов предлагают увеличить объем белорусскоязычного эфира. Довольно неоднозначно обстоит дело и с белорусским радио: по-белорусски вещают Первый национальный канал, канал «Культура», радиостанции «Сталіца» и «Беларусь» (кроме белорусского языка эта радиостанция звучит еще на шести языках).

Белорусскоязычные газеты в основном освещают вопросы, связанные с образованием («Веснік БДУ», «Настаўніцкая газета»), литературой и культурой («Літаратура і мастацтва», «Наша слова»), страноведением и экологией («Беларуская лясная газета», «Краязнаўчая газета»), религией («Царква»), а также детской и подростковой проблематикой («Раніца»). Основные общественно-политические издания на белорусском языке – «Звязда» и «Наша Ніва». Необходимо также отметить газету на белорусском языке «Голас Радзімы», ориентированную на белорусскую диаспору.

На современном медийном пространстве существуют и двуязычные газеты: «Рэспубліка», «Народная газета», «Народная воля», «Беларускі час». Однако ведущая газета страны «СБ: Беларусь сегодня» и самая популярная среди читателей газета «Комсомольская правда» выходят на русском языке.

Как видно, на белорусском рынке периодических изданий действуют различные языковые системы, а отношение к выбору языка со стороны самих журналистов связано с их социальной позицией, а также с редакционной политикой каждого отдельного издания.

Таким образом, коэффициент языковой инвазии русского языка для жителей Республики Беларусь в масс-медийной сфере, как и в большинстве других, по-прежнему

остается высоким, в то время как уровень престижности родного языка кардинально не повышается. При этом коэффициент языковой инвазии белорусского языка для некоторых этносов, проживающих в Беларуси (а таких насчитывается около 40) зачастую выше, чем для самих белорусов (например, 41% поляков активно используют белорусский язык в качестве разговорного).

Такая ситуация рождает много проблем, в решении которых участвуют государственные структуры, научные и общественные организации, ученые и писатели, журналисты. Единство взглядов на эту проблему заключается в понимании того, что государственное двуязычие не является «исторической роскошью», а «ответственной обязанностью» владения родным языком (Іўчанкаў, 2003).

Государственное двуязычие при его демократическом понимании означает, что каждый гражданин страны имеет право использовать любой государственный язык. Это значит, что государство должно обеспечить каждому желающему такую возможность. Особенно государственные служащие как представители государства должны реально владеть двумя языками. Только тогда можно будет обеспечить конституционно гарантированное гражданам право свободно использовать в равной мере тот или иной государственный язык.

Одной из существующих проблем взаимодействия двух языков является проникновение традиций письменной формы русского языка в устную речь белорусов. Русская речь восходит к наследию книжно-письменной традиции, в отличие от белорусской, историческое развитие которой связано с противоположной традицией – разговорно-литературной. Особенно наглядно проявление белорусско-русской разнородности прослеживается в использование словосочетания «на сённяшні дзень / на сегодняшний день» (вместо «сёння /сегодня»), которым наполнены русскоязычные газеты и которое в такой же форме проникает в белорусские тексты (Іўчанкаў, 2003).

Выразительное устное речевое начало во многом предопределяет характерную для белорусского языка тенденцию к семантической конденсации, которая значительно опережает письменную практику. Такие слова называют безэквивалентной лексикой, например, по отношению к русскому языку, поскольку они не имеют однословных литературных аналогов в русской речи, в то время как для белорусского языка – это натуральный источник выражения особенностей языковой стихии белорусов: *абéруч* (двумя руками), *азі́мка* (озимая пшеница), *бры́ль* (шляпа с полями, чаще всего соломенная), *каласавік* (ранний боровик, который растет во время колошения ржи), *нéруш* (что-либо нетронутое, первозданное), *пóплаў* (заливной луг), *прынáмсі* (по крайней мере). В толковом словаре белорусского языка подобные лексемы составляют около 10 процентов.

В свою очередь и функционирование русского языка на территории Беларуси имеет ряд отличительных особенностей. Б.Ю. Норман отмечает, что «речь идет в конечном счете об организации особой системы ценностей и ассоциаций, отражающих не общерусскую, а «свою», региональную картину мира. Примерами могут послужить отношения между такими лексемами, как *рынок* и *базар*, *мальчик* и *парень*, *мыть* и *стирать*, *граница* и *межа*, *болеть* и *хворать*, *плохой* и *дрянной* и т.д. – в «собственно русском» и в «белорусском» вариантах русского языка эти отношения неодинаковы... Подобные различия довольно тонки, они носят неявный, скрытый характер, однако в конечном счете находят свое выражение в текстах. Говоря по-другому, в условиях Беларуси процессы порождения и восприятия русскоязычного текста протекают на особом психологическом фоне. Этот фон – система белорусского языка, создающая эффект, как выражаются социолингвисты, несбалансированного двуязычия. И в сознании белорусского носителя русского языка в той или иной мере взаимодействуют, независимо от его желания, две – при этом очень близкие! – языковые системы» (Норман, 2010).

В ситуации двуязычия взаимодействие контактирующих языков приводит к интерференции – ошибочному использованию в одном из языков элементов другого, что приводит к нарушению норм на всех уровнях языковой системы (фонетическом,

акцентологическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом).

Например, в русском языке билингва встречаются такие белорусскоязычные фонетические черты, как твердые *р* и *ч* на месте русских мягких *р'* и *ч'*, фрикативное *γ* на месте русского выбухного *г*, *дз'* и *ц'* на месте *д'* и *т'* и др. (*блаγадару, крэпас'ц', дзеци*). Не менее устойчивы и акцентологические интерферемы, связанные с разной постановкой ударения в соответствующих словах двух языков. Приведем некотрые акцентологические особенности белорусского и русского языков: бел. *во́льха* – рус. *ольха́*, *кі́шка – кишка́, імя́ – и́мя, спі́на – спина́, не́сці – нести́, зво́ніць – звони́т, гліня́ны – гли́няный, шэ́сцьдзесят – шестьдеся́т, рэ́мень – реме́нь*. Разнообразные интерференционные ошибки на морфологическом уровне обусловлены расхождением в грамматических формах белорусских и русских слов: бел. *шынель* – м.р., рус. *шинель* – ж.р., бел. *гусь* – ж.р., рус. *гусь* – м.р., бел. *медаль* – м.р., рус. *медаль* – ж.р. Использование в белорусском языке выражений *пісаць чарніламі* вместо правильного *пісаць чарнілам* или *грэчневая крупа* вместо *грэчневыя кру́пы* связано с влиянием русского языка. Сравн.: бел. *чарніла* только ед.число, рус. *чернила* – только мн.число; бел. *кру́пы* – только мн.число, рус. *крупа* и *крупы* – ед. и мн.число. Словообразовательные интерферемы возникают в белорусской речи при использовании несвойственных дериватов (по аналогии с русским языком): бел. *замужаства* (ср.: рус. *замужество*) вместо *замужжа*, бел. *прафесіянальны* (ср.: рус. *профессиональный*) вместо *прафесійны* и др. Лексическая белорусско-русская интерференция вызвана различными типами лексико-семантических объемов слов: например, использование билингвом в белорусском языке сочетания *гуляць ролю* вместо *адыгрываць ролю* (ср.: рус. *играть роль*) обусловлено неодинаковой семой и особенностями использования в белорусском и русском языках слов *іграць* (*играть*) и *гуляць* (*гулять*). Синтаксические интерферемы восходят к неправильному построению белорусских синтаксических конструкций (по образцу русскоязычных): *дзякаваць <u>сына</u>* вместо *дзякаваць сыну* (ср.: рус. *благодарить <u>сына</u>*), *хварэць <u>ангінай</u>* вместо *хварэць на ангіну* (ср.: рус. *болеть <u>ангиной</u>*) и др.

Уровень интерференции зависит от степени владения другим языком, от способности билингва сознательно отличать факты разных языков, а также от степени генетического родства языков, находящихся в контакте: чем ближе генетически два языка, тем больше степень интерференции. Это связано с психологическими причинами, поскольку при изучении родственных языков люди меньше осознают их особенности, чем в случае генетически отдаленных языков. Опасность заключается еще и в том, что интерферемы, как правило, не влияют на процесс понимания высказывания, вследствие чего может возникнуть иллюзия незначительности проблемы. На самом деле проблема интерференции в условиях государственного билингвизма весьма актуальна: от ее конструктивного решения зависит правильность и чистота устной и письменной речи, в частности, белорусской.

В сложившейся ситуации двуязычия белорусам необходимо не только изучать канонические нормы русского языка, уметь отличать их от белорусских норм, но и досконально владеть родным языком. В этой связи особенный смысл приобретает вступивший в силу с 1 сентября 2010 г. Закон «О правилах белорусской орфографии и пунктуации».

Правописание, отражая особенности и закономерности развития языка, не может продолжительное время оставаться неизменным. Язык постоянно усовершенствуется, о чем в первую очередь свидетельствует существенное обновление его лексического состава, а также изменения фонетического, морфологического и синтаксического характера. Значительное пополнение за последние десятилетия словаря белорусского языка новыми словами, большинство из которых – заимствования, вызвало появление на письме ненормативных орфографических вариантов. Поэтому насущным стало неотложное упорядочивание белорусского правописания, приведение его в соответствие с современной языковой практикой, сохранение единого языкового режима, что должно повысить престиж белорусского языка в обществе как государственного языка Республики Беларусь. Новая

редакция «Правил белорусской орфографии и пунктуации» – это еще один шаг в сторону сближения письменного языка с белорусским произношением. Они направлены на уменьшение количества исключений, подчинению большинства написаний общим правилам и закономерностям, соответствующим фонетическому (звуковому) принципу белорусского литературного языка.

Билингвизм на территории Республики Беларусь имеет несбалансированную природу и обладает широкой интерференцией на всех уровнях речевого акта. Это обусловлено как близкородственным характером двуязычия, так и национально-языковой политикой государства или (если брать в расчет исторический аспект) государств, в состав которых входила территория республики. На данный момент русский язык используется для коммуникации в большинстве сфер жизни общества. Но в то же время создание художественной и научной литературы на белорусском языке, деятельность СМИ, постановка спектаклей, существование белорусскоязычных учреждений образования, как нам кажется, должны способствовать развитию белорусского языка, расширять его функциональную деятельность.

В самом обществе языки могут иметь различный юридический статус: государственного, официального или же национального языка. Но даже если два языка имеют тождественное положение (например, когда Конституция придает им обоим статус государственных языков), то их функционирование может сильно отличаться. Кроме этого, они могут обслуживать неодинаковое количество сфер жизни общества, а также применяться широким или узким кругом пользователей. Все эти факторы как раз и определяют реальное положение языков в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

ІЎЧАНКАЎ, В.І., 2003. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск: БДУ, 257 с.
КЛІМЧУК, Ф.Д., 2005. Вялікае Княства Літоўскае і сучаснасць (моўная сітуацыя). Мовы Вялікага Княства Літоўскага: матэрыялы IV Міжнар.навук.канф. (Брэст, 18 – 19 мая 2004 г.), С. 21 – 23.
ЛУКАШАНЕЦ, А.А., 2009. Беларуская мова: асаблівасці сучаснага стану і функцыянавання. Роднае слова, № 2, С. 11 – 14.
Народная газета, 2012. http://ng.by/ru/news?id=5370.
НОРМАН, Б.Ю., 2010. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма. http://rus.1september.ru/view_article.php?id=201000604.
ПРЫГОДЗІЧ, М.Р., 2009. Шляхамі беларускага слова. Роднае слова, № 2, С. 7 – 10.
ШАКУН, Л.М., 2001. Карані роднай мовы. Мінск: БДУ, 205 с.

Valentina Zrazikova
The Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship, Belarus
Research interests: the history of the Belarusian literary language, stylistics, lexicology

THE PROBLEM OF BILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

In this article the language situation of the Republic of Belarus at the present stage of development is considered, in which two state languages - Belarusian and Russian - are functioning in the society. However, bilingualism, which is legislatively fixed in the country, is far from the actual implementation. The Belarusian language, being the language of the titular nation, is used rather restrictedly in many areas which are forming the prestige of the language (science, education, media, etc.). Therefore, it is important to develop the state programs of specific actions aimed at the implementation of real bilingualism which the Constitution of Republic of Belarus provides for.

In the article particular attention is paid to the analysis of the activity of the Belarusian mass media in the conditions of bilingualism.

At various levels of the language (phonetic, accentological, morphological) the examples of interfermas are given. It is the incorrect usage of the language units in the speech practice of one language under the influence of another one (in our case - Russian).

The article also addresses the issue of the spelling reform of the Belarusian language, whose main result is the new edition of ‘The Rules of Belarusian orthography and punctuation’.

KEY WORDS: language, society, bilingualism, bilingual, audience, coefficient of invasion of language, communication, interference, interferem.

Мака Качарава
Сухумский государственный университет,
А.Политковской 9, Тбилиси, Грузия,
E-mail: makakacharava@yahoo.com
Научные интересы: концептология, культура языка

О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА КОНЦЕПТА «ПРАВДА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

В статье рассматривается вопрос о соотношении языка и культуры. В качестве сравнительного иллюстративного материала даны русские концепты «правда», «истина» и английский концепт «truth». Исследования проблематики взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры являют собой порой довольно пеструю картину, притом, что ни одно из них никогда не отрицало наличия дихотомии «язык и культура». В статье подчеркивается, что концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт, статус концепта как феномена, национальная концептосфера, язык и культура

Сложный и многоаспектный вопрос о соотношении языка и культуры является центральным в современном языкознании. Несмотря на существенные расхождения в подходе к отношениям между культурой и языком, тезис о том, что язык является частью культуры народа, почти не вызывает возражений среди лингвистов. Исследования проблематики взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры являют собой порой довольно пеструю картину, притом, что ни одно из них никогда не отрицало наличия дихотомии «язык и культура». Ключевой идеей в современной лингвистике является идея антропоцентричности языка. В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. С позиции антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем, в основе данной парадигмы лежит переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке. Именно формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту проблематики в сторону человека и его места в культуре. Продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике является наука лингвокультурология. По словам В. В. Воробьева, «сегодня уже можно утверждать, что лингвокультурология – это новая филологическая дисциплина, которая изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой «картины мира»…» (Воробьев 1999, с.43). В. Н. Телия определяет лингвокультурологию как часть этнолингвистики, посвященную изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии (Телия 1996, с. 217). Лингвокультурология, как и любая научная дисциплина, обладает своим категориальным аппаратом – системой базовых терминов. К числу таких базовых терминов относится понятие концепта.

Статус концепта как феномена

На очередном витке спирали, по которой движется в своем развитии гуманитарное знание, и в ходе очередной «эпистемической революции» современная лингвистическая мысль столкнулась с необходимостью выработки нового термина для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную

ограниченность традиционных значения и смысла и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории. Возникшая потребность породила появление целого ряда соперничающих номинативных единиц, общим для которых было стремление «отразить в понятиях» неуловимый «дух народа» – этническую специфику представления языковых знаний. В конкурентной борьбе в лингвистической литературе с начала 90-х годов прошлого века столкнулись термины «концепт» (Лихачев 1993, с. 96; Ляпин 1997, с. 40–76;), «лингвокультурема» (Воробьев 1999, с. 44–56), «мифологема», «логоэпистема» (Верещагин, Костомаров 1990, с. 93), однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным оказался термин «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования. Слово «концепт» является калькой с латинского conceptus – «понятие», от глагола concipere «зачинать», т. е. значит буквально «зачатие». Этимологически эти значения восходят к древнерусскому слову пояти – «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». Термин «концепт» широко применяется в различных научных дисциплинах, что приводит к его множественному пониманию. Часто «концепт» употребляется в качестве синонима «понятия», хотя термин «понятие» употребляется в логике и философии, а «концепт», являясь термином математической логики, закрепился также в науке о культуре, в культурологии. Необходимо отметить, что понятие концепта является достаточно разработанным в культурологии и лингвистике, однако в разных направлениях этот термин приобретает различное наполнение и содержание. Термин «концепт» является зонтиковым, он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации, а также лингвокультурологии, определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями. З. Д. Попова, И. А. Стернин (2002) определяют концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания,… идеальную сущность, которая формируется в сознании человека из его непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов». Язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Для эффективного формирования концепта, для полноты его формирования одного языка мало – необходимо привлечение чувственного опыта, необходима наглядность, необходима предметная деятельность. В качестве самого существенного признака концепта С. Аскольдов выдвигает “функцию заместительства”. Вот как выглядит одно из центральных определений его статьи: “Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода” (Аскольдов 1980, с. 105). В статье приводится ряд примеров “заместительных отношений”, причем не только из области мысли, но также и из чисто жизненной сферы. Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта (Лихачев 1993, с. 144). По мнению Ю. С. Степанова, именно эта особенность позволяет определять концепт – как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека…то, посредством чего человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов 2001, с. 43). Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Структура концепта трехслойна: 1) «основной, актуальный» признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»; 3) внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме». Таким образом, «в современных

исследованиях культурные концепты определяются обычно как многомерные смысловые образования в коллективном сознании, опредмеченные в языковой форме». (Степанов, 1997, с. 47). По словарному значению «концепт» и «понятие» — слова близкие. В английских словарях «концепт» – «идея, лежащая в основе целого класса вещей», «общепринятое мнение, точка зрения» (general notion). В «Longman Dictionary of Contemporary English» (1995) «концепт» определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано» (someone's idea of how something is, or should be done). Возникает неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. При всей абстрактности и обобщенности этого «некто» (someone) вместе с ним в «концепт» входит потенциальная субъективность. Исследования показывают, что концепт является семантически глубже, богаче понятия. Концепт приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре и истории, поэтому имеет специфический характер. Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, культуру духовной жизни народа.

Понятие «национальной концептосферы»

По справедливому наблюдению С. Г. Тер-Минасовой, «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» (Тер-Минасова 2000, с.80). Концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, можно называть концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно. В настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует универсальное (общечеловеческое) и национально-специфическое. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.п. Среди источников, дающих объективные сведения о национальном характере того или иного народа, С. Г. Тер-Минасова выделяет набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом. В. А. Маслова определяет стереотип как «тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение и т.д.» (Маслова 2001, с. 147). Наиболее популярным источником стереотипных представлений по С. Г. Тер-Минасовой являются 1) международные анекдоты и шутки разных видов; 2) национальная классическая и художественная литература; 3) фольклор, устное народное творчество; 4) национальный язык (Тер-Минасова 2000, с.147). Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность. К числу универсальных относятся относятся такие базовые концепты как родина, мать, семья, свобода, любовь, вера, дружба, на основе которых формируются национальные культурные ценности, а также такие фундаментальные универсальные как время, пространство, причинность и т.д. Именно наличие общих, универсальных концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между народами. В тоже время каждая нация имеет собственную шкалу мировоззрения, собственную шкалу ценностей. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения, опирающиеся на собственное видение мира.

Концепт «правда» в русской культуре

Тема правды занимает очень важное место в русской культуре. Сам факт, что в русском языке есть два ключевых слова в этой области – *правда* и *истина*, показывает, как эта тема важна. Характерно также и то, что одно из этих слов – *истина* – часто встречается в сочетаниях со словами *искать* и *поиски*, например: *Золота мне не нужно, я ищу одной истины* (Пушкин, «Сцены из рыцарских времён»). Но если *истина* играет важную роль в русской культуре как идеал и предмет поисков, *правда* может быть еще важнее для нее, как показывают многие пословицы, вроде следующих из словаря пословиц Даля:

Все минется, одна правда останется.

Без правды жить легче, да помирать тяжело.

Без правды не житье, а вытье.

Хлеб-соль кушай, а правду слушай.

Правда из воды, из огня спасает.

Варвара мне тетка, а правда сестра.

Александр Солженицын закончил свою нобелевскую лекцию 1970-го года замечанием о том, что в русском языке излюблены пословицы о *правде* и что они настойчиво выражают немалый тяжелый опыт. Как особенно поразительный пример он приводит следующую пословицу: «Одно слово правды весь мир перетянет», добавляя с намёком на «Архипелаг ГУЛАГ», что на этой вере основана и его собственная деятельность. Нет сомнения, что тема правды – одна из ярких тем русской культуры. Кроме пословиц очень характерны также такие сочетания, как *правда-матка* и *правда-матушка*, а также *резать правду в глаза* или *говорить правду-матку*. Идея того, что иногда нужно, и даже хорошо, резать правду в глаза и что правду нужно любить и уважать, как родную мать, – часть русской культуры. Русское слово *правда* полисемично: один его смысл универсален (это *правда*$_1$), а второй его смысл – чисто русский (это *правда*$_2$). Универсальные понятия можно показать только в определенных синтаксических рамках. Для универсального понятия *правда* предлагаются следующие универсальные рамки: это – правда/это – неправда.

Эти канонические предложения можно легко перевести на любой язык. Например, по-английски это будет *this is true* и *this is not true*.

Интересно, что в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» в статье Валентины Апресян (Апресян 1995, с. 74) предикативное употребление слова *правда* выделено как особое, отличное от существительного *правда* в таких сочетаниях, как *говорить правду*. Это предикативное употребление связано с каноническим контекстом «это правда, это неправда» и должно рассматриваться как русский показатель простого универсального понятия. Другие русские слова этого семантического поля, в том числе русское существительное *правда*$_2$, должны рассматриваться как семантически сложные, и их нужно толковать через элементарное универсальное понятие *правда*$_1$. Такие слова, как *неправда, лгать, врать, истина, обман* и так далее, семантически связанные с правдой, тоже должны толковаться через это элементарное универсальное понятие *правда*.

Н. Д. Арутюнова в статье «Истина: фон и коннотации» (Арутюнова 1991, с. 68) говорит так: «Трудно представить себе язык, в котором не было бы выражено понятие истины. В русском языке ему соответствуют два слова – *истина* и *правда*». Я согласна с духом этого замечания, хотя не с тем, как оно сформулировано. В самом деле, на любом языке можно сказать «это правда» – это действительно универсально. С другой стороны, понятие «истина» далеко не универсально. Напротив, это уникальное русское понятие. Точно так же *правда* как существительное – уникальное русское понятие, которое отличается, например, от английского «truth» и даже от польского понятия «prawda». Но *правда* как предикативное слово – в самом деле универсальное понятие.

В другом месте Н. Д. Арутюнова отмечает, что «правда – одно из ключевых понятий русской культуры» (Арутюнова 1991, с. 7). Я думаю, что это действительно так и что оба этих существительных – *правда* и *истина* – принадлежат к ключевым словам русской культуры, а с ними вместе и *неправда, враньё* и *ложь*. В этом отношении я вполне согласна с «Новым объяснительным словарём», где сказано так: «Концепты *неправда,*

ложь и *враньё* занимают важное место в русской языковой картине мира» (Апресян 1995, с. 223). Это верно, но опять: чтобы объяснить эти ключевые слова иностранцам, нам нужно опираться на универсальные понятия.

В «Новом объяснительном словаре» говорится, что *неправда* – это «неверная передача фактов в условиях, когда человек знает правду» (Апресян 1995, с. 223). Однако с универсальной точки зрения это не решает проблемы, потому что здесь опять употребляются сложные русские понятия «неверная», «передача» и «факты», для которых нет эквивалентов в других языках.

Употребляя универсальные понятия, значение слова неправда$_2$ можно представить так:

Иван сказал неправду$_2$ = Иван сказал что-то это была неправда$_1$ Иван знал это

Н. Д. Арутюнова (Арутюнова 1991, с. 17) говорит, что «правда связывает истину и этику», и я думаю, что это верно по отношению к этим сложным русским понятиям. Другие лингвисты говорят, что в понятии «*правда*$_2$» есть человеческий, субъективный элемент, и указывают, что нельзя сказать объективная правда. Я думаю, что и то, и другое верно и что русские понятия «*правда*$_2$» и «*неправда*$_2$» на самом деле включают в себя тот русский универсальный скрипт, который был предложен ранее.

Английское слово «truth» и русское слово «истина»

Английское слово *truth* иногда переводится на русский язык как *правда*, а иногда - как *истина*. Это уже показывает, что оно не совпадает по смыслу ни с тем, ни с другим.

Например, в английских переводах Евангелия Иисус говорит: «I am the truth», тогда как в русских переводах он говорит: «Я есть истина», а не «Я есть правда», и то, что по-английски называется «truth conditions», по-русски называется «условия истинности», а не «условия правды». В русском языке противопоставлением для «правды» является «ложь», а в английском понятию «truth» часто противопоставляют «ошибочное мнение» (например, в разных энциклопедических словарях и тому подобных изданиях дело обстоит именно так).

Самое главное различие между русской *правдой*$_2$ и английской *truth* – это то, что в русском языке «правде» соответствует «неправда», тогда как в английском разговорном языке есть слово *truth*, но нет слова *untruth*. В русском языке идее «говорить правду» соответствует идея «говорить неправду», а в английском языке нет такого острого, черно-белого противопоставления. Есть *truth*, но есть также *white lies* (буквально «белая ложь» – устойчивое словосочетание), и есть еще *small talk, understatement* и разные другие категории речи - более, так сказать, серые. Есть также культурные нормы, делающие акцент на том, что не надо говорить другим людям неприятного. Но прежде чем обсуждать эти нормы нам нужно посмотреть поближе на значение русского слова *истина*.

Английское слово *truth*, которое часто противопоставляют слову *error* «ошибка», более связано с познанием, чем с речью: дело не в том, *говорит* ли кто-нибудь «truth» или нет, а в том, чтобы *знать* «truth». Предполагается не то, что люди часто говорят неправду, а то, что люди часто ошибаются и что хорошо установить «факты», опираясь на объективные доводы, на то, что по-английски называется «evidence». На основании того, как слово *truth* употребляется в английском языке, я предлагаю для него следующее толкование:

Truth
люди говорят много вещей
некоторые из этих вещей – правда$_1$, некоторые из этих вещей – неправда$_1$
люди думают много вещей
некоторые из этих вещей – правда$_1$, некоторые из этих вещей – неправда$_1$
хорошо, если человек может знать о чем-то, что это правда$_1$

Чтобы дать более полное толкование понятия «truth», нужно истолковать его в определенных синтаксических рамках, прежде всего в рамке «to tell the truth» («говорить truth») и в рамке «to know the truth» («знать truth»), но здесь я этого делать не буду.

В статье, посвященной теме «truth» в пособии «Oxford Companion to Philosophy» (1995, с. 820), говорится, что «truth» – это то же самое, что «true», и что философы, наверное, никогда не перестанут интересоваться вопросом о том, что такое «truth». Однако важно отдавать себе отчет в том, что этот вопрос связан с наивной картиной мира (в смысле (Апресян 1995), запечатленной в английском языке. Русские же философы будут скорее спрашивать «что есть истина?», а это не одно и то же.

Что же такое, на самом деле, «истина»?

Самое очевидное различие между «правдой» и «истиной» такое, что у «истины» нет противоположного понятия: «не-истина». С этой точки зрения русское слово *истина* больше похоже на английское слово *truth*, чем на русское слово *правда*. *Истина* больше похожа на *truth* также тем, что, как было сказано выше, она более связана со знанием, чем с речью. В самом деле, обычно нельзя даже сказать по-русски *говорить истину*, о пророке или ясновидце можно сказать: *он сказал истину*). В этом слово *истина* отличается от слова *truth*, потому что говорить *truth*, конечно, можно (и это могут делать все).

«Истина» связана со знанием, но не с любым знанием, а со знанием, которое скрыто от многих людей, хотя оно также для многих людей важно, и которое людям стоит искать. Итак, я предлагаю для *истины* следующее толкование:

Истина

Хорошо, если люди могут знать некоторые вещи о некоторых вещах

многие люди не знают этих вещей

люди знают, что когда кто-то думает что-то о чем-то, это может не быть правда$_1$

хорошо, если люди могут знать о некоторых вещах, что эти вещи – правда.

ЛИТЕРАТУРА

АПРЕСЯН, Ю. Д. 1995. Образ человека по данным языка. *In: Попытка системного описания.* ВЯ. № 1, 1995, 74– 223.

АРУТЮНОВА, Н. Д. 1991. *Истина: фон и коннотации.* Москва: Наука

АСКОЛЬДОВ, С. А. 1980. *Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста.* Москва: Антология.

ВЕРЕЩАГИН, Е. М. 1990. *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.* Москва: Русский язык.

ВОРОБЬЕВ, В. В. 1999. *Лингвокультурология в кругу других гуманитарных наук*. Москва: Русский язык за рубежом.

ЛИХАЧЕВ, Д. С. 1993. Концептосхема русского языка. *In: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* том 52, № 1.

ЛЯПИН, С. Х. 1997. *Концептология: к становлению подхода. Концепты.* Вып. I, Архангельск.

МАСЛОВА, В. А. 2001. *Лингвокультурология.* Москва: Русский язык.

ПОПОВА, З. Д., СТЕРНИН И. А. 2002. Некоторые проблемы выявления национальной специфики языка. *In: Язык и национальное языкознание*. Воронеж.

СТЕПАНОВ, Ю. С. 1997. *Константы. Словарь русской культуры.* Москва: Опыт исследования.

СТЕПАНОВ, Ю. С. 2001. *Константы: Словарь русской культурыю* Москва: Академический проект.

ТЕЛИЯ, В. Н. 1996. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры»

ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. 2000. *Язык и межкультурная коммуникация.* Учебное пособие. Москва: Слово.

HONDERICH, T. 1995. *Oxford Companion to Philosophy.* Oxford: Oxford university Press.

ИСТОЧНИКИ

CAMBRIDGE ADVANCED LEARNER'S DICTIONARY. 2003. Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org/

CONSISE ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF ENGLISH LANGUAGE. 1961. Oxford: Clarendon Press.

LONGMAN DICTIONARY OF CONTEMPORARY ENGLISH. 1995. Режим доступа: http://www.ldoceonline.com/

LONGMAN DICTIONARY OF ENGLISH LANGUAGE AND CULTURE. 1992. Longman.

NOAH WEBSTER'S 1828 AMERICAN DICTIONARY. Режим доступа: http://www.cbtministries.org/resources/webster 1828.htm.

THE NEW AMERICAN ROGET'S COLLEGE THESAURUS IN DICTIONARY FORM. 1958. New York: Grosset and Dunlap.
THE OXFORD DICTIONARY OF QUOTATIONS. 1992. The 4th edition. Oxford New York: Oxford University Press.
WEBSTER'S REVISED UNABRIDGED DICTIONARY. 1913. Режим доступа: (http://humanities.uchicago.)

Maka Kacharava
Sokhumi State University, Georgia
Research interests: conceptology, language culture

ON THE RELATION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE (BASED ON THE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "TRUTH" IN RUSSIAN AND ENGLISH)

Summary

The paper deals with the relationship between language and culture. A comparative analysis of Russian and English concepts of 'truth' has been performed. The research of the relationship and interaction of language and culture has revealed at times a reasonably mixed picture, though none of the analysed cases have ever denied the existence of dichotomy "language and culture". The paper emphasizes that the richer is the conceptual sphere of a national language, the richer is the entire culture of the nation, i.e. its literature, folklore, science, fine arts, which also have a direct relation to the language and, therefore, the national conceptual sphere. This correlation has been observed in all spheres of the nation's historical experience, but peculiarly as a religion phenomenon.

KEY WORDS: concept, the status of the concept as a phenomenon, a national conceptual sphere, language and culture.

Ольга Крылова
Институт лингвистических исследований РАН
Тучков пер. 9, 199053 Санкт-Петербург, Россия
E-mail: krylova_olga2004@mail.ru
Научные интересы: лексикография, диалектология, лексикология, этнолингвистика, этнография

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА НАИМЕНОВАНИЙ ВЕРХНЕЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В НОВГОРОДСКИХ ГОВОРАХ[20]

Новгородский традиционный костюм XIX – начала XX вв. являлся частью общерусского и развивался в русле севернорусских традиций. Основными видами верхней одежды новгородских крестьянок считаются традиционные для Русского Севера кафтан, пониток, шугай, шуба. Специфика новгородской верхней одежды состояла в том, что традиционные ее виды дольше бытовали в удаленных северо-восточных уездах. В частности, здесь, еще в начале 20 века сохранялись такие архаичные ее виды, как балахон и свита. При этом новые городские виды одежды быстрее входили в сельский быт в более развитых юго-западных уездах. Таким образом, изучение новгородского костюма позволяет расширить представление о столь значительном явлении народной культуры, как русский традиционный костюм, обогащая его материалами региона, сыгравшего важную роль в становлении и развитии русской национальной традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: севернорусские говоры, женская верхняя одежда, лексика, новгородские говоры.

Современная наука о языке активно разрабатывает направления, в которых язык рассматривается как «культурный код нации», источник и носитель этнокультурных сведений и национальной ментальности. В русле современных лингвистических парадигм, таких как этнолингвистика и лингвокультурология, находятся и исследования по региональной лингвистике.

В предлагаемой статье рассматриваются лексические единицы, относящиеся к значимому для человека «отрезку действительности» – сфере одежды, которые были зарегистрированы в новгородских говорах. Народные говоры все чаще привлекают внимание лингвистов. Это связано с укрепившимся пониманием говора как варианта языка, в котором, как в зеркале, отразилась и сохраняется русская национальная народная духовная и материальная культура. Поэтому не случайно, что особенно много внимания исследователи говоров уделяют анализу архаических элементов концептуальной картины мира, сохранившихся в народном сознании и в говоре (Вендина 1998; Жмурко 2001; Мельникова 2004; Налетова 2002). И в этой связи лексика, сегментирующая сферу одежды, также представляет несомненный научный интерес. «Изучая лексику <.> одежды в целом, мы погружаемся в самобытный мир прежней, уходящей или уже ушедшей деревни с ее своеобразием жизни – кропотливой, трудной работой, поэтичностью сельских вечеров, многоцветием праздников. Фиксацией соответствующей лексики мы в какой-то степени реанимируем его в сознании и в восприятии жителей современной деревни, носителей современных говоров» (Климкова, Назарова 2002, с. 223). Аналогичную точку зрения высказывают и другие языковеды (Батырева 2003; Осипова 1999). Лексика одежды, будучи теснейшим образом связанной с историей и бытом народа, информативна именно в плане отражения динамики развития жизни, эволюции сознания и новаций быта. Поэтому названия

[20] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Словарь русских народных говоров: теория и практика диалектной лексикографии»), проект № 10-04-00166а.

одежды, обуви, головных уборов и рукавиц составляют обширный и, пожалуй, наиболее подвижный пласт словаря и требуют постоянного внимания со стороны лингвистов.

В предлагаемой статье рассматриваются лексические единицы лексико-семантической группы наименований верхней женской одежды, отмеченные в новгородских говорах в XIX – начале XX века. Материалом исследования послужили «Новгородский областной словарь» (далее – НОС), «Словарь русских народных говоров» (далее – СРНГ), а также материалы, извлеченные из архивных и этнографических источников.

Верхняя одежда, бытовавшая на территории Новгородской губернии, отличалась большим разнообразием. Ее основными традиционными видами были кафтан, шугай, шуба, полушубок. В летнее время «мужики по будничным дням ходят в серых кафтанах или таких же армяках; женщины тоже в кафтанах или набойчатых крашенинных сарафанах... зажиточные женщины и девицы... ситцевые сарафаны и шугаи из черной или желтой нанки, штофа и проч. Зимою носят полушубки, нагольные и серые армяки. Тулупов, крытых сукном, немного» (Новгородский сборник 1866, с. 160). Кроме традиционных видов верхней одежды, которые изготавливались в соответствии с деревенской модой, на протяжении XIX – начала XX в. в деревню из городской культуры проникают новые виды, прежде здесь отсутствовавшие: казакин, пальтушка, тепломат, казачок и др. Они становились в первую очередь принадлежностью богатых сельских семей.

Все виды верхней одежды различалась прежде всего по времени ношения (летняя и зимняя) и функциональному назначению (рабочая, повседневная, праздничная), а также по материалам, крою, отделке и украшениям. Мужская и женская верхняя одежда различались главным образом видовым набором, что связано с половозрастным разделением труда в деревне. Известно, что в холодное время года жизнь женщины была сосредоточена дома или вблизи него, тогда как мужчина осуществлял связь с внешним миром, занимаясь промыслами, заготовкой дров, поездками в город, на рынок и т. д. В силу этих причин, повседневная и рабочая женская верхняя одежда была менее разнообразна, чем мужская. В покрое одежды общей для мужчин и женщин особых различий не было.

«Платье мужеское обыкновенное зимнее, – так описывается одежда жителей села Бронницкий Ям Новгородского уезда в 1840-х гг., – овечья шуба и сверху армяк сераго или толстаго синяго сукна; праздничное: на вате поднадевка длинная суконная или нанковая, сверху тонкаго синяго сукна армяк, подбитый фланелью; у зажиточных: тулупы на мерлушечьем меху, покрытые синим же сукном. Платье летнее... короткая поддевка из толстаго синяго сукна или из нанки; праздничное... из тонкого синяго сукна армяк... Платье женское обыкновенное зимнее... полушубок из овчины, крытый нанкою или драдедамом праздничное... штофная на заячьем меху шуба... летнее верхнее состоит в рабочий день из шугая ситцеваго или нанковаго на вате, в праздники – из шугая шелковой материи на вате же...» (Добронравов 1848. 3-4).

Один из основных видов верхней мужской и женской одежды, которую носили весной, осенью и зимой в качестве рабочей и повседневной был кафтан. На территории Новгородской губернии кафтаны бытовали повсеместно. Для их пошива использовали полушерстяное или шерстяное сукно домашнего изготовления. Лен и шерсть не красили, поэтому кафтаны имели в основном серый или коричневый (красно-бурый) цвет (Чернышев 1915, с. 855). Длина кафтанов обычно была от колена до середины голени, реже до щиколотки. Она не зависела от кроя и являлась прежде всего хронологическим признаком. В XIX в. бытовали длинные кафтаны, значительно ниже колена, в конце XIX – начале XX в. начинают распространяться более короткие кафтаны, до колена.

По крою кафтаны могли быть отрезными по талии и неотрезными. Неотрезные по талии кафтаны изготавливались приталенными и расширяющимися книзу (раскошенными). Отрезные по талии кафтаны были «раскошенными» и шились со складками или сборками сзади (с борами), а также без них. «Одежда деревенских жителей состоит, по большей части, из овчинного полушубка и кафтана сераго домашняго сукна, сшитаго, или со сборками, или как халат... » (Пушкарев 1844, с. 71). Наиболее распространенными были отрезные по талии,

со сборами кафтаны. В центральных, восточных и некоторых южных уездах Новгородской губернии их носили еще в начале XX в. Приталенные кафтаны наряду с другими зафиксированы в западных уездах. Крой у мужских и женских кафтанов был одинаков. Как правило, кафтаны шили с воротом, обшитым матерчатой обшивкой (около 1 см), или с воротником-стойкой (высотой 2-6 см), реже с отложным воротником («воротником шалью»). В начале XX в. отложные воротники получают широкое распространение. Кафтаны имели большой запах, застегивались на два-три крючка или пуговицы и нередко подпоясывались кушаком. Кафтаны обычно не украшали, за исключением воротника, который обшивался полосками неотбеленного холста, реже однотонной фабричной ткани.

Локальной разновидностью кафтана, зафиксированной в Новгородском уезде, был так называемый **са'ржаник** (СРНГ 36, с. 145), который получил свое наименование от названия ткани, из которой он шился, – **са'ржи** (грубое домотканое сукно) и представлял собой одежду со сборами сзади, вроде полукафтанья.

В ряде волостей Белозерского уезда в качестве повседневной и праздничной демисезонной верхней мужской и женской одежды выступала **сви'та** или **сви'тка**, сшитая из грубого домашнего сукна. В качестве праздничной использовалась свита с борами из более тонкого сукна. В современных говорах Новгородской области лексема свитка зафиксирована со значением 'безрукавка'. *Свитку раньше постоянно дома носили, чтобы тепло было. Свитки раньше шили из домотканого грубого холста.* Под. *Свитку сверху платья надевали, безрукавка така, спереди на пуговицах, шилась утеплённая.* Мал., Сол. (НОС 2010, с. 1066).

В восточной части губернии бытовал **пони'ток**, использовавшийся в основном в качестве верхней женской одежды. Он, как и свита, изготавливался из домотканого полусукна («понитнины», «пониточины»). Понитки были отрезными по талии, с многочисленными складками или сборками сзади. В начале XX в. распространяются понитки без «боров», часто с хлястиком. Длина понитка доходила до колен. Ворот оформляли обшивкой или делали невысокий воротник-стойку высотой 2-3 см. Праздничные понитки украшали нашивками из полос ткани по вороту, краям рукавов, верхней поле и кантом по линии талии, а также простроченными узорами на рукавах, карманах, полях. Данный вид одежды сохранился и в наши дни: *Пониток – верхняя бабья одёжа из шерстяной ткани, с борами.* Пест. (НОС 2010, с. 900). В качестве наименования верхней женской одежды в Новгородском р-не отмечена лексема **са'ван:** *Саван-то женская одежда: кошёный кафтан, сборённый сзади, прямой спереди. Надевали саван токо по праздникам, берегли его.* Новг. (НОС 2010, с. 1053).

Праздничная и повседневная женская одежда, которую носили в холодную погоду в любое время года, называлась **шуга'ем (телогре'ей, шуга'йкой, душегре'йкой)** (Чернышов 1915, с. 855). «Купчихи носят телогреи парчовые, бархатные, штофные, с гладкою спиною, сборами внизу, обложенные спереди галуном, с рукавами; еще душегреи короткие без рукавов» (Сумароков 1839, с. 6); «Женщины носят красные, и пестрые, и черные сарафаны, поверх их летнею порою надевают шугаи, а зимою шубы...» (Дубровин 1871, с. 212-213).

Шугай представлял собой короткую одежду с длинными рукавами, со спинкой, отрезной по талии или выше, собранную внизу в плотные валики или складки; он шился на подкладе и подбивался ватой или льняной куделью для тепла и создания дополнительного объема. Этот вид одежды отличался большим разнообразием: шугаи могли застегиваться по прямой или по косой линии – слева направо, передние полы у них могли быть цельными или отрезными, как спинка. Шугаи делали с большим круглым отложным воротником, воротником-стойкой или их шили без воротника, с глубоким вырезом на груди. Длина шугая доходила до середины бедра или была немного выше.

Изготавливались шугаи обычно из фабричной ткани. Например, будничные шугаи в селе Бронницкий Ям в 1840-х гг. шили из ситца или нанки на вате, праздничные – из шелковой материи на вате же. По сообщению корреспондента РГО этого же времени из села Васильевского Новгородского уезда священника Багрянского, в будние дни женщины носили шугай саржевый. Праздничные шугаи шились из парчи, штофа, могли иметь кокетку

и воротник и выглядели очень нарядно. Зажиточные крестьянки носили шугаи на заячьем меху с беличьей или лисьей оторочкой.

По словам корреспондента РГО из Кирилловского уезда, **жу'рка**, или **шугай** – это «женское короткое платье», похожее «на мужскую куртку» (Слова, поговорки, пословицы, приметы и песни Кирилловского уезда 1849, л. 1об., 3об.). Лексикографическое подтверждение находим в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г.: **жу'рка** – 'женское короткое платье, наподобие куртки'. Кирил. Новг. (Опыт 1852, с. 57). В Словаре Даля лексема **жу'ра** дана с пометой новг. в значении 'короткая верхняя женская одежда' (СРНГ 9, с. 227).

В конце XIX в. шугаи со сборами выходят из употребления. Их место занимает одежда более простого облика и кроя – утепленная кофта или жакет с прямой неотрезной спинкой (**шуга'йка**), которые, как и шугай, подбивались куделей или ватой. В «Новгородском областном словаре» лексема **шугай'ка** отмечена со значением 'вид одежды, фуфайка'. *Шугайки – это мы фуфайки так зовем, вон у меня висит шугайка. Шугайки на ваты или кудели шьют, стегают вдоль и поперек на груди и на спины у женских, это узор такой делают. Спереди на пуговицы застёгивается, носят чаще осенью и весной, одевают и зимой, в их работать легко, они лёгкие и не длинные.* Оп., Мош., Новг., Пест., Хв., Чуд., Шим. (НОС 2010, с. 1314); **шугайчо'нка** – 'пренебр. к шугайка'. *Накинешь шугайчонку да и бежать.* Пест. (НОС 2010, с. 1314); **каза'нка** – 'вид верхней одежды'. *Казанки носили раньше и сейчас тоже носят. Казанка – фуфайка, пальтушка.* Валд. (НОС 2010, с. 359).

Основной зимней мужской и женской одеждой была шуба. Она использовалась повсеместно в качестве рабочей, повседневной и праздничной одежды. Наличие добротных шуб у членов семьи было признаком состоятельности крестьянского хозяйства. Шубы широко использовались в различных обрядах, прежде всего в свадебном, выступая в качестве символа плодородия и богатства.

Мужские и женские шубы различались размерами и отделкой. Длина шубы обычно доходила до середины голени или была чуть ниже, иногда – до щиколотки. Шились шубы из дубленых овчин мехом внутрь. Самыми распространенными были так называемые нагольные, то есть ничем не покрытые шубы, реже встречались шубы, покрытые тканью. Нагольные шубы обычно имели светло-коричневый цвет, который в зависимости от особенностей процесса дубления мог приобретать красноватый или желтоватый оттенок.

В XIX в. широкое распространение имели шубы на борах (складках), круглые шубы. В ряде районов такие шубы считались исключительно праздничной одеждой, причем как у женщин, так и мужчин. Их делали отрезными по талии, сильно расширенными книзу и с многочисленными борами сзади и по бокам.

В конце XIX в. вошли в моду «шубы на фантах» или «в скобку». Носили их представители молодого поколения обоих полов, но чаще девушки и молодые женщины. Эти шубы отличались тем, что у них сзади были заложены две глубокие складки. Как описывает автор 1890-х гг., такой фасон назывался шубой «в скобку» из-за того, что «средина спины у такой шубы делается без продольного шва, а на боках в талии книзу идут две продольные складки». Полы шубы «заходят друг на дружку и застегиваются на две пуговицы – одна у левого плеча, а другая против талии» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 686. Л. 1.). В начале XX в. шубы на борах постепенно выходят из моды. Широкое распространение в это время получают приталенные шубы без складок (в талию).

Традиционная шуба имела обшитый кожей ворот или небольшой кожаный воротник-стойку, шириной 2-5 см. Подобные шубы назывались в народе **голоше'йками**. «Зимою около шеи подвязывают ситцевые платки, даже шарфы. Платки подвязывают так, что из под платка и... воротника шубы видна рубашка, а иногда и голая шея» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 707. Л. 3.).

Кроме нагольных шуб, повсеместно встречались крытые тканью шубы, которые считали праздничными. В XIX в. крытые шубы являлись принадлежностью богатых и состоятельных семейств. По словам корреспондента РГО из села Васильевского

Новгородского уезда священника Багрянского, в 1840-х гг. праздничными у мужчин считались «шубы, сукном крытые», у женщин – «шубы штофные». М. Синозерский в 1890-х гг. выделяет атласные «без талии» шубы как праздничную зимнюю одежду девушек (Синозерский 1896, с. 535).

В конце XIX – начале XX в. крытые тканью шубы стали достаточно широко использоваться в качестве праздничных и в небогатых семьях. У них были шубы, «крытые казинетом, чортовой кожей», «китайкой, разноцветным люстрином», в то время как у богатых – добротным сукном и «треком». В западных уездах Новгородской губернии такие шубы с отложным воротником, обшитые фабричным материалом обычно синего цвета, называли **беке'шами**.

Праздничная верхняя одежда состоятельных мещанок и крестьянок в XIX в., кроме традиционной шубы и шугая, была представлена другими видами верхней одежды городского типа. «Зимний женский наряд <жительниц Валдая> состоял из шубок лисьих, покрытых парчой, бархатом, епанчеек – верхних накидок на плечи бархатных, подбитых куньим мехом или другим» (Пардалоцкий 1876).

В качестве диалектных наименований для обозначения шубы в новгородских говорах используются следующие лексемы: **шу'бник** – 'верхняя одежда из овчины'. *Шубники шили коротеньки.* Др. *Шубники у мужчин и женщин, с овчин шьют.* Ок. *Пенжак по колено есть шубник, шьют из овчины.* Оп., Дем. (НОС 2010, с. 1314); **шу'бница** – 'верхняя одежда на меху для женщин'. *Шубницы из овчин шили, бабам они.* Пест., Молв. (НОС 2010, с. 1314); **шу'бничек** – 'ум.-ласк. к шубник'. *Шубничек прямой такой, ловкой, гладенькой и два кармана, обделаны вилюшечкам, шубничек для богатой невесты.* Кр. (НОС 2010, с. 1314); **шубничи'шко** – 'пренебр. к шубник'. *Шубничишко лоснючий, облоснувший был.* Кр. (НОС 2010, с. 1314).

В начале XX в. шуба становится короче (несколько выше середины голени) и широкое распространение получают шубы, окрашенные в черный и темно-коричневый цвет. В современных новгородских говорах для обозначения короткой меховой одежды используются лексемы: **полушу'бчик** – 'короткая, до колен, верхняя меховая одежда, обычно овчинная; полушубок'. Новг. (НОС 2010, с. 895); **полушу'бенник** – 'то же, что полушубчик'. *Ну шубы шили, полушубенники шили.* Хв. (НОС 2010, с. 895); а также составное наименование **шубная пальту'ха** – 'полушубок'. *Шубная пальтуха у женщин из овчины*. Оп. (НОС 2010, с. 785).

В последней трети XIX – начале XX в. в деревне получает распространение городская одежда, сшитая по типу пальто (казакин, тепломат и др.), которая имела распространение главным образом как праздничная одежда зажиточных крестьян. Зимние пальто шились на вате или меху. Воротники у них были отложными. Пальто для молодых женщин и девушек делали приталенные, часто с рукавами «с пышками». В последней трети XIX в. приталенное женское пальто городского покроя, покрытое черным сукном, во многих районах Новгородской губ. называли **казакином**. На рубеже XIX-XX вв. оно выходит из моды. «Теперь от пришлых влияний замечается перемена в одежде... Вместо "казакинов" шьются "польта", а девушки <носят> "дипломаты" (ватные пальто) и жакетки» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 703. Л. 20.). В конце XIX в. лексема **диплома'т** в значении 'верхняя женская одежда' бытовала в Крестецком уезде Новгородской губ. (СРНГ 8, с. 66).

В еще большей мере верхняя одежда городского типа была усвоена женщинами. Молодые женщины «носят теплые на вате пальто, пальтушки покороче, пальто и казачки», девушки – «казачки или жакетки, а также пальто», причем около села Белого (в настоящее время поселок Любытино) пальто носили «с модными широкими рукавами», они имели «городской покрой» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 64.). В некоторых местах новомодные пальто называли **тепломатами**. Они представляли собой «осеннюю и весеннюю одежду молодых женщин и девиц» городского типа, которая «шьется из черной суконной или бумажной материи, длина повыше колена, делается на вате и в талию». **Теплома'т** – 'пальто'. Тихв. Новг., 1914 (СРНГ 44, с. 55), **тё'пломат** – 'пальто'. Черепов. Новг., 1922

(СРНГ 44, с. 55). Микропарадигма ‘пальто’ в современных новгородских говорах представлена следующими лексемами: **ге’йша** – ‘длинное пальто’. *Гейши – пальты длинные шили, простые.* Сол. (НОС 2010, с. 160); **казати’н** – ‘вид верхней одежды для женщин; пальто’. *Казатин с борам, таки пальтухи были. Тут талия, как у платья бористого, кругом боры. Казатины бабы носили, из точи раньше-то шили.* Оп. *Казатин до колен, казатин на подкладки, пояс с кисткой, маленький вороток и пелька, рукав без шлага, подоплика подшивалась сзади.* Новг., Сол., Чуд. (НОС 2010, с. 358); **пальту’шка** – ‘пальто’. Новг. (СРНГ 25, с. 182); **по’лька** – ‘длинное пальто’. *Полька долгая, шили на ваты.* Сол. *Полька – зимнее пальто прямого покроя, расширенное книзу.* Чуд. *Польки носили чуть ли не до самой зени.* Новг., Уторг. (НОС 2010, с. 895).

В современных говорах широко представлена группа слов с общим значением ‘короткое пальто. полупальто’: **гей’ша** – ‘женское полупальто’. *Гейша – пальто до коленок, шили из сукна.* Под., Дем., Пест., Сол., Шим. (НОС 2010, с. 160); **пальту’ха** – ‘женская короткая верхняя одежда; полупальто’. *Пальтуха - дак кофта аль пинжак, кой сверху одевают. Старухи-ты вси пальтухи носят, чтобы теплей было. И с юбкой пальтуха-то хорошо*. Тихв. Новг. *Шубная пальтуха у женщин, из овчины. Пальтухи редко накрывали чем-нибудь, а так и носили*. Оп., Бат., Валд., Вол., Дем., Кр., Мал., Молв., Мош., Мст., Ок., Новг., Пест., Полав., Сол., Ст., Хв. Новг. (НОС 2010, с. 785); **пальту’шечка**. *Пальтушечки были в талию*. Новг. Новг. *Одежи хорошой не было, одна пальтушечка на праздник*. Мош. Новг. (НОС 2010, с. 785); **пальту’шинка**. *Пальтушинку какую-то сгоношить. Шили из точи, из ситца*. Валд. Новг. (НОС 2010, с. 785); **пальту’шка**. *Зимние пальтушки шитые на ваты. Летние – подкладка и материал*. Валд. Новг. *Пальтушка коротенька, а пальто длинное*. Люб. Новг. *Одела бы пальто подлиннее, а то в пальтушке холодно*. Холм., Бор., Кр., Мал., Молв., Мст., Новг., Ок., Пест., Ст., Тихв., Хв., Чуд. Новг. (НОС 2010, с. 785); **пальтушо’нка (пальтущё’нка)**. *Вся точивная и подкладка точивная. И пальтушонка, пачесей аль изгребы подложишь, точивная вся*. Кр. Новг. *Я нахватила какую-то пальтущёнку и бежать сзади*. Новг. Новг. (НОС 2010, с. 785); **полупа’льтик**. *Пальты длинные до самой зени, по колено – полупальтик.* Ст. (НОС 2010, с. 894); **полупо’лек**. *Полуполек – зимняя одежда по колено.* Сол., Бат. (НОС 2010, с. 894); **полупо’лька**. *Полуполька – дамское короткое пальто*. Под. (НОС 2010, с. 894); **по’лька**. *Полька – короткое пальто, полупальто.* Сол. *Принеси-ка мне пальто, я его обрежу, и получится ещё хорошая полька.* Под. *Полька – короткая, вроде пальтушки.* Бат., Вол., Мст., Новг., Ст., Уторг., Чуд., Шим. (НОС 2010, с. 895); **по’лечка** – ‘короткое зимнее пальто’. Сол. (НОС 2010, с. 887); **польчо’нка**. *В будни одевали полушубки, старые польчонки.* Сол. (НОС 2010, с. 895); **ве’кша** – ‘плюшевое полупальто’. *Раньше у нас у каждой была векша и считались мы богатыми.* Сол. (НОС 2010, с. 95).

В конце XIX – начале XX в. широкое распространение сначала в качестве праздничной, а затем повседневной и рабочей демисезонной женской одежды получает **пальтушка** (пальтуха, пальтушка, пинжак). Она представляла собой утепленную, на вате или льноволокне (кудели), укороченную, распашную, неотрезную по талии одежду прямого кроя или приталенную со складками сзади.

«Женщины носят еще короткие кофты на вате, называемые пальтушками, – сообщается о праздничной женской верхней одежде в конце XIX в. – В последнее время в большом употреблении у женщин драповые жакетки» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 703. Л. 19об.). В качестве будничной одежды в Боровичском уезде носили «куртки теплые на пакле из крашенного в синий цвет и в полоски домашнего холста». Порой «красильщик только красит в синий или красный цвет нитки, а женщины из синих, красных и белых ниток ткут холст разных узоров». Куртка «шьется на пакле или изгребах и пачесле... на холщовой подкладке» (Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 61-62, 66). Длина пальтушки доходила до середины бедра. Застегивалась она на крючки или пуговицы. Рукава пришивали по проймам, причем у праздничных пальтушек их часто делали «с пышками». В конце XIX в. у пальтух обычно были воротники-стойки, в начале XX в. – небольшие отложные воротники.

Праздничные пальтушки могли быть приталенными, нередко имели оторочку бархатом или плюшем по вороту, рукавам и полам. **Теплома'т** – 'зимний женский жакет на вате со сборками'. *Тепломат сшит как костюм длины, подоле чуть, три сзади борины, такие складочки, ну наскрозь зашиты, только в талии, застегивается на пуговках, воротник стоячий, не отложной, на вате тепломат-то, женская одежина така*. Пест., Тихв. (СРНГ 44, с. 56).

В конце XIX – начале XX в. в деревенской среде широкое распространение под влиянием городской моды получили неотрезные приталенные кофты **казаки' (казачки')**: *Казачок – кофта, в талию, носили навыпуск, рукава шили в плечах широкие, пышные, ниже локтя были узкими и застегивались на ряд пуговиц. Кофта казачок по талии, а сверху блёсточки нашиты и кружавина.* Под. *А ещё я казачок сшила, ето кофта такая с кушачком внизу, с оборкой, в талию.* Чуд. *Казачки в талию одевались на юбку, рукавы длинные с пышкой, из кашемира и шерсти раньше шили.* Молв. *Красивых казачков не было, но на супрядку ходила не хуже всех.* Шим., Бат., Вол., Мст., Новг., Ст., Тихв. (НОС 2010, с. 359); **каза'к**. *Казак, казаком шили кофту в талию со много частичок, по бокам-то широко, с колоколам. Сколько разрезано на подлинки. Мануфактуру по верху, а какой-нибудь ситец на подлинки вниз-то.* Под. *Казак – кофта в талию с борами внизу и с пышками на рукавах. Шили из шёлка и бархата.* Новг. *Казаки на подкладки, а внизу воланы. Казак с хорошего матерьяла, атлас.* Полав., Дем., Молв., Мст., Тихв., Сол., Ст., Чуд. (НОС 2010, с. 358); **казаки'н (казати'н).** *Казакин – кофточка в талию с оборками, на плечах пышки. Казатин – летняя женская одёжинка.* Новг. (НОС 2010, с. 358). А также отрезные кофты – **ба'ски**: **ба'ска** 'вид женской кофты в талию с разной отделкой; нарядная кофта'. *Кофты – баски, вся в талию, в несколько клинов, а ниже с воланом. Пола на боку застёгивалась у баски, воротник как у мужской рубашки, закрытой ворот делали. Рукав у баски с пышкой, длинной, узкой.* Мош. *Баска – кофта с клиньям сзади, грудь-то наберут борам, шёлк-то шарчит*. Мал., Валд., Дем., Др., Кр., Люб., Молв., Ок,. Оп., Пест., Сол., Уторг., Хв., Холм., Шим. (НОС 2010, С. 23-24).

Таким образом, из представленного материала видно, что верхняя одежда отличалась и отличается большим разнообразием не только в покрое и фасонах, но и в ее названиях. Она характеризуется словообразовательной, фонематической и акцентной вариативностью, разнообразием лексических средств для выражения одного и того же понятия, что говорит о лексическом богатстве диалектов, их неисчерпаемых возможностях в плане выражения для обозначения самых тонких семантических оттенков.

ЛИТЕРАТУРА

БАТЫРЕВА, Л. П., 2003. *Лексика тематической группы «Обувь» в говорах Ивановской области.* Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т.

ВЕНДИНА, Т .И., 1998. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм).* Москва: Индрик.

ДОБРОНРАВОВ, И. Сведения о жителях Новгородского уезда Бронницкого Яма, 1848 г. *In: Архив РГО*. Р. 24. № 3, 20.

ДУБРОВИН, С., 1871. Позёры в Новгороде (Этнографическая наброска). *In: Отечественные записки*. Т. 4 (197). № 7. Июль, Санкт-Петербург: Типография А.А. Краевского, 195-220.

ЖМУРКО, О .И., 2001. *Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области.* Иваново: Иван. гос. ун-т.

КЛИМКОВА, Л. А., НАЗАРОВА, И.В., 2000. Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах. *In: Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997*. Санкт-Петербург: Наука, 101-109.

МЕЛЬНИКОВА, Е. Г., 2004. Парадигматические отношения в лексике (На материале наименований погоды в псковских говорах) *In: Автореф. дисс. канд. филол. наук*. Тверь: Твер. гос. ун-т, 22.

НАЛЕТОВА, Н. И., 2002. Названия растений в псковских говорах *In: Автореф. дис. канд. филол. наук.* Тверь: Твер. гос. ун-т. 18.

ОСИПОВА, Е. П., 1999. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты) *In: Автореф. дисс. канд. филол. наук.* Москва: Б.И, 26.

ПАРДАЛОЦКИЙ, Ф. Город Валдай, 1876 г. *In: Архив РГО*. Р. 24. Оп. 1. № 22. Л.6об.-7об.

ПУШКАРЕВ, И., 1844. *Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. 1. Тетр. 1*. Новгородская губерния. Санкт-Петербург: тип. К. Жернакова.
СИНОЗЕРСКИЙ, М., 1896. 0 выборе невест в Новгородской губернии. *In: Живая старина*. Вып. 3-4. Разд. 5, Санкт-Петербург: типография С.Н. Худекова, 535-536.
СУМАРОКОВ, П., 1839. *Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году*. Санкт-Петербург: тип. А. Сычева.
ЧЕРНЫШЕВ, Н., 1915. Быт крестьян в Череповецком уезде. 1848 <г.>. Зеленин Д. К. *In: писание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества*. Петроград. Вып. 2, 855-857.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 686. Л. 1.
Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 707. Л. 3.
Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 79.
Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 703. Л. 20.
Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 64.
Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 703. Л. 19об.
Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. № 708. Л. 61-62, 66.
Новгородский сборник: In: 5 вып. Вып. 5. Череповецкий уезд / Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1866.
Новгородский областной словарь, 2010. СПб.: Наука. 1435 с.
Опыт областного великорусского словаря, 1852. СПб. 275 с.
Слова, поговорки, пословицы, приметы и песни Кирилловского уезда, 1849 г. Архив РГО. Р. 24. Оп. 1. № 9. Л. 1об., 3об.
Словарь русских народных говоров, 1965-2011. Вып. 1-44. М.-Л.; СПб.: Наука.

Olga Krylova
Institute of Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, Russia
Research interests: lexicography, dialectology, lexicology, ethnolinguistics, ethnography

LEXICAL-SEMANTIC GROUP NAMES FOR WOMEN'S OVERCLOTHES IN THE NOVGOROD DIALECT

Summary

The traditional Novgorodian costume of the 19th and early 20th centuries was part of the common Russian costume complex, and developed in the way of the Northern Russian costume complex tradition. The main types of Novgorodian peasant women's overclothes, such as *kaftan*, *ponitok*, *shugaj*, and *shuba*, were traditional for the Russian North. The fact that traditional types of overclothes existed longer in the peripheral northeastern districts of Novgorod Province is important. Some archaic types in particular (such as *balakhon* and *svita*) existed there till the early 20th century. At the same time, in more developed western districts of Novgorod Province, town types of overclothes more quickly became common. Thus, the study of the Novgorodian costume ensemble makes it possible to expand our conceptions concerning traditional Russian costume, and to enrich them with the materials of a region which played an important role in the development of the Russian national tradition.

KEY WORDS: Russian Northern dialects, vocabulary, women's overclothes, Novgorod dialect.

Полищук (Шадчина) Анна Сергеевна
Институт филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченка
бул. Т. Шевченка 14, Киев 01032
Эл. почта: omagio@yandex.ru
Научные интересы: классическая филология, древнегреческий философский дискурс, догреческий субстрат, язык Гомера.

БАЛКАНО-КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ШКУРЕ ЛЕОПАРДА)

В статье рассматриваются возможные пути проникновения кавказских культурных и языковых элементов в индоевропейское пространство. Особое внимание уделяется греческо-картвельским параллелям в континууме анатолийских культур, в частности миграционному образу «витязя в леопардовой или барсовой шкуре». Реконструкция на текстовом и изобразительном материале культурных традиций Средиземноморья, истоки которых берут свое начало в неолите и даже палеолите, дала возможность выстроить матрицу функциональной семантики шкуры в указанном культурном пространстве. Шкура леопарда как символ последнего посвящения свидетельствует об особом духовном, а затем и социальном статусе ее властителя, об его непрерывной связи с божественным женским началом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: древнегреческая, хеттская, грузинская культура, шкура леопарда, эпический герой.

Предметом данного исследования выступает образ воина в пятнистой шкуре леопарда (барса или тигра), известный в древнегреческой, хеттской, иранской и других традициях. В этом контексте возникает аллюзия к главному персонажу поэмы Руставели ვეფხისტყაოსანი "Вепхисткаосани", известной как "Витязь в барсовой шкуре", указывая тем самым на общую проблематику индоевропейско-кавказских языковых и культурных контактов, которым посвященная эта робота. Материалом послужили древнегреческие мифопоэтические произведения, фрагменты хеттских религиозных текстов, которые сопоставлялись с образами грузинского народного и литературного эпоса, а также произведения изобразительного искусства Балкан, Кавказа, Центральной и Малой Азии, Этрурии, Египта и т.п.

Начиная с эпохи так называемой неолитической революции VII-VI тыс. до н.э. влияние Древней Анатолии продолжалось и в V-II тыс. до н.э. в направлении основных цивилизационных ареалов: Месопотамии, Сирии, Ирака, Ирана, Кавказа и Балкан. В нач. II тыс. до н.э. на территории бывшей «Страны Хатти» в центральной и юго-восточной Анатолии было образовано Хеттское царство, после падения которого в его бывших центрах, таких как Лидия, Миссия, Фригия, древние анатолийские культурные традиции продолжались до времён античности, обеспечивая непрерывность контактов между Балканами и Малой Азией. Считается, что языки таких доиндоевропейских этнокультур, как хуррито-урартская и хаттская, принадлежат к семье северокавказских языков. Предположение о распространении северокавказских языков на территории Восточного Средиземноморья дало возможность поиска в индоевропейских языках Малой Азии и сопредельных регионов соответствующие северокавказские заимствования. Привлекают внимание северокавказско-индоевропейские параллели ряда корней: **Hejʒ́ü ~ ***a(i)ĝ-** *коза, *p̄äHäk'wE ~ ****peḱu-*** *скот, *'IerVcwE ~ ****arəĝ-*** *серебро, *helkwV ~ ****Hu̯erk-*** *колесо, *Heběrc'V* (хатт. *ḫa-praššˇ-*) ~ ****praš-*** *леопард* и т.п. (Старостин 1985, с.89; Иванов 1977, с. 67-68).

Многочисленные лексические соответствия между южнокавказскими и индоевропейскими языками (**u□-el- ~ ****juk'-om*** *ярмо, иго, *šew-:šw- ~ ****seu-:sŭH-*** *рождать, *(o)ŝtx(o)- ~ ****oḱ[h]t[h](o)-*** *четыре пальца (восемь), *ṃ-k'erd- грудь ~ ****ḱ[h]ert'*** *сердце, *zisxḷ- ~ ****esH-r**o*** *кровь* и т.д.) интерпретируются в современной лингвистике, по одной версии, как

результат независимого наследования из ностратического праязыка (Blažek 1992; Bomhard 1994), а по другой – как непосредственные заимствования, датированные V-IV тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 877-880) или IV-III тыс. до н.э. (Климов 1994). Ареальные связи картвельских языков с анатолийскими приурочивают периоду не раньше III тыс. до н.э., а хетто-картвельские контакты – II тыс. до н.э. (Климов 1994, с.25; Гиоргадзе 1979, с.69).

Доисторические связи между кавказцами и протогреческими племенами подтверждаются компаративистскими исследованиями по мифологии (Абаев 1990; Чиковани 1971; Урушадзе 1980; Charachidzé 1986, Tuite 1997, 1998, 2006) и лингвистике (Гамкрелидзе, Иванов 1984, Николаев 1985, Климов 1994). С точки зрения Ж.Шарашидзе (Charachidzé 1986, с.336), группа индоевропейских племён, из которой позднее выделились греки, в IV-III тыс. до н.э. была в контакте на территории от Балкан до Центральной Азии с народами разного происхождения, чьи потомки до сих пор находятся на Южном Кавказе, включая территорию древней Колхиды. Относительно этого мнения можно согласиться с К.Туитом (Tuite 1998, с.291), который считает, что даже отвергнув сценарий протогреков в Колхиде за тысячу лет до аргонавтов, нельзя отрицать греческо-кавказские параллели от эпохи неолита до бронзового века в континууме анатолийских культур, связанных торговыми маршрутами и путями миграций, хотя и не всегда общими предками. При этом Р.Гордезиани (1978) считает, что греческие племена могли контактировать с колхами и позднее, в микенскую эпоху. В начале II тыс. до н.э. ахейцы осуществляли активное освоение Северного Причерноморья вслед за карийцами, которые оставили лишь незначительный след своего пребывания на берегах Понта.

Относительно этногенеза населения Эгеиды, особый интерес представляет фессалийско-коринфская версия мифа об аргонавтах, в которой тесно связаны между собой давние названия Колхиды - Αἶα *Ея* и Коринфа – Ἐφύρα *Эфира* (можно также сопоставить грузинское название бывшего Колхидского царства ეგრისი *Egr-is-i* – страны *Arg(o)* и древнегреческий топоним □□□□□□). Обе страны были подвластны хранителю золотого руна – царю Ээту (Αἰήτης), а со временем ими руководили сыновья и внуки его дочери Медеи. Исторический характер этих связей подтверждают соответствующие заимствования в древнегреческом: □□□□□□(мик. *ko-wo*) *'руно'* < и.-е. **kōw-a/o-* < пракартв. **t'q'aw-/*t'q'ow-* '*кожа*', '*шкура*', а также □□□□□□□'*(содранная) шкура*', пор. хетт. *kurša- 'руно', 'щит', kuršaš 'храм = дом (божественного) руна*' < ПНД (пранахск.-дагест.) **q̄$_o$ilćV~ 'руно'*) (Гамкрелидзе, Иванов 1984, с.904-909; Иванов 1985, с.19; Николаев 1985, с.63, 72-3).

В древнегреческую традицию Колхида издавна была включена как место многих легендарных событий, а культовый символ *золотого руна* обрастал разнообразными мифологическими сказаниями. Древнейшим греческим источником об Ээ/Колхиде, колхских племенах и плавании к ним аргонавтов считаются поэмы Гомера. В частности, в "Одиссее" (XII, 70) воспевается Ἀργὼ πᾶσι μέλουσα, παρ᾽ Αἰήταο πλέουσα "*прославленный (для всех желательный) Арго, который плавал от Ээта*". А в "Илиаде" (II.856-7) впервые упоминается пеласгийско-колхское племя *гализонов* (Ἀλιζῶνες), которые пришли защищать Трою из далекой восточной страны Алибы, известной месторождениями серебра: αὐτὰρ Ἀλιζώνων Ὀδίος καὶ Ἐπίστροφος ἦρχον τηλόθεν ἐξ Ἀλύβης, ὅθεν ἀργύρου ἐστὶ γενέθλη. Характерно, что племя гализонов отождествляется Страбоном (XII.3.19-20) с древнекартвельским (колхским) племенем халибов, известных обработкой железа и стали. Античная традиция указывает, что благодаря халибам впервые начало добываться и обрабатываться железо: *Chalybes, per quos erutum et domitum est primitus ferrum* (Amm. 22.8.21).

В древнегреческой традиции Фессалия и Колхида являются странами, прославившимися чародейством и искусством врачевания. В "Илиаде" (XI, 740-741) упоминается дочь элидского царя Авгия, племянница Ээта, Ἀγαμήδη *Агамеда*, которая ἣ τόσα φάρμακα ἤδη ὅσα τρέφει εὐρεῖα χθών "*знала все травы целебные, сколько земля их рождает*". Феокрит (11, 16) именует ее Περιμήδη *Перимедою*, апеллируя, возможно, к имени самой Медеи. А на острове колдуньи Кирки, которая приходилась Ээту сестрой, росла

чудодейственная целебная трава μῶλυ, название которой дали сами боги (Od.X.302-306). Хотя данное слово не имеет определённой этимологии (Frisk 282; Chantraine 729-730), внимание исследователей привлекает его близость к груз. მოლი *moli* "*трава*"), которое в поэме Шота Руставели имеет значение какой-то магической мази (Гордезиани 1978, с.208-9).

Одним из примеров репрезентации кавказских мотивов в древнегреческой мифологии выступает образ прикованного на Кавказе Прометея. Миф о Прометее обнаруживает удивительное сходство с древнегрузинским сказанием об Амирани: печени обоих героев, согласно древнему погребальному ритуалу горцев, выклёвывали коршуны. Такая же судьба постигла и гиганта Тития, изображение которого (рис.1) также содержит символику леопардовой (барсовой) шкуры.

Рис.1. ***Аполлон и Титий***
Аттический краснофигурный кратер. 470 - 465 гг. до н.э. Париж, Musée du Louvre.

Много мифических героев древности одевали звериные шкуры: персонажи шумерского эпоса Эабани и его друг Гильгамеш, нартского – Сосруко и Батраз, иранского – Рустам, грузинского – Амирани и Тариэл. В Согдийском отрывке о герое персидского народного эпоса Рустаме описывается его одежда из шкуры леопарда (Беленицкий 1976, с.81-2), а в раннеперсидской поэме "Шахнаме" его эпитетом выступает слово *palanginapus*, что в переводе на грузинский означает *vep'khvistqaosani* – "*одетый в барсовую шкуру*". То, что упомянутая охотничья символика имеет намного более древнее происхождение, подтверждает палеолитическое скульптурное изображение из Мальты человека с накинутой на неё шкурой льва, а также изображение из неолитического пласта пещеры Шаготун в Манчжурии, касающееся, очевидно, какого-то ритуального обряда, – человека с тигровой головой, плотно завернутого в полосатую шкуру (Абрамова 1962, с.60).

Если обратиться к списку древнегреческих воинов, которые носили именно леопардовую (барсовую) шкуру, то первым следует вспомнить Ясона. Описание его внешнего облика мы находим в IV Пифийской оде Пиндара (Pind. Pyth.IV.79-81):

ἵκετ᾽ αἰχμαῖσιν διδύμαισιν ἀνὴρ ἔκπαγλος: ἐσθὰς δ᾽ ἀμφοτέρα νιν ἔχεν,
ἅ τε Μαγνήτων ἐπιχώριος ἁρμόζοισα θαητοῖσι γυίοις,
ἀμφὶ δὲ παρδαλέᾳ στέγετο φρίσσοντας ὄμβρους:
Пришёл страшный муж с парой копий, и одежду он имел двойную:
местную, магнетскую, соответствующую его удивительным членам,
кроме того завернут он был в леопардовую шкуру от дрожи дождей.

Два вида одежды воина – гражданская и охотничья, – как и два копья, конечно, выполняют свою функцию не только утилитарно. Применённый Пиндаром бинарный код символизирует маргинальность фигуры самого Ясона и на высшем символическом уровне. Перед нами герой, который балансирует между миром хтонических пелазгийских божеств с рудиментами охотничьей магии и наступающим в Греции бронзовым веком, когда одновременно с коренным переломом в материальной культуре от камня к металлу в родоплеменных отношениях усиливается значение индивида.

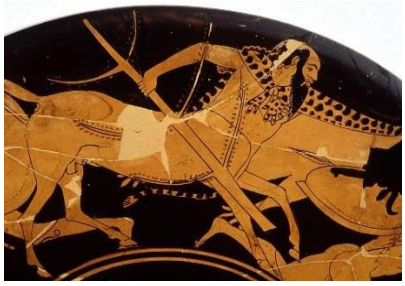


Рис.2. ***Кетавромахия***
Аттический краснофигурный килик. 480 г. до н.э. Пенсильвания. Музей университета

Первую, "магическую", эпоху безусловно представляет собой воспитатель Ясона кентавр Харон. Кстати, фессалийские кентавры, как и их малоазийские родственники силены, также изображаются с завязанной на шее шкурой леопарда (рис.2). С пелазгийским, протокартвельским миром Ясона также связывает путешествие в Колхиду, которое можно расценивать как поход за духовной мудростью, поиск мистериальных откровений, сохранённых к тому времени в местах древних центров неолитических матрицентрических культур: страны Восточного

Средиземноморья, Крит, Кавказ (Гамсахурдия 1990). Этому толкованию отвечает и этиологический миф, отстаивающий "шаманское" значение имени ✞✋♋♦♦■ *Ясон* как "*целитель*" от д.-гр. ♓❖♋□❍♋♓, «*лечу*», «*исцеляю*».

Вторая эпоха – это эра военной демократии, когда начинается расцвет героического эпоса, когда главным лицом выступает уже не культурный герой шаманского типа, а воин-богатырь. Тем не менее этот новый тип героя может сохранять реликты предыдущей стадии. Так, в раннемикенский период возникает "маргинальный" тип воина-мага, наподобие покрытого барсовой шкурой Ясона, его спутника в Колхиду Геракла в шкуре льва или Тесея – победителя полубыка-получеловека. Отметим, что в древности не существовало единогласного мнения о внешности чудовища, которое находилось в лабиринте. Вопреки распространённому представлению о миксантропическом существе с головой быка, на чёрной амфоре из Вульчи Минотавр изображён с хвостом и пятнистой, как у леопарда, шкурой.

В сложных ситуациях богатыри нередко обращались к магическим приёмам, принимая образ животного или надевая его шкуру. По мнению В.И.Абаева (1990, с.481), успешное взятие Трои греками благодаря оболочке деревянного коня является переосмыслением и рационализацией мотива о борьбе воинов в образе животных. Древняя шаманская версия заключалась в том, что герой в борьбе за женщину временно принимал образ животного и это приносило ему победу. Из гомеровских героев в леопардовую (или барсовую) шкуру одевались Парис (Il.3.17) и Менелай (Il. 10.29). Поскольку Менелай был одним из тех ахейцев, которые смогли оказаться в стенах Трои благодаря оболочке деревянного коня, то можно утверждать, что в его образе дважды был проявлен мотив "герой в шкуре животного": на макроуровне организации сюжета в эпизоде с Троянским конем, когда он действовал в интересах коллектива, и на микроуровне – в облачении в шкуру леопарда перед поединком с Парисом за Елену.

Однако леопард включен не только в общую охотничью символику касты воинов, часто этот зверь выступает эмблемой именно царя. Согласно Плутарху, Котис (фракийский царь, 382-358 до н.э.), которому подарили леопарда, в ответ подарил льва: Κότυς τῷ δωρησαμένῳ párdalin ἀντεδωρήσατο λέοντα (Plut. Reg. 15). Известно, что лев и леопард были парными звериными символами хеттского царя. Обошла весь мир статуэтка Тутанхамона, который стоит на леопарде, тем самым подчеркивая власть фараона над всеми живыми существами. Леопарды считались королевскими животными в Бенине: дочери королей Восточной Африки носили леопардовую шкуру как отличие своего статуса. Претендент на пост верховного вождя у навунда, на южном берегу Конго, должен был посетить так называемую пещеру леопарда для общения с духами, которым когда-то принадлежала власть в этом крае. Леопард будто должен был "избрать" достойного кандидата, поскольку этот зверь, будучи воплощением первоэлемента мироздания, когда-то имел статус выше государя. Аналогичный обряд проверки жизненной мощи вождя представляла собой охота на леопарда правителя Буганды вскоре после его восхождения на престол. Вероятно, что когда правитель не выдерживал испытания и гиб, обряд превращался в жертвоприношение (Иорданский 1991, с.245). Р.Грейвс (2005, с.625-6) считает, что поединок царя-жреца с дикими животными был обязательным элементом коронации в Греции, Малой Азии, Сирии и Вавилонии. Сцены борьбы с левами, грифонами, леопардами характерны и для искусства Скифии и Кавказа. В частности, на южной стене одного из древнейших христианских храмов Грузии, Светицховели (XI в.), можно увидеть святого Георгия вместе с львом и барсом (Гамсахурдия 1990).

В этой связи припоминается борьба главного героя "Витязя в барсовой шкуре" со львом и барсом, который занимает одно из центральных мест в этом эпическом сказании. В поэме, которая состоит из 58 песен, именно 24 песня изображает радикальный перелом в умонастроении главного героя Тариэла, который случился после его поединка с хищными животными. Хотя окончательный выход из депрессии состоялся благодаря дружеской поддержки его друга Автандила, первый определяющий шаг в этом направлении

осуществляет сам герой. Можно сказать, что в поединке он переживает психологическую смерть. Эпизод, посвящённый созерцанию Тариэлом любовной сцены льва с барсом (VT 908), которая сначала напоминала идиллию двух влюбленных, а потом закончилась их агрессивной борьбой, неоднократно становился предметом разнообразных интерпретаций. Например, Б.Бейнен (Beynen 2004) трактует этот фрагмент в этико-коммуникативном ключе: положительные отношения между левом и леопардом превращаются в отрицательные вследствие невозможности общения. Однако, такое восприятие кажется весьма поверхностным: ведь довольно тесный контакт, по крайней мере между животными, существовал. С другой стороны, в этой ситуации привлекает внимание какая-то сновиденческая иррациональность событий и их мотивов: любовная сцена между животными разных видов, резкое изменение настроения у барса по отношению к своему любовному партнёру, желание главного героя Тариэла вмешаться в отношения зверей, защищая "даму" и, удивительно, даже ее поцеловать, затем неблагодарность барса по отношению к своему спасателю и резкий переход к агрессии в поведении самого Тариэла. Кажется, что мы имеем дело с загадочными символами, смысл которых, тем не менее, хорошо понятный самому герою. Согласно реконструкции исторической основы поэмы Д.Дандуровым (1937), упомянутая сцена является образным выражением того, что состоялось в XII ст. между наследником грузинского престола Демной и будущей царицей Грузии Тамарой. Сначала, после достижения совершеннолетия Демной-львом, в его отношениях с Тамарою-барсом все шло более или менее мирно, и вопрос о его правах на трон мог решиться благополучно. Но барс (Тамара) начал задирать, и началась борьба, во время которой лев (Демна) начал одолевать барса. Здесь заступился Тариэл (прообраз осетинского царевича Давида Сослана), который и убил льва. Однако спасённый им барс (Тамара) вместо благодарности обнаруживает недобрые чувства по отношению к своему спасателю. Из-за этого у героя вызрело решение убить и барса. Можно лишь прибавить, что в версии Д.Дандурова акцентирована традиционная интерпретация символов льва и леопарда, как лиц царской фамилии, а также их более узкая гендерна демаркация. В то же время она не исключает и психологической трактовки: победа Тариэла в поединке над львом и барсом свидетельствует о его духовной зрелости, необходимой для перехода в другой духовный и социальный статус – коронованной особы и брачного партнёра, – который в конце концов "Витязь в барсовой шкуре" приобретает в конце поэмы.

Мотив о подвигах зооморфного героя вплетается в многочисленные мифологические, фольклорные и литературные сюжеты, но все же "классическим" остаётся его проявление в сюжете "борьбы за женщину" (Абаев 1990, с.438-447). В кавказской интерпретации само название поэмы Руставели ვეფხისტყაოსანი "*Вепхисткаосани*" состоит из нескольких основ: ვეფხვი *vep'khvi* для обозначения "*барса*", "*пантеры*", "*леопарда*", ტყავი *tqavi* со значением "*кожа*", "*шкура*" и последний элемент სანი *sani* для обозначения лица, которое изредка выступает в грузинских словах, как вот: ხელოსანი *khelosani* "*мастер*", მანდილოსანი *mandilosani* "*дама*", "*женщина*". Таким образом, в заголовке, очевидно, имеется в виду лицо, которое носит барсовую шкуру. Им может быть как победитель барса Тариэл, так и царевна Нестан-Дареджан, метафорически именуемая "огневзорой тигрицей" (VT XIII), в память о которой рыцарь носит прекрасную шкуру.

Вообще в грузинской поэзии символика леопарда характеризует силу женского характера наравне с мужской доблестью. Так, героиня комической народной песни ახმეთური ფათარძალი *Akhmet'uri p'at'ardzali* "*Невеста из Ахмета*" (VM 1994, с.35-38, 121), которая действительно имеет темперамент неистового леопарда, хотя и контрастирует, но и полностью не противопоставляется грузинскому идеалу женственности, согласно которому статус жены не ограничивался уровнем подчинённой домохозяйки. А насколько глубоко укоренена в сознании грузинского народа связь образа юноши, борющегося с барсом, с женской ипостасью, свидетельствует народная грузинская поэма მოყმე და ვეფხვი *Moq'me da vepkhvi* "*Юноша и тигр (барс)*" (VM 1994, с.30-35, 121), в первой части которой

описывается поединок юноши с хищным зверем, вследствие чего оба соперника гибнут, а во второй – мать оплакивает погибшего сына. Ярким завершением песни является решение скорбной женщины пойти к матери тигра и выразить ей своё сочувствие, тем самым стремясь найти в её обществе желаемое утешение и согласие. Комментарии к песне содержат сведения из сванского этнографического материала, в котором упоминаются причитание, осуществляемое охотниками над убитым барсом как над дорогим кровным родственником (VM 1994, с.120). Следует также вспомнить, что символика леопарда была присуща Богиням-матерям, начиная с рожениц Чатал-Хююка, египетской покровительницы мертвых Мафдет, хурритской богини Хебат, хетто-лувийской Камрусепы, скифской Хозяйки зверей Келермесского зеркала VII ст. до н.э. из Закубанья, которая держит за передние лапы двух леопардов. Схожий образ представляет собой Артемида (в своем архаическом прошлом – повелительница зверей на Крите) на ларце Кипселла с барсом в правой руке, и львом – в левой (Paus. V. 19.55) (Поліщук (Шадчина) 2011, с.84-88). Покрытыми леопардовыми шкурами изображались также ее поклонницы амазонки и спутницы Диониса – менады. Следы служения и поклонения Великой богине можно заметить в описании хеттского религиозного ритуала, в котором принимает участие придворное лицо – PIRIG.TUR-aš *uizzi человек-леопард*: *(Человек)-леопард приходит (и miniya-человек вслед за ним, он держит лук богини и занимает своё место (tiyazi) перед богиней; чашник дает им пить, и они кланяются)* (HD 1997, с.185, paršana (a1′)).

Напомним, что из всех героев "Илиады" в леопардовые (или барсовые) шкуры облачаются только претенденты на руку божественной Елены – Парис и Менелай. При этом символика пятнистой шкуры безусловно подчеркивает восточную культурную ориентацию Менелая (вспомним его продолжительные путешествия на Крит и в Египет). Из приведённых выше примеров использования звериных шкур (Il. 3.17, 10.23, 10.29, 10.177) заметно, что греческие герои выступают преимущественно со львиной атрибутикой, тогда как их восточные противники, троянцы (которые являются вместе с тем и их дальними родственниками), имеют своей эмблемой леопарда. Лев и леопард (барс, пантера) вопреки внешнему сходству и общности культовых функций, репрезентируют разные аспекты символических коннотаций. Во многих хеттских культовых текстах объекты, детерминированные названиями льва (UR.MAH) и леопарда (PÌRIG.TUR, *pár-sa-na*), стоят рядом (HD 1997, с.185, paršana (1′-3′ a)), однако если за левом закрепляется солярная символика, то за леопардом – лунная.

На росписи из Пенджикента (Таджикистан) в помещении 26 объекта VI изображена богиня, которая сидит на троне в виде льва и держит в руках диски луны и солнца. Справа от нее под диском месяца находился воин в шкуре леопарда, а под диском солнца – воин в наряде из шкуры тигра. На фреске того же периода из Фундукистана (Афганистан) представлено двух воинов: один – одетый в кафтан из шкуры леопарда и сапоги из шкуры тигра с полумесяцем за плечами, а другой – с жезлом, увенчанным солнечным диском. В Тохаристане и Фундукистане витязь в леопардовой шкуре ассоциировался с Махом – мужским божеством Луны, известным по Кушанским монетам (Беленицкий 1976, с.82).

Ассоциативная связь между леопардом, рысью и звёздным небом неоднократно встречается в римской литературе, в частности, у Проперция (3.17), мы видим Ариадну, которую поднимают к небесам Дионисовы рыси: *lyncibus ad caelum vecta Ariadna tuis*. Или у Горация (Hor. C. II. 13.400):

Quin et Prometheus et Pelopis parens	*Даже Прометей и отец Пелопа*
Dulci laborum decipitur sono:	*забывают о своих страданиях от сладкой речи,*
Nec curat Orion leones,	*И Орион не снаряжается на львов*
Aut timidos agitare lyncas	*охотиться или трусливых рысей.*

Поскольку все перечисленные выше мифологические персонажи (Кербер, отец Пелопа, Прометей) изображаются Горацием в момент их пребывания в инобытии, то львы и рыси, на которые охотится Орион, представляются не иначе как звёздными.

А.А. Тахо-Годи (Мифы Т.2 1992, с.262) предполагает, что в мифах об Орионе отразились мотивы столкновения догреческого хтонического великана с олимпийским

миром. По одной из мифологических версий о рождении Ориона (Гигин 1997, с.195), фракийский царь Гирией после принесения в жертву быка молился Юпитеру, Нептуну и Меркурию дать ему детей. Боги наполнили шкуру жертвы мочой и приказали Гириею закопать её в землю. Спустя некоторое время из неё появился мальчик, получивший имя Ὠρίων *Орион*, которое в античности ассоциировали со словом ὄρειος "*горный*", "*горец*" (Stb. X 1, 4). Эта странная, на первый взгляд, легенда на самом деле апеллирует к более широкому контексту – сакральным функциям шкуры в ритуале смерти-возрождения, частично отображённом в искусстве Египта, Этрурии, Индии. В частности, на одной из четырех частей этрусской росписи могилы "Кампана" в Вейях VII ст. до н.э. (рис.3-4.) изображена сцена переезда души мальчика в подземное царство в сопровождении животных, в том числе детёныша рыси или леопарда. Вероятно, что все четыре фрагмента фриза изображают этапы последовательного преображения умершего ребенка в сфинкса, причем последняя часть представляет сфинкса, которого подталкивает леопард (рис.4.).

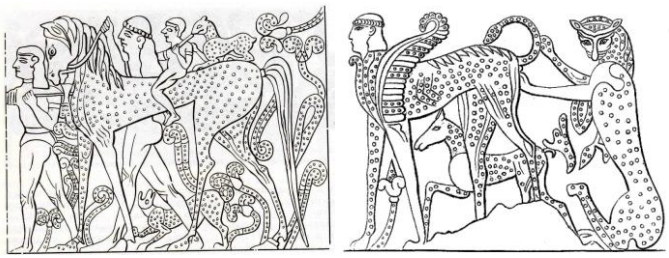


Рис. 3-4. ***Пара леопардовву сцене переезда души покойного в підземное царство***. Фрагмент этрусской росписи могилы «Кампана» в Вейях. II пол. VII ст. до н.э.

До времён Среднего царства в Египте на крышке гроба часто изображалась шкура леопарда. Намогильные дощечки показывают, как просветлённый умерший в накидке из шкуры принимает жертвоприношение. Отголосок ритуальных функций шкуры наблюдаем в хеттском ритуале соединения некоторой субстанции (*šišai*) льва и леопарда в сердце человека и присоединение к ней души царя [HD 1997, 185, paršana (1′-3′a)], а также в изображении Геракла в погребальном костре на львиной шкуре (Аттическая краснофигурная амфора. 460г. до н.э. Частная коллекция. Нью-Йорк).

По мнению историков культуры, шкуры животных являются важнейшим символом внешнего преобразования, с помощью которого человек хотел обозначить, а потом и получить в конечном счете изменение внутреннее. Дж. Мелларт заметил, что умерших горожан Чатал Хююка, хотя и не всегда, но погребали облаченными в леопардовые шкуры. Костяные застежки от этих «костюмов» в большом числе обнаружены в могилах. На фресках святилищ также многократно изображены люди в леопардовых шкурах (Мелларт 1982, с.99-100). По его мнению, статуэтки неолитической богини Чатал Хююка, которая рождает бычью или баранью голову или ласкает детеныша леопарда, — изображают возрождения умершего к божественной жизни из недр Матери-Земли.

В книге «Таинства Египта» (2007) Л.Спенс в главе «Ритуал возрождения» утверждает, что на протяжении столетий сквозь шкуры, человеческие или жертвенных животных, проходили в основном жрецы или умершие. Обогащённый дух, сбрасывая человеческую оболочку, возвращался к себе домой, направляясь Дорогой Богов – Млечным Путём – к Центру Галактики, в "материнское лоно", символом которого выступала шкура Божественной Коровы богини Нут. Кроме бычьей шкуры-колыбели, использовали и другие, например, шкуры обезьяны, пантеры, леопарда.

Тем не менее сохранились египетские документы, которые сообщают, что этот ритуал не был привилегией одного лишь фараона и не обязательно связан с погребением. Известно, что в Абидосе некто Упуатуа с разрешения своего царственного хозяина "прошёл Ритуал Шкуры". Изученные документы дают основание считать, что Ритуал Шкуры был последней стадией посвящения, известной в тот период, и того, кто его прошёл, называли "*полностью посвящённым*", "*истинным аху, тем, кому известны тайные формулы*" или "*тем, кому известные все тайны магии Суда*".

Очень похожий пример можно найти в ведических ритуалах Индии. Для обряда Дикши, или обожествления человека, изготовлялась специальная хижина, где посвящаемого

обряжали в шкуру чёрной антилопы. Хижина символизировала матку, шкура – плаценту, а пояс – пуповину. Омовение водой олицетворяло оплодотворение семенной жидкостью, а вся церемония напоминала ритуал возрождения Осириса. Таким образом, ритуал Шкуры с восстановлением пуповины представлял собой, по сути, возобновление канала, который связывал человека с его Небесной Матерью, с материнской утробой – центром галактики. "Одеть шкуру" означало войти в галактические энергии и, питаясь молоком Млечного пути, который называли Дорогой Богов, возвратиться к своему источнику.

Подведем итоги. Реконструкция на текстовом и изобразительном материале разных культурных традиций Средиземноморья, истоки которых берут свое начало в неолите и даже палеолите, дала возможность выстроить матрицу функциональной семантики шкуры в указанном культурном пространстве. Шкура как символ последнего посвящения свидетельствует об особом духовном, а затем и социальном статусе ее властителя, об его непрерывной связи с божественным женским началом, которая становится залогом удивительных подвигов героя. Шкура леопарда спасала героя от опасности при жизни и, вероятно, после смерти, когда он, словно дитя, выходил из утробы Матери-Природы, чтобы достичь овеянного мечтой бессмертия.

ЛИТЕРАТУРА

АБАЕВ, В.И., 1990. Шаман сильнее воина // Избранные труды. Т. 1. Религия, фольклор, литература. Сост. и отв. редактор В.М. Гусалов. Владикавказ: Ир, С. 438-447.

АБРАМОВА, З.А., 1988. Характерные особенности палеолитического искусства на Русской равнине //Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: «Наука», С. 39-41.

БЕЛЕНИЦКИЙ, А.М., МАРШАК, Б.И., 1976. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, С. 75-89, http://kronk.narod.ru/library/belenizky-marshak-1976.htm

ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, ВЯЧ. ВС., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1409с.

ГАМСАХУРДИЯ, З., 1990. Духовная миссия Грузии. Лекция, прочитанная на фестивале «Идриарти» в Тбилисской филармонии . http://www.kolhida.ru/index.php3?path=_etnography/mneniya&source=01

ГИГИН, 1997. Мифы. Пер. с латин., вступ. статья и коммент. Д.Торшилова; Под общ. ред. А. А.Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 369 с.

ГОРДЕЗИАНИ, Р.В., 1978. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 394 с.

ГРЕЙВС, Р. Мифы Древней Греции [пер. с англ. К.Лукьяненко]. Екатеринбург: У-Фактория, 1008 с.

ДАНДУРОВ, Д., 1937. Шота Руставели. М.: Жургазобъединение, 84с.

ИВАНОВ, ВЯЧ. ВС., 1977. Миграционные термины в языках Евразии // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. – М.: Наука, С. 67-68.

ИВАНОВ, ВЯЧ. ВС., 1985. Античное переосмысление архаических мифов. Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции "Випперовские чтения - 1985" (вып. XVIII). Ч. I., С. 9-26.

ИОРДАНСКИЙ, В.Б., 1991. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 319 с.

КЛИМОВ, Г.А., 1994. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 249с.

МЕЛЛАРТ ДЖ. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. / Джеймс Мелларт. [Пер. с англ. и коммент. Е.В.Антоновой. Предисл. Н.Я.Мерперта]. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. – 149с. (По следам исчезнувших культур Востока)

ТАХО-ГОДИ, А.А., 1991. Орион // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / [2-е изд.; л. ред. С.А.Токарев]. М.: Советская энциклопедия, Т.2. К-Я., С. 262.

НИКОЛАЕВ, С.Л. 1985. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.: Наука, С. 60-73.

СПЕНС, Л., 2007. Таинства Египта. Обряды, традиции, ритуалы. Изд-во: Центрполиграф, 222с. http://lib.ec/b/287397/read#t10

СТАРОСТИН, С.А, 1985. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.: Наука, С. 74-94.

ПОЛІЩУК (ШАДЧИНА), А.С., 2011. Відображення малоазійського концепту ЛЕОПАРД в давньогрецькій мові і культурі // Studia Linguistica. Vol. V (II). К.: Київський університет, С.79-92.

УРУШАДЗЕ, Л.В., 1980. Страна волшебницы Медеи // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, С. 21-28.

BEYNEN, B., 2004. The Lion-Leopard Fight in Shota Rustavel's The Knight in the Panther-Skin Abstract. Centr. Euras. Study Society, Indiana University, Bloomington. http://www.cess.muohio.edu/CESSpg_conf_abstracts2004.html

BLAŽEK, V., 1992. Kartvelian material in Nostratic lexicon: new etymologies / Václav Blažek // Nostratic, Dene-Caucasian, Austric and Amerind, ed. Vitaly Shevoroshkin, Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, P.112-128, 129-148.
BOMHARD, A.R., 1994. The Nostratic macrofamily: a study in distant linguistic relationship. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 933p.
CHARACHIDZÉ, G. *1986.* Prométhée ou le Caucase. Paris: Flammarion. Nouvelle bibliothèque scientifique, 357p.
TUITE, K., 1997. Pelops, the Hazel-witch and the pre-eaten ibex: on an ancient Circumpontic symbolic cluster// **Antiquitates Proponticæ, Circumponticæ et Caucasicæ** II, P.11-28.
TUITE, K., 1998. Achilles and the Caucasus // **Journal of Indo-European Studies**, vol. 26, №3, P.289-344.
TUITE, K., 2006. The meaning of Dali. Symbolic and spatial associations of the South Caucasian goddess of game animals // **Language, Culture and the Individual**. Linguaculture: Studies in the interpenetration of language and culture. Munich: Lincom Europa, P.165-188.
VM – Violet on the Mountain, 1994. An Anthology of Georgian Folk Poetry Translated and Edited by Kevin Tuite. London and Toronto: Fairleigh Dickinson University Press, 148p.
CHANTRAINE, P., 1968-1977. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots T.1-IV. Paris: Éditions Klincksieck, 1368p.
FRISK, H., 1960-1970. Griechisches etymologisches Wörterbuch Bd. I-III. Heidelberg: Carl Witer·Universitätsverlag, 2428 p.
HD - The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 1997. Hans G. Güterbock, Harry A. Hoffner. Vol.P. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 407p.

Ana Polishchuk (Shadina)
Taras Shevchenko National University of Kyiv
Research interests: classical philology, ancient Greek philosophical discourse, pre-Greek substrate, language of Homer

BALKAN- CAUCASIAN PARALLELS IN LANGUAGE AND CULTURE
(BASED ON THE HERO IN THE LEOPARD SKIN IMAGE)

Summary

The article discusses possible pathways of the Caucasian cultural and linguistic elements in the Indo-European space. Special attention is given to the Greek-Kartvelian parallels in the continuum of Anatolian cultures, in particular to the migration image of "Knight in the Leopard or Panther's Skin". The reconstruction of texts and images of the Mediterranean cultural traditions, that go back to the Neolithic and even Paleolithic origins, gave us the opportunity to build a matrix of functional semantics of the skin in this cultural space. The leopard skin as a symbol of the last initiation testifies distinctive spiritual, and then the social status of its owner, of his continuous connection with the divine feminine.

KEY WORDS: Ancient Greek, Hittite, the Georgian culture, leopard skin, an epic hero.

Ремчукова Елена Николаевна
Страхова Алиса Владимировна
Российский университет дружбы народов.
ул. Миклухо-Маклая, д.6. 119330. г.Москва, Россия.
Эл. почта: remchukova@pochta.ru, alisa.strakhova@gmail.com
Научные интересы: функциональная грамматика, стилистика, лингвистика креатива; активные языковые процессы; язык современных СМИ.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В РЕКЛАМНОМ «ЗАЗЕРКАЛЬЕ» РОССИИ И ФРАНЦИИ

Статья посвящена невербальным и вербальным способам выражения гендерной направленности российского и французского рекламного текста, а также сравнению гендерно ориентированных образов в рекламе двух стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендер, гендерный стереотип, рекламный образ, рекламный текст, слоган.

Гендерная направленность современной рекламы обеспечивается комплексом вербальных и невербальных средств, которые обнаруживают черты сходства в разных странах.

Гендерные стереотипы как результат развития гендерных отношений являются объектом исследования в разных науках (социология, лингвистика, политология, история и др.) и в разных странах, в частности, в России и во Франции. Сформировалось самостоятельное научное направление – лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика, теоретическими и экспериментальными предпосылками развития которой стали философия постмодернизма, психофизиология, нейролингвистика, социология, лингвокультурология, идеология феминизма. Интерес современной лингвистики к гендерной проблематике текста предполагает объяснение того, как в языке отражаются различия людей разного пола и какие лингвистические механизмы лежат в основе этого процесса. Кроме того, описание особенностей функционирования гендерно ориентированного рекламного текста в двух разноструктурных языках – русском и французском – позволяет выявить черты сходства и различия не только в национальных стереотипах, но и в современных языковых процессах двух стран.

Как во Франции, так и в России рекламный текст использует речевые особенности, присущие той или иной социальной группе, с целью подчеркнуть направленность рекламы на определенную целевую аудиторию, дифференцированную по возрасту, полу и социальной роли индивидуума, и сделать рекламный текст более эффективным (Зирка 2010, Grandcoing 2007).

Комплекс вербальных и невербальных средств обеспечивает направленность рекламы на целевую аудиторию в целом и на гендерную аудиторию в частности. Невербальные (визуальные) средства играют большую роль в создании женских и мужских образов, которые влияют на способы рекламной аргументации. Так, в телевизионной рекламе вербальные средства рекламного слогана в совокупности с невербальными (видеорядом) формируют образы мужчины и женщины, которые можно классифицировать по их «роли».

В обеих странах в качестве вербальных, лексико-грамматических, средств гендерно ориентированной рекламы используются различные средства:

- маркирующие пол лексемы (мужчина, женщина, homme, femme) и производные от них прилагательные (мужской, женский, masculin, feminin): *Гордись тем, что ты* ***мужчина****!; Celio, c'est* ***l'homme*** (*Celio, это мужчина); *Пиво с* ***мужским*** *характером; La perfection au* ***masculin*** (*Совершенство по-мужски); *Туалетная вода для* ***женщин****; Маленькие* ***женские*** *радости; L'avenir est* ***féminin*** (*Будущее – женское).
- указания на косвенные признаки мужчины или женщины – возраст, социальный или семейный статус, черты характера мужчины или женщины: *Blédina. Du côté*

des ***mamans*** *(*Со стороны мамы); Gillette, Лучший подарок для* ***папы***; *Le temps pour les* ***hommes d'affaire*** (*Время для бизнесменов); *Garnier Fructis – шампунь для* ***чемпионов!***; *Difficile de battre* ***un champion*** (*Сложно победить чемпиона);

- категория рода – имена существительные, маркирующие пол: *И ты* ***победитель!***; *Réveillez* ***la déesse*** *qui est en vous* (*Разбудите в себе богиню);
- оценочные имена прилагательные: *Живой цвет для* ***яркой тебя***; *Je suis* ***folle*** *de ce mascara* (*Я безумна от этой туши);
- местоимения: *Бритвенная система для* ***нее***; ***Elle*** *a quelque chose en plus. C'est peut-être Maybelline* (*В ней есть что-то еще. Возможно, это Maybelline);
- во французской рекламе особым лексико-грамматическим средством является определенный и неопределенный артикль: *Pour* ***les hommes*** *et* ***la femme*** (*Для мужчин и для Женщины); *Celio, c'est* ***l'homme*** *–* ***Les Femmes*** *aiment la mode...* ***Les Hommes*** *aiment Celio* (*Celio – это Мужчина – Женщины любят моду… Мужчины любят Celio).

Гендерные образы базируются на трех основаниях: образы с доминированием социальных качеств, физических качеств, индивидуально-личностных качеств.

По нашим наблюдениям, наиболее востребованными женскими образами в российской рекламе являются образы с доминированием социальных качеств, а именно образ *«женщины дома»*, а также образы с доминированием индивидуально-личностных качеств (*«настоящая женщина»* и *«женщина – сексуальный объект»*). Во французской рекламе чаще всего встречаются образы *«успешной женщины»* (образы с доминированием социальных качеств), *«настоящей женщины»* и *«роковой женщины»* (образы с доминированием индивидуально-личностных качеств).

С точки зрения сравнения национальной картины мира интересными представляется сопоставление образов *«успешных женщин»* в России и во Франции. В российской рекламе известные и успешные женщины часто предстают в своей семейной роли – матери, дочери, жены, показывая, что они также, как миллионы россиянок, вовлечены в бытовые проблемы и вынуждены искать средства для стирки белья и здоровое питание для детей (например, рекламные ролики моющих средств марки AOS с Марией Шукшиной (*Для семьи я выбираю лучшее!*). Для создания рекламного образа важен выбор «главного персонажа», ведь Мария Шукшина не только очень красивая женщина, известная актриса и дочь знаменитого писателя Василия Шукшина, но и мать четверых детей. Последний «штрих», существенный для страны, где много одиноких женщин, – она разведена (ее сложные отношения с последним гражданским мужем активно обсуждаются в СМИ).

Успешная женщина французской рекламы успешна именно в своей профессиональной роли – руководителя, исследователя, деятеля искусства. Так, в рекламе автомобиля Alfa Sportwagon в качестве «успешной женщины» представлена актриса Кетрин Зета-Джонс. В слогане *Je ne porte pas de bijoux. Je les conduis* (*Я не ношу драгоценностей. Я ими управляю) создается образ успешной, умной, сексуальной женщины, которая делает правильный выбор: автомобиль вместо драгоценностей.

Главным вербальным средством этой рекламы является полисемия глагола *conduire* – управлять: 1) assurer la direction d'un véhicule; 2) guider quelqu'un dans son existence (*1) обеспечивать управление транспортным средством; 2) управлять чьим-либо существованием). Автомобиль является лишь частью того, чем такая женщина способна управлять – мужчиной, другими людьми, всем миром. Образ «подкреплен» и визуальным рядом – изображением очень красивой актрисы, обладающей имиджем успешной женщины (в семейной жизни в том числе), что также подчеркивает достоинства автомобиля.

Вероятно, это различие связано с тем, что для большинства россиянок успех в жизни связан не только с материальным благополучием и карьерой, но и с реализацией себя в семейной жизни и в роли матери, тогда как женщины Франции разграничивают эти две роли.

Классификация мужских образов является более сложной, чем классификация женских, что связано с большим числом мужских ролей, актуализированных в рекламе. Кроме того, в мужских образах отмечается больше сходства, что обусловлено

доминированием индивидуально-личностных качеств. Наиболее распространенными мужскими образами российской и французской рекламы являются образы с доминированием индивидуально-личностных качеств (*«настоящий мужчина», «мужчина-мачо», «мужчина – сексуальный объект»*).

Образ **«настоящий мужчина»** является самым распространенным в современной рекламе. Он базируется на стереотипах мужественности, основанных на таких мужских качествах, как сила, надежность, уверенность в себе, неукротимость, изысканность. Образ «настоящего мужчины» встречается в рекламе дорогих автомобилей и других предметов роскоши. При этом реклама стремится еще больше стереотипизировать указанные характеристики, привлекая к ним максимальное внимание и передавая товару «мужские» качества:

Сильный, мужественный, надежный. Новый Ssang Yong Rexton – правильный мужской выбор. В данном случае рекламодатель, олицетворяя машину с мужчиной, психологически «давит» на самолюбие мужчин, побуждая их к активным действиям.

Armani Pour Homme De Giorgio Armani. L'élégance dépasse le temps (*Элегантность превосходит время) – статус потенциального покупателя повышается благодаря обращению к вечным ценностям.

В России вариантом «настоящего мужчины» является образ **«настоящего мужика»**, изначально созданный для отечественной рекламы пива, но со временем «взятый на вооружение» и западными компаниями для расширения целевой аудитории. «Настоящий мужик» – крепкий сорокалетний мужчина, не «белый воротничок», но с образованием, прямолинейный, с твердой жизненной позицией, любящий компанию, увлекающийся футболом, ценящий друзей и семью. Образ является визуально узнаваемым, так как актеры, его представляющие, обладают внешностью типичного «русского мужика»: средний рост, полноватая фигура, простоватый вид. Вербальной составляющей данного образа является характерная лексика:

Петрович *всегда мечтал стать байкером и надумал сам мотоцикл собрать. Сезон на исходе, а он все в гараже пропадает. Решили ему* ***подсобить****. За работу взялись основательно и* ***по-взрослому****. Собрали Петровичу настоящего железного коня! «Толстяк» – это по-взрослому,* ***мужики****!*

Данный текст обладает рядом лингвистических характеристик, присущих целевой группе «настоящих мужиков»: обращение без имени, но по отчеству (*Петрович*), допустимое между мужчинами, давно знакомыми друг с другом и имеющими приятельские отношения; просторечие *подсобить* (помочь), которое подчеркивает взаимовыручку «мужиков»; эпитеты *основательно* и *по-взрослому* характеризуют такое положительное качество «настоящего мужика», как серьезное отношение к работе. Данный образ имеет ярко выраженную национальную специфику, а лексему «мужик», характеризующую определенный современный русский мужской тип, можно считать «абсолютной лакуной» (Степанов 2006, с. 120), не имеющей эквивалента в виде слова во французском языке, в связи с чем ее появление в зарубежной рекламе невозможно.

До недавнего времени ролики, обыгрывающие сексуальность мужчины, встречались очень редко. Считалось, что только женская сексуальность может способствовать привлечению аудитории и созданию положительного имиджа товара. Однако в последнее время все более часто в рекламе появляются мужские образы с преобладанием именно сексуального начала. «Активное» сексуальное начало реализуется в образе «**мачо**» – мужчины-хозяина, мужчины-завоевателя. Так, в рекламе популярной туалетной воды для мужчин «1 Million» от Paco Rabanne, идентичной в российском и во французском прокате, в кадре по щелчку пальцев главного героя последовательно появляются различные атрибуты шикарного образа жизни: дорогой автомобиль, сумка, полная денег, красивая женщина, бриллиантовое кольцо у нее на пальце, а дополняет этот «комплекс» флакон туалетной воды «1 Million». Приемом создания образа здесь является семантика окружения: ролик создает

некую «другую реальность», воспроизводящую жизнь богатых людей, с которой напрямую связывается рекламируемый парфюм.

В данном примере гендерный эффект достигается, прежде всего, с помощью невербальных средств, в качестве вербальных используется только название торговой марки. Следует отметить, что гендерная направленность может обеспечиваться, напротив, комплексом исключительно вербальных средств, как в слогане духов Fidji *La femme est une île, Fidji est son parfum* (**Женщина – остров, «Фижди» – её духи*). Здесь наблюдается объединение в одном контексте разных значений одного слова (*Фиджи* – остров и «*Фиджи»* – духи). Название рекламной продукции апеллирует к общей перцептивной базе (знание о том, что Фиджи – остров). Метафорическое сравнение женщины с загадочным островом создает эффект тонкой лести, что вызывает положительные эмоции у женщины-потребителя. Неопределенный артикль (*une île*) придает слову значение уникальности. Таким образом, в пространстве мини-текста используется целый комплекс выразительных средств (метонимия, метафорическое сравнение, синтаксический параллелизм), которые обусловливают художественную ценность рекламного продукта и выражают его гендерную направленность.

Однако очевидно максимального эффекта гендерная реклама достигает с помощью удачной комбинаторики как вербального (рекламный текст, слоган), так и невербального (визуальный ряд) компонента.

Таким образом, как в России, так и во Франции реклама является мощным создателем символов и стереотипов, в том числе гендерных, «навязывая» потребителю определенный образ жизни.

ЛИТЕРАТУРА

ЗИРКА, В.В., 2010. Манипулятивные игры в рекламе: Лингвистический аспект. М.: Книжный дом «Либроком», 256 с.

СТЕПАНОВ, Ю.С., 1997. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 824с.

GRANDCOING, C., 2007, Communication et medias. Evolution et révolution. Paris: Economica, 315 c.

Remchukova Elena, Strakhova Alisa
Russian university of people’s friendship

MEN AND WOMEN «THROUGH THE LOOKING-GLASS» IN ADVERTISEMENTS IN RUSSIA AND FRANCE

Summary

The article is devoted to the verbal and non-verbal ways of expressing the gender orientation of Russian and French advertising texts, as well as gender-specific comparisons of images in advertising between the two countries.

KEYWORDS: gender, gender stereotype, advertising image, advertising text, slogan.

Сергей Рыбаков
Уральский федеральный университет,
ул. Мира, 19, 343. Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: istoric-ek@mail.ru
Научные интересы: история культуры; история международных отношений; религиоведение.

ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА

Язык и речь прямо и непосредственно связаны с духовным строем общественной жизни, с духовностью. Духовность − это вовсе не мёртвая архаика. Понятие «духовность» обладает реальным, практическим содержанием, включающим в себя прикладные смыслы. «Технология» духовности нацелена на изживание из социального бытия различных химер, двусмысленных построений, имитаций, ложных и тупиковых теорий. Люди нуждаются в умении распознавать неявные, скрытые пороки, а навыки такого распознавания зависят именно от духовности, от отточенного духовного зрения. «Технологичность» духовности и заключается в «сортировке» подлинного и фальшивого, в отделении одного от другого. «Отсортировать», отделить одно от другого можно только с помощью языковых средств, способных выражать тонкие смысловые нюансы, раскрывать разные стороны явлений и сущностей. Это значит, что духовность является прямым проводником и транслятором богатства, многообразия и развитости языка. Духовное освоение мира являет собой процесс расширения границ образного мышления и потому может идти лишь в тесной взаимосвязи с процессом «шлифовки» языково-речевого инструментария.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**:** язык, речь, духовная культура, духовность, этика, образность, духовное освоение мира, образование, просвещение, сакральная лексика, лексические ресурсы, защита языка*

Люди, занятые в сфере гуманитарных знаний, хорошо понимают, что язык и речь самым прямым и непосредственным образом связаны с духовным строем общественной жизни. Духовный строй, духовный уклад, духовная структура социума − это традиции и заветы, это устоявшийся бытийно-ценностный порядок, позитивный вековой опыт разных народов в отдельности и человечества в целом. Именно язык, в первую очередь и прежде всего, и является отражением духовного строя, духовной культуры.

В части современного общества, ориентированной на демонстративно авангардные, «продвинутые» модели социального поведения, духовность ассоциируется исключительно с ретроспективой, представляясь элементом прошедших эпох, несущим на себе отпечаток чего-то архаичного и отжившего. Однако духовность − отнюдь не мёртвая архаика. Сегодня феномен духовности продолжает оставаться таким же актуальным и востребованным, каким был и раньше, и умение развеивать мифы и заблуждения, касающиеся духовной культуры, является важнейшей задачей гуманитарного сообщества.

Одно из заблуждений сводится к представлению о том, что духовность непримиримо противостоит материальному миру. Распространённость этого тезиса объясняется тем, что духовность действительно отделена от грубых и брутальных форм материи. Но это вовсе не означает, что духовность отвергает материальную сторону бытия. Среди многих определений духовности есть те, которые связывают её с полнотой бытия, богатством жизненных красок, с принятием жизненного начала во всех его проявлениях, в том числе − и материальных. При этом духовность призвана благодатно воздействовать на материю, преобразовывать её с помощью специфического акта, названного «одухотворением», вносить в неё глубокие и тонкие смыслы, придавать ей сакральную окраску. Материальный мир может входить в человеческое сознание предельно привлекательным, облагороженным, опоэтизированным. Неслучайно в христианском богословии существует понятие «священный материализм».

Духовность не следует путать с патетикой, пафосом, поскольку пафос может оказаться ложным, фарисейским. Духовность же − это истинность, искренность, открытость. Разумеется, духовности не чужда возвышенная лексика, но возвышает эту лексику не пафос, а глубокие смыслы, придающие словам заряд сакральности.

Понятие «духовность» обладает вполне осязаемым содержанием, стыкующимся с практической стороной человеческой деятельности, включая в себя, как это ни казалось бы неожиданным на первый взгляд, и прикладные, функциональные смыслы. «Технология» духовности нацелена на изживание из социального бытия различных химер, двусмысленных построений, имитаций, ложных и тупиковых теорий. Юридические нормы мало помогают в противодействии разного рода симулякрам, а люди нуждаются в умении распознавать неявные, скрытые пороки. Навыки такого распознавания связаны именно с духовностью, зависят от степени отточенности духовного зрения. «Технологичность» духовности и заключается в «сортировке» подлинного и фальшивого, в отделении одного от другого. А как можно «отсортировать», отделить одно от другого? Только с помощью языковых средств, с помощью лексики, способной выражать тонкие смысловые нюансы, раскрывать разные стороны явлений и сущностей. Это значит, что духовность является прямым проводником и транслятором развитости, богатства, многообразия, образности языка. Можно сказать, что духовность − это такая образность, которая противостоит всему, что делает человеческую жизнь низменной, примитивной, банальной и бездумной. Духовное освоение мира являет собой процесс расширения границ образного мышления и потому может идти лишь в тесной взаимосвязи с процессом «шлифовки» языково-речевого инструментария.

Несомненна связь духовности с этикой, с безусловным следованием нравственным нормам, со стремлением к совершенству. Совершенство − вовсе не абстракция, оно базируется на доверии к «природному проекту», к естественным законам бытия и предполагает отказ от потребительского отношения к жизни, от высокомерия к людям. Совершенство − это развитый интеллект, приоритет разума, но это ещё и творческое отношение к окружающему миру. Понятия «совершенство», «творчество», «духовность» стоят в одном ценностном ряду, органично входя в лексикон людей, занятых писательством, живописью, архитектурой, театральным делом, наукой. Тесная смысловая связь между творчеством и духовностью очевидна для большинства философов, некоторые из которых говорят о духовности, о духовной культуре как об экзистенциальном капитале социума.

Понятие «духовность» носит вполне светский характер, однако при этом нельзя обойти вниманием факт его религиозного происхождения, которым, впрочем, отмечены и многие другие этические, эстетические, мировоззренческие категории. Для стран и народов, почитающих христианские традиции, первоисточником духовных ценностей явился Новый завет с его апологией Святого Духа. Святой Дух может трактоваться как благодать, даруемая мудрой любовью к миру. Выражения «благодать», «мудрая любовь», как, впрочем, и понятие «духовность», не вписываются в модернистский дискурс, не говоря уже о постмодернизме. Но в истории мировой культуры понятие «духовность» и все ассоциированные с нею категории сыграли важную роль, немало поспособствовав становлению человеческого самосознания и освоению человеком природного мира.

На нынешнем этапе исторического развития взаимоотношения между наукой и религией складываются сложно и неоднозначно. Наука склонна критиковать религию. Нельзя сказать, что эта критика вовсе не оправданна: низшие формы религиозного сознания − фетишизм, шаманство, суеверия, − безусловно, заслуживают её. Однако было бы неправильно подходить к религии исключительно с позиций жёсткой критики, поскольку существуют и развитые формы религиозности. Религию не стоит сводить только к пережиткам и предрассудкам: в ней нетрудно обнаружить отпечатки человеческих эмоций, связанных с откликом на многообразие природных и жизненных форм, с удивлением перед той картиной мира, в которой есть место чуду и тайне. Религиозный опыт человечества

содержит колоссальный запас знаний, и без обращения к этому опыту по-настоящему плодотворное углубление научных представлений и об истории, и о языке едва ли возможно.

Трудно сомневаться в том, что литературные языки всех восточноевропейских народов восходят к церковным традициям и к религиозной лексике. Вряд ли сегодня кто-нибудь будет оспаривать, что болгарский, сербский, русский литературные языки возникли на базе церковно-славянских языковых норм. Христианство внесло в славянские языки огромный пласт сакральной лексики. Многие слова, возникшие под воздействием христианства, употребляются сейчас славянскими народами в обыденном, десакрализованном виде. В коротком перечне примеров можно упомянуть общеславянское слово «душа», русское и болгарское «призвание», также русское и болгарское «вдохновение», русское «спасибо». В польском и украинском языках есть слово «свято», которым ныне обозначается любой праздник, но самой своей фонетикой это слово напоминает нам о религиозных корнях его происхождения. У христианских народов многие категории получали статус абсолюта и нравственного императива. Так, в русском языке такой статус приобрели не только отдельные слова (такие, как «истина», «свет», «подвиг», «стойкость», «чистота» и многие другие), но и многочисленные ряды однокоренных слов: «правда», «праведность», «справедливость»; «честь», «честность», «честолюбие»; «благо», «благодать», «благородие», «благодарность», «благоразумие» и так далее. Весь комплекс сакральной лексики служил людям источником целевых поведенческих установок, учил трезвому и осмысленному существованию, помогал преодолевать смысловую пустоту, вырабатывать умение жить своим умом и не поклоняться навязываемым со стороны кумирам и фетишам.

В течение веков сакральная лексика, воспринимавшаяся людьми «музыкой небесных сфер», отторгала сквернословие, словесную грязь, ставила барьеры грубости и бездушия в человеческом общении. Ныне, в условиях, когда реформы и изменения в обществе превращаются в некую самоцель, не связанную с задачами совершенствования общественных отношений, эти барьеры размываются. Сакральные пласты лексики немалой частью современного атомизированного общества воспринимаются как нечто старинное, отжившее, а потому и ненужное, хотя история, казалось бы, убедительно доказала, что попытки начинать историческое движение с «нулевой отметки», с «чистого листа» всегда заканчиваются провалами. Почему это происходит? Потому что история человечества не ограничивается идеологическими учениями или политическими институтами, развитие которых способно поддаваться радикальным корректировкам и переписываться заново. Наиболее значимые смыслы человеческой истории касаются развития человеческого сознания и человеческого языка, а это развитие никакими усилиями невозможно начать с «нулевой отметки». Всякие попытки «обнулить» сознание и язык людей и народов бессмысленны, бесполезны и утопичны. Тотальное «обновление» человеческого сознания неосуществимо по той причине, что сознание «питается» не только внешними воздействиями, не механически отражает внешний мир, а располагает своеобразной «базой данных», куда входят архетипы мышления и поведения, передающиеся из поколения в поколение за счёт всей суммы нюансов, составляющих живую ткань бытия. И особую роль здесь играет, конечно же, язык.

Язык − это фонд хранения важнейшей информации, накопленной в течение веков. Это пространство социального, культурного, житейского опыта, обращение к ментальной истории той или иной страны, того или иного народа. Лексическая и смысловая основа любого языка корнями связана с начальными вехами истории. Язык обеспечивает преемственность поколений, вне языка невозможно ни воспитание, ни образование. Язык представляет собой коллективную память и отдельных народов, и человечества в целом. Обеднение языка означает отрыв от достижений культуры и упрощение, примитивизацию социального опыта.

Понятие «язык» имеет два смысловых уровня: есть язык как система, подаренная человеку его естеством, его природой, и есть язык символов, придуманный, разработанный

или систематизированный самим человеком для результативной деятельности в различных сферах − науке, технике, искусстве. И на том, и на другом уровне язык представляет собой развитую структуру со своими первоэлементами, сочетаниями и комбинациями, взаимодействующими между собой по определённым правилам. Язык − величайшее достояние и человека, и человечества. Собственно говоря, мыслящим человека и делает именно язык. С его помощью человек познаёт окружающий мир. Механизм познания действует при помощи слов, когда к вещам, предметам, явлениям, их свойствам, качествам и связям между ними подбираются названия, имена, понятия, категории. Чем больше слов, понятий в личном лексиконе, тем обширнее представления человека о мире, тем шире его интеллектуальный диапазон. С помощью слов люди самоопределяются в пространстве и времени, познают самих себя, находят и закрепляют свою идентификацию, объективирует своё самосознание. Язык определяет объём и содержание памяти человека, существенно влияет на его психику.

Мысль не может существовать без слова. Слово − это «одежда» культуры, науки, образования. Пренебрежение к слову неизбежно оборачивается пренебрежением и к культуре, и науке, и к образованию. А поскольку в лексике каждого народа заключены шифры его исторического бытования, то пренебрежение к слову, так или иначе, оказывается пренебрежением к самой истории. Мир речевого бескультурья является миром без идеалов, без патриотизма, без гражданственности, без общественной солидарности. В таком мире на смену насыщенному смыслами содержанию приходят ценностная пустота и смысловой тупик.

Язык − главное средство коммуникации между людьми. При этом он не только выполняет сугубо инструментальную роль, но и помогает вступившим в общение достигать взаимопонимания или, напротив, определять пределы взаимной чуждости. Недаром в русском языке существует выражение «найти общий язык».

Бытование разных народов отпечаталось в их языке, вобравшем в себя и достижения, и разочарования, и положительные, и отрицательные уроки истории. Формирование национальных языков шло параллельно с ценностным познанием. Во всех языках существуют парные связки смысловых антиподов: «добро − зло», «истина − ложь», «любовь − ненависть», «сила − слабость», «мудрость − глупость», «развитие − деградация» и так далее.

В духовных традициях всех народов особое значение придавалось и придаётся знанию как преодолению невежества. В течение веков категория «знание» имела сакральную окраску. Так, русская пословица «Ученье − свет, а неученье − тьма» не сводилась только к формальной назидательности: в старину на Руси получение знаний воспринималось не просто как обучение или суммирование информации; считалось: человеку мало что-то знать, для него важнее понимать суть явлений. Сакральный ранг процесса обучения отразился в понятиях «просвещение» и «образование». «Просвещение» − это производное от слова «свет»: «просвещать» значило «приобщать к свету, уводить от тьмы». Категория «образование» произошла от слова «образ», понимаемого как «икона», «святыня». Стало быть, образование понималось как движение к образу, к идеалу. Антитезой понятия «образование» является не только «невежество», но и «безобразие», означающее «отсутствие образа» или «антиобраз».

Что происходит сегодня, когда слова «просвещение» и «образование» утрачивают присущий им некогда сакральный смысл? Вместе с выветриванием из этих слов прежнего смыслового диапазона выхолащивается содержание и самого процесса обучения, а падение качества обучения отражается в первую очередь на состоянии языка: происходит заметное снижение общего уровня речевой культуры.

Возьмём для примера ситуацию в современной России. То, что происходит там сейчас с языком, вызывает немалую тревогу у научно-образовательного сообщества, особенно − среди гуманитариев. Под давлением коммерциализации и узкого прагматизма культура русской речи неуклонно девальвируется: из неё вытесняются нормативный и этический

компоненты, а доминировать начинает коммуникативно-инструментальный компонент. Речь упрощается, обедняется, засоряется штампами, теряет точность, выразительность, образное богатство. Заметными становятся такие тенденции как смешение различных речевых стилей, экспансия жаргона, сленга, искусственных диалектов, рост речевого субъективизма, перерастающего в прямой произвол. На общество обрушились потоки информации, обходящей все этические и эстетические «фильтры». Появились новые жанры общения в виде «эсэмэсок», блогов, социальных сетей. Специфика этих жанров такова, что они провоцируют клиповость мышления, засоряют речь дежурными клише.

Всё более заметной становится тенденция, связанная с наступлением на живую речь лексики, приходящей из технотронной сферы и пиар-технологий. Ещё одной проблемой стало увеличение случаев немотивированного использования англицизмов, ведущего к обеднению национальных языков народов, не относящихся к англоязычному миру. Экспансия англицизмов порождена стратегиями рекламных агентств, в большинстве своём пропитанных эстетикой глобализма и искусственно раздуваемой элитарности. В идеологических схемах глобализма национальным языкам отводится периферийное место. Вообще язык в этих схемах оказывается не более чем набором знаков, служащим переносу текущей информации, имеющей отношение к торговле, но фактически не имеющей отношения к культуре, к истории, к национальным традициям.

При этом нельзя, разумеется, все языковые заимствования оценивать только негативно: высокая культура нацеливает на то, чтобы взять из мирового духовного опыта всё самое лучшее. Но именно лучшее, а не штампы и трафареты, уводящие язык от гармоничного развития в сторону маргинализации. Никто не будет спорить с необходимостью ориентироваться на высокие образцы мировой культуры, но в то же время всем здравомыслящим людям понятна значимость защиты и поддержки и национальных историко-культурных традиций, теснейшим образом связанных с местными языками и литературами.

Агрессивное давление со стороны различных сленгов и жаргонов, нецензурной лексики, некритично воспринятых иностранных заимствований подрывает духовные основы языка, заставляет его терять способность оставаться саморегулирующей системой. Язык нужно защищать. Особого внимания требуют средства массовой информации, и прежде всего, телевидение. Любая речевая ошибка, сделанная диктором или ведущим ток-шоу, резонирует среди сотен тысяч, если не миллионов телезрителей. В таких случаях высока вероятность того, что часть аудитории повторит эту ошибку, а в чьём-то сознании она трансформируется в норму.

Защита и поддержка литературного языка и его норм становится ныне важнейшей задачей гуманитарного сообщества. Чем больше упрощается и загрязняется речь, чем сильнее падает речевая культура, тем актуальнее становится эта задача. Однако в реальной практике она решается не так, как того требует складывающаяся ситуация. К примеру, в российской системе среднего образования за последние годы произошло ощутимое снижение доли учебных часов, выделяемых школьникам для изучения русского языка и литературы. Сильный удар по гуманитарному образованию и в первую очередь по урокам литературы наносит Единый государственный экзамен, который, может быть, и приемлем для проверки знаний по математике или физике, но никак не подходит к литературе или истории, ибо невозможно поместить в тестовые схемы поэтические образы и тонкие философские смыслы. С введением ЕГЭ литература в школах становится, по сути дела, никому не нужна: школьники теперь не уделяют должного внимания урокам литературы, перестают читать. Сокращая часы для изучения литературы, российская школа тем самым отворачивается от задач просвещения и воспитания, ибо литературная классика и есть самый мощный воспитательный ресурс, который концентрирует знания по психологии, философии, истории. Литературная классика - это и образцовый язык, это и источник глубоких позитивных эмоций. Нужно помнить: отсутствие у человека или у общества позитивных

эмоций, связанных с высокими духовными ценностями, означает отсутствие жизненной или стратегической программы.

Перестав читать, школьники обрекаются на приостановку в развитии, их речь становится упрощённой, суррогатной, примитивной. Что значит лишить детей возможности приобщиться к поэзии Пушкина или Лермонтова? Это значит отсечь их от пушкинского и лермонтовского лексикона, насчитывающего сотни тысяч слов, и сделать их речь убогой и плоской. А языковая деградация неизбежно ведёт к деградации духовной и культурной, когда школьники перестают осознавать разницу между стройной, нормированной, грамотной речью и сленгом или, того хуже, нецензурной, обсценной лексикой. Их сознание подчиняется фиктивным иерархиям. Из их поля зрения уходит главная иерархия − иерархия духовных ценностей.

Вывод из всего сказанного следует один: язык нуждается в целенаправленной защите и поддержке. Нужны системные меры, обеспечивающие все условия для полноценного существования языка. К этим мерам могут и должны относиться законодательные нормы по сбережению культурного наследия, неформальная, действенная забота о средней и высшей школе, поддержание высокого авторитета классической литературы, поощрение чтения художественных произведений детьми и молодёжью, внимание государства и общества к развитию филологической науки, фольклористики, устного народного творчества, общественный контроль в сфере преподавания языка и литературы, усилия по освобождению радио- и телеэфира, периодики, кинематографа от сниженной лексики, от заезженных языковых штампов и стереотипов, запрет на употребление обсценной лексики на телевидении, проведение целенаправленной государственной политики по поддержанию литературных норм и речевой компетенции во всех слоях населения.

Всем, кто не равнодушен к проблемам бытия, нужно понять, что борьба за язык − это борьба за будущее. Лингвистические ресурсы − это одно из главных достояний и богатств общества. Без опоры на эти ресурсы ни один социум не способен полноценно развиваться и обеспечивать себе надёжные перспективы.

Rybakov Sergey
Ural federal university (Ekaterinburg)

THE SIGNIFICANCE OF LANGUAGE IN THE PROCESS OF SPIRITUAL DEVELOPMENT OF THE WORLD

Summary

Language reflects the psychology of the society. It is connected with spirituality. Spirituality is not archaic. In the concept of «spirituality» has invested real, practical content. Spirituality helps to distinguish the true from the false and fix the errors and false theories. People want to recognize the hidden vices, and the ability to do this depends precisely on spirituality. In order to distinguish the true from the false, you need to find a language tools, which Express the subtle semantic nuances and reveal different aspects of phenomena and entities. It turns out, that spirituality is the richness and variety of the language. The spiritual development of the world is possible only in connection with the improvement of language.

KEY WORDS: language, speech, spiritual culture, spirituality, ethics, the imagery, the spiritual assimilation of the world, education, the sacred language, lexical resources, protection of the language

Наталья Бунько
ГНУ «Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси»
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Беларусь
Эл.почта: melarosso@mail.ru
Научные интересы: диалектология, этнолингвистика, культурология, терминология

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируется корпус терминологической лексики, связанной с профессиональной деятельностью специалистов в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, в области радиационной, промышленной безопасности, электробезопасности, безопасности движения железнодорожного транспорта, охраны труда, окружающей среды и других видов безопасности жизнедеятельности. Рассматриваются особенности структурно-тематической организации, указывается наличие гиперонимо-гипонимических отношений в составе рассматриваемой группы терминов. Особое внимание уделяется вопросам терминообразования, специфической особенностью которого является распространенность терминов-словосочетаний, состоящих из двух, трех и более компонентов, а также этимологии данной специальной лексики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *терминологическая лексика по чрезвычайным ситуациям, структурно-тематическая организация, гиперонимо-гипонимические отношения, способы образования, многокомпонентные термины, источники происхождения.*

Основными источниками отражения фактического материала по терминологии спасателей являются специальные (отраслевые) энциклопедические и лексикографические издания, учебно-методические пособия и справочники, а также современные нормативные издания в сфере безопасности (Государственные стандарты Республики Беларусь, Межгосударственные стандарты и классификаторы, сборники официальных документов, образовательные стандарты, технические кодексы и др.).

Современная структура Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь включает в себя около двадцати специальных организаций и служб: в числе которых центр оперативного управления, службы пожаротушения и аварийно-спасательных работ, химической и радиационной безопасности, инженерных работ, связи и освещения, поисково-спасательная, авиационная, водолазная, взрывотехническая, газодымозащитная, медицинская, парашютно-десантная, кинологическая службы. Теоретическая подготовка специалистов в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, пожарной и промышленной безопасности, пожарной аварийно-спасательной техники и связи, инжиниринга безопасности объектов строительства, организации деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (ЧС), организации государственного пожарного надзора и т.п. в первую очередь основана на овладении знаниями по профессиональной терминологии.

Корпус терминологической лексики спасателей включает в себя как узкоспециальную терминологию в области предупреждения и ликвидации ЧС, так и терминологию смежных отраслей науки и техники (водолазной, авиационной, строительной, геологической, гидрологической, военной, медицинской, метеорологической, химической, физической и т.д.), необходимых для изучения определений профессиональной терминологии. Определенное место характерно для терминов, использующихся в промышленной, радиационной безопасности, электробезопасности, безопасности движения железнодорожного транспорта, в области охраны труда, окружающей среды и др. видов

безопасности жизнедеятельности. Периферическую группу составляют термины общего и технического характера, необходимые для понимания терминологии, связанной с деятельностью спасателей. Общее количество исследованных терминов и определений составляет около 4500 терминов-слов и терминов-словосочетаний.

Различные терминологические системы, существующие в языке, отличаются специфическими особенностями понятий и названий, которыми данные системы апеллируют. В составе технической терминологии, в отличие от терминологии сферы гуманитарных наук, преимущественное количество терминов, служащих для наименования предметов, а значительно меньше терминов, характеризующих отвлеченные понятия. Таким образом, на первое место выступает номинативный аспект, а затем – понятийный. Соотношение номинативного и понятийного аспектов в терминологической лексике спасателей определяется приблизительно в пропорции 5:1.

Структурно-тематическую основу корпуса терминологической лексики по чрезвычайным ситуациям составляют термины, характеризующие понятия для наименования:

- специалистов, структурных органов, подразделений, организаций и объединенных обществ по предупреждению и ликвидации ЧС в Республике Беларусь, а также профессиональных печатных изданий;
- аварийно-спасательных технических средств и установок: напр., аварийно-спасательных автомобилей, стационарных средств пожаротушения и др.;
- аварий, катастроф, пожаров и др. видов ЧС;
- веществ (материалов), обладающих огнеустойчивыми характеристиками, либо способных к самостоятельному воспламенению или взрыву, остатков продуктов горения;
- сооружений (их частей), предназначенных для укрытия населения, технических средств, имущества при возникновении и (или) ликвидации ЧС;
- специального обмундирования и отдельных предметов снаряжения спасателей;
- средств индивидуальной защиты органов дыхания, кожных покровов и т.п.;
- действий (мероприятий), направленных на предупреждение (ликвидацию) ЧС;
- атмосферных и природных явлений, стихийных бедствий, которые приводят (или могут привести) к возникновению ЧС;
- территорий (акваторий), подвергнутых воздействию ЧС;
- нормативных документов, расчетных и справочных данных;
- средств и систем, предназначенных для оповещения о вероятности возникновения (о возникновении) ЧС и др.

Для отдельных групп терминов характерно наличие собственной «внутренней» классификации на основе гипонимических (видовых) отношений. Например, в терминологическом ряду «аварийно-спасательная техника» гиперонимом по отношению к термину *аварийно-спасательный автомобиль* (*пожарный автомобиль*) является термин *аварийно-спасательная и пожарная техника*, к термину *пожарный автоподъемник* – термин *аварийно-спасательный автомобиль*. Другой тип гипонимических отношений составляют термины, обозначающие целое и части целого: *пожарный автоподъемник → базовое шасси пожарного автоподъемника, стрела пожарного автоподъемника, люлька пожарного автоподъемника, аварийный привод пожарного автоподъемника, маневр пожарного автоподъемника, выносные опоры пожарного автоподъемника, высота подъема пожарного автоподъемника, гидравлическая система пожарного автоподъемника, грузовая статическая устойчивость пожарного автоподъемника, грузоподъемность пожарного автоподъемника, пульт управления пожарного автоподъемника, несущая рама пожарного автоподъемника, устойчивость пожарного автоподъемника при движении* и др.

Для некоторых терминов характерно наличие двух и более значений: напр., *автоматический пожарный извещатель* – 1) пожарный извещатель, который реагирует автоматически на факторы, связанные с возникновением пожара; 2) часть автоматической системы обнаружения пожара, которая содержит минимум один датчик, контролирующий

соответствующие физические и (или) химические явления, совместно с приемно-контрольными приборами. Зафиксированы случаи синонимичных отношений между некоторыми терминами: *пожарный волонтер – пожарный, тепловое самовоспламенение – тепловой взрыв, пункт наблюдения системы пожарной сигнализации – диспетчерский пункт, противопожарное полотнище – кошма* и др. Полисемия, как и синонимия не являются распространенными явлениями для характеризуемой терминологии.

Термины как разряд специальной лексики относятся к сфере лексики ограниченного использования и характеризуются рядом специфических особенностей. В тоже время термины являются элементами лексической системы языка и в целом подчиняются его законам, в том числе и в области словообразования. Для корпуса терминологической лексики спасателей свойственны лексико-семантический, синтаксический, морфемные (аффиксальные), сложносуффиксальный способы образования, основа- и словосложение.

Лексико-семантический способ образования терминов основан на терминологизации общеупотребительных слов. Лексические единицы литературного языка приобретают терминологическое, строго специализированное значение: *информация* ‘сведения об окружающем мире и процессах; сообщение о состоянии дел, сведения о чем-л.’ → ‘вид связи на пожаре при помощи радиостанций и телефонов’, *управление* ‘действия по направлению чьей-л. деятельности’ → ‘вид связи на пожаре лично с руководителем тушения пожара или через связных ’, *вмешательство* ‘принятие участия в каком-л. деле с целью изменения его хода’ → ‘мероприятие (действие), направленное на предотвращение или снижение неблагоприятных последствий облучения или радиационной аварии’, *дозатор* ‘приспособление для автоматического отмеривания жидких или сыпучих веществ, для разделения на дозы’ → ‘приспособление в установках пожаротушения, предназначенное для добавления пенообразователя в воду’, *выход* ‘место, через которое выходят’ → ‘место, разделяющее путь эвакуации и зону безопасности’ и др.

Терминологизированное общеупотребительное слово очень часто является компонентом термина-словосочетания: *боевой расчет* ‘личный состав, имеющий конкретные обязанности по тушению пожаров и ведению других аварийно-спасательных работ, а также закрепленную за ним автомобильную технику’ ← *расчет* ‘воинское подразделение’, *дымонепроникающие двери* ‘двери, предназначенные для предотвращения распространения *дыма* при *пожаре* на протяжении нормированного времени’ ← *двери* ‘проем в стене для входа-выхода’, *пожарная лестница* ‘наружная открытая лестница, предназначенная для использования спасателями, а также для эвакуации людей при пожаре’ ← *лестница* ‘сооружение в виде ряда ступенек для подъема-спуска’, *пожараная профилактика* ‘деятельность, направленная на предотвращение возникновения, ограничение развития пожара и обеспечение тушения пожара, защиту людей и материальных ценностей от воздействия его опасных факторов’ ← *профилактика* ‘совокупность мероприятий по предупреждению заболеваний, сохранению здровья и продлению жизни человека’, *пожарная спасательная веревка* ‘веревка, предназначенная для страховки пожарных-спасателей при тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ’ ← *веревка* ‘изделие из крученных или витых в несколько рядов длинных прядей пеньки или других материалов, используемый для завязывания или других хозяйственных нужд’, *пожарный кран* ‘комплект, состоящий из клапана, установленного на внутреннем противопожарном водопроводе и оборудованного пожарной соединительной головкой, а также пожарного рукава с ручным пожарным стволом’ ← ‘приспособление в виде трубки для выпускания жидкости или газа из резервуара или трубопровода’ и др.

В преобладающем большинстве случаев термины специальной лексики по чрезвычайным ситуациям образованы на основе синтаксического способа. По структурной организации – это простые и сложные составные термины. Особенностью анализируемой терминологической лексики является распространенность не только двух- и трехсловных номинаций, но и многословных терминологических конструкций: *адресный пожарный извещатель* ‘пожарный извещатель, передающий на адресный приемно-контрольный прибор

код своего адреса вместе с оповещением о пожаре’, *очаг пожара* ‘место первоначального возникновения пожара’, *пожароопасность аварийно химически опасных веществ* ‘физико-химическая характеристика, определяющая возможность вещества возгораться, поддерживать и ускорять процесс горения’, *показатель безопасности по параметрам движения поезда технического средства железнодорожной транспортной системы* ‘вероятность отсутствия в техническом средстве железнодорожной транспортной системы опасных по параметрам движения поезда отказов технического средства за расчетное время’, *показатель подготовленности системы жизнеобеспечения населения (ЖОН) в ЧС* ‘отношение прогнозных возможностей системы ЖОН в ЧС к первоочередным потребностям населения после возникновения поражающих факторов и воздействий вероятных для данного региона источников ЧС’, *полная масса модуля порошкового пожаротушения* (*МПП*) ‘масса полностью укомплектованного МПП с зарядом огнетушащего вещества’, *понижение риска возникновения природных ЧС* ‘понижение вероятности возникновения природных ЧС путем проведения комплекса организационных, инженерно-технических, природоохранных, санитарных и др. специальных мероприятий, направленных на обеспечение контроля за состоянием окружающей среды, прогнозирование и подготовку к ЧС’ и др.

Синтаксически образованные термины часто формируют целые ряды видовых понятий. В таких случаях титульный термин-гипероним употребляется для обобщенного обозначения целой группы понятий. Так например, достаточно широким является ряд видовых понятий с титульным термином-словосочетанием *лесной пожар* ‘пожар, возникающий и распространяющийся по лесной площади’ → *лесной радиоактивный пожар* ‘пожар на загрязненных радионуклидами территориях лесного массива, при котором горят загрязненные радионуклидами лесные горючие материалы и образующиеся продукты горения (зола, недожог, дымовой аэрозоль, газообразные продукты) представляют собой открытые источники ионизирующего излучения’, *лесной торфяной пожар* ‘лесной пожар, при котором горит торфяной пласт заболоченной или болотной почвы’, *верховой пожар* ‘лесной пожар, охватывающий полог леса’, *низовой пожар* ‘лесной пожар, распространяющийся по нижним ярусам лесной растительности, лесной подстилке и (или) опаду’, *беглый низовой пожар* ‘низовой пожар в лесу, распространяющийся со скоростью движения менее 0,5 м/мин с преобладанием пламенного горения, в результате чего поверхностно обгорает напочвенный покров’, *устойчивый низовой пожар* ‘низовой пожар, распространяющийся со скоростью движения менее 0,5 м/мин, при котором наблюдается медленное горение не только травы, опавшей листвы, но и пней, нижней части деревьев’. Распространенность в составе терминологической лексики по ЧС синтаксически образованных терминов связана с постоянным развитием пожарной и аварийно-спасательной техники и специальных средств, предназначенных для предупреждения и ликвидации ЧС.

Морфемные способы свойственны только для ограниченной группы терминов: *обвалование* ‘система оградительных валов для предотвращения растекания жидкости’, *спасатель* ‘личность, прошедшая аттестацию на проведение аварийно-спасательных работ’, *горючесть* ‘способность веществ (материалов) к распространению пламени и тлению’, *возгораемость* ‘способность веществ (материалов) к возгоранию’, *горение* ‘экзотермическая реакция окисления вещества, сопровождающаяся свечением и (или) выделением дыма’, *возгорание* ‘возникновение горения горючей среды под воздействием источника зажигания, сопровождающееся пламенем’, *вспышка* ‘быстрое возгорание смеси газа, пара и воздуха над поверхностью горючего вещества’, *ствольщик* ‘пожарный, работающий при пожарной стволе’, *тление* ‘горение твердого вещества (материала) без пламени при сравнительно низких температурах (400–600°С), часто сопровождающееся выделением дыма и видимым световым излучением’ и нек. др.

Сложные по структуре термины возникают в результате основа- и словосложения, а также сложносуффиксального способа: *огнезащита* ‘снижение пожарной опасности материалов, конструкций и изделий путем специальной обработки’, *огнепрочность* ‘способность материалов не расплавляться под воздействием высоких температур’,

огнетушитель ‘переносное или передвижное техническое устройство, предназначенное для тушения очага пожара за счет выпуска огнетушащих веществ под воздействием внутреннего давления’, *взрывозащита* ‘меры по предотвращению воздействия на людей опасных факторов взрыва и обеспечению сохранения материальных ценностей’, *искрогаситель* ‘приспособление, противодействующее выносу в атмосферу раскаленных частиц топлива’ и нек. др.

Аббревиация как способ образования сложносокращенных терминов является не только распространенным, но и логически обоснованным способом, в том числе по причине существования значительного количества сложных синтаксических терминов: АВР – аварийно-спасательные работы, АЦ – автомобильная цистерна, ГДЗС – газодымозащитная, АСО – Автомобиль связи и освещения, ВПХР – войсковой прибор химической разведки, ГСЧС – Государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ИСЗ – индивидуальное средство защиты, ППУ – пожарный прибор управления, ЛП – лестница-палка, КИП – кислородно-изолирующий противогаз, АПП – автомобильный пеноподъемник, ЦППС – центральный пункт пожарной связи, ЦПР – центральный пункт радиосвязи. Еще одной особенностью терминообразования является наличие числовых символов в составе сложносокращенных терминов: АЦ – 40, КИП – 12, ЦППС – 3.

В качестве источников происхождения специальной лексики спасателей выступают как собственные языковые средства, так и заимствованные лексические единицы. Основным источником возникновения и пополнения являются лексические средства национального языка: *защитное заземление* ‘заземление части электроустановки с целью сохранения электробезопасности’, *молниеотвод* ‘приспособление, воспринимающее удар молнии и отводящее ее ток в землю’, *заземлитель молниезащиты* ‘один или несколько заглубленных в землю заземлителей, предназначенных для отвода в землю токов молнии или для ограничения перенапряжений, возникающих на металлических корпусах, оборудовании, коммуникациях при близких разрядах молнии’, *пожарный извещатель* ‘устройство для формирования сигнала о пожаре и массового извещения людей о нем’, *световой пожарный извещатель* ‘пожарный извещатель, реагирующий на излучения пламени’.

Среди заимствованных терминов, образованных на базе иноязычных основ, отличаются названия современных аварийно-спасательных технических средств и конструкций. Зафиксировано использование словообразовательных элементов греко-латинского происхождения, а также наличие терминов, заимствованных из английского, немецкого, французского языков: *абсорбция* [лат. absorbtio ‘поглощение’] ‘процесс поглощения пара или газа из газовых или парогазовых смесей жидкими поглотителями’, *акселератор* [лат. accelerare ‘усиливать’] ‘приспособление, которое при работе оросителя обеспечивает сокращение времени срабатывания спринклерного воздушного сигнального клапана’, *антипирен* [греч. anti – приставка, обозначающая противиположное направление + pyr ‘огонь’] ‘вещество (смесь веществ), добавляющееся в материал для обеспечения огнезащиты’, *озонатор* [греч. ozōn ‘пахнущий’] ‘прибор для насыщения воздуха озоном’, *дозатор* [греч. dosis ‘порция, прием’] ‘приспособление в установках пожаротушения, предназначенное для добавления пенообразователя в определенном объеме в воду’, *бункер респиратор* [лат. respirare ‘дышать’] ‘облегченное средство продолжительного или разового использования, использующееся для индивидуальной защиты органов дыхания от вредных газов, паров, аэрозолей и пыли’, [англ. bunker] ‘бетонированное укрытие, долговременное фортификационное сооружение’, *спринклер* [англ. sprinkler ‘разбрызгиватель’ < sprinkle ‘брызгать’] ‘автоматическая водоразбрызгивающая насадка на трубах противопожарной водопроводной сетки’. Заимствованные термины могут быть включены в состав терминов-словосочетаний: *спринклерный ороситель* ‘ороситель с запорным приспособлением выходного отверстия, открывающегося при срабатывании теплового замка’, *дренчерный ороситель* [англ. drencher < drench ‘смпачивать, орошать’] ‘ороситель с открытым выходным отверстием’, *дренчерная установка пожаротушения* ‘установка для тушения пожара, оборудованная дренчерными оросителями’, *зона ЧС* [греч. zōnē ‘пояс’; франц. situation]

‘территория, на которой возникла ЧС’, *зона вероятной ЧС* ‘территория, на которой существует вероятность или прогнозируется возникновение ЧС’. Зафиксированы случаи употребления адаптированных иноязычных лексических единиц в качестве синонимичных к терминам-словам и терминам-словосочетаниям, образованных при помощи собственно языковых лексических средств: *гидроэлеватор* [греч. hydōr ‘вода’, лат. elevator ‘поднимающий’], *эжекторный насос* [франц. ejecteur < ejecter ‘выбрасывать’] – *струйный насос* ‘насос, в котором жидкость или газ перемещаются струей жидкой или газообразной среды’, *дефлаграция* [лат. deflagratio ‘сгорание дотла’] – *мгновенное сгорание без взрыва* ‘быстрое сгорание, распространяющееся с дозвуковой скоростью’, *ликвидация пожара* [франц. liquidation < лат. liquidazione ‘ликвидация’] – *тушение пожара* ‘процесс воздействия сил и средств, а также использование методов и приемов для уничтожения пожара’, *пожарный лифт* [англ. lift ‘под'ёмная машина, подъёмник, лифт’] – *пожарный подъемник* ‘специальный лифт в здании или сооружении, предназначенный для использования пожарными подразделениями при тушении пожара’.

В заключении отметим, что корпус терминологической лексики, обеспечивающей сферу деятельности спасателей, занимает важное место в терминосистеме языка, является синтезом терминологий различных отраслей науки и техники, характеризуется наличием гиперонимо-гипонимических отношений. В качестве основного источника происхождения терминологии спасателей выступают собственно языковые лексические средства. Специфической особенностью терминообразования является распространенность многокомпонентных терминов, что объясняется современным развитием и усовершенствованием пожарной аварийно-спасательной техники и средств, предназначенных для тушения пожаров, предупреждения и ликвидации других ЧС.

ЛИТЕРАТУРА

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ, 2007. Москва: Русские словари: АСТ: Астрель.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 1. Общие термины и термины, относящиеся к явлениям при пожаре. Перевод международного стандарта ISO 8421-1: 1987 на русский язык. Минск, 2009. 10 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 2. Противопожарное оборудование. Перевод международного стандарта ISO 8421-2: 1987 на русский язык. Минск, 2010. 4 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 3. Обнаружение пожара и подача сигнала. Перевод международного стандарта ISO 8421-3: 1989 на русский язык. Минск, 2010. 8 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 4. Оборудование для пожаротушения. Перевод международного стандарта ISO 8421-4: 1990 на русский язык. Минск, 2010. 22 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 5. Обнаружение дыма. Перевод международного стандарта ISO 8421-5: 1988 на русский язык. Минск, 2010. 5 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 6. Эвакуация и спасательные средства. Перевод международного стандарта ISO 8421-6: 1987 на русский язык. Минск, 2010. 5 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 7. Средства обнаружения и подавления взрыва. Перевод международного стандарта ISO 8421-7: 1987 на русский язык. Минск, 2010. – 3 с., включая обложку.

ЗАЩИТА ОТ ПОЖАРА. СЛОВАРЬ. Ч. 8. Специальные термины по борьбе с пожаром, спасательным службам и обращению с опасными веществами. Перевод международного стандарта ISO 8421-8: 1990 на русский язык. – Минск, 2010. 33 с.

ОЖЕГОВ, С.И., 2010. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений; Под. ред. проф. Л.И. Скворцова. 27 изд., испр. Москва: Оникс, Мир и образование, 736 с.

СІСТЭМА СТАНДАРТАЎ ПАЖАРНАЙ БЯСПЕКІ. Пажарная бяспека. Агульныя тэрміны і азначэнні. Система стандартов пожарной безопасности. Пожарная безопасность. Общие термины и определения. Перавыд. (студзень 2011 г.) са змяненнем №1 (ІПС РБ №1-1996), змяненнем № 2 (ІПС РБ №1-2001), змяненнем № 3 (ІПНТПА №11-2010). Мінск: Дзяржстандарт: Беларус. дзярж. ін-т стандартызацыі і сертыфікацыі, 2011. 19 с., уключаючы вокладку. (Дзяржаўны стандарт Рэспублікі Беларусь).

Natalia Bunko
The Yakub Kolas and Yanka Kupala Institute of Language and Literature of NAS of Belarus
Research interests: dialectology, ethno-linguistics, cultural studies, terminology.

LEXICON OF EMERGENCY TERMINOLOGY: FEATURES OF STRUCTURAL AND THEMATIC ORGANIZATION, ORIGIN AND FORMATION

Summary

The article analyses the case of terminological vocabulary related to occupational specialists in the sphere of prevention and liquidation of emergency situations in the field of radiation protection, industrial safety, electrical safety, rail safety, occupational safety, the environment and other types of safety. The features of structural and thematic organization, have indicated the presence of viewports relations in the Group of terms. It is determined by the ratio of the nominate and the conceptual aspects of terminological vocabulary rescuers. There is focus on terminology formation, a specific feature of which is the prevalence of terms and phrases consisting of two, three or more components, and also the etymology of this special vocabulary.

KEY WORDS: emergency terminology, structural and thematic organization, ways of formation, origins.

Валерия Колосова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
Тучков пер., 9, 199053 Санкт-Петербург, Россия
Эл. почта: chakra@eu.spb.ru
Научные интересы: этноботаника, этнолингвистика, народная этимология, типология

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ФИТОНИМЫ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

В статье рассматриваются названия растений в диалектах разных славянских языков. В разных локальных традициях отмечаются и осмысляются разные признаки растений. Это восприятие влияет на их названия, а также служит основанием для этиологических легенд о происхождении растений, для поверий об их связи с теми или иными мифологическими персонажами и в конечном итоге формирует семиотический статус растения. Подробно анализируются представления о трех растениях – цикории, первоцвете и подорожнике. Некоторые растения также рассматриваются сквозь призму этнического кода традиционной культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноботаника, славистика, семиотический статус, символический образ растения, растительный код традиционной культуры, диалектология, фольклор, этнография, народная магия, народная медицина.

В статье рассматриваются названия растений в диалектах разных славянских языков. Цель анализа – показать, как в разных локальных традициях отмечаются и осмысляются разные признаки растений и как это восприятие влияет на их названия, а также служит основанием для этиологических легенд об их происхождении, для поверий об их связи с теми или иными мифологическими персонажами.

Так, **цикорий обыкновенный (Cichorium intybus L.)** получил диалектные названия *батоги, батожки* (Ворон.) (Анненков 1878, с. 97; Меркулова 1967, с. 120), форма *батоги петровы* отмечена в также Воронежской обл., а *петров кнут* – на Дону; фитонимы *синие батоги, петров(ы) батог(и)* были зафиксированы в Вятской губ. (Смирнова 2004, с. 42), *петровы батоги* – на Урале (Коновалова 2000, с. 156). Без привлечения инославянского материала такие фитонимы истолковать затруднительно. Однако в украинских говорах широко представлены фитонимы типа укр. *петрів батіг, петрові батоги* (Анненков 1878, с. 97).

С этими фитонимами связан мотив хождения Христа по земле, отраженный в украинской легенде: св. Петр отгонял детей от Христа стеблем цикория, говоря: «геть з дорогы, а то покуштуете мого батижка!», а потом бросил его на землю. Мальчики подняли его и назвали Петровым батогом. «А так как цветы этого растения напоминают по своей форме кисточку, то и пастушки стали с тех пор украшать свои кнутики махорками (кисточками) из кожи». Кроме того, цикорию приписывается и способность охранять поля от вредителей: «Св. Петр, идя по полям, хлещет бурьянинкой – тогда жучки и мушки улетают и не смеют портить хлеба; где он кинет стебель, там он и принимается; и где он растет – насекомые не портят хлеба» (П.И. 1891, с. 113-114).

Очевидно, что подобные фитонимы обусловлены фактурой стебля. Она же могла повлиять и на применение растения. Ряд заболеваний, от которых применяли цикорий, нашел отражение в его польских диалектных названиях: так, если у ребенка были слабые ноги, то его купали в *twardostoju*; кроме названия *twardostój* (Жешувск., Подгужан.), зафиксирован и искаженный вариант *kwardostój* (Жешувск.) (Czyż, Wysakowska 1993, с. 90–91); в Жешувском крае отвар цикория под названием *kwardostój* добавляли в купель новорожденным — верили, что это укрепляет поясницу, что ребенок будет раньше вставать и ходить (Czyż 1989, с. 163).

Поскольку цикорий часто растет вдоль дорог, он получил польское диалектное название *podorożnik*; в то же время место произрастания обусловило его использование в лечебной магии: на Покутье отваром *podorożnika* обмывали изуроченного человека, выливая

затем жидкость на дорогу (Paluch 1989, с. 65). В чешской традиции этот локус породил целый комплекс поверий и обусловленных ими магических действий. Оттого, что цикорий растет возле дорог, как бы ожидая кого-то, происходит его чешское народное название *čekanka* – от чеш. *čekat* ‘ждать’. С ним связана легенда о девушке по имени Чеканка, которая «убивает себя в отчаянии на могиле своего возлюбленного», убитого соперником, а после смерти превращается в растение цикорий, получившее получило ее имя (Софрић 1990, с. 41). Поэтому цикорию приписывалась способность привлекать любовь: считалось, что цикорий, выкопанный в Великую пятницу или в день св. Петра, вызывает любовь у той особы, которая этого цикория коснется. Чешские девушки рвали его «на счастье в любви», произнося особый приговор, а потом сорванный цветок клали за пазуху. Если от тепла тела он расцветал, девушка надеялась на свое счастье (Sobotka 1879, с. 252-253).

Цвет лепестков цикория обусловил белорусский фитоним *сукенка Маці Боскай* и связанное с этим фитонимом предание: «цветки такого небесного цвета появились тогда, когда по каменистой дороге шла богородица и подол ее голубого платья цеплялся за придорожные растения, после чего они расцвели цветами того же цвета, что и платье» (Салавей).

Мы видим, что для восточных славян важен цвет лепестков цикория; у белорусов он послужил основанием для этиологической легенды, связывающей цветок с образом Богородицы. Другой персонаж библейской мифологии – св. Петр – в украинском фольклоре связан с цикорием через время цветения растения и одновременно – его «фактуру», внешний вид, напоминающий хлыст. У западных славян место произрастания цикория отмечено в фитонимике, и к тому же послужило основанием для лечебной и любовной магии.

Для **первоцвета весеннего** (**Primula veris L.)** наиболее важным признаком является раннее появление: *первоцветики* (Урал.) (Коновалова 2000, с. 154), *первенец* (Волын.) (Анненков 1878, с. 273), *первенец, первоцвет, первоцветка* ‘п. Палласа P. pallasii Lehm.’ (Арьянова 2, с. 76), пол. *pierwiasnka polna, pierwiosnka kluczyki* (Spólnik 1990, с. 36). Восприятие первоцвета как весеннего цветка отразилось в украинской юрьевской обрядности: «Первые цветы, primula veris, называются здесь “рястъ”. Нарвав [на Юрьев день – *В.К.*] и бросив их на землю, топчут, приговаривая: “топчу ряст; дай Боже потоптаты и того году дождаты”. Это желанье дожить и до другой весны. От этого обычая произошла пословица “та вже йому рясту не топтаты”. Говорится она о безнадежном больном, который наверно не доживет до следующей весны» (Маркевич 1860, с. 6-7). Ср. тж. србх. *прамалиће* ‘первоцвет Primula veris elatior’ (Чајкановић 1985, с. 119) (при србх. *прамалеће* ‘весна’).

Форма соцветия – кисть желтых цветков, напоминающая связку ключей – обусловила названия *ключики* (Зап. Росс.) ‘первоцвет истинный Primula veris L.’ (Анненков 1878, с. 273), бел. *ключикі святого Пётра і Паўла, ключыкі* ‘первоцвет аптечный Primula officinalis Jacq.’ (Ганчарык 1927, с. 225), болг. *ключанка* ‘первоцвет Primula suaveolens Bert.’ (Ахтаров 1939, с. 250), србх. *кључарица* ‘первоцвет высокий Primula veris elatior’ (Чајкановић 1985, с. 119), словац. *klučíky* (Sobotka 1879, с. 273), пол. *kluczyki* ‘первоцвет Primula L.’, русин. *ключики*, пол. *kluczyki* ‘первоцвет аптечный Primula officinalis Jacq.’ (Анненков 1878, с. 272-273).

Белорусский фитоним *Святога Пятра ключыкі* (сев.-зап. диал. зона) (Раслінны свет 2001, с. 162), как и чеш. *petrklíč, bylina sv. Petra, Petrůw klič*, пол. *klucze ś. Piotra*, луж. *kluče pětr zołty* связывает первоцвет с именем св. Петра – это ключи, которыми он отворяет весну (Анненков 1878, с. 273, Sobotka 1879, с. 273). Польское название *kluczyki świętego Piotra* связано с легендой: св. Петр уронил ключи от ворот весны, которые стали цветами (Усачева 2000, с. 281; БМ 2004, с. 248); в чешской традиции считается, что *petrklíč* открывает путь к скрытым кладам (Machek 1954, с. 172). В украинской традиции «отворение» весны приписывается св. Георгию: «святий Юрій золотими ключами землю після зимового сну розмикає». Поэтому в этот день первоцвет собирали, «щоб осипати первоцвітом молодник» – мать осыпала своих детей первоцветом, чтобы они были красивыми и сильными. При этом приговаривали: «Як ці цвіти красні, най буде твоя доля ясна. Най князь тя найде, славний, як Юрій, моцний, як його кінь, хосенний, як його шабля. Від навроків, від злих оків, від дурного

слова, лихого норова, на тіло, на дух, на вік». Девушка, имевшая жениха, так же осыпала его (Маковій 1993, с. 28-29, 139, 149).

Таким образом, во всем славянском ареале для первоцвета наиболее значимы такие признаки, как раннее время появления растения и форма его соцветия, чаще всего вызывающая представление о ключах (у всех групп славян), а через их посредство — с образом св. Петра или св. Георгия (у восточных и западных).

Подорожник (Plantago) – травянистое многолетнее растение, с розеткой крупных темно-зеленых листьев продолговато-яйцевидной формы, снабженных прочными жилками-сосудами, которые придают растению большую прочность и помогают противостоять вытаптыванию. Слизистая оболочка семян позволяет им прилипать к обуви человека, к копытам и лапам животных и таким образом переноситься на большие расстояния. Способ распространения обусловил близость подорожника к путям передвижения людей и транспорта. Поскольку это растение почти всегда можно встретить вдоль дорог или тропинок, то его диалектные названия часто образованы от лексем *дорога* или *путь*: *подорожник, дорожник, попутник* (в большей части России), *подорожница* (Перм.), *попутный лист* (Олон.), *придорожник* (Калуж.), *путник* (Вят.), *путик* (Твер.), *путики, путничное листье* (Шенк.), бел. *дарожнік* (Могил.), *припутник* (Могил.) (Анненков 1878, с. 258-259; Ганчарык 1927, с. 15-16, СРНГ 28, с. 122); кашуб. *přëdrożńik* (Sychta 4, с. 196). Белорусское население Понеманья называло словом *podróżnik* цвет подорожника среднего, при названии *babka* для всего растения (Orzeszkowa 1888, с. 6).

Особенности строения листьев растения – множество продольных жилок – обусловили целую группу соответствующих названий, например, *жильник* (Перм., Влад.), *жилистый листок, жилиник* (Перм.), *жильная лапушка* (Волог.) (Алешина, Вендина 2007, с. 543-544), *семижильник*: «У нас его семижильником кличут, потому как в нем семь жил проходит» (Перв.) (Арьянова 2, с. 89); «*У его на каждом листике семь жилок*» (Пригородн.), они же обусловили и представление о воздействии растения на человека: «*Если семижильник пить, будешь сильным – семижильным*» (Сысерт.) (Коновалова 2000, с. 181). Примеры из других языков: србх. *жиловљак* (Анненков 1878, с. 259), кашуб. *žilńik, p'ączižiłk'i, p'ącožiłk'i, p'ąc'žiłek* 'подорожник большой', *p'ączižiłki* 'подорожник ланцетолистный' (Sychta 3, с. 207; 4, с. 274; 6, с. 289). Наиболее разнообразны подобные фитонимы в болгарских диалектах. Одна группа названий объединена корнем *жил-*: *жилавец(ь), жилавичи, жиловець, жиловлак, жиловляк, жиловляк, жиловник, жиловрат, жиловрът, жилоглав* (и измененные *живовлак* и *живовляк*), а также *петложилка, петрожилка, петружилка, пятожили*. Другая также подчеркивает жесткость, жилистость листьев, но с помощью другой словообразовательной модели: *тегавец, тегаец, тегец, теговец, тегувец, тягавець, тяговець* (Геров 1, с. 83; 4, с. 27; 5, с. 400; Ахтаров 1939, с. 239-241), ср. болг. *тегав* 'жесткий, жилистый'.

Кроме того, в болгарских диалектах существует целая группа фитонимов, связанных с лексикой прядения и тканья; вероятно, они также обусловлены наличием жилок, напоминающих нитки: *сгъргуц платънци, скърбуц-скърбуц-платънце, стръгук-стръгук, стъргук-стъргук-платънце, сучи-тъчи, съчи-тъчи, тъчи-платно, тъчи-тъчи-платно, тъчи-тъчи-стан* (Геров 1, с. 83; 4, с. 27; 5, с. 400; Ахтаров 1939, с. 239-241).

Целебные свойства подорожника отражены в фитонимах *лечебник* 'подорожник Plantago L.' (Вендина 1998, с. 93), *лечебная трава, доктор* (Орл., Рост.) (Алешина, Вендина 2007, с. 542, 548), чеш. *hojka* – от *hojiti* 'заживлять, излечивать' (Machek 1954, с. 218), кашуб. *gojǫcė listk'i* 'подорожник большой Plantago major L.' (Sychta 1, с. 337). Те болезни, от которых он, как считалось, помогал, также отразились в его названиях. Поскольку почти повсеместно в народной медицине листья подорожника прикладывают «к ранам, вередам, нарывам» (Анненков 1878, с. 259), а также лечатся ими «от посеку и порезу» (Самолечение… 1884, с. 441, № 46), возникли фитонимы *ранник* (Ленингр., Орл.), *опорез-трава* (Тул., Волгогр.) (Алешина, Вендина 2007, с. 544), *поранник, порезник* (Ср. Приобье) (Арьянова 2, с. 88), бел. *раннік, серпарэзнік* (Пин., Стол., Петр.) (Раслінны свет 2001, с. 121), укр. *поранник, ранник, порезник, поризник* (Анненков 1878, с. 259), укр. *стягач* (Горницкий 1890, с. 13),

кашуб. *scigåč* (Sychta 5, с. 22), кашуб. *vřodńik, vřodovė lëstė, vřodlovńica* (при *wrzód* ‘нарыв; язва’) (Sychta 6, с. 111). В Белоруссии подорожник индийский Plantago indica L. применяли также «от болезней желудочных и венерических», почему он и носил название *żywotobolnik* (Orzeszkowa 1888, с. 237). Применение подорожника для остановки кровотечения обусловило целый ряд названий: *кровавик* (Удм., Курск.), *кровепуск* (Костром., Перм.), а также *кровехлёб, кровопой* (Алешина, Вендина 2007, с. 542).

Во всех группах славянских языков отмечена такая характерная особенность подорожника, как произрастание вдоль дорог, которая реализуется с наибольшим разнообразием корней в русских говорах. Из других внешних признаков во всех группах языков отражены в фитонимике жилки на листьях (в восточнославянской группе их число может считаться равным семи, в южнославянской и западнославянской – пяти). Хотя все славяне высоко ценят лекарственные свойства подорожника и широко используют его при лечении целого ряда разнообразных заболеваний, однако в южнославянской фитонимике это обстоятельство, видимо, не отразилось, в отличие от других групп, особенно восточнославянской, где названия подорожника отражают различные заболевания, от которых он применяется.

Итак, анализ диалектных названий растений и связанных с ними фольклорных текстов и магических практик показал, что в разных локальных традициях актуализируются различные признаки одного и того же растения. О причинах такой избирательности традиционной культуры судить трудно. Сделать первый шаг к решению этой проблемы может помочь анализ диалектных фитонимов с учетом особенностей лексико-семантических групп, использованных для их создания. Хорошим примером является этнический код традиционной культуры.

Рассмотрим названия растений, образованных по принципу ксенономинации, то есть от названия того или иного этноса – в данном случае цыган. Цель анализа – показать, как в разных диалектах признаки растений осмысляются через их сходство с такими же признаками, которыми обладают (в действительности или по мнению представителей этноса-номинатора) представители чужого этноса.

В одних случаях выбор конкретного этноса неважен, и это подчеркивается длинным рядом синонимичных названий. Так, лихнис — татарское мыло Lychnis chalcedonica L. называется в среднеобских говорах *китайское мыло, остяцкое мыло, татарское мыло, цыганское мыло* (Ср. Обск.): «Цветок этот кто называет татарское мыло, а кто медвежье мыло. Им, наверно, по утрам медведь умывается. (Чебул. Шест.)»; «Татарское мыло цветёт розовеньким или красным, в руках терёшь, оно мылится. Не знаю, может, татары привезли (Том. Бог.)» (Арьянова 1, с. 62).

Однако для нас более интересны случаи, когда этнос выбирается не случайно, а в соответствии с некоторыми его особенностями или же с представлениями о нем этноса-номинатора. Так, цыгане, для которых характерна темная, смуглая кожа, ассоциируются с растениями темного цвета: *цыганка* (Орл.) ‘сочевичник черный Orobus niger L.’ (Анненков 1878, с. 236) с темными лепестками; словац. *cigánka* ‘герань темная Geranium phaeum’ (из-за бурого цвета лепестков) (Machek 1954, с. 134). В Кемеровской обл. *цыганкой* называется один из сортов картофеля характерного вида: «А вот вы никогда не видели цыганку? Это картошка, ее мало кто знает. Она такая темно-темно сиреневая такая, прямо от земли ее не отличишь… А что цыганкой называют, наверное, черная с виду, поэтому…» (Яшк. Полом.) (Арьянова 1, с. 115). Сербский фитоним *циганске бубе* ‘череда трехраздельная Bidens tripartitus L.’ также обусловлен как черным цветом плодов, так и их свойством цепляться за человека и животных и колоть их, подобно насекомым[21] (Шпис-Ћулум 1995, с. 417, 423). Ожика Luzula по темно-коричневому цвету соцветий, которые сравниваются с темной кожей цыган, названа чеш. *cikánka* (*cigánka*) (Hladká 2000, с. 109).

[21] Србх. *буба* ‘насекомое; букашка; жук’.

Ярким цветом плодов или цветов обусловлено бел. *цыганка* (вост.-полесск.) ‘яблоня с красными блестящими яблоками’ (Раслінны свет 2001, с. 30), укр. *циганки* ‘ломонос цельнолистный Clematis integrifolia L.’ (Булашев 1909, с. 368), формой цветка — болг. *цигънче* ‘комнатный цветок с кудрявыми цветами’ (Бизеранова 2003, с. 47). В чешской народной фитонимике цвет мака самосейки ассоциируется с красной цыганской юбкой: чеш. *cikánka* (*cigánka*) (Hladká 2000, с. 109).

Помимо фитонимов, где представления о другом этносе или связанные с ними мифологические мотивы содержатся в сжатом, свернутом виде, они могут быть более эксплицитно выражены в развернутом фольклорном тексте. Так, о пионах, растущих в окрестностях Добрича, существует легенда — из цыганской крови выросли черные пионы, из турецкой — синие, а из сербской — красные (Чајкановић 1985, с. 37).

В заключение хотелось бы подчеркнуть систематический характер подобных моделей номинации, который проявляется в двух направлениях. С одной стороны, ксенономинация (в рамках «этнического» кода традиционной культуры) используется не только в народной фитонимике, но и в других группах лексики, например, в народных зоонимах: *жид* ‘воробей’ (Новг., Тамб.) (СРНГ 9, с. 168), **жидовская тетка** ‘свинья’, **еврейская/жидовская зозуля** ‘удод’, **еврейская курица** ‘куропатка’ (Белова 2006); в обозначениях необычных погодных явлений: *циганський дошч* в средне- и восточнополесских, закарпатских говорах, *циганське веремня* в гуцульских и буковинских говорах ‘дождь при солнце’ (Кондратенко 1994, с. 102), бел. *жыдоўскі дождж, цыганскі дождж* ‘то же’ (БМ 2004, с. 174); болг. *циганско лято* ‘бабье лето’; укр. *циганська райдуга* (Хмельн.) ‘двойная радуга’; чеш. диал. *ciganska zima* ‘сильный мороз’, *ciganska rosa* ‘заморозки’ (Кондратенко 1994, с. 102); в названиях некрещеных детей как людей, которые пока не вступили в сферу «своего»: ю.-рус. **жидок некрещёный**, с.-рус. **лопь**, болг. **еврейче**, **турко/турченче, циганче, мохамуданче**; серб. **турче, циганчища, бугарче, влашче**; пол. **żyd** (Белова 2006).

С другой стороны, ксенономинация может использовать, наряду с этнонимами, и другие «маркеры чужести»: зоонимы, лексемы *черт, баба* и под. Так, лихнис — татарское мыло Lychnis chalcedonica L. в среднеобских говорах называется не только *китайское мыло, остяцкое мыло, татарское мыло, цыганское мыло*, но и *собачье мыло, медвежье мыло* (Арьянова 1, с. 62), ср. в других говорах: *дикое мыло* (Тамб.), *кукушкино мыло* (Самар.), *татарское мыло* и *девичье мыло* (Вят.) (Анненков 1878, с. 200); опунция обыкновенная Opuntia vulgaris Mill. может называться как болг. *арабски езикъ*, так и *свекървин езикъ*, а кислица обыкновенная Oxalis acetosella L. — *гръцки киселец* и *зайцовъ киселец* (Ахтаров 1939, с. 136, 222, 226, 319); для люпина Lupinus отмечены названия ст.-пол. *wilczy groch* и *włoski groch* («волчий/итальянский горох»), ст.-чеш. *vlčí hrách* и *římský hrách* («волчий/римский горох») (Machek 1954, с. 117).

Итак, языковые процессы, приводящие к формированию фитонимов, крайне сложны и многокомпонентны: с одной стороны, базой для номинации растений, несомненно, служит их внешний облик, яркие признаки и свойства; с другой – эти объективные признаки осмысляются и преломляются в культурном опыте этноса.

ЛИТЕРАТУРА

АЛЕШИНА, Л. М., ВЕНДИНА, Т. И., 2007. Карта № 2 ЛСЛ 145 Подорожник. *Лексический атлас русских народных говоров 2007*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Наука, с. 539-549.

АННЕНКОВ, Н. И., 1878. Ботанический словарь. *Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей*. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии Наук, 670 с.

АРЬЯНОВА, В. Г., 2006-2008. Словарь фитонимов Среднего Приобья. В 3-х тт. Томск: изд-во Том. гос. пед. ун-та.

АХТАРОВ, Б., 1939. Материали за български ботаничен речник. София: Придворна печатница, 575 с.

БЕЛОВА, О. В., 2006. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). *Автореф. дисс. ... д.ф.н.* Москва.

БИЗЕРАНОВА, С., 2003. За някои фитоними в говора на Ново Село, Видинско. *Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите*. София: Етнографски институт с музей – БАНб с.. 42-55.
[БМ] Беларуская міфалогія, 2004. Энц. сл. Мінск: Беларусь, 592 с.
БУЛАШЕВ, Г. О., 1909. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. *Космогонические украинские народные воззрения и верования*. Киев: Типогр. Имп. Ун-та св. Владимира Акц. Об-ва Н. Т. Корчак-Новицкого, 515 с.
ВЕНДИНА, Т. И., 1998. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). Москва: издательство «Индрик», 240 с.
ГАНЧАРЫК, М. М., 1927. Беларускія назовы расьлін. Ч. 1. *Праца Навуковога таварыства па вывученню Беларусі*. Т. II. Горы-Горкіб с. 194-216; Ч. 2. *Праца Навуковога таварыства па вывученню Беларусі*, Т. IV. Горкі, с. 1-28.
ГЕРОВ, Н., 1975-1978. Речник на българския език. Ч. 1-6. София: Български писател.
ГОРНИЦКИЙ, К. С., 1890. Список русских и немногих инородческих названий растений. *Второе дополнение к «Ботаническому словарю» Н. Анненкова*. Харьков: типография харьковского университета.
КОНДРАТЕНКО, М. М., 1994. Сравнения и метафоры в славянской диалектной метеорологической лексике. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1993*. Санкт-Петербург: Наука, с. 100-103.
КОНОВАЛОВА, Н. И., 2000. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: Б.и., 234 с.
МАКОВІЙ, Г. П., 1993. Затоптаний цвіт: Народознавчі оповідки. Київ: Укр. письменник, 205 с.
МАРКЕВИЧ, Н. А., 1860. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев: В типографіи И. и А. Давиденко, 171 с.
МЕРКУЛОВА, В. А., 1967. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы, грибы, ягоды). Москва: Наука, 260 с.
П. И[ВАНОВ], 1891. Из области малорусских народных легенд. *Этнографическое обозрение,* № 2, с. 110-132.
РАСЛІННЫ СВЕТ, 2001. Тэматычны слоўнік. Мінск: Беларуская навука, 655 с.
САЛАВЕЙ, Л. Сукенка Маці Боскай. *Беларуская міфалогія*. Выд. 3. (в печати).
САМОЛЕЧЕНИЕ простого народа по травникам, 1884. *Олонецкие губернские ведомости,* № 40, с. 385-386; № 41, с. 395-396; № 42, с. 405-406; № 43, с. 414-415; № 44, с. 423-424; № 45, с. 430-431; № 46, с. 441-442.
СМИРНОВА, О. В., 2004. Лексика растительного мира в ареальном аспекте (на материале говоров северо-восточной части Воронежской области). *Лексический атлас русских народных говоров–2004*. Санкт-Петербург: Наука, с. 38-43.
СОФРИЋ, П., 1990. Главније биље у народном веровању и предању код нас Срба. Београд: БИГЗ, 280 с.
СРНГ 1965. Словарь русских народных говоров. Т. 1, Москва-Ленинград: Наука.
ТЕРЕЩЕНКО, А. И., 1848. Быт русского народа. Ч. 5. Простонародные обряды. Санкт-Петербург: типография военно-учебных заведений, 185 с.
УСАЧЕВА, В. В., 2000. Мифологические представления славян о происхождении растений . *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология.* Москва: «Индрик», с. 259-302.
ЧАЈКАНОВИЋ, В., 1985. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд: Српска књижевна задруга, 348 с.
ШПИС-ЋУЛУМ, М., 1995. Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора). *Српски дијалектолошки зборник*. XLI. Београд, с. 397-490.
CZYŻ L., 1989. Ziołolecznictwo ludowe Lasowiakow, Rzeszowiakow i Podgorzan – na podstawie materiałow Muzeum Okręgowego w Rzeszowie. *Historia leków naturalnych II*. Warszawa: Wydawnictwo IHNOiT, s. 161-167.
CZYŻ L., WYSAKOWSKA B., 1993. Ziołolecznictwo regionu rzeszowskiego w badaniach Franciszka Kotuli. *Historia leków naturalnych III*. Warszawa: Wydawnictwo IHNOiT, s. 83-118.
HLADKÁ Z., 2000. *Přenesena pojmenovani rostlin v českych dialektech*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 243 s.
MACHEK V., 1954. Česká a slovenská iména rostlin. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 367 s.
ORZESZKOWA E., 1888, 1891. Ludzie i kwiaty nad Niemnem. *Wisła*. 1888, T. II, s. 1-15; 1891, T. V, z. II, s. 675-703.
PALUCH A., 1989. „Zerwij ziele z dziewięciu miedz...” Ziołolecznictwo ludowe w Polsce w XIX i początku XX wieku. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze.
SOBOTKA P., 1879. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice. *Novočeská bibliothéka*. Číslo XXII. Praha: Nákladem matice české, 344 c.
SPÓLNIK A., 1990. Nazwy polskich roślin do XVIII wieku. Ossolineum. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łodź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 136 s.
SYCHTA B., 1967-1976. Słownik gwar kaszubskich. T. 1-7. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Valeria Kolosova
Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences
Research interests: ethnobotany, ethnolinguistics, folk etymology, typology

RUSSIAN DIALECTAL PHYTONYMS IN GENERAL SLAVONIC BACKGROUND

Summary

The article focuses on plant names in the dialects of various Slavonic languages. In different local traditions, different plant features are being noted and interpreted. The interpretation influences their names; it also serves as the base for etiological legends about plants, beliefs about their relationship with mythological personages. In fact, it forms the semiotic status of a plant. Ideas about three plants – chicory, primrose, and plantain are analysed in details. Some plants are also analysed through the ethnic code of traditional culture.

KEY WORDS: ethnobotany, Slavonic studies, semiotic status, symbolism of a plant, floral code of traditional culture, dialectology, folklore, ethnography, folk magic, folk medicine.

Наталия Скиба
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Институт филологии, бульв. Т.Шевченка, 14. Киев, Украина.
Skyba7@yahoo.com
Научные интересы: методика преподавания украинского и русского языков как иностранных; фразеология украинского языка; новые явления во фразеологии и лексике украинского и русского языков.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ

В статье рассматриваются способы актуализации фразеологических единиц в заголовках русскоязычных печатных средств массовой информации в Украине. Материал исследования показывает, что можно говорить о «подвижности» фразеологизма. Эта подвижность и динамичность фразеологических единиц являются необходимым требованием сегодняшнего медиа-пространства, которое стремиться к разнообразию и новым формам, а авторские изменения называют стилистическими приемами использования устойчивых выражений. В статье рассматривается роль трансформаций (семантических и структурно-семантических). К приемам семантической трансформации принадлежат собственно семантические трансформации и двойная актуализация фразеологизмов К приемам структурно-семантической трансформации относим: расширение фразеологизма, замену компонента или компонентов ФЕ (субституция), сокращение компонентного состава фразеологизма, намек, контаминацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заголовок, фразеологизм, стилистический прием, трансформация фразеологизма.

Заголовок – первый сигнал, побуждающий нас читать газету или отложить ее в сторону. Заголовок – первое, с чем сталкивается читатель газеты, первое, на что обращает внимание, просматривая газетную полосу, потому и важна яркость и точность для заголовка. Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании статьи. В то же время заглавие имеет эмоциональную окраску, возбуждающую читательский интерес. Исследования психологов показали, что около 80% читателей уделяют внимание только заголовкам. Поэтому так важно журналисту выбрать заголовок для своей публикации.

Заголовок – лицо, имя любого журналистского или литературного произведения, его части, раздела, периодического издания. Это то, что стоит «в главе», впереди материала или его части. Удачный заголовок, по мнению многих журналистов, – половина успеха. Одной из функций заголовка является тематическое ориентирование читателя, помощь ему в выборе материала. Не следует забывать и о структурировании страницы периодического издания с помощью заголовков, а также влияние заголовка на композицию самой статьи. Идеальный заголовок должен выражать сущность изображаемого, привлекать внимание читателя к теме, отвечать содержанию публикации, а также служить своеобразной рекламной приманкой для читателя.

Газетный заголовок живет на газетной странице, следовательно, отражает характерные особенности газеты. Многие газетные заголовки в краткой спрессованной форме отражают сущность происходящих событий. Главным и бесценным источником для заголовков служит сама жизнь. Нужно выбрать самое яркое, убедительное и интересно это преподнести. Для этого в заголовке могут использоваться все известные лексические и синтаксические средства выразительности. Могут возникать экспрессивные заглавия, созданные на основе переносного значения слов, окрашенной лексики, синонимов и антонимов. В заголовке могут использоваться пословицы, поговорки, фразеологизмы, названия известных песен, кинофильмов, пьес, цитаты из этих произведений, разговорные элементы, фонетические и морфологические средства выразительности

Фразеологические единицы (ФЕ) – не просто стойкие словосочетания, выражения, языковые и стилистические средства, а часть менталитета любой нации, культуры, истории, мировоззрения мировосприятия. Фразеологию можно отнести к символам, знакам нации, понятным каждому без толкований. Каждая ФЕ является частью ассоциативного ряда. Фразеологизм – это образ, понятный многим и одновременно сжатый, часто символический или ассоциативный. Несмотря на то, что ФЕ характеризуются семантической слитостью компонентов, целостностью значения и автоматическим воспроизведением в речи, можно говорить о «подвижности» фразеологизма. ФЕ может меняться, а, значит, и использоваться и звучать каждый раз по-новому. Такая подвижность и динамичность ФЕ являются необходимым требованием сегодняшнего медиа-пространства, которое стремиться к разнообразию и новым формам (Сербенська 2001), а авторские изменения называют стилистическими приемами использования устойчивых выражений. Все это обусловливает обращение многих журналистов «за помощью» к фразеологии, в которой самым ярким образом проявляется национальная специфика языка и ее эмоционально-оценочный поценциал, удачно объединяются народная мудрость и субъективная оценка. Несмотря на разнообразие, все приемы вращаються вокруг того образа, который лежит в основе устойчивого выражения. Главным условием этого стилистического приема является правило: перефразируй, но не разрушай образ.

В актуализации фразеологизмов заметную роль играет трансформация. Фразеологизмы как экспрессивные единицы, подчиняясь в контексте авторским модификациям, приобретают комбинированную, дополнительную эспрессивность. В современной лингвистике (Мокиенко 1989, с. 26) трансформации рассматриваются как фундаментальное свойство языка и источник обновления экспрессивности ФЕ. В трансформационных процессах участвуют как интралингвистические (эволюционные) факторы, так и экстралингвистические – усиление роли автора-творца в тексте, или индивидуализация текста.

Широкое употребление фразеологизмов в названиях газетных статей является неслучайным, ведь заголовок должен обладать особой экспрессией и специфичностью, чтобы привлечь внимание читателей, а рекламная функция названия способствует “модернизации” ФЕ.

Трансформации ФЕ, зафиксированные нами в текстах печатных СМИ, происходят в нескольких направлениях. Традиционно трансформации ФЕ делят на две основные группы: семантическую и структурно-семантическую. К приемам семантической трансформации принадлежат собственно семантические трансформации (смена фразеологического значения в определенных контекстуальных условиях, смена семантики ФЕ вследствие расширения сочитательных возможностей). Структура фразеологизма не меняется, на смену традиционного значения на противоположное указывают кавычки.

Например: *Янукович решил устроть водителям «**сладкую жизнь**»* (Комментарии, №246), имеется в виду: новые, «неудобные» правила; *В порты **влили «свежую кровь»*** (Комментарии, №273), то есть «ничего не изменилось».

Также присутствуют такие приемы как двойная актуализация фразеологизмов (использование на фоне фразеологической единицы ее компонентов, или слов, имеющих общий корень с компонентом фразеологизма; комментирование содержания фразеологизма; употребление на фоне ФЕ созвучного с ней свободного словосочетания.

К приемам структурно-семантической трансформации относим: расширение ФЕ, замену компонента или компонентов ФЕ (субституция), сокращение компонентного состава ФЕ, намек, контаминацию.

С точки зрения стилистики трансформацию используют для того, чтобы обновить семантику и структуру фразеологизмов, чтобы сохранить фразеологический образ (Сологуб 2003, с. 8; Удовиченко 1984, с. 70). Журналисты часто прибегают к окказиональному преобразованию ФЕ под влиянием актуализации. Изменения во фразеологизме позволяют

избегать штампов, поскольку при видоизменении фразеологизм приобретает, кроме свойств, заложенных в нем, а иногда и вопреки им, новые экспрессивные возможности.

Трансформированные фразеологические единицы используются в тех жанрах газетной и журнальной публицистики, которые направлены на выразительность, эмоциональность, убеждение. Такие единицы называют экспрессемами, сравнительно со стандартными фразеологическими единицами (Григораш 1992). Трансформируясь, они сохраняют соотношение с традиционными ФЕ, что и обеспечивает им стилистический эффект. Читатель воспринимает обе конструкции – традиционную и индивидуально-авторскую, а их сопоставление вызывает ответную реакцию у читателя.

Самым продуктивным способом структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в текстах печатных СМИ является лексическая субституция, отмеченная многими лингвистами (Гнатюк 1981; Григораш 1992; Сербенська 2001; Удовиченко 1984). Субституируются в основном синонимические единицы одного порядка; происходит замена одного, двух или всех компонентов фразеологической единицы (в этом случае можно говорить об актуализации фразеологической модели (Ляшенко 1997, с.11). Таким способом достигается смысловое напряжение, динамичность между узуальными и авторскими субститутами, что заряжает обновленный фразеологизм новой речевой экспрессией.

Например: ***Не Евро единым*** (Аргументы и факты); ***Не птицей единой*** (Комментарии, №246) – ср.: *не хлебом единым*; ***Пророк на час*** (№248) – *калиф на час*; *...Ангела Меркель* ***нажила себе «сильного конкурента»*** (№253) – *нажить себе врага*; ***Долгая дорога к банку*** (№256) – *долгая дорога в дюнах*; *Шахтерам* ***снова обещают золотые терриконы*** (№261) – *обещать золотые горы;* ***Сидор отпущения*** (Сегодня) ср.: *козел отпущения* - фамилия священника, которому дали 3 года условно; ***Рыба моей мечты*** – ср.: *дом моей мечты* в тексте о рыбалке; ***О бедном пассажире замолвите слово*** – ср.: *о бедном гусаре замолвите слово; Каковы наши шансы* ***не ударить в лед лицом****?* (Комсомольская правда, 27.04.01) – ср.: *не ударить в грязь лицом* в заметке о хоккее; ***Старая лянча колеи не испортит*** (Комсомольская правда, 13.04.01) – ср.: *старая кляча колеи не испортит* в заметке о машинах и под.

В газетном тексте находим большое количество случаев обновления фразеологической структуры путем замены традициональных компонентов элементами из современной жизни: *Не брендом единым, Через тернии – к рынку, Бюджет наш насущный, Не перегнуть бы законодательную палку, Пиррова победа правительства, Агент брокеру не товарищ, Против бартера все средства хороши, Кто в «Укрнафте» хозяин?* и др.

Следующий способ – семантическое уточнение значения в определенном контексте (за счет добавления контекстуальных прилагательных или существительных). В трансформированной модели меняется лексико-грамматический состав и значение всего фразеологизма расширяется.

Например: *Режиссерская звезда 65-летнего оскароносца, возможно,* ***закатилась*** (Комментарии №248); *Украину* ***заткнули за пояс процветания*** (№253); *Виктор Янукович* ***спустил на журналистов псов олигархии*** *– адвокатов миллионеров* (ВВС. Итоги недели 4-10 августа 2011, с.2); ***На своей музыкальной волне*** (Сегодня, 3.04.12) и под..

Активным способом является семантизация ФЕ, или прием реализации одного из компонентов в свободном значении. Например: *В столице директор КП* ***нарубил деревьев*** *на уголовное дело* (Комментарии, №246) – о массовых вырубках в Киеве; *Эмбарго на импорт какао… может* ***ударить и по карману, и по желудку*** *любителей шоколада* (№249); *В Лужниках* ***наломали дров*** *на 50 тысяч долларов* (Комсомольская правда, 13.04.01) – о ремонтних работах в Лужниках и под.

Непосредственную роль в трансформациии фразеологических единиц играет контекст, тематика текста. Контекст может состоять из одного, двух предложений или целого абзаца; может расширяться и до целого текста – статьи, которая чато строится на базе

определенной фразеологической единицы, и эта единица обыгрывается в ней (Гнатюк 1981, с.63; Удовиченко 1984, с.77).

Несмотря на разнообразие подобных стилистических примов, все они вращаються вокруг того образа, который лежит в основе устойчивого выражения. Непреложным условием использования фразеологизма является заповедь: перефразируй, но не разрушай образ. Продуктивным является прием продолжения пословицы и наращения ее смысла с помощью попутного замечания. Например:

Из песни слов не выкинешь. Зато можно выкинуть музыку (Комсомольская правда).

Иногда текст заголовка полностью отличается от текста пословицы, но сохраняется пословичный способ выражения мысли: *Лучше быть богатым и любимым, чем бедным и постылым* (Комсомольская правда). Также часто проза уже не может выразить всех авторських эмоций. Заголовки представляют срифмованные строчки. Например:

Боец храни отчизну нашу за 30 руб., трусы и кашу! Хоронили – веселились, протрезвели – прослезились (Комсомольская правда) и под.

Внутренние функции заголовка – руководить организацией внимания реципиента, подчеркивать основную мысль или идею, устанавливать связь с другими произведениями литературы, и таким образом реализовать интертекстуальные связи конкретного текста (Ставицкая 2000, с.37-39). В последнее время наблюдается рост количества заголовков, связанных с субкультурой (цитаты из кинофильмов, песен, рекламы, молодежного и криминального жаргонов) (Коваленко 2003, с.37-39). В них присутствует элемент непредвиденности, который разрушает устоявшиеся образы, чем выводит читателя из стереотипа восприятия. Целью этого приема является смещение акцентов, создание юмористического, иронического, пародийного эффекта.

Цитация или квазицитация и аллюзийное цитирование являются атрибутом языковой игры адресата-адресанта текста, о чем свидетельствует анализ заголовков и рубрик статей.

Например: ***«Шершень» укусил Америку*** (Комментарии, №249) – ср.: *какая муха тебя укусила?* - об американском фильме «Шершень»; ***За металлургами заржавело*** (№247) – *за нами не заржавеет;* ***На лицо смуглые и добрые внутри*** *болгары радушно встречали нас* (BBC. Итоги недели 4-10 августа 2011, с.13); ***Телефон недоверия*** (о службе скорой медицинской помощи, которая не поверила ребенку); *Кому будет* ***горе от ума****?* ***Вокруг света за 400 дней****. На такси* – ср.: *вокруг света за 80 дней; В Европе понимают: Тимошенко* – ***не Сахаров*** – а скорее Ходорковский, если вспоминать ее бизнес-прошлое; ***Снимай штаны, иди домой,*** ср.: *снимай шинель – иди домой; Сборная Голландии, как Винсент ван Гог* ***без побед, как без ушей****, 11 друзей и бандит Ольсена,* ср.: *11 друзей Оушена*; *Сборная Дании, как сказка Андерсена* ***гадкий утенок*** и проч.

Интересным приемом является использование созвучия фразеологизма и слова / аббревиатуры. Например: ***Обман на СТО*** (статья о ремонте автомобилей), ***Выпускной балл*** (о тестировании в школе); ***С «мылом» рай в шалаше****. Как страну подсадили на телесериалы* и под.

Особенным видом преобразований ФЕ являются преобразования фраз эпохи социализма, которые приобретают ироническое звучание: *"Сухой закон" для столицы; Призрак новых выборов; Призрак единого кандидата*; *Отсидим пятилетку в три года! Я инглиш бы выучил только за то, что им разговаривал Леннон; Болтун – находка для анархиста* и проч.

Происходит их снижение за счет введения в сниженный контрастный по семантике и стилистическому звучанию контекст, что создает особый эффект. Лингвисты называют подобное явление "стёбом" или "ёрничанием". Создается новая норма, новый вариант публичного языкового поведения, который называем авторской иронией – авторская насмешка и субъективная оценка, часто самоирония. Происходит актуализация предыдущего ассоциативного и апперцепционного опыта адресата, адресант создает намек на что-то широко известное (цитирование, похожая ситуация, ассоциация). Т.Г.Винокур (Винокур 1993, с. 84) называет это явление "коммуникативным соавторством", в котором главная роль

принадлежит языковой игре – разгадыванию, припоминанию: *Скажи мне, какой твой банк, и я скажу тебе, кто ты; Мой дом – моя могила; Возвращение блудного мэра* и др.

В заголовках статей часто обнаруживаем фразеологизмы-контаминации известных выражений, которые характеризуются новой, яркой образностью, неожиданным словосочетанием: *Все будет ЕЭП! – Все ОК!* – традиционной американской формулой переданы оптимистические настроения, связанные с созданием единого экономического пространства; *За свою рубашку придется постоять* (ВВС. Итоги недели 4-10 августа 2011, с.4); *своя рубашка ближе к телу и постоять за себя*; *...патриарху Кириллу придется склеивать тарелку, которую до этого он активно помогал разбивать* (с.4) – *склеивать разбитую тарелку и бить тарелки* и под.

Ассоциативное пространство функционирования модифицированных фразеологических единиц связанно с уровнем их понимания / непонимания, что обусловливает адекватность восприятия. Подобные фразеологические единицы и их авторские интерпретации требуют определенных фоновых знаний со стороны реципиента, зависят от уровня образованности и накопленных человеком знаний.

Приведенные примеры свидетельствуют о высокой степени стилистической окраски субститированных фразеологических единиц: благодаря субституции фразеологизм приобретает конкретность в связи с изображаемой ситуацией; усиливается традиционное значение фразеологизма; обагащается семантика фразеологизмов контекстуальным колоритом и юмористической коннотацией. Выбор более эмоционально окрашенной лексической единицы в окказиональной фразеологической единице в сравнении с узуальным фразеологизмом способствует смене интенсивности и экспрессивности всего выражения.

Например: *Не пей без акциза – козликом станешь* – ср.: *Не пей из лужи, козликом станешь* – слова из детской сказки) – статья о поддельных алкогольных напитках; *Не виноват он. Деньги сами пришли* ср.: с фразой из кинофильма “Бриллиантовая рука”: “*Не виноватая я. Он сам пришел*”); *Скажи мне, какой банк твой, и я скажу тебе, кто ты?* – модификация пословицы – *скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты*; *Мой дом – моя могила* – ср.: *мой дом – моя крепость* (статья о трагедии в Азербайджане – завале 5-этажного дома и др.

Итак, авторская замена компонентов приводит к смещению в семантике и экспрессивной окраске словосочетания и сопровождается актуализацией его внутренней формы, что свидетельствует о постоянном оновлении единиц коммуникации. Выбор слова-заменника обусловляет в первую очередь контекст. Подобная актуализация дает возможность выражения и других экспрессивных значений: степени интенсивности, оценки, эмотивности, иронического эффекта и другой дополнительной или подтекстовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

ВИНОКУР, Т. Г., 1993. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. Москва: Наука, 171 с.

ГНАТЮК, И. С., 1981. Как “оживить” фразеологизм // Культура слова. Выпуск 21, с.27-30.

ГРИГОРАШ, А. М., 1992. Стилістичне використання фразеологізмів у мові сучасної преси // Дослідження з філології. Киев: НМК ВО, С.119-126.

КОВАЛЕНКО, Б. О., 2003. Стилістично знижена лексика в мові сучасної української публіцистики: Автореферат диссертации кандидата филологических наук, Киев, 19 с.

ЛЯШЕНКО, Н. С., 1997. Внутренняя форма фразеологических единиц: онтологический и культурологический аспекты: Диссертация кандидата филологтческих наук. Киев, 227 с.

МОКИЕНКО, В. М., 1989. Славянская фразеология. Москва.

СЕРБЕНСЬКА, О., 2001. О. Інновації у мові сучасних українських мас-медіа // 125 років Наукового Товариства ім. Т.Шевченка. Зб. наукових праць і матеріалів, присвячений Ювілею Товариства. Львів, С.158-177.

СОЛОГУБ, Н., 2003. Актуальні питання сучасного українського мовного розвитку // Мовознавство: Тези та повідомлення V Міжнародного конгресу україністів. Чернівці: Рута, С.5-9.

СТАВИЦКАЯ, Л., 2000. Социокультурные аспекты украинской жаргонологии // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. – Луганск. С.174-181.

УДОВИЧЕНКО, Г. М., 1984. Прогресивна і регресивна деривація в системі фразеологізмів // Мовознавство. №2., С.18-24.

Nataliia Skyba
Taras Shevchenko National University of Kyiv
T. Shevchenko Boulevard, Kyiv, Ukraine.

PHRASEOLOGICAL ACTUALISATION IN HEADLINES

Summary

The article is about the active phraseological actualizations in hedlines of Ukrainian mass-media texts on Russian language. Nowadays we are studing intensive changes in the language structure, specifically in the phraseology. The object of the article is the main aspects of the new phraseological units in the mass-media texts. We consider phraseological creative processes as the modification, transformation of the phraseological model in the context situation. We studing semantic and structural transformations of phraseological units.

KEY WORDS: headline, phraseological unit, new phraseological unit, stylistic ways, structural semantic transformation.

Елена Сьянова
Институт лингвистических исследований РАН,
Тучков пер. 9, 812 Санкт-Петербург, Россия.
Эл. почта: syanovaei@mail.ru
Научные интересы: диалектология, лексикология, ономастика, лингвистическая география.

ЛЕКСИКА КРЕСТЬЯНСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)[22]

В статье представлен этнолингвистический анализ лексики крестьянского строительства, функционирующей на территории Воронежской области в говорах с украинской основой
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русско-украинские говоры, лексика традиционного крестьянского строительства

Жилище относится к тем компонентам культуры, развитие которых особенно тесно связано с окружающей средой и социально-экономическими условиями жизни. В работе (Ковалевский 2002) приводится подробный обзор литературы, посвященной этнографическому описанию крестьянского жилища на территории Воронежской области в его историческом развитии. К сожалению, в научной литературе практичеки нет работ, посвященных описанию лексики данной тематической группы в пределах обозначенной территории. Тем более представляет интерес изучение говоров с украинской основой (далее – русско-украинские говоры), прежде всего в рамках проблемы языковых контактов. Данные говоры развиваются на иноязычной – русской – основе более 300 лет. Как известно, в XVI-XVII вв. происходит массовое переселение выходцев из Украины прежде всего в южные райны Воронежской губернии. Л.Н.Чижикова указывает на тот факт, что в южных районах Курской и Воронежской губерний в XIX в. проживало много украинцев (соответственно – 22,26 и 36,18% всего населения) (Чижикова 1988, с. 17 - 21). По официальным данным, на 2002 г. в Российской Федерации проживает 4,4 млн. украинцев (3% от населения РФ). При этом значительная часть украинцев проживает на своих «этнических землях – Кубань, Донщина, Воронежчина, Билгородщина, Курщина, Брянщина» (Абліцов, Сімченко 2004, с. 52).

В настоящее время носители говоров с украинской основой самоопределяются как русские, до настоящего времени сохраняя украинские черты на разных языковых уровнях и одновременно приспосабливаясь к другой языковой системе (Сьянова 2011). Интенсивное влияние русского литературного языка и южнорусских говоров можно наблюдать на лексическом уровне. В этой связи заслуживает внимания изучение различных пластов лексики. В своей работе мы обратимся к этнолингвистическому анализу лексики традиционного крестьянского строительства русско-украинских говоров Воронежской области.

На «органические связи украинского и южновеликорусского жилища» указывается в работе (Бломквист 1956, с. 454). Несмотря на единство хозяйственной деятельности и общность строительных приемов русских и украинцев под влиянием экстралингвистических факторов (географическое положение, экономические факторы и т.п.) формировались специфические черты в строительстве крестьянского жилища тех и других. При описании данной тематической группы особую значимость приобретают этнографические сведения, позволяющие определить соотносительность слова и реалии.

[22] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Довоенный архив Диалектологического атласа русского языка»), проект № 11 – 04 – 00224а.

В связи с обширностью выбранной темы, не обращаемся специально в статье к описанию типов крестьянских усадеб, надворных построек, внутреннего убранства крестьянского жилища.

Многие термины тематической группы «Крестьянское строительство» употребляются на ограниченной территории Воронежского региона, но ряд лексем, в том числе и описательного характера, обладает пространными границами. Многие номинации вошли в пассивный словарь, что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Статья написана на основе материалов, полученных нами в полевых условиях (интервьюирование) в ходе диалектологических экспедиций 1997 – 2011 гг. Мы ставим целью выявление лексики строительства в современных русско-украинских говорах Воронежской области без дифференциации на неологизмы и архаическую лексику. Нами учитывались и литературные наименования, что позволяет нарисовать довольно полную картину лексического богатства обозначенных говоров.

Для названий «дом» и «комната» используется один термин ***ха'та***: 1. крестьянский дом (в прошлом, как правило, обмазанный глиной); 2. жилая часть дома, отделенная стенами; комната (Повсеместно). Как известно, изначально жилая постройка была однокамерной. Ср.: *В ха'ту було' захо'дыш – зра'зу у си'ны, калидо'р, а пото'м из синэ'й захо'дым w хаты'ну, w пэ'рву*. (с. Хрещатое). – *Ха'та wся в ико'нах, поми'ст зэмляны'й, кро'ват' дэрэвя'на*. (с. Власовка). Хата выступает в народной картине мира символом богатства: *Ха'та; ка'жэ, вин жыны'х баγа'тый: у ёγо ха'та ес'т'*. (с. Макашевка). Укр. *ха'та* - «дом, изба, хижина» (Гринченко 1907 – 1909, т. 4, с. 388).

В значении «комната» слово *хата* входит в состав описательных номинаций следующих синонимических рядов:

‘парадная комната без печи (в двухкамерной постройке с сенями)’: ***го'рныца, го'рница, го'рнична, вэлы'ка ха'та, пэрэ'дня ха'та***;

‘комната с печью; задняя комната, кухня’: ***ны'жня ха'та, за'дня ха'та, хаты'на, ку'хня***.

Слово хата заимствовано восточными славянами в значении постройки, сделанной из глины или обмазанной глиной (Зеленин 1991, с. 314).

В речи старшего поколения дифференцируются лексемы *хата* и *дом*: *Тоди стро'илы ны дом, а хату. Хата эта называлас' питисте'нак.* (с. Власовка). В настоящее время в результате языкового взаимодействия и под влиянием экстралингвистических факторов слово ***хата*** выступает в роли общего названия ‘крестьянская жилая постройка’ наряду с общерусским ***дом***: *Ха'та – э'та дом. Дом состоя'ў, ха'та состоя'ла у на'с из сине'й, захо'дыш – зра'зу бу'дэ ку'хня, а пато'м двэ'ри иду'т' у hо'рницу.* (с. Хрещатое). Слово ***хата*** может обозначать небольшую жилую постройку старого типа, а ***дом*** – современную усложненного типа.

В деревянном строительстве региона представлено два вида техники: срубная техника и столбовая. Основой крестьянской жилой постройки при срубной технике является четырехугольный ***зруб / сруб*** (эти фонетические варианты функционируют повсеместно на территории Воронежской области). Однокоренными являются глаголы ***рубы'ть***, ***зруба'ть*** ‘делать, сделать сруб’, образующие словосочетания ***зруб зруба'ть, рубы'ть з дэ'рива***; прилагательное ***зру'блэный***. Сруб делали также при постройке колодцев, погребов и т.п. (*Коло'диз' дубовый, зру'блэный, ну, як тэби' сказат', метра на пиўтора*. с. Власовка). В укр. в том же значении – *зруб* (Гринченко 1907 – 1909, т. 2, с. 185), *зруби'ти* (Там же); ср. *зру'бувати, зруба'ти* ‘срубывать, срубить’ (Там же). Общим наименованием постройки данной техники является описательное ***ру'баный дом***; используется прилагательное ***ру'бленый*** (*А ру'бльный, он у на'с ру'бльный. Брёвна, з брёвьн, ру'бльный так ото': брёвна, во'сим ме'тръф, шэст' ме'тръф, и оно' прям бривно' на бривно' лажы'тца.* с. Алферовка).

Известен наиболее древний способ рубки на основе сцепления бревен с выпуском концов – ***в углы'***: *Ру'баный дом – э'та кристави'к называ'итца, ру'баный: брёвна, в уγлы' – и вота'к вот* (с. Власовка).

Сруб состоит из венцов – ***вэ(и)нэ'ць*** – горизонтально положенные четырехугольники из бревен. Описательно репрезентируются в говорах верхний и соотвественно нижний ряд бревен в срубе: ***вэ'рхний вэ(и)нэ'ць – ны'жний вэ(и)нэ'ць,*** или ***пэ'рвый вэ(и)нэ'ць***.

Со значением «отрезки древесного ствола, обрубки толстых бревен в стоячем положении, используемые в качестве опоры деревянного сруба и соответственно врытые в землю под углы нижнего венца крестьянского жилища» в говорах представлены лексемы ***пыдва'лкы***, ***сту'лья***, ***ту'мбы***: *Пыдва'лкы – э'та, зна'чит', дом стро'ит'ця начина'ит'ця с пыдва'ла, пыдва'лкы, э'та як щяс называ'ютца сту'л'я, а тоди' кырпычя' нэ було', выбыра'лы дубкы', пыд ны'з ложы'лы пыдва'лкы* (с. Власовка); *А сту'л'я – эт на уулу' до'ма. Сту'л'я сначя'ла пало'жут', шоп уулы' сначя'ла, а там а'бы чем, аснавно'е – уулы' в до'ме, штоп сту'л'я бы'ли надёжные* (с. Макашевка). Слово *стул* в представленном значении было известно в великорусской деревне лесной полосы издавна (Бломквист 1956, с. 440). В укр. языке *підва'лина* 'толстая балка, составляющая основание деревянной стены' (Гринченко 1907 – 1909, т. 3, с. 160); в русских говорах отмечен целый ряд однокоренных слов: *по'двалень* 'бревно между угловыми камнями фундамента дома, подкладываемое при ремонте' с пометами Перм. Свердл., *подва'лина* 'большое толстое бревно; колода' с пометами Южн. Свердл.; то же, что подвалень – Костром. Арх.; *подва'лка* 'невысокая земляная насыпь к фундаменту для утепления дома; завалинка' – Дон.; *подва'лки* 'каменные или деревянные опоры фундамента' – Ворон. Ряз. Дон, 'нижний венец сруба' – Перм. и др. (СРНГ 1992, т. 27, с. 349)

Сегодня строительство дома начинается с закладки фундамента. В говорах для обозначения данного понятия используется заимствованное из русского языка слово *фундамент* в фонетической «обработке» – ***фунда'мэ(и)нт***: *Фунда'мэнт. Во'зли ха'ты ото'. Тэпэ'р кат', фунда'минт. А ра'н'шэ ба'бкы пры'йдут' и сида'ют' на пры'з'бу* (с. Поповка). Ранее вокруг стен хаты на расстоянии от них около полуметра делали завалинку – ***спры'зьба, пры'з'ба, зава'лина***, ***зава'линка***. Ср. укр. *призьба* и *призба* (Гринченко 1907 – 1909, т. 3, с. 417, 415), *спризьба* и *спризба* (Там же, т. 4, с. 189), *приспа* (Там же, т. 3, с. 440).

Брус, служащий опорой для потолка, обозначается в исследуемых говорах словами ***ма'тка, ма'тица, сво'лок***. Слово ***ма'тка*** в данных говорах полисемично: 1. кобыла; 2. единственная в пчелиной семье самка, способная откладывать яйца для вывода будущего роя; 3. *Фольк. Уменьш.-ласк.* мать. На юге Воронежской области, в районах, непосредственно граничащих с Украиной, локализован украинизм ***сво'лок***, *мн. сволока'*: *В диривня'х сво'лок лэжы'т' посэрэ'т' ха'ты, а тоди' на ёho кладу'т'ця ти, до'сточ'кы, и тоди' ма'жут'ця.* (с. Подгорное)). Матка, как правило, кладется вдоль хаты.

Верхнее одиночное бревно крыши – ***конёк***: *Пол настылы'лы, сти'ны вы'вэлы, вот, ма'ткы положы'лы, а пото'м конёк ло'жут*' (с. Макашевка). Данная лексема, очевидно, появилась в говорах в результате взаимодействия с русской языковой системой.

На матку настилают ***потоло'чины*** – толстые доски.

Лексема ***стэ'ля*** «потолок», по нашим данным, локализована в южных районах области: *Стэ'ля – патало'к, стэ'ля у на'с. Пото'м ужэ' пишла' труба'*. (с. Медвежье).

При возведении стен применяется также столбовая техника. При таком способе основу стен составляют столбы, врытые в землю на равных расстояниях один от другого, а промежутки между столбами заполняются различными способами. На исследуемой территории распространен способ горизонтальной закладки бревен (досок) в вертикальные пазы, выдолбленные в столбах и стояках. Такой способ называется в русско-украинских говорах Воронежской области ***в забо'р***: *В забо'р: от на ме'тру два стояка' стано'влют', и там жыли'зо, таки' ско'бы, ско'бам бэрут', от, ввэрху' и внызу', а ту'та тоди' отаки' па'лкы выриза'ют' и заклада'ют'* (с. Власовка). Стена при таком способе постройке обозначается словом ***забо'рка***: *А е'сли ди'лают' забо'рку, зна'чит', ту'та прокла'дуют'ця два вин'ця', два брэвна', пото'м диркы', стоўбы' ста'влют' и звэ'рху опя'т' два вин'ця', и тут стра'пыла, а тоди' забо'роч'ку ди'лают'* (с. Макашевка). В СРНГ в том же значении отмечена лексема *забор* с пометой Смол. (СРНГ 1972, т. 9, с. 266 – 267)

Основным строительным материалом являлось ***дэ'рэ(и)во***: *Хливы' з дэ'рива рубы'лы*. (с. Хрещатое). Основными строительными породами служили и продолжают служить литсвенные деревья: ***дуб; вильха / ольха; осыка / осина***; ***лыпа*** / ***липа***. Чаще всего дома рубились из дуба – ***дубо'к*** – самого распространенного и очень прочного дерева. Стены, как правило, делались из более дешевого материала (осина, ольха, верба).

В южных районах Воронежской области для возведения строений, предназначенный для жилья, часто в прошлом употреблялся плетень, обмазанный глиной. Крестьянский дом такой постройки называется в говорах ***хворостя'нка*** (с. Ширяево). Ср. ***лозя'нка*** ‘сарай, сплетенный из лозы’: *И котухы' булы', и лозянкы' там булы', з лозы' заплэ'тыный сара'йчик и пома'заный ɣлы'нкой. Лозя'нка называ'итца.* (с. Морозовка).

По всей территории, обозначенной в теме работы, распространенным типом построек в начале XX в. были глиняные хаты, главным образом *саманные*. Подобные постройки кладутся из ***самана***, или саманного кирпича, – кирпича с примесью мелко нарубленной соломы: *Ма'залыся, ис самана' булы' хаты'* (с. Хрещатое). Как изготавливается саман, см. подробно в работе (Бломквист 1956, с. 93). Дом из самана обозначается соотвественно лексемой ***сама'нка*** (с. Ширяево, Хрещатое и др.). На северо-востоке Воронежской области такой тип постройки характерен в качестве нежилого помещения: *Сама'нни у нас булы' сараи.* (с. Макашевка).

Номинация ***ма'занка*** ‘жилое или хозяйственное строение (сарай, погреб, времянка), обмазанное глиной и, как правило, побеленное известью или мелом’ известно повсеместно. Например: *Ма'занка – эт с э'тово, як jих, с сама'ну* (с. Власовка). Общим названием материала для обмазывания стен строений различного назначения является слово ***ма'зка***: *Тоди' хливы' булы' плитнёви, а коро'ви ма'зани коро'вячим hивно'м. Ма'зку отдира'лы и куры'ла ба'ба – и бэшы'ху личи'ла.* (с. Власовка). Не всякая глина идет на постройку жилища. На северо-востоке для самана использовался так называемый ***глэй*** – особый сорт глины, который отличается большей вязкостью: *А пич’ скла'дына з оцы'х, з hлэ'ю. Си'рый вин. Оны' ш и кырпычи'ны таки' си'ри. И да'жэ сэ'ла друhи' прыйиж’жя'лы до на'с. Вин жэ hлэй ны скри'з’ бува', а цэ ми'сто такэ'* (с. Власовка).

В западных и южных районах региона широко представлены такие строительные материалы, как мел и известняк. Здесь в большом количестве были представлены постройки из мела – ***крэйдя'нка***. Повсеместно в русско-украинских говорах в значении ‘мел’ функционирует украинизм ***крэ'йда***.

Таким образом, на основе дифференцирующего признака ‘строительный материал’ в русско-украинских говорах Воронежской области выделяется целый ряд лексем, определяющих разные мотивационные типы наименований жилых (и нежилых) построек: ***хворостянка, мазанка, саманка, крейдянка, плетёнка*** и др.

Более поздними типами жилого помещения являются ***пятысти'нок*** и ***крэ(е)стови'к,*** противопоставленные на основе количественного признака – двухкамерная и соответственно четырехкамерная постройка. ***Пятысти'нок*** – хата, разделенная почти посередине капитальной стеной, рубленной одновременно с возведением сруба. Шестистенная хата, т.е. дом, разделенный на четыре комнаты двумя пересекающимися стенами, рубленными одновременно со всем срубом, – ***крэстови'к***, ***крестови'к***. Трехкамерное жилище с квадратным основанием – ***кру'глый***.

Крестьянская жилая постройка усложняется со временем, появляются различного рода пристройки. В общем значении пристройка к дому выступают лексемы ***прысти'нок*** (*Прысти'нок? Цэ о'дэ у вас прысти'нок изди'лан. От у нас дви и ище' б дви ну'жно, то було' б читы'ри, а цэ прысти'нок.* с. Власовка) и ***прыстро'йка*** (*У на'с прыстро'ёк к до'му нэ було' ныя'кых.* с. Хрещатое)). Ср. укр. *пристін* «отвесный берег реки» (Гринченко 1907 – 1909, т. 3, с. 442). В значении «пристройка» в СРНГ приводятся следующие лексемы *присте'н* и *пристенок* ‘прируб, пристройка к дому ’ – Нижегор., Орл. и др. (СРНГ 1997, т. 31, с. 414, 415), *притык* с пометами Сиб., Забайкалье, Кемер., Новосиб., Свердл., Перм., Тюмен., Том., Урал., Киров., Горьк., Ряз.; *притыка* с пометами Свердл. и Перм. (СРНГ 1998, т. 32, с. 34).

Как отмечает Е.Э. Бломквист, «в степной полосе Украины издавна распространен еще один тип, в котором две хаты идут подряд с одной стороны сеней и соединены дверями; здесь уже получается удлинение всей постройки путем пристройки дополнительного помещения – кімна'ты, это – «хата на дві половини», т.е. состоящая из передней хаты и чистой половины – кімнаты» (Бломквист 1956, с. 158). В южных районах Воронежской области нами зафиксировано слово ***кивна'та*** ‘небольшая отгороженная дополнительно комната, служащая обычно спальней’: *В ха'ти була' заһоро'тка, во'пщим вэлы'ка ха'та была' пэрэһоро'жына, называ'лас’ кивна'та. А в кивна'ти там стоя'ла ця, пидзёмка, и оно', и ця, ру'с’ка пе'ч’ка* (с. Хрещатое); *Кивна'та? У мэ'нэ було' дви ха'ти, хаты'на у мэ'нэ була' вэлы'ка, мы еи' пэрэһороды'лы, калидо'р буў у на'с вэлы'кый, так тэпэ'р там ку'хня, зробы'ла. Поняла' шо? Тэпэ'р у мэ'нэ цэ тры ко'мнаты.* (с. Медвежье). Соответственно ***кивна'тамы робы'ть*** – ‘отгораживать дополнительные комнаты в доме’. В селе Подгорное Россошанского района *кивната* в богатых крестьянских домах – это комната молодой девушки.

Типичной конструкцией является двускатная крыша. Повсеместно распространено общерусское литературное ***кры'ша***. В южных районах локализован украинизм ***стри'ха*** ‘выступающий край крыши’: *Я ота'к и ота'к зробы'ла, поста'вила ико'ну, пид стри'ху она' называ'е. А пид стри'ху – э'та кры'ша сайидиня'итца с э'тим, с ха'той* (с. Подгорное). Ср. укр. *стрі'ха* 1. край соломенной крыши, выступающий за стену; 2. соломенная крыша (Гринченко 1907 – 1909, т. 4, с. 217).

На обозначенной территории представлена такая разновидность двускатной крыши, как крыша на стропилах. Слово *стропило* и родственные ему слова известны во многих славянских языках (Бломквист 1956, с. 98). В исследуемых говорах с украинской основой представлены следующие номинации: ***стропы'ла***, ***стра'пилы***, ***ло'ги***. Стропила врубаются в самое верхнее бревно сруба – ***пыдстропы'лнык***: *Зате'м на вэ'рхню обвя'ску ло'жытца ище' одна' обвя'ска. Зате'м ложытца пытстропы'лнык. Э'то вот брёвна, на якы'х ста'влютца стропы'ла. Зате'м пытстропы'лныкы закрипля'лы, ста'влютца стропы'ла, эт ужэ' пыд кры'шу.* (с. Власовка). Стропила опираются нижним концом о верхнее бревно длинной стены, а их верхний конец прикреплен к коньковому брусу, где скрещиваются две пары стропил. На стропила кладутся слеги – горизонтальные длинные жерди – ***рэшэ'тнык***.

Распространенным кровельным материалом являлся ***очэрэ'т***, или ***камы'ш***, *т.е.* растение Phragmites communis, тростник. Позже получает распространение такой материал, как железо, шифер. Применялись в прошлом кровельная и штукатурная дранка – ***дра'нка***, или ***дрань***. Ср. наличие в говорах глаголов *дратува'ть* 1. ломать что-л.; 2. сердить, дразнить, выводить из себя кого-л.; 3. мешать кому-л., лезть к кому-л., докучать; *драть* 1. отрывать, вырывать, отделять что-л.: *Лысы'ци бу'дут’ драт’, лиш бы проли'зты* (с. Власовка); 2. тереть на терке, молоть: *Дра'лы та тёрку на таку' – мэ'лныч’ку моло'лы* (с. Данило). 3. ощипывать (кур, уток, гусей): *Гусэ'й, утя'т помоһа'лы драт’, дра'лы мы* (с. Власовка).

В значении ‘чердак’ функционируют такие лексемы, как ***черда'к, потоло'к, гори'ще, гора'***. Слово ***потолок*** в данном значении широко представлен в говорах Воронежской области: *Зирно' храни'ли на потолку'* (с. Поповка); *Домовы'й мо'жэ буд’ дэ вһо'дна, но жывэ' ти'кы на потолку'* (с. Кувшин). Ср. использование слова *потолок* в литературном значении: *Бува'ло, пятно' на потолку' ота'кыч’ка поя'выт’ця, и вро'ди кры'ша нэ тэче', пятно' на потолку' появы'лос’* (с. Макашевка). Украинизмы ***гора*** и ***горище*** локализованы в центральных и южных районах Воронежского региона: *Гори'ще – черда'к, нахо'дылос’ на кры'щи и называ'лос’ һори'ще; И ввэрх пишо'ў на чирда'к, на һори'ще по-на'шому*. (с. Хрещатое).

Обозначим основные глаголы, входящие в тематическую группу «Крестьянское строительство»:

‘построить, соорудить хату из самана ’: ***соста'выть ха'ту*** (*Ну той, сама'н де'лают’, шоп ха'ту соста'выт*’. с. Данило);

‘делать плетеную хату’: ***плэсты'*** (***плэсты' плыти'нь***, ***плэсты' с хворосто'м***);

‘мазать жилье глиной’: ***ма'зат, пома'зать, зама'зать, зама'зувать, обма'зувать, обма'зать, облипля'ть***. В значении ‘обмазывать глиной’ выступает и описательная номинация ***обвя'зувать глы'ной***. Глагол *ма'зать* является манифестацией и других значений: ‘белить стены дома’ (*Ма'зали ме'лом та жо'ўтыми камен’ця'м. Сначя'ла бе'лым ма'залы ко'мнату ввэрху'* (с. Хрещатое) и ‘рисовать мелом’ (*Ли'том wся'ки ходы'лы. Так крэ'йдою ма'залы носкы' би'ли* (с. Ширяево));

‘рубить, разрубить топором’: ***руба'ть, разруба'ть;***

‘пилить’: ***пыля'ть;***

‘обрабатывать дерево’: ***обстру'жить*** и ***остру'жить*** ‘обстрогать’, ***обтэ'сувать, обтэса'ть, затэ'сувать***;

‘стелить полы’: ***мосты'ть***, ***помосты'ть, вы'мостыть***: *Роспыля'лы ци дэрэ'ва и помосты'лы ци помо'сты, вин сам мосты'ў; Прыво'зэ ище' тры-читы'ри дэрэвы'ны – вы'мостылы в цие'й ха'ти, роспыля'лы* (с. Власовка).

Назовем отдельные детали крестьянского строительства.

Для обозначения окна повсеместно используется украинизм ***викно'***. Проем для окон (как и для дверей) – ***вы'руб –*** в уже собранном срубе прорубали нужной высоты и ширины: *Скрывнэ' дэ'рэво – э'то вот накрыва'ют’, до ви'кон вы'руб зди'лалы, до ви'кон, ложытца сплошнэ' скрывнэ' дэ'рэво* (с. Власовка). Ср. ***выруба'ть*** (*Лю'ды хо'дют’ на ри'ч’ку. Там выруба'лы хрэст со л’да, и ба'тюшка свий хрэст умоча'ў у хрэст со л’да* (г. Калач)).

На юге и в центральных районах Воронежской области до сих пор имеют широкое распространение двустворчатые ставни – ***вико'нныци*** *мн.*: *О'кна булы', а вико'нныци снару'жы зачиня'лыс’, дэрэвя'ни.* (с. Хрещатое).

Обрамление двери состоит из двух косяков, порога и притолоки. Деревянное обрамление всего стенного проема для дверей, окон, коробка также обозначается лексемой ***пры'толок***: *Рибёнка ста'влют’ к двэ'ри, к пры'толоку, и она' чита' молы'тву са све'ч’кой* (с. Власовка). Боковой брус дверной или оконной рамы обозначается в говорах словом ***кося'к*** (*И касяки' то'жэ по у'ровню де'лают’, и штоп касины' не' была никако'й. Ана' тут де'лаитца в ус* (с. Власовка)). Двумя фонетическими вариантами в говорах выражается название порога: ***поро'г*** и соответсвенно украинизм ***пори'г.***

Фонетическим вариантом лексемы *наличник* является ***налы'шык***: *Налы'шык, оцэ' ж двэ'ри и налы'шык ота'к* (с. Подгорное Россош.).

Для передачи понятия «угол (комнаты)» используется, помимо лексемы ***у'гол***, также ***кут, куто'к***. Лексема *куто'к* представлена также в значении «участок земли, имеющий форму треугольника или многоугольника (иногда – расположенный между оврагами) и используемый для сенокоса»: *Цэ у на'с куто'к, дэ дя'д’ко Стёпка, w кутку' си'но мы косы'лы. Куто'к называ'лы* (с. Власовка). Ср. *закуто'к* ‘место между печью (плитой) и стеной’: *Закуто'к мыжду' плито'й и стино'й, и там, туда', там ло'жут’* (с. Власовка).

В свою очередь, красный угол в южных районах области обозначается при помощи украинизма ***по'куть*** *м*. Ср. укр. *по'куття, по'кутя ср., по'куть м., по'кут* «красный угол» (Гринченко 1907 – 1909, т. 3, с. 280). Однокоренными выступают *поку'тувати* ‘искупать грех, нести епитимію, каяться’, *поку'та* 1. покаяние, 2. епитимия (Гринченко 1907 – 1909, т. 3, с. 280).

Как отмечает Е.Э. Бломквист, «полатей на Украине не знают» (Бломквист 1956, с. 230). В говорах с украинской основой, функционирующих на территории Воронежской области, нами повсеместно зафиксирована лексема ***пола'ти***. Наличие такой реалии, как полати, несомненно является результатом взаимодействия с русской культурой. Например: *Пала'ти бы'ли* (с. Ширяево).

Еще в начале XX в. дощатый пол в хатах Украины был редкостью (Бломквист 1956, с. 232). Земляной или глиняный пол назывался ***доли'вка.*** Этот историзм широко представлен в рассказах о прошлом: *И в дом траво'й посыпа'ли доли'ўку. Э'та доли'ўка называ'лся, эт па-хахла'чи* (г. Россошь). *А полы' булы' зэмляни', зимляни'. Каза'лы доли'ўка* (с. Морозовка). Ср. ***додо'лу***, *нареч.* Вниз; наземь. *И пыд святу' ныди'лю на стол че'брыку, на вы'кна, додо'лу*

травы' (с. Марки); ***до'ли,*** *нареч.* Внизу, на земле, на полу. (сс. Власовка; Макашевка и др.). В СРНГ данная лексема зафиксирована в курских говорах (СРНГ 1972, т. 8, с. 111). О наличии данной лексемы в говорах Краснодарского края см. в статье (Костина 2009).

Дощатый пол обозначается лексемой ***поми'ст***: *Одна' ха'та, помо'сту нэ було'; Я колы'с' на пра'знык, якы'й буў, ны по'мню, помо'сты помы'ла, та на дру'γый дэн' вра'н'ци як захвора'ла.* (с. Власовка). В настоящее время лексема помист выступает в качестве общего термина со значением «пол»: *У ба'бы Стэ'хы и щяс поми'ст зэмляны'й* (с. Власовка). Ср. ***поми'ст вы'мостыть*** «постелить полы»: *Оды'н поми'ст вы'мостылы*. (с. Власовка).

Повсеместно распространены ворота большей частью двухполотные, служащие для проезда, с калиткой для пешеходов – ***воро'тя*** и ***воро'та***: *Ва'лянкы кыда'лы чирыз воро'тя; Вин вы'пхнуў еи'* (соседку) *за воро'та* (с. Власовка). Для обозначения калитки повсеместно используется местный термин ***хви'ртка***. Укр. *хві'ртка, фі'ртка* «калитка» (Гринченко 1907 – 1909, т. 4, с. 377, 393).

Гнездо в дверном косяке, где крепится дверь, обозначается словом ***пя'тка***: *Пя'тка: кали'тка вот кауда открыва'ица, варота, прытворна', и зза'ди вот там; И оцу' воду она вылыва'ла пыт пя'тку, пыт пя'тку, пыд воро'та* (с. Власовка).

По'ви'тка и ***повы'тка*** *ж.* – ‘крыша нал воротами между двумя сараями для въезда на огород’: *По'витка – эт оцэ сюды хливы' и на цэй бик, а цэ посэрэ'дыни оца по'витка. Ту'та мы сушылы wсэ. И она така крыша, што на лошади можэш проjи'хат'. И цэ там я'блука сушылы, бува'ло нави'шаим и на ныткы', ўстромля'лы, круhляка'м ри'залы.* (с. Власовка). Ср. укр. *пові'тка* ‘сарай для скота, также навес из соломенной крыши при таком сарае’ (Гринченко 1907 – 1909, т. 3, с. 223). Одной из составляющей украинского, как и южновеликорусского, двора Е.Э. Бломквист отмечает *пові'тки* ‘навесы, открытые и закрытые, где складывали сено, работали в плохую погоду’ (Бломквист 1956, с. 198).

Типичная усадьба всегда огорожена. Наиболее распространненым видом изгороди являлся плетень – ***плэти'нь*** (*Плэти'н': набыва'иш ко'л'ля w зэ'млю, ски'лкы тэби' ну'жно мэ'триў, начина'иш плэсты' плэти'н' с хворосто'м. Вот эт называ'итца wсё плэти'н'. А плэт'ни' плэлы' таки' ме'триў пятна'цат' и высото'й ме'тра два.* (с. Власовка)); фонетический вариант – ***плыти'нь*** (*А плыт'ни' плылы' таки' метриў пятна'цат' и высотой метра два*. (с. Власовка). Материалом служили гибкие ветви различных видов ивы: вербы, лозы, тальника и др., а также очэрэт ‘тростник’. Соответственно ‘плетнёвый, сделанный из плетня’ – ***плытнёвый***, ***плытяны'й***, ***плэ'тыный***.

Лексико-семантическая группа «Запоры у дерей и ворот» представлена в исследуемых говорах только двумя лексемами: ***защёлка*** – железный засов, используемый для закрывания входных дверей и ворот (*То wходна' двэр', то ра'н'шэ ру'ч'кы булы' таки' уто' жыли'з'ни, ну, як w кали'тки оцэ', ота'к защёлка, таки' жыли'з'ни. Двэ'ри закрыва'ютца на таку' защёлку.* (с. Подгорное)); ***чипо'к*** – деревянный колышек или железный штырь, при помощи которого закрывают двери (*Дырыв'я'н'ни ди'лалы чипкы', то жыли'з'ни, а то дырыв'я'н'ни. Ота'к оны' зацэ'й, запира'лы, ну, от у на'с ха'ту, хливы'. Оцэ' ди'лалы таки'.* (с. Власовка)).

Данные, полученные в ходе диалектологических экспедиций, свидетельствуют не только о богатстве лексемной номенклатуры, но и том, что распространение лексем является систематизированным. К сожалению, рамки статьи не позволяют включить весь материал и тем более представить лингвогеографический апект в исследовании данного пласта номинаций.

В лексической системе русско-украинских говоров, представленных на территории Воронежской области, сохраняются многие архаичные признаки, присущие украинским диалектам, и в то же время интенсивно проявляется ряд инноваций, связанных с влиянием русского литературного языка и южнорусского диалектного окружения.

ЛИТЕРАТУРА

АБЛІЦОВ, В.; СІМЧЕНКО, Г., 2004. Українська діаспора: вчора і сьогодні. *Культурні зв'язки Донеччини з українським зарубіжжям (Матеріали науково-практичної конференції*, м. Донецьк, 17 грудня 2004 р.).

Донецьк: Донецьке обласне відділення Товариства «Україна-Світ», Український культурологічний центр, с. 52 – 66.
БЛОМКВИСТ, Е.Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные постройки). Восточнославянский этнографический сборник. *Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в*. Москва: издательство Академии наук СССР, с. 3 – 458.
ГРИНЧЕНКО, Б. Д. 1907 – 1909. Словарь украинского языка: В 4-х тт. Кіев: Кіевкая старина. Т.1 – 539 с.; т. 2 – 578 с.; т. 3 – 511 с.; т. 4 – 568 с.
ЗЕЛЕНИН, Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. Москва: Наука, 511 с.
КОВАЛЕВСКИЙ, В.Н., 2002. Славянские жилища VIII-первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье : диссертация ... кандидата исторических наук. Воронеж, . 271 с.
КОСТИНА, Л.Ю., 2009. Лексико-словообразовательная карта «земляной пол» (на материале кубанских говоров)) // Лексический атлас русских народных говоров. *Материалы и исследования.* Санкт-Петербург: Наука. С. 38 - 48.
СРНГ 1956 – 2010. Словарь русских народных говоров. Т. 1 – 43. М., Л.: Наука.
СЬЯНОВА, Е.И., 2011. О проблеме взаимодействия украинской и русской языковых систем на территории позднего заселения (на материале украинских говоров северо-востока Воронежской области) // Лінгвістика. Збірник наукових праць. №3 (24). Частина І. Луганськ: ЛНУ імені Тараса Шевченка, с. 25 **– 34.**
ЧИЖИКОВА, Л.Н., 1988. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века). Москва: Наука, 256 с.

Список населенных пунктов (сел Воронежской области)

Алферовка Новохопёрского района
Власовка Грибановского района
Данило Павловского района
хутор Кувшин Подгоренского района
город Калач Калачеевского района
Макашевка Борисоглебского района
Марки Каменского района
Медвежье Калачеевского района
Морозовка Россошанского района
Подгорное Россошанского района
Поповка Россошанского района
город Россошь Россошанского района
Хрещатое Калачеевского района
Ширяево Калачеевского района

Elena Syanova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Russia
Research interests:

LEXICON OF COUNTRY CONSTRUCTION: ETHNOLINGUISTIC ANALYSIS (ON A MATERIAL OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN DIALECTS OF THE VORONEZH REGION)

Summary

In article the ethnolinguistic analysis of lexicon of the country construction functioning in the territory of the Voronezh region in dialects with the Ukrainian basis is presented

KEY WORDS: Russian-Ukrainian dialects, lexicon of traditional country construction

Людмила Варпахович
Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, Минск, Беларусь
E-mail: ludvikv@mail.ru
Научные интересы: семантика, когнитивная лингвистика, психолингвистика

НОМИНАЦИЯ ПРОЦЕССОВ: ПОИСК ИСХОДНЫХ СЕМ

Статья посвящена изучению процессуальной семантики в когнитивно-ономасиологическом аспекте. На материале непроизводных глаголов исследуются возможности и проводится эмпирический анализ процедуры поиска исходных сем в первичных номинациях процессов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номинация, глагол, процессуальная семантика, исходное значение, этимологический анализ, когнитивно-ономасиологический подход, компонентный анализ.

1. Обоснование когнитивно-ономасиологического подхода.

Современное понимание языка как одной из знаковых систем, предназначенных для оперирования информацией, предполагает обязательный ответ на вопросы: какая именно информация отбирается человеком в ходе познавательной деятельности для закрепления в языке, как и в каких формах она фиксируется, каковы закономерности, механизмы и правила комбинаторики информационных составляющих в семантике отдельных единиц и в системе в целом. Поиском ответа на эти вопросы занимается когнитивная лингвистика (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Н. Хомский, Л. Талми, У. Крофт, А. Круз, В. Эванс, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н.Болдырев и др.), изучающая процессы репрезентации внешнего и внутреннего мира homo sapiens с помощью языковых знаков, активно использующая методологический аппарат целого ряда смежных дисциплин, разрабатывая и интерпретируя данные не только в синхроническом, но и в диахроническом аспектах. Так появляются направления в изучении когнитивной семантики слова (cognitive semantics), когнитивной грамматики (cognitive approach to grammar), структурной репрезентации знания (conceptual structure), концептуализации значения (conceptualization), нейролингвистических механизмов номинации и др. Взаимообусловленность ментальных и языковых процессов требует особого когнитивно-ономасиологического подхода, а также создания новых методов и принципов исследования акта номинации.

Номинацию когнитивисты определяют как «соотнесенность языковых форм с их когнитивными аналогами» или «процесс и результат объективированного осмысления действительности» (Кубрякова 2004, с. 58, 322), «вербализацией «образцов мысли» / «patterns of thoughts» в значимые языковые единицы» (Evans, Green 2006, P. 5). Другими словами, познавая нечто, человек формирует сложный информационный комплекс знаний о познаваемом объекте, создавая определенный структурированный код, и закрепляет это содержание в языковом знаке. Таким образом, под термином «номинация» мы будем понимать операцию семантического кодирования информации об окружающей действительности в языковых знаках.

Предмет нашего интереса – процессуальная семантика, которая имеет особый статус в системе языка. Чтобы выявить закономерности, правила и механизмы кодирования наших знаний о процессах, необходимо создать максимально полный инвентарный список семантических составляющих, определив, какие из них являются базовыми, обязательными, а какие – модифицирующими, переменными. Процессуальная семантика языка в современном состоянии – это зачастую результат сложной семантической дивергенции, метафорической и метонимической деривации, поэтому без ономасиологического анализа не обойтись. Очевидно, что, если исследователь хочет выявить первоначальную, исходную

информацию, он должен максимально приблизиться к историческим истокам, начать свой путь, так сказать, «ab ovo», выяснить генезис номинаций процесса и провести этимологический анализ значений. Таким образом, цель данного исследования – выявить возможности и провести эмпирический анализ процедуры поиска исходных сем в первичных номинациях процессов с позиций когнитивно-ономасиологического подхода.

Определение основных понятий.

Процессуальная семантика – это информация, зафиксированная в языковых знаках, называющих процессы (т.е. изменения в пространстве и времени). Носителями данной информации являются прежде всего корневые морфемы, поскольку не так важно, входят они в состав глаголов или вербоидов (отглагольных производных). Например, в словообразовательном гнезде «*БИТЬ*» (*би-ть, би'ть-ся, бј-у'щ-ий-ся, не-бью'щийся, би-ва'-ть, би-е'нијe, сердц-е-бие'ние, би-тј-о' [битье], би'-тв-а, бой, бој-ев(о'й) [боевой], боев-и'к, боев-и'т(ый), би'-л-о , би'в-ень, бо'й-н(я), бой-ни'ц(а), бо'й-щик, бој-е'ц [боец], бойц-о'в-ый, бойц-о'в/ск-ий, бој-о'к [боек], би'-т(ый), бит-о'к, бит-а', бит-к-а', бит-ко'м* + многочисленные префиксальные и суффиксальные производные) исходную процессуальную информацию несет корень *-би-*. Разумеется, первичными непроизводными номинациями считаются глаголы (в данном случае, глагол *бить*), в связи с чем в качестве языкового материала для анализа нами отбирались именно непроизводные глаголы. Распространенное разделение глаголов на такие общие классы, как действие (динамический акт, осуществляемый субъектом), процесс (динамический акт, не зависящий от субъекта), состояние (статический акт, в который может быть вовлечен субъект) в данном случае не является важным, поскольку мы исходим из самого общего понимания процесса – как любого изменения в пространстве и времени.

Исходное значение – это первоначальная в этимологическом аспекте семантика языковой единицы, имеющая первичную предметно-понятийную соотнесенность с обозначаемым объектом. Соответственно, исходными семами называются минимальные неделимые информационные составляющие исходного значения. В производящей единице таких сем всегда меньше, чем в производной.

Необходимо различать исходное значение и мотивирующий признак. "К самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением» (Гумбольдт 1984, с.118-119). Мотивирующая сема – одна из исходных сем, положенная в основу номинации. Вместе с тем любая из исходных сем при дальнейшем семантическом развитии слова в одном языке или семантической деривации, включая дивергенцию в родственных языках, может стать мотивирующей (особенно ярко это проявляется в звукоподражательных глаголах).

Номинации предшествует мотивация, которая является обязательным условием акта именования предметов и явлений действительности. Мотивация – это процесс выбора и закрепления мотивирующего признака в названии. Поэтому к теории номинации имеет непосредственное отношение и термин «мотивирующий признак», то есть сема, которая кладется в основу наименования. Способ закрепления мотивирующего признака в названии мы будем определять как внутреннюю форму слова. Мотивирующая сема вместе с сигнификативными (понятийными) и денотативными составляют структуру лексического значения.

Отражательная теория значения, полностью построенная на ономасиологическом подходе, представляется наиболее обобщенной, эффективной и корректной. Выявление мотивации слова, его исходного значения необходимы для анализа семантики знака в целом и понимания когнитивно-ментально-психологической деятельности человека в момент номинации объекта. «Перевод понятия в определенную категорию мышления есть новый акт языкового самосознания, посредством которого единичный случай, индивидуальное слово, соотносится со всей совокупностью возможных случаев в языке или речи. Только

посредством этой операции, осуществляемой в самых чистых и глубоких сферах и тесно связанной с самой сущностью языка, в последнем реализуется с надлежащей степенью синтеза и упорядочения связь его самостоятельной деятельности, обусловленной мышлением, и деятельности, обусловленной исключительно восприимчивостью и более связанной с внешними впечатлениями» (Гумбольдт 1984, с.118-119).

Характеристика языкового материала

Критерием отбора языкового материала стал принцип непроизводности языковых единиц, называющих процессы. С морфологической точки зрения, это, разумеется, грамматический класс глаголов. Заметим, что, хотя отправным пунктом были взяты глаголы русского языка, в перспективе ставится задача диахронически опуститься к максимально древним слоям номинаций и вычленить базовые индоевропейские корни, репрезентирующие процессуальную семантику.

В качестве источника языкового материала был взят «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера – один из самых авторитетных в данной специализации словарей. Он особенно удачен в том смысле, что представляет собой фактически свод различных точек зрения самых известных этимологов, так что исследователь может сопоставить их и согласиться или не согласиться с мнением автора.

Таким образом, методом сплошной выборки было отобрано 1083 непроизводных с современной точки зрения глагола. Исключением стали глаголы, заимствованные из других языковых семей, диалектные с пометами «экспрессивное преобразование основы», «фонетическое чередование или преобразование», «темное слово» или «неясно» (например, типа хломать ‘стучать, бить’, хломызгать, хломыздать ‘греметь’. Связано с хламать).

Этимологический анализ семантики этих глаголов позволил свести их к значительно меньшему числу исходных корневых номинаций (порядка 619 корней, из них 210 отмечены как звукоподражательные), в которых фиксируется процессуальная семантика.

Процедура поиска исходных сем

Сама процедура поиска исходной семантики неоднозначна и гипотетична. Всегда следует помнить, что, погружаясь в мир этимологии, мы погружаемся в мир предположений и догадок. Одни из них более обоснованны и доказательны, другие менее. Когнитивные процессы не доступны нашему наблюдению в прямом смысле, акты называния процесса, предмета, качества или отношения – это сложная форма психической деятельности, своеобразный «черный ящик». Тем не менее, нельзя абсолютно игнорировать и пренебрегать исследованиями когнитивных аспектов номинации за неимением возможности их непосредственного изучения.

Процедура поиска исходных процессуальных сем включает следующие этапы:

1) проведение этимологического анализа семантики отобранных русских глаголов (с обязательным сопоставлением параллелей из других индоевропейских языков) на основе данных словарных статей этимологического словаря М.Фасмера;

2) установление (где это возможно) праформ и изначальных корней, а также диахроническую последовательность семантической производности (цепочку семантической деривации);

3) выделение компонентного состава информационных составляющих, представленных в корневых морфемах.

В нашем докладе мы проиллюстрируем процедуру поиска на примере небольшого фрагмента глаголов микрополя «вертеть»**:** вертеть, вращать, вергать**,** верстать, коверкать, воротить, ворочать, обратить, обращать, верзать, вязать, верзить, обязать, вить, ваять, вилять, вихлять, веять, вывихать, вихать. **При изложении анализа сохранены сокращения и ссылки первоисточника.**

Русский глагол вертеть – сравним с укр. вертіти, ст.-слав. врьтти, врьшт, болг. врътя, сербохорв. вртјети, словен. vrteti, др.-чеш. vrteti, слвц. vrtet', польск. wierciec, в.-луж. wjercic,

н.-луж. wjerses с одинаковым значением ‘вертеть’. Другие ступени чередования представлены в ворот, воротить, веретено. Родственны лит. verciu, versti ‘поворачивать, вертеть’, лтш. verst – то же, др.-прусск. wirst ‘становиться’, wartint ‘обращать’, лит. virsti ‘опрокидываться, становиться’, гот. wairan ‘становиться’, лат. verto ‘поворачивать, обращать, вертеть’, греч. ‘разливательная ложка’, др.-инд. vartate ‘поворачивается’, vartayati ‘вращает’.

В семантике корня верт- представлена сема движения, точнее, динамического импульса (далее Di) + сема кругового, поворотного направления импульса (далее C).

Глагол верстать имеет значение ‘равнять, выравнивать, располагать набор на полосе’ (типогр.), в северных диалектах обозначает также ‘выдавать замуж (дочь)’. Дается отсылка на верста – укр. верства, др.-русск. вьрста ‘возраст; пара; ровесник; мера длины’, ст.-слав. врьста, болг. връст ‘возраст’, сербохорв. врста ‘ряд, вид’, словен. vrsta ‘ряд; строка; вид; возраст’, чеш. vrstva ‘слой’, слвц. vrstva, польск. warstwa ‘ряд, слой’, в.-луж. worsta. Связано с вертеть; первоначально обозначало ‘оборот плуга’. Сравним лит. varstas, varsna ‘верста, расстояние, пропахиваемое за один раз в одну сторону’, прич. virstas, оск.-умбр. vorsus ‘мера пашни’, буквально ‘оборот’, лат. vorsus (versus), др.-инд. vrttas ‘круглый, закрученный’. Можно сравнить еще русск. сверстник, цслав. съвьрсть ‘одинаковый возраст’, словен. vrst ‘ряд, вид’.

Компонентный состав семантики корня верст-: Di + ***C*** + ***‘ровный, одинаковый’*** + ***‘мера протяженности во времени или пространстве’.***

Слово коверкать Фасмер предлагает сравнить с укр. ковертати ‘поворачивать, вертеть’– оба образованы с помощью местоимения ко- от вертеть. Здесь уже Преображенский предлагает сближение второго компонента с нем. wirken "действовать", Werk ‘дело, произведение’, хотя, по мнению Фасмера, это невозможно. Компонентный состав семантики: Di + ***C + негативная оценка.***

Глагол воротить сравним с др.-русск. воротити, ст.-слав. вратити, болг. вратя, сербохорв. враити, словен. vratiti, чеш. vratiti, слвц. vratit', польск. wrocic, в.-луж. wrocic, н.-луж. wrosis. Исконнородственно лит. vartyti ‘поворачивать, вращать’, лтш. vartit ‘валять, катать’, др.-инд. vartayati ‘вращает, крутит’, гот. frawardjan ‘развращать’, далее, лит. versti, verciu ‘поворачиваю, заставляю’, др.-инд. vartate, vartati ‘крутится, катится’, лат. verto, -ere ‘поворачивать’, гот. wairan "становиться".

Компонентный состав семантики корня ворот-: Di + ***C*** + ***‘относительно своей оси или другой точки отсчета’.***

Церковнославянское слово вращать в словаре отсылается к русскому ворочать.

Глагол обратить (обращать) в современных словообразовательных словарях дается как непроизводное. Оно заимствовано из цслав., ст.-слав. обратити ‘повернуть’, обраштати ‘поворачивать’ вместо исконнорусского оборотить. В словаре указано происхождение из *ob-vort- и отсылается к воротить, вертеть.

Глагол вергать в русском языке устарел и сохранился лишь в производных (отвергать, отвергнуть, извергать и др.). Сравним укр. веречи, вергу, вергнути, др.-русск. вьргнути ‘бросить’, ст.-слав. врьг, вршти, болг. връгам, сербохорв. врhи, вргнем, словен. vreci, чеш. vrhati, слвц. vrhat', польск. wiergnac ‘толкнуть’, в.-луж. wjerhac ‘бросать’, н.-луж. wjergas. С другой ступенью гласного: цслав. изврагъ. Большинство этимологов считает вероятным родственность с др.-инд. vrnakti, varjati ‘поворачивает, вертит’, лат. vergo ‘склоняю, поворачиваю’, возможно, также гот. wairpan ‘бросать’. Младенов предлагает сравнение с нем. Werk ‘дело, работа’, wirken ‘действовать; ткать’, однако Фасмер считает такое предположение неубедительным.

Компонентный состав семантики корня верг-: Di + ***C + ‘толчок от субъекта’.***

Слово верзать также устарело и сохранилось в производных отверзать, разверзать, верзти, верзить ‘молоть чепуху, врать’, др.-русск. вьрзати ‘вязать’, укр. отверзтися ‘открыться’, цслав. отвршти, отвръз ‘отвязать’, уврщи ‘связать’, болг. вържа, вързвам ‘вяжу’, сербохорв. врсти се ‘торчать’, заврсти, заврзем ‘привязываю’, словен. vrzniti, vrznem ‘открываю’; другая ступень чередования гласного: укр. вороза ‘бечевка’, павороз – то же,

польск. powroz ‘веревка’, русск. повересло ‘завязка’, в.-луж. powreso ‘соломенный жгут’ и т. д. Родственно лит. verzti, verziu ‘завязывать, затягивать, жать’, virzis ‘веревка’; другая ступень чередования – varzau, varzyti ‘завязывать’, д.-в.-н. wurgjan ‘давить, душить’, ср.-в.-н. erwurgen, прош. вр. erwarc, др.-исл. virgill ‘веревка’, др.-сакс. wurgil ‘веревка’, греч. ‘запираю, загораживаю’.

Компонентный состав семантики корня верз-: Di + ***C* + *‘соединение’*.**

Глагол вязать сравнивается с укр. в'язати, блр. вязаць, др.-русск. вязати, ст.-слав. взати, болг. вежа, везвам, сербохорв. везати, словен. vezati, чеш. vazati, слвц. viazat', польск. wiazac, в.-луж. wjazac, н.-луж. wjezas. Сюда же предлагается отнести сербохорв. вез ‘завязка’, чеш. vaz ‘затылок’. Мейе полагал, что другая ступень чередования (уза, узы, узкий) оформлялась только на славянской почве. Этимологи сравнивают это слово с греч. ‘завязываю’, лат. ango, допуская контаминацию с *verzti, *vьrzo, и отсылают к верзать. Мейе предполагает скрещение *ezati и *vъzati (из и.-е. *ngh-), хотя Фасмер считает, что это недостоверно. С другой стороны, предпринимались попытки установить родство с гот. windan ‘вить’ и влияние формы oza (уза, узы). Во всяком случае, по мнению Фасмера, нельзя не учитывать др.-прусск. winsus ‘шея’, чеш. vaz ‘затылок’, арм. viz ‘шея’.

Компонентный состав семантики корня вяз-: Di + ***C* + *‘многократность поворотных движений’*.**

Глагол верзить ‘нести чушь, лгать’, в русск. верзти, укр. верзти, блр. верзці 'делать по-глупому, копаться, говорить глупости’, польск. plesc ‘молоть чепуху’, сюда же относится каверза. Здесь мы видим метафорический перенос от верзать ‘вязать’ (ср. плести в знач. "обманывать").

Слово обязать (ст.-слав. обзати) в словаре характеризуется как производное из *обвзати от вязать.

Глагол вить сравнивается с укр. вити, болг. вия, сербохорв. вити, вијем, словен. viti, чеш. viti, viji, польск. wic, в.-луж. wic, н.-луж. wis. Родственно лит. vyti ‘вить’, лтш. vit, др.-инд. vayati ‘плетет, ткет’, vitas ‘витой’, vyayati ‘вьет, крутит’, лат. vieo, viere ‘плести’, гот. waddjus ‘вал’.

Компонентный состав семантики корня ви-: Di + ***C* + *‘спиралеобразный характер движений’* + *‘периодичность’*.**

Слово ваять (ст.-слав. вати, отсюда изваяние), по Брандту, связано с вити, подобно тому как напаяти ‘поить’ связано с пити. Соответственно этому развитие значения шло от ‘вить, лепить из глины’ к ‘высекать из камня’. Интересно сравнить др.-инд. vayas ‘ткач’, vayati ‘ткет’, ‘плетет’, которые также связываются с вить.

Глагол вилять сопоставляется с укр. виляти, блр. віліць ‘отклоняться от прямой дороги’, возможна также метафорическая связь с чеш. vila ‘дурак’, др.-польск. wia ‘умалишенный’. Можно сравнить с лит. vylus ‘лживый’, vylius ‘хитрость, обман’, далее, лит. apvilti ‘обмануть’, англос. wile, wil ‘хитрость, обман’. Брандт и Пеликан относят это слово к вить, вью. Буга сравнивает его также с лит. vieloti ‘свертывать, развертывать’, vieloju ‘мотаю’, viela ‘проволока’.

Слово вихлять в словаре сопоставляется с производным вихляй ‘болван’и словен. vihljati ‘веять, шевелить’. Связано с вилять. Педерсен сравнивает с ними также русск. вихорь, вихрь и лит. viesulas с тем же значением.

Глагол веять (вею) родственен укр. віяти, ст.-слав. вти, болг. вее ‘дует, веет’, сербохорв. вијати, словен. veje ‘веет, дует’, чеш. vati (из *vejati), слвц. viat', vejem, польск. wiac, словин. vjieja, vjauc ‘веять’. Значение ‘веять (зерно)’ представлено в сербохорв., словен., словин., русск. Родственно лит. vejas ‘ветер’, лтш. vejs, др.-инд. vati ‘веет’, vayus ‘ветер’, vayati ‘дует’, авест. vaiti, греч. ‘веет’, ‘ветер’, гот. waian ‘веять’. Предлагается также сравнить лит. vetau, vetyti ‘веять (зерно)’, лтш. vetiju, vetit ‘веять (зерно)’.

Компонентный состав семантики корня вей-: Di + ***C* + *‘смена направления поворотных движений’* + *‘воздушные массы’*.**

Глагол вывихать (вывихнуть) исторически является префиксальным производным и отсылается к вихать, вихнуть.

Глагол вихать (вихнуть), который в современном языке используется обычно с приставками (например, вывихнуть), сравнивается с укр. вихати "махать", блр. віхаць с тем же значением. По Преображенскому и Горяеву, производное на -х- от вить, вью. По мнению Фасмера, существует связь между вихать и вихлять.

Обобщим анализ вышеперечисленных глаголов в следующей таблице.

Деривационные цепочки глаголов русского языка	Корни, включающие семы Di + C
вращать ← ворочать обратить ← воротить верстать ← вертеть коверкать ← вертеть	***vert / vort***
вергать	***verg***
обязать ← вязать верзить ← верзать	***verz***
вывихать ← вихать вихлять ← вилять ваять ← вить веять	***vi / vij*** ***vej***

Как видно, в результате анализа глаголов, точнее, семантики корневых морфем, может быть выявлен список исходных сем, часть из которых является интегральными, а часть – дифференциальными. Заметим, что перечень информационных составляющих в компонентном составе семантики корней пока является неокончательным, поскольку анализ языкового материала в целом не закончен. Цель данного этапа исследования – проверить эффективность самой процедуры поиска.

Выводы

При диахроническом восстановлении когнитивного контекста номинации можно выделить те знания, которые для людей наиболее важны и которые они стремятся зафиксировать в языковых знаках. Ситуация так называемого обыденного познания – это прежде всего чувственное, перцептивное восприятие объекта, который интерпретируется как часть процесса. Само осознание изменения и получение информации по пяти каналам перцепции (визуальному, аудиальному, обонятельному, осязательному, вкусовому) осуществляется через мышечное чувство и вестибулярный аппарат. Движущийся человек познает движущийся мир. Самые важные признаки процесса человек закрепляет в соответствующих глагольных номинациях, семантика которых представляет собой комбинацию элементарных информационных составляющих. Наименьшее количество составляющих – 2 семы, из которых одна интегральная, а одна дифференциальная.

В процессуальной семантике всегда присутствует информация о минимальном неделимом динамическом сегменте – двигательном импульсе. Это интегральная базовая исходная сема, присутствующая в значении любой номинации процесса. В каждом семантическом микрополе существует еще как минимум одна интегральная сема, обладающая свойством транзитивности, т.е. она может быть одновременно и дифференциальной, отличающей семантику данного микрополя от других микрополей. Дифференцируют значения глаголов в пределах одного микрополя модифицирующие семы, которых может быть от одной до нескольких.

Таким образом, процедура поиска исходных сем достаточно эффективна и позволяет

1) составить инвентарь (каталог, свод) первичных индоевропейских корней, фиксирующих процессуальную семантику – в идеале наиболее древних; 2) на этом языковом

материале создать список сем (исходных и модифицирующих); 3) путем анализа сем и отношений между ними установить иерархию, закономерности и правила их комбинаторики.

ЛИТЕРАТУРА

ГУМБОЛЬДТ, В. фон, 1984. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 398 с.
КУБРЯКОВА, Е.С., 2004. Язык и знание: *На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры, 560 с.
ФАСМЕР, М., 1964 – 1973. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах / Пер. с нем. и с доп. О. Н. Трубачева / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Москва: Прогресс, 2916 с.
EVANS V., GREEN M., 2006. Cognitive Linguistics Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 286 p.

Liudmila Varpakhovich
Minsk State Linguistic University

PROCESS NOMINATION: SEARCH OF BASE SEMES

Summary

The article deals with the study of process semantics in cognitive-onomasiological aspect. On the material of primitive verbs we investigate the possibilities and conduct empirical analysis of the procedure of search of base semes in primary process nominations. By diachronic reconstruction of cognitive context nomination we can highlight the most important features of a process that a person establishes in relevant rhematic signs. The semantics of these signs is a combination of basic information components. The procedure of basic seme search allows for the creation of an inventory of primary Indo-European roots that fix the procedural semantics. On the basis of this linguistic material we can make a list of semes (basic and modifying). By the analysis of these semes and the relations among them we can establish hierarchy, regularities and rules of their combinatorics.

KEY WORDS: nomination, verb, process semantics, primary meaning, etymological analysis, cognitive-onomasiological approach, component analysis.

Кира Коваленко
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Тучков пер. 9, 199053, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kira.kovalenko@gmail.com
Научные интересы: историческая лексикология и лексикография

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АЗБУКОВНИКЕ 1596 г.[23]

В работе рассматриваются статьи из азбуковника 1596 года, относящиеся к наименованиям человека. Статьи разделены на подгруппы: наименования человека по полу и возрасту, внешним особенностям, чертам характера, наименования представителей церковной, светской, военной иерархии, а также этнонимы. Большинство иноязычных слов имеют греческое происхождение, некоторые пришли из латыни, польского или старославянского языка. В исследовании указываются иноязычные эквиваленты транслитерированных слов, особенности толкования, определяются литературные источники некоторых статей. Материалы азбуковника позволяют проследить историю иноязычных слов в русском языке: установить язык-источник и язык-посредник, выявить фонетический и графический облик слова, а также его значение при вхождении в лексическую систему русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикология, лексикография, наименования человека.

Азбуковники — это лексикографические компиляции, имевшие широкое распространение в Московской Руси в течение нескольких веков. Как особый жанр они сложились к середине XVI в. на базе глоссариев к некоторым древнерусским переводным произведениям, ономастиконов, приточников (объяснений символики Псалтири) и разговорников. Азбуковники содержали слова, преимущественно иноязычного происхождения, либо требующие разъяснений, либо имеющие лексико-семантические варианты, образовавшиеся в процессе переводческой практики. Составители в дальнейшем дополняли имеющиеся материалы глоссами на полях древнерусской литературы, включали объяснения инокультурных реалий, содержащихся в непосредственно в текстах произведений. Длительная история сложения азбуковников обусловила разнообразие и неоднородность представленной в них лексики. Это могли быть слова из разных языков, относящиеся к разным тематическим группам, разных частей речи. При этом составители не изменяли форму слова или словосочетания при включении ее в азбуковник, а давали ее так, как она встретилась в контексте. Над словом могла ставиться языковая помета, в одних случаях действительно отражающая язык-источник заимствования, а в других — язык литературного источника, в славянском переводе которого встретилось данное слово (Ковтун 1977, с. 92).

Одним из описанных словарных сводов является азбуковник, составленный в 1596 г. в Новгороде в монастыре Антония Римлянина. Он сохранился в единственном списке начала XVII в. и в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке (собр. Погодина, № 1642). В данном азбуковнике содержится более 6000 статей, среди которых около 450 статей объясняют слова, связанные с наименованием человека по различным признакам (были выбраны имена существительные, нарицательные). Эти статьи распределяются на несколько больших подгрупп: названия людей по полу и возрасту, термины родства, наименования представителей церковной иерархии, светской власти, военных, а также названия людей по профессии, по национальности или месту проживания.

1. <u>Названия людей по полу и возрасту</u>.

ѐАдоле́/нѝцесъ, мл^{д}нць (л. 16); *Пре́ѳосъ {г}*[24]*, мл^{д}нцъ* (л. 117); *Пе́ди {г}, дѣ/тѧ* (л. 117); *Пуеръ, дѣтѧ̀* (л. 126); *Ї́зве́ргъ (т) о҃троча недоно́шеное ро/рожéно мертвò {а҃пл^{с}ъ рн҃ и /*

[23] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-04-00224 «Довоенный архив Диалектологического атласа русского языка».

кори[н]} (л. 66); *'Агори {г}, о'тро*[к] (л. 16); *Паликрїа {г}, молоде*[ц] (л. 114); *Парѳену {г}, / двцы* (л. 115 об.) *Ви́ртка, двца* (л. 31); *Талифа, двца {ма*[р]*, ка}* (л. 142); *Корі́ца, / дѣвка* (л. 83); *Ге́ронъ {г} ста́ре*[ц] (л. 37).

В данных статьях представлены практически все этапы взросления человека от младенчества до старости, как мужчин, так и женщин. В них дается перевод иноязычных слов на древнерусский язык — преимущественно из греческого языка (βρέφος, 'ребенок'; παιδί — Dat. Sg. от παῖς 'ребенок', παρθένος 'девушка', κορίσκη — диминутив от κόρη 'девушка', γέρων 'старик, старец') и латыни (puer 'ребенок'; adolescens 'юноша; девушка', virgo 'девушка'). Большинство статей, содержащих перевод греческих слов, попало в азбуковник из греческо-русского разговорника «Рѣчь тонкословїя греческаго», составленного в XV в. русским паломником на Афоне (Vasmer 1922), ср. статьи в разговорнике: *Младенець, вреѳос; Дѣтѧ, педи; Wтрок, агори; Молодець, паликарї; Двька, корици*.

Непосредственно в литературных текстах иноязычные названия людей по полу и возрасту встречались довольно редко. В качестве примера можно привести фразу из евангелия от Марка *талїѳа̀ ку́мї*, (Мк. 5:41) являющуюся транслитерацией с арамейского языка, одно из слов которой толкуется в приведенной статье азбуковника. В другой статьей фраза представлена целиком: *Та[ли]фа, / куми (т) двца востани* (л. 142).

Также в древнерусских текстах достаточно часто встречается слово *каллогеръ* 'добрый старец', которое употребляется в оригинальных и переводных произведениях нравоучительного характера начиная с XII в. (Сл.РЯ XI-XVII вв., т. 7, с. 38). В азбуковнике это слово разъясняется в статье *Каллогеръ {г}, до́/брыи ста́рець* (л. 73).

2. Термины родства.

Гене́ка {ел}, / жена̀ {г} (л. 38); *'Аѯо*[р] *{г} жена* (л. 16 об.); *Мулїе́ръ {г} жо́нка* (л. 100); *'Анд́расъ {г}, му́жъ* (л. 7); *Мири́тусъ {г}, му́жъ* (л. 97 об.); *Ви/ртъ, мужикъ* (л. 31); *Ва́мнъ {евре}, мтї* (л. 27 об.); *Тато, ѿцъ.* (л. 142); *Варъ {евреи}, снъ {ма*[ѳ] *ѯз}* (л. 27); *Ѳигате́ра, дочь* (л. 152 об.); *Диді́мосъ {г}, близнецъ* (л. 45 об.); *'Аделѳо́съ {г}, бра*[т] (л. 8 об.); *'Аде́/лфи {г}, сестра̀* (л. 8 об.); *Братано*[к]*, / племѧ*[н]*никъ* (л. 23 об.); *'Анѱеи {г}, племѧнникъ* (глосса: *снове*[ц]) (л. 9); *Оу"и, племѧ́нникъ* (л. 149); *Оу"ѧ, племѧнникъ {есѳиръ в / їwа*[н] *е*[в] *пре*[д]*"/словїе}* (л. 149) (sic!); *'Анѱиѧ {г}, племѧ́нница* (л. 9); *Ѳи'о́съ, дѧ́дѧ* (л. 152); *Нимѳа {г}, нѣвѣ/ста* (л. 105 об.); *Гамноро́съ, зѧ́ть* (л. 35 об.); *Гимноро́съ {г}, зѧ́ть {цр*[с]*е'лл"}* (л. 38); *Пенѳо́росъ {г}, те́сть* (л. 117); *Пен́/фи́ра {г}, те́ща* (л. 117); *Енгоно́съ {г}, вну́къ* (л. 56); *'Ен́гона {г}, внука* (л. 56); *Папосъ, дѣ*[д] (л. 114); *Пропа́сосъ, пра́/дѣдъ* (л. 121 об.); *Ма́ми {ж"} ба́ба* (л. 93 об.); *Гентисъ, сро́дни*[к] (л. 37); *Ю"жика, сро́дникъ, и'лї сродница* (л. 164); *У'жика, сро́дникъ. и'лї сро́дница {лов*[к] *г}* (л. 149); *Пупи́лли, мл*[д]*нцъ / сиро*[т]*ка не и'мыи ѿца {їе'ре*[м] *е}* (л. 126); *Ба́стрѧ, ѿ блудни́ца / роженое ѿроча̀. 'е́же е*[с] *та 'и́мичищь* (л. 23 об.).

Статьи, содержащие термины родства, также представляют собой, как правило, эквивалентный перевод иноязычного слова на русский язык. Источником греческих названий послужили статьи греческо-русского разговорника *Муж, андрас; Жена, гинека; Дщи, ѳигатера; Брат, аделѳос; Сестра, аделѳи; Дѧдѧ, ѳїос; Невѣста, нимфи; Зѧт, гамброс; Тесть, пенѳерос; Теща, пенѳера; Внукъ, енгонос; Внука, енгони; Дѣдъ, папос; Прадѣд, пропапос; Баба, мами*, которые содержат перевод греческих слов ἄνδρας (Acc. Pl. от ἀνήρ 'мужчина, муж'), γυναῖκα (Acc. Sg. от γυνή 'женщина, жена'), θυγατέρα (Acc. Sg. от θυγάτηρ 'дочь'), ἀδελφός 'брат', ἀδελφή 'сестра', θεῖος 'дядя', νύμφη 'невеста', γαμβρός 'зять', πενθερός 'тесть', πενθερά 'теща', ἔγγονος 'внук, внучка', πάππος 'дед', πρόπαππος 'прадед', μάμμη 'бабка'. Слова из латинского языка — vir 'мужчина, муж', mulier 'женщина, жена'.

Иноязычные термины родства также встречались в литературных текстах в редких случаях. Так, в творениях Максима Грека св. Иаков назван «божественный Ияков, брат Божий» (Максим Грек 1859, с. 23), а в другом — «божественный Ияков, аделфофеи»

[24] В фигурных скобках указываются ссылки на язык-источник или литературный источник, расположенные в рукописи над толкуемым словом или на полях, в квадратных — вставка пропущенных букв или слогов над местом пропуска.

(Максим Грек 1859, с. 24). В последнем случае Аделфофей переходит в разряд имен собственных, и конечно же, лишено смысла для человека, не знакомого с греческим языком. За соответствующим разъяснением древнерусский читатель мог обратиться к азбуковнику, где мог прочитать толкование либо в указанной статье, либо в статье *Аделфофе́и {г}, бра́тъ / бѫ́жїи* (л. 8 об.).

Начиная с самых первых переводов Евангелия от Матфея, как правило, оставалось без перевода *вар* ‘сын’ (из арамейского): *блаженъ еси симоне вариѡна*, с вариантами *варъ иона, варь иона* и др. (Евангелие от Матфея в славянской традиции 2005, с. 89) . Объяснение данного слова также можно найти в азбуковнике с указанием соответствующего зачала в Евангелии от Матфея в статьях *Варъ {евреи}, сн҃ъ {ма^θ ѯ҃з҃}* (л. 27) или *Варъ ї҆о́на {евре“}, сн҃ъ ї҆о́ни^н* (л. 27).

3. Наименования человека по внешнему виду, характеру и склонностям.

Бѣднику, бе^з рукому. бѣднїки / бо наричю^т сѧ бе^з рукїѧ {ма^θ ѯ҃г / ма^р м҃в} (л. 26 об.); *Ка́же/ни^к, скопе^ц {дѣѧ^н к҃}* (л. 73); *Скопе́цъ, оу҆скопле́ныи. рекше и҆зр^ѣ/заны имѣѧи тайныѧ оу҆́ды {ма^θ оу҆҃}* (л. 137); *А҆ѯа́къ {т}, хроме́цъ* (л. 5 об.); *А҆ктимо^н {г} нестѧжа́те^л* (л. 14); *Каллие́рго^с {г}, добротво́ре^ц* (л. 73); *О҆спита/хи́съ, стра́ннолю́бцы* (л. 110 об.); *Поиднáчь, / примири́тель* (л. 124); *Ме́стникъ, / ѿмс҆́титель злодѣе^м* (л. 96); *А҆ласто́ръ {елл} лс҆́те^ц {се^п зї҃ м^чц}* (л. 5); *Тула́чь, лс҆́тець. и҆ ли/цемеръ* (л. 147); *Полиоло́гъ, мно́госло́вецъ* (л. 121 об.); *Гулари́съ {г}, ла́коме^ц* (л. 40 об.); *По́рносъ, блу́никъ* (л. 122 об.); *Мефи́стисъ {г}, пьѧ́ни/ца* (л. 96 об.); *Скандали́змо/съ, соблазни́тель* (л. 133); *Пону́рцы, лицемѣрїи* (л. 125 об.); *Перешко^д ца, па́костникъ* (л. 118); *Мѣшкоризники, мо/ше́нники* (л. 100 об.); *Ска́/жца, прокудникъ, и҆ли и҆спортите^ль* (л. 131); *Шида́рь, ругате (sic!), / и҆лѝ насмѣха́тель* (л. 163); *Волоцу́га, шпы́нъ. / скита́ющїи^с повсю́ду* (л. 32 об.); *Лоты́ги {пол}, шпы/ны, лыта́ющ[ї]и по градо^м и҆ по се́ло^м* (л. 91 об.).

В данной группе, как и в предыдущих, также присутствуют статьи из греческо-русского разговорника, однако их немного: *Пїаници, меѳисте* (греч. μεθυστής ‘пьяница’); *Блудник, порнос* (πόρνος ‘блудник’). Греческие слова объясняются и в других статьях, это ἀκτήμων ‘неимущий, бедный’, καλλίεργος ‘красиво выделанный’, ἀλάστωρ ‘каратель, мститель’, πολυλόγος ‘словоохотливый, многоречивый’, ὁ λάρος ‘прожорливый, как чайка, обжора’ (?), σκανδαλίζων ‘соблазняющий’. Представлены также лексемы старославянского происхождения (*бѣдьникъ* ‘калека’, *каженикъ* ‘кастрат, евнух’, *скопьць* ‘евнух’, *мьстьникъ* ‘мститель’), которые попали в текст азбуковника из книг Священного Писания. Также имеется значительное количество слов из родственных славянских языков, происхождение которых иногда можно только предполагать: *перешко^д ца*, возможно, от польск. przeszkoda, укр. *перешкода* ‘помеха, препятствие’, *лотыги* — от польск. łotryk ‘плут, шельмец’, *поиднáчь* — от pojednać ‘помирить, примирить’, *скажца* — от польск. kazić ‘искажать, портить’, *шидарь* — от czydzić ‘издеваться, насмехаться на кем-, чем-л.’, *тулачь* — общеслав. *тули́ть* ‘укрывать, прятать’. Интересно слово *волоцуга* — фонетический вариант литературного *волочуга* ‘бродяга, скиталец; беглец’ (Сл.XI-XVII вв., т. 3, с. 12): оно отражает цокающее произношение, характерное для севернорусских говоров и, по-видимому, было распространено в этом регионе, что подтверждается его позднейшей фиксацией в севернорусских говорах (СРНГ, т. 5, с. 73). В слове *мѣшкоризники* вместо одного из *ѣ* написано *и*, ср. *мѣшкорѣзникъ* ‘тот, кто похищает, ворует мешки для денег, кошельки или их содержимое’ (Сл.XI-XVII вв., т. 9, с. 141), смешение *ѣ* и *и* характерно также для севернорусских говоров. Слово *а҆ѯа́къ* попало в азбуковник из тюркских языков: *аксак* ‘хромой, хромоногий’.

В отдельную группу выделяются названия юродивых: *Лу́дъ {ел}, бу́и. и҆лѝ ю҆́рѡ^д* (л. 91 об.); *Блазень, ю҆́ро^д. и҆ли глупе^ц* (л. 24); *Бу́и, ю҆́ро^д* (л. 26); *Ма́мъ, буи. и҆лѝ ю҆́ро́ди^в* (л. 94 об.); *Е҆ѯи́хъ {г}, (т) юро́дъ {сїмїо́н, ю҆́ро^д“}* (л. 53); *Мо́ре, ю҆́ро́де {ма^θ е҆ѵ^г}* (л. 99 об.); *Салло́съ, ю҆́ро^д {симео^н юро^д“}* (л. 131); *Са́лле, ю҆́ро́де* (л. 131); *Врутъ {р“}, ю҆́ро́дивъ* (л. 33 об.). Первоначально юродивыми называли просто глупых людей, а затем святых людей, отвергнувшихся своего ума ради Господа. Для обозначения людей, выбравших этот путь

святости, существовали разные названия. Как предполагает С.А. Иванов, самым древним было обозначение *буй* (*буякъ, буявъ*): оно употреблено в древнейшем кирилло-мефодиевском переводе Послания к Коринфянам. В более поздних редакциях оно постепенно вытесняется словами *оуродъ, оуродив, юродивый*, которое часто используется при переводе греч. σαλός, μωρός и ἔξηχος (Иванов 1994, с. 137-138). В некоторых случаях греческие слова могли транслитерироваться как *салосъ* и *езихосъ*, например, в тексте Жития Андрея Юродивого (там же, с. 138). До настоящего времени греч. σαλός в русском языке сохранилось в ряде агиоантропонимов: Никола Салос, Георгий Салос, Пимен Салос. Для обозначения юродивого или глупца использовалось также слово *блазень*, в дальнейшем оно вытеснилось однокоренным словом *блаженный*. В приведенных статьях толкуются еще два древнерусских слова: *лудъ* ‘глупый; безумный’ (Сл.XI-XVII вв., т. 8, с. 293) и *мамъ* ‘глупый’ (Дьяченко 2004, с. 297), а также лат. brutus ‘глупый, неразумный’.

4. Наименования человека по профессиональной деятельности.

Ви́/влогра́ѳосъ {г} книгопи́сець (л. 31 об.); *Гра́ѳосъ {г}, писе*^{ц} (л. 35 об.); *Каллигра*^{ѳ} *{г} добропи́/се*^{ц} (л. 73); *Харпофила́ѯъ, книгохрани́тель {цр*^{с} *елл“}* (л. 155); *Загра*^{ѳ} *{г}, и҆конопи́сець* (л. 60); *Зогра*^{ѳ} *{г}, / и҆конопи́се*^{ц} (л. 62); *Ї́зогра*^{ѳ} *{г}, и҆конописецъ* (л. 68 об.); *Гранога*^{ѳ} *(т) / гране́и писе*^{ц} *землемѣ́рны*^{х} *{ї҃wа*^{н}*.ѯ҃.}* (л. 35 об.); *Харкїа/съ, желѣ́за ковачь* (л. 155); *Халкомаръ, мѣдныхъ / сосудовъ дѣлатель* (л. 156); *Корчїи {г}, / замочни*^{к} (л. 81 об.); *Скафи́съ, / копа́чь* (л. 131); *Скуделникъ, / горонѝчаръ {а҆пс лъ к ри*^{м} *рв҃ / и҆ ро҃s}* (л. 138 об.); *Цукала*^{з}*, / горшечникъ* (л. 160); *҆Архитекто*^{н}*, нача́ло дре́/водѣле*^{м} *{а҆плсъ за*^{ч} */ рк҃и}* (л. 13 об.); *Леппу́ргосъ {г}, пло́тни*^{к} (л. 89 об.); *Текто*^{н}*, пло́тникъ {ма*^{ѳ} *нс҃ / и҆ ма*^{р}*, кв҃}* (л. 142 об.); *Тесель, пло́тникъ* (л. 143); *Будовнї/къ, ка́меньщи*^{к} (л. 26); *Зодцы {г} каменьщики* (л. 63); *Мулѧ́ре {г}, ка́ме*^{н}*/щики* (л. 100); *Кожелугъ, кожéвникъ* (л. 81 об.); *Оу҆смарь, / кожевникъ {дѣѧ*^{н}*. к҃д}* (л. 148), *Оу҆смошве́цъ, коже/швецъ, сапожнои швецъ* (л. 148), *Шате́рникъ, ко/жешве́цъ* (л. 162 об.); *Ра́птисъ, / шве́цъ портно́и* (л. 127 об.); *Кипу́раросъ, и҆лѝ кипу́росъ {г} о҆горо́*^{д}*никъ {ма*^{р}*т҃, е҃ / м*^{ч}*н коно*^{н}*҃}* (л. 79 об.); *Зевгила́то*^{с}*, ра́таи* (л. 61 об.); *О҆ръ {г} пасту*^{х} (л. 112 об.); *О҆ре*^{ѳ}*, ста́дникъ* (л. 109); *Халтула́рь, ҆ѧ́селничей* (л. 155); *҆Архимагеръ {г}, начало / поваро́мъ* (л. 13 об.); *Носоко*^{м} *{г} поваръ {а҆вва доро*^{ѳ}*}* (л. 105 об.); *Маги*^{р} *{г}, / по́ва*^{р} (л. 93); *Герагоси*^{н} *{г}, / хлѣ́бнїцы* (л. 37); *Я҆ѳа, хлѣбникъ* (л. 164 об.); *҆Архитрїкли*^{н} *{г}, нача́ло / пи́ршествены*^{м} *слуга*^{м}*. и҆ все пиршестве/ному строе́нїю {ї҃wа*^{н} *е҆v*^{г} */ зач. s҃.}* (л. 13 об.); *Сакела́рїи, кра́/вчеи* (л. 131); *Вурдуна́рь {г}, конюшеи. и҆ли / коню*^{х} (л. 33 об.); *Теклысе́ры, / конюхѝ* (л. 142 об.); *Навъклиръ, ко/рѝмщикъ {дѣѧ*^{н}*. н҃.}* (л. 101 об.); *Параоѝсъ {г}, носовщи́къ, кораблѧ* (л. 114); *Ми́мъ, скомо/ро*^{х} *{проло*^{г}*}* (л. 97 об.); *Мими {г}, скомра́хи* (л. 97 об.); *Сопцы҆, скомра́хи {ма*^{ѳ} *лв҃}* (л. 137); *Гуде*^{ц}*, игре*^{ц} *в гу/сли и҆ домрѝ* (л. 40 об.); *҆Астролóзи {г}, звѣ́/здослóвцы* (л. 16 об.); *Теку́тисъ, фило/со́фу* (л. 143); *Докто*^{р} *{пол}, лѣка́рь* (л. 46); *Пименѝта́рь {г} зе́ле/и вречевѝскихъ составитель {ефрѣ*^{м} *си*^{р}*“ г҃}* (л. 118 об.); *О҆бте́ка, зеле́йщикъ* (л. 109); *Деѳенѝсоръ {г}, засту́пни*^{к} *оби́ди/мы*^{м} *на судѣ* (л. 42 об.); *Дими, палачѝ* (л. 44 об.); *О҆пе́ка {пол}, дѧ́тка, / о҆троча́те*^{м} (л. 109); *Паидаго́нъ {пол}, / пѣстунъ, и҆лѝ дѧ́тка* (глосса над последним слогом: *дка*) (л. 116); *Педало́гъ {г}, дѧдька, и҆ / и҆лѝ пѣстунъ о҆троча́тѣ* (л. 117); *Кести҆ѻ́нары, слугѝ мучителныѧ, и҆лѝ / палачѝ* (л. 78); *Ме/таѳо*^{р} *{г} купе*^{ц} (л. 96 об.); *Куде́рма {ел}, пала́чь* (л. 86); *Спекула́торъ, пала́чь {ма*^{р}*. е҆v*^{г}*. кд҃}* (л. 133 об.); *Примикиръ, е҆му же пору/чено полатное попече́нїе {цр*^{с} *е҆лл“}* (л. 118 об.); *Трикли́ны, слуги пола́тныѧ* (л. 144); *Скевофила́ѯъ, сосудохрани́тель* (л. 133); *Маи҆стра́тусъ {҆елл} ма́стеръ* (л. 93); *Техни́тисъ, ма́стеръ* (л. 143); *҆Авто*^{р} *{г} рабóтни*^{к} (л. 16).

В указанную группу из «Рѣчи тонкословия греческого» в азбуковник вошли статьи *Книжныи писець, вивлограѳос* (βιβλιογράφος ‘книгописец’)*; Иконник, zографос* (ζωγράφος ‘художник’)*; Ковач желѣзу, харкеас* (χαρκεᾶς ‘кузнец’)*; Ковач, харкіас* (χαρκιᾶς ‘кузнец’)*; Мѣдныи ковачь, харкоматарис* (χαρκωματάρις ‘кузнец по меди’)*; Древодѣлѧ, лефтурго, тектон* (λεφτουργός, τέκτων ‘плотник’)*; Портныи швець, раптис* (ῥάπτης ‘портной’)*; Ратаи, zевгелатис* (ζευγηλάτης ‘землепашец’)*; Мастер, технитис* (τεχνίτης ‘ремесленник; мастер’).

Особый интерес представляют разнообразные модели номинации по профессии. Наиболее частотны суффиксальные образования: (*замочникъ, горшечникъ, плотникъ,*

каменьщикъ, кожевникъ, огородникъ, стадникъ, хлѣбникъ, кормщикъ, носовщикъ, зелейщикъ; пастухъ, конюхъ; ѧселничей, конюшеи; писецъ; копачь; горончаръ; лѣкарь; пѣстунъ). При переводе сложных греческих слов использовался прием калькирования, в результате которого в русском языке появились слова *книгописецъ, книгохранитель, иконописецъ, кожешвецъ*. Выделяюстя синонимичные наименования: *гончаръ / горшечникъ, кормщикъ / носовщикъ, конюшии / конюхъ, древодѣлъ / плотникъ*, а также полногласные и неполногласные варианты: *скоморохъ / скомрахъ*. Также встречаются фонетические варианты при передаче иноязычных слов (ср. *загра*^{ѳ}, *зогра*^{ѳ}, *їзогра*^{ѳ}).

Некоторые иноязычные слова, которые требовали пояснения в XVI-XVII вв., в дальнейшем вытеснили исконные лексемы, и в современном русском языке употребляются заимствования *астролог, доктор* и *каллиграф,* а слова *звѣздословцы, лекарь* и *доброписецъ* перешли в разряд устаревшей лексики или вообще вышли из употребления.

5. Представители церковной иерархии.

'Архїеп҃ї/ско^{п} *(т) нача́ло еп҃*^{с}*по*^{м}*, по вознесе́нї бо гн҃и / оумно́живши*^{м}*сѧ хр*^{с}*тїѧ́но*^{м}*. дванаде/сѧтї же апл*^{с}*и ѿходѧ́ще ко́иждо и*^{х} */ на одѣле́ную е҃му страну. оставїша / послѣ себѐ ѿ седмѝ десѧ*^{т} *оучн҃къ. ї ости/ша и*^{х} *еп*^{с}*пы бы́ти, е҃же е*^{с} *посѣтители. / да посѣща́ю*^{т} *вѣ́рны*^{х} *'а́ще до́брѣ вѣ́ру // хранѧ*^{т}*. дабы не оу́клонилисѧ в҃ зла́ѧ оу́/ченїѧ. И' та́ко тїи о҃, хожаху по гра/до*^{м} *и' по село*^{м} *посѣща́юще вѣ́рны*^{х}*. и' того̀ / ра*^{д}*" таковїи посѣтители наречени бы/ша. и' та́ко бы́ша до цр҃ѧ ко*^{н}*ста*^{н}*тина / еп҃п*^{с} *и то́чїю. цр҃ѣ же ко*^{н}*ста*^{н}*ти*^{н} *ст҃ы́м*^{ѕ}*/ дх҃о*^{м} *подвизае*^{м} *и҃спо́лнити црк҃овныи / чи*^{н}*. по подобїю нб*^{с}*ныхъ сщ҃е́нночинона/чалїи. ї оуста́ви на*^{д} *епп*^{с}*ы а҃рхиеп҃п*^{с}*ы. и' / на*^{д} *тѣми митрополи́ты. на*^{д} *митро/политы патрїа҃рхи д҃. противу че/тыре*^{х} *е҃в*^{г}*листъ. да буду*^{т} *сїи неподви́/жни хранители блг҃оч*^{с}*тивыѧ вѣры. / и' пе́рвыи патрїа҃рхъ цр҃егра*^{д}*скои, в҃. / а҃леѯа*^{н}*дрїискои. г҃. а҃нтїохїискои. д҃. / їер҃л*^{с}*мскои. ѡ҃ се*^{м} *доздѣ сло*^{в}*. папа же / послѣде ѿступи ѿ вѣры* (12 об.- 13); *Патрїа́рхъ {г}, ѿц҃е́/мъ нача́лникъ* (л. 113 об.); *'Ера́рхъ {г}, а҃рхиеп҃*^{с}*пъ {тро*^{п}*, в су*^{б}*}* (л. 49); *'Епископ {г}, посѣтите*^{л} (л. 52 об.); *'Архиере́и, нача́ло о҃сщ҃ны*^{м} */ е҃же е*^{с} *а҃рхїеп*^{с}*пъ* (л. 13 об.); *'Архимари*^{т} *{гре}, (т) началныи о҃гра́днымъ. / и҃лѝ нача́лныи па́сты*^{р} (л. 13 об.); *Проѐдръ, / митрополитъ* (л. 121 об.); *Протосїнг҃ел҃, протопо*^{п} (л. 121 об.); *Протопѡ*^{п}*, / первыи попъ {чины це*^{р}*}* (л. 121 об.); *Презви́теръ* (глосса: *їереи*), *ста́рецъ. / старѣ́йшїи члкъ* (л. 118); *Їере́и {г} / свѧще́ни*^{к} (л. 65); *Їеромона*^{х} *{г}, сщ҃енно и҃нокъ {оуста*^{в} *ме*^{р}*}* (л. 69); *Їгуменъ, пре*^{д}*ста́/тель* (л. 71); *Їконо*^{м} *{г}, / стро и҃тель {ге*^{н} *ї / маркїа*^{н}*}* (л. 69); *Пнеоу́ма́тикосъ, {г} дх҃овникъ* (глосса: *дх҃овныи / ѿцъ*) (л. 116 об.); *'Архидїѧ́ко*^{н} *{г}, нача́ль/ныи дїа҃ко*^{н} (л. 13 об.); *Протодїѧконъ, первыи дїѧко*^{н} (л. 121 об.); *Дїѧко*^{н}*, греческїи всѧкїи слуга дїѧ́ко*^{н} *гл҃е/тсѧ. а' цр҃ковныи дїѧ́ко*^{н}*. сщ҃е́ннодїѧко*^{н} (л. 44); *Кенкела́рїи, болшои дїѧ*^{к} *{цр*^{с} *гре*^{ч}*}* (л. 77); *Кен҃селі́ры, дїѧ́ко/ны, ѥ҃же е*^{с} *слугѝ* (л. 77); *Триоу́нотарѝ, подїѧ'ки* (л. 143 об.); *Пронота́рїи, первыи по́дїѧ/къ* (л. 121 об.); *Параеклисїа́рхъ {г}, болшо́и понамарь* (л. 114); *Кандилопти*^{с} *{г}, мен҃шои поно/марь, ѥ҃же е҃сть кандиловжига́тель {оу'ста*^{в}*}* (л. 73); *'Еклисїа́рхъ {г}, церь/кви нача́лни*^{к}*. {оуста*^{в}*. а҃.}* (л. 52 об.); *'Еклисїа́стъ {г}, / црк҃овни*^{к}*. и҃ли соборни*^{к} (л. 52 об.); *Киновиа́рхъ {г}, 'о́бще//живу́щи*^{м} *нача́лникъ* (л. 79 - 79 об.); *Деместни*^{к} *{е} роспѣ*^{в}*щи*^{к} */ стихо*^{в} *{цр*^{с} *е҃лли"}* (л. 42 об.); *Доместни*^{к} *{г}, цр҃внаго пѣ҃нїѧ роспѣ/вщикъ* (л. 46); *Про/тоѱа́лтъ, пе́рвыи пе́вець* (л. 121 об.); *'Ана́гностъ {г}, чте*^{ч} *цр҃ко́вны/и. и҃лѝ канархи́стъ {оуста*^{в} */ і҃ жи*^{т}*" грі*^{г} */ а҃кра*^{г}*}* (л. 5); *Типокарь, оуста́вщикъ* (л. 143 об.); *Мона*^{х} *{г}, мни*^{х}*. мнихи / їменуе*^{т} *живу́щи*^{х} *в҃ скїите*^{х} (л. 98 об.); *'Епистимона́рхъ {г}, буді́лни*^{к} (л. 52 об.); *Тра/пезѧ́рь, сто́лникъ {ї оуста*^{в}*}* (л. 141); *Козми*^{к}*, мирѧни*^{н} *{патери*^{к} */ ски*^{т}*}* (л. 82 об.); *Кти́торъ {г}, / создате*^{л} *{помѧнни*^{к} */ зау*^{п}*}* (л. 79); *Кти́торица {г}, созда́телница* (л. 79); *Козмїиним҃ {г}, мирѧн҃ка* (л. 82 об.); *Їерома́рти*^{с} *{г}, сщ҃е́нномчн҃къ* (л. 68 об.); *Профити*^{с}*, про*^{р}*ркъ {по*^{д}*пи*^{с} *ѡ҃бразо*^{м}*}* (л. 121 об.); *Кардиналъ {ла}, митрополи*^{т} (л. 72 об.); *Гардї/на*^{л} *{р"}, патрїа҃рхъ* (л. 35 об.); *Зенера*^{л} *(т) назирате*^{ль} *и҃ноческаго чи́/на настоѧтеле*^{м} *житїю. е*^{ж} *по бз҃ѣ ли о҃ни живу*^{т} */ и' строѧ*^{т}*. и' по бз҃ѣ живущи*^{х} *чести сподоблѧ/е*^{т}*. а' злѣ̀ живу́щи*^{х} *изме́ще*^{т}*. ї еп҃итемїѧмъ / по*^{д}*лага́е*^{т} (л. 61); *Зене/рала́ли, назирателі и҃гумено*^{м} (л. 61 об.); *'Апулчи*^{к} *{ла}, по́пъ мирско́и* (л. 19); *'Архисїнаго́гъ {г}, / нача́лныи со́нмъ, и҃ли ста́роста {ма*^{р} *н҃а.}* (л. 13 об.); *Саддукїи, / праведнїи {синоѯар в не*^{д} */ фа*^{р}*"}* (л. 131); *Кум҃трибуни́съ {ел}, зако́/нники* (л. 85 об.).

Здесь же можно указать статьи, относящиеся к представителям язычества, а также наименования людей разных религий по отношению к друг другу:

И'долотру^{м}, *идоложрецъ* (л. 70); *Кала́торе {р"} (т) служебники жре́ческїѧ, созы/ва́ющаѧ наро́ды жрети {цр*^{с} *ри*^{м}*}* (л. 73).

Пога́/не, иновѣрнїи (л. 124); *Гаоу́ры {тата} невѣ́рнїи* (л. 35 об.).

С принятием христианства в древнерусский язык вошло большое количество слов, связанных с религиозной жизнью, и в частности, названия церковных чинов. Новые реалии требовали не столько перевода на древнерусский язык (если это было возможно), сколько развернутых толкований, рассказывающих об истории возникновения того или иного духовного сана, налагаемых обязанностях (см. *Архїеепї/ско*^{п}, *Зенера*^{л}), а также объяснения особенностей значения того или иного слова в греческом языке (см. *Дїѧко*^{н}, *Кенсели́ры*, *Мона*^{х}). В ряде случаев в толковании приводится несколько вариантов перевода (см. *'Архимари*^{т}, *Презви́теръ*, *Кандилопти*^{с}, *'Еклисїа́стъ*, *'Ана́гностъ*).

Сравнивая значение этимонов в греческом языке и их толкование в азбуковнике, можно заметить, что некоторые слова употреблялись в переводных древнерусских текстах в более узком значении, например, греч. οἰκονόμος 'управляющий хозяйством, казначей' использовалось в значении 'эконом, заведующий хозяйством в церкви, монастыре или у епископа' (Чернышева 1994, с. 412), κτίτωρ 'основатель' — в значении 'основатель монастыря' (Фасмер 2, с. 393), ἐπιστημοναρχης 'начальствующий над науками или научными занятиями и знаниями' — в значении 'монах-надзиратель, на обязанности которого лежало будить всю братию к утреннему богослужению' (Энциклопедический словарь 1904, с. 921).

В основном в азбуковнике толкуются церковные чины, принятые в восточной церкви и имеющих греческое происхождение, но также незначительное количество статей содержат слова, относящиеся к западной церкви, которые своими корнями восходят к латыни и проникли к русский язык через посредство западноевропейских языков: *кардиналъ* — от лат. cardinalis 'главный' через нем. Kardinal 'кардинал' (Фасмер, т. 2, с. 197), *зенералъ* — от лат. generalis 'общий, главный' через нем. General или пол. generał 'титул начальников некоторых католических орденов' (Фасмер, т. 1, с. 401).

6. <u>Представители светской власти и отдельных слоев населения</u>

'Архї/дуѯъ {г}, велїи кнѧ́зь. или нача́лныи на^{д} */ кнѧ́зи* (л. 13 об.); *А'рхондо*^{с} *{г}, кнѧ́зь* (л. 16); *'Архо́нти {г}, кнѧ́зю* (л. 16); *Ку́мсъ {ел}, кнѧ́зь* (л. 85 об.); *Прос то*^{нѧ} *рига*^{нѧ}, *ко кнѧ́зю* (л. 121 об.); *'Ами́ра, кнѧ́зь {цр*^{с} *ри*^{м}*}* (л. 13 об.); *'Амира́де, кнѧ́зи* (л. 14); *О'ми́ра, кнѧ́зь вели́кїи {цр*^{с} *е'лл"}* (л. 109 об.); *О'мира́торы, стро/и́тели цр*^{с}*твъ* (л. 109 об.); *Нувели́симы, / оу́дѣлныѧ цр́и, ї вели́кїѧ кнѧ́зи* (л. 106); *Прице́нѱъ, г*^{с}*дрь* (л. 118 об.); *Се и́ты, / вл*^{д}*ки* (л. 133); *Цеса́рь, велїи кнѧ́зь* (л. 159); *Султа*^{н}, *цр́ъ* (л. 138 об.); *Диктато*^{р}, *{р"} е́ди́но/вла́сте*^{ц} *{че*^{п} *златаѧ}* (л. 44); *Тетро'а́рхае, четверто/вла́стникъ {цр*^{с} *'е́лл}* (л. 142 об.); *Деспо́тъ {г}, вл*^{д}*ка* (л. 42 об.); *Деспе́ни {г}, вл*^{д}*чца* (л. 42 об.); *Кипрїа́рхъ, кипрьскїи / нача́лни*^{к} (л. 79 об.); *Спартїа́/ти, нача́лницы града {а҃ма*^{к}*ко дї҃}* (л. 132); *'Астїа́ръ, / сановни*^{к} *цр́вь* (л. 14); *Генти*^{л} *{ел"}, чт*^{с}*ныи цр*^{с}*кїи совѣ́тни*^{к} (л. 37); *'Аси*^{г}*кри́*^{т}, *ду́мныи / цр́вь дїѧ́къ {цр*^{с} *е'лл"}* (л. 14); *Кон́сулъ {р"}, / думныи болѧ́ри*^{н} *{цр*^{с} *ри*^{м}*}* (л. 81 об.); *Протоко*^{нѧ}*су́лъ, болшо́и думца цр́въ* (л. 121 об.); *Кон́силїѧны, думцы, / цр*^{с}*кїѧ* (л. 81 об.); *Санато́ръ, ду́мца цр́ѣвъ {цр*^{с} *гре*^{ч}*}* (л. 133); *Чиготъ, болшо́и совѣтникъ кра/лев́скои и' прави́тель землѝ* (л. 160 об.); *Препоситъ {г}, пре*^{д}*сѣда́ѧи в полате / цр́ъстеи {цр*^{с} *е'лл"}* (л. 116 об.); *Марша́ло*^{к} *{пол}, / дворе*^{ц}*кои цр́въ* (л. 93); *Кулсо́ры {р"}, дворѧ́/не цр*^{с}*кїѧ {цр́ ри*^{м} */ и' титово / пле*^{н}*}* (л. 86); *Баска́ки {тата*^{р}*}, дворѧне цр*^{с}*кїѧ. / посылае́мы на прика*^{з} *по городо*^{м} *и' по се́ло*^{м} *{цр*^{с} *ру*^{с}*кїи}* (л. 23 об.); *Кумер́кїѧръ {ел}, цр*^{с}*кїѧ / десѧти́ны собира́тель {цр́. е'лл"}* (л. 85 об.); *Мыта́рь, о́купі́щи́къ тамо́же/ннои, и' каба́цкои {сїноѯа*^{р} */ в н*^{д}*лю о' мыта*^{р}*}* (л. 100 об.); *Бурми́стръ, болшо́и цр́е*^{в} */ болѧри*^{н}. *и прави́тель землѝ* (л. 26); *Вика́рїи {ел"}, намѣстни*^{к} *{цр*^{с} *е'лл"}* (л. 31); *Маги́стръ {ел"}, посо*^{л} *и́лѝ посла́нникъ {цр*^{с} *'е́лл}* (л. 93); *Магистрїанъ, посла́нникъ* (л. 93); *Патрикїи {г} ѿцъ 'о́бщего народн*^{а}*/го промышле́нїѧ. си речь болѧринъ зе/мьскаго прика́zу* (л. 113 об.); *Шафа́ръ, дворе́цкои {чины полш"}* (л. 162 об.); *Шлѧ́/хты, дворѧ́не кроле́вскїѧ* (л. 163 об.); *Кувикула́рїи {ел}, / посте́лни*^{к} *цр*^{с}*кїи* (л. 85 об.); *'Евну*^{х} *{г} жиле*^{ц} */ цр*^{с}*кои {дѣѧ*^{н} *к҃ / е'свиръ а҃}* (л. 58); *Самчїѧ, стро и́тель*

цр^с^кихъ вещеи {и҆саїѧ, про^р^} (л. 131); *Селен҆тїа^р^, околни҆чеи {цр^с^ ри^м^}* (л. 133 об.); *Секун҆дъ, второ́и. їли / чино́вникъ цр^с^кои* (л. 134); *Секун҆докиръ, бо/лшо́и в чиновнико^х^ {цр^с^ ри^м^}* (л. 134); *Макнифи́кусъ {ел} велмо́жа* (л. 93); *Чатхлунъ, па́нъ* (л. 160); *Люди^н^, просты́и члкъ* (л. 92); *Дулосъ {г}, ра́бъ. и҆лѝ дѣлатель* (л. 47 об.); *Дуле́нь/тисъ {г} ра^б^* (л. 47 об.); *Серву^л^, ра́бъ* (л. 133 об.); *Серву^л^, / малыи ра́бъ* (л. 134).

Разделение высших государственных лиц на представителей светской и военной иерархии достаточно условно, поскольку в военное время они выступали как предводители войска. Общим для обозначения высшей должности является слово *кнѧзь*, которое, вначале имея военное значение, со временем его утратило и стало социально-политическим термином (Сороколетов 1970, с. 232). Оно служит эквивалентом для греч. ἄρχοντος и ἄρχοντι — Gen. Sg. и Dat. Sg. от ἄρχων ‘предводитель’, греч. ἀρχιδούξ ‘верховный правитель’, греч. κόμης или лат. comes ‘высший сановник’, тур. ämir или араб. amîr ‘предводитель’, προς τὸν ῥῆγαν ‘к царю’ от ῥῆξ ‘царь’.

В хрониках Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Летописце Греческом и Римском и других древнерусских произведениях оставались без перевода такие греческие слова как δικτάτωρ ‘диктатор: в Риме — носитель временной неограниченной власти, избиравшийся в чрезвычайных случаях’; μάγιστρος ‘магистр (один из чинов первого класса)’, μαγιστριανός ‘чиновник’, σιλεντιάριος чиновник (администратор) в императорском консультативном совете, πατρίκιος патрикий (один из чинов первого класса), κουβικουλάριος ‘императорский камергер, всегда евнух’; πραιπόσιτος глава придворных евнухов, εὐνοῦχος ‘охраняющий ложе’ (Чернышева 1994, с. 405-416), κουμμερκιάριος ‘чиновник, занимавшийся сбором налогов с продажи в Византийской империи’. Слово *викарїи* в статье *Вика́рїи, намѣстни^к^*; употреблено, по-видимому, также в значении светской, а не церковной должности; по крайней мере, в таком значении оно встречается в Летописце Еллинском и Римском (Буланин 1999, с. 311).

Кроме греческих слов, объясняются слова из польского языка (marszałek ‘маршалок, придворный чин в Польше’, szafarz ‘эконом, управляющий’, szlachta ‘мелкое польское дворянство’), старославянского (*мытарь* ‘сборщик податей’), тюркских языков (*баскак* ‘представитель ханской власти и сборщик дани на Руси во времена монголо-татарского ига’).

7. Представители военной иерархии.

Ѐархѝстратигъ, нача́/лныи во́и҆на^м^, и҆ли воѐво́да (л. 12 об.); *Їгѣмо^н^ {г}, воѐво́да {дѣлѧ^н^. мз҃ / ма^е^. рї. и҆. рвї}* (л. 71 об.); *Їгемону {елл} воѐво́де {лу^к^ ра҃}* (л. 65); *Гуме́ни {г} воѐводы, и҆ / пре^о^ста́тели {еѐдра, и҃.}* (л. 40 об.); *Гемо^н҃^ {ел}, воѐво́да {дѣлѧ^н^ / ма^е^ рї}* (л. 41); *Їпатъ {ел} воѐво́/да* (л. 65); *Оу҆ѐпатъ {р“} воѐво́да* (л. 148); *Страти́латы, воѐво́ды* (л. 130 об.); *Калпиду́кто^р^ {ла}, воѐво́да* (л. 73); *Ри́ѕъ, болшо́и воѐво́да* (л. 128 об.); *Ге́тма^н^ {ел}, воѐво́да* (л. 37); *Марґрабїи {ел} болшои во/ѐвода* (л. 93); *Ѐрдука {ел“} во́и҆нскїи воѐво́да {цр^с^ ел҃л“ / и҆ри^м^}* (л. 19); *Ѐвгуста́л[ї]и {р“} воѐво́да; в римѣ / ч^с^тно бѣ҃ и҆ цр҃ю е^ж^ нарица́ти^с^ ѐвгусто^м^, / сего ра^о^“ римстїи цр҃ї е҆го^ж^ в болѧ́ре^х^ велїки^х^ / родо^в^ па́че прочи^х^ почтити хотѧху, / нарицаху и^х^ ѐвгуста́лїе^м^ {цр^с^ ри^м^}* (л. 19); *Кели ѐ́оты, тысѧщники во́//їнскїѧ* (л. 77 – 77 об.); *Трїоу́нъ, тысѧщникъ* (глосса: *полковни́къ*) *на^о^ во/и҆ны҆* (л. 143 об.); *Кентирїо́нъ, со́тникъ* (л. 77); *Це/нѝтурїи, со́тникъ* (л. 159); *Нобили́съ {ел} (т) чи́нъ во́/їньскїи, їмѣѧ по^о^ собо́ю. л҃. ко́нни^к^* (л. 106); *Протоспа/фа́рсїи, перьвыи о҆ру́жничеи {цр҃ъ гре^ч^}* (л. 121 об.); *Гуса́ре {по^л^}, тре ѐ́ру́жныѧ во́и҆ны. ѿ че/стны^х^ дворѧ^н^ крале^в^ски^х^* (л. 40 об.); *Доѕе́тисъ {г}, стрѣлецъ* (л. 46); *Гу́ѳы {пол}, стрѣлцы҆ ко́нны^ѧ^* (л. 40 об.); *Ѐнычане {пол}, стрѣлцы пѣшїѧ* (л. 58 об.); *Га́йдуки {пол}, стрѣлцы҆ пѣшїѧ* (л. 35 об.); *Дардоносцы {г}, копїено́/сцы* (л. 42); *Спанѳа́рїе, мечено́сецъ {цр^с^ ел҃л“}* (л. 131); *Ѐкъсплора́тере {г} лазу/чьщики* (л. 56); *Шпигъ* (глосса над концом слова: *кгъ*), *лазу́чшикъ* (л. 163 об.); *Густо́съ {р“}, сто́ро^ж^* (л. 85 об.); *Пуда́рь, стра́жь {цр^с^ ел҃л“}* (л. 126); *Ставла́рїиконе^м^, стражь {цр^с^ ри^м^}* (л. 131); *Витѧзь {ел“}, вои^н҃^ храбрыи* (л. 31); *Герцы́^р^ {по}, вои҆нъ храбрыи* (л. 37); *Тиронъ, вои^н^ / хра́брыи {ѳе^в^ зї҃. фео^о^}* (л. 143 об.); *Страти́ги, во́/їны {цр^с^ ри^м^}* (л. 130 об.); *Мїле́съ {г}, вои^н^* (л. 97 об.); *Їнъ ка́стрисъ {ла} в҆ вои҆нехъ* (л. 71 об.); *Жерне^р^ вои҆нъ* (л. 59); *Сулѧцы, чт^с^ныѧ воїны* (л. 138 об.); *Шпа́ки, во́/їны пѣшїѧ* (л. 162 об.).

Группа слов, являющаяся наименованиями военных понятий, сложилась уже в древнейшую эпоху (Сороколетов 1970, с. 3), и с их помощью объяснялись иноязычные слова, обозначающие представителей военной иерархии в других государствах. Так, слово *воевода*, зафиксированное уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности (Сороколетов 1970, с. 232), используется в качестве эквивалента для целого ряда иноязычных слов из греческого языка (ἀρχιστρατηγός ‘главнокомандующий’, ἡγεμών ‘предводитель’, ὕπατος ‘владыка’, στρατηλάτης ‘(главно)командующий, полководец’, δούκας — Gen. Pl. от δούξ ‘военачальник’, αὐγοστάλιος ‘префект Египта’, ῥῆξ ‘царь’), польского (margrabia ‘польский титул, соответствующий маркграфу или маркизу’, hetman ‘начальник войск и военный министр’). Так же и слово *воинъ* (само по себе или в составе словосочетания *воинъ храбрыи*) служит для пояснения слов, пришедших в русский язык с юго-запада: *витѧзь* ‘славный ратными подвигами воин, богатырь’ (Черных 1999, с. 155), белор., укр., *герцыръ* ‘тот, кто борется’ из польск. hercerz (Історичний словник українського язика 1930, с. 520), польск. żołnierz ‘солдат’, а также из греческого (τηρῶν ‘охраняющий’, στρατηγός ‘(главно)командующий, полководец’) и латыни (miles ‘воин, солдат’; для сочетания in castris ‘в лагере’ дан небуквальный перевод). Кроме того, здесь представлено достаточно большое количество слов, обозначающих воинов по профессиональному признаку. Однако если перевод одних слов полностью соответствует значению иноязычного слова (σπαθάριος ‘меченосец’, τοξότης ‘стрелец’, δορυφόρος ‘копьеносец’, explorator ‘разведчик’, custos ‘страж, сторож’, польск. szpieg ‘шпион’), то в других случаях он не совсем точный, например, польск. huf ‘рать’ переведено в более узком значении *стрѣлцы конныѧ*, тур. jäničäri ‘сословие, основанное Орханом в 1330 г.’, буквально ‘новая армия’ (Фасмер, т. 4, с. 558) и польск. hajduk ‘гайдук, легковооруженный венгерский солдат; слуга, лакей’ из венг. hajdú, мн. hajdúk ‘наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок; судебный пристав; телохранитель’ (Фасмер, т. 1, с. 383) как *стрѣлцы пѣшїѧ*.

8. Этнонимы и названия людей по месту проживания.

ѿАстро́мове, лю́ди ѥ҆сть та́ко и҆/менуе́ми. рта̀ и҆ гу́бъ оу҆ ни^х^ нѣ^т^. ни пь/ю^т^ ни ѧ҆дѧ^т^. точїю носо^м^ ѿдыха́ю^т^ и҆ тѣ^м^ / живу^т^ {и^з^ крони^к^} (л. 19); *Ї҆тане́сы {ел}, лю^д^ на^д^ полунѡ/щны^м^ мо́ре^м^ оу҆ши оу҆ нихъ вели́ки, ꙗ҆ко ве́сь / оу҆шима покрыетсѧ {и^з^ крони^к^}* (л. 65); *Мантикоры, е^с^ / лю^д^ во и҆ндїискои странѣ. зу́бы оу҆ ни^х^ в три рѧ/ды̀. лицѐ члч^с^ко. а҆ тѣло лютаго звѣрѧ {и^з^ крони^к^}* (л. 94); *ѿА҆ндро́ни, лю́ди ди́киѧ. жїву́/щаѧ во а҆ѳрикїискои землѝ. и҆мѣю^т^ / плоть мужеску и҆ жен́ску пополамъ. / правыѧ гру́ди му́жески. а҆ лѣ́вы же́/нски* (л. 19); *Пилме́и е^с^ лю́ди, во странѣ и҆/ндїистеи. во́растомъ невели́ки и҆ недо/лговѣ́чныи. жены и́хъ родѧтъ дѣ́ти / в пѧ́тыи годъ ѿ своего̀ ро́ду. ѿА во ѡ҆смы́и // годъ соста́рѣютсѧ; а҆ о҆ корму̀ с журѧвлѧ/ми деру́тсѧ; а҆ ѣ҆ здѧтъ на колѣсни́цах҃. / и҆ стрѣлѧютъ и҆з луко́въ* (л. 119 об. – 120); *Корну́ти, ди́кїѧ лю́дї рога́/ти* (л. 85 об.); *Монокули е^с^ лю́ди плюсны но́гъ и҆́хъ та́ко/вы вели́ки е҆ли́ко ѿ слн҃ца ве́сь ла́пою закры/етсѧ {и^з^ крони^к^}* (л. 99); *О҆ хлати ѥ҆сть лю́ди ди́кїѧ о҆бросли̇̀ ше́рстїю. / черны̀, круглоли́ки, о҆бличїе лво́во и҆му́ще* (л. 108); *Врахмани (т) чл҃цы за вну́тренею їндеею живу^т^ в҆ дрѧзго^х^. на́зи пребыва́/юще. ничто^ж^ свѣ́та сего и҆муще. и҆́хже / ѡ҆брѣ́те цр҃ѣ а҆ле҃ѯандръ макидон́ск[ї]и {патери^к^ / е҆ги^п^ / ї а҆ле҃ѯа^н^дрїѧ}* (л. 28); *Гимнотро́фї/стъ {ел} (т) нагому́дреники. живу́щаѧ за / їндїею; сїи бо ни домо^в^ строѧтъ, ни ѡ҆де^ж^ / ни о́буви. точїю земледѣлїю прїлежа^т^* (л. 38); *Га́нѣ҆ты {ел“}, лю^д^ / дикїѧ, о҆ е҆ди^м^ о҆цѣ* (л. 36 об.); *Ї҆сатыри {елл“}, (т) лю́дї / дї́кїѧ, велмѝ борзохо^д^ныи никто же бо и^х^ / оу҆го́ни^т^, рѣчи не и҆мѣю^т^ точїю крича^т^. наги / суще, ше́рстїю о҆бросли̇̀ (л. 64); И҆сполинъ {г} (т) си́ленъ. чело/вѣцы по пото́пѣ и҆ пре^ж^ потопа бѣ́ша вель/мѝ велики тѣло^м^, и҆ силнїи. нарица́еми бѧ́ху / гига́нѣ҆ты, и҆ [и]сполины. и҆ щу́ды. и҆ во́лоты {бы^т^ѧ. ѕ҃.}* (л. 69 об.); *Щудъ, гига́нтъ, е҆же е^с^ волотъ* (л. 163 об.): *Гигань/ты {ел}, во́лоты. и҆ щу́ды* (л. 38); *Щудъка, во́лотка* (л. 163 об.); *Хасѳити́на, мадї/ѧ́млѧ^н^ка {чи́сла гла^в^ / ке҃}* (л. 156 об.); *Халдѣѧне, переи́дѧне. и҆ вави/лонѧне тоже* (л. 156 об.); *Жидо́ве нари́чютсѧ поне́же живо́му ї и҆/стинному поклонѧ́хусѧ. о҆ се^м^ и҆мени паве^л^ / а҆пл^с^ъ а҆кї и хвалѧ́сѧ вопїетъ речѐ а҆́зъ е҆́смь / жидови^н^ сла́вна града житель {дѣѧ^н^ м҃ѕ.}* (л. 59 об.); *Ї҆думе́ѧ҆ ни^н^ {ж“}, а҆ра́влѧни^н^* (л. 71); *ѿА҆ра́влѧни^н^ (т) и҆думе́ѧнинъ. / нарицае^т^же писа́нїе. и҆ бѣсо́въ а҆ра́/влѧнами. ї҆ е҆фиѡпа́ми, и҆ му́рїна/ми. че́рности ра^д^ и҆́хъ. черны́ бо су́ть / бѣ́си ꙗ҆ко*

же і҆ ѡ҆нѣ^{х} *стра*^{н} *лю́ди. бо́ро*^{д}*ˇче*^{н} (л. 5 об.); *Мури*^{н}*, ефї҆о́плѧни*^{н}*, черны́ бо тѣх*^{ѕ} */ стра*^{н} *лю́ди дѣѧ*^{н}*ї҆ к҃}* (л. 100); *Вевро́и {ел“}, му́рѧне, о҆́/бразо*^{м} *си́ни* (л. 30); *Ма́вросъ, / черне*^{н} (л. 93); *Алка/мео҆ни́те (т) во е́ллине*^{х} *нѣ́кто бѣ / велми славе*^{н}*. и҆ме*^{м} *а҆лкамео҆нъ. ѿ не/го*^{ж} *по и҆до́ша а҆лкамео҆ни́те* (л. 5 об.); *А҆рара́ты, а҆рме́ни* (л. 4 об.); *Кавкасі́ѯѧ/не, о҆у́грѧне* (л. 73); *Маге́рї, / о҆у́грѧне* (л. 93); *Пе҆о́ни, о҆у́грѧне, ıа҆ˇже сами сѧ // прозва́ша ге́рмане {хронограѳ}* (л. 116 об. – 117); *Герма́не {ла}, ѳрѧ́зи {цр*^{с}*҃ е҆лл“}* (л. 37); *Кавтори́жцы {ла}, фрѧ́зи* (л. 73); *Кувтори*^{ж}*цы, тѣ҆ жь нѣ/мцы* (л. 86); *Куфрижцы {ел}, / нѣ́мцы фрѧ*^{з}*скїѧ* (л. 86); *А҆зими́*^{т}*, фрѧ*^{з}*скїи нѣмчи*^{н} *{цр*^{с}*҃ е҆лли}* (л. 11); *Гала́те, латы́ни и҆́х же / пре*^{л}*сти пе́тръ гугнивои {к га*^{л}*. с҃д.}* (л. 36 об.); *Китї҆о́ѝ {ла}, ри́млѧне* (л. 79 об.); *Ру́мы, ри́млѧне {цр*^{с}*҃ь ри*^{м}*}* (л. 129 об.); *В руме*^{х}*, в ла/тина*^{х}*. є҆́же е*^{с} *в ри́мленe*^{х} (л. 34); *Давни́ки {г} сѣверны страны̀ че/ловецы* (л. 42 об.); *Вретанїѧ, о҆́стровъ в западне́и стра/нѣ. въ длину̀ ѧ҃, верстъ, а҆ в шири/ну. т҃, верстъ, а҆ живу*^{т} *в не*^{м} *два̀ ро́ды, / ме́а҆те, ї҆ калидо́ни; на гора*^{х} *ди́вних*ъ. */ в полѧ*^{х} *пусты*^{х}*. градо*^{в} *и҆ жилищъ не и҆/мѣю*^{т}*. но преходѧ*^{т} *ѿ мѣста на мѣсто. / нази и҆ не ѡ҆бува́ни; землѝ не пашу*^{т}*, / но питаютсѧ па́ствиною воло́въ и҆ ѡ҆//вощїе*^{м} *земны*^{м}*; А҆ цр҃ѧ на*^{д} *собою не и҆мѣю*^{т}*. / Пре*^{ж} *бѣша хр*^{с}*тїѧне, нн҃ѣ же па́пою ри*^{м}*скї*^{м} */ пре*^{л}*щены́ бы́ша и҆ в латы*^{н}*҃ство оу҆клони́/ша*^{с} *{цр*^{с}*҃ е҆лл“}* (л. 29 об. – 30); *Ме́а҆те лю*^{д}*ˇе о҆́строва врета/нїискаго {и*^{з} *крони*^{к}*}* (л. 95 об.); *Калидони е*^{с} *лю́ди. ѡ҆ ни*^{х} *пи*^{с} *вы*^{ш}*. с*^{х}*, рп҃.* (л. 73 об.); *Ронсы́/лѧ́не, сло́вѧне {хронограѳ}* (л. 129); *Ски́фъ, словѧни*^{н} *{а҆п*^{с}*лъ, снз҃}* (л. 136 об.); *Ски́фъ, руси*^{н}*. и҆лѝ варѧ́нинъ* (л. 135); *Мещерѧне, / сѣверѧне* (л. 95 об.); *Кумане, кумы́чане, ѿ ру́ски*^{х} *лю́дей / заше*^{д}*шеи к восто́ку лѣтнему* (л. 86); *Плесковичи, п҃скови́чи {хроногр / роу*^{с}*}* (л. 117 об.); *Мерѧ́жане, росто́вцы {хронограѳ}* (л. 95 об.); *А҆га́ръ {ж}, рабы́нѧ была̀ / авраа́мова. ѿ неіа́ же а҆га́рѧне нари́/чю*^{т}*сѧ; ѿ сеѧ̀ а҆га́ры роди*^{л}*сѧ и҆змаи*^{л} */ ѿ него*^{ж} *и҆зма́и҆лтѧне нари́чю*^{т}*сѧ. сіи / же и҆змаи*^{л}*тѧне сами сѧ нареко́ша / срацы́не. рекше, са́ррины дѣти. / ч*^{с}*тно бо е*^{с} *са́ррино и҆́мѧ, ıа҆ˇко г҃жа бѣ. // а҆га́рь же рабы́нѧ саррина; е҆сть же / и҆ гора̀ и҆мену́е҆ма а҆га́рь, е҆же е*^{с} *сина; / то*^{л}*ку́е*^{т}*жесѧ а҆га́ръ о҆бити́вшїѧ {бы*^{т}*ˇѧ. ѕі҃. / к гала*^{т}*. с҃і. / ѱ҃ло*^{м} *п҃в.}* (л. 6 об. – л. 7); *Саваитѧне, срацы́ни* (л. 130 об.); *Схисмати*^{к}*, ту́рча/ни́нъ* (л. 136 об.); *Сарма́ты, тата́рове* (л. 130 об.); *Неоу҆ры е*^{с} *лю́ди в тата́рско/и землѝ. и҆́же о҆бращаютсѧ волка́ми {їс кроник“}* (л. 104 об.); *Чирито/ве е*^{с} *лю́ди в земли́ татарскои. оу҆шеи / оу҆ ни́хъ, точїю дырѝ. {и*^{з} *крони*^{к}*}* (л. 160 об.).

В данной группе представлены различные названия народностей, как фантастических, так и реально существующих в разные времена. Источником знаний о других народах служили исторические книги Библии, хронографы и летописцы, откуда составители азбуковников заимствовали описание их внешнего вида, историю возникновения, место обитания. При этом тот или иной иноязычный этноним мог переводиться в текстах по-разному, и это также отражалось в азбуковнике. Например, *гиганты*, *исполины*, *шуды* и *волоты* представляют собой лексические варианты при переводе греч. γίγας в Библии и палеях. *Румы* и *римляне* использовались при переводе ῥωμαῖοι ‘римляне’, в одном ряду с ними приводится также слово *латине*, представляющее собой транслитерацию греч. λατίνος ‘латинянин’, с IX в. ‘католик’, от лат. latinos ‘латинян, житель области Latium, центром которой был Рим’ (Новое в русской этимологии 2002, с. 125). Статья *Маге́рї, о҆у́грѧне* содержит два экзоэтнонима венгров: древнерусский *оугринъ* и среднегреческий μεγέρη (Майтинская 1976, с. 342-343), так же как и статья *Мури*^{н}*, ефї҆о́плѧни*^{н}, где *муринъ* — ‘эфиоп, негр’ из древневерхненемецкого môr ‘мавр’ (Фасмер, т. 3, с. 13), а *ефїоплѧнинъ* — от греч. Αἰθίοψ ‘эфиоп’. В статье *Плесковичи, п҃скови́чи* отражены изменения названия жителей Пскова (Плескова) в связи с фонетическими процессами, произошедшими в древнерусском языке.

Интересно, что в азбуковник попали названия древних народов, существовавших в очень далекие времена: *пе҆о́ни* (греч. Παῖονες) — пэонийцы, жители Пэонии, *давники* (греч. *Δαυνίτες*) — даунийцы, жители Даунии или Давнии, *саваитѧне* (греч. Σαβαίοι) — сабеи, жители государства Саба (в его состав входили несколько арабских племен, отсюда толкование *срацы́ни* ‘мусульмане’), *сарма́ты* (греч. Σαρμάται) — сарматы, *халдѣѧне* — халдеи (населяли южную часть Вавилонии, отсюда толкование *вавилонѧне*). К народам, с которыми древнерусское государство имело непосредственный контакт, относятся

мерѧ́жане — меря (как указано в Повсести временных лет, год 6370, они были первыми поселенцами Ростова, отсюда толкование *ростовцы*), *мещерѧне* — мещера, *кумане* (греч. Κουμάνοι) — половцы. *Скифъ* (греч. Σκύθ) толкуется как *словѧнинъ* вслед за византийскими историками III-IV вв., называвших скифами восточных славян.

Разумеется, представленный лексический материал нуждается в более тщательном изучении, в данной работе были сделаны лишь самые общие наблюдения. Еще предстоит определить иноязычные соответствия некоторых толкуемых слов, литературные источники ряда статей. Тщательное исследование материалов азбуковника позволит более детально воссоздать историю бытования в русском языке заимствованной лексики: уточнить время проникновения того или иного иноязычного слова, значение, с которым оно вошло в язык, варианты написания, язык-посредник. Более поздние глоссы в азбуковнике свидетельствуют о непрерывной работе лексикографов над лексикой русского языка и отражают процесс развитии лексической системы на протяжении XVI-XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

БУЛАНИН, Д., 1999. *Летописец еллинский и римский.* Т. 1. Текст. Санкт-Петербург.

ДЬЯЧЕНКО, Г., прот., 2004. *Полный церковно-славянский словарь*. Москва: Отчий дом.

Евангелие от матфея в славянской традиции, 2005. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 181.

ИВАНОВ, С. А., 1994. *Византийское юродство*. Москва: Междунар. отношения.

Історичний словник українського язика, 1930. Т. 1. Харків, Київ, 528.

КОВТУН, Л. С., 1977. *Древние словари как источник русской исторической лексикологии.* Ленинград: Наука.

МАЙТИНСКАЯ, К. Е., 1976. *Венгерский язык. Основы финно-угорского языкознания*. Москва: Наука.

МАКСИМ ГРЕК, 1859. *Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академии.* Часть первая. Казань.

Новое в русской этимологии, 2002. Москва: Печатный двор, 280.

*Словарь русского языка xi–xvii вв.,*1975-2008. Вып. 1-28. Москва: Наука.

СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П., 1970. *История военной лексики в русском языке (XI-XVII вв.).* Москва: Наука.

Этимологический словарь русского языка, 1964–1973. ФАСМЕР, М., в 4-х т. Москва: Прогресс.

Историко-этимологический словарь современного русского языка, ЧЕРНЫХ, П. Я., 1999. Т. 1. Москва: Русский язык, 622.

ЧЕРНЫШЕВА, М. И., 1994. *Греческие слова, способы их адаптации и функционирования в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы. Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе*. Москва: Джон Уайли Энд Санз.

Энциклопедический словарь, 1904. БРОКГАУЗ, Ф.А.; ЕФРОН, И.А., Т. 80. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон., 956.

VASMER, M., 1922. *Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie.* Leipzig.

Kira Kovalenko
Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, Russia
Research interests: historical lexicography, lexicology

WORDS NOMINATING PEOPLE IN THE RUSSIAN MANUSCRIPT DICTIONARY OF 1596

Summary

This research is based on a Russian manuscript dictionary of 1596. Dictionaries of such a type were widely distributed throughout Russia from the second half of the 16th century to the end of the 18th century. They gave explanations of foreign words which, when translated, were only transliterated, thus causing difficulty in understanding. The dictionary concerned has more than 6,000 entries, including about 450 entries which explain words nominating people. These are nominations according to the sex and age of a person, individual characteristics, profession, the position in clerical, government, or military hierarchy, and nationality. Most of the foreign words have a Greek origin, but some of them come from Latin, Church Slavonic, or Polish. They are explained by means of their Russian equivalents or descriptive definitions. Sometimes literary sources of the entries are given. In the article, original foreign words for transliterated ones, and peculiarities of interpretations are revealed. Literary and lexicographical sources of some entries are determined. This helps to trace the history of loan words, ascertain the intermediary language and the change of original meanings during the borrowing. Later glosses in the dictionary show the further history of foreign words in the Russian language.

KEY WORDS: Lexicology, lexicography, nomination of people

Асия Ковтун
Университет им. Витаутаса Великого
Ул. К. Донелайчо 58, Каунас LT-44248, Литва
E-mail:a.kovtun@hmf.vdu.lt
Научные интересы: славянские культуры в Литве, культурный диалог, теория и история литературы

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО И ЛИТОВСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Сопоставление фольклорных явлений поможет искать ответы на вопросы о межкультурной коммуникации, подобии и различии, диалоге и полилоге культур. Решение проблемы сопоставления фольклорных явлений основывается на сопоставлении исторических, структурных, семантических особенностей обряда и текста, что позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития. Русские православные, пришедшие из разных губерний России, в основном сохраняют свои свадебные обрядовые традиции. В недавнем прошлом существовали локальные традиции различных групп русского населения. Сейчас канва свадебного обряда русского населения Литвы близка к общерусской фольклорной традиции. Степень заимствования из литовской свадебной обрядности очень незначительна, касается только отдельных обрядовых деталей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сопоставительный анализ, структура, семантика, обряд, формы брака, история, этнография.

Сопоставительное исследование фольклорных явлений и XXI в. сохраняет свою актуальность. В качестве факта современности и в своих живых образцах оно обращено к диалогу культур. Межкультурный диалог предполагает концептуализацию проблемы сопоставления поэтических текстов, усиливает внимание к теории и методологии исследований. Вместе с тем значимость сопоставительного подхода приобретает парадигматический аспект. **Логика выявлений сходств и различий выявляет важные параметры мотивации выводов.** Такой подход способствует сохранению научного внимания к явлению, активизирует исследователей к сохранению пласта народной культуры по примеру соседствующих наций и сообществ. Наряду с постановкой и решением проблем сопоставительного анализа поэтики, семантики, прагматики фольклорного текста он обращен к вопросам и задачам экзистенциального порядка. Сопоставление фольклорных явлений поможет искать ответы на такие вопросы, как проблемы коммуникации, природа межкультурных конфликтов, культурное различие и сходство, возможности диалога различных традиций. Решение проблемы фольклорной компаративистики основывается на сопоставлении исторических, структурных, семантических особенностей обряда и текста, что позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития. В развитии науки о фольклоре сопоставительное исследование всегда играло заметную роль, а в иных случаях оно выдвигалось на передний план, становясь едва ли не основным. Очевидно, что подобное изучение призвано не просто по-новому объяснить факты повторяемости в фольклоре, а, прежде всего, способствовать построению истории фольклора в целом как специфической области человеческого искусства. Подобное понимание задач сопоставительного изучения было подтверждено в докладах и дискуссиях международной конференции «Балты и славяне: пересечения духовных культур» (2011), посвященной академику В.Н. Топорову.

Правомерным представляется выбор русского и литовского фольклора в качестве материала для сопоставительного исследования. Несмотря на то, что обоснование подобных исследований подтверждены еще во второй половине XX века, но и в начале нового века таких трудов нет. Вместе с тем основой анализа может быть однородность стадий

общественно-исторического развития, общность хозяйственно-бытовых условий, порожденные сходством исторических судеб русского и литовского народов. Как свидетельствуют историко-этнографические изыскания, русский и литовский народы находились в постоянном контакте в течение длительного времени. Корни контактов уходят во времена так называемого балто-славянского единства. Известный литовский ученый З. Зинкявичсюс предполал, что эпоху балто-славянских контактов реальнее всего было бы перенести во вторую половину III тыс. до н.э. или первую половину II тыс. до н. э. Ученый допускает, что они могли возникнуть и в более поздний период (Zinkevičius 1984, с. 137). Время раннего феодализма, христианизирование обоих народов также наложило отпечаток на связи между двумя культурами. Этногенез обоих народов был сложным, духовная культура создавалась в динамичной этнической среде. Длительные исторические контакты не могли не оказывать влияния на жизнь и творчество обоих народов. Изучение фольклорных связей расширяет круг познания общих закономерностей в развитии духовной культуры обоих народов. Ведь сходные явления обычно возникают на примерно одинаковых стадиях общественно-экономического и культурного развития разных этнических групп. Столь благоприятные условия для сравнения дали основания историкам, этнографам, языковедам исследовать культурный диалог русского и литовского народов. Этот уровень анализа требует привлечения самого разнообразного и обильного материала.

Из всего фольклорного комплекса русского и литовского народов особенно важно исследовать основания сопоставления свадебного обряда. Свадебная обрядность родственных народов в отличие от родильных, похоронных, поминальных обрядов несет в себе множество общих черт. Свадебная обрядность богаче, чем другие обряды, в художественном отношении, более насыщена элементами магии, плодотворящими элементами. Ведь брачной обрядности в патриархальном обществе придавалось общественно-необходимое значение, одной из обязанностей общины было регулирование семейно-брачных отношений. Психологическая и социальная установка времени – никто не должен остаться вне брака.

Различные описания обрядов создают представление о следующей схеме развития обрядового свадебного действа. Русская народная свадьба образует в различных местностях свои локальные варианты. Наиболее характерным был свадебный обряд, охвативший значительное географическое простанство, – свадьба среднерусского типа. Русский свадебный цикл традиционно делится на несколько этапов. Можно выделить три периода – досвадебные обряды – это знакомство, смотры невест, девичьи гадания; предсвадебные обряды – это сватовство, смотрины, сговор, девичник, жениховы посиделки; свадебные обряды – это отъезд, свадебный поезд, венчание, свадебный пир; послесвадебные обряды – это обряды второго дня, визиты (Колпакова 1973; Круглов 1978; Забылин 2003; Зуева, Кирдан 1998 и др.). Основные звенья литовской свадебной драмы таковы: сватовство, пропоины (прагерай), обручение, девичник, обряды дня свадьбы (прибытие полка молодого, сбор подарков, вывоз приданного, проводы к венцу, встреча невестки, бужение молодых, снятие веночка, подарки невестки, вешание свата). После свадьбы в ближайшее воскресенье празднуется посещение родителей (Sauka 1970; Саука 1986; Kerbelytė 2006 и др.). Литовское свадебное обрядовое действо – это драма, в которой участники забывают, что они играют, столь вдохновенно включаются они в игру. Свадебный обряд превращается в праздник песни. Главный персонаж в литовском свадебном обряде, как и в русском, – невеста, ее роль дает толчок к развитию действия. Однако, в отличие от русского свадебного обряда, невеста почти на всем протяжении действия молчит, за исключением исполнения плачей и причитаний. За нее выступают подруги, родственницы, женщины, участвующие в празднике. Обзор структуры и семантики русского и литовского свадебного обряда, а также отдельных его компонентов показывает, что сходство заключается в общем контексте обрядов обоих народов. Его можно проследить на уровне функциональном, поэтическом. Общий глубинный смысл обрядов связан со сходной обрядовой функцией, назначением. Подобие отдельных моментов русского и литовского свадебных обрядов связано прежде всего с

дохристианскими представлениями и магическими приемами, корни которых уходят в общеиндоевропейскую традицию. Литовский обряд отличает большая насыщенность магией, в основе которой лежит дохристианское мировосприятие, обращение к мифологическим образам (Солнцу, месяцу), библейским образом. Магическое значение носят некоторые обрядовые игры и танцы. Отзвуки дохристианских верований слышатся и в русском обряде. Здесь также присутствуют магические элементы – осыпание молодах зерном, стрельба из ружий, предохранение от колдовства, порчи и т.д. (Кагаров, 1928).

Основное содержание свадебных обрядов у русского и литовского народов сходно. Опорно-тематические моменты в обоих обрядах явно похожи. Есть общие моменты в обрядах, связанных со сватовством, обрядовым мытьем в бане, девичником. Подобные свадебные чины принимают участие в действии, различие больше касается названий, а не функций: тысяцкий – маршалка, подружки – памергес, дружки – паброляй. Свадебное действие отражает те же формы брака: девушку «захватывает» род у другого рода насильно, ее «покупают», в то же время берут с приданым. Представления о бракеумыкании, о браке-купле лежат в основе и русской, и литовской свадьбы. Оба обряда сохраняют память о конфликте между родами, возникшем в связи с претензией одного рода на принадлежащую к другому роду девушку. При этом брат невесты может символически защищать сестру (отец в этом эпизоде и ряде других оказывается в стороне, здесь можно заметить черты матриархата). В обоих обрядах девушка-невеста должна изображать сильный страх перед приездом жениха, она просит защиты – это следы насильственного захвата невесты. Невеста убивается, плачет, упрекает родителей, что отдают ее в чужие края. И в русском, и в литовском обрядах выпекают для свадьбы особый хлеб – каравай (корвоюс) как символ плодородия, благополучия. При выпекании исполняют специальные песни. Особым в обоих обрядах должен быть путь молодых. Он изображается как мост, украшенный чудесно и богато. И в русском, и в литовском обрядах невесте расплетают косу (в русском обряде снимают ленту, называемую «волею» или «красотой», у литовцев – рутовый венок), покрывают голову во время свадьбы (у русских платком, у литовцев – гобтурой, особым головным убором). Интересно отметить роль четверга как дня свадьбы у русских и у литовцев. По традиции русские устраивали свадьбы в Великий Четверг. Четверг – день Перкунаса – и у литовцев считался благоприятным для устройства свадьбы.

И русский, и литовский свадебный церемониал включал отдельные шуточные действия. У русских игровые моменты сосредоточены в основном в послесвадебном периоде брака. В шутливой форме проверялась ловкость молодых, умение хозяйничать (молодая подметала пол, на который гости бросали мусор, деньги. Гости «рядились» (мужчины в женское платье, женщины – в мужское, наряжались цыганами). Ряженые ходили по деревне. В литовском свадебном обряде игровые моменты также сосредоточены в обрядах, совершаемых после венчания. Здесь наряду с ряжением, шутливыми испытаниями невесты существовал обряд «вешания» свата, ему предъявлялся ряд «серьезных» обвинений.

Материальные компоненты свадебного обряда у русских и литовцев в некоторой степени сходны. Оба обряда требуют обильного количества еды в доме невесты и жениха. И у русских, и у литовцев снаряжался богато украшенный свадебный поезд. В обоих обрядах в приданое брали приблизительно одинаковые предметы. Однако при сходстве обрядовых комплексов русского и литовского народов следует отметить существенные специфические их особенности, касающиеся свадебного действия, действующих лиц, отдельных обрядовых моментов. Различен общий эмоциональный тон свадебных обрядов. Эмоциональная окраска русского свадебного торжества носит драматический характер, что особенно ярко выражено в обряде прощания с «волей», «красотой», подругами, родными. Литовское свадебное действо лиричнее. Свадебный сценарий литовцев более сложен, чем в русском обряде. Литовская свадебная традиция требует тщательного соблюдения увязанности пения с соответствующими моментами обряда – это свидетельство прочности сохранения традиции в сознании народных масс. Русский свадебный обряд допускает больше свободы, импровизации. Но названные различия не могут считаться принципиальными, большая или меньшая

архаичность фольклорного материала, количество обрядовых деталей, своеобразие их интерпретации зависит от специфики национального быта, от особенностей исторического пути развития.

Особого внимания заслуживают обычаи русского старожильческого населения Литвы. Исторические судьбы Литвы создали благоприятную этническую ситуацию для оседания здесь русских людей – православных и старообрядцев. Как известно, торговые и военные взаимоотношения Литвы и Древней Руси в давние времена давали основание говорить о Литве как о месте, куда попадают русские люди. Герои отправляются в Литву выполнять княжеское задание, спасаются от гнева князя, поддерживают с Литвой торговые связи.

Русские православные приходили в Литву из разных мест России на протяжении многих веков. Селились они в одиночку и большими группами. Усиление потока русских пришельцев в Литву связано с подавлением освободительного движения в Российской империи. С подавлением восстаний 30-х и 60-х годов XIX в. в Литве, Польше и Белоруссии их участники изгнаны, а литовские земли заселяются русскими помещиками с крестьянами. Экономические условия жизни русских переселенцев, их классовая неоднородность, зависимость от владельцев поместий и от монастырей, процесс обезземеливания и обатрачивания приводит к их рассредоточенности по различным районам Литвы и даже ко вторичной эмиграции за пределы Литвы (в Пруссию, Финляндию, Америку).

Наиболее многочисленную группу русского населения Литвы долгое время составляли старообрядцы. Старообрядческие колонии образовались на территории Литвы в середине ХУШ века (с того времени, когда в 1689 году обострилась борьба вокруг церковной реформы). Это в основном переселенцы из северо-западных губерний России, описанные в духовной литературе как отступившиеся с 1666 года от церкви. Сейчас русское старожильческое население в Литве расселено и большими массивами, и отдельными семьями, живущими среди литовского и польского населения. Народная культура старожильческого населения Литвы стала привлекать внимание ученых довольно поздно. Некоторые общие положения и сам факт бытования фольклора были отмечены в книге А.Станкевича «Очерк возникновения русских поселений в Литве», в «Памятных книжках Ковенской губернии на 1863 г.», «Памятной книжке Сувалкской губернии на 1883 г.» Вместе с тем и сегодня русский фольклор Литвы почти не отмечен на карте бытования традиционной народной поэзии. Между тем он отличается архаичностью, хорошей сохранностью, бытует на территории Литвы более трех столетий. Архив русского фольклора в Литве - это материалы экспедиций кафедры русской литературы Вильнюсского государственного университета. Н.К. Митропольской принадлежали исследования по вопросам бытования традиционного русского фольклора на территорий Литвы (Митропольская 1975, 1976, 1977).

Обрядовая сторона жизни старожильческого русского населения на территории Литвы и в наши дни занимает внимание ученых (Фольклор старообрядцев Литвы 2007, 2009, 2010).

Существующие фольклорные записи, а также исследования, проведенные среди старожильческого населения Литвы, дают представление о свадебном обряде двух групп: русских православных и старообрядцев. Старообрядцы отличаются особым консерватизмом быта, долгие десятилетия они жили в сословной и религиозной замкнутости. Браки с людьми другой веры осуждались. Согласно исследованиям, проведенным среди старообрядцев, приблизительно до начала XIX века распространенной формой брака был брак «уводом» и «по договоренности». При браке «уводом» молодые получали родительское благословение, на следующий день устраивался скромный свадебный обед. При браке «по договоренности» молодые знакомились на гуляньи без согласия родителей, в назначенный день жених приезжал в дом невесты. Молодые получали благословение родителей, устраивался ужин для молодежи и стариков. Постепенно, приблизительно к 30-40 годам XX века обрядовое оформление брака усложняется. Новые обрядовые элементы воспринимаются у местного

русского православного населения, некоторые незначительные детали приходят из обрядов населения других национальностей и вероисповедений. Причем, по нашим данным, фольклорные экспедиции в деревнях со старообрядческим населением не обнаруживают традиционного свадебного фольклора. Песни, которые старообрядцы называют обрядовыми свадебными, создают впечатление случайности, это чаще всего песни лирические, хороводные. Можно согласиться с мнением Т.С.Макашиной, что подобное исполнение трудно объяснить «только первоначальным разрушением традиционного обряда и связанным с ним забвением песенного репертуара. По-видимому, причина более общая - в вероучении старообрядцев (как федосеевцев, так и поморцев) запрещались шумные празднества, а также пение светских песен» (Макашина 1978, с.142).

Русские православные, пришедшие из разных губерний России, в основном сохраняют свои свадебные обрядовые традиции. Есть все основания предполагать, что в недавнем прошлом существовали локальные традиции различных групп русского населения. Сейчас канва свадебного обряда русского населения Литвы близка к общерусской фольклорной традиции. Причем интересно отметить, если в Латгалии этническая пестрота оказалась благоприятной для взаимовлияния этнических традиций, для «сотворчества» в духовной культуре, то в Литве подобное взаимовлияние редко. Степень заимствования из литовской свадебной обрядности очень незначительна, касается только отдельных обрядовых деталей. Очевидно, это можно объяснить большей этнической обособленностью русского старожильческого населения Литвы. Идейно-тематическое содержание и сюжеты большинства местных свадебных обрядовых песен те же, что и у русских песен из других районов в записях тридцатых - шестидесятых годов XIX в. Приведенные исторические и этнографические сведения показывают полную обоснованность подобного подхода к материалу, создают базу для истинности возможных результатов исследования.

ЛИТЕРАТУРА

БАЛТЫ И СЛАВЯНЕ:ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ДУХОВНЫХ КУЛЬТУР. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной академику В.Н. ТОПОРОВУ. Вильнюс, 14–16 сентября 2011 г. Режим доступа: http://www3.lrs.lt/docs2/XVITCPTL.PDF (См. 12 07 2012).

КАГАРОВ, Е. Г., 1928. К вопросу о классификации народных обрядов. *Доклады АН СССР.* Москва: Наука.

КОЛПАКОВА, Н., 1973. *Лирика русской свадьбы*. Ленинград: Наука; Круглов, Ю. Г., 1978. *Русские свадебные песни.* Москва; Забылин, М., 2003. *Русский народ: Его обычаи, предания, обряды.* Москва: Эксмо; Зуева Т.В., Кирдан Б.П., 1998. *Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений.* Москва: Флинта: Наука.

МАКАШИНА, Т. С., 1978. Свадебный обряд русского населения Латгалии. *In: Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы*. Ленинград.

МИТРОПОЛЬСКАЯ, Н.К., 1977. *Русский традиционный фольклор на территории Литовской ССР.*; Митропольская, Н. К., 1975. *Русский фольклор в Литве.* Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та; Митропольская, Н. К., 1976. *Фольклор русского населения Прибалтики.* Москва: Наука.

САУКА, Д., 1976. *Литовский фольклор: Поэзия нар. Творчества.* Пер. с литов. А. Ковтун.

Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. т. 1- 2007; т. 2 – 2009; т. 3 - 2010. Вильнюс: Издательство Вильнюсского педагогического университета.

KERBELYTĖ, B. , 2006.*Tautosakos poetika.* Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas.

SAUKA, D. 1970. *Tautosakos savitumas ir vertė.* Vilnius: Vaga.

ZINKEVICIUS Z. 1984. *Lietuvių kalbos istorija*. T.l.Vilnius: Mokslas.

Asia Kovtun
Vytauto Didžiojo universitetas
Moksliniai interesai: slavų kultūros Lietuvoje, kultūrinis dialogas, literatūros teorija ir istorija

SEMANTINIAI RUSŲ IR LIETUVIŲ VESTUVINIŲ APEIGŲ PALYGINIMO PAGRINDIMAI

Santrauka

Folklorinių reiškinių komparatyvistiniai tyrimai padės spręsti aktualius tarpkultūrinės komunikacijos klausimus, panašumo ir skirtumo, kultūrų dialogo ir polilogo problemas. Lyginamoji folklorinių reiškinių analizė grindžiama istorinių, struktūrinių, semantinių apeigų ir tekstų gretinimu. Ši metodologija leidžia išryškinti ir apžvelgti skirtingus tiriamojo objekto lygius, pokyčius, vystymosi tendencijas. Rusų pravoslavai, atvykę iš įvairių Rusijos gubernijų,

iš esmės išlaiko savo vestuvių papročius. Yra pagrindo manyti, kad nesenoje praeityje gyvavo lokalios įvairių rusų gyventojų grupių tradicijos. Vestuvių apeigų, perimtų iš lietuvių, yra nedaug ir jos nereikšmingos: tai tik atskiros apeigų detalės.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: lyginamoji analizė, struktūra, semantika, apeigos, santuokos formos, istorija, etnografija.

Елена Колосько
Институт лингвистических исследований РАН, Россия
Тучков пер. 9, 199004, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: evkolosko@mail.ru
Научные интересы: лексикология, лексикография, семантика

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Данная статья посвящена прагматическим компонентам значений устойчивых выражений, употребляющихся в диалогической речи. В статье сформулированы основания включения устойчивых выражений со служебными словами в состав фразеологизмов: неоднословность, устойчивость, идиоматичность. Автором рассмотрено понятие прагматическое значение. В значениях устойчивых выражений со служебными словами присутствую такие прагматические компоненты, как эмоции, экспрессивность, оценка, субъективная модальность и интенции говорящего. В статье приводятся примеры устойчивых выражений. В составе их значений присутствуют различные компоненты прагматической семантики. Приводятся примеры толкования отдельных выражений и примеры их употребления в типовых диалогах современной обиходной речи. Автор ставит ряд вопросов, касающихся лексикографической разработки устойчивых разговорных выражений со служебными словами. Необходимо более подробно описывать прагматические элементы значения. Необходимо приводить при каждом значении примеры типовых диалогов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разговорная речь, лексическая семантика, идиоматика, прагматика

Лингвистика начала XXI века успешно продвигается по пути изучения фонетики, лексики и синтаксиса разговорной речи, разновидности литературного языка, реализующейся преимущественно в устной форме в ситуации неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном взаимодействии партнеров коммуникации. Основная сфера реализации разговорной речи – повседневная обиходная коммуникация, протекающая в неофициальной обстановке. Основная форма – диалог. Даже если это монолог, он, как правило, относится к потенциальному слушателю. Одна из основных особенностей разговорной речи – наличие устойчивых идиоматичных словосочетаний.

Исследования по лексике разговорной речи долгое время не затрагивали проблему устойчивости словосочетаний. Хотя регулярно отмечалось, что при сегментации разговорного континуума существенным критерием для исследователей является интонационно-смысловая завершенность, а основной синтаксической единицей является высказывание. Речевой поток членится на интонационно самостоятельные сегменты – синтагмы.

Большой скачок в изучении устойчивых речевых выражений был сделан фразеологами. Именно они выявили в составе высказываний с общим идиоматическим значением выражения, не являющиеся образными фразеологизмами типа не в бровь , а в глаз, бить баклуши, крутиться как белка в колесе и др. Это синтагмы , состоящие главным образом из служебных частей речи, хотя и включающие в свой состав полнозначные слова (ну и ну, вот так так, еще чего, кому говорят). С 60-х, 70-х годов XX века к таким выражениям стал применяться термин «фразеологизация» значения словосочетания. В концепции идиоматики А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского выделение класса идиом из фразеологического фонда языка возможно на основе трех основных принципов: неоднословность, устойчивость и идиоматичность. В отношении последней категории исследователи утверждают, что все ее определения сводятся к двум «базовым идеям» –

переинтерпретации и непрозрачности (Баранов, Добровольский 1996, с. 52). На основе этих принципов были выделены синтаксические фразеологизмы.

В настоящее время еще не существует единого для русистов языковедов термина. Для обозначения устойчивых идиоматичных выражений таких как **так то оно так, вот оно что, как же как же** лингвисты используют терминологические сочетания: шаблонные фразы (Якубинский 1986), субстантивные предложения или выражения эквивалентные слову с определенным модальным или эмоциональным значением (Рогожникова 1983). При этом указывается на важность интонационного оформления (Фонетика спонтанной речи 1988). Действительно, словосочетание **Еще чего** в зависимости от произнесения с вопросительной интонацией или без с ударением на слове еще) может означать нечто почти противоположное. – Паша, сходи, купи молока. – Еще чего? (=что еще купить?) Или: – Паша, сходи, купи молока. – Еще чего (= я не буду этого делать).

Большое количество устойчивых словосочетаний представляет собой регулярно воспроизводимые конструкции: **вот так…., ай да…., ох, ну и…**и др. Значения этих конструкций не совпадают со значениями отдельных компонентов высказывания. В определенных ситуациях диалогической речи они употребляются в идиоматичном значении. Отсюда и термины фразеологизированные конструкции, синтаксические идиоматизмы или синтаксические фразеологизмы (Величко 1996).

По принадлежности таких выражений к диалогической речи их называют коммуникемами или коммуникативами (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981). По преимущественному употреблению в позиции второй реплики диалога такие выражения как **и не говори, да нет, ну и что** обозначаются лингвистами как релятивы, сентенсоиды (Колокольцева 2009). Однако не все устойчивые словосочетания разговорной речи построены по продуктивным моделям **мало ли (кто, что, кому), вот это..., так .... (мастер, мужик).** Единичные устойчивые выражения (**кому как, а все туда же, ничего себе**) не имеют вариантов. Не все из них являются релятивами – ответами на первую реплику. Выражения **значит так, видите ли и др.** употребляются в начале продолжительного рассказа или объяснения, служат для настраивания собеседника на внимательное слушание.

Некоторые выражения не имеют фразеологизированного значения, скорее это эллипсис, в котором основным является какой-либо прагматический компонент.Например, выражение удивления или уверенности (**да что ты!**-из Да что ты говоришь! **Вот вот**!- из Вот это правильно) Поэтому термины устойчивое выражение или коммуникатив наиболее адекватно отражают состав, воспроизводимость и языковую сферу употребления таких выражений.

Выделение устойчивых сочетаний со служебными словами в составе единиц с идиоматическим значением продвинуло теоретическое изучение разговорной речи на новый уровень. Несмотря на это лишь немногие исследователи, а это в основном практики-преподаватели русского как иностранного, включают устойчивые сочетания со служебными словами в сферу своих научно-практических интересов. Как правило, ведутся исследования лексико-синтаксических моделей с постоянным опорным компонентом структурной схемы, проводится семантическая классификация конструкций, например, выражение удивления, выражение негодования и др. Наиболее известно учебное пособие Величко А.В. «Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев» (Величко 1996). Фразеологические словари включают часть таких выражений. Словари русского языка могут включать или не включать разговорные клише, устойчивые выражения. Только наиболее частотные сочетания отражаются в толковых словарях, основанных на книжных художественных текстах, в которых такие разговорные элементы иногда встречаются в составе диалогов.

В настоящее время назрел вопрос о выработке формальных принципов описания устойчивых выражений разговорной речи и отдельно лексикографических принципов их описания. Особого внимания требует представление прагматического компонента значения. Широкое понимание прагматического аспекта лексического значения подразумевает

отношение говорящего к объекту, которое включает экспрессивно-эмоциональную оценку и коннотации культурно-исторического и индивидуально-психологического плана. Еще более широкое понимание прагматики как любой дополнительной по отношению к вещественному содержанию слова информация об участниках коммуникации. Но что конкретно входит в эту информацию?

При употреблении термина прагматика, ученые исследователи лексики, относящейся к речевой коммуникации, подчеркивают, что прагматический аспект лексического значения представляет собой дополнительную по отношению к вещественному содержанию слова информацию об участниках коммуникации. Но как правило, имеется в виду стилистическое разделение на официальную, формальную, нейтральную и неформальную ситуацию общения. Стилистическое разделение по области распространения ограничивается указанием на территориальный или диалектный вариант, которым пользуется говорящий. Менее частотно обращение к статусу коммуникантов и указание на ролевые отношения участников коммуникации. О модальности, отражения интенций говорящего почти ничего не говорится. Но, как нам кажется, именно термин прагматика может объединить все эти понятия.

Несомненно эмоциональный и оценочный компоненты входят в прагматическую часть значения. Множество устойчивых выражений диалогической речи имеет в основе своего значения эмоционально-оценочный компонент. Например, выражение **Более чем**, которое выражает высшую степень удовлетворения чем-либо (= Все великолепно, я доволен. Я был бы доволен, даже если бы было немного хуже).

– Вы довольны поездкой? Вам все понравилось?

– Более чем! Не ожидал, что будет так интересно.

– Вас устраивает ваш новый сотрудник?

– Более чем, он очень квалифицированный, работоспособный. И, кроме того, он понравился всем сотрудникам. Отличный парень!

Тесно связана с категорией оценки категория модальности. К этой категории относится оценка говорящим возможности, желательности или необходимости, степени уверенности в достоверности информации, подтверждение или отрицание мнения собеседника. Примером может служить устойчивое выражение **Я бы не сказал!** (= я с тобой не согласен, так как твоя оценка лица, предмета не соответствует моей). Оно выражает несогласие с оценкой чего-либо собеседника.

– В этом городе прекрасный вокзал!

– Я бы не сказал! Там мало мест для ожидающих поезда.

Субъективно-модальные значения чрезвычайно разнообразны. Со стороны своих свойств, качеств сообщаемое может характеризоваться говорящим по полноте или неполноте выявления (значения интенсивности, полноты, высокой степени проявления или, напротив, слабости, неполноты выявления), по возможности, но невыявленности осуществления, по наличию или отсутствию ожидаемого результата; по исключительности, преимущественности; по обычности или необычности, соответствию или несоответствию требуемому, желаемому, ожидаемому; по своевременности или несвоевременности, целесообразности или нецелесообразности; по подготовленности или неподготовленности; по своей сложности или простоте, осложненности или неосложненности чем-л. Среди этих значений есть частотные, имеющие несколько вариантов реализации. Так, несоответствие ожидаемому результату, разочарование выражают сочетания Вот так так, вот тебе и…, вот те на, вот те раз. А есть не частотные субъективно-модальные значения. Их реализация ограничена в средствах реализации. Где ему (тебе). Это выражение недоверия к способности ког-л. справиться с чем-либо.

– Завтра я буду самая красивая, красивее Марины.

– Где тебе тягаться с Мариной. Она не только красивая, но и танцует лучше всех.

– А я научусь еще лучше.

– Да где тебе, у тебя фигура не та.

Большую роль в образовании устойчивых выражений играют коммуникативные интенции говорящего (цели высказывания, вызывание предполагаемой реакции, дальнейших действий) (Арутюнов, Чеботарев 1996). Например, выражения как же (когда же, куда же) мне (ему, ей, им) (не)….реализует интенцию оправдание. Как же мне не переживать, это же мой сын. Когда же ей работать, она ухаживает за мамой и больным братом. Куда же они поедут, у них нет дома.

Особенностью структуры лексического значения устойчивых выражений диалогической речи, которым свойственна прагматическая функция, является то обстоятельство, что такие единицы выполняют, как правило, и коммуникативную, и эмоционально-оценочную функцию. Наиболее ярко выражена именно эта функция. Возможно, поэтому в работах по семантике преобладает более узкое понимание прагматического значения как значения, используемого прежде всего для эмоциональной и экспрессивно-стилистической характеристики. Поэтому и в словарях русского языка находит отражение прежде всего эмоциональная оценка.

Вот еще! – выражение несогласия с чем-л., отрицательного отношения к чему-л. – Обязательно подстригись.- Ну, папа, вот еще! С какой стати! (СРЯ I 1985, с. 219) В данном определении есть эмоциональная оценка, хотя не определена ее степень (резко отрицательное отношение). Не определена и интенция – решительный отказ делать это. В этом же словаре выражение **С какой стати**! определяется вопросами почему?, по какой причине? (СРЯ IV 1985, с. 255). Здесь совсем не раскрывается прагматический компонент значения, в котором присутствует отказ, грубость.

Рассмотрение только части эмоционально-оценочных компонентов значения обычная практика при составлении словарей, которая позволяет объединять большие группы синтаксических фразеологизмов в конструкции с ведущим компонентом. Например, в словаре выражения **Вот так…, вот поди ж ты!, вот так так!, вот те раз!** объединены значением - восклицание по поводу чего-л. неожиданного, удивительного. Здесь нет указания на отрицательное отношение к этому неожиданному и удивительному. И совсем непоследовательна лексикографическая интерпретация выражений: **Вот я тебя!**- употребляется при угрозе. **Вот тебе!**- получай по заслугам (СРЯ I 1985, с. 219).

В русской разговорной речи появляются новые выражения: **да ладно, а то, в смысле, короче**. При описании их значений невозможно полное раскрытие смысла без учета всех прагматических компонентов значения. Например, выражение **Да ладно** в разных коммуникативных ситуациях употребляется в разных смыслах: выражение удивления или недоверия, пренебрежения. Это выражение употребляется также для показа заинтересованности в дальнейшем рассказе или, наоборот, для прерывания рассказа, чтобы обратить внимание слушателей на свой рассказ. Для более четкого определения необходимо приводить примеры употребления этого выражения в различных типовых ситуациях.

1) Выражает вынужденное согласие сделать что-либо (= Я не хочу, но придется сделать).

1. – Выключи свою музыку, спать мешаешь.

– Еще рано.

– Выключи сейчас же, а то я встану и сама выключу.

– Да ладно, выключаю.

2. – Пожалуйста, сходи в аптеку, купи вату и таблетки.

– Сегодня не могу, по телеку футбол будет.

– Тебя просят по-человечески, сходи.

– Да ладно, сейчас схожу.

2) Выражает пренебрежительное отношение к высказыванию собеседника (= Ерунда).

1. – Мне не нравится, как ты разговариваешь с Ниной Ивановной. Она пожилая женщина.

– Да ладно, ничего такого я ей не говорил.

2. – Очень хороший фильм. Посмотри его обязательно.

– Да ладно, сама смотри свои мелодрамы. Мне нравится фантастика.

3) Служит для прерывания речи собеседника (= Это не очень интересно, я расскажу что-то более интересное).

1. – Мы ездили в Таллин. Было так интересно!

– Да ладно, мы ездили по всей Прибалтике. Хотите покажем фотографии?

2. – Я сегодня на Невском видела огромный лимузин.

- Да ладно, я сегодня видел демонстрацию клоунов.

4) Выражает недоверчивое удивление (= Неужели? Не может быть.).

1. – Я сегодня встретилась с Таней. Ты ведь знаешь ее.

– Да ладно. Она же только что уехала заграницу.

– Да, но она почти сразу вернулась, просто не звонила, не приходила.

– Да ладно, не верю, чтобы она не звонила никому. Наверно, она и не уезжала никуда.

Выражение **В смысле** вообще не имеет эмоциональной или оценочной коннотации. В его значении плюс к прямому значению вопрос существует прагматический компонент – уточняющий вопрос – что конкретно вы имеете в виду? Выражения **как же** …, **будет он** (она)… содержат целый комплекс прагматической информации. Приведем в пример диалог:

- Валя готовится поступать в университет

- Как же, готовится! Она гуляет все время. Будет она поступать! Вот увидите, уедет и не вернется. Ей надо повод только, чтобы от родителей подальше.

Здесь присутствует выражение иронии по отношению к собеседнику, ожидания которого не сбудутся, уверенность говорящего в том, что что-л. не произойдет и осуждение этого факта.

Стилистические особенности, связанные с манерой поведения также необходимо указывать при описании устойчивых выражений. На большое количество грубых выражений, передающих негативную оценочность эмоционально насыщенной разговорной речи (**еще чего, вам какое дело, вот еще, да ладно**) приходится немного вежливых выражений (**знаете ли, видите ли, не хотелось бы**). Тем самым подтверждаются тезисы о сниженном характере обиходной речи, об уклоне эмоциональной шкалы в сторону негативных эмоций. Однако, подавляющее количество устойчивых выражений разговорной речи не имеют явно выраженного компонента *грубое*. Гораздо больше прагматических компонентов связано с функцией поддерживания разговора Так, употребление многих словосочетаний, выражающих удивление, на самом деле служат для подтверждения заинтересованности собеседника в продолжении разговора (**да ну, ну ну, да что ты, ишь ты**). Но об этой функции не упоминают словари современного русского языка. Таким образом, в значениях устойчивых выражений диалогической разговорной речи в зависимости от речевой ситуации в разном составе присутствуют прагматические компоненты, которые необходимо представлять при определении семантики этих выражений.

ЛИТЕРАТУРА

АРУТЮНОВ, А. Р.; ЧЕБОТАРЕВ, П .Г., 1996. Справочник Интенции диалогического общения и их стандартные реализации. *In: Русский язык за рубежом,* Москва: Деловые Медиа, № 5/6, 5.

АРАНОВ, А. Н.; ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О., 1996. Идиоматичность и идиомы. *In: Вопросы языкознания. № 5*, Москва: Серия литературы и языка, 51–64.

ВЕЛИЧКО, А. В. ,1996. *Синтаксическая фразеология.* Москва: Московский государственный университет.

ЗЕМСКАЯ, Е. А.; КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. В.; ШИРЯЕВ, Е. Н., 1981. Русская разговорная речь. *In: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис.* Москва: Наука.

КОЛОКОЛЬЦЕВА, Т. Н., 2009. Культура диалогического общения (реплики реакции в диалоге). *In: Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания»*, №1(2). Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

РОГОЖНИКОВА, Р. П., 1983. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. СРЯ, Москва: Русский язык.

Словарь русского языка в 4-х тт., 1985, Москва: Русск. яз.; Полиграфресурсы, 219.

Фонетика спонтанной речи, под ред. СВЕТОЗАРОВА, Н. Д., 1988. Ленинград: Изд–во Ленингр. ун–та, 255.

ЯКУБИНСКИЙ, Л. П., 1986. О диалогической речи. *In: Избранные работы: Язык и его функционирование.* Москва: Наука, 17-58.

Jelena Kolosko
Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences, Russia
Research interests: lexicology, lexicography, semantics

PRAGMATIC SEMANTICS OF SET EXPRESSIONS IN COLLOQUIAL SPEECH

Summary

This article is devoted to the pragmatic components of the meanings of set expressions which are used in dialogical conversation. In the article, the basis for including set expressions with syntactic words in the structure of phraseological units are formulated: neodnoslovnost, stability, idiomaticity. The author considers the concept of pragmatic meaning. The meanings of set expressions with syntactic words present such pragmatic components as: emotions, expressivity, assessment, subjective modality, and the intentions of the speaker. Examples of set expressions are also provided. As part of their values there are various components of pragmatical semantics. Examples of the interpretation of separate expressions and examples of their use in standard dialogues of modern everyday speech are given. The author includes a number of questions and set expressions concerning lexicographic development with syntactic words. It is necessary to describe the pragmatic elements of value in more detail. It is necessary to give examples of standard dialogues at each value.

KEY WORDS: colloquial speech, lexical semantics, idioms, pragmatics.

Татьяна В. Маркелова
Государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова
ул. Прянишникова 2А, 127550, Москва
E-mail: tvmarkelova@mail.ru
Научные интересы: оценка, оценочность, функционально-семантическое поле оценки
Евгения Сергеевна Маликова
Государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова
ул. Прянишникова 2А, 127550, Москва
E-mail: niadhel@gmail.com
Научные интересы: ирония, ироническая оценка, язык современных СМИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОМПОНЕНТА «МЕДИА» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Объектом данного исследования является язык современных СМИ как самостоятельный дискурс, в котором возможна трансформация семантической структуры слов и их оценочное преображение. Объект исследования – англоязычное заимствование медиа, особенности функционирования которого в дискурсе средств массовой информации наглядно демонстрируют указанные тенденции. Языковая мода и американизация языка СМИ приводят к возникновению слов-фантомов, которые, не всегда полностью адаптировавшись в плане орфографии, тем не менее, могут быть весьма продуктивным источником оценки и экспрессии. Благодаря своей размытой семантике они приобретают очень высокую валентность и превращаются в речи в оценочный знак, выражающий различные ценностные отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оценка, оценочность, семантическая структура, медиа, язык современных СМИ, лексический фантом, слова-фантомы.

Стремительное развитие средств массовой коммуникации и появление новых информационных технологий привело к возникновению некой особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков. Это не могло не сказаться на состоянии языка, не послужить толчком к зарождению новых тенденций. Как показывают исследования Т. Г. Добросклонской, «основной объем речепользования приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или *медиатексты*, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности» (Добросклонская 2008, с. 8).

Зарождающаяся стилистика массмедийности – это самостоятельный дискурс, особая ипостась современного русского языка, оказывающая на него сильное, всестороннее влияние. Сегодня именно «газетно-публицистический стиль, шире язык журналистики, массовой коммуникации», как отмечает Г. Я. Солганик, выступает «в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка» (Солганик 2007, с. 557). Среди характерных черт, присущих языку современных СМИ, исследователи называют, в том числе, «американизацию» и следование языковой моде в выборе лексических средств и стремление к выражению «искренних оценочных интенций говорящего (позитивных и негативных)» (Маркелова 2010, с. 65).

Объект нашего исследования – англоязычное заимствование *медиа*, особенности функционирования которого в дискурсе средств массовой информации наглядно демонстрируют указанные тенденции.

Медиа – [от англ. mass media средства массовой информации] – 1. Средства массовой информации. 2. Первая составная часть сложных слов, обозначающая «относящийся к

средствам массовой информации», напр. *медиакомпания, медиахолдинг* (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998). Однако регулярное употребление, «привязанность» современного общества к иноязычным элементам, стремление авторов тех или иных текстов выделиться в речи привели к **развитию у изначально безоценочного компонента коннотаций,** к «вовлечению» *медиа* в число средств, реализующих оценочную семантику **отражения,** которая основана «на корреляции общей и языковой ситуации, демонстрирует, как оценочная функция подчиняет себе постепенно все речевые процессы, настроенные на развитие новых тенденций в языковых процессах» (Маркелова 2010, с. 66). Эти речевые процессы, отображая аксиологизацию менталитета общества, отражаются в речевом портрете медиаличности – журналиста, политика, публициста, аналитика, информатора.

Медиа становится своеобразным пропуском в мир «своих» в соответствующей оппозиции «свой – чужой», активно «путешествует» по оценочной шкале *очень хорошо – довольно хорошо – хорошо / нормально / плохо – довольно плохо – очень плохо* (Morris 1956, с. 70–77), вступает в смысловые и деривационные отношения со знаками оценки – прагмемами и коннотациями, отражая ценностные установки субъекта оценки: *Честные массмедиа: оксюморон или реальность?; Индекс медиа-эффективности демонстрирует «плотность» и «сосредоточенность» информационного фона губернатора. Медиа-эффективность не может быть 100%, но чем «больше губернатора в каждом сообщении», тем выше показатель.* Таким образом, *медиа-эффективность* рассчитывается по нейтральным количественным показателям: частотности упоминания того или иного лица в СМИ, объёму цитат. Однако в качестве синонима *медиа-эффективности* нередко используется понятие «информационная открытость»: *Третья позиция в медиа-рейтинге ПФО позволила пензенскому губернатору Василию Бочкареву занять 17 место во всероссийском рейтинге информационной открытости глав регионов.* И если *эффективность* – это просто «действенность» (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998), то *открытость* – «расположенность к другим, прямота и искренность в отношении с другими» (Там же). Деятельности и высказываниям губернатора, таким образом, приписывается совершенно определённая характеристика: *медиа-эффективность* – это «очень хорошо»; все, кто попал на первые позиции рейтинга, – «свои», и их деятельность одобряется.

Прагмема как «свернутое» суждение, денотативно-сигнификативное семантическое образование своей идеологической окраской привлекает *медиа,* внося в его семантику оценочное значение по отношению к различным объектам: объекту-лицу: *медиа-гений, медиа-звезда, медиа-блогер;* объекту-явлению, событию: *медиапредложение, медиапроект и др.*

Медиа как часть сложных слов сочетается с прагмемами, а как самостоятельное слово – употребляется в оценочных высказываниях: *Интернет, несомненно, самое модное и прогрессивное медиа, но ТВ все еще правит в российском медиацарстве* (олицетворение + *медиа* как самостоятельная вторая реальность) <…> *Итак, интернет теперь во взрослой медиалиге* (спортивная метафора + олицетворение: *лига* в спорте – «группа команд, примерно равных по мастерству и соревнующихся друг с другом» (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998); интернет «вышел из детского возраста» и соревнуется теперь на равных с другими «взрослыми» СМИ). Знаки-прагмемы *царство* и *лига* с высокой долей положительной семантики формируют самооценку у компонента *медиа,* превращают его в слово-высказывание с расширенным смыслом, демонстрируют характеристику употребляющего его автора, его авторскую модальность, его отношение к коммуникативной активности элемента.

Семантическая структура компонента начинает меняться: благодаря включению *медиа* в разные контексты в ней появляются новые семемы (основанные на таких семах, как *успешность, известность, современность, глобальность*). Таким образом, в дискурсе современных средств массовой информации *медиа* – не просто синоним СМИ: *Суд над Тимошенко – сегодня самая востребованная западными медиа тема* (популярная, желанная;

та, к которой проявляют наибольший интерес)*; известный медиа-деятель; медиаперсоны года.*

Слово *медиа* часто встречается в одном контексте со словами *лидерство, лидировать* (*лидер* – «человек, ведущий за собой других, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-н. коллективе» (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998)): *О медиа, о лидерах, о славе* (ср.: «О доблестях, о подвигах, о славе»: трансформация прецедентного текста – стихотворения Александра Блока – выстраивает новый ассоциативный ряд современных ценностей)*; лидерство в ежемесячном медиа-рейтинге; лидирующая группа медиа-активных парламентариев*.

Употребление *медиа* вместе со словом *звезда* – «блистательная знаменитость в своей сфере деятельности, в своей среде» (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998) способно выражать ироническую оценку. В последнее время у метафоры *звезда* развились негативные коннотации. Сначала название телевизионной передачи «Фабрика звезд» за несколько сезонов перестало восприниматься как оксюморон («производство блистательных знаменитостей, поставленное на конвейер»), поскольку из-за чрезмерного употребления слово *звезда* «затерлось», и из его семантической структуры исчезла сема *блистательная*. А в качестве синонима *знаменитости* под воздействием языка современных СМИ, в которых преобладают скандальные истории, слово *звезда* приобрело семы, выражающие отрицательную оценку. Появился оборот *заболеть звездной болезнью* и его разговорный синоним *зазвездиться* – то есть «загордиться, стать заносчивым, начать пренебрежительно относиться к окружающим».

Появляясь в одном контексте со словом *звезда*, *медиа* «перенимает» его новые коннотации, и за кажущейся похвалой может скрываться неодобрение: *Раз в три года РАН становится медиа- и сетевой звездой; Город в последнее время становится главной звездой мировых медиа*. Слово *звезда* практически приравнивает *медиа* к развлекательной индустрии (ср.: *звезда экрана, звезда эстрады, звезда сериала*); а в семантической структуре компонента *медиа* на первый план выходит сема «известность». Следовательно, *звезда медиа* – «явление, событие или лицо, находящееся в центре (возможно, незаслуженного) внимания».

В семантической структуре слова появились и явно негативные коннотации: медиа как в большей степени бизнес и даже отчасти шоу-бизнес, а не объективный информатор: *страшно коррумпированное медиа; российские медиа лихорадит* (олицетворение и медицинская метафора)*; Про гадости, демонстрируемые в наших медиа, высказано столько возмущения в их адрес, что никакие отговорки редакторов типа «какой народ – такая и газета», «какой народ – такое и телевидение», «пипл хавает» уже не срабатывают. Есть разная целевая аудитория. Но, судя по нашим СМИ, можно подумать, что вся российская аудитория состоит из любителей блатного шансона, вуайеристов и посетителей стриптиз-баров, для которых и трудятся медиа*. Это еще не энантиосемия, но присущие слову коннотации начинают расходиться на противоположные концы оценочной шкалы («очень хорошо» – «очень плохо»).

Развитие новых технологий привело к возникновению **полисемии**: любые изображения и видео, выкладываемые в интернете, также называются *медиа*: *отображать медиа; для просмотра медиа необходимо установить плагин*. Новое значение начинает оказывать влияние на более раннее – медиа как СМИ приобретают такие постоянно ожидаемые аудиторией атрибуты, как *яркие, привлекательные, интерактивные*; а любой интернет-сайт или социальная сеть, вне зависимости от своей информативности, может называться *медиа*.

Таким образом, семантическая структура слова *медиа* развивается с помощью новых семем:

медиа – [от англ. mass media средства массовой информации] – 1. Новые, современные, ориентированные на глобализацию средства массовой информации, использующие передовые технологии. 2. Первая составная часть сложных слов,

обозначающая «относящийся к средствам массовой информации», напр. *медиакомпания, медиахолдинг*. 3. Изображения и видео, выкладываемые в интернете.

При этом процесс трансформации семантики слова продолжается под влиянием различных типов контекста. Возможным становится, например, следующий парадоксальный заголовок: *Туалетные медиа – в хорошем смысле*. Фактически, можно считать, что перед нами семантический окказионализм. Для эпитета *туалетный*, с которым неизбежно связаны негативные коннотации (при этом критики современных СМИ готовы охарактеризовать так любой медиапродукт), автор предлагает совершенно новое определение, благодаря которому оценка объекта меняется с явно отрицательной на явно положительную. Более того, как утверждает автор, «это не ругательство, это комплимент». *Туалетные медиа* – это СМИ, в котором информация подаётся настолько кратко и доступно, что со всеми важнейшими новостями можно ознакомиться за время, которое потребуется для посещения туалета. Благодаря подобному употреблению компонент *медиа* сейчас можно представить в любом контексте.

Этот факт и языковая мода постепенно **превращают *медиа* в «лексический фантом»**, то есть в слово, в значении которого нет денотативного компонента (Норман 1994, с. 54). Его семантика становится размытой, отчасти отражая и изменения, произошедшие с российскими СМИ: в них преобладают развлекательность и реклама, что, в свою очередь, приводит к неоднородности языка, в котором обилие плохо адаптировавшихся англицизмов и компьютерного сленга сочетается с просторечиями и жаргонами (Валгина 2007, с. 7, 11, 15). Изменяется и форма подачи новостей аудитории: становится популярным явление конвергенции, когда одна редакция объединяет все типы СМИ, а газеты и журналы выпускают приложения для всевозможных технических новинок и открывают свои магазины. Появление слова *медиа* в рекламных, новостных, технических текстах, выражение с его помощью положительной и негативной оценки, одобрения и неодобрения, похвалы и порицания приводит к тому, что *медиа* постепенно теряет в русском языковом сознании четкую связь именно со СМИ. Происходит почти безграничное расширение семантической структуры: *медиа* – это и бизнес, и развлечение, и тенденция, и род деятельности, и человек, и предмет, и просто собрание информации в любом виде: *Василий Гатов и Илья Осколков-Ценципер 1 июля провели лекцию «Влияние Сократа на современные медиа». […] Говорили о том, что все вокруг становится медиа: и банка с колой, и диван. Больше всего врезалась мысль Осколкова-Ценципера о том, что коль скоро все теперь медиа, то старые медиа – самая неинтересная зона этого нового медийного мира; 2011 год окончательно убедил: Василий Уткин уже давно не журналист, а отдельное медиа. Медиа, которое может за один вечер поднять на уши не просто клуб или федерацию – целую страну.*

Благодаря размыванию семантики **расширяются и границы словообразовательных возможностей**. Специфической чертой *медиа* как слова-фантома является конкретизация его размытого лексического значения за счет того, что оно становится частью сложных слов, образованных по стандартной словообразовательной модели, или приобретает приложения. При этом *медиа* предстает как в стилистически нейтральных сочетаниях, необходимых для безоценочной номинации лица, явления или предмета (*медиа-менеджер, медиа-специалисты, медиарынок, медиа-эксперт, медиасообщество*), так и в явно выражающих одобрение/неодобрение, экспрессивных и оригинальных за счет контраста лексики из разных стилистических сфер. Появляется *медиа-завтрак,* в котором модное заимствование сталкивается с бытовой лексикой (ср.: *бизнес-ланч*); *медиатроян* (влияние компьютерного сленга, метафорическое использование названия компьютерного вируса, который проникает всюду и от которого очень сложно избавиться), *медиадыры* (переносные значения слова *дыра*, согласно Большому толковому словарю Л.И. Скворцова, уже несут отрицательную оценку: *недостаток, пробел; глухое место, захолустье*) и очень показательное *медиафантом*, в котором явление, границы которого становится все сложнее очертить, наделяется способностью создавать новые *иллюзии* и *призраки* (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998).

Валентность слова *медиа* оказывается настолько высока, что к нему можно присоединить даже название научного направления, в результате чего у него развивается контекстуальное переносное значение: *медиадарвинизм* (от *дарвинизм* – теория происхождения и развития видов животных и растений путем естественного отбора, учение о законах развития живой природы (Ожегов, Шведова, 1992)) – это наука о конкурентоспособности СМИ в современном мире, где *конкуренция станет источником новой ответственности*. В этот контекст удачно встраивается и *медианавык*: само по себе слово *навык* означает «умение, выработанное упражнениями, привычкой, практикой» (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998), однако вслед за размышлениями о медиадарвинизме фраза *«Историческая миссия журналистики напоследок – передать медианавыки самозванцам»* приобретает иронический оттенок и ассоциации с животным миром.

Слово *медиа* полностью открыто для появления новых семем: оно изменяется в соответствии со вторым компонентом, приобретает оценочное значение, сочетаясь с прагмемой. *Медиа* «путешествует» по всей шкале оценки, например, в негативной зоне. Его столкновение как слова газетно-публицистического стиля с грубо-просторечным *шлюха* (шлюха (прост. груб., также бран.). То же, что потаскуха. (Русский семантический словарь под общей ред. Н. Ю. Шведовой, 1998)) – уже не мягкая ирония, но злой сарказм: *Журналист Эзра Левант, выступая в эфире программы The Sun TV назвал имама «медиа-шлюхой», «готовой на все ради популярности и скандала»; неизменная медиа-шлюха; Пока реакция окружающих не особо восторженная. Вокалист Papa Roach Джакоби Шеддикс ехидно заметил: «Дёрст просто жаждет внимания. Он же медиа-шлюха»*.

Сарказм выражает и почти оксюморон *медиа-киллеры*: в русском языковом сознании еще сохраняется идеальный образ неподкупных СМИ как площадки диалога между властью и обществом – и на контрасте с ним возникает насильственное прерывание любого диалога; причем СМИ выступают как «профессиональный наемный убийца» (Ожегов, Шведова, 1992), которому заплатила весьма далекая от идеальной власть.

Встречаются и попытки окказионального словообразования иного рода – создать экспрессивное обозначение лица, так или иначе связанного с медиа. В интернет-блогах, на форумах и в комментариях к статьям можно увидеть образованное суффиксальным способом слово *медиаст (масс-медиаст, массмедиаст).* За ним относительно закрепилось **два значения** (орфография и пунктуация в примерах сохранены):

1**.** (ироническое, презрительное) Журналист: *После отъезда туркестанской экспедиции группа каких-то масс-медиастов изволила посетить полтавскую (не знаю, как оно точно называется) станцию юных туристов, что ли, на базе которой живет полтавский спелеоклуб; медиасты борются за свежайшую новость; Вчера я бездарно прошляпила вечеринку у любимых медиастов; Сейчас у всех массмедиастов головы на сорванной резьбе – кружиться будет, но не отвалится. А жаль! […] Я телек не смотрю (почти). Бесовское порождение! Сейчас все больше комп, да книжки. Здесь только чистая информация, выводы делаю сама. А по телеку все норовят прокомментировать. А от этих ведущих, от комментариев не тока Настя, и покрепше народ свихнуться может! Там практически все (на ТВ) неадекватные! Или только-только с дуба рухнули, или в 27 лет десятилетку закончили с большим успехом!; можно конешно тя за базар, ко мне не относящийся, на бабки поставить..или поспорить на мильон... но я добрый! […] хотя можно.. давай на подтяжки, что я не журналист, медиаст и ваще не на бюджете?!* (здесь – явное противопоставление «настоящего» журналиста и непрофессионального, нечестного, готового на все ради сенсации медиаста); *повезло мне, што не медиаст.. а то б Вофка и мне статью нашел.... Чо не сделаешь ради интернет-славы!* (обсуждение иска на журналиста, которого один из пользователей форума обвиняет в клевете); *Журналист выпал из бушлата и получил от здравого поцика. А потом бац: блогосфера-интернетик. Ой на меня напали, ой меня трахнули.. по башке. […] Еще легко отделался медиаст* (комментарий к заметке «Водителя Lexus с “левой” мигалкой, напавшего на журналиста, лишили прав»).

2**.** Человек, делающий все напоказ, исключительно ради популярности и для привлечения внимания СМИ: *Когда всюду лишь только мрачняк, / В экономике полный тухляк, / От тоски спасет мэр-медиаст, / Привлекательный фантазиаст; если все проходит под эгидой официальной… то форумчане – как пушечное мясо массовки исключительно для рейтинга масс-медиастов; эту задачу медиаст и поставил?* (подразумевается, судя по всему, некий известный всем участникам беседы чиновник; пользователь форума, которому был задан вопрос, подозревался как провокатор).

Проблемность употребления слова *медиа* не исчерпывается семантикой. Во всех приведенных примерах заметна еще одна сложность, связанная с ним. Несмотря на то что слово уже вошло в словари, в которых отражена, в том числе, и орфографическая норма, в речи *медиа* до сих пор не адаптировалось до конца. «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» под ред. В.В. Лопатина советует писать слитно «сложные слова с первой иноязычной (интернациональной) частью, кончающейся на гласную. Перечень основных таких частей сложных слов: […] с конечными ***а, е, и***: *авиа-, дека-, мега,* ***медиа-****, тетра-* […] Примеры: […] *медиакомпания*» (2006, с. 117–118). Однако в текстах средств массовой информации встречаются варианты *медиа-рынок, медиарынок* и *медиа рынок*; причем все три вида написания могут сталкиваться в одном тексте: *Рост медиарынка обусловлен, в том числе, существенным ростом бизнеса и медиа-активности клиентов со средними бюджетами. Эти клиенты имеют свою специфику с точки зрения их обслуживания: оперативность, быстрота реакции агентства, минимум бюрократии, высокая приоритетность клиента для агентства. При этом клиенты ожидают высокую экспертизу команды агентства и низких закупочных цен. Новое агентство сможет оказывать еще более качественный клиентский сервис одновременно с предоставлением клиентам консолидированных баинговых условий нашей медиа группы и сети», – подчеркнул CEO группы.*

Стоит, впрочем, отметить, что раздельное написание встречается очень редко, в основном – на сайтах корпоративных СМИ, в материалах с использованием варваризмов; и отражает, скорее, небрежность в обращении с языком и бездумное калькирование: **media plan, media group *и пр.***

Языковая мода и американизация языка СМИ приводят к возникновению слов-фантомов, которые, не всегда полностью адаптировавшись в плане орфографии, тем не менее, могут быть весьма продуктивным источником оценки и экспрессии. Благодаря своей размытой семантике они приобретают очень высокую валентность и превращаются в речи в оценочный знак, выражающий различные ценностные отношения (одобрение, иронию, сарказм и др.) при выполнении аксиологической функции. Становясь частью сложного слова или присоединяя приложения, слова-фантомы не только конкретизируют свое значение за счет второго компонента, но и изменяют позицию на оценочной шкале.

ЛИТЕРАТУРА

ВАЛГИНА, Н.С., 2007. Основные проблемы изучения языка современных СМИ. *In: Язык и стиль современных средств массовой информации: Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н.С. Валгиной.* Москва: Московский государственный университет приборостроения и информатики, 7–18.

ДОБРОСКЛОНСКАЯ, Т.Г., 2008. Язык средств массовой информации: учебное пособие. Москва: Издательство КДУ.

МАРКЕЛОВА, Т.В., 2010. Аксиология языка и русской языковой личности как квинтэссенция современности: отражение и преображении. Москва: Ценности и смыслы, № 6(9), 64–76.

НОРМАН, Б.Ю., 1994. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии: (слова, в которых отсутствует денотативный компонент). *In: Язык и культура: третья междунар. конференция, докл.* Киев: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 53–60.

ОЖЕГОВ, С.И.; ШВЕДОВА, Н.Ю., 1992. *Толковый словарь русского языка*. *In:* Т.1. Москва: Азъ, 506.

Под ред. ЛОПАТИНА В.В., 2006. Правила русской орфографии и пунктуации. *In: Полный академический справочник*, Москва: Эксмо, 480.

Русский семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общ. ред. ШВЕДОВОЙ, Н.Ю., 1998. Т. 1. Москва: Азбуковник.
СОЛГАНИК, Г.Я., 2007. Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития. *In: Язык массовой и межличностной коммуникации.* Москва: Медиа-Мир, 553–568.

Tatiana Markelova
Moscow State University of Printing Arts
Research interests: evaluation, axiology, ***functional-semantic field of evaluation***
Evgeniya Malikova
Moscow State University of Printing Arts
Research interests: irony, ironic evaluation, language of the modern mass media

THE TRANSFORMATION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE COMPONENT "MEDIA" IN THE MODERN MASS MEDIA DISCOURSE

Summary

The subject of this article is the language of the modern mass media as the source of the new language norm and an independent discourse. This discourse makes possible the transformation of the semantic structure of the words and the change of their position in the evaluation hierarchy from neutral to negative and/or positive. Such words, even if they were initially devoid of any axiological meaning, develop the ability to express irony or explicit praise. In addition to this, such words gain expressive meaning and are frequently used to create metaphors and oxymorons. The article describes the development of new connotative meanings of a word and the formation of contronyms due to the frequent use of a word or expression in certain contexts. Such frequent use can also lead to the loss of the denotative component, which could create almost boundless extension of the semantic structure of a word.

KEY WORDS: evaluation, semantic structure, media, language of the modern mass media, contronym, connotative meaning, words without the denotative component.

Лариса Миронова
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, Украина, 65058
Эл. почта: lary_sa@rambler.ru
Научные интересы: исследование соматических фразеологических единиц украинского и испанского языков, языковой картины мира.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ УКРАИНСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

В статье проведено сравнительное исследование наиболее употребительных соматических фразеологических единиц украинского и испанского языков, которые отражают эмоциональную сферу человека. Отличительной чертой большинства фразеологизмов, содержащих соматический компонент, есть то, что они выражают эмоции, интенсивные по своему проявлению: страх, любовь, грусть, ненависть, радость. Проведено исследование соматических фразеологизмов, которые характеризуют эмоции как абстрактные понятия, выражающиеся через их внешние физиологические проявления: ощущения, мимику, поведение, температуру тела, изменение формы и положения органа или части тела. Особое внимание уделено описанию и анализу фразеологизмов с соматическим компонентом серце/corazón. Вокруг него расположились фразеологические единицы, передающие различные эмоционально-психологические состояния человека: страх, печаль, радость, ликование и другие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: соматизм, фразеологизм, эмоция, лицо, сердце.

Сопоставительное исследование языковых явлений в области фразеологии привлекает к себе внимание современных лингвистов в связи с важностью выявления общих и специфических черт на фразеологическом уровне. Изучение семантических особенностей фразеологических единиц в сопоставительном аспекте имеет большое значение при изучении ступеней развития мышления этих народов, их культурно-исторических традиций, специфического языкового мировидения.

В исследованиях последних лет концентрируется внимание на языковых средствах в плане выражения ими картины мира, в центре внимания языковедов оказывается человек как носитель языка, который репрезентирует ту или иную культуру, в связи с чем одним из существенных признаков лингвистической науки становится актуализация когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению явлений, процессов и структур в языке. Преимущество когнитивного подхода – это широкая перспектива видения языка во всех его разносторонних связях с человеком, его интеллектом, эмоциями, всеми процессами мышления и познания, а также с теми механизмами и структурами, которые лежат в их основе. Одна из центральных позиций здесь принадлежит фразеологическим единицам, поскольку они содержат в себе в концентрированном виде образы, которыми мыслит человек, отражают мировосприятие, эмоциональную сферу, ментальные процессы.

Сравнительному изучению фразеологических единиц в рамках когнитивной лингвистики посвящены работы многих украинских и зарубежных исследователей: Н. Ф. Алефиренко (Алефіренко 1987), Ю. А. Долгополова (Долгополов 1973) – в русском, английском и немецком языках, А. А. Ивченко (Івченко 1996), Н. Н. Кирилловой (Кириллова 2002), В. М. Мокиенко (Мокиенко 1989), Е. М. Мордкович (Мордкович 1977) – в белорусском языке, А. Памьеса Бертрана (Pamies Bertrán 2002), Е. А. Селивановой (Селиванова 2004) – в украинском языке, Ю. Ф. Прадида (Прадід 1997), В. П. Скнара (Скнар 1978) – в английском и украинском языках, Ю. П. Солодуба (Солодуб 1989), Е. М. Солодухо (Солодухо 1989), Н.Я. Стрилец (Стрілець 2002) – в испанском, итальянском и французском языках, В. Д. Ужченко (Ужченко 2007). Недостаточное комплексное исследование в украинской и зарубежной лингвистике соматических фразеологизмов испанского и украинского языков с привлечением новых методов обусловило необходимость анализа

указанных феноменов. Фразеологические единицы со стержневым компонентом – соматизмом являются антропоцентричными, занимают важное место в фрагментах языковой картины мира, связанных, прежде всего, с психическими, психологическими и социальными характеристиками человека, пространственными ориентирами.

Наибольшее количество фразеологизмов в языке группируются вокруг таких концептов как смерть, любовь, страх, личностные характеристики человека. Все они так или иначе представлены в соматической фразеологии. Совпадение образности соматических фразеологизмов объясняется не только заимствованиями, но и общими закономерностями, которые способствуют возникновению близких фразеологических единиц, которые демонстрируют универсальный характер переноса соматических лексем, их функционально-семантическую динамику. На примере изучения соматических фразеологизмов украинского и испанского языков мы можем проследить актуальные процессы во фразеологии, выявить интересные отличия и найти общие черты мотивации фразеологических единиц. Актуальность темы исследования определяется усилением интереса лингвистов к описанию отдельных фразеологических микросистем, необходимостью дальнейшего изучения украинского языка в сравнении с другими языками, привлекая к анализу некоторые данные теорий, выводов других наук и отраслей лингвистики.

Изучение эмоциональных концептов, репрезентируемых языковыми средствами определенного языка, вызывает объяснимый интерес исследователей с лингвокультурологической точки зрения (В. Ю. Апресян 1993; А. Вежбицкая 1997; В. Г. Гак 1988). Работы большинства авторов акцентируют внимание на универсальных чертах и культурном своеобразии базовых человеческих эмоций, информация о которых может быть эксплицирована лексическими и фразеологическими единицами. Учет особенностей функционирования фразеологизмов, отражающих различные эмоциональные состояния, представляется нам целесообразным, поскольку таким образом можно получить дополнительные знания, информацию о специфике категоризации языковыми средствами мира эмоций современного человека. Языковая картина мира, которая, прежде всего, впитала в себя опытно-практические, жизненные и культурные стереотипы, насквозь пронизана эмоциями. Эмоции постоянно сопровождают человека, проникают во все сферы его деятельности; одним из характерных и частотных признаков многочисленных фразеологических единиц эмоционального направления есть то, что они обозначены лексемами, которые называют части тела человека (Вишинський 2005, с. 271). Вербальное выражение эмоциональных состояний чаще всего оказывается обоснованным, и внутренняя форма мотивируется соответствующей телесной реакцией на определенную ситуацию.

Следует отметить, что многим фразеологизмам свойственно называть определенные состояния при помощи их внешних проявлений. В связи с этим есть необходимость проследить взаимосвязь языка тела и его языковой репрезентации во фразеологии. Эмоция определяется как непосредственное, временное переживание определенного более постоянного чувства (Позднякова 2000, с. 23). Она обычно имеет ситуативный характер и выражает оценку личностью определенной ситуации, связанной с удовлетворением потребностей человека в данный момент (Гамезо 1986, с. 195). Вопрос о том, как реакции человеческого организма могут быть отражены языковыми средствами, зависит от носителей языка и непосредственно от его возможностей.

Переживая одни и те же эмоции, оценивая их аналогичным образом, члены общества выбирают для выражения своих чувств разные, хоть и функционально похожие слова. Физическая реакция подобна у людей, которые принадлежат к разным языковым коллективам, в отличие от обычаев, ритуалов, символизации явлений природы, факторов культуры, которые отображены в языке. Очень часто выражение эмоций связано с определенными жестами, мимикой и движениями частей тела. Это реакция на то или иное событие, на поведение других людей и на окружающий мир. В украинском языке жестовые движения отображены в большом количестве фразеологизмов с такими

соматизмами, как бік, голова, губа, волосся, око рука, серце, чоло*: вхопитися за голову, затикати вуха, махнути рукою, за боки хапатися, битися головою об стіни, вішати голову, очі горять, робити великі очі, закипає серце, крається серце, гірко на серці, дути губи (губу), відставляти губу, гнути кирпу (носа), копилити губи (носа), вивертати очі на лоб, блимнути оком (очима), блискати оком, витріщити очі, вирячити очі, вести оком.* В испанском языке мы зафиксировали фразеологические единицы преимущественно с такими фразеологизмами как mano, oreja, uña, pelo: *morderse las uñas (los puños) – гневаться, сердиться, soplar las uñas de frío – мерзнуть, дрожать от холода; taparse las orejas – уши вянут, стыдно слушать; morderse los labios – терпеть, сдерживаться; torcer la boca – скривиться, быть недовольным; torcer las narices – отказываться, не соглашаться*.

Соматические фразеологизмы могут передавать и прямое номинативное значение, которое касается интенсивности, оценки события, осознанной или спонтанной реакции: *за боки хапатися, вхопитися за живіт как жесты во время сильного смеха, вхопитися за голову как жестовая реакция на плохое сообщение, которое касается самого субъекта; пальці облизувати – жест, когда еда была очень вкусной; рота роззявити – реакция на интересную или необычную информацию; брови полізли на лоба – поднимать брови вверх от удивления. В испанском языке мы находим: doblar la rodilla – жест, демонстрирующий смирение, уважение, преклонение; taparse las orejas – жест во время неприятного разговора, arquear las cejas – поднимать брови от удивления.*

Однако эмоции чаще всего проявляются при помощи мимики. Человеческое лицо – пластичная форма, которая может принимать различные выражения. Сокращение 55 мышц лица способно передавать до 2000 психических состояний и эмоций человека. Наш ежедневный опыт свидетельствует о том, что лицо может выражать настроение, эмоции, отношение человека к собеседнику. Мимика – важный элемент коммуникации, поэтому значительное количество фразеологизмов описывает выражение лица человека. Соматические фразеологизмы, связанные с мимикой, обозначают характер реакции человека на определенные ситуации или обстоятельства. Лицо – первое, на что обращает внимание человек при встрече. Выражение лица помогает нам понять внутреннее состояние, отношение к нам, настроение, характер. Другими словами, лицо дает нам огромное количество информации о человеке. В испанском языке группа фразеологизмов с соматизмом „cara" очень многочисленна (240 фразеологизмов): *alargar la cara – опечалиться, загрустить; mostrar buena cara – относиться приветливо, poner cara de pocos amigos – хмуриться, становиться неприветливым, poner cara de demonios - разозлиться, caérsele a uno la cara – сгорать со стыда, saltarle uno a la cara – ответить грубо, накинуться*. В то же время в украинском языке мы не нашли такого большого количества примеров с соматизмом лице (обличчя), всего около 20 фразеологизмов, среди которых многие – синонимы: *кров ударила в лице, кров заливає обличчя, лице аж пашить, горить обличчя, перемінитися в лиці, з кам'яним лицем, показати справжнє обличчя, плювати в обличчя.* Выражение лица очень часто характеризует человека и его эмоции как с положительной, так и отрицательной стороны. Сравним в испанском языке: *cara de aleluya – радостное лицо, cara de feria – довольный, веселый вид, cara de pascua – радостное выражение лица, cara de amigo – веселое, довольное выражение лица, но cara larga – унылый, грустный вид, poner mala cara - выразить неудовольствие, cara de baqueta – хмурое лицо*. В то же время его партонимы лоб, чоло, щока, frente, mejilla, barbilla, cachete представлены во фразеосистеме испанского и украинского языков небольшим количеством примеров: *схиляти чоло, нахмурити лоба, надути щоки, arrugar la frente – нахмуриться; bajar la frente – смириться, устыдиться; darse de cachetes por – раскаиваться, отчаиваться.* Как видим из приведенных примеров, в украинском языке группу фразеологических единиц, выражающих эмоции при помощи жестов, движений и мимики, составляют соматизмы зоны лица – брови, рот, вуса, вухо, губи, ніс, очі; в испанском – boca (рот), cara (лицо), ceja (бровь), frente (лоб), labio (губа), nariz (нос), ojo (глаз). База формирования значений таких фразеологизмов – это мимические реакции удивления, обиды, гнева, страха, восхищения, равнодушия, радости.

В украинском языке характерной семантической особенностью является то, что фразеологизмы данной группы часто обозначают отсутствие ожидаемой надлежащей реакции: *вухом не повести, бровою не повести (не моргнути), вусом не повести, оком не моргнути.* Следует отметить, что в испанском языке такая группа фразеологизмов немногочисленна. Нам не удалось найти много примеров: *no mover pestaña – бровью не вести.* Пример *volver la cara a otro lado (равнодушно отвернуться)* также демонстрирует определенную реакцию. Такие фразеологические единицы часто употребляются как в прямом, так и в переносном значениях: называя жесты и движения, одновременно передают их символическое значение.

В репрезентации концептов эмоциональных состояний принимают участие многие идиомы, содержащие соматический компонент. Но традиционным органом, отражающим различные нюансы эмоциональной жизни человека, принято считать сердце, хотя номинации внешних частей человеческого тела задействованы в образовании большого числа устойчивых метафорических сочетаний. Поэтому особого внимания и исследования заслуживают фразеологические единицы с компонентом серце/corazón. В осуществлении поставленной цели нам придется обратиться к накопленному богатому опыту в науке, который представлен многочисленными работами. Нами было проанализировано 667 украинских и 117 испанских фразеологизмов с компонентом серце/corazón. С сердцем связаны представления о каких-то особенных процессах, происходящих в самом органе. Это орган чувств, а также орган предчувствий, при помощи которого человек может интуитивно познавать то, что произойдет в будущем: *серцем чути, серце чує, серце підказує, corazón no es traidor, ponerséle en el corazón, anunciarle el corazón*. Также сердце помнит то, что было в прошлом: *пам'ять серця, серце переболіло, серце перегоріло, серце повернулося, серце пригорнулося, robarle a uno el corazón*. А еще сердце реагирует на все, что происходит непосредственно сейчас: *серце мовчить, серце не приймає, серце радіє, серце спить, спокійно на серці, тліти серцем, bailarle (brincarle) el corazón, acelerarsele el corazón – забилось сердце.*

Вокруг соматического элемента "серце" расположились фразеологические единицы, которые передают разнообразные эмоционально-психологические состояния человека: страх, печаль, радость, влюбленнность и другие. Такие фразеологизмы обычно возникают в результате переосмысления метафорических словосочетаний, что описывают ощущение необычного физического состояния органа, определенное нарушение ритма деятельности (сдавливание, замирание): *рветься серце на шматки, серце вогнем візьметься, серце в'яне, серце завмерло, серце наче обценьками здавило, серце стискається, encogérsele el corazón - сердце замирает, se le heló el corazón – сердце упало.* Сердце – это орган человека как символ дружелюбия, любовных чувств, любовной привязанности. Сердце связано с наиболее интимной стороной личности – это орган любви человека к противоположному полу: *полонити серце, приходити до серця – нравиться, предлагать руку и сердце; серце пригортається, серце прокидається – возникает любовь; robarle a uno el corazón – украсть сердце, querer de corazón – любить всем сердцем*. Сердце как вместилище чувств ассоциируется с кровью: серце кров'ю обливається, серце кров'ю обкипіло, серце кров'ю сходить, серце кривавиться. *Кроме того, у сердца как органа чувств есть свое определенное место: прокладати дорогу до серця, покласти руку на серце, приходити до серця (нравиться), серце ладне вискочити з грудей, серце не на місці.* В испанском языке фразеологические единицы *tener el corazón bien puesto (досл.: иметь хорошо расположенное сердце), tener el corazón en su sitio (досл.: иметь сердце на своем месте)* имеют значение "быть решительным, храбрым, великодушным". Сердце имеет способность ощущать радость. Реакция сердца на это чувство похожа на реакцию каждого человека: *розквітати серцем, серце радіє, серце співає*. Испанский язык фиксирует фразеологизмы со значением радоваться, в которых сердце способно танцевать, прыгать: *bailarle el corazón, brincarle el corazón.*

Соматизм имеет еще одно значение, в котором сердце характеризуется как невидимый орган добрых чувств (сочувствия, отзывчивости, сопереживания): *подивитися в серце – постараться понять чьи-то чувства; прихиляти серце – вызвать чувство приязни, abrirle el corazón – успокоить, подбодрить.* Хотя также сердцу свойственны и противоположные чувства: *серце не лежить, серце не привертається, серце не приймає*. В испанском языке имеем: *odiar de todo corazón – ненавидеть всем сердцем, no tener corazón - не иметь сердца, быть равнодушным*.

Сердце – это орган, который способен менять свое положение и состояние под влиянием страха : *серце завмерло, серце мре, серце падає, серце упало, con el corazón tamañito*. Такая реакция одинакова у большинства людей, о чем свидетельствуют зафиксированные фразеологические единицы в украинском и испанском языках. В воображении человека печаль разрывает сердце, нарушает его целостность: *вражати в серце, краяти серце, рвати серце, різати по серцю, розбивати серце, роздирати серце, ятрити серце*. Сравним в испанском языке: *caerséle el corazón a pedazos – сердце разрывается, partirle el corazón, quebrarle el corazón – разбить сердце.* Украинские фразеологизмы демонстрируют, что печаль появляется не сама; ее появление сопровождают посторонние предметы, животные, которые мешают работе сердца*: камінь на серце ліг, кішки шкребуть на серці, ніж у серце, холодна жаба сидить під серцем.* В испанской фразеологии такого явления мы не наблюдаем. Волнение также меняет привычный ритм сердца, заставляя его биться быстрее или, наоборот, замедлить сердцебиение: *із завмиранням серця, розтривожити серце, серце кипить, серце заходиться, серце палає, серце тремтить, серце як не вискочить, no caberle el corazón en el pecho.* Анализируя фразеологические единицы с компонентом corazón в испанском языке, мы заметили, что от волнения сердце радикально меняет свое положение: *salirle el corazón por la boca (досл.: сердце выходит через рот), corazón metido en un puño (досл.: сердце в кулаке) , tener el corazón en la garganta (досл.: иметь сердце в горле).*

Одним из основных концептов, отражающих эмоциональную жизнь человека, следует считать страх. В этой связи невозможно не упомянуть существенный вклад в развитие данной проблематики польской лингвистки А. Вежбицкой (Вежбицкая 2001). Подробный анализ языкового выражения эмоционального состояния страха на материале русского языка представлен в работе В.Ю. Апресян (Апресян 1993). Реакция души на страх похожа на реакцию тела на холод. Такие соматические фразеологизмы составили довольно многочисленную группу. Их образность обусловлена физиологическими ощущениями, которые передают рефлекторную реакцию человеческого организма на стимулы психофизического порядка (страх, боль, гнев, волнение). Так, под воздействием страха, волнения иногда появляется ощущение озноба вследствие рефекторных изменений в деятельности сердечно-сосудистой системы, а также интенсивной реакции организма на страх. Этот факт послужил отправной мотивирующей идеей, которая определила образность выражений украинского языка: *мороз іде по тілу, дрижаки пробігають по тілу, мурашки бігають по спині, холод пробирає все тіло, аж волосся стає дибом, аж жижки труситься, ноги затрусилися, кров застигає в жилах, дух у п'яти ховається*. Для сравнения в испанском языке: *erizársele los cabellos, templarle a uno la barba,con la cola entre las piernas, con el corazón metido en un puño,bajársele a uno la sangre a los talones, helársele la sangre en las venas, quedarse sin sangre.* Реакция на страх напоминает реакцию организма на холод: *похолонуло на серці, серце стигне, холоне серце, helarséle el corazón*. Таким образом, фразеологизмы, обозначающие эмоции страха, передают как движение соматизмов в пределах человеческого тела, так и отсутствие движения. Эта особенность объясняется двойственной природой страха: эти эмоции могут иметь стенический (мобилизация своих возможностей для предупреждения опасности при помощи бегства) и астенический (пассивно-защитная реакция: ступор, оцепенение) характер, и протекать либо в виде стрессовых состояний, либо в виде аффекта (ужас как крайний вариант страха) (Позднякова 2002, с. 328-329).

Также следует отметить, что самая экспрессивная часть лица человека – это глаза. По выражению глаз можно понять внутреннее состояние человека, его чувства, мысли, увидеть все как на экране. Также существование наивно-анатомического представления о способности глаз излучать свет может выступать экспрессивным обозначением психоэмоциональных, реже физиологических состояний человека: *очі блищать, очі горять, очі сяють (світяться), encender un chispazo en los ojos, mirar con ojos que arden de furia. В глазах человека можно отчетливо прочитать его симпатию, любовь, интерес к собеседнику: вбирати очима, веселити око, очі горять, alegrarsele los ojos, bailarle a uno los ojos, entrarle por el ojo (derecho), irsele los ojos detras de, mirar con buenos ojos, poner el ojo en.* Не менее отчетливо по глазам можно определить те негативные чувства, которые испытывает человек*: дивитися зизим оком, колоти очима, міряти очима, очі рогом лізуть, arrasársele a uno los ojos de agua, bajar los ojos, no llenar el ojo, llorar con ambos ojos, saltarle uno a los ojos, traer sobre ojo.*

В качестве образного стержня части соматических фразеологических единиц, которые репрезентируют эмоции человека, используется описание повадок животных, их поведения в различных ситуациях. Соответствующие фразеологизмы обозначают такие же или сходные ситуации в сфере человеческих отношений. Отдельные действия, передаваемые содержанием исходных словосочетаний, присущи только животным. Подчеркнутая экспрессивность создается за счет большого диссонанса их актуального и этимологического значения. Например, в украинском языке мы зафиксировали такие фразеологизмы: *піджати хвоста, нагострити вуха, мурашки по спині повзуть, драти кігті, вистромляти пазурі, вишкірити зуби.* В испанском языке эта группа тоже достаточно многочисленна: *tirarse a los ojos como los gatos – ссориться, негодовать; abatir las alas, caérsele las alas – пасть духом, расстроиться; con la cola entre las piernas – поджать хвост, дрожать от страха.*

Итак, в результате анализа собранного на данный момент фразеологического материала, связанного с функционированием соматических фразеологизмов в репрезентации эмоциональной сферы человека, мы можем выделить наиболее продуктивные соматические компоненты: голова, серце, око, лоб, рука, кров, губа в украинском языке и pelo, nariz, sangre, cara в испанском языке. Это обусловлено ясностью функций частей тела в каждом языке, легкостью их аллегорического осмысления, разветвленностью систем переносных значений. Говоря о концептуализации эмоций, следует отметить, что отличительной чертой большинства фразеологизмов является то, что они выражают эмоции, интенсивные по своему проявлению: страх, любовь, грусть, ненависть, радость. Эмоции как абстрактные понятия выражаются через их внешние физиологические проявления: ощущения, мимику, поведение, температуру тела, изменение формы и положения органа или части тела. Основным соматическим элементом фразеологизмов этой группы в обоих языках является компонент "сердце". Сердце в составе идиом украинского и испанского языков обозначает не только орган кровообращения, но и центр эмоциональных переживаний, источник чувств. Вокруг него расположились фразеологические единицы, передающие различные эмоционально-психологические состояния человека: страх, печаль, радость, ликование и другие. Такие фразеологизмы обычно возникают в результате переосмысления метафорических словосочетаний, описывающих ощущение необычного физического состояния органа, какое-то нарушение ритма деятельности. Сходство соматических фразеологизмов свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления представителей разных языковых картин мира, которая проявляется в наличии общих логико-фразеологических идей.

Проводимое в данной работе исследование фразеологизмов на образно-мотивационной основе позволяет наметить контуры отдельных фрагментов фразеологической картины мира двух языков. Таким образом, изучение фразеологических единиц, отражающих эмоциональную сферу человека, может служить лингвистической основой постижения картин мира. Такой анализ фразеологизмов возможен и необходим в различных направлениях; с точки зрения структуры, семантики, морфолого-синтаксических

и стилистических особенностей отдельных фразеологических единиц и их компонентов, а также фразеосемантических групп и полей. Научно перспективным видится нам исследование функциональных возможностей соматических фразеологизмов украинского и испанского языков, а также работа над словарем соматических фразеологизмов. Поскольку фразеологические единицы украинского и испанского языков с соматическим компонентом в сравнительном аспекте еще недостаточно изучены, то они требуют дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

АПРЕСЯН, В. Ю., 1993. Метафора в семантическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания*. Москва: Наука, №3, с.27-35.

АЛЕФІРЕНКО, М. Ф., 1987. *Теоретичні питання фразеології.* Харків: Вища школа.

ВЕЖБИЦКАЯ, А., 2001. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики.* Москва: Языки славянской культуры.

ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1997. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.

ВИШИНСЬКИЙ, В. І. Метафоричні образи фразеологічних одиниць концептосфери “роздратування/гнів” (на матеріалі іспанської та португальської мови). *Проблеми семантики слова, речення та тексту: Збірник. наукових праць.* Київ.: Видавничий Центр КНЛУ, вип. 15, с. 270-275.

ГАК, В.Г., 1988. Фразеология, образность, культура. *Советская лексикография.* Москва: Русский язык, с.159-169.

ГАМЕЗО, М. В., ДОМАШЕНКО, И. А., 1986. *Атлас по психологии. Информационно-методические материалы к курсу “Общая Психология”: учебное пособие для студентов педагогических институтов.* Москва: Просвещение.

ДОЛГОПОЛОВ, Ю. А., 1973. Об этимологических источниках соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков). *Грамматическая структура и фразеологизмы романо-германских языков.* Казань: Издательство Казанского университета, с. 83-95.

ІВЧЕНКО, А. О. 1996. *Українська народна фразеологія: ареали, етимологія.* Харків: Око.

КИРИЛЛОВА, Н.Н., 2002. К вопросу о стереотипах во фразеологии. *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* Санкт-Петербург: Издательство РГПУ имени А. И. Герцена , №2, с. 129-140.

МОКИЕНКО, В. М.,1989. *Славянская фразеология.* Москва: Высшая школа.

МОРДКОВИЧ, Э. М., 1977. *Белорусская соматическая фразеология: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* Минск: Государственный университет им. Якуба Коласа.

ПОЗДНЯКОВА, Е. М., 2000. Концептуальная организация производного слова. *Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике.* Тамбов: Издательство Тамбовского университета, ч. 2, с. 23–27.

ПОЗДНЯКОВА, Е. М., 2002. О соотношении когнитивного и концептуального анализа в лингвистическом исследовании. *Актуальные проблемы переводоведения и общего языкознания*. Тамбов: МВД России; Тамбовский филиал юридического института МВД России, с. 328-329.

ПРАДІД, Ю. Ф., 1997. *Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень).* Київ, Сімферополь: Інститут української мови.

СЕЛІВАНОВА, О. О., 2004. Нариси *з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти)*. Київ,Черкаси: Брама.

СКНАР, В. Ф., 1978. *Глагольные соматические фразеологизмы современного английского языка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* Киев: Государственный университет им. Т.Г.Шевченко.

СОЛОДУБ, Ю. П., 1989. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация. *Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов.* Ростов-на-Дону: Издательство ***Ростовского*** государственного университета, с. 4 - 12.

СОЛОДУХО, Э. М., 1989. *Теория фразеологического сближения: (на материале языков славянской, германской и романской групп).* Казань: Издательство Казанского университета.

СТРІЛЕЦЬ, Н.Я., 2002. *Структурні та функціонально-семантичні особливості соматичних фразем у романських мовах (на матеріалі французької, іспанської та італійської мов): Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук*. Київ: Київський нац. університет ім. Т.Шевченка.

УЖЧЕНКО, В.Д., 2007. *Фразеологія сучасної української мови : навчальний посібник.* Київ: Знання.

PAMIES BERTRÁN, A., 2002. Modelos icónicos y archi metáforas: algunos problemas metalingüísticos en el ámbito de la fraseología. *Language Disign*. Granada: Metodo, № 4, pp. 9-20.

Larysa Myronova
Odessa I. I. Mechnikov National University

SOMATIC PHRASEOLOGICAL UNITS OF UKRAINIAN AND SPANISH IN THE EMOTIONAL SPHERE REPRESENTATION

Summary

This paper is devoted to the comparative study of the most common phraseological units of the Ukrainian and Spanish languages which reflect the emotional sphere of a human being. A distinguishing feature of the most phraseologisms, containing somatic component is that they reveal the emotions which are intensive in their expression: fear, love, sadness, hatred and joy. A study of the somatic phraseologisms that characterize emotions as abstract concepts revealed through their external physiological expressions (feelings, facial expression, behavior, body temperature, changes in shape and position of an organ or a body part) was conducted. Phraseological units that reveal a variety of emotional and psychological states of a person (fear, sadness, joy, exultation, etc.) settled around this somatism. Particular attention is paid to the description and analysis of the phraseological units with the somatic component *heart*.

KEY WORDS : somatism, phraseologisms, emotion, face, heart.

Хатуна Амаглобели
Сухумский государственный университет, Грузия
ул. Политковская 9, Тбилиси, Грузия 0186
Эл. почта: khatu.amag@gmail.com
Научные интересы: культурология, социология, философия, антропология.

ГРУЗИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Мультикультурное пространство – это повседневная реальность для мигранта. Именно мигранты лучше других воспринимают позитив и негатив таких отношений. Именно перед ними со всей очевидностью встают сложнейшие вопросы адаптации, примирения с существующей реальностью, приобщения к культурным традициям и ценностям той страны, куда они приехали. Одной из острейших проблем является проблема того, насколько удастся мигранту воспринять культурные особенности другой страны, сохранив при этом собственную культурную идентичность. Маргинализация или адаптация со стандартами принимающей страны путем сохранения собственного культурного дискурса – вот перед какой дилеммой всегда оказывается эмигрант.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мультикультурное пространство, мигрант, общество, идентичность, адаптация, ценности, язык, народ.

Народ является конкретным проявлением человечества, одна из форм его существования, которая призвана по-своему, в каждом отдельном случае как-то по-особенному, в только ей одной приемлемом виде отразить, развить общечеловеческие ценности, нормы существования и др. На каждый народ возложена особая миссия. Миссия эта – ни что иное, как уникальная историческая судьба этого народа, в которую вплетены язык, традиции, культурное наследие, искусство... В ней с особенной силой проявляются национальные ценности, мировоззрение, которое, в свою очередь, меняется и развивается на протяжении всей жизни народа. Лучшие представители духа народа, такие как Руставели, Гете, Шекспир, Толстой, всегда обогащали все человечество в целом, выражали его общий потенциал, служили прогрессу, и поэтому трудно говорить о том, какой народ приобрел больше. Каждый народ по-своему решает важнейшие мировые проблемы, по-своему отвечает на поставленные общечеловеческие вопросы, и только постановкой и решением вопросов такого масштаба оценивается значение народа, его жизнеспособность. Необходимо ответить и то, что перед каждым народом стоят и его собственные задачи – сегодняшние, временные, которые ему постоянно приходится решать.

Говоря о величайшем значении языка, грузинский ученый Нодар Натадзе отмечал: «То, что собственный язык является самой наглядной и глубокой характеризующей народа, - факт эмпирический. Однако народ, как идеальная категория, стоит вне этого факта. Фигурально выражаясь, то, что номо сапиенс владеет звуковым языком, и его разум живет в этом языке, - случайность. Но у народа должен быть собственный язык» .

(Натадзе 1984, с. 104).

Таким образом, именно в языке, в первую очередь, проявляется национальное; более того, все формы национального проявления – будь то национальный характер, культура, психический срой или другое, формируются вместе с языком и неотделимы от него. Язык напрямую связан с мировосприятием, мировоззрением и мышлением народа, сотворившего его. Понятие национальной культуры теряет свой смысл, если не существует такого условия ее формирования, как единый язык. В книге грузинского философа Нико Чавчавадзе о взаимозависимости культуры и языка, а в частности о значении языка, читаем: «Язык представляет собой не только средство экспрессии, коммуникации, социализации и т.д., он в то же время является одним из конструктивных знаков, знаком сверхиндивидуальных

ценностей, ради которых патриоты жертвуют своими жизнями, во всяком случае, готовы пожертвовать ею, то есть готовы стать субъектами культуры, выйти за рамки своей психофизической индивидуальности» (Чавчавадзе 1984, с. 146).

Языку, как условию формирования народа и его неотъемлемой стороне, присуща социальная природа. Он появился в условиях совместной жизни людей, благодаря их совместным действиям и стал условием и итогом формирования человека человеком. Человека невозможно представить без языка. Язык принес человеку свободу, силу для того, чтобы существовать независимо. Впоследствии, лишь после того, как у человека появился язык, он становится свободной личностью, индивидуальным субъектом, создателем передачи информации таким же, как он сам, разумным, обладающим сознанием индивидуальным субъектам. Это, в свою очередь, означает, что язык предстает как средство общения между людьми. Преодоление этой грани всегда обогащает народ, расширяет его кругозор, что, естественно, имеет место только тогда, когда ценности этой новой культуры, благодаря иностранному языку, совпадают с родным, национальным языком.

Грузин, также как и представители других национальностей, свое соотношение с национальной культурой всегда проявлял и проявляет именно посредством языка. Так было всегда – злочасные страницы нашей истории являются достоверным подтверждением этого. Грузины традиционно всегда были привязаны к своей земле, к своей стране. Хотя течение жизни, социальные и экономические условия, глобальные процессы и, говоря словами ***Маршалла Маклюэн***а, необратимое превращение вселенной в одну большую, «глобальную деревню», наложило свой отпечаток и на грузин, и на сегодняшний день более миллиона грузин являются эмигрантами в странах Европы, Америки и Азии. Грузинским эмигрантам приходится жить в мультикультурной реальности и, наверное, как и перед всеми эмигрантами, перед ними тоже стоит проблема сохранения национального мировоззрения и духа.

Большинство государств в современную эпоху являются культурно гетерогенными, то есть «мультикультурными». Центральной идеей мультикультурализма, как средства связи многообразия культур, является мысль о том, что группы, отличающиеся в культурном плане, заслуживают признания и уважения в соответствующей политической обстановке. Основными элементами мультикультурной политики являются: признание отличности (культурной уникальности), защита групповых (коллективных) прав и построенная на этих двух принципах концепция гражданской интеграции. Самой главной силой мультикультурной политики предопределяет существование развитого, многообразного открытого общества: индивидам дается возможность существовать и творить в отличной от гомогенного национал-государства, сравнительно богатой обстановке, в которой межкультурная коммуникация является привычной повседневностью. Таким путем сравнительно облегчается сосуществование различных друг от друга групп в социополитической среде и сотрудничества между ними: «отличный» может остаться «чужим», но уже не является «незнакомым», от которого не знаешь, чего ждать. Основной задачей мультикультурализма является преодоление синдрома отчуждения и недоверия во взаимоотношениях большинства-меньшинства, расширение зрительного «культурного горизонта» каждого отдельного индивида и включение в общественный процесс как активных участников все общественные сегменты и субкультуры, с соблюдением принципа равноправия. Таким образом, основная сущность мультикультурализма состоит в том, что государство должно взять ответственность за этнические/лингвистические/религиозные/культурные меньшинства, то есть за то, чтобы они, с соблюдением их индивидуальных прав, принадлежали бы к отдельной культуре и имели полную свободу самовыражение (школа, фестивали, традиционная одежда, религиозная атрибутика), возможность полноценно участвовать в публичной деятельности (в ряде случаев, в административно- политической жизни на местном и общенациональном уровне) и т.д. Сторонники мультикультурализма полагают, что именно мультикультуралистический подход обеспечит единство многонационального государства и

мирное совместное проживание, сосуществование на одном пространстве. У политики мультикультурализма есть и свои критики. Взять хотя бы тот факт, что уже более полугода, как был признан провал указанной политики вначале во Франции (в феврале 2010 года президент Франции Николя Саркози делает заявлении о поражении в стране политики мультикультурализма: „Общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию….“), а затем в Германии (в октябре 2010 года канцлер Германии Ангела Меркель при встрече с представителями молодежного крыла христианских демократов заявила, что в Германии провалилась попытка создания мультикультурального общества: «Этот мультикультуралистский подход, согласно которому мы просто живем бок о бок, и все довольны, полностью провалился». Более того, «любой человек, который не говорит по-немецки, для нас не желателен,» - добавила она). Наконец, в Англии (в феврале 2011 года по заявлению премьер-министра Дэвида Кэмэрона, действующее правительство пересмотрит свое отношение к мультикультурной политике. По его мнению, Британское общество нуждается в более крепкой национальной самоидентификации для того, чтобы предотвратить обращение людей к экстремизму: «Говоря честно, нам меньше нужна пассивная толерантность последних лет и много больше – мускулистый либерализм». Он далее отметил: «Создание более сильного чувства принадлежности к нации или месту, где живёшь, является ключом для достижения настоящей сплочённости, позволяющей людям сказать: «Я мусульманин, я индус, я христианин, но я лондонец тоже»). То, что первые лица государств в один голос отметили поражение политики европейского мультикультурализма, заставляет задуматься. Хотя, по нашему мнению, мультикультурализм как социальное и культурное явление, существует, и не видеть это, не фиксировать и не реагировать на это (с точки зрения анализа и изучения) будет всего лишь знаком нашей интеллектуальной отсталости.

Факт, что мультикультурализм и мультикультурологические отношения, главным свойством которых является открытость, - это характерная черта всемирного процесса глобализации. Мультикультурное пространство – это повседневная реальность для мигранта. Именно мигранты лучше других воспринимают позитив и негатив таких отношений. Именно перед ними со всей очевидностью встают сложнейшие вопросы адаптации, примирения с существующей реальностью, приобщения к культурным традициям и ценностям той страны, куда они приехали. Одной из острейших проблем является проблема того, насколько удастся мигранту воспринять культурные особенности другой страны, сохранив при этом собственную культурную идентичность. Маргинализация или адаптация со стандартами принимающей страны путем сохранения собственного культурного дискурса – вот перед какой дилеммой всегда оказывается эмигрант.

В течение веков в силу различных причин происходило перемещение человека с одного места на другое. Одним из интересных примеров этого является Грузия, которая исторически перенесла эмиграции разного рода: культурную, политическую, социальную. Первая из них была добровольной, остальные же – принудительными.

Культурная эмиграция была связана с культурно-просветительской и религиозной деятельностью грузин за пределами своей страны: в Палестине, (**лавра Св. Саввы**, основанная в 483 году известным церковным деятелем Саввой Освещенным), в Сирии (грузинские монастырские центры **на горе Черной или Дивной** недалеко от города Антиохии), на Аравийском полуострове (грузинские монастыри **на Синайской горе**), в Греции (**Иверский монастырь на Афоне**), в Болгарии (монастырь **в Петрици**) и в других местах. В результате этой эмиграции были основаны древнейшие памятники грузинской культуры за пределами Грузии.

Политическая эмиграция была связана с трагедией Грузии как государства и включала в себя несколько этапов:

- первая многочисленная эмиграция, когда Грузия, можно сказать, осталась без культуры и интеллекта, была во времена Вахтанга VI, в 1724 году. В сопровождении 1000 человек, среди которых были выдающиеся политические и общественные деятели того времени, писатель-баснописец Сулхан-Саба Орбелиани, летописец Вахушти Батонишвили и многие другие, он покинул Родину, и ни один из них не вернулся назад.

- вторая волна эмиграции была в 1801 году, когда, грубо нарушив условия Георгиевского Трактата, русский царь Александр Первый упразднил Картл-Кахетинское царство и издал приказ, согласно которому ни один представитель семьи Багратиони не имел право оставаться в Грузии, дабы избежать угрозы реставрации царского трона. Поэтому наследник престола Александр Батонишвили был вынужден уехать в Персию, где и скончался. Второй наследник престола Теймураз Багратиони поехал в Россию, но его выслали в Петербург. Известна также имеретинская эмиграция 1811 года, когда Соломон Второй был вынужден уехать в Трабзон и там и скончался.

- Третья большая волна политической эмиграции была в феврале-марте 1921 года, когда Красная армия ворвалась в нашу страну и полностью оккупировала ее. Правительство во главе с президентом Ноэ Жордания выехали в Батуми, а оттуда политики, ученые, писатели и др. на пароходе покинули Грузию. Изгнанных политиков приняла Франция, частично – Англия, а генералитет и военные прибыли в Польшу.

Что касается экономической эмиграции, она проявилась в 90-е годы двадцатого столетия, причиной чего стали политический кризис, этноконфликты и социально-экономические проблемы в Грузии, вызванные переходным этапом. Согласно официальной статистике, до развала СССР 97% грузин проживали на своей Родине, в Грузии (поэтому эта была одна из самых «консолидированных» наций в мире). теперь же, по различным оценкам, за этот период из страны выехало от полумиллиона до миллиона наших сограждан, и процесс этот продолжается до сих пор.

По данным WIKIPEDIA.ORG, география грузинской диаспоры выглядит следующим образом:

страна	численность диаспоры	примечание
Россия	1,000,000	согласно официальным российским источникам
Турция	1,500,000	согласно официальным турецким источникам
Иран	50,000	
Азербайджан	50,000	
Армения	1,000	согласно официальным армянским источникам
Украина	34,200	согласно официальным украинским источникам
США	200,000	
Англия	500	
Канада	-	-
Франция	15,000	
Бельгия	3,000	
Нидерланды	2,000	
Германия	5,000	
Австрия	-	-

Польша	1,000	
Чехия	-	-
Греция	-	-
Кипр	-	-
Израиль	-	-
Финляндия	50	согласно данным грузинского землячества (макс.)

Это публичная и общедоступная информация. Несмотря на то, что данные, представленные в таблице, порядком устарели (реальная картина еще более тяжелая), они все-таки создают определенное впечатление о том, насколько плачевна ситуация. Отток интеллекта негативно отражается как на демографической картине в стране, так и на социально-экономической. Это одна сторона проблемы. Вторая сторона – это то, как стараются грузины сохранить свою культурную идентичность в мультикультурном пространстве.

Эмигрант, покинувший страну, в силу инстинкта самосохранения или исходя из тяжелых требований адаптации, насколько возможно приспосабливается к эмпирической реальности. На сегодняшний день подобный процесс приспосабливания протекает быстрее. Об этом говорит и тот факт, что уже во втором поколении эмигрантов знание родного языка сводится до минимума, очень низка восприимчивость к собственным национальным ценностям, фактически их жизненный устой обусловлен не национальной культурой, а культурой того государства, куда они приехали. Каждый человек, и тем более эмигрант «находится в такой ситуации, когда в его повседневной жизни участвуют чужие культурные системы и социальная среда, которая требует от них действий, противоположных, а часто и исключающих его собственную родную культуру» (Кулиджанашвили 2001, с. 180). При соприкосновении с чужой культурой эмигрант пытается сохранить собственную культурную целостность, но в большинстве случаев это не получается: исходя из условий культурной адаптации, эмигрант вынужден выполнять требования чужих культурных ценностей, норм, стандартов, считаться с ними.

Что может противопоставить грузинский эмигрант всеобъемлещему процессу маргинализации? Каким образом возможно сохранить Родину и чувства по отношению к ней? Ответ прост: сохранением национальной памяти! Основными носителями этой памяти являются язык, музыка, песня, танец. Факты свидетельствуют о том, что наши эмигранты хорошо осознают это. Почти во всех крупных городах – в Москве, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне, Париже – открыты воскресные школы, в которых грузины, находящиеся за пределами свой Родины, и то поколение, которое родилось там, учат родной язык и культуру. К сожалению, фактом является то, что молодежь, дети которые растут в тех странах и которые не находятся в «грузинской» среде, постепенно забывают писать и читать по-грузински, историю Грузии, литературу, грузинскую культуру и традиции. Целью таких воскресных школ является обучение детей этнических грузин грузинскому языку, цивилизации и культуре. Этим целям служит существующая в Москве грузинская средняя школа, в Париже – французско-грузинская билингвическая школа при церкви св. Нино, в которую наряду с грузинскими детьми, принимают всех желающих, интересующихся грузинской культурой и цивилизацией; в Нью-Йорке – воскресная школа, которая, по словам самих эмигрантов, жизненно необходима им и их детям.

Сохранению грузинской духовности служит грузинская православная церковь: в Париже – грузинская православная церковь им. Святой Нино, в Лондоне – грузинская церковь им. Святого Георгия и в Вашингтоне – Православный кафедральный собор им. Святого Николоза. Церкви играют огромную роль в консолидации грузинских эмигрантов. Особое значение для них имеет слово проповедника и проповедь, произнесенная на грузинском языке. Грузины, расселенные по всему миру, создают ансамбли грузинской

песни и танца, где наряду с грузинами, принимают участие и люди других национальностей: ансамбли «Марани», «Грузинская гармония», Иринола», также созданный из грузинских студентов-эмигрантов ансамбль «Ними» и другие. Заслуживает внимания активность грузинских эмигрантов во Франции, конкретно, в Париже и Лионе, где стараниями грузин созданы различные объединения и центры: существующее в Париже культурное объединение при Институте имени Ноэ Жордания ставит своей целью изучение грузинского языка и истории Грузии; грузинская ассоциация в Лионе, главной задачей которой является популяризация грузинской культуры и традиций во Франции, объединение грузин, живущих в Лионе; студенческая организация «Сорбонна-Грузия», ставящая своей целью помочь грузинским студентам в свободной интеграции в высших учебных заведениях Франции.

Большой популярностью пользуется грузинская кухня. Грузинские рестораны открыты в Москве и Париже, в Лондоне и Мадриде, в Праге и Тель-Авиве. В этих ресторанах очень уютная и приятная обстановка, в залах, украшенных грузинскими декорациями, можно попробовать вкуснейшие блюда грузинской кухни в сопровождении грузинской полифонической песни и народных танцев.

Эмигрантские будни живущего за пределами своей родины грузина ничем не отличается от быта эмигрантов других национальностей. Грузинам, в общем-то, не трудно ассимилироваться в новой для себя среде, хотя у них всегда есть огромная ностальгия собственной стране и грузинским традициям. Именно поэтому везде, где бы ни жили грузины, они занимаются пропагандой грузинской культуры: создают культурные центры, формируют кружки по изучению родного языка, творческие объединения и т.д. И именно поэтому они обращаются в Министерство иностранных дел и в Службу аппарата государственного министра по делам диаспоры с просьбой снабжать воскресные школы грузинской литературой, ансамбли грузинского танца – костюмами и другими аксессуарами. К чести вышеуказанных служб, нужно отметить, что просьбы эти всегда выполняются с усердием и без промедления.

В заключение хочется отметить, что благодаря стараниям грузинских эмигрантов, их величайшему энтузиазму, удается сохранить грузин для Грузии. Мы далеки от той мысли, что в ближайшем будущем в страну вернется хотя бы половина эмигрантов. Это очень сложный процесс, который, конечно, напрямую связан с подъемом уровня социально-экономической жизни в Грузии. Главнейшей задачей, которая стоит перед грузинским государством и каждым из нас, является сохранение эмигрантов – этнических грузин, повышение их чувств по восприятию своей идентичности, сохранение грузинского духа среди эмигрантов-грузин в любом поколении.

ЛИТЕРАТУРА

НАТАДЗЕ, Н., 1984. *Народ и национальная культура.* Тбилиси: Мецниереба.
ЧАВЧАВАДЗЕ, Н., 1984. *Культура и ценности.* Тбилиси: Мецниереба.
СЕПИР, Э., 1993. Коммуникация. *Избранные труды по языкознанию и культурологии.* Москва: Прогресс.
КАРАСИК, В., 2002. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс.* Волгоград: Перемена.
КУЛИДЖАНАШВИЛИ, А., 2001. Культурология. Тбилиси: Универсал.

Khatuna Amaglobeli
Sokhumi State University, Georgia

GEORGIAN IMMIGRATION AND MULTICULTURAL SPACE

Summary

The major strength of a multicultural policy is conditioned by the presence of a diversified, wealthy and open society: the individuals in there are enabled to be and act in the environment, different from the homogenous nation – the state, provided that the environment is wealthier than that state and the intercultural communication in there is just an ordinary and usual circumstance of a routine life. The process of co-existence and cooperation in a social-political environment among the groups different from each other is simplified in this manner: the “different” may be understood as “another” though the term will not be deemed as “unknown’, “stranger”, from which/whom nobody knows what could be expected.

Major task of the multiculturalism is to tackle the syndrome of estrangement and distrust arisen in the relation between the majority and minority, also to expand the cognitive "cultural horizon" of each individual and engage any and all social segments and subculture as an active participant in the public-social process in observation of the equity principle; thus, the main essence of multiculturalism is that the government has to undertake the responsibility for ethnic/linguistic/religious/cultural minorities, i.e. it has to protect their individual rights and maintain that they can freely belong to separate certain culture and have the full freedom of self-expression.

Multiculturalism and multicultural relations are the accompanying factor of the world global processes; multicultural space is a routine being of a migrant; namely the migrant feels and realizes the most acutely the positive and negative of the relations above, specifically the migrant appears to be faced the most difficult problem and challenge of adaptation to the existing reality, sharing the cultural traditions and values of a recipient country. How the migrant manages to accept the cultural features and peculiarities of another country – this is one of the most significant problems; marginalization or adaptation with the recipient country `s standards in the manner to maintain its own cultural discourse somehow – the is the dilemma any migrant faces.

KEY WORDS: Multicultural Space, Migrant, Society, Adaptation, Values, Language, People.

Ирина Бакланова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
Тучков пер., 9, 199053 Санкт-Петербург, Россия
Эл. почта: aglaja70@mail.ru
Научные интересы: русская и славянская диалектология, этимология, лексикография, лексикология

НАИМЕНОВАНИЯ БУС С ОСНОВОЙ СОВРУЛ- (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В статье рассматриваются проблемы словообразовательного и этимологического анализа наименований бус с производящей основой соврул-/соворул в севернорусских говорах. Представленные деривaты образованы по префиксально-суффиксальной, типично славянской, словообразовательной модели. Семантический компонент «соединять, сшивать», положенный в основу значения, широко представлен в лексике архангельских и олонецких говоров, что позволяет предположить исконность данной группы слов для поморских диалектов. Мотивирующим словом для дериватов группы является слово совру'ля со значением 'то, что нанизывается, собирается в одну низку, т.е. бусина', более узкое значение - 'бусина из определенного материала', а именно 'янтарная бусина'. Семантика дериватов 'маленькая бусина, бусинка', 'одна бусина из многих', 'бусы, которые надо собрать, нанизать', 'бусы, изготовленные в результате нанизывания'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этимология, словообразовательная модель, семантический компонент, наименования бус, севернорусские говоры

В севернорусских говорах, преимущественно в районах, географически соответствующих Архангельской и Олонецкой губерниям конца XIX века, зафиксирован ряд лексем со значением «бусы» или «бусины», входящих в ЛСГ «Украшения» с общей производящей основой соврул-/соворул-: *совору'л, совру'ля, совору'ля, совру'лька, совру'льки, совру'лина, совору'лина, совру'лины*.

Самое раннее упоминание о *совру'лях (совру'льках)* находим в труде П.И. Савваитова «Описание старинных русских одежд»: «Въ северныхъ описяхъ ворворки называются соврулями или соврульками (ворворка, реже варворка, шарикъ на шнурке или тесьме надъ вотолкою кисти): «Завязки з золотомъ да с серебромъ, две соврули жемчюгомъ сажены. Девятнатцать кистей шелковыхъ с сребромъ и золотомъ, а поверхъ кистей соврюлки жемчюгомъ обнизаны. Четыре кисти шелковые разныхъ цветовъ, на нихъ четыре соврули шелковые, шиты мишурой и шелкомъ; пряжка железная» (Савваитов 1846, с. 86). Значение слова *совру'ля* в приведенном примере - шарик на шнурке или тесьме над кисточкой, подвеской.

Более позднее упоминание - у Барсова в «Причитаниях": «соврули – бусы, выкапываемые из земли» (Причитания 1882, с. 330). Однокоренные лексемы рассматриваемой лексико-семантической группы в значении 'бусы'- *совору'л* (картотека Архангельского областного словаря - кАОС), *совру'лины* (картотека Словаря русских народных говоров - кСРНГ*), совру'льки* (кСРНГ) повсеместно зафиксированы в Олонецкой и Архангельской губерниях: *Бусы теперя-то, а раньше соврульки.* В картотеке Пинежских материалов Симиной (кСим) отмечен вариант *совру'льки-строганцы* как 'вид бус'. *Еще были соврульки-строганцы* (Пинеж. Арх.).

В Холмогорском районе Архангельской губернии встречаются *совору'ля* (кАОС)**,** *совру'лина* (кСРНГ) и *совору'лина* (кАОС) в значении 'бусина': *У меня перло есть. В середке больша соворуля*.

Совру'лька (кСим) в форме единственного числа в Пинежском районе Архангельской области – это 'серьга округлой формы': *Град был, шары по двести грамм, в эту соврульку.*

Вероятно, ошибочно. По нашему мнению, в данном контексте слово употреблено в значении ‘бусина’.

Внутренняя форма слов рассматриваемого словообразовательного гнезда, позволяющая объяснить связь его звучания и значения, непрозрачна, поэтому определить, что лежит в основе лексической мотивированности невозможно. Поскольку под мотивированностью слова понимается «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» (Блинова 1984, с. 16), рассмотрим словообразовательную модель в названной группе.

Представленные в данной группе дериваты образованы по префиксально-суффиксальной словообразовательной модели: общими для всей группы слов являются префикс со- (обозначающий совместность) и суффикс – -ул- (со значением предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом – в диалектах встречаются подобные структурные формы – *броду’ля* ‘пароход с небольшой осадкой’, *копару’ля* ‘тяпка, мотыга’, *косу’ля* ‘род сохи, отваливающий пласт на одну сторону’), также могут присоединяться суффиксы -ин- и -к-**,** ø (нулевой суффикс), значения которых мы рассмотрим ниже.

Очевидно, что среди рассматриваемых однокоренных единиц наиболее простым семантически и формально, является слово *совру’ля* (*совору’ля*) в значении ‘бусина’, а, следовательно, оно является мотивирующим для следующих дериватов: *совру’лина/соворули’на, совру’лька/совору’лька*.

Связь с глагольным корнем (у существительных) в отдельных случаях довольно отчетливо проявляется даже в современном русском языке. Часто эта связь может быть установлена только после тщательного изучения истории слова и после сопоставления его с родственными индоевропейскими языками (Откупщиков 2001, с. 36).

В качестве мотивирующей части внутренней формы слова *совру’ля* выделим глагольную корневую морфему –вр-/-вор- со значением ‘вить, сплетать, совать’ из * ver-ti (инд. черед. е/о/ø) (Мейе 1951, с.157).

На территории севернорусских говоров широко распространена семантическая модель «действие → результат действия»: низать, нанизывать → ‘снизки’ бусы, ожерелье (Шенк. Арх.) (СРНГ 39, с.105); собрать (на нитку), сосборить → ‘наборочник’ ожерелье (Волог.) (Дилакторский 1902, с. 268), ‘заборочник’ стеклянные разноцветные бусы (Шенк., Кем. Арх.) (СРНГ 9, с.270).

Поскольку способ сборки бус – **нанизывание** или **надевание на нитку** бусин (**всовывание** нитки в отверстие бусины), а также **соединение, собирание** бусин на нитке, в значении мотивирующего слова *совру’ля* (или вариант *совору’ля*) легко выделяются две семы: «нанизывать, вкладывать, всовывать», «соединять, сшивать». Многочисленные диалектные материалы по беломорскому Северу, а также параллели в родственных славянских и балтийских языках свидетельствуют, что словообразовательное гнездо с этой семантикой имеет широкое распространение. Также следует отметить некоторые особенности «наполнения» выделенных сем. Например, семантическое поле **«соединять, сшивать»** хорошо представлено **в архангельских** и **олонецких диалектах**: *вира’ть* ‘сшивать, *свира’ть* ‘связывать вместе сети’соединять’, *сви’риваться* «соединять отдельные поплавки, из которых каждый имеет особого владельца, вместе, для общего лова рыбы», *сошво’риванье* ‘связывание между собой рыболовных сетей’, *сошва’ривать, сошво’ривать* ‘связывать между собой рыболовные сети, продевая через крайние ячеи веревочку’, *сошва’риваться* ‘соединяться, связываться веревками и т.п.’, *сошво’ркать* ‘сшить, изготовить’; но практически нет параллелей в родственных языках: **блг. диал.** *съ’р/жа* «связать», *съ’рзвам* «связывать».

Для семантического компонента со значением **«нанизывать, вкладывать, всовывать»** выявлена единичная фиксация в поморских диалектах: **диал.** *верать* ‘совать, вкладывать’ (СРНГ 4, с.120), но весьма многочисленны соответствия в славянских и в

балтийских языках: ст.слав. *въврети* ‘всунуть’, *проврети* ‘просунуть’, **блг.** *вра (врял)* ‘сую’(Фасмер 1987, с. 297), *въвр/а* ‘всунуть, засунуть’, *въви’рам* «всовывать, засовывать», *връв* (мн. *въ’рви)* «ожерелье», *завра* ‘кладу, вставляю’, *нави’рамъ* «всовывать», **блг. диал.** *въ’вр/я* «нанизывать», *въ’рзаница* «связка» (Бернштейн 1966); в **лит.** *v’irtin-e* «вереница; низка», *v’arstimas* «нанизывание; шнуровка»; *v’arstyti* «нанизать, нанизывать; шнуровать»; *suv’arstyti* «нанизывать»; *suv’erti, užv’erti* «нанизать», *v’erti (karolius)* «нанизывать (бусы) (Liberis 1971); в **лат.** *vērt* «нанизывать бусы», *virknēt* «нанизывать, нанизать», *virkn/ētis* «образовать вереницу, низаться», *virkn/ē* «связка, вереница, ряд; нитка жемчуга» *savirknēt* «нанизать, нанизывать», *savirkn/ētis* «образовать вереницу», *savirknējums* «вереница, ряд», *savērt (krelles)* «нанизать, нанизывать бусы» (Лат.-рус. слов., 1979).

Приведенный материал дает возможность, с уверенностью отнести рассматриваемую лексему *совру’ля* к балто-славянскому пласту лексики со значением ‘бусина’, т.е. «то, что нанизывается, собирается в одну низку», опираясь на значения глаголов ‘нанизывать’, ‘собирать, соединять в одну низку’. Семантический компонент со значением «соединять, сшивать» наиболее обширен в севернорусских говорах и, видимо, является определяющим в семантике данной группы слов, в отличие от компонента со значением «нанизывать, вкладывать, всовывать», который наиболее полно представлен параллелями в славянских и балтийских языках.

Можно было бы согласиться с комментарием О.Н. Трубачева о происхождении слова *совру’ля* от ‘соврать’ - не настоящий жемчуг, а фальшивый – сема «фальшь, обман, вранье». Этимологический словарь Фасмера в русском переводе О. Трубачева (Фасмер 1987, с. 706) дает следующее толкование: «Совр’улька - "**фальшивый жемчуг**, выкапываемый из земли", Олонецк. (Кулик., Барсов). Неясно». Комментарии О. Трубачева: [от соврать, соврут?]». В поморских говорах широко представлено словообразовательное гнездо от ‘врать’ - *вира’ть* ‘врать, рассказывать небылицы’, *вира’ться* ‘говорить неправду, врать’, *виру’н*ья ‘врунья’, *виру’шка* ‘частушка’ (от врать – говорить или петь что-либо пустячное), *виру’н* ‘лгун, обманщик’, *завира’ть* ‘завраться’, *вируха’ть* ‘говорить пустяки, пустословить’.

Однако, при уточнении данных, обнаруживается, что в «Причитаниях Северного края» Барсова, на чей материал ссылается Фасмер, *совр’ульки* – это «**бусы**, выкапываемые из земли (в Зимней Золотице)» (Причитания 1882, с. 330). Сделаем необходимое пояснение: здесь мы будем рассматривать форму ‘совру’лька’, подразумевая ‘совру’ля’, так как, на наш взгляд, дериваты на –лька- и –лина- вторичны. В немецком издании Фасмера толкование слова *совр’улька* - ‘falsche Perle, die aus der Erde gegraben wird’ (Vasmer 1953-1958, с. 686). Выражение falsche Perle – многозначное (Павловский 1888, с. 998). Трубачев выбирает одно из значений и переводит буквально – ‘фальшивый жемчуг’, но из существующих значений, наиболее соответствует толкованию Барсова - pl ‘бусы’. Следовательно, уже исходный пункт, на который опирается Олег Николаевич нельзя считать абсолютно достоверным. Таким образом, нужно сделать поправку - речь идет не о «фальшивом жемчуге», а о неких «бусах», выкапываемых из земли. И эта поправка значительно упрощает дальнейшие поиски этимологии слова: бусы из бусин, которые изготовлены из ископаемого материала.

Однако, что скрыто за этой реалией, о бусинах из какого ископаемого материала идет речь, непонятно. На беломорском Севере в течение сотен лет существовал промысел, приносивший немалый доход - добыча речного жемчуга. Документальные указания о жемчужном промысле на Руси относятся к XV веку, а расцвета он достиг в XVII-XVIII веках (Якунина 1955, с.11). Упоминаемая Барсовым «Зимняя Золотица», не что иное как старинное поморское село Зимняя Золотица на побережье Белого моря, в котором добыча жемчуга была хорошо развита. Опираясь на семантический признак ‘имеющий округлую форму’, объединяющий группу рассматриваемых слов, можно предположить, что речь идет о бусах (бусинах), собираемых из речного жемчуга. «Жемчуг – округлые отложения углекислого кальция внутри раковин некоторых моллюсков» (Лебедев 1907, с. 51). Тогда возможно, что «бусы – выкапываемые из земли», это и есть жемчужины, поднимаемые со дна реки. Однако речное дно вряд ли можно соотнести с землей.

У женщин русского Севера, среди прочих украшений, большой любовью пользовались бусы. В картотеках СРНГ и Архангельского словаря зафиксировано большое количество наименований бус самых разных видов: *антари'*, *пря'дки*, *ря'сы, пё'рлышки*, *сни'зки*, *совру'лины*. Материал, используемый для изготовления украшений, был весьма разнообразен. На описываемой территории зафиксированы названия бус из стекла, жемчуга, металлических бусин, керамики, а также янтаря.

Янтарь издавна добывали на побережье Балтийского моря, а женские украшения из него типичны для Прибалтики, северной России и Белоруссии. Однако существует достаточно много данных о найденном янтаре в Поморье, у побережья Белого моря, и изготовлении украшений из него. «Сверх того, на севере России янтарь, вместе с кусками лигнита, выбрасывается волнами Белого моря у устья Печоры и Мезени» (Тумский 1890, с. 154). «Кроме того, в СССР янтарь в небольших количествах встречается … и во многих местах на побережье Северного Ледовитого океана (устье Печоры, Чешская и Мезенская губы, полуостров Канин Нос, устье Индигирки и др.)» (Улицкий 1983). «Ведь янтарь до сих пор находят даже в устье реки Печоры. Поморы называют его "морской ладан"» (Опарин 1975). Следовательно, можно предположить, что «бусы, выкапываемые из земли», это кусочки янтаря, из которых делали бусины для бус. И количество данных о наличии янтарных бус у женщин беломорских поселений только подтверждает эту гипотезу.

В материалах Этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете есть описание крестьянского костюма (в том числе, и украшений) села Зимней Золотицы, Пинежского уезда Архангельской губернии: «…Жемчуг недорогой у богатых, а у бедных янтари и стеклянные бусы, соврульки или перлы» (Труды 1877, с. 65). В Пинежском уезде Архангельской губернии носили *антари'* 'нитка янтаря с круглыми камнями': *Круглые антари не леденцовы, буси те*. *Янтари у женщин перлышками назывались. Янтари желта', долги' и коро'тки, каки круглы, шароульками*. В Мезенском уезде Архангельской губернии до наших дней сохранилось название бус из янтаря '*перл янтара'шный*', '*восковы'е пе'рла*' или '*восковы'е пре'дки (прядки*)': *Восковы, хороши, прятки (прядки)*. Янтарные ожерелья носили женщины во всех мезенских деревнях (Иванова, Дмитриева 2003). Пристрастие к бусам из янтаря было так велико, что даже в середине XX века экспедиции Архангельского словаря отмечали неоднократно название украшений из желтого стекла под янтарь, надеваемых на самую шею *'пё'рлушко'*: *Вишь вот перлушко – мамино приданое ношу*. (Пин. Арх.).

Исходя из вышеизложенного, можно выделить более узкое значение мотивирующего слова данного словообразовательного гнезда: *совру'ля* – 'бусина из определенного материала', а именно 'янтарная бусина'.

Размышляя о внутренней форме рассматриваемой лексемы, не стоит забывать, что значение слова может быть связано не только с технологией изготовления бус, сборкой самого украшения, но и с технологией изготовления составной части, самой бусины.

Русское население появилось в Северном Поморье в связи с новгородской колонизацией. Исторические документы свидетельствуют о том, что древние новгородские колонисты осели на жительство по берегам Белого моря и рек, входящих в его бассейн. Русские переселенцы, приходя из Новгородчины в Беломорье, на новых местах налаживали свою жизнь по привычным новгородским нормам и идеалам, используя в промыслах знакомую новгородскую технику (Елизаровский 1958, с.6). Возможно, и в обработке янтаря на берегах русского Севера сохранялись древние традиции новгородцев, широко использующих янтарь как поделочный материал. После проведения начальных технологических операций для изготовления бус: сортировки кусков янтаря, затем, так называемой, раскроечной операции, янтарщик, выполняя операцию окончательной шлифовки, придавал изделию конечную форму, а затем полировал ее. Закончив операцию полирования, мастер приступал к сверлению отверстия под нить или шнурок (Шаповалов 1998).

В словаре Даля «Све’рли’на – дыра от сверла» (Даль 1909, с. 56), т.е. отверстие в бусине называется ‘*све’рли’на*’. Возможно, что основное значение, положенное в основу мотивации, это не действие, производимое при сборке бус – «нанизывать, собирать на нитку, соединять», а действие, производимое при проделывании отверстия в бусине, т.е. сверления – сема «сверлить».

У Фасмера находим *сверлить* см. *сверло, свердел*. Обнаруживаются многочисленные соответствия в славянских языках: *свердел* - род. п. *-дла* "сверло", *сверел*, зап. *сверло, сверлить*, укр. *свердел, свердло, свердлити*, блр. *свердзел*, др.-русск. *свьрдьло, свердьлы*, мн., сербск.-цслав. *свръдьлъ*, болг. *свърдел, свръдел*, сербохорв. *сврдао*, род. п. *сврдла*, словен. *sveder*, род. п. -dra, чеш. *svider*, польск. *swider* (Фасмер 1987, с. 573-574). У Трубачева: ст.слав. *свръдьлъ*, макед. *сврдел, сврдло,* сербохорв. *сврдао,* м*., сврдло*, ср*.,* диал. *sveder*, слцв. диал. *svider, svidri’k* (Трубачев 1966, с. 375). Олег Николаевич отвергает *сверло* из *vьrtěti, сближая со свербеть (*svьrběti), что, возможно, позволило бы соотнести с корнем –вр-/-вор- (Трубачев 1966, с. 375). Примечательно, что в балтийских языках, в частности, в **лат.** *saurbt* «сверлить», *saurule* «планка с высверленными отверстиями».

Напомню также, что первая фиксация слова *совру’лька* у Савваитова – это шарик на шнурке или тесьме над кисточкой, подвеской, т.е. шарик с просверленной дырочкой (Савваитов 1846).

Для подтверждения лексической мотивированности слов представленной лексико-семантической группы рассмотрим их структурные модели.

Словообразовательная модель для *совру’л(я)*: префикс **со-** (обозначающий совместность) + глагольная корневая морфема **–вр-/-вор-** (со значением ‘вить, сплетать, совать’) + суффикс – **-ул-** (со значением предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом). Значение мотивирующего слова – ‘бусина’. Выделяемая основа **-соврул-/-соворул-** является производящей для всех слов данной группы.

Семантика слова *совру’лина/совору’лина* структурно реализуется следующим образом: общая производящая основа **соврул-/соворул- +** суффикс **–ин-.** Для производных с суффиксом ‘единичности’ **–ин-** семантика слова - ‘одна бусина из многих’ (это общенародная модель) (Грамматика 1953, с. 244). Слова, образованные с помощью суффикса **–ин-** в значении ‘результат действия’ это ‘бусы, изготовленные в результате нанизывания’ (ср. подобные структурные модели в диалектах: *изгибу’л-ин-а* ‘изгиб, кривизна’, *заду’л-ин-а* ‘неровная поверхность снега, обдутого ветром’, *переду’л-ин-а* ‘сугроб, перенесенный ветром’, *закаву’л-ин-а* ‘затруднение, препятствие’).

Слово *совру’лька(-и)/совору’лька(-и)* зафиксировано в значении *‘бусы’* и ‘серьга округлой формы’. Структурно это представлено моделью: общая производящая основа **соврул-/соворул- +** суффикс **–к-.** Производные с данным суффиксом в значении ‘объективной оценки’ обозначают ‘маленькая бусина, бусинка’: ср. *виру’лька* ‘кренделек, витушка из теста’, *шароу’лька* ‘бусинка’, *кастру’лька* ‘кастрюля’; а в значении ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’ – ‘бусы, которые надо собрать, нанизать’, частотный во многих говорах: напр., *копару’лька* ‘лопата’, *вру’лька* ‘лгун, лгунья’, *скребу’лька ‘*скребок’.

Единичная фиксация вариативности рода *совру’ля – совру’л* в значениии *‘бусы’* (кАОС), создана по модели: общая производящая основа совру’л-/совору’л- + ø (нулевой суффикс) со значением ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’, подобные модели распространены в говорах. Однако вызывает сомнение существование подобного варианта, тем более, отсутствует иллюстративный материал. Возможно, имеет место некорректность записи, и это слово зафиксировано в форме родительного падежа множественного числа: «нет совру’ль».

Итак, представленные в рассматриваемой группе дериваты образованы по префиксально-суффиксальной словообразовательной модели: префикс со- (обозначающий совместность) + глагольная корневая морфема –вр-/-вор- (со значением ‘вить, сплетать,

совать’) + суффикс – -ул- (со значением предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом). Перечисленные форманты являются общими для всех слов группы и составляют производящую основу соврул-/соворул-. Суффикс ‘единичности’ -ин- служит для образования лексем со значением ‘одна бусина из многих’, суффикс -ин- ‘результат действия’ - для ‘бусы, изготовленные в результате нанизывания’. Слова с суффиксом -к- ‘объективной оценки’ обозначают ‘маленькая бусина, бусинка’, с суффиксом -к- ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’ – ‘бусы, которые следует собрать, нанизать’. Структурная форма рассмотренных лексем представляет собой типично славянскую словообразовательную модель.

Исходя из вышеизложенного, рассмотренные в данной статье наименования бус (бусин), входящие в ЛСГ «Украшения», зафиксированные на территории севернорусских говоров, составляют словообразовательное гнездо с общей производящей основой соврул-/соворул-: *совору’л, совру’ля, совору’ля, совру’лька, совру’льки, совру’лина, совору’лина, совру’лины*.

Мотивирующим для дериватов группы явилось слово *совру’ля* (*совору’ля*). В основу образования данной лексемы положена широко распространенная в севернорусских говорах семантическая модель - «действие → результат действия».

Анализ материала позволил внести предположение, уточняющее версию Трубачева об этимологии слова от ‘врать’, и выделить два семантических компонента ‘нанизывать, надевать на нитку’ и ‘собирать, соединять в одну низку’, определив значение мотивирующего слова *совр’уля/ совор’уля* как «то, что нанизывается, собирается в одну низку». Многочисленные диалектные материалы по беломорскому Северу, а также параллели в родственных славянских и балтийских языках свидетельствуют о широком распространении словообразовательного гнезда с этой семантикой, что позволяет с уверенностью отнести рассматриваемую группу к балто-славянскому пласту лексики. Семантический компонент со значением «соединять, сшивать» наиболее обширен в архангельских и олонецких диалектах, в отличие от компонента со значением «нанизывать, вкладывать, всовывать», который наиболее полно представлен параллелями в славянских и балтийских языках. Можно предположить, что определяющая сема для данного словообразовательного гнезда - «соединять, сшивать», а рассматриваемая группа однокоренных слов является исконной для поморских говоров.

Удалось также выделить более узкое значение мотивирующего слова: *совру’ля* – ‘бусина из определенного материала’, а именно ‘янтарная бусина’.

Представленные в группе дериваты образованы по префиксально-суффиксальной словообразовательной модели: префикс со-+ корневая морфема –вр-/-вор- + суффикс -ул-+ суффиксы -к- либо -ин-. Производящее *совру’ля* обозначает ‘то, что нанизывается, собирается в одну низку’. Производные с суффиксом -к- в значении ‘объективной оценки’ обозначают ‘маленькая бусина, бусинка’, а в значении ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’ – ‘бусы, которые надо собрать, нанизать’. Для производных с суффиксом ‘единичности’ -ин- семантика слова - ‘одна бусина из многих’, слова, образованные с помощью суффикса -ин- в значении ‘результат действия’ это ‘бусы, изготовленные в результате нанизывания’. Данная словообразовательная модель представляет собой типично славянскую, что и подтверждает выдвинутые выше предположения о происхождении слова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Словарь русских народных говоров: теория и практика диалектной лексикографии»), проект №10-04-00166А.

ЛИТЕРАТУРА

LIBERIS, ANTANAS, 1971. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius: Mintis.

VASMER, MAX, 1953-1958. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1-3 / *Indogermanische Bibliothek herausgegeben von Hans Krahe. 2. Reihe: Wörterbücher.* Heidelberg: Carl Winter; Universitätsverlag.

БЕРНШТЕЙН, С. Б., 1966. *Болгарско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
БЛИНОВА, О. И., 1984. *Явление мотивации слов: Лексический аспект*. Томск: издательство Томского университета.
ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА, 1953. Том I. Фонетика и морфология. Москва: издательство Академии Наук СССР.
ДАЛЬ, В. И., 1909. *Толковый словарь живого великорусского языка.* Том 4. Санкт-Петербург – Москва: издание товарищества Вольф М. О..
ЕЛИЗАРОВСКИЙ, И. А., 1958. *Лексика беломорских актов XVI —XVII вв.* Архангельск: Северо-Западное книжное издательство.
ИВАНОВА, Т. Г., ДМИТРИЕВА, С. И., 2003. *Этнокультурный контекст эпической традиции на Мезени* [http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl3/bl3-0122.htm]. Фундаментальная электронная библиотека.
КАРТОТЕКА АРХАНГЕЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ Диалектологического кабинета кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
КАРТОТЕКА ПИНЕЖСКИХ ГОВОРОВ СИМИНОЙ Г. Я., Институт лингвистических исследований РАН.
ЛАТЫШСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ в 2 томах, 1979, 1981. Рига: Лиесма, А-М I; Авотс Н-Ж II.
ЛЕБЕДЕВ, Г. Г., 1907. *Учебник минералогии: Часть описательная (физиография минералов).* Санкт-Петербург: типография. М. М. Стасюлевича.
МЕЙЕ, А., 1951. *Общеславянский язык.* Москва: издательство Иностранной литературы.
ОПАРИН, В., 1975. Хоровод лабиринтов. *Журнал «Техника молодежи»*, № 1-12. [http://www.kladina.narod.ru/oparin/oparin.htm]. Пудож. Карел. АССР.
ОТКУПЩИКОВ, Ю. В., 2001. *Очерки по этимологии*. Санкт-Петербург: издательство Санкт-Петербургского университета.
ПАВЛОВСКИЙ, И. Я., 1888. Немецко-русский словарь. Рига: издание Н. Киммеля.
ПРИЧИТАНИЯ СЕВЕРНОГО КРАЯ, СОБРАННЫЕ БАРСОВЫМ Е.В., ч. II, 1882. Москва: Университетская типография.
РУССКО-ЧЕШСКИЙ СЛОВАРЬ, 1976. Под ред. Л.В. Копецкого и О.Лешки. Москва: Русский язык. Прага: Государственное педагогическое издательство.
САВВАИТОВ, П. И., 1846. *Описание старинных русских одежд.* Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук.
СЛОВАРЬ ОБЛАСТНОГО ВОЛОГОДСКОГО НАРЕЧИЯ, 1902. По рукописи Дилакторского П. А., Редакторы: Левичкин А., Мызников С., Санкт-Петербург: Наука.
СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ, 1969. Выпуск 4, в - военки. Ленинград: Наука.
СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ, 2005. Выпуск 39, сметушка - сопочить. Санкт-Петербург: Наука.
ТРУБАЧЕВ, О.Н., 1966. *Ремесленная терминология в славянских языках.* Москва: Наука.
ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА, 1877. Книга V. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные Ефименком П.С. Москва: Типография Миллера.
ТУМСКИЙ, К. И., 1870. Янтарь и его обработка. *Горный журнал,* т. III, №9.
УЛИЦКИЙ, Ю. А., 1983. Океан надежд (Освоение и использование богатств Мирового океана). [http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000028/st002.shtml]. Минск.
ФАСМЕР, МАКС, 1987. *Этимологический словарь русского языка.* В 4 т. Перевод с немецкого и дополнения чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Т.III (муза – сят). Москва: Прогресс.
ШАПОВАЛОВ, Р. Г., 1998. Обработка янтаря в средневековом Новгороде [http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/71.htm]. *«Новгород и Новгородская Земля. История и археология». Выпуск 12. Материалы научной конференции.* Новгород.
ЯКУНИНА, Л. И., 1955. *Русское шитье жемчугом.* Москва: Государственное издательство «Искусство.

Irina Baklanova
Institute for Linguistic Studies, (ILI) Russian Academy of Sciences
Research interests: Russian and Slavic dialectology, etymology, lexicography, lexicology

NAMES OF BEADS WITH ROOTS *SOVRUL-/SOVORUL-*(DERIVATIONAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS)

Summary

The article concerns the problems of derivational and etymological analysis of beads names with roots *sovrul-/sovorul-* in the Northern Russian dialects. The derivatives presented are formed by prefixation-suffixation which is typical for Slavonic languages. The semantic component ‘to unite, to sew together’ lying in the base of the meaning is widely represented in the dialects of Arkhangelsk and Olonets regions. This fact allows to suppose the originality of the words considered in the Pomor dialects. The motivating word for the derivatives of the group is *sovru'lya* ‘that is strung together into a single stringing, a bead’; a narrower meaning is ‘a bead made of a certain material’, namely ‘an amber

bead'. Derivatives have such meanings as 'small bead', 'one bead among many ones', 'beads to be strung, threaded', 'beads made by stringing together'.

KEY WORDS: etymology, derivational model, semantic component, name of beads, North Russian dialects.

Мэри Габедава
Сухумский государственный университет, Грузия
ул. Политковская 9, 0186 Тбилиси, Грузия
Эл. почта: merigabedava@gmail.com
Научные интересы: международные отношения, безопасность, национализм и глобализация

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ГРУЗИИ И ВОПРОСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Язык является важным элементом, определяющим национальную идентичность, выполняя консолидирующую функцию нации. В период господства в Грузии царизма, проводившей агрессивную руссификаторскую политику, грузинский язык потерял эту жизненно важную функцию. Для достижения своей цели самодержавие методично проводило в Грузии политику изменения демографической ситуации путем искусственного перемещения в страну других этнолингвистических групп. Такой политикой России удалось существенно изменить этнополитическую карту Грузии, которая стала частью русского культурного пространства. В царской России грузинский язык и культура подвергались гонению. Положение грузинского языка значительно улучшилось в СССР. Русский язык по-прежнему оставался главным средством общения многонационального общества в Грузинской ССР. С 2003 года Правительство Грузии стало осуществлять новую языковую политику, целью которой является утверждение и развитие государственного языка. Этот процесс протекает с учетом требований Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств. Русский язык в Грузии потерял статус доминантного иностранного языка, роль которого заменил английский. Расширение функции английского языка в Грузии способствует включению страны в процессы экономической и культурной глобализации и интеграции с Западом. Уровень культурной глобализации на этом этапе ее развития не содержит опасности для национальной культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: грузинский язык, Грузия, национальные меньшинства, глобализация, английский язык.

Язык является важным элементом, определяющим национальную идентичность, выполняя консолидирующую функцию. В лингвистически многообразном и многонациональном обществе заложена большая вероятность возникновения микронационального движения этнических меньшинств, которое таит серьезную опасность для порядка и стабильности государства. Неправильная языковая политика может привести к политическим катаклизмам. Поэтому язык в многонациональном государстве может быть использован как средство для узаконивания как ассимиляции, так и диссимиляции. Под языковой политикой подразумевается совокупность мер, принимаемых государством для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм. Главными признаками языковой политики царской России были ее агрессивный характер и русификаторская природа.

В Российской империи языковая политика была не только орудием ассимиляции, но и средством угнетения. Русский язык господствовал в государственной системе управления, в высших и средних учебных заведениях. Даже в православных церквях создавались препятствия богослужению на национальных языках, закрывались католические церкви. Получить образование в России было возможно только на русском языке. В тех областях страны, где национально-освободительное движение носило организованный характер, проводилась политика изменения демографической ситуации, путем искусственного перемещения в национальные регионы переселенцев из числа других этнолингвистических групп, что нередко приводило к серьезным столкновениям. Этими мерами царизм стремился укрепить свои позиции в национальных регионах страны.

В первые же годы российского управления в Грузии практически были предприняты меры для изменения ее этнодемграфической ситуации. Российской администрации в Грузии

предписывалось привлечь в страну зарубежных колонистов и др. 22 декабря 1819 года был издан специальный указ, предоставлявший существенные льготы новопоселенцам Грузии. В результате такой политики царскому правительству удалось переселить в Грузию многочисленные группы мигрантов: греков, немцев армян и т.д. После победоносного окончания Русско-Турецкой войны 1828-29 годов Россия переселила в Грузию десятки тысяч армян и греков, расселив их Самцхе-Саатабаго и Триалети. Переселение армян в Грузию, как известно, царизм осуществлял вплоть до 1916 года. С 1803 года началось интенсивное перемещение осетин с Северного Кавказа и т. д. Естественно, что в этих условиях языком общения коренного грузинского населения с колонистами становится русский язык. На основе русской графики для бесписьменных народов Кавказа были изданы национальные азбуки. В 1862 году была опубликована первая абхазская азбука. Не принижая культурно-исторического значения этого акта, в тоже время следует указать, что царизм в данном случае преследовал цель облегчить ассимиляцию малочисленных народов Кавказа путем приобщения их к русской культуре. Царизм предпринимал попытки разобщить грузинский народ на отдельные этнографические группы, путем создания для мегрелов и сванов письменности на основе русской графики. Однако все эти попытки самодержавия закончились полным крахом. Аналогично действовал царизм и в Центральной Азии, где тюркское население было разобщено на отдельные лексические группы, говоривших на уйгурском, казахском, киргизском, узбекском, каракалпакском языках. Такая политика самодержавия сдерживала развитие этнических культур и создавала препятствия для их развития.

В 20-х годах XX века большевистское правительство объявило национализм буржуазной идеологией, став проводить жесткую политику по отношению к националистам. В учебных заведениях Грузии было запрещено изучение произведений классика грузинской литературы, одного из выдающихся вождей национально – освободительного движения в нашей стране Ильи Чавчавадзе, крупнейщий ученый Иванэ Джавахишвили был изгнан из основанного им Грузинского (Тбилисского) университета и т. д.

Первоначально языковая политика большевиков была сравнительно либеральной. В 1921 году большевики отказались от проведения политики руссификации. Это было вызвано объективными причинами - советская власть имела многочисленных врагов на всей территории страны (антибольшевистские восстания, национально-освободительные движения и т. д.). Национальному движению правительство Советов противопоставило этнический национализм, который основывался на либеральном мировоззрении самоопределения наций. В национальных республиках большевики способствовали образованию многоязычного общества, в котором языком общения был русский язык. Русский язык стал официальным языком всех центральных государственных, законодательных органов, правительственных учреждений, армии и т. д. На государственном уровне русский язык являлся практически языком русской и большевистской элиты. Что же касается национальных языков, то их применение ограничивалось национальной территорией, местами расселения этнических групп. В союзных и автономных образованиях обучение велось на разных языках. В Грузии, например, функционировали грузинские, русские, абхазские, осетинские, греческие, азербайджанские, эстонские, армянские школы.

В целях усиления своего влияния на националные регионы страны, правительство Советов проводило переселенческую политику, чтобы изменить демографическую ситуацию в той или иной части Союза. В этих целях оно прибегало и к политике насильственной депортации народов. Результатом такой политики оказалось, что после распада СССР 25 млн. этнических русских оказались вне территории Российской Федерации. В Грузинской ССР русскими заселялись Черноморское побережье (Абхазия, Аджария), индустриальные центры (Тбилиси, Кутаиси, Рустави). Насильственно былы депортированы грузины-мусульмане из южных регионов нашей страны.

В 1936 году завершился переходный период строительства социализма. С этого периода начинается пропаганда концепции «советского народа», как новой исторической

общности. Набирает обороты процесс универсализации русского языка. Именно в этот период алфавиты на арабской и латинской графике переводятся на кириллицу. В Грузии возникает несколько разнокачественных культур: этнических грузин, русских, абхазов, осетин, азербайджанцев, армян и др. Все они, за исключением русской, представляли замкнутую систему в своих этнографических группах. Роль связывающего звена между ними играл русский язык. Дальнейшее усиление руссификаторской политики нашло свое отражение в новой редакции Союзной Конституции. В проекте Конституции Грузинской ССР 1978 года была изъята статья о государственном статусе грузинского языка. Это вызвало волну широкого народного протеста, что вынудило Кремль отказаться от жесткой языковой политики. Волна протеста прокатилось и в других союзных республиках.

После распада Советского Союза Кремлем были спровоцированы вооруженные столкновения в национальных регионах постсоветского пространства, в том числе и в Грузии. В 1991-1993 годах Россией была произведена этническая чистка грузинского населения Абхазии и т. н. Южной Осетии. В Гальском районе Абхазии, население которого в абсолютном большинстве составляют этнические грузины, учащимся и сегодня запрещено не только обучение на грузинском языке, но и его употребление на бытовом уровне (Georgia/Abkhazia: Back Home, but in Limbo, 2011). Это является грубейшим нарушением прав и свобод человека.

Определенное время Грузия оставалась частью русского культурного пространства. В ее учебных заведениях функционировала советская система обучения, Радио и телевещание велось на русском языке, издавались русские газеты и журналы. Языковая политика Правительства Грузии этого периода оказалась слабой и малоэффективной. В таких условиях было невозможно говорить о стабильном единстве нация-государство.

Карта доступна на сайте: http://imghost.ge/show.php/52664_.jpg.html.

С 1999 года Москва начала «битву» за русский язык. Она намеревалась объявить русский государственным языком в странах Содружества Независимых Государств (Справка 1999). Это предложение, однако, не получило единодушной поддержки членов этой организации. Русский язык в ряде стран СНГ, а именно в Беларуси, Киргизии и Таджикистане, получил статус второго государственного языка. Руководство Российской Федерации под предлогом защиты прав русских Крыма выставило требование о предоставлении русскому языку на Украине статуса официального или регионального

языка.[25] Москва, опираясь на сепаратистов Приднестровья, добивается признания русского языка вторым государственным языком Молдовы. В настоящее время МИД РФ прорабатывает вопрос о признании русского языка официальным языком стран СНГ. Комитет по делам соотечественников России проводит в этом направлении активную работу в странах Балтии (Лавров 2011).

Многолетние напряженные российско-грузинские отношения постепенно отдалили грузинскую элиту (политическую, экономическую, академическую, культурную) от русской. Для восполнения информационного и культурного вакуума необходимо было осуществить оперативные меры включения страны в процесс лингвистической глобализации. Особенного внимания заслуживают мероприятия, осуществленные в Грузии в течение последних 5 лет для ослабления позиций русского языка в стране. Были закрыты русскоязычные газеты и журналы, русскоязычные факультеты в вузах, училищах и т.д. Грузия присоединилась к Болонскому процессу, что привело к замене системы русского образования европейской, придав вестернизации необратимый процесс. В целях повышения уровня знания английского языка был осуществлен проект «Учить и учиться для Грузии». В Грузии находятся иностранные добровольцы, проживающие в грузинских семьях, которые совместно с местными педагогами учат детей английскому языку. Добровольцы ведут преподавание английского во всех регионах Грузии, в том числе и в горных местностях. В Грузии издаются английские журналы и газеты, на телеканалах показывают английские фильмы с грузинскими субтитрами. В вузах открыты англоязычные факультеты, на некоторых специальностях введены учебные курсы на английском языке. В результате проведенных указанных и других комплексных мер английский язык в Грузии занял позицию главного иностранного языка.

Распространение английского языка имеет большое значение с точки зрения интеграции страны в глобальную экономическую систему и культурное пространство. В результате замещения русского языка английским бывшая русскоязычная советская элита осталась не у дел. На арену выступило поколение с западным образованием и «лингвистическим капиталом», которое стало проводником новых ценностей. Английский язык пользуется большой популярностью среди молодежи, что в значительной степени окажет влияние на политические процессы в будущем.

Языковая политика Правительства Грузии объективно отражает его политическую и идеологическую ориентацию. Популяризация английского языка в Грузии прямо увязана с устремлениями Саакашвили интегрироватся в североатлантическое пространство. Современный уровень вестернизациии на этом этапе не создает угрозу естественному развитию самобытной грузинской культуры.

В языковой политике Грузии большое место отводится изучению грузинского языка, ибо низкий уровень знания государственного языка в этнических меньшинствах становится политической проблемой: язык теряет мобилизующую функцию, снижаются его возможности в деле объединения масс вокруг общей идеи, установления соответствующих коммуникаций, формирования общественной мысли и т. д. Все это объективно создает угрозу стабильности государства. При формировании нации-государства главной задачей является гомогенизация языка. Она требует большой осторожности, ибо преимущество языка доминантного народа может оттолкнуть от центра лингвистически неоднородную периферию. Этот процесс связан с большими трудностями и для такого многонационального общества, каковой является Грузия.

Исследования, проведенные в Грузии в мае 2008 года Европейским Центром по вопросам национальных меньшинств, показали, что 83% азербайджанцев, компактно

[25] Эту цель Россия достигла в августе 2012 года, когда Верховная Рада Украины приняла закон "Об основах государственной языковой политики". С этими решением Рады не согласилась Львовская область. http://www.rg.ru/2012/10/09/russkiy-anons.html.

поселенных в Квемо (Нижняя) Картли, а также 62,5% армян Самцхе-Джавахети не владеют грузинским языком. Вполне понятно, что языком коммуникаций этих этнических групп по-прежнему остается русский язык. Так, например, из 2666 учеников, окончивших школу в Ахалкалаки, Ниноцминде, Цалке и Марнеули, в вузы страны поступили только 91 человек, из числа которых лишь один получил грантовое финансирование. В 2007 году число студентов из этих регионов уменьшилось почти вдвое. В 2009 году общенациональные экзамены выдержали только два абитуриента армянской национальности (Габедава, Зурабашвили 2011).

В 2009 году Правительство Грузии подготовило национальную концепцию толерантности и интеграции, вобравшую в себя следующие направления для улучшения уровня образования этнических меньшинств: доступность общего школьного и высшего образования, повышение уровня знания государственного языка, доступность для всех общей программы образования и профессионального обучения. При подготовке этой концепции было учтено слабое знание грузинского языка представителями этнических меньшинств. С 2012 года граждане Грузии азербайджанского, армянского и других национальных меньшинств при зачислении в вузы страны пользуются специальными квотами. На вступительных экзаменах в вузы их экзаменуют только по общим навыкам на родном языке (азербайджанском, армянском и т. д.). При положительной оценке они зачисляются на подготовительный факультет, где в течение одного года изучают грузинский язык. После этого им предоставляется право продолжить учебу на любом факультете вуза.

В целях более эффективного и практического преподавания грузинского языка в школах этнических меньшинств осуществляется государственная программа «Грузинский язык для будущих успехов». С этой целью с 2011 году в школы Самцхе-Джавахети, Квемо (Нижняя) Картли и Кахети направляются бакалавры-специалисты, которые оказывают помощь местным педагогам негрузинских школ в проведении уроков грузинского языка. Участники проекта проживают в местных семьях, помогая тем самым населению в изучении грузинского языка. В районах с этническим национальным меньшинством открываются Дома грузинского языка, в которых систематически происходят встречи представителей местного населения с работниками просвещения, культуры и науки. На языках национальных меньшинств изданы учебники грузинского языка с видио- и аудио-материалами. Осуществление подобных проектов оказывает благоприятное влияние, помогая негрузинскому населению в изучении государственного языка, создавая тем самым необходимые условия для его самореализации (Этнические меньшинства - новые инициативы государства 2012).

При вступлении в апреле 1999 года в Европейский союз Грузия взяла на себя обязательство подписать и в течение одного года ратифицировать Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств (European Charter for Regional or Minority Languages 1992). Основная цель Хартии – это признание региональных языков или языков меньшинств в качестве выразителей культурного богатства и формирование активных действий по их поддержке и сохранению. Хартия включает в себя целый ряд обязательств, которые берет на себя государство, а именно: обеспечение доступности дошкольного, начального, среднего, профессионально-технического и высшего образования на региональных языках или языках меньшинств; создание условий для работы радио- и телеканалов, вещающих на национальных языках и др. Причем государству для ратификации из более чем 60 положений достаточно выполнить любые 35.

Несмотря на благородные цели Хартии, многие европейские страны, прежде всего по политическим мотивам, не ратифицировали, а то и вообще не подписали Хартию. Да и самоопределение «региональный язык» вызывает разногласия, как среди политиков, так и экспертов-лингвистов, особенно в случаях, когда трудно разграничить понятие «язык» и «диалект». Грузия находится в числе тех стран, которые еще не подписали означенную Хартию. Это связано с тем, что в Грузии сложилось довольно сложное положение. Низкий уровень знания государственного языка стал серьезным тормозом для интеграции

национального меньшинства. Поэтому существует реальная опасность тому, что недостаточная осознанность понятия нация-государство может затруднить формирование государственности. Армянское население Самцхе-Джавахети и азербайджанское население Квемо (Нижней) Картли имеют более тесные культурные связи с населением Армении и Азербайджана. Предусмотренное Хартией требование об углублении межпограничного сотрудничества, возможно, создаст в будущем угрозу для интеграции внутри самой Грузии. Перед аналогичной проблемой стоят и другие государства постсоветского пространства.

Государства Прибалтики категорически выступают против принятия Хартии, мотивируя свою позицию статьями рассматриваемого нами документа, в силу которых требования Хартии распространяются на автохтонные языки. По их мнению, этнические группы Прибалтики, говорящие на региональном языке или языке меньшинства (в основном русские), поселились в этих странах (т. е. были поселены по политическим мотивам) в течение недавнего прошлого, а потому на них не могут быть распространены положения Хартии.

Сегодня Грузия осуществляет целый ряд требований Хартии: это доступность получения меньшинством дошкольного, начального, профессионально-технического и высшего образования, издание газет и журналов, а также теле- и радио- вещание на языках меньшинств.

Вопрос о статусе региональных языков или языков меньшинств в Грузии становится все более актуальным. В Джавахети выдвигаются требования о признании армянского языка региональным языком. В этом направлении особенно активно выступают представители московского крыла политической группировки «Джавахк», которая пользутеся поддержкой антигрузински настроенных русских политиков. Они призывают мировое сообщество оказать давление на Грузию в целях признания армянского языка региональным. В феврале 2012 года в Баку активисты «Борчало» организовали акцию перед посольством Грузии, с требованием восстановления, по их словам, «исторических азербайджанских топонимов».

Как показывает опыт, наделение языка статусом регионального языка сопряжено с демографическими, лингвистическими, экономическими и политическими проблемами. Поэтому Европейская Хартия языков не выдвигает предварительных требований к тому или иному конкретному языку, предлагая критерии для определения регионального языка и языка меньшинства.

Политические и экономические процессы, протекавшие в Грузии в течение последных десятилетний, нашли прямое отражение в государственной языковой политике. Она должна способствовать консолидации грузинского общества, объединению этнических меньшинств вокруг идеи нация-государство. Государственный язык не только механизм реализации прав и свобод граждан, но и необходимый элемент осуществления единообразия управления и понимания государственной воли. Исходя из сложившейся конкретно-исторической ситуации, в условиях многонациональности грузинского социума Правительство Грузии должно максимально безболезненно проводить современную языковую политику, которая будет ориентирована на защиту не только государственных интересов, но и на защиту прав и интересов национальных меньшиств.

ЛИТЕРАТУРА

СПРАВКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ по делам СНГ и связям с соотечественниками «О состоянии русского языка, культуры и образования в странах СНГ и Балтии и мерах по их поддержке со стороны государственных органов и общественности Российской Федерации», 12.04.1999 г. *http://kro-krim.narod.ru/ZAKON/spravrus.htm*.

ГАБЕДАВА, М; ЗУРАБАШВИЛИ, Т., 2011. Государственная политическая проблема: знание государственного языка в этнических меньшинствах на низком уровне. *http://workunholic.wordpress.com/*

ЛАВРОВ, С. В, 2011. Выступление Министра иностранных дел России на Всемирной тематической конференции соотечественников, Москва, 17 октября 2011 года. *http://www.madagascar.mid.ru/doc/konf89.htm*.

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА - НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ГОСУДАРСТВА. Центр толерантности при офисе народного защитника, 2012. http://tolerantoba.ge/index.php?id=1314971931

ETHNIC MINORITY- NEW INITIATIVE OF STATE. The Tolerance Center at the Office of the Public Defender of Georgia. *http://tolerantoba.ge/index.php?id=1314971931.*
EUROPEAN CHARTER FOR REGIONAL OR MINORITY LANGUAGES, 1992. *http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=148&CM=&DF=&CL=ENG.*
GEORGIA/ABKHAZIA: BACK HOME, BUT IN LIMBO, 2011. *http://www.hrw.org/node/100311/section/1*.

Meri Gabedava
Sokhumi State University, Georgia
Research interests: international relationship, security, nationalism and globalization

LANGUAGE POLICY IN GEORGIA AND GLOBALIZATION ISSUE

Summary

Language is one of the major constituents of national identity, the constituent that unites the nation. The Georgian language has lost its vital role due to the aggressive russification policy conducted during the tsarist dominance in Georgia. The autocracy in Georgia methodically carried out measures to change the demographic situation of the country through settling down other ethnic and ethno-linguistic communities. As a result of this policy, Russia had been able to change substantially the ethno-political map of Georgia. Georgia joined Russian cultural space, in which the Georgian language and culture suffered oppression and persecution. The status of the Georgian language had significantly improved in the Soviet Union, though the Russian language remained the main mean of communication in a multicultural society of Georgia. Since 2003, the government of Georgia has started a new language policy, the main aim of which is to strengthen and develop the country's official language. This process is ongoing taking into account the demands of European Charter on Regional and Minority Languages. The Russian language has lost its dominant foreign language status in Georgia and it was replaced by English. The extension of the English language functions contributes to our country's involvement in the processes of economic and cultural globalization and its further integration with the West. At this stage, the existing level of cultural globalization does not represent a treat to the National culture, including the Georgian language.

KEY WORDS: Georgian, Georgia, national minority, globalization, English.

Житенев А.Александр
Воронежский государственный университет
Ленинский пр. 142-. 23, 394042 Воронеж , Россия,
E-mail: superbia@mail.ru

СЕТЕВОЙ ДНЕВНИК КАК МОДЕЛЬ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА: СТРАТЕГИИ СТИЛЕОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются принципы современной экспериментальной прозы, создаваемой на основе публикаций в LiveJournal. Автор констатирует связь «малой прозы» с фрагментарным и ассоциативным письмом, выявляет зависимость ее расцвета от кризиса крупной литературной формы. Эстетическая специфика новой прозы состоит в пересмотре готовых жанровых и стилевых моделей, в отказе от фикциональности, в постоянной проблематизации художественного высказывания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: блог, живой журнал, проза, стиль

Одной из самых заметных тенденций 1990-2000-х гг. в русской литературе стал «кризис крупной формы, связанный с падением доверия к “авторитетному” повествованию» и попытками разработать «малые жанры прозы» с их «метонимическим принципом миромоделирования», «неоднозначностью» и размыванием границ между вымыслом и документом (Маркова 2011). «Малая проза» стала рассматриваться как поле «свободного сопряжения различных культурных контекстов», близкое «естественному стилю речи и мышления», как «школа мировосприятия и средство взгляда» (Уланов 1999). Многообразие возможностей, заложенное в «малой прозе», обусловило множественность путей осмысления явления.

С одной стороны, акцент был сделан на внешнем формальном признаке текстов такого рода – *фрагментарности*. Так, Л. Горалик, констатируя «скетчевый», ориентированный «одновременное пребывание во многих ролях и средах» характер современной реальности, рассматривает фрагментарность как способ мышления, «более приспособленный» к ее отражению, и отмечает существенную роль «интерактивных сред», в том числе онлайн-дневников, в его легитимации (Горалик 2002).

С другой стороны, в поле исследовательского интереса оказалась *ассоциативная плотность* «малой прозы». А. Уланов, характеризуя новый «способ письма», объединяющий «самых разных авторов», говорит о «медленной прозе», указывая на «емкость и концентрированность языка» как наиболее существенную примету нового явления: «В “ассоциативной прозе” все под вопросом – время, отличие слова от предмета, завершенность фразы» (Уланов 1998).

Двоякая проблематизация высказывания: формальная («открытость») и содержательная («зашифрованность») – связывается с изменением роли читателя. Новая проза – «фрагментарная», «медленная» – ориентирована на вовлечение читателя в круг посвященных: «Перечислительная интонация предлагает связывать текст читающему, слушающему, переносит центр тяжести на него. Речь в “ассоциативной прозе” – это речь слушающего, погруженного в предмет или ситуацию» (Уланов 1998); «малая проза» балансирует между ситуацией, в которой «читатель невозможен», а текст создается «для личного пользования», и ситуацией, где есть «”досягаемый” читатель», присутствие которого «является одним из основных стимулов к написанию фрагмента» (Горалик 2002).

Немаловажным ресурсом подобного эстетического эксперимента оказались «интимные» жанры литературы, в которых особенно очевидным оказывается внутренний смысл латинского слова: «*Intimus* <…> это суперлатив от *interior*, внутренний, тайный, доверительный» (Lachmann 2005, с. 13). Интимность в литературе, как указывает Ш. Шахадат, всегда отсылает к границе личностного пространства – «через речь – риторически – или через тело, которое приближается или дистанцируется» (Schahadat 2005, с. 6).

Наиболее последовательно «реабилитация» интимного была реализована в дневниковых текстах или текстах, выстраивающихся с учетом дневниковой модели.

При этом в самой структуре «малой прозы», создаваемой с оглядкой на дневниковые записи, учитывается та драматургия сомнения, которая свойственна дневнику. С одной стороны, как писал Р. Барт, дневник – это «преддверие *текста*, его неразвитая и незрелая форма», тотально «симулятивная» и заслуживающая оправдания лишь в той мере, в какой может «выражать несущностность мира» (Барт 2001). С другой стороны, дневник – «не “поставщик” набросков и мыслей для “высокой литературы”», но самоценный «комментарий к стихам и прозе», развивающийся «от “фиксации” к “свидетельству”, от “свидетельства” к “созданию мира” или “автопедагогике”» (Кобрин 2002).

Сомнительная «публикабельность» дневникового текста, который «не может доказать не только то, что говорит, но и то, что говорить это вообще стоит» (Барт 2001), оказалась в центре важной проблемы, характеризующей неклассическое стилевое мышление.

Как указывал А. Михайлов, с разрушением реализма особую остроту приобретает сопряжение субъективного и объективного полюсов опыта: «Писатель может воспользоваться решительно всем, и ни один уголок человеческой души не закрыт от него, – между тем неразрешимой загадкой оказывается для него решительно все»; так в поэтике модернизма, «для которого было уже невозможно жертвовать собою полноте действительности, было заложено разрушение слова, его редукция, его сведение к абсурду» (Михайлов 2008, с. 131, 133).

Дневник в этом контексте представляет живой интерес как опыт волевого «собирания» распавшейся действительности, ее «точечного» восстановления, которое не дает раз и навсегда устоявшийся образ мира, но предлагает моментальный срез противоречивых субъект-объектных отношений. Дневник как «сложная система целей и “адресов”» представляет собой «текст не “вертикальный” и не “горизонтальный”», а «точечный», предполагающий рефлективное «растождествление с собой», опыт «обнаружения и создания субъективности», которая, вместе с тем, стремится к перерастанию самой себя, к выходу в поле «тотальной коммуникации» (Пигров 1998, с. 204-205).

Показательные примеры опытов такого рода – это переработанные в прозу дневниковые записи О. Зондберг (книга «Сообщения: Imerologio» (2010)) и М. Гейде (фрагмент книги «Мертвецкий фонарь» (2007)). Охарактеризуем эти тексты с точки зрения стилеобразования, ориентируясь на принципы анализа, предложенные А. Лосевым, и принимая во внимание такие выделенные им слагаемые стилевого мышления, как «уровень идейно-образной целостности», уровень текстовой модели, эстетический уровень и, наконец, уровень «идеологический» (Лосев 1994, с. 216-219).

Проза Зондберг, как было отмечено критикой, «представляет собой вольную композицию из разбегающихся … в разные стороны фрагментов», образующих «цепочки микроисторий, полупортретов, мелькающих силуэтов» (Урицкий 2003); ее родовые приметы – «самоценность деталей», «отстраненность», стремление «балансировать на границе потери себя во впечатлениях, в чистой реакции» (Уланов 2003). В книге «Imerologio» эти особенности подчеркнуты, вовлечены в логику дистанцирования от исповедальности.

В книге содержится недвусмысленное отрицание дневниковой природы текста: «Это не дневник. Пробельная строка на память» (Зондберг 2010, с. 277), и тем не менее связь с дневником явлена уже в декларативной приверженности «лексически-поэтической и интонационно-поэтической прозе» (Зондберг 2010, с. 147), в нарочитом отказе от «историй про людей»: «Немного жаль, но все самообманные игры в замысел, фабулу и объем отменяются решительно» (Зондберг 2010, с. 211). Проза, по Зондберг, не равна фикциональности, ей противопоказана заданность жанровых форм; ее фрагментарность – результат постоянного переформулирования условий высказывания.

Текст оказывается в высшей степени пронизанным рефлексией, «идеологичным», ориентированным на снятие любых формальных и смысловых ограничений. Стремление возродить формат «ни дня без строчки» размыкает творческий процесс, делает главным в

нем смену проблемных и эстетических доминант. Проза предстает «расплавом» стилевых возможностей, средоточием «неготового»; ее «бесформенность» программна, эстетически мотивирована.

Редукция обусловленности – главный мотив «идеологического» уровня текста. Она программирует организацию «фабульных» узлов: «Дело в том, что интересны мне в первую очередь мысли, слова и действия, не слишком обусловленные личностными доминантами <…> не связанные <…> с ситуацией» (Зондберг 2010, с. 325). Она ориентирует на неоднозначность референтной отнесенности высказывания: «Интересно в литературе: представление ситуации как интерференции нескольких точек зрения; разнообразие эмоциональных состояний в границах одного сюжета; вообще переключение регистров» (Зондберг 2010, с. 178). Она же определяет отказ от устойчивой связи события с субъектом речи: «Как вымышленные, так и реальные истории могут быть для меня живы и интересны лишь в том случае, если они не собственные» (Зондберг 2010, с. 205).

Неприязнь к «готовым» решениям у Зондберг мотивирована таким видением мира, в котором отсутствует представление о субстанциональности вещей. В непрерывное становление вовлечено все сущее, и прежде всего – сам человек: «Современному человеку намного сложнее, чем его предку, собирать в сознании единый образ себя. Все очень ситуативно и неустойчиво» (Зондберг 2010, с. 22). Частный характер опыта программирует экспансию отчуждения, разрушает любые социальные общности: «Язык, в котором нет общих мест спасения, уже потихоньку пробует говорить внутри нас» (Зондберг 2010, с. 7).

При этом мир, разные проявления которого фиксирует книга «Imerologio», трактуется не как отчужденный, а как требующий постоянной перенастройки восприятия; вписаться в него – значит отказаться от любых ожиданий, от любых интерпретативных моделей: «Таким способом вообще очень хорошо входить в режим ожидания, когда ничего не происходит из тех событий, которых ждешь и не знаешь, чего хочешь дождаться, и продолжаешь хотеть дождаться и хотеть не знать» (Зондберг 2010, с. 23).

Такое распределение акцентов обусловливает эстетический строй стиля, выразительность которого – если понимать под ней «внутреннюю жизнь предмета, которая обязательно дана и внешне» (Лосев 1992, р. 311), – строится у Зондберг на эффекте «заинтересованной незаинтересованности», контрасте «бесконечного предмета рассмотрения и столь же бесконечного его отодвигания» (Ермошина 2004), столкновении «бессмыслицы ежедневной суеты» и «гротеска» (Урицкий 2003).

Наиболее общей формулой структурного уровня стиля оказывается стремление говорить «сложными словами о простых вещах» (Зондберг 2010, с. 302). Природа этой «сложности» многообразна и включает в себя восприимчивость к «слоистой структуре импровизации», стремление к отказу от «сюжетообразующих фраз», отчужденное переназывание «мелких подробностей», из которых «состоят знания» о мире (Зондберг 2010, с. 83, 75, 31).

В этой связи основными координатами стилеобразования оказываются неопределенная модальность и неопределенная референция высказывания: почти в каждом первом случае текст основывается на двусмысленных отношениях между метафорой и ее реализацией, между констатацией факта и проекцией воображаемого. В стилевом строе книги «Imerologio» эти особенности проявляются многообразно.

Во-первых, фрагмент может строиться как предъявление образа-метафоры, «сгущающей» наблюдение и исчерпывающей содержание эпизода: «Выключенные светофоры, ветер, вылупившийся во все стороны из скорлупы разбитого фонаря, черный пруд, полный карман перчаток, крадущийся шаг» (Зондберг 2010, с. 300).

Во-вторых, фрагмент может строиться на затемнении референтных связей, на не до конца очевидной соотнесенности с реалиями: «Черная лапа без когтей, умеет собираться в кулак и разжиматься ладонью вверх. Живет в чайных фильтр-пакетиках, но не во всех, примерно через один в коробке» (Зондберг 2010, с. 23).

В-третьих, эстетический фокус высказывания может быть связан с асимметрией образа сравнения и предмета сравнения: «С утра до вечера … целыми днями в комнату глядела морда окна. На исходе недели N. не выдержал и плюнул в нее <…>Взгляд морды стал более прозрачным <…> но исчезнуть или отвернуться она и не подумала» (Зондберг 2010, с. 37).

В-четвертых, содержание записи может составлять гротеск, связанный со сменой регистра восприятия слова: «Скопление ног создает лес; в случае пожара необходимо снять со стены огнетушитель, удалить пломбу, выдернуть чеку и залить очаги возгорания вязкой субстанцией» (Зондберг 2010, с. 14).

Следствием игр такого рода оказывается специфическая «пластичность» сюжета, связанного с изменением статуса вещей, с обнаружением их второй природы, с выходом в иное измерение существования: «Если бы можно было побеседовать на выбор с одним из предметов домашнего обихода, сейчас я предпочла бы игольницу. По ходу интервью вынимать иголки и следить за реакцией» (Зондберг 2010, с. 303). Закономерно, что многие из записей представляют собой проекции возможного состояния мира или связей вещного и субъектного: «Жить спокойно и красиво. Спать в кофейном зернышке, укрываться сухим чайным листочком» (Зондберг 2010, с. 47); «Мало спать. Много работать. <…> Сделаться любителем тупых ощущений» (Зондберг 2010, с. 16).

Доструктурный уровень «идейно-образной целостности», выделяемый в стиле, связан у Зондберг с сюрреалистической интуицией, с вниманием к связям вещей, ускользающим от рефлексивных определений. Обратимость отношений внутри метафоры оказывается, таким образом, производной от взаимной непереводимости словесного и изобразительного, от присутствия в мире «невыразимых состояний» – «островков безопасности, очень маленьких и редких среди беспокойств и напряжений от мыслей о собственной жизни, пугающе выразимой на многих языках и ни на что не годной» (Зондберг 2010, с. 33-34).

Поэтика и стилистика М. Гейде оказывается построенной на существенно иных принципах, хотя переклички между ее стилевым мышлением и поэтикой О. Зондберг установить возможно. К ним, в частности, можно отнести «порыв за пределы обыденного видения», стремление «провидеть мир до себя и без себя» (Бак 2010); нацеленность на то, чтобы отражать «мир созданный, но не поименованный» (Сапожков 2003, р. 82), наконец, «сновидчески-плывущий … сюжет» (Шубинский 2006).

Отличия много ощутимей. Для Гейде, в отличие от Зондберг, мир лишен ауры волшебного; все трансформации, с ним связанные, возможны только в плоскости слова. Книга Гейде – это «книга эксцессов», «безосновных чудес», которые есть «выражение поиска невидимым в мире видимого» (Дарк 2010, с. 299, 311). Это мир, открытый чудовищному в разных его формах; в нем жизнь «выхолощена, вычищена, вытравлена кислотой», дискредитирована многоцветьем инобытия (Поляковский 2007).

Закономерно, что акценты в построении фрагментарного стиля здесь будут расставлены иначе. Так, «идеологические», по Лосеву, предпосылки стилеобразования здесь оказываются связаны с интуицией саморазрушения речи. Слово для Гейде не всевластно, это «обманка, стреляная гильза» (Гейде 2007, с. 333). Да, «поэзия – способ присутствия предмета речи в самой речи», но это никоим образом не означает, что она лишена ядов: «Искусство – всегда о возможном. <…> мало кто задумывается о том, что оно исчерпывает возможности» (Гейде 2007, с. 328, 308).

Амбивалентность слова, однако, этим не ограничивается. На эстетическом уровне стиля высказывание оказывается неотделимо от постановки художественного результата под вопрос: «Следует говорить на языке, скомпрометировавшем себя, вещи, компрометирующие себя. Для чего? Да хоть для того, чтобы вызвать в людях отвращение. <…> Это еще называют “катарсис”» (Гейде 2007, с. 310). Идеалом выступает «”тяжелая проза”, штука ядовитая и неполезная»; «тексты, несовместимые с жизнью» (Гейде 2007, с. 319, 297).

Структурный уровень стиля реализует обрисованную программу в поэтике текста. Один из характерных ее приемов – смена интерпретативных контекстов наблюдения. Текст

проходит через ряд смысловых сдвигов, пока не завершается переосмыслением точки отсчета, распространением вывода на субъекта речи: «Странно смотреть, как стареют зеркала. <…> Современные вещи стареть не умеют: их держат, пока они молоды, а потом, думают, купим другие <…> И вовсе не принимают в расчет того, что они сами ведь тоже стареют <…> и, пожалуй, что и их самих кто-нибудь сдаст в утиль» (Гейде 2007, с. 300-301).

Близкий к описанному способ построения прозаического фрагмента – создание гипотетического сюжета, в котором исходная посылка создает неразрешимую концептуальную коллизию: «Слова Христа о том, что лучше ради него потерять свою душу, чем сохранить, долго вызывали споры и недоумения»; пришлось «признать, что пожертвовать Христу своей вечной жизнью, навеки загубив свою душу, есть поступок гораздо более нравственный, чем наоборот. После того, как люди пришли к такому выводу, на земле начался форменный бардак и пришлось прикрыть эту лавочку» (Гейде 2007, с. 299).

Наконец, еще один вариант – «выращивание» сюжета из слова, из формулы, которой придается смысл, не предусмотренный привычными контекстами, а в тенденции – сводящий высказывание к абсурду: «хорошее слово “беситься”. представляю много маленьких бесов, сигающих туда-сюда в черепной коробке. входит главный бес, стучит указкой по ладони. бесята гомонятся, потом рассаживаются и начинают писать под диктовку, а диктант – сущая ахинея, навроде: “если долго смотреть в бездну, то в бездне в конце концов заводится моль”» (Гейде 2007, с. 318).

В этом смысле «фабульная» основа текста почти всегда представляет собой превращение высказывания о мире в высказывание о дискурсивных нормативах, в исследование поля речи: «если что-либо в культуре вас раздражает, в чисто терапевтических целях полезно представить дескрипцию этого раздражителя в качестве прескрипции – например, написать руководство по приготовлению младенцев, причем ряд читателей отнесется к этому абсолютно всерьез» (Гейде 2007, с. 309).

Набор интуиций, связанных с уровнем «идейно-образной целостности», в книге М. Гейде соотносится с поиском путей выхода в дословесное и дорациональное состояние мира: «Все, что осталось у нас от дословесного мира, уходит сквозь пальцы, которыми сделали мы чужие слова»; в этой связи вполне предсказуемой оказывается «тоска об утраченном косноязычии» (Гейде 2007, с. 333, 306). Писатель стремится к поиску знаков отсутствующей цельности: «Хороший диптих – это триптих с отсутствующим третьим звеном» (Гейде 2007, с. 306); именно в расчете на нее выстраивается модель идеального высказывания: «Совершенным текстом мы будем называть тот, в котором достигнуто иллюзорное равновесие между работой речи и наблюдателя» (Гейде 2007, с. 312).

Сопоставляя модели стилеобразования в прозе О. Зондберг и М. Гейде, можно сделать ряд констатаций. Опыт сетевого дневника как модели «короткой прозы» оказывается ориентирован на проблематизацию высказывания, на редукцию жанрового и стилевого автоматизма. Стержнем новой бессюжетной прозы выступает внутренняя трансформация высказывания, пересмотр синтагматических и референтных связей.

Пределом, к которому устремится «медленное», «фрагментарное» письмо – это поле «невыразимого» – то, что не может стать частью универсального культурного опыта. В этом смысле сетевой дневник, используя отсылку к личному опыту, трактует его не как самоценное свидетельство, но как модель события, в котором нет сюжетной и интерпретативной заданности, как повод для критики языка, выявления несоответствий между емкостью переживания и емкостью слова.

Примечание: данная работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (Грант МК-1022.2011.6 «Современная поэзия в контексте медиа»)

ЛИТЕРАТУРА

Бак Д. Сто поэтов начала столетия. О поэзии М. Гейде, Л. Горалик, Ф. Сваровского и А. Сен-Сенькова. – URL: http://magazines.russ.ru/october/2010/7/ba10.html

Барт Р. В раздумье. – URL: http://old.kinoart.ru/2001/7/27.html

Гейде М. Мертвецкий фонарь. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 344 с.
Горалик Л. Собранные листья. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/lgor.html
Дарк О. Пришельцы. Послесловие // Гейде М. Бальзамины выжидают. – М. : Русский Гулливер, 2010. – С. 299-312.
Ермошина Г. На грани дежа вю. – URL: : http://magazines.russ.ru/druzhba/2004/1/erm15.html
Зондберг О. Сообщения: Imerologio (2003-2008). – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 400 с.
Кобрин К. Похвала дневнику. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/61/kobrin.html
Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. – Киев: Collegium : Киевская Академия Евробизнеса, 1994. – 285 с.
Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. М.,: Фолио, АСТ, 2000. – Кн.1. – 832 с.
Маркова Т. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания. – URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1/ma15.html
Михайлов А.В. Методы и стили литературы. – М.: ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, 2008. – 176 с.
Пигров К. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в тотальной коммуникации. – СПб. : Эйдос, 1998. – С. 200-219.
Поляковский В. Век начинается в субботу. – URL: : http://magazines.russ.ru/october/2007/9/po19.html
Сапожков С. Сотворение дословесного мира // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 62. – С. 82-86.
Уланов А. Три дня малой прозы. – URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1999/2/festiv.html
Уланов А. Медленное письмо. – URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1998/8/ulanov.html
Уланов А. Волны возможностей. – URL: http://old.russ.ru/krug/kniga/20030908_au.html
Урицкий А. Тонкие круги одиночества. – URL: http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/10/uric.html
Шубинский С. Два голоса. – URL: : http://magazines.russ.ru/km/2006/1/sh12.html
Lachmann R. Intimität: Rhetorik und literarische Diskurs // Nähe schaffen, Abstand halten: zur Geschichte der Intimität in der russischen Kultur // Wiener Slawistischer Almanach. – 2005. – Sbd. 62. – S. 13-24.
Schahadat S. Vorwort // Nähe schaffen, Abstand halten: zur Geschichte der Intimität in der russischen Kultur // Wiener Slawistischer Almanach. – 2005. – Sbd. 62. – S. 5-9.

A. Zhitenev
Voronezh State University

LIVEJOURNAL AS A MODEL OF PROSE: STRATEGIES FOR CREATION OF STYLE

Summary

The article discusses the principles of modern experimental prose, created on the basis of publications in LiveJournal. The author notes the connection between ‘short prose’ and fragmentary and associative discourse, reveals the dependence of its boom from the crisis a major literary form. The new prose is ready to revise the genre and style models in the rejection of fictionality in constant problematization of artistic expression.

KEY WORDS: blog, LiveJournal, prose, style

Ольга Каверина
Балашовский институт Саратовского государственного университета, Россия
К. Маркса 29, 412300, Балашов, Россия
E-mail: astra51641@rambler.ru
Научные интересы: нарративная журналистика, когнитивная лингвистика, лингвистика текста, традиционный и нарративный анализ художественного текста

ЕСТЬ ЛИ НАРРАТИВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В РОССИИ?

Смешение терминов «нарративная журналистика» и «творческая журналистика» в среде современных российских журналистов и отсутствие исследований по нарративной журналистике как таковой в российской теории журналистики побудило автора данной статьи к анализу образцов американских и русскоязычных нарративных журналистских материалов.Сравнительный анализ очерков показал приблизительно одинаковое использование нарративной методики (художественная обработка тщательно изученной информации, сценовое построение, развитие персонажа, внутренний монолог персонажа, личный голос журналиста) современными американскими и российскими журналистами. Российская очерковая журналистика, уступающая в настоящее время свои позиции информационно-аналитическим жанрам, является, по сути, нарративной журналистикой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нарративная журналистика, внутренний монолог, развитие персонажа, построение сцен, личный голос, тип повествования, темпоральная сетка текста, художественная образность, эмоциональная насыщенность текста

Совсем недавно директор по мультимедиа и новым проектам РИАН Наталья Лосева (2011) дала интервью Forbes о будущем российской журналистики – о мультимедийной журналистике, о «РИА Новости» в интернете, о новых проектах агентства и о его новом сайте. В частности, в интервью подчеркивалось, что поток фактов и новостей будет все больше добываться не руками репортеров, а из аудитории – от очевидцев и из социальных сетей. Но, так как аудитория не хочет только читать факты, она хочет объяснения, почему так происходит, какие есть точки зрения, аналитическая, комментарийная журналистика будет вести диалог с читателем. По мнению Лосевой, останется репортаж, потому что аудитории всегда важно увидеть чье-то настроение, объяснение, эмоции. Новостная лента изменит свою природу, а хорошая нарративная журналистика сохранится.

Что же имела она в виду под «хорошей нарративной журналистикой»? Воспроизвожу диалог между интервьюиром и Лосевой:

«То есть останется репортаж, в котором очень много авторства?

- Да, также останутся интервью, видеозарисовка.

- Контент, в котором много авторской позиции того, кто его воспроизводит?

- Да, творческой журналистики».

Как видно из диалога, понятие «нарративная журналистика» весьма туманно в среде российских журналистов, оно включает весьма различные жанры: и репортаж, и интервью, и видеозарисовку - одним словом, авторскую, творческую журналистику.

Между тем, нарративная журналистика как жанр начала формироваться во второй половине XX века в США, когда наметился конфликт между журналистикой факта (precision journalism), пользующейся инструментарием науки (статистический анализ, проверка гипотезы) для обработки и трактовки все возрастающего потока информации, и нарративной журналистикой (narrative journalism), базирующейся на художественном отображении реальной жизни.

Первыми журналистами, использующими нарративную методику изложения фактов реальной жизни, были Гей Тализ, Том Вулф и Джимми Бреслин (Gay Talese, Tom Wolfe, Jimmy Breslin). Известны также романы, написанные в нарративном жанре – «Смерть палача» («The Executioner’s Song») Нормана Мейлера и «Хладнокровное убийство» («In Cold

Blood») Трумена Капоте. Впервые методы нарративной журналистики получили осмысление в книге Эверета Дэниса и Вильяма Риверса «Другие голоса» в 1974 году, подзаголовком которой был «Новая журналистика в Америке». Авторы назвали новое направление в журналистике «the new nonfiction». Сегодня оно называется «narrative journalism» или «creative nonfiction».

С тех пор нарративная журналистика получила широкое распространение в Америке. Свидетельством тому явилась ежегодная конференция (2001–2009), организованная в Гарвадском университете для журналистов, использующих нарративную методику (nieman-narrative@harvard.edu – сайт программы университета по изучению и практике нарративной журналистики, основной целью которой является повышение стандартов журналистской деятельности).

Сейчас образцы хорошей нарративной журналистики можно встретить в таких американских журналах как The New Yorker, Harper's, Esquire, Rolling Stone, на популярных интернет-форумах Salon и Slate, есть примеры слияния нарративной журналистской прозы и интернета – нарративно-документальный он-лайн сериал «Black Hawk Down» (автор – The Philadelphia Inquirer).

Основное отличие нарративной журналистики от традиционной – применение методов художественной литературы к журналистским произведениям, таких как внутренний монолог, развитие персонажа, построение сцен.

В нарративном подходе к исследованию жизненных проблем и фактов слышится личный голос журналиста, ведь одной из основных характеристик нарративной прозы является рассказ истории в отличие от, например, исследования проблемы с помощью статистического анализа или верификации какой-либо теории.

Необходимо отметить, что редакторы важных изданий в Америке предпочитают не печатать нарративные материалы большей частью потому, что на ранней стадии развития жанра некоторые журналисты слишком «увлекались» художественными методами – позволяли себе манипулировать реальными фактами или пользовались собирательными образами с целью интенсификации увлекательности истории. Об этом упоминает в своей лекции «Precision Journalism and Narrative Journalism: Toward a Unified Field Theory» Филип Мейер, профессор Школы журналистики и массовых коммуникаций университета Северной Каролины (октябрь 2011 года).

Хорошая нарративная журналистика – это, прежде всего, большая работа, работа по сбору информации, глубокого изучения фактов, а потом – по облечению фактов в художественную структуру, структуру истории.

По мнению Марка Крамера, одного из руководителей Гарвардской программы по нарративной журналистике, задача журналиста – не воспринимать читателя как одинокого робота, поглощающего анонимный новостной поток за чашкой утреннего кофе, а говорить с ним «человеческим голосом». С его точки зрения, произведения в жанре нарративной журналистики содержат такие элементы, как сцены, персонажи, действие, развивающееся во времени, «личный» голос, взаимоотношения с читателем, а также раскрывают определенную тему или исследуют проблему.

Итак, нарративные журналистсткие материалы содержат, прежде всего, тщательно изученную информацию, которая увлекательно представлена читателю, т. к. важная общественная проблема всегда подается через «частную» историю, посредством изображения людей и их эмоций в реальных ситуациях. Это бленд точного изображения жизни и элементов художественного отображения действительности.

По мнению одного из основателей американской нарративной журналистики Т. Вулфа, нарративное произведение оказывает более глубокое воздействие на читателя, чем деперсонализированное изложение фактов, характерное для информационной журналистики.

Проанализируем одно из нарративных журналистских произведений, выложенных на сайте Гарварлского университета по программе нарративной журналистики в качестве

образца. Это статья американской журналистки-очеркиста Джослин Новек, работающей в The Associated Press и специализирующейся на материалах по культуре.

«From Rapid City to the Bolshoi in Moscow, American Dancer Takes Leap into Ballet» опубликована 3 ноября 2011 года в газете StarTribune. В очерке автор рассказывает историю молодого американского танцовщика Дэвида Холберга, мальчика из американской глубинки, ставшего ведущим танцовщиком Театра американского балета и первым иностранным танцовщиком, приглашенным в труппу Большого театра.

Повествование разворачивается сцена за сценой, в основном представленных диалогами: между журналисткой и Холбергом, его первым учителем танца (Kee-Juan Han), его матерью (Colleen Hallberg), художественным руководителем Театра американского балета (McKenzie), причем диалоги даны только ремарками интервьюируемых, ответами на вопросы, легко восстанавливаемыми из контекста.

«I said to him, David, you are very young» says Han. «There is no wrong decision here. Try it. Just think, you'll be learning the classics from where they began!».

«He was bullied» his mom says simply. «The worst year was seventh grade. He was called all the names you'd imagine».

Голос третьеличного повествователя чувствуется только в личных комментариях журналиста:

It can be lonely being a boy who loves dance, especially in the American heartland.

And now, to something else: He debuts on Friday as a premier dancer at the storied Bolshoi Ballet in Moscow. He is not only the first American accorded this honor. He's the first foreigner, period.

Психологизм в изображении главного героя истории демонстрируется короткими внутренними монологами персонажа:

«Yet Hallberg was struggling with the decision. Could he make it work, along with his duties as an ABT principal? And would he be up to the task? He wanted the opinion of his favorite teacher.

He realized he might need to change his regular Facebook page to a fan page».

Что касается темпоральной сетки очерка, то она характеризуется постмодернистской коллажностью. Эффекту коллажа способствует неровное чередование планов прошлого и настоящего. Так, в экспозиции очерка контрастно рисуются картинки девятилетнего мальчика, принесшего в класс туфли для степа, и 29-летнего Дэвида, ведущего танцовщика американского балета.

Копозиционно очерк разбит авторм на четыре части: первая часть основывается на интервью журналистки с первым учителем танцев, с которым Дэвид встретился в Школе искусств Аризоны (Arizona School for the Arts); вторая часть использует материалы интервью с матерью Дэвида, третья – с художественным руководителем Театра американского балета; четвертая, заключительная, часть объединяет всех персонажей, и очерк завершается словами первого учителя Хана о большом будущем своего бывшего ученика: «David is one of the special ones. I think he'll go a long way».

Постмодернистски рваный временной ритм прослеживается даже в рамках одного предложения:

«I *was stunned», says* Hallberg. «I just *asked* as many questions as I *could»*.

«I *thought*, what better representative to have over there?» McKenzie *says*. «It'*s* such a historic thing for the tide to be turning the other way».

«*It's not surprising* for me that it happened to David», he *adds*. «What's more surprising *is* that the Bolshoi *did* it. The company *is* three or four years older than our country!»

Как видим, ремарки журналистки – *says* Hallberg, McKenzie *says*, he *adds* – создают эффект приближения, у читателя создается впечатление, что разговор происходит в его присутствии.

Словосочетания и целые предложения, выражающие временную компрессию, также создают эффект приближения, но уже хронологического, приближения к моменту триумфа танцовщика в балетном мире:

«But 20 years later, Hallberg is in the midst of a remarkable journey…

Things moved quickly after that…

Some nine months later…»

Итак, рассмотрев основные нарративные приемы («погружение» в мир истории для сбора информации, сцены-интервью, внутренний монолог и др.), использованные Джослин Новек в данном очерке, мы видим, насколько эмоционально и фактически информативнее он выглядит по сравнению, например, с короткой заметкой в газете или видео-зарисовкой, показанной по телевидению.

В русской теории журналистики сложилась довольно-таки четкая картина журналистских жанров. Начнем с определения жанра А. А. Тертычного: «…под журналистскими жанрами подразумеваются устойчивые группы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками» (Тертычный 2010). С его точки зрения, жанрообразующими содержательно-формальными факторами являются предмет отображения, целевая установка (функция) отображения и метод отображения.

В принципе, два первых фактора являются жанрообразующими в самом широком смысле слова, ведь все журналистские произведения так или иначе воспроизводят реальную действительность, реальные факты жизни с той или иной степенью детализации в зависимости от целевой установки журналиста. Совсем иначе обстоит дело с методом отображения, который является, на наш взгляд, действительно жанрообразующим.

Как отмечают многие исследователи, в журналистике существует три основных метода отражения объективной действительности – фактографический, аналитический, и наглядно-образный (художественно-образный). Применение первых двух методов основано на использовании эмпирического и теоретического уровней познания и ведет, соответственно, к информационной журналистике и аналитической журналистике, их использующим.

Художественно-образный метод отображения используется, прежде всего, в художественной литературе и характеризуется «безграничным применением авторской фантазии, авторского вымысла, которые дают необходимую для автора свободу создания художественного образа и выявления через него «правды жизни в целом» (Тертычный 2000). В журналистике же авторские фантазия и вымысел ведут к искажению реальных фактов, поэтому применение художественно-образного метода ограничивается использованием образно-экспрессивного языка, определенного уровня детализации отображения предмета, условности при реконструкции событий.

Область журналистики, использующая художественно-образный метод, называется «авторской» или «писательской» журналистикой, а также художественно-публицистической журналистикой. К основным художественно-публицистическим жанрам относят очерк и зарисовку, а также практически исчезнувшие памфлет и фельетон. Как уже отмечалось, характерными признаками произведений выше перечисленных жанров являются повышенная требовательность к языку, художественная образность, эмоциональная насыщенность текстов, т.е. атрибуты художественного метода.

Очерк считается «королем» художественно-публицистических жанров, но и самым трудоемким из них. Для написания хорошего очерка журналист должен не только выбрать актуальный предмет изображения, собрать исчерпывающий материал, осмыслить, проанализировать полученную информацию, но и облечь ее в художественную, очерковую форму. Таким образом, сложность очерковой формы заключается в том, что она соединяет в себе применение журналистом двух методов отображения: аналитического и художественного. Соотношение этих методов в журналистском произведении зависит от цели и предмета изображения. По мнению А. А. Тертычного (2010), в исследовании проблемной ситуации преобладает аналитический метод, а когда предметом журналистского

исследования является личность, то все психологические особенности ее характера могут быть выявлены только при доминировании художественного метода.

Итак, очерк, прежде всего, связывают с существованием в нем так называемого «репортажного» начала, т. е. с применением художественного метода. Очерк как жанр обладает широким диапазоном: к очерковым публикациям относятся как документально-фактологические произведения с минимальным уровнем художественности, так и журналистские тексты, характеризующиеся высокой художественностью.

Российская журналистика имеет богатейшие традиции в очерковом жанре, замечательными очеркистами были В. Г. Короленко («В голодный год»), А. П. Чехов («Остров Сахалин»), Г. И. Успенский («Разорение»), Н. В. Успенский («Без языка»), А. М. Горький, М. Е. Кольцов, Б. Н. Полевой, К. М. Симонов, А. А. Бек, А. А. Аграновский, В. В. Овечкин, Г. Н. Бочаров и многие другие.

С точки зрения теории журналистики, «современному очерку чаще всего свойственна документальная насыщенность, часто – в ущерб художественности», «в настоящее время традиционные жанры российской журналистики, наиболее полно представляющие использование художественного метода, значительно потеснены или где-то в полной мере вытеснены из коммуникационного «оборота» информационными и аналитическими жанрами» (Тертычный 2000).

Нам стоило немалых трудов отыскать среди множества информационных и аналитических публикаций очерковые произведения (были проанализированы материалы таких уважаемых изданий как журналы «Власть», «Итоги», «Эксперт», «Русский репортер», «Огонек», «Сноб»). Удалось найти портретный и проблемный очерки, еще одну разновидность очеркового жанра - путевой очерк – обнаружить не удалось.

Автору портретного очерка «Время Германа» Александру Гарросу действительно удалось раскрыть уникальную личность режиссера Алексея Германа (Гаррос 2010, с. 47–66, 208). Во-первых, необходимо отметить композиционные особенности данного произведения: история Германа как бы заключена в рамки из настоящего. В начале очерка автор рисует эмоциональную картину Германа, акцентирующую детали его личного впечатления о герое («И вот на это он фыркает, и бодает воздух, и взблескивает яростным бойцовским глазом…») и публичного образа Германа («Говорят, что у него невыносимый характер, что он мнителен, злопамятен, угрюм, … что он тиран, что он способен довести до слез, до истерики, до нервного срыва, до больничной койки и съемочную группу, и себя»). Далее идет ахронологично оформленный детальный рассказ о написании сценария и съемках последнего фильма «История Арканарской резни» (процесс его создания длится уже десять лет), о прошлых фильмах режиссера, о взаимоотношениях режиссера с актерами, о манере съемки, о германовском выборе актеров на роль, о функции кино в обществе, о том, о чем фильм Германа. Заключительная часть очерка – авторская интерпретация-разгадка загадки Германа-человека и Германа-режиссера.

Сценовая структура основной части очерка организована подзаголовками-годами (2010, 1999, 1098, 2010, 1968, 1989, 2010), таким образом, планы настоящего и прошлого чередуются, имея своей целью объяснение того, почему, с точки зрения журналиста, 72-летний Герман сделал «Историю Арканарской резни» по роману Стругацких «Трудно быть богом» своим «Самым Последним Фильмом». Завершающие фразы сцен служат перекидными мостиками между сценами разных временных планов: «Все продолжается до сих пор», «Сейчас он старше на десять лет, а вид у него такой же», «А Герман снова вернулся к «Трудно быть богом» десять лет спустя… в самом конце девяностых».

Естественно, что основой очерка послужило интервью с режиссером, поэтому диалог журналиста и его героя чувствуется во всех сценах. Однако, Гаррос оригинально вплетает свои вопросы в повествование, например: «Я слушаю его и испытываю странное ощущение... Поскольку все, что сейчас говорит мне режиссер Герман, … верно на сто процентов… И, пожалуй, люди… неплохо понимают все это и без него. Пожалуй, они предпочли бы услышать от режиссера Германа, титана и стоика, священного чудовища и

черной дыры, что-нибудь другое. Например, что им с этим своим пониманием надлежит делать.

«Мне кажется, – говорит мне на это Герман твердо, – что прежде всего надо вернуть людям чувство собственного достоинства…» И далее следует долгий монолог Германа. Есть и обычные диалоги:

«Потом все вроде как-то наладилось.

- Как у вас сейчас-то отношения с Ярмольником? – спрашиваю.

- С Леней? Прекрасные отношения! – откликается Герман бодро. – Мы сейчас дружим. Правда дружим, по-настоящему».

Очерк, в основном, оформлен как перволичное повествование: журналист рисует образ знаменитого кинорежиссера, основываясь на личном с ним интервью, но есть отрывки, в которых автор анализирует творчество и жизнь Германа, основываясь на тщательном изучении его биографических данных, рецензий на его фильмы, статей и мнений о нем, на знаниях разных исторических эпох в России, творчества Стругацких, и в которых читатель чувствует, как персональный повествователь превращается в третьеличного, «всезнающего»: «Он похож на человека, которому тяжело, муторно, не хочется говорить о фильме – о Самом Последнем Фильме… Он явно предпочитает говорить о чем угодно другом. Об истории своей семьи, которая сложным пунктиром прошила историю этих плоских финно-угорских земель, давно проглоченных, но так до конца и не переваренных Империей. О своем папе, статусном советском писателе Юрии Германе, любимце Сталина, ходившем, как все любимцы Сталина, по тонкому-тонкому лезвию непредсказуемой остроты». Используя такие переходы Гаррос пытается показать Германа изнутри, что свидетельствует о глубоком психологизме очерка.

Как видно из многочисленных цитат, художественный метод явно превалирует над аналитикой, язык автора очерка отличается обилием лексических и синтаксических стилистических средств, характерных для художественной прозы. Визитной карточкой Гарроса в этом очерке является использование синонимической градации.

Замечательным примером проблемного очерка является «Одноразовая Камчатка» Дмитрия Губина (Губин 2011, с. 34–35). Подзаголовок статьи констатирует проблему публикации – развитие внутреннего туризма в России, и мгновенно становится понятным заглавие: Камчатка – то место в России, куда вряд ли захочется вернуться. При анализе композиции очерка сразу бросается в глаза сценовое построение, т.е. очерк разворачивается сцена за сценой. Сцены, с одной стороны, включают художественные описания, изобилующие эпитетами, метафорами и сравнениями («Бухта Авачинская – есть. Одна из прекраснейших бухт, какие мне доводилось видеть, нежная и туманная, обрамленная волнами сопок», «Вокруг бушует даже не золотая, а какая-то червонно-пурпурная теплая осень», «Океан во время шторма залижет раны», «Тихий океан поражает тем, что на берегу, от горизонта до горизонта, ни души, ни человечка, ни даже пластикового мусора, которым завалены сопки в самом Петропавловске»), с другой стороны – диалог между автором статьи и жителями Петропавловска-Камчатского.

В диалогах раскрываются образы людей, живущих и работающих на Камчатке: глава местной «Европы плюс» Дима, владелец гостиницы Витя, отставной силовик с вывезенной в Подмосковье семьей. Вот хозяин гостиницы Витя, по определению автора – «олицетворенное гостеприимство и счастье»:

«- Собирай, - говорит – своих ребят человек двадцать и прилетай на хели-ски.

- А почему двадцать?

- Так вместимость вертолета, аренда, иначе невыгодно…

- Спасибо, - говорю, - но дешевле… на Сицилию слетать, в жерле Этны покататься…

Витя вздыхает:

- Да… Это проблема – люди приезжают, природой восхищаются, но дорог нет, гостиниц нормальных нет, инфраструктуры нет, цены дикие, и больше не возвращаются…».

По мере разворачивания действия – чередования сцен – вот журналист отказывается прогуляться по городу, потому что «не по чему гулять», вот он в гостинице, вот купается в горячем источнике, вот едет по дороге-«бомбежке» по окрестностям, вот взлетает его самолет в Москву, формируется образ типичного камчатского аборигена. Автор называет его «колонизованным колонистом», человеком, который живет на Камчатке «как бы временно, то есть не всласть и не вразмах, не обустраивая красивейший край», стремится урвать от него кусочек и переселиться на большую землю.

Весь очерк строится на контрасте изображения красот природы и города, созданного людьми. Возвышенная, романтическая по содержанию лексика в описаниях океана и сопок резко изменяется на сниженно-разговорную в сценах, характеризующих город и его жителей. Сам Петропавловск описан журналистом как «кое-как и чуть не без всякого плана выстроенный, уляпанный рекламой и магазинишками как попало», китайских едален немного «и в них отсоветовали идти, а рыбного ресторана, или краб-хауза, или, черт его не знает, трепанг-кафе нет ни одного», «та сопка, на которую взлетают на джипах сноубордисты, чтобы рвануть вниз по пухляку… являет собой…городскую свалку», «А у нас тут всегда так, где нет человека, там красотища, а где есть человек, там – срач».

Очерк представляет собой перволичный нарратив, голос автора явно слышен как в обращениях к читателю («Пожалуйста, не спрашивайте меня, побывал ли я в долине гейзеров»), в риторических вопросах, в суждениях-осмыслениях ситуации («И в Альпы лететь из Москвы и дешевле, и проще»).

Итак, данный проблемный очерк можно характеризовать как очерк, в котором художественность преобладает над аналитичностью, хотя автор применяет аналитические приемы (приводит цифры - стоимости рыбы, количества икры, баллов землетрясений и т.д.), его эмоциональная оценка ситуации превалирует над оценкой аналитической. То, что он говорит, что не хочет вернуться в этот край, полный беспорядка и красоты, действует на читателя сильнее, чем любой сухой анализ перспектив развития туризма на Камчатке.

Итак, нарративная журналистика в России существует, хотя представлена она чаще всего очерковым жанром, а не репортажем, интервью или видеозарисовкой, как об этом говорилось в упомянутом в начале статьи интервью с Натальей Лосевой.

ЛИТЕРАТУРА

ГАРРОС, А. 2010. Время Германа. *In: Сноб*, № 11, 47-66, 208.
ГУБИН, Д. П. 2011. Одноразовая Камчатка. *In: Огонек*, № 44, 34-35.
ЛОСЕВА Н. 2011. Использование очевидцев – залог успеха информагенств. Режим доступа: Forbes.ru.
ТЕРТЫЧНЫЙ, А. А. 2010. Аналитическая журналистика. Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/761087
ТЕРТЫЧНЫЙ, А.А., 2000. Жанры периодической печати. *In: Учебное пособие.* Москва, Аспект Пресс. Режим доступа: http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm.

Olga Kaverina
Balashov Institute of Saratov State University
Research interests: narrative journalism, cognitive linguistics, text linguistics, traditional and narrative analysis of literary text

IS THERE NARRATIVE JOURNALISM IN RUSSIA?

Summary

Terminological confusion among Russian journalists and absence of research on narrative journalism in the Russian theory of journalism prompted the idea to analyse some samples of American and Russian narrative works.

A comparative analysis of a number of American and Russian feature articles has proved similar employment of the narrative technique (literary presentation of thoroughly verified facts, scene building, character development, inner monologue, intimate voice) by American and Russian authors.

Today, Russian feature journalism, being one of the oldest genres in the Russian mass media, is yielding its positions to informational and analytical genres of journalism, but it still exists in modern magazines and can be identified as narrative journalism.

KEY WORDS: narrative journalism, internal monologue, character development, personal voice, narrator, textual temporal net, imagery, emotional richness of fiction..

Галина Кутырёва-Чубаля
Akademia Techniczno-Humanistyczna
ul. Willowa 2, 43-309, Bielsko-Biała, POLSKA
Эл.почта: gkut@go2.pl
Научные интересы: стиховедение, фольклористика, этнография, этномузыкология, лингво-музыкальная диалектология

НАРРАЦИЯ, ИНКАНТИЦИЯ, ПЕНИЕ: ОБ ЭНТРОПИИ ПЕСЕННОГО ТЕКСТА В БЕЛОРУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Способы реализации вербального содержания песни представляют интерес с точки зрения антропологии текста. На ранней — предвокальной — стадии становления песни как вида искусства, а именно в инкантации, на первый план выступает суггестивно-магический посыл. Здесь просодически обозначены ритмические и мелодические (высотные) контуры будущей песенной формы. Смысл слова, его выразительность подчеркиваются ритмически и интонационныо (динамическими и эмотивными акцентами). Позднейший уровень — собственно вокальное исполнение — репрезентирует каноны пропевания текста в уже устоявшейся слогоритмике и с высотно фиксированной интонацией. Это наиболее высокая ступень озвучания песенного текста, отражающая эстетические нормы и предпочтения исполнителей различных местных и зональных певческих традиций Беларуси. Наррация, в контексте песенного текста, может расцениваться двояко: (1) как рабочий приём «наговаривания» исполнителями текста и (2) реже как древнейшая акциональная форма. При всей ущербности невокального произненсения текста песни (налицо потери параметров стиха, его слогоритмики, ритмо-интонационной формульности), нарратив интересен с точки зрения психолингвистики / этнопсихопоэтики, а также аксиологии фольклорного текста. Через пересказ песенного текста раскрывается ценностное отношение информанта к (а) содержанию песни, (б) ее форме. Вербально воспроизводится, как правило, наиболее апперцептивно существенное для данного исполнителя, не озвучиваются элементы «вторичные». Соответственно, более значимое излагается с соблюдением стиховой структуры текста, менее значимое часто небрежно по форме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речитация, пересказ, наговаривание текста, интонация, энтропия формы, строфика.

Текстология народной песни, при всей ее разработанности, остается по-прежнему научно притягательной областью филологии, этномузыкологии, культурной антропологии и этнопсихологии — как автономно, в рамках каждой из названных дисциплин, так и интердисциплинарно, в комплексном охвате. Теоретически тема «мелос и слово» неоднократно затрагивалась в фольклористике. Она представляет собой особую область исследований. По выражению российского фольклориста Льва Кулаковского, «Взаимоотношение музыки и слова — это, в сущности, даже не отдельная проблема, это целая наука» (Кулаковский, 1962, с. 203). Начальный этап изучения синкрезиса слова и напева в песне связан с именами ученых XIX – первой половины XX веков (Шафранов 1879, Голохвастов 1883, Томашевский 1929, Тимофеев 1939, Штокмар 1941).

В начале XX столетия наметилось особое направление — «слуховая филология» (нем. *Ohrenphilologie*), впервые заявленная немецким языковедом Эдуардом Зиверсом (Sievers 1912). Направление получило развитие в работах целой плеяды стиховедов (Холшевников 1964, Эйхенбаум 1969, Цеплитис 1974). Интердисциплинарное значение имеют работы интонологов, посвящённые проблемам поэтики и мелодики *звучащих текстов* (Златоустова и Лавриченнко 1996; Златоустова 2001; Калачёва 1978, 1986; Невзглядова 2000; Сафронова 1978, 1986; Черемисина 1989). Непосредственное отношение к теме данной статьи имеют также проблемы структурной организации звучащего стиха – его метрики, рифмовки,

строфики (см.: Илюшин 2004). Обобщенно тематику работ указанных авторов можно сформулировать как проблемы взаимодействия стиха — ритма — интонации в профессиональной и устной (народной) поэзии.

Как правило, стиховедам и фольклористам-словесникам свойственны такие дискурсы, как *текст — и художественный образ* (Федотов 1961, Ліс 1993)*, стих — знак — семантика* (Лотман 1998, Гаспаров 1987). В музыкальной фольклористике онтогенез песни неизменно, традиционно изучается двунаправленно, то есть с учетом взаимовлияния обоих параметров песенного языка — текста и напева.

В практике народного исполнительства, как известно, главенствует вокальный способ воспроизведения текста песни, то есть его *пропевание*. Однако при изучении белорусских певческих традиций, в условиях полевой собирательской работы фольклористы сталкиваются не только с пропеванием, но также с проговариванием текстов, а иногда и с практикой полувокальной — полудекламационной, то есть с инкантированием26. До нашего времени в белорусском фольклоре сохранились (конечно, далеко не в равной мере) три способа озвучания текста, или три его ипостаси, а в сущности — три видовых разновидности устного фольклора.

Наррация — самый отдаленный от напевного способ озвучания акционально-обрядовых (прапесенных) текстов. Теоретически наррацию можно считать наиболее архаичным, первичным из трех названных вариантов реализации текста в рассматриваемом ряду. Это просодируемый, то есть произносимый текст. На практике же, в силу малочисленности, а по сути — единичности текстов данного типа, их можно считать раритетными в балто-славянском регионе. Фольклористика не располагает достаточным числом текстов-артефактов, подтверждающих исторический приоритет нарративного исполнения прапесенных текстов как самостоятельного, автономного вида устного творчества (ниже речь идет о вспомогательной функции нарратива). Воможно, такие тексты являются прецедентными, выступающими в отдельных местных и / или индивидуальных практиках наравне с иными рассматриваемыми здесь видами озвучания текста. Тем больший интерес вызывают эти редкие эмпирические сведения.

В Беларуси, в Свислочском районе Гродненщины, зафиксирован эпизод *наговаривания* купальского текста, акционально предшествующего вокальному его озвучанию. Это образец *заговаривания от нечистой силы*, конкретнее — отпугивания / «отгона» (Толстая 1999, с. 10) купальской ведьмы. В ритуале оберега *бульбы* («каб ведзьма бульбу не капала») песенница водила над картофельной грядкой веточкой рябины (замещающей освященную вербу-оберег), поясняя: *«бульбу квяцілі рабінай, каб ядрона была, каб ведзьма бубльбу не капала, каб нам астаўляла»*. Затем эти же слова она произносила все более ритмично, переходя от прозы к стиху, усиливая динамику голоса и ускоряя темп. Наконец, декламация переходила в пение[27]. В конце песни снова звучали слова, дважды проговоренные перед началом пения: *«То-то! Каб яна не хадзіла, да бульбу не капала. То-то-то!»*. Лишь пропетое, вокально оформленное заклинание, как можно понять из данного действа, входило в силу, означало конец ритуала. Приведенный пример ярко иллюстрирует не только все три ипостаси песенного текста, но также их потенциальную акциональную взаимообусловленность.

В отличие от внепесенных приговоров / заговоров и т.п., здесь заговаривание предваряет пение. В едином ритуальном действе последовательно меняется видовой статус одного и того же акционального текста. Возможно, для этнографов такие случаи не редки, вопрос лишь в том, фиксируются ли они всесторонне; в этом случае база для изучения

---

26 От латинского *incantare — зачаровать*, английского '*incantation' — заклинание, магическая формула*. Инкантиция выступает в народной поэзии, в профессиональной же появляется как элемент фольклорной стилизации (см. Głowiński 1988, s. 197).

27 Видеофильм с этим эпизодом снят в деревне Михалки Свислочского района фольклористкой Галиной Тавлай и показан ею в 1992 году в программе белорусского телевидения «Шануйце песні свае».

наррации в контексте песенного творчества была бы значительно более полной. На данном этапе приоритет в комплексных фольклорно-этнографических исследованиях принадлежит этномузыковедам, которые внимательно фиксируют все подробности этнографии песни, все поведенческие особенности, выявляющие порой скрытые акционально-соматические реакции песенниц на исполняемые ими песни28. На Псковщине *речь-наговаривание* – один из «значимых акциональных компонентов ритуала» дожинок (Лобкова 1999, с. 190).

Чаще всего, однако, потребность в нарративном озвучании песенных текстов (по нашим наблюдениям в Беларуси) возникает во время полевой работы фольклористов и представляет собой рабочий момент записи. Это вспомогательная наррация-пересказ, сопряженная с самоподготовкой информанта перед началом пения. Как правило, в это время исполнитель сосредоточен на сюжете, его узловых фрагментах и последовательности изложения. Наконец, текст пропевается. В сравнении с пропетым вариантом, предварительный пересказ текста явно отличается, в той или иной мере, ущербностью. Налицо потери базовых элементов *пропеваемого,* или *напевного* стиха: его стопного состава, слоговой ритмики, размещения цезур (маркеров актуального членения формы), акцентирования эмотивных тонов, а также разновидности повторов, во многом определяющих композиционный тип строфы. Лишь в синкрезисе с напевом вербальный текст выстраивается в лексически, художественно и структурно оформленное целое. И все же, при всех потерях, рабочие тексты-пересказы имеют научно-познавательную ценность. Особый интерес представляют они с точки зрения аксиологической. Именно в тексте-пересказе раскрывается ценностное отношение информанта (а) к содержанию песни, (б) к ее форме. Как правило, вербально воспроизводится наиболее апперцептивно сущностное для данного исполнителя, не озвучивается же то, что для него «второстепенно». Соответственно, наиболее значимое излагается с соблюдением стиховой структуры текста, основных вербальных формул; менее значимое – зачастую небрежно по форме.

На более высокой ступени эволюции вербально-звуковых акциональных формул находится **инкантация**, словоречение нараспев — способ допесенного интонирования. Украинский эквивалент обозначения инкантации — «співомовленне», понимаемое как проявление «онтологического соматизма», наравне с плачем, криком, танцем и игрой (Грица 2004, с. 5-6). В работах, посвященных псковской допесенной этнографии, такие тексты интерпретируются как древний способ «выражения экстенсивного магического волеизъявления» (Лобкова 1999, с. 194). Известны также прямолинейные утверждения об *одновременности* происхождения акциональных (прапесенных) текстов, например: «Каждый этнос исторически изначально и закономерно порождает […] параллельно сразу два естественных звуковых языка — словесный язык и язык этномузыкальный» (Банин 1999, с. 138). Однако в допесенном интонировании выделяется целый ряд признаков, не свойственных устоявшимся вокальным формам народной песни. Выделим основные признаки инкантируемых текстов:

а) слогочислительная нестабильность формул-тирад;

б) аструктурность, буквально — а-морфность инципитов: это еще не зачин-*попевка*, а лишь не всегда внятно, с точки зрения вокальной, артикулируемая *анакруза*; с ней связана слогоритмическая нестабильность и интонационная зыбкость всей стихостроки и / или строфы;

в) следы экмелики — элементов предвокального, домузыкального звукообразования; для тех же анакруз характерны проговаривание слов, шепот, вдохи-выдохи на слогах / словах текста, асемантические звуки, слоги в паузах между инкантируемыми фразами; для клаузул (кадансов) типичны выкрики-гукания, глиссандо, нахшлаги-сбросы слогов (каталектический стих);

---

28 Особое внимание, в частности, важно уделять двигательной динамике, которая помогает более точно определять онтогенезис стиха через его слогоритмику, различать в нем декламационное либо моторно-двигательное начало, т.е. первичный, глубинный ритмокод. Такой опыт, к примеру, нам дает сведéние текстовокальных данных с описаниями этнохореографов (Кутырёва-Чубаля 2009).

г) относительно слабая выраженность функций тонов — опорных либо неопорных, вершин-эмфотонов и тонов-финалисов;

д) агогика, то есть ритмо-метрическая нестабильность, определенная свобода, свойственная скорее речитации, нежели пению;

е) сочетание регулярной силовой акцентности строк с «нерегулярной времяизмерительностью» (Холопова 1971, с. 77).

ж) к разряду переходных, от допесенных к песенным, мы относим и такое явление, как энтропия формы, выражающееся в нестабильности структуры текста, а именно — числа стихострок в строфе.

Следы инкантаций обнаруживаются в белорусском Поозерье / Подвинье (зона Ушачских озер) на Витебщине, а также в приграничной Псковщине. Просодийный характер жнивного мелоса витебского Подвинья и допесенная этнофония («фоносфера») жатвы Псковщины подтверждают вышеизложенные характеристики. Наличие же параллелей между этими двумя этнокультурными традициями позволяет объединить их в единую витебско-псковскую зону, представляющую один из «ареалов консервации архаизмов» (лингв.).

Постепенно, путем «медленной эволюции основ стиля» (Медушевский 1984, с. 5), в чем сходятся и стиховеды, и музыковеды, внутри пласта инкантаций происходят качественно важные изменения на обоих релевантных уровнях — стиха и мелодии. В стихе намечается переход от «эмбриональной стихопрозы» (Федотов 1961, с. 12), от бесстрофности *говорного / ораторского / декламативного / риторического* стиха — к «упорядоченной строфике напевного стиха» (Холшевников 1964, с. 129). В мелодике последнего «происходит постепенная переработка типических речевых интонаций в музыкальные» (Лобкова 1997, с. 24; шире об этом см.: Ефименкова 1987). Черты предвокального в этнопесенном языке, тонкие градации и переходы от речитации к пению, от просодии к монодии (Кутырёва-Чубаля 1999) «прослушиваются» в различных зонах Беларуси (наиболее отчетливо — в Подвинье, как показано выше). Эти уникальные процессы можно не только моделировать гипотетически, ретроспективно, но и непосредственно соприкасаться с ними аудио-визуально, наблюдать «с близкого расстояния». В отличие от собственно вокального исполнения текстов, в инкантации отсутствуют присущие пению свойства: ярко выраженная тембральность, громкостная динамика, слоговые распевы и музыкально-ритмическое орнаментирование (слоговые распевы).

При **вокальном** воспроизведении текст песни раскрывается наиболее полно и всесторонне — как в структурном, так и в семантическом и эмоциональном плане. Это обусловлено онтологически заложенной в песне полисемией: семантика текста и семантика напева могут координироваться по-разному[29]. Словесный текст в вокальном звучании обогащается всем комплексом этнофонии. В связи с различиями в этнофонии, один и тот же текст имеет множество вариантов звуко-вокальной реализации. Симбиоз слова и напева в пении выводит текст на качественно новый уровень, он обретает иной **этос**. «Музыкальная интонация напевного стиха обладает такой силой воздействия, что подчиняет себе интонацию логическую. … Возможно это потому, что напевная интонация присуща таким стихотворениям, в которых напряженное эмоциональное содержание больше выражается музыкальной формой, чем логической структурой речи» (Холшевников 1964, с. 130).

Для этномузыковедов, занимающихся преимущественно изучением вокализированных (пропеваемых) текстов, характерным является понятие *музыкально-стихового ритма.* В последнем важен акцент на слове «стиховой», в противовес ритму сугубо музыкальному, ритму напева. «Музыкально-стиховой ритм служит опорой мелодического развития, но вместе с этим, он имеет и самостоятельное конструктивное и художественное значение. Именно потому, что музыкально-стиховой ритм *менее индивидуален*, чем мелодический, он особенно пригоден для целей систематики» (Иваницкий 1978, с. 91; разр. и курсив ГК).

Стихо-вокальный текст вобрал в себя многие черты предшествующих фаз / состояний

29 Данной проблеме стоит посвятить отдельную публикацию.

акционального текста и прошел свою, весьма значительную, эволюцию. Многогранность этой ипостаси синкретического текста песни позволяет исследовать его всесторонне, многоаспектно и, при имеющейся базе данных, системно в диалектологическом ключе. Суть этого направления диалектологии состоит в выявлении диалектных различий в плоскости **стихо-вокальных корреляций**30. Это предполагает многоуровневый анализ взаимодействий координат стиха и напева. Выделим его основные уровни:

стопная ритмика — позволяет дифференцировать численно идентичные «атомарные» слоговые структуры (полустишия), на эмбриональном уровне формирующие диалектно-стилевые модусы, закладывающие основы зональных стилей; именно здесь следует искать корни разнящихся между собой, во многом контрастных певческих традиций Поднепровья и Понёманья, Поприпятья и Подвинья;

ритмика стихо-мелостроки — дифференцирование ритмоструктур уровня стихо-мелострок на основе стопной ритмики, с учетом стопной комбинаторики; подбор стоп внутри строки предопределяет ритмико-стилевой модус традиции, множит музыкально-стиховые ритмы-модусы единой строчной силлабоструктуры (4+3, 5+4, 6+6 и др.); превалирование игровых стоп в строке и строфе, то есть стоп с *мужской клаузулой*, *мужским ударением* (стиховедч.), характерно для зон с ярко выраженным игровым модусом в ритмике песен (днепро-двинский ареал), наличие же в напеве стоп (3-х и 5-тисложных) с *женской клаузулой* типично для песен исконно заклинательного характера — они локализуются в основном в западнобелорусском ареале (междуречье Припяти, Нёмана и Двины)[31];

мелодика стихо-мелостроки — выделение в напевном стихе диалектообразующих ритмо-мелодических показателей, а именно маркеров-финалисов фраз / синтагм, строк и строф, тонов-вершин / *эмфатонов* (по школе «слуховой филологии»);

диалектный синтаксис — формы-концепты, тенденции строфообразования в ареальном освещении; в различных зональных певческих традициях выявляются исторически, а в истоках — антропологически32 обусловленные линеарно-композиционные предпочтения: колоны-тирады, различные конструкты симметрии, асимметрии и антисимметрии, импликативные и неимпликативные дистиховые строфы, а также ряд промежуточных форм диалектообразующего значения (Кутырёва-Чубаля 2012).

Контенсивная типология, то есть учет взаимодействия различных стилеобразующих компонентов культурно-этнографической среды, предполагает включение в круг вопросов лингво-музыкальной диалектологии, помимо словесного текста и напева, данные этнохореографии. Для выяснения онтогенеза стоп как атомарных диалектных единиц этнопесенного языка не всегда уместным оказывается семиотическое их истолкование с позиций стиховедческих, зачастую истоки микроритмических формул кроются в танцевальной, шаговой и иной моторике; в связи с этим, актуальным остается для нас дифференцирование песен по жанрово-видовым модусам — «жанры речевой динамики» и «жанры двигательной динамики» (Елатов 1966, с. 199).

И о социальном аспекте бытования фольклорного текста. Наиболее полные версии текстов в деревнях, «забывших» древние обрядовые и менее старые необрядовые песни, нам удавалось записать от пожилых женщин, живущих обособленно, по разным причинам ставших изгоями в собственной деревне. Это были, отчасти, особы с неадекватным типом поведения. Глубины памяти, особенно памяти текстовой, у этих людей поразительны. Есть повсеместно известные в Беларуси тексты (весны, жнива и др.), издавна публикуемые в академических изданиях во множестве вариантов; выясняется, что некоторые из этих текстов (напр., жнивная / троицкая с любовно-бытовым текстом *Ды пайду я каля луга*) являют собой

30 Не случайно возникло понятие слогонота отражающее коррелят слог ↔ нота (см.: Руднева 1994, с. 26).

31 Примечательно, что некоторые из стихотворных стоп, по признанию стиховедов, давно не употребимы в профессиональной поэзии («мертвые» стопы типа эпитритов, пентонов и пр.). Однако они активно бытуют в напевной ритмике народной песни.

32 См.: «от «биологии народной песни» к артефакту (Квитка 1973, с. 93).

лишь небольшой фрагмент драматичных по содержанию историй с рекрутских времен, по сюжетной разработанности – уровня баллад. В кратком же общераспространенном варианте песня воспринимается в ином семантическом, образном ключе и имеет максимум 5 — 6 строф. Такого типа исполнительницы помнят также редкие, забытые даже среди ведущих «вясельніц» (свадебных песенниц) свадебные тексты, удивляют сельчан знанием забытых текстов осенне-толочных песен. При полной, казалось бы, фронтальной обследованности фольклористами песенного массива Беларуси, каждая экспедиция приносит новый опыт общения, открывает новые тексты и новые версии их распева.

Состояние традиционного фольклора на сегодняшний день не внушает большого оптимизма — это «уходящая натура», хотя этномузыковедческие экспедиции по Беларуси до сих пор приносят свои результаты. Однако трудности с поиском информантов, собиранием материала, несомненно, есть. И в этой ситуации проявляются ментальные особенности исполнителей, которые полвека назад вряд ли могли бы проявиться. Это касается особенностей памяти поющих. Песенницы («рукодельницы на песни»), забыв давно не исполнявшуюся песню, нередко напоминают ее себе с помощью напевания, вспоминая обрывки фраз, иногда без слов. Если помнят инципит, говорят: «начну петь — а там все вспомнится». Существует и обратная связь: забытую вместе с напевом песню фольклористу удается напомнить известными повсеместно на Беларуси формулами инципитов, пусть даже не точно совпадающими с местными. Таковы в последние десятилетия реалии полевой собирательской работы. Реставрация песен до их полного объема и, по возможности, полноценного аутентичного звучания по-прежнему актуальна для белорусских фольклористов. Она обеспечивает пополнение базы данных, в том числе, для диалектологических исследований этнопесенного языка — одного из самых перспективных для этнологии балто-славянского региона направлений.

Для сегодняшней науки важно соотнесение результатов всех отделов этнологии. В музыкальной и стиховой фольклористике учитываются особенности этнографии песни, инструментальных наигрышей; в этнохореографии — этнография танца, игры, хоровода. Однако важен и обратный ход: в самой описательной этнографии многое станет гораздо более наглядным и конкретным, если будут привлекаться сведения из специальных областей фольклористики. Совокупность междисциплинарных данных имеет колоссальное значение для развития этнологии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

БАНИН, А. А., 1999. Музыка устной традиции как лингво-музыкальная система. *Музыка устной традиции, вып. 27*. Москва: Издательство Московской консерватории. С. 134-146.

ГРИЦА, С. И., 2004. Музичний фольклор з погляду етногенезу. *Проблемы етномузикологіі, вип. 2*. Київ: Видавництво НМАУ. С. 5-23.

ЕЛАТОВ, В. И., 1966. *Ритмические основы белорусской народной музыки.* Минск: Наука и техника.

ЕФИМЕНКОВА Б. Б., 1987. Русские причитания стабильной структуры с цезурированными напевами. *Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии). Сборник трудов ГМПИ им. Гнесиных, вып. 91*. Москва: Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. С. 88-107.

ГАСПАРОВ М. Л., 1987. Романская силлабика и германская тоника: встречи и взаимодействия. *Труды по знаковым системам, XX. Учёные записки ТГУ, вып. 746.* Тарту: Издательство Тартуского университета. С. 64-72.

ГАСПАРОВ М. Л., 1996. Лингвистика стиха. *Славянский стих: Стиховедение, лингвистика и поэтика.* Москва: Наука. С. 5-17.

ГОЛОХВАСТОВ, П. Д., 1883. Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. *Памятники древней письменности и искусства, вып. 45.* СПб.: Типография Добродеева[33].

ЗЛАТОУСТОВА, Л. В., ЛАВРИЧЕНКО, Н. В., 1996. Ритм, синтаксис, интонация. *Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика, Материалы междунар. конф.* Москва: Наука. С. 89-99.

ЗЛАТОУСТОВА, Л.В., 2001. Фонетическое слово в стихе и в пении. *Славянский стих: лингвистическая и*

33 Вышло репринтное издание (Москва: Книга по Требованию, 2011).

прикладная поэтика. Москва: Языки славянской культуры, Наука. С. 259-266.
ИВАНИЦКИЙ, А. И. 1978. Типологическая характеристика некоторых принципов формообразования в украинском фольклоре. *Музыкальная фольклористика, вып. 2.* Москва: Советский композитор. С. 90-116.
ИЛЮШИН, А.А., 1978. Консонантные условности русской мужской рифмы XVIII – XIX вв. *Исследования по теории стиха*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. С. 67-74.
ИЛЮШИН, А.А., *Русское стихосложение.* Москва: Высшая школа, 2004.
КАЛАЧЁВА, С. В., 1978. *Стих и ритм (о закономерностях стихосложения).* Москва: Знание.
КАЛАЧЁВА, С. В., 1986. *Эволюция русского стиха.* Москва: Издательство Московского университета.
КВИТКА, К. В., 1973. Амфибрахий в украинских народных песнях (из записок о ритмике). *К. Квитка. Избранные труды, в двух томах, т. 2.* Москва: Советский композитор. С. 81-118.
КУЛАКОВСКИЙ, Л. В., 1962. *Песня, ее язык, структура, судьбы.* Москва: Советский композитор.
КУТЫРЁВА-ЧУБАЛЯ, Г. Г., 1999. От просодии к монодии: о природе интонирования белорусских жнивных песен. *W kręgu kultury Słowian.* Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. С. 43-51.
КУТЫРЁВА-ЧУБАЛЯ, Г. Г., 2009. Песенная традиция ’проса’ на Беларуси: «ритмотворческий принцип типа». *Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномузыкологии: к 125-летию со дня рождения.* Москва: Московская консерватория. С. 230-247.
КУТЫРЁВА-ЧУБАЛЯ, Г. Г., 2012. Белорусская песенная строфика как предмет лингво-музыкальной диалектологии. *Acta Baltico-Slavica, 36. Archeologia, historia, ethnographia et linguarum scientia.* Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy PAN. S. 93-112.
ЛІС, А. С., 1993. *Жніўныя песні*. Мінск: Навука і тэхніка.
ЛОБКОВА, Г. В., 1997. *Архаические основы обрядового фольклора Псковской земли (опыт историко-типологического исследования). Автореферат кандидатской диссертации (на правах рукописи).* СПб.: Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова.
ЛОБКОВА, Г. В., 1999. Типологические особенности обрядовых форм допесенного интонирования (по материалам псковских коллекций Фольклорно-этнографического центра). *Музыка устной традиции, вып. 27*. Москва: Издательство Московской консерватории. С. 183-200.
ЛОТМАН, Ю. М., 1998. Структура художественного текста. *Ю. М. Лотман. Об искусстве.* СПб.: Искусство. С. 14-285.
МЕДУШЕВСКИЙ, В. В., 1984. К проблеме сущности, эволюции и типологии музыкальных стилей. Музыкальный современник, вып. 5. Москва: Советский композитор. С. 5-17.
НЕВЗГЛЯДОВА, Е. В., 2000. Интонационная теория стиха. *Музыка и незвучащее.* Москва: Наука. С. 117-134.
РУДНЕВА, А. В., 1994. Ритмика стиха и напева. *А. В. Руднева. Русское народное музыкальное творчество. Очерки по теории фольклора.* Москва: Композитор. С. 25-47.
САФРОНОВА, Е. Г., 1978. Интонация и стиль языка (на основе экспериментальных данных). *Исследования по теории стиха*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. С. 85-91.
САФРОНОВА, Е. Г., 1986. Интонационная композиция стиха. *Проблемы структурной лингвистики.* Москва: Наука. С. 199-208.
ТИМОФЕЕВ, Л. И., 1939. *Теория стиха.* Москва: Гослитиздат.
ТОЛСТАЯ, С. М., 1999. Звуковой код традиционной народной культуры. *Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян*. Москва: Индрик. С. 9-16.
ТОМАШЕВСКИЙ, Б. В., 1929. *О стихе.* Ленинград: Прибой.
ФЕДОТОВ, О. И., 1961. *Фольклорные и литературные корни русского стиха.* Владимир: Владимирский государственный педагогический институт.
ХОЛОПОВА, В. Н., 1971. *Вопросы ритма в творчестве композиторов XX века.* Москва: Музыка.
ХОЛШЕВНИКОВ, В. Е., 1964. Типы интонации русского классического стиха. *Слово и образ*. Москва: Просвещение. С. 125-163.
ЦЕПЛИТИС, Л. К., 1974. *Анализ речевой интонации.* Рига: Зинатне.
ЧЕРЕМИСИНА, Н. В., 1989. *Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь.* Москва: Русский язык.
ШАФРАНОВ, С. Н., 1879. О складе народно-русской песенной речи, рассматриваемой в связи с напевами. СПб.: Издательство Министерства Народного Просвещения[34].
ШТОКМАР, М. П., 1941. Основы ритмики русского народного стиха. *Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, № 1*, с. 106-136.
ЭЙХЕНБАУМ, Б. М., 1969. Мелодика русского лирического стиха. *Б. М. Эйхенбаум. О поэзии.* Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение. С. 327-542.
GŁOWIŃSKI, M. [I IN.], 1988. *Słownik terminów literackich.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo.
SIEVERS, E., 1912. *Rhythmischmelodische Studien. Vorträge und Aufsätze.* Heidelberg: Carl Winter.

Kutyriowa-Czubala Galina
The University of Bielsko-Biala

34 Вышло репринтное издание работы в: *Язык фольклора: хрестоматия.* Москва: Флинта: Наука. С. 51-54.

NARRATIVE, INCANTATION, SINGING: THE ENTROPY OF A SONG TEXT IN BELORUSIAN FOLK PERFORMANCE PRACTICE

Summary

Methods of verbal content realization of the song appear to be interesting from the standpoint of the text's anthropology. In the early, pre-vocal, stage of a song making-up as a form of the art it is incantation which brings a suggestive-magical send to the forefront. Rhythmical and melodic (pitch) outlines of the future song form are prosodically defined here. Meaning of the word as well as its distinctiveness are emphasized by rhythmical and intonational means (dynamic and emotive emphasis). The latest level is basically vocal performance which represents canons of singing text that is of lyrics in stable syllabic rhythm with pitch fixed intonation. This is the highest level of song lyrics voicing which captures esthetic standards and preferences of folk singers of various local and zonal singing traditions in Belorussia.

Narrative, if it is referred to song lyrics, can be treated in two-ways. More often it is a "draft" way of recording lyrics by a performer at folklorist request (for example in order to save the time and technical recording facilities). Such a way of recording a song turns up to be inferior both for folklore researchers and for performers themselves, because abridgements – lexical, semantic, structural (verse, strophe), loss of syllabic rhythm and melody which compound foundation of the song language – are unavoidable. However, narrative transferring of song lyrics can be still interesting from the standpoint of song anthropology. Narration helps to uncover axiological attitude of certain performer towards verbal content and its formatting. The most essential is articulated, and more "marginal" is not. As a consequence what is most significant is exposed, respecting the structure of lyrics and less significant is careless in its form.

KEY WORDS: recitation, narration, text recording, intonation, entropy of the form, strophic.

Олег Поляков
Вильнюсский университет
Таможенный г. 8, Каунас
E-mail: oleg.poljakov@flf.vu.lt
Научные интересы: сравнительно-историческое языкознание, древние языки, структурализм, культурология, компьютерная лингвистика, электронная обработка данных, история музыки

МИФЫ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

В статье рассматривается роль мифов в истории культуры и науки. Возникнув в глубокой древности, многие мифы стали важнейшими концептами европейской культуры и находят широкое отражение в современных произведениях литературы и искусства. Если на начальном этапе развития науки мифы играли в ней важную роль, оставив след в ее терминологии, то в современных гуманитарных науках мифологизация стала пережитком старых научных методов, которые должны быть изжиты. В статье рассматриваются примеры научных фальсификаций, мистификаций и их демаскирование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мифы, мифология, история науки, мифологизация, научные фальсификации, демаскирование.

Мифы и мифология стали своеобразной зарей культуры и науки человечества.

Мифы и культура. Для культурного формирования большинства европейских народов особое значение имела античная, библейская мифология, а также мифология, отраженная в древнем фольклоре из дохристианского прошлого и своими корнями нередко восходящая еще к индоевропейской языковой общности. Многие мифологические персонажи уже в доисторические времена стали, типологическими концептами европейской культуры. Возьмем, к примеру, миф об Андромеде и Персеи. Андромеда, дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи, была принесена в качестве искупительной жертвы морскому чудовищу для избавления страны от гнева богов. Она была спасена Персеем, поражённым её красотой. В награду Андромеда вышла замуж за своего избавителя (МС 1992, с. 46). Этот миф уже с древних времен широко отражается в изобразительном искусстве и литературе. Он представлен на античных вазах, в стенной живописи и барельефах. Одно из старейших изображений героев можно видеть на коринфской амфоре VI в. до н. э., хранящейся ныне в Старом музее в Берлине[35]. Интересная фреска с изображением этих героев была найдена при раскопках древнеримского города Помпеи.[36] К образу Андромеды и Персея не раз обращались и художники Нового времени от Пьеро ди Козимо (1510) и В. Тициана (1554–1556)[37], П. П. Рубенса (1621) и Рембрандта ван Рейна (1630-е г.г.)[38] до Т. Шассерио (1840), Г. Доре (1861)[39] и мн. др. К этому мифу в своих пьесах обращались также античные классики Софокл (1990), Еврипид[40] (Аристофан 1916), отец французской трагедии П. Корнель (1650), французский композитор Ж.-Б. Люлли (в своей опере «Персей» (1682) и мн. др. В новое время большую известность сыскали научно-фантастические романы Фр. Хойла и Дж. Элиота «Андромеда» (1962) и «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова (1957). Другой пример – миф об Ариадне, Тесее и минотавре. В музыкальном мире он стал даже более известен, чем рассмотренный миф выше. На этот сюжет были созданы оперы: К. Монтеверди («*Ариадна*», 1608), Г. Фр. Генделя («*Ариадна на Крите*», 1733), Иржи Бенды («*Ариадна на Наксосе*», 1775), Р. Штрауса («*Ариадна на Наксосе*», 1912), Д. Мийо («*Покинутая Ариадна*»,

[35] См. http://www.ancientartpodcast.org/blog/tag/cetus/
[36] В наст. вр. хранится в археологическом музее в Неаполе: http://www.theoi.com/Gallery/F47.2.html
[37] http://smallbay.ru/artitaly/pierocos.html / http://www.liberato.ru/gallery.php?idp=49&id=329
[38] http://gallerix.ru/album/Rubens/pic/glrx-696420288 / http://smallbay.ru/artbarocco/rembrandt_20.html
[39] http://www.greekroman.ru/img/gallery/large/andromede11.htm / http://elite-home.narod.ru/pain39.htm
[40] О несохранившейся трагедии Еврипида (480–406 до н. э.) «Андромеда», поставленной в 412 г. до н. э. известно из комедии – пародии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий», поставленной в 411 г. до н. э.

1928), Б. Мартину («*Ариадна*», 1958), ария В. Рима («*Ариадна*», 2001). Музыку к балетам на тему этого мифа создали Альбер Руссель («*Вакх и Ариадна*», 1930), Андре Жоливе («*Ариадна*»,1964). В СССР большую известность приобрел роман братьев Вайнер «Визит к минотарву» (1972) и его экранизация. Подобных примеров использования древней мифологии в культуре различных стран – тысячи.

Мифы и наука. Культура и наука для древнего мира представлялось дискретным целым. Так греч. математик, астроном и географ Эратосфенн Киренский (276–194 до н. э.), давая перечисление 700 созвездий и звёзд в своем труде «Катастеризмы», пишет, что Андромеда «*находится среди созвездий благодаря Афине и напоминает нам о подвигах Персея. Руки ее распростерты – так было, когда ее выставили на съедение киту*»[41]. Здесь же ученый рассказывает также о Персеи и Кефеи (созвездии *Персей* и *Цефей*) и др. мифологических персонажах. Полный комплекс астрономических знаний Древней Греции и Ближнего Востока представлен в классическом труде «Альмагест» Клавдия Птолемея, написанном около 140 г. В нем также описываются созвездия Андромеды, Персея и Кита. Герои этого мифа представлены и в красочном сборнике карт неба «Urania's Mirror»[42], вышедшем в Лондоне в 1825 г. В настоящее время эти персонажи мифологии являются важными научными понятиями астрономии. Так под Андромедой сейчас понимается не только созвездие северного полушария, но и спиральная галактика *Туманность Андромеды* (M31) со своими спутниками – карликовыми галактиками M32 и NGC 205 (Зигель 1987, 100). В честь матери Персея – Данаи был назван астероид (61), а в честь Ариадны – кратер на поверхности Венеры, через который проходит её нулевой меридиан.

Мифы являются ценным источником наших сведений о предыстории тех или иных событий, об общественном устройстве того времени, нравах и обычаях народов. В этом отношении особенно ценным источником наших знаний являются «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Долгое время эти (как и нек. другие) творения древние относили к чисто художественным произведения, основанным на творческом воображении их авторов. Открытие Г. Шлиманом Трои и Древних Микен (Штоль 2003) в 1870-х г.г., а также А. Эвансом минойской цивилизации (MacGillivray 2000) в 1900 г. во многом опирались на мифологические данные. Их успехи заставили ученых пересмотреть роль мифов в науке, и в настоящее время уже немало исследований древнего прошлого основывается на сведениях из древней мифологии с опорой на данные археологии, ономастики и др. наук.

Все это позволяет изучать и интерпретировать мифы уже в новом научном свете. Миф о Елене Прекрасной всегда находился в центре античной мифологии и уже давно стал излюбленной темой искусства. Существует немало его версий, однако некоторые его важные детали по-прежнему остаются вне внимания исследователей. После финала троянской войны (пожара Трои) интерес к ней как бы теряется. И хотя последующие события у античных авторов интерпретируются по разному (Clader 1976), большинство из них говорят о том, что неверная жена была возвращена на родину к ее законному мужу в Лакедемон. Несмотря на причиненные грекам огромные потери и страдания, какое-либо моральное или действенное осуждение ее поведения («побитие камнями») не последовало, Все это хорошо свидетельствует о том, что в этом мифе представлены этические нормы, сформированные еще в эпоху матриархата. Они также отражаются в кельтской мифологии и подтверждаются древнейшими историческими свидетельствами о кельтах. Права кельтские женщин в них (Berresford Ellis 1995) нередко превосходят права мужчин. Так они имели право на развод и на имущество мужа, если он физически не мог выполнять супружеские обязанности из-за ожирения, склонности к гомосексуализму или неверности. Кельтские женщины могли быть и священнослужителями. Из римской истории хорошо известен такой факт: в Галлии в III в. одна друидесса предсказала Диоклетиану, что тот сделается императором, если убьет вепря. И он действительно он стал властвовать в Риме (284–305) после того, как убил префекта

[41] Ср. http://www.astromyth.ru/library/Eratosthenes_Catasterismos.htm#v17 В созвездии Кит было отражено морское чудовище, угрожавшее жизни Андромеды.
[42] http://www.ianridpath.com/atlases/urania.htm

претории по имени Апер («Вепрь»). Кельтские женщины, владевшие имениями на Британских островах, до VII в. привлекались на военную службу наравне с мужчинами (Леру 2003, 89–90).

Научному пересмотру подвергаются и библейские мифы. К примеру, первые сведения о хеттах до расшифровки их текстов Б. Грозным в 1915 г. содержались в священном писании, так в 11-ой главе 2-ой Книги Царств рассказывается об Урии Хеттеянине, жена которого Вирсавия приглянулась царю Давиду. Из-за этого он был послан Давидом на верную смерть, после которой царь на ней женился.

Рассмотренные мифы представляются значимыми явлениями культуры, искусства и науки. Такие мифы являются креативными – т. е. связаны с творчеством, созиданием. Они уже давно стали важными объектами исследования и постоянно изучаются с точки зрения их эстетической и научной ценности. Однако есть и другого рода мифы, которые умышленно или в отдельных случаях непроизвольно фальсифицируют реальные факты, явления и события. Из гуманитарных наук особенно ими грешит история. Из истории они нередко переносятся в культуру и литературу, создавая благодатную псевдонаучную почву для разного рода спекуляций и околонаучных дискуссий.

Псевдоисторическая мифология.

Миф о Святополке Окаянном и Ярославе Мудром. Одним из старых таких мифов является исторический миф о Святополке Окаянном и Ярославе Мудром. В 1015 г. были невинно убиты Ростовский князья Борис (род. ок. 986) и его родной брат Муромский князь Глеб (род. ок. 987). Злодейское убийство было совершено во время борьбы за власть в Киеве между детьми князя Владимира Святославича (ок. 960–1015) после его смерти. При нем в 988 г. в Киевской Руси и было принято христианство. Борис и Глеб были тогда объявлены первыми русскими святыми, канонизированы как мученики – страстотерпцы, а также провозглашены как заступники Русской земли и небесные помощники ее князей. В честь братьев было построено множество храмов и монастырей, а от них ведет происхождение много местных названий. Об убийстве данных княяей рассказывают памятники древнерусской литературы: «Сказание о Борисе и Глебе»[43] (СБГ 1997) и «Чтение» Нестора Летописца»[44]. Из них первое сказание написано в середине XI века – в последние годы княжения Ярослава Мудрого (ок. 978–1054)[45], второе – после его смерти[46]. Вина за коварное убийство двух русских князей легла на Святополка, сводного брата Ярослава Мудрого и братьев Бориса и Глеба. В связи с чем Святополк в этих источниках получил прозвище Окаянный («*оканьный трьклятый*»). Великий же князь Киевский Ярослав стал известен как Ярослав Мудрый, однако Мудрым, как мало кому известно, он был провозглашен историками только в конце XIX в.

Еще в 1834 г. О. И. Сенковским была переведена[47] «Сага об Эймунде» (1994), в которой события тех лет предстали совсем в ином свете. В саге говорится о том, что варяг Эймунд вместе с дружиной был нанят Ярославом Мудрым (Ярислейфом) и по его распоряжению убил конунга Бурислейфа. Под именем «Бурислейф» исследователи предполагают имя князя Бориса.[48] Историки, начиная с С. М. Соловьёва[49] (1820–1879), спра-

---

[43] «Сказание о Борисе и Глебе» сохранилось более чем в 170 списках, ср. Рождественская М. Вс. Начало русской литературы: Текст лекции. 2001: http://window.edu.ru/library/pdf2txt/497/38497/16295

[44] См. Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотръпицу Бориса и Глѣба, см.: http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=pateric.borisogleb2

[45] Ростовский князь (987–1010), Новгородский князь (1010–1034), великий князь Киевский (1016–1018, 1019–1054).

[46] Легендарный Нестор Летописец жил около 1056–1114 г.г.

[47] См. Комментарий: http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/_eymundar_saga__ru.htm#_ftnref4

[48] Некоторые исследователи здесь видят польского короля Болеслава, которого сага якобы путает с его союзником Святополком. Такая интерпретация явно надуманная и вызывает серьезные сомнения.

[49] «Повесть временных лет». Ч. III. Прозаический перевод на современный русский язык. Комментарии. Цит по: http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/povest3.php

ведливо отмечали, что повесть о смерти Бориса и Глеба была вставлена в «Повесть временных лет», главный источник их исторической канонизации, явно позже.

Интересен ход борьбы за власть между Святополком и Ярославом. В 1014 г., прокняжив в Новгороде всего год, Ярослав внезапно отказался платить ежегодную дань своему отцу – Киевскому князю. В ответ Владимир Святославич приказал немедленно готовиться к войне с непокорным сыном. Ярослав же, не теряя времени, нанял варягов за морем, однако 15 июля 1015 г. в Киеве его отец скоропостижно скончался. После смерти князя Владимира престол захватил его сын Святополк, против которого в 1016 г. Ярослав выступил с объединенном войском новгородцев и варягов. Решающая встреча произошла под Любечем на Днепре, где Ярослав сумел разбить Святополка и захватить Киев. Разбитый князь вскоре нашел помощь у своего тестя, князя Болеслава I Храброго в Польше. В 1018 г. при поддержке польских и печенежских войск Святополк и Болеслав двинулись в поход на Киев. Новая битва состоялась уже на реке Буг, С помощью Болеслава Святополк сумел одолеть новгородцев и вновь захвалил киевский престол. Ярославу пришлось бежать за помощью вновь в Новгород. Не желая содержать польские войска, Святополк тогда разорвал с ними союз и изгнал их из Киева. Вместе с Болеславом ушли и многие киевские бояре. Не прошло и года, как лишившийся военной поддержки поляков Святополк вынужден был снова сражаться с вернувшимся варяжским войском Ярослава. Святополк призвал на помощь уже других союзников – печенегов, однако в решающей битве на реке Альте (недалеко от того места, где погиб Борис) он потерпел решающее поражение. Дальнейшая его судьба не известна. Ярослав же сделался единственным правителем и без проблем правил все последующие 35 лет. Он стал одним из наиболее успешных правителей Руси, построив многие города – Юрьев (ныне Тарту), Ярославль, Юрьев Русский, Ярослав и Новгород-Северский. При нем возникли и первые русские монастыри. Особенно же он прославился строительством храмов Святой Софии в Киеве и Новгороде.

В разные времена правители постоянно заботились о своем, что сейчас называется историческом имидже. Поэтому переписывание и переделывание истории уже тогда было самым обычным делом. Появление мифа о Святополке «Окаянном» и возникло именно во время его правления[50]. Здесь как-то часто забывается, что после того как киевский престол перешел к Ярославу Владимировичу, он «*сумел избавиться практически от всех своих братьев, сколько-нибудь серьезно претендовавших на власть*» (Данилевский 1998, 157). Нам не приходится сомневаться в том, что Ярослав был по праву признан историками Мудрым, однако, во времена борьбы за власть он сам оказался «Окаянным». Историки же должны снять со Святополка имя «Окаянный».

Два мифа о В. И. Ленине. С крахом коммунистической системы жизнь и деятельность В. И. Ленина получила наконец более объективное освещение. Культ Ленина был создан после его смерти И. В. Сталиным в его борьбе за власть, и этот культ со временем во многом превзошел даже религиозный. Для поддержания данного культа было создано много мифов, основанных на лжи, которые еще должны получить полное освещение. Рассмотрим только два из них: ««*Ленин вождь Октября*» и «*способность Лениным предвидеть грядущие события*». В советское время во всех изданиях с конца 1920-х г.г. было написано «*под руководством В. И. Ленина была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция*». В то же время Л. Д. Троцкий постоянно представлялся как враг Коммунистической партии и трудящихся, а также как агент мирового империализма. В учебниках новейшей истории писалось, что в ходе «большевизации Советов» с конца сентября 1917 г. в Петрограде власть стала переходить в их руки. 20 сентября Л. Д. Троцкий был избран председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который он уже возглавлял до этого во время революции 1905 г. Как известно, В. И. Ленин появился в Смольном только в канун самого восстания – 24 октября, а само восстание произошло в ночь с 25-е на 26-е октября. В трактовке тех событий остается до

[50] Подробно – см, Данилевский 1998, Приложение, с. 335–354, в интернете: http://pryahi.indeep.ru/history/danilevsky_02.html

сих пор много непонятного[51], однако, совершено ясно, что это был последний аккорд той большой работы, которая была сделана до этого. Из опубликованных документов складывается впечатление, что В. И. Ленин в тех событиях выступал как простой статист, ждущий за кулисами своей главной роли. Основная же роль в тех событиях, как явствует из свидетельства И. В. Сталина, была сыграна Л. Д. Троцким: «*Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому*» (Сталин 1918)[52]. Созданный уже позже миф превратил «*Октябрьский переворот*» в «*Великую Октябрьскую социалистическую революцию*», где исключительную роль сыграл В. И. Ленин. Подлинная роль Л. Д. Троцкого в ней очень долго замалчивалась. В целом же Октябрьская революция укладывается в известную формулу, приписываемую[53] обычно О. фон Бисмарку: «*Революцию планируют гении, делают романтики, а плодами её пользуются негодяи*».

В советской культуре было создано целое направление – лениана. Оно в основном основывалось на создаваемой и культивируемой советской мифологии. Один из мифов рисовал советского вождя как гениального человека, умевшего предвидеть многие события. В школьных хрестоматиях, например, было помещено программное стихотворение талантливого детского поэта Сергей Михалкова «В Музее В. И. Ленина», где были такие слова:

Далась победа нелегко,
Но Ленин вел народ,
И Ленин видел далеко,
На много лет вперед.[54]

О В. И. Ленине написано горы литературы, но мы в документах нигде ничего не найдем о его даре гениального предвидения – ни «на много лет вперед», ни даже на небольшое время вперед. В. И. Ленина не сыграл никакой роли в революции 1905–1907 г.г., заставшей его за границей в Швейцарии, там же он встретил и Февральскую революцию 1917 г. В те дни он не мог предположить, что уже вскоре – в апреле он будет доставлен в запломбированном вагоне в Россию для успешной организации революции. Не мог предвидеть он и последствия военного коммунизма, приведшего к Кронштадскому восстанию в марте 1921 г. и мн. др.

«*Венгерский миф*». Подобные исторические мифы можно найти в истории любой страны. Возьмем Венгрию. К национальным героям Венгрии после падения коммунистического режима был причислен Имре Надь (1896–1958) – видный послевоенный политический и государственный деятель страны. В 1958 г. он был расстрелян, а затем в 1989 г. его прах был торжественно перезахоронен на Пер-Лашез Будапешта – кладбище Керепеши. И. Надь явился одним из руководителей Венгерского восстания осенью 1956 г., став тогда на короткое время (24.X – 4.XI) вновь премьер-министром Венгерской Народной Республики. В те драматические события им были инициированы резкие изменения в политическом курсе страны, которые в скором времени привели к введению сил Организации Варшавского договора и быстрому подавлению восстания.

Причисление И. Надя к национальным героям страны вызывает споры даже у самих венгров из-за его прошлого (Стыкалин 2007). И. Надь был убежденным марксистом, вступив в компартию в 1917 г. В 1930–1944 г.г. он жил в СССР. В 1937–1938 г.г. этот деятель КП избежал расстрела, в то время как был уничтожен Бела Кун, руководитель Венгерской

[51] Это может быть связано с отсутствием, уничтожением или неопубликованием многих документов, относящихся к тому времени.
[52] Позже вместо этого было написано: «*Вдохновителем переворота о начала до конца был ЦК партии во главе с товарищем Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире. 24 октября, вечером, он был вызван в Смольный для руководства движением*» (Сталин 1947, с. 154).
[53] Подлинный автор остается неизвестен.
[54] Сергей Владимирович Михалков. Стихи. Цит. по: http://lib.meta.ua/book/19169/

советской республики в 1919 г., а также многие другие венгерские коммунисты. Это, как и многие другие факты свидетельствуют о его сотрудничестве с НКВД[55]. После 1945 г. И. Надь был министром внутренних дел страны и принимал самое активное участие в послевоенных репрессиях. Позже он возглавлял министерство продовольствия. В 1948 г. И. Надь сам оказался репрессирован, однако после покаяния в 1950 г. возглавил министерство сельского хозяйства, а в 1953–1955 г. был премьер-министром Венгрии. Этот пост он вновь занял в период восстания 24 октября 1956 г. и уже 25 октября И. Надь выступил по радио с осуждением тех событий, отметив, что «*немногочисленные контрреволюционеры-подстрекатели развернули вооруженное нападение на строй нашей республики»*[56] и *«правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее антинародное движение рассматривается как контрреволюция»*[57]. Однако 30 октября его правительство приняло решение уже о восстановлении в стране многопартийной системы и о создании коалиционного правительства из представителей различных партий. Было объявлено о проведении свободных выборов в стране[58], а на следующий день – о расторжении Венгрией Варшавского договора и подано обращение в ООН с просьбой о помощи в защите нейтралитета страны[59]. Однако уже с 30 октября в Венгрии фактически наступило безвластие. Единство в стране отсутствовало. И. Надь не смог взять под контроль уличные беспорядки в Будапеште. Не было единства и у боевиков, один из которых Й. Дудаш (1912–1957), открыто призывал не признавать правительство И. Надя. Назначенные венгерским премьер-министром руководители Комитета революционных вооружённых сил П. Малетер (1917–1957) и Б. Кирай (1912–2009) имели различные взгляды на тактику восстания, в результате чего большая часть военных отказывалась подчиняться обоим из них.

Восстание с самого начало было обречено на явный провал, а все декларативные действие И. Надя скорее всего этот провал только ускорили: 4 ноября были введены советские войска, а 8 ноября восстание было подавлено. Однако даже при его успешном завершении И. Надь мог быть только переходной фигурой из-за своего яркого коммунистического прошлого. Здесь интересно заметить, что новым руководителем Венгрии с поддержки СССР тогда стал Янош Кадар (1912–1989). Его биография во многом схожа с биографией И. Надя. В апреле 1951 года Я. Кадар был снят с поста министра внутренних дел и обвинён в титоизме (как И. Надь в 1949 г.). Он был арестован и провел некоторое время в заключении в СССР. На свободу Я. Кадар вышел только в июле 1956 г. Предполагают, что в казне И. Надя сыграла определенную роль и неприязнь к нему самого Я. Кадара, считавшего его одним из виновником своих злоключений.

Можно видеть, что после войны в коммунистическом руководстве Венгрии, как и во всех других странах послевоенной Восточной Европы, шла острая борьба за власть, часто не на жизнь, а на смерть. Героев здесь никогда не было и быть не могло. Были одни только жертвы той борьбы и идеологии. Можно предположить, что, если бы Я. Кадар, был репрессирован раньше, чем И. Надь, то он вполне в 1956 г. мог бы поменяться с ним местами и сам стать «национальным героем». В любом случае такие мифические герои как-то блекнут с подлинными национальными героями Венгрии, среди которых можно назвать выдающегося государственного деятеля Лайоша Кошата (1802–1894) и национального поэта Шандора Петёфи (1823–1849), ставших руководителями Революции 1848–1849 г.г. в Венгрии.

---

[55] В 1990 г. по инициативе М. С. Горбачева были переданы документы о его сотрудничестве с НКВД генеральному секретарю ЦК ВСРП К. Гросу, который с ними ознакомил тогдашнее руководство Венгрии. На пленуме было принято решение полученные документы не публиковать и даже не обсуждать. Копии этих документов в настоящее время находятся в одном из архивов в Будапеште и доступ к ним закрыт (Медведев 2004, с. 67).

[56] Перевод речи И. Надя на радио: wikipedia/ru/3/3b/Призыв_Имре_Надя_от_25.10_к_прекращению_восстания.jpg

[57] См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М., РОССПЭН, 1998, с. 441–443.

[58] Там же, с. 441–443.

[59] Там же, с. 336–337.

Спекулятивный подход к истории и нередко ее мифологический характер блестяще осмеян выдающимся сербским сатириком Брониславом Нушичем (1864–1938). В своем произведении «Автобиография» в главе «История» он рассказывает о том, как из-за истории, «учительницы жизни», он провалился на экзамене и остался на второй год. На зкзамене он заявил, что сербский король Урош умер в XIV в. после боя при Марице, а не погиб от руки короля Вукашина, в то время как до этого учитель его «на каждом уроке на чем свет стоит проклинал». Позднее, когда он окончил школу, историки доказали, что Вукашин не мог убить Уроша, так как он умер после битвы при Марице, что Бр. Нушич и утверждал на экзамене. Писатель с иронией по этому поводу восклицает «*Теперь возникает вопрос: кто должен возместить мне 365 дней, потерянных мною из-за того, что государство до последнего времени не знало своей собственной истории?*» (Нушич 1961, 54). Каждое ли государство знает свою историю? Это и сейчас остается вопросом.

Разбор псевдоисторических мифов прекрасно подводит другая цитата из произведения сербского сатирика, сохраняющая свою актуальность и ныне: «Новая история начинается исторической фальсификацией, а заканчивается фальсификацией истории» (Нушич 1961, 50).

Немало мифов, лишенных научного обоснования можно найти и в современных исследованиях культуры и литературы.

«*Дневник барона Готфрида ван Свитена*». Имя Эдварда Радзинского (род. в 1936 г.) не нуждается в особом представлении. Он является известным российским писателем, драматургом, сценаристом, телеведущим, историком. Им написано огромное количество драматургических произведений и историко-публицистических книг, вышедших в крупнейших мировых издательствах и переведенных на многие иностранные языки. Он прославился и как блестящий популяризатор культуры и истории на центральном телевидении России, показав высокую эрудицию и огромный интеллект. Поэтому любое его произведение заслуживает самого пристального внимания. В 2005 г вышла его книга «Загадки истории» (Радзинский 2005), которая не может не привлечь внимание музыковедов и многочисленных почитателей таланта гениального композитора В. А. Моцарта, интересующихся его биографией. Внимание подогревает тот факт, что в 7 разделе данной книги представлен «Дневник барона Готфрида ван Свитена». Сама публикация такого дневника могла бы претендовать на сенсацию мирового масштаба, однако подозрения вызывает уже само объяснение происхождения дневника и его судьба.

Знаменитый пианист К. (? – О. П.), друг Шостаковича и ученик Прокофьева, в обычном букинистическом магазине Петрограда обнаружил на немецком языке рукопись «*Подлинные размышления барона Готфрида Бернхарда ван Свитена*». Когда? – не сказано. Неизвестно и сколько он скрывал это сенсационное открытие. Говорится только, что этот музыкант был арестован. Вместе с ним была забрана и рукопись... К. сообщает, что после смерти Сталина его освободили, но «рукопись исчезла!.. Ему сказали, что, скорее всего, ее забрал сам Берия». К., как пишет Э. Радзинский, – «умер 5 декабря 1989 года. И вскоре его вдова переслала мне запечатанный конверт». Дневник был восстановлен К. по памяти на русском языке (! – О. П.). Как такая ценность долго была неизвестна и могла попасть в Россию – не объясняется. Проверка оригинала не возможна. Известно, что сбор документов о Моцарте был начат вскоре после смерти В. А. Моцарта в 1791 г. Первым собирателем таких документов вскоре после смерти композитора стал Г. Н. Ниссен (1761–1826), второй муж Констанцы Моцарт. Он не мог не знать и не общаться с ван Свитеном, умершим в 1803 г. Поэтому, если бы ван Свитен вел дневник, то он скорее всего попал бы к Г. Н. Ниссену. В 1841 г. был создан Моцартеум. Его основу создали все подлинные документы о Моцарте. Сбор и изучение данных документов там ведется с тех до настоящего времени. Ценность каждого документа уже издавна измеряется огромными сумами.

Объяснение, приведенное в книге Э. Радзинского, очень похоже на многие уже разоблаченные мистификации истории. К примеру, 25 апреля 1983 года известный немецкий журнал «Штерн» выступил с мировой сенсацией: «Найдены дневники Гитлера»,

опубликовав из них пространственные выдержки и проиллюстрировав их отрывками из оригинала, написанного рукой немецкого фюрера. Тираж «Штерна», составлявший тогда 1,87 млн., сразу же вырос после первой публикации на 300 000[60]. Это было очень наглой подделкой, поскольку всем было хорошо известно, что Гитлер не любил писать и всю свою корреспонденцию диктовал секретарям. Если же он писал сам, то обычно карандашом. Из-за психического расстройства он практически с января 1943 г. ничего не мог написать разборчиво, Дневник был обнаружен якобы в разбившемся самолете, перевозившем его личные вещи. Часть груза, включая дневники, было спасено местным крестьянином, который и припрятал дневники. Два авторы этой сенсации тогда заработали 9 млн. марок (3,7 млн. долларов), однако позже получили по 4 с лишним года тюрьмы. После того, как эксперты установили подделку (бумага дневников, чернила, клей в переплетах и искусственная кожа обложек относились к послевоенному времени), авторы сами сознались в фальсификации. (Seufert 2008).

Тогда же экспертами было установлено, что это была не просто подделка, а «плохая подделка». К этой категории вещей можно отнести и «Дневник ван Свитена» Э. Радзинского – подделка примитивная, убогая и глупая. Здесь многое можно оспорить, однако достаточно обратить внимание на три таких чудовищно изложенных факта (Радзинский 2005, 363–354), чтобы убедиться в этом.

«Из дневника 6 декабря 1791 Г.

Я. (Свитен – О. П.) Видимо, грустно смотреть, как гения (т. е. – Моцарта – О.П.) отправят в могилу для бедных.

С А Л Ь Е Р И. Если бы я знал... Почему вдова не обратилась ко мне?! Я охотно дал бы денег.

Я. Это говорят теперь все. Но втайне радуются, что не обратилась. Кстати, Сальери, почему вы сами не обратились к вдове? Вы ведь знали, что он нищий[61].

С А Л Ь Е Р И. А вы?

Я. Я скуп.»[62]

Безымянному автору «Дневника» явно было неизвестно, что после смерти Моцарта ван Свитен почти десять лет содержал детей композитора до вторичного замужества их матери, вышедшей в 1802 г. за датского дипломата Ниссена.

«Из дневника 17 февраля 1792 г. (sic!– О. П.)

Сегодня в Вене в зале Яна по поручению госпожи Констанцы Моцарт я, Готфрид ван Свитен, с большим успехом исполнил Реквием Вольфганга Амадея Моцарта.»

Хорошо известно[63], что «Реквием» Моцарту был заказан графом Вальзеггом и впервые им был исполнен 14 декабре 1793 г. На партитуре было указано: «Реквием сочинения графа фон Вальзегга» («*Composito dei conte Walsegg*»).

«Добавление из дневника 1801 г.: у Сальери бывают странные нервные припадки. Я даже слышал, что порой, пугая домашних, он вопит, что убил Моцарта».

Свое признание Сальери сделал спустя 20 лет после смерти ван Свитена (см. Poljakov 2000 с. 77–78).

«*Украинский соловей*». Культ Тараса Шевченко на Украине в советское время не уступал культу В. И. Ленина. Жители многих украинских городов с гордостью могли утверждать, что памятник Шевченко у них стоит в более престижном месте и более величественен, чем Ленину. Всеобщий культ Ленина закончился после того, как были разоблачены о нем многие мифы. Культу Т. Г. Шевченко и разоблачению о нем созданных мифов посвящены специальная статья и несколько глав монографии киевского историка и

---

[60] http://tainy.net/12270-sekretnye-dnevniki-gitlera.html

[61] Изложено очень примитивно и беспомощно, без знания той ситуации и стиля общения.

[62] Цит. по: http://www.radzinski.ru/книги/Загадка-Моцарта.aspx

[63] The Cambridge Mozart Encyclopedia. Cambridge University Press. 2006, с. 422. В интернете: http://books.google.lt/books?id=8o6mVjlSzM4C&pg=PA319&dq=Mozart%E2%80%99s+Last+Year+Walsegg&hl=ru&ei=Pi59TezCDMe6hAffzaToBg&sa=X&oi=book_result&ct=result&redir_esc=y#v=onepage&q=Walsegg&f=false

филолога Александра Каревина «Русь нерусская» (2006_1; 2006_2, 113–147; Приложения: 228–266). Интересно заметить, что культ Шевченко, как и культ Ленина, возник также в советское время (в западной Украине – после ее присоединения к СССР в 1939 г.). Мнение данного историка основано на документах, которые и раньше были доступны, но постоянно замалчивались в советской апологетике. Остановимся здесь только на двух мифах

«*Миф борца за свободу*». Почти в каждой энциклопедической статье о Т. Г. Шевченко (1814–1861) было написано: «украинский поэт, художник, мыслитель, революционный демократ». В 1846 вступил в тайное общество. В апреле 1847 по доносу провокатора был арестован, а затем отдан в солдаты в Орскую крепость с резолюцией Николая I: «под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать». «Ссылка не убила талант Ш. и не сломила его волю и революционные убеждения» и т. п.[64]

Действительность была совсем иной. По свидетельству В. Г. Белинского, царь от души смеялся, читая направленные против себя шевченковские строки, называя его дураком и не собирался его наказывать, однако когда прочитал «пасквиль на императрицу», то пришел в великий гнев, заявив: «*Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?*» (Белинский 1956, 440). Вот те строки из пасквиля Т. Г. Шевченко 1844 г., названного им комедией «Сон», которые лично задели царя, как мужа очень порядочной женщины и человека:

Цариця- небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще, на лихо, сердешне
Хита головою.
Так оце-то та богиня!
Лишенько з тобою (Шевченко 2003, с. 272).

Считается, что смеяться над физическим уродством может только моральный урод. В советское время было много написано о том, как Т. Г. Шевченко был выкуплен из крепостной зависимости благодаря стараниям художника К. П. Брюллова (1799–1852) и поэта В. А. Жуковского (1783–1852), однако постоянно замалчивалось об особой роли в этом освобождении императрицы Александры Федоровны (1798–1860). Во время восстания декабристов 1825 г. восставшие собирались тогда вырезать всю царскую семью. В то время императрица вместе с детьми едва не попала в руки мятежников, поэтому в результате перенесенного нервного потрясения у ней иногда наблюдался нервный тик. Вот за это Т. Г. Шевченко и осмеял свою спасительнису. В этом он ни у кого не нашел сочувствия. Потом униженно раскаиваясь, он уповал на то, что не получил нормального воспитания и обещал искупить свою вину.

Миф «воспевателя трудной доли украинской женщины». Кто только не знает начальных строк из шевченковской поэмы «Катерина» (1838–1839): «*Кохайтеся, чорнобриві, Та не з москалями, Бо москалі – чужі люде, Роблять лихо з вами. Москаль любить жартуючи, Жартуючи кине; Піде в свою Московщину, А дівчина гине...* » (Шевченко 2003, 92). Нельзя не признать огромной эмоциональной силы этой поэмы и ее реалистичности. Складывается впечатление, что украинский поэт писал это произведение как ни какое другое с естественной натуры.

В действительности это и было так, только натура была совсем иная. У А. С. Пушкина в знаменитой пьесе «Моцарт и Сальери» Сальери в оправдании своего злодеяния, как известно, восклицает: «*И не был ли убийцею создатель Ватикана?*». Поэт имел в ввиду одного из создателей Сикстинская капеллы – Микеланджело Буонарроти и его картину «Распятие Христова», о которой ходили слухи, что «*будто бы он, желая естественнее представить умирающего Спасителя, умертвил человека, который служил ему моделью*». Эта злая притча уже тогда была отвергнута всеми[65], что и нашло отражение в словах

[64] Ср. БСЭ, 1978, том 28. Цит по: БСЭ онлайн: http://bse.sci-lib.com/article123520.html

[65] Эти сведения, как давно установлено, поэт почерпнул из одного письма Н. М. Карамзина (1964, 146–147), который их оценил, как «анекдот сей совсем невероятен». В интернете:

знаменитого русского поэта: «*гений и злодейство, Две вещи несовместные*». В случае с Т. Г. Шевченко, образно говоря, он умертвил свою «натурщицу» – «*Тарас Григорьевич знал, о чем пишет, не понаслышке*». Его биографы установили, что первым, кто поднял вопрос о необходимости освобождения молодого Шевченко из крепостной зависимости был художник Иван Максимович Сошенко 1807–1876), который с этой целью представил его Карлу Брюллову. Он много хлопотал за него, помогал в занятиях живописью, делился иногда и последним куском хлеба и, наконец, приютил получившего свободу друга у себя в комнате. В благодарность однако Т. Г. Шевченко начал ухаживать за его невестой Машей, и, в конце концов, совратил ее. И как в его поэме, «*жартуючи кине*» и «*а дівчина гине..*» – не «москаль», а он сам (Каревин 2006_1, 242, Каревин 2006_2, 17).

Много можно найти других неприглядных и непристойных эпизодов в биографии Т. Г. Шевченко: подлость по отношению к близким (он пропил деньги, собранные на их выкуп), богохульство, беспробудное пьянство[66], непорядочность в отношениях к женщинам и т. д. Эти эпизоды обычно элиминируются в его официальных биографиях, но они очень действенно развеивают миф о Шевченко, как о «мыслителе», «революционном демократе», «выразителе чаяний своего народа»[67] И хотя еще есть и будет немало поклонников его культа, этот псевдорелигиозный культ со временем непременно себя изживет, как и культ В. И. Ленина: «шествия и мавзолеи» закончатся.

Два мифа связаны с Адамом Мицкевичем (1798–1855), Правда, их развеивание ведет не к пересмотру его биографии и творчества, а только к некоторым небольшим, однако важным их уточнениям. Данный поэт является культовой фигурой в истории Польши и европейской литературы. Известно, что он дружил с А. С. Пушкиным, а он именно ему вполне бы мог заявить, что Бомарше «*же гений, Как ты, да я. А гений и злодейство, Две вещи несовместные. Не правда ль?*». Так что гениальность и благородство Адама Мицкевича здесь не требует специальных комментариев.

Миф «*ссылка*». В многочисленных биографиях поэта сказано, что он был арестован в 1823 г. по делу филоматско-филаретских организаций, а в 1824 выслан из Литвы и до 1829 пробыл в России. Ссылка обычно ассоциируется с местами ввесьма удаленными от центров культуры, вспомним у А. С. Пушкина – «во глубине сибирских руд»ю. Местами «ссылок» великого польского поэта были: Петербург, Одесса, Москва, снова Петербург. Часть «ссылки» ему пришлось отбыть тогда в далеком от российских столиц Крыму. Это ярко запечатлел А. С. Пушкина в его отрывках «Путешествие Онегина» (1829-1830), не включенных в основной текст. Во фрагменте, где Онегин посещает Тавриду, сказано:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал.[68]

В Москве он встретился с А. С. Пушкиным (Благой 1956). Тот, видя в нем соперника равного по таланту, а по гонору, возможно, превосходящего[69], мог легко поступить с ним

---

http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm

[66] См. свидетельство о смерти Т. Г. Шевченко: «*Смерть его была скоропостижная. Уже несколько месяцев страдал он водянкою. Не без основания говорили врачи, что болезнь эту нажил он от неумеренного употребления горячих напитков, особенно рома, который он очень любил*» (Костомаров 1990, 536). В интернете: http://litopys.org.ua/kostomar/kos28.htm

[67] Установлено, что где-то половина всех его произведений (в том числе и дневники) им были написаны по-русски. Однако эти произведения, в отличие от произведений других писателей украинского происхождения, таких как Н. В. Гоголь, В. Г. Короленко др., успеха не имели..

[68] Цит по: http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/poetry/onegin.htm

[69] Раз у А. С. Пушкина состоялась шуточная словесная дуэль с А, Мицкевичем, которую он проиграл. Об этом поведал В. П. Вяземский: «*Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал: "С дороги двойка, туз идет". На что Мицкевич тут же отвечал: "Козырная двойка туза бьет"*» (Вяземский 1998, с. 12). В интернете: http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs1/vs1-123-.htm Известно, когда А. Мицкевич узнал о гибели А. С. Пушкина, он собирался вызвать на дуэль Ж. Ш. Дантеса.

так, как когда-то поступил А. Сальери с В. А. Моцартом. Однако русский поэт оказался для него Моцартом. Он стал его вводить в различные салоны, пропагандировать его творчество, знакомить с нужными людьми. Среди выдающихся произведений, вышедших в то время были: II-ой том его «Поэзии» (1823), в который вошли и романтическая поэма «Гражина», 2-ая и 4-ая части драматической поэмы «Дзяды». В 1826 г. вышла книга «Сонеты», где был представлен цикл «Крымские сонеты», а в 1828 году – поэма «Конрад Валленрод» с посвящением императору Николаю I и др. Наверное, трудно в истории литературы найти пример другой такой подобной ссылки. Это время было началом подлинного расцвета таланта А. Мицкевича как поэта. И не было ли бы фатальным для его творчества, если бы он остался в Литве, где поэт мог бы остаться незамеченным, и где явно не было таких благоприятнейших условий, который он имел, находясь в той же «ссылке»?

Миф «западное признание при жизни». Из жизни в эмиграции А. Мицкевича общеизвестно, что он «*в 1839-40 читал курс римской литературы в Лозанне, затем (до 1844) занимал кафедру славянских литератур в парижском Коллеж де Франс»*. Здесь возникает вопрос, а почему только в 1840–1844 г.г. он занимал солидную должность в Париже? Это обычно не комментируется. Уход с кафедры не был для А. Мицкевича добровольным, тат как поэт жил в немалой нужде. Французским властям тогда не понравились его политические взгляды, а в годы революции 1848–1849 он чуть даже не избежал ареста. С 1851 г. он находился под наблюдением полиции. И хотя в 1852 г. французский император вспомнил, что с 1830-х г.г. поэт был страстным бонапартистом, в награду он получил всего лишь жалкую должность библиотекаря при Арсенале в Париже. Исследователи литературы любят сравнивать общественное положение А. Мицкевича с соответствующим социальным статусом А. С. Пушкина, которому в 1834 г. Николай I пожаловал «*унизительный младший чин придворного камер-юнкера*». Это совершенно не соответствует действительности[70]. Камер-юнкер был почетное звание, после 1809 г. присваемое чиновникам IV-IX классов[71]. Подлинное и аслуженное признание Адаму Мицкевичу, к сожалению, пришлотолько после его смерти.

Известно, что еще Платон считал миф как вымысел, который социум считает фактом. Античная мифология оказалось довольно продуктивной для развития культуры и науки, однако ее методы, к сожалению, до сих пор не изжиты в современных гуманитарных науках и довольно успешно используются для мифологизации массового и политического сознания. Успешное развитие данных наук возможно только на основе строгих научных методов и объективных, а не вымышленных, фальсифицируемых или непроверенных фактов. Всякая их мифологизация должна быть изжита.

ЛИТЕРАТУРА

Аристофан – Женский праздник. / Пер. Н. Корнилова. Казань, 1916.. Цит. по: http://lib.rus.ec/b/211129/read
Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13-ти тт. – Т.12: Письма 1841–1848. М. 1956. В интернете с. 440.: http://litopys.org.ua/shevchenko/belinsky.htm
Благой 1956 – Благой Д. Д. . Мицкевич и Пушкин. – Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1956, т. XV, вып. 4, 297–314.
Вяземский 1998 – Вяземский П. А. Мицкевич о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. 3-е изд., доп. — СПб, 1998, 123–132.
Данилевский 1998 – Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). Курс лекций» М., 1998; 2-е изд. – М., 2001. В интернете: http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/index.htm
Зигель 1987 – Зигель Ф. Ю. Сокровища звёздного неба: Путеводитель по созвездиям и Луне. 5-е изд., М: Наука, 1987.

[70] В гвардии и на придворной службе были свои звания и законы. Напр., подполковник гвардии был IV чин в «Табеле о рангах», чему сответствовал чин генерал-майора и контр-адмирала. См. табель о рангах: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003336340#?page=6 и Энциклопедию Брокгауза и Ефрона онлайн:.

[71] http://www.booksite.ru/fulltext/bro/kga/brokefr/3/3837.htm В обязанности камер-юнкеров могло входить дежурство при императрицах и других членах императорской семьи, а также особые дежурства при них во время придворных церемоний, балов и в театрах. Придворное звание выше камер-юнкера – камергера предполагало уже действительную службу при дворе, что для А. С. Пушкина не было приемлемым.

Ефремов (1957) –Ефремов И. А. «Туманность Андромеды». Журнал «Техника-молодежи» 1957, №№ 1–2, 8. В интернете: http://lib.rus.ec/a/18462
Карамзин 1964 – Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М. – Л. 1964.
Каревин 2006_1 – Каревин А. С. Украинский «соловей». – Вестни Юго-Западной Руси, 2006, 1, с. 14–21. В интернете: http://ukrstor.com/ukrstor/vestnik20061-karevin.html и мн. др.
Каревин 2006_2 – Каревин А. С. Русь нерусская. М. Изд-во «Имперская традиция». 2006; новое издание – 2008. О Шевченко см.: Глава 6. «Батько Тарас» или «батько Лазарь», с. 113–147; Приложения: «Поэт и царь», «Не сотвори себе кумира /Тарас Шевченко: оборотная сторона медали/», «Культ "великого Кобзаря"», «Правда остается правдой», с. 228–266. Здесь же представлена основная литература о Т. Г. Шевченко.
Костомаров 1990 – Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. К., 1990, 523-546.]
Леру 2003– Леру Фр. Друиды. Пер. с франц. Цветковой С.О. СПб., 2003.
МС 1992 – Мифологический словарь. Главный редактор Е. М. Мелетинский. М. «Большая российская энциклопедия».
Медведев 2004 – Медведев Р. Юрий Андропов: Неизвестное об известном. М., 2004.
Нушич 1961 – Нушич Бр. Автобиография. Куйбышевское книжное издательство. 1961 г. В интернете: http://vilavi.ru/raz/nush/0.shtml
Радзинский 2005 – Радзинский Э. С. Загадки истории. 7. Несколько встреч с покойным господином Моцартом. М. 2005, 309-364. Данное сочинение представлено на многих сайтах в интернете, в том числе и на «Домашней страничке Эдварда Радзинского»:
http://www.radzinski.ru/книги/Загадка-Моцарта.aspx
«Сага об Эймунде» 1994 – Сага об Эймунде (Прядь об Эймунде Хрингссоне). Пер. с др. исл. Е. А. Рыдзевской 1978. В: Джаксон. Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (до середины XI в.). М., 1994. Цит по: http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/_eymundar_saga__ru.htm
СБГ 1997 – Сказание о Борисе и Глебе. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI—XII века. Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева. СПб., 1997. В интернете: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871
Софокл 1990 – Софокл. Драмы. В пер. Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки и В. Н. Ярхо под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. Серия "Литературные памятники". М., "Наука", 1990. Фрагменты 79–83. Цит. по: http://lib.ru/POEEAST/SOFOKL/sofokl3_9.txt
Сталин 1918 – Сталин И. В. Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 года в Петрограде). «Правда», № 241, 1918 г. 6-е октября. – То же с изменением: И. В. Сталин. Сочинения. Т. 4. М., 1947, 152–154.
Стыкалин 2007 –Стыкалин А. Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе. Мифы и реальность. Журнал «Неприкосновенный запас». Дебаты о политике и культуре. 2007, № 6 (56), 223-238. В интернете: http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/st21.html#_ftnref10
Хойл , Элиот (1962) – пер. на рус. яз.: Хойл Фр., Элиот Дж. «Андромеда». Серия «Зарубежная фантастика». Пред. И. Шкловского. Пер. с английского Г. С. Хромова. М. Изд-во «Мир» 1966. В интернете: http://www.lib.ru/INOFANT/HOJL/andromeda.txt
Шевченко 2003 – Шевченко Т.. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003. — Т. 1: Поезія 1837-1847. В интернете с. 272: http://izbornyk.org.ua/shevchenko/shev128.htm; с. 92: http://izbornyk.org.ua/shevchenko/shev110.htm
Штоль 2003 – Г. Штоль . Мечта о Трое. М., 2003. Первое нем. издание в Лейпциге 1956 г. было много раз переиздано и переведено на др. языки.

Berresford 1995 – Berresford Ellis P. Celtic Women. London: Constable, 1995.
Clader 1976 – Clader L.L. Helen: The Evolution from Divine to Heroic in Greek Epic Tradition. Leiden, 1976.
MacGillivray 200 – MacGillivray Joseph A. Minotaur. Sir Arthur Evans and the Archaeology of the Minoan Myth, Hill & Wang, New York. 2000.
Poljakov 2000 – *Puschkin und die literarischen Salieriana*. *Mozart und Salieri.* In: „Die Slawischen Sprachen“ (Universität Salzburg), 2000, Bd. 65, p. 74–89.

Olegas Poliakovas
Vilnius University

MYTHS AND MYTHOLOGIZATION IN THE HUMANITIES

Summary

Myths and Mythologisation in Human Sciences. The article is devoted to the phenomenon of myths in history of culture and science. Having appeared in the prehistoric times, myths have become very important concepts of European culture, and found their further treatment in modern works of literature and art. If at the beginning of the development of science myths played an important

part and had left prominent traces in its terminology, mythologisation as method in modern human sciences is a relict of old scientific methods that must be rejected. The article regards some samples of scientific mystification and their unmasking.

KEY WORDS: myths, mythology, history of science, mythologisation, scientific falsification, unmasking

Дарья Тер-Минасова
Московский государственный институт международных отношений (университет)
пр. Вернадского 76, 119454 Москва, Россия
Эл. почта: dariter-minasova@mail.ru
Научные интересы: история и культура Великобритании, культурология, межкультурная коммуникация.

ТРАДИЦИИ БРИТАНСКОЙ МОНАРХИИ КАК ОСНОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕЕ ИМИДЖА

Традиция представляет собой важный элемент для понимания имиджа английской монархии. Она создает определенную совокупность взглядов, которые определяют сложившийся в данной культуре образ явления, который учитывается при построении имиджа наравне с другими факторами. В Англии, известной своей приверженностью к традициям, сформировалось множество традиций, тем или иным образом повлиявших на формирование имиджа данного института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имидж, монархия, традиция

У. Липпман утверждает, что существует причина, по которой мы часто следуем стереотипам, в то время как могли бы придерживаться более объективного взгляда на вещи. По его мнению, системы стереотипов могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе (Липпман 2004, с.108).

При изучении того, что представляет собой имидж английской монархии, важное значение имеет сама Англия, и ее традиционность. Именно англичане вошли в историю как хранители и почитатели своих традиций. Одна из глав книги А.В. Павловской «Англия и англичане» начинается следующими словами: «Англия, пожалуй, единственная страна, которая не хочет быть «Европой» (Павловская 2004). Действительно, англичане издавна противопоставляют себя не только Европе, но и всему остальному миру. Они искренне уверены, что все лучшее в мире обязано своим происхождением именно их стране, испытывают врожденное недоверие и опасение ко всему новому и незнакомому, навязываемому им извне и ревностно охраняют свои многовековые устои, стремясь сохранить особенности быта, ритуалы, привычки. Можно сказать, что Англия ведет борьбу со всеми посягательствами на ее самобытность.

Число английских традиций бесконечно, но важнейшее место в этой цепочке бесспорно занимает монархия. В современном мире можно выделить два вида монархий. Первый – это монархии Северной Европы, которые выполняют исключительно церемониальные функции, никак не связанные с религиозными и политическими вопросами. Ко второму виду относятся страны Ближнего Востока, где институт монархии в действительности осуществляет руководство государством. Британская монархия фактически относится к первому виду, хотя формально она пытается осуществлять контроль как над церемониальной, так и над политической жизнью государства, а королева вправе самостоятельно назначать премьер-министра, а также задерживать прохождение законопроектов парламентом. Будучи главой англиканской церкви, королева, помимо прочего, объединяет церковь и государство.

Британская монархия считается одним из самых древних институтов правления в мире. Интересно, что Великобритания, не имеющая письменной конституции, основывает права монарха на своих традициях и, хотя управление страной осуществляется парламентом, юридически монархия является единственным правящим институтом в стране, а королева обладает конституционными правами. Форма государственного правления, как и жизненный уклад людей, формируется, как известно, веками, из чего можно заключить, что создание имиджа монархии – процесс, уходящий своими корнями глубоко в прошлое.

К началу XXI века в Европе сохранилось несколько правящих домов, однако нигде, кроме Великобритании, королевским особам не уделяется столько внимания. Ни один другой королевский дворец в Европе не осаждается толпами туристов, как это можно наблюдать у Букингемского дворца в любое время суток, даже если королева не находится в своей лондонской резиденции. В связи с этим шутливое замечание египетского Короля Фарука, утверждавшего, что *«вскоре в мире останется всего 5 королей – английский, бубновый, червонный, пиковый и трефовый короли»* / “There will soon be only 5 kings left: the kings of England, Diamonds, Hearts, Spades and Clubs”, представляется не лишенным истины. Действительно, в последние годы жизнь в Соединенном Королевстве, как и во всем мире, стремительно меняется. Люди, а вернее их отношение к происходящему, тоже постоянно меняются. Единственное, что вплоть до середины 90-х годов XX века менялось крайне медленно – это отношение к монархии. Одной из причин подобного явления является любовь этой нации к традициям и обычаям своей страны.

Традиция для англичан – это некая стабильность, которую следует охранять любой ценой. Утверждение, предложенное Э. Майолом и Д. Милстедом в их книге «Эти странные англичане» можно считать основополагающим для обсуждаемой проблемы, поскольку он отражает самую суть понятия «традиция» в Великобритании – удобство: «в наш переменчивый век традиция дает ощущение постоянства, обеспечивает ни с чем не сравнимый комфорт». Действительно, за всю свою историю Великобритания просуществовала без монархии всего 11 лет (с 1649 по 1660 гг. страна находилась под диктатурой Кромвелей). Все остальное время короли и королевы исправно сменяли друг друга. В широком смысле слова традиция подразумевает, что нечто прошло достойную проверку временем, и поэтому его непременно следует сохранить. Следовательно, основным критерием сохранения любой традиции является не то, во что это превратилось теперь, а то, каким это было когда-то и как долго его хранили и передавали потомкам. Эта же мысль находит свое подтверждение и в романе Д. Барнса «Англия, Англия». При попытке поместить в тематическом парке на острове Уайт все, что так или иначе олицетворяет в глазах целого мира Англию, один из героев романа говорит: «- Вы – мы – Англия – мой клиент – великая и древняя нация. У нее великое прошлое. Ее великая мудрость накапливалась веками. Ее социально-культурные исторические реалии – а их легион, тьма! – штучный, ходкий товар. В особенности при нынешнем общественном климате. Шекспир, **королева Виктория**, индустриальная революция, садоводство и прочее в том же роде. Позвольте слоган: «Вы движетесь – а мы уже пришли». Это не самоутешение, это сила нашей позиции, наша слава. Мы продадим наше прошлое другим странам в качестве их будущего! (Барнс 2002, с. 55)

Словари дают «традиции» следующее определение:

- *традиция* – исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы (Кузнецов. Современный Толковый Словарь Русского Языка. СПб.: НОРИНТ, 2004)
- *tradition* – a belief, custom, or way of doing something that has existed for a very long time <u>in a particular country</u> or among a particular group of people (Longman Essential Activator. – Addison Wesley Longman Limited, 1998)

По словам самих англичан, монархия стала их образом жизни, и, несмотря на негативные высказывания в адрес королевской семьи, согласно опросам общественного мнения многие все же не представляют свою жизнь при каком-либо другом политическом строе. Ко всему прочему, монархия служит и символом сплоченности народа, что особенно заметно во время праздников, будь то свадьба кого-либо из членов королевской семьи, юбилей правления королевы Елизаветы II, столетний юбилей королевы-матери или стремление подданных отдать последние почести умершим монархам и членам их семей (леди Диана Спенсер, королева-мать).

В романе «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси описывает сцену прощания англичан с Королевой Викторией, правившей страной более шестидесяти лет. «Королева умерла, и в

воздухе величайшей столицы мира стояла серая мгла непролитых слез. <…> Под серым небом, которое вот-вот, казалось, брызнет мелким дождем, темная толпа собралась посмотреть на пышное шествие. Добрая старая королева, богатая добродетелью и летами, в последний раз вышла из своего уединения, чтобы устроить Лондону праздник. <…> Никогда больше не будет ни одна королева царствовать так долго, и народу не придется больше поглядеть, как хоронят такую долгую эпоху. В конце концов, это не только королева уходит на покой, это уходит женщина, которая мужественно терпела горе, жила, как умела, честно и мудро. <…> Вот он, катафалк королевы, – медленно плывущий мимо гроб Века! И, по мере того как он медленно двигался, из сомкнутых рядов толпы, следившей за ним, подымался глухой стон; это было что-то такое бессознательное, первобытное, глубокое, безудержное, что ни он [Сомс], ни кто другой не отдавали себе отчета, не исходит ли он от каждого из них. Непостижимый звук! Дань Века собственной своей смерти!.. А-а-а!.. Исчезает опора жизни! То, что казалось вечным, уходит!» (Голсуорси 1951, с. 501-503). В такие моменты люди, как правило, забывают обо всех недостатках монархии и перестают критиковать ее, отмечая лишь положительные стороны.

В этом отрывке писателю удалось передать всю палитру чувств народа, хоронящего свою королеву, которая правила им целых шестьдесят четыре года. Интересно, что Голсуорси показывает, что, несмотря на всеобщую скорбь, для народа похороны королевы в первую очередь являются зрелищем, также как и любое появление монарха на людях. Король всегда должен предугадывать желания народа и королева Виктория «в последний раз вышла из своего уединения, чтобы устроить Лондону праздник».

Королевские похороны, как и другие церемонии, традиционно планируются заблаговременно при активном участии самого монарха. Фильм «Королева» иллюстрирует эту традицию следующим образом: личный секретарь Елизаветы II докладывает королеве и королеве-матери о решении организовать похороны принцессы Дианы, взяв за образец уже отрепетированные похороны королевы Елизаветы. Этому возражает королева-мать - «Но я сама лично участвовала в их планировании!».

Традиции королевского двора чаще всего облекаются в форму различных церемоний, выполняемых королевой и ее семьей, которые в значительной степени способствуют укреплению престижа монархи. Каждую осень королева официально **открывает новую сессию парламента**. Вместе с Герцогом Эдинбургским она отправляется в Вестминстерский дворец в государственной карете. Перед тем, как королева и ее окружение заходят в здание парламента, дворцовые стражи (the Yeomen of the Guard) обыскивают подвалы здания. Эта традиция соблюдается с 1605 года, когда группа заговорщиков пыталась взорвать здание парламента.

Более 30 тысяч человек ежегодно посещают **приемы** в Королевском саду. Каждое лето с 1860-х годов проводится по крайней мере три приема в Букингемском дворце и один во Дворце Холирудхаус (the Palace of Holyroodhouse) в Эдинбурге. В 50-х годах XX века количество приемов в саду Букингемского дворца увеличили с двух до трех в год. Иногда королева дает дополнительный прием в саду для большой национальной организации, которая отмечает круглую дату, например, Красный Крест. Для приема выбираются люди из всех сфер жизни общества: из правительства, вооруженных сил, дипломатического корпуса. Приглашения рассылаются Лорд-камергером (Lord Chamberlain) от имени королевы. На приеме, который длится обычно с четырех до шести часов вечера, присутствует до восьми тысяч гостей. Королева и герцог Эдинбургский вместе с другими членами королевской семьи прохаживаются между гостями после того, как сыграют национальный гимн Великобритании. Представители королевской семьи идут по саду своим путем с такой целью, чтобы у каждого из гостей была возможность быть представленными и пообщаться с королевскими особами. Во время приемов по очереди играют два военных оркестра. Королева и другие члены ее семьи в конце концов прибывают к королевскому тенту, где они пьют чай. Также на приеме ставят отдельный тент для дипломатического корпуса и всех

остальных гостей. Подаются чай и сладости. Около 6 часов вечера королевская семья покидает сад, а оркестр играет гимн Великобритании еще раз, чтобы отметить конец приема.

Королева является **официальной главой Соединенного Королевства, а также Британского Содружества Наций**. Обычно в год королева принимает представителей двух иностранных государств. Каждый из таких визитов продолжается со вторника по пятницу, во время которого глава иностранного государства не только успевает встретиться с королевой, премьер-министром, министрами, лидерами политических партий и главами дипломатических миссий в Лондоне, но также побывать на государственном банкете в его честь.

К другим церемониям можно отнести **рождественское обращение** монарха к своему народу, которое начал транслировать по радио Георг V в 1932 году. Королева Елизавета II передала свое первое рождественское сообщение по радио в 1952, а по телевидению в 1957 году. Ранее обращения проходили в прямом эфире, но с 1960 года они записываются заранее и лишь транслируются в день Рождества.

Существует традиция **раздачи милостыни** монархом в Великий Четверг на страстной неделе ('Maundy money'). Эта церемония проводится в одном из соборов или аббатств страны, и деньги отдаются пенсионерам, живущим в приходе. Эта традиция берет начало в XIII веке, когда короли раздавали бедным и больным еду и одежду, и даже омывали им ноги.

Интересное определение и понимание традиции дает О.Э. Туганова. В статье «Поиск сбалансированности» (Туганова 1988, с. 19-20) она пишет, что традиция представляет собой «исторически укоренившуюся, широко разделяемую в обществе систему ценностей, становящуюся, таким образом, органической». Туганова предлагает трактовать традицию как «величину постоянно-переменную и переменно-постоянную», аргументируя это тем, что под влиянием различных исторических событий происходят перемены, а закрепление подобных изменений, прежде чем их результат сложится в традицию, требует значительного времени. На примере монархии Великобритании хорошо видна тенденция к установлению новых традиций, которые органично дополняют уже существующие. Авторами «новых» королевских традиций становились многие монархи Соединенного Королевства. Следовательно, трактовка традиции как постоянно-переменной величины представляется правомерной.

В доказательство приведем традиции, характерные исключительно для английской монархии и полученные из различных источников.

Помимо хорошо известных традиций, согласно которым «особы королевской крови могут вступать в брак только с себе подобными» и «королевские отпрыски должны появляться на свет только во дворце», биографы и историки выделяют и другие. Сара Брэдфорд в своей биографии Елизаветы II отмечает, что «идея преемственности и традиции подчеркнута эпизодом пробуждения Ее Величества: ровно в девять утра шотландский волынщик в клетчатой юбке начинает играть под окнами спальни Ее Величества». Этот обычай завела королева Виктория.

Другой биограф королевы, Брайан Хоуэй, обращает внимание читателя на то, что английская традиция пятичасового чая закреплена и в королевской семье. «Все дневные мероприятия с участием Ее Величества заканчиваются строго в 16.30 с тем, чтобы королева успела вернуться во дворец к чаю». Хоуэй пишет, что ритуал чаепития никогда не меняется, а королеве изо дня в день подают к чаю «небольшие бутерброды определенного размера без корки, теплые булочки с кремом и клубничным джемом, а также особенно любимый королевой фруктовый пирог».

Уже упомянутая выше С. Брэдфорд подчеркивает еще одну своеобразную неофициальную королевскую традицию: у наследника престола всегда есть любовница. Действительно, история подтверждает, что имидж «сексуальной монархии» формировался от династии к династии на протяжении многих веков. Практически все монархи имели по нескольку внебрачных детей. Отдельно отмечается, что Генрих I дал жизнь более двадцати незаконнорожденным детям, а из двадцати шести герцогов, проживающих сейчас в Англии,

как минимум пять являются прямыми потомками Карла II. Его детьми были несколько маркизов и графов, поскольку во время своего девятилетнего правления король сменил семнадцать любовниц (Cauthorne 1996, p. 78). Личный девиз Карла II гласил: «Бог никогда не накажет мужчину, если он хочет доставить себе немного удовольствия». О Якове II двор распевал следующий куплет: Проходя мимо Сент-Джеймского дворца, я случайно узнал, что красавица-жена Денхема стала любовницей короля. / *As I went by St. James's, I heard a bird sing that Denham's fair wife was a miss of the King.* Королю Георгу II принадлежит выражение, вошедшее в оксфордский словарь цитат: «Да, у меня будут любовницы!» (The Oxford Dictionary of English Quotations. Fifth edition. – Oxford University Press, 2001, 333:11) Одна из фавориток Эдуарда VII, Эллис Кеппел, была ему настолько дорога, что королева Александра позвала ее к смертному одру своего мужа.

Существует еще одна королевская традиция, связанная с фаворитками монархов. Для того чтобы она проявилась яснее, необходимо провести параллель между интригой короля Эдуарда VII с его любимой фавориткой Эллис Кеппел и связью принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз, впоследствие ставшей его супругой. По свидетельствам очевидцев, при первой встрече с принцем Чарльзом Камилла спросила, знал ли он, что «ее прабабушка [Эллис Кеппел] была любовницей его прапрадеда [Эдуарда VII]» (Буле 2003, с. 84). Возможно, принц Чарльз был «обречен» на роман с Камиллой, урожденной **Шенд**, поскольку они оба являются историческими наследниками любовных отношений между английскими монархами и женщинами из рода Ричмонд-**Шенд**-Кеппел. Эта связь началась в XVII веке во времена правления Карла II. В результате его связи с фавориткой Эмили Френсис на свет появился первый граф Ричмонд. Впоследствии он стал основоположником рода, представительницы которого с определенной долей постоянства становились фаворитками английских королей. Интересно также, что и у королевского рода и у рода Ричмонд-**Шенд**-Кеппел существует связь с родом Спенсеров. Так случилось, что любовница Георга III Джоанна Ричмонд вышла замуж за графа Спенсера, дальнего родственника супруги принца Чарльза, Дианы Спенсер, а мать Дианы носит фамилию **Шенд**-Спенсер.

Конечно, данную ситуацию нельзя в полной мере считать традицией, поскольку, как было определено выше, традиция представляет собой нечто, что подлежит обязательному сохранению и поддержанию. Однако подобное совпадение можно обозначить как «непреднамеренную повторяемость жизненных сценариев». Человеческая судьба строится согласно некоему сценарию, в котором прописан жизненный путь человека. Если обычный ребенок получает свой сценарий от родителей, наблюдая за их жизнью и поступками, то в случае монархии сценарий пишется его предками, а принц с самых ранних лет впитывает в себя манеру поведения родителей-королей, а также постигает азы будущей профессии на примерах своих дедов и прадедов, поскольку сценарные модели, как правило, также передаются из поколения в поколение. В этом случае роль родителей и монархов объединяется в одно целое.

Другие обнаруженные королевские традиции звучат следующим образом:

- Во дворце сменилось множество поколений корги, которые стали для всего мира своего рода символом британской королевской семьи. [Брэдфорд С. Елизавета II. Биография Ее Величества Королевы. М.: Вагриус, 1997, с. 52]

- В королевском доме не любят перемен. Как могут верные слуги вдруг взять и уволиться? Какие могут быть личные интересы, если человек служит монарху? [Брэдфорд С. Елизавета II. Биография Ее Величества Королевы. – М.: Вагриус, 1997, с.145]

- В Балморале есть традиция: когда сюда приезжают на медовый месяц новобрачные из королевской фамилии и останавливаются в апартаментах для гостей королевской крови, они выцарапывают свои имена на оконном стекле алмазами в обручальных кольцах. [Баррел П. Королевский долг. – Екатеринбург, У-ФАКТОРИЯ, 2006, с. 87]

- По священному кодексу британских монархов будущий король должен взять в жены девственницу.
- Англия – страна, где традиции свято сохраняются многие столетия. А королевская коллекция уже давно является незыблемым символом Британии.
- По традиции официальная церемония празднования дня рождения королевы проходит во второю субботу июля (день рождения королевы Елизаветы II – 21 апреля).
- С 1917 года королева отправляет поздравительные открытки подданным, отмечающим 100-летие и 105-летие. Также поздравления направляются подданным, отмечающим Бриллиантовую свадьбу, 65 и 70 лет совместной жизни.
- All the menus continue to be written in French. [Hoey B. Her Majesty. Fifty Regal Years. – HarperCollinsPublishers, 2002, p. 8]
- <Apart from the extraordinary events of 1936> there is no tradition of abdication in Britain. [Hoey B. Her Majesty. Fifty Regal Years. – HarperCollinsPublishers 2002, p. 28]
- In the early days of Elizabeth's reign there were two separate kitchens: one exclusively for royalty; the other for lesser beings. [Hoey B. Her Majesty. Fifty Regal Years. – HarperCollinsPublishers, 2002]
- As with many royal customs practiced today, much of the entertaining goes back to previous reigns. Queen Victoria started the tradition by instituting 'Dine & Sleep' nights. [Hoey B. Her Majesty. Fifty Regal Years. – HarperCollinsPublishers 2002, p. 186]
- The Lord Steward and the Lord Chamberlain have the tricky task of walking backwards, for tradition has it that they never turn their backs on the sovereign. They follow the special pattern of the carpet to make sure they don't veer away from a straight line. [Hoey B. Her Majesty. Fifty Regal Years. – HarperCollinsPublishers 2002, p. 197]
- The privilege of pulling the gun-carriage, on which the royal coffin is carried, rest with and is jealously guarded by the Royal Navy. This is another tradition that dates from the funeral of Queen Victoria. [Hoey B. Her Majesty. Fifty Regal Years. – HarperCollinsPublishers 2002, p.287]
- Whenever the Queen expresses disgust, astonishment, disagreement or outrage with her subjects, she is called "Buckingham Palace". When things go right, the Queen is referred to in her own person. [Wilson A.N. The Rise and Fall of the House of Windsor. – QPD 1993, p. 23]
- Queen Elizabeth, an adept at inventing new royal traditions, coined the idea that no loyal subject ever repeated what was said to them by a member of the Royal Family. [Wilson A.N. The Rise and Fall of the House of Windsor. – QPD 1993, p. 88]

Итак, обобщая все вышесказанное, *имидж* – это целенаправленно формируемый облик какого-либо лица, предмета или явления, имеющий эмоционально-психологическую окраску, являющийся отражением требований массового сознания и ставящий своей целью узнавание данного лица, предмета или явления; *традиция* – исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение и дающие ощущение постоянства и удобства обычаи, церемонии, нормы поведения и взгляды.

Несмотря на то, что имидж и традиция являются самостоятельными единицами, они связаны между собой. Имидж представляет собой сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный облик конкретного лидера, организации, института власти или товара, не имеющий строго неизменных характеристик, потому что у каждой целевой группы имеется своя специфика восприятия, свои установки и

эталоны-стереотипы. Следовательно, изучение имиджа должно осуществляться не отдельно, но в контексте традиций, существующих об изучаемом предмете.

ЛИТЕРАТУРА

БАРНС, Д., 2002. Англия, Англия. Москва.
БУЛЕ, С., 2003. Любовные тайны королей. Москва: Арт-Родник.
ГОЛСУОРСИ, Д., 1951. Сага о Форсайтах. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
ЛИППМАНН, У., 2004. Общественное мнение. Москва: институт Фонда «Общественное мнение».
ПАВЛОВСКАЯ, А. В., 2004. Англия и англичане. Москва: Издательство Московского Университета, Триада, лтд,
ТУГАНОВА, О. Э., 1988. Поиск сбалансированности. Американский характер. Очерки культуры США. Москва: Наука.
CAUTHORNE, N., 1996. Sex lives of the Kings and Queens of England. Prion,

Daria Ter-Minasova
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Research interests: culture studies, history and culture of Great Britain, intercultural relations

TRADITIONS OF THE BRITISH MONARCHY AS THE MAIN COMPONENT OF ITS IMAGE

Summary

Tradition constitutes a vital component to the understanding of the image of the British monarchy. It gives certain viewpoints which are to be taken into account when speaking about this institute. England, known for its devotion to traditions, has given birth to quite many of them, which in their turn influence the formation of the image of the monarchy.

KEY WORDS: image, monarchy, tradition

Татьяна Тернова, Анна Фролова
Воронежский государственный университет, Россия.
tternova-1@mail.ru, frolova-anna2008@yandex.ru
Научные интересы: русская литература XX в., литература русского авангарда первой трети XX в., футуризм, имажинизм, А. Мариенгоф, современный литературный процесс, литература самиздата; русская литература XX в., литература самиздата, новокрестьянская поэзия, «тихая» лирика, методика преподавания литературы в школе и вузе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ А. БЕЛОГО КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНСТИТУЦИЯ: ДИСКУССИОННОЕ ПОЛЕ И ФОРМЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье рассматривается история первой русской негосударственной литературной премии – Премии Андрея Белого, отразившей эстетические поиски модернистской литературы в 1970-2000-х годах. Предметом анализа стали набор исходных посылок Премии, круг представлений, эксплицированный в выступлениях ее лауреатов, в дискуссиях о ней. Основные характеристики указанной институции: независимость, альтернативность, инновационность, аскетизм – предопределили критерии отбора материала для номинирования и награждения и вместе с тем образовали дискуссионное поле. В статье проанализированы выступления В. Курицына, Д. Кузьмина, А. Барзаха. Механизм функционирования Премии позволяет утверждать, что ее история – это история смены представлений о «переднем крае» эстетического поиска, история взаимодействия и конфронтации эстетических идеалов на переходе от 1970-х к 2000-м годам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературная Премия Андрея Белого, неофициальная литература, самиздат

Важная страница в истории советской «неофициальной» литературы – история институций, определявших логику структурирования культурного поля. Особый исследовательский интерес представляют те из них, которым суждено было пережить время противопоставления «советского» и «не-советского» и тем самым связать разные литературные эпохи. Премия Андрея Белого – один из самых показательных примеров трансформации подобного рода. Рассмотрим некоторые вехи ее истории, акцентировав «имиджевый» момент этой литературной иституции – набор ее исходных посылок, круг представлений, эксплицированный в выступлениях ее лауреатов, в дискуссиях о премии.

Премия имени Андрея Белого является первой в истории России негосударственной литературной премией, присуждаемой авторам, пишущим на русском языке, независимо от их гражданства. Она возникла в 1978 году при самиздатском ленинградском журнале «Часы». При обсуждении ее идеи особенно проговаривалось несколько аспектов. Первый – имя патрона Премии. Им стал Андрей Белый – «совершенно исключительная личность, оставившая в русской культуре глубокий след как поэт, прозаик и исследователь широкого гуманитарного профиля» (Иванов 2005, с. 10). Масштаб выбранной персоналии дал возможность учредить три номинации: поэзия, проза, гуманитарные исследования и эссеистика.

Второй аспект – организационный. Учредители Премии стремились отмежеваться от официальных литературных церемоний, даже противопоставить себя им. Это выразилось в отказе от «денежного измерения творческих результатов» (премия составляла один рубль), а также «совместном распитии «белого» (т.е. водки) и поедании разрезанного по числу лауреатов яблока» (Иванов 2005, с. 11). Вместе с тем ритуал присуждения Премии включал серьезные элементы: объявление имен победителей, оглашение жюри развернутой мотивации своего решения, ответные речи лауреатов. Кроме того, обсуждался характер Премии. Он был определен как корпоративный, но не «партийный»: награда присуждалась авторам неофициальной литературы, независимо от того, являлись ли они авторами «Часов»

или нет, где были опубликованы произведения (в самиздате или тамиздате) и как они были изданы (в машинописном или типографском вариантах).

Б. Останин выделяет в истории Премии два этапа – ранний и поздний – и «пробел между ними». В ранний период (1978-1991 гг.) были награждены 27 лауреатов. Присуждение Премии, по определению Б. Останина, носило «импровизационный характер»: практически не фиксировались речи лауреатов и членов жюри, формулировки присуждения носили самый общий характер. 1992-1996 гг. – перерыв во вручении премии. Это связано с завершением самиздатского периода в истории русской литературы: «Часы» перестали выходить, самиздат утратил роль «единственной в стране свободной трибуны», лауреаты Премии получили доступ к массовому читателю. Однако вскоре учредители Премии поняли, что «дух новаций не покинул русскую литературу» (Иванов 2005, с. 13), и в 1997 году Премия возобновилась, но с некоторыми изменениями. Они коснулись, во-первых, формы аналитического материала (стали награждаться типографские книги), во-вторых, были скорректированы цели Премии. Если в 1970-80-е годы она «присвоила себе привилегию на право свободного творчества» (Иванов 2005, с. 13) и касалась только неофициальных авторов, то на позднем этапе ее задачей стало «различать в потоке литературы произведения таких авторов», которые «обновляют литературу и язык», «вступают на путь поисков и экспериментов, рискуют быть непонятыми, незамеченными, неоцененными» и «привлекать к ним внимание профессионалов и общественности» (Иванов 2005, с. 13). С этим связано оформление Премии Андрея Белого в общенациональную институцию: она была официально зарегистрирована, было разработано Положение о порядке ее присуждения, расширился комитет Премии: в него, помимо «отцов-основателей», были включены литераторы, критики и издатели Москвы и Петербурга. Кроме того, была введена дополнительная номинация «За заслуги в развитии русской литературы». Однако в 2009 году она была отменена, появились две новые – «Критика» и «Перевод».

При составлении литературной энциклопедии «Самиздат Ленинграда» (М.: НЛО, 2003) возникла идея антологии, приуроченной к 25-летнему юбилею Премии. Впоследствии были изданы три альманаха «Премия Андрея Белого» (2007, 2011 гг.). В них вошли тексты награжденных, их речи, а также статьи о них. Таким образом, образовалось единое литературное пространство, позволяющее осмыслить эстетический посыл Премии.

Б. Останин, один из отцов-основателей и бессменный член жюри Премии, обозначил ее основные характеристики – «независимость, альтернативность, инновационность, аскетизм» (Останин 2005, с. 7). Они предопределили критерии отбора материала для номинирования и награждения и вместе с тем образовали дискуссионное поле. Рассмотрим, как указанные характеристики осмыслялись лауреатами Премии, членами жюри и критиками.

Такие черты Премии, как независимость и аскетизм, представляются связанными. Аскетизм выражается в собственно награде, а точнее, ее символичности: рубль, бутылка водки, яблоко, из которых самому лауреату доставалось только первое. Показательно стремление ряда награжденных осмыслить знаковость награды в литературном ключе и одновременно в логике Премии. Так, Людмила Зубова называет яблоко знаком желания «познания и любви, ведущей к рождению людей» (Зубова 2011, с. 338), чему соответствует и поэзия. Бутылка водки – символ «опьянения словесностью» (Зубова 2011, с. 338). Рубль же – «деньги, которые не в почете у практичных людей. Так же, как и слово в поэзии – не совсем то, которое есть в словарях и в общем употреблении» (Зубова 2011, с. 339). Для Сергея Кудрявцева Премия «не знак отличия, а необходимое столь многим дружеское участие и поддержка», что символизирует «незаменимая троица» (Кудрявцев 2011, с. 372). Владимир Аристов тоже отмечает «бескорыстное начинание премии»: «Деньги связывают с настоящим, бескорыстие позволяет скользить во времени» (Аристов 2011, с. 223). Аскетичность Премии во многом обусловлена стремлением к независимости, связью с традицией неподцензурной литературы. Ее учредители справедливо рассудили, что любое значительное вознаграждение ведет к предвзятости оценок, материальной

заинтересованности, конфликту интересов. К тому же, раз премия независимая, то она «не несет неприятного и фатального чувства утраты авторской свободы» (Дубин 2007, с. 82).

Альтернативность, на наш взгляд, проявилась в двух аспектах. Первый – организационный: награждение представителей так называемой «второй» культуры, авторов самиздата и тамиздата. Таким образом Премия подчеркивала свою оппозиционность подобным государственным институтам. Второй – собственно эстетический: Премия носит явно плюралистический характер. В разные годы ее лауреатами становились и «лицензированные» неофициалы, и авторы, имевшие статус советского писателя, тексты, написанные и опубликованные в нашей стране и за рубежом. Премией отмечены Виктор Кривулин, Андрей Битов, Елена Шварц, Евгений Шифферс, Ольга Седакова, Андрей Крусанов, Вячеслав Курицын, Эдуард Лимонов, Елена Фанайлова, Сихаил Гаспаров, Геннадий Айги, Юрий Мамлеев, Ры Никонова, Лена Силард, Виктор Соснора, Сергей Стратановский, Алексей Парщиков, Михаил Эпштейн, Саша Соколов, Владимир Топоров, Сергей Спирихин, Евгений Харитонов и др. Список награжденных обширен и сам по себе наводит на размышления.

Принцип инновационности заявлен в учредительном документе Премии: «Премия призвана фокусировать внимание на авторах, ориентированных на обновление принципов письма и радикальные инновации в сфере тематики и художественной формы» (Кузьминский 2007, с.198). Установка на новизну подчеркивается и в выступлениях лауреатов: Премия «приглашает нас присмотреться к тому, как искриться в этих текстах золото нового языка» (Левенталь 2011, с. 184); «отслеживает новое в литературе, ищет новое и награждает за новое», единственное, что можно ей пожелать, – продолжать в том же духе или даже стать радикальнее (Прохорова 2007, с. 252).

Вместе с тем именно принцип инновационности вызвал острую полемику среди лауреатов Премии. Поводом стал ее 30-летний юбилей (рубежные даты, как известно, провоцируют переосмысление устоявшегося). Начал дискуссию Вячеслав Курицын в статье с показательным названием «Часы остановились. Премии Андрея Белого исполнилось 30 лет. Хватит?». Зафиксировав в целом высокий уровень Премии («хотя серенькие присуждения бывали» (Курицын 2011, с. 440)), он высказывает недоумение по поводу решений жюри последних лет. Проанализировав шорт-лист и список награжденных 2008 года, Курицын задается вопросом, не переживает ли премия кризис, так как «постыдный провал» работы комитета налицо. Провал Курицын видит в отходе от магистральной линии Премии – «углядеть новое в новом», наградить «грядущих, а не состоявшихся классиков» (Курицын 2011, с. 442). С его точки зрения, по-настоящему достойные, остросовременные, авторы не попали даже в шорт-лист. Недоумение, в частности, вызывает имя академика Александра Лаврова. Он получил Премию с такой формулировкой: «За участливое, рачительное и масштабное возделывание литературного сада Серебряного века, за деятельную любовь к Андрею Белому, покровителю нашей премии, за книги "Андрей Белый. Разыскания и этюды" и "Русские символисты: Этюды и разыскания"» (Премия 2011, с. 366). Курицын делает следующий вывод: премию дали к юбилею Премии, что противоречит изначальным ее установкам. Такого же рода удивление – присутствие в числе лауреатов Александра Секацкого и Владимира Аристова, которые должны были получить Премию «эдак с четверть века назад», их заслуги сегодняшнего дня не такие впечатляющие, получается, что им «просто отдали старый долг» (Курицын 2011, с. 442). Вопросы у Курицына вызывают и имена Романа Тименчика, лауреата 2007 года, отмеченного за книгу об Ахматовой (в его комментариях, по мнению Курицына, нет ничего новаторского), попавшего в шорт-лист Евгения Добренко, который «на новаторство не претендует» (Курицын 2011, с. 441). Вывод, к которому приходит Курицын, неутешительный: «Почти все (исключая Круглова) премии-2008 вручены за так или иначе понятые «заслуги», «за выслугу лет, за правильные глаза» (Курицын 2011, с. 442). Эта констатация послужила отправной точкой для размышления о том, «что ныне считать новаторством» (Курицын 2011, с. 442). Автор убежден, что произведение делает актуальным не противостояние рыночному

мейнстриму. Курицыну близка позиция Ильи Кукулина, что в «новом» интересен не сам эксперимент, а стоящие за ним поиски жизнеспособных модусов конкретного человеческого бытия» (Курицын 2011, с. 444). Критик упрекает организаторов Премии в отходе от ее пафоса: «Но в самом «духе» премии Белого велика как раз идея эксперимента, башни из слоновой кости, авангардного жеста, причудливого коктейля Серебряного века с андеграундом семидесятых» (Курицын 2011, с. 444). Следствием этого стало падение авторитета Премии, признаком которого Курицын считает тот факт, что о ней не говорят, не спорят. Отдельная претензия Курицына касается серьезного технического отставания: у Премии нет сайта, на официальной страничке не выложены шорт-лист, учредительные документы.

В полемику с Вячеславом Курицыным вступил Дмитрий Кузьмин в статье «Часы идут. В кризисе ли Премия Андрея Белого?» Он не готов присоединиться к объявлению первого о кризисе Премии. В «соединении сегодняшних классиков с завтрашними» Кузьмин видит общий принцип Премии, а не «внезапный сбой» (Кузьмин 2011б, с. 447). Он признает, что это «системное противоречие», но оно было всегда. В доказательство этой мысли Кузьмин отсылает к своей «Речи об Алексее Цветкове», лауреате 2007 года. В ней он отметил «известную двойственность» Премии: она сочетает в себе «премию поиска», оперативно выделяющую в литературном потоке наиболее интересное с точки зрения текущего момента, и «премию Пантеона», отмечающую самые значительные и масштабные фигуры национальной литературной традиции» (Кузьмин 2011а, с. 36). Наградив Цветкова, Премия объединила эти две линии: «получила лауреата, совмещающего в себе свойства 60-летнего патриарха и амбициозного дебютанта» (Кузьмин 2011а, с. 36). Кузьмин ставит Цветкова на место центральной фигуры современной русской поэзии и поясняет, что он не имеет в виду статус «первого поэта эпохи» или «великого поэта». «Речь о том, что поэтика этого автора – благодаря апелляции к наибольшему числу длящихся традиций, благодаря разнообразию инструментария – располагается в центре национального литературного пространства, и от нее можно с примерно одинаковой затратой усилий перейти в любой конец современной русской поэтической ойкумены» (Кузьмин 2011а, с. 39). Премия, с точки зрения Кузьмина, старается соединить две культурные стратегии, поскольку она единственная и вынуждена удовлетворять всем потребностям – это прагматическая сторона вопроса. Идеологический аспект в том, что новизна и актуальность для Кузьмина «понятия относительные», ситуативные (Кузьмин 2011б, с. 449): не хочется ошибиться с наградой, к тому же новички часто уступают ветеранам в честной борьбе; часто приходится горько осознавать, что не наградили раньше заслуженного мэтра. Исторический аспект автор видит в том, что некорректно сравнивать начало истории Премии и сегодняшний день. В 1970-х годах только сформировалось пространство русской неподцензурной литературы, обозначился разрыв между поколением, игравшим с советской властью по ее правилам, и лидерами неофициальной литературы, награждать которых было очевидно и просто. Сегодня же этого разрыва нет и «затевать внутрипоколенческие состязания» бессмысленно.

Заочную дискуссию продолжил Анатолий Барзах в работе «Белое время. По поводу дискуссии о Премии Андрея Белого». Он предпринял попытку примирить коллег-оппонентов и предложить третий путь. Барзах поддерживает мысль Курицына о необходимости «абстрагироваться от заслуг» претендентов, оставив для этого одноименную номинацию, иначе есть «опасность награждения «своих» (Барзах 2011а, с. 453). В связи с этим он предлагает изменить Положение о премии, где проговорить, что, по сути, награждается не произведение, а «новая поэтика». «Премии стоит перестать «делать вид», что всегда отмечается одно произведение, обязательно последних 2-3 лет» (Барзах 2011а, с. 454). В то же время Барзах не согласен с упреками Курицына в академизации и ретроградности Премии, предлагает считать награждение того же Александра Лаврова не юбилейным, а «содержательно-символическим, знаковым, жестовым» (Барзах, 2011а, с. 455) и не отказывает ему в «высочайшей филологической культуре» (Барзах 2011а, с. 454). Барзаха беспокоит обозначенная Курицыным и некоторыми другими авторами тенденция

развития литературы – идея «доступного авангарда», «масскультуры для избранных» (Барзах 2011а, с. 458). Вот этот «дрейф», компромиссность для автора – сигнал кризиса. Барзах предлагает следующий выход: Премии надо искать новое решение – отмечать произведения, «хранящие хотя бы следы «трансцендентного» (Барзах 2011а, с. 463).

Следствием дискуссии стала отмена в 2009 году номинации «За заслуги в развитии русской литературы», а также изменение формулировок. До этого момента они были причудливыми, намеренно метафоричными: «за физиологически плотное ощущение времени, за рискованное преломление слов и смыслов в прочной архитектуре книги «Физиология и малая история (Мария Степанова), «за ритуальное расчленение слова, смыкающее в музыкальном единстве архаику с постфутуристской поэтической космогонией» (Елизавета Мнацаканова), «за дерзость отречения от достигнутого и готовность следовать за разлетающимися за пределы стихотворности фрагментами поэтического высказывания в книге «Красное смещение» (Александр Скидан), «за поэтическую доблесть в боях на покидаемых языком территориях, за преодоление немоты мира в удерживаемой связи времен, за книги «Имена любви», «Эдем и другое» (Алексей Цветков), «за настойчивое измельчение прозаической мозаики и превращение ее в нескладываемое тело исчезающего в ее гранях автора, за книгу «Бутик Vanity» (Александр Ильянен), «за прориси поэтической иглой не замечаемых нами микроландшафтов смысла, за книги «Избранные стихи» и «Месторождение» (Владимир Аристов) и др. Более того, в формулировках награждений Комитет усматривал «новый литературный жанр, а себя полагал его коллективным первооткрывателм и непревзойденным (в отсутствие конкурентов) сочинителем» (Премия 2011, с. 465). С 2009 года формулировки становятся лаконичными, конкретными, что проявляется в назывании произведения, за которое автор был удостоен Премии: «за стихотворный сборник «Пилот» (Николай Кононов), «за книгу «Причастие прошедшего зрения» (Анатолий Барзах), «за книгу «Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров» (Наталия Автономова), «за статьи по литературной критике 1990-2000-х годов) (Александр Уланов), «за многолетние труды по переводу «Семинаров» Жака Лакана» (Александр Черноглазов), «за книги «Оживление бубна» и «Смоковница» (Сергей Стратановский), «за книгу «Берлинская флейта» (Анатолий Гаврилов), «за книгу «Языки современной поэзии» (Людмила Зубова), «за организацию издательства «Водолей», за издание собрания сочинений С.В. Петрова и других книг» (Евгений Кольчужкин), «за организацию издательства «Гилея», за издание семитомного собрания сочинений Г. Айги и других книг» (Сергей Кудрявцев), «за переводы с английского, немецкого, шведского» (Алексей Прокопьев).

В формулировках награждений поддержан принцип новизны: «за революционные методологические достижения, не отлившиеся в догму» (Владимир Топоров), «за выдающийся прорыв в деле прояснения бессознательного в русском языке» (Вардан Айрапетян), «за обновление традиционного лиризма» (Михаил Гронас), «за инновационность и радикальность творческой стратегии, не потерявшие актуальность, несмотря на обретенный статус классики» (Владимир Сорокин), «за тексты в книгах «Мастерская визуальной антропологии» и «Тетради по аналитической антропологии. Авто-био-графия», открывающие новые возможности синтеза поисков современной западной философии с традициями русского философствования» (Валерий Подорога), «за «страсть к образам», с которой начиналось современное искусство, за интригующие опыты философствования кинематографом, позволяющие по-новому видеть словом, за книгу "Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия"» (Олег Аронсон). Показательно и то, что область награждения не обязательно имеет литературный характер. Так, Ефим Барбан отмечен Премией «за глубокую разработку проблем нового джаза в контексте современной мировой культуры».

Существенна в формулировках и установка на масштабность личностей награждаемых: «за отшельничество и противление в языке; за безупречную судьбу Поэта, изменившую судьбы русской словесности» (Виктор Соснора), «зачинщику «московского

романтического концептуализма», своим творчеством обозначившему и удержавшему разрыв между новым и новейшим искусством» (Андрей Монастырский), «комиссару российского постмодернизма, отважному покорителю Сети, мастеру высокой провокации, писателю и собеседнику» (Вячеслав Курицын), «бесстрашному издателю, инициатору и вершителю множества литературных и культурных проектов – за титанический труд по возведению российской гуманитарной империи, не последней на литературной карте мира» (Ирина Прохорова). Масштабность проявляется и в стремлении жюри отметить работы, размывающие дискурсивные границы: «за книгу «Герметизм и герменевтика» – результат многолетних усилий по раскрытию «тайнописи» русского символизма, выявивших его соотнесенность с макрокосмом мировой культуры» (Лена Силард), «за книгу «Дорогие сироты» – обновление традиционного лиризма, сплав европейской формы и русской «милости к малым мира сего» (Михаил Гронас), «за мужественное одиночество поэтического труда, преодолевшего национальную ограниченность чувашского, русского и французского языков и открывшего в просветах высокого творчества единое поле человеческой культуры» (Геннадий Айги), «за прозу, стирающую границы между дискурсами вымысла, чтения, письма, жизни, смерти, за книгу «Спокойные поля» (Александр Гольдштейн), «за самоотверженные труды по сближению двух неисчерпаемых вселенных – поэзии Целана и русской словесности, за книгу «Пауль Целан. Стихотворения. Проза. Письма» (Татьяна Баскакова и Марк Белорусец). Показательно и то, что лауреатами Премии становятся поэты, прозаики, исследователи, критики, философы, эссеисты, художники, переводчики, социологи, публицисты, а также те, кто сочетает в себе несколько ипостасей. Очевидно стремление оргкомитета Премии поощрить авторов, нарушающих традиционные подходы.

Механизм функционирования института литературной премии исследует в своей работе «Шорт-лист литературной премии: жанр и текст» Анатолий Барзах (НЛО. 2010. № 101). Он проанализировал четырехлетнюю работу в Комитете, выдвинутые на Премию тексты и пришел к выводу, что «весьма разнородная совокупность текстов» «складывается в некий метатекст с собственным сюжетом и лейтмотивами» (Барзах 2011б, с. 482). В статье он взялся «представить некую совокупность текстов как единый текст, а список номинированных на премию произведений как своеобразный литературный жанр» (Барзах 2011б, с. 483). Барзах выявляет следующие смыслы в шорт-листе 2005 года – пафос непонимания, нарушение «дискурсивных границ» (проницаемость границ прозы и поэзии, литературы и визуальных искусств, литературы и литературоведения), культивирование фрагментарности. Свидетельство этому – «опыт «исследовательской поэзии» Шнейдермана, «роман фрагментов» Шишкина, «неустранимая театральность» прозы Гришковца. Шорт-лист 2006 года продолжает некоторые тенденции предыдущего года, углубляя и обостряя их: например, «размывание границ между номинациями» (Барзах 2011б, с. 489), особенно это коснулось гуманитарных исследований. Жанр «искусствоведческого или даже философского газетного репортажа» (Барзах 2011б, с. 490) Г. Ревзина, «становящийся, неготовый» анализ К. Свасьяна, «антимонографичность» монографии Р. Тименчика, фрагментарность жанра записных книжек. Таким образом, для 2005 и 2006 годов характерно жанровое и «видовое» размывание, разрушения границ различных дискурсов (поэтического, беллетристического, исследовательски-научного, «поэзии» и «правды» и т.д.) (Барзах 2011б, с. 494). Сюжет шорт-листа 2007 года – «коллизия визуального и словесного, взгляда и речи» (Барзах 2011б, с. 494-495) (работы О. Аронсона, А. Фоменко, Л. Элтанг, М. Гейде). Попытка анализа шорт-листа 2008 года выявила, помимо привычного размывания дискурсивных границ, еще один сюжет – «историческую неприкаянность, ту или иную форму «конца истории» (Барзах 2011б, с. 498), т. е. проблематизацию истории и времени.

Эстетический посыл Премии выражается и в том круге вопросов, который обсуждается ее лауреатами. Проанализировав их письма к Комитету или речи по поводу получения Премии, можно сделать несколько очевидных констатаций. Лауреаты используют возможность высказаться не столько для того, чтобы озвучить «ужасную благодарность» (Ю.

Лейдерман), сколько для проговаривания собственной эстетической позиции. Так, Александр Скидан объясняет книгу «Красное смещение», речь Александра Секацкого, по сути, посвящена дальнейшей разработке китайской темы в его творчестве, Александр Черноглазов, Наталия Автономова, Роман Тименчик «оправдывают» собственный исследовательский метод. Размышления Сергея Стратановского построены вокруг фигуры поэта, долженствующего противостоять духу насилия и отстаивать гуманистические и христианские ценности» (Стратановский 2011, с. 256) и пр.

Предметом обсуждения в статьях критиков, выступлениях лауреатов и лиц, их представляющих, стал «реальный смысл работы» Премии. Ряд авторов связывают ее с современным состоянием литературы, и – шире – культуры, для них она «сегодняшний день русской словесности» (Кольчужкин 2011, с. 353). С точки зрения М. Степановой, она фиксирует главное – «поэзия все еще *происходит*» (выделено автором. – А.Т., А.Ф.) (Степанова 2007, с. 31). Поэтому для поэта важно уже попадание в шорт-лист: это свидетельствует о том, что «твоя работа находится в горячей точке» (Степанова 2007, с. 31). Михаил Ямпольский утверждает мысль о распадении старых связей, в том числе и культурных. Проявление этого он видит в отмене культурных центров, «мест культурного паломничества», «имперских центров культуры», уничтожении национального наследия. С точки зрения Ямпольского, функция культуры в современном мире – «противостояние нарастающей энтропии» (Ямпольский 2005, с. 637), Премия, таким образом, «участвует в становлении новых культурных стратегий <…> строит карту, на которой фиксирует точки, в которых хаос преобразует форму» (Ямпольский 2005, с. 637). Похожую мысль развивает Григорий Дашевский, утверждая, что задача Премии – преодолеть «неприкаянность искусства» (Дашевский 2011, с. 186). По утверждению Людмилы Зубовой, Премия «все больше выходит за рамки литературной жизни и становится явлением общественно значимым, социальным и политическим» (Зубова 2011, с. 341). Автор объясняет такое изменение роли Премии современной ситуацией в образовании, где все направлено на то, чтобы «делать из людей болванов, хищников и садистов» (Зубова 2011, с. 341). Гуманитарные науки сегодня, по убеждению Зубовой, приобретают статус «диссидентского сопротивления разрушению обстоятельствам» (Зубова 2011, с. 340).

Другие авторы предпочитают не отказываться от изначальной связи Премии с неофициальным искусством. Так, Борис Кузьминский позиционирует ее как «способ манифестации» того, что «модернизм жив-здоров» (Кузьминский 2007, с. 201). Согласно мнению Д. Кузьмина, Премия возникла как «решительное утверждение единства русской неподцензурной литературы» (Кузьмин 2011, с. 39).

Лауреаты обращают внимание и на статусную роль Премии. «Быть лауреатом премии Андрея Белого – наверное, самое почетное, что может быть в сегодняшней России» (Прохорова 2007, с. 252). «Премия Андрея Белого – единственная, которую не стыдно получать» (Ильянен 2011, с. 95). Престижность Премии поддержана кругом имен лауреатов, образующих единое литературное поле: «Эта премия – связь поэтов из года в год, тридцать лет подряд, золотая цепь поэзии» (Круглов 2011, с. 271), «Войти в такой круг – это ли не славный жребий» (Ильянен 2011, с. 95).

Значимой становится также просветительская установка Премии: «Смысл премии в том, чтобы обратить внимание общественности на книгу, которая того заслуживает, но в силу тех или иных причин недостаточно хорошо известна» (Левенталь 2011, с. 182). Алексей Цветков добавляет другие акценты. Он отмечает роль Премии для авторов-эмигрантов: «…чтобы она оставалась всегда, независимая и нищая, и по-прежнему высвечивала для нас в темном поле имена и таланты, о которых, по нашей удаленности, мы могли бы и не услыхать» (Цветков 2011, с. 41).

Еще одно общее поле обсуждения – фигура патрона Премии. Имя Андрея Белого присутствует в ряде выступлений лауреатов, которые определяют его роль в собственном профессиональном становлении. Евгений Кольчужкин признается, что пережил «второе рождение» и начал писать стихи, когда прочитал «Петербург» (Кольчужкин 2011, с. 353).

Влияние работ Андрея Белого, в частности «Мастерства Гоголя», отмечают Роман Тименчик и Борис Дубин. Александр Лавров, исследователь творчества Белого, сравнивает себя с отражением в его зеркале (Лавров 2011, с. 370). Для Юрия Лейдермана непреложный ориентир в литературе – «Котик Летаев». Для Владимира Аристова важно отметить «перспективность образов, то есть их направленность в будущее», характерную для трудов Белого, связать с ними мысль об отдельных языках культуры (Аристов 2011, с. 223). Олег Аронсон называет патрона Премии «мастером эвристических действий», для которого «поиск и риск важнее результата» (Аронсон 2011, с. 122). По утверждению Бориса Дубина, «никто с такой остротой, как Андрей Белый, <…> не воплощает в отечественной культуре дух ничем не утолимого беспокойства и <…> неуклонного <…> поиска <…> его неотменимость и вместе с тем его безнадежность» (Дубин 2011, с. 82-83). Михаил Ямпольский отталкивается от идеи «нарастающей энтропии» современного искусства и связывает с ней обоснованность появления имени Белого в названии Премии. С его точки зрения, именно Белому «удалось преобразить хаос взрыва в новую революционную художественную форму. В его прозе, и особенно в «Петербурге», нам явлен пример того, как дисперсия, утрата формы сама может стать новой поразительной художественной целостностью» (Ямпольский 2005, с. 637).

Таким образом, история Премии Андрея Белого – это история смены представлений о «переднем крае» эстетического поиска, история взаимодействия и конфронтации эстетических идеалов на переходе от 1970-х к 2000-м годам.

ЛИТЕРАТУРА

АРИСТОВ, В. 2011. Речь при получении Премии // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 223-225.

АРОНСОН, О. 2011. Письмо комитету Премии // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 121-123.

БАРЗАХ, А. 2011а. Белое время. По поводу дискуссии о Премии Андрея Белого // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 453-464.

БАРЗАХ, А. 2011б. Шорт-лист литературной премии: жанр и текст / А. Барзах // Премия Андрея Белого (2009-2010): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 482-507.

ДАШЕВСКИЙ, Г. 2011. Пересмотр границ. О новых рубежах, на которые вышла премия Андрея Белого // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 185-186.

ДУБИН, Б. 2007. О поиске и пределе. Речь при получении премии Андрея Белого // Премия Андрея Белого. 2005-2006: Альманах / [сост. Б. Останин]. 2007. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 82-84.

ЗУБОВА, Л. 2011. Речь при получении Премии // Премия Андрея Белого (2009-2010): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 338-343.

ИВАНОВ, Б. 2005. Первая в истории России независимая литературная премия / Б. Иванов // Премия Андрея Белого: 1978-2004: Антология / [сост. Б. Останин]. 2005. М.: Новое литературное обозрение, с. 9-14.

ИЛЬЯНЕН, А. 2011. Stop-and-go. Речь при получении Премии // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 94-96.

КОЛЬЧУЖКИН, Е. 2011. Речь при получении Премии // Премия Андрея Белого (2009-2010): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 353-355.

КРУГЛОВ, С. 2011. Письмо Комитету Премии // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 271.

КУДРЯВЦЕВ, С. 2011. Речь при получении Премии // Премия Андрея Белого (2009-2010): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 372-374.

КУЗЬМИН, Д. 2011а. Речь об Алексее Цветкове // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 36-39.

КУЗЬМИН, Д. 2011б. Часы идут. В кризисе ли Премия Андрея Белого? // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 446-452.

КУЗЬМИНСКИЙ, Б. 2007. Орден реченосцев // Премия Андрея Белого. 2005-2006: Альманах / [сост. Б. Останин]. 2007. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 198-202.

КУРИЦЫН, В. 2011. Часы остановились. Премии Андрея Белого исполнилось 30 лет. Хватит? / Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 440-445.

ЛАВРОВ, А. 2011. Речь при получении Премии / А. Лавров // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 370-372.

ЛЕВЕНТАЛЬ, В. 2011. Шум машины письма // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 182-184.
ОСТАНИН, Б. 2005. От составителя // Премия Андрея Белого: 1978-2004: Антология / [сост. Б. Останин]. 2005. М.: Новое литературное обозрение, с. 5-8.
20. Премия Андрея Белого: 1978-2004: Антология / [сост. Б. Останин]. 2005. М.: Новое литературное обозрение, 656 с.
Премия Андрея Белого. 2005-2006: Альманах / [сост. Б. Останин]. 2007. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 398 с.
Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 476 с.
Премия Андрея Белого (2009-2010): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 512 с.
ПРОХОРОВА, И. 2007. Речь при получении Премии Андрея Белого // Премия Андрея Белого. 2005-2006: Альманах / [сост. Б. Останин]. 2007. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 252-253.
СТЕПАНОВА, М. 2007. Речь при получении Премии Андрея Белого // Премия Андрея Белого. 2005-2006: Альманах / [сост. Б. Останин]. 2007. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 31-33.
СТРАТАНОВСКИЙ, С. 2011. Речь при получении Премии // Премия Андрея Белого (2009-2010): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 253-256.
ЦВЕТКОВ, А. 2011. Письмо Комитету Премии // Премия Андрея Белого (2007-2008): Альманах / [сост. Б. Останин]. 2011. М.: СПб.: Амфора. ТИД Амфора, с. 40-41.
ЯМПОЛЬСКИЙ, М. 2005. Форма взрыва (письмо Комитету премии Андрея Белого) // Премия Андрея Белого: 1978-2004: Антология / [сост. Б. Останин]. 2005. М.: Новое литературное обозрение, с. 636-638.

Tatyana Ternova, Anna Frolova
Voronezh State University, Russia

A. BELY'S LITERARY PRIZE AS A LITERARY INSTITUTION: FIELD OF DISCUSSION AND FORMS OF SELF-EXPRESSION

Summary

The article studies the history of the Andrei Bely Prize, the first Russian non-state literary award, reflecting the aesthetic quest of modernist literature in 1970-2000s. The subject of the present analysis is a set of base assumptions of the Prize and the circumference of ideas explicated in the winners' speeches about the Prize. The main characteristics of this institution, such as independence, alternative, innovation and asceticism, had determined the selection criteria for nomination and awarding, which formed an appropriate discussion field in this connection. The paper analyzes V. Kuritsyn's, D. Kuzmin's and A. Barzakh's speeches. The functioning mechanism of the Prize suggests that its history is nothing else, but a history of view shifts about the "leading edge" of aesthetic quest, a history of interaction and confrontation of aesthetic ideals in the transition from the 1970s to the 2000s.

KEY WORDS: Andrei Bely Literary Prize, unofficial literature, samizdat (self-publishing)

Jovita Daukšytė
Vytautas Magnus University (Lithuania)
j.dauksyte@hmf.vdu.lt

ACQUISITION OF SOCIAL COMPETENCES THROUGH ADULTS LEARNING FOREIGN LANGUAGES

Learning foreign languages is one of the most important skills intended for all adult learners and lasting all their lives. Because of processes of globalization in the world, knowing foreign languages is perceived as being very valuable. Motivation can be described as an entity of external and internal factors which encourage a person to achieve certain goals. External motivation is influenced by a variety of external factors, i.e. a wish to get a better paid job, a possibility to travel abroad or success at an exam. Internal motivation is largely dependent on a person him/herself. There are various factors that emerge when adults learn foreign languges: career, change of job or living place, family reasons, free-time and etc. In addition, every person should be encouraged to learn foreign languages and conditions must be met to achieve that. This paper presents a research carried out in 2010 by Vytautas Magnus University lecturers. Its aim was to determine the factors that motivate adult learners to study foreign languages in the extra-mural studies at Vytautas Magnus University as well as in English and Russian language courses for the general public at the university. For the research, 127 questionnaires were distributed among adult learners. In the questionnaires the respondents were asked to indicate the motivating factors that make them learn foreign languages, their learning experience and difficulties. Afterwards, the respondents were asked to indicate what skills and competences they expect to acquire and if their expectations and needs for studying languages were met.

KEY WORDS: motivation, external and internal factors, adult learning foreing languges, language skills and abilities.

The aim of the research: the aim of the current study was to determine the factors that motivate adult learners to study foreign languages. The results of the research were obtained having analyzed 127 questionnaires, which were given to adults learning English and Russian at Vytautas Magnus University extramurally and in the evening classes.

The objectives of the research: the objectives of the research were as follows:

- to define motivation as a complex educational term and to view it in the context of adults learning foreign languages;
- to specify adult learners' internal and external motivation factors;
- to present the research into the factors of adult learners' motivation anf if their needs and expectations during the language learning process were met.

Research methods were as follows:

- analysis of scientific literature aiming to scrutinize the motives of adults learning foreign languages;
- analysis of questionnaires, which shows adult learners' motivation factors;
- analysis of questionnaires, which shows if learners' needs and expectations agreed with their motivation factors.

Discussion

According to Harmer (2007), successful learning cannot be separated from motivation: in order to succeed at something everyone must want to do it. Therefore, it is important to understand what motivation is, where it comes from and how it can be sustained. Harmer (2007) defines motivation as "some kind of internal drive, which pushes someone to do things in order to achieve something" (Harmer, 2007: 98). For instance, this is the feeling that makes you want to learn to

swim or drive a car. In a similar way, the same feeling pushes you towards learning foreign languages.

It can be said that motivation is a non-constant, dynamic process, which can change along the way. Thus, the sustainability of motivation is of primary importance in both language learning and teaching. Williams and Burden (1997) point out that "the strength of [...] motivation will depend on how much value the individual places on the outcome he or she wishes to achieve" (as quoted in Harmer 2007: 98). This means that there are various goals that the learner wants to achieve, but some of these goals are more prominent than others. Goals may be clearly defined or vague. Harmer explains that adults often have clearly defined goals whereas children's goals are often vague. However, he points out that both kinds of goals are equally important and necessary.

Harmer suggests a clear distinction between *intrinsic* and *extrinsic* motivation. *Intrinsic* motivation comes from the inside of the individual, which according to the aforementioned author, "produces better results than extrinsic". A possible explanation for this is that intrinsic motivation is much more powerful, engaging and significant than the extrinsic one. From the psychological point of view, intrinsic motivation is accepted as more prominent because of the fact that the reasons for motivation are usually accepted with enthusiasm and there is less resistance to them. Examples of intrinsic motivation could be assumed as professional ambitions, a wish to develop those abilities which are related to carreer and/or hobbies such as communicative abilities and social skills which are necessary for working with people, travelling or entertaining.

Extrinsic motivation, as the name suggests, comes from the "outside" of the individual. It is a less powerful motivation, but it is also an important stimulating force which motivates learners to achieve certain goals. Instances of such motivation are a person's wish to achieve better prospects in employment, higher payment or a better performance during a speech act (job interview or an exam).

It is important to note that those two types of motivation can be merged with one another or can be transformed into another type: a learner may begin studying a foreign language having been forced to do this by his/her employer, but may gradually discover that he/she enjoys learning and, therefore, these circumstances might change the extrinsic motivation into the intrinsic one.

Data Analysis

The study of the needs analysis questionnaire *Adult Learners and their Motivation for Learning Foreign Languages* was carried out among 127 Low-Intermediate (A2) and Intermediate (B1) level adult students enrolled in the spring semester courses at Vytautas Magnus University in 2010.

Research Method

It was a combined quantitative / qualitative design of the research. Firstly, the respondents were asked to answer questions about the reasons which motivate them to study English and Russian, where and how long they have studied English and Russian as well as what basic language skills they expect to improve while learning those two languages in the courses for general public and extramurally. Secondly, the respondents were asked to answer if their needs and expectations for motivating them to learn foreign languages were met. The data for the study were also collected by free-form responses to the questionnaire that contained two types of questions: open and closed ones.

The Interpretation of the Findings

The majority of students assume that language studies should be a part of life-long learning. 86% of the respondents point out that they would like to find a more financially rewarding job in

the future, 11,6% of the respondents consider it to be an exciting and useful field of studies, especially because most of them will need foreign languages while

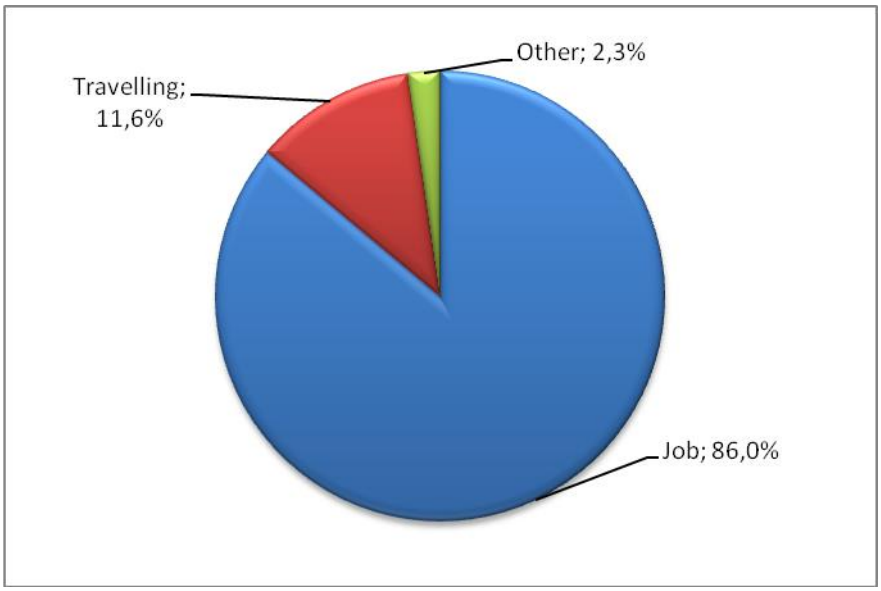


Figure 1. Motivation factors for studying foreign languages

travelling abroad. 2,3% of the respondents point out their personal interest in the languages and claim that they need language for practical reasons while using the Internet: surfing, chatting, writing e-mails, and that they would like to watch films in the original – English and Russian. This finding may be interpreted as striving to develop language proficiency: communicative abilities and social skills as their motivation for learning languages is associated with the success in terms of career prospects, as well as socializing with people while working and/or travelling abroad.

The answers to the question how much the Lithuania's membership in the European Union and North Atlantic Treaty Organization affected their motivation reveal that respondents pay little credits to those organizations and only 13% of them state that the EU and 9% that the NATO made impact on their motives to study foreign languages. It is interesting to note that 32% of respondents point out that there is a strong social opinion that it is inevitable to speak foreign languages. Lithuanian geopolitical situation requires a good command of two foreign languages, therefore, the respondents' motives to speak English and Russian demonstrate that they want to communicate more successfully with their counterparts and employers not only in their home land, but also in foreign countries. The statistical analysis of the responses to the question when they were asked to identify the motivation factors of studying foreign languages showed the respondents' priorities and preferences which are to find a better paid job not only in Lithuania, but also, to use the Internet for work and information search, to watch films, read or listen to music, and etc.

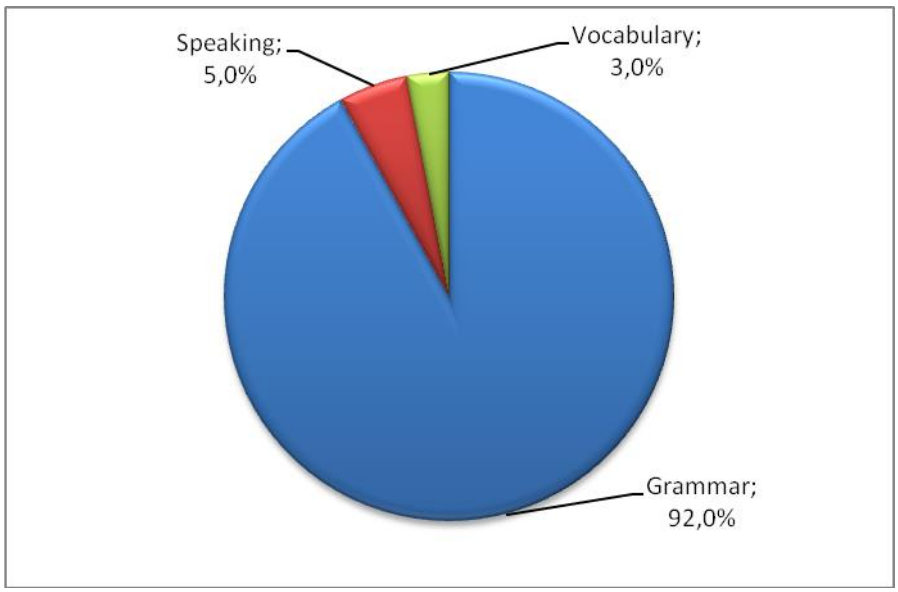


Figure 2. Difficulties in acquiring language learning materials

The statistical analysis of responses to question which asked if the respondents had studied English before showed the most of them answered positively. The greatest amount of learners studied English and Russian at secondary school, others individually and in various language courses. Most learners state that they studied English 1 - 5 years ago and that they studied Russian more than 20 years ago. The respondents claim that the most difficult for them is to study grammar (92%), they also find difficulties in speaking (5%), and learning vocabulary (3%) and this finding is equally common for both - English and Russian learners. To the last question about what skills they wish to acquire and improve while learning English and Russian, most of the respondents answered that they expect to develop practical and social language skills which are the most significant for them while communicating with people. They wish to understand everyday information, e.g. the info written in English and Russian on the Internet and on various labels and notices. It has to be stated that learners want to improve their language skills in order to be successful language users for their professional and personal development and they also perceive foreign language proficiency as a part of their sustainable development.

A Common European Framework of Reference (CEFR 1998, p. 125) emphasizes the fact that knowledge of the society and culture of the community in which a language is spoken is one aspect of knowledge of the world. Therefore, CEFR places a particular emphasis on the development of socio-cultural competence. The socio-cultural competence emphasized in CEFR, requires the development of the skills needed for participating in a variety of social and cultural contexts, which in turn leads to strategic competence and sustainable development. It is generally recognized that communication strategies enhance the effectiveness of communication. Savignon and Sysoyev claim that “none of the existing taxonomies of L2 communicative strategies includes strategies having to do specifically with cultural performance”. They introduced the term “socio-cultural strategies” to define techniques “useful for establishing and maintaining international contact in a spirit of peace and a dialogue of cultures” (Savignon and Sysoyev 2002, p. 512) and stress the usefulness and benefit of explicit teaching of them. They also propose the socio-cultural strategy training with the specific goal to prepare learners for interaction with unfamiliar cultures in unpredictable communicative situations. These views are consonant with the goals of our research: to develop foreign language learning basic skills as well as learners’ social skills and communicative abilities that are necessary for successful communication in a local and global environment.

In the second phase of the study the respondents have been asked to consider what active learning methods helped them to gain new insights of foreign languge learning and what social skills and communicative abilities they developed during their learning process. For this reason they

have been asked to mark the skills and abilities in the given questionnaire that they acquired or developed.

1 Table. **The formation of social skills and communicative abilities**

No.	Social skills and abilities	Yes (%)	No (%)	Total (%)
1.	*Respect for a different point of view and opinion*	84	16	100
2.	Communicational abilities	83	17	100
3.	The ability to believe in oneself	80	20	100
4.	Feelings of self confidence	79	21	100
5.	Tolerance	76	24	100
6.	Acceptance of the variety of opinions	74	26	100
7.	The ability to act responsibly	68	32	100
8.	Feeling of responsibility	64	36	100
9.	The ability to make moral decisions	41	59	100
10.	The ability to take care of oneself and ones own interests	34	66	100

The received results show that 64% of the respondents who have taken part in the research of the application of *Methods of active learning* have marked ten social skills and abilities which have been given in the questionnaire: the respect for a different point of view, opinion; communicational abilities; the ability to believe in oneself; tolerance; recognition of a diversity of opinions; the ability to act responsibly and a feeling of responsibility. The social skills and abilities, given in the questionnaire, as well as the skills and abilities which are essential for life in a democratic society, are adequate. The socialization of personality is being formed through the development of the above discussed learners' social skills whereas the learners, when they explained their motivation for learning foreign language, did not expect that they would develop those skills and abilities. Consequently, aiming to give the most popular ways of work which could help to improve learners' active citizenship skills, 16 means of active learning have been introduced in the questionnaire (Table 2) and that was discovered after the second phase of the analysis of the questionnaire. Trying to achieve the aims of the usefulness of these means, three possible answers have been given: I apply for the development of social skills; I apply for the development of a process of personality formation (it comprises the first two, i.e. a conscious development of a learning process to train social skills and to form the socialization of personality). The frequency of choice has been counted by percentage. Having analyzed the data of the questionnaire, it is possible to generalize respondents' opinions as well as the possibilities of the use of *Active learning methods.*

Table 2. The application of active methods of learning

Methods of active learning	I apply for the development of social skills (%)	I apply for the development of the process of personality formation (%)	Total (%)
Rain of thoughts	3	44	47
Group discussion	6	50	56
Learning through cooperation	4	44	48
Performance of roles	6	35	41
Brain storming	1	21	22
Non verbal communication	5	28	33

Group of experts	3	19	22
Partners' interview	4	14	28
Web spider	5	12	17
PMI (plus, minus, interesting)	2	16	18
Think, consult, share	0	15	15
Snow ball	4	12	16
Six hats of thinking	3	16	19
Barometer of mood	4	9	13
Accidental input	3	8	11
Mixture of ideas	1	3	4

The configuration of all the results of the study of the questionnaire of active learning methods is shown in the table 2. *The application of methods of active learning*.

The respondents pointed out the most often used *Methods of active and learning*: the rain of thoughts method – 47%; a group discussion method – 56%; learning through a cooperation method– 48%; a method of the roles performance – 41%. Analyzing the data of the results of the study which are shown in the table 2, we could claim that the socialization of personality is trained and social skills are formed in the process of learning of those respondents who pointed out the fields of *Methods of active learning methods* – I apply for the development of the process of personality formation, it means that social skills are trained through the development of a learning process. Even though the respondents pointed out only the field of training of social skills, nevertheless, it demonstrates the result of the development of a learning process, too. The respondents who use *Active learning methods* only for learning of social skills, the possibilities of the development of training of social skills follow a learning process naturally.

As the survey reveals, a strong need is felt to update the current LLL program from the communicative language learning perspective showing a must to include the active methods of foreign languge learning into the program. Its methodological principles can be based on the following rationale.

Rationale : Contemporary societal changes form the basis for the rationale:

- globalization - recession, the economic, social and political processes;
- a new local and global context;
- incorporation of IT into a curriculum:
- the new generation of adult learners with their differing values and attitudes;
- the future of most learners who will need foreign languages for their jobs, recreation and communication with other native and non-native speakers;
- the skills and abilities needed for effective communication;
- the European Language Portfolio (ELP 1998, p. 2) equally emphasizes linguistic and cross - cultural skills in language competence.

Methodological aspects of foreign language learning include: Learning is a motivated and purposeful process; language is viewed as a tool to grow professionally; learner autonomy is essential to language education in Lithuania where communicative competence in three or more languages is a norm.

As a result of this and the rationale above, a holistic approach which embraces a communicative one and develops the skills of investigating, analyzing and comparing may be helpful in acquiring all basic language skills and abilities.

The European context has high demands to the learners: they have to equip themselves with the skills to compete, to be more flexible, to interact with the whole world, be able to meet other challenges, re-experience, bring benefit as individuals to the world, to have a more tolerant attitude and respect to people of different cultures.

ELP views its pedagogical function as enhancing the motivation of learners and seeking new intercultural experiences, for example, through contacts, reading, use of the media and etc. (ELP 1998, p. 2)

According to the investigation, both the external and internal factors foster adult learners to study foreign languages, however, the internal factors have more impact on adult learners' motivation. Therefore, more interesting and exciting activities should be incorporated into the program, such as cross-cultural simulation, problem solving activities, surveys investigating attitudes to globalization, stereotypes, the issue of survival, self-awareness, dignity, tolerance and respect to people and environment.

To sum up, the new local and global context opens new opportunities both for teachers and learners and unites them to strive to achieve the goal of a multilingual and pluralistic society.

Conclusions

1. The survey has revealed a great interest and motivation of adult learners in studying foreign languages.
2. Foreign languages should be an integral part of life-long learning with a special emphasis on social skills and communicative abilities.
3. In a new local and global context foreign language learning tends to acquire a new shape in terms of challenging themes, methods and techniques.
4. The local and global context makes high demands for the learners, therefore teachers should help them gain conscious efforts to seek positive changes and improvement.

REFERENCES

Council of Europe. 1998. *A European Language Portfolio Language Policy Division*. The Final Report of the Pilot Project. Strasbourg, 2.

Council of Europe. 1998. *Common European Framework of Reference for Modern Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Strasbourg,125.

Harmer, J. 2007. The Practice of English Language Teaching. UK: Pearson Education, 98.

Savignon, S. & Sysoyev, P. 2002. Sociological Strategic for a Dialogue of Culture.// The Modern Language Journal, 51.

Jovita Daukšytė
Vytauto Didžiojo universitetas

SOCIALINIŲ KOMPETENCIJŲ ĮGYJIMAS MOKANTIS UŽSIENIO KALBŲ (ANDRAGOGINIS ASPEKTAS)

Santrauka

Užsienio kalbų kompetencijos ugdymas yra vienas svarbiausių mokymosi visą gyvenimą kontekste. Užsienio kalbos kompetencija yra viena didžiausių vertybių globalizacijos procese, reikalaujanti išorinės ir vidinės motyvacijos, padedančios besimokančiajam siekti savo tikslų. Straipsnyje nagrinėjami tyrimo, vykdyto Vytauto Didžiojo universiteto dėstytojų 2010/2011 metais, rezultatai. Tyrimas remiasi anglų ir rusų kalbų kursų visuomenei, organizuotų 2010/2011 metais, besimokančiųjų apklausos rezultatais. Tyrimui naudota anketinė apklausa, į kurią atsakė 127 rusų ir anglų kalbų besimokantys suaugusieji. Respondentai nurodė kokie motyvai skatina juos mokytis kalbų ir kokius sunkumus bei situacijas jie patiria. Respondentai pažymėjo kokius įgūdžius bei kompetencijas jie tikisi išsiugdyti ir kaip jiems tai pavyko įgyvendinti.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: motyvacija, vidiniai ir išoriniai veiksniai, suaugusiųjų užsienio kalbos mokymasis, kalbiniai įgūdžiai ir gebėjimai.

Brigita Dimavičienė
Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva
K. Donelaičio g. 58, 44248 Kaunas, Lietuva
E-mail: brigita83@hotmail.com
Research interests: contemporary literature for young adults; literary translation theory; taboo topics and swearwords in young adult literature.

THE EFFECT OF TRANSLATED LITERATURE ON LITHUANIAN LITERATURE FOR YOUNG PEOPLE

The paper focuses on the way in which certain aspects of adolescent speech in British novelist Melvin Burgess', Doing It is translated into Lithuanian. The main aim of the paper is to analyze a few examples from the novel and see how translator deals with sensitive language, mainly swearwords and sexual slang. In general, it is expected that softening and omission of taboo language will appear, since Lithuanian norms for the use of this kind of language, especially those aimed at young people are less liberal than in English-speaking countries.

KEY WORDS: Adolescence, teen literature, literary norms, teenage slang, sexual slang, swearwords

Introduction

There are many novels written for teenagers which deal with the issues and problems that are typical for this age group, such as concern about their appearance, their relationships with peers and the pressure they feel from them, first love and quarrels with parents. However, the appearance of sensitive or taboo topics, especially those connected with sexuality and the drug culture, in books for adolescents often shock adult readers and may be considered inappropriate, depending on the prevailing cultural norms in a particular society. Since the early 1990s this situation has gradually changed. Teen novels including the ones by Melvin Burgess (b.1954) have become so popular in the entire world that they can be said to have successfully filed this gap in literature. The author Elizabeth O'Reilly even asserts that Burgess is often called "the Godfather of teenage fiction" (O'Reilly, 2007). It seems that a part of Burgess' success is due to his willingness to touch upon very delicate subjects. His novel *Junk* (1996), for example, tells the story of two British middle-class teenagers who decide to run away from home and start living in the streets; later they become drug addicts. Unusually for fiction aimed at teen readers, this novel does not moralize or pass judgment on any of its characters or their actions; instead, it tries to show British adolescents of the later 20th century the way they are, together with their typical family problems, conflicts in relationships, and search for adolescent identity. Despite all the controversy it has aroused, the novel's popularity is evident: it has been translated into 28 different languages and adapted for television and the stage (O'Reilly 2007, p.7). Another of Burgess' novels, *Doing It*, published in 2003, tells the story of a group of British middle-class teenage boys and their first experiences of sex. Again, as in *Junk*, though in a more comic way, it portrays teenagers the way they are today in the United Kingdom. *Doing It* may shock more conservative readers for its unusually open treatment of teenage sexuality and vulgar language. In both novels, these experiences are depicted using typical slang, including the words that are considered vulgar or swearwords. The aim of the article is to compare the translation of slang and swear words into Lithuanian language in Melvin Burgess' novel *Doing It*.

Literature for Teenagers in English-Speaking and Lithuanian Cultures

Young-adult fiction is fiction written for adolescents, roughly between the ages of twelve and eighteen. The stories tend to focus on the experience of an individual, usually a teenage protagonist. Sub-genres of teen fiction include novels from fantasy to detective and romance ones,

however, this section briefly discusses two major thematic categories of young-adult fiction which are the so-called problem novel and the coming-of-age novel. In addition, it provides the short overview of teenage literature written in English in recent decades as well as introduces the main tendencies of Lithuanian teenage literature. As the Canadian specialist in children's literature Sheila Egoff defines, "the problem novel is a subgenre of the realistic adolescent novel: it tends to be narrower in focus, less rich in narrative scope" (Feinberg 2005, p. 1). Moreover, Egoff adds that the protagonist is often alienated and hostile toward adults and sexuality is often openly discussed in problem novels (Feinberg 2005, p. 1). In addition, Betty Marcoux claims that the problem novel responds to "requests for literature dealing with fundamental young-adult issues – suicide, death, abortion, peer pressure, looks, pregnancy, etc." (Marcoux 2004, p. 5). Another important theme in young-adult fiction is coming-of-age; which often describes boys or girls who are becoming more mature when faced with adult realities. The author Mary Owen says that "classic coming-of-age stories capture the innocent passion of adolescence, when children sense the layers of human existence, experience the desires, and work out the ideals that will add depth to their character and provide them with a road map on their journey" (Owen 2003, p. 1). A common literary form in the modern world is the coming-of-age novel, in which a normal adolescent encounters hard facts about reality. Young-adult fiction in English-speaking countries has gone through many changes over the years. Owen notes that "in the 1950s two novels drew the attention of adolescent readers: *The Catcher in the Rye* (1951), and *Lord of the Flies* (1954). Unlike more recent fiction classified as young-adult fiction, these two were written with an adult audience in mind (Owen 2003, p. 1). Owen continues that these two novels, as well as the later novel *The Outsiders* (1967) by S.E. Hinton, are regarded as pioneers of modern young-adult fiction: Owen stresses that *The Outsiders* differs from the usual books written for teens in particular, as it shows the more realistic and dark side of teenage life, in part because it is written by a young adult" (Owen 2003, p. 1). After these early novels, more writers began to produce fiction specifically meant for teenagers. The author Mary Owen claims that "the 1970s through to the mid-1980s has been described as the golden age of young-adult fiction, when a highly intelligent and demanding literature was written for young people that spoke to them with particular directness" (Owen 2003, p.1). Owen continues that "from the mid-1990s there has been a resurgence and reinvention of young-adult literature; this is mainly due to authors and publishers challenging the traditional content, age limit and format of the teenage problem novel" (Owen 2003, p. 1). With time, the topics that could be written about have greatly expanded. Owen explains that "in today's young-adult fiction there is virtually no topic that is off-limits; readers can explore such topics as gay love, AIDS, teen parenting, depression, violent acts, passionate vampires and fairies, suicide, murder, political choice and belief and concerns about money" (Owen 2003, p. 1). Teenagers are generally eager to leave the restrictions of childhood behind and want to read about the more mature concerns, they also do not wish to be treated as children anymore. Owen notes that "from its very beginning, young-adult fiction has portrayed teens confronting situations and social issues that have pushed the edge of then-acceptable content" (Owen 2003, p. 1). As soon as the content of young-adult novels began to include topics of peer pressure, parents' divorce, drugs, violence, sexuality and swearing, these books attracted the attention of parents, teachers and psychologists. Owen states that "critics of such content argue that the novels encourage destructive or immoral behaviour, while the other part of them argues that fictional portrayal of teens successfully addressing difficult situations and confronting social issues helps readers deal with real-life challenges" (Owen 2003, p.1). Nevertheless, despite all the criticism, the journalist Cecelia Goodnow claims that "kids are buying books in quantities we have never seen before and publishers are courting young adults in ways we have not seen since the 1940s" (Goodnow 2007, p.1). Goodnow provides statistics which shows that teen book sales went up by a quarter between 1999 and 2005 in Great Britain; apparently teenagers have discovered literature once again, because in many ways they can identify with the main characters and the problems they deal with in these new novels. Goodnow continues, arguing that "older teens in particular are enjoying a surge of sophisticated fare as young adult literature becomes a global phenomenon" (Goodnow 2007, p.1). Moreover, in 2001 the National Education Association of the

United States published an encouraging report titled "Poll on the Reading Habits of Adolescents" which shows that teenagers are particularly interested in current literature for teens that reflects the problems and issues they are dealing with in real life (Owen 2003, p.1). Owen states that "the poll shows that young people are positive about reading, describing it as stimulating, interesting, relaxing and rewarding" (Owen 2003, p.1).

Meanwhile, the situation is a little different in Lithuania, as a Lithuanian specialist on children's literature, Kęstutis Urba notes: "about 350 books are published for young adults in Lithuania each year, while only about 40 percent of these books are written by Lithuanian writers" (Urba 2005, p.1). Moreover, the majority of these books written by Lithuanians are republications or they are published for the first time now, although they were written during the Soviet period and could not be presented to the public for ideological reasons: they do not depict Lithuania that teenagers know today. Urba states that only 20 percent of the books for young adults are newly written now (Urba 2005, p.1). Roma Kišūnaitė claims that "the number of books written for teenagers has increased in 2005 in Lithuania, but most books are translated from foreign languages" (Kišūnaitė 2006, p.1). Kišūnaitė adds that the majority of these are translated from English, with the figure being about 48 percent. It should be noted that some Lithuanian writers are beginning to explore new topics as well as writing for teenagers; they are trying to focus more on realistic teenage problems and their interests today. For example, the novel *Melnragės Akmenys* (The Stones of Melnragė) (2005) by Algimantas Zurba tells the story of a teenage girl who spends her summer holidays by the Baltic Sea; the novel presents her internal struggles and teenage adventures. This novel attracted many teenage readers in Lithuania and was chosen as the book of the year in 2005, because teenagers could identify with its main character (Kišūnaitė 2006, p.1). Still, the situation changed once again in 2008, when Lithuanian judges nominated only four books, instead of five, in the young-adult fiction category for awards. Despite the fact that there are quite a few Lithuanian authors writing for young adults, such as Akvilina Cicėnaitė, Kristina Gudonytė, Gintarė Adomaitytė, Kazys Saja and many others, there is still a lack of current teenage literature written by Lithuanians, so this gap must be filled with translated foreign literature. Furthermore, teen books written by Lithuanians differ from the ones written by English-speaking authors; although these novels do discuss teenage life and touch upon teen problems, Lithuanian literary culture is still not very open to sex, swearing, or vulgarisms, as Western novels are. This causes a problem for Lithuanian literary critics, as the number of translations from English is rapidly growing, with teenagers attracted more to these books than to the Lithuanian ones. Urba claims that "the amount of popular literature for teenagers is increasing in Lithuania - books which tell teenagers how to be cool, how to date a girl or a boy, how to have sex, etc.; these books do help teenagers to understand themselves better, but they do not teach any values or morals" (Urba 2005, p.1). Urba continues by saying that "Lithuanian publishers feel the great lack of teenage literature in Lithuania so that they are translating and publishing vast numbers of different books for teens, which reflect the modern teen world; meanwhile, teenagers greatly enjoy such books (Urba 2005, p.1). Urba refers to the so-called new realism, which has become the dominant tendency in young-adult fiction and mentions Melvin Burgess as one of the most popular and controversial writers for Lithuanian teens of this time (Urba 2005, p.1). Although Burgess has earned great respect among teenagers all over the world, some literary critics are still quite sceptical about him: Urba himself argues that "Melvin Burgess should not become the new icon for teenagers, while translators and publishers should look for better writers who search for eternal values and solve existential questions in their novels" (Urba 2005, p.1). However, Lithuanian teenagers continue buying and enjoying the novels of Melvin Burgess, who has even visited Lithuania and attracted large crowds of young readers. The critical language used by commentators like Urba shows the conservatism that still dominates the older generation of specialists. Thus there have been many changes in young-adult fiction in recent years, while the novels written for teens today still differ in their topics and styles in English-speaking countries and Lithuania. Nevertheless, this English literature strongly affects Lithuanian literature, due to the large number of translations.

Dealing with Sensitive Language: an Overview of Few Examples in the Lithuanian Version of *Doing It*

Language which is used by teenagers plays a tremendous role in adolescents' life. Young people use many slang words to express themselves within their peer groups, words and expressions which are understood by particular teenage groups, and form a group language. According to the *Oxford Dictionary of English*, "slang is very informal language that is usually spoken rather than written, used especially by particular groups of people" (Soanes 2003, p.67). Adolescent slang is often used to discuss such subjects as emotions, drunkenness, sexual organs and activities, and drugs. Teenagers have developed their own terms to express their feelings, thus distinguishing themselves from the adults around them; they feel more comfortable expressing their emotions in their own language. Therefore, slang has become fashionable among teenagers; in addition, they get accustomed to using it. Further, slang plays a role in creating friendships and cliques: as Scott Westerfeld states, "slang is often a factor that determines acceptance or exclusion, "you talk to me, you are like me" (Westerfeld 2006, p.1). In this way, slang becomes an inevitable part in the life of teenagers and helps them to find friends within their school world. In particular, teenagers use so-called sexual slang, which the *Alternative English Dictionary* defines as, "any slang term which makes reference to sex, the sexual organs, or matters closely related to them". Teenagers create their codes for particular terms, actions or words referring to sex, different bodily functions and love, which may seem shameful to them or which they feel embarrassed to discuss in more formal language. As the linguist Lilian Rönnqvist states, "teenagers use slang words for a couple of reasons: firstly, slang helps bonding with friends; secondly, using slang makes them feel more comfortable while talking about particular topics" (Rönnqvist 2007, p.1). The sociologist Colleen Gengler, explains, "the importance of friends to teenagers is well known. Teens often describe their best friends as the ones who "understand exactly how they feel and will stick with them no matter what" (Gengler 2007, p.1). Teenagers often have trouble finding friends, so discovering something in common with other people help the process; in such cases slang is usually helpful.

In addition to slang, teenage language is also often full of swearwords which are considered to be offensive, rude, insulting and inappropriate; normally people use swearwords and offensive language to express their emotions and attitudes such as aggression, anger, surprise or frustration. Maria Jesus Fernandez states that "swearing is, if not a universal feature of human communication, at least common to most societies and civilizations. In most languages, swearing is mainly related to personal and bodily functions, sex or religion" (Fernandez 2007, p. 1). Maria Sidiropoulou explains that "sociology has associated taboo language with class, generation and gender" (Sidiropoulou 2005, 183). This can be noticed while analyzing teenagers' speech, where different kinds of swearwords and offensive language are often used. Current analysts provide different reasons why many teenagers swear so much: for example, a family expert, Gina Roberts, points out that "many young people resort to swearing as a means to try to demonstrate their level of maturity or they swear because it is part of the language of their school yard" (Roberts 2008, p.1). She also adds that some teenagers, especially boys, swear because they wish to seem manly (Roberts 2008, p.1). The other cases in which teenagers tend to swear is when they wish to express emotions such as anger, dissatisfaction or excitement.

Melvin Burgess' novel *Doing It* depicts adolescent life, using many slang words, colloquial language and swearwords while describing teenagers' thoughts or creating dialogues. In the meantime, the translator of the novel, Rūta Razmaitė, uses a variety of translation strategies while translating Burgess' novel into Lithuanian. The basic problem is an intercultural one; as Barbara Schwarz notes, "although more and more concepts are shared and understood between different cultures, there are still many terms and expressions which reflect the morals and values of a particular culture and have no true equivalent in the target language" (Schwarz 2006, p.1). Some cultures allow fairly sensitive topics to be openly discussed in literary texts, while others avoid this and also prefer not to use slang in literature. Furthermore, as Tiina Puurtinen notices, "translated literature may have norms of its own which are not identical to those of original target-language literature. Translations tend to be conventional, even conservative in some cultures" (Puurtinen

1998, p.1). Gideon Toury discusses the same issue, claiming that "the notion of norms assumes that the translator is essentially engaged in a decision making process […] the translator fulfils a function specified by the community and has to do so in a way that is considered appropriate in the community" (Toury 1995, p.54). In order to meet the norms of the particular society in an "appropriate" way, the translator not only has to be well acquainted with the appropriate language norms, but also to be able to use them in the translation. Generally, different translation strategies help translators to deal with this problem and to transfer the text into the target language without violating the norms of their own cultures while, at the same time, retaining the meaning of a source text. As Toury comments, "at any rate, translators performing under different conditions often adopt different strategies and ultimately come up with markedly different products" (Toury 2000, p. 39). For this reason it was not easy for Razmaitė to translate *Doing It* so that it would suit Lithuanian norms and yet, like the original novel, appeal to teenage readers. Razmaitė's translation of *Doing It* does not lose sight of its main goal and provides a very readable text for teenagers; however, her version is adapted to the current cultural norms referring to swearwords and vulgarisms practiced in Lithuanian literature.

A few most vivid examples are presented to show Razmaitė's translation choices. Jonathon presents a dare to his other two friends, Ben and Dino, who have to choose with whom they would prefer to have sex. Jonathon proves them only with two choices, both bad: a girl who is considered the least attractive at school and an elderly homeless woman who begs for money: "you either have to shag Jenny Gibson – or else that homeless woman who begs spare change outside Cramner's bakers". In this case, Razmaitė chooses the Lithuanian equivalent, the slang verb "*dulkinti*" (back translation: to shag) for the swearword "to shag"; this is the strategy of preservation. Thus, meaning and tenor are not lost in this case, as the Lithuanian swearword "*dulkinti*" is just as vulgar slang and as offensive as the English term; moreover, the word is one that is commonly used by Lithuanian teenagers. Jonathon himself quickly makes his choice as well, selecting the plainest girl at school, Jenny, while the other boys tease him, claiming that nobody else except this girl would agree to have sex with him: "that's just because it's the only way you could get a shag". Razmaitė omits the repeated word "shag", here used as a noun: "*tik todėl, kad nė viena kita tau neduotų*" (back translation: only because nobody else would give it to you). Still, the expression "*nė viena kita tau neduotų*" includes the notion of having sex, although it is still less open and vulgar than the swearword "shag". Here Razmaitė uses a synonym that softens the word used in the source text. As the boys continue their game, Dino admits that he would prefer to have sex with Jackie, who is considered the prettiest girl at school and to whom he is strongly attracted. Dino's friends, however, joke that Dino will never get Jackie, as she feels superior to everyone else: "only the most gorgeous will do for our Deen". Razmaitė adds the word "*dulkinti*" twice where the English text uses more euphemistic word: "*tik patys gražiausi dulkina mūsų Karalienę*" (back translation; only the most beautiful shag our queen) and "*tu tikriausiai pasidulkinsi anksčiau už mane, - tarė jis*" (back translation: "you will probably shag before me", he said), which is more offensive than Burgess' "you'll probably get it before I do", where "shag" is omitted. In this way Razmaitė compensates for the loss of more offensive terms which she so softens or omits. Moreover, Razmaitė uses synonyms while translating the swearword "to shag", which is so frequently used by Burgess' teenagers. This can be seen in the following example: "yeah, but she wouldn't be a monster if I was shagging her, would she?" Razmaitė changes "shagging her" into "*gavus sekso*" (back translation: after getting sex), instead of translating it as "*dulkintis*". At the same time, the translation retains the same vulgarity, but lacks the realistic monotony with which teenage boys keep repeating the same offensive words. As Razmaitė mentions in her interview she employs synonyms for some words which are repeated a great deal in Burgess' text, when she feels that another word is more suitable. Basically she alters the stylistic nature of the boys' conversation and illustrates the tendency for translation of literary texts to reduce repetition. Razmaitė uses strategies such as preservation, softening, omission, compensation and synonymy in her Lithuanian translation of *Doing It*. Softening and compensation prevail in this translation, as she follows Lithuanian norms of politeness and tends to soften offensive language by using a more general term or even omitting the

word; moreover, she presents a greater variety of swearwords and vulgarities in her translation by employing synonyms.

Conclusion and findings

Adolescent literature has become a major publishing phenomenon in the world lately, with more and more books aimed at the teen audience. One of the reasons for this popularity is that current books for adolescents are more interesting for teens, as they tend to deal with the realities, some very complex and difficult that teens have to face nowadays. Adolescents are interested in topics which touch upon the issues they are dealing with themselves: this is one of the main reasons why Melvin Burgess' novels have become so popular among teenagers in the entire world. *Doing It* is among those that have been translated into Lithuanian and been very well received. Because the novel contains sensitive language and topics, the Lithuanian translator Rūta Razmaitė faced particular challenges while translating it and making suitable for a target audience that lives in a less liberal society than that of Britain. This analysis of the translations of sensitive language has shown that Rūta Razmaitė tends to choose a Lithuanian slang equivalent or they may use synonymy, omission, softening and compensation. The statistical analysis shows that there are 66 swearwords and 118 sexual slang words in the novel *Doing It*. Overall, a statistical analysis of the translation strategies which Razmaitė uses to deal with swearwords and sexual slang shows that softening and compensation strategies have been used the most; the analysis of particular episodes in the novel also show a similar tendency. *Doing It* is a comic novel describing teenage boys whose only thought seems to be sex; therefore, they end up in different humorous situations. Moreover, the characters in the novel speak in a colloquial and slang language which is common to the majority of teenagers in Great Britain. Thus it has been a challenge for Razmaitė to convey this by finding a language which is equally typical for Lithuanian teenagers. At the same time, Lithuanian literary traditions inhibit the use of a great deal of vulgarity and swearwords. In addition to softening, compensation and omission strategies, which help Razmaitė to meet Lithuanian literary norms, she employs a great variety of synonyms in her translation as well. Razmaitė employs at least three different synonyms for one swearword or sexual slang word in Burgess' novel; this helps Razmaitė to avoid repetition, which is considered bad style in Lithuanian. Moreover, synonyms allow Razmaitė to soften the vulgarity of swearwords. Overall, such translations enrich Lithuanian teen literature in many ways, as this genre is only beginning to develop in Lithuania and being separated in the eyes of the critics from children's literature. Burgess' novels differ from traditional romantic or didactic novels meant for teenagers, as they reflect the current realistic life of contemporary teenagers in the Western world without moralizing. Teenagers can empathize with the characters in Melvin Burgess' novels who speak their own language and can then reflect on the issues these novels raise. Rūta Razmaitė has creatively translated the novel and has contributed towards encouraging changes in Lithuanian teen literature.

REFERENCES

BURGESS, M., 2003, *Doing It*. London: Penguin Books.
FEINBERG, B., 2005, *Do These Calamity-Filled Books Serve Up Too Much, Too often, Too Early?* http://www.aft.org/newspubs/periodicals/ae/winter0405/feinberg.cfm.
Fernandez M.J., 2005, *Screen Translation*. http://www.bokorlang.com/journal/37swear.htm
GENGLER, C., 2007, *Teens and Friendships: Parents Still Have Influence.* http://www.extension.umn.edu/distribution/familydevelopment/00096.html.
GOODNOW, C., 2007, *Teens Buying Books at Fastest Rate in Decades*. http://seattlepi.nwsource.com/books/306531_teenlit08.html.
KIŠŪNAITĖ, R., 2006, *Geriausios 2005 knygos jaunimui.* http://www.rasyk.lt/ivykiai/geriausios-2005-m-vaiku-ir-paaugliu-knygos.html.
MARCOUX, B., 2004, *Young Adult Literature.* www.absoluteastronomy.com/topics/Young_adult_literature.
O'REILLY, E., 2007, *Melvin Burgess: Critical Perspective*. http://www.contemporarywriters.com/authors/?p=auth260.
OWEN, M., 2003, *Developing a Love of Reading: Why Young Adult Literature is Important*. No 39 (1). P. 1-17.
PUURTINEN, T., 1998, Tenor in Literary Translation. *Perspectives: Studies in Translatology.* No 6 (2). P. 159-173.

RAZMAITĖ, R., 2004, *Darant Tai*. Translation of *Doing It* by Melvin Burgess. Vilnius: Alma Littera.
ROBERTS, G., 2008, *Help Your Teen Clean Up His Language*. www.womentodaymagazine.com/family/swearing.html.
RÖNNQVIST, L., 1994, ELT Journal. *Teenage Books for Teenagers: Reflections on Literature in Language Education.* http://eltj.oxfordjournals. org/cgi/content/abstract/48/2/125.
Schwarz B., 2006, *Translation in a Confined Space - Film Sub-titling with special reference to Dennis Potter's "Lipstick on Your Collar"*. http://www.bokorlang.com/journal/22subtitles.htm.
SIDIROPOULOU, M., 2005, Offensive Language in English-Greek Translation. *Perspectives: Studies in Translatology*. No 6 (2). P. 183-197.
SOANES, C., 2003, *Oxford Dictionary of English.* Ed. Angus Stevenson. Oxford: Oxford University Press.
TOURY, G., 2000, Nature and Role of Norms in Translation. *Translation Studies Reader*. Ed. L. Venuti. London: Routledge.
TOURY, G., 1995, *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam Philadelphia: Benjamins.
URBA, K., 2005, *Knygos vaikams, paaugliams, jaunimui (2000–2005).* http://www.booksfromlithuania.lt/index.php?page_id=79.
WESTERFELD, S., 2006, *Slang and Teen Vernacular*. http://notesfromtheslushpile.co.uk/2006/04/ya-voice-slang-and-teen-vernacular.html.

Brigita Dimavičienė
Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva
Moksliniai interesai: šiuolaikinė paauglių ir jaunimo literatūra ir literatūros kritika; literatūros vertimo teorija ; tabu temų ir keiksmažodžių vartojimas paauglių ir jaunimo literatūroje.

VERSTINĖS LITERATŪROS ĮTAKA JAUNIMO LITERATŪRAI LIETUVOJE

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamas cenzūruojamosios kalbos vertimas Melvino Burgeso romane „Darant Tai“ (2004), kurį iš anglų kalbos į lietuvių kalbą vertė Rūta Razmaitė. Romane ryškiai atsispindi svarbiausios problemos, su kuriomis susiduria paaugliai: santykiai su šeima ir draugais; draugystės samprata; alkoholio bei narkotikų vartojimas, kalbos ypatumai. Romanas populiarus tarp paauglių, nes atspindi realų paauglių gyvenimą, o paaugliai susitapatina su pagrindiniais veikėjais. Lietuvių ir anglų literatūra paaugliams turi skirtingas tradicijas ir yra veikiamos skirtingų kultūrinių veiksnių, dėl to vertėjas neišvengiamai susiduria su sunkumais. Apžvelgiamos pagrindinės vertimo strategijos, kurias Rūta Razmaitė pasirinko versdama cenzūruojamąją kalbą, ir tai, kokį poveikį vertėjos pasirinkimas turėjo romanui. Kadangi romanas atspindi tikrovišką paauglių gyvenimą, kalba, kurią jie vartoja, yra jiems įprasta: slengas, keiksmažodžiai, vulgarūs žodžiai bei tabu temos. Vertėjai tai buvo nelengva užduotis, nes lietuviai yra konservatyvesni nei vakariečiai. Norėdama išlaikyti Burgeso romano tikroviškumą, vertėja dažniausiai vartojo kompensaciją (compensation), pasikartojimą (repetition) bei sušvelninimą (softening).

RAKTINIAI ŽODŽIAI: paauglystė, paauglių literatūra, literatūros normos, paauglių slengas, seksualinis slengas, keiksmažodžiai.

Andrii Kozachuk
Borys Grinchenko Kyiv University
18/2 Vorovskoho Str., Kyiv 04053, Ukraine
a.mk@online.ua

LEXICOLOGICAL ASPECTS OF THE TRANSLATION OF UKRAINIAN SHORT PROSE OF THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES INTO ENGLISH

This paper concentrates on the ways that Ukrainian proper names, nationally biased units of the lexicon or realia, and figurative phraseological expressions are rendered into English. The comparative analysis of four fiction texts by B. Hrinchenko and M. Kotsyubynsky and their translations, executed by Roma Franko, shows that most Ukrainian national proper names are transliterated. Due to the complex nature of the notion of realia, it is not always possible to detect all of them in the texts. Moreover, many of them are rendered via a synthesis of several methods, e.g., transliteration + contextual translation, transliteration + comment, etc. None of the selected figurative phraseological expressions were replaced by their corresponding equivalents in the target language. In general, despite the loss of some connotative meanings, the translator seeks a balance between representing the translated text in a comprehensible way and preserving the national peculiarities of its components.

KEY WORDS: Ukrainian literature, proper names, nationally biased lexical units, idiomatic and phraseological expressions, rendering, transliteration, substitution.

When dwelling upon the problem of translating a piece of fiction, one should pay attention to some essential facts. First, any work is a part of a national culture with its own stylistic peculiarities. Second, the translator should also take into account the stylistic peculiarities of the target language, which can be quite different from those of the source language. Third, the lack of correspondence between the linguo-stylistic peculiarities of the translated text and typical texts of national literature in the source language can be put down to objective as well as subjective reasons.

Research in the field of the lexicological aspects of fiction text translation is topical for a systematic study of the linguo-stylistic peculiarities of translation. Studying the lexicological aspects of the translation of Ukrainian short prose into English is helpful for further research into translation theory.

In Ukraine, essential attention has already been paid to problems of translation (works by I. Korunets, V. Radchyk, Yu. Zhluktenko, R. Zorivchak, as well as T. Bakastova, E. Galapchuk, O. Mushnina, K. Zaytseva and others). However, the problems of translation from Ukrainian into English have been considered to a smaller extent than those of the English–Ukrainian direction.

The objectives of the present paper are:

1. To cover both general and specific points concerning the translation of Ukrainian short prose of the late 19th and early 20th centuries into English.
2. To take into consideration the main stylistic peculiarities of Ukrainian short prose works of the said period in the view of lexicology.
3. To analyse the peculiarities of such translation, documenting the analysis via texts translated by Roma Franko.

The choice of Roma Franko's texts can be grounded by the fact that her activity as a translator, publisher and public figure has not yet been studied well enough by European scholars. The research has been performed on the ground of four original Ukrainian short prose texts: "Brother against Brother" (first published in 1907) and "A Dearth of Grain" (1884) by Borys Hrinchenko, as well as "The Unknown One" (1907) and "On the Road" (1907) by Mykhaylo Kotsyubynsky.

This paper considers the lexicological linguistic phenomena that produce the most difficulties when translating, and attempts to confirm the theoretical points with examples selected from the researched texts.

Some essential components of the individual styles of Hrinchenko and Kotsyubynsky must therefore be considered.

Despite their being active in the same period, most philologists consider the selected writers to belong to different epochs. K. Sizova, a Ukrainian scholar, relates Hrinchenko to populism, but Kotsyubynsky to modernism. She affirms that the linguistic peculiarities of Hrinchenko's individual style are characterized by close links of the characters' social backgrounds and functions in the text (Sizova 2010, p. 187). The motivation of selecting proper names has been mentioned as a linguo-stylistic peculiarity (Sizova 2010, p. 194).

Concerning the creative period of Kotsyubynsky, the scholar points to a great number of features typical for literary impressionism and symbolism therein. She also mentions such features of his individual style as reiterated epithets, similes, symbolic implication, and the use of metaphors (Sizova 2010, pp. 242, 246).

Kotsyubynsky's classification as a modernist writer can be proven by N. Hooti's paper as well. It states that the language of modernist fiction is characterized chiefly by an increasing number of various specific experimental elements and the flouting of existing literary forms (Hooti 2011, p. 327).

In considering the basic aspects of translation that are essential for lexicology, the classification of translation aspects by I. Korunets was chosen as the basis. According to it, the basic lexicological aspects include: the translation of proper names, international lexicon (or internationalisms), nationally biased units of the lexicon, and idiomatic/phraseological and stable expressions (Korunets 2003, p. 5).

It can be stated that the specific character of the analysed Ukrainian texts results in a lack of an international lexicon, though being typical texts of the epoch, they contain most of other abovementioned types of lexical units. The populist peculiarity of texts by Hrinchenko is his selection of lexical units, which must be simple and easily understood by the masses. This word-stock contains many nationally biased units, dialect words, idiomatic and stable expressions which are to demonstrate the "living" speech. The modernist texts by Kotsyubynsky display a peculiar literary composition, a comparatively greater number of symbols and foreign borrowings, etc. Both types of texts can be also characterized by the motivated selection of proper names, as well as a widespread integration of non-Ukrainian text and dialect lexical units.

As it is hard to perform high-quality research in the dimension of one article, it was decided to concentrate here mostly on such aspects as proper names, nationally biased lexical units, and idiomatic or phraseological expressions as specified by I. Korunets.

When considering the rendering of proper names, scholars mention two main methods: a) translation proper (i.e., substitution of the proper name with its corresponding equivalent in the target language) and b) transcription or transliteration.

For instance, Y. Galapchuk comments on the substitution of proper names with their corresponding equivalents as possibly due to the global existence of "conventional equivalents." They cover such semantic fields as the name of the supreme pontiff, royal families' representatives, Christian names, as well as the names of literary characters of world-famous tales and legends (Galapchuk 1999, p. 11). The proper names that have acquired connotative meaning are also subject to substitution by their corresponding equivalents (Galapchuk 1999, p. 12).

The transcription and/or transliteration of Ukrainian proper names in English faces a very topical contemporary problem, namely, the lack of uniform rules for transcription. O. Pelypenko states that most problems occur when trying to transliterate such letters as *й, ь, я, ю, є, ї*. It is basically put down to the reason that even Ukraine's official regulations admit the existence of spelling invariants. Moreover, Ukrainian passport offices often use their own domestic transliteration instruments (Pelypenko 2005, p. 27–29).

One paper on literary character nomination raises a complex problem. On the one hand, when translating proper names, it is essential to take into account all their connotative meanings; on the other hand, it is no less important to preserve the name's phonetic representation. These aspects

reflect on both the national colour and the author's individual style (Zaytseva, Bakastova, Kuznetsova, Todorova 1986, p. 59).

Considering the same problem, I. Shama proves that the proper names of literary characters are selected for various reasons and never by chance. That is, they are connected with the plot, the character's function in the composition, etc. The scholar names the phenomenon "proper names symbolism" (Shama 2005, p. 116).

Consider these specific examples. "Brother against Brother" by Hrinchenko contains such proper names as: a) anthroponyms – *Koretsky Yevhen Petrovych* (with invariant *Henya*), Talya (with invariant *Natalya Mykolayivna*), *Petro*, *Yakiw* and others, and b) toponyms – *Kyiv*, *Ladynka* and others. The invariants' existence is caused by peculiarities of Ukrainian national culture and language, as well as the availability of diminutive forms in the latter. The grammatical structure of the Ukrainian language enables a number of derivatives, among which are those serving as a means of expressing genitive relations (*Демид**ова*** [*рука*], *ладин**ська*** [*школа*] and others).

A comparative analysis of the original text and its translation proves that, on the one hand, most points in the transliteration regulation of the Ukrainian committee on problems with legal terms have been taken into consideration. For instance, initial ***є*** is represented as ***ye***, ***и*** as ***y*** (***Є**вген – **Ye**vhen*, *Петров**и**ч – Petrov**y**ch*), though the surname of *Корецьк**ий*** is represented as guided by simplified spelling rules: *Koretsk**y*** (Нормативна таблиця… 1996):

(1a) *Учитель **ладинської** школи **Євген Корецький**, прокинувшись ... згадав, що сьогодні якраз виходить два місяці, відколи він попавсь у неволю* (Hrinchenko 1991, p. 300).

(1b) *As soon as **Yevhen Koretsky**, the schoolteacher from **Ladynka**, awoke ... it occurred to him that it was exactly two months to the day since he had been incarcerated* (Franko 2010, p. 162).

(2a) *Навчав, як знайти його самого в **Києві*** (Hrinchenko 1991, p. 336).

(2b) *He told them how they could contact him in **Kyiv*** (Franko 2010, p. 214).

At the same time, one can notice some flouting of the rules, as when final ***в*** in the Ukrainian given name *Яків* is represented as ***w***, which is closer to a phonetic transcription than a transliteration:

(3a) … *другою Корецький стискав руки Петрові і **Якову*** … (Hrinchenko 1991, p. 314).

(3b) … *Koretsky used the other one to shake hands with Petro and **Yakiw*** … (Franko 2010, p. 182).

If Shama's abovementioned opinion is true, then the proper names have some symbolism and have close ties to the plot. In this context, it may be conceded that the main character's closest friends and associates bear the given names of *Петро* and *Яків*, which are Ukrainian equivalents for Peter and James (the apostles). As these names have been transliterated, their symbolic connotative meaning may be lost when read by an average English-speaking reader, if he/she is not familiar with the Ukrainian language and culture.

Synonymy in the usage of proper names is of great interest as well. For instance, if the main character's full name appears in the text only once, the reader gets an idea of its bearer from the context:

(4) … *he is here, standing before you –* ***Yevhen Petrovych Koretsky*** (Franko 2010, p. 174),

but when the diminutive invariant is used:

(5a) *Ах, **Геню**!* (Hrinchenko 1991, p. 312)

(5b) *Oh, **Henya**!* (Franko 2010, p. 179),

the translator applies transliteration with a reference to a glossary entry which is included in the same volume and reads: "*endearing diminutive form of Yevhen*" (Franko 2010, p. 401).

The text of “A Dearth of Grain” contains such traditional Ukrainian anthroponyms as *Петро* and *Горпина*:

(6a) *Нічого не сказала* ***Горпина****, замовк і* ***Петро*** (Hrinchenko).

(6b) ***Horpyna*** *didn’t respond, and* ***Petro*** *also remained gloomily silent* (Franko 2008, p. 105).

In example 6, the names are transliterated without any flouting of the rules (Normatyvna tablytsia… 1996), but are worth considering for another reason. V. Nikonov’s book on proper names discusses the social class division of given names in Russian Empire, to which Ukraine used to belong during the studied period (Nikonov 1974, p. 15). This indicates the connotative meaning of the name *Horpyna*—its bearer may only belong to the social class of peasants. This connotation may also be lost when the name is transliterated.

At the same time, one may notice the occurrence of substituting proper names by their equivalents (examples 7–8 from “On the Road” by Kotsyubynsky):

(7a) *Тепер вже напевно:* ***Варвара****, Настя, Оксана, Марія…* (Kotsyubynsky 1979, p. 220).

(7b) *Well then, it must be:* ***Barbara****, Nastya, Oksana, Mariya…* (Franko 2010, p. 296).

Roma Franko replaces the Ukrainian name *Варвара* with its corresponding equivalent, *Barbara*, which is more familiar to an English-speaking reader, while in the same sentence the name *Марія* is transliterated, even though it also has a corresponding equivalent in English (*Mary*).

The text of the tale also contains some non-Ukrainian names worth consideration:

(8a) *«A Rebours» Гюїсманса…* (Kotsyubynsky 1979, p. 229).

(8b) *Huysmans’ Against the Grain…* (Franko 2010, p. 296).

In example 8, the author’s name is represented via substitution followed by a short comment in the glossary (Franko 2010, p. 401), the work’s title being translated. This method may be considered better in this particular case, as neither the mentioned literary work nor its author belong to Ukrainian national culture, so there is no need to impart any Ukrainian spirit to them. At the same time, the work’s title (*«A Rebours»*) is perceived by a Ukrainian reader as something foreign, a part of another culture. Roma Franko’s way of rendering it may be considered another example of a loss of connotation.

Another example shows a return to the original spelling of a proper name originally borrowed from English into Ukrainian in the tale of “The Unknown One” by Kotsyubynsky:

(9a) *Він звався коротко:* ***браунінг*** (Kotsyubynsky 1979, p. 195).

(9b) *He had a short name:* ***Browning*** (Franko 2010, p. 312).

Thus, the total number of proper names in the considered texts is 79. Of these, 60 (or 76%) have been transliterated or represented as transcriptions. They are mostly Ukrainian and Russian national anthroponyms, toponyms and one zoonym. The other 19 (24%) have been substituted by corresponding equivalents. These are mostly non-Ukrainian anthroponyms, toponyms, as well as ethnonyms and chrematonyms.

One of the essential lexicological aspects of the translation of fiction texts is the problem of translating so-called nationally biased lexical units. In this respect, R. Zorivchak states that the terma “nationally biased lexical units” or “realia” are used to indicate material objects and distinctive national traditions. In other words, the scholar notes that the term *realia* corresponds not to lexical units proper, but to national distinctive objects. From the point of view of linguistics, nationally biased lexical units should be regarded not as words but as verbal complexes (Zorivchak

1989, p. 46–47). In this context, the word *verbal* is used not as a derivative of *verb*, but of the Latin *verbum* (meaning *word*).

According to N. Fenenko, realia are complex notions that possess their own structure. They consist of the object (an extralingual phenomenon), the concept (its cultural equivalent), and the lexeme or phraseme (the means of its lingual nomination) (Fenenko 2001, p. 17).

Nationally biased lexical units can be classified. Studying this problem, I. Livytska analyses various definitions and concludes that there is no common opinion among linguists as to the definition of realia, but that these lexical units definitely belong to the non-translatable lexicon. The classes of the lexical system that constitute non-translatable realia include terms, interjections, exotic words, acronyms, forms of address, proper names, idioms, etc. (Livytska 2009, p. 175).

As there are different types of realia, it is very logical to suppose that, as a rule, each particular type affects the choice of how it should be translated. For instance, according to B. Kielar, there are the following ways of rendering realia in foreign languages: generalized translation, functional definition, description, and transliteration (Kielar 1998, p. 92).

Livytska takes the list of ways of rendering realia elaborated by S. Vlahov and R. Florin as a principle. The said list includes transcription or transliteration, translation or substitution, neologisms, rough translation, and contextual translation (Livytska 2009, p. 176).

However, there is another specific way of translation that may be added to the list. For instance, H. Tykhonovska distinguishes a specific sort of description called *translator's comment*. According to her, the translator's comment is usually placed at the footnote of the same page or in the glossary or note list, usually at the end of the volume (Tykhonovska 2010, p. 30).

L. Tsybina maintains that transliteration is frequently combined with translator's comments. Thus, the transliteration of a nationally biased lexical unit does no harm to its full perception by the reader even if it bears a great semantic load and appears in the text repeatedly. All the translator has to do is insert a short comment or explanation accompanying the unit's first appearance in the text (Tsybina 1988, p. 137).

The following examples show that realia are often rendered by several means simultaneously. For instance, the text of "A Dearth of Grain" contains such sentences:

(10a) *Забавила Горпина дитину, положила, ...* ***борщу*** *та картоплі наварила* (Hrinchenko).

(10b) *Horpyna lulled the infant to sleep and put him back in his cradle, and then ... made some* ***borshch*** *and boiled a few potatoes* (Franko 2008, p. 103).

In this case, the nationally biased lexical unit *борщ* is rendered by means of transliteration and contextual translation, and even if the reader is not familiar with this dish, he/she can understand from the context that the story is discussing cooking.

(11a) *Він тихо пройшов до чийогось* ***тину****…* (Hrinchenko).

(11b) *He crept up quietly to a* ***fence*** *…* (Franko 2008, p. 110).

This is a typical example of translation being the substitution of a word with its corresponding equivalent.

(12a) *На вершечках, жовтих, як ананаси, лежали чорні корони, мов волохаті* ***папахи*** (Kotsyubynsky 1979, p. 221).

(12b) *On their tips, yellow like pineapples, dark crowns perched like shaggy* ***Caucasian fur caps*** (Franko 2010, p. 297).

This way of rendering (example 12) can be called approximate translation or description.

(13a) ***Копу*** *заробиш за тиждень, а на* ***карбованця*** *з'їси* (Hrinchenko).

(13b) *So you earn* ***sixty kopiyky*** *in a week, but what you eat costs a* ***karbovanets*** (Franko 2008, p. 104).

In this case, one can observe a synthesis of transliteration and a translator's comment in the glossary. The point that draws special attention is the way of representing the word *kopiyka* in its plural form—the authentic Nominative Case plural inflection *kopiyky* is preserved in transliteration (it is not *kopiykas*), which is also the subject of a comment in the glossary. Though the word's

meaning is explained by means of the conventional equivalent *a kopeck* (Franko 2008, p. 402), the transliteration proves B. Kielar's idea that such way of rendering a realia is often good for emphasizing its national authenticity and specific character (Kielar 1998, p. 94).

Thus, 67 nationally biased units of lexicon were selected from the four researched texts. Of these, 13 (19%) have been transliterated, the others translated. But due to the lack of uniformity in approaches to the definition of realia and hence to their detection criteria, it may be considered that this attempt to state their exact number meets more problems than stating the exact number of proper names.

For instance, there exists a word *oven*, a conventional translation equivalent for Ukrainian *піч* on the one hand, but on the other hand, when reading this sentence:

(14) *Horpyna was working silently by the* ***oven*** (Franko 2008, p. 114),

there is no full certainty that an average English-speaking reader will imagine a traditional Ukrainian oven of the turn of the 20th century. Moreover, the abovementioned opinion of Livytska on the simultaneous belonging of lexical units to the classes of realia and proper names can be proved by the example of *National Duma* (Franko 2010, p. 162). This nationally biased lexical unit is a proper name, and it is rendered by means of a synthesis of translation proper, transliteration, and translator's comment, though the comments can sometimes be disputable.

When analyzing the rendering of idioms and phraseological expressions, one should pay special attention to some theoretical aspects. For instance, V. Dykan affirms that denotative distinctions between such expressions in different languages are natural, though different nations have similar ways of thinking, which are, however, formed by different notions (Dykan 1999, p. 19).

Concerning the different ways of rendering idiomatic and phraseological expressions in different languages, O. Mushnina asserts that rendering provides a great opportunity to illustrate their peculiarities. According to her paper, there exist so-called *figurative* and *non-figurative* phraseological expressions. When rendering those of the first type, the translator usually manages to find another expression in the target language which has rather close denotative and connotative meanings in comparison to that of the source language. Non-figurative expressions are usually translated in the traditional way, by means of words or non-bound phrases. Thus, the greatest problem for the translator is detecting idiomatic and phraseological expressions in the text (Mushnina 2003, p. 183–184).

The researched texts provide a few figurative idiomatic expressions:

(15a) *Ага, ось воно й* ***вилізло шило з мішка*** (Kotsyubynsky 1979, p. 220). Literally: *the awl has come out of the sack*.

(15b) *Aha, so now* ***the truth has come out*** (Franko 2010, p. 296).

(16a) *Урвалася вже їм ниточка!* (Hrinchenko 1991, p. 312). Literally: *their thread has broken*.

(16b) *Their days are over!* (Franko 2010, p. 179).

(17a) ***Хоч*** *ти йому* ***коляку на голові теши****, а він усе – дай та дай!* (Hrinchenko).

(17b) *You* ***can hew a square peg on his head****, but he just keeps on saying – give me and give me!* (Franko 2008, p. 103).

It is obvious that all of these phrases are integrated into the direct speech or so-called stream of consciousness to display "living" speech. But they are never replaced with corresponding figurative idiomatic expressions in the translated text. In examples 15–16, the sense of the phrase is rendered in a rather exact way, while in example 17 there is a literal translation, which may result in the reader's misunderstanding the text, as the expression actually means "*You are as stubborn as a mule!*"

Thus, it can be summarized that when translating Ukrainian literary prose fiction into English, Roma Franko renders a lot of Ukrainian national proper names and realia by means of transliteration and transcription. It should also be noted that in many cases, it is impossible to detect

only one single way of rendering realia, for there is often a synthesis of several methods (transliteration + contextual translation, transliteration + comment, etc.). This diversity expands the reader's facilities of better understanding and perceiving the translated text.

Despite a loss of connotative meaning in some cases, it can certainly be stated that, in general, the translator seeks a balance between, on the one hand, representing the translated text in a comprehensible way and, on the other, preserving the national peculiarities of its components.

REFERENCES

DYKAN V., 1999. Konnotatyvna nerivnotsinnist anhliyskykh ta ukrayinskykh frazeolohichnykh odynyts. *Metodolohichni problemy perekladu na suchasnomu etapi: Zb. nauk. pr.* Sumy: Vydavnytstvo SumDU, p. 19-21. (In Ukrainian).

FENENKO N., 2001. Yazyk realiy i realii yazyka. Voronezh, Voronezhskiy gos. un-t., 140 p. (In Russian).

FRANKO R. (transl.), MORRIS S. (ed.), 2010. Desperate Times: A Trilogy – Volume I: Brother against brother: selected prose fiction. Toronto: Language Lanterns Publications, 416 p.

FRANKO R. (transl.), MORRIS S. (ed.), 2008. From days gone by: selected prose fiction. Toronto: Language Lanterns Publications, 416 p.

GALAPCHUK Y., 1999. Pyeryevod sobstvyennyh imyen. *Metodolohichni problemy perekladu na suchasnomu etapi: Zb. nauk. pr.* Sumy: Vydavnytstvo SumDU, p. 11-12. (In Russian).

HOOTI N., 2011. Oscillation between Modernism to Postmodernism in Shakespeare's Hamlet. *Theory and Practice in Language Studies. Vol: 1 Issue: 4*. p. 327-336.

HRINCHENKO B. Bez khliba, <http://ukrlit.org/Hrinchenko_Borys_Dmytrovych/Bez_khliba/> Access date 3 May 2012. (In Ukrainian).

HRINCHENKO B., 1991. Tvory: V 2 t. – T.2. Povisti. Dramatychni tvory. Kyiv: Naukova dumka, 608 s. (In Ukrainian).

KIELAR B., 1998. Tłumaczenie i koncepcje translatoryczne. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy imienia Ossolińskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 135 s.

KORUNETS I., 2003. Theory and practice of translation. Vinnytsia: Nova Knyha Publishers, 448 p.

KOTSYUBYNSKY M., 1979. Tvory v tryokh tomakh. Tom druhyi. – Kyiv: Dnipro, 288 s. (In Ukrainian).

LIVYTSKA I., 2009. Problema definitsiyi ta perekladu realiy v khudozhnyomu teksti. *Naukovi zapysky. – Vypusk 81 (4).* Kirovohrad: RVV KDPU im. V.Vynnychenka, p. 173-178. (In Ukrainian).

MUSHNINA O., 2003. Osoblyvosti vidtvorennia frazeolohichnykh odynyts pry perekladi naukovoyi ta khudozhnyoyi prozy. *Mizhkulturna komunikatsiya. Teoriya i praktyka perekladu.* Kyiv: Vydavnychyi Dim Dm. Buraho, p. 182-190. (In Ukrainian).

NIKONOV V., 1974. Imia i obshestvo. Moskva: Nauka, 278 p. (In Russian).

NORMATYVNA TABLYTSYA dlya vidtvorennya ukrayinskykh vlasnykh nazv zasobamy anhliyskoyi movy. *Rishennya Ukrayinskoyi komisiyi z pytan pravnychoyi terminolohiyi №9 – Protokol №2 vid 19 kvitnya 1996 r.*, <http://www.brama.com/art/transliterationu.html> Access date: 3 May 2012. (In Ukrainian).

PELYPENKO O., 2005. Problemy peredachi vlasnykh nazv pry perekladi z ukrayinskoyi movy. *Materialy Vseukrayinskoho schorichnoho naukovo-praktychnoho seminaru z pytan praktyky perekladu ta pidvyschennya konkurentospromozhnosti perekledetskykh posluh.* Kyiv: VHO "Asots. perekladachiv Ukrayiny", p. 27-31. (In Ukrainian).

SHAMA I., 2005. Perevod – iskusstvo ponimat. Zaporizhya: Prosvita, 240 p. (In Russian).

SIZOVA K., 2010. Lyudyna u dzerkali literatury: transformatsiya pryntsypiv portretuvannya v ukrayinskiy prozi XIX - pochatku XX st.: monohrafiya. Kyiv: Nasha kultura i nauka, 356 p. (In Ukrainian).

TSYBINA L., 1988. Problema perevoda realiy (na materiale italyanskih realiy v sovremennom angliyskom yazyke). *Perevod i interpretatsiya teksta: Sb. nauch. tr.* Moskva: In-t yaz-zn. AN SSSR, Odessk. un-t im. I.I.Mechnikova, p. 132-140. (In Russian).

TYKHONOVSKA H., 2010. Ukrayinski realiyi na poznachennya lyudyny ta yiyi pobutu ta sposoby yikh perekladu rosiyskoyu ta anhliyskoyu movamy. *Visnyk LNU imeni Tarasa Shevchenka. - №14 (201), Ch. II, 2010.* Luhansk: Vyd-vo LNU, p. 28-33. (In Ukrainian).

ZAYTSEVA K., BAKASTOVA T., KUZNETSOVA O., TODOROVA N.., 1986. Nominatsiya zaglavnogo personazha v originale i perevode hudozhestvennogo proizvedeniya. *Kontrastivnoye issledovaniye originala I perevoda hudozhestvennogo teksta: Sb. nauch. tr.* Odessa: OGU, p. 51-62. (In Russian).

ZORIVCHAK R., 1989. Realia i pereklad (na materiali anhlomovnykh perekladiv ukrayinskoyi prozy). Lviv: Vyd-vo pry Lviv. un-ti, 216 p. (In Ukrainian).

Андрей Козачук
Киевский университет имени Бориса Гринченко

ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА УКРАИНСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ РУБЕЖА XIX-XX ВВ. НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Резюме

В статье уделяется внимание главным образом способам передачи средствами английского языка украинских национальных имён собственных, реалий и образных фразеологизмов. Сопоставительный анализ четырёх художественных текстов Б. Гринченко и М. Коцюбинского, а также их переводов, выполненных Ромой Франко, показал, что большинство украинских национальных имён собственных переданы переводчицей при помощи транслитерации. Комплексная природа определения понятия реалии усложняет процесс полной идентификации всех реалий в тексте. Кроме того, в большинстве случаев при переводе на английский язык реалии переданы при помощи синтеза нескольких способов, например транслитерация + контекстуальный перевод, транслитерация + комментарий переводчика и др. Среди избранных фразеологизмов не были замечены случаи их замены эквивалентами в языке перевода.

В целом, несмотря на частичную потерю коннотации при переводе, переводчица старается достигнуть равновесия между стремлением представить текст перевода в понятном для читателя виде с одной стороны и сохранить национальный аутентичный колорит его отдельных компонентов с другой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: украинская литература, имена собственные, реалии, фразеологизмы, передача, транслитерация, замена.

Jolanta Karalienė
Master of Social Sciences,
Marijampolė Rygiškių Jono Gymnasium, senior English language teacher
Roma Kriaučiūnienė
Doctor of Social Sciences (Education), associate professor
Vilnius University, the Institute of Foreign Languages, Head of the English Department of Physical and Biomedical Sciences

FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' APPROACH TO VALUES

The relevance of the theme. During recent years, the growth of consumer society, the weakening of social and moral values and the lack of ideals have caused concern about the younger generation and its education. Some researchers into changes in the modern society (Burbules, Torres, 2000, Stromquist, Monkman, 2000) agree that the process of moral devaluation in modern society may be brought by the process of globalisation – a phenomenon that embodies multiple and radical changes in all domains of social, cultural and educational life. Therefore, education should take into account all the new challenges such as 'development of democracy and market economy, the vast amount of information, rapid changes and fragmentation of the society <…> and help an individual and the society at large to respond to the challenges and to take advantage of the new opportunities' (Provisions of the National Education Strategy 2003-2012, p.3). That could be implemented by the reinforcement of value development strategies.

According to educationalist D.J.Ferrero (2011), three broad purposes of education have been recognized by the democratic societies: personal, economic and civic, all of them together comprising a holistic understanding of individuals having private, productive, and civic selves. However, this holistic approach that contains all these three purposes has withered, as the main imperative nowadays is to prepare students to compete in the world of economy. Therefore, the need for value or moral education has been greatly stressed by many educationalists since too fast and uncritical interception of modern world style attaching no weight to traditional values and moral attitudes menaces to the education of Lithuania (Duoblienė, 2007). The key to solve the most painful problems of globalization is moral education of human-beings, and, first of all, of the youth. It is a complicated task, especially in the content of morality crisis, because of which it is necessary to review education strategies (Martišauskienė, 2008). Only by preparing students to understand the world and its cultural variety, to analyse and think critically, to make a stand against the injustice can there be a hope for the life without prejudice, violence and contempt. Educational institutions have a huge and essential responsibility in this respect (Popovici, 2006) with teachers being in the forefront of such education passing on intercultural values and fostering the development of students' value attitudes.

It is generally maintained that teachers being one of the key components of teaching/ learning process have to challenge students' beliefs and points of view, offer different perspectives and allow their students to consider the options and make their own decisions (Sims, 2004). Most importantly, teachers must explore the values they believe they uphold, and the values they express by their moral decisions and behaviour, that will allow them to become better informed about their own selves and more skilled at developing these values in their students (Mergler, 2008).

Some foreign and Lithuanian philosophers: Žemaitis (2005), Halder (2002), psychologists Schwartz (2006), Rokeach (1973, 1975), educationalists Mitchell (1989), Devi, Kumar, Rao (2004), Aramavičiūtė (2005), Martišauskienė, (2009), Jovaiša, 2003, Vasiliauskas, 2008, Barkauskaitė, Tijūnėlienė (2008), Johnston (2003), Zajda, Daun (2009) maintain the view that the development of a holistic personality is impossible without education of value-related attitudes with teachers playing the key role; otherwise it becomes training that guarantees high level of knowledge and skills, however, individual development remaining on the accidental plane in the best case, or in the worst – leaving it without guidance – then antimoral values can even begin to prosper

(Martišauskienė, 2007). Education curriculum without values 'will not develop educated people, but will simple make literates' (Devi, Kumar, Rao, 2004, p.22).

Some research into students and young people's values or value-related attitudes and their education have been recently carried out in Lithuania (Aramavičiūtė, 2005, Martišauskienė, 2004). However, a lot of issues in this empirical educational area have not been approached. Therefore, in order to fill this gap **the object of the research** presented in this paper is foreign language teachers' approach to values.

The aim of the research is to determine the respondents' attitudes towards values.

The objectives of the research:

1. To define foreign language teachers' approach to terminal values.
2. To define foreign language teachers' approach to instrumental values.

The Methodological Basis of the Research

- *Rokeach's (1973) attitude towards values* considering them to be enduring beliefs and *his classification of values into terminal values* that refer to the final goals that people would like to achieve through their life; and *instrumental values* that are the means to achieve those terminal values.
- *Humanistic education* founded on the attitude towards the personal growth and holistic development, highlighting the personality as the holistic phenomenon in the constant dynamic phase, viewing the teachers' role as the guide or the facilitator in order to help students grow as personalities according to their unique inner potential (Maslow, 1971).
- The attitude of the Lithuanian and foreign scientists of education Aramavičiūtė (2005), Bitinas (2000), Jovaiša (2003), Johnston (2003), Martin (2009), .Popovici(2006) towards values and their place in educational process.

Methods of the Research

Theoretical: the analysis of educational, psychological, philosophical literature about values.

Empirical: Quantitative research: The Rokeach Value Survey aimed at determining and comparing teachers' approach to terminal and instrumental values. The Rokeach Value Survey was a 36 item questionnaire that was designed to measure value orientations. The questionnaire consisted of two value groups: terminal and instrumental. Each of these two groups contained 18 terminal and instrumental values. Terminal values are related to the perspective of life that could be named as the final life goals; the second group of instrumental values reveals the values that are casual behavioural patterns which very frequently become direct objectives of the education.

Statistical:

Descriptive statistics (frequency counts), using software package SPSS (Statistical Package for Social Science) version 17.0.

Research participants

The quantitative research was carried out in December 2009 – March 2010 in various towns of Lithuania: cities (Vilnius, Kaunas), towns (Marijampolė, Kalvarija), small towns (Šėta, Jungėnai). The participants of the quantitative research were 50 teachers of the English language working in secondary schools and gymnasiums. All the respondents were chosen randomly. Demographic characteristics of the teachers who participated in the quantitative research are presented in Table 1

Table 1. Distribution of respondents (teachers) by age, work experience at school and living place

Age	%/N	Experience	%/N	Place	%/N
from 20 till 35	63,6/7	till 10 years	63,6/7	city	45,5/5
from 35 till 50	36,4/4	till 20 years	18,2/2	town	54,5/6

		till 30years	18,2/2		

The age of almost two thirds (63,6%) of the participants was between 20 and 35 years old; the age of the rest of the respondents (36.4%) was between 35 and 50. More than a half (54.5%) of the teachers lived in towns; and 45,5% of the teachers were city residents. More than a half (63.6%) of the respondents worked at school for less than 10 years; a number of the teachers whose work experience at school was less than 20 years and 30 years, divided into two equal groups – each contained 18,2% of the respondents.

Teachers' Approach to the Terminal and Instrumental Values

The aim of the quantitative research was to reveal teachers' approach to terminal and instrumental values. The teachers were asked to rank each value in its order of importance to them. In order to determine teachers' standpoint to terminal and instrumental values, the attention was paid first of all to the acknowledgement of value importance. It was believed that while rating the value, the participants of the research revealed the degree of its importance acknowledgement and their standpoint to that value. If the respondents while rating values according to their importance ranked them in the 1 - 2 places, that was considered to show a very high degree of acknowledgement of the importance of value and a very positive attitude to it (1**);** ranking them in the 3 – 4 places – high degree of acknowledgement of the importance of value and a positive attitude (2); ranking values in the 5 – 6 places – higher than not so high degree of acknowledgement of the importance of value and more positive than not so positive attitude (3); 7-12 places – not so high degree of acknowledgement and more positive than not so negative attitude (4); 13-14 places – lower than not so high degree of acknowledgement – more negative than not so positive attitude (5); 15-16 places – low degree of acknowledgement and not so negative attitude (6); and 17-18 places - very low degree of acknowledgment– very negative attitude. That helped to determine which values were considered by the respondents to be the most important, which values were less important, and which were of the least importance. The results of very positive and positive standpoints to values were linked up and the data of the questionnaire was analyzed by applying frequency accounts for each group of values according to the various aspects: according to the type of school, work experience at school and living place. Due to the limitation of space, the article presents the research results concerning the foreign language teachers' approach to terminal and instrumental values according to their work experience at school.

The research investigated the differences of teachers' terminal and instrumental value priorities concerning the work experience at school they work. The figure below represents teachers' attitudes towards terminal values (Figure 1)

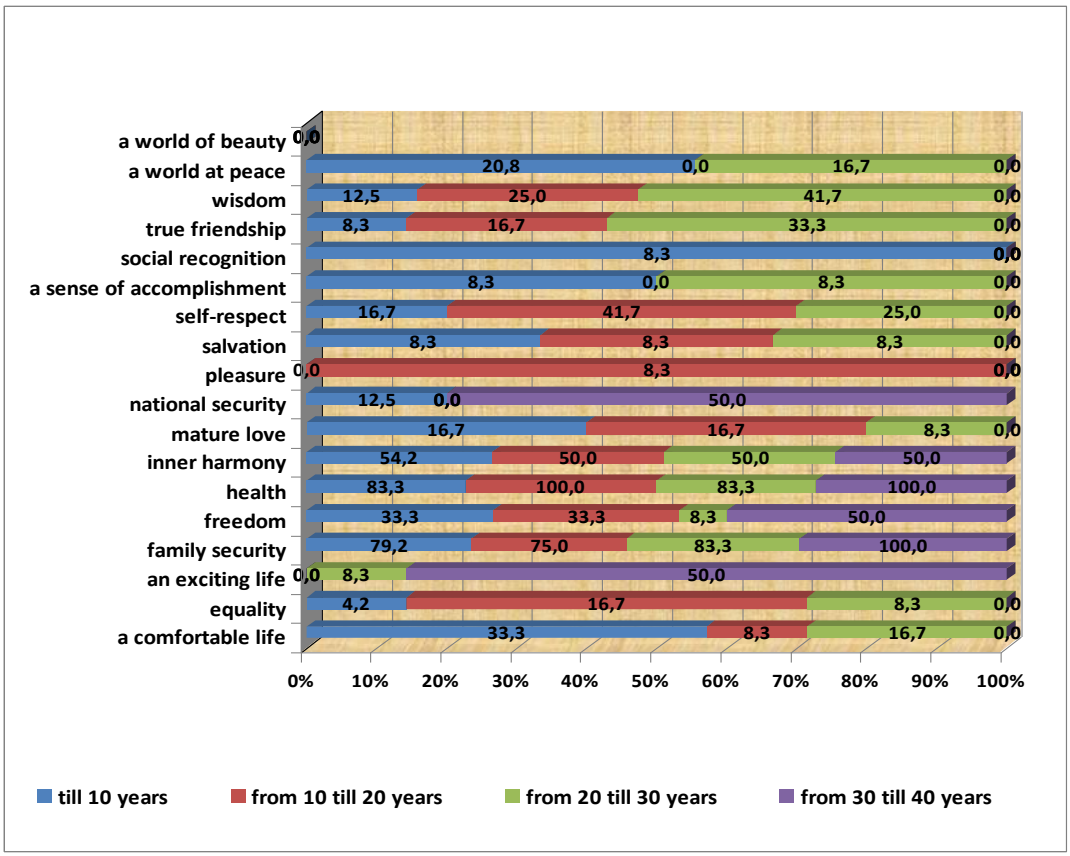


Figure 1. Teachers' attitude towards terminal value according to the work experience at school

The analysis of the questionnaire results revealed that the respondents in all four groups gave the priority to almost the same terminal values: *health*, *family security*, *inner harmony*, and *freedom*. All the teachers (100%), whose work experience at school was from 10 till 20 years and from 30 till 40 years, chose *health* as the value they favour the most. Almost all the teachers (83.3%), whose work experience at school was till 10 years and from 20 till 30 years, evaluated *health* by the highest ranks. *Family security* was important to all the teachers (100%) whose work experience was the longest - from 30 till 40 years. All the other groups (till 10 years – 79.2 %; from 10 till 20 years - 75%; and from 20 till 30 years – 83.3%) also chose *family security* as the most important value. Half of the teachers (50%), whose work experience was from 10 till 20 years, from 20 till 30 years, and from 30 till 40 years and over a half (54.2%) of the teachers, whose experience at school was less than 10 years, recognized the value of *inner harmony* as a very important factor in life. *Freedom* was important only to 8.3% of the teachers whose experience at school was from 20 till 30 years. Whereas, one third (33.3%) of all the teachers, whose work experience at school was less than 10 years and from 10 till 20 years and a half (50%) of the teachers who worked at school the longest (from 30 till 40 years), cared about this value *freedom* very much. Half (50%) of the teachers who worked at school for the longest period of their life recognized *an exciting life* and *national security* to be very important terminal values.

However, these values did not attract other teachers' groups. *An exciting life* was important only to 8.3% of the teachers whose work was from 20 till 30 years. *National security* was considered to be the most important only by 12.5 % of the teachers whose work experience was less than 10 years. *A world of beauty* was not essential to any group of the teachers: none of them ranked it as the most important terminal value. *A world at peace* was also of no importance to the teachers who worked at school the longest. The latter were not interested in such values as *a comfortable life, equality, mature love, pleasure, salvation, self-respect, a sense of accomplishment, social recognition, true friendship, wisdom,* and *a world at peace.*

Less than half (41.7%) of the teachers, whose work experience from 20 till 30 years, cared about value of *wisdom*. The value *true friendship* attracted a third (33%) of the respondents of the

same group and a quarter (25%) of these teachers evaluated value *self-respect* by the highest ranks. Two values *a world at peace* and *a comfortable life* were chosen as the most essential values by less than one fifth (16,7%) of the teachers whose work experience from 20 till 30 years. Less than one tenth (8,3%) of the teachers of the same group recognized such values as *equality, mature love, salvation,* and *a sense of accomplishment* as the most important ones. Values *national security, pleasure* or *social recognition* were of no importance to the teachers of this group. None of them ranked these terminal values as the most important ones.

More than two fifths (41,7%) of the teachers, whose work experience was from 10 till 20 years, marked the value of *self-respect* as the most essential terminal value. A quarter (25%) of them gave the priority to the value of *wisdom*. Less than one-fifth (16.7%) of the teachers from the same group evaluated three values *equality ,mature love,* and *true friendship* by the highest ranks. Such terminal values as *a comfortable life, pleasure* and *salvation* attracted only less than one tenth (8.3%) of all the teachers whose work experience was from 10 till 20 years. The values these teachers did not favour at all were *an exciting life, national security, a sense of accomplishment, social recognition,* and *a world at peace.*

One-third (33.3%) of the teachers, whose work experience was less than 10 years, cared about *a comfortable life. A world at peace* was important to one fifth (20,8%) of these teachers. *Wisdom* attracted more than one tenth of all the teachers in this group. Less than one-fifth (16.7%) of these teachers gave their priority to such terminal values as *mature love* and *self-respect. Salvation, a sense of accomplishment, social recognition,* and *true friendship* were important to less than one tenth (8.3%) of the respondents of this group. The value of *equality* was recognized as an essential one only by 4,2% of teachers whose work experience was less than 10 years.

The research investigated the differences of teachers' terminal and instrumental value priorities concerning the work experience at school. The figure below represents teachers' attitudes towards instrumental values (Figure 2)

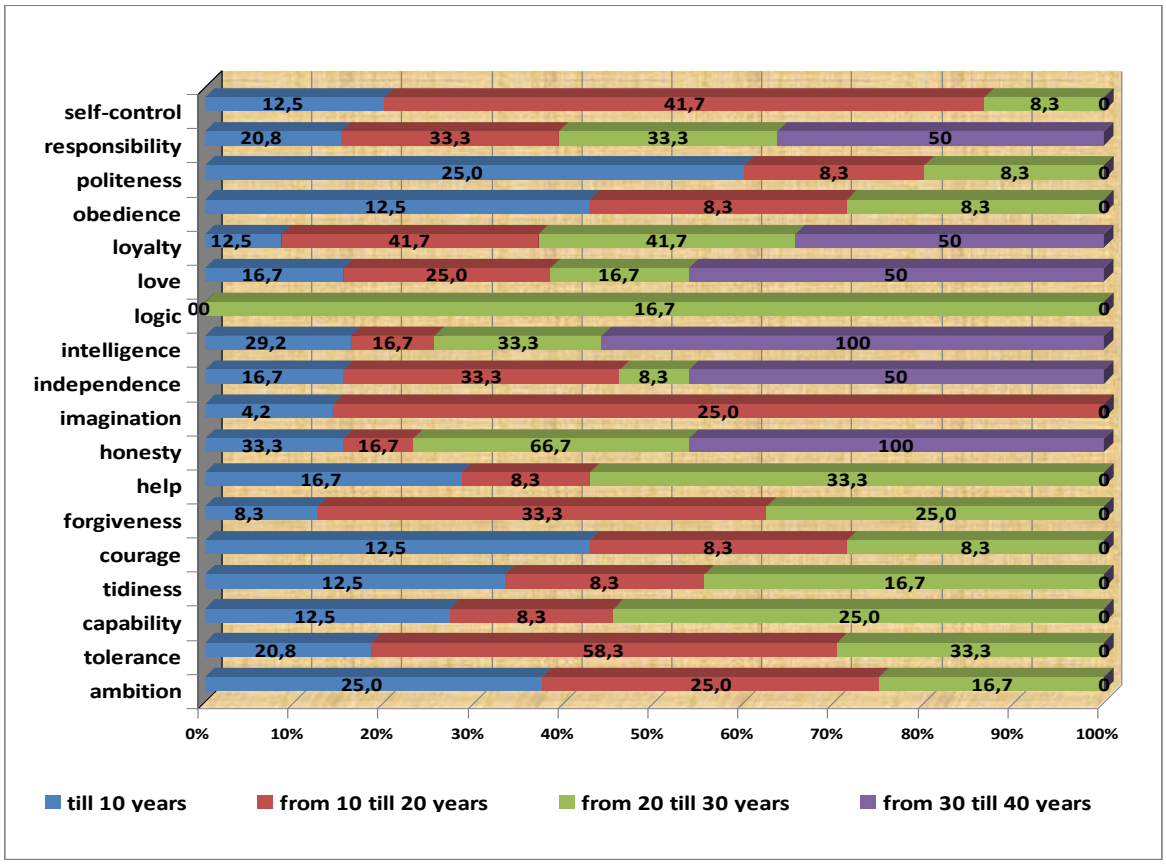


Figure 2. Teachers' attitude towards instrumental values according to the work experience at school.

It is obvious from the figure above that the teachers, whose work experience was less than 10 years, gave their priority to the value *honesty* (33.3%). The second value, according to the results

of the data analysis, was *intelligence* (29,2%). *Ambition* and *politeness* were evaluated by the highest ranks by a quarter (25%) of the teachers of this group. More than one fifth (20.8%) of the teachers, whose work experience was less than 10 years, recognized the values of *responsibility* and *tolerance* as the most essential instrumental values. Less than one-fifth (16.7%) of the respondents in this group cared about such values, as *help, independence,* and *love* very much. More than one tenth (12.5%) of these teachers chose values of *capability, tidiness, courage, loyalty, obedience,* and *self-control* as the fundamental ones in their life. The other values such as *forgiveness* (8.3%), *imagination* (4.2%) or *logic*; the latter not being ranked at all, were not attractive to the teachers whose work experience was less than 10 years.

Almost two thirds (58,3%) of the teachers, whose work experience was from 10 till 20 years, recognized *tolerance* as the most essential instrumental value. *Self-control* and *loyalty* (41.7%) were the second values, according to the importance. *Forgiveness, independence, responsibility* were attractive to one third (33,3%) of the teachers in this group. A quarter (25%) of these teachers gave their priority to the instrumental values *ambition, imagination* and *love.* Values *honesty* and *intelligence* were important to less than one fifth (16.7%) of the teachers whose work experience was from 10 till 20 years. Less than one-tenth (8.3%) of the respondents in this group gave the highest ranks to these instrumental values: *capability, tidiness, courage, help, obedience,* and *politeness. Logic* was unimportant to the teachers of this group; they did not choose it at all.

Over half (66.7%) of the teachers of the third group, whose work experience was from 20 till 30 years, recognized *honesty* as the main instrumental value. The second value that was important to the teachers in this group was *loyalty* (41.7%). *Liberality, help, intelligence,* and *responsibility* attracted more than a third (33.3%) of these teachers. A quarter of the respondents of this group recognized two values *capability* and *forgiveness* as the most important ones. *Ambition, cleanness, logic,* and *love* were chosen by less than one fifth (16.7%) of the teachers whose work experience was from 20 till 30 years. Less than one-tenth (8.3%) of the teachers in their group recognized such values as *courage, independence, obedience, politeness,* and *self-control* fundamental in their lives. *Imagination* was not attractive to any respondent in this group.

The teachers, whose work experience was from 30 till 40 years, gave their priority to very few values. All the teachers (100%) in this group chose *honesty* and *intelligence* as the most important values. Half (50%) of these teachers evaluated such values as *independence, love, loyalty,* and *responsibility* as the cornerstones of the humanity. Other values: *ambition, tolerance, capability, cleanness, courage, forgiveness, help, imagination, logic, obedience, politeness,* and *self-control* were unimportant to the teachers whose work experience was from 30 till 40 years.

Conclusions

The analysis of the empirical research results revealed the hierarchy of the foreign language teachers' prioritised terminal and instrumental values that allow making some further inferences about the place of teachers' values in the educational process. Presumably, the values that foreign language teachers uphold will have an impact on the process of shaping their students' value orientations.

The following *terminal values* received *the highest ranks* among the respondents of the quantitative research: *health, family security, inner harmony, a comfortable life, freedom, self-respect, and wisdom.* The first four values reflect the necessity for the quality of the personal life. It is claimed that these values are considered to be rather pragmatic, therefore might have less influence on teachers' spiritual development. However, the other terminal values that were ranked by the highest rates provide the moral fullness of teachers' spiritual domain.

Such *instrumental values* as *honesty, loyalty, responsibility, intelligence, independence, tolerance* were *valued the least*. The acknowledgement of these values being the fundamental ones reveals teachers' priority to follow the values of morality and cognition. Thus, nowadays spiritual and socially or pragmatically recognized values prevail over teachers' moral decisions and challenges.

The least important terminal values contain *a world of beauty, pleasure, social recognition, an exciting life, a sense of accomplishment, national security,* and *mature love.* It should be pointed out that the reality of the pragmatic world eliminates the value of *beauty* completely from the content of education since they could help to reveal the inner powers of the soul. The research results revealed devaluation tendencies in social values of *pleasure, social recognition, an exciting life* or *a sense of accomplishment*. Teachers were not favourable to the value of national *security* that should be treated more seriously because of the decline of the native language or national traditions and customs.

The least prioritised instrumental values include *obedience, self-control, imagination, ambition,* and *logic*. Thus, these terminal and instrumental values that embody beauty, relationship with nation and faith have very little significance and impact on the teachers' lives and their morality.

REFERENCES

Aramavičiūtė V. (2005). Auklėjimas ir dvasinė asmenybės branda. Vilnius: Gimtasis žodis.

Barkauskienė M., Tijūnėlienė O. (2008). Lietuvos universitetų studentų dvasinių poriekių raiška. Pedagogy Studies (Pedagogika), issue: 91, P. 7-13, www.ceeol.com

Bitinas B. (2000). Ugdymo filosofija. Vilnius: Enciklopedija.

Burbules N.C., Torres C.A. (2000). Globalization and Education: Critical Perspectives. Routledge.

Devi M.I., J.P. Kumar, D.B. Rao. (2004). Values in Languages Textbooks. Discovery Publishing House.

Duoblienė L. (2007). DoriniougdymoLietuvosbendrojolavinimomokyklosemetodologiniaiorientyrai. ActaPaedagogicaVilnensia. Vilnius, VU, Nr.18, P. 25-33.

Ferrero D.J. (2011).What Students Need to Learn. The Humanities: Why Such a Hard Sell? Educational Leadership. March, Volume 68, Number 6, P.22-26. http://www.ascd.org/publications/educational-leadership/mar11/vol68/num06/The-Humanities@-Why-Such-a-Hard-Sell%C2%A2.aspx [online 2011 02 26]

Halder A. (2002). Filosofijos žodynas. Vilnius: Alma littera.

Johnston B. (2003). Values in English Language Teaching. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates.

Jovaiša L. (2003). Hodegetika. Vilnius: Agora.

Martin S.N. (2009). Education in Values through Children's Literature. A Reflection on some Empirical Data. // Zajda J., Daun H. Globalization, Comparative Education and Policy Research 7. Global Values Education: Teaching Democracy and Peace. Springer, p. 65-85.

Martišauskienė E. (2004). Paauglių dvasingumas kaip pedagoginis reiškinys/monografija. Vilnius: VPU leidykla.

Martišauskienė E. (2008). Dvasingumas: ištakos ir metodologinės ugdymo prieigos. ActaPaedagogicaVilnensia. Vilnius, VU, Nr.20, P. 115-125.

Martišauskienė E. (2009). Mokytojų vertybinis nuostatų įkūnijimas ugdymo procese. Pedagogy Studies (Pedagogika), issue: 93, P. 25-35, www.ceeol.com

Mergler A. (2008). Making The Implicit Explicit: Values And Morals In Queensland Teacher Education. Australian Journal of Teacher Education. Vol 33/4.
http://ajte.education.ecu.edu.au/issues/PDF/334/Mergler.pdf [online 2009 07 21]

Mitchell C.T. (1989). Values in Teaching and Professional Ethics. Luce program on religion and the social crisis. Mercer University Press.

Popovici R. (2006). Integration of citizenship, human rights and language education.// Coherence of Principles, Cohesion of Competences. Exploring theories and designing materials for teacher education. European Centre for Modern Languages: Council of Europe Publishing. P. 59-69.

Provisions of the National Education Strategy 2003-2012. http://www.smm.lt/ [online 2009 11 23]

Rokeach, M. (1973). The Nature of Human Values. New York: Free Press.

Rokeach, M. (1975). Toward a Philosophy of Value Education. Department of Psychology Washington-State University.// Meyer, J.R., Burnham B., Chovat J. Values Education: Theory/Practice/Problems/Prospects. Wilfrid Laurier University Press.

Schwartz Shalom H. (2006). Basic Human Values: Theory, Methods, and Applications. The Hebrew University of Jerusalem.
http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartzpaper.pdf [online 2010 08 23].

Stromquist N.P., Monkman K. (2000). Globalization and Education: Integration and Contestation across Culture. Oxford.

Vasiliauskas R. (2008). Pedagogikos, kaip mokomojo dalyko, vaidmuo keičiantis mokytojų rengimo paradigmai. ActaPaedagogicaVilnensia. Vilnius, VU, Nr.20, P.22-36.

Zajda J., Daun H. (2009). Globalization, Comparative Education and Policy Research. Global Values Education: Teaching Democracy and Peace. Springer.

Žemaitis V. (2005).Etikoždynas. Vilnius: Rosma.

Jolanta Karalienė
Marijampolės Rygiškių Jono gimnazija
Roma Kriaučiūnienė
Vilniaus universitetas

UŽSIENIO KALBŲ MOKYTOJŲ POŽIŪRIS Į VERTYBES

Santrauka

Modernėjanti visuomenė, besikeičiantys dvasiniai prioritetai globalizacijos kontekste vis labiau įpareigoja švietimo institucijas rūpintis dvasinėmis vertybėmis. Vertybių ugdymas ir jų puoselėjimas yra vienas pagrindinių pedagogų uždavinių. Dėmesys turėtų būti telkiamas ne tik moksleivių akademinėms žinioms turtinti, bet ir jaunosios kartos dvasinėms galioms puoselėti, jų vertybinėms nuostatoms ugdyti.

Straipsnio **objektas** yra mokytojų požiūris į vertybines nuostatas.

Tyrimo **tikslas** – nustatyti užsienio kalbų mokytojų požiūrį į vertybes.

Straipsnyje pateikiama kiekybinio tyrimo duomenų analizė. Empirinio tyrimo metu buvo naudojama Rokeach vertybių tyrimo metodika, buvo apklausta 50 anglų kalbos mokytojų siekiant išsiaiškinti jų požiūrį į terminalines ir instrumentines vertybes. Tyrimo duomenys buvo apdoroti SPSS programinės įrangos 17.0 versija.

Kiekybinis tyrimas parodė, kad mokytojai, vertindami terminalines vertybes, svarbiausiomis rinkosi gana pragmatiškas ir hedonistines vertybes – sveikatą, patogų gyvenimą, šeimos saugumą ir kt. Jiems taip pat rūpėjo dorovinės ir pažinimo vertybės: tikra draugystė, vidinė harmonija, išmintis ir kt. Iš instrumentinių vertybių svarbiausios buvo: sąžiningumas, tolerancija ir pagalba. Respondentai mažiausiai reikšmingomis laikė šias terminalines vertybes: nacionalinį saugumą, malonumus, išsigelbėjimą, grožį, socialinį pripažinimą ir šias instrumentines vertybes: vaizduotę, logiką, paklusnumą ir savitvardą.

Inna Makarova
Saint-Petersburg State University of Service and Economics, Saint-Petersburg, Russia
inna-makarova@mail.ru,
Olga Anisimova
Saint-Petersburg State University of Service and Economics, Saint-Petersburg, Russia
lesoleil81@mail.ru

MULTIMEDIA PROJECT INSTEAD OF TRADITIONAL ENGLISH CLASSES

New age demands innovative approaches to teaching the English Language, especially when it comes to college facing motivation problem. The paper deals with the main characteristics of an experimental multimedia project (MlmP) in the framework of TEFL: its aim and tasks, planning, timing, realization and evaluation in accordance with up-to-date needs of college training specialists for the global space.

KEY WORDS: TEFL, motivation problem, project methodology, innovation, multimedia project, communicative activities

New age demands new approaches to education, especially when it concerns college. The problem seems to be more complicated when it deals with Foreign Language as a subject. People from all over the world have already accustomed to the fact that they should speak two languages in order to exist harmoniously in the international context: their native language and English. The modern trend in TEFL is to include it in the structure of all the subjects from the curriculum – as a result, the language becomes only the means, and not the aim as it has been before. Students study English in lectures and seminars on various subjects using it as the only means of communication. However, not all colleges have reduced the importance of English as an independent subject having encountered the problem of motivation: how to persuade students to attend English classes in which they have to discuss such topics as Animals in our Life?

The suggested concept of teaching English as a foreign language in colleges with traditional approach to this subject as an independent unit of the curriculum regards the idea of intervolving the project method. The technique widely-spread in schools and colleges and used only as a part of students' work during the semester can be transformed into a full-scale activity able to replace traditional English classes. The project taking into account professional skills and knowledge students acquire through the semester is planned, worked out and discussed in classes instead of routine activities like "read the text and answer the questions".

Major characteristics of MlmP project can be as follows:

- motivating
- involving
- representative

Motivating characteristic seems to be quite clear from what has already been said – if you have once chosen a particular field of interest, you will be interested in developing it in English classes often regarded as "wasting time" subjects having no links to your future profession.

Involving characteristic preoccupies the idea of mobilizing students' professional skills and knowledge in studying a foreign language and applying problematics of their major to English classes.

Representative function consists in visualizing results achieved during studies and offering practical solutions to the problems closely connected to students' professional area and able to influence their career.

It is highly important to emphasize the idea of a foreign language functioning here not only as means of expressing ideas but, what is more critical, as the only tool of achieving the aim. Only speaking English in classes in the MlmP project framework (imitating real life international negotiations) students can set the goal, formulate tasks, ask questions, get information, complete the research and draw right conclusions.

Aim of MlmP is to solve a vital problem of the modern youth correspondent to their future profession (e.g. finding a proper job without experience, starting your own business without enough money, getting a financed grant for education abroad, planning summer holidays so as to earn money for fee-paying college, etc.).

Tasks of MlmP are crucial points that should be clarified to solve the problem (e.g. what companies offer positions requiring no professional experience, what preferential terms are suggested to start up business by banks, what requirements to grant applicants are, what work-and-travel programmes offer the biggest income, etc.).

Planning of MlmP depends on two main features students perform: the language level (A – Elementary, B – Intermediate, C – Advanced) and the proficiency level, or the level of knowledge of their major (i.e. we recommend Spring MlmP for 1st/2nd year students, Mount MlmP for 3d year students, and Acme MlmP for 4th year students). Planning also comprises voting and casting.

Voting for the project topic represents an open vote (from 3 to 5 different variants suggested) held in the group involved. Possible themes are previously discussed and worked out by several teachers of English collaborating with their colleagues from major departments, such as Tourism, Management, World Economy, etc., who are responsible for motivating characteristic of MlmP. The themes formulation should meet three requirements:

- correspond to the group specialization
- be adequate to the group's needs and interests
- comprise from 3 to 4 traditional topics for discussion (e.g. Sport, Food, Travelling, etc.)

Casting stands for MlmP roles distribution. There should be a Head whose main function is to develop the ideas and inspire actions, three Assistants who perform directing, governing and controlling functions and Personnel who fulfill the activities planned. The roles are distributed by HR Manager who reads candidates' CVs, interviews them, offers them to role-play the situation close to that he or she will deal with, and finally pronounces his judgment.

The part of the HR Manager should be performed by a teacher of English (not working with the group), having as his assistant a teacher of the subject referred to the project. Afterwards, the group EL teacher takes part of CEO and evaluates the project outcome together with two invited professionals (the one that has performed the part of HR Manager, the other being either an independent representative of the sphere developed within the project framework or the teacher of the major subject).

Timing deals not only with classes but with independent research project participants should carry out in their free time. In modern curriculum standard total time given to EL studies (120 hours in average) is harmoniously divided into two equal parts: 60 hours for classes and 60 for homework. In case of MlmP motivation for working in free time is solved much easier for it comes to students daily activities. They:

- discuss peculiarities of the project using social networks (Skype, Facebook, MySpace, etc.)
- collect information surfing the net
- create diagrams, video clips and make presentations with the help of computer programmes.

Thus, every task assigned to the group should be strictly limited and claimed on the deadline. All the stages comprising MlmP structure: voting, casting, preparation, research, demonstration, defense and discussion are timed according to the significance and role they play in the project. Let's take one-semester A Spring MlmP worked out by the group with 120 hours of class work i.e. 16 classes (2 periods a week).

- Voting: 1st class
- Casting: 2nd class
- Preparation: 3rd – 5th classes
- Research: 6th – 10th classes
- Demonstration: 11th – 12th classes
- Defense : 13th – 14th classes
- Discussion: 15th – 16th classes

Realization. Preparation stage is connected with the collection of necessary basic information, interesting facts and curious details both in written and visual forms, 1/3 of which is offered by the teacher as a starting point at the beginning.

Research stage includes various forms of work: group discussion, interviews, analysis, exchange of information, debates, etc.

Demonstration stage implies presentation of theoretical theses, practical solutions to the targeted problem and convincing arguments.

Defense stage consists in MlmP presentation to the board, questions and comments from specialists, debates on the most controversial points and pre-final judgment.

Discussion stage takes place afterwards and deals with summing up by the group members and CEO and announcement of the final mark.

Evaluation needs special attention. The final mark is combined of several marks given for every feature of the MlmP. In particular, it looks like this:

- Vocabulary/Grammar/Phonetics literacy
- Resources mobilized
- Research scope
- Quality of visual materials
- Originality of solutions
- Practicality of solutions
- Aim achievement

Every point is evaluated within the limits of 1 – 10. Thus, the maximum a group can get is 70 points.

To conclude this brief description of experimental MlmP I'd like to comment on types of activities given to students during the project work. The emphasis is laid on communicative tasks that foster creativity, imagination and independence and are responsible for students' mental development. It is highly important in terms of passivity and lack of self-confidence young people demonstrate at the beginning of their career. At the same time traditional principles of activities gradation and division into language, pre-communicative and communicative tasks still remain principal.

Numerous details still need clarification and revision. Advisability of implementing this technique in education is questioned as well. But what seems doubtless is that this or that way traditional system of education is being changed absorbing new tendencies and approaches and is widely open for innovations.

REFERENCES

BOLITHO R., CARTER R., HUGHES R., IVANIC R., MASUHAARA H., TOMLINSON, 2003. Ten Questions about Language Awareness. *ELT Journal*, 57, 3.
COOK G., 1997. Language Play, Language Learning. *ELT Journal*, 51, 3.
CRANMER D., 1996. *Motivating High Level Learners*. – L.: Longman.
DUBIN F., OLSHTAIN E., 1996. *Course Design: Developing Programs and Materials for Language Learning*. – Cambridge: CUP.
GOLLIN J., 1998. Key Concepts in ELT. Deductive vs. Inductive Language Learning. *ELT Journal*, 52, 1.
HARMER J., 1998. *How to Teach English: An Introduction to the Practice of English Language Teaching*. – L.: Longman.
HOWATT T., 1997. Talking Shop: Transformation and Change in ELT. *ELT Journal*, 51, 3.
JOHNSON K., 2002. Language as Skill. *ELT Journal*, 56, 2.
LUOMA S., 2004. *Assessing Speaking*. – Cambridge: CUP,
NUNAN D., 1998. *Language Teaching Methodology: A Textbook for Teachers*. – N.Y.: Prentice Hall.

И. С. Макарова
Санкт-Петербургский Государственный Университет Сервиса и Экономики
Научные интересы: литературоведение, лингвистика, культурология
О. В. Анисимова
Санкт-Петербургский Государственный Университет Сервиса и Экономики
Научные интересы : лингвистика, литературоведение, методика преподавания английского языка

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ ВМЕСТО ТРАДИЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Резюме

Недостатком современного образования в ряде случаев является тот факт, что овладение английским языком составляет единственную *цель* всего процесса обучения, в то время, как в силу сложившегося в международном глобализованном сообществе контекста английский язык выступает в качестве одного из самых эффективных *средств* получения новых знаний и овладения новыми компетенциями в самых различных областях. В связи с этим очевидной становится реформация традиционных методов преподавания английского языка. В рамках предпринятого исследования представлен инновационный метод изучения английского языка посредством реализации учащимися мультимедийного проекта.

Ieva Rudzinska
Latvian Academy of Sport Education
Brivibas gatve 333, 1006 Riga, Latvia
E-mail: Ieva.Rudzinska@lspa.lv
Research interests: quality assurance in foreign language teaching, innovations in language teaching

VOCABULARY ACQUISITION VIA LONG TERM MEMORY ACTIVATION WITH THE HELP OF MUSICAL BACKGROUND AND ON-LINE MIND MAPPING

The investigation shows that students of Latvian Academy of Sport Education (LSPA) in translating unknown sports terminology mainly use association strategies. To increase student word processing skills, and enhance term transfer from short term memory to long term memory, is used background music and on-line mind mapping. Background music involves emotions in language learning, diminishes stress, creates positive atmosphere, thus improves term processing and recalling. Students learn best with classical musical background. On-line mind mapping helps visualizing term nets, thus promoting term transition to long term memory.

KEY WORDS: English for special purposes (ESP), long-term memory, musical background, on-line mind mapping.

Introduction

Acquiring professional lexis in ESP (in our case: Sport English) at Latvian Academy of Sport Education students should memorize large amount of specific terms. The use of traditional methods of teaching lexical units requires great concentration and patience, and in general is monotonous and boring. Creative approach to education means giving up prejudices and being open to new ideas. Veiler (Veiler 2001) points out several prerequisites which help to do it: getting rid of old, stiffened structures of thinking; be open to new information and surprises; concentrate on processes, not results.

Professional foreign language studies are connected with activating long-term memory, because short-term memory is limited in capacity, while long term memory is almost inexhaustible, moreover, in long-term memory terms can be kept for short period of time, but in long term memory: for almost unlimited period. To remember the words for some short period of time, one must simply repeat them several times, but in order to commit the words to long term memory one must process them more thoroughly and organize them more systematically.

Dominovski (Dominovski 2002) recommends transferring terms from short-term memory to long-term memory, rather than through the association, by increasing the depth of word processing, which can be achieved by paying attention to word structure, including synonyms, antonyms, definitions, larger concepts.

Musical background

To promote term transfer to long term memory, can be employed emotions too. The ways of engaging emotions in foreign language learning include analogies, models, metaphors, music, games, drama and storytelling, debates, visualization, self-reflection, a.o. (Lock; Prigge 2002). Musical background helps in creating beneficial atmosphere during learning process. Real learning – making connections, higher order thinking and creativity – is incompatible with threatening atmosphere (Pool 1997; Gardner 2006).

Stress conditions influence different cognitive activities, person loses ability to evaluate the situation consciously, because she/he concentrates on the cause of stress. It means that the person will show resistance to new information and will not learn anything, his thinking will be downshifted. Stenic emotions increase one's working ability, but asthenic emotions (fear,

insecurity) depress creative activity (Preuss 2002). Emotional memory, which is the basis for creative activity, could be controlled and regulated consciously (Крыжановская 1996).

Jensen (Jensen, 1995) asserts that long-term memory can be improved by using positive visual and audial reinforcement. Appropriately chosen music can be used for improving listening and memory skills. Music mostly affects midbrain or limbic system, which is connected with emotions and long-term memory. Right hemisphere is responsible for artistic and musical abilities, while the left one coordinates mathematical thinking and language learning. Thus with the help of music can be activated both hemispheres, what is necessary for effective learning.

Mind mapping

Terminological network or mind map resembles system in which long-term memory stores and retrieves the words. Terminological net is also a kind of mind map; it is also an object of visual art. Drawing is an effective tool for improving cognition.

Aim of the research: identify student unknown vocabulary translation strategies, find the ways of transferring sport terms from short to long term memory and determine their effect on sports terminology studies.

Subjects of the research: Latvian Academy of Sport Education 45 Year 1 and Year 2 students, who represent both genders and both full time and part time students, and who studied in 4 different study years: from 2008/2009 to 2011/2012.

Results

The investigation shows that student unknown vocabulary translation strategies include partial translation; translation using another term from gymnastics, terms from other sports than gymnastics, words from other spheres than sports, including everyday life; literal translation; phonological associations in English and Latvian (examples in Table 1).

Table 1

Examples of unknown vocabulary translation strategies

Gymnastics term (EN)	Gymnastics term (LV; RU)	Semantic				Literal	Phonetic (Key word technique)	
		Translated partly (P) (LV)	Other term within the same sport (LV; RU) (OT)	Other sport (Osp)	Other sphere (Osph), incl. everyday speech		The same sounds (EN)	The same sounds (LV)
handspring	*Pārmetiens uz priekšu* (LV)	*roku stiepšana* (arm extension), *rokas locītava* (arm joint), *tvēriens* (hand grip), etc.	*kūlenis* (LV) (roll)					
bar	*stienis* (LV) *штанга* (RU)		*kārts* (LV) *брусья* (RU) (bar, bars)	*latiņa* (LV) *перекладина* (RU) (crossbar)	*bārs*	*bārs*	*bārs* (bar)	*bārs*
uneven bars	*līdztekas ar dažāda augstuma kārtīm* (LV)				*Nevienādi stieņi* (LV) (unequal bars)			

high bar	*augstākā kārts* (LV)		*augstais stienis* (high bar)					
low bar	*zemākā kārts* (LV)		*zemais stienis* (low bar)					
wall bar	*vingrošanas siena* (LV)	*karavīru siena* (soldiers' wall)					*iešanas apavi* (walking shoes)	

In translation of term "handspring", for example, the students employ partial translation, translating only "hand"; as to the other part of the compound the students employ associations with the word "hand", translating the term in Latvian as "*rokas stiepšana*" (arm extension), "*rokas locītava*" (arm joint), "*roku stāvoklis*" (arm condition), "*tvēriens*" (hand grip), etc.

In the translation of term "hoop", for example, the students employ phonological associations, and translate as *atsperties* (hop); *āķis* (hook), etc.

Latvian and Russian semantic field of gymnastics terms differs from English semantic field in a lot of ways. In Latvian and Russian there are, for example, two different terms for English term "bar": 1) an equipment to perform pull-ups, and 2) a part of parallel and uneven bars. Term "bar" is also translated, using a term from another sport, namely, track and field: "*latiņa*" (crossbar).

Most often students translate gymnastics terms, using words from other spheres than sports, including everyday life, and translate the unknown terms partly.

Figure 1 presents statistical comparison of strategies, employed by students, in translation of unknown gymnastics terms.

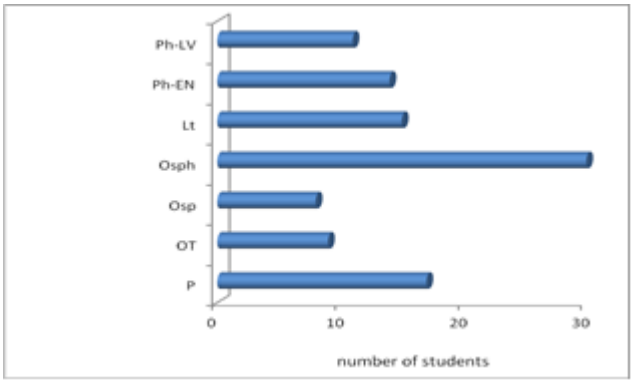


Figure 1. Translation strategies, used by students in translation of unknown gymnastics terms

P: partial translation; OT: another term from gymnastics; Osp: terms from other sports than gymnastics; Osph: words from other spheres than sports, including everyday life; LT: literal translation; Ph-EN: phonological associations in English, Ph-L: phonological associations in Latvian.

Figure 1 shows that students mainly use phonological associations with words in English and Latvian, as well as literal translation; translate terms only partly or use other terms from gymnastics, from another sport or from everyday speech. This finding suggests that student word attacking skills should be improved, paying more attention to different ways of word processing and enhancing their transfer to long term memory.

Use of background music

From study year 2002/2003 in LASE is practiced use of background music in learning gymnastics terms. 3 minutes the students listen to classical, pop and rock music and simultaneously learn 60 new terms, 20 with each kind of music. To test the knowledge, the students work in pairs,

exchange the list of terms in English and Latvian, and record the result: the number of retrieved terms.

Student opinion about learning with musical background

After the experiment we collected feedback about the use using of different style background music while memorizing lexical units. While listening to popular music, the words bothered to memorize lexical units. 17% of respondents considered that the best way to study is in complete silence, but hard rock as preferable background music was mentioned only by 2% of students. Evaluating learning atmosphere, 97% of respondents admitted that they felt very well, because:

- they were relaxed;
- the prevailing atmosphere was inspiring;
- the activity was involving;
- they learned the words without difficulty

Only 3% of respondents expressed the view that they can learn under any conditions and there is no need to stimulate vocabulary acquisition.

The students were asked to mention music they listen to while learning. Most respondents mentioned classical music, like Beethoven Moonlight Sonata.

Memory testing

In Table 2 total number of students, who retrieved gymnastics terms, is presented in 3 groups: 1) from 1 to 20; 2) from 21 to 40; 3) from 41 to 60. Table 2 shows that students better remember terms or items from the first column, because:

1) 20 and more students retrieved 6 gymnastics terms or items from column 1; 4 items from column 2; and 0 ones from column 3;
2) 15 and less students retrieved 2 gymnastics items from column 1; 3 items from column 2; and 5 ones from column 3.

Table 2

Total number of students, who retrieved gymnastics terms

Term No.	Total	Term No.	Total	Term No.	Total
1	19	21	18	41	18
2	21	22	22	42	18
3	19	23	19	43	18
4	12	24	23	44	17
5	19	25	22	45	17
6	17	26	17	46	17
7	18	27	17	47	19
8	20	28	19	48	14
9	16	29	19	49	16
10	20	30	15	50	18
11	19	31	20	51	17
12	20	32	17	52	16
13	20	33	11	53	15
14	21	34	17	54	15
15	22	35	19	55	17
16	20	36	18	56	15
17	15	37	16	57	13
18	17	38	15	58	16
19	19	39	18	59	12
20	15	40	18	60	14

The number of students, who remembered first 20 terms, is visualized in Figure 2.

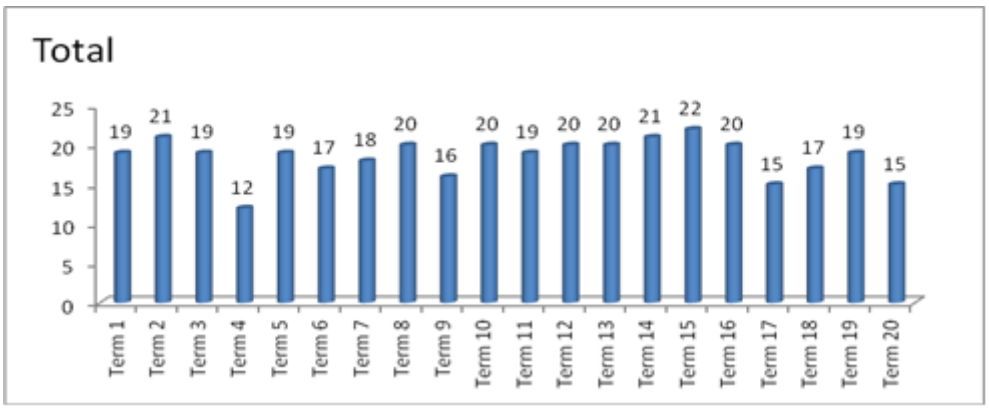


Figure 2. Total number of students (from 45), who retrieved gymnastics terms (Term 1 to Term 20).

The results (Table 2, Figure 2) show that classical music is the best musical background for gymnastics term learning. However students enjoy also learning with popular and hard rock music background.

Further term transfer to long term memory can be enhanced with the help of mind mapping.

On-line mind mapping

In ESP conference in Celje in 2010 Al-Jarf pointed out (Al-Jarf, 2010) that in ESP courses mind mapping can be used for: orientation, presentation and modeling, and for guided practice. Mind maps can be of different types, including phonological, morphological (suffixes, prefixes, roots), syntactic and semantic ones.

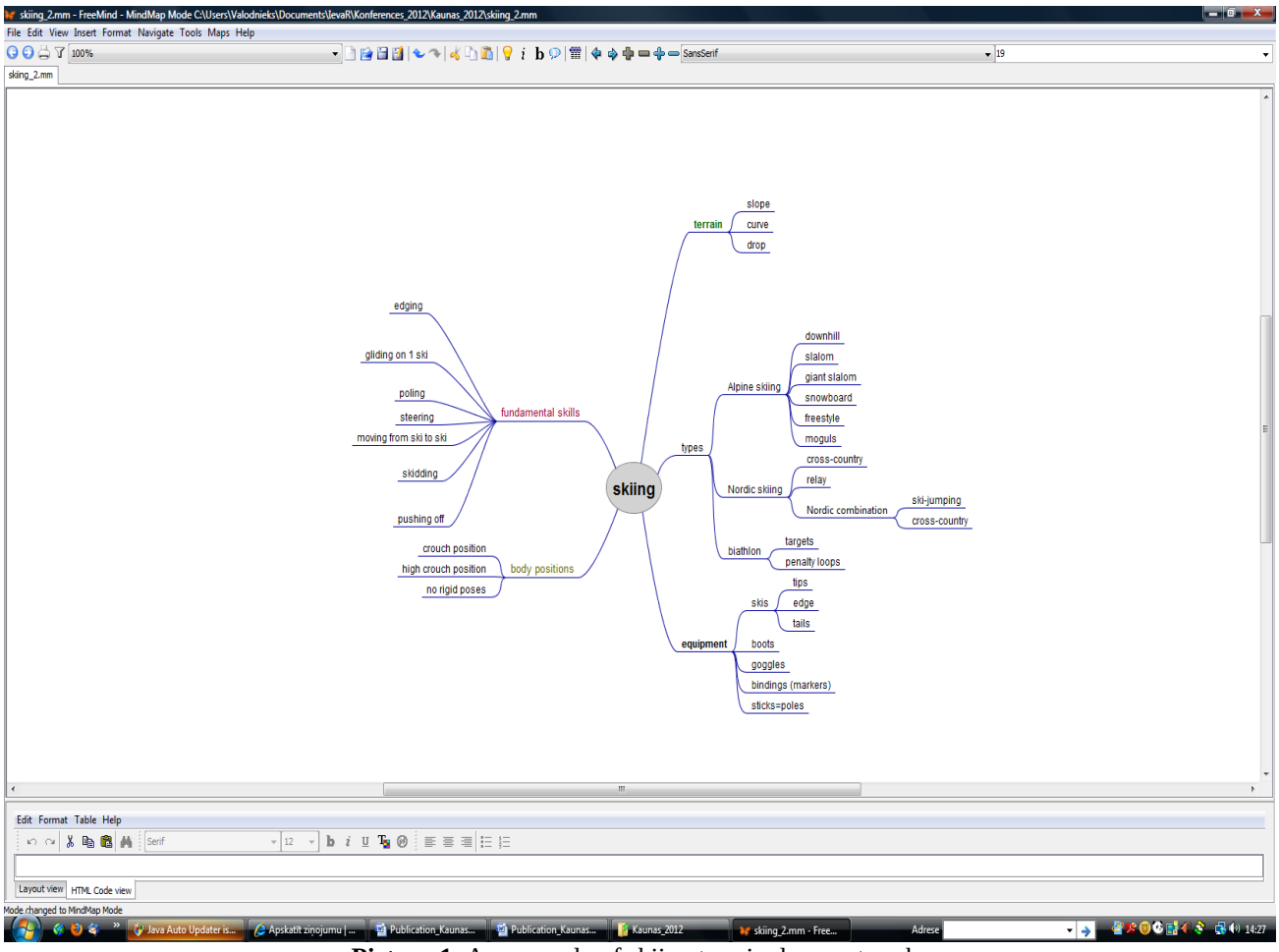
Phonological mind maps are important for different specialization ESP students, especially for medical students. LASE physiotherapy Program student surveys show that students admit that the pronunciation of complex medical terms they find difficult (e.g. larynx, a.o).

Medical students, including physiotherapists, prepared at sport oriented HEIs, including LSPA, can benefit from semantic mind maps, focusing on human body systems, among them circulatory, digestive, nervous, respiratory, urinary, a.o. systems. Students could enhance their terminology awareness by reflecting Latin plurals in mind maps (schema-schemata, a.o.) and opposites of different medical notions (internal-external, inversion-eversion, a.o.).

Al-Jarf indicated that free line mind mapping software can be downloaded from „FreeMind" homepage (http://freemind.en.softonic.com/), she encouraged the use of other mind mapping software, which could be found at http://spyrestudios.com/15-great-mindmapping-tools-and-apps/.

Skiing terminology mind maps

In skiing, for example, the students are presented the following terms: giant slalom, relay races, tip, edge, drop, free style, curve, edging, slope, route, markers, trail, low crouch position, gates, snowboard, descent, dexterity, diagonal stride, gliding on one ski, flexibility, skidding, etc. Next step is to organize the words into categories. The next and most difficult as well as most creative task is to think of some headers to the categories. In the mentioned example they could be as follows: fundamental skills, body positions, equipment, types of skiing, terrain. Finally the students produce the terminological network with FreeMind software (Picture 1).



Picture 1. An example of skiing terminology network

To embrace all terms most often used in skiing terminology, one must included also synonyms. Synonyms of the term bend, for example, in skiing texts are such as bob, tilt, tip, arch, a.o. Trying to classify synonyms, the students arrive at understanding that these words differ as to the directions, in which the body bends, as to how it can bend, and what can be the result of bending, etc. aspects.

The results of learning with musical background show that synonyms are among the terms, that students remember best.

Conclusions

LSPA students in translation of unknown sports terminology mainly use phonological associations with words in English and Latvian, as well as literal translation; translate terms only partly or use other terms from gymnastics, from another sport or from everyday speech. The conclusion can be drawn that student word attacking skills should be improved, paying more attention to different ways of word processing and enhancing their transfer to long term memory.

The experience of teaching sports lexis at LSPA suggests that Professional foreign language terminology acquisition could be enhanced by involving emotions and creating supportive and encouraging atmosphere with the help of background music. Especially beneficial for term learning is classical music, like Beethoven Moonlight Sonata. The text of popular songs and rock music disturb memorizing sport terms.

Further transfer of new terms in long term memory can be realized through on-line mind mapping, paying special attention to the formulation of headings for the groups of terms, including synonyms and antonyms, as well as developing phonological and morphological mind maps.

REFERENCES

AL-JARF, R., 2010. *Mind mapping*, Presentation, given at International language conference “The importance of learning professional foreign languages for communication between cultures”, Celje, Slovenia: University of Maribor, 6 p.
DOMINOWSKI, R., 2002. *Teaching Undergraduates*, Mahwah, N.J.; London: Lawrence Erlbaum Associates, 182 p.
JENSEN, E., 2005. *Teaching with the brain in mind*, Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development, 187 p.
GARDNER, H., c2006. *The development and education of the mind: the selected works of Howard Gardner*, London; New York: Routledge, 269 p.
LOCK, R.H.; PRIGGE, D.J., 2002. *Promote Brain-Based teaching and learning*, Intervention in School and Clinic, Mar 2002, Vol. 37, Issue 4, 237 p.
POOL, C.R., 1997. *Brain based learning and students*, Education Digest, Nov.97, Vol. 63, Issue 3, 10 p.
PREUSS, B., 2002. *Fremdsprachelernen - der emotionale Aspekt*, Valodu apguve: problēmas un perspektīva, Liepāja: Liepājas Universitāte, 6 lpp.
VEILERS, P., 2001. *Kreativitāte*. Rīga: Jumava, 253 lpp.
КРЫЖАНОВСКАЯ, Л. М., 1996. *Психология мышления*. М.: Психолог, 344 с.

Иева Рудзинска
Латвийская академия спортивной педагогики, Латвия
Научные интересы: контроль качества обучения иностранным языкам, инновации в преподавании иностранных языков

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПУТЕМ АКТИВАЦИИ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ С ПОМОЩЬЮ ФОНОВОЙ МУЗЫКИ И ОН-ЛАЙН КАРТ УМА

Аннотация

Исследование показывает, что студенты Латвийской академии спортивной педагогики (LSPA) в переводе неизвестной спортивной терминологии, в основном, используют ассоциативные стратегии. Для увеличения навыков анализа слов и способствованию их перехода из кратковременной памяти в долговременную память, используется фоновая музыка и он-лайн карты ума. Фоновая музыка включает эмоции в изучении языка, уменьшает стресс, создает позитивную атмосферу, тем самым, улучшая навыки анализа слов, и их запоминание.

Студенты лучше всего учатся с сопровождением классической музыки. Он-лайн карты ума позволяют визуализировать сети терминов, способствуя тем самым, переход слов в долговременную память.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: английский язык для специальных целей (ESP), долговременная память, музыкальный фон, он-лайн карты ума.

Goda Rumšienė
Vilnius University, Kaunas Faculty of Humanities,
Muitinės 8, LT-44280, Kaunas, Lithuania
Author's email: godarumsiene@yahoo.com

TRANSLATION AND RENDERING OF CULTURALLY-RELATED TEXT IN ADVERTISEMENTS

In order to address the entire cultural spectrum of the potential clientele, globally operating enterprises are required to adapt to specific cultural environments. In the field of advertising, due to inherent semantic and syntactic issues, variations in slogan lexis and structure become inevitable. The compromise between streamlining the global advertising campaign and adapting to cultural and/ or linguistic norms of a 'regional' society frequently becomes a crucial factor determining the success or failure of a business case.
KEY WORDS: advertising, intercultural translation, slogan.

Despite the increasing extent of the activity and impact of global corporations in the contemporary world and the worldwide recognition of their symbols and brands it is still necessary for them to direct themselves towards national markets. When implementing intercultural advertising and/or public relations (PR) campaigns, a number of subtleties concerning specific languages and cultures are faced. They are to be considered when seeking attention of the potential clientele while maintaining the global strategy of advertising activity. This compromise strategy forces authors of advertising campaigns and image specialists to select such linguistic and extralinguistic elements, the entirety of which can reflect the core idea in a specific cultural environment.

Advertising largely relies on slogans; each company adopts a catching phrase to represent its line of products or a particular brand. It is very important to consider that slogans do not necessarily reflect the intent of an enterprise to attract new clients; one of their primary aims is to reflect the concept, spirit or some unique quality of an enterprise and thus just to "remind" of the brand and the product in order to "keep them going".

In the process of intercultural advertising, producers strive to sell a standardized product to local customers who may exhibit substantial differences in terms of cultural behavior and attitudes. Yet, the objective is to use the same or relatively similar strategy which should be easily recognizable in any of the target countries/ cultures. As a result, the strategy of intercultural advertising deals with the understanding of the 'traditional' clients' behavioral patterns and the targeting of trans/international consumers. Due to the need to consider the semiotic factors of a promotion campaign, the optimal balance between textual (semantic and syntactic) equivalence and the cultural (pragmatic-semiotic) identity has to be found.

The theoretical research of advertisement texts within the linguistic (rather than marketing) framework can be traced back to the analyses of Geoffrey Leech, especially *English in Advertising* (Leech, 1966). Ray (1982) as well as many other analysts observes the unique qualities of the texts of commercials. The breakthrough in terms of the quantity of researches and the wide scope of research perspectives coincides with the ultimate globalization of the market taking place in the 1980s and 1990s. A number of pioneering publications of this period possess academic interest, for example, the ones by Wells, Burnett and Moriarty (1992) dealing with the strategies of textual expression in advertising or Snell-Hornby (1992) concentrating on the (inter)cultural issues of advertisement translation. The training and the work process of an advertisement translator is systematically defined in Jettmarová, Piotrowska and Zauberga (1997).

Publications of the 2000s mostly concentrate on specific linguistic aspects of multiculturality in translation (e.g. Adab (2000), a number of papers published in *Adab and Valdés* (2004) and *Delabastita, D'hulst and Meylaerts* (2006) or monographs by Guidère (2000) and Torresi (2010)). The practical issues of translatability of language-specific cultural symbols, lexical

units, expressions or wordplay are dealt with in Quillard (2001), Smith (2009) and Lee (2009). Jiang (2002/ 2003) claims that the academic field of advertisement translation pertains to the scope of pragmatics as all misunderstandings and translation failures stem from pragmatic failures, i.e. from the concentration on lexical, semantic, etc. elements yet ignoring the contextual value of the slogan message and failing to achieve the pragmatic equivalence.

Advertisement translation may be indirectly regulated by the law and cultural traditions of a particular country, e.g. Smith and Klein-Braley (1997) highlight that the German law is more restrictive than the legislative systems of many other countries thus restricting some foreign slogans or even brand names such as *Diet Cola* which are perfectly legal in the source countries. According to them, in rendering of commercials to other languages, there are cases requiring additional context due to differences in terms of use of a specific concept. Smith and Klein-Braley also observe that one of the most dangerous things in slogan translation is taking the absence of undesired meanings in the target language text for granted which is likely to happen when only the "insiders" of the marketing system check the translations. As a result, they indirectly suggest that the advertisement translation is to be performed by concentrating on the addressee's point of view. As a result, intercultural translation deals with law, religion, social-ethical norms and historical traditions. Guidère (2000) introduces the concept of conciliation denoting the strategy of the compromise between two languages and cultures.

There are essentially three options of dealing with language use in slogans: (a) translation of the English text into the local language, (b) preservation of the authentic English text and (c) preservation of the authentic text in a 'third' language. Whichever strategy is employed, the text must retain the quality of persuasion in the target language. The latter strategy relatively rare; it is usually applied in order to highlight the cultural identity of an enterprise such as the use of Italian in the fashion industry. A wide range of the 'third' language use is observed from slogans targeting quasi-equivalence to completely unintelligible phrases. By employing shared vocabulary containing minor spelling and pronunciation differences, the

Créative technologie (1)

slogan by Citroën merges the understandability of the text in English and the spirit of "Frenchness". The diacritical mark and the French *-ie* do not challenge the English-speaking addressee. Yet, this effect is only achieved as a result of violating the regular word order of the French language (nouns preceding adjectives) overridden by the English syntax (adjectives preceding nouns). Evidently, the correct word order and the required definite or indefinite article are believed to alienate the potential English-speaking addressee due to the lower ratio of similarities versus differences. There is some intuitive 'tolerance barrier' which cannot be transgressed in order to maintain the attractiveness of the slogan. The slogan of Audi

Vorsprung durch Technik (2)

represents a case of the global use of a language other than English. The understandability of the German text is extremely limited as only *Technik* is fully transparent to an English speaker. The two remaining components have no English equivalents, and the meaning "Leading through technology" is not rendered. The slogan operates as a unit grounded on cultural stereotypes regarding the prominent quality of German products. The orthographical and semantic differences merely promote positive emphasis on the presumed positive features of the promoted product.

The ultimate case of the use of the 'third' language may be demonstrated by the locally-used example of a banking loan advertisement of the Lithuanian branch of *Danske Bank* in Lithuania in which an unknown bank employee was explaining the conditions of loaning in Japanese and a staff member of the advertiser claimed that it is their bank which speaks the language understandable to everyone.

The translation of the original slogan into the local language deals with a number of issues. The optimal translation preserves the meaning, grammatical pattern and style of the original; however, in practice it is frequently impossible as major issues stem from puns, usage of symbols, lexical innovation and irregular structures of the original text in addition to the inherent differences between any two languages.

The difficulties of slogan translation mainly stem from the extremely high concentration of meaning value of the text frequently containing puns, symbolic, graphical or pictorial elements, lexical innovations, irregular structures of various types, etc. Even if the original text is restricted to a 'plain' message, semantic and syntactic differences between the source and the target languages frequently lead to major lexical and/ or structural alterations, which can be illustrated by a number of examples.

The fourth largest bank in the world emphasizes its multiculturalism by employing the slogan

HSBC, the World's Local Bank (3.a)

Throughout the extensive territory of the use of the slogan, variations can be observed. For example, in the French-speaking markets, the following translation is used:

HSBC, Votre banque, partout dans le monde (3.b)
/*Literally: HSBC, Your bank, everywhere in the world*/

Evidently, the two variants exhibit a number of differences. First of all, the French text includes a personal address while the English text produces a statement in a direct sentence. The French text contains two structural parts and addresses the potential audience with '*votre*' (your) in the first part. Secondly, there is a difference in the location approach: in the French text, the bank that is next to the addressee is present and operates everywhere in the world. Meanwhile, in the English text, the possessive case is used and the bank presumably belongs to the world (in opposition to belonging or pertaining to the addressee as manifested in the French text). Thirdly, in the English text, the bank is 'local' everywhere by possessing local knowledge and operating more efficiently as a result. In the French text, to the contrary, there is no reference to the cultural knowledge the bank possesses.

The three primary differences stem from specific linguistic features of the two languages. The possessive case in French is expressed only by using prepositions (e.g. '*du monde*'), and, by default, a possessive-meaning noun cannot be used at the beginning of a phrase. This automatically cancels the possibility of adherence to the original syntactic structure. Furthermore, as mentioned above, the noun-adjective order is different in English and French: while in English it is adjective-noun, in French it is noun-adjective. Consequently, the English "local bank" becomes '*banque locale*'. The English text lays emphasis on the adjective "local" whereas in the French text, the syntactic structure does not allow its repetition. Consequently, the slogan is completely restructured.

Meanwhile, the Spanish version is individualized country-wise and can be illustrated by the following examples:

En Uruguay y en el mundo, HSBC (3.c.1)
En Argentina y en el mundo, HSBC (3.c.2), etc.
/*Literally: in Uruguay /or another country/ and in the world, HSBC*/

As well as the French version, this slogan version takes away the emphasis from the world. The Spanish language is similar to the French language in terms of the syntactic expression of the possessive case and the word order in a phrase, and this example evidently shows that HSBC cardinally changes the English pattern to adapt to the Spanish structure; at the same time, in languages with similar syntactic structures, the same pattern is likely to be observed.

Due to specific cultural adaptation, the Spanish versions contain the name of the country. This may be explained by the fact that HSBC entered these markets relatively recently, and there is need to emphasize that the new brand seeks to be an integral part of the local market and business culture. Another explanation for this choice may be that in Latin America it is quite common for companies to emphasize its cultural dependence. While the French version contains a direct address to the audience (*votre*), the Spanish text focuses on the geographical and cultural reference to the addressee emphasizing its operation not only in the target country (cultural environment) but also in the economic areas. It is essential to note that the French and Spanish language versions shift their emphasis from the bank possessing local knowledge everywhere it operates (see 3.a) to the mere fact of presence in the whole world. This may only be explained by the advertiser's belief that the relevant addressees are unlikely to feature local competence in the list of top priorities.

In the promotional campaign of MasterCard, shifts in structural patterns or semantic values are highly prominent:

There are some things money can't buy. For everything else, there's MasterCard (4a)

Il y a des choses qui ne s'achètent pas. Pour tout le reste il y a MasterCard. (French) (4b)
/*There are (some) things which do not get bought. For everything else there is MasterCard*/

Ci sono cose che non si possono comprare, per tutto il resto c'è MasterCard (Italian) (4c)
/*There are things which cannot be bought, for everything else there is MasterCard*/

Есть вещи, которые нельзя купить. Для всего остального есть MasterCard (Russian) (4d)
/*There are things which [you] cannot/ are not allowed to buy. For everything else [there] is Mastercard*/

Existem coisas que o dinheiro não compra. Para todas as outras existe MasterCard. (Portuguese) (4e)
/*Exist things which the money does not buy. For all others (i.e. other things) exists MasterCard*/

Hay ciertas cosas que el dinero no puede comprar. Para todo lo demás existe MasterCard (Spanish) (4f)
/*There are certain things that the money cannot buy. For all the rest exists MasterCard*/

The structure is very strictly preserved wherever possible. As there are no "there is/are" type patterns in Russian and Portuguese, exist/be-type verbs are used.

The word "money" is used in the English, Portuguese and Spanish texts, but only in Spanish and Portuguese it possesses the definite article. Meanwhile, only in English and Spanish there are determiners before the noun "things" (cosas/ coisas). French and Italian texts use reflexive forms, but the use of the Italian reflexive form is based on the specific capability of *potere* (to be able to) to show the beneficiary, approximately "for myself, I am able to".

English, Italian, Russian and Spanish texts feature a verb of possibility/ ability which is foregrounded while in the French text, the focus is on "to be bought", and in Portuguese, the emphasis lies on "money". The shifts of the emphasis stem from differences in semantics and syntax of the given languages leading to the presentation of slightly different messages. Only the French text contains neither "money" nor a possibility word. This is because of the specific meaning of reflexive forms in the French language.

On the whole, the case of MasterCard is one of multiple examples in which minor aspects yield to the focal idea (i.e. intercultural translation and pragmatic equivalence) and shifts in emphasis are intended in order to preserve the integrity and idea of the thematic message.

Differently from example 3, no major meaning variations are observed, and the differences largely stem from the purely semantic and syntactic qualities of the target languages. The relative simplicity of the translation may be explained by the use of 'lexically primitive' words having equivalents or quasi-equivalents in most languages. As a result, the process of cultural translation is simplified; lexical elements are technically rendered while only syntactic-structural and cultural factors have to be considered.

The slogan of Gillette illustrates extensive shifts in wording and syntactic structures:

The best a man can get (5a)

Najlepsze dla mężczyzny (Polish) (5b)
/*The best for man*/

Lo mejor para el hombre (Spanish) (5c)
/*The best for the man*/

Лучше для мужчины нет (Russian) (5d)
/*There is nothing better for man*/

Pro muže to nejlepší (Czech) (5e)
/*For man that's the best*/

Vyrai geriau nesuras (Lithuanian) (5f)
/*Men will find no[thing] better*/

La perfection au masculin (French) (5g)
/*The masculine perfection* or *The perfection in the man's way*/

Four examples use superlative forms while the Lithuanian and Czech versions employ the comparative degree. Meanwhile, in French, the adjective is replaced by the noun "*perfection*" even though the form "*Le mieux au masculin*" would be equally syntactically plausible and quasi-equivalent from the pragmatic-cultural point of view.

The English variant refers to receiving (*get*) even though there is no semantic necessity to use the verb. The Lithuanian form uses the verb "to find" in the future tense which is definitely an oddball even though being motivated by the morphology and syntax of the language. Only the French text substitutes the noun "man" by an adjective (*male*, approximately, *in the male/ man's way*). The noun-adjective structure in Czech reflects the preferred word order.

All these shifts and variations could be explained by the fact that the slogan was sung in a TV advert and thus had to be adapted to the melody in terms of length, stresses, etc. However, even considering this, it is still unclear why the Spanish phrase is overextended (it contains eight syllables in comparison with the six or seven as used in many other variants). Only the Lithuanian phrase ends with the stress on the final syllable. In this case, the motivation of some linguistic choices is very hard to find. This example highlights that even the absence of culturally loaded lexical units may still lead to major variations from language to language if the advertising entity strives to emphasize the phonetic (or any other) rather than purely lexical-syntactic attitude, i.e. that the tune and the style of the advert are a priority over the word-per-word strategy.

To get insights into the general trends of intercultural translation of advertisements, 150 slogans of 144 multinational companies or brands were explored in this research, of which:

- 71 (47%) were only used in English
- 9 (6%) were translated word-per-word and
- 70 (47%) showed cases of "indirect" translation and adaptation to the specific cultural and/or linguistic features of the local audience.

Of course, this sample is not sufficient for making extensive conclusions or generalizations, but the main trends can be outlined. First of all, it is striking that the number of exact (i.e. culturally unadapted) translations is so low; however, the distribution of non-translated and creatively translated slogans is essentially identical. It is highly likely that a broader sample would exhibit some specific inclination; however, the two-pronged trend is evident. The shorter slogans tend not to be translated from English. Shorter slogans usually contain only lexis that is easily understandable to the target audience.

Besides, slogans that are translated word-for-word usually possess a simple syntactic structure and contain semantically simple lexis. Any semantically complicated lexical units lead to a full-scale creative translation with shifts in the syntactic structure, lexical content and so on.

Slogans containing irregularities of any kind tend not to be translated but they occasionally get translated and also feature irregularities of some kind in their translated versions.

In conclusion, generally in slogans there is no strict orientation towards the culture of the target audience. In many cases, the English variant is preserved when even very similar variants are available in the target language. Evidently, this streamlining is considered to be more efficient than a "foreign revision" of the original version. On the other hand, extensive slogans tend to be creatively translated, and of the 70 researched examples, 51 (73%) were longer than 5 words.

LIST OF REFERENCES

ADAB, B. (2000). Towards a More Systematic Approach to the Translation of Advertising Texts. In: BEEBY, A. (ed.). *Investigating Translation*. Amsterdam: Benjamins, Ch. 21.: 225-237.

ADAB, B. & VALDÉS, C. (eds.) 2004. *Key Debates in the Translation of Advertising Material. The Translator*. Vol. 10, No. 2: Special Issue. Manchester: St Jerome Publishing.

DELABASTITA, D., D'HULST, L. and MEYLAERTS, R. (eds.). (2006). *Functional Approaches to Culture and Translation*. London: Benjamins.

GUIDÈRE, M. (2000). *Translating Ads.* Paris: Harmattan.

JETTMAROVÁ, Z., PIOTROWSKA, M. and ZAUBERGA, I. (1997). New Advertising Markets as Target Areas for Translation. In: SNELL-HORNBY, M., JETTMAROVÁ, Z. and KAINDL, K. (eds.). *Translation as Intercultural Communication: Selected Papers from the EST Congress, Prague 1995*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: 185-194.

JIANG, L. (2002/ 2003). Pragmatics and Advertisement Translation, with Special Emphasis on English/ Chinese Cultural Differences. In: *Chinese Translators Journal 2002/3*.

LEE, Y. (2009). The Medium is Global, the Content is not: Translating Commercial Websites. In: *Networking Knowledge: Journal of the MeCCSA Postgraduate Network, Vol. 1*, No. 2.

LEECH, G. (1966). *English in Advertising*. Harmondsworth: Penguin.

QUILLARD, G. (2001). La traduction des jeux de mots dans les annonces publicitaires. In: *Traduction, Terminologie, Rédaction*, Université McGill, vol. XIV, no. 1.

RAY, M.L. (1982). Advertising and Communication Management. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

SMITH, K. (2009). The **Translation** of **Advertising** *Texts: A Study of English-Language Advertisements and their* ***Translations*** *in Russian*. VDM Verlag Dr. Muller Aktiengesellschaft & Co. KG.

SMITH, V., KLEIN-BRALEY, Chr. (1997). Advertising – A Five Stage Strategy for Translation. In: SNELL-HORNBY, M., JETTMAROVÁ, Z. and KAINDL, K. (eds.). *Translation as Intercultural Communication: Selected Papers from the EST Congress, Prague 1995*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company: 173-184.

SNELL-HORNBY, M. (1992). Translation as a Cultural Shock. In: BLANK, C. (ed.). *Language and Civilization. A Concerted Profusion of Essays and Studies in Honour of Otto Hietsch*. Frankfurt: Peter Lang.

TORRESI, I. (2010). *Translating Promotional and Advertising Texts*. Manchester: St. Jerome.

WELLS, W., BURNETT, J. and MORIARTY, S. (1992). *Advertising – Principles and Practice*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Goda Rumšienė
Vilniaus universitetas

SU KULTŪRA SUSIJŪSIŲ TERMINŲ VERTIMAS IR PERTEIKIMAS REKLAMINIUOSE SKELBIMUOSE

Santrauka

Šiuolaikiniame pasaulyje, kuriame vis didėja globalinių korporacijų veiklos ir įtakos mastai, joms vis dėlto yra būtina orientuotis ir į nacionalines rinkas. Vykdant tarpkultūrines reklamos bei viešųjų ryšių kampanijas, išryškėja

įvairių su specifinėmis kalbomis ir kultūromis susijusių niuansų, į kuriuos yra būtina atsižvelgti siekiant potencialių vartotojų dėmesio ir išlaikant pasaulinės reklaminės veiklos kryptis. Tokia kompromisų strategija verčia reklamų autorius ir įvaizdžio specialistus rinktis tokius kalbinius ir ekstralingvistinius elementus, kurių visuma galėtų atspindėti kertinę idėją specifinėje kultūrinėje aplinkoje ir juos atpažinti kitų kultūrų atstovams. Šiuo metu reklamų rinkoje originalo (anglų) kalba pateikiamų ir verčiamų kultūriškai pritaikytų reklaminių šūkių kiekis yra maždaug vienodas.

*RAKTINIAI ŽODŽIAI: R*eklama, tarpkultūrinis vertimas, reklaminis šūkis.

Loreta Ulvydienė,
Gintarė Aleknavičiūtė, MA student
Department of Germanic Philology
Vilnius University,Kaunas Faculty of Humanities
Muitinės g. 8, LT-44280, Kaunas, Lithuania
Humanities, Philology, General and Comparative Literature
Loreta.Ulvydiene@khf.vu.lt
gintareamb@gmail.com

SUBTITLES OF FILMS AS A MEANS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Learning a foreign language ranks high on the priority lists of a number of people, with as many as 39 percent of people regretting not speaking additional languages and often wishing they could speak more languages. Yet, most learning is still restricted to devoted, goal-directed learners either through formal schooling or specialized multimedia aids. Casual learners, on the contrary, generally have lower levels of commitment and resources devoted to learning, and hence have limited means to acquire foreign languages. As intuition suggests, a top reason cited for difficulties of learning a foreign language is the "lack of time".

Considering the fact that the original purpose of films (except educational material, e.g., documentaries) is to entertain the audience, the question of whether subtitles can be used as a means of foreign language learning arises. Thus, the aim of the paper is to review and analyse the main advantages and disadvantages of film subtitling as a means of learning foreign languages. Therefore, the authors discuss subtitling in relation to foreign language learning; review the role of film translators in relation to the quality of translated films; analyse "The Da Vinci Code" - as a tool for foreign language learning and cases of non-equivalence between the source (English) and the target (Lithuanian) languages and attempt to propose alternatives for the logical mistakes made in the Lithuanian translation of "The Da Vinci Code".

Ultimately, the conclusion is drawn that subtitles are not suitable for learning single lexical units as there is no one-to-one relation between word and meaning; however, subtitles of films as a means of foreign language learning can improve skills of a person who has a command of a particular foreign language corresponding to intermediate level.

KEY WORDS: subtitling, foreign language learning, audiovisual translation, subtitling techniques

Introduction

Over the past decade, the need to know foreign languages has been increasing as languages play an important role in creating a global community and developing planetary citizenship. Europe's vision for 2020 is to become a smart, sustainable and inclusive economy.[72] Improving the outcomes of education and training and investing in skills and the opportunity to acquire and develop skills throughout life are important prerequisites to achieve this goal. Thus, the New Strategic Framework for European Cooperation in Education and Training[73] ("ET 2020") supports the Europe 2020 strategy and calls for action to "improve the quality and efficiency of education and training". It aims at ensuring that the assessment of future skill requirements and the matching of labor market needs are adequately taken on board in education and training planning processes (ibid.).

[72] Communication from the Commission Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth COM(2010) 2020 final http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF
[73] Council conclusions of 12 May 2009 on a strategic framework for European cooperation in education and training (ET 2020), OJEC C 119, 28/05/2009 P.2–10

Moreover, with the stress being laid on the importance of foreign language learning, still in 2008 in the report of the Business Forum for Multilingualism some clear messages were addressed to the education authorities: "We would like to see multilingualism being encouraged more actively at all school levels. First and foremost, the choice of languages needs to be widened. At higher levels, learning methods need to be more applied and practice oriented. Proper recognition should be awarded for language skills in school curricula and at a later stage in the assessment of job candidates. In a different context, language skills need to be acknowledged in an appropriate way in centrally negotiated agreements between the social partners."[74]

Therefore, learning a foreign language ranks high on the priority lists of a number of people, with as many as 39 percent of people regretting not speaking additional languages and often wishing they could speak more languages[75] (in Sakunkoo, 2009). Yet, most learning is still restricted to devoted, goal-directed learners either through formal schooling or specialized multimedia aids. Casual learners, on the contrary, generally have lower levels of commitment and resources devoted to learning, and hence have limited means to acquire foreign languages. As intuition suggests, a top reason cited for difficulties of learning a foreign language is the "lack of time" or financial resources.

Not surprisingly audiovisual material has become an increasingly popular means for the encouragement of multilingualism mentioned above for a number of reasons. Firstly, as different surveys and project outcomes[76] witness, there is a significant demand for language learning delivered via TV; an EU report cites two surveys, one 'revealed that 41% of those surveyed wanted more language tuition on television' another 'found that 28% of men and 22% of women were prepared to pay for more language tuition on television'. Secondly, language learning can make use of almost any material in the target language (i.e. it does not necessarily require tailor made content) consequently a huge amount of potentially appropriate raw content material that could be adapted to support language learning already exists in the form of films, TV series, documentaries, quiz shows, etc. This huge variety is in itself very significant as it potentially allows i.e. - TV language learning materials to cater for an enormous range of personal tastes and interests. Thirdly, as Alexander Nakhimovsky (1997) notes, perhaps "of all subjects foreign language instruction can benefit from multimedia materials most obviously. The most difficult task facing a language instructor is to show the deep semantic and cultural differences hidden behind dictionary equivalents. The movie and its script make that task much easier. Students can see the clash between their expectations and the realia of a different culture." The rich narrative structure and visual context provided by TV programmes and films help the learner to form a deep understanding of the language to be learnt and its culture. Fourthly, for language learners TV material is genuinely authentic. As Liontas (2002) observes, this is material produced by and for the native speakers of the foreign language and for many language learners watching, understanding and enjoying TV and films in the foreign language can itself be a learning objective (Underwood, 2012).

Thus, *the aim of the research* is to review and analyse the main advantages and disadvantages of film subtitling as a means of learning foreign languages. For the aim of the paper to be achieved, the following *objectives* have been set out:

1. to review audiovisual aids in foreign language learning;
2. to discuss subtitling as a tool when learning foreign languages;
3. to discuss quality of subtitled films;
4. to analyze one of the most controversial films - *The Da Vinci Code* - as a tool for foreign language learning and cases of non-equivalence between the source (English) and the target (Lithuanian) languages proposing alternatives for the logical mistakes made in the Lithuanian translation of *The Da Vinci Code*.

[74] Report from the thematic working group "Languages for Jobs" European Strategic Framework for Education and Training (ET 2020) at http://ec.europa.eu/languages/pdf/languages-for-jobs-report_en.pdf
[75] Eurobarometer, 2001, http://ec.europa.eu
[76] There were a number of projects carried out supported by EU funds, e. g. Lifelong learning programmes, etc.

Thus, as the study conducted by European Commission (2011) announces, "in terms of language mastery, in countries with a tradition of subtitling, knowledge of foreign languages (and of English in particular) is close to that of the mother tongue of the population surveyed, whereas in countries with a tradition of dubbing the majority of respondents evaluated their skills at a level of 3 on a scale of 5," *the hypothesis that subtitles, which provide lexical information and support perceptual learning about foreign speech help to learn foreign languages* will be either approved or denied by the authors of this research.

Audiovisual Aids in Foreign Language Learning

The 21st century globalization has become the main reason for easier access to multilingual texts through media, the Internet and other channels of information. Consequently, foreign language acquisition for intermediate level (as opposed to foreign language learning at the beginner's level) is taking on new forms, especially through audiovisual means. In this particular sense, the most valuable kind of audiovisual text is subtitling since both the original dialog and the translated text can be perceived simultaneously without one disrupting the other (unlike the other two common kinds of audiovisual translation – dubbing and voice-over). As Henrik Gottlieb (2005, 6) points out, the viewer processes the original dialog and the subtitles as 'diamesic twins', i.e. on the one hand, subtitles are used as an aid rather than the only source to access the meaning of a film; on the other hand, the viewer processes the two verbal channels in such a way that the dialog becomes a means to evaluate and criticize the translation. This implies that subtitles are chosen over dubbing or voice-over by those viewers who already have a grasp on a particular foreign language; therefore, the process of foreign language skill development to such viewers becomes accessible.

The combination of the acoustic and the visual channel together with the verbal and the non-verbal elements results in four basic components making up the audiovisual text: the acoustic-verbal (dialog), the acoustic-nonverbal (score, sounds), the visual-nonverbal (image) and the visual-verbal component (subtitles)[77]. The spatio-temporal relationships between the four components are portrayed in Figure 1, where the arrows represent the existing relationships in an audiovisual text and the dashed arrows represent the relationships established by the subtitler:

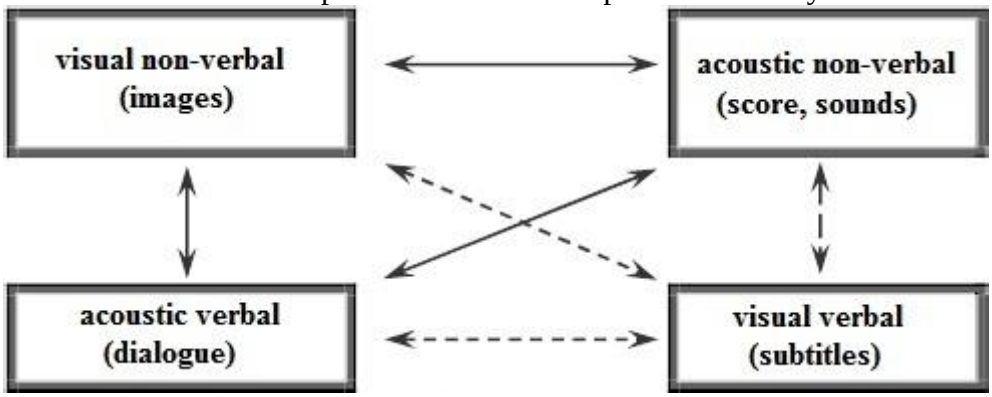


Fig. 1 *Relationships between the basic components of the subtitled AV text. Source: Delabastita (1989, 101)*

The requirement for synchrony between these components imposes certain time and space constraints, which make a literal, word-for-word translation impossible. Thus, the student/subtitler is liberated from the "requirement for faithfulness" and forced to focus on the core of the utterances heard. Moreover, in the case of audiovisual translation, the visual context (e.g. facial expressions or movements) is explicit and needs to be taken into consideration when translating (Stavroula, Sokoli 2006).

[77] Delabastita (1989: 101) calls these four basic components "four types of film sign: verbal signs transmitted acoustically (dialog), non-verbal signs transmitted acoustically (background noise, music), verbal signs transmitted visually (credits, letters, documents shown on the screen), non-verbal signs transmitted visually".

Subtitling as a Tool When Learning Foreign Languages

Subtitling is possibly the most suitable form of audiovisual translation for foreign language learning, since it allows one to listen to the original soundtrack without interference. In any translation, the source language has to be transformed due to the different structures of the two languages – the source language and the target language. When translating films, this transformation of the original language is influenced by the particularity of the techniques of translating as well. These techniques can be roughly divided into 3 main categories – omission, explicitation and transposition (Baravykaitė, 2007, 24). To be more precise, the techniques are as follows:

1. expansion (explanation of SL realia);
2. paraphrasation;
3. rendering;
4. repetition (imitation of certain SL constructions);
5. transcription;
6. transfer (modification of the SL semantic content);
7. compression (expression of the SL content by the lesser number of TL elements);
8. shortening (abbreviation/condensation of words/phrases);
9. elimination (deletion of information to save space);
10. omission (deletion of information for which there are no TL equivalents).

The use of these techniques results ***in greater modifications of the target language.*** Also, there is no one-to-one relationship between word and meaning across languages (Baker, 1992, 10-11). Thus, while subtitles of films are not particularly suitable for learning lexical equivalents, they can be a great tool when improving one's listening skills and coherent comprehension of a particular foreign language.

To develop the point further, the source language of a film is usually a colloquial and informal speech which may contain a great number of fixed expressions and idioms. An idiom is a multiword construction that can be considered as a self-contained lexical unit since it has a fixed meaning, and its parts, if taken separately, lose sense (*Encyclopedia of Language and Linguistics*, 518). Idioms can be translated as a single word, as, for example, a colloquial idiom *to stick one's neck out* means *to adopt an attitude that invites trouble or unfavorable comment* and can be translated to Lithuanian as *drįsti, (su)rizikuoti*. However, some idioms are translated as phrases (e.g. proverbs) having more or less the same meaning but completely different lexical form, which is usually influenced by the cultural background. An example of such idioms can be a well known idiom *a blessing in disguise* and its most common Lithuanian translation *nėra to blogo, kas neišeitų į gera*.

As these examples suggest, subtitles cannot teach one all the lexical meanings of a word but rather, as it has already been mentioned, help one gradually develop the skills of listening and, most importantly, developing an ear for a particular foreign language. However, the quality of subtitles is a major factor determining the quality of the film viewing process in terms of foreign language learning. While the mistakes can only be noticed by someone who knows the source language very well, it might be misleading and confusing for a student.

Quality of Subtitled Films

The quality of subtitles is a huge factor determining the quality of subtitled film watching as a process of foreign language learning. While the mistakes can only be noticed by someone who knows the source language very well, it might be misleading and confusing for a learner. Therefore,

translators play a crucial role because absent-mindedness, carelessness or even the lack of competence, which includes perfect skills of both source and target languages as well as good knowledge of the contexts of a particular film, position of the author etc., may not only be the cause of poor quality of the translation and representation of the cultural and linguistic environment of the film, but make the audience lose interest in the film itself.

Film dialogues are often evaluated in a wrong way: although they seem like a spontaneous everyday speech, in fact, the words are carefully written, developed, edited and shaped until the desired result is achieved. Besides that, film dialogues convey certain meanings, messages and ideas. Thus, it is essential to know the context of certain elements of the dialogues. According to B. Schwarz, "subtitles have to be read and understood in the few seconds they are visible on the screen. To interpret the text for the target language audience, the translator must ask about the content and purpose of the original work." Therefore, in order to achieve cultural and linguistic adequacy, translators are advised to consult various additional sources such as encyclopaedias, dictionaries, manuals with technical terminology, glossaries, specialised thesauruses and the Internet (Schwarz, 2002).

The main task of the film translator is to adequately and clearly transform the verbal text into a written text. Although spoken and written texts have different functions, it is essential to provide the audience with naturally readable and coherent text, which is achieved by retaining the same style and mood (Schwarz, 2002) as in the primary text ("text" meaning the spoken source language as well as the visual channel). This requires not only rich vocabulary and good skills of perceiving how a particular language functions, but also understanding the characters and moods which are not always conveyed through the verbal channel.

To sum up, the translator's role in the aspect of quality is of extreme importance. It is even more important speaking about watching subtitled films as a tool to improve the knowledge of a particular language because the aims of potential learners and those of a regular audience differ in a number of aspects.

To develop the point further, a case study of the English-Lithuanian translation of a popular film *The Da Vinci Code* has been carried out in order to prove the suitability of subtitles for foreign language acquisition.

Case Study: Lithuanian Subtitles in 'The da Vinci Code'

The Da Vinci Code is a screening of the best-selling novel under the same title written by Dan Brown. The scenario of the film is widely known. A famous symbologist Robert Langdon is called to the Louvre museum one night where a curator has been murdered, leaving behind a mysterious trails of symbols and clues. With his own survival at stake, Langdon, accompanied by the police cryptologist Sophie Neveu, reveals a series of secrets hidden in the works of Leonardo Da Vinci, all leading to a secret society committed to guard and protect an ancient secret – Jesus' bloodline - that has remained hidden for 2000 years.

The Lithuanian translation of *The Da Vinci Code* includes examples of the basic methods of film translating as well as some mistakes which can be roughly divided into contextual non-equivalence, logical and grammatical mistakes. In some places, the style of the target language is different from the source language, i.e., the colloquial speech is transformed into formal. Therefore, the artistic reality of certain parts of the film is disrupted and the subtitles lose the ease of reading. The mistakes made can confuse learners of the English language about, e.g., lexical equivalents or the general use of certain grammatical constructions (tenses, clauses) etc.

Consider the following:

(1) *SL: It's a phrase. Doesn't mean anything, not to me.*
TL: Ši frazė man nieko nereiškia.

This is an example of compression – two sentences are contracted into one. However, compression here is not necessary as longer translation (e.g.: "Tai frazė. Nieko nereiškia, bent jau man.") would not cause any particular harm to the space on the screen or timing of the subtitle, and the syntactic properties of the sentence that express the character's confusion and contemplation about the *phrase* he is looking at would be retained.

Paraphrasation is not very frequent in the film. An example referring to Mona Lisa:

(2) *SL: Her smile is in the lower spatial frequencies.*
TL: Jos šypsena švelni.

Here the scientific style (the term "spatial frequency" is mostly used in visual arts, e.g., painting, photography etc.) is transformed into a neutral sentence but the meaning is retained.

There are cases in the film where single lexical units, tenses, other grammatical units or the whole semantic content of a sentence are non-equivalent. For this reason, learners of the English language may be confused about certain lexical meanings of words or usage of particular constructions. For example, the title of the book – *The Interpretation of Symbols* – is translated as *Simbolių vertimas*. Usually, the word *interpretation* is used in the meaning of *translation* when speaking about oral interpretation. In this case, and to make it sound more logical, it would be better to translate it as *Simbolių aiškinimas / interpretavimas.*

When non-equivalence of meaning occurs in subtitles, it does not necessarily sound illogical; only by analyzing the context can the viewer realize that there is a lack of semantic equivalence, for instance:

(3) *SL: - So dark the con of man.*
- No, it doesn't say that.
TL: - Kokia tamsi žmogaus apgavystė.
- Ne, ji ne tokia.

This is an anagram that is referred to but the reference is made to the anagram in general rather than its content, i.e. *the con of man.* Thus, the translation should reflect that, e.g.: "*Ne, ne tai norima pasakyti*."

Cases are observed when the meaning of the source language is completely changed for no particular reason, e.g., when the reference is made to *Mona Lisa*, the painting:

(4) *SL: The horizon is significantly lower on the left than it is on the right.*
TL: Kairys lūpų kamputis/ gerokai žemiau nei dešinys.

It is known that the actual skyline on one side of Mona Lisa differs from the skyline on the other to create an optical illusion, and this does not have any connection with the smile or lips of Mona Lisa.

The following example is one of the cases of incoherent – or illogical – interpretation of the source text:

(5) *SL: So the Vatican issued secret orders to be opened simultaneously all across Europe.*
TL: Vatikanas išleido slaptą įsakymą vienu/ metu visoje Europoje įsiveržti pas juos.

What follows after is: "The Pope <…> said God had charged him with cleansing the earth from [Knights Templar].", which refers to the *secret orders*. The more accurate translation would be: "*Vatikanas vienu metu visoje Europoje išleido/įgalino slaptus įsakymus*." In addition, there is nothing mentioned about "the invasion" in the source language. Therefore, "the invasion into a secret society, a group of people, *simultaneously all across Europe*" is an illogical translation.

Contextual non-equivalence can disrupt the coherent and consistent flow of the plot:

(6) *SL: In London lies a knight a Pope interred.*
TL: Londone palaidotas riteris Popas.

The knight who the clue refers to is Sir Isaac Newton, not the Pope. This is later clearly explained in the text: "A knight whose funeral was presided over by the Pope." This mistake is repeated several times throughout the film. What is meant to say is: "Londone guli riteris, palaidotas popiežiaus."

(7) *SL: Your precious treasure was almost lost, and with it, my fortune.*
TL: Jūsų brangus lobis buvo beveik prarastas, o su šitais man pasiseks.

After these words, the character gets money for what he has done; therefore, the translation should reflect that, e.g.: "*Jūsų brangus lobis buvo beveik prarastas, o su juo – mano turtas*."

The distortion from the meaning of the dialogue of the source language is quite frequent in the subtitles of *The Da Vinci Code*. Some of the subtitles are inexplicably non-equivalent with no logical connection.

Conclusions

Though according to the study conducted by European Commission (2011) subtitling helps to improve foreign language skills and can also create awareness and provide motivation to learn languages, in both formal and informal contexts, thus contributing to the creation of an environment that encourages multilingualism, the research carried out by the authors of this publication allows for the following conclusions to be made:

1. A translator's role in the aspect of the quality of subtitles is critical. It becomes even more important when subtitled films are watched to improve the knowledge of a particular language as the aims of potential learners and those of a regular audience differ in a number of aspects.

2. The subtitles of films as a means of foreign language learning can improve skills of a person who has a command corresponding to the intermediate level (at least) rather than provide beginner's knowledge of a particular foreign language. Thus, subtitles are not suitable for learning single lexical units as there is no one-to-one relation between word and meaning.

3. Even though a number of translation errors can be observed throughout the film, the messages in most cases remain fairly easy to grasp. Therefore the use of the subtitling techniques does not make much negative impact on foreign language acquisition when one already has a good command of the foreign language in question; however, translation errors that impair the quality of subtitles must be avoided.

REFERENCES

BAKER, M. 1992. In Other Words: A Coursebook on Translation. London: Routledge
BARAVYKAITĖ, A. 2005. Filmų vertimo problematika. In: *Kalbotyra*. Vilnius: Vilnius University
BARAVYKAITĖ, A. 2007. Kino filmų tirai kaip kalbų mokymosi priemonė. In: *Kalbotyra*. Vilnius: Vilnius University
BAYON, V. 2004. Exploiting Films and Multiple Subtitles Interaction for Casual Foreign Language Learning in the Living Room. In: http://www.virart.nott.ac.uk/idue/pdf/icec2004.pdf Accessed September 25, 2012
BROWN, K. 2005. *Encyclopedia of Language and Linguistics – 2nd Edition*. Cambridge: CUP
European commision.201. In: http://eacea.ec.europa.eu/llp/studies/documents/study_on_the_use_of_subtitling/resume-en.pdf
GOTTLIEB, H. 2005. Multidimensional Translation: Semantics turned Semiotics. In: http://euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_Gottlieb_Henrik.pdf Accessed September 20, 2012
LIONTAS, J. I. 2002. CALLMedia Digital Technology: Whither in the New Millenium? In: CALICO Journal

NAKHIMOVSKY, A. 1997. A Multimedia Authoring Tool for Language Instruction: Interactions of Pedagogy and Design. In: Journal of Educational Computing Research
PEMBERTON, L. 2002. The Potential of Interactive Television for Delivering Individualised Language Learning. In: http://cmis.mis.brighton.ac.uk/staff/lp22/Pemberton.pdf
SAKUNKOO, N., SAKUNKOO, P. 2009. GliFlix: Using Movie Subtitles for Language Learning. In: http://graphics.stanford.edu/~sakunkoo/gliflix/gliflix_uist_09_demo_paper.pdf Accessed September 24, 2012
SOKOLI, S. 2006. Learning via Subtitling (LvS): A tool for the creation of foreign language learning activities based on film subtitling. In: http://independent.academia.edu/StavroulaSokoli/Papers/188910/Learning_via_Subtitling_LvS_A_Tool_for_the_Creation_of_Foreign_Language_Learning_Activities_Based_on_Film_Subtitling Accessed September 25, 2012
SCHWARZ, B. 2002. Translation in a Confined Space. In: Translation Journal: http://accurapid.com/journal/.
UNDERWOOD, J. 2012. Language Learning and Interactive TV. In: http://betsie.aberdeen.ac.uk/cgi-bin/betsie/0005/www.csd.abdn.ac.uk/~jmasthof/FutureTV02.pdf#page=10 Accessed September 13, 2011

Loreta Ulvydienė
Gintarė Aleknavičiūtė
Vilniaus universitetas, Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva

KINO FILMŲ TITRAI KAIP UŽSIENIO KALBŲ MOKYMOSI PRIEMONĖ

Santrauka

Vertimas yra neatskiriama užsienio kalbų mokymosi dalis, todėl įvairių vertimo rūšių tyrinėjimas yra tiek pat svarbus, kiek ir pati vertimo teorija bei praktika. Viena tokių rūšių – kino filmų vertimas pasitelkiant titrus. Straipsnio autorės kelia klausimą, ar kino filmų subtitrai gali būti naudojami kaip viena užsienio kalbų mokymosi priemonių.

Titravimas kaip audiovizualaus vertimo rūšis unikalus tuo, kad originalus garso takelis išlieka švarus ir nepakitęs, todėl titravimas laikomas tinkamiausia audiovizualaus vertimo rūšimi užsienio kalboms mokytis.

Straipsnyje apžvelgiami ir analizuojami pagrindiniai subtitravimo, kaip kalbų mokymosi priemonės, teigiami bei neigiami aspektai atsižvelgiant į pačią vertimo teoriją, filmų vertimą bei vertėjo rolę vertimo procese. Iš praktinės dalies analizei pasirinkto „Da Vinčio kodo“ (orginalo kalba – anglų, titrai – lietuviški) pateikti pavyzdžiai atspindi pagrindinius filmų vertimo metodus, neatitikimą (gramatinį ir reikšmės) tarp originalo ir vertimo kalbų, logines klaidas, kurioms siūlomos alternatyvos.

Teorinė titrų kaip užsienio kalbų mokymosi priemonės apžvalga bei vieno konkretaus pavyzdžio – „Da Vinčio kodo“ – analizė leidžia daryti išvadą, kad titravimas nėra tinkama priemonė mokytis užsienio kalbų pradedantiesiems, nes įvairios originalo kalbos modifikacijos, kalbos struktūrų pakeitimas, leksinis neatitikimas, ribotas laikas perskaityti ir suvokti titrus reikalauja atitinkamų žinių; kitaip žmogus, besimokantis tam tikros užsienio kalbos, gali būti suklaidintas, ir pats mokymosi procesas gali pasirodyti per daug įtemptas. Straipsnyje prieinama prie išvados, kad kino filmų subtitrai gali būti naudojami tik kaip viena iš užsienio kalbų mokymosi priemonių gilinant jau turimas užsienio kalbos žinias ir lavinant klausymo įgūdžius.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: kino filmų titrai, titravimas, titravimo būdai, audiovizualinis vertimas, kalbų mokymasis

Ольга Петриашвили
Сухумский государственный университет,
ул. А.Политковской 9, 0186, Тбилиси, Грузия
Эл. почта: olga.petriashvili@gmail.com
Научные интересы: история славянской литературы, теория литературы, литературные взаимосвязи и перевод

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.А. БУНИНА-ПЕРЕВОДЧИКА

За свою долгую жизнь (1870-1953) Иван Алексеевич Бунин создал множество произведений, Полное собрание его сочинений составляет девять томов. Это повести и рассказы, стихи и путевые очерки, роман «Жизнь Арсеньева». Особое место в его творчестве занимает переводческая деятельность, он перевел на русский язык «метафизические» драмы Джорджа Гордона Байрона «Манфред», «Каин» и «Небо и земля», поэму Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате», четыре фрагмента из поэмы Лонгфелло «Золотая легенда», несколько сонетов из знаменитых «Крымских сонетов» Адама Мицкевича, поэму Альфреда Теннисона «Годива», стихотворения Альфреда де Мюссе, Леконта де Лиля, Т.Г.Шевченко и других. *Переводы И.А.Бунина до сих пор по праву считаются одними из лучших. В 1903 году И.А. Бунин был удостоен Пушкинской премии Российской академии наук за перевод поэмы Генри Лонгфелло. И.А. Бунин занимался переводами в процессе собственного литературного творчества, причем так, что его несомненное и неоспоримое поэтическое мастерство обогащало переводы, а занятия переводами обогащали его собственное творчество. И.А. Бунину, первому из русских писателей, в 1933 году была присуждена Нобелевская премия в области литературы за строгое мастерство, с которым он развивал традиции русской классической прозы. В 2004 году в России была учреждена литературныя премия имени Бунина.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: первая Нобелевская премия для России по литературе, Бунин-переводчик, творческая деятельность

За свою долгую жизнь (1870-1953) Иван Алексеевич Бунин создал множество произведений, Полное собрание его сочинений составляет девять томов. Это повести и рассказы, стихи и путевые очерки, роман «Жизнь Арсеньева». Особое место в его творчестве занимает переводческая деятельность, он перевел на русский язык «метафизические» драмы Джона Гордона Байрона «Манфред», «Каин» и «Небо и земля», поэму Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате», четыре фрагмента из поэмы Лонгфелло «Золотая легенда», несколько сонетов из знаменитых «Крымских сонетов» Адама Мицкевича, поэму Альфреда Теннисона «Годива», стихотворения Альфреда де Мюссе, Леконта де Лиля, Т. Г. Шевченко и других. Результатом его переводческой деятельности стало то, что именно бунинские переводы до сих пор по праву считаются одними из лучших. И.А. Бунин занимался переводами в процессе собственного литературного творчества, причем так, что его несомненное и неоспоримое поэтическое мастерство обогащало переводы, а занятия переводами, работа над ними, безусловно, обогащали его собственное творчество. Закономерно, что именно И.А. Бунину, первому из русских писателей, в 1933 году была присуждена Нобелевская премия в области литературы за строгое мастерство, с которым он развивал традиции русской классической прозы.

Как известно, роль медиатора в диалоге культур и цивилизаций всегда играло и продолжает играть искусство во всех своих видах и жанрах. Некоторые виды искусства, в особенности, изобразительные (архитектура, скульптура, живопись, а также музыка, танец, балет, цирк) понятны людям без слов и потому не нуждаются ни в каком переводе. Но литература (поэзия, проза, драма), как искусство слова, равно как и любой письменный текст, для миллионов людей нашего многоязычного мира нуждается в переводе.

Современная концепция межкультурных коммуникаций органично включает в себя диалог культур, в котором важнейшее место занимают переводы письменных текстов с одного языка на другой. Гораздо сложнее обстоит дело с переводом художественных текстов, в особенности, поэзии. На этот счет существуют крайние точки зрения, вплоть до того, что перевод стихов якобы вообще невозможен из-за специфики каждого национального языка. И тем не менее поэтические переводы – важная составная часть мировой литературы, которая как раз и существует в таком качестве, благодаря художественным переводам как современных авторов, так и классиков минувших эпох.

Известный современный переводчик Владимир Тихомиров называет процесс работы над переводом «воспроизведением» оригинала на другом языке, при помощи присущих этому языку выразительных средств и поэтики, он убежден, что литературными переводами должны заниматься не филологи-лингвисты, а поэты. Иногда, считает Владимир Тихомиров, имя переводчика даже отождествляется с именем автора. Как зовут русского Лонгфелло? Иван Алексеевич Бунин (Тихомиров 2003). Поэма Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе И.А. Бунина – это явление русской литературы. Талантливый переводчик стал равноправным соавтором поэмы, а его блестящий перевод принадлежит к числу непревзойденных шедевров.

Талант переводчика проявился у И.А. Бунина очень рано. Уже в отрочестве перевод стал важной областью словесного творчества для писателя: еще тогда, когда «своего не печатал», он выучил английский язык и переводил «Гамлета». Владея всеми художественными средствами выразительности русской словесности, И.А. Бунин был признан лучшим стилистом русской литературы конца XIX – начала XX века. В докладе «Искусство стихотворного перевода», прочитанном в 1936 г., М.Л. Лозинский писал: «Функция переводных произведений двоякая: 1) эстетическая – как произведений художественных и 2) познавательная – как памятников, которые знакомят нас с другой страной, с другой эпохой, с другой культурой, с новым для нас строем мысли и чувств» (Лозинский 1987, с. 93).

Работу над переводом «Песни о Гайавате» И.А. Бунин начал в 1896 году, когда ему было 26 лет. Именно тогда в газете «Орловский вестник», с мая по сентябрь 1896 года, стал печататься перевод поэмы, а в конце того же года «Орловский вестник» выпустил отдельной книгой полный текст «Песни о Гайавате» на русском языке в переводе И.АБунина. В дальнейшем в России бунинский перевод поэмы Лонгфелло выходил в 1898, 1899, 1903, 1915, 1916, 1918, 1921 годах.

В 1903 году Иван Алексеевич Бунин был удостоен Пушкинской премии Российской академии наук за перевод поэмы Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

В одном из ранних вариантов предисловия к своему переводу «Песни о Гайавате» И.А. Бунин писал: «Я работал с горячею любовью к произведению, дорогому для меня с детства и с полною добросовестностью, этой слабой данью моей благодарности великому поэту, доставившему мне столько чистой и высокой радости» (Бунин 1988, с. 542). Поэтому не приходится удивляться, что Бунин неутомимо и упорно, от издания к изданию, вплоть до последнего прижизненного издания, шлифовал свой перевод. Это была в подавляющем большинстве случаев не смысловая, а стилистическая правка. В статье «Портрет или копия?», посвященной проблемам перевода, С.Я. Маршак писал: «Русский поэтический язык, которым в таком совершенстве владел Бунин, придал его «Гайавате» новую свежесть, новое очарование. Такое совершенство перевода достигается не только размерами таланта и силою мастерства. Надо было знать и любить природу, как Бунин, чтобы, создать

поэтический перевод «Гайаваты». Одного знания английского текста было для этого недостаточно» (Маршак 1990, с. 211).

История обращения И.А. Бунина к переводу произведений Джорджа Гордона Байрона «Манфред» (1901), «Каин» (1905) и «Небо и земля» (1909) предстает в контексте его переводческой деятельности и является свидетельством общего повышенного интереса в России к переводам на рубеже XIX – XX вв. В то же время она определяется внутренней, личной потребностью И.А. Бунина в переводе, связанной, в том числе, с романтическими корнями его творчества.

Мнения о достоинствах и недостатках переводов И.А. Бунина высказывались еще при его жизни. Великий князь Константин Константинович Романов, русский поэт и переводчик, известный под псевдонимом «К.Р.», в своей рецензии «Отзыв на стихотворения И.А.Бунина» (1908) высказал такую точку зрения на переводы И.А.Бунина: «Г. Бунин хорошо владеет стихом, который у него безукоризнен с внешней стороны. В этом отношении мы имеем дело не с начинающим писателем, а со стихотворцем, победившим черный труд изложения поэтической мысли столь же поэтической речью... Более половины четвертого тома г. Бунина занимает перевод Байроновой мистерии «Каин». Надо отдать справедливость переводчику, его труд читается легко, почти нигде не заметно, что передача английских стихов должна была стоить большого, упорного труда; слог прост, ясен, гладок, даже звучен. <…> По прочтении «Каина» в переводе г. Бунина, хочется поздравить его с прекрасно проделанной работой, которая, передавая по-русски чудесное произведение бессмертного английского поэта, представляет собой ценный вклад, обогащающий нашу переводную литературу. Но, к сожалению, это отрадное впечатление значительно ослабевает при внимательном сличении перевода с подлинником» (К.Р. 2001, с.297). Сторонник классических традиций в литературе, поэт К.Р. критикует переводчика И.А. Бунина за пропуски и искажения текста, в чем видит отступление от традиций перевода.

Истина, по-видимому, лежит где-то посередине. «Путь Бунина-переводчика, сопоставленный с переводческими принципами других художников Серебряного века – К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, определяется как «срединный», основанный на представлениях о необходимости сохранения в переводе внутреннего и внешнего сходства с оригиналом, с одной стороны, и о значимости естественного вхождения перевода в «свою» культурную традицию, с другой. Об этом свидетельствуют и собственно бунинские высказывания о переводах, его переписка, касающаяся работы над переводами из Байрона, а также тематически соотнесенные свидетельства его жены В.Н. Муромцевой-Буниной и биографа А.К. Бабореко». (Климова 2009, с. 15).

Бунинские переводы «метафизических» драм Байрона органично и прочно вошли в русское читательское сознание как явление русской национальной культуры. В то же время переводы сохраняют дистанцию между «своим» и «чужим» в передаче байроновских смыслов на всех уровнях переводимого текста. Сопоставление байроновских драм с бунинскими переводами приводит к выводу о глубинной диалогичности перевода, устанавливающего тонкие связи между оригинальным текстом иной эпохи, иного культурного и языкового мира и современной эпохой, национальной культурой и своим национальным языком.

В 1901 И.А. Бунин перевел три сонета Адама Мицкевича: «Аккерманские степи», «Чатырдаг», «Алушта ночью» (Бунин 1988, с. 514). Интерес к творчеству выдающегося польского поэта не был случайным. Тематика Мицкевича была созвучна музе русского поэта, Бунин-переводчик знал и любил Причерноморье. И.А. Бунин уже в юности стал изучать польский язык, чтобы в подлиннике читать Мицкевича. Форма двух сонетов вольная, что характерно для французской школы сонетов. «Аккерманские степи» продолжают строфическую традицию Петрарки, например, сонет CX «Опять я шел, куда мой бог – гонитель…» Адам Мицкевич был высокообразованным человеком, поэтом, влюбленным в лирику Данте и Петрарки. Прекрасное знание поэзии Ренессанса, владение техникой стиха вдохновили возвышенного романтика Мицкевича на создание любовных

сонетов и цикла «Крымские сонеты». Сонеты не были подражательными, в них отразились глубокие переживания поэта, трагедия его судьбы, горькая память о его родине. «Крымские сонеты» появились в результате путешествия Мицкевича по югу России. В этих стихотворениях, написанных вдали от Польши, Мицкевич выразил переживаемое им в годы изгнания чувство тоски по родине. Одна из основных особенностей сонетов заключается в пронизывающей их глубине чувства. О чем бы ни писал поэт: о просторах аккерманских степей, о морской буре, о безмолвной красоте Бахчисарая или о тишине крымской ночи, – в его стихах всегда ощущается скрытая грусть по родине, его раздумья о своей судьбе изгнанника. Сонеты Мицкевича – это его поэтический дневник, страницы которого овеяны грустью, порожденной воспоминаниями о просторах родных полей и лесов.

В «Крымских сонетах» читателю представлен подлинный, воочию увиденный Крым, реальный «Восток в миниатюре». И это весьма знаменательно для такого романтика, как Мицкевич. Следует сказать, что «Крымские сонеты» Мицкевича стали органической частью общелитературного процесса и оказали влияние на развитие русского сонета, особенно в конце 20-х – 30-е гг. XIX века. Не исключено, что сонет М.Ю. Лермонтова «Я памятью живу с увядшими мечтами…» создан под влиянием Мицкевича. С достаточной долей уверенности можно сказать, что и форма сонета в лирике И.А. Бунина стала формироваться не без влияния Мицкевича. И.А. Бунин отмечал в «Автобиографической заметке»: «Во мне никогда не рождалось желания писать под воздействием чужого писания. Но, конечно, чужое хорошее всегда возбуждает желание писать» (Бунин 1988, с. 11). Уже в 1903 году И.А. Бунин пишет сонет «Там, на припеке, спят рыбацкие ковши…», в котором воссоздан пейзаж одного из крымских уголков. Позднее, в 1908-1909 годах появляются сонеты на библейские сюжеты: «Бог», «Саваоф», сонеты с восточной экзотической тематикой: «Полдень», «Рассвет», «Бедуин». Поэту понравились эксперименты в области формы, и он продолжил работать в сонетной форме и дальше («Кончина святителя», 1916).

В первом из переведенных сонетов Мицкевича – «Аккерманские степи» – Бунина-переводчика привлекают мотивы одиночества, изгнанничества, стремления к свободе, которые являются лейтмотивом всего цикла сонетов. Безбрежность. бескрайность степной равнины вызывает у поэта ассоциативную связь с океаном. Как в бескрайних морских просторах царит величественная тишина, так и в степи все безмолвствует. Постепенно яркие краски степи гаснут. О наступлении ночи поэт говорит одним-единственным словом «темнеет». Таинственность ночи стирает границы между реальным и нереальным, предметы и явления предстают в ином облике. Поэт и переводчик Бунин в конце третьей строфы создает стройную систему опорных звуков: **с – з – ж – ш – ш – з**. Благодаря этой системе формируется звуковой образ – образ ползущего ужа. «Как где-то **с**коль**з**кий у**ж**, **ш**ур**ш**а, в бурьян пол**з**ет». Поэт и природа связаны воедино, в их единстве и слитности есть родственная связь, и это чувство прекрасно передано в произведении.

«Алушта ночью» Мицкевича – живописная романтическая картина ночного крымского пейзажа, который носит ярко выраженный музыкально-эмоциональный характер. Выросший на севере Европы, Мицкевич очень точно воспроизводит особенности южного вечера. Южане, воспринимают как очевидное и не задумываются над тем, как быстро заходит солнце и наступает ночь. Для петербуржцев, жителей северных широт с закатом солнца не приходит тьма и еще некоторое время довольно светло, а в определенный летний период (июнь) ночь вообще теряет свои права и наступают волшебные «белые ночи». Как писал об этом А. С. Пушкин в поэме «Медный всадник»:

Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла (Пушкин 1985, 174).

В сонете «Алушта ночью» природа оказалась во власти двух стихий – ночи и сна. Мир погрузился во тьму, которая заглушила все звуки. Но постепенно чуткое ухо поэта начинает

слышать голоса природы, которая не полностью покорилась власти тьмы: «В полусне журчат ручьи», а розы поют «беззвучную песню». С тонкой наблюдательностью поэт подмечает реальные черты романтической картины ночи – усиление аромата цветов в это время суток. Мицкевич вводит в сонет образ розы – символ любви на Востоке, и далее начинает развивать тему любви, опять-таки в ориентальном стиле, ночь превращается в возлюбленную, страстную одалиску, дарящую любовь. Этим экспрессивным финалом Мицкевич заканчивает свой сонет «Алушта ночью».

С.С. Аверинцев писал: «Романтический поэт ощущает себя личностью, и личностью чуть ли не самодостаточной, с такой эмфазой, с какой никто и никогда этого еще не делал; но именно романтический поэт, столь резко чувствующий «свое», исключительность «своего», открывает и делает особой поэтической темой «чужое» как таковое – «местный колорит» определенной эпохи или определенного народа, специфическую своеобычность чужого голоса» (Аверинцев 1985, с. 560-561).

Бунин-переводчик уделяет внимание самобытным чертам оригинала и стоящей за ним реальности, стремление воспроизвести в переводе особенности иноязычной национальной культуры являются главной чертой романтической школы в переводе. У поэта-переводчика была собственная эстетическая задача, которая заключалась в том, что перевод был средством самовыражения, самораскрытия личности. Когда в процессе работы особенности оригинала не помогали решению этой задачи, то переводчик перерабатывал материал таким образом, чтобы выявить в нем неосуществленные, с точки зрения переводчика, возможности. Основной функцией переводного текста оказывалась эстетическая, а познавательная функция переходила на второй план.

Бунин-переводчик прекрасно сумел передать приемы звукописи сонетов Мицкевича. Романтики придавали большое значение музыкальности стиха. Поэты видели в звукописи дополнительное и сильное средство создания образной речи. Это музыкальная образность, которая сближает язык слов с языком музыки. В представлении романтиков музыка – единственный язык, который способен выразить невыразимое. Звуковую изобразительность, аллитерационные находки Мицкевича, его музыкальность отмечал Валерий Брюсов. На это обращали внимание поэты и переводчики, в частности, Максим Рыльский, а также композиторы, писавшие музыку на тексты Мицкевича.

В стихотворении есть не только ведущая образная тема, И.А. Бунин с помощью сонорных ***р, л, м, н*** (составляют свыше трети всех согласных стихотворения) мастерски формирует и музыкальную тему сонета. При этом аллитерация является не просто приемом, звуковые повторы не только делают поэтическую речь плавной и выразительной, но и создают особую связь слов, выявляя дополнительные оттенки и значения.

Алушта ночью

Повеял ветерок, прохладою лаская.
Светильник мира пал с небес на Чатырдах,
Разбился, расточил багрянец на скалах
И гаснет. Тьма растет, молчанием пугая.

Чернеют гребни гор, в долинах ночь глухая,
Как будто в полусне журчат ручьи впотьмах;
Ночная песнь цветов – дыханье роз в садах –
Беззвучной музыкой плывет, благоухая.

Дремлю под темными крылами тишины.
Вдруг метеор блеснул – и, ослепляя взоры,
Потопом золота залил леса и горы.

Ночь! Одалиска-ночь! Ты навеваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнет –
Твой искрометный взор тотчас же снова вспыхнет!

Литературные заслуги Ивана Алексеевича Бунина были высоко оценены его современниками. Ему были присуждены следующие награды и звания:

1903 г. Удостоен Пушкинской премии за поэтический сборник «Листопад» и перевод поэмы Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

1909 г. Удостоен второй Пушкинской премии.

1909 г. И.А. Бунин избран почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности.

1911 г. Присуждена Золотая Пушкинская медаль за перевод мистерий Джорджа Гордона Байрона.

1915 г. Присуждена вторая Золотая Пушкинская медаль.

1933 г. И.А. Бунину присуждена Нобелевская премия в области литературы «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы».

Иван Алексеевич Бунин занимает особое место в истории русской литературы. Выдающаяся чистота языка, отчетливость внутреннего рисунка в образах и совершенная цельность построения – все эти черты мастерства, присущие этому писателю как ярчайшему представителю классического периода русского реализма, делают произведения Бунина законченными литературными образцами. В 2002 году московское издательство «Воскресенье» начало издание нового Полного собрания сочинений И.А. Бунина. Планировалось выпустить 13 томов, куда, кроме «классического» Бунина, предполагалось включить «Окаянные дни», Дневник писателя, дневник его жены В.Н. Муромцевой-Буниной, дневник Галины Кузнецовой, Нобелевскую речь писателя, его обширную переписку. Но в процессе работы были найдены новые, неизвестные ранее материалы, касающиеся жизни и творчества И.А. Бунина, и были подготовлены дополнительные 3 тома. К 2007 году издательский проект был завершен.

Спустя 100 лет после того, как И.А. Бунин в 1903 году получил свою первую, Пушкинскую премию за оригинальное творчество и переводческую деятельность, в октябре 2004 года, учитывая огромный вклад Ивана Алексеевича Бунина в русскую литературу, группа российских ученых и общественных деятелей решила учредить Бунинскую премию. Учредителями премии являются Московский гуманитарный университет, Общество любителей российской словесности, Национальный союз негосударственных вузов, Национальный институт бизнеса, Институт современного искусства.

Эта премия является регулярной негосударственной наградой за крупный вклад в русскую словесность и присуждается ежегодно. Она носит персональный характер и присуждается одному соискателю – автору романов, повестей, сборников стихов и рассказов. Бунинская премия состоит из денежного вознаграждения, диплома, медали Лауреата и Финалиста и удостоверения к ней.

ЛИТЕРАТУРА

АВЕРИНЦЕВ, С. С., 1985. Размышления над переводами Жуковского. *Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах.* Т. 2. Москва: Радуга, 320 с.

БАБОРЕКО А. К., 1968. И. А. Бунин о переводах // Мастерство перевода. Москва : Советский писатель, 533с.С. 374–388

БУНИН, И. А., 1988. Собрание сочинений в четырех томах. Т.4. Москва: Правда, 560 с.

БУНИН, И. А., 1988. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. Москва: Правда, 480 с.

КЛИМОВА, С. Б., 2009. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород: 24 с.

К.Р., 2001. Отзыв о стихотворениях И. Бунина. *И.А.Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей*: Антология / Русский Христианский гуманитарный институт, Российская академия образования; Отв. ред. Д. К. Бурлака; Сост. Б. В. Аверин и др. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1015 с.

ЛОЗИНСКИЙ, М. Л., 1987. Искусство поэтического перевода. *Перевод – средство взаимного сближения народов.* Москва: Прогресс, 168 с.

МАРШАК С.Я., 1990. Портрет или копия? *Искусство перевода.* Собрание сочинений в четырех томах. Т.4. Москва: Художественная литература, 542 с.
ПУШКИН, А. С., 1985. Сочинения в трех томах. Т. 2. Москва: Художественная литература, 328 с.
ТИХОМИРОВ, Владимир, 2003. «Русский журнал»,. http://old.russ.ru/krug/20030122_kalash.html

Olga Petriashvili
Sokhumi State University (in Tbilisi), Georgia
Research interests: Modern Slavic Literature, Literary Theory, Literary relationships and translation

THE CREATIVE ACTIVITY OF I.A. BUNIN-TRANSLATOR

Summary

During his long life (1870-1953) Ivan Alekseevich Bunin created a great number of works. His complete works comprise nine volumes. These are tales and short stories, poetry and travel notes, the novel "The Life of Arsenjev". Translational work is of particular importance in his writing activities. He translated into Russian the "metaphysical" dreams of George Gordon Byron such as"Manfred", "Cain" and "The Heaven and the Earth", the poem by Henry Longfellow "The Golden Legend", some sonnets from the famous "Crimean Sonnets" of Adam Mickiewicz, Alfred Tennyson's "Godiva", some verses of Alfred de Musset, Leconte de Lisle, T.G. Shevchenko etc. So far the translations of I.A. Bunin are considered the best ones. In 1903 I.A. Bunin was honored with Pushkin prize of the Russian Academy of Sciences for the translation of the poem by Henry Longfellow. I.A. Bunin was engaged in translating in the process of his literary activities, and, moreover, his undoubted irrefutable poetic mastery enriched his own creativity. Among Russian writers I.A. Bunin was the first to win the Nobel prize in literature for his mastery with which he developed the traditions of Russian classical prose. In 2004 Bunin Literary Prize was established in Russia.

KEY WORDS: the first Russian Nobel Prize winner in Literature, Bunin-translator, creative activity

Живиле Немицкене
Вильнюсский университет Каунасский гуманитарный факультет
ул. Муйтинес, 8, LT-44280, г. Каунас, Литва
E-mail: zivil@takas.lt
Научные интересы: теория и практика перевода
Ауксе Каклаускайте
Вильнюсский университет Каунасский гуманитарный факультет
ул. Муйтинес, 8, LT-44280, г. Каунас, Литва
E-mail: aukseliukas@hotmail.com
Научные интересы: теория и практика перевода

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА СИСТЕМЫ «GOOGLE TRANSLATE» С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ И ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫКИ

Система Google Translate является объектом пристального внимания ученых, которые анализируют причины несовершенного перевода. Основная цель проекта системы машинного перевода – создать продуктивные и качественные системы машинного перевода. В современном машинном переводе возможны три разных метода перевода: прямой (direct), переносный (transfer) и межъязыковой (interlingual). Предполагалось, что системы гибридного машинного перевода, основаные на нескольких моделях перевода, т.е. на правилах и статистике, и являются будущим машинного перевода. Система Google translate опирается на статистику, а не на правила. Основной принцип Google translate это разнообразие переводимых текстов. Пользователи могут включать свои переводы в базу данных и комментировать их. Однако Google translate помогает понять только контекст, а не грамматику. Переводчик-человек использует трансформации перевода тогда, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста. В классической теории перевода выделяются четыре основных типа трансформаций: перенос, замена, вставление и пропуск. В практической части статьи анализируются ошибки перевода системы «Google translate» с английского на русский и литовский языки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, система Google Translate, трансформации

Бурное развитие компьютерной техники в XX в. внесло значительные изменения в саму суть перевода. В современном компьютерном мире переводчики с трудом обходятся без электронных средств, таких как электронные словари, навигатор всемирной сети и электронные переводчики. Создание компьютера, его развитие компьютерных технологий побудило ученых создать программу, которая могла бы заменить переводчика-человека и таким образом сделать перевод доступным для любого человека.

В нашем веке существует много интернет-сайтов, которые переводят тексты. *Система Google Translate* является одним из них и очень популярной среди пользователей Интернета. Однако возникает много вопросов по поводу качества переводов, выполненных при помощи таких программ. *Система Google Translate* является объектом пристального внимания ученых, которые анализируют причины несовершенного перевода.

Объектом исследования являются переводы системы Google Translate и переводы, выполненные переводчиком с английского на литовский и русский языки.

Цель статьи – выяснить особенности и основные ошибки в переводах системы Google Translate с английского на литовский и русский языки.

Методами исследования являются анализ научной литературы по проблемам и особенностям машинного перевода, сравнительно-сопоставительный метод, аналитический переводческий комментарий и метод классификации (5 основных типов трансформаций перевода) и систематизации трансформаций.

Теоретической базой исследования послужили работы Армалите О. и Пажусис Л., Комиссаров В.Н., Андреева Е. В. (работы о теории перевода), Хатчинс Дж., Римкуте Е., Ковалевскайте Е. (работы о машинном переводе) и другие.

Идея машинного перевода появилась еще в XVII веке, но основные принципы «машинного перевода» были сформулированы в 1933 году. Основная цель проекта системы машинного перевода – создать продуктивные и качественные системы машинного перевода. (Rimkutė 2007, с. 1-2). Машинный перевод был дороже, чем перевод человека, а сам перевод – низкого качества, поэтому долгое время он казался пустой тратой времени и средств. Системы первого поколения опирались на алгоритмы и переводили, опираясь только на словари. В 1990 году появились две совершенно новые технологии машинного перевода. Одна технология «больше опиралась на коллекцию текстов в памяти машины» (Baker 2005, с. 143), а другая – на статистику. Две совершено противоположные технологии опирались на лингвистику, т.е. на грамматические правила и алгоритмы. Первая модель накапливает большое количество слов и имеет лексические эквиваленты в базе данных. Вторая модель включает в себя небольшое количество слов, т.е. только раннее переведенные слова.

Возможны три разных метода машинного перевода: прямой (direct), переносный (transfer) и межъязыковой (interlingual). Далее, машинный перевод можно разделить на два типа: на адекватный перевод (известен как *knowledge-based machine translation* и перевод, основанный на базе данных (data-driven machine translation) (Goodman, 1991). Перевод, основанный на базе данных, можно делить на машинный перевод, основанный на примере (example-based machine translation) и машинный перевод, основанный на статистике (statistical machine translation).

Адекватный перевод так же известен как классический способ машинного перевода *classical approach*. Выделяются два типа адекватного перевода – переносный (transfer) и межъязыковой (interlingua). Оба типа используются в машинном переводе. Основной принцип этого перевода опирается на анализ структуры предложения, на словарь и на свод грамматических правил обоих языков. Выделяются несколько этапов адекватного перевода. В начале *система* проводит морфологический анализ текста. Определяет части речи слов, устанавливает число, лицо существительных и т.д. Далее производиться анализ и синтез групп слов. На этом этапе *система* подбирает подходящее по смылу значение слова. *Система* также объединяет отдельные слова в группы по частям речи. На третьем этапе переводимый текст анализируется синтаксически. *Система* ищет сказуемое, подлежащее, и, если не находит, тогда в предложении употребляется повелительное наклонение или безличный глагол. Устанавливается тип предложения, сложное или простое, и границы сложного предложения. На последнем, четвертом, этапе выполняется синтез текста на языке перевода. «Происходит согласование элементов внутри групп, сказуемого и зависимых от него слов, уточняется порядок слов в предложении. Программа использует множество алгоритмов, которые помогают составить вариант перевода с учетом грамматических и других особенностей того или иного языка» (Андреев 2007, online).

Перевод, основанный на базе данных (data-driven machine translation), является новым, совершенно иным способом перевода. Цель создания – заменить человека-переводчика. Перевод, основанный на базе данных, делится на машинный перевод, основанный на примере и машинный перевод, основанный на статистике.

В методе, основанном на примере, используются двуязычные собрания параллельных текстов. Эти тексты составляют основу базы данных, которая называется памятью перевода (translation memory) (Baker M. 2005, с. 148). Этот способ перевода основан на аналогии.

Статистическая технология перевода не употребляет лингвистических алгоритмов, а опирается на вычисление возможных статистических вероятностей совпадений. Для работы этой системы необходимы огромные базы параллельных текстов, где попарно хранятся словосочетания и их переводы, так называемые N-граммы, используется механизм статистического анализа. *Система* подбирает вариант с высоким процентом совпадаемости (Андреев 2007, online).

Основным недостатком этой модели является то, что она не анализирует грамматические правила оригинала и языка перевода. А чтобы получить достаточно хороший перевод, надо иметь очень большую базу N-грамм. Это значит - чем больше переведенных текстов и N-грамм, тем лучше. N-грамма – это тип специальной модели, который угадывает появление слова в тексте по определенной формуле (Андреев 2007, online).

В конце XX века, когда появились системы гибридного машинного перевода, основаные на нескольких моделях перевода, т.е. на правилах и статистике, предполагалось, что это и есть будущее машинного перевода. В настоящее время создается многомашинный способ, который охватывает тексты различных моделей перевода.

Система Google translate опирается на статистику, а не на правила. Основные принципы *Google translate* это ограничение параграфов и разнообразие переводимых текстов. Более того, пользователи имеют возможность включить свой перевод в базу данных и комментировать его. Несмотря на это, *Google translate* помогает понять только контекст, а не грамматику.

Переводчик-человек использует трансформации перевода тогда, «когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста» (Комиссаров 1990, с. 172). В классической теории перевода выделяются четыре основные типы трансформаций: перенос, замена, вставление и пропуск. Если единица не имеет эквивалентов в языке перевода, применяются лексических трансформаций – транскрипции и транслитерации (Комиссарова 1990, с. 173). Теоретической основой практического анализа и станет классификация трансформаций Комиссарова (1990).

Перенос (транспозиция) это изменение порядка слов в переводе чаще всего применяется в переводе с английского языка. В английском языке «предложение составляется, опираясь на синтаксическую функцию слов и словосочетаний, а в литовском языке важнее логика» (Navickienė 2010, с. 45). *Замена* используется очень часто в переводах и имеет много видов. Здесь может меняется форма слова, часть речи, структура предложения и лексика. Замены могут быть лексические, грамматические и лексико-грамматические (Armalytė 1990, с. 186). Замена формы слова – это одино из грамматических замен. Как известно, в английском и русском языках есть единственное и множественное число и имена существительные в оригинале имеют ту же форму, что и в переводе. Но иногда бывают случаи, когда число не совпадает. Замена частей речи – самый популярный тип замен (Комиссаров 1990, с. 181). Изменения структуры сложного предложения, может проявляться (1) заменой простого предложения сложным, (2) сложного простым, (3) заменой главного предложения подчинённым и наоборот, (4) замена союзных предложений бессоюзными и наоборот (Комиссаров 1990, с. 183).

Второй тип трансформаций противоположен первому - происходит членение предложения, и синтаксическая структура предложения языка оригинала преобразуется в две или более предикативные структуры переводящего языка (Комиссаров 1990, с. 179). Третий тип синтаксических трансформаций наблюдается редко и применяется при переводе предложения со словами *while* или *when* (Armalytė 1990, с. 202). Синтаксическая трансформация четвертого типа применяется в предложениях с союзами. В английском языке часто используются союзные, а в литовском и русском языках – бессоюзные конструкции (Комиссаров 1990, с. 183).

Трансформация *лексика-семантической замены* значение которых не совпадает со значениями исходных единиц и используется, когда отсутствует аналог в другом языке. В этом случае используется лексическая замена (Комиссаров 1990, с. 174). *Конкретизация* – это замена слов и словосочетаний с широким значением на слова с более узким значением слова (Комиссаров 1990, с. 274). *Вставления* или дополнения используются тогда, когда семантические компоненты не имеют формального языкового выражения. Этот метод часто используется в английском языке. Слова, понятны по контексту или избыточные пропускаются. Часто пропускаются собственные местоимения в английском языке.

Транскрипция и транслитерация относятся к лексическим трансформациям. Это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв и звуков переводящего языка (Комиссаров 1990, с. 173). В русском языке «для имен собственных принята норма транскрипции, т.е. передачи звуковой формы иностранного имени» (Гарбовский 2004, с. 470).

Далее приводится сравнительный анализ перевода переводчика и системы «*Google translate*» с английского на литовский и русский языки. В статье будет анализироваться отрывок из книги А. Чужакин «Мир перевода-3». В ходе работы будут сравниваться тексты, переведеные с английского на литовский и русский языки системой *Google Translate*. В первом тексте анализируется перевод, содержащий специальную телекоммуникационную терминологию.

Оригинал: *Nokia 9000i Communicator now supports short messages with up to 2 280 characters, the current standard being 160 characters. With the Text Web service based on Smart Messaging, the end-user is able to obtain information in a simple text format without graphics or logos from the Internet by using the short message service. Text Web information can include flight schedules, weather or traffic reports, or the stock news.*

Перевод *Google Translate* на литовский язык: *NOKIA 9000i komunikatorius dabar palaiko trumpąsias žinutes su iki 2 280 simbolių, dabartinės standartas 160 simbolių. Su Tekstas žiniatinklio paslaugą, pagrįstą Smart Messaging galutinis vartotojas galėtų gauti informaciją, paprastas teksto formatą be grafikos arba logotipus iš interneto, naudojant trumpųjų pranešimų paslauga. Tekstas žiniatinklio informacija gali apimti skrydžių tvarkaraščiai, oro arba eismo pranešimus, arba biržos naujienos.*

Перевод переводчика на литовский язык: *Dabar Nokia 9000i komunikatorius palaiko trumpąsias žinutes iki 2 280 ženklų, kurio dabartinis standartas yra 160 ženklai. Žiniatinklio paslauga, paremta Smart Messaging, tiesioginis vartotojas gali gauti informaciją paprastu teksto formatu, be grafikos arba emblemų iš interneto, naudojantis trumpųjų žinučių paslauga. Teksto žiniatinklio informacija gali būti skrydžių tvarkaraščiai, oro ar eismo pranešimai, ar biržos naujienos.*

Перевод системы *Google translate* в первом предложении пропускает глагол «*being*» и его не переводит. Здесь употреблен способ пропуска. Фраза «*is able to obtain information in a simple text format*» в переводе на литовский язык требует творительного падежа «*gali gauti informaciją paprastu teksto formatu*». Это говорит о неспособности системы согласовать падежи, более того, непонятны причины перевода «*is able to*» в сослагательном наклонении. Хотя словосочетание «*flight schedules*» *система* правильно переводит винительным падежом «*skrydžių tvarkaraščiai*». В следующей фразе «*with the Text Web*» дословно переведен предлог, который переводчик-профессионал пропускает, его перевод: «*teksto žiniatinklio paslauga*». Глагол «*based on*» переведен его первым словарным значением «*pagrįsti*», хотя здесь больше подходит значение «*paremti*», что свидетельствует об отсутствии аналитического отбора подходящего эквивалента в данном случае. Специальный термин «*the end-user*» *система Google translate* переводит как «*galutinis vartotojas*», хотя существует специальный термин «*tiesioginis vartotojas*». Можно заметить, что *Система Google translate* переводит термины, используя только первое словарное значение слова.

Переводчик, переводя первое предложение, использует способ транспозиции, и обстоятельство времени «*dabar*» переносит в начало предложения, тем самым изменяя структуру предложения. *Система* не использует этот метод и переводит дословно, не меняя порядка слов. В этом же предложении переводчик-профессионал применяет трансформацию дополнения, добавляя слово «*kurio*», желая конкретизировать и дополнить текст.

Теперь сравним перевод этого же текста на русский язык.

Перевод *Google translate* на русский язык: *Nokia 9000i Коммуникатор теперь поддерживает короткие сообщения с до 2280 символов, текущий стандарт, являющийся 160 символами. С Текстовым обслуживанием Сети, основанным на Smart Messaging, конечный пользователь способен получить информацию в простом текстовом формате без графики или эмблем от Internet, используя систему передачи коротких сообщений. Текстовая информация Сети может включать список рейса (полета), погоду или сообщения трафика, или новости фондового рынка.*

Перевод переводчика на русский язык: *Nokia 9000i Communicator теперь поддерживает короткие сообщения с до 2 280 символов, текущий стандарт, 160 символов. С помощью службы веб Текст основан на Smart Messaging, конечный пользователь может получить информацию в простом текстовом формате без*

графики и логотипов в Интернете с помощью службы коротких сообщений. Текст веб информация может включать расписания полетов, о погоде или о дорожной ситуации, или биржевые новости.

При переводе на русский язык *система Google translate* совсем не переводит слова «*Communicator*» оставляя его в оригинале. Возможно, этот термин *система* воспринимает как международное слово и его не переводит. Переводчик в этом случае использует метод транслитерации. Такой перевод в данном случае можно признать адекватным, так как название телефона переводить не надо. Переводчик придает своему переводу официально-деловой характер, а перевод *системы Google translate* не обнаруживает каких-либо стилистических характеристик. Например, фраза «*with the Text Web service*» переводиться дословно, без изменения порядка слов «*с помощью службы веб Текст*». Переводчик имя существительное «*text*» несколько раз переводит как имя прилагательное «*текстовым*» и использует метод изменения частей речи. *Система* «*text format*» переводит именем прилагательным, а в последнем предложении «*Text Web information*» уже переводит дословно.

Система Google translate в первом предложении пропускает причастие «*являющийся*», как и при переводе на литовский язык используется метод пропуска. Слово «*logos*», как и при переводе на литовский язык, переводит словом «*логотипов*», т.е. первым словарным значением этого слова. *Система* фразу «*flight schedules, weather or traffic reports*» переводит «*расписания полетов, о погоде или о дорожной ситуации*», используя неверный предлог и падеж. *Система Google translate* так же использует метод изменения части речи. При переводе союза «*or*» *система Google translate* его переводит как «*и*», хотя по контексту здесь должен быть союз со значением противопоставления. Она так же переводит и союз «*from*» как «*в*». Переводчик глагол «*by using*» переводит деепричастием «*используя*», а *Google translate* его переводит как «*с помощью*» (предлог + имя существительное). Так же используется замена части речи. И *система Google translate*, и переводчик используют метод транспозиции при переводе словосочетания «*the short message service*». Из этого можно сделать вывод, что *Система Google translate* и переводчик часто пользуются методом разных замен. Можно заметить, что количество ошибок и несоответствий, допущенных системой в переводах на русский и литовский языки примерно одинаковое.

Далее сравним переводы тексов, относящихся к публицистическому стилю, и выясним, какие ошибки совершает *Система Google translate*.

Оригинал: Bill Clinton used his new line-item veto power, instead of having to pass or kill a whole measure, to delete three items in last week's budget legislation. The Republicans, who first suggested this new sort of veto, were furious. A year after the United States reformed its welfare law, the number of welfare recipients has dropped by almost a quarter, to 10, 3 m people, the smallest percentage of the population since 1970.

Перевод Google translate на литовский язык: Bill Clinton pasinaudojo savo naują liniją-item veto teisė, o ne atsižvelgdamas į pasą ar nužudyti visą priemonė, išbraukti tris punktus praeitą savaitę biudžeto teisės aktai. respublikonai, kurie pirmą kartą pasiūlė šią naujos rūšies veto buvo įsiutęs. Praėjus metams po JAV reformavo savo gerovės teisės, socialinės gerovės gavėjų skaičius sumažėjo beveik ketvirtadaliu, iki 10, 3 milijonų žmonių, mažiausias procentas gyventojų nuo 1970 metų.

Перевод переводчика на литовский язык: Bilas Klintonas pasinaudojo savo naująja veto teise, užuot priimdamas ar sužlugdydamas visą įstatymo projektą, jis išbraukė tris punktus praeitos savaites biudžeto įstatymo leidime. Respublikonai, kurie pirmieji pasiūlė šią naujo tipo veto, buvo įsiutę. Praėjus metams, kai JAV reformavo savo socialinio aprūpinimo įstatymą, socialinės pašalpos gavėjų skaičius sumažėjo beveik ketvirtadaliu, iki 10,3 milijonų žmonių, kuris yra mažiausias gyventojų procentas nuo 1970 metų.

В этом тексте *Система Google translate* не транслитерирует и не транскрибирует имени и фамилии «*Bill Clinton*». Переводчик, переводя имя и фамилию, использует способ транскрипции. Составное сложное слово «*line-item*» переводится дословно «*liniją-item*», его первая часть – в косвенном падеже, а вторая часть не переведена. Переводчик, особый составной термин «*line-item veto*» тоже переводит как простой термин «*veto teise*», который в обратном переводе переводился бы как «*the right of veto*». Фразу «*instead of having to pass or kill*» *Система* переводит дословно, изменяет части речи: из глагола «*to pass*» делает имя существительное «*pasą*», а глагол «*kill*» переводится словарным значением «*nužudyti*».

Переводчик эту фразу переводит причастиями «*priimdamas ar sužlugdydamas*». *Google translate* совершает характерную ошибку, переводя слово «*measure*» первым словарным значением слова, хотя по контексту необходимо подобрать другое значение или не эквивалентное слово. Переводчик так и решает эту проблему, переводя слово «*measure*» неэквивалентным словосочетанием «*įstatymo projektą*» и учитывая контекст и тематику текста. Кроме того, переводчик вставляет местоимение «*jis*», связанное с именем и фамилией и делает сложное предложение доступнее читателю. Слово «*the Republicans*» *система* переводит с прописной буквы в начале предложения. Слово «*first*» переводит как «*pirmą kartą*», хотя должно переводиться как порядковое числительное «*pirmieji*», связанное со словом «*respublikonai*». Словосочетание «*welfare law*» переводится дословно, без учета лексических изменений и контекста. В последнем предложении *Система Google translate* меняет порядок слов и переводит последние слова в таком же порядке, как и в оригинале. Последнее предложение переводчик трансформирует в сложноподчиненное предложение. Кроме того, применяет лексические изменения в слове «*welfare law*» и переводит как специальный термин «*socialinio aprūpinimo įstatymas*». А так же используется транспозиция слова «*skaičius*».

Перевод Google translate на русский язык. Билл Клинтон использовал свои новые постатейного вето, вместо того, чтобы передать или убить все меры, чтобы удалить три вопроса в бюджетном законодательстве на прошлой неделе. Республиканцы, который первым предложил этот новый вид вето, были в ярости. Через год после США реформировать свое благосостояние закона, число получателей социальной помощи сократилась почти на четверть, до 10, 3 человек м, наименьшая доля населения с 1970 года..

Перевод переводчика на русский язык. Бил Клинтон воспользовался своим новым правом вето, вместо того, чтобы принять или провалить весь проект законов, он вычеркнул три пункта в издании законов бюджета за прошлую неделю. Республиканцы, которые первыми предложили этот новый тип вето, были в ярости. Спустя год, когда США преобразовало свою систему социального обеспечения, число потребителей социальной помощи уменьшилось почти на четверть, до 10,3 миллионов людей, эта самая низкая цифра с 1970 года.

Переводя на русский язык, *Система* использует способ транслитерации имени и фамилии «*Бил Клинтон*». Переводчик же применяет способ транскрипции. *Система* не использует творительный падеж в переводе «*свои новые постатейного вето*». Как и в литовском переводе, допускается ошибочное применение первого словарного значения слова и переводится дословно «*передать или убить*». Переводчик при переводе слова «*measure*» использует уточнение и переводит «*проект законов*». Переводя слово «*items*» как «*вопроса»* и слово «*sort*» как «*вид*» *Система* применяет лексическую замену. А также не согласовывает времени глагола «*реформировать*» и предложение переводит дословно. Google translate переводя словосочетание с числительным «*10, 3 m. people*» меняет члены предложения «*10, 3 человек м,* » и не понимает точное их значение. Переводчик простое предложение заменяет сложноподчиненным с союзом «*когда*».

В заключение можно перечислить особенности и главные ошибки перевода системы Google Translate, которые были выяснены в переводах с английского на литовский и русский языки.

Самая частая ошибка системы перевода Google Translate в обоих языках - это неспособность согласовывать падежи. *Система* часто переводит, используя не неправильную часть речи. *Система* почти не меняет структуры предложения, т.е. простые предложения не заменяет сложными или наоборот, не меняет порядок слов исходного языка и переводит дословно, а так же не различает категории рода в названиях профессий. Конкретизацию, необходимую для полного понимания переводимого текста, *система* использует крайне редко, а дополнение, наоборот, употребляет часто и не к месту.

Переводя на литовский язык, *система* переводит непереводимые предлоги, вместо того, чтобы перевести слово в нужном падеже. Это говорит о недостаточной описи грамматических правил на машинном языке и отсутствии необходимых алгоритмов для перевода падежей в литовском и русском языках. Статистический метод, применяемый в

системе не всегда пригоден для ряда языков. Довольно гибко *Система* использует замену частей речи: имя существительное меняет на имя прилагательное или на глагол, а глагол меняет на существительное, а также опознает категорию числа и всегда правильно переводит. А так же *система* не транслитерирует и не транскрибирует названия, имена и фамилии оставляя их в форме исходного языка.

ЛИТЕРАТУРА

ARMALYTĖ, O., PAŽŪSIS, L. 1990. *Vertimo teorijos pradmenys.* Vilnius: Vilniaus universitetas.
BAKER, M., 2005. *Routledge encyclopedia of translation studies.* London: Routledge.
GOODMAN, K., 1991.*The KBMT Project: A Case Study in Knowledge-based Mashine Translation*. The USA: Morgan Kaufmann Publishers Inc.
NAVICKIENĖ, G., KASTECKAITĖ, D. 2010. Gramatinių ir leksinių transformacijų panaudojimo aspektai Stephen J. Dubnerio ir Steven D. Levitto knygos „Freakonomics“ vertime. *Kalbų studijos*, Nr. 16. [Žiūr: 2011 sausio 17]. Prieiga per http://www.kalbos.lt/archyvas4.html.
RIMKUTĖ, E., KOVALEVSKAITĖ, J. 2007. Mašininis vertimas – greitoji pagalba globalėjančiam pasauliui. *Gimtoji kalba*, Nr. 9. Prieiga per http://mvlab.lki.lt/straipsniai.aspx. [См. 2011 января 18].
АНДРЕЕВ, А., 2007. Машинный перевод: правила против статистики. Режим доступа: http://filolingvia.com/publ/25-1-0-898. [См. 15 декабря 2010];
АНДРЕЕВА, Е.В., 2009. История машинного перевода. Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/trends/?id=1744. [См. 15 декабря 2010];
ГАРБОВСКИЙ, Н.К. 2004. *Теория перевода.* М.: Московский университет;
КОМИССАРОВ В.Н., 1990. *Теория перевода.* М.: Высшая школа;
ЧУЖАКИН, А. Мир перевода – 3. Practicum plus. М.: Р. Валент, 2000

Živilė Nemickienė, Auksė Kaklauskaitė
Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas
Moksliniai interesai: vertimo teorija ir praktika

„GOOGLE TRANSLATE“ VERTIMO SISTEMOS KLAIDOS VERČIANT IŠ ANGLŲ Į RUSŲ IR LIETUVIŲ KALBAS

Santrauka

Šiuolaikinėje visuomenėje internetinė sistema *Google Translate* sukelia daug diskusijų apie jos verčiamus tekstus. Straipsnio tikslas buvo apžvelgti mašininio vertimo evoliuciją, rasti ir išsiaiškinti pagrindines *Google Translate* klaidas verčiant iš anglų į lietuvių ir rusų kalbas. Klaidos buvo ieškomos ir klasifikuojamos pagal vertimų transformacijų klasifikaciją, kurią sudaro perkėlimai, pakeitimai, įterpimai, praleidimai. Taip pat šioms transformacijoms priklauso transkripcija ir transliteracija. Pagrindinės *Google Translate* vertimo sistemos klaidos atsiranda dėl to, kad ši sistema yra pagrįsta statistika ir visiškai nepritaikyta kitų kalbų taisyklėms. Dažniausia *Google Translate* klaida abejose kalbose yra ta, kad sistema vis dar nesugeba derinti linksnių, parenka neteisingą kalbos dalį. *Sistema* beveik nekeičia sakinio struktūros, neskiria giminės kategorijos profesijų pavadinimuose. Konkretizacija, būtiną visiškam teksto supratimui, taiko labai retai ir dažnai ne vietoje. Lietuvių kalboje *Sistema* verčia svetimos kalbos neverčiamus prielinksnius užuot pritaikiusi reikiamą linksnį.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: vertimas, sistema *Google Translate*, transformacijos.

Елена Акуленко, Вера Леонтьева
Минский государственный лингвистический университет
ул. Захарова 21, 22049 Минск,Беларусь
Эл. почта: alena-95@tut.by
Ннаучные интересы: лексикология, фразеология, диалектология, заимствование лексических единиц, проблемы лексической и синтаксической семантики.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯПОНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале Национального корпуса русского языка)

В статье рассматривается лексика японского происхождения в русском языке, её тематическая дифференциация и степень активности в газетном и поэтическом подкорпусах Национального корпуса русского языка. Определен круг лексем японского происхождения; выделены 17 лексико-семантических групп, включающих японизмы; установлено количественное наполнение данных групп японизмами; выявлена специфика частоты употребления лексем японского происхождения в текстах газетного и поэтического стилей на фоне частоты их употребления в основном корпусе Национального корпуса русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая единица, японизм, Национальный корпус русского языка, основной корпус, газетный подкорпус, поэтический подкорпус, частотность/степень активности.

Усилившаяся в последние десятилетия тенденция к политической и экономической интеграции многих стран неизбежно приводит и к интеграции духовной, что вызывает повышенный интерес к культуре разных народов. «Экзотика» всегда привлекает к себе внимание, отдельные элементы чужой жизни становятся модными. Вместе с чужеродными предметами и явлениями входят в нашу речь и слова, их называющие. Так, в современном русском языке, помимо уже привычного притока английских заимствований, постепенно формируются группы лексем китайского (*кун-фу/кунг-фу, фанза, фэн-шуй, ушу, цигун*), корейского (*таэквандо*), персидского (*душман, моджахед*), японского (*оригами, караоке, ниндзя, аниме* и др.) и др. происхождения. Данная статья посвящена группе японизмов в русском языке, степени их активности в газетных и поэтических текстах русского языка. Корпус исследуемых единиц составляет 71 лексему.

Большая часть японизмов появилась в русском языке относительно недавно. В новейших лексикографических материалах кодифицированы лексемы *айкидо*, *бонсай*, *го*, *дан*, *дзен (дзэн)*, *дзен-буддизм*, *икебана*, *ниндзя, нунчак (нунчаки), оригами, рэндзю, саке*, *сумо, танка, татами, тамагочи (тамагучи), нэцкэ (нэцке)*, *якудза* и др. Тем не менее целый ряд наименований пока отсутствует в русских лексикографических источниках (лингвистических словарях), хотя и отмечен в современных текстах: *манга, макимоно, катана, сюрикен, какуро, бакуган* и др.

Слова японского происхождения в русском языке находятся на разных стадиях освоения: часть слов уже зафиксирована словарями, другие пока приводятся только на страницах газет и журналов (*аниме, хентай* и др.). Лексемы, заимствованные давно, прошли фонетическую, графическую, морфологическую и лексическую адаптацию, а японские наименования, появившиеся в русском языке недавно, ещё приспосабливаются к системе языка-реципиента. Например, некоторые японизмы имеют в письменных источниках русского языка несколько вариантов написания: *саке – сакэ, кендо – кэндо, сенсей - сэнсэй, карате - каратэ, нецке – нэцке - нэцкэ, аниме - анимэ.*

Наименования японского происхождения распределяются по нескольким лексико-семантическим группам:

1. Термины философии, религии: *Синтоизм, синто* ‘средневековая религия японцев, впоследствии принявшая форму культа (обожествления) императорской династии; с 1868г. по 1946г.- государственная религия Японии’. *Бусидо* ("путь воина") ‘кодекс поведения японских самураев’. *Дзен* [яп. «религиозная медитация» <кит.<санскр.] ‘японский культ мысли и тела, разновидность буддизма, культивирующая внутреннюю дисциплину, мысленное углубление в себя, и самосозерцание’. *Харакири* ‘способ самоубийства путем вспарывания живота кинжалом, принятый у самураев’.

2. Термины искусства, культуры: *Танка* ‘в японской поэзии: стихотворное произведение, состоящее из пяти строк (из них первая и третья строки содержит пять слогов, остальные - семь)’. *Хокку* (*хайку*) ‘жанр японской поэзии. Нерифмованное трехстишие, генетически восходящее к танка; состоит из 17 слогов (5+7+5). Отличается простотой поэтического языка, свободой изложения’. *Макимоно* ‘рисунок на бумаге или шелке с изображением исторического или религиозного сюжета и объяснением; известен в Японии и Китае с XI в. как древнейшая форма иллюстрированной книги’. *Кабуки* ‘искусство танца и пения; один из видов классического театра Японии, основу которого составляют танцы и музыка’. *Икебана* ‘1) искусство составления букетов из цветов и других растений; 2) букет, составленный по принципам икебаны’. *Бонсай* [от яп. *bon* - чашка и *sai* - сажать] ‘искусство выращивания карликовых деревьев в горшках (возникшее в Японии); само такое деревце’. *Оригами* [от яп. *ori* - сгиб, складка и *kami* - бумага] ‘искусство изготовления декоративных изделий из бумаги путём сгибания её в различных направлениях’. *Нэцкэ, нэцке* ‘в Японии в 17 - 19 вв.: миниатюрная декоративная фигурка (обычно со сквозным отверстием) из дерева, слоновой кости, металла или камня (первоначально - брелок на поясе традиционного японского костюма, с помощью которого крепился кисет, трубка и т.п.)’. *Аниме* ‘японская анимация, бóльшая часть которой рассчитана на подростковую и взрослую аудитории’. *Манга* ‘разновидность мультфильмов и комиксов, основанная на научно-документальных или фантастических темах’. *Хентай* ‘жанр аниме, манги, а также изображений соответствующей стилистики, основным элементом которых являются содержащиеся в них эротические сцены’.

3. Названия музыкальных инструментов: *Сямисэн* ‘японский струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя струнами’.

4. Спортивная терминология: *Айкидо* (яп. *Aikido – ai* – соединять, воспринимать, *ki* – дух, душа, *do* – путь) ‘вид восточного единоборства, основанный на предотвращении нападения’. *Сумо* ‘японская национальная борьба, в которой побеждает тот, кто заставит соперника дотронуться до пола любой частью тела или выступить из борцовского круга’. *Кэндо* ‘вид национального японского фехтования на бамбуковых саблях; участники выступают в панцирях, масках с металлической сеткой и в перчатках’. *Каратэ* ‘спортивная борьба, использующая эффективные приёмы японской системы самозащиты без оружия и основанная на ударах руками и ногами по наиболее уязвимым точкам тела соперника’. *Дзюдо* ‘спортивная борьба вольного стиля, основанная на бросках, подсечках, захватах’. *Джиу-джитсу* ‘японская борьба - самозащита и нападение без оружия’. *Дан* (яп. *dan* - ступень) ‘в восточных единоборствах: разряд, категория в искусстве боя’. *Татами* (*tatami* – соломенная подстилка) ‘спортивная площадка со специальным покрытием, на котором проводят схватки в некоторых видах спортивной борьбы’.

5. Экономические термины: *Дзайбацу* ‘крупнейшие концерны, финансово-монополистические группы Японии’.

6. Наименования денежных единиц, единиц измерения: *Иена* ‘денежная единица Японии’. *Сен* ‘японская мелкая монета’. *Кин* ‘единица массы в Японии, равна 600г.’. *Момме* ‘японская мера веса, равная 3,75 г.’.

7. Наименования явлений природы: *Цунами* ‘гигантские волны, возникающие на поверхности океана в результате сильных подводных землетрясений’.

8. Названия растений: *Соя* ‘род травянистых растений семейства бобовых; с. культурная - одно из важнейших зерновых, масличных кормовых растений’. *Сакура* ‘японская вишня, праздник цветения которой в Японии отмечается на протяжении веков’. *Кинкан* ‘род вечнозеленых плодовых деревьев и кустарников сем. рутовых’. *Дайкон* ‘японская разновидность редьки’.

9. Названия животных: *Фугу* ‘ядовитая рыба, являющаяся экзотической особенностью японской кулинарии’. *Итатси* ‘японский колонок, млекопитающее семейства куньих, подвид колонка’. *Иваси* ‘небольшая промысловая рыба семейства сельдевых; дальневосточная сардина; мясо такой рыбы’.

10. Наименования человека: *Микадо* ‘титул японского императора’. *Рикша* ‘в Японии и некоторых странах восточной и южной Азии - легкая двухколесная коляска для перевозки пассажиров (иногда грузов), которую везет человек, держась за две оглобли; также человек, везущий такую коляску’. *Бонза* ‘1) европейское название служителей буддийского культа в Японии; 2) надменное, чванное должностное лицо’. *Гейша* ‘в Японии - женщина, обученная музыке, танцам, умению вести беседу и приглашаемая на роль гостеприимной хозяйки на приёмы, банкеты и т.п.’. *Ниндзя* (яп. *nindzia* «лазутчик») ‘представитель своеобразной касты профессиональных шпионов, которых в средневековой Японии нанимали для выполнения особо сложных заданий, связанных с проникновением в труднодоступные места’. *Самурай* [яп. samurai «стражник, рыцарь»] ‘член привилегированной феодальной военной касты Японии’. *Камикадзе* [яп. букв. «божественный ветер»] ‘военный летчик-смертник в японской армии в период Второй мировой войны (1939-1945), погибавший вместе с атакующим цель самолетом’; перен. ‘тот, кто приносит себя в жертву кому-, чему-либо; заложник обстоятельств’. *Сёгун* ‘титул правителей Японии в 1192-1867, при которых императорская династия была лишена реальной власти’. *Якудза, якуза* (яп. "негодяй, бездельник") ‘в Японии: хулиган, бандит, гангстер’. *Сэнсэй* ‘в восточных учениях и единоборствах: учитель, наставник’.

11. Наименования одежды: *Кимоно* (яп. *kimono* < *ki* носить + *mono* вещь) ‘японская мужская и женская одежда наподобие халата с очень широкими рукавами’. *Оби* ‘род пояса из широкой, тяжелой шелковой материи’.

12. Наименования продуктов питания: *Суши* ‘блюдо японской кухни — рис с кусочками морских продуктов или овощей, обернутый листом морской капусты’. *Саке* ‘забродившее рисовое вино’. *Сурими* (яп. «промытая рыбная смесь») ‘рыбная смесь, которая готовится из филе белой рыбы тресковых пород’. *Васаби* ‘японская разновидность хрена, светло-зеленый корень, который высушивается, перемалывается и растирается в пасту’. *Тофу* ‘пищевой продукт из бобов сои, напоминающий творог’. *Сукияки* ‘японское блюдо из мяса и овощей’. *Сашими* ‘блюдо национальной японской кухни, приготовленное из филе разнообразных сортов рыб, других морепродуктов и даже мяса, порезанного на кусочки’.

13. Наименования видов транспорта: *Кавасаки* ‘на Дальнем Востоке: деревянное моторно-парусное судно для морского прибрежного промысла’.

14. Названия бытовых предметов: *Офуро* ‘вид японской бани, где моющийся находится в специальной деревянной бочке с горячей водой, внутри которой имеется деревянная скамья’.

15. Наименования игр, развлечений: *Какуро* ‘головоломка с числами, математический аналог кроссворда’. *Караоке* [яп. «пустой оркестр»] ‘способ исполнения знакомых песен под музыку, воспроизводимую в записи специально для пения под этот аккомпанемент’. *Судоку* (яп. «одинокое число») ‘популярная головоломка-пазл с числами’. *Тамагочи* ‘торговое наименование карманной электронной игрушки, изображающей с помощью уникальной программы на экране жизнь зверька’. *Бакуган* ‘настольная или напольная детская игра с пластиковыми шариками, раскладывающимися в фигурки монстров’. *Го* ‘игра специальными фишками (камнями) на квадратной доске, пересечённой горизонтальными и вертикальными линиями, напоминающая шашки’. *Рэндзю* ‘разновидность игры го’.

16. Наименования оружия: *Нунчаки* ‘боевое оружие в виде двух коротких палок, соединенных концами друг с другом при помощи ремня или цепи, используемое в некоторых видах восточных единоборств (карате и *др.*)’. *Кайтен* ‘торпеда, управляемая смертником (человекоторпеда); действовали во время 2-й мировой войны’. *Шимоза* ‘взрывчатое вещество в виде плотной мелкозернистой массы, употребляемое для артиллерийских снарядов (по имени японского изобретателя Шимонозе)’. *Катана* ‘японская большая двуручная сабля с клинком длиной более 60 см’. *Сюрикен* (яп. «лезвие, скрытое в руке») ‘японское метательное оружие скрытого ношения в виде небольших клинков, изготовленных по типу повседневных вещей: звёздочек, игл, гвоздей, ножей, монет и т. д.’.

17. Междометия: *Банзай* ‘японское произношение традиционного китайского пожелания долголетия (на китайском произносится "ваньсуй"; ср. рус. устар. «Многая лета!»), на русский может переводиться как «Да здравствует!»’.

Наиболее представленными лексико-семантическими группами японизмов в русском языке являются группы «Термины искусства, культуры» (11 лексических единиц), «Наименования человека» (10). Затем следуют ЛСГ «Спортивные термины» (8), «Наименования игр, развлечений» (7), «Наименования продуктов питания» (7), «Наименования оружия» (5).

В текстах определенных стилей степень активности исследуемых наименований различна. Для установления частотности японизмов нами были привлечены материалы Национального корпуса русского языка. Учитывались два параметра: количество документов, в которых используются лексемы японского происхождения, и количество словоупотреблений. Статистические данные базируются на материалах основного, газетного и поэтического подкорпусов Национального корпуса русского языка.

Основной подкорпус включает в себя «различные типы текстов, представляющие современный русский литературный (письменный) язык: современная художественная проза разных жанров и направлений, современная драматургия, мемуарно-биографическая литература, журнальная публицистика и литературная критика, газетная публицистика и новости, научные, научно-популярные и учебные тексты, религиозные и религиозно-философские тексты, производственно-технические тексты, официально-деловые и юридические тексты, бытовые тексты (в том числе тексты, не предназначенные для публикации: личная переписка, дневники и т.п.)» (Национальный корпус, 2012). Статистика этого подкорпуса позволила выявить среди японизмов наиболее и наименее частотные лексические единицы (см. таблицу 1).

Таблица 1. Частотность японизмов в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Лексемы японского происхождения		Основной подкорпус		Общее количество словоупотреблений
№		Количество документов	Количество вхождений	
1	карате/	85	146	520
	*каратэ	91	374	
2	самурай	269	395	395
3	соя	223	347	347
4	кимоно	124	322	322
5	иена	146	315	315
6	дзюдо	91	238	238
7	рикша	113	226	226
8	гейша	114	225	225
9	камикадзе	134	191	191
10	микадо	89	191	191
11	ниндзя	35	164	164
12	цунами	98	153	153
13	бонза	92	115	115
14	дзен	50	109	109
15	сенсей	26	80	102

	*сэнсэй	12	22	
16	джиу-джитсу	30	98	98
17	саке/	14	35	90
	*сакэ	20	55	
18	икебана	61	87	87
19	сакура	53	83	83
20	бонсай	33	79	79
21	айкидо	73	77	77
22	харакири	62	75	75
23	суши	42	62	75
	*суси	6	13	
24	нунчак/ *нунчаки	24	67	67
25	татами	35	65	65
26	кабуки	28	64	64
27	тамагочи	10	61	61
28	караоке	46	60	60
29	дан	21	58	58
30	синто	9	40	49
	*синтоизм	3	9	
31	хокку	17	27	45
	*хайку	9	18	
32	судоку	2	43	43
33	банзай	24	39	39
34	оби	2	38	38
35	шимоза	24	33	33
36	сёгун	19	33	33
37	якудза	10	30	30
38	танка	9	27	27
39	сумо	18	25	25
40	бусидо	12	24	24
41	аниме	6	16	19
	*анимэ	2	3	
42	го	5	18	18
43	катана	14	17	17
44	васаби	4	16	16
45	фугу	8	15	15
46	оригами	8	14	14
47	рэндзю	3	14	14
48	кавасаки	3	11	11
49	нецке	1	1	10
	*нэцкэ	4	6	
	*нецкэ	1	1	
	*нэцке	2	2	
50	тофу	6	10	10
51	кендо	3	3	8
	*кэндо	4	5	
52	иваси	7	7	7
53	дайкон	6	7	7
54	сюрикен	4	5	5
55	кайтен	2	5	5
56	сушими	1	1	5
	*сашими	4	4	
57	манга	4	4	4
58	хентай	3	3	3
59	кинкан	2	3	3
60	дзайбацу	1	1	1
61	сукияки	1	1	1
62	офуро	1	1	1
63	сямисэн	1	1	1
64	макимоно	1	1	1

65	сурими	0	0	0
66	итатси	0	0	0
67	сен	0	0	0
68	кин	0	0	0
69	момме	0	0	0
70	бакуган	0	0	0
71	какуро	0	0	0

Таким образом, наибольшую степень активности проявляют наименования *карате/каратэ, самурай, соя, кимоно, иена, дзюдо, рикша, гейша, камикадзе, микадо, ниндзя, цунами, бонза, дзен, сенсей* (от 520 до 100 словоупотреблений). Семь лексем – *сурими, итатси, сен, кин, момме, бакуган, какуро* - имеют нулевую активность (первые пять наименований зафиксированы в словарях, но не нашли отражения в текстах основного подкорпуса).

Статистика газетного подкорпуса (см. таблицу 2) в некоторой степени отличается от вышеуказанной, и это во многом объясняется тем, что большинство заимствованных слов сначала появляется на страницах газет и журналов, а позже входит в активное употребление и фиксируется словарями. Газетный подкорпус (корпус современных СМИ) «охватывает статьи из средств массовой информации 2000-х годов» (Национальный корпус, 2012). Здесь самую высокую частотность проявляют наименования *иена, дзюдо, соя, цунами, карате, камикадзе, самурай, суши/суси, гейша, караоке, сумо, кимоно, татами, айкидо* (от 1182 до 100 словоупотреблений).

Таблица 2. Частотность японизмов в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Лексемы японского происхождения		Газетный подкорпус		Общее количество словоупотреблений
№		Количество документов	Количество вхождений	
1	иена	677	1182	1182
2	дзюдо	478	854	854
3	соя	517	785	785
4	цунами	368	642	642
5	карате	157	213	444
	*каратэ	162	231	
6	камикадзе	296	395	395
7	самурай	257	295	295
8	суши	167	273	294
	*суси	10	21	
9	гейша	133	249	249
10	караоке	176	226	226
11	сумо	135	181	181
12	кимоно	137	139	139
13	татами	87	136	136
14	айкидо	44	108	108
15	сакура	80	94	94
16	бонза	92	92	92
17	дайкон	53	89	89
18	саке	13	18	70
	*сакэ	41	52	
19	ниндзя	60	67	67
20	харакири	55	66	66
21	рикша	52	66	66
22	икебана	56	59	59
23	оригами	22	56	56
24	джиу-джитсу	46	54	54
25	дан	35	41	41
26	бонсай	20	36	36
27	кабуки	21	32	32

28	тофу	19	31	31
29	сашими	25	30	30
	*сушими	0	0	0
30	тамагочи	22	29	29
31	нецке	0	0	29
	*нэцкэ	5	28	
	*нецкэ	0	0	
	*нэцке	1	1	
32	хокку	12	13	28
	*хайку	10	15	
33	васаби	14	28	28
34	аниме	6	15	25
	*анимэ	9	10	
35	нунчак/ *нунчаки	20	20	20
36	дзен	18	20	20
37	якудза	8	21	21
38	сенсей	11	14	29
	*сэнсэй	7	15	
39	фугу	14	15	15
40	сёгун	13	14	14
41	катана	13	13	13
42	судоку	12	12	12
43	банзай	11	12	12
44	манга	8	11	11
45	сурими	3	11	11
46	кендо	4	5	8
	*кэндо	2	3	
47	кайтен	3	7	7
48	офуро	2	7	7
49	синтоизм	3	3	6
	*синто	3	3	
50	хентай	3	5	5
51	го	3	4	4
52	иваси	4	4	4
53	бусидо	4	4	4
54	оби	2	3	3
55	сямисэн	2	2	3
	*сямисен	1	1	
56	сюрикен	2	3	3
57	микадо	2	2	2
58	бакуган	1	2	2
59	шимоза	1	1	1
60	танка	1	1	1
61	сукияки	1	1	1
62	рэндзю	1	1	1
63	макимоно	0	0	0
64	кинкан	0	0	0
65	итатси	0	0	0
66	дзайбацу	0	0	0
67	сен	0	0	0
68	кин	0	0	0
69	момме	0	0	0
70	кавасаки	0	0	0
71	какуро	0	0	0

Подкорпус поэтических текстов Национального корпуса русского языка включает в себя произведения 48 авторов, созданные в период от середины XVIII до 1 половины XX века (общим объёмом около 2 миллионов 800 тысяч словоупотреблений) (Национальный корпус русского языка, 2012). Указанный временной диапазон обусловил статистические

данные о японизмах: из 71 лишь 12 лексем японского происхождения упоминаются в указанных стихотворных произведениях (см. таблицу 3). В ряду поэтов, которые использовали в своем творчестве японизмы, - В.В.Маяковский, Б.Л.Пастернак, Н.С.Гумилёв, В.Я.Брюсов, А.Н.Апухтин, А.Е.Адалис, П.Д.Бутурлин, И.Л.Сельвинский, А.И.Тиняков, П.Ф.Якубович.

Таблица 3. Частотность японизмов в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка.

Лексемы японского происхождения		Поэтический подкорпус	
№		Количество документов	Количество словоупотреблений
1.	рикша	5	5
2.	бонза	5	5
3.	микадо	4	4
4.	самурай	4	4
5.	банзай	3	3
6.	гейша	3	3
7.	харакири	1	2
8.	хокку	1	1
9.	кимоно	1	1
10.	шимоза	1	1
11.	иена	1	1
12.	соя	1	1

Таким образом, слова японского происхождения, даже до конца пройдя путь вхождения в лексическую систему русского языка и будучи кодифицированными, на сегодняшний день крайне периферийны в текстах. Японизмы, без сомнения, стали органичной частью русского лексикона, необходимой, но периферийной. В ряде случаев японизмы оказываются единственно возможным средством вербализации необходимого денотативного содержания (*кимоно, сюрикен* и др.). Возможно использование японизмов в тексте и с целью, прежде всего, трансляции яркого эмоционально-экспрессивного посыла (*сенсей, харакири* и др.), когда употребление русских по происхождению лексем (*учитель/мастер, самоубийство* и др.) допустимо, но не равноценно японскому «аналогу», так как такая замена ведет к редукции ряда важнейших коннотаций.

Отдельные лексемы японского происхождения, кодифицированные в современных лексикографических источниках, не встречаются в текстах, входящих в Национальный корпус русского языка. Данный факт может быть интерпретирован двояко: с одной стороны, это свидетельство «ненужности» данных лексем в рамках лексической системы русского языка, с другой – напротив, крайней необходимости, так как, отсутствуя в столь обширных текстовых выборках, слова японского происхождения тем не менее известны многим носителям русского языка и все-таки получили реализацию в «неучтенных», не вошедших в корпус текстах.

Интересен, на наш взгляд, и тот факт, что минимальные возможности для реализации предоставил японизмам именно поэтический подкорпус – сфера наиболее открытая для смелых экспериментов, творческих поисков и «рискованного» словоупотребления. Мы склонны объяснять установленное «положение дел» теми жесткими временными рамками, которыми на сегодняшний день ограничен поэтический подкорпус (до середины XX века). В ходе дальнейшего исследования картина может существенно измениться. На наш взгляд, японизмы, их функционально-стилистический потенциал и место в системе современного русского языка являются чрезвычайно интересным объектом для дальнейшего, более тщательного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА. Электронный ресурс: www. ruscorpora.ru.

Minsk State Linguistic University (MSLU), Minsk, 21 Zakharova Street
department of general linguistics

FUNCTIONAL-STYLISTIC POTENTIAL OF THE WORDS OF JAPANESE ORIGIN IN MODERN RUSSIAN

(on the material of Russian National Corpus)

Summary

The article examines the words of Japanese origin in Russian, thematic differentiation and frequency of occurrence as an important attribute of the given lexical units in the newspaper and poetry subcorpora of the Russian National Corpus representing their present-day use in Russian. In our study the circle of the lexemes of Japanese origin in Russian is determined; 17 lexico-semantic groups that include the words of Japanese origin and their distinguishing features are established; quantitative reach of the given groups is fixed; frequency peculiarities of the Japanese words in the texts of newspaper and poetic styles (on the background of their frequency of occurrence in the main corpus of the Russian National Corpus which includes texts representing standard Russian) are revealed.

KEY WORDS: lexical unit, word of Japanese origin, Russian National Corpus, main corpus, newspaper subcorpus, poetry subcorpus, frequency of occurrence.

Раиса Козак
Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко
Хмельницкая область, г. Каменец-Подольский, Украина
E-mail: r-kozak@jandex.ru
Научные интересы: лингвокультурология, восточнославянские языки

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЭКСПРЕССИВНОСТИ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКА

В статье раскрываются не полностью еще изученные сегодня проблемы, связанные с особым интересом современной лингвистической науки к тому, насколько этнически (национально) обусловленным является функционирование естественного языка. Актуальность поставленных вопросов определяется, с одной стороны, необходимостью приблизиться к решению одной из актуальных проблем лингвистики – проблемы экспрессивности, с другой, – объясняется возросшим интересом в конце XX – начале XXI века к проблеме соотношения в языке универсального и национально-специфического, культурной заданности использования языка, а также к возможности изучения национальной картины мира через каждый из восточнославянских языков. Определяется корпус культурно-специфических экспрессивных синтаксических единиц, чаще всего функционирующих в художественных текстах. Проблема национально-культурной специфики эллиптических конструкций рассматривается в связи с экспрессивной тенденцией, присущей восточнославянским языкам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лингвокультурологический принцип, национальная картина мира, национально-специфические единицы языка, образность, универсальность языка, экспрессивность, экспрессивный потенциал, экспрессивная функция языка, экспрессивная функция речи, эллиптические конструкции.

Антропоцентрическая парадигма на первое место выдвигает человека и его язык, поэтому в центре любого лингвокультурологического исследования находится человек как создатель и носитель языка и, следовательно, можно утверждать, что в центре оказывается человек в национальном языке и этнической культуре. Интересным в этом плане представляется исследование восточнославянских языков, носители которых имеют много сходства и не менее различия. Каждый конкретный язык восточнославянского языкового пространства (украинский, русский, белорусский) представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой национальный отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира. А. Вежбицкая, анализируя взаимосвязь семантики, культуры и познания, ориентируется на антропоцентричность и этноцентричность (конкретный этнос) и подчеркивает, что язык задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык свою (Вежбицкая 1993). Культура – основополагающий конституент характеристики любого этноса вне зависимости от эволюционной стадии последнего. Именно культура объединяет членов этноса перед силами природы и другими этносами. Культурная организация дифференцирует этнический спектр и вместе с тем через него открывает способы общения и сближения представителей различных этносов. В соответствии с учением Б. К. Малиновского (Malinovsky 1986), основными факторами культуры являются материальный субстрат, общественная организация, язык.

Язык и культура – формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Выработанные культурные ценности могут быть представлены как ментальные модели, формирующие модальную целостность высказывания. Языковая сознательность тоже соотносится с мировоззрением, отображаемом и фиксированном как ментальные модели (фоновые знания) картины мира, включающей и культурные ценности. Если коммуниканты являются субъектами одной культуры, их фоновые знания дают возможность осознанно общаться и воспринимать язык.

В современном языкознании взаимная связь языка и культуры не вызывает сомнений. Каждый язык неотделим от культуры, составляющей его содержательный аспект. Язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности из поколения к поколению. Также общепризнанным является положение о том, что именно лексический состав языка наиболее очевидным образом отражает уникальность культуры, отраженной в данном языке. Поэтому для большинства лингвистов характерным является исследование лексической системы языков. Но не менее нужным и практически необходимым считаем изучение сходства и различия синтаксической системы восточнославянских языков, в частности, конструкций экспрессивного синтаксиса (ЭС).

Для лингвистических исследований последнего времени, как и для всей гуманитарной науки, характерен переход от рассмотрения довольно простых, изолированных объектов исследования к более сложным и иерархически организованным. Центральным понятием концепции человека становится понятие картины мира Картина мира, отображающая культурное познание, как отмечают специалисты в области психосемантики, «представляет собой сложное, многоуровневое образование, которое вбирает в себя и сознаваемые, и несознаваемые пласты познания», характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степени их адекватности бытию (Петренко, Митина 1997). При изучении закрепленного в определенном языке описания мира одним из направлений исследования является рассмотрение закономерностей организации действительности, предпочитаемых данным языком, как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей. Рациональное и субъективное в аспекте человеческого языка неразрывно связано с явлением экспрессивности, характерной для процесса речетворчества. Каждый национальный язык характеризуется своими экспрессивными средствами, поэтому то, что будет экспрессивным для представителя одного языка, для другого может не быть таким.

Сказанную проблему можно решать, как предлагал Л. В. Щерба (Щерба 1974), в двух аспектах – статическом и динамическом. Первый дает представление о языковой картине мира как результате уже свершившегося процесса. Второй решает проблему того, как делается языковой образ действительности средствами того или иного языка.

Спорным, однако, остается вопрос о том, что считать национально-культурной спецификой. В современных исследованиях, при работе с языком как источником изучения культуры, наблюдается тенденция выделять в его номинативном составе два типа единиц. Это – единицы, в которых культурно-значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (слова, обозначающие реалии материальной культуры или концепты культуры духовной и социальной), и единицы, в которых культурно-значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения. Процедуры извлечения культурной информации из первого типа единиц, как считается, не отличаются от когнитивно-семантического или концептуального анализа, на основе которого и строятся культурно-рефлексированные модели мира или его фрагментов. Процедуры анализа единиц второго типа представляются более сложными, поскольку предполагают интерпретацию образного основания языковых сущностей в категориях культуры.

Возрождение интереса к экспрессивной функции языка наблюдается в лингвистике в конце XX начале XXI века. Продолжается обсуждение трех функций языка предложенных Бюлером. Некоторые лингвисты, например, Ульман (Ulman 1962) предлагает сократить число функций до двух. А именно, он выделяет в языке функцию когниции (cognition) и эмоции (emotion). Функция эмоции, по его мнению, является зависимой (dependable), поскольку тесно связана с волевой (volition) и быть рассматриваема как единое целое с последней. Весьма значимыми являются работы исследователя Фриза (Fries 1995). В ряде своих исследований, посвященных анализу экспрессивной функции языка, предложил модель для описания экспрессивных высказываний. В них автор различает два аспекта: усиление, с одной стороны, и положительный / отрицательный эффект, с другой.

В целом, в работах зарубежных лингвистов трактовка экспрессивной функции представляется отличной от понимания ее отечественными лингвистами. Преобладающей является точка зрения, согласно которой экспрессивная функция языка связана только с передачей эмоций.

Мы разделяем точку зрения тех, кто считает, что в основе экспрессивной функции лежит не только выражение эмоций говорящего, но и стремление определенным образом воздействовать на воспринимающего.

Экспрессивность мы рассматриваем как результат (проявление) экспрессивной функции. Одна из трудностей, с которыми сталкиваются исследователи экспрессивности, состоит в том, что она имеет языковую природу, ибо действует через механизмы языка, но эффект ее проявляется только в речи, выходя за рамки слова или словосочетания в текст.

Средствам выражения языковой экспрессивности много внимания уделил Ш. Балли. Он отмечал, что основным свойством экспрессивности является потенциальная возможность языка трансформировать факты, идеи, выражать их в увеличенном или уменьшенном масштабе, транспонировать их из одной тональности в другую. Ш. Балли впервые рассмотрел экспрессивность как основную речевую тенденцию. Однако он сосредоточил свое внимание лишь на экспрессивности, проявляющейся в речи. Рассмотрению языковых фактов, обладающих свойствами экспрессивности с учетом особенностей всей языковой системы посвящены Э. Станкевича (Stankevich 1966). Он стремился при исследовании экспрессивности учитывать различие между языком и речью. По его утверждению, экспрессивность в языковом плане необходимо отличать от экспрессивности в речевом плане. По мнению Станкевича, каждое слово может приобрести экспрессивное значение, если оно будет применено в соответствующей ситуации или в определенном контексте, если оно будет функционировать в плане речи.

В отечественном языкознании второй половины XX начала XXI века существует несколько подходов к рассмотрению языкового аспекта категории экспрессивности. Так, авторы одной концепции полагают, что экспрессивность – это языковая категория, не содержащая информацию о субъекте, но определяющая характер и интенсивность восприятия стилистической и предметно-логической информации, включенной в языковой знак.

Согласно другому подходу к проблеме экспрессивности (его придерживаются Телия 1991, Сандомирская 1991, Шаховский 1983 и др.), функцией экспрессивности является не только выражение отношений, связывающих обозначение действительности с ее эмоциональным восприятием, но и стремление передать это восприятие реципиенту, воздействуя на него. Поэтому в данной концепции под экспрессивностью понимается ее «не-нейтральность, отстранение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением (высказыванием или целым текстом), усилен и тем самым выделен из общего потока либо за счет необычного стилистического использования языковых средств, либо посредством интенсификации количественного или качественного аспектов обозначаемого, либо же в результате восприятия ассоциативно-образного представления, возбуждаемого данным выражением и служащего стимулом для положительной или отрицательной эмоциональной реакции реципиента» (Телия 1991).

Относительно текстового аспекта экспрессивности у исследователей тоже существует несколько точек зрения. Некоторые лингвисты (например, Т. Л. ванн Дейк и др.) трактуют экспрессивность в узком значении как категорию, служащую цели эмоционального воздействия на реципиента. В этом смысле экспрессивность коррелирует с категорией эмотивности. Другие исследователи (Долинин 1985, Маслова 1991, Гришина 1988 и др.) понимают экспрессивность в более широком значении как глобальное свойство текста, его общую выразительность, имеющую прагматическую (в самом широком смысле) функцию. При этом подразумевается, что прагматика текста проявляется не только в его эмоциональном воздействии на читателя, но и в том, что он содержит имплицитную

информацию, т. е. пресуппозиции текста. Иными словами, в текст включена информация об авторе, его модели мира, личностном опыте, системе эстетических ценностей и установок, а также о сфере коммуникации и адресате. Данные положения позволяют заключить, что экспрессивность текста есть категория, заданная его автором, которую можно рассматривать как «реализацию авторской интенции выразить определенные эмоции при помощи эмфатического выделения того или иного знака» (Гришина 1988, с.19).

У лингвистов не существует единого мнения и по проблеме определения и выявления средств выражения категории экспрессивности. Так, Ш. Балли придерживался весьма широкой точки зрения по этому вопросу и считал, что существует очень большой арсенал языковых средств всех уровней языка, которые способны реализовывать категорию экспрессивности. Он настаивал на «возможности множественности средств и способов выражения эмоционально окращенного одного и того же содержания» (Балли 1961). Множественность экспрессивных средств Ш. Балли выводил из «ассоциаций, порожденных присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего да бессознательную синонимию» (Балли 1961 с. 120).

Известный отечественный лингвист В. В. Виноградов также придерживался весьма широкого понимания того, что можно считать выразительным средством. Так, он писал, что «в структуре художественного произведения происходит эмоционально-образная, эстетическая трансформация средств общенародного языка. Все средства языка выразительны, надо лишь умело пользоваться ими» (Виноградов 1959, с. 185).

Несколько иной точки зрения в этом придерживается В. Н. Телия, которая считает, что категория экспрессивности не имеет своих специфических способов выражения. Она полагает, что в речи возникает экспрессивная окраска, которая осознается говорящим на данном языке глобально и нерасчлененно. По мнению В. М. Шаховского (Шаховский 1983), Н. Лукьяновой (Лукьянова 1991) средствами выражения категории экспрессивности являются экспрессивные лексические единицы, или экспрессивы. А с точки зрения И. С. Курахтановой (Курахтанова 1981) и К. А. Долинина (Долинин 1985) существуют эмоционально-экспрессивные средства языка, к которым относятся языковые образы. Многие лингвисты (Шаховский, Маслова, Телия, Баталова) отмечают, что текстовая экспрессивность создается целым комплексом языковых средств. В. А. Маслова (Маслова 1991) отмечает, что поскольку эмотивность текста является важнейшим компонентом текстовой экспрессивности, то все языковые средства разных уровней языка, формирующие эмотивность текста, являются также и средствами реализации категории экспрессивности. Кроме того, по ее мнению, у категории текстовой экспрессивности есть и свои собственные способы выражения, в частности, композиционные и структурные особенности художественного текста. Т. М. Баталова (Баталова 1981) считает наиболее важными языковыми средствами реализации категории текстовой экспрессивности коннотативные и ассоциативные связи художественного текста. И. В. Арнольд (Арнольд 1976) отмечает, что категория текстовой экспрессивности репрезентируется специальными выразительными средствами, или фигурами речи.

Многие исследователи признают, что экспрессивность является комплексным понятием. В нем переплетаются несколько смысловых элементов, наличие и связь которых интерпретируется по-разному.

Проблему экспрессивности в синтаксисе восточнославянских языков необходимо соотносить с вкраплением устно-разговорных тенденций в языковую практику, коим является эллипсис. Экспрессивность эллиптических конструкций присуща украинскому, русскому и белорусскому языкам. Эллиптические предложения активно функционируют в живой разговорной речи и в языке художественной литературы, поэтому изучение таких конструкций , исследование их структуры и семантики, особенностей функционирования в в различных сферах деятельности человека вызывает активный интерес в современной филологической науке в каждом из восточнославянских языков, однако отсутствуют исследования сопоставительного характера. Традиционно считается и в украинском, и в

русском, и в белорусском языках, что явление эллипсиса в синтаксисе – это пропуск одного из компонентов предложения – структурная неполнота. Подтверждением этому являются определения эллиптических конструкций: *Эллипсис (гр: élleipsis – опущение, недостаток) - речевое явление, заключающееся в коммуникативно значимом опущении структурных элементов предложения. Эллиптическими называются самостоятельно употребляемые предложения особого типа, спецификой структуры которых является отсутствие глагольного сказуемого, причем сказуемого, не упомянутого в контексте, т.е. в смысловом отношении не являющегося необходимым для передачи данного сообщения. Это предложение с нулевым сказуемым. Отсутствующее и не нуждающееся в восстановлении сказуемое, однако, участвует в формировании строя этих предложений, так как в них имеются второстепенные члены состава сказуемого. В этом отношении эллиптические предложения сближаются с неполными* (Валгина 2000, с. 354); *Еліптичне -це речення в яких неназваний член не визначається з контексту та обстановки мовлення, а зумовлюється структурою та семантикою самого речення. Еліптичні речення розглядають як різновид неповних, але їх специфіка полягає в тому що вони семантично повні, а структурно – неповні* (Пономарів 2001, с. 292); *У мове шырока ўжываюцца сказы, для якіх характэрна колькі граматычная непаўната (адсутнычае выказнік), але сэнс іх зразумелы, і ўзнавіць выказнік немагчыма і непатрэбна. Гэта так званыя эліптычныя сказы (ад грэч. elleipsis - пропуск, апушчэнне, недахоп) СА значэннем існування, быцця, руху* (Пономарів 2001, с. 293).

Эллиптические предложения не нуждаются в смысловом и формальном наполнении средствами контекста или ситуации. Для их понимания не нужно выходить за пределы предложения. Эллиптические конструкции соотносятся соответствующим развернутым вариантам той же модели предложения ассоциативно, т. е. в парадигматическом ряду. Само по себе явление эллипсиса уже есть экспрессивно, а, в контексте определенного восточнославянского языка, в структуре простого или сложного предложения, усиливает свой экспрессивный потенциал.

По отношению к особенностям функционирования эллиптических конструкций как компонентов экспрессивного синтаксиса восточнославянских языков можем выделить такие моменты:

– в предложении есть невербализованый смысл, который не может быть приписан ничему, кроме эллиптированного компонента;

– наличие эллиптированного компонента определяется системными показателями национального языка, т.е. объектировано самой системой национального языка;

– лексико-семантическое наполнение эллиптированного компонента определяется исходя из лексико-семантического содержания предикативных единиц каждого из восточнославянских языков, и именно на этом уровне более четко прослеживаются различия.

Изучение проявления культурной специфики эллиптических конструкций в реализации языком экспрессивной функции, как представляется, является одним из актуальных направлениий современных лингвистических исследований. Однако мысли о существовании взаимосвязи названных явлений высказывались неоднократно.

Например, Ш. Балли в связи с рассмотрением речи как системы выразительных символов, утверждал, что «новейшие языки так называемых «цивилизованных стран» обнаруживают бесчисленное множество сходных черт. Причина этого явления заключается, по его мнению, в многочисленных и разнообразных связях между народами как в области материальной культуры, так и в области мысли» (Балли 1961, с. 330). Эту общность он назвал «европейским психическим складом». Балли считал, что в выразительных средствах этих языков, то есть в свойственных им способах выражения чувств, «имеются бесчисленные случаи абсолютного подобия и менее подобные, но еще более многочисленные аналогии. Поэтому вполне естественно, что существует некая «европейская стилистика», подобно тому, как существует европейский психический склад» (Балли 1961, с. 41).

Сходные мысли высказывал В. В. Виноградов. Он указывал на необходимость строго различать «формы индивидуальной и коллективной экспрессии», подчеркивал, что во втором

случае «экспрессивные качества речи становятся в сущности уже объективной принадлежностью самих фактов языка, переставая быть только свойствами носителя языка» (Виноградов 1959, с. 176).

Все перечисленные компоненты понятия экспрессивность взаимодействуют друг с другом и обусловливают друг друга. В каждом экспрессивном слове или выражении реализуется не менее одного компонента экспрессивности, но могут быть реализованы и одновременно несколько.

Рассматривая взаимосвязь стилистического использования языка и культуры, Ю. С. Степанов (Степанов 1988) обращает внимание на неоднородность языка и культуры в плане их осознанности, придерживается представления о языке, психическом складе, культуре, материальной и духовной, как о едином комплексе, и считает. что стилистика «бытовой речи» тесно связана с неосознанным уровнем языка, а также культуры и психологии нации, к которой относится говорящий.

Итак, изучение проявления культурной специфики в реализации языком экспрессивной функции эллиптических конструкций, как представляется, является одним из актуальных направлениий современных лингвистических исследований, но имеет разное толкование, поэтому требует более пристального внимания. Считаем перспективной необходимость выявить экспрессивный потенциал эллиптических культурно-специфических единиц каждого из восточнославянских языков, который заложен в культурной картине мира, и рассмотреть, как он реализуется в контекстах художественных произведений посредством их особой организации. При изучении закрепленного в определенном языке описания картины мира одним из направлений исследования является рассмотрение закономерностей организации действительности, предпочитаемых данным языком, как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей, ибо каждый национальный язык характеризуется своими экспрессивными средствами, поэтому то, что будет экспрессивным для представителя одного языка, для другого может н может не быть таким.

ЛИТЕРАТУРА

АРНОЛЬД, И. В., 1976. *Экспрессивные средства языка.* Ленинград: Ленинградского государственного педагогического института им. им. А.И. Герцена.

БАЛЛИ, Ш., 1961. *Французская стилистика.* Москва: Иностр. литература.

БАТАЛОВА, Т. М., 1981. Ассоциативные и коннотативные связи в художественном тексте как средство создания образности . *In: Сб. науч. Трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Лингвистические аспекты образности.* Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза. No. 174, 75–82.

ВАЛГИНА, Н. С., 2000. *Синтаксис современного русского языка*. Москва: Агар.

ВЕЖБИЦКАЯ, А. К., 1993. *Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурноспецифических контекстах.* Москва: Мысль.

ВИНОГРАДОВ, В. В., 1959. *О языке художественной литературы*. Москва: наука.

ГРИШИНА, О. Н., 1988. Экспрессивность и проблема идентификации языковых стилей. *In: Сб. науч. трудов Трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Текст в функционально-стилевом аспекте.* Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза. No. 309, 6–22.

ДОЛИНИН, К. А., 1985. *Интерпретация текста.* Москва: Наука, 287.

КУРАХТАНОВА, И. С., 1981. К проблеме языковой образности. *In: Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Лингвистические аспекты образности.* Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза. No. 174, 66–74.

ЛУКЬЯНОВА, Н. А., 1991. Экспрессивность в системе, словаре и речи. *In: Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* Москва: Изд-во МГУ, 157–178.

MALINOVSKY, B. K., 1986. *Culture.* London: Edward Arnold.

МАСЛОВА, В. А., 1991. Параметры экспрессивности текста. *In: Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* Москва: Изд-во МГУ, 179–204.

ПЕТРЕНКО, В. Ф., МИТИНА, О. В., 1997. *Анализ динамики общественного сознания*. Смоленск: Изд-во СПИ.

ПОНОМАРІВ, О. Д., 2001. *Сучасна українська мова*. Kiiv.: Либідь.

САНДОМИРСКАЯ, И. И., 1991. Эмотивный компонент в значениях глагола. *In: Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* Москва: Изд-во МГУ.

СТЕПАНОВ, Ю. С., 1988. *Язык и метод. К современной философии языка.* Москва: Наука.

ТЕЛИЯ, В. Н., 1991. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. *In: Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* Москва: МГУ.
FRIES, CH., 1995. *Studies in language and linguistics*. Mich.: English Language Institute.
ШАХОВСКИЙ, В. М., 1983. *Эмотивный компонент значения и методы его описания.* Волгоград.: Изд-во ВГУ.
ЩЕРБА, Л. В., 1974. *Языковая система и языковая деятельность*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
STANKEVICH, E., 1966. *Expressive Language. Style in Language*. Massachusetts: Boston University.
ULMAN, S., 1962. *Semantics. An Intriduction to the Science of Meaning.* Oxford: Basil Blackwell.

Raisa Kozak
Kamianets-Podilskiy Ivan Ogienko National University, Ukraine
Research interests: Linguistic and Cultural Studies, East Slavic languages

NATIONAL CHARACTER OF EXPRESSIONAL ELLIPTIC DESIGNS IN EAST-SLAVIC LANGUAGES

Summary

The problems in this article are shown not so widely nowadays, which is connected with special interest of a modern linguistic science to those, how much is ethnically functioning of natural language (national). The actuality of our questions are defined, on the one hand, an indispensability to come close to the decision of one of actual problems of linguistics – problems of expressions, on the other hand, could be explained as a point of interest at the end of XX – beginning the XXI century to a problem of a parity in the universal and national – specific language, cultural using of the language, as well as to the possibility of studying of a national picture of the world through every East- Slavic language. The body of cultural-specifical expressive syntactical units is defined , more recently functioning in fiction. The problem of the National-cultural specific character of elliptic constructions is observed in connection with expressive tendency, inherent in East-Slavic languages.

KEY WORDS. Lingvo-cultural principle, a national picture of the world, national-specific units of language, figurativeness, versatility of language, expressiveness, expressive potential, expressive function of the language, expressive function of speech, elliptic designs.

Вера Астрэйка
Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси
ул. Кнорина, 1, 220049, Минск, Беларусь
Эл.почта: vera_astrejka@rambler.ru; veraastreika@yandex.by
Научные интересы: диалектология, лингвогеография, ареальная лингвистика

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ЗОНАЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ БЕЛАРУСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕЗУЛЬТАТ СЛАВЯНО-БАЛТСКИХ КОНТАКТОВ И СВЯЗЕЙ

В номинационной системе говоров северо-западной диалектной зоны беларуского языка немалое место занимают словообразовательные регионализмы. Большинство из них объясняется в контексте разного рода контактов и связей местных (пра)беларуских говоров с соседними балтскими диалектами. Среди этих языковых отличий (чаще суффиксального характера) результаты взаимодействия смежных языков (диалектов) на адстратном уровне и/или возможные проявления балтского субстрата, факты интерферентного происхождения и языковой поддержки. Данные явления не одинаковы с точки зрения особенностей распространения и употребления в говорах. Однако в ряде случаев наблюдается ярко выраженное и близкое к завершению движение в сторону формирования особых зональных (= региональных) типов и моделей деривации. Сфера словопроизводства, играющая важную роль при образовании регионально обусловленных разновидностей диалектного языка (= регионолектов), в процессе контакта позволяет максимально использовать и собственный для принимающей стороны потенциал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: беларуский язык, северо-западная диалектная зона, словообразовательные регионализмы, славяно-балтское взаимодействие.

Балтское влияние, будучи главным фактором формирования северо-западной диалектной зоны беларуского языка, в большей либо меньшей степени охватывает все уровни региональной языковой системы. Прежде всего оно проявляется в области лексики и семантики и, безусловно, не может не затрагивать тесно связанную с ней сферу деривации – тем более, что речь идет преимущественно об отдельных словарных единицах, отличающихся от распространенных в беларуских говорах иных родственных по корню обозначений своей словообразовательной структурой и являющихся, таким образом, неотъемлемой частью северо-западного регионального словаря. Северо-западные зональные словообразовательные регионализмы, которые так или иначе объясняются в контексте разного рода взаимодействий и связей славянского (в первую очередь – (пра)беларуского) и балтского (в основном, (пра)литовского) населения на указанной территории, требуют, тем не менее, отдельного рассмотрения. В региональной номинационной системе это относительно представительная и особая группа лексики, весьма интересная как с формальной стороны, так и с точки зрения предпосылок, условий, механизмов ее образования и утверждения в традиционных местных говорах беларуского языка.

В процессе языкового контактирования слова-заимствования, адаптируясь к системе принимающего языка, как правило, «обрастают» различными характерными для него аффиксами (чаще суффиксами). В случае взаимодействия генетически родственных языков (resp. балтских и славянских) с наличествующим в каждом из них фондом общих по происхождению корневых морфем именно словообразовательный критерий может выйти на ведущие позиции при идентификации слова в качестве иноязычного (подробно: Лаучюте 1972, с. 108; Лаучюте 1972а). В обеих ситуациях имеет место собственно лексическое заимствование (проникновение), причем во второй из них словообразовательные морфемы приходят непосредственно в составе соответствующих лексем. Противоположная картина, когда чужеродные аффиксы присоединяются к известным и исконным в языке-реципиенте корням/основам слов, встречается значительно реже. Бытующий в небольшом количестве

говоров на беларуско-литовском языковом пограничьи глагол *каўзіня́цца* ‘скользить по льду; кататься на коньках’ (ср. бел. общ. *ко́ўзацца (каўза́цца)* ‘то же’) (Лексічны атлас 1993-1998, т. 2, к. 109, 110) примечателен тем, что содержит – возможно, как элемент присущего для славянской речи жителей данного региона восточнолитовского субстрата – свойственный и современному литовскому языку и весьма продуктивный в нем суффикс многократного действия *-iné-ti* (ср. лит. *šokinė́ti* ‘прыгать’, *bėginė́ti* ‘бегать’ и т.д.). Это может быть и образование по аналогии с бел. сев.-зап. *вазіня́цца (важыня́цца)* ‘скользить по льду; кататься на коньках’, связываемым с лит. *važinė́ti, važinėtis* ‘ездить; кататься’ (см. Слоўнік 1979-1986, т. 1, с. 268-269). Распознавание подобных, не-своих, морфем иногда представляет некоторые трудности – приходится учитывать наличие в таких структурно близких языках, как славянские и балтские, объединяющей их определенной исходной базы средств деривации. Большое значение в этих условиях приобретают характер употребления и формально-семантическая составляющая словарного материала. Бел. сев.-зап. *шумёлы* ‘бубенчики’, бесспорно, является производным от исконного в беларуском языке глагола *шуме́ць* – похожую мотивацию имеют практически все известные здесь названия реалии (см. Лексічны атлас 1993-1998, т. 2, к. 329). Вместе с тем не исключено, что в составе регионализма *шумёлы*, зафиксированного в ряде говоров на беларуско-литовско-латышском пограничьи выступает несколько трансформированный балтский суффикс с деминутивным значением: лит. *-eĩ-is, -eĩ-ė, -ėĩ-is, -ėĩ-ė*, лтш. *-el-is* (ср. лит. *skambalė́ĩiai* ‘то же’). Такое допущение кажется вполне реальным, т.к. и в беларуском (как и в других славянских), и в соседних балтских диалектных языках уменьшительно-ласкательные формы в указанном смысле являются чрезвычайно употребительными. Рассматриваемое языковое отличие очень вероятно относится к явлениям субстратной природы – северо-запад Беларуси известен как один из регионов массовой и наиболее поздней славянизации балтов. Переходя на чужой говор, автохтоны зачастую продолжают и в новой языковой реальности оперировать свойственными их родной речи и потому крайне устойчивыми структурными элементами, моделями и схемами. Последние, вплетаясь в ткань другого языка, приобретают отличное от первоначального материальное окружение и выражение, а иногда – и несколько иное содержание. Впоследствии инновации (т. наз. третьи формы) либо получают системный статус и становятся хотя бы в рамках одной лексемы частью языковой традиции носителей говора (совокупности говоров), либо, выступая в качестве случайной ошибки, своего рода оговорки, так и остаются всего лишь фактами отдельной речевой ситуации. Даже если мы сталкиваемся тут с собственным и, скорее всего, достаточно давним образованием, поддержка со стороны языка субстрата все же должна приниматься во внимание. Свою роль, несомненно, играет и постоянное на протяжении многих столетий интенсивное взаимодействие (пра)беларуского и балтских языковых континуумов на адстратном уровне. Обусловленное в значительной степени этим процессом большое количество балтских (особенно литовских) проникновений с однотипной деривационной структурой только способствует укреплению форманта в качестве самостоятельного словообразовательного средства. Следует отметить, что в славянских диалектах анализируемая финаль обычно утрачивает все оттенки деминутивности, общие значения маркированных ею заимствованных лексем располагаются в диапазоне от нейтральных до пейоративных (ср. бел. сев.-зап. *гі́(р)ге́ль*, польск. вільн. *gigiel*, рус. пск. *гигялі́* ‘хвощ полевой’, бел. сев.-зап. *ма́рге́ль*, польск. *margiel* ‘пестрый бык’, бел. сев.-зап., рус. пск. *курме́ль* ‘пескарь; мелкая рыба’, бел. сев.-зап. *бі́рзґела* ‘вид овода’ и др. (Лексічныя балтызмы 1969, с. 29; Лаучюте 1982, сс. 29, 47, 55, 62)). То же можно констатировать и по поводу названия *шумёлы*, которое, по-видимому, создавалось по образцу уменьшительных форм, но окончательно утвердилось не как таковое. Интересное в этом отношении и наименование используемого в виде разных приспособлений подкура для пчел *курэ́ль*. Оно выступает в основном в центральной части северо-западной диалектной зоны и наиболее последовательно – в пределах образованного ареала – на пограничьи с литовским языковым пространством, встречается также и в беларуских говорах на территории последнего (Лексічны атлас 1993-

1998, т. 1, к. 318; Слоўнік 1979-1986, т. 2, с. 587). Попытка аргументировать балтские истоки слова *курэ́ль* с близкой семантикой ‘тлеющая головешка для отпугивания свиней’ (сюда же стоит добавить и значение ‘недогоревшее полено’) путем сопоставления с лит. *kuorel̃is* ‘веха’ или *kùrelis* ‘дубина’ была признана недостаточно убедительной (Гринавецкене [и др.] 1975, с. 181; Лаучюте 1982, с. 144). При действительном формально-семантическом сходстве литовских соответствий (ср. еще лит. *kurel̃klis* ‘кочерга’, *kùrti* ‘разводить огонь; разжигать’) нельзя не заметить, что в беларуском диалектном языке почти повсеместно распространены однокоренные обозначения соответствующей реалии, восходящие через глагол *кры́ць* к прасл. *kuriti* (подробно: Лексічны атлас 1993-1998, т. 1, к. 318). Тип деривации существительных на *-ель (-эль)* с разными значениями конечных форм и разным характером словообразовательных основ, в принципе известный славянским языковым системам, в беларуских диалектах в целом не продуктивен либо малопродуктивен и описывается по преимуществу как региональный – причем чаще всего слова с данным суффиксом регистрируются в говорах на северо-западе Беларуси (Сцяцко 1977, с. 38, 86, 98, 151-152, 283-284). Тут данный словообразовательный элемент присоединяется и к корневым морфемам, которые в беларуском языковом ареале имеют, как правило, совершенно иное «соседство»: *круце́ль* ‘скрученные предметы’, *таўхе́ль* ‘удар кулаком’, *гусце́ль* ‘чаща’, *кругéля* ‘мотовило’ и т.д. (Матэрыялы 1960; Слоўнік 1979-1986, т. 2, с. 527; Сцяцко 1977, с. 38, 86, 98, 151-152). Такой выбор вряд ли случаен. Ему в немалой мере способствует и присутствие в говорах региона мощного восточнолитовского субстрата, и влияние – как минимум поддерживающее – соседнего литовского языка, в котором тождественные или формально подобные средства словообразования по-прежнему отличаются высокой активностью, и наличие значительного фонда балтизмов (главным образом литуанизмов) с отмеченными финалями, пополняемого в том числе и за счет литовскоязычных лексических единиц, приобретающих соответствующий вид в процессе фонетической адаптации: *бруз(д)у́кель* ‘деревянная пуговица’ < лит. *brūz(d)ùklis*; *страмбе́ль* ‘стебель’ < лит. *stramblỹs* (см. Лаучюте 1982, с. 63, 730), *раўге́ль* ‘плакса’, ср. лит. *raudãlius*. Здесь же – в широкой полосе говоров вдоль беларуско-литовской границы – сконцентрированны и аналогичные по суффиксальному оформлению производные от антропонимов и апеллятивов айконимы. Большинство из них – собственно литуанизмы по происхождению: *Даржэ́лі, Жардзе́лі, Кеме́лі* и др. Немногочисленные же остальные возникли, очевидно, по аналогии с последними уже на материале беларуского языка. Но все они – целиком либо с учетом только словообразовательного сегмента – трактуются в качестве литовских элементов в беларуской ономастике (Бірыла, Ванагас 1968, с. 73-77). Примерно то же наблюдается и в отношении ряда других суффиксов, выступающих в разных или только в определенных группах слов: *-ін-а (-ын-а)* (со значением собирательности), *-г-а, -ен-я, -уль, -ул-я* и др. Их продуктивность при образовании апеллятивной и ономастической лексики в говорах указанной территории и связи с соответствиями в балтских языках (в первую очередь – литовском) уже были замечены диалектологами (Бірыла, Ванагас 1968; Арашонкава [і інш.] 1969, с. 124; Северо-западные 1972, с. 379-383). Есть смысл предполагать, что употребление некоторых их этих формантов является следствием довольно давних отношений беларуского языка, а ранее – и говоров его этно-генетической базы с разными балтскими языковыми (диалектными) объединениями. Внимание привлекают дериваты на *-ай, -ей (-эй)*, обозначающие растения. Среди них явные, а также предполагаемые литуанизмы: *дзіндзяле́й (цындале́й, цынцыле́й, цымбале́й*) ‘чистотел’, *ляжджа́й* ‘разновидность осоки; рогоз; осот’, *плюшча́й* ‘несколько видов болотных растений’, *блюжджа́й* ‘ранняя осока’ (подробно: Лаучюте 1982, с. 65, 99, 119; Арашонкава [і інш.] 1969, с. 125). Но немало и образований от собственных корневых морфем: *хвашча́й, хвашчэ́й* ‘хвощ’, *шчаве́й* ‘щавель’, *малача́й, малачэ́й* ‘молочай; одуванчик; волнушка (гриб)’ и др. Хотя каждое подобное название в пределах беларуского диалектного континуума имеет свою с точки зрения пространственных характеристик специфику (ареальное – компактное/диффузное – распространение, редкие, единичные фиксации), очевидно одно: основное место их локализации – южная часть северо-

западного зонального обособления говоров, включая и его периферию (см. Лексічны атлас 1993-1998, т. 1., к. 243, 244, 261, 265, 267, 273; Раслінны свет 2001, с. 49, 51, 100, 122, 123, 175, 177, 195, 198, 199, 261). Данные форманты в наименованиях ботанических объектов более всего засвидетельствованы в восточно- и южнославянских языках (ср. бел. сев.-зап., полес. *пы́рай, пырэ́й*, укр. общ. *пирі́й (пері́й), пире́й*, рус. *пыре́й*, болг., макед. *пи́рей* ‘несколько разновидностей травянистых растений’, укр. общ. *деревíй (диривíй), дерев́ей* ‘тысячелистник’, укр. *молоча́й, молоче́й, молочі́й* полес., зап. ‘одуванчик’, полес. ‘чистотел’, рус. *молоча́й* ‘растение Sonchus L.’ (Лексічны атлас 1993-1998, т. 1, к. 248; Этымалагічны слоўнік 1978-2005, т. 10, с. 274; Сабадош 1999, с. 23, 35, 53, 73)), что позволяет придерживаться мнения об исконности их в беларуских говорах. На территории Славии отмеченные языковые средства, судя по всему, уже не имеют особой продуктивности и относятся скорее всего к архаичным элементам системы словообразования. Первоначально они служили, видимо, для создания слов с собирательным значением – многие фитонимы беларуского языка и поныне сохраняют соответствующий семантический оттенок, указывая и на принадлежность к некоторому виду растений, и на конкретных его представителей. Наиболее точное соответствие в современном литовском языке – суффикс *-ij-a* – также имеет значение собирательности (Гринавецкене [и др.] 1972, с. 382), но в словах, обозначающих отдельные виды растений, он, кажется, почти не фиксируется (ср. лит *augmenijà* ‘растительность’): такие субстантивы в основном содержат иные словообразовательные морфемы (ср. лит. собир. *rūgštyñė* ‘щавель’). Близкие по форме номинации со значением множественности встречаются в латышском диалектном языке: *vaivarāji, vāverāji, vāvernāji* ‘багульник’, *virsāji, virsēji* ‘вереск’ (Latviešu valodas 1999, lpp. 366, 367, k. 18, 21). Подобные форманты, вероятно, были присущи и иным, исчезнувшим, балтским диалектам. Речь идет, можно полагать, о достаточно древней общей для славян и балтов языковой особенности. Ее распространение в беларуском диалектном языке (в том числе и за пределами северо-западной диалектной зоны) охватывает области интенсивных славяно-балтских (resp. балто-славянских) контактов разных типов в древности и в последующие периоды: полесско-гродненский регион и юго-восток Беларуси. При этом район основной локализации совпадает с былым ятвяжским ареалом, большая часть которого, после опустошения крестоносцами, в начале XVI в. повторно совместно осваивалась беларусами, поляками, литовцами и потомками уцелевших ятвягов. Известно, что балтское население названного региона в более ранние эпохи и в дальнейшем подвергалось этно-языковой славянизации (позже – беларусизации). Усваивая чужую речь, аборигены из набора столкнувшихся здесь разнодиалектных славянских языковых структур и черт определенно в первую очередь выбирали элементы, максимально близкие по материальному выражению и внутреннему содержанию к их родной языковой стихии, способствуя тем самым утверждению последних в качестве регионально маркированных средств языка, а значит, и возрождению и/или усилению в границах данного ограниченного пространства их активности. В беларуских говорах упомянутые суффиксы присоединяются к корневым морфемам, которые в других славянских языках (диалектах), как правило, сочетаются с иными формантами: *хвашча́й, хвашчэ́й* (ср. Сабадош 1999, с. 69), а также к заимствованиям из соседних языков с совершенно отличной в первоисточнике словообразовательной структурой: *дзіндзяле́й, ляжджа́й, плюшча́й* < лит. *džindžiliùkas*, (диал. *dzindziliùkas*), *lazdà, lazdáitė, plūšos, plušai, pliūšė, pliūšìs*; *пінаве́й* ‘мята’ < польск. *pinawia* ‘пижма; пион’ (см. Лаучюте 1982, с. 65, 119; Арашонкава [і інш.] 1969, с. 125; Этымалагічны слоўнік 1978-2005, т. 9, с. 133). Некоторые балтизмы из приведенного ряда слов не имеют точных аналогов (непосредственных источников заимствования) в современных литовских и латышских говорах и проникли в беларуский язык, по-видимому, из других балтских (возможно, ятвяжских) диалектов: *блюжджа́й* (см. Лаучюте 1982, с. 99). Утверждение суффиксов *-ей (-эй), -ай* как регионально значимых средств деривации в традиционных восточнославянских говорах Беларуси, таким образом, берет начало скорее всего еще в доисторические для беларуского языка времена либо в наиболее ранний период его существования.

Активизация ряда суффиксальных морфем в беларуских говорах северо-западной диалектной зоны напрямую обусловлена вызванными балтским языковым воздействием сдвигами в грамматической системе последних. Следствием действующей здесь тенденции к нейтрализации категории среднего рода стал численный рост группы субстантивов женского рода на *-а (-я)*, в которую в дальнейшем стали переходить и существительные мужского рода. Пополнение осуществляется и за счет отдельных суффиксальных образований (Гринавецкене [и др.] 1972, 379-381). На северо-западе Беларуси, кроме того, наиболее употребительны деминутивные по форме, но не по содержанию дериваты женского рода с суффиксом *-к-*, которые за пределами рассматриваемой диалектной зоны в таком статусе либо фиксируются крайне редко, либо не фиксируются вовсе: *свякро́ўка* ‘свекровь’, *(пад)паве́тка* ‘поветь’, *(а)бічо́ўка* ‘бьющая часть цепа’, *вы́вараткa* ‘вывернутое бурей дерево’ (Дыялекталагічны атлас 1963, к. 90, 237, 258; Лексічны атлас 1993-1998, т. 1, к. 188). Отражая упомянутое стремление к увеличению числа имен женского рода на *-а (-я)*, некоторые из этих, хорошо известных (в другом значении) беларускому языку форм, выступают в говорах региона в качестве альтернативы аналогичным номинациям мужского рода (ср. бел. диал. *біч(ык), бічу́к*), другие же употребляются соответственно названиям женского рода, но с нулевой флексией (ср. бел. диал. *свякро́ў, (пад)паве́ць, вы́вараць*), что отчасти связано с отсутствием у них видимого формального показателя принадлежности к отмеченной грамматической категории – обстоятельством совершенно неприемлемым с точки зрения языкового сознания носителя (пра)литовского говора, в котором окончания субстантивов всегда имеют материальное выражение. С той же целью здесь иногда используется суффикс *-іна* (ср. бел. сев.-зап. *вы́вараціна* ‘вывернутое бурей дерево’). Иногда для замещения нежелательных для языка субстрата существительных среднего рода выбираются однокоренные номинации мужского рода. Большое значение имеет, кроме того, грамматическая характеристика и морфемная структура конкретных параллелей в балтских языках. Так объясняется высокая продуктивность образований на *-ук (-юк), -ак (-як)* в названиях молодых существ в приграничных к литовскому языку беларуских говорах: *жарабю́к* ‘жеребенок’, *курчу́к, курча́к* ‘цыпленок’, *хлапчу́к, хлапча́к* ‘мальчик’ и т.п. (ср. бел. юго-зап. *жарабя́, курча́, хлапчо́, хлапча́*, лит. *kumeliùkas* ‘жеребенок’, *viščiùkas* ‘цыпленок’, *viščiõkas* ‘подросший цыпленок’, *berniùkas* ‘мальчик’, *berniõkas* ‘паренёк’) (ср. Гринавецкене [и др] 1972, с. 281-282).

Многое из вышесказанного относится и к характеру употребления в северо-западных беларуских говорах отдельных префиксальных формантов, которые в качестве зональных языковых отличий встречаются гораздо реже суффиксальных. В процессе деривации особенно широко тут используется приставка *аб-*. Наиболее активно она участвует в образовании глагольных форм совершенного вида и встречается также в соответствующих отглагольных существительных, нередко – в нарушение норм беларуского языка: *абна́дзіцца* ‘повадиться’, *абтапі́ць* ‘затопить’, *абці́хнуць* ‘утихнуть’, *абтушы́ць* ‘затушить’, *абсаве́таваць* ‘посоветовать’, *абмылі́цца* ‘ошибиться’, *абмы́л* ‘ошибка’, *абко́піны* ‘докапывание картошки’ и др. Подобный префикс высоко продуктивен в балтских языках, прежде всего – литовском (ср. лит. *aptìlti* ‘утихнуть’, *aptvìndyti* ‘затопить’, лтш. *apbedīt* ‘закопать; похоронить’, диал. *apbest, aprakt, apraust* ‘похоронить’ и т.д.) (Арашонкава [і інш.] 1969, с. 124; Latviešu valodas 1999, lpp. 395). В смежные беларуские говоры он попадает вместе с лексическими проникновениями: бел. сев.-зап. *абсні́гаваць* ‘покрыться снегом’ (< лит. *apsnìgti*), *абжарга́ць* ‘сесть верхом на коня’ (< лит. *apžerg̃ti*), *абшню́пнуць* ‘склониться, уснув; увянуть’ (< лит. *apšniùpti* ‘наклониться, склониться’) (см. Лаучюте 1982, с. 30, 62; Слоўнік 1979-1986, т. 1, с. 32, 99) и т.п. Другой важный путь внедрения – субстратные языковые пласты. Большую роль в распространении и укреплении позиций данного форманта играет и то обстоятельство, что материал самого (пра)беларуского языка, демонстрируя подобные, а иногда и почти тождественные образцы собственного словопроизводства, без какого-либо сопротивления позволяет это. В некоторых случаях вопрос о возможном внешнем влиянии возникает исключительно при внимательном

рассмотрении и учете ряда сопутствующих факторов: лингвогеографической характеристики явления, места среди инославянских параллелей и других, основных в беларуском диалектном языке, вариантов. Название *абга́ркі* ‘пригоревшая часть еды’ известна только в неширокой полосе говоров беларуско-балтского пограничья. В целом же в беларуском языке в указанном значении выступают номинации либо с приставкой *при-*, либо вообще без нее (ср. общ. *прыга́ркі* и под., юго-вост. *гарэ́лікі* и под.), изредка регистрируются и другие образования (Лексічны атлас 1993-1998, т. 4, к. 370). Наиболее близкие соответствия в славянских языках также не совпадают формально и/или семантически (ср. рус. диал. *о(б)га́рок* ‘щепочка горящей лучины’, слц. *obhorok*, польск. *ogarek* ‘огарок’, *opalonek* ‘печеный хлеб’, слн. *(o)žgati se* ‘обжечься; подгореть’), некоторые из них зафиксированы в говорах, контактных с обозначенным выше ареалом: пск., твер. *ога́рина* ‘пригоревшая еда’ (Словарь 1965-1991, вып. 22). Потому предположение о поддержке и воздействии со стороны балтских диалектных систем кажется здесь вполне уместным (ср. лит. *apdeg̃es, apjuodúoti, apsvìlti*, лтш. *apdegt* ‘обгореть; пригореть’).

Во всех описанных случаях, без сомнения, можно говорить о движении в сторону утверждения специфичных зональных словообразовательных типов и моделей. Нечто подобное наблюдается и на других уровнях языковой системы беларуских говоров северо-западной диалектной зоны: в фонетике и грамматике. Но в области деривации тенденция к формированию особого языкового структурного типа значительно более выражена, активна и часто близка к своему завершению. Словарный материал, иллюстрирующий соответствующие схемы и модели словообразования, в пределах региона представлен в каждом случае неодинаково и в общем неравномерно: от последовательного употребления на широкой территории до крайне редких фиксаций. Имеют место и ограничения некоторыми группами лексики, которые в деривации значительно более естественны, чем в сфере звуковой и даже грамматической. Не в любом говоре рассмотренные средства словопроизводства способны быть полностью вне конкуренции со стороны иных, приемлемых в рассмотренных обстоятельствах, морфем. Тем не менее, в целом в говорах зоны это довольно заметное явление, которое, бесспорно, составляет своеобразие данной, регионально обусловленной, разновидности беларуского языка.

Многие северо-западные зональные языковые отличия в области словообразования ограничены только одним или несколькими родственными словами. Группа повсеместно распространенных на территории зоны однокоренных приставочных наименований стрехи: *застрэ́шша, падстрэ́шша, прыстрэ́шак* и т.п., отмеченная прежде всего на фоне общеизвестного в беларуских диалектах бесприставочного *страха́* (Лексічны атлас 1993-1998, т. 4, к. 54), на наш взгляд, частично калькирует морфемную структуру балтских лексических соответствий – в частности, в литовском языке в этом и подобных значениях наиболее употребительны именно префиксальные формы (ср. лит. *padánga, padánginė, padañgtė, pastóginė* ‘навес’, *príedanga* ‘заслон; прикрытие, укрытие’ (где *pa-, príe-* аналогичны бел. *за-, пад-, пры-*), *dangà* ‘покрытие’, диал. *dañgtis, dangtỹs, stógas* ‘крыша’ (см. Lietuvių kalbos atlasas 1977, p. 34-35, ž. 3), бел. *страха́* ‘то же’). Бесприставочное название *сы́пка* ‘наперник’, бытующее в южной части северо-западного единения беларуских говоров (Лексічны атлас 1993-1998, т. 4, к. 194), свою необычную «внешность» (ср. бел. общ. *на́сыпка*), вероятно, также получило в наследство от некоего диалектного балтского аналога – по крайней мере, в литовском языке есть подобные образования: *pylà, pýlimas* ‘насыпь’, *piltìnis* ‘насыпной’, *pìlti* ‘сыпать; насыпать’, хотя литературное обозначение наперника – *impìlas* – имеет тут все же префиксальную структуру. Приставка последнего, на наш взгляд, нашла продолжение в словообразовательном варианте *усы́пка*, изредка фиксируемом на границе с литовским языковым пространством в ареале *сы́пка*: лит. *im-* в славянских языках отождествляется в том числе и с *в-* (> бел. *у-*). То же можно сказать и о зональных названиях раскорчеванного участка *вы́цераб(ка), вы́церабнік*, выступающих в беларуском языке в качестве синонимов сев.-вост. *расцяро́б*, центр.-полес. *по́цераб* (Лексічны атлас 1993-1998, т. 2, к. 125). Семантически близкие литовские наименования в своем составе имеют префикс,

соответствующий славянскому *вы-*: *ìškarta, ìškirtos* и др. ‘вырубка в лесу’ (см. Lietuvių kalbos atlasas 1977, p. 190-191) (ср. также лтш. *izcirtums* ‘вырубленное место’, латышский фактор исключается однако, ввиду географии беларусских регионализмов – в районе пограничья с Литвой и Польшей). Должна быть принята во внимание и возможность влияния со стороны польск. *wytrzeba* ‘то же’ – речь, видимо, идет о беларусско-польско-литовской ареальной особенности.

Иногда стимулом к образованию новой в плане морфемной организации формы становится специфика употребления лексем с тождественным значением в языках соседей и/или языке субстрата. В говорах, узкой лентой растянувшихся вдоль границы с литовской языковой областью, с семантикой ‘потолок’ отмечено слово *сталява́нне*, однокоренное с бел. общ. *столь* (Дыялекталагічны атлас 1963, к. 228). Польск. *stalowanie* ‘то же’, изредка встречающееся в районе Августова и Сувалок (Mały atlas 1957-1969, t. 1, m. 8), следует считать продолжением беларуского зонального регионализма. Нельзя не заметить, что в балтских языках названиями потолка являются существительные, имеющие форму только Pl.T.: лит. *lùbos*, лтш. *griesti*. Значение множественности, собирательности отражено и в форме *сталява́нне* и ярко выражено именно через словообразовательный формант (ср. бел. *шалява́нне* ‘тонкие доски, идущие на обшивку деревянных строений, шалевка; обшивка из таких досок’).

Отдельную группу составляют словарные единицы, своеобразное морфемное строение которых является результатом межъязыковой интерференции. При массовой этнической ассимиляции и обусловленном ею переходе населения на другой язык разного рода ошибки, возникающие в процессе усвоения и трактовки чужой речи, вполне обычны и ожидаемы, а наиболее типичные из них оставляют свой след в системе языка-победителя. Это не столь значительный в количественном плане материал, но он весьма интересен для разностороннего изучения проблемы языковых контактов. Почти все соответствующие формы представляют собой образования аналогического характера, поэтому их возникновение в значительной степени зависит от заложенной в самом принимающем языке возможности такого выравнивания, хотя немалую роль здесь играют и стереотипы собственного языкового мышления автохтонов. Употребление характерного для отдельных местных говоров глагольного обозначения *садавíцца* ‘садиться’ (Лексічны атлас 1993-1998, т. 2, к. 112) на месте одного из компонентов общераспространенной схемы *се́сці – ся́ду – садзíцца*, связано, видимо, с наличием в беларуском языке цепочки форм наподобие *стаць – ста́ну – станавíцца*. Данный ориентир, ложный с позиций системы беларуского языка, оказывается вполне приемлемым с точки зрения носителя балтского говора – в том же литовском языке нет такого разнообразия видовых глагольных форм, как в языках славян, и это создает благоприятную почву для путаницы. Образцом для отмеченного в другой части зоны – на ее севере – наименования *зе́рнета (зе́рніта)* ‘зерно (одно)’ (Лексічны атлас 1993-1998, т. 2, к. 234) явно стала хорошо известная в беларуских диалектах форма Pl.T. *зярня́ты* с суффиксальной вставкой в противовес отсутствию таковой в форме Sing.T. *зе́рне (зярно́)*. Подобные ошибки часто наблюдаются в речи иностранцев (*чудесо* вместо рус. *чудо*, мн. – *чудеса*, и др.). Несовпадение словообразовательной структуры взаимосопоставимых и взаимозависимых форм особенно непонятно носителям тех языков (диалектов), в которых в этом смысле наблюдается определенная однородность (ср. лит. *grū́das* ‘зерно (одно)’, собир. *grūdai*). В тот же ряд явлений, вероятно, можно включить и сев.-зап. *на́куць, на́кут* ‘красный угол в избе’ (ср. бел. юго-зап. *по́куць, по́кут*, сев.-вост. *кут*) (Дыялекталагічны атлас 1963, к. 335). Рассматриваемая номинация совершенно не типична для беларуского языка: среди префиксальных отсубстантивных существительных это единственный пример слов с приставкой *на-* (Сцяцко 1977, с. 274). Отправной точкой в ее образовании скорее всего были названия *по́куць, по́кут*. Наиболее адекватными соответствиями восточнославянского форманта *по-* в литовском языке, а также, видимо, и в диалектах, предшествовавших ему, являются *пи-, пио-*, которые в некоторых случаях соотносятся, кроме того, и со схожим внешне славянским *на-*. Это обстоятельство могло способствовать неразличению и

смешиванию двух славянских морфем коренными жителями региона при переходе на (пра)беларуский говор, что и стало причиной неверного усвоения одного из присущих последнему и крайне важных в бытовом смысле названий.

На северо-западе Беларуси в сложных условиях славяно-балтского (resp. балто-славянского) этно-языкового взаимодействия в свое время возникли предпосылки к образованию самостоятельного идиома со своей специфической структурой и особым набором основообразующих элементов. Данные тенденции не нашли и, возможно, никогда не найдут своего завершения, но их действие, на протяжении многих веков обусловленное территориальной близостью и общностью историко-культурной и социально-политической жизни местного населения независимо от его происхождения, привело к возникновению в составе беларуского языка своеобразного северо-западного зонального единения говоров (= регионолекта). Сфера деривации, имеющая в языковых системах гораздо меньшее значение, чем их фонетический и грамматический строй, в развитии комплекса регионально маркированных языковых отличий выходит на одну из ведущих позиций. Будучи относительно подвижной и чувствительной к разнообразным внешним воздействиям и факторам, эта область языка в процессе контакта позволяет максимально использовать и свой собственный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

АРАШОНКАВА, А.У. [І ІНШ.], 1969. З лексікі беларускіх гаворак заходняй зоны. *Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 4*, с. 123-134.

БІРЫЛА, М.В., ВАНАГАС, А.П., 1968. *Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы*. Мінск: Навука і тэхніка.

ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Е.Й. [И ДР.], 1972. Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья. *Балто-славянский сборник*. М.: Наука, с. 377-393.

ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Э. [И ДР.], 1975. Бытовая лексика литовского происхождения в западной Белоруссии. *Lietuvų kalbotyros klausimai, t. XVI*, p. 163-195.

ДЫЯЛЕКТАЛАГІЧНЫ АТЛАС БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ, 1963. Мінск.

ЛАУЧЮТЕ, Ю. А., 1982. *Словарь балтизмов в славянских языках*. Л.: Наука.

ЛАУЧЮТЕ, Ю., 1972. Лексические балтизмы в славянских языках. *Вопросы языкознания, 3*, с. 101-109.

ЛАУЧЮТЕ, Ю., 1972а. Словообразовательный критерий выделения балтизмов в славянских языках. *Baltistica,1 priedas*, p. 89-95.

ЛЕКСІЧНЫ АТЛАС БЕЛАРУСКІХ НАРОДНЫХ ГАВОРАК: У 5 Т., 1993-1998. Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь, Камітэт геадэзіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь.

ЛЕКСІЧНЫЯ БАЛТЫЗМЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ, 1969. Мінск: АН БССР, Ін-т мовазнаўства.

МАТЭРЫЯЛЫ ДЛЯ СЛОЎНІКА МІНСКА-МАЛАДЗЕЧАНСКІХ ГАВОРАК, 1960. Мінск: Выд-ва БДУ.

РАСЛІННЫ СВЕТ: ТЭМАТЫЧНЫ СЛОЎНІК, 2001. Мінск: Беларуская навука.

САБАДОШ, І.В., 1999. *Атлас ботанічної лексики української мови.* Ужгород: Ужгород. держ. ун-т.

СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ. ВЫП. 1-26, 1965-1991. М.-Л.: Наука.

СЛОЎНІК БЕЛАРУСКІХ ГАВОРАК ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ І ЯЕ ПАГРАНІЧЧА: У 5-ЦІ Т., 1979-1986. Мінск: Навука і тэхніка.

СЦЯЦКО, П.У., 1977. *Беларускае народнае словаўтварэнне. Афіксальныя назоўнікі.* Мінск: Навука і тэхніка.

ЭТЫМАЛАГІЧНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ. Т. 1-10, 1978-2005. Мінск: Беларуская навука.

LATVIEŠU VALODAS DIALEKTU ATLANTS: LEKSIKA, 1999. Rīga: Zinātne, 404 lpp., 102 k.

LIETUVIŲ KALBOS ATLASAS. T. 1. LEKSIKA, 1977. Vilnius: Mokslas.

MAŁY ATLAS GWAR POLSKICH: 13 T., 1957-1969. Wrocław – Kraków.

Vera Astreika
Research Training Institute of the National Academy of Sciences of Belarus

THE NORTH-WEST ZONE WORD-BUILDING REGIONALISMS OF BELARUSIAN AS A RESULT OF SLAVIC-BALTIC CONTACTS AND RELATIONS

Summary

The article considers a number of derivational peculiarities typical for the North-West dialect zone of the Belarusian language. These are explained as the results of the different Slavic-Baltic contacts and relations in the region (adstratum and/or substratum phenomena, the evidence of language support and interference). Concerning some of them it is possible to state about formation of the special zonal (= regional) word-building types and models.

KEY WORDS: the Belarusian language, the North-West dialect zone, word-building regionalisms, Slavic and Baltic language interaction.

Teresė Aleknavičiūtė
Vytauto Didžiojo universitetas
Anglų filologijos katedra
K. Donelaičio g. 52 – 615
t.aleknaviciute@hmf.vdu.lt
Mokslinių interesai: multimodalumo teorija, akademinis ir mokslo populiarinimo diskursas, vertimas

HUMANITARINĖS SRITIES MOKSLO POPULIARINIMO DISKURSAS MULTIMODALIUOJU ASPEKTU

Multimodalumo, t. y. prasmės kūrimo naudojant įvairius informacijos pateikimo būdus (kompoziciją, nuotraukas, piešinėlius, tekstą) aspektas Lietuvoje dar naujas. Straipsnio tikslas – aptarti humanitarinės srities mokslo populiarinimo diskursą multimodaliuoju aspektu. Pirmiausia pateikiami pagrindiniai multimodalumo analizės principai, suformuluoti Gunther'io Kress'o, Theo van Leeuwen'o ir kitų mokslininkų. Analizei surinkti straipsniai iš tokių laikraščių ir žurnalų kaip „Lietuvos aidas," „Mokslo Lietuva," „Filosofija.lt" ir „Literatūra ir menas." Koncentruojamasi ties keliais pagrindiniais aspektais: aptariami pagrindiniai kompoziciniai principai (teksto ir vaizdinės medžiagos išdėstymas straipsnyje), veikėjai, vaizduojami nuotraukose bei piešinėliuose, tekstu ir vaizdu kuriamas naratyvumas, santykis tarp teksto ir vaizdo. Galima daryti išvadą, kad iliustracijos straipsniuose vaidina svarbų vaidmenį ir ne tik iliustruoja straipsnį, bet ir jį papildo naujomis prasmėmis bei papildomais, tekste neminimais, aspektais.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: multimodalumas, mokslo populiarinimo diskursas, naratyvumas, stereotipas

Įžanga

Labai ilgą laiką buvo būdinga atskirti kalbinius ir vaizdinius diskurso elementus: kalba yra svarbiausia, o pasitaikančios nuotraukos, paveikslėliai ar diagramos – tiesiog iliustracijos, kurios nėra tokios reikšmingos. Naujosioms technologijoms ėmus keisti tiek žanrus, tiek pačią kalbą bei atsiradus įvairiausioms technologinėms galimybėms, imta mąstyti, kaip kuriama reikšmė. Vienas iš tokių bandymų – Gunther'io Kress'o sukurta multimodalumo teorija, kurioje teigiama, kad reikšmę kuria daugybės elementų – kalbos, kompozicijos, nuotraukų, paveikslėlių, muzikos, vaizdo, garso medžiagos ir kt. sąveika. Taigi šio straipsnio tikslas – multimodaliuoju aspektu aptarti humanitarinės srities mokslo populiarinimo diskursą. Duomenys analizei buvo surinkti iš internete prieinamų mokslo populiarinimo laikraščių: „Lietuvos aidas", „Mokslo Lietuva", „Filosofija.lt" ir „Literatūra ir menas".

Pagrindiniai multimodalumo teorijos principai

Kaip jau minėta, informacija gali būti pateikiama įvairiais būdais, kuriuos Gunther'is Kress'as įvardija anglišku žodžiu *mode*, kurie gali būti patys įvairiausi (Kress 2001, p. 67-68). Rašytiniame diskurse reikšmę gali kurti teksto formatavimas, kompozicija, vaizdinė medžiaga, taip pat ryškėja skirtumas, ar skaitomas spausdintas, ar ranka rašytas tekstas; ant kokio popieriaus tekstas rašytas ar skaitomas kompiuterio ekrane. Tuo tarpu sakytinis diskursas kuriamas ne tik girdint, bet ir naudojant papildomas priemones (padalomoji medžiaga, pristatymas kompiuteriu), kalbėtojo gestais, akių kontaktu, apranga, balso tonu ir t.t. (Forceville and Urios-Aparisi 2009, p. 5, Kress et al. 2001, p. 1). Taigi galima daryti išvadą, kad bet kokia informacija yra multimodali, t.y.

neįmanoma informacijos perteikti vienu būdu, nors kuris nors informacijos perteikimo būdas gali dominuoti.

Informacijos perteikimo būdų dominavimas priklauso nuo žanro ir jį kuriančios bendruomenės poreikių. Suprantama, kad, pavyzdžiui, teisiniuose tekstuose (sutartyse, bylose) dominuoja tekstas, tuo tarpu reklamose, komiksuose ar grafiniuose romanuose svarbiausią vietą užima vaizdas (Bateman 2008, p. 181). Žinoma, galimi ir įvairūs tarpiniai variantai arba pačios įvairiausios informacijos perteikimo būdų kombinacijos.

Teigiama, kad skirtingi informacijos pateikimo būdai atlieka skirtingas funkcijas: pavyzdžiui, kalba galima pateikti informaciją apie įvykius, jų seką, o vaizdu – apie tų įvykių turinį. Taip pat skirtingi šriftai gali būti naudojami norint pabrėžti, akcentuoti, spalvos – patraukti dėmesį ar net manipuliuoti (ypač grafikuose ar diagramose) ir t.t. (Kress 2001, p. 69-71). Negalima nuvertinti kalbos, tačiau ji – tik vienas (aišku, labai svarbus) iš būdų, leidžiantis perteikti informaciją ir kurti reikšmę.

Analizuojant tekstus multimodaliuoju aspektu, gali būti aptariami keli aspektai, pavyzdžiui, kompozicija (Kress 2010, p. 92), veikėjai (aktyvūs, veikiantys arba vaizduojami, jų veido išraiška, akių kontaktas, rasė, lytis, amžius ir pan.), atliekami veiksmai, naratyvumo kūrimas (Kress and van Leeuwen 2006, p. 45), spalvos (Suda 2010, p. 45ff.). Kadangi šie pagrindiniai aspektai bus aptariami analizuojant mokslo populiarinimo diskursą, todėl svarbu detaliau aprašyti kiekvieną iš jų.

Humanitarinės srities mokslo populiarinimo diskurso analizė multimodaliuoju aspektu

Analizei pasirinkti mokslo populiarinimo straipsniai, todėl, savaime suprantama, kad pagrindinę dalį sudaro tekstas. Tyrimui pasirinkti straipsniai, kuriuose yra bent viena iliustracija. Taigi mažiausias iliustracijų skaičius yra viena (kaip pastebėta, tai pakankamai įprasta analizuojamiems straipsniams), didžiausias – 7. Vaizdinę medžiagą sudaro nuotraukos (daugiausia jose vaizduojami žmonės, žmonių grupės, pavieniais atvejais – bažnyčios, koplytstulpis, medalis, senoviniai papuošalai), montažinės nuotraukos (kai pateikiamas sukurtas paveikslėlis, kuriame dalį sudaro nuotrauka, o dalis yra piešta) bei piešinėliai (taip pat daugiausia vaizduojami žmonės, poroje piešinėlių – senoviniai papuošalai).

Pirmas dalykas, kuris krenta į akis, – tai kompozicija. Jeigu straipsnyje yra viena nuotrauka, ji dedama pačioje straipsnio pradžioje, paprastai po pavadinimo, dažniausiai kairėje pusėje, o tekstas pateikiamas arba iš šono, arba nuotraukos apačioje. Todėl būtų galima taikyti informacijos pateikimo principą (duotoji – nauja informacija): mokslininko nuotrauka yra tarsi žinoma, atpažįstama informacija, o tekstas suteikia naujų žinių apie mokslininką ir jo nuveiktus darbus.

Kitas kompozicinis atvejis pastebimas, kai tekste yra kelios iliustracijos: tada jos pateikiamos „zigzago“ principu, t.y. viena iliustracija dedama dešinėje, žemiau – tekstas, o kita iliustracija – kairėje arba centre. Skaitytojas skaitydamas tekstą, gali žiūrėti iliustracijas – greičiausiai taip siekiama įvairovės arba norima išlaikyti skaitytojo dėmesį.

Kaip jau minėta, nuotraukose dažniausiai vaizduojami žmonės. Vienu atveju – tai mokslininkai (nuotrauka – jų portretas), kitu atveju – įamžintos žmonių grupės. Panašu, kad į straipsnį dedama mokslininko nuotrauka turi atitikti tam tikrus kanonus. Tipinis pavyzdys būtų prof. Violetos Kelertienės nuotrauka straipsnyje „Tapusi azartiška lietuve“:

1 pav. prof. V. Kelertienės nuotrauka straipsnyje „Tapusi azartiška lietuve“

Pirmiausia pastebimas stiprus akių kontaktas: mokslininkė žvelgia į skaitytoją tarsi siekdama įtaigumo ir dėmesio. Pagrindinis akcentas – veido bruožai, nes nuotraukoje matomas ne visas kūnas, o tik pečiai (dokumentams būdinga 3x4 nuotrauka). Išraiška rami, mokslininkė santūriai šypsosi, drabužiai, kiek matosi, tamsūs. Erdvė, kurioje fotografuota, nėra aiški, nesimato jokių objektų; kitais atvejais matosi tik švelnios, labai šviesios spalvos fonas. Taigi, viena vertus, nuotraukoje siekiama tiesioginio akių kontakto, antra vertus, mokslininkės poza yra aiškiai pasirinkta pačios arba fotografo – siekiama save pristatyti neutraliai, nepabrėžti teigiamų ar neigiamų charakterio savybių, neišryškinti asmenybės bruožų. Tai galėtų būti sietina su mokslininko stereotipo kūrimu: malonus, pakankamai rimtas žmogus, su kuriuo išlaikoma didesnė ar mažesnė distancija, tačiau kuris yra pakankamai autoritetingas paveikti skaitytojus ar klausytojus (kalbant apie sakytinį diskursą).

Mokslininko stereotipas, tik kiek kitu aspektu, parodomasir nuotraukose vaizduojant žmonių grupes, taip pat dažniausiai mokslininkus. Šiuo atveju akcentu tampa veikla, kuri daugeliu atvejų yra akademinė, pavyzdžiui:

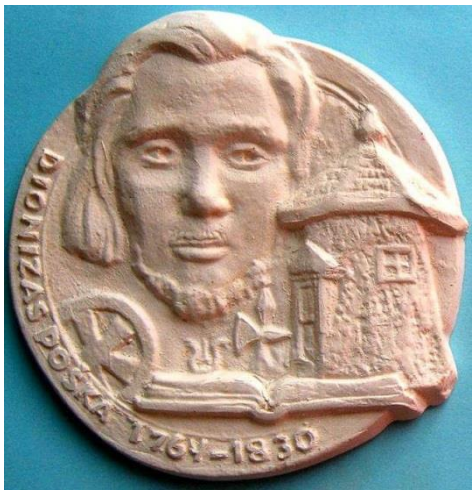
2 pav. konferencijos nuotrauka iš straipsnio „Mūsų laikams reikia kun. Jono Katelės“

Nuotraukoje matomi keli prie stalo sėdintys ir įdėmiai klausantys žmonės, jie vaizduojami profiliu, veidų išraiška rimta, jie žvelgia tiesiai (į ką – nematome), apranga pakankamai oficiali, ant stalo matomi popieriaus lapai, lankstinukai, erdvė – didelis kambarys arba auditorija. Net ir be nuotraukos užrašo galima suvokti, kad tai – seminaro ar konferencijos dalyviai. Visos išvardintos savybės taip pat padeda kurti mokslininko bei akademinės erdvės stereotipą.

Kita nuotraukų funkcija straipsniuose – kurti naratyvumą. Pavyzdžiui, straipsnyje „Lietuva atsisveikino su savo nekarūnuotais karaliais“, aprašomas Radvilų vaidmuo Lietuvos istorijoje, aptariami jų nuopelnai bei trumpai paminimas Dubingiuose atrastų ir identifikuotų Radvilų palaikų perlaidojimas. Straipsnyje pateikiamos 5 nuotraukos ir vienas piešinėlis, vaizduojantis Mykolą Radvilą Juodąjį ir Mykolą Radvilą Rudąjį (piešinėlis originalus, datuojamas 1601 m.). Nors straipsnyje dominuoja naratyvas apie Radvilas ir jų gyvenimą bei nuopelnus, visose nuotraukose

vaizduojamas jų palaikų perlaidojimas: salė, kurioje buvo pašarvoti palaikai, procesija į kapines, kalbos prie kapo duobės ir įleidimas į kapo duobę. Taip tarsi kuriamos dvi persipynusios istorijos: viena – apie praeitį ir Radvilų istoriją, kita – apie dabartį ir jų perlaidojimą. Šiuo atveju vaizduojami ne tik patys veiksmai, bet gausu ir įvairiausių detalių: skaitytojas gali pamatyti specialiai sukurtą metalinį sarkofagą, prie jo budinčius vyrus ir moteris, apsirengusius 16–17 a. būdingais drabužiais, perlaidojimo ceremonijos akimirkas. Svarbu tai, kad pabrėžiamas politinis aspektas: vienoje nuotraukoje vaizduojamas Ministras Pirmininkas Andrius Kubilius, kitoje – europarlamentaras Vytautas Landsbergis (kuris, beje, sako atsisveikinimo kalbą). Taigi tendencingai parenkamos ne laidotuvėse dalyvavusių eilinių žmonių, bet politikų (būtent konservatorių) nuotraukos. Galima teigti, kad šiuo atveju nuotraukomis sukuriamas pakankamai savarankiškas naratyvas, kuris glaudžiai susijęs su tekstu, nors turi nemažai savitų bruožų ir pateikia daugybę papildomų detalių, kurios gali būti įdomios skaitytojui.

Dar vieną nuotraukų kategoriją galima įvardyti kaip „įamžinimo," kurioms būdinga susieti praeitį ir dabartį. Šią kategoriją puikiai iliustruoja nuotrauka iš straipsnio „Lietuviško žodžio sparnai":



3 pav. medalis, skirtas Dionizui Poškai (straipsnis „Lietuviško žodžio sparnai")

Įdomi šiuo atveju sąsaja tarp teksto ir vaizdo: tekste trumpai pasakojama apie Dionizo Poškos nuopelnus Lietuvai ir lietuvybei, o nuotrauka vaizduoja skulptoriaus Jono Naruševičiaus sukurtą medalį, skirtą Dionizui Poškai (tačiau tekste apie medalį net neužsimenama). Nuotrauka tampa tarsi paminklu įamžinančiu kultūros ir visuomenės veikėją bei neišsakytu moralu, jog reikia prisiminti, gerbti savo istoriją bei kultūrą. Matome, kad medalyje sutelpa pagrindiniai akcentai, apibūdinantys Dionizą Pošką: vaizduojamas jo paties veidas, atversta knyga bei Baublys – simboliai, pagal kuriuos šis žmogus gali būti atpažįstamas ir žinomas visuomenėje.

Analizuojamuose straipsniuose ne itin pasireiškusi, tačiau vis tiek pastebima kategorija, gali būti įvardyta kaip metonimiškas vaizdavimas, t.y., kai iliustracijoje vaizduojama pagrindinė, esminė, pagrindinę mintį reiškianti dalis, o straipsnis sukonkretina, praplečia ir pateikia daugiau informacijos. Pavyzdžiui, iš 4 paveiksle pateiktos nuotraukos skaitytojas gali suprasti, kad bus kalbama apie tikėjimą, bažnyčias, istoriją ir neperskaitęs netgi straipsnio pavadinimo nuspręsti – skaitys ar ne šį straipsnį.

4 pav. straipsnio „Katalikybė Klaipėdos krašte 1923-1939 metais“ iliustracija

Šiuo atveju kompozicija taip pat yra labai svarbi: nuotrauka pateikta iškart po straipsnio pavadinimo, taigi šie abu elementai parodo visą straipsnio esmę, o žemiau einantis tekstas plėtoja mintį ir teikia papildomą informaciją. Kadangi vaizduojama bažnyčia, galima manyti, kad ji pasirinkta kaip pavyzdys, kalbant apie katalikų bažnyčias (tarsi metonimiškai reprezentuoja Klaipėdos krašto katalikų bažnyčias).

Atskirą ir įdomią kategoriją sudaro montažinės nuotraukos, kuriose pateikiama nuotraukos ir piešinėlio kombinacija. Taigi šiuo atveju tarsi susiejama istorinė realybė (tokios nuotraukos pasirenkamos istoriniuose straipsniuose) ir subjektyvi dailininko interpretacija – žvilgsnis į istoriją iš šiuolaikinės perspektyvos. Tipiškas pavyzdys galėtų būti nuotrauka, pateikta straipsnyje „Kai proistorė podukros vietoje“:

5 pav. straipsnio „Kai proistorė podukros vietoje“ iliustracija

Fone pasirinkta nuotrauka, kuri vaizduoja archeologų atkastą kapą su žmogaus griaučiais, aplink ją komponuojamos gerokai mažesnės nuotraukos su to meto ginklais (ietigaliai, arbaletas, kirvukai), o pačiame centre – kario piešinukas, kuriame akcentuojami vyriški bruožai (platūs pečiai, tvirtas žandikaulis), o išsidraikę plaukai sukuria ir kiek komišką įvaizdį. Piešinukas tampa baltų kario rekonstrukcija, skaitytojas (dailininko padedamas) gali įsivaizduoti, kaip atrodė karys, nors, žinoma, jo portretas šiuo atveju idealizuotas, matoma tik tam tikra poza. Taip pat galima teigti, kad matomas dailininko sukurtas kario stereotipas, o ne bandoma atkurti konkretaus žmogaus veido bruožus. Tačiau visa visuma tarsi trumpai papasakoja visą kario gyvenimo istoriją: ginklai simbolizuoja nuolatinę kovą, griaučiai – mirtį, prabėgusį laiką, o piešinėlis – visa tai susieja su dabartimi, atskleidžia mūsų sąmonėje susikurtą įvaizdį, idealizuotą stereotipą, kaip atrodė baltų karys. Taip pat taip susiejama praeitis ir dabartis, tikrovė ir vaizduotė, reali istorija ir susikurti įvaizdžiai. Toks pasirinkimas galėtų būti aiškinamas mokslo populiarinimo žanru, kuriame svarbu sudominti skaitytoją, įdomiai ir patraukliai pateikti informaciją, patraukti dėmesį. Pavyzdžiui, vien

tik ginklai ar žmogaus griaučiai gali atrodyti pakankamai atstumiančiai, įkomponuotas paveikslėlis vaizdą labai pagyvina ir sukelia įvairių minčių bei interpretacijų.

Kai kuriuose straipsniuose iliustracijoms pasirenkamos ne tik nuotraukos, bet ir paveikslėliai, kuriuose vėl dažniausiai vaizduojami žmonės (kartais piešti baltų papuošalai). Pagrindinis skirtumas nuo nuotraukų yra tas, kad žmonių veido bruožai nėra labai aiškūs, neindividualizuoti, svarbesnis yra bendras įspūdis, tam tikros detalės. Pavyzdžiui, tame pačiame straipsnyje „Kai proistorė podukros vietoje“ įdėti ir keli piešinėliai, vaizduojantys žmones:

6 pav. moters piešinėlis straipsnyje „Kai proistorė podukros vietoje“

Lengva pastebėti, kad pagrindiniai veido bruožai (akys, lūpos) nėra aiškiai matomi, dailininkui buvo svarbiau vaizduoti visumą, stereotipą, kaip atrodė moteris, o ne atkurti istorinę realybę. Neaiški erdvė, daug šešėlių, neryškios spalvos sustiprina įspūdį, kad vaizduojama praeitis. Piešinyje svarbesnė yra visuma, o ne konkrečios detalės. Nors bandoma akcentuoti kai kurias detales (pavyzdžiui, šviesesne spalva pabrėžiamos vaizduojamos moters rankos, ant kurių užmautos apyrankės, nes straipsnyje kalbama apie baltų papuošalus), bet jos nėra ryškiai matomos. Tačiau, kai kurie papuošalai vaizduojami kituose straipsnio piešinėliuose arba nuotraukose. Įdomu tai, kad pačiame tekste nėra nuorodų nei į piešinėlius, nei į nuotraukas, jei tarsi atskiras funkcijas atliekantys vienetai, sujungti į visumą ir kartu kuriantys prasmę.

Išvados

Apibendrinant galima teigti, kad iliustracijos mokslo populiarinimo žanre parenkamos neatsitiktinai, o atlieka tam tikras funkcijas. Pirmiausia, jos atkreipia skaitytojo dėmesį ir sudomina, pateikia tam tikrą bendrą, informaciją, kuri visame straipsnyje plėtojama. Antra, nuotraukose vaizduojami žmonės, mokslininkai, padeda kurti mokslininko įvaizdį, jo stereotipą bei mokslo erdvės suvokimą. Trečia, nuotraukos ar paveikslėliai atskleidžia teksto naratyvumą ir papildo ar naujomis detalėmis praplečia straipsnyje papasakotą istoriją. Ketvirta, straipsniuose pateikiamas ne tik objektyvus požiūris, atskleidžiamas nuotraukomis, bet ir subjektyvesnė perspektyva (paveikslėliai, montažai). Tai galėtų būti sietina su mokslo populiarinimo žanru, kuriame labai svarbu ne tik pateikti informaciją, bet ir sudominti skaitytoją, patraukti jo dėmesį.

LITERATŪRA

BATEMAN, J.A., 2008. *Multimodality and Genre: A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents*. Palgrave Macmillan.

FORCEVILLE, C., URIOS-APARISI, E., 2009. *Multimodal Metaphor*. Berlin: Mouton and Gruyter.

KRESS, G., van LEEUWEN, T., 2006. *The Semiotic Landscape*. In: *Images: A Reader.* Ed. Manghani, S., Piper, A. and J. Simons. London: Sage Publications

KRESS, G., 2010., *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge.
KRESS, G., 2001., *Sociolinguistics and Social Semiotics*. In: *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics.* Ed. P. Cobley. London and New York: Routledge.
KRESS, G., JEWITT, K., OGBORN, J., TSATSARELIS, Ch., 2001. *Multimodal Teaching and Learning: The Rhetorics of the Science Classroom.* London and New York: Continuum.
SUDA, B., 2010. *A Practical Guide to Designing with Data*. Penarth: Five Simple Steps.

Teresė Aleknavičiūtė
Vytautas Magnus University
Scientific interests: multimodal theory, academic and popular scientific discourse, translation

POPULAR SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE HUMANITIES: A MULTIMODAL PERSPECTIVE

Summary

The multimodal analysis (i. e. creation of meaning using a variety of modes, such as composition, photos, pictures, text, etc.) is new in Lithuania. The aim of the article is to discuss popular scientific discourse in the humanities from the multimodal perspective. First, the article provides the main aspects of multimodal analysis formulated by Gunther Kress, Theo van Leeuwen and other scholars. The articles for the analysis were collected from such newspapers and magazines as *Lietuvos aidas, Mokslo Lietuva, Filosofija.lt and Literatūra ir menas*. The analysis concentrates on several main aspects: the main principles of composition are discussed (layout of the text and the visual in the article), the participants depicted in photos and pictures, narrativity created by the text and the visual and the relationship between the textual and the visual information. A conclusion can be made that illustrations play an important role in the articles and not only illustrate the article but also create additional meanings and additional aspects which are not mentioned in the text.

KEY WORDS: multimodality, popular scientific discourse, narrativity, stereotypes

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė, Eglė Petrauskaitė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas,
Muitinės g. 8, Kaunas
Gabija.Sereikiene@khf.vu.lt

POPULIARUSIS LEIDINYS „VAPSVA“ (1928 – 1932): IRONIŠKOJI LITERATŪROS, KULTŪROS, VISUOMENĖS KRITIKA

Straipsnyje analizuojamas prie populiariosios spaudos priskirtinas ir mažai aptartas humoro žurnalas „Vapsva“ (1929–1932). Nagrinėjamas ironija grįstas kritiškasis „Vapsvos“ diskursas, kurį formavo žurnale bendradarbiavę avangardistai Kazys Binkis, Teofilis Tilvytis ir Augustinas Gricius. Tekstuose ironija vartojama kaip geluonis: geliama naujovių nepripažįstantiems ar nesuprantantiems kultūros veikėjams, paviršutiniškai kultūrą suvokiančiai miesčionijai, XX amžiaus 3-iojo dešimtmečio visuomenės problemas ignoruojančiai žiniasklaidai, žodžio laisvę ribojančiai valdžiai. Ironija pasitelkiama kaip pasipriešinimo aplinkiniam pasauliui, protesto forma. Parodijuojama lietuvių literatūros tradicija, išryškinamas senosios romantinės, „nebeaktualios“ kūrybos nemodernumas, skatinama ieškoti naujų meno kelių. Taigi žurnalas „Vapsva“ itin aktyvus kaip populiarusis-avangardistinis visuomenės švietėjas-keitėjas, jos socialinių ir moralinių problemų diagnozuotojas bei kritikas, lietuviškojo avangardinio diskurso skleidėjas.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: žurnalas, avangardas, ironija, kritika, kultūra, visuomenė, literatūra.

Įvadas. XX amžiaus pradžioje Lietuvos kultūros erdvėje pradėjęs ryškėti avangardizmas buvo tikrai naujas ir publikai, ir patiems menininkams savo filosofija ir forma, kūrėjo laisvės supratimu ir technikos, dinamikos, montažo sureikšminimu. „Naujoji civilizacija negailestingai diktavo būtinybę modernizuoti save kaip egocentrišką, be provincialo kompleksų ir sentimentų XX a. epochos žmogų, nepriklausomą menininką, kuriam nėra didesnių vertybių už atsidavimą kūrybai ir atstovavimą nūdienai“ (Striogaitė 1994, p. 108–109). Avangardizmo idėjų pavilioti, kai kurie lietuvių rašytojai iš esmės keitė savo kūrybą, bandė atsisakyti vyraujančių normų, siekė atnaujinti literatūrą, modernizuoti kultūrą. Tačiau Europos didmiesčiuose klestėjusios ryškiosios avangardizmo kryptys (ekspresionizmas, siurrealizmas, konstruktyvizmas, dadaizmas, futurizmas ir kt.) lietuviškajam judėjimui daugiau suteikė nuotaiką, mostą, pojūtį, nuostatą, tačiau nepadėjo išsikristalizuoti į atitinkamas sroves. Kaip teigia Dalia Striogaitė (1994, p. 20), lietuvių avangardizmo prielaidos skyrėsi nuo likusios Europos: XX amžiaus pradžios jaunoji lietuvių menininkų karta buvo savotiško lūžio žmonės, kurie dėl karo, kaizerinės okupacijos, revoliucijos Rusijoje, Lietuvos išėjimo iš imperijos, siekio apginti šalies nepriklausomybę išgyveno didelę socialinę ir politinę įtampą. Įprastos kultūros žlugimas, suponuotas to meto istorinių įvykių, tapo stimulu kurti „naują pasaulį“, o taip pat ir „naują meną“.

„Vapsva“ lietuviškojo avangardizmo kontekste. Lietuvių avangardistai suvokė, kad, norėdami performuoti to meto kultūrą, jie turi atkreipti visos visuomenės dėmesį. Pasak Giedriaus Viliūno, visuomenės literatūrinei kultūrai plėtotis padėjo populiariosios spaudos atsiradimas (1998, p. 35). Prie populiariosios spaudos priskirtinas ir lietuvių literatūros istorikų, teoretikų ir interpretatorių praktiškai neanalizuotas žurnalas „Vapsva“, prie kurio leidimo prisidėjo nemažas būrys to meto lietuvių avangardistų. Apie leidinį tik užsimenama Giedriaus Viliūno knygoje „Literatūrinis gyvenimas nepriklausomoje Lietuvoje (1918–1940)“, taip pat straipsniuose, aprašančiuose pirmąjį lietuviškos spaudos koncerną ir bendrovę „Naujas žodis“. Minėtuose šaltiniuose žurnalas „Vapsva“ pristatomas kaip humoro žurnalas, vienas pirmųjų bulvarinių leidinių, davusių pradžią populiariosios spaudos formavimuisi Lietuvoje. Tačiau visiškai neaptariamas ironija grįstas „Vapsvos“ diskursas, kurį formavo žurnale bendradarbiavę avangardistai Kazys Binkis, Teofilis Tilvytis, Augustinas Gricius ir kt. Kritiškojo žurnalo kūrinių diskurso analizė papildys lietuviškojo avangardizmo lauko tyrimus.

Žurnalas „Vapsva“ (1929–1932) leistas kaip satyros žurnalo „Vėpla“ tęsinys. „Naujo žodžio“ bendrovei nupirkus bankrutuojančią „Vėplą“, atsakomąjį redaktorių Henriką Blazą pakeitė Jonas Šimkus. Pirmajame „Vapsvos“ numeryje išspausdintoje savireklamoje pristatomas papildytas žurnale bendradarbiaujančių rašytojų ir menininkų kolektyvas: „„Naujas Žodis“ nupirko satyros žurnalą „Vėplą“ ir papildęs jo bendradarbių sąstatą geriausiais karikatūristais ir rašytojais jumoristais: A. Varnu, K. Alijošiumi, Pivoša, Jul. Boksu, J. Kulakausku, A. Smetona, J. Martinaičiu, R. Kalpoku ir kitais, išleido „Vapsvą“ (Vapsva 1929, Nr. 1, p. 15). Nustoję leisti žurnalą „Keturi vėjai“ (1924–1928), avangardistai savo ironiškąją kūrybą ėmė spausdinti žurnale „Vapsva“. „Keturių vėjų“ žurnale taip pat buvo spausdinama nemažai ironiškų kūrinių, pavyzdžiui, Kazio Binkio „Vasaris vėjas“, Petro Tarulio „Trejos devynerios“. Neatsiribota nuo literatūros kritikos ir trumpuose feljetonuose bei anekdotuose „Paklausimas poetui Putinui“, „Biedni vaikeliai“, „ATA Balys Sruoga“, „Nekrologas Lietuvai“, ir gana rimtuose „Keturių vėjų“ kritikos straipsniuose, kuriuose nuskamba ironijos gaida. Žurnale „Vapsva“ buvę keturvėjininkai nespausdino savo naujų literatūros kūrinių, daugiau dėmesio skyrė itin ironiškiems kultūrą ir literatūrą kritikuojantiems straipsniams. Ironija įnešė į satyros žurnalą „Vapsva“ naują temų repertuarą, papildė kritinio diskurso ironiškąją dalį (prisiminkime ironiškai skaudžią, bet dažnai teisingą Balio Sruogos plunksną tarpukario kritikoje ir publicistikoje). „Vapsvos“ rašytojai aktyviai reiškė iš „Keturių vėjų“ atsineštas avangardistines pažiūras: kritikavo tradicinę literatūrą, siekė atsiriboti nuo vyresniosios kartos rašytojų, piktinosi miesčioniškumu. Jie sekė tuo pat metu leisto žurnalo „Trečias frontas“ (1930–1931) kūrybos tendencijas, pritarė aktyvizmo idėjoms, visaip skatino menininkų dalyvavimą kultūriniame gyvenime.

Ironijos svarba leidinyje „Vapsva“. Žurnalas „Vapsva“ ne tik skatino avangardistinių idėjų plitimą, bet ir aštriai kritikavo visuomenę, politiką, literatūrą ir kultūrą. Pasak Dalios Striogaitės, to meto Lietuvos gyvenimas buvo politizuotas, kupinas dvasinės ir socialinės įtampos. Jos nuomone, avangardistai turėjo ką kritikuoti – juos jaudino ir meno, ir visos visuomenės būklė (Striogaitė 1994, p. 110). „Vapsvos“ kolektyvas, nors puoselėjo nemažai tų pačių idėjų ir vertybių, kaip ir kiti to meto kultūros žurnalai, tačiau pasirinko gana specifinį – ironišką – idėjų skleidimo būdą. Algio Kalėdos nuomone, avangardistų kartai būdingas konfliktas tarp individo ir priešiško pasaulio lėmė XX amžiaus avangardistų kūriniams būdingą ironiją. Jis pabrėžia, kad tai nėra ankstesnei literatūrai būdinga romantinė ironija, akcentuojanti kūrybos laisvę, o savotiška savigynos priemonė, kuri reflektuoja trapią būtį ir atmeta ideologinius stereotipus (Kalėda 1994, p. 366). Ironijos raiška „Vapsvoje“ prasideda nekaltu pašmaikštavimu – komiška, parodijuojančia ir ironizuojančia juoko forma, ir baigiasi geliančiu juoku – sarkastišku, satyrišku ir net groteskišku visuomenės ydų pašiepimu. „Avangardistai buvo suvokę, kad žaidimu, juoku galima pasiekti didelių dalykų: išjudinti ir perorientuoti visuomenę – kitaip sakant, reformuoti vertybių sistemą. Žaidžiant galima keisti meną ir pasaulį: deromantizuoti, deheroizuoti, demistifikuoti, sudemokratinti“ (Striogaitė 1998, p. 79). Dėl savo kontraversiškų kūrinių – išpuolių prieš politiką, atviros kitų to metų rašytojų ir spaudos leidinių kritikos – „Vapsva“ greitai įgijo bulvarinės, geltonosios spaudos vardą. Dėl tų pačių priežasčių žurnalas nebuvo mėgstamas ir lietuvių inteligentijos (Viliūnas 1998, p. 39). Tačiau žvelgdami į to meto periodinių leidinių visumą, jų gvildentas problemas ir į šio autorių kolektyvo darbus, drįstume teigti, kad šis satyros žurnalas to meto visuomenės buvo stipriai nuvertinamas. Nepaisydamas visuomenės nuomonės, „Vapsvos“ kolektyvas ėmėsi to meto visuomenės performavimo misijos – ironiškuose žurnalo straipsniuose polemizavo literatūros klausimais, į viešumą kėlė kultūros stokos, visuomenės abejingumo klausimus. Dalios Striogaitės teigimu, avangardistai panaudojo juoką kaip galimybę atnaujinti pasaulio veidą (1998, p. 75). Tarp buitiškų lietuviško miesto gyvenimo vaizdelių, pompastiškų inteligentijos aprašymų ir absurdiškų to meto rašytojų portretų iškyla, avangardistų nuomone, svarbiausios moderniosios XX amžiaus Lietuvos visuomenės ir kultūros problemos. Išsilavinusių Lietuvos rašytojų nuomonė žurnale dažnai išsakoma humoru prisidengusio eilinio lietuvio balsu. Galima teigti, kad rimtas visuomenės problemas „Vapsva“ pasirenka kelti į viešumą prisidengusi ironija, tačiau ironija pasirenkama apgalvotai – buitinis, dažnai stipriai supaprastintas problemos aptarimas žurnale gali pasiekti platesnę auditoriją, paveikti ne tik lietuvių inteligentiją, bet ir

paprastus piliečius; humoras, kaip pagrindinis kritikos ir polemikos įrankis, gali priversti auditoriją įsiklausyti, nes tik humoru pagrįsta kritika gali būti atmesta kaip elementarus pokštas ar nevykęs anekdotas; humoras leidžia „Vapsvos“ rašytojams išsakyti griežtesnę kritiką ją paslepiant po storu satyros, ironijos, parodijos ar grotesko klodu.

Žurnale „Vapsva“ ironija tampa pagrindine avangardistų polemikos priemone, kuri padeda diskutuoti, o kartais ir visiškai diskredituoti to meto rašytojų, kritikų ir kultūros veikėjų mintis. Parodija „Vapsvos“ kūriniuose pasitelkiama stengiantis pašiepti kitų to meto rašytojų kūrybą, atkreipti dėmesį į rašytojų kūrybos pobūdžio trūkumus, ribotą mąstymą. Pasitelkę sarkazmą, „Vapsvos“ kūrėjai net tik aiškiai nubrėžia ribas tarp parodijuojamų kūrinių ir savo pačių pozicijos, bet dažnai ir visiškai diskredituoja kitų autorių mintis, kaip neatitinkančias moderniosios visuomenės poreikių senienas, į kurias tegalima žvelgti sarkastiškai. Aptardami avangardistų darbus, „Vapsvos“ kūrėjai apsiriboja lengva pašaipa, tačiau nevengia pasišaipyti iš savęs, taip ir patys užimdami avangardistinę poziciją. Satyra iškyla kūriniuose, kuriuose stengiamasi iškelti kultūros nuosmukio, miesčioniškos gyvensenos problemas. Čia ji dažnai susipina su grotesku. Tiesa, groteskas „Vapsvos“ kūriniuose nėra itin aiškus, jis gali būti laikomas ir ypač aštriu sarkazmu.

„Vapsvos“ kūriniai puikiai atitinka žurnalo pavadinimą. Žurnale savo kūrinius spausdinę rašytojai ironiją vartoja kaip geluonį. Čia išspausdinti kūriniai svarbesni ne savo menine verte, o juose išsakomomis avangardistinėmis idėjomis. Galima teigti, kad nemažai žurnale spausdintų kūrinių rašyta ne dėl meninio pašaukimo, o dėl būtinybės reflektuoti pasaulį, išdėstyti savo požiūrį, demaskuoti visuomenės ydas, kultūros stoką.

Dėl ribotos straipsnio apimties analizuojami tik ryškiausi ironiškieji „Vapsvos“ kolektyvo kritiniai tekstai.

Ironiška literatų, jų kūrinių kritika žurnale. Veiktas „Keturių vėjų“ dvasios, pirmaisiais leidimo metais žurnalas „Vapsva“ kandžiai kritikavo senosios kartos rašytojus, daug dėmesio skyrė moderniajai literatūrai, straipsniuose polemizavo literatūros ir kultūros klausimais. Smarkiausiai to meto literatūrą ir rašytojus savo kūriniuose pašiepė Teofilis Tilvytis. Pasitelkęs parodiją, jis provokuoja savo kūrinio sąsają su kitais kūriniais. Rašytojai, jų kartos ironizuojamos chronologine tvarka: pradedant spaudos draudimo laikotarpiu susiformavusiais rašytojais Maironiu, Adomu Jakštu ir Vaižgantu; prieš Pirmąjį Pasaulinį karą savo kūrybos kelią pradėjusiais Liudu Gira, Mykolu Vaitkumi, Faustu Kirša, Baliu Sruoga, Vincu Mykolaičiu-Putinu, Jurgiu Savickiu; ir baigiant Kazio Binkio suburta jaunųjų literatų karta – Juozu Žlabiu-Ženge, Petru Taruliu, Juozu Tysliava, Antanu Rimydžiu, Saliu Šemeriu.

Parodinė lietuvių literatūros apžvalga. Teofilio Tilvyčio, pasivadinusio J. Bokso slapyvardžiu, feljetonas „Mūsų literatūra“ formuojamas parodijos principu – pasitelkiamos kitų to meto rašytojų kūrinių nuotrupos, pažiūros ir veikla. Pirmoje teiginio dalyje pateikiami retoriniai klausimai ir pasvarstymai, į kuriuos ironiškai atsakoma antrąja teiginio dalimi.

Adomas Jakštas ir Maironis feljetone ironizuojami kaip „gamtos“ poetai: „Kažin kur Jakštas, kur Maironis – / senajam mieste nematyt. / Graži gamta, širdy svajonės, / Kišenėj „Rūtos“ konfeti“ (Vapsva 1929, Nr. 4, p. 2). Vaižgantas ir Liudas Gira parodijuojami dėl, avangardistų nuomone, pasenusios, romantizmo dvasia persmelktos lyrikos: „Štai Tumo jau nebesimato, / nebėr liriko Giros. / Gal uosto girių aromatą, / gal kur svajoja ant tvoros“ (Vapsva 1929, Nr. 4, p. 2). Pašiepiama rašytojų kūrinių tematika, avangardistams nebūdingas gamtos vaizdavimas, romantinis žvilgsnis. Tarsi diskredituojama autorių kūryba: pabrėžiama, kad gamta, kuri yra pagrindinis rašytojų įkvėpimo šaltinis, nebepadeda jiems sukurti nieko nauja, todėl jie dingsta iš moderniosios literatūros scenos.

Mykolas Vaitkus eilėraštyje ironizuojamas pasitelkus sąsają tarp rašytojo ir literatūros bei meno kritikos žurnalų „Pradai ir žygiai“ ir „Baras“: „Kur šiandien Vaitkus, ką jis daro, / Ką jis per karščius parašys? / Nebėra „Žygių, nebėra „Baro“, / gal rauda kur paliai pušis“ (*Vapsva* 1929, Nr. 4, p. 2). Poetas ironiškai parodomas kaip netekęs tikslo žlugus minėtiems žurnalams, kaip nebegalintis rasti vietos modernėjančios literatūros erdvėje. Feljetone minimus „karščius“ galima interpretuoti kaip meno pasaulyje verdančius konfliktus tarp avangardistų, neoromantikų, estetų ir t. t. Mykolas

Vaitkus, savo pažiūras išsakęs kritikos žurnaluose, feljetonisto tarsi kviečiamas išsakyti savo nuomonę, jo požiūris į moderniąją literatūrą sarkastiškai sumenkinamas.

Feljetone parodijuojami Faustas Kirša ir Balys Sruoga: „Pražuvo Kirša, nėra Sruogos, / gal kur nors rymo ant salos. / Gal vienas basas, antras nuogas / dienas praleidžia plepaluos“ (*Vapsva* 1929, Nr. 4, p. 2). Ironiją kuria bendros autorių veiklos paveikslas: panašus požiūris į naujas literatūros sroves, kritikos straipsnius. Feljetonistas, prisidengdamas sarkazmu, tarsi siunčia žinutę – mažiau kalbų, bet daugiau darbų.

Trumpai paminimi Vincas Mykolaitis-Putinas ir Jurgis Savickis. Petras Tarulis parodijuojamas apeliuojant į jo kūrybą ir estetines pažiūras: „Tarulis ū...visai be kelnių / dienas praleidžia Nemune“ (Vapsva 1929, Nr. 4, p. 2). Ironija grindžiama Petro Tarulio novelių rinkiniu „Mėlynos kelnės“. Pašiepiami rašytojo kūrybai būdingi bruožai: gaivališkumas, pirmapradis stichiškumas. Autorius nevengia pasišaipyti iš savo plunksnos brolio. Feljetone, kuriant bendrą to meto lietuvių literatūros vaizdą, trumpai paminimi keturvėjininkai Juozas Žlabys-Žengė, Juozas Tysliava, Antanas Rimydis, Salys Šemerys.

Taigi eilėraštis tampa parodine lietuvių literatūros apžvalga – pradedant tradicine literatūra ir baigiant modernia keturvėjininkų kūryba taip norint atkreipti skaitytojų akis į kitokią, žaidybinę savosios literatūros perskaitymo galimybę.

Kazio Binkio „panpavasarizmo“ ironizavimas. Jugendiškasis pavasario vaizdinys lietuvių literatūroje tapo tradicija dar prieš avangardistus. Tradicinis Maironio kurtas pavasario įvaizdis, kuris įsigalėjo lietuvių literatūroje, pirmą kartą itin aktyviai perkurtas Kazio Binkio eilėraščių rinkinyje „100 pavasarių“. Teofilio Tilvyčio feljetonai „Visokio plauko pavasariai“ gali būti laikomi Kazio Binkio sukurto eilėraščių ciklo „Penki pavasariai“ ir savotišku rinkinio „100 pavasarių“ tęsiniu. Savo eilėraščiuose Kazys Binkis kuria „Maironiško“, „Keturvėjiško“, „Simboliškai mistiško“, „Studentiško“ ir „Kaimiško“ pavasario vaizdus. Teofilis Tilvytis sukuria feljetonus „Trečiojo fronto“, „Maironiškas“, „Duonielaitiškas“, „Herbačiausko“, „Pieno centro“, „Laukininkų“, „Valdininkų“, „Katalikiškai“ ir „Pavasario dainelė“. Juose ryškėja siužetiniai motyvai, frazės ir pavadinimai, pasiskolinti iš Kazio Binkio eilėraščių rinkinio „100 pavasarių“. Christofo Zürcherio teigimu, savo poezijos rinkinį pavadindamas „100 pavasarių“, Kazys Binkis įsiliejo į senąją literatūros tradiciją: sukūrė naują pavasario įvaizdį, tačiau nenutraukė dialogo su tradicine poezija, pasitelkdamas Kristijono Donelaičio ir Maironio eilėraščių parafrazes (Zürcher 1998, p. 53). Nieko stebėtino, kad vienas jauniausių Kazio Binkio bendraminčių Teofilis Tilvytis perkuria ir savais siužetais papildo Kazio Binkio eilėraščius iš rinkinio „100 pavasarių“, taip savotiškai pratęsdamas Kazio Binkio siūlomą naujovišką pavasario vaizdinį – kupiną vėjų, viesulų, judesio, keitimosi, spontanikos, dinamikos, pučiantį iš visų keturių pasaulio kraštų. Kartu norima pasakyti, kad nebeliko jokių autoritetų, kad gyvenimas ir kūryba yra judėjimas, keitimasis, akimirkos žavesys.

Feljetone „Trečiojo fronto pavasaris“ pavasario laukimas susiejamas su trečiafrontininkų kūryba ir pažiūromis. Broniaus Vaškelio teigimu, jau penktajame žurnalo „Trečias frontas“ numeryje trečiafrontinikai lietuviškąjį berną iškeitė į kovojančio proletaro įvaizdį (Vaškelis 1982, Nr. 44). Eilėraštyje „Trečiojo fronto pavasaris“ lietuviškąjį trečiafrontininkų berną atstoja proletariškas pavasaris: „Pavasaris kai proletaras / kasdiena vis žengia į mases, / o saulė tartum komisaras / suteikia marksistinės dvasios“ (Vapsva 1932, Nr. 4, p. 2). Ironizuojamos trečiafrontininkų pažiūros, jų itin aktyvus polinkis į politiką, kiek perdėtas socialinių vertybių puoselėjimas.

Feljetonu „Herbačiausko pavasaris“ sarkastiškai pašiepiamas Albino Herbačiausko, kaip linkusio į mistiką, šiek tiek pakvaišusio profesoriaus, įvaizdis: „Che – che – che! Pavasaris, matot! Aš, matot, kentėsiu, / pas Konradą sėdėsiu, / savo jaunystę mylėsiu… / Aš demonui nusidėsiu, / angelų balsus girdėsiu!... / Pavasaris che – che!/ Mė – kė – kė” (Vapsva 1932, Nr. 4, p. 2). Justi ciniškas autoriaus požiūris į Herbačiausko pasirinktą bohemišką idėjų sklaidos vietą – „Konrado“ kavinę Kaune, taip pat į rašytojo mintis apie žmogaus prigimties dualizmą – gėro ir blogio ryšį, religines pažiūras. Santykis su religija Juozapo Herbačiausko pasaulėžiūroje iš dalies buvo suponuotas daugybės visuomenės kurtų mitų ir legendų. Feljetono autorius, prisidengęs eilinio

piliečio kauke, pasitelkdamas Albino Herbačiausko kūryboje vyraujančius demoniškumo motyvus, kuria eretiko, prie visuomenės nepritampančio, tradicinėms bažnyčios dogmoms besipriešinančio, savotiško pamišėlio įvaizdį.

Kazio Binkio feljetone „Duonelaitiškas pavasaris“ imituojamas Kristijono Donelaičio poemos „Metai“ kalbos stilius: „Visokios varlės, žvirbliai ir musės, / taipgi šūdvabaliai ir blusos / O biedno žmogelio įkandin atkiūtina, / ir kiekvieną iš mūs įgnybdami / Vislab jie garbina Dievą“ (*Vapsva* 1932, Nr. 4, p. 2). Pasitelkus apvertimo principą ir buitinį diskursą, juokiamasi iš lietuviškos literatūros tradicijos. Perdėtai supaprastinus poetinį Donelaičio stilių, kalba vulgarinama nepaliekant originaliam tekstui būdingos potekstės, sukuriamas naujas vaizdas – *duonelaitiškas* pavasaris tampa nieko vertu, buitišku tekstu. Išryškėja avangardistinis noras perversti senąją kultūrą, parodyti ją naujai. Tilvytis perima Binkio vartotas parafrazes, kuria parodinį Donelaičio poetinės kalbos vaizdą. Manytina, kad pavadinimas „Duonelaitiškas“ yra nuoroda į, Tilvyčio požiūriu, vertingą modernų požiūrį.

Tas pats principas taikytinas ir Tilvyčio feljetonui „Maironiškas“. Pasiskolintos Binkio vartotos parafrazės iš Maironio eilėraščių dar kartą parafrazuojamos siekiant pašiepti Maironio kūrybą, o pavadinimas „Maironiškas“ interpretuotinas kaip nuoroda į Binkio eilėraščius. Feljetone „Maironiškas pavasaris“ parodijos įspūdis kuriamas grakščias „maironiškas“ metaforas ir aforizmus pakeitus netašyta kalba: „Pavasario saulė prašvito meiliai / ir tiesiai į širdį man dūrė. / O saulės visoki, tenai, spinduliai / pradegino mano kepurę. // Sužydo po pievas gėlelės drąsiai, / saldu pasvajoti lankose. / Sučiulbo paukšteliai, aukštai vieversiai, / čirena ir krutina koją“ (*Vapsva* 1932, Nr. 4, p. 2). Parafrazuojamos eilutės iš Kazio Binkio eilėraščio „Pavasarėjimas“. Sujungus Maironio poetinę kalbą ir avangardistinę „100 pavasarių“ raišką, kuriamas absurdiškas, perkeistas vaizdas. Taip išryškinamas senosios romantinės ir moderniosios, dinamiškos, kintančios poezijos susidūrimas. Tai ir aliuzija į 3-iojo dešimtmečio kultūrinės, socialinės, politinės plotmių dilemas nepriklausomoje valstybėje.

Kitaip nei Kazys Binkis, Teofilis Tilvytis nesistengia palaikyti dialogo su literatūros tradicija, o priešingai – atmeta tradiciją parodijuodamas feljetone minimiems autoriams būdingą poetinę kalbą, požiūrį ir menines nuostatas. Christofo Zürcherio teigimu, kiekviename avangardistų kūrinyje jaučiama literatūros tradicija, dažniausiai ji aprašyta ir reprezentuota kaip kontrastas ar skaitytojui pateikta kaip kūrėjo sąmonės kontekstas, nes tik praeities fone gali iškilti naujovė (1998, p. 143). Manytina, kad parafrazuojami tekstai leidžia feljetonistui nubrėžti aiškią ribą tarp to, kas sena ir atgyvenę, ir jo paties požiūriu priimtinos naujovės. Vartodamas parafrazes, Teofilis Tilvytis nemezga ryšio su senąja kultūra, o stengiasi ją visiškai atmesti sarkastiškai vaizduodamas literatūros tradiciją kaip atgyvenusią ir banalią.

Visuomenės kritika. Jei pirmuosiuose žurnalo numeriuose „Vapsvos“ geluonis buvo nukreiptas į kasdieninį lietuvio gyvenimą, jo vargus ir rūpesčius, buvo užsibrėžta skleisti daugiau kultūros naujienų, ugdyti apsišvietusį, puikiai gyvenimo situaciją ir kultūrą išmanantį žmogų, tai vėliau leistuose „Vapsvos“ straipsniuose juntama trečiafrontininkų įtaka. Ilgainiui „Vapsva“ suformavo galutinį savo šūkį, kurį kartojo kiekviename numeryje: „Laukiniam žmogui nė „Vapsva“ nepadės“. Dėmesys nukreipiamas į plačiosios visuomenės ydas, literatūros kūrinių kritiką keičia tuo metu leistų laikraščių ir žurnalų pašiepimas – į viešumą keliamos spaudos cenzūros, korupcijos, politizuotų straipsnių problemos. Manytina, kad pakinta ir straipsnių bei kūrinių adresatas – kūryba siekiama paveikti ne tik kultūros veikėjus ir kitus rašytojus, bet ir plačiąją visuomenę.

Satyriškas miesčioniškumo vaizdavimas. Augustinas Gricius, pasivadinęs Pivoša, kūrinyje „Civilizacijos banga“ ironiškai pašiepia lietuvių „miesčioniškos“ kultūros integraciją į Europą: „Iki šiol mes vis stengiamės atsistoti kultūringų Europos valstybių tarpan. Per vienuolika nepriklausomybės metų stengiamės. Mūsų aukštesnioji visuomenė frakus siuvo, cilinderius pirko. Ir vis dėlto pažvelgsi į kurią nors aukštesniąją visuomenę – iš po frako krakmoluotos krūtinės šiaudinė pastogė kyšo, iš po cilinderio klumpė lenda“ (Vapsva 1929, Nr. 1, p. 3). Norint atskleisti paviršutiniškos integracijos beprasmiškumą, pasitelkiama satyra. Nurodoma, kad „miesčioniška“ visuomenė tėra Europos kultūros mėgdžiotoja. Augustinas Gricius iškelia kultūros mėgdžiojimo ir tikrosios vidinės žmonių kultūros problemą. Literatūrologė Dalia Striogaitė nurodo, kad XX

amžiaus civilizacija sukūrė industrinius didmiesčius, įteisino socialinį lūžį, keitė žmogaus mentalitetą (1994, p. 108). Taigi keitėsi kiekvieno lietuvio mentalitetas – prigimčiai artimą gamtą ir kaimo kultūrą keitė miestas, į kurio ritmą žmonės stengėsi įsilieti pavyzdžiu imdami Europos aukštuomenės gyvenimą. Dalia Striogaitė teigia, kad tokį aklą sekimą Europos pavyzdžiu to meto literatai avangardistai matė kaip kultūros, o taip pat ir meno nuosmukį, dvasinį žmonių pasimetimą ir kultūros apribojimą klišėmis, ir tai skatino avangardistus kritikuoti visuomenę ir kultūrą (Striogaitė 1994, p. 110).

Kūrinyje satyriškai parodomas paviršutiniškas kultūros suvokimas: atskleidžiama, kad kultūrą miesto inteligentai suvokia tik kaip tinkamą elgesį viešumoje. Kūrinio veikėjai simboliški, atstovauja trims skirtingiems požiūriams. Kiošienė tampa klišes pamėgusios kultūros sekėja ir aprašoma kaip moteris, pasiryžusi padaryti viską, kad taptų „europietiško standarto“ inteligente. Siekdama įsilieti į Europos kultūrą, nekvestionuoja jai brukamų normų autentiškumo ir nepastebi, kad jai demonstruojamas europietiško elgesio pavyzdys yra absurdiškas.

Europietiškos kultūros „nešėjas“ kūrinyje – Pilypas Sunka. Jis ironiškai aprašomas kaip žmogus, kuris savo neišprusimą teisina naująja Europos civilizacijos banga: „Atsilikėlių akimis žiūrintieji mielai sutiks su tamstos nuomone, kad jis (kaklaraištis) atbulai paristas. Bet nepabuvoję svečiuos pas markizą de la Kunkui jie savo tokioms išvadoms neturės jokio pagrindo. Tai naujausia mada, kuri apvers aukštyn kojom visą senąjį pasaulį“ (Vapsva 1929, Nr. 1, p. 3). Šis veikėjas vaizduojamas kaip miesčioniškos kultūros simbolis, kuris priima paviršutinišką Europos kultūrą, pats gerai nesuvokdamas, kad vertybės ir normos, kuriomis jis gyvena, tėra stačiokiško elgesio pavyzdžiai.

Kiošio personažas kuria pokyčių patiriančioje kultūroje pasimetusio žmogaus įvaizdį. Jis nesugeba įvertinti visuomenės jam brukamos modernios gyvensenos tinkamumo. Kūrinio pabaigoje miesčioniškos kultūros pasekmės aprašomos groteskiškai: „Niekas negali pateikti smulkių žinių, kaip Kiošiui sekasi vykdyti aristokratiško gyvenimo programą. Tik vienas dantistas sakės dėjęs tris naujus dantis vieton ne savo noru iškritusiųjų.“ (*Vapsva* 1929, Nr. 1. p. 11).

Straipsnyje ironizuojamas kultūros stygius, žmonių nesuvokimas, kas yra tikroji kultūra. Būtent todėl kultūra pašiepiamai prilyginama etiketui – norint būti kultūringu Lietuvos visuomenės veikėju, svarbu mokėti tinkamai kaklaraištį pasirišti, cigaretę surūkyti, svečiuose prie stalo prisėsti. Kintantis pasaulis ir žmonių noras atmesti tai, kas pasenę, skatina juos perimti kažką naujo, nežinomo. Gerai nesuvokdami, kokia gyvensena ir kultūra turėtų keisti autentišką kultūrą, kurią stengiasi atmesti, jie priima Europos kultūros klišes, stereotipus, tačiau ne tikrąją kultūrą.

Ironiška laikraščių, žurnalų apžvalga. „Vapsvos“ rašytojai itin daug dėmesio skyrė laisvos spaudos klausimui ir nevengė to demonstruoti ironiškuose, o kartais ir atvirai sarkastiškuose straipsniuose ir karikatūrose. Pati laisvos spaudos sąvoka kolektyvui atrodė paradoksali. Straipsniuose ryškėja nuomonė, kad atgauta spaudos laisvė neišlaisvino lietuviškos spaudos, o žurnalistus ir laikraščių leidėjus pavergė nauji tabu, dėl kurių to meto Lietuvoje taip ir neiškilo laisva, nepriklausoma spauda.

Straipsnio pavadinimas „Spygliuoti spaudos keliai“ yra ironiškas, asocijuojasi su Kristaus nueitais kryžiaus keliais. Sekant šia asociacija, straipsnyje turėtų būti aprašomas vargingas lietuviškos spaudos kelias link laisvės – spaudos pradžia, jos draudimas ir lietuvių priešinimasis spaudos laisvės panaikinimui. Tačiau straipsnio kontekstas diktuoja visiškai kitokį – ironišką – kūrinio toną. Aprašoma absurdiška situacija, rodos, neturi nieko bendro su sunkiais spaudos gyvavimo laikais. Būtent lengvabūdiškas straipsnio siužetas padaro kūrinio pavadinimą ironišku ir priverčia skaitytoją ieškoti paslėptos, pirmąją pavadinimo asociaciją atitinkančios prasmės.

Straipsnyje satyriškai piešiamas nepriklausomos Lietuvos spaudos vaizdas: „Mažame miestelyje mažo laikraščio dideli žurnalistai susirinko inteligentų klube prie papigintos degtinės stikliukų. Tiesą sakant, žurnalistai čia buvo tik du: vienas, kuris rašo mažame laikraštyje didelius vedamuosius, antras – kurs po tais vedamaisiais pasirašinėja. Kiti gi susirinkusieji priklausė prie vadinamųjų spaudos bičiulių.“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 4). Vaizduojama, kaip mažo miestelio laikraščio žurnalistai ir rėmėjai švenčia spaudos laisvės šimtmetį. Šventę sumaišo rėmėjų tostai, kuriuos sakydami šie prisimena, kaip „su purvais“ savo straipsniuose juos kadaise sumaišė

žurnalistai. Laikraščio rėmėjai pritaria nuomonei, kad jei spauda gali sau leisti rašyti kritiškus straipsnius apie savo rėmėjus, tokios spaudos iš viso nereikia. Taip aprašydami išgalvoto mažo miestelio laikraščio situaciją, „Vapsvos“ autoriai siekia atkreipti visuomenės dėmesį į spaudą apnikusią korupciją. Stengiamasi pabrėžti, kad spauda, ir taip neturinti žodžio laisvės dėl spaudos cenzūros, yra apribojama įtakingų miestelėnų ir politikų, kurie Lietuvos laikraščiuose nori matyti tik jiems priimtinų idėjų eskalavimą; nori, kad žurnalistai sudėtų gražius akcentus ant jiems reikšmingų dalykų ir nutylėtų tai, kas gali formuoti nepalankią visuomenės nuomonę. Taigi straipsnis „Spygliuoti spaudos keliai“, satyriškai vaizduojantis laisvos spaudos šimtmečio šventę, skatina susimąstyti, ar nepriklausomoje Lietuvoje egzistuoja laisva spauda.

Straipsnyje „Spaudos švarinimas“ satyriškai aprašoma Lietuvos laikraščių polemika. Lietuvos spaudos laisvės šimtmečiui artėjant, lietuviški laikraščiai susirūpina spaudos švarinimu: „Jau kelinti metai pas mus vis kalbama apie spaudos švarinimą. Kalba apie jį daugiausia „Lietuvos Aidas“, bet ir kiti, taip vadinamieji opoziciniai laikraščiai mėgsta apie švarinimą pakalbėti. Todėl galbūt naudinga būtų paskelbti spaudos švarinimo savaitę, per kurią laikraščiai patys save išpraustų, nes iki šiol jie tiktai vienas kitą temėgsta šveisti, o patys taip su nepraustom ausim ir vaikščioja.“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). „Vapsvos“ rašytojai į šį siūlymą švarinti spaudą žiūri skeptiškai, ryškėja požiūris, kad kiekvienas laikraštis spaudos švarinimą turėtų pradėti nuo savęs. Straipsnyje taip pat akcentuojamos Lietuvos laikraščių ir žurnalų tarpusavio kovos. Pabrėžiama, kad skaitytojo neįmanoma priversti pasirinkti to, ko jis nenori, parodoma perdėtos laikraščių konkurencijos beprasmybė.

Straipsnyje šaipomasi iš „Lietuvos Aido“, susikūrusio nešališko laikraščio įvaizdį, objektyvumo: „Jo obalsiu galėtų būti: – „Lietuvos Aidą prenumeruok – tautos gerovę meruok! <...> Bet kas būtų, jei „L. Aidas“ pats apsišviestų. Turbūt jo miera vis dėlto pasikeistų – sutrumpėtų pozicijos ir gerovės atžvilgiu, o pailgėtų opozicijos ir negerovės.“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). „Lietuvos Aido“ pagrindinis redaktorius buvo Antanas Smetona, todėl galima numanyti, kad laikraštis palaikė politinę tautininkų poziciją ir buvo priešiškas kitokioms pažiūroms, kurias propagavo katalikiškas laikraštis „Rytas“ ir kairiųjų pažiūrų dienraštis „Lietuvos žinios“: „Tačiau „Lietuvos žinios“ tvirtina, kad ta miera (Lietuvos Aido) esanti kreiva, o „Rytas“, jog ji masoniška ir bedieviška.“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). O dienraštis „Lietuvos žinios“ pašiepiamas kaip visažinis: „Tai tikras Lietuvos orakulas. Jos mielai išpranašauja visa, kas mūsų gyvenime gali atsitikti: juodo, o jei kartais argumentų trūktų, ant pirštų paburia. Baisiai mėgsta senovę (nejaunesnę šešerių metų), iš kurios stiprybės semiasi (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). Ryškėja ironiškas požiūris į dienraštį kaip nespėjantį prisitaikyti prie kintančių sąlygų, norma tebelaikantį pasenusias tradicijas ir nuostatas. Laikraštis „Rytas“ straipsnyje vaizduojamas kaip neįdomus: „Jei traukinių tvarkaraštis būtų mažiau įdomus ir rečiau pasirodytų „Ryto“ pirmose skiltyse, tvarkaraščio vietoje mes matytume klebonų paveikslus ir KAK’os atsišaukimus. Tai švarinimo įstaiga juos ir tepalieka vieni atsidūsėjimai, kuriuos skaitytojas turi perskaityti tarp tvarkaraščio eilučių.“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). „Dienos Naujienos“ aprašomos kaip jaunas, neįtinkantis nei katalikiškam „Rytui“, nei kairiųjų pažiūrų „Lietuvos žinioms“ leidinys: „Jauniausias brolis dienraščių šeimoje. „Rytas“ ir „Lietuvos žinios“ jį laiko dar visišku kūdikiu ir todėl nori prausti kiekvieną dieną. Tik ne vandeniu, bet pamazgomis ir kitokiomis sekcijomis.“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). Pastebėtina, kad „Vapsva“ atsiriboja nuo aštresnės kritikos dienraščiui „Dienos Naujienos“. Nors leidinys ne kartą teigė esantis nešališkas, vis dėlto galima manyti, kad nuo kritikos susilaikoma atsižvelgiant į tai, kad „Vapsva“ ir „Dienos Naujienos“ priklausė tam pačiam „Naujo Žodžio“ spaudos koncernui.

Norint išlaikyti susikurtą žurnalo įvaizdį, straipsnyje pasitelkiama ir autoironija: „Vapsvai nesvarbu, nei kas prausia, nei ką prausia. Ir ji pati to amato neblogai moka. O kai dėl spaudos premijuoto obalsio, tai jai visiškai aišku, jog – Laukiniam žmogui nė laikraštis nepadės“ (Vapsva 1932, Nr. 10, p. 6). Straipsnio pabaigoje drąsiai „išprausdamas“ pats save, žurnalas „Vapsva“ tarsi stoja į nešališko stebėtojo poziciją – stebėtojo, kuris mato, kas dedasi aplinkui, nebijo to pasakyti garsiai ir yra pasiryžęs kentėti nepalankų visuomenės požiūrį.

Kūrinys „Spaudos enciklopedija“ – trumpų anekdotų rinkinys, „Vapsvos“ rašytojų nuomonė apie to meto lietuviškos spaudos situaciją. Pirmoje anekdoto dalyje nurodomas tam tikras

daiktas ar asmuo, kuris tam tikru aspektu susijęs su lietuviška spauda. Antroje dalyje tai apibūdinama. Ironiją kelia netikėtas apibūdinimas, kuris gali būti absurdiškas ir visiškai nesietinas su, rodos, žinomomis daikto ar asmens savybėmis. Anekdotus galima skirti į pajuokiančius netinkamą straipsnių turinį[78], anekdotus, kuriuose sarkastiškai vertinama spaudos pasaulyje įsigalėjusi korupcija[79], ir anekdotus, kuriuose šaipomasi iš to meto žurnalistų[80]. Prisidengus sarkazmu, išsakoma nuomonė spaudos kūrimo ir leidybos klausimais. Manytina, kad nežiūrint trumpos anekdoto formos, „Spaudos enciklopediją“ galima vertinti kaip kritikos straipsnį. Jame pabrėžiama, kad laikraščio redaktorius tėra skambus žodis ir nurodoma, kad redaktorius yra žmogus, privalantis paklusti spaudos cenzūros bei laikraščio rėmėjų norams. Padaroma sarkastiška išvada, kad redaktorius tėra „sėdėjimo prietaisas“, t. y. jam ant galvos lipa visi, kas netingi. Iš šio teiginio iškyla kita spaudos problema – laikraščiuose spausdinami kruopščiai atrinkti rėmėjų, dažnų to meto politinių partijų, patvirtinti ir spaudos cenzūrą praėję straipsniai. Keliuose anekdotuose „Vapsva“ šiuos straipsnius apibūdina kaip „brudnas mintis, žurnalistines antis, melagystes, senus anekdotus“. Tokie, „Vapsvos“ nuomone, nieko vertus straipsnius spausdinantys laikraščiai kūrinyje vadinami nieko nematančiais arba dėl asmeninių paskatų nenorinčiais matyti „trumparegiais“. Iš laikraščių darbo etikos šaipomasi nurodant, kad kiekvienas straipsnio pataisymas tėra teisybės nuslėpimas norint įtikti spaudos cenzūrai. Kitame anekdote sarkastiškai teigiama, kad cenzorius visuomet išliks cenzoriumi, nesvarbu, jei jis vadinamas spaudos draugu ir talkininku. Kūrinys užbaigiamas savotišku žurnalistų pateisinimu. Teigiama, kad norint būti žurnalistu, reikia mokėti greitai bėgti, garsiai skelbti savo tiesą, trokšti žinių ir nesitikėti daug iš to uždirbti.

Taigi visuomenės ydų viešinimas, noras ją matyti kitokią avangardistus jaudino ne mažiau nei naujojo meno kūrimas. Manytina, kad „Vapsvos“ kolektyvą vienijo suvokimas, jog norint sukurti naują visuomenės požiūrį, svarbu parodyti senojo gyvenimo būdo ir pažiūrų trūkumus. O visuomenės gyvenimo, valstybės politikos ydas lengviausia paviešinti aptariant to meto spaudą. Taigi visuomenės gyvenimą kritikuojančiuose straipsniuose pasitelkę ironiją, „Vapsvos“ kūrėjai pliekė buržuaziją, politizuotą spaudą, pasisakė prieš spaudos cenzūrą ir visuomenėje įsigalėjusią korupciją.

Išvados

Žurnalas „Vapsva“ skleidė avangardistų idėjas ir valstybėje matomas negeroves per ironišką kritinį diskursą. Įvairios ironijos rūšys – parodija, sarkazmas, groteskas, satyra – dažniau iškyla kaip tam tikros kritikos, pasitelkiamos kaip pasipriešinimo aplinkiniam pasauliui, protesto, o ne humoro forma. Pirmaisiais leidimo metais vyravo keturvėjininkų dvasios įkvėpta literatūros ir kultūros kritika, o paskutiniaisiais ėmė ryškėti trečiafrontininkų propaguotas menininko kaip aktyvaus visuomenės veikėjo požiūris.

Visuose kūriniuose ironija glaudžiai susijusi su kontekstu, t. y. neatpažįstama be tam tikrų pamatinių žinių apie XX amžiaus 3-iojo dešimtmečio Lietuvos visuomenę, kultūrą, literatūrą ir politiką. Tekstuose ironija vartojama kaip geluonis. Geliama naujovių nepripažįstantiems ar nesuprantantiems kultūros veikėjams, paviršutiniškai kultūrą suvokiančiai miesčionijai. Kvestionuojamas nekritiškas lietuvių mąstymas, savosios kultūros ir literatūros reikšmės nepakankamas suvokimas, aklas sekimas Europos pavyzdžiu ir atitinkamai su tuo susijęs meno nuosmukis, dvasinis žmonių pasimetimas, apsiribojimas klišėmis.

---

[78] „Spaustuvė – vieta, kur ant švaraus popierio gali atspausdinti visokias brudnas mintis. Vedamasis straipsnis – kasdienis pamokslas žmogaus, kurs tiek neišauklėtas, kad nori įrodyt jog už kitus daugiau išmano. Kronika – chronologiškas melagysčių rinkinys. Meno kronika – seni anekdotai apie artistus ir menininkus. Linotipas – mašina gudresnė už autoriaus straipsnius, kuriuos ji surenka. Antis – kasdieninė laikraščių duona.“

[79] „Atitaisymas – melas, kai pasakyta teisybė. Redaktorius – sėdėjimo prietaisas. Opozicinis laikraštis – jam uždėti tokie akiniai, per kuriuos jis nieko blogo negali matyti. Pozicinis laikraštis – nors ir be akinių, bet nieko blogo matyti nenori. Spaudos talkininkas – cenzorius.“

[80] „Provincijos korespondentas – žmogus, kurio nemuša tik tas, kas tingi. Specialus korespondentas iš Berlyno, Londono ir t. t. – asmuo gaminas Šančiuose su pagalba pareitos savaitės Berliner Tageblat'o naujausias žinias. Reporteris – žmogus, kuris turi turėti Nurmi kojas, šuns liežuvį, vilko apetitą ir kolibrio pilvą.“

Priekaištaujama 3-iojo dešimtmečio visuomenės problemas ignoruojančiai žiniasklaidai, žodžio laisvę ribojančiai valdžiai. Straipsniuose, aprašančiuose to meto lietuviškos spaudos situaciją, dėmesys kreipiamas į korupciją, pataikavimą, moralinių vertybių trūkumą.

Parodijuojant lietuvių literatūros tradiciją, taip pat šaipantis iš savęs, išryškinamas senosios romantinės, „nebeaktualios“ ir moderniosios, dinamiškos, kintančios kūrybos susidūrimas, kritikuojami neveiklūs ar nenorintys keistis, todėl nebegalintys rasti vietos modernėjančios literatūros erdvėje, rašytojai.

Žurnalas „Vapsva“ atsiskleidžia kaip itin aktyvus populiarusis-avangardistinis visuomenės švietėjas-keitėjas, jos socialinių ir moralinių problemų diagnozuotojas bei kritikas, lietuviškojo avangardinio diskurso tęsėjas.

LITERATŪRA

KALĖDA, A., 1994. Susvetimėjimo būsena ir jos meninė raiška. *XX amžiaus lietuvių literatūra*. Vilnius: Vaga, p. 364–382.

STRIOGAITĖ, D., 1998. *Avangardizmo sūkuryje: lietuvių literatūra. 3-iasis dešimtmetis*. Vilnius: Liet. literatūros ir tautosakos inst.

STRIOGAITĖ, D., 1994. Lietuviškas avangardizmas ir jo patirtis. *XX amžiaus lietuvių literatūra.* Vilnius: Vaga, p. 104–134.

VAŠKELIS, B., 1982. „Trečio fronto“ keliai ir klystkeliai. *Metmenys*, Nr. 44. Prieiga internete: http://www.tekstai.lt/literatriniai-sjdiai/204-trecias-frontas/1821-bronius-vaskelis-trecio-fronto-keliai-ir-klystkeliai-1.html. [Žiūrėta 2012 03 23].

VILIŪNAS, G., 1998. *Literatūrinis gyvenimas nepriklausomoje Lietuvoje (1918–1940)*. Vilnius: Alma littera.

ZÜRCHER, C., 1998. *Lietuvių avangardo pavasaris.* Vilnius: Liet. literatūros ir tautosakos inst.

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė, Eglė Petrauskaitė
Vilnius University

POPULAR PERIODICAL „WASP“ (1928–1932):
IRONIC CRITICISM OF LITERATURE, CULTURE AND SOCIETY

Summary

The paper analyzes the popular and humorous Lithuanian interwar periodical “Wasp” (1929–1932). The journal discusses the irony based discourse issues. It was formed by a group of avant-gardist authors of the periodical, such as: Kazys Binkis, Teofilis Tilvytis, Augustinas Gricius. They used the text as the sting of irony. Avant-garde writers criticize townspeople, who see culture very superficially. Authors castigate the media, which avoids to reveal the real problems of society. The journal deals with the problem of lack of speech freedom as well. The group of authors also promotes the development of new art. Thus, the journal is treated as a very active, popular public educator, the diagnostician and critic of the social and moral problems, and as the Lithuanian avant-garde discourse’ developer.

KEY WORDS: magazine, avant-garde, irony, criticism, culture, society, literature.

Birutė Briaukienė
Lietuvos sveikatos mokslų universitetas
Mickevičiaus g. 7, Kaunas, LT-44211
El. paštas:brbirute@gmail.com
Moksliniai interesai: leksikologija, terminologija, lietuvių kalbos kultūra, specialybės kalba

LIETUVIŲ ASMENVARDŽIŲ KILMĖ IR VARTOSENOS YPATUMAI

Straipsnyje apžvelgiama lietuvių asmenvardžių – vardų ir pavardžių – kilmė ir dabartinės vartosenos ypatumai. LSMU studentai, studijuodami specialybės kalbą, privalo išmokti taisyklingai vartoti asmenvardžius. Daug lengviau taisyklingai tarti ir kirčiuoti pacientų vardus ir pavardes žinant jų kilmę ir raidos dalykus.

Straipsnis parengtas remiantis LSMU Medicinos akademijos pirmo ir antro kurso studentų asmenvardžių tarimu ir kirčiavimu žodžiu per Specialybės kalbos pratybas bei raštu per kirčiavimo kontrolinį darbą. Straipsnyje mėginama ištirti, kiek šiandieninė asmenvardžių vartosena atitinka bendrinės kalbos tarties ir kirčiavimo normas. Nustatyta, jog šiandieninė lietuviškų vardų ir pavardžių vartosena studentų kalboje ne visada sutampa su bendrinės kalbos tarties ir kirčiavimo normomis.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: asmenvardžių kilmė, asmenvardžių dabartinės vartosenos normos ir jų pažeidimai.

Lietuvių vardų kilmė

Kuo senesnę ir sudėtingesnę istoriją turi tauta, tuo įvairesnės kilmės yra jos vardynas.

Senovėje lietuviai, kaip ir kitų tautų žmonės, buvo vienavardžiai. Kiekvienas žmogus turėjo tik vardą ir jokių pavardžių nebuvo. Lietuvių vardų yra keletas skirtingos kilmės ir nevienodo senumo sluoksnių. Pagal vartojimo amžių tie sluoksniai eina tokia tvarka: 1. Senieji lietuviški (ir kitų baltų tautų) vardai. 2. Kalendoriniai vardai. 3. Naujieji lietuviški vardai. 4. Naujieji skolintiniai vardai.

Senieji lietuvių vardai, kaip ir kitų indoeuropiečių tautų, buvo keturių darybos tipų: a) dvikamieniai (kartais trikamieniai) dūriniai (*Gintautas, Rimkantas, Tautvydas)*, b) iš jų padaryti trumpiniai (*Gintas, Rimas, Tautas)*, c) priesaginiai trumpinių vediniai (*Gaudenis, Ramūnas, Vaidotas*), d) apeliatyviniai – tiesiog bendriniai žodžiai, virtę vardais (*Aušra, Laimis, Rasa*) (Kuzavinis, Savukynas 2009, p. 14).

Kalendoriniai krikštavardžiai pagal vartojimo amžių Lietuvoje yra naujesni už senuosius lietuviškus vardus. Jie įsivyravo tik po krikščionybės įvedimo, o visuotinai įsigalėjo tik XV a. pabaigoje. Iki krikščionybės priėmimo (aukštaičių – 1387 m., žemaičių – 1413 m.) lietuvių vardyną sudarė tik tautiniai asmenvardžiai. Po krikšto jį papildė daugybė krikščioniškų vardų. Taigi visus vienanario įvardijimo asmenvardžius, pasitaikančius istorijos dokumentuose iki XVI a., galima skirti į dvi grupes: 1) tautiniai vardai, 2) krikšto vardai. Pirmoji grupė tuo laikotarpiu buvo žymiai gausesnė (Maciejauskienė 1991, p. 21-42). Tuo metu vartoti tautiniai ir krikšto vardai išsilaikė tarp dažniausiai vartojamų net iki XX a. vidurio.

Nauji, seniau nevartoti lietuviški vardai ėmė plisti XX a. pradžioje. Daugiausia jų atėjo iš grožinės literatūros. XX a. trečiąjį dešimtmetį vėl imta dažnai vartoti senuosius lietuviškus vardus. XX a., atsiradus daugiau kultūrinių kontaktų su Europos tautomis, Lietuvoje ėmė plisti tų tautų vardai. Jie anksčiau lietuviams buvo visai negirdėti. Be to, XX a. trečiąjį ir ketvirtąjį dešimtmetį atsirado mada teikti vardus iš operų, romanų ir filmų (Kuzavinis, Savukynas 2009, p. 23-32).

Vieno vardo visiškai pakako asmeniui išskirti iš kitų, nes bendraujančių žmonių būdavo nedaug, o ryšiai tarp etninių grupių buvo menki. Tačiau ilgainiui, padaugėjus gyventojų ir plečiantis ryšiams, vieno vardo ėmė nebepakakti. Be to, atsirado daug bendravardžių žmonių. Kilo reikalas asmens pavadinimą patikslinti prie vardo pridedant kokį nors pažymimąjį žodį. Pavyzdžiui, nurodant vardo turėtojo gyvenamąją vietą, amatą, pridedant jo tėvo ar brolio vardą ir pan. Laikui

bėgant iš tokių patikslinimų, „priedų“ prie vardų, kuriuos galėtume vadinti prievardžiais, ir kilo dabartinės mūsų pavardės (Zinkevičius 1977, p. 34).

Lietuvių pavardžių kilmė

Lietuvių pavardžių atsiradimo kelias buvo labai sudėtingas, vingiuotas ir lėtas. Vytauto laikais pavardžių dar visai nebuvo. To meto dokumentuose žmonės paprastai vadinami vienu vardu. Mūsų pavardžių užuomazgų reikia ieškoti XIV a. pabaigoje ir XV a. pradžioje. Įvairūs socialiniai sluoksniai pavardes ėmė vartoti ne tuo pačiu laiku. Pastovias, iš kartos į kartą perduodamas pavardes, pirmiausia pradėjo vartoti didikai. Paprasti žmonės dar ilgai be jų apsiėjo. Be to, jos anksčiau atsirado miestuose, vėliau – kaimuose. Intensyviausias pavardžių, ypač privilegijuoto luomo, formavimosi laikotarpis buvo XVI – XVII amžiai. Tik įsigalėjus griežtesnei žmonių registracijai, pasų, metrikų institucijai, gyventojai buvo pradėti sistemingai vadinti dviem asmenvardžiais: vardu ir pavarde. Praktiškai XVIII a. pabaigoje pavardžių formavimasis Lietuvoje jau buvo baigtas (Zinkevičius 1977, p. 35). Nuo to laiko asmuo dokumentuose gana nuosekliai vadinamas vardu ir pavarde.

Dabartinės lietuvių pavardės buvo pradėtos kaupti ir tyrinėti dar XX a. pirmoje pusėje. Buvo sudaryta jų kartoteka, kuri vėliau buvo vis papildoma. Pokario metais asmenvardžių tyrinėjimas suintensyvėjo. Buvo stengiamasi išryškinti bei ištirti tiek seniausius mūsų vardyno klodus (senuosius dvikamienius asmenvardžius, jų trumpinius, pravardes, krikštavardžius, įvairius priesaginius vedinius ir kt.), tiek dabartinės dvinarės asmens pavadinimo sistemos (vardas + pavardė) susiformavimo Lietuvoje procesą. Pradėtas kurti išsamus kilminis lietuvių pavardžių žodynas. Ypač smarkiai lietuvių asmenvardinė nomenklatūra kito priėmus krikščionybę, sulenkėjus lietuvių bajorijai ir bažnyčiai ėmus polonizuoti gyventojus (Zinkevičius 1977, p. 3).

Pradėti lietuvių asmenvardžių tyrinėjimo ir publikavimo darbus vertė visų pirma mokslo poreikiai. Lietuvių asmenvardžiai yra viena iš svarbiausių indoeuropiečių antroponimijos dalių. Lietuvių senieji dvikamieniai asmenvardžiai savo gausumu ir struktūros bei semantikos archaiškumu nenusileidžia senovės germanų, keltų, senovės graikų, senovės indų ir kt. tautų antroponimijai (*Lietuvių pavardžių žodynas* 1985, p. 11).

Pirmasis moksliškai parengtas senųjų lietuvių asmenvardžių rekomendacinis sąrašas buvo paskelbtas 1933 m.„ Gimtojoje kalboje” (Salys A. Mūsų lietuviškieji vardai, Gimtoji kalba, 1933). Karo metais ir ilgokai po karo asmenvardžiai nebuvo tyrinėti. Tik 1966 m. pasirodė pirmasis kalbininkų peržiūrėtas, bet leidėjų nerūpestingai suredaguotas rekomendacinis vardų sąrašas – „Vardų katalogas. Tarnybiniam naudojimuisi”. Didžiausi vardų rekomendaciniai sąrašai buvo paskelbti 1971 m. leidinyje „Vardai ir žodžiai ir 1979 m. knygoje „Civilinės apeigos”. Joje pirmą kartą buvo išdėstyti vardų atrankos kriterijai (*Lietuvių vardų kilmės žodynas* 2009, p. 7).

Vartosenos ypatybės

Kiekvieno žodžio vartosena greičiausiai atsiskleidžia tariant ir kirčiuojant tą žodį; asmenvardžių taip pat.

Daug asmenvardžių tarties klaidų studentų kalboje atsiranda dėl netaisyklingo balsių tarimo.

Labai dažnai trumpieji balsiai yra ilginami. Jie ilginami ir žodžio pradžioje, ir žodžio viduryje tariant: 1) moterų ir vyrų vardus, pvz.: *Gedim**i**nas, **I**gnas, J**u**lija, Kęst**u**tis, Li**u**das, Sig**i**tas, V**i**das, V**i**lija* ir pan.; 2) moterų ir vyrų vardus su nelietuvišku balsiu *o*, pvz.: *Apol**o**nija, Br**o**nius, D**o**mas, M**o**nika, T**o**mas*; 3) moterų ir vyrų vardus su mišriaisiais dvigarsiais, pvz.: *M**i**lda, M**i**ndaugas, M**i**lvydas, V**i**lma, V**i**lmantas* ir pan.; 4) mergaičių pavardžių priesagą *-utė*, pvz.: *Butk**u**tė, Liutk**u**tė, Rimk**u**tė, Stark**u**tė, Vitk**u**tė* ir pan.; 5) vyrų pavardžių šaknyje esantį trumpąjį balsį, pvz.: *B**u**tkus, Li**u**tkus, R**i**mkus, Š**i**mkus, V**i**tkus* ir pan.

Šiandieninėje studentų kalboje dažnai trumpinamas ilgasis balsis *ė*, ypač žodžio gale: 1) moterų vardų, pvz.: *Akvil**e** (= Akvilė), Birut**e** (= Birutė), Danguol**e** (= Danguolė), Gabriel**e** (= Gabrielė);* 2) mergaičių pavardžių, pvz.: *Česyt**e** (= Česytė), Jonynait**e** (= Jonynaitė), Leonavičiūt**e***

(= Leonavičiūtė), Motiejūnaitė (= Motiejūnaitė), Petrėnaitė (= Petrėnaitė), Saukaitė (= Saukaitė) ir pan.; 3) moterų pavardžių, pvz.: *Budrienė (= Budrienė), Jonynienė (= Jonynienė), Mitkuvienė (= Mitkuvienė*), *Samėnienė (= Samėnienė), Tamoliūnienė (= Tamoliūnienė*) ir pan.

Tariant kai kuriuos vardus, kartais be reikalo minkštinamas priebalsis *l*. Pvz.: *Al'ma (= Alma), Eval'das (= Evaldas), Sil'va (= Silva), Val'das (= Valdas), Vil'ma (= Vilma)* ir pan.

Netaisyklingo kirčiavimo atvejų daugiausia kirčiuojant moterų ir vyrų vardus. Pavyzdžiui:

1-osios kirčiuotės moterų ir vyrų vardai su mišriuoju dvigarsiu kirčiuojami tvirtagališkai, pvz.: *Mĩ̦lda (= Mìlda), Miñdaugas (= Mìndaugas), Rim̦̃kantas (= Rìmkantas), Vĩ̦lma (= Vìlma), Vĩ̦lmantas (= Vìlmantas), Vĩ̦ltautas (= Vìltautas)* ir pan.

2-osios ir 4-osios kirčiuotės moterų vardai, turintys galūnę *-a*, nekirčiuojami žodžio gale ten, kur privalomi būti kirčiuojami: vns. V., vns.Įn., dgs. G. Pvz.:

2-osios kirčiuotės:

vns. V.: *Barbóra (= Barborà), Gréta (= Gretà), Maríja (= Marijà), Ríma (= Rimà), Simóna (= Simonà)* ir pan.

vns. Įn.: (su): *Barbóra (= Barborà), Gréta (= Gretà), Maríja (= Marijà), Ríma (= Rimà), Simóna (= Simonà)* ir pan.

dgs. G.: *Barbóras (= Barboràs), Grétas (= Gretàs), Maríjas (= Marijàs), Rímas (= Rimàs), Simónas (= Simonàs)* ir pan.

4-osios kirčiuotės:

vns. V.: *Aũšra (= Aušrà), Daĩna (= Dainà), Iẽva (= Ievà), Rãsa (= Rasà)* ir pan.

vns. Įn.: (su): *Aũšra (= Aušrà), Daĩna (= Dainà), Iẽva (= Ievà), Rãsa (= Rasà)* ir pan.

dgs. G.: *Aũšras (= Aušràs), Daĩnas (= Dainàs), Iẽvas (= Ievàs), Rãsas (= Rasàs)* ir pan.

Tokios kirčiavimo klaidos būdingos 2-osios ir 4-osios kirčiuotės dviskiemeniams ir triskiemeniams lietuviškiems ir nelietuviškiems moterų vardams.

3-iosios kirčiuotės dvikamieniai moterų vardai, pavyzdžiui, *Gražvydà, Rimvydà* ir pan. vns. V. ir vns. Įn. bei dgs. G. dažnai yra kirčiuojami 1-ame sande (*Grážvyda,*su *Grážvyda, Grážvydas; Rìmvyda,* su *Rìmvyda, Rìmvydas).* Toks jų kirčiavimas sutampa su šių vardų 1-osios kirčiuotės kirčiavimo variantu. Vadinasi, 3-iosios kirčiuotės kirčiavimo variantas dabartinėje kalboje yra nykstantis.

Dvikamieniai moterų vardai šiandien dažniausiai kirčiuojami antrame sande. Pvz.: *Deimántė (= Deĩmantė), Vilmántė (= Vìlmantė), Vytaũtė (= Vy'tautė), Minvy'dė (= Miñvydė).* Tokio kirčiavimo varianto bendrinėje kalboje kol kas nėra.

Kai kurie lietuviški vardai, kilę iš bendrinių žodžių, dažnai ir kirčiuojami kaip tas bendrinis žodis, tačiau toks kirčiavimas kol kas yra nenorminis. Turi būti kirčiuojama: *Aũksė (: áuksas), Aũstė (: áusti).*

Vyrų 1-osios kirčiuotės vardai *Aĩ̦lvydas, Ar̦̃vydas* ir pan. labai dažnai kirčiuojami netaisyklingai: *A'lvydas* arba *Alvy'das, A'rvydas* arba *Arvy'das*. Kol kas žodyne tokio kirčiavimo varianto nėra.

Vyriškas 2-osios kirčiuotės vardas *Mañtas* dažniausiai kirčiuojamas 1-ąja kirčiuote *Mántas*. Tokio kirčiavimo varianto žodynas šiandien neteikia.

3-iosios kirčiuotės moteriškas vardas *Neringà* gali būti kirčiuojamas ir 1-ąja kirčiuote *Nẽringa*. Toks šio vardo variantas dažniausiai kirčiuojamas netaisyklingai – trumpai *Néringa*.

Pavardžių kirčiavimo nesutapimo su bendrinės kalbos normomis yra daug mažiau nei vardų. Dažniausi yra šie netaisyklingo pavardžių kirčiavimo atvejai.

Netaisyklingai kirčiuojama mergaitės pavardės priesaga *-áitė*. Ji kirčiuojama tvirtagališkai *-aĩtė*, nors bendrinei kalbai toks variantas neteiktinas. Ši priesaga turi būti kirčiuojama 1-ąja kirčiuote tvirtapradiškai. Pvz.: *Alseikáitė, Rimšáitė, Sakalauskáitė* ir pan.

Moterų pavardžių priesaga *-íenė* (*Kiaušiníenė, Kruopíenė)* dažnai kirčiuojama netaisyklingai 2-ąja kirčiuote *-iẽnė* (*Kiaušiniẽnė, Kruopiẽnė).* Taip kirčiuojama priesaga turi kitą reikšmę ir žymi valgių pavadinimus.

Išvados

1. Studentų kalboje šiandieninė lietuviškų asmenvardžių vartosena nevisada sutampa su bendrinės kalbos tarties ir kirčiavimo normomis.
2. Daugiausia tarties klaidų daroma netaisyklingai tariant trumpuosius balsius.
3. Dažniausiai netaisyklingai kirčiuojami moterų vardai.
4. Pavardžių kirčiavimo klaidų daroma kirčiuojant mergaitės pavardės priesagą *-áitė* ir moters pavardės priesagą *-íenė.*

LITERATŪRA

KUZAVINIS, K.; SAVUKYNAS, B., 1987. *Lietuvių vardų kilmės žodynas*. Vilnius: Mokslas.
KUZAVINIS, K.; SAVUKYNAS, B., 2009. *Lietuvių vardų kilmės žodynas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
Lietuvių pavardžių žodynas, 1–2, 1985–1989. Autoriai: A. Vanagas, V. Maciejauskienė, M. Razmukaitė. Vilnius: Mokslas.
MACIEJAUSKIENĖ, V., 1991. *Lietuvių pavardžių susidarymas XIII – XVIII a.* Vilnius: Mokslas.
Zinkevičius, Z., 1977. *Lietuvių antroponimika*, Vilnius: Mokslas.

Birutė Briaukienė
Lithuanian University of Health Science
Research interests: linguistics, terminology, Lithuanian language culture, special language.

THE ORIGIN AND PECULIARITIES IN THE USE OF LITHUANIAN PROPER NOUNS

Summary

The article reviews the origin and peculiarities of using the Lithuanian proper nouns – names and surnames. Students of LUHS during their studies of professional Lithuanian language have to learn to use correctly some proper nouns. The knowledge of the origin and development of proper nouns makes easier to pronounce and understand stress patterns of patients‘ names and surnames.

The article is based on pronunciation and stress patterns of proper nouns of first year and second year students of Medical Academy of LUHS during the oral practicals of professional Lithuanian language and written control work. Attempts to reveal deviations of the use of Lithuanian names and surnames from standard rules of pronunciation and stress patterns of generic Lithuanian language are made. It is determined that modern use of Lithuanian names and surnames does not always meet standard rules of pronunciation and stress patterns of generic Lithuanian language.

KEY WORDS: origin of proper nouns, modern standard rules of proper nouns and deviations from these rules.

Živilė Dapšauskaitė
Vytauto Didžiojo universitetas
K. Donelaičio g.52
Kaunas LT- 44244, Lietuva
z.dapsauskaite@hmf.vdu.lt
Moksliniai interesai: tradicinis ir šiuolaikinis folkloras, literatūros ir folkloro ryšiai, vaikų literatūra.

KOMUNIKACIJA MOKYKLINIŲ ATMINIMŲ TEKSTUOSE IR UŽRAŠUOSE ANT NUOTRAUKŲ

Straipsnyje pristatomi komunikacijos būdai šiuolaikinių mokyklinių atminimų ir užrašų ant nuotraukų tekstuose. Mokykliniai atminimai, užrašai ant nuotraukų – rašytinis tautosakos žanras, kaip vienas iš reiškinių, jungiantis bendraamžius. Atminimų sąsiuvinio puslapio ir užrašo ant nuotraukos maketas dažniausiai standartinis: viršuje – kreipinys, po to rašomas tekstas, apačioje – atminimą palikusiojo vardas ir data. Tekstai, analizuojami straipsnyje, skirstomi taip: pradiniai, rašomi atminimų sąsiuvinio pradžioje; kuriais kreipiamasi į skaitantįjį ir jo prašoma prisiminti rašantįjį; kas nors linkima; patariama ar pamokoma; pateikiami įvairūs faktai, (žymių žmonių) mintys; kalbėjimas / pasakojimas kaip dialogas.

ESMINIAI ŽODŽIAI: vaikų kūryba, folkloriniai atminimai, užrašai ant nuotraukų, komunikacija.

Mokykliniai atminimai, užrašai ant nuotraukų – tai folkloriniai tekstai, kurie, tikėta, baigus mokyklą turėtų priminti apie buvusius draugus ar bendramokslius.

Atminimas – tai, kas telpa viename puslapyje, rašomame vienų mokinių kitiems, kuriančiame aliuziją į rašiusįjį: tai ir aktualus tekstas, ir jį papildantis ar paaiškinantis nupieštas vaizdas. Tai – poezijos (daugiausiai) ir vaizduojamojo meno samplaika, teksto ir jo iliustracijos derinimas. Tekstu ir vaizdu pateikiama tai, kas yra aktualu šiandien: mintys, idėjos, rašančiojo jausmai atminimo sąsiuvinio savininkui. Kūrinys – tai autoriaus vidinio pasaulio atspindys (Dapšauskaitė 2010, p.29).

Užrašų ant nuotraukų pateikimo forma kiek kitokia. Tekstas įprastai rašomas kitoje nuotraukos pusėje arba kas nors užrašoma ant pačio albumo puslapio. Tekstai dažniausiai aukštesnio meninio lygio, kadangi nuotraukomis su užrašais pradedama dalintis vyresnėse klasėse.

Atminimų rašymo reiškinys žinomas ne tik Lietuvoje, bet ir kitose šalyse. Štai kaimyninėje Latvijoje vaikų atminimus tyrinėjanti Baiba Meistere detalizuoja, kad yra žinomi keli atminimų albumų tipai: piešinių, nuotraukų, anketų, dainų albumai, svečių knygos bei kelios mišrios versijos. Rusijoje „merginų albumų“ („девичий альбом“) tradicija, atsiradusi XIX amžiaus pirmojoje pusėje, taip pat priskiriama atminimams (Meistere).

Estijoje atminimus tyrinėjanti Eda Kalmre atminimų kaip atskiro folklorinio žanro kilmę sieja su Vokietija. Spėjama, kad atminimų albumai pasiekė Suomiją XVI amžiaus pradžioje per studentus, kurie studijavo Vokietijos universitetuose ir iš ten parsivežė šią tradiciją. Albumai išpopuliarėjo šalyse, kurios palaikė stiprius kultūrinius ryšius su Vokietijos protestantais (Kalmre).

Lietuvoje apie atminimus yra rašiusi Rūta Stonkuvienė, į šį reiškinį žvelgusi socialiniu bei psichologiniu aspektais (Stonkuvienė, 2003: 42). Šio reiškinio tyrimų rezultatus jau yra skelbusi ir Živilė Dapšauskaitė: išskirtos pagrindinės šiuolaikinių mokyklinių atminimų teminės grupės (Dapšauskaitė 2010b, p.29–34), publikuoti gyvenimo ciklą perteikiantys atminimų tekstai (Dapšauskaitė 2010, p.160–198), pateikta informacija apie bendravimą mokykloje ir šeimos kūrimą (Dapšauskaitė a, 2011, p.131–135).

Straipsnyje naudojami tekstai, studentų surinkti įvairiose Lietuvos vietovėse, saugomi Vytauto Didžiojo universiteto Humanitarinių mokslų fakulteto Etnologijos ir folkloristikos katedros

rankraštyne (VDU ER). Jame yra sukaupta ne tik atminimų, užrašų ant nuotraukų tekstų, bet ir daug ištisų atminimo sąsiuvinių originalų bei jų kopijų.

Pirmiausiai pažymėtina tai, jog atminimai buvo rašomi vyresniųjų, baigiamųjų klasių moksleivių prieš pat baigiant mokyklą, vėliau, apie XX a. 8–9 deš., šią tradiciją perėmė ir jaunesniųjų klasių moksleiviai, tai pavertę savotišku žaidimu. Tuo metu paraleliai gyvavo dvi grupės rašančiųjų atminimus: baigiamųjų klasių moksleiviai ir pradinukai. Pateikėjai teigia, jog jaunesnėse klasėse buvo rašomi atminimai, o vyresnėse klasėse su geriausiais draugais arba visais klasiokais keičiamasi nuotraukomis. Išnykus keitimuisi nuotraukomis, atminimų sąsiuvinio pildymas išliko ilgiau, iki maždaug XX–XXI a. sandūros. Nuotraukomis dažniau keičiamasi tik su geriausiais draugais, o atminimai pildomi didesnio skaičiaus bendramokslių.

Pats atminimo rašymo reiškinys, o ne teksto turinys labiau jungia bendraklasius, kiemo draugus, prašančius ir paliekančius atminimą. Atminimo pildyti bet kam neduodama. Pirmiausiai rašyti duodama pačiai geriausiai draugei, toliau – kitoms labai geroms, taip tarsi išranguojant santykius. Kuo arčiau sąsiuvinio pradžios pildoma, tuo artimesni santykiai su savininku. O nuotraukomis dėl finansinių faktorių reiškinio atsiradimo pradžioje buvo keičiamasi tik su geriausiais draugais, vėliau nuotraukų dauginimas jau nebebuvo sudėtingas. Pažymėtina ir tai, jog atminimus rašo daugiau mergaitės viena kitai, o nuotraukomis keičiamasi, neatsižvelgiant į lytį.

Mokykliniuose atminimuose saviraiška gali būti vertinama keliais aspektais: tai pirmiausiai savęs parodymas ir priminimas, kita vertus, reikia laikytis ir tam tikrų nusistovėjusių taisyklių, koks turi būti atminimo sąsiuvinio puslapis. Siekiama būti išskirtiniu, laikytis tam tikrų standartų: tekstas turi būti tradicinis (autoriniai atminimai skamba kaip nesusipratimai ir iškrinta iš konteksto), paveikslėliai kopijuojami pagal to laikotarpio masinės kultūros pavyzdžius, o ir pats viso puslapio maketas dažniausiai standartinis (viršuje – kreipinys, po to rašomas tekstas, aplink komponuojamas paveikslėlis, apačioje – atminimą palikusiojo vardas ir data).

Atminimų ir užrašų ant nuotraukų tekstų komponavimo schema primena laiško modelį, kuriame ypač svarbus pasisveikinimas (Ivanauskaitė 2007, p.136). Kuriant atminimų puslapį, beveik išimtinai visada kreipiamasi vardu ar mažybine jo forma, labai retai vardo trumpiniu ar pravarde. Rašant laiškus buvo laikomasi tam tikrų formos reikalavimų, perimtų tiek iš rašytinės kultūros, tiek iš žodinės tradicijos (Ivanauskaitė 2007, p.147), o atminimai taip pat turi panašią ir gana mažai varijuojančią struktūrą.

Užrašai ant nuotraukų taip pat dažnai turi tam tikrą nusistovėjusią struktūrą: viršuje rašomas kreipinys, toliau – tekstelis ir galiausiai apačioje – autorius, vietovė ir data. Kreipinys arba pasirašymas pabaigoje gali būti praleidžiami.

Pirmiausiai pažymėtina, jog pats tekstas yra raštu perteikiamas kalbėjimas tarp atminimą paliekančiojo ir to, kuriam tai skirta. Tai, kas norima pasakyti, yra užrašoma, taip išsaugant pri(si)minimą ateičiai. Analizuojant mokyklinių atminimų ir užrašų ant nuotraukų tekstus, galima išskirti keletą variantų, kaip reiškiasi kalbėjimas. Pateikiama informacija gali būti išreiškiama tiek monologu, tiek (beveik) dialogine forma, kur tekste kalbama tiek iš atminimą paliekančiojo pozicijos, tiek tam, kuriam perduodama.

Mokyklinių atminimų ir užrašų ant nuotraukų tekstuose išskirtini keli kalbėjimo kaip veiksmo tarp atminimą paliekančiojo ir jį skaitančiojo būdai. Išanalizavus tekstus, juos būtų galima suskirstyti taip: pradiniai, rašomi atminimų sąsiuvinio pradžioje; kuriais kreipiamasi į skaitantįjį ir jo prašoma prisiminti rašantįjį; kas nors linkima; patariama ar pamokoma; pateikiami nekvestionuojami teiginiai; kalbėjimas / pasakojimas kaip dialogas (nors, žinoma, yra daug daugiau, tačiau tai – pagrindiniai ir ryškiausiai matomi). Kai kurie tekstai galėtų būti priskiriami ir prie dviejų, tačiau straipsnyje pristatomi prie ryškesnės grupės tekstų masyvo.

Pradiniame tekste kreipiamasi į atminimus paliekančiuosius. Tekstuose minima, jog įrašo dėka autoriai – bendramoksliai – bus ilgai prisimenami: *Rašykit draugės ir draugai, / Aš prisiminsiu Jus ilgai* (VDU ER 220/94). Prašoma, kad nebūtų rašomos paslaptys ir tie patys tekstai: <...> *Tik nerašykit paslapčių / Ir atminimų tų pačių* (VDU ER 130/1). Tik iš to galima spręsti, kad tam tikrame draugų rate naudojamų tekstų skaičius yra gana nedidelis, o kuo didesnis atminimų sąsiuvinis, tuo didesnė tikimybė pasikartojimams. Taip pat tekstuose keliami reikalavimai neplėšyti

puslapių, nelankstyti kampelių, nerašyti pieštuku, taip siekiant atminimų sąsiuvinį kuo ilgiau išlaikyti: *Rašykit draugės ir draugai / Man atminimai bus ilgai ilgai / Tik lapelių nedraskykit / Ir kampelių nelankstykit* (VDU ER 237/1); <...> *Tik nerašykit negražių, nes aš išplėšti tuoj žadu, ir nerašykit pieštuku, nes aš ištrinsiu trintuku. Labai prašau lapų nedraskyti, nes visi jie suskaityti* (VDU ER 213/49)). Kai kur būdavo kaip tik įprasta į atminimo puslapį, jį užlenkus, arba įrašyti kažką ypatinga, įdėti kažką: kramtomosios gumos gabalėlį, saldainį, gėlytę. Pabrėžtina, kad tokio pobūdžio kreipiniai yra rašomi tik atminimų sąsiuvinio pradžioje, kur savininkas kreipiasi į atminimus paliksiančius draugus.

Kituose tekstuose **kreipiamasi į skaitantįjį ir jo prašoma prisiminti rašantįjį**. Gana dažnai atminimuose prašoma prisiminti, nurodant tam tikrą laiką ar veiksmą. Dažniausiai minimi besileidžiančios saulės, raustančio dangaus, pavasario ryto, kai žydi alyvos, ryto, kai pateka saulė, krintančio sniego ir mėnulio įvaizdžiai: *Jau leidžiasi saulė raudona / Prisiminimų pilna / Prisiminki Tu šitą saulėlydį / Prisimink ir mane!* (VDU ER 130/6); *Pavasario rytą alyvom pražydus / Palenkus šakutę nuskink / Ir burdama laimę žieduose / Bent kartą mane prisimink* (VDU ER 226/2); *Kai tekės saulutė ūkanotą rytą, / Sidabrinės rasos puoš tau takelius, / Prisimink pasauly juokus išblaškytus, / Prisimink, kas rašo šituos žodelius* (VDU ER 220/97); *Rausvai nusidažė vakaruos dangus, / Nešdamas ramybę ir tylius sapnus. / Kai nakties ramybė Tave užliūliuos, / Prisimink mane nors tyliuos sapnuos* (VDU ER 220/107); *Kai sniegutis baltas kris / Tau ant veido, / Ir šviesus mėnulis Tau bučiuos akis, / Prisimink, kad taip skausmingai plaka / Toli pasilikus vieniša širdis* (VDU ER 220/106). Pastebėtina, jog dažniausiai tai laikas, kada aplink viskas nurimę, sustoję, labai trumpa ir graži akimirka; laikas nurodomas gamtos ciklais: tam tikru metų, paros laiku.

Užrašuose ant nuotraukų žmogus prisimenamas, kai pažiūrima į nuotrauką, kai liūdna arba atsimenami jaunystės metai: *Kai žiūrėsi į nuotrauką šitą, / Ir šypsena žais tavajam veide, / Galbūt draugę turėsi jau kitą, / Bet dažnai prisimink ir mane* (VDU ER 229/18); *Tegul Tau negyvas šešėlis / Primins gyvą širdį – mane* (VDU ER 228/39); *Prisimink mane nors liūdnose gyvenimo valandose, nes linksmose būsiu užmiršta* (VDU ER 227/26).

Atminimų tekstuose, kuriuose **kas nors linkima**, linkėjimai yra poetizuoti, metaforiški, gana dažnai skatinama būti saule, vėju, dangumi, šildyti ir spindėti kaip saulė ar dangus, turėti ąžuolo stiprybės: *Būk tu saulė, vėjas, dangus, / Būk plačiausios padangės mėlis, / Pagaliau tu būki žmogus, / Tik niekada nebūk šešėlis* (VDU ER 130/4); *Būk žvali ir jauna / Kaip pirma žaluma / Kaip pavasaris būk / Tu visų laukiama. / Jei reiks purvą nuplaut – / Tu pabūk lietumi, / Jei neliks kuo tikėt – / Tu tikėk savimi* (VDU ER 143-2/77). Tai yra tarsi nuoroda, kad žmogus pats savaime neturi daug siektinų savybių, o lyginamasi su gamta. Taip pat svarbu išlikti savimi, kad kiti tai pastebėtų, linkima ir kūdikio šventumo, tačiau neišsakomos suaugusio žmogaus savybės: *Linkiu tau saulės / spindulių ir šilumos. / Kad spindėtum, kaip ji. / Ir šildytum savo draugus. // Linkiu tau ąžuolo stiprybės / Kad ištvertum gyvenimo išdaigas. // Linkiu tau kūdikio šventumo, / Kad sužavėtum visus žmones savo šventumu* (VDU ER 235/68); *Išliki savimi, nors bus daug / kryžkelių ir paklydimų! / Išliki savimi, kad sušlamėtų / kai sugrįši, palaukės beržai! / Išliki savimi, kad suliepsnotų / sudeginti beržai! / Išliki savimi, kad žmonės / galėtų didžiuotis Tavimi!* (VDU ER 235/64). Svarbu rasti ir sau tinkamą porą: *Jau supratai: / Gyvenimas – ne medis, kurio jaukiam pavėsy, / Tau angelai aukoja laimės giesmę... / Ir vis dėlto lai išsipildo tos nedrąsios godos, / Kad būtų dienos – dviejų širdžių ramybės sodas* (VDU ER 235/70). Pastarieji palinkėjimai yra retesni.

Užrašuose ant nuotraukų linkima kiek kitokių dalykų. Dažniau linkima būti sektinu kitiems pavyzdžiu: *Būk amžina, kaip daina. / Būk džiuginanti, kaip svajonė, kuri išsipildys. / Būk laukiama, kaip pirmos saulės spindesys. / Būk nuoširdi, kaip kūdikio akys. / Būk gyvenime visiems šviesia žvaigžde* (VDU ER 236/40). Žmonės taip pat gretinami su gamta: šypsosi saulei spindint, lietus nulyja skausmą ir kaltę, sniegas krenta ant sielos žaizdos. Tačiau ir gamtos dalimi būdamas žmogus išlieka žmogumi: *Kad žmonės šypsotųs ant vieškelio pilko... / Kad saulė spindėtų virš tavo galvos... / Kad lietūs nulytų ir skausmą, ir kaltę... / Kad sniegas nekristų ant sielos žaizdos... / Kad medžių viršūnėse paukščiai čiulbėtų... / Kad kartais apsuptų džiaugsmai ir troškimai žmonių svetimų... / Kad niekas ir niekaip, ir niekur neskriaustų, kad nieko nebūtų mažai... / Kad viskas į gera, kad viskas Tau būtų gražiai...* (VDU ER 236/48). Taip pat dažnai linkima ir laimės: *Kai pažvelgsi į šitą*

šešėlį, visuomet jis tau laimės linkės (VDU ER 227/20); *Kol šitas mažas foto / Tau prieš akis stovės. / Atmink, kad vien tik laimės / Jis tau linkės* (VDU ER 227/31).

Atminimų tekstuose taip pat gali būti **patariama arba pamokoma**. Dažniausiai teigiama, jog gyvenimas sunkus ir reikėtų tausoti jį: *Gyvenimas perlų nesėja / Ir rožėm nebarsto kelių, / Tu eik prieš gyvenimo vėją / Bet taip, kad užtektų jėgų* (VDU ER 130/21). Stengiamasi įtikinti, jog viltis išsaugoma visą gyvenimą, o džiaugsmas taip pat bus, tik kitoks: *Netikėk tu šiandien, / Kad viltis sudužo / Kad praeis jaunystė. / Netikiu ir aš. / Bet tartum kas sako: / „Neateis gegužis / Džiaugsmo vakarykščio / Jis nebeatneš.“* (VDU ER 226/13)). Atminimuose taip pat mokoma ir santykių su kitais žmonėmis: paguosti, nesmerkti suklydus, būti vertam pasitikėjimo: *... Kai žmogui būna liūdna, visi sako: „Paguosk“. Bet nereikia jo trukdyti, kol jis pats to nepaprašys, nes tada tavo pagalba bus tikrai reikalinga. / ... Kai žmogus suklysta, visi jį smerkia. Bet nereikia to daryti – jis nenorėjo suklysti. Reikia išmokti atleisti. / ... Kai žmogus verkia, nereikia sklaidyti tos nuotaikos, nes, nusišluostęs ašaras, jis pats pasakys, dėl ko verkė. Aišku, jei tu būsi tas žmogus, kuriam kiekvienas gali atverti savo širdį* (VDU ER 235/69). Svarbu išmokti, jog visada bus geriau: *Neverk, jei tau nesiseka, / Nenusimink, jei paslydai, / Juk greit išauš kita diena, / Žinok, kad viskas bus gerai* (VDU ER 245/14); bet svarbiausia – žmogus pasaulyje yra tik keleivis: *Mes išeisim iš čia lyg keleiviai / Vėjas pėdas užneš, užpustys... / Gal tik vardas kaip žuvusio laivo / Gal tik vardas paliks atminty* (VDU ER 235/35).

Užrašuose ant nuotraukų patariami arba paaiškinami gana panašūs dalykai. Raginama neliūdėti ir nepalūžti: *Neliūdėk, jei kartais tau sunku, / Jei įveikti savęs negali, / Jei ašaros byra skruostu, / Ir sunkumai pastoja kely. / Neliūdėk, nors įstrigo širdin / Kamuolys su keisčiausiu skausmu. / Tu – žmogus. Tu palūžt negali, / Nors ir kaip Tau bebūtų sunku* (VDU ER 236/43). Taip pat būti amžina daina ar išsipildančia svajone, laukiamu ir nuoširdžiu žmogumi, kelrode žvaigžde: *Būk amžina, kaip daina. / Būk džiuginanti, kaip svajonė, kuri išsipildys. / Būk laukiama, kaip pirmos saulės spindesys. / Būk nuoširdi, kaip kūdikio akys. / Būk gyvenime visiems šviesia žvaigžde* (VDU ER 236/40). Skatinama būti gėle, bet ne gražiausia, ne ryškiausia, nepabūgusia vėjų, audrų ir kažkam reikalingiausia: *Nesistenk būti gražiausia gėle – / Gražios gėlės nežydi ilgai. / Sužydėk, bet nebūk per ryški – / Nebarstyk gražių žodžių visiems. / Nes sakys, kad nemoki mylėti. / Bet vis vien visur būki gėle, / Nepabūgusia vėjo, audrų, / Ir žinok, kam skirta, tas nuskins, / Pavadinęs gražiausiu vardu* (VDU ER 236/39).

Atminimuose gali būti pateikiami **savaime suprantami dalykai**. Teigiama, jog žiema palieka ledus, ruduo – lapus, alyvos vėl žydės, tačiau žmogus išnyksta: *Žiema ledus palieka, / Ruduo gelsvus lapus / Aš atminčiai palieku / Tau šiuos kelis žodžius* (VDU ER 137-1/12); *Žydės vėl mėlynos alyvos / Tylioj pavasario nakty, / O aš lyg rūkas sidabrinis / Išnyksiu tavo atminty* (VDU ER 143-1/33). Taip pat konstatuojama, jog atminimai rašomi dėl prisiminimo: *Vieni rašo dėl gražumo, / Kiti rašo dėl mados. / Aš rašau dėl atminimo, / Kad atmintum visados* (VDU ER 129-2/55). Dar kituose atminimų tekstuose teigiama, jog kaip tik bus pamiršti atminimą palikusieji: *Pamirši mane, tarsi, rūką, / Pamirši mane aš tikiu. / Juk vaikai tikrą tėvą pamiršta, / O draugą pamiršt nesunku* (VDU ER 133/22). Pažymimas ir tas faktas, jog į tas pačias klases ateis kiti ir jau baigusiųjų nebeliks dienynuose: *Bus ruduo... / Ir variniai varpeliai / Naują būry mokyklon atves. / Tiktai niekas iš klasės žurnalo / Nešauks nei tavęs, nei manęs...* (VDU ER 235/29).

Užrašuose ant nuotraukų išsakoma, jog draugystė iširs, jei nebuvusi tvirta draugystė: *Su nuotrauka nereikia žaisti, / Nereikia su ja juokaut, / Jei mūsų draugystė iširtų – / Reiškia mes nemokėjom draugaut* (VDU ER 229/6). Laikui bėgant žmonės keičiasi, o nuotrauka tik primena tai, kas buvo: *Keičias gyvenimas, / Keičias laikai. / Pasikeis ir šis šešėlis, / Kurį čia matai* (VDU ER 223/72). Tačiau vis dėlto prašoma prisiminti tai, kas buvo: *Linguos prie kelio beržas, / Skęs saulė ežere, / O šis nevykęs foto / Tau primena mane* (VDU ER 228/51); *Kai sėdėsi mintyse paskendus / Ir vartysi albumo lapus. / Pamatysi pažįstamą veidą / Ir mano rašytus žodžius* (VDU ER 223/65).

Įprastame kalbėjime / pasakojime kaip dialoge tarp atminimą paliekančiojo ir gaunančiojo galima išskirti dar keletą pogrupių.

Atminimuose, kuriuose **vystomas menamas dialogas**, galima įžvelgti tarsi teisinimąsi dėl vienokių ar kitokių poelgių: *Norėjau rožę tau nuskinti, / bet ji sušalo po ledu. / Norėjau laimės*

palinkėti, / bet ir pati jos neturiu (VDU ER 133/5); *Pražydo rožė deimantinė / Ant aukšto kalno tarp gėlių. / Nuskinčiau tau, brangi mergyte, / Bet jos pasiekti negaliu* (VDU ER 226/14). Gali būti minimos ir draugiškumo išraiškos, kažkuo dalijantis tarp draugų: *Obuoliuką kremtu / Ir galvoju – kur tu? / Jeigu būtum kartu – / Pusę gautum ir tu!* (VDU ER 229/14). Taip pat gali būti išreiškiama mintis, jog pabaigus mokyklą teksią išsiskirti: *Mes išeisim iš čia kaip klajūnai, / Draugų akys lydės mus toli. / Tu pamirši mane, juk taip būna – / Prisiminti visų negali* (VDU ER 224/19); *Partizanų gatvėje / mes susipažinom, / O kur išsiskirsime / nei viena nežinome* (VDU ER 148/46).

Užrašuose ant nuotraukų gana dažnai išsakoma, jog nuotrauka skiriama ne pasijuokimui, o prisiminimui: *Skiriu ne tam, kad pasijuoktum, / Iš mano veido ir akių, / Skiriu tik tam, kad prisimintum / Mane tarp daugelio draugų* (VDU ER 229/14). Išsiskyrus draugystei, nebendraujant, patariama ir nuotraukos neišlaikyti: *Jei gyvenime mane pamirši, / Mano vardo neliks atminty, / Tai ir nuotraukos saugot nereikia, / Pasijuok, nusijuok, sudraskyk* (VDU ER 220/9). Gana dažnai užrašuose nuotrauka yra pavadinama šešėliu arba paveikslu, kuris turėtų priminti savininką. Vienuose tekstuose prašoma prisiminti kaip kažkokių savybių turintį žmogų, kituose – tiesiog prisiminti buvus kartu: *Tik tiek, tik tiek... / Tik tą šešėlį Tau palieku / Tik tiek gal buvo lemta Tau palikt. / Ir prisimink mane, kada neveiksi nieko – / Mokėjusią ir džiaugtis, ir supykt* (VDU ER 227/6); *Praslinks keletas metų, / Gal manęs nebus, / Lai šis mano paveikslas / Tau prisiminimui bus* (VDU ER 220/22).

Atminimuose, kuriuose lyg **kalbama rašančiojo vardu**, dažniausiai minima, jog rašoma atminimas, tik nurodomos gana skirtingos aplinkybės. Rašant atminimą šalia gali nutikti neįtikėtini dalykai: *Kai rašau tau atminimą, / Visos katės verkia, / O kačiukai iš tos gėdos / Akytes užmerkia* (VDU ER 143-2/76). Atminimas gali būti rašomas netgi ant saulės spindulių: *Teka saulė sidabrinė, / Teka saulė iš rytų. / Parašysiu atminimą / Aš ant saulės spindulių* (VDU ER 227/85). Tekstuose gali būti rodoma iniciatyva nepamiršti to, kam atminimas ir paliekamas: *Išeisiu? ... Taip. / Susitiksiu? ... Nežinau. / Pamiršiu? ... Niekados* (VDU ER 229/8); *Kai paupy sėdėsiu / Ir knygą skaitysiu / Tada tavo veidą / Vandeny matysiu* (VDU ER 242/32). Gali būti minima ir tai, jog atminimo rašymas – kruopštus, netgi labai asmeniškas veiksmas, atliekamas vienumoje: *Aš ateisiu tyliai tyliai / Kai miegos visi mažyliai / Atminimą parašysiu / O kas rašė – nesakysiu* (VDU ER 238/14); *Aš ne poetė / Eilių nerašau, / O jei nepatinka, / Suplėšyti prašau* (VDU ER 229/9).

Užrašuose ant nuotraukų prabyla pats atvaizdas: *Lai šis negyvas paveikslas / Primins mano gyvą širdį!* (VDU ER 220/14), nors kituose tekstuose kaip tik minima, kad jis nuotraukoje nebylus: *Fotografija nekalbės už mane...* (VDU ER 235/25); *Štai ir vėlei mes kartu, / Bet šį kartą aš tyliu* (VDU ER 227/32). Gali būti perduodama ir tam tikra informacija apie save: *Kažkas žiedais bijūnų gimsta, o aš gimiau į ievą panaši* (VDU ER 417/37).

Atminimų tekstuose, kuriuose **kreipiamasi į skaitantįjį**, tvirtinama, jog žmonės keičiasi ir grįžta: *Tu sugrįši, nors ir negreit, / Tu sugrįši po metų, po kitų, / O sugrįžęs galbūt dar ateisi, / Gal nubusi dar tapęs kitu* (VDU ER 224/57). Tačiau atminimuose minima ir tai, kaip dabar atrodo rašantieji: vikrūs, judrūs, vis dar augantys ir žaidžiantys: *Tu, Giedrute, tu graži / į beždžionę panaši / tau tik trūksta uodegos / ir kabėti ant šakos* (VDU ER 141/14); *Tu mažytė / Šaukšto neapžioji / Pasiėmus tėtės batą / Katiną vežioji* (VDU ER 148/46). Tačiau jei tik norės, prisimins tokius ir draugus: *Prabėgs vaikystės dienos, / Pamirši tu mane. / Tik šitos kreivos raidės / Paliks šiame lape…* (VDU ER 218/38); *Kam tie raštai, atminimai, / Kam į juos rašyt kvailai. / Atsiminti nenorėsi – / Nepadės ir užrašai* (VDU ER 137-1/4).

Užrašuose ant nuotraukų daug dažniau teigiama, jog palikusieji nuotrauką ateityje nebus pamiršti. Teigiama, jog įrašai bus išblukę, retkarčiais ir veidai primiršti, tačiau kaip draugai prisimenami: *Gal valandą liūdną paskirs tau likimas. / Ir sieloj ilgėsies draugystės dienų, / Lai šitas šešėlis Tau bus atminimas / Vienos Tavo draugės jaunystės dienų* (VDU ER 220/12); *Gal kada paimsi ir prisiminsi, / Koks gi čia šešėlis žvelgia į tave, / Lyg matytas veidas, bet seniai išblyškęs, / Parašytas vardas ir sena data* (VDU ER 229/12); *Kai vartysi albumo lapus, / Sustosi, paklausi – kas ji? / Paskui lyg kažką prisiminus, / Sakysi, ji dingo kažkur praeity* (VDU ER 229/9). Tačiau kartais ir prašoma prisiminti: *Nors retkarčiais įpink mano vardą į savo vainiką* (VDU ER 227/27).

Apibendrinant tekstus pastebėta, jog dažniausiai žmogus yra lyginamas arba jam linkima būti panašiu su gamta. Teksto turinys priklauso ir nuo santykio su tuo, kam jis yra rašomas: geresniems draugams rašomi intymesni, jausmingesni tekstai. Gana dažnai išsakomos mintys apie žmonių tarpusavio santykius: linkima / patariama būti supratingu ir pagelbėjančiu liūdinčiam, stipria asmenybe, nepalūžtančia gyvenime, tačiau kituose tekstuose kaip tik teigiama, jog žmogiška yra liūdėti, suklysti, kentėti ir kt.

Išvados:

1. Mokykliniai atminimai, užrašai ant nuotraukų – rašytinis tautosakos žanras, kaip vienas iš reiškinių, jungiantis bendraamžius. Standartinis atminimų puslapio ir užrašo ant nuotraukos formatas panašus į laiškų: kreipiamasi į adresatą, toliau eina tam tikras įrašas, pabaigoje – pasirašoma, nurodomas laikas ir data.
2. Atminimuose ir užrašuose ant nuotraukų yra patariama, pamokoma, kaip reikėtų elgtis, kokiu būti, norint būti priimtam į suaugusiųjų bendruomenę. Atminimuose žmogus dažniausiai lyginamas su gamta ir turėtų siekti jai būdingų savybių, o užrašuose ant nuotraukų dažniau skatinama būti iškilesniu asmeniu. Atminimuose ir užrašuose ant nuotraukų, kuriuose patariama, pamokoma, dažniausiai išsakomi psichologiniai dalykai, vertybės.
3. Atminimuose ir užrašuose ant nuotraukų dažnai prašoma prisiminti. Tekstuose, kuriuose kreipiamasi į skaitantįjį ir prašoma prisiminti rašiusįjį, dažnai nurodomas laikas. Atminimuose prisiminimo laikas dažniau nurodomas gamtos cikle, o užrašuose ant nuotraukų – prisimenant žmogų arba apimtam tam tikrų jausmų. Draugai atminimo puslapyje išsako mintį, jog prisimenama tam tikru darbo ar poilsio metu, o užrašuose ant nuotraukos – kai vartomas albumas ir randama nuotrauka, bet neprisimenama savaime kaip atminimuose.
4. Kalbėjimo metu tarp atminimą paliekančiojo ir gaunančiojo yra pateikiama daugiaplanė informacija. Atminimuose minimas rašymas kaip individualus, asmeniškas procesas, pabrėžiama draugiškumo svarba, taip pat teigiama, jog žmonės keičiasi ir grįžta, vėl susitinka po mokyklos baigimo, nors draugus prisimins vaikais. Užrašuose ant nuotraukų fotografija apibūdinama nebyliu šešėliu arba paveikslu, atvaizdu, padedančiu prisiminti klasės draugus, bet labai dažnai pabrėžiama, jog draugystei iširus, nuotraukos taip pat nereikėtų saugoti. Atminimuose prašoma prisiminti, o užrašuose ant nuotraukų – tik tuo atveju, jei tik draugystė po mokyklos baigimo išlieka.

LITERATŪRA

DAPŠAUSKAITĖ Ž. 2010 a. „Mes visi – atėję iš vaikystės“: gyvenimo ciklas atminimų tekstuose. *Tautosakos darbai*, XL, p. 160-198.
DAPŠAUSKAITĖ Ž. 2010 b. Pagrindinės šiuolaikinių mokyklinių atminimų teminės grupės. *Liaudies kultūra*, 5, p.29-34.
DAPŠAUSKAITĖ Ž. 2011. Šeimos ir mokyklos bendruomenės įvaizdžiai šiuolaikiniuose folkloriniuose atminimuose. In: Socialinių mokslų doktorantų ir jaunųjų mokslininkų konferencijos *Tarpdisciplininis diskursas socialiniuose moksluose-3*, 2011-10-21 Kauno technologijos universitete, straipsnių rinkinys. Kaunas, Technologija, p.131-135.
IVANAUSKAITĖ V. 2007. Folklorinė laiško paradigma. *Tautosakos darbai*, 33, p.133-150.
STONKUVIENĖ R. 2003. Atminimų kaip rašymo sau mitas. *Liaudies kultūra*, 4, p.42-45.
ŪSAITYTĖ J. Kelios pastabos apie raštu gyvuojantį folklorą. Prieiga per internetą: <http://archyvas.llti.lt/ekspedicijos/zidikai/index2.php? tinfo=apie_folklorinius_uzrasus> [žiūrėta 2009-11-15].
KALMRE E. This Long Short Way from the Memory Album to the Oracle: Girls' Written Lore of the Years 1970 to 1990. Prieiga per internetą: <http://www.folklore.ee/rl/pubte/ee/bif/bif2/eda.html> [žiūrėta 2009-11-15].
MEISTERE B. Memory albums as a means of the informal communication among schoolchildren. Prieiga per internetą: < http://www.folklore.ee/rl/pubte/ee/cf/cf/11.html > [žiūrėta 2009-11-15].

Živilė Dapšauskaitė
Vytautas Magnus University
Scientific interests: traditional and modern folklore, relationships of literature and folklore, children's literature.

THE COMMUNICATION IN THE TEXTS OF SCHOOL REMEMBRANCES AND THE NOTES ON PHOTOS

Summary

The remembrances and notes on photographs belong to the written genre of folklore which connects contemporary classmates. The layout of school remembrances is conventional. Allocution is written at the top of the page, then it is followed by the text and it is finished with the name and the date. Notes on photographs are structured in the same way. The same structure is used in traditional letters.

There are some variations of expressing speaking in remembrances and notes on photography. Firstly, it should be noted that text is written by two people. The text and view will remind the one who had left this mark. Speech can be organised as monologue or dialogue. The texts of remembrances and notes are divided into prime texts in remembrances, texts of allocution and appeals for recollection, greetings, advice and morals, ideas of famous people, speech or narration as dialogue.

KEY WORDS: children's writing, folkloric remembrances, notes on photography, communication.

Jurgita Girčienė
Lietuvių kalbos institutas
P. Vileišio g. 5, LT-10308, Vilnius, Lietuva
El. paštas jurgag@takas.lt
Moksliniai interesai: Sociolingvistika, lingvistinė pragmatika, retorika, neologija

ADRESATO ĮVARDIJIMO RAIDA

Straipsnyje aptariama adresato įvardijimo raida 1967–2011 metų viešajame sakytiniame diskurse. Remiantis tais metais transliuotų spontanišką kalbą reprezentuojančių įvairios tematikos bei (ne)formalumo TV laidų imtimi, nagrinėjama tarybinio (1967–1987), pereinamojo (1988–1992) ir dabartinio (1993–2011) laikotarpių adresato įvardijimo kaita – skirtingas mandagumo strategijas signalizuojančių daugiskaitinių bei vienaskaitinių kreipimosi į adresatą formų ir nevienodo formalumo nominatyvinių adresato įvardijimų, pvz., (draugas / gerbiamas / ponas) + pavardė / pareigos; (ponas / gerbiamas / mielas) + vardas vartosenos polinkiai.

ESMINIAI ŽODŽIAI: (nominatyvinis) adresato įvardijimas, daugiskaitinė / vienaskaitinė kreipimosi forma, mandagumo strategija, viešasis sakytinis diskursas.

Adresato įvardijimo reiškiniui, kuris laikomas svarbiu visuomenės santykių atspindžiu (Hartman 1987, p. 90; Čepaitienė 2007, p. 70), pastaruoju metu Lietuvoje (plačiau žr. Girčienė 2011), kaip ir pasaulyje (žr. Morford 1997; Dimachki, Hmed 2002; Wardhaugh 2006, p. 255–279 ir kt.), skiriama daug dėmesio. Tyrimai rodo asmens įvardijimo fenomeną esant kaitos būsenos – Lietuvoje, kaip ir kitose šalyse, stebima kreipimosi į adresatą formų slinktis neformalumo link: viešojoje vartosenoje plinta neformalūs kreipimaisi vienaskaita (tu), vardu (Clyne, Kretzenbacher, Norrby, Warren 2003; Marcinkevičienė 2004; Čepaitienė 2007; Blūmane 2009; Girčienė 2009, 2010; Tamaševičius 2010 ir kt.). Vis dėlto pažymima, kad ilgesnį laikotarpį apimantys (maždaug keturis paskutinius praėjusio šimtmečio dešimtmečius ir šio šimtmečio pradžią) Vakarų Europos šalių, pvz., prancūzų kalbos, kreipimosi į adresatą formų tyrimai leidžia kelti hipotezę dėl neformalios raiškos plėtros ciklinio svyravimo, o ne linijinio kaitos pobūdžio (plačiau žr. Clyne, Kretzenbacher, Norrby, Warren 2003). Deja, apie lietuvių kalbos adresato įvardijimo reiškinio raidą informacijos labai trūksta. Anot etiketo tyrėjos Giedrės Čepaitienės, su dabartiniu viešuoju diskursu sietinas lietuvių aukštuomenės bendravimo stilius dėl įvairių kataklizmų neišliko ir beveik nėra fiksuotas – galima remtis tik dabartine vartosena, kurios formalieji adresato įvardijimai daugiskaitine forma, vardu ir pavarde, su priedėliu ponas ar gerbiamas tarsi grąžina tarpukario nepriklausomybės laikų tradicijas (Čepaitienė 2007, p. 85). Šiuo straipsniu siekiama bent iš dalies užpildyti adresato raidos tyrimų spragą – čia pristatomi adresato įvardijimo raidos (1967–2011) polinkių kokybinės analizės rezultatai. Aptariama skirtingas mandagumo strategijas signalizuojančių daugiskaitinių bei vienaskaitinių kreipimosi formų, nevienodo formalumo nominatyvinių adresato įvardijimų tipų, jų modifikacijų vartosena tarybiniu (1967–1987), pereinamuoju (1988–1992) ir dabartiniu (1993–2011) laikotarpiais, nagrinėjami įvardijimo (ne)formalumą lemiantys veiksniai, atliekama lyginamoji laikmečių analizė[81]. Tipiškiausia viešojo sakytinio diskurso atstove paprastai laikoma televizija, todėl tyrimui pasirinkta 15 spontanišką kalbą reprezentuojančių nurodytais metais transliuotų įvairios tematikos bei (ne)formalumo TV pokalbių laidų ir TV žurnalų imtis: 5 tarybinio (1967–1987), 5 pereinamojo (1988–1992) ir 5 dabartinio laikotarpio (1993–2011) laidos: Ką pasakoja žiburiai (1967), Žemė nelieka skolinga (1971–1975), Ir per amžių amžius (1975), Darbai, tradicijos, siekimai (1985), Akmuo užantyje (1987); Veidrodis (1988), Veidai (1989), Politika (1990a), Veidrodis (1990), Krantas (1992); Paskutinė instancija

[81] Panašaus laikotarpio adresato įvardijimai punktyriškai aptarti kitokia, mažesne imtimi paremtame straipsnyje *Five Decades of Television: from Language Homophony to Polyphony*, kurio objektas platesnis – televizijos kalba: siekta patikrinti preskriptyvinio požiūrio į pavyzdinį tarybinio laikotarpio, palyginti su dabartiniu, kalbos gerumą pagrįstumą (Girčienė, Tamaševičius 2012, p. 31–43).

(1995), Nuo iki (1997), Sąmokslo teorija (2010), Be grimo (2010a), Forumas (2011). Šios TV laidos apima visus galimus abiejų lyčių įvairaus amžiaus kalbėtojų tipus: laidų vedėjus, balsus už kadro – pranešėjus, laidų dalyvius: ekspertus, laidų herojus, įžymybes ir laidose kalbinamus vox populi – žmones iš liaudies, iš viso – 185 žmones[82]. Bendra laidų trukmė – apie 13 val.

1. Formaliam, imitaciniam, nuo kasdienės gyvos kalbos nutolusiam, rašytinę kalbą primenančiam[83] tarybinio laikotarpio (1967–1987) viešajam sakytiniam diskursui būdingi išskirtinai formaliojo stiliaus adresato įvardijimai. Tai įvardijimai, kurių pagrindas *pavardė* ir kurie vartojami kreipiantis vadinamąja mandagumo daugiskaita (*Jūs*). Jie sietini su negatyviuoju mandagumu, arba kitaip distancine mandagumo strategija, bendraujant padedančia išlaikyti atstumą, formalų santykį (plg. Brown, Levinson 1987).

1.1. Televizijos laidose adresatas gali būti įvardijamas tik **pavarde**, tačiau paprastai greta pavardės vartojamas ir **vardas**, pvz.:

- Pranešėjas – balsas už kadro kalba su laidos herojais: *susipažinkime... **Jonas Smilgevičius**; apie tai galvojo **Smilgevičius**; mes paklausime **Joną Velaniškį**, apie ką jis daugiausia galvoja?* [1967].

Prieš (vardą ir) pavardę gali būti pridedamas **pareigų** pavadinimas, ypač – pirmąkart įvardijant, pristatant pašnekovą, pvz.:

- Pranešėjas-žurnalistas kalba su laidos heroje: *pakalbėti apie darbo sąlygas naujajame komplekse pakvietėme **melžėją Danutę Vertelkienę*** [1971].
- Pranešėjas-žurnalistas kalba su laidos herojumi: *Vilniaus miesto gimdymo namai, kalbamės su **gydytoja Valerija Žilinskiene*** [1988].

1.2. Prie (vardo ir) pavardės (bei pareigų) gali būti prišliejamas specifinis tarybinio laikotarpio priedėlis ***komunistas***, pvz.:

- Laidos dalyvis – partinis ekspertas pristato laidos herojus: *turime visą eilę puikių žmonių, kuriais pagrįstai didžiuojamės, štai kad ir eee ... **brigadininkas komunistas Vincas Norkūnas**; ... eilę metų veislinį galvijų prieauglį augina **komunistas** eee **Jakimavičius Jonas**; ... negalime nepaminėti ir **komunistės Kazlauskienės Marijos*** [1971].

Kaip matyti iš pateiktų iliustracinių pavyzdžių, pasitaiko atvejų, kai tarybinio laikotarpio bendravimo formalumas dar labiau išryškėja pirma pasakant pavardę, o paskui – vardą.

Tiesiogiai kreipiantis į adresatą prie pavardės paprastai šliejamas tarybinei erdvei būdingas priedėlis ***draugas*** (skirtingai nei panašaus pobūdžio Lietuvoje nepritapęs kitų kalbų, pvz., rusų, vartosenai būdingas įvardijimo elementas *pilietis*, plg. Čepaitienė 2007, p. 85), pvz.:

- Pranešėjas – balsas už kadro kalba su laidos herojumi: *o **jums**, **draugas Kavaliauskai**, argi kas trukdo vaikščiot į bažnyčią atlikinėti religines apeigas?* [1975].
- Pranešėjas-žurnalistas kalba su laidos herojais (a) ir žmonėmis iš gatvės – vox populi (b): a) *norėtųsi išgirst, **drauge drauge Stankiene**, kas priklauso nuo melžėjos taip norint ga... gauti aukštus tokius jau tikrai aukštus primilžius, kaip Jūs kad primelžiat?; kaip, **draugo Stankaus** nuomone, ar ne per daug sunkumų susidaro namuose, kada žmona tiek daug dirba?*; b) *prieš penketą metų, **drauge Musteikiene**, mes kalbėjomės su **jum**, su **jumis**, ir **jūs** buvo patenkinta persikėlus į naują gyvenvietę, ... kaip dabar?* [1971].

1.3. Pavieniai atvejai, kai į viešąją vartoseną išsprūsta privačiam pažįstamų pokalbininkų bendravimui būdingas neformalus įvardijimas *vardu* (pavartotas antrąkart minint tą patį asmenį – žr. išretintu šriftu pateiktą įvardijimą) – tai tarybinio laikotarpio televizijoje transliuojamam

[82] Tiriamoji imtis atrinkta iš *Sakytinės žiniasklaidos 1961–2011 m. tekstyno*, parengto pagal Lietuvių kalbos instituto vykdomą Lietuvos mokslo tarybos remiamą projektą *Lietuvių kalba: idealai, ideologijos ir tapatybės lūžiai* (Nr. VAT-14/2010). Apie tekstyno reprezentatyvumą žiniasklaidos kaitos periodų, kalbos pobūdžio ir kalbėtojų tipų požiūriu žr. Nevinskaitė 2012, p. 44–57; Nevinskaitė 1012a.

[83] Panaši nuo kasdienės vartosenos nutolusi negyva kalba vartota ir kitų komunistinių šalių žiniasklaidoje, o a**rtumas rašytinei kalbai ir formalus knyginis kalbėjimo stilius ankstyvuoju televizijos raidos laikotarpiu buvo būdingas ir daugeliui Vakarų šalių (plačiau žr. Girčienė, Tamaševičius 2012 ir ten nurodytą literatūrą)**.

viešajam diskursui nebūdingas reiškinys[84], plg. kitus to paties kalbėtojo vartojamus šiam laikotarpiui būdingus formalius įvardijimus, kurių pagrindas pavardė:

- Laidos dalyvis – ekspertas pristato pažįstamus laidos herojus: *šie unikalūs portretai sukurti antarsijos technika, juos sukūrė mūsų* ***dailininkas Rimantas Radišauskas****, čia, reiškia, grupė veteranų, kurie eee dirbo kartu su* ***Rimantu****, tai* ***Antanas Jakubinsas****,* ***Feliksas Lukianskas****,* ***Vytautas Kinas*** [1985].

Tarybinio laikotarpio televizijos laidose galima išgirsti minint ir šiam metui visiškai nebūdingą įvardijimų priedėlį *ponas* – bet tik kaip pasakojimo apie tarpukario nepriklausomybės laikus reliktą, pvz.:

- Pranešėjas – balsas už kadro pasakoja apie laidos herojaus praeitį: *jis išvažiavo studijuoti elektrotechnikos į Vakarus... tų metų žiemą karininkija padarė perversmą ir prezidentūros rūmuose įkurdino* ***Antaną Smetoną****, pasižymėjusį slopinant revoliuciją Lietuvoje devynioliktais metais... tokia buvo Lietuva, į kurią grįžo baigęs mokslą... Jis rašo vyriausybei memorandumą...: ‚turiu garbės pateikti* ***Tamstai, pone Prezidente****, savo sumanymus apie Lietuvos upių išnaudojimą elektros energijai gaminti‘* [1967].

1.4. Minėtieji pavieniai įvardijimai vardu ar su priedėliu *ponas*, radęsi pasakojant apie tarpukario nepriklausomybės laikus (*ponas, Tamsta*) ar tiesiog netyčia išsprūdę (tik *vardas*), tarybinio laikotarpio viešajam diskursui yra visiškai nebūdingi. Taigi tarybinio laikotarpio adresato įvardijimus galima apibendrinti vienintele viešajam to meto diskursui leidžiama formalų bendravimą atspindinčia standartizuota formule: (*vardas / draugas / komunistas / pareigos*) + ***pavardė*** [*JŪS*]. Netiesiogiai kreipiantis būdingiausia konstrukcija *vardas* + *pavardė*, o tiesiogiai – *draugas* + *pavardė*. Pastebėtina, kad šiuos iš esmės vieno tipo formalius įvardijimus, kuriais retai eina tiesioginiai kreipiniai, dažniausiai vartoja tik šio laikmečio laidų vedėjai – pranešėjai, vadinamieji balsai už kadro, rečiau – laidų dalyviai, atliekantys eksperto vaidmenį, nepriklausomai nuo adresantų ir adresatų socialių bei demografinių charakteristikų ar situacinių vaidmenų.

2**.** Nors visuomeninės politinės situacijos ir kartu diskurso formalumo lūžio tarpsniu – pereinamuoju laikotarpiu (1988–1992) tebevyrauja pagarbiosios **daugiskaitinės** kreipimosi formos (***Jūs***), bet su tarybiniam tarpsniui vieninteliais formaliojo stiliaus įvardijimais, kurių pagrindas ***pavardė***, ima konkuruoti ne tokie formalūs įvardijimai, kurių pagrindas ***vardas*** (***Jūs***).

2.1. Formaliai, kaip ir tarybiniu laikotarpiu, adresatas gali būti įvardijamas **pavarde**, vardu ir pavarde, prie jų, ypač pirmąkart pristatant, pridedant pareigų pavadinimą (gali būti kreipiamasi ir tik įvardijant **pareigas** ar **profesiją**), pvz.:

- Laidos vedėja pristato laidos herojus: *o dabar kalbėsim apie tolimus kraštus – turim viešnią net iš Vorkutos,* ***Danutė Suboč****, na, o čia šalia* ***Kvietkauskas****, visiem pažįstamas* ***žurnalistas****; mes pas* ***rašytoją Juozą Baltušį*** *... dabar va svečiuose pas* ***jus****,* ***rašytojau****. Kiek metų jūs jau ... pažįstami ... su* ***profesorium****, turbūt seniai?* [1988].
- Laidos vedėjas pristato laidos heroję: *paklausykim, ką patys rusai mano apie mus – ... interviu su* ***Rusų kultūros centro atstove Tatjana Jasinskaja*** [1990a]

Kreipiantis į adresatą, vartojama ir tarybinio laikmečio formalios, t. y. pavardinės, formulės modifikacija su priedėliu *draugas* (a), ir su juo konkuruojantis būtent pereinamuoju etapu ėmęs plisti priedėlis *gerbiamas* (b) (plg. Ryvitytė 2011, p. 22), pasirodo ir pavienių, individulių priedėlio *ponas* (c) vartosenos atvejų, plg.:

a) Laidos herojus rajono komjaunimo komiteto pirmasis sekretorius: *du restauratoriai mūsų rajono, eee restauratoriai: tai* ***draugai Repšys*** *ir* ***Petrauskas*** [1988].

b) Laidos vedėjas kalba su laidos ekspertu: ***gerbiamas Gražuli****, čia buvo paminėti skaičiai,* ***jūs*** *turbūt...* [1990a]

c) Laidos dalyvis – ekspertas, Vilniaus miesto deputatas kreipiasi į kitą laidos ekspertą ir laidos heroję: *būtų gerai, kad* ***ponas Jermalavičius*** *ir mes kontaktuotume; dabar jei grįžti trupučiuką prie* ***ponios Jasinskos****,* ***Jasinskajos****... ir čia vot jau* ***ponia Jasinskaja*** *pasakė, kad kviečia į susitikimą* [1990a].

[84] Neformalių įvardijamų vardu ir netgi vienaskaita galima aptikti ir tarybinio laikotarpio televizijos laidose – TV žurnaluose, kur rodomi privataus žmonių bendravimo vaizdai, pavyzdžiui, kaimo aludarių šventė.

Pereinamajam laikotarpiui būdingą šių trijų priedėlių vartosenos konkurenciją gerai atspindi diskusijos dėl jų tinkamumo viešajam diskursui, pvz.:

- Laidos vedėjas: *Esame rašytojo, žurnalisto, savaitraščio* Gimtasis kraštas *redaktoriaus Algimanto Čekuolio bute... Savo savaitraštyje ketinate gvildenti tokį klausimą dėl lietuviams tinkamiausio kreipinio, na, tarkim, buvęs* **ponas**, *dabar* **draugas** – *labai prigijęs ar neprigijęs... Ką siūlote tinkamiausia mums, tautiečiams, bendrauti tarpusavyje?*
- Algimantas Čekuolis: *...pakviesiu lingvistus, psichologus, sociologus, nes kažką tai reikia nuspręst su tuo kreipiniu. ...Kreipinys* ***tamsta*** *blogai skamba su pavarde: tamsta Čekuoli, tamsta Aleknavičiau, trupučiuką dirbtina.* **Gerbiamasis**, *na, čia kalkė iš gruzinų...* batonu, *man rodos, pas juos taip skamba, bet man skamba truputį kaip* kerpamasis... *Pavyzdžiui, o kaip kitose kalbose, anglų, ispanų, portugalų, italų, suomių, estų, paprastai kreipinyje žmogus pastatomas aukščiau negu jis iš tikro yra:* sir *arba* mister, *tai yra* šeimininke, *bet tas* misteris *gali būt penkiolikos metų...* Senior – *vyresnysis, atleiskite, nebūtinai tas,... kuriam sakoma* senior *arba* seniora, *yra* vyresnysis. *Manau, žodis* **ponas** *nebūtinai reiškia, kad tas žmogus, kuriam sakai* **ponas,** *yra mano ponas, mano dvarponis. Taip, buvo... toks supratimas..., bet dabar, kai nėra dvarponių, nėra dvarų, tai galėtų būt ir* **ponas**. *Nenorintis atsakomybės ... pats asmeniškai tą nuspręst, tegul nusprendžia specialistai. Vienintelė problema, kad žodis* **ponas** *yra skolinys, bet lietuvių kalboj daug yra skolinių. Be abejo, mes labai tolerantiška kalba, tikiuosi, kad tauta irgi. ...O pasakyt... dailiai moteriškei* **ponia**, *žinot, visiškai nieko blogo..., tai yra gražu... Ir* **panele** *taip pat, kodėl ne?* [1989].

2.2. Kreipiantis į adresatą ne taip formaliai – mandagiąja **daugiskaita**, bet įvardijimais, kurių pagrindas ***vardas***, taip pat gali būti pridedamas minėtasis naujas, palyginti su tarybiniu laikmečiu, priedėlis *gerbiamas*, pvz.:

- Laidoje dalyvaujantis įžymybė – muzikantas apie laidos vedėją: *šiuo metu šioje laidoje liko ištikimiausi tos laidos draugai, ir aš nenorėčiau sakyti sau komplimentų, tačiau aš jaučiu didelę pagarbą ir simpatiją* ***gerbiamai Danutei*** *ir todėl niekada iš jos* [t. y. jos vedamos laidos] *pabėgti nenoriu* [1990] .
- Laidos vedėjas kalbasi su laidos dalyviu, atliekančiu eksperto vaidmenį: *bet vis tiek, tai,* ***gerbiamas Vytautai****, yra jau, matyt, ekonominiai klausimai, gal grįžkim vėl prie mūsų laidos, prie politikos* [1990a].

Bet jau esama ir kreipinių pliku vardu, su kuriais kartais netyčia gali prasprūsti ir realiam pažįstamų pokalbininkų bendravimui būdingų familiarių vienaskaitinių kreipimosi formų, plg.:

- Laidos vedėja kreipiasi į eksperto vaidmenį atliekantį laidos dalyvį: *kaip,* ***Vytautai****,* ***jūs*** *važiavot ten?* [1988].
- Eksperto vaidmenį atliekantis laidos dalyvis Vytautas kreipiasi į laidos vedėją: ***Danute****, aš dar kelis sakinius* [1988].
- Laidos vedėja kreipiasi į eksperto vaidmenį atliekantį laidos dalyvį: *Ačiū. Ir aš noriu dar vieną tokią informaciją...* ***palauk****,* ***Vytai*** [1988].

2.3. Taigi matyti, kad pereinamajam laikotarpiui būdinga itin formalių tarybinio laikmečio kreipimosi formų reliktų (*draugas* + ***pavardė***) ir viešajam diskursui naujų neformalių adresato įvardijimų, kurių pagrindas ***vardas***, konfrontacija, dviejų skirtingų kalbėsenų, atspindinčių dviejų santvarkų skirtį, sandūra. Kartu su diskusijomis dėl galimo tradicinio lietuviams įvardijimo elemento – *ponas* – tinkamumo viešajam diskursui tai geriausiai atskleidžia perėjimo nuo vienokio (tik formalaus, vienodo, suvaržyto) prie kitokio (formalaus ir neformalaus konkurencijos, skirtingo, laisvesnio) kalbėjimo stiliaus ypatumus. Pereinamojo laikotarpio įvardijimus galima apibendrinti jau dviem skirtingą bendravimo (ne)formalumą atspindinčiomis pagrindinėmis formulėmis: (*gerbiamas / ponas* ir pan.) + ***vardas*** [*JŪS*] ir (*vardas / gerbiamas / draugas / ponas / pareigos*) + ***pavardė / pareigos*** [*JŪS*]. Pabrėžtina, kad šiam laikotarpiui, palyginti su tarybiniu, būdingesni tiesioginiai kreipiniai, dialogas – įvardijimus vartoja ne tik laidų vedėjai, ekspertai, bet ir kiti laidų svečiai – herojai, vox populi. Naujas pereinamojo laikotarpio bruožas – įvardijimo pasirinkties sąsajos su sociodemografiniais veiksniais (plg. Boissevain 1987, p. 167 ir t. t.; Romaine 2000). Tas pats adresantas į skirtingus adresatus gali kreiptis skirtingo (ne)formalumo įvardijimais, jų modifikacijomis (plg. to paties laidos dalyvio skirtingų adresatų įvardijimą *vardu* ir *draugas* + *pavardė*), individualaus adresato įvardijimo stiliaus pasirinktis (pavyzdžiui, galima įžvelgti idiolektui priskirtinų, šiam laikotarpiui dar nebūdingų nuoseklaus įvardijimo su priedėliu *ponas* apraiškų: žr. c) iliustracinį pavyzdį). Tai liudija neabejotiną adresato įvardijimo posūkį neformalumo ir įvairovės link.

3. Dabartiniu laikotarpiu (1993–2011) anksčiau vienintelės viešajam diskursui būdingos pagarbiosios **daugiskaitinės** kreipimosi formos (***Jūs***), vartojamos su formaliojo stiliaus įvardijimais, kurių pagrindas ***pavardė (pareigos)***, ir su ne tokiais formaliais įvardijimais, kurių pagrindas ***vardas***, viešumoje pasirodžiusiais tik pereinamuoju laikmečiu, ima konkuruoti su neformaliomis **vienaskaitinėmis** kreipimosi formomis (***tu***), taip pat lydimomis nominatyvinių įvardijimų vardu. Vienaskaitiniai adresato įvardijimai sietini su pozityviuoju mandagumu, arba kitaip kontaktine mandagumo strategija, bendraujant padedančia palaikyti šiltus, draugiškus, neformalius santykius (plg. Brown, Levinson 1987).

Neformalių vienaskaitinių kreipimosi formų plėtra sietina su lietuviškosios televizijos pokyčiais: imami steigti komerciniai kanalai, greta įprastų įvairius visuomeninius klausimus nagrinėjančių laidų pradeda rastis ir daugėja asmeninius klausimus aptariančių, pramoginio pobūdžio pokalbių šou. Tokios laidos geriausiai atskleidžia šiandieninei TV būdingą kintantį viešumo ir privatumo santykį, pilietinės erdvės suartėjimą su anksčiau viešai neeksponuota privačiąja, televizija tampa savotiška, anot komunikacijos specialisto Žyginto Pečiulio, *namų tąsa* (plg. Pečiulis 2007, p. 198–202). Viešosios ir privačiosios erdvių artėjimas stebimas ir įvairiais rakursais apmąstomas visame pasaulyje (plačiau žr. Webster 2006, p. 168–208), taigi lietuviškoji, kaip ir kitų šalių (plg. Fairclough 1995; Hedin 2005), o televizija jį tiesiog atskleidžia. Viešojo diskurso privatėjimo, neformalėjimo atšvaitų matyti net ir visuomeninius, ne tik pramoginius, klausimus nagrinėjančiose laidose. Sėkmingos politinės karjeros komponentais tapo kalbos paprastumas, suprantamumas, nuoširdumas (žr. Pečiulis, 2007, p. 200), kurio viena iš kalbinės raiškos priemonių galima būtų laikyti ir kreipimąsi vardu, o *namų tęsiniais* vadinamose pramoginio pobūdžio laidose – net ir vienaskaitine forma (plg. Čepaitienė 2007; Girčienė 2009; 2011 ir kt.).

3.1. Neformaliausiai – **vienaskaita** – į adresatą pramoginio pobūdžio, asmeninius klausimus nagrinėjančiose TV pokalbių laidose paprastai kreipiamasi pliku **vardu**, kartais su priedėliais *mielas*, rečiau *brangus* (plg. Girčienė 2009), pvz.:

- Pramoginės pokalbių laidos vedėjas kreipiasi į laidos dalyvę, atliekančią ekspertės vaidmenį: *į valgius **Julija** pažvelgė konservatyviau, ji visą vakarą plušo ties tuo, kuo paprastai lepina visus, ką myli. **Julija**, ką **tu** čia kepi?* [1997].
- Pramoginės pokalbių laidos vedėja kreipiasi į laidos dalyvius – įžymybes: ***Gabija**, ateik pas mus, svei**ka**... **Marijonai**, **tu** gali paragauti ir pasakyti?* [2010a].
- Pramoginės pokalbių laidos dalyvis – įžymybė kreipiasi į laidos vedėją: *sutinku su **tavim**... taip taip, **Nomeda*** [2010a].

3.2. Ne visai formaliai ir pramoginėse, ir ekspresyvesnio stiliaus ar netgi rimtose diskusijų laidose (pastarosiose nuosekliausiai – į vox populi atstovus) kreipiamasi **daugiskaita** ir **vardu**, paprastai su priedėliais *ponas, gerbiamas* (plg. Girčienė, 2009; 2010), pvz.:

- Visuomeninius klausimus nagrinėjančios ekspresyvokos laidos dalyvis, atliekantis eksperto vaidmenį, kreipiasi į laidos vedėją: ***ponia Rūta**, čia nereikia net ir, net ir specialių tyrimų* [1995].
- Visuomeninius klausimus nagrinėjančios ekspresyvokos laidos vedėjas kalbasi su laidos dalyviu, atliekančiu eksperto vaidmenį: *kodėl **jūs** garantuojate, ...**gerbiamas Gitanai**, kad dvyliktais metais to trikdžio nebeliks?* [2010].
- Visuomeninius klausimus nagrinėjančios santūrios stilistikos laidos vedėjas kalbasi su laidos dalyve, atliekančia vox populi vaidmenį: *šį įdomų klausimą mes pratęsime, bet prieš tai išklausykime **ponios Genės**... nuomonę* [2011].

3.3. Formaliausiai, kaip ir tarybiniu bei pereinamuoju laikotarpiais, adresatas gali būti įvardijamas **pavarde**, vardu ir pavarde, prie jų, ypač pirmąkart pristatant, pridedant pareigų pavadinimą (gali būti kreipiamasi ir tik įvardijant **pareigas**); vėliau, tiesiogiai kreipiantis, dažniausiai šliejamas priedėlis *ponas*, rečiau *gerbiamas*, pvz.:

- Visuomeninius klausimus nagrinėjančios ekspresyvokos laidos vedėja kalbasi su laidos dalyviu, atliekančiu eksperto vaidmenį: *įvardinusį kiaulių fabriko grėsmes, **profesorių Baubiną** nutraukėme ties puse sakinio, tai tęskite, **profesoriau*** [1995].

- Visuomeninius klausimus nagrinėjančios ekspresyvokos laidos vedėjas kalbasi su laidos dalyviu, atliekančiu eksperto vaidmenį: *tai jeigu šitaip, jeigu dabar,* ***gerbiamas Kuodi****, šešėlinis verslas leidžia atnešti dešrigalį į namus, kas bus po dviejų metų?* [2010].
- Visuomeninius klausimus nagrinėjančios santūrios stilistikos laidos vedėjas kalbasi su laidos dalyviais, atliekančiais eksperto vaidmenį: *šiandien studijoje diskutuos* ***kultūros ministras Arūnas Gelūnas****, laba diena... bei istorijos* ***profesorius Alfredas Bumblauskas****, sveiki gyvi... ką jūs galėtumėt atsakyti,* ***pone Bumblauskai****? ...* ***Pone ministre****, o kaip jūs suprantate LDK tradiciją?... Ir vėlgi na, ką aš norėčiau,* ***pone Gelūnai****, paklausti, ar nėra taip, kad... ta tradicinė tapatybė..., kaip įvardijo* ***ponas Bumblauskas****, su LDK paveldu, jo aktualizavimu, yra griaunama?... Vėlgi, jau baigiasi laida ir tada vėlgi,* ***ministre*** [2011].

3.4. Išskirtinis dabartinio laikotarpio viešojo diskurso bruožas – pačių neformaliausių adresato įvardijimo rodiklių – vienaskaitinių kreipimosi formų (*tu*), sietinų su kontaktine mandagumo strategija, radimasis ir plėtra. Jos, vartojamos kreipiantis *vardu*, tampa įprastos pramoginio pobūdžio, asmeninius klausimus svarstančiose pokalbių laidose. Tokiose laidose kreipiantis į nepažįstamą pagal statusą aukštesnį laidos dalyvį vartojama ir pagarbioji daugiskaita, bet dažniausiai taip pat greta neformalaus nominatyvinio įvardijimo vardu, prireikus pridedant pagarbą rodantį priedėlį. Formaliose debatų laidose paprastai išlaikomos viešajam diskursui tradiciškai būdingos pagarbiosios daugiskaitinės kreipimosi formos ir formalūs nominatyviniai įvardijimai, kurių pagrindas *pavardė (pareigos)* (plg. Girčienė, 2009; 2010). Dar viena išskirtinė laikmečio šio ypatybė – į viešąjį diskursą masiškai grąžintas tradicinis lietuviškas kreipinys *ponas*.

Taigi dabartinio laikotarpio įvardijimus galima apibendrinti jau trimis skirtingą bendravimo (ne)formalumą atspindinčiomis pagrindinėmis formulėmis: (*mielas / brangus*) + ***vardas*** [*TU*], (*ponas / gerbiamas / mielas*) + ***vardas*** [*JŪS*], (*vardas / ponas / gerbiamas / pareigos*) + ***pavardė / pareigos*** [*JŪS*]. Kaip ir pereinamuoju laikmečiu, svarbi viešojo diskurso ypatybė – įvardijimo pasirinkties sąsajos su sociodemografiniais veiksniais. Tačiau tik dabartiniu laikotarpiu, per kurį viešojoje erdvėje radosi privačiąją erdvę imituojančių TV laidų, išryškėjo kreipimosi į adresatą priklausomybė nuo televizijoje produkuojamo diskurso (ne)formalumo laipsnio. Ir kiti šio laikotarpio tyrimai rodo, kad formalesnių, visuomeninius klausimus nagrinėjančių, ir neformalių, pramoginio pobūdžio, asmeninius klausimus aptariančių laidų dichotomija laikytina pagrindiniu veiksniu, lemiančiu kreipimosi formų pasirinktį. Būtent skirtingas laidų pobūdis lemia ir jų dalyvių kontingento skirtumus, kurie, be minėtųjų (ne)formalumo aspektų, taip pat gali turėti įtakos kreipimosi formų pasirinkimui (žr. Girčienė 2010). Dabartiniam laikotarpiui, palyginti su pereinamuoju, dar būdingesnė adresato įvardijimo formų pasirinkties priklausomybė nuo įvairių sociolingvistinių veiksnių, pavyzdžiui, (situacinių) vaidmenų, pažįstamumo laipsnio, dar didesnis variantiškumas, polilogiškumas – įvardijimus vartoja visiems kalbėtojų tipams priskirtini laidų dalyviai. Tas pats adresantas ne tik į skirtingus adresatus, bet ir į tą patį adresatą gali kreiptis skirtingo (ne)formalumo įvardijimais, jų modifikacijomis (plg. visuomeninius klausimus nagrinėjančios ekspresyvokos laidos [2010] vedėjo kreipimosi į tą patį adresatą – ekspertą – formules: *vardas / gerbiamas* + *vardas*, gerbiamas + pavardė). Dar labiau ryškėja individualaus adresato įvardijimo stiliaus pasirinktis (pvz., toje pačioje [2010] ekspresyvoko stiliaus visuomeninius klausimus nagrinėjančioje laidoje, kur vyrauja daugiskaitinės kreipimosi formos, vienas iš eksperto vaidmenį atliekančių laidos dalyvių vienintelis į kitus pažįstamus dalyvius kreipiasi vienaskaita). Taigi dabartiniam poliloginio pobūdžio diskurso laikotarpiui dar būdingesnė adresato įvardijimo įvairovė ir dar didesnis neformalumo lygmuo.

Išvados

Kokybinė 1967–2011 metais transliuotų spontanišką kalbą reprezentuojančių įvairios tematikos bei (ne)formalumo TV laidų imties analizė atskleidė tokius adresato įvardijimo raidos viešajame sakytiniame diskurse polinkius:

1. Spontaniškumą imituojančiam formaliam nuo kasdienės gyvos kalbos nutolusiam, rašytinę kalbą primenančiam tarybinio laikotarpio (1967–1987) monologinio pobūdžio viešajam sakytiniam diskursui būdingi su distancine mandagumo strategija sietini išskirtinai formaliojo stiliaus adresato įvardijimai, kurių pagrindas ***pavardė***, vartojami kreipiantis vadinamąja

mandagumo daugiskaita (***Jūs***). Išskirtinis laikmečio bruožas – priedėliai *draugas* ir *komunistas*. Šio laikotarpio adresato įvardijimus galima apibendrinti vienintele viešajam diskursui leidžiama formalų bendravimą atspindinčia standartizuota formule: (*vardas / draugas / komunistas / pareigos*) + ***pavardė*** [*JŪS*]. Būdingiausia netiesioginio įvardijimo konstrukcija – *vardas* + *pavardė*, o kreipiantis tiesiogiai – *draugas* + *pavardė*. Vieno tipo modifikacijoms priskirtinus formalius įvardijimus, nepriklausomai nuo adresantų ir adresatų socialių bei demografinių charakteristikų, dažniausiai vartoja tarybinio laikotarpio laidų vedėjai, retai – laidų dalyviai ir paprastai tik atliekantieji eksperto vaidmenį.

2. Nors visuomeninės politinės situacijos ir kartu diskurso formalumo lūžio tarpsniu – pereinamuoju laikotarpiu (1988–1992) tebevyrauja pagarbiosios daugiskaitinės kreipimosi formos (***Jūs***), bet su tarybiniam laikotarpiui vieninteliais formaliojo stiliaus įvardijimais, kurių pagrindas ***pavardė***, ima konkuruoti ne tokie formalūs įvardijimai, kurių pagrindas ***vardas*** (***Jūs***). Pastarųjų konkurencija su pačios formaliausios tarybinio laikotarpio kreipimosi formos *draugas* + *pavardė* reliktais, kartu su diskusijomis dėl lietuviams tradicinio įvardijimo elemento *ponas* tinkamumo viešajam diskursui, atskleidžia pereinamajam laikmečiui būdingą dviejų skirtingų kalbėsenų konfrontaciją. Pereinamojo laikotarpio įvardijimus galima apibendrinti jau dviem skirtingą bendravimo (ne)formalumą atspindinčiomis pagrindinėmis formulėmis: (*gerbiamas / ponas*) + ***vardas*** [*JŪS*] ir (*vardas / gerbiamas / draugas / pareigos / ponas*) + ***pavardė / pareigos*** [*JŪS*]. Šiam laikmečiui, palyginti su tarybiniu, būdingesni tiesioginiai kreipiniai, dialogas: įvardijimus vartoja ne tik laidų vedėjai, ekspertai, bet ir kiti laidų svečiai – herojai, vox populi. Ryškėja kreipimosi formų pasirinkties sąsajos su sociodemografiniais veiksniais, individualaus adresato įvardijimo stiliaus užuomazgos. Tai liudija neabejotiną adresato įvardijimo posūkį neformalumo ir įvairovės link.

3. Dabartiniu (1993–2011) viešosios erdvės privatėjimo ir TV pramogėjimo, buitiškėjimo laikotarpiu anksčiau vienintelės viešajam diskursui būdingos pagarbiosios daugiskaitinės kreipimosi formos (***Jūs***), vartojamos: a) su formaliojo stiliaus įvardijimais, kurių pagrindas ***pavardė (pareigos)***, ir su b) pereinamuoju laikmečiu viešai pasirodžiusiais ne tokiais formaliais nominatyviniais įvardijimais, kurių pagrindas ***vardas***, ima konkuruoti su kontaktinę mandagumo strategiją liudijančiomis vienaskaitinėmis kreipimosi formomis (***tu***). Dar viena išskirtinė šio laikmečio ypatybė – į viešąjį diskursą masiškai grąžintas tradicinis lietuviškas kreipinys *ponas*. Dabartinio laikotarpio įvardijimus galima apibendrinti jau trimis skirtingą bendravimo (ne)formalumą atspindinčiomis pagrindinėmis formulėmis: (*mielas / brangus*) + ***vardas*** [*TU*], (*ponas / gerbiamas / mielas*) + ***vardas*** [*JŪS*], (*vardas / ponas / gerbiamas / pareigos*) + ***pavardė / pareigos*** [*JŪS*]. Palyginti su pereinamuoju laikmečiu, dar ryškesnės įvardijimo pasirinkties sąsajos su sociodemografiniais veiksniais, idiolektu, jų veikiamas kreipimosi formų variantiškumas. Bet tik dabartiniu laikotarpiu, per kurį viešojoje erdvėje radosi privačiąją erdvę imituojančių TV laidų, atsiskleidė kreipimosi į adresatą (ne)formalumo priklausomybė nuo televizijoje produkuojamo diskurso pobūdžio – formalių ir neformalių laidų dichotomijos. Formaliose visuomeninius klausimus nagrinėjančiose debatų laidose paprastai išlaikomos viešajam diskursui tradiciškai būdingos distancinę strategiją liudijančios pagarbiosios daugiskaitinės kreipimosi formos ir formalūs nominatyviniai įvardijimai, kurių pagrindas *pavardė (pareigos)*. O neformaliose pramoginio pobūdžio, asmeninius klausimus svarstančiose pokalbių laidose tampa įprastos kontaktinę mandagumo strategiją signalizuojančios vienaskaitinės kreipimosi į adresatą formos. Tokiose laidose kreipiantis į nepažįstamą pagal statusą aukštesnį laidos dalyvį vartojama ir pagarbioji daugiskaita, bet dažniausiai taip pat greta neformalaus nominatyvinio įvardijimo vardu, prireikus pridedant pagarbą rodantį priedėlį. Taigi dabartiniam poliloginio pobūdžio diskurso laikotarpiui dar būdingesnė adresato įvardijimo įvairovė ir dar didesnis neformalumo lygmuo.

LITERATŪRA

BLŪMANE, A., 2009. Sociolinguistic Analysis of Address Usage in General Educational Institutions in Latvia. – *Kalbos kultūra* 82, p. 202–213.

BOISSEVAIN, J., 1987. Social Network. – *Sociolinguistics* 1 (HSK 3.1), Berlin-New York, p. 164–169.

BROWN P., LEVINSON S. 1987 (papildytas 1978 m. leidimas): **Politeness. Some universals in language usage**, Cambridge: Cambridge university press. Internete – fragmentų prieiga: http://books.google.lt/books.
CLYNE, M., KRETZENBACHER, H. L., NORRBY, C., WARREN, J., 2003. Address in Some Western European Languages. – Proceedings of the 2003 Conference of the Australian Linguistic Society 1. Internete: http://www.als.asn.au/proceedings/als2003/clyne.pdf.
ČEPAITIENĖ, G., 2007. *Lietuvių kalbos etiketas: semantika ir pragmatika*. Šiauliai: Šiaulių universiteto leidykla.
DIMACHKI, L., HMED, N., 2001. 'Bonjour madame!', 'Bonjour mon frère!' Le system des termes d'adresse dans des interactions verbales en France, au Liban et en Tunisie. – *Actes du VIIIème congrès de l'Association pour la Rechercher InterCulturelle (ARIC), Université de Genève*. Internete: www.unige.ch/fapse/SSE/groupes/aric/Textes/Dimachki.pdf.
FAIRCLOUGH, N., 1995. *Media discourse*. London: Edvard Arnold.
GIRČIENĖ, J., 2009. Daugiskaitinių ir vienaskaitinių kreipimosi formų konkurencija viešojoje sakytinėje vartosenoje (sociolingvistinis aspektas). – *Kalbos kultūra* 82, p. 214–233.
GIRČIENĖ, J., 2010. Nominatyviniai adresato įvardijimai visuomeninius klausimus nagrinėjančiose pokalbių laidose: sociolingvistinis aspektas. – *Žmogus kalbos erdvėje* Nr. 6, p. 690–698.
GIRČIENĖ, J., 2011. Viešasis diskursas kreipimosi į adresatą požiūriu: neformalumo link. – *Gimtasis žodis* 5, p. 2–9.
GIRČIENĖ, J., TAMAŠEVIČIUS, G., 2012. Five Decades of Television: from Language Homophony to Polyphony. – *Lituanus* 58(2), p. 31–43.
HEDIN, T., 2005. *Changing Identities*. Language Variation on Czech Television. Stockholm: Sockholm University.
MARCINKEVIČIENĖ, R., 2004. Užsakomųjų reklaminių straipsnių tarpasmeninės funkcijos raiška. – *Respectus philologicus* Nr. 6 (11). Internete: http://filologija.vukhf.lt.
MORFORD, J., 1997. Social indexicality in French pronominal address. – *Journal of Linguistic Anthropology* 7(1), p. 3–37.
NEVINSKAITĖ, L., 2012. On the public sphere and its participans. – *Lituanus* 58(2), p. 44–57.
NEVINSKAITĖ, L., 1012a. Retrospektyvaus Lietuvos sakytinės žiniasklaidos tekstyno kūrimo patirtis. – *Darbai ir dienos* 56 [priimta spausdinti].
PEČIULIS, Ž., 2007. *Iki ir po televizijos. Žvilgsnis į XX amžiaus audiovizualinės masinės komunikacijos fenomeną*, Vilnius: Versus aureus.
RYVITYTĖ, B., 2011. *Lingvistinės pragmatikos įvadas*. Vilnius: VU.
ROMAINE, S., 2000. *Language in society*, Oxford: Oxford University Press.
TAMAŠEVIČIUS, G., 2010. „Bloga" kalba ir sociolingvistinė kompetencija. – *Darbai ir dienos* 54, p. 189–198.
WARDHAUGH, R., 2006. *An Introduction to Sociolinguistics*. New York: Blackwell.
WEBSTER, F., 2006. *Informacinės visuomenės teorijos*. Kaunas: Poligrafija ir informatika.

Jurgita Girčienė
Research interests: Institute of the Lithuanian Language, Lithuania

THE CHANGE OF THE FORMS OF ADDRESS

Summary

The article discusses the change of the forms of address in the public spoken use of Lithuanian in 1967–2011. The article is based on a qualitative analysis of speech of 185 speakers, varied in age and representing both genders, that took part in 15 television programs of various topics with dominating spontaneous speech and varying degree of formality. The sample was constructed from the material available in the retrospective spoken media corpus 1961–2011, build within the project "Lithuanian Language: Ideals, Ideologies and Shift of Identity", carried out by the Lithuanian Language Institute and funded by a grant from the Research Council of Lithuania.

The characteristic feature of the Soviet period (1961-1987) is exceptionally formal ways of naming of the addressee, based on so-called polite plural *Jūs* (*You)*, representing the distance-maintaining politeness strategy. They can be summarised under the standardised formula representing formal communication, which during that period was the only allowed way of address in the public discourse: (*first name / comrade / communist / formal position*) + ***last name***. The most common formula for the indirect address was *first name* + *last name*, for the direct address: *comrade* + *last name*.

The transitional period (1988–1992) saw a confrontation between the relict very formal ways of address (*comrade* + ***last name***) and new to the public discourse informal address by the ***first name***, thus a mix of two different ways of speaking. Although the public discourse was still dominated by polite plural forms of address (*Jūs*), formal ways of naming based on the ***last name***, which was the only possible choice during the Soviet period, met competition from informal ways of naming based on the ***first name***. It all signals the turn towards informality in the naming of the addressee. During this period new forms of address are becoming more common, like *gerbiamasis* (the honorable); there are also single uses of *ponas* (Sir). Dialogue and direct ways of addressing are becoming more common: they are used not only by host shows and experts like in the Soviet times, but also by other program guests, "ordinary" people. A new feature of this period is the choice of the naming according to the sociodemographic characteristics and situational

role differences of interlocutors. Therefore, the two most common formulas of address of different formality in this period are: (*first name / comrade / honourable / Sir / position*) + ***last name*** and (*honourable / Sir*) + ***first name***.

The characteristic of the public spoken discourse of the present period (1993–2011) is even more dramatic shift towards informality; informal singular forms of address (*tu*), signalling contact strategy of politeness, are becoming widespread. Another distinctive feature is numerous usage of the traditional Lithuanian address *ponas* (Sir). This period could be summarized in three formulas of different formality: (*first name / Sir / honourable / formal position*) + ***last name*** [plural f. *Jūs*], (*Sir / honourable / dear*) + ***first name*** [plural f. *Jūs*], (*dear*) + ***first name*** [singular f. *tu*]. The period is marked by more diverse, more familiar expressions of informality: address by bare first name and the element *dear* become common. Polylogue and exceptional variety mark this period; the choice of naming is determined by the type of the program, sociodemographic characteristics and situational roles of interlocutors.

KEY WORDS: forms of address, plural / singular forms of address, politeness strategy, spoken discourse.

Daiva Jakavonytė-Staškuvienė
Lietuvos edukologijos universitetas, Ugdymo plėtotės centras,
Studentų 39, M. Katkaus g. 44, Vilnius. Lietuva
El. paštas: daiva.jakavonyte@gmail.com, daiva.jakavonyte@upc.smm.lt
Moksliniai interesai: pedagogika, lietuvių kalbos didaktika pradinėje mokykloje, mokinių kompetencijų ugdymas pradinėse klasėse.

LIETUVOS 4 KLASĖS MOKINIŲ PASAKOJIMO IR LAIŠKO RAŠYMO PASIEKIMAI

Straipsnyje, vadovaujantis kūrybinių darbų rašymo (teksto struktūros, teksto turinio, kalbinės raiškos, raštingumo) kriterijais, analizuojami Lietuvos 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimai. Straipsnio autorė yra ES struktūrinių fondų projekto „Standartizuotų mokinių pasiekimų vertinimo ir įsivertinimo įrankių bendrojo lavinimo mokykloms kūrimas“ lietuvių kalbos testų rengėjų darbo grupės vadovė, todėl publikacijoje panaudota projekte įgyta patirtis. Išanalizavus empirinio tyrimo rezultatus galima teigti, jog 2011 metais 4 klasės mokiniams pavyko pasiekti itin aukštus laiško, kai detaliai nurodyta rašymo eiga, rezultatus – net daugiau nei penktadalio laiško rašymo darbų priskirta aukštesniam lygiui. Pasakojimo rašymo rezultatai gerokai prastesni, nes net daugiau nei pusės tyrime dalyvavusių mokinių pasiekimai buvo pakankamai žemi, atitinkantys patenkinamą arba nepatenkinamą pasiekimų lygį.

*REIKŠMINIAI ŽODŽIAI**:** pasakojimo, laiško rašymas, mokinių pasiekimai.*

Tyrimo objektas: 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimai.

Tyrimo tikslas: remiantis empirinio tyrimo rezultatais ištirti 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimus.

Tyrimo uždaviniai:

- Aptarti 2003–2007 metų nacionalinių lietuvių kalbos tyrimo (4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo) rezultatus.
- Aprašyti 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimų tyrimo metodiką bei vertinimo kriterijus.
- Vadovaujantis empirinio tyrimo duomenimis, pagal pasakojimo ir laiško rašymo kriterijus, nustatyti mokinių pasiekimus, palyginti juos pagal lytį, vietovės, kurioje mokosi ugdytiniai, tipą.

Metodai – mokinių darbų analizė. Tyrimo duomenys analizuojami naudojantis statistiniu paketu SPSS (Statistical Package for the Social Sciences).

Tyrimo organizavimas. Empirinis tyrimas įvairiose Lietuvos mokyklose vykdytas 2011 metų balandžio mėnesį. Mokinių pasiekimų tyrimui buvo atrinktos atsitiktinės mokinių imtys. Imties atrankos principas – lizdinė atsitiktinė atranka, kai atsitiktinai atrenkamos klasės ir į imtį imami visi tos klasės mokiniai. Pasakojimą raštu kūrė 484 mokiniai, o laišką – 534 mokiniai. Rašto užduotis buvo atliekama visą pamoką, t. y. 45 minutes.

Problemos aktualumas. 2003, 2005 ir 2007 metais buvo atlikti nacionaliniai 4 klasės mokinių lietuvių kalbos pasiekimų tyrimai, kurių metu nustatyti ugdytinių rašymo gebėjimai. Visų tyrimų metu nustatyti ryškūs 4 klasės mokinių pasiekimų skirtumai lyties atžvilgiu – berniukų pasiekimai žemesni. Didžiuosiuose Lietuvos miestuose ir rajonų centruose besimokančių mokinių rezultatai yra geresni negu kaimų mokyklų mokinių. 2003 metų 5 proc. tyrime dalyvavusių mokinių lietuvių kalbos pasiekimai – žemi, o 2007 metais žemus lietuvių kalbos pasiekimų aprašus atitiko net 18 proc. tyrime dalyvavusių mokinių darbai.

2005 metais konstatuotas 4 klasės mokinių kūrybinių darbų rašymo pasiekimų kritimas, nes lyginant 2003 ir 2005 metų lietuvių kalbos teksto kūrimo duotąja tema rezultatus, 2005 metų rezultatai buvo 7 proc. žemesni. Analizuojant tyrimo duomenis, pastebėta, kad kūrybiniai darbai, leidus pasirinkti temą, parašyti geriau, todėl rekomenduota suteikti mokiniams daugiau galimybių rinktis jiems aktualią temą ar problemą. Atkreipiamas dėmesys, kad mokinių kūrybiniuose darbuose

stokojama sklandumo, nuoseklios minties raiškos. Didžiausia problema – formalusis raštingumas, dažnai neatitinkantis bendrųjų programų reikalavimų.

2007 metais dar kartą pastebėta rezultatų žemėjimo tendencija. Tyrimo ataskaitoje teigiama, jog palyginus 2005 ir 2007 metų 4 klasės mokinių lietuvių kalbos kartojamo testo rezultatus, nustatyta, kad 2007 m. rezultatai yra žemesni; didėja žemo lietuvių kalbos pasiekimų lygmens mokinių skaičius; gana dideli lietuvių kalbos mokymo/si kokybės skirtumai tarp skirtingų vietovės tipų mokyklų. Didžiuosiuose miestuose ir rajono centruose besimokančių 4 klasės mokinių rezultatai geresni nei kaimo mokyklų mokinių; pastebėti vis didėjantys pasiekimų skirtumai tarp berniukų ir mergaičių rašymo gebėjimų. Išanalizavus 2007 metų teksto kūrimo raštu užduočių mokinių pasiekimų rezultatus, galima teigti, jog sumažėjo nuosekliai ir logiškai rašyti gebančių mokinių; mokiniams sunku parašyti laišką, laikantis laiško rašymo struktūros reikalavimų, nustatytas gana žemas mokinių raštingumas, dažnai negebama skirti sakinio ribų, rašyti pastraipomis.

2011 metų 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimų tyrimo metodika

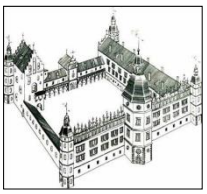
Konstruojant tyrimo instrumentą, buvo atsižvelgta į 2003, 2005 ir 2007 metų nacionalinių tyrimų rekomendacijas ugdymo proceso tobulinti. 4 klasės mokinių rašymo gebėjimams vertinti buvo parengtas standartizuotas testas. Jo trukmė – 45 minutės. Rašymo pasiekimams tirti siūloma skirti vieną kūrybinę užduotį. Patariama šią užduotį formuluoti kartu su įvestimi, kuri turėtų būti trumpa (1–3 sakiniai), aiškiai ir tiksliai suformuluota (nepaini, nesunkiai įsivaizduojama situacija). Prieš pradėdami kurti tekstą, mokiniai turi žinoti: kuo remdamiesi turi sukurti tekstą; kokio pobūdžio tekstą reikia sukurti (pvz., laišką, žinutę, skelbimą, pasakojimą, kvietimą ir kt.); ką į savo kuriamą tekstą reikia įterpti (pvz., žmogaus, daikto arba gyvūno aprašymą; savo nuomonę apie perskaitytą tekstą ar kt.); kokios teksto struktūrinės dalys turi būti (pvz., pradžia, dėstymas, pabaiga); teksto apimtį; tekstui kurti skirtą laiką.

Prieš pasakojimo rašymo užduotį mokiniams buvo pateikta įvestis, skatinanti ugdytinius rinktis temą iš trijų rekomenduojamų:

Įsivaizduok, kad tau suteikta galimybė nukeliauti stebuklinga laiko mašina į praeitį arba į ateitį. Parašyk rašinį apie šią nuostabią kelionę.

Išsirink ir pažymėk, į kokį laikmetį norėtum patekti:

- ☐ *į akmens amžių,*
- ☐ *į kunigaikščių valdomą Lietuvą*
- ☐ *į ateitį po 100 metų.*



Pagal pasirinktą temą sukurk planą. Prie kiekvienos plano dalies parašyk esminių žodžių ar sakinių, kuriuos panaudok ir išplėtok rašinėlyje:

Plano dalys	***Tavo mintys rašinėlio rašymui***
Ką pamatei, kas nustebino, kuo grožėjaisi?	
Kas svarbaus nutiko?	
Kokios nuotaikos sugrįžai į savo laiką?	

Rašydamas rašinėlį naudokis šiais patarimais:

1. *Parašyk pavadinimą.*
2. *Išskirk pasakojimo dalis (pradžia → įvykių raida → pabaiga).*
3. *Stenkis nekartoti tų pačių žodžių. Įterpk vaizdingų žodžių, posakių.*
4. *Rašyk įskaitomai. GERO KELIO!*

1 paveikslas. Pasakojimo rašymo užduoties įvestis

1 paveiksle matome, jog ketvirtokai, pasirinkę temą, buvo raginami planuoti rašinio turinį. Tikslingam planavimui nukreipė klausimai. Taip pat ugdytiniams buvo priminta rašinio struktūra: pavadinimas, pasakojimo dalys. Mokinių prašoma mintis reikšti vaizdinga kalba, nekartoti tų pačių žodžių, rašyti įskaitomai. Kai mokiniai parašė rašinėlį, puslapio apačioje skaitė raginimą dar katą pasitikrinti, ar parašė pavadinimą, visas pasakojimo dalis (pradžią → įvykių raidą → pabaigą), ar nepaliko klaidų.

Mokiniams, kurie rašė laišką, tyrėjų grupė pateikė gyvenimišką situaciją – parašyti laišką būsimam pirmokui. 2 paveiksle pateikta laiško rašymo užduoties įvestis:

Artėja ketvirtos klasės pabaiga. Tu jau baigi pradinę mokyklą. Nuo rugsėjo 1 dienos būsi penktokas (penktokė). Tavo vietą šioje klasėje užims kitas mokinys, kuris bus pirmokas. Parašyk laišką būsimam pirmokui, kuris sėdės tavo suole.

Laišką parašyti tau padės planas. Prie kiekvienos plano dalies parašyk esminių žodžių ar sakinių, kuriuos panaudok ir išplėtok rašydamas laišką:

Plano dalys	***Tavo mintys laiško rašymui***
Kam rašysi laišką (berniukui ar mergaitei)?	
Papasakok apie save, prisimink, koks Tu buvai pirmokas (pirmokė).	
Papasakok, ko mokeisi šioje klasėje.	
Kokia mokytoja Tave mokė? Papasakok apie ją daugiau, nes ji mokys būsimą pirmoką.	
Papasakok, kokį smagų ar įsimintiną nuotykį patyrei mokydamasis šioje klasėje.	
Atsisveikindamas padrąsink ir palinkėk ko nors gero.	

Rašydamas laišką, nepamiršk laiško rašymo reikalavimų:

- *parašyk datą, kreipinį;*
- *naudodamasis planu parašyk laišką būsimam pirmokui;*
- *mandagiai atsisveikink ir pasirašyk.*

2 paveikslas. Laiško rašymo užduoties įvestis

2 paveiksle pateiktame užduoties pavyzdyje matome, kad mokiniai prieš pradėdami rašyti laišką buvo skatinami pamąstyti apie adresatą, laiško turinį bei struktūrą. Prie ketvirtokams problemiškiausių raštingumo sričių buvo raginama sugrįžti jau parašius laišką. Darbo pabaigoje mokinio klausiama: ar teisingai išskyrei kreipinį; ar teisingai parašei asmenvardžius; ar nepadarei klaidų; ar naują mintį parašei naujoje pastraipoje toliau nuo krašto; ar susiejai sakinius; ar nepamiršai pasirašyti. Tyrėjai tikėjosi, jog šie kryptingi klausimai padės ugdytinių darbų tobulinimui.

4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško rašymo vertinimo kriterijai. Tyrimo metu buvo vertinami šie mokinių rašymo gebėjimai: teksto turinio sukūrimas, teksto struktūros sudarymas, mokinio sukurto teksto kalbinė raiška, raštingumas.

1 lentelė. Mokinių rašymo gebėjimų trumpas apibūdinimas

Rašymo gebėjimas	Vertinimo dalis (proc.)	Taškų skaičius	Trumpas gebėjimo apibūdinimas
Teksto turinys	35	1-6	Kuria tekstą atsižvelgdamas į pateiktą užduotį ir įvestį, pateikia ir išskleidžia susijusius su dėstoma tema, aptariama problema ir/ar pavadinimu teiginius.
Teksto struktūra	20	1-3 (pasakojimo) 1-4 (laiško)	Logiškai ir tikslingai grafiškai atskiria pagrindines teksto struktūrines dalis (kryptinga pradžia, pasakojimo vystymas, išvadų formulavimas). Laišką rašo vadovaudamasis laiško rašymo struktūros reikalavimais.
Kalbinė raiška	20	1-3	Kuria tinkamą, vientiso stiliaus tekstą, formuluoja mintis sklandžiai, rišliai, aiškiai. Mokinio vartojamas žodynas yra turtingas.
Raštingumas	25	1-4	Rašo taisyklingai, t. y. tinkamai taiko išmoktas rašybos, skyrybos, gramatikos taisykles.

Iš 1 lentelėje pateiktų duomenų matome, kad vertinant mokinio kūrybinį rašto darbą didžiausia dalis skiriama teksto turiniui, ketvirtadalį galutinio įvertinimo sudaro raštingumas, po penktadalį – teksto struktūra ir kalbinė raiška. Kiekvienas rašymo gebėjimas buvo detaliai aprašytas, kad vertintojas galėtų mokinio darbą teisingai įvertinti. Pagal tai, kiek mokinys surinko taškų, jo kūrybinis rašto darbas (pasakojimas arba laiškas) buvo priskirtas tam tikram rašymo pasiekimų lygiui.

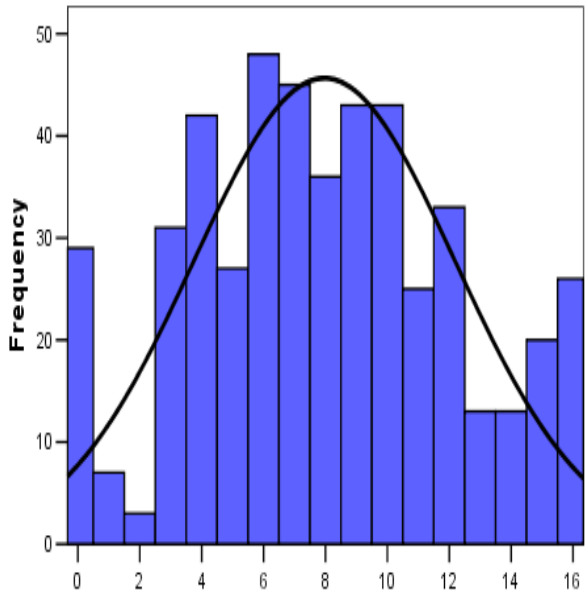
2 lentelė. Mokinių rašymo pasiekimų lygių trumpas apibūdinimas

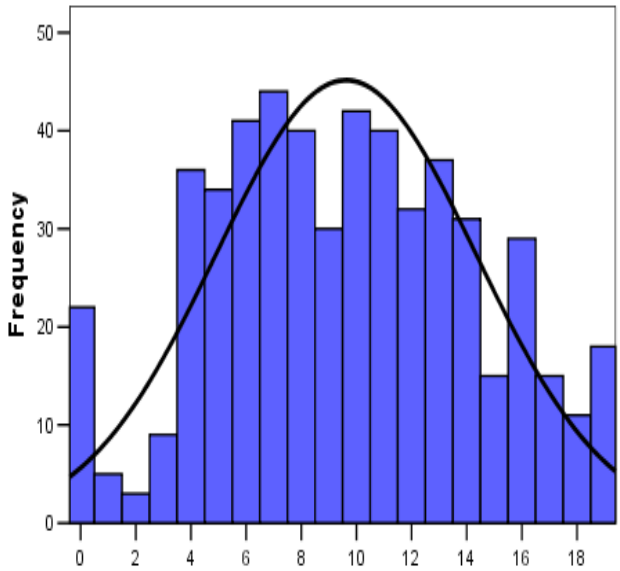
Pasiekimų lygis	Taškų skaičius	Pasiekimų lygio apibūdinimas rašymo srityje
Patenkinamas	4-8	Mokinys kuria įskaitomą ir suprantamą tekstą ar jo fragmentą bent iš dalies atsižvelgdami į pateiktą temą. Tekste gali būti 5–7 rašybos ir skyrybos klaidos iš programoje nurodytų atvejų. Ta pati rašybos ar skyrybos klaida, pasikartojanti net ir kelis kartus, nors ir skirtinguose žodžiuose, laikoma viena klaida.
Pagrindinis	9-13	Mokinys kuria rišlų tekstą pagal pateiktą temą ir užduotį. Gali būti nuoseklumo ir vientisumo trūkumų. Tekste gali būti 3–4 rašybos ir skyrybos klaidos iš programoje nurodytų atvejų. Ta pati rašybos ar skyrybos klaida, pasikartojanti net ir kelis kartus, nors ir skirtinguose žodžiuose, laikoma viena klaida.
Aukštesnysis	14-16	Mokinys kuria rišlų, nuoseklų ir vientisą tekstą, atitinkantį pateiktos užduoties reikalavimus (gali būti 1–2 atsitiktinės klaidos).

Kai mokinio darbas neatitiko patenkinamo pasiekimų lygio – rašomas nepatenkinamas. Nepatenkinamam lygiui buvo priskirti mokinių pasakojimo ir laiško darbai, jeigu jie buvo įvertinti ne daugiau kaip trimis taškais iš šešiolikos galimų.

Empirinio tyrimo duomenų analizė

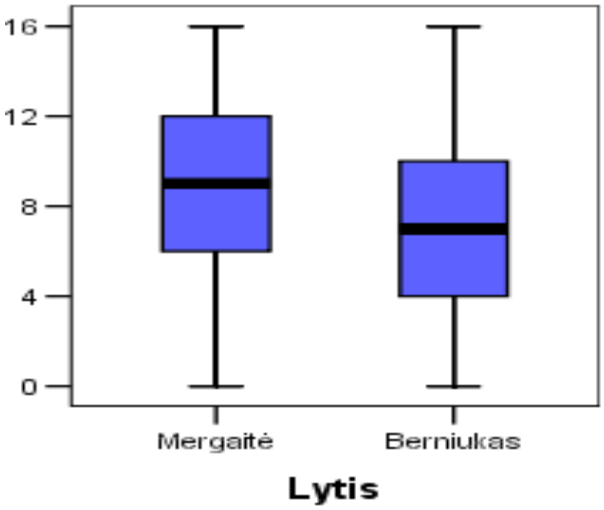
Pasakojimo ir laiško rašymo bendrieji mokinių rezultatai pateikti 3 ir 4 paveiksle:

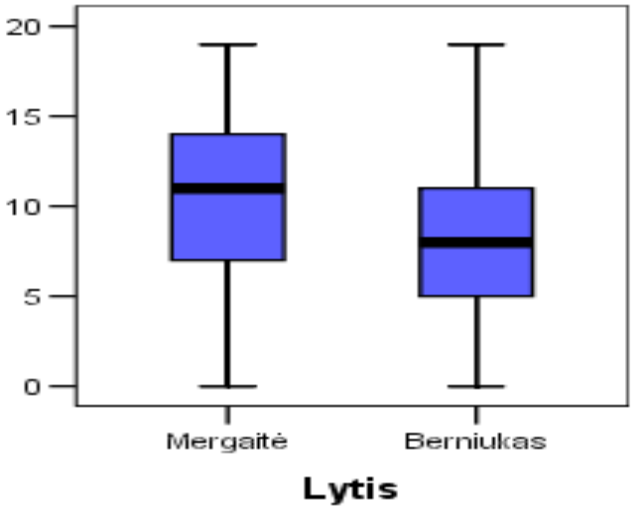




3 paveikslas. Pasakojimo rašymo užduoties ***4 paveikslas***. Laiško rašymo užduoties mokinių rezultatų pasiskirstymas mokinių rezultatų pasiskirstymas

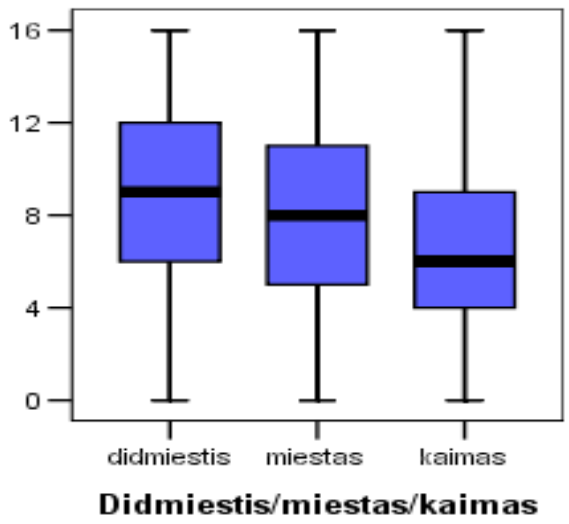
Mokinių sukurtiems pasakojimams vidutiniškai buvo skirta 7,9 visų galimų taškų, o laiškams – 9,6 visų galimų taškų. Bendrieji pasakojimo ir laiško rašymo rezultatai rodo, kad mokiniams pateiktos rašymo užduotys buvo tinkamo (vidutinio) sunkumo. Pasakojimo ir laiško užduočių rezultatai buvo analizuojami mokinių lyties atžvilgiu:

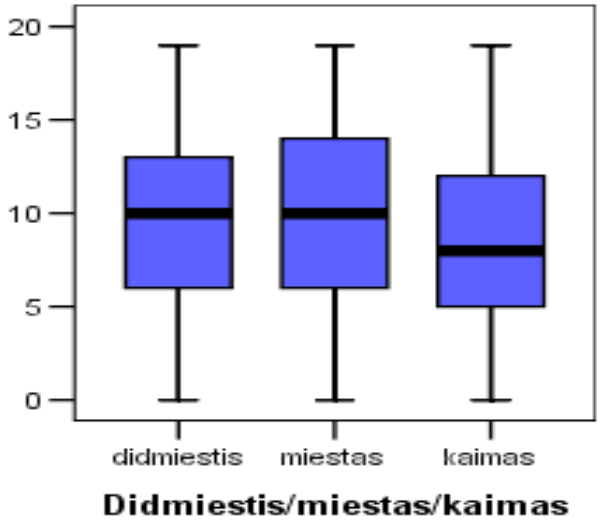




5 paveikslas. Pasakojimo rašymo užduoties ***6 paveikslas.*** Laiško rašymo užduoties mokinių mokinių rezultatų pasiskirstymas pagal lytį rezultatų pasiskirstymas pagal lytį

Iš 5 ir 6 paveiksle pateiktų duomenų matome, kad ir pasakojimą, ir laišką mergaitės parašė geriau nei berniukai. Mergaičių pasakojimai buvo įvertinti vidutiniškai 8,9 taškais, o berniukų – 7 taškais; mergaičių parašyti laiškai – 11 taškų, o berniukų – 8,2 taškais. Šie rezultatai liudija, jog mergaičių rašymo pasiekimai vidutiniškai net 2 taškais aukštesni už berniukų. Pasakojimo ir laiško užduočių rezultatai buvo analizuojami pagal vietovę, kurioje mokosi mokinys:

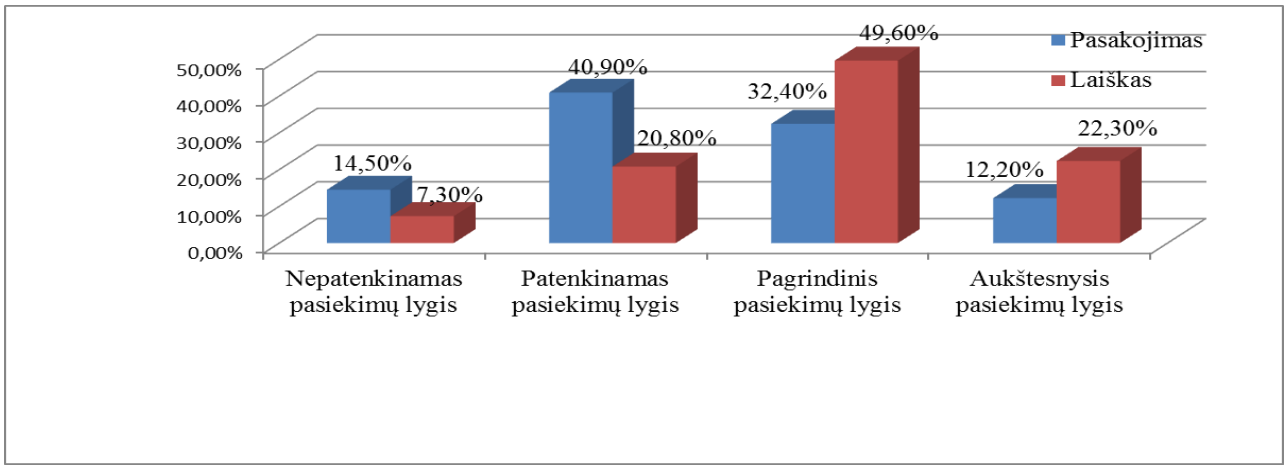




7 paveikslas. Pasakojimo rašymo užduoties ***8 paveikslas***. Laiško rašymo užduoties mokinių rezultatų pasiskirstymas pagal vietovę mokinių rezultatų pasiskirstymas pagal vietovę

Iš 7 ir 8 paveiksle pateiktų duomenų matome, kad pasakojimus geriausiai parašė mokiniai besimokantys didžiųjų Lietuvos miestų mokyklose (vidutiniškai darbai įvertinti 9 taškais), prasčiausiai – kaimo vietovėse besimokantys ketvirtokai (vidutiniškai darbai įvertinti 6,5 taškais); laiškus labai panašiai parašė ir didžiųjų Lietuvos miestų (vidutiniškai darbai įvertinti 9,9 taškais) ir rajono centrų/miestų (vidutiniškai darbai įvertinti 9,8 taškais) mokyklų mokiniai, prasčiau sekėsi kaimo vietovių ugdytiniams (vidutiniškai darbai įvertinti 8,9 taškais). Apibendrinant galima teigti, jog kaimo vietovėje besimokantiems ketvirtokams prasčiausiai sekėsi parašyti pasakojimą.

Tyrimo metu nustatyti mokinių pasakojimo ir laiško rašymo pasiekimų lygiai:



9 paveikslas. Pasakojimo ir laiško mokinių pasiekimų pasiskirstymas pagal lygius

9 paveiksle matome, jog laiškus, kai mokiniams buvo priminti laiško rašymo reikalavimai, ketvirtokai parašė žymiai geriau nei pasakojimus. Net daugiau nei penktadalio tyrime dalyvavusių ketvirtokų laiškai atitiko aukštesniojo pasiekimų lygio aprašą, o nepatenkinamą pasiekimų lygį atitiko tik 7 proc. vaikų darbai. Prastesnė situacija pasakojimo rašymo srityje, nes aukštesniojo pasiekimų lygio buvo 12 proc. mokinių darbai, o pakankamai žemo pasiekimų lygio (nepatenkinamo ir patenkinamo) daugiau nei pusės tyrimo dalyvių (55 proc.). Laiškus geriau ketvirtokams pavyko parašyti galbūt ir todėl, kad buvo rašoma labai artima tema, susijusia su kasdieniu mokinių gyvenimu, o rašydami pasakojimą vaikai turėjo įsivaizduoti ateitį arba praeitį.

Išvados

1. Išanalizavus 2003, 2005 ir 2007 metų nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų ataskaitas galima teigti, jog stebimas mokinių rašymo pasiekimų žemėjimas, nes didėja žemą pasiekimų lygį, mažėja – auštą pasiekimų lygį pasiekusiųjų vaikų skaičius. Mergaičių rašymo pasiekimai aukštesni negu berniukų, kaimo mokyklose besimokančiųjų rezultatai rašymo srityje prastesni nei rajono centro/miesto ar didžiojo miesto mokinių.

2. 2011 metų 4 klasės mokinių pasakojimo ir laiško pasiekimų tyrimo metu ketvirtokai kūrybinius darbus, kurių įvestyje pateikta aiški rašymo kryptis, rašė 45 minutes. Šie darbai vertinami vadovaujantis teksto turinio, struktūros, kalbinės raiškos ir raštingumo kriterijų detaliais aprašais. Įvertinus darbus nustatyti mokinių laiško ir pasakojimo rašymo pasiekimų lygiai.

3. Išanalizavus empirinio tyrimo rezultatus galima teigti, jog 2011 metais 4 klasės mokiniams pavyko pasiekti itin gerus laiško, kai detaliai nurodyta rašymo eiga, rezultatus – net daugiau nei penktadalio laiško rašymo darbų priskirta aukštesniam lygiui. Pasakojimo rašymo rezultatai daug prastesni, nes net daugiau nei pusės (55 proc.) tyrime dalyvavusių mokinių pasiekimai buvo pakankamai žemi, atitinkantys patenkinamą arba nepatenkinamą pasiekimų lygį. Analizuojant mokinių rašymo pasiekimus lyties atžvilgiu, pastebėta, jog vis dar išlieka ta pati tendencija – mergaičių pasiekimai aukštesni nei berniukų. Aiškinantis ketvirtokų pasiekimus gyvenamosios vietovės atžvilgiu pastebėtas teigiamas poslinkis – laiško rašymo pasiekimai nesiskyrė didžiojo miesto ir rajono centro/miesto mokinių. Išlieka sudėtinga situacija kaimo vietovėje, nes čia besimokančiųjų rašymo rezultatai prastesni nei kitų vietovių ugdytinių.

LITERATŪRA

Nacionalinis IV ir VIII klasių mokinių pasiekimų tyrimas. 2007 metai. Apžvalga. 2008. Vilnius: Švietimo ir mokslo ministerija, Švietimo aprūpinimo centras.
Nacionalinis moksleivių pasiekimų tyrimas: 4 klasės dalykinė ataskaita. 2003. Vilnius: Saulės spektras.
Nacionalinis moksleivių pasiekimų tyrimas: 4 klasės dalykinė ataskaita. 2005. Vilnius: UAB „Petro ofsetas“.
Standartizavimo procedūrų aprašas. I dalis. 4 klasės. 2012. Vilnius: Ugdymo plėtotės centras.

Daiva Jakavonytė-Staškuvienė
Lithuanian University of Educational Sciences, Education Development Center, Lithuania
Research interests: pedagogy, didactics of the Lithuanian language in primary school, the potential of competence development in primary school.

LITHUANIAN FOURTH-FORMERS' NARRATIVE AND LETTER WRITING ACHIEVEMENTS

Summary

The article discusses the issue of Lithuanian fourth-formers' narrative and letter writing achievements according to the creative-writing (the structure of the text, the content of the text, linguistic expression and literacy) criteria. The research was carried out in 2011 in various Lithuanian schools and was financed by the EU structural funds (the project "Creation of standardized instruments for pupils' achievements' assessment and self-assessment applied in secondary schools, the author of the article was the manager of the Lithuanian tests' for the fourth-formers creators' work group), therefore, the project-based experience has been used in the publication. Having analyzed the results of the empirical research, it can be stated that in 2011 fourth-formers managed to achieve very high results in letter writing when the details of the writing process were given. More than one-fifth of the works of writing the letter were attributed to a higher level. The narrative writing results were significantly worse, as achievements of more than one half of the researched were rather low and met the satisfactory and unsatisfactory level of achievements.

KEY WORDS: narrative, letter writing, pupils' achievements.

Danguolė Kalesnikienė
Ugdymo plėtotės centras
M. Katkaus g. 44, LT-09217 Vilnius
danguole.kalesnikiene@upc.smm.lt
Moksliniai interesai: socialinis ugdymas, pradinio ugdymo pedagogika, ugdymo diagnostika, gimtoji kalba.

SKAITYMO DIAGNOSTIKA

Straipsnyje atskleidžiama skaitymo diagnostikos esmė, jos reikšmė bei apibendrinama skaitymo diagnostikos patirtis Lietuvoje. Atskleidžiama skaitymo diagnostikos svarba nuo pat pradinės mokyklos pakopos nustatant šalies mokinių skaitymo pasiekimus ugdymo turinio realizavimą glaudžiai siejant su patikima informacija apie ugdymo kokybę, jo rezultatus visuose lygmenyse. Aptariami du tarptautiniai – PIRLS ir PISA – tyrimai, nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimai nuo jų pradžios (2002 metų, skaitymo diagnostikos aspektu, bei Ugdymo plėtotės centro projekto „Standartizuotų mokinių pasiekimų vertinimo ir įsivertinimo įrankių bendrojo lavinimo mokykloms kūrimas“ metu sukurtos standartizuotos programos ir tyrimo instrumentai testai). Straipsnyje keliami skaitymo diagnostikos probleminiai klausimai.

ESMINIAI ŽODŽIAI: skaitymas, diagnostika, skaitymo gebėjimai, standartizuotos programos, standartizuoti testai.

Įvadas

Žodis *diagnostika yra* kilęs iš graikų kalbos [diagnōstikos – sugebantis pažinti], tarptautinių žodžių žodyne apibūdinamas kaip reiškinio, proceso, būsenos išaiškinimas, atpažinimas ir apibūdinimas (1985). Skaitymo diagnostika – tai skaitymo kaip reiškinio, proceso bei mokinių skaitymo pasiekimų tyrimo teorija, metodika ir tyrimas vertinant skaitymo pasiekimus. Remiantis B. Bitinu (2002), galima teigti, jog skaitymo diagnostika dar yra ir būdų, nustatyti besimokančiojo ugdymo rezultatus (skaitymo pasiekimus) ir juos lėmusias priežastis, visuma.

Skaitymo diagnostika itin svarbi nuo pat pradinės mokyklos pakopos norint nustatyti ar mokiniai yra įgiję gerus skaitymo įgūdžius, ar adekvačiai suvokia skaitomą tekstą. Ugdymo turinio realizavimas turi būti susijęs su patikima informacija apie ugdymo kokybę, jo rezultatus visuose lygmenyse. Tai pripažinti, svarbūs politiniu, socialiniu ir kultūriniu požiūriu, ugdymo kokybės rodikliai. Jie yra ugdymo imperatyvo sudėtinė dalis akcentuota UNESCO pateikiamose švietimo politikos rekomendacijose (UNESKO, 2004a, 2004b). Lietuvoje apie mokinių skaitymo pasiekimų diagnostiką galėtų būti kalbama analizuojant tarptautinių tyrimų – PIRLS ir PISA, nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų, brandos egzaminų, pagrindinės mokyklos pasiekimų patikrinimo patirtį bei diagnostinį vertinimą mokymo(si) procese. Šiame tyrime apsiribojama skaitymo diagnostikos, kaip mokinių skaitymo pasiekimų ir veiksnių, kurie lemia šiuos pasiekimus, tyrimais, nenagrinėjami egzaminai, kurie skirti sertifikavimui bei diagnostinis vertinimas, kuris taikomas mokymo(si) proceso metu.

Tyrimo objektas – skaitymo diagnostika.

Šio straipsnio **tikslas** – aptarti skaitymo diagnostikos ypatumus Lietuvoje.

Tyrimo uždaviniai:

1. atskleisti skaitymo diagnostikos reikšmę;
2. aptarti skaitymo diagnostikos patirtį Lietuvoje;
3. iškelti skaitymo diagnostikos probleminius klausimus Lietuvos švietimo kontekste.

Tyrimo metodai – dokumentų, mokslinės literatūros ir tyrimų ataskaitų analizė; lyginimas ir modeliavimas.

Visuomenės narių raštingumo nustatymas yra susijęs su gebėjimo skaityti nustatymu, skaitymo diagnostika. Skaitymo gebėjimai yra vienas iš pagrindinių veiksnių, nusakančių valstybėje funkcionuojančios švietimo sistemos padėtį, rezultatyvumą ir visuomenės poreikių tenkinimą. Gebėjimo skaityti dėka žmogaus lavinimasis įgyja permanentinį, mokymosi visą gyvenimą pobūdį.

Todėl ir yra svarbu žinoti, kaip yra skaitoma, – kokie yra skaitymo gebėjimai, požiūris į skaitymą, kas lemia besimokančiųjų skaitymo pasiekimus. Skaitymo diagnostikai pasaulyje daug dėmesio skiria ugdymo teorija ir praktika. Skaitymo diagnostika svarbi visais švietimo lygmenims: tarptautiniu lygmeniu – lyginant rezultatus tarp šalių; nacionaliniu – vertinant šalies švietimo kokybę pagal nacionalinės švietimo programos kriterijus, mokyklos – kad galėtų organizuoti kokybiškesnį formalųjį ir neformalųjį ugdymą, klasės – numatyti efektyvesnius būdus plėtoti mokinių komunikavimo ir mokymosi mokytis kompetencijas sutelkiant didesnį dėmesį skaitymo gebėjimų plėtrai. Pačiam besimokančiajam jo skaitymo gebėjimų diagnostika, jos rezultatai galėtų tarnauti žinojimui, ko jau pasiekta, ir numatymui tikslų, ko dar reikėtų pasiekti šioje srityje, adekvačiam savęs vertinimui, ir galiausiai – asmenybės brandai.

PIRLS tyrimuose Lietuva dalyvavo 2001, 2006 ir 2011 metais. Šiuos tyrimus organizuoja IEA (*International Association for the Evaluation of Educational Achievement*) – Tarptautinė švietimo pasiekimų vertinimo asociacija. PIRLS (*Progress in International Reading Literacy Study*) – tai tarptautinis skaitymo gebėjimų tyrimas. Jame tiriami 4 klasės mokinių skaitymo pasiekimai bei jų patirtis mokantis skaityti: 1) skaitymo paskirtis: literatūrinei patirčiai įgyti, tam panaudoti grožiniai tekstai; informacijai gauti ir panaudoti, skaitant informacinius tekstus; 2) skaitymo gebėjimai (suvokimo procesai): dėmesio sutelkimas ir aiškiai pateiktos informacijos atradimas; tiesioginių išvadų darymas; idėjų ir informacijos interpretavimas ir integravimas; turinio, kalbos bei teksto elementų ištyrimas ir įvertinimas; 3) požiūris į skaitymą ir su skaitymu susiję įpročiai. Mokinių skaitymo gebėjimų diagnostikai naudojami testų sąsiuviniai, kitiems tyrimo tikslams naudojamos mokinių, tėvų ar globėjų, mokytojų ir mokyklos anketos.

PIRLS tyrimai vyksta kas 5 metus. 2001 metais PIRLS dalyvavo 35 šalys iš viso pasaulio, apie 150 000 mokinių, jų tėvai arba globėjai, jų mokytojai ir mokyklų direktoriai. Lietuvoje tyrime dalyvavo apie 3 000 mokinių iš 150 atsitiktinai atrinktų mokyklų (2003). 2006 m. kovo mėn. PIRLS pagrindinis tyrimas vyko 146 mokyklose. Jame dalyvavo 4704 ketvirtokai, jų tėvai, 260 ketvirtokų mokytojų, mokyklų direktoriai. Lietuvos mokinių ir tarptautiniai rezultatai buvo paskelbti 2007 m. lapkričio 30 d. (2007). 2011 metų tyrimo rezultatai dar nėra paskelbti. Lietuvos švietimo kontekste PIRLS diagnostiniai mokinių skaitymo pasiekimų tyrimai yra gera patirtis skaitymo diagnostikos srityje. Ypač vertinga PIRLS diagnostinių instrumentų kūrimo patirtis (2008).

PIRLS tyrimai atskleidė skaitymo diagnostikos bei skaitymo mokymo problemas. Pirmasis 2001 metų tyrimas nudžiugino Lietuvos švietimo bendruomenę dėl gana aukštų skaitymo rezultatų. Pirmą kartą, kai 2003 metų pavasarį buvo paskelbti pirmojo tyrimo ciklo rezultatai paaiškėjo, kad Lietuvos ketvirtokų rezultatas buvo septintas tarptautiniame sąraše, statistiškai reikšmingai aplenkti tik Švedijos, Anglijos ir Olandijos mokinių rezultatai. Tačiau antrasis PIRLS tyrimas po penkerių metų parodė, jog Lietuvos ketvirtokų rezultatai yra dvidešimt pirmoje vietoje. Po 2006 metų PIRLS tyrimo Lietuvoje atlikta antrinė PIRLS tyrimo duomenų analizė, kuri leidžia daryti išvadą, jog nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų ir PIRLS tyrimų išvados sutampa: ryškėja atotrūkis tarp berniukų ir mergaičių, pastarųjų pasiekimai gerokai lenkia berniukų skaitymo pasiekimus; Lietuvos ketvirtokai geriau skaito ir suvokia dalykinius nei grožinius tekstus, pastebima bendra skaitymo rezultatų prastėjimo tendencija.

Dar vienas tarptautinis tyrimas, kurį organizuoja OECD (*Organisation for Economic and Social Cooperation and Development*) – Ekonominio ir socialinio bendradarbiavimo ir vystymosi organizacija yra PISA (*Programme for International Student Assessment*) – Tarptautinė mokinių vertinimo programa. Jame tiriami 15 metų mokinių matematikos, gamtos mokslų ir skaitymo pasiekimai ir jiems įtaką darantys veiksniai (2010).

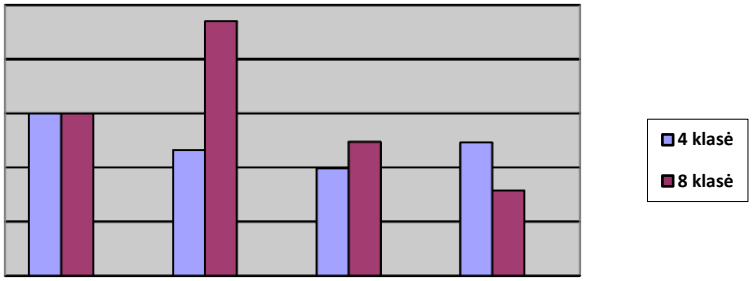
PISA tyrime diagnozuojami skaitymo gebėjimai apibrėžiami kaip gebėjimas suprasti, panaudoti ir apmąstyti rašytinius tekstus siekiant įgyvendinti savo tikslus, plėsti žinias ir galimybes bei veiksmingai dalyvauti visuomenės gyvenime. Skaitymas suvokiamas kur kas daugiau nei užrašytų žodžių iškodavimas ir tiesioginis jų supratimas. Tai ir bendras teksto supratimas, jo paaiškinimas, jo turinio ir formos apmąstymas, remiantis penkiolikmečio skaitytojo žiniomis apie pasaulį, ir jų nuomonės apie tai, kas buvo perskaityta, argumentavimas. Kadangi PISA tyrime akcentuojamas skaitymas mokymuisi, o ne mokymasis skaityti, kas jau turėtų būti būdinga šio

amžiaus mokiniams, todėl tyrime nėra matuojami patys elementariausi skaitymo gebėjimai. Skaitymo gebėjimų vertinime PISA tyrime išskirti trys aspektai: tekstų rūšys ir tipai – tekstai klasifikuojami pagal jų paskirtį bei formą; skaitymo procesai – atspindi teksto supratimą; kontekstai ir situacijos – tai tekstų aplinka, fonas. Skaitymo diagnostikai skirtos užduotys reikalauja pademonstruoti įvairius skaitymo gebėjimus nuo aiškiai pateiktos informacijos suradimo iki plataus teksto supratimo, interpretavimo ir jo turinio bei teksto savybių apmąstymo. Naudojami ne tik įprastiniai prozos tekstai, bet ir įvairaus tipo dokumentiniai tekstai: sąrašai, lentelės, grafikai, diagramos. Tyrimą sudaro kelių rūšių testo sąsiuviniai mokiniams, mokinių bei mokyklos direktorių anketos.

PISA tyrimo ciklas vyksta 3 metus. Kiekvieno ciklo metu didesnis dėmesys skiriamas vienai iš šių sričių, o kitos dvi atlieka palydinčio tyrimo vaidmenį. PISA 2000 pagrindinė sritis buvo skaitymo gebėjimai, PISA 2003 – matematinis raštingumas, PISA 2006 – gamtamokslinis raštingumas, PISA 2009 – skaitymo gebėjimai, PISA 2012 – matematinis raštingumas. Lietuva į OECD PISA tyrimą įsijungė 2004 m. PISA 2009 tyrimo ciklas vyko 197 mokyklose. Kiekvieną tyrimo ciklą dalyvavo virš 4500 mokinių iš lietuviškų, lenkiškų bei rusiškų bendrojo lavinimo ir profesinių mokyklų, mokyklų direktoriai, mokinių tėvai. 2009 m. tyrimo cikle ištirti 7-11 klasių 4537 jaunuolių pasiekimai iš 197 Lietuvos mokyklų. Tyrime dalyvavo ir mokyklų direktoriai (iš viso 197) bei mokinių tėvai (iš viso 4691). Lietuvos mokiniai parodė vidutinius skaitymo gebėjimų rezultatus. Tai 468 taškai, kai PISA tyrimo tarptautinis skaitymo gebėjimų rezultatų vidurkis yra 493 taškai. Taigi Lietuvos mokinių pasiekimai buvo žemesni už tarptautinį vidurkį. Lyginant su 2006 metų tyrimu, kuriame be pagrindinio, gamtamokslinių gebėjimų tyrimo, buvo tirti ir skaitymo gebėjimai, šie penkiolikmečių mokinių pasiekimai prastėja. Jie nukrito dviem skalės taškais. Tyrimų rezultatai kelia daug klausimų ir uždavinių visų lygmenų švietimo sistemos veikėjams, patiems besimokantiesiams, tėvams, mokyklai, visuomenei.

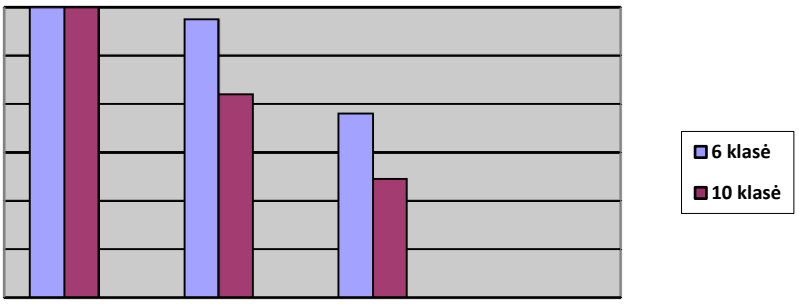
Jeigu tarptautiniai tyrimai – tarptautinių organizacijų rengiami ir pagal tarptautinius susitarimus vykdomi lyginamieji mokinių mokymosi pasiekimų tyrimai, konstruojami remiantis bendrai to amžiaus mokiniams būdingais galimais skaitymo pasiekimais, tai nacionaliniai mokinių pasiekimų tyrimai yra „šalies mastu Švietimo ir mokslo ministerijos įgaliotų institucijų rengiami ir vykdomi bendrąjį lavinimą teikiančių mokyklų mokinių mokymosi pasiekimų tyrimai, kurių rezultatai naudojami reguliariai švietimo būklės stebėsenai ir tobulinimui“, kurie yra konstruojami, remiantis Lietuvos bendrojo lavinimo mokyklos bendrosiomis programomis. *Dabar galiojančiose Lietuvos pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrosiose programose* (2008) (toliau – *Bendrosios programos*) reglamentuojamas lietuvių (gimtosios) kalbos ugdymo turinys ir numatomi šios srities mokinių gebėjimai. *Bendrosiose programose* pabrėžiama kalbinių gebėjimų ir įgūdžių reikšmė mokinio komunikacinės kultūros ugdymui(si) ir asmenybės brandai. Lietuvių (gimtosios) kalbos ugdymo turinyje išskiriama atskira, nors ir integraliai susijusi su kitomis kalbinės veiklos veiklos sritimis – skaitymas.

Lietuvoje Nacionaliniai mokinių pasiekimų tyrimai pradėti vykdyti 2002 metais. Nuo pat tyrimų pradžios buvo atliekama ir skaitymo diagnostika. 2002–2005 metais tyrimai buvo vykdomi įgyvendinant Švietimo ir mokslo ministerijos Mokyklų tobulinimo programą, vėliau – įgyvendinant Švietimo ir mokslo ministerijos Valstybinės švietimo strategijos įgyvendinimo programą: 2002 buvo tirti 6 klasės, 2003, 2005, 2007, 2011 metais – 4 ir 8 klasių mokinių pasiekimai. Kaip ir tarptautiniuose, taip ir nacionaliniuose mokinių pasiekimų tyrimuose pastebima skaitymo pasiekimų prastėjimo tendencija (1 pav.). Siekiant tiksliau ištirti mokinių skaitymo pasiekimų kaitos tendencijas galima būtų panaudoti standartizuotus tyrimo instrumentus (testus), kurių bent vienas būtų kartojamas visuose tyrimuose.



***1 pav**. 4 ir 8 klasės skaitymo pasiekimų dinamika 2004, 2005, 2007 ir 2011 metais*

2004, 2006, 2008 metų nacionalinių 6 ir 10 klasių mokinių pasiekimų tyrimų rezultatų tendencijos yra panašios (2 pav.). Mokinių skaitymo gebėjimai prastėja. Aktualus tampa poreikis ne tik tobulinti konkrečių nacionalinių pasiekimų tyrimų metodologiją, bet kurti tyrimų ciklo ar reguliarių tyrimų metodologiją, taip užtikrinant ne tik kuo tikslesnę mokinių skaitymo pasiekimų rezultatų nustatymo, bet ir prognozavimo metodiką.



***2 pav**. 6 ir 8 klasės mokinių skaitymo pasiekimų dinamika 2004, 2006 ir 2008 metais*

Nuo 2008 metų mokinių pasiekimų tyrimų vykdymą reglamentuoja „Mokinių pasiekimų tyrimų vykdymo tvarkos aprašas" (2008). Dokumente aprašomi mokinių pasiekimų tyrimų tikslai, uždaviniai, organizavimas, vykdymas, vykdytojai, surinktos informacijos panaudojimas, nužymėtos mokinių pasiekimų tyrimų plėtotės gaires ir numatyti svarbiausi su mokinių pasiekimų tyrimais susijusius darbus 2009-2012 metais. Nuo 2011 m. už nacionalinių mokinių pasiekimų tyrimų vykdymą atsakingas Nacionalinis egzaminų centras. Tačiau nacionaliniai mokinių pasiekimų tyrimai nėra reguliarūs. Todėl reikėtų pritarti mokslininkų grupei (Merkiui, G., Augustinienei, A. ir kt.), kurie pripažįsta, jog „...ilgalaikių tyrimų, kurie leistų įvertinti lietuvių kalbos kontekste taikomas skaitymo mokymo edukacines technologijas ir jų veiksmingumą, kaip ir skaitymo sociologijos tyrimų, Lietuvoje trūksta" (2010, p. 100).

Jau minėta ir svarbi skaitymo diagnostikos problema – kokybiškų vertinimo instrumentų skaitymo diagnostikai kūrimas. Jų poreikį Lietuvoje ir svarbą pabrėžia B. Bitinas (2002); G. Merkys (1999); G. Kiseliova (2002), D. Kalesnikienė (2007). Siekiant objektyvesnės ir tikslesnės diagnostikos pasaulinėje praktikoje naudojami standartizuoti diagnostikos instrumentai. Todėl siekiant turėti validesnius įrankius ir Lietuvoje buvo sukurta standartizuota programa bei standartizuoti vertinimo instrumentai – testai, kurie skirti ketvirtos ir aštuntos klasių mokinių skaitymo gebėjimų diagnostikai (2012).[85] Atsižvelgiant į nacionalinių ir tarptautinių tyrimų patirtį

[85] Straipsnio autorė yra Ugdymo plėtotės centro projekto *Standartizuotų mokinių pasiekimų vertinimo ir įsivertinimo įrankių bendrojo lavinimo mokykloms kūrimas* standartizuotos programos ekspertų darbo grupės ir vertinimo instrumentų (testų) ekspertų darbo grupės narė)

bei konsultuojant tarptautiniams konsultantams standartizuotos programos 4 ir 8 klasėms rengtos šia tvarka:

1) Ekspertų darbo grupė parengė pirminį programos variantą. Jame buvo išskirti prognozuojami mokinių pasiekimai, kurie buvo nustatyti remiantis Pradinio ugdymo bendrosiomis programomis (2008) diskusijose pasiekiant bendro ekspertų darbo grupės narių sprendimo.

2) Vertinimo instrumentų – testų rengėjų darbo grupės nariai sukūrė užduotis ir sudarė vertinimo instrukcijas pagal programose nurodytas mokinių pasiekimų aprėptis. Atliktos užduočių aptarimo ir tobulinimo procedūros.

3) Buvo sudaryti užduočių rinkiniai, užduotys išbandytos atrinktoje mokinių grupėje, kuri savo sudėtimi reprezentavo Lietuvos mokinių generaline aibę. Buvo atliktas mokinių atliktų užduočių vertinimas, atlikta statistinė gautų rezultatų analizė, renkant įrodymus apie realius mokinių pasiekimus.

4) Buvo atlikta pasiekimų lygių tikslinimo procedūra, remiantis kiekybiniais ir kokybiniais prieš tai atliktos procedūros rezultatais, nustatytos pasiekimų lygių ribos, kurios buvo nustatomos remiantis gautais statistiniais parametrais bei ekspertų nuomone.

5) Programa peržiūrėta, atsižvelgiant į bandomojo testavimo rezultatus ir bei joje aprašytus pasiekimų lygius, jų ribas, ji buvo tikslinama (2012, p. 7).

Sukurta standartizuota lietuvių kalbos 4 klasei ir lietuvių kalbos 8 klasei programa. Programoje, susitarus dalyko mokymo ekspertams, vertinimui patogia forma aprašomi mokinių pasiekimai atsižvelgiant į vertinimo tikslą, tipą bei pasirinktus vertinimo įrankius. Lietuvių kalbos programos dalis yra skirta skaitymo pasiekimams diagnozuoti. Standartizuotose programose išskirti trys lygiai: patenkinamas, pagrindinis ir aukštesnysis bei nustatyti slenksčiai – riba tarp dviejų šalia esančių lygių. „Lygio slenkstis – žemiausias mokinių žinių ir gebėjimų skalės taškas, kurį pasiekęs mokinys laikomas įgijęs to pasiekimų lygio gebėjimų“ (p. 7). Skaitymo žinių ir gebėjimų lygiai ir jų slenksčiai buvo nustatyti remiantis ekspertų vertinimais (naudotas „žymelės“ metodas) ir empirinio tyrimo metu gautais duomenimis. Slenksčiams tarp tarp lygių nustatyti naudotas „žymelės“ metodas taikytas šia tvarka:

1) pagal pilotinio testavimo metu gautus statistinius parametrus skaitymo užduotys buvo suranguojamos sunkėjimo tvarka;

2) kiekvienas ekspertas, remdamasis savo patirtimi ir pateiktas statistiniais skaičiavimais, pažymi tas skaitymo užduotis, kurios jo manymu, yra slenkstinės, tai yra žyminčios ribą tarp dviejų lygių, pateikia savo argumentus dėl savo pasirinkimo, išklauso kitų ekspertų argumentų;

3) po bendro aptarimo kiekvienas ekspertas dar kartą pažymi slenkstines užduotis;

4) atsižvelgiant į visų ekspertų pasirinkimus nustatyti visi trys slenksčiai tarp: nepasiekto patenkinamo ir patenkinamo, patenkinamo ir pagrindinio, pagrindinio ir aukštesniojo skaitymo srities pasiekimų lygių.

Tokiu būdu buvo parengtos lietuvių kalbos standartizuotos programos bei kiekvienam iš pasiekimų lygių parengtos standartizuotos skaitymo užduotys, kurios patalpintos į užduočių saugyklą ir aprašytos pagal didaktines ir testavimo statistines charakteristikas. Standartizuotose programose pateikta skaitymo diagnostikai skirta metodika. Apibrėžtas 4 ir 8 klasės mokinių vertinamų mokinių skaitymo pasiekimų konstruktas, kuriame nurodytos mokinių kognityvinių gebėjimų grupės ir detaliai aprašyti tiriami žinių ir supratimo, žinių taikymo bei aukštesnieji mąstymo gebėjimai. Tyrimo programoje apibrėžti skaitymo pasiekimų lygiai ir pateikti jų detalūs aprašymai bei nurodytos mokinių skaitymo pasiekimų lygių aprėptys (aprašyti skaitymo pasiekimų lygių ribų aprašai). Standartizuotose programose taip pateiktos skaitymo diagnostikos instrumentų charakteristikos (2012, p. 34-35).

Kam galėtų būti panaudoti šie vertinimo instrumentai? Jų panaudojimą reglamentuojantys dokumentai dar nėra priimti, nes mokinių pasiekimų tyrimų vykdymas reglamentuotas „Mokinių pasiekimų tyrimų vykdymo tvarkos apraše“, kuris galioja tik iki 2012 metų pabaigos. Tikėtina, kad pradėti nacionalinės mokinių pasiekimų vertinimo sistemos kūrimo darbai bus tęsiami didelį dėmesį skiriant ir skaitymo diagnostikos sričiai. 2013 metais prasidėsiantis naujas nacionalinės vertinimo sistemos etapas turėtų būti reglamentuotas nacionalinių dokumentų, dabar situacija nėra aiški ir

skaidri, nes paskelbto dokumento projekto, kuris turėtų būti priimtas po jau minėto „Mokinių pasiekimų tyrimų vykdymo tvarkos aprašo“ dar neteko aptikti, todėl skaitymo diagnostikos patirties plėtra Lietuvoje tebelieka atviras klausimas.

Išvados:

1. Skaitymo diagnostika gali pasitarnauti šalies švietimo politikos vertinimui, formavimui, mokinių skaitymo gebėjimai tapti vienu iš svarbių ugdymo kokybės vertinimo kriterijų plėtojant mokinių pasiekimų vertinimo sistemą.
2. Skaitymo diagnostikos patirtis Lietuvoje vystėsi tarptautinių PIRLS ir PISA tyrimų ir nacionalinių tyrimų kontekste, sukurtos standartizuotos programos ir standartizuoti vertinimo instrumentai (testai).
3. Didžiausios skaitymo diagnostikos problemos yra susijusios su šios srities plėtros tęstinumo nuoseklios politikos nebuvimu Lietuvos švietimo kontekste.

Probleminiai klausimai:

Ar Lietuvoje bus apsispręsta dėl konkrečių ugdymo kokybės rodiklių, į kuriuos įeitų ir mokinių skaitymo gebėjimų lygis?
Kam bus panaudojamos standartizuotos programos ir testai?
Ar skaitymo diagnostikos problemos bus sprendžiamos vykdant nuoseklią švietimo politiką?

LITERATŪRA

Bendrosios 2008 m. nacionalinio 6 ir 10 klasių mokinių pasiekimų tyrimo išvados [Žiūrėta 2012-07-06]. Interneto prieiga: http://www.smm.lt/svietimo_bukle/docs/tyrimai/nmp/2008%20metu%20pagrindines%20tyrimo%20isvados.pdf

BITINAS, B., (2002). *Pedagoginės diagnostikos pagrindai*. Vilnius: Pedagoginio universiteto leidykla.

DUDAITĖ, J. (2010). *Tarptautinis penkiolikmečių tyrimas* Programme For International Student Assessment

OECD PISA 2009. OECD PISA rezultatai. Vilnius: VšĮ „Sorre“.

ELIJIO, A. (2003). *Tarptautinio skaitymo gebėjimų tyrimo PIRLS 2001 ataskaita*. Vilnius. Nacionalinis egzaminų centras.

ELIJIO, A. (2007). *Tarptautinio skaitymo gebėjimų tyrimo PIRLS 2006 rezultatų pristatymas*. Vilnius: Firidas.

KALESNIKIENĖ, D., (2007). *IV klasės mokinių skaitomo teksto suvokimo diagnostikos teorinis ir empirinis pagrindimas*. Daktaro disertacija. Vilniaus pedagoginis universitetas.

KISELIOVA, D. (2002). *Ketvirtų klasių moksleivių matematiniai gebėjimai kaip didaktinės diagnostikos objektas*. Daktaro disertacija. Šiauliai.

MERKYS, G., AUGUSTINIENĖ, A., RUPAINIENĖ, V., LAPIENIENĖ, A., BALČIŪNAS S., ELIJIO A. (2010). *Mokslinio tyrimo „IEA PIRLS 2006 antrinė duomenų analizė”*. Kaunas. [Žiūrėta 2012-07-06]. Interneto prieiga: http://www.smm.lt/svietimo_bukle/docs/tyrimai/sb/PIRLS_ataskaita.pdf

MERKYS, G., (1999). *Testavimas – socialinių mokslų principas. Metodologinio diskurso projekcija*. Socaliniai mokslai, 2(19), p.7-22.

Mokinių pasiekimų tyrimų vykdymo tvarkos aprašas. (2008) Patvirtintas Lietuvos Respublikos švietimo ir mokslo ministro. Nr. ISAK-3379.

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2002. Techninė ataskaita. 6 klasė. Vilnius.

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2003. Ataskaita. 4 ir 8 klasė. Vilnius: „Saulės spektras.“

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2004. Ataskaita. 6 ir 10 klasė. Vilnius: „Saulės spektras.“

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2005. Dalykinė ataskaita. 4 klasė. Vilnius: „Petro ofsetas.“

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2005. Dalykinė ataskaita. 8 klasė. Vilnius: „Petro ofsetas.“

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2006. Dalykinė ataskaita. 6 ir 10 klasė. Vilnius.

Nacionalinis mokinių pasiekimų tyrimas. 2007. Dalykinės ataskaita. 4 ir 8 klasė. Vilnius.

Pradinio ir pagrindinio ugdymo bendrosios programos. (2009). Vilnius: Švietimo aprūpinimo centras.

Skaitymo gebėjimus tikrinančių užduočių pavyzdžiai. Tarptautinis skaitymo gebėjimų tyrimas Progress in International Reading Literacy Study PIRLS. (2008). Vilnius: „Sapnų sala“.

Skaitymo gebėjimų užduočių pavyzdžiai. Tarptautinis penkiolikmečių tyrimas Programme for International Student Assessment OECD PISA. (2011). Vilnius: UAB „Ogamas“.

Standartizavimo procedūrų aprašas I dalis. 4 klasės lietuvių gimtosios kalbos (skaitymo, rašymo), matematikos ir istorijos standartizuotos programos ir testų pavyzdžiai. (2012). Vilnius. Ugdymo plėtotės centras.

Standartizavimo procedūrų aprašas II dalis. 8 klasės lietuvių gimtosios kalbos (skaitymo, rašymo), matematikos ir istorijos standartizuotos programos ir testų pavyzdžiai. (2012). Vilnius. Ugdymo plėtotės centras.

Tarptautinių žodžių žodynas. (1985) Vilnius: Vyriausioji enciklopedijų redakcija [Žiūrėta 2012-07-06]. Interneto prieiga:
http://www.zodziai.lt/reiksme&word=diagnostika&wid=4128
UNESCO. (2004 a) *Changing teaching practice using curriculum differentiation to respond to studennt`s diversity*. UNESCO.
UNESCO. (2004 b). *Education for all: the quality imperative*. EFA global monitoring report, 2005, UNESCO.

Danguolė Kalesnikienė
Education Development Centre
Research interests: Social and primary education, educational diagnostics and native language.

READING DIAGNOSTICS

Summary

The article discusses the essence and the importance of reading diagnostics and generalizes its experience in Lithuania. It reveals the significance of reading diagnostics from the primary school level in determining pupils' reading achievements and linking the implementation of curriculum with reliable information about the quality of education and its results in various levels. In addition to the results of two international studies – PIRLS and PISA, the results of national studies on pupils' achievements from their beginning in 2002 (in the aspect of reading diagnostics and standardized programs and tests which were developed by the project "The development of standardized tools for the assessment and self-assessment of pupils' achievements in secondary schools" implemented by the Education Development Centre) are discussed in the article. Problematic issues of reading diagnostics are also raised in the article.

KEY WORDS: reading, diagnostics, reading skills, standardized programs, standardized tests.

Jurgita Macijauskaitė-Bonda
Vytauto Didžiojo universitetas,
K. Donelaičio g. 58, LT-44248 Kaunas,
j.macijauskaite-bonda@hmf.vdu.lt
Moksliniai interesai: vaikų folkloras, tradicinė ir šiuolaikinė tautosaka

VAIKAS DESTRUKCINĖS TEMATIKOS MOKSLEIVIŲ EILIAVIMUOSE

Straipsnyje analizuojami „sadistiniai eilėraštukai“ – neilgi, eiliuoti, savitu humoru pasižymintys destrukcinės tematikos tekstai, kurių pagrindiniai herojai yra į pavojingą situaciją patekę vaikai arba vaikai, kenkiantys suaugusiems žmonėms. Lietuvoje tai dar visai netyrinėtas šiuolaikinio moksleivių folkloro žanras. Straipsnyje analizuojami būdingiausi „sadistinių eilėraštukų“ siužetai, daugiausiai dėmesio sutelkiantys į pagrindinį kūrinėlių personažą – vaiką. Atliekant tyrimą, naudotasi Vytauto Didžiojo universiteto Kultūrų studijų ir etnologijos[86] *katedros rankraštyne saugoma medžiaga. Tyrimo metodai – aprašomasis, interpretacinis ir komparatyvistinis. Tyrimas atskleidė, kad „sadistinių eilėraštukų“ centre – „mažas berniukas“ ir jo nuotykiai tokiame pasaulyje, kokį jį vaikams dažnai piešia suaugusieji. Kūrinių herojus tarsi persikelia į kasdienes tėvų „šiurpes“, kur kiekvienas susidūrimas su supančia aplinka tampa lemtingu. Smalsaujantis, žaidžiantis ar išdykaujantis vaikas kūriniuose žūsta, o lakoniškai nusakytos aplinkybės tarsi paliudija – „pats kaltas“. Dalyje kūrinių vaikas ir pats tampa kenkėju, galinčiu „žaidimų“ auka pasirinkti suaugusįjį. Kūriniuose aktualizuojama susvetimėjimo, natūralių žmogiškų santykių šeimoje ir visuomenėje irimo problema. Vaizduojamos situacijos perteikiamos per šokiruojančią juodojo humoro ir ironijos prizmę.*

ESMINIAI ŽODŽIAI: vaikų folkloras, moksleivių folkloras, „sadistiniai eilėraštukai“, vaikas, juodasis humoras, ironija.

Vaikų folklore, kaip ir suaugusiųjų kūryboje, aptinkama obsceniškos leksikos, vulgarių posakių, šokiruojančių vaizdinių, juodojo humoro ir pan. Žemoji retorika nesvetima daugeliui liaudies kūrybos žanrų arba kai kurioms žanrinėms atmainoms. Mokslininkų ir tautosakos rinkėjų ilgą laiką į folklorą žvelgta (ir tebežvelgiama) idealizuotai, todėl dėl vienos ar kitos priežasties nepriimtini tautosakos pavyzdžiai iki šiol mažai rinkti ir nedaug tyrinėti, ypač vaikų kultūros kontekste.

Pradėjus kurti Vytauto Didžiojo universiteto Kultūrų studijų ir etnologijos katedros Etnologijos rankraštyno elektroninę duomenų bazę ir šiuolaikinio folkloro klasifikaciją, išskirtas gana gausus eiliavimų žanras. Kūriniai suskirstyti į keturias žanrines grupes: 1) rimti eiliavimai; 2) šmaikštūs eiliavimai; 3) obsceniški/nešvankūs eiliavimai; 4) sadistinės eilės. Pastarajai grupei priskiriami kūriniai – šio straipsnio tyrimo objektas. Atliekant tyrimą, taip pat naudotasi pačios autorės sudarytu, daugiausia internete paplitusių, „sadistinių eilėraštukų“ rinkiniu. Iš viso – apie 70 skirtingų „sadistinių eilėraštukų“ lietuvių kalba. Populiariausi jų pavieniui arba grupėmis iš vienos internetinės svetainės kopijuojami į kitą nieko nekeičiant. Iš skirtingų pateikėjų užrašyti tekstai taip pat beveik nevarijuoja.

„Sadistiniai eilėraštukai“ – tai neilgi, eiliuoti (dažniausiai dvieiliai arba ketureiliai), savitu humoru pasižymintys destrukcinės tematikos tekstai, kurių pagrindiniai herojai yra į pavojingą situaciją patekę vaikai (mažas berniukas arba mergaitė) arba vaikai, kenkiantys suaugusiems žmonėms. Šie kūriniai turi glaudų ryšį su suaugusiųjų kūryba, tačiau paprastai priskiriami vaikų folklorui, o konkrečiau – moksleivių folkloro kategorijai. Kūrinėlius žinantys asmenys juos vadina įvairiai: „šiurpūs/linksmieji ketureiliai“, „juokingi eilėraščiai“, „juodoji/kreiva poezija“, vaikams skirtame žurnalale „Flinto BUMAS“ jie vadinami „siaubaraštukais“, o G. Radvilas knygelėje „Ne tiek įkando, kiek išsigando“ vartoja savo sugalvotą „linksmų eiliuotų šiurpių“ pavadinimą (Radvilas, 2006). Terminas „sadistinės eilės“, kuris buvo pasirinktas kuriant minėtą Etnologijos rankraštyno elektroninę duomenų bazę, yra vertinys iš rusų kalbos (ru. *„садистский стишок“*). Šiame

[86] Iki 2012 m. – Etnologijos ir folkloristikos katedra.

straipsnyje vartojamas deminutyvinis „sadistinių eilėraštukų“ pavadinimas tiksliau apibrėžia humoristinių ketureilių su būdinga naivia intonacija pobūdį[87]. Kaip aiškina rusų vaikų kultūros tyrinėtojas M. Lurye, XX a. 8–9 dešimtmetį žodis „sadistas“ tarp moksleivių buvo plačiai paplitęs, bet vartotas ne tokia prasme, kaip apibrėžiamas žodynuose[88]; jis buvo suprantamas kitaip – vaikiškai apibūdinant „tą, kuris fiziškai žaloja kitus“ (Lurye 2009, p. 341–342). Dėl šios priežasties žanro įvardijimas rusų literatūroje paprastai rašomas kabutėse. Tradicijos vartoti kabutes nutarta laikytis ir rašant šį straipsnį.

„Sadistiniai eilėraštukai“ Rusijoje pasirodė XX a. aštuntą dešimtmetį, greitai pasklido ir tapo vienu populiariausių moksleivių folkloro žanrų (Лысков 2001). Maždaug tuo pat metu šios liaudies poezijos pavyzdžių pateko ir į Lietuvą, tačiau jie plačiau nepaplito. Atrodo, kad geriausiai žinota tik keletas kūrinėlių rusų kalba, tarp kurių du klasikiniai dvieiliai apie mažą berniuką, radusį kulkosvaidį/automatą ir ginklą išbandžiusį savo kaime/vaikų darželyje (VDU ER 2250/7, 2250/8)[89]:

Маленький мальчик нашёл пулемёт –
Больше в деревне никто не живёт.

Маленький мальчик нашёл автомат –
В братской могиле лежит детский сад.
(Чередникова 1995, p. 72)[90]

„Sadistiniai eilėraštukai“ lietuvių vaikų labiau pamėgti tik pirmą XXI a. dešimtmetį, kai 2003 m. buvo pradėtas leisti 8–13 metų berniukams skirto mėnesinio žurnalo „Flintas“ priedas „Flinto BUMAS“. Šiame priede ilgą laiką gyvavo skyrelis „Siaubaraštukai“, kuriame buvo spausdinti iš rusų kalbos versti, perkurti ar sukurti „sadistiniai eilėraštukai“, kitokio pobūdžio humoristiniai eiliavimai, talalinės, vaikiškų dainų parodijos ir pan. bei pačių vaikų eiliuota kūryba. Netrukus po to „sadistiniai eilėraštukai“ pateko į internetą. Virtualioje erdvėje „sadistiniais eilėraštukais“ domisi paaugliai ir jaunuoliai, kurių ne vienas nostalgiškai prisipažįsta vakystėje skaitęs „Flinto BUMĄ“, bei juodajam humorui neabejingi suaugę žmonės.

Straipsnio tikslas – išanalizuoti būdingiausius Lietuvoje paplitusių „sadistinių eilėraštukų“ siužetus daugiausiai dėmesio sutelkiant į pagrindinį kūrinių personažą – vaiką. Dėl ribotos straipsnio apimties bus analizuojama tik dalis „sadistinių eilėraštukų“, kuriuose nukenčia arba herojus vaikas/vaikai, arba vaikas/vaikai pakenkia suaugusiam žmogui/žmonėms[91].

Tyrimui atlikti pasitelkiami aprašomasis, interpretacinis ir komparatyvistinis metodai. Lyginamajai analizei ieškota analogijų rusų vaikų folklore, kadangi dauguma turimų šios kūrybos pavyzdžių itin artimi rusiškiems ir yra tiesioginiai vertiniai iš rusų kalbos.

Apie dabartinio lietuvių vaikų folkloro ypatumus, jų santykį su tradiciniu, klasikiniu vaikų folkloru daugiausiai yra rašiusi G. Skabeikytė-Kazlauskienė (Skabeikytė 1998, p. 13–16; Skabeikytė-Kazlauskienė 2008, p. 143–153). Ne viena tyrėjos įžvalga apie šiuolaikinės vaikų kūrybos specifiką taikliai apibūdina ir šiame straipsnyje nagrinėjamų kūrinių pobūdį. Atliekant tyrimą, taip pat gausiai remtasi rusų autorių darbais. Rusijoje „sadistiniai eilėraštukai“ yra tapę ne tik daugelio straipsnių, bet ir monografijų bei disertacijų tyrimo objektu. Šiame straipsnyje cituojami A. Belousovo (Белоусов 1998), M. Lurye (Lurye 2009, p. 341 – 363), M. Čerednikovos (Чередникова 1995, p. 60 – 72) ir kitų mokslininkų darbai.

---

[87] Už paskatinimą vartoti deminutyvinę formą esu dėkinga literatūros tyrinėtojai Vijolei Višomirskytei.

[88] „Lietuvių kalbos žodyne“ pateikiama žodžio „sadistas“ reikšmė – „kas linkęs į sadizmą“, o žodis „sadizmas“ aiškinamas kaip: 1. „lytinis iškrypimas – potraukis daryti kitam asmeniui fizines kančias“; 2. „žiaurumas, kankinimo aistra, mėgavimasis kitų kančiomis“ (LKŽ XII, p. 3).

[89] VDU ER – Vytauto Didžiojo universiteto Kultūrų studijų ir etnologijos katedros Etnologijos rankraštynas, toliau nurodomi aplanko/bylos numeris ir kūrinio numeris. Kadangi virtualioje erdvėje dažniausiai cirkuliuoja ne pavieniai kūriniai, o jų rinkiniai, visam rinkiniui aplanke suteikiamas vienas numeris.

[90] Pateikėjai prisiminė tik pirmąsias tris eilutes, todėl cituojamas pavyzdys iš rusiškos literatūros.

[91] Lietuvoje taip pat populiari „sadistinių eilėraštukų“ atmaina, rusiškai įvardijama *добрылки*. Šie kūriniai su netikėta gera pabaiga vadintini „sadistinių eilėraštukų“ parodijomis. Analogiškai skiriamos šiurpės ir šiurpių parodijos.

Pagrindiniai analizuojamų kūrinių herojai yra į gyvybei pavojingą situaciją patekę vaikai arba vaikai, kenkiantys suaugusiems žmonėms. Klasikiniai „sadistinių eilėraštukų“ variantai, kuriuose „mažam berniukui“ mirtimi grasina įvairūs pavojingi įrengimai, mašinos, prietaisai, suaugusieji, tragišką baigtį išprovokuoja ir neatsargus paties vaiko elgesys. Kituose gi tas pats „mažas berniukas“ gali sukelti grėsmę suaugusiajam. Kūriniai baigiami šiurpios nelaimės vaizdu – herojus vaikas žūsta arba sunkiai/mirtinai sužaloja suaugusį žmogų. Antai viename populiariausių kūrinių nelaimė ištinka statybų aikštelėje išdykaujančius vaikus, o kitame – toje pačioje statybų aikštelėje vaikai sužaloja mūrininką:

Vaikučiai statybose žaidė indėnus
Į kranistą strėles laidė jie visą dieną.
Nukrito konteineris, kėlęs plytas,
Ir niekas dabar Vinetu nesuras.
(VDU ER 1732/45)

Statybas užbaigti nedaug jau beliko.
Į cementą parako vaikai prikišo.
Rūkydamas mūryti bandė Stasys
Vaikučiai griuvėsiuos vėl žais ir lakstys.
(VDU ER 2250/1)

Išskirtinis šių juodojo humoro rūšiai priskiriamų moksleiviškų eiliavimų bruožas – ironiška vaikams taikomų elgesio taisyklių traktuotė. Anot rusų moksleivių folkloro tyrimų pradininko A. Belousovo, „sadistinių eilėraštukų“ „polemikos objektas – nesiliaujantys tėvų nurodymai ir įspėjimai“ (Белоусов 1998, p. 550). Psicholingvistas V. Belianinas šiuos kūrinius vadina tiesiog savotišku „saugos instruktažu“ nepaklusniems vaikams (Белянин 1996, p. 8–9). Tačiau M. Čerednikova „sadistiniuose eilėraštukuose“ aptinkamus auklėjamuosius draudimus sieja su suaugusiųjų vaikams kuriamos mitologijos ironizavimu. „Mažo berniuko nuotykiai – tai ironiškas suaugusiųjų mito atkūrimas, kuriame „baisaus atvejo“ pergalė tampa neišvengiamu gyvenimo dėsniu. Tėvų „šiurpės“, iliustruojančios auklėjamųjų draudimų sistemą, bumerangu grįžta šokiruojančių sadistinių eilių pavidalu“ – teigia vaikų kultūros ir mitologijos tyrinėtoja (Чередникова 1995, p. 62). Taigi rusų tyrėjai iškelia didaktinę funkciją, kuri „sadistiniuose eilėraštukuose“ savotiškai atskleidžiama pasitelkiant juodąjį humorą ir ironiją. Per nuolat klystančio herojaus – vaiko – vaizdinį suaugusiesiems tarsi perduodama žinia, kad vaikai ir toliau darys klaidas kaip darę ar elgsis savaip nepaisydami nuolat girdimų draudimų ir pamokymų.

Kita svarbi – pažintinė – kūrinių funkcija analizuojamuose kūriniuose taip pat traktuojama ironiškai. „Sadistinių eilėraštukų“ herojus vaikas drąsiai smalsauja, tyrinėja aplinką, liečia, ragauja ir pan. Vienuose variantuose tokio elgesio išdavos susijusios tik su pačiu herojumi, o kituose – gali tapti daugiau ar mažiau globalios.

Mažas berniukas surado raketą
Paspaudė mygtuką už sparno paslėptą.
Japonai ilgai dar suprast negalėjo
Koks ten grybukas padangėj ryškėja.
(VDU ER 1732 / 47)
Popierių rado Petriukas lauke
Ir į tualetą nuoskuodė bėgte.
Greit pasigirdo jo klaikūs riksmai –
Švitrinis popierius buvo tenai.
(VDU ER 2250/2)

Kaip teigia G. Skabeikytė-Kazlauskienė, pažintinė funkcija dabartiniame vaikų folklore užima išskirtinę vietą. Tautosakininkė geriausiais vaikų pasaulėvokos reiškėjais įvardija šiurpes ir burtus – sakmiško pobūdžio kūrinius, „kuriuose vaizduojamąjį pasaulį ir pasakotojas, ir klausytojai suvokia ne kaip meninę išmonę, o kaip tikrovės analogą“ (Skabeikytė 1998). Prie šiurpių ir burtų šia prasme galėtų šlietis ir „sadistiniai eilėraštukai“, nors diskutuojama, kiek šiuos kūrinius vaikai sieja su tikrove. Rusiškoje literatūroje ne kartą cituotas M. Čerednikovos užrašytas keturiolikmetės mergaitės „sadistinis eilėraštukas“. Jis vaizduoja verdantį šaltieną mažą berniuką ir žeme

šliaužiojantį tėvą be kojų. Šalia – pateikėjos komentaras: „Aš taip juokiausi kažkodėl. Kažkaip keista. Juokinga, kadangi to negali būti“ (Чередникова 1995, p. 171). J. Nejolovas aiškina, jog vaikai juokiasi, kadangi skirtingai nei daugelis suaugusiųjų jaučia „sadistinių eilėraštukų“ pasaulio karnavališkumą ir tai, kad jis nėra realus (Неёлов 1999, p. 36). Kaip kūrinio tikrovę suvokia jį skaitantis, klausantis ar deklamuojantis vaikas, veikiausiai priklauso nuo jo amžiaus. Jaunesni vaikai, turintys betarpiškesnį santykį su tautosakos kūriniais, gali tikėti jų realia prigimtimi ir net tapatintis su vaizduojamais herojais, o sulaukę paauglystės, pradeda į jas žiūrėti kaip į kūrybos formą. Šiurpes – vaikų folkloro žanrą, kuriame mirtimi „žaidžiama“ panašiai kaip „sadistiniuose eilėraštukuose“ – tyrinėjanti L. Anglickienė teigia, kad „pagrindiniai šiurpių sekėjai ir klausytojai yra 7–12 metų vaikai, neabejojantys jų tikroviškumu“ (Anglickienė 2009, p. 16). Tačiau šiurpių parodijas daugiausia pasakoja 12–15 metų paaugliai, kurių tikėjimas kūrinių tikrumu pradėjęs blėsti (ten pat, p. 26).

Erdvė, kurioje veikia analizuojamų kūrinių herojus vaikas, yra buitiška ir kasdieniška: namai, kiemas, mokykla, mėgiama žaidimų vieta, o nesudėtingas „sadistinių eilėraštukų“ siužetas paprastai atspindi kokią nors vaikams įprastą veiklą – vaikas/vaikų grupė žaidžia, bėgioja, tyrinėja aplinką, tačiau dėl netinkamo, neapdairaus ar išdykėliško elgesio herojus nukenčia. Pavyzdžiui, mergaitė viena namuose gamina valgį, tačiau dėl neatsargaus elgesio su buities prietaisu, sukelia sprogimą:

Sumanė Onutė pyragą iškepti
Atsuko dujas, bet pamiršo uždegti.
Būtų gavus už tai ji nuo tėčio diržu.
Bet diržas susprogo kartu su namu.
(VDU ER 2250/1)

XX a. pabaigoje, o dažnoje šeimoje ir nūdien, miesto vaikas dirbančių tėvų paliekamas namuose vienas ir jau pradinėse klasėse išmoksta pats pasiimti, o vėliau ir pasigaminti valgį. Pateiktas kūrinys materializuoja dažną tėvų „šiurpę“ apie vaikams pavojingus buities prietaisus. Tikriausiai kiekvienas mažas vaikas yra girdėjęs draudimą artintis prie viryklės, lygintuvo, mėsmalės ar kt., o vyresnis – aiškinimus, kaip teisingai ir atsargiai tuos pačius prietaisus naudoti. Gerus analizuojamo „sadistinio eilėraštuko“ herojaus ketinimus sugriauna pažeidžiamos saugos taisyklės. Tariamąja nuosaka nusakyta suklydusios herojės turėjusi laukti bausmė – „Būtų gavus už tai ji nuo tėčio diržų“. Toliau seka pozityvia vaikiška logika pagrįsta mintis, jog bausmės įrankis sunaikintas kartu su visu namu. Atrodo, kad būtent diržas herojei kėlęs didžiausią baimę, taigi jo destrukcija ironiškai liudija „laimingą“ pabaigą. Daugiau lietuviškų variantų, kuriuose vaizduojami nelaimingi atsitikimai, susiję su buitimi, aptikti nepavyko. Rusų „sadistiniuose eilėraštukuose“ perteikiamų situacijų amplitudė kiek platesnė: mažas berniukas įkiša ranką į mėsmalę, įkrenta į verdantį puodą, įkiša nosį į dulkių siurblio žarną ir kt.

Populiaresni siužetai, pasakojantys apie pavojus, tykančius iš namų išėjusio vaiko. Tėvų draudimo (nerinkti ant žemės nukritusių daiktų ir jų nekišti į burną) nepaisymas herojui sukelia sveikatos sutrikimų:

Stasiukas saldainį žolėj pastebėjo,
Pačiupo, į burną tuoj įsidėjo.
Ir savaitei tupykloj prapuolė.
Nerinkit nuo žemės, kas tik papuolė!
(VDU ER 1305/41)

Surado tablečių indelį broliukai,
Pamanė, kad ten, viduje, saldainiukai.
Ramu namuose, nebesiunta jau niekas,
Nes trečią savaitę išdykėliai miega.
(VDU ER 2250/10)

Pirmasis eilėraštukas baigiamas tiesiogiai išsakyta didaktine gaida: „Nerinkit nuo žemės, kas tik papuolė!“. Tarp eilučių tarsi skamba retorinis suaugusiojo klausimas: „Ar aš tau nesakiau?“.

Dažname „sadistiniame eilėraštuke“ vaizduojamos vaikus itin traukiančios pavojingos žaidimų vietos, kurių populiariausia – statybvietė. Dabartiniai vaikai, sugriežtinus saugos taisykles, į statybvietes retai beeina, tačiau sovietinių laikų ir Lietuvos nepriklausomybės pradžios miestų vaikai

jose žaisti ypač mėgę. Apskritai, „sadistinių eilėraštukų“ tematika dažnai susijusi su tam tikromis sovietmečio gyvenimo realijomis. (Du šiai grupei priskirtini variantai jau cituoti prieš tai.)

Mažas berniukas statybose žaidė.
Bloko sunkaus kranas nebeišlaikė.
Trosai visi netikėtai nutrūko –
Ausys berniuko tik šmaukšt ant batukų.
(VDU ER 2250/2)

Bėgiojo statybose mažas Petriukas,
Į galvą pataikė jam staliaus plaktukas.
Nuo šiol visą amžių dienom ir naktim
Į pasaulį žvelgs Petras trimečio akim.
(VDU ER 2250/1)

Kaip teigia M. Lurie, „sadistiniuose eilėraštukuose“ juoką siekiama sukelti aukštąją arba sakraliąją sferą priešinant su žemąja, t. y. su tuo, kas šventvagiška, nepadoru bei žaidžiant opozicijomis: gyvybė – mirtis, sveikata – luošumas, kūno vientisumas – kūno suluošinimas (Лурье 2007, p. 296; Lurye 2009, p. 350). Su mitologine semantika sietinas herojaus kūno dalių atskyrimas ar sunaikinimas kūną padalijant į daug dalių – ypač dažna poetinė priemonė. Žiaurus ir pasišlykštėjimą keliantis vaizdinių „anatomiškumas“, vartojant rusų mokslininko terminą, kelia šoką. Kūnas žalojamas („de-struktūruojamas“) sprogdinant, plėšiant, kapojant, traiškant ir kt. Antai kitame kūrinyje virtuvėje išdykavęs vaikas į rankas pakliūva virėjui. Žinant žanro taisykles, tolesnį herojaus likimą nesunku nuspėti:

Išdykęs Petriukas virtuvėje dūko,
Kol vyriausiam virėjui kantrybės pritrūko.
Užtai nebereikia jau sukti galvos,
Iš kur gauti trisdešimt kilų mėsos.
(VDU ER 1955/13)

„Sadistinių eilėraštukų“ herojus neturi pagalbininkų ar kaip nors jo naudai veikiančių jėgų. Net šeimos nariai gali kenkti arba nekreipti dėmesio į vaiką ištikusią nelaimę:

Pradėjo žagsėti Petriukas staiga,
Sugalvojo jį baime pagydyt mama.
Išgąsdino klaikiai. Metodas padėjo –
Nebežagsi vaikas. Mikčioti pradėjo.
(VDU ER 2250/6)

Nukrito nuo spintos mažiukas Stasys,
Močiutė įpuolė tuojau pro duris.
„Prisiplojo vaikelis, bet tai ne bėda,
Svarbiausia, kad mano vazelė sveika.“
(VDU ER 2250/10)

Rusų folkloristė M. Novickaja teigia, kad „sadistinių eilėraštukų“ centre – byrantys prigimtiniai žmonių tarpusavio santykiai (šeimoje, mokykloje, visuomenėje, tarp kartų), kuriuos keičia pseudovertybės (Новицкая 1992, p. 107). Artimų santykių tarp šeimos narių nebuvimas, visuomenės susvetimėjimas – tai aktualios modernios visuomenės problemos, atsispindinčios ne vien analizuojamuose kūriniuose. Jos materializuojamos ir kituose dabartinio vaikų folkloro žanruose. Antai šiurpėse vaikus žudo netgi motina. G. Skabeikytė-Kazlauskienė primena: „Nepamirškim, kad šiurpių istorijomis vaikai tiki“, o tada kelia klausimą, verčiantį susimąstyti: „tad kokiame pasaulyje jie mano gyveną – kur motinos gali juos nužudyti?“ (Skabeikytė 1998).

„Sadistinių eilėraštukų“ vaikas ir pats gali tapti negailestingu kenkėju. Paminėti kranistas, mūrininkas, elektrikas, virėjas – tai vaikams gerai žinomų profesijų atstovai, su kuriais dažniausiai susiduria ir eiliavimų herojus. Dažnas ir girtuoklio personažas, kuris dėl prastos fizinės būklės atsiduria silpnojo pozicijoje.

Taip linksmai vaikučiai žaidė,
Adatėlių daug prismaigė
Kai nubus girtas Stasys,
Bus visai jis kaip ežys.

(VDU ER 2250/1)

Lietuviškų tokios tematikos variantų nėra daug, o kai kuriuose jų neaišku – ar veikia vaikas, ar suaugęs personažas. Tyrėja M. Novickaja, pasitelkdama iškalbingus rusiškus pavyzdžius, parodo, kad vaikas juose gali būti ne ką humaniškesnis už negailestingą suaugusįjį (Новицкая 1992, p. 110 – 111). Autorė pateikia du „sadistinio eilėraštuko“ variantus: pirmame į svetimą vyšnią įsikorusį „mažą berniuką“ nušauna senis Agafonas, o antrame – tas pats „mažas berniukas“ spėja pirmas išsitraukti savo mauzerį ir nušauna tą patį senį Agafoną (ten pat). Susidaro įspūdis, kad kūriniuose nepaisoma jokių moralės normų, o vaiko ir suaugusiojo susitikimas kiekvieną kartą yra lemtingas; vienintelis dalykas, kurį jiems belieka išsiaiškinti – „kuris kurį?“.

Nemažai populiarių „sadistinių eilėraštukų“ atspindi karines realijas. Minimi įvairūs destrukcijai pasitelkiami ginklai: minos, granatos, dinamitas, automatai ir pan.

Išbėgo berniukas į žalią palaukę,
Pateko netyčia į minų jis lauką.
Ir mindė sprogdiklius padukai basi.
Kaip gera, kai mažas ir lengvas esi.
(VDU ER 1308/149)

Parsinešė mažas Stasiukas granatą
Ir paslėpė pečiuj, kol tėvas nerado.
Galim sakyti, kad paslėpti pavyko,
Nes ką ten beras griuvėsiuos tarp plytų.
(VDU ER 2250/2)

Nemažai šios teminės grupės kūrinių vaizduoja savo – svetimo opozicija pagrįstus konfliktiškus „mažo berniuko“ santykius su mokykla. Kai kurie šių „sadistinių eilėraštukų“ variantai suartėja su anekdotais apie Petriuką, kai pasakojama apie mokyklos susprogdinimą (žr. Skabeikytė-Kazlauskienė 2008, p. 148):

Mažas berniukas vidurnaktį tykų
Ardė ant stalo prieštankinę miną.
Sprogdiklį ištraukė, iškrapštė plastidą.
Bus ką nunešti rytoj į mokyklą.
(VDU ER 1955/113)

Žaidė berniukas kieme „Al Quieda“,
Oriai nešiojo turbaną uždėtą.
Alachui pasimeldė jis ankstų rytą
Ir dviračiu trenkės į savo mokyklą.
(VDU ER 1733/39)

„Sadistines eiles“, šiurpes ir kitus „baisaus“ vaikų folkloro (ru. „**страшный**“ **детский фольклор*)*** žanrus tyrinėjantys folkloristai, remdamiesi psichologų darbais ir savo tyrimais, ne kartą bandė nustatyti, kam vaikams tokia kūryba reikalinga. Manoma, kad minėti žanrai turi svarbią reikšmę vaiko socialiniam bei psichologiniam ugdymui (žr. Чередникова 1995, p. 67; Трыкова 1997, p. 90). Kaip psichoanalitiniais metodais grindžiamame tyrime pastebi vaikų humoro tyrinėtoja M. Wolfenstein, nemaža dalis vaikų humoro siejama su galimai skausmingomis, nerimą arba kaltės jausmą keliančiomis temomis: mirtis, smurtas, griovimas (destrukcija), bausmė, liga, kūno funkcijos, seksualumas ir kvailumas (žr. Martin 2007, p. 248). Šias temas įpindamas į žaismingą fantaziją humoristinėje kūryboje, vaikas jį gąsdinančią situaciją paverčia tuo, iš ko galima juoktis. „Baisus“ folkloras „padeda vaikams įsisamoninti savo baimes ir jų atsikratyti,“ – teigia L. Anglickienė (Anglickienė 2009, p. 28).

Apibendrinant galima konstatuoti, kad „sadistinių eilėraštukų“ centre – „mažas berniukas“ ir jo nuotykiai tokiame pasaulyje, kokį jį vaikams dažnai piešia suaugusieji. Kūrinių herojus tarsi persikelia į kasdienes tėvų „šiurpes“, kur kiekvienas susidūrimas su aplinka tampa lemtingu. Smalsaujantis, aplinką tyrinėjantis, žaidžiantis ar išdykaujantis vaikas kūriniuose žūsta, o lakoniškai nusakytos aplinkybės tarsi paliudija – „pats kaltas“. Tačiau kartais vaikas ir pats tampa kenkėju, galinčiu „žaidimų“ auka pasirinkti suaugusįjį. Tokie kūriniai iškelia susvetimėjimo, šiltų žmogiškų santykių šeimoje ir visuomenėje irimo problemą. „Sadistiniuose eilėraštukuose“ vaizduojamos

situacijos perteikiamos per šokiruojančią juodojo humoro ir ironijos prizmę. Kūrinių keliamą įspūdį dar labiau sustiprina jų priskyrimas vaikų arba moksleivių folkloro sričiai.

LITERATŪRA

ANGLICKIENĖ, L., 2009. Šiurpės ir jų parodijos. *Tautosakos darbai*, t. XXXVIII, p. 15–29.

LURYE, M., 2009. Sadistic Verse as a Genre of Russian Urban Folklore: Typical and Specific Features, Child and Adult Audiences. *Forum for Anthropology and Culture*, No. 5, p. 341–363.

LKŽ 1981. *Lietuvių kalbos žodynas*, t. 12: S – slėpūnas. Vyr. red. K. Ulvydas. Vilnius: Mokslas.

MARTIN, R. A., 2007. *The Psychology of Humor: An Integrative Approach*. Ontario: Elsevier Academic Press.

RADVILAS, G., 2006. *Ne tiek įkando, kiek išsigando*. Vilnius: Gimtasis žodis.

SKABEIKYTĖ, G., 1998. Kodėl dramblio akys raudonos? (Dabartinio vaikų folkloro ypatumai). *Rubinaitis*, Nr. 1 (8), p. 13–16. Prieiga per internetą: http://rubinaitis.lnb.lt/index.php?-271833828 [žiūrėta 2012-08-14].

SKABEIKYTĖ-KAZLAUSKIENĖ, G., 2008. Petriukas – šiuolaikinių anekdotų triksteris. *Tautosakos darbai*, t. XXXVI, p. 143–153.

БЕЛОУСОВ, А. Ф. (сост.), 1998. *Русский школьный быт и фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*. Москва: Научно-издательский центр "Ладомир".

БЕЛЯНИН, В. П., 1996. Черный юмор как зеркало русской галлюцинации. Интервью с доктором филологических наук, профессором В. П. Беляниным. *Книжное обозрение*, № 20, 14 мая 1996, с. 8–9.

ЛЫСКОВ, А., 2001. О систематизаций "садистских стишков". Prieiga per internetą: http://www.ruthenia.ru/folklore/lyskov1.htm [žiūrėta 2012-08-20].

ЛУРЬЕ, М., 2007. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое. *Антропологический форум*, № 6, с. 287–309.

НЕЁЛОВ, Е. М., 1999. Детский бунт кромешного мира (к проблеме эволюции "садистских стишков"). In: *Проблемы детской литературы и фольклор.Сборник научных трудов.* Петрозаводск: Издательство ПГУ, с. 33–38.

НОВИЦКАЯ, М. Ю., 1992. Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции. In: *Школьный быт и фольклор*, ч.1. Таллинн: Таллиннский педагогический институт им. Э. Вильд, с. 100–123.

ЧЕРЕДНИКОВА, М. П., 1995. «Маленкий мальчик» в контексте нового мира. In: *Мир детства и традиционная культура*: *сборник научных трудов и материалов*. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, с. 60–72.

ТРЫКОВА, О. Ю., 1997. *Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой*. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Jurgita Macijauskaitė-Bonda
Vytautas Magnus University
Research interests: children‘s folklore, traditional and contemporary narrative folklore.

THE CHILD IN DESTRUCTIVE VERSES OF SCHOOLCHILDREN

Summary

The article focuses on the contemporary children’s folklore genre of “sadistic verses”. “Sadistic verse” is a short comic destructive poem where the main character is a child who gets himself in a dangerous situation and in consequence looses his life. In some variants, “a little boy” himself becomes violent and in his cruel games harms an adult. “Sadistic verses” came to Lithuania from Russian tradition, but did not become very popular as it happened there. Even though a few poems were known already in the last decades of the 20th century, the genre entered Lithuanian folklore only in the 21st century when a magazine “Flinto BUMAS” for children (for 8-13 year old boys, mainly) dedicated some space to various horror writings. By now, around 70 different “sadistic verses” are known. Many of them are direct translations of Russian verses. In addition, many more poems similar to “sadistic verses” exist, however, they cross the genre boundaries and are not counted as “sadistic” here. Lithuanian “sadistic verses” are more widespread in the Internet rather than in the living tradition. Many people, who publish and collect these poems, claim that they have learned about them in childhood from the magazine mentioned before. The aim of this article is to analyse the most common plots of “sadistic verses”, focusing on the main character – a child. “Sadistic verses” represent “a little boy” and his adventures in the potentially dangerous world as depicted by adults. The child in the poems seems to live in everyday “horror stories” where any clash with the surrounding environment becomes fatal. “Sadistic verses” with the means of irony and black humour in a brutal and shocking form reveal the problem of alienation in the family and in the society.

KEY WORDS: children‘s folklore, schoolchildren‘s folklore, “sadistic verses”, child, adult, black humour, irony.

Straipsnis parengtas įgyvendinant LMT remiamą mokslinių tyrimų projektą „Šiuolaikinis moksleivių folkloras“ (Sut. Nr. LIT-4-8).

Loreta Alešiūnaitė
Lietuvos sveikatos mokslų universitetas, Lietuva
Mickevičiaus g. 9, 44307 Kaunas, Lietuva
El. paštas: loreta.a@centras.lt
Moksliniai interesai: kalbos kultūra, specialybės kalba, lietuvių kalbos dėstymas užsieniečiams, sociolingvistika.
Aušrinė Peleckienė
Kauno kolegija, Lietuva
Pramonės pr. 20, 50468 Kaunas, Lietuva
El. paštas: ausrinepe@gmail.com
Moksliniai interesai: specialybės kalba, lietuvių kalbos kultūra ir dokumentų valdymas, sociolingvistika.

BŪDINGIAUSIOS LEKSIKOS KLAIDOS STUDENTŲ KALBOJE: ANALIZĖ IR TAISYMO METODIKA

Paskutiniu metu dažnai kalbama apie studentų kalbos prastėjimą, netikslų tarptautinių žodžių vartojimą, skolinių keliamą pavojų profesinei leksikai. Šiame straipsnyje analizuojamos būdingiausios studentų kalboje pasitaikančios leksikos klaidos. Kiekvieną kalbos negerovę iliustruoja pavyzdžiai, surinkti iš studentų šnekamosios kalbos, įvairių jų raštų, pratybų ir kt. Autorės išnagrinėjo, susistemino ir apibendrino Lietuvos sveikatos mokslų universiteto Odontologijos, Medicinos bei Farmacijos fakultetų II kurso studentų socialiai motyvuotos kalbinės aplinkos problemas, teoriškai jas pagrindė ir logiškai įprasmino, atkreipdamos dėmesį į profesinės kalbos būdingiausių leksikos klaidų (terminų) vartojimą. Buvo apsiribota tik kai kurių terminų vartosenos tyrimu. Straipsnyje patariama, kaip lavinti kalbos įgūdžius, taisyti įvairias leksikos klaidas ir rūpintis jų prevencija.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: profesinė kalba, dalykinis stilius, leksika, leksikologija, terminai, barbarizmai, semantizmai.

„Kalba – kiekvieno mūsų veidrodis. Ilgiau su žmogumi pabendravus, iš kalbos galima spręsti apie jo išsilavinimą, erudiciją, teigiamus ir neigiamus charakterio bruožus, moralę. Kultūringas kalbos vartotojas lygiuojasi į prestižinę kalbą. Prestižinė kalba – siekiamas bendrinės kalbos idealas, tai spaudos, televizijos ir radijo, teatrų, kino, valstybės institucijų kalba“ (Šukys 2006, p. 11). Kalba – kultūros sąlyga, per ją perimama kultūra. Toks teiginys įpareigoja kiekvieną kalbantįjį jausti atsakomybę už kalbos taisyklingumą. Todėl kiekvienas kalbos vartotojas turi stengtis, kad ji būtų švari, taisyklinga, savita (Aliūkaitė, Sideravičiūtė, Irtmonienė 2003, p. 3-4).

Terminu **leksika** kalbotyroje vadinama kurios nors kalbos, taip pat tarmės ar net individo žodžių visuma.

Lingvistikoje skolinių atsiradimo procesą, jų vartojimą analizuoja **leksikologija**. Apie naujuosius svetimžodžius rašo, juos tyrinėja daugelis lietuvių kalbos mokslininkų: J. Girčienė, P. Kniūkšta, R. Misiūnaitė, A. Ryklienė, R. Vaskelienė, L. Vaicekauskienė, D. Mikulėnienė, A. Paulauskienė ir kt. Jie atkreipia dėmesį į neadaptuotų svetimžodžių rašybą, morfologiją, žodžių dėmenų nekaitymą ir kitus nenorminius dalykus. Todėl šiandien ypač aktualus svetimžodžių norminimo strategijos kūrimo poreikis. „Visapusiškesnis svetimžodžių norminimo ir vartosenos vertinimas neįmanomas be sakytinės kalbos tyrimų, kurie galėtų atskleisti gerokai išsamesnį svetimžodžių santykių su lietuvių kalbos sistema vaizdą. Šiandien tokie tyrimai itin aktualūs“ (Vaicekauskienė 2007, p. 224).

Anot kalbininko P. Kniūkštos, „kalbos kultūrai daug žalos padarė pakrikusi vartosenos drausmė. Kai subyrėjo visuomenę ir jos kalbą kaustę varžtai, į viešumą plūstelėjo neprižiūrimos kalbos srautas su visomis spalvomis ir visomis šiukšlėmis (...). Svetimų kalbų įtaka ir savosios kalbos skurdinimas prasideda nuo atskirų žodžių, nuo nevaldomo svetimžodžių plitimo. Toks jų antplūdis į lietuvių kalbą dabar ir yra sustiprėjęs“ (Kniūkšta 1994, p. 1-8).

Kaip teigia R. Lauruškienė ir S. Toropovienė, „dabartinė skolinių gausa yra paaiškinama dviem priežastimis: tai yra tikra iš esmės pasikeitusio gyvenimo *būtinybė* (politinių, ekonominių, ideologinių reiškinių kaita), kita vertus – *amerikonomanija*, kai patrauklios tampa ne tik techninės naujovės, bet ir gyvenimo lygio standartai, elgesio ir bendravimo normos, skonis. Dabar angliški žodžiai išstumia ne tik lietuviškus, bet ir iš kitų kalbų anksčiau pasiskolintus žodžius, kurie sėkmingai buvo pritapę lietuvių kalboje (pavyzdžiui, *sendvičas* vietoje vok. *buterbrodas*; *hitas* vietoje vok. *šlageris*; *animatorius* vietoje pranc. *multiplikatorius* ir t. t.)“ (Lauruškienė, Toropovienė 2008, p. 47-51).

Leksikoje galima išskirti tris grupes žodžių, kurių vartojimo klaidos skiriasi ir kilme, ir pavojingumu. **Barbarizmai** viskuo, išskyrus galūnę, yra nelietuviški, **vertalų** lyg ir viskas lietuviška, bet tiesiog tokio žodžio lietuvių kalboje nėra – jis nukopijuotas iš kitos kalbos, **semantizmai** vartojami kalboje dažnai, bet ne tomis reikšmėmis – klaidingos reikšmės atsiranda perkeliant kitos kalbos atitinkamų žodžių reikšmes į savą kalbą.

Kalbos kultūra – tai kalbos taisyklingumas. Svarbu, kad kiekvienas Lietuvos pilietis vartotų įteisintus žodžius ir normines jų reikšmes, taisyklingus žodžių junginius bei sakinius, nes tai sudaro kalbos kultūros pagrindą. Jokios kalbos grožybės negelbės, jei kalba bus netaisyklinga. Pabrėžtina ir tai, kad taisyklingumas būtinas ir rašytinei, ir sakytinei kalbai.

Kalbos normos nepažeidžiamos, kai kalbėtojas jaučia, kad jis išeina iš bendrinės kalbos ribų, blogiau, kai nejaučia ir nežino lietuviško atitikmens (Paulauskienė 2001, p. 115). J. Girčienė, ištyrusi naujųjų skolinių vartosenos tendencijas sakytinėje kalboje, teigia, kad „skolinių ir lietuviškų variantų pasirinkimui turi įtakos bendravimo aplinka“ (Girčienė 2004, p. 144).

Tai, kad viešoji rašytinė kalba nėra taisyklinga, ypač blogai, nes būtent ši kalbos atmaina daro didžiausią įtaką sakytinei kalbai. J. Lotmano teigimu, „patys kultūros atstovai į tekstus (t. y., rašytinę kalbą) žiūri kaip į neabejotinai teisingus pranešimus“ (Lotman 2004, p. 27).

Kalba, jos kultūra svarbu kiekvienai asmenybei. Tai bendrosios žmogaus kultūros sudėtinė dalis. Turtinga, išlavinta kalba galima tobuliau mąstyti, tiksliau reikšti mintis, perteikti patirtį, todėl aukštasis universitetinis mokslas sąlygoja akademinės bendruomenės pastangas rūpintis studentų galimybėmis patirti tokią akademinio gyvenimo tikrovę, kuri galėtų būti vadinama visapusiška aukšto lygio kultūra (Gudaitytė 2005, p.39).

Daugumos problemų priežastis – valstybinės kalbos nemokėjimas. Taisyklingai lietuviškai mokėti privalo vadovaujantys ir gyventojus aptarnaujantys darbuotojai. Dėl lietuvių kalbos nemokėjimo atsiranda daug įstatymo pažeidimų. Kadangi straipsnyje aptariamos profesinės kalbos negerovės, dėmesį atkreipsime į dalykinį stilių.

Dalykinis stilius yra palyginti pastovi funkcinė kalbos atmaina, tačiau šiame stiliuje galima pastebėti nemažai interferencijos reiškinių. Visuotinai pripažintų normų pažeidimų pirmiausia atsiranda individų kalboje ir yra individualaus pobūdžio, bet ilgainiui jie gali tapti būdingi tam tikrai kalbos vartotojų grupei ar net virsti plačiai paplitusiu reiškiniu. Ypač lengvai interferencija plinta sakytinėje dalykinėje kalboje, nes joje daugiausia dėmesio skiriama informacijai perteikti ir mažiau rūpinamasi kalbos priemonių parinkimu. Rašytinės kalbos savikontrolė yra daug griežtesnė, tačiau ir čia nukrypstama nuo pripažintų normų. Kadangi dalykinio stiliaus tekstus rašo ir šio stiliaus kalba bendrauja įvairių sričių, įvairaus išsilavinimo bei amžiaus žmonės, todėl dažnai nukrypstama nuo dalykinio stiliaus normų, kurias teikia kalbininkai.

Straipsnio **tikslas** – remiantis anketų duomenimis, išanalizuoti ir apibendrinti Lietuvos sveikatos mokslų universiteto Odontologijos, Medicinos, Farmacijos fakultetų II kurso studentų socialiai motyvuotos kalbinės aplinkos problemas, teoriškai jas apibendrinti ir logiškai įprasminti, atkreipti dėmesį į profesinės kalbos būdingiausių leksikos klaidų (terminų) vartojimą.

Tyrimo **objektas** – studentų požiūris į gimtąją kalbą, profesinės leksikos įgūdžių tyrimas, svetimžodžių bei lietuviškų atitikmenų vartojimo palyginimas. Straipsnyje skiriama daugiau dėmesio tik toms profesinės leksikos klaidoms, kurios dėsningai kartojamos; bus apsiribota tik kai kurių terminų (ne)taisyklinga vartosena.

Uždaviniai:

1. Išsiaiškinti, ar studentai jaučia poreikį tobulinti savo gimtąją kalbą.

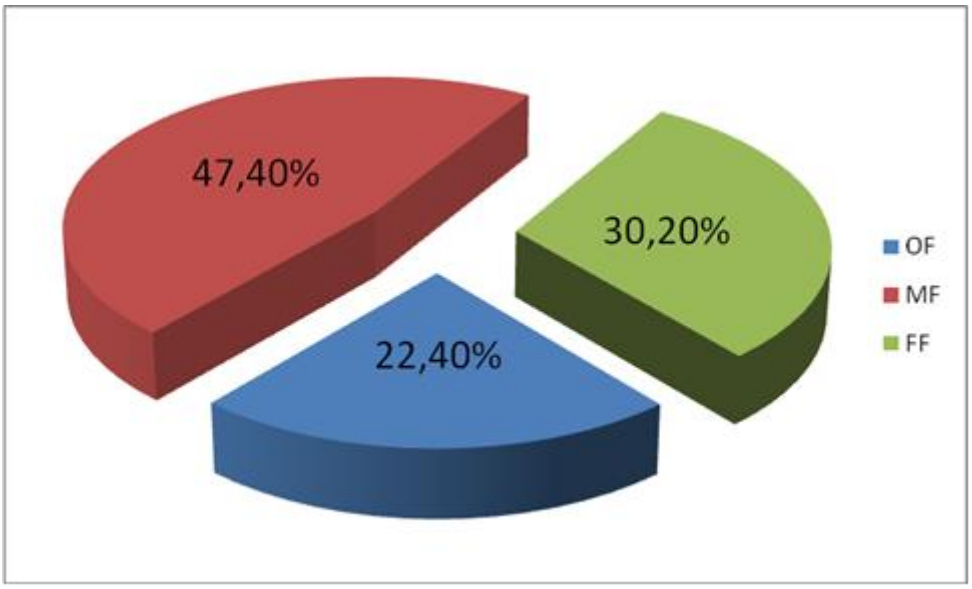
2. Remiantis anketų duomenimis, aptarti studentų požiūrį į lietuvių bendrinės kalbos prestižą ir jos taisyklingumą.

3. Pateikti tyrimo išvadas bei praktinių pasiūlymų, kurie padėtų išvengti kalbos klaidų.

Tyrimui atlikti pasirinkti šie **metodai**: literatūros analizė, apklausa (anketa), kurioje dalyvavo 331 respondentas, stebėjimas (informacijos rinkimas stebint studentų kalbą), teorinis apibendrinimas.

Planuojant tyrimą, buvo svarbu nustatyti reikalingą minimalų respondentų skaičių, kad būtų galima padaryti statistiškai reikšmingas išvadas. Empiriniuose tyrimuose buvo padaryta išankstinė atranka, t. y. parinkta atsitiktinė generalinės aibės elementų dalis, ištirtas nagrinėjamo požymio pasiskirstymas šioje dalyje ir iš jos nuspręsta apie šio požymio pasiskirstymą visoje generalinėje aibėje. Taigi svarbiausia buvo nustatyti imtį, nes ji – sudedamoji tyrimo proceso dalis, kuri atrenkama iš atitinkamos tyrimo visumos.

Tyrime dalyvavo Lietuvos sveikatos mokslų universiteto Odontologijos, Medicinos, Farmacijos fakultetų II kurso studentai, kurie buvo atsitiktinai apklausti ir tirta jų kalba. Imtį sudarė 331 respondentas: 74 (22,4 proc.) Odontologijos fakulteto studentai (toliau – OF), 157 (47,4 proc.) Medicinos fakulteto studentai (toliau – MF) ir 100 (30,2 proc.) Farmacijos fakulteto studentų (toliau – FF).



1 pav. Respondentai (proc.)

Šiam darbui atlikti buvo pasirinktas kiekybinis tyrimas. Atliekant tyrimą, taikytas pagrindinis metodas – anketa, o stebėjimas tik papildė gaunamos informacijos kiekį. Tokiu būdu tyrime gauta informacija yra išsamesnė.

Stebėjimas – informacijos rinkimo metodas, pagrįstas žmonių elgesio, objektų kaitos, įvykių ar procesų raidos fiksavimu. Kitaip nei apklausos tyrimuose, kur naudojamas klausimų ir atsakymų metodas, stebėjimo tyrimas yra sutelktas į fiksavimą to, ką žmonės daro arba į tai, kas vyksta. (Lotman 2004, p. 27). Šiuo atveju buvo stebėtas studentų kalbos taisyklingumas. Per stebėjimo tyrimą respondentai nežinojo, jog yra stebimi ir elgėsi natūraliai, todėl stebėjimo duomenys yra taisyklingesni, geriau atspindintys realią situaciją. Taip buvo fiksuojamas tikras nesuvaidintas apklaustųjų elgesys.

Tyrimo rezultatai ir analizė

Anketoje buvo pateikta 15 specialiai atrinktų terminų. Atrankos kriterijai: vartojimo dažnis ir netaisyklingas šių terminų vartojimas rašytinėje kalboje. Respondentai turėjo pažymėti, kurį

terminą vartoja arba vartotų, nurodyti, ar žino, kuris terminas taisyklingas, o jei renkasi vartoti netaisyklingą terminą, turi nurodyti priežastį.

1 lentelė. Odontologijos fakulteto (OF) II kurso studentų terminų vartosena

Taisyklingas terminas	Vartojimo pasiskirstymas, proc.		Netaisyklingas terminas
Brilianto žaluma	43	57	Zelionka
Nuospauda	61	39	Mozolis
Fizinis tinkamumas	2	98	Fitnesas
Būklė, būsena, savijauta	33	67	Stovis
Priežastis, pasekmė, rezultatas	71	29	Paseka
Ėduonis	54	46	Kariesas
Liesas	95	5	Kūdas
Kontaktiniai lęšiai	29	71	Linzės
Laisvinti	88	12	Liuosinti
Tepalas	92	8	Mostis
Sauskelnės	17	83	Pampersai
Medicininis patikrinimas	83	17	Skryningas
Kaištis	56	44	Štiftas
Varžtis	68	32	Žgutas
Gumbas	49	51	Guzas

2 lentelė. Medicinos fakulteto (MF) II kurso studentų terminų vartosena

Taisyklingas terminas	Vartojimo pasiskirstymas, proc.		Netaisyklingas terminas
Brilianto žaluma	58	42	Zelionka
Nuospauda	66	34	Mozolis
Fizinis tinkamumas	31	69	Fitnesas
Būklė, būsena, savijauta	74	26	Stovis
Priežastis, pasekmė, rezultatas	61	39	Paseka
Ėduonis	53	47	Kariesas
Liesas	42	58	Kūdas
Kontaktiniai lęšiai	35	65	Linzės
Laisvinti	79	21	Liuosinti
Tepalas	84	16	Mostis
Sauskelnės	41	59	Pampersai
Medicininis patikrinimas	77	23	Skryningas
Kaištis	68	32	Štiftas
Varžtis	86	14	Žgutas
Gumbas	59	41	Guzas

3 lentelė. Farmacijos fakulteto (FF) II kurso studentų terminų vartosena

Taisyklingas terminas	Vartojimo pasiskirstymas, proc.		Netaisyklingas terminas
Brilianto žaluma	60	40	Zelionka
Nuospauda	71	29	Mozolis
Fizinis tinkamumas	15	85	Fitnesas

Būklė, būsena, savijauta	62	38	Stovis
Priežastis, pasekmė, rezultatas	66	34	Paseka
Ėduonis	58	42	Kariesas
Liesas	63	37	Kūdas
Kontaktiniai lęšiai	44	56	Linzės
Laisvinti	87	13	Liuosinti
Tepalas	99	1	Mostis
Sauskelnės	32	68	Pampersai
Medicininis patikrinimas	70	30	Skryningas
Kaištis	67	33	Štiftas
Varžtis	74	26	Žgutas
Gumbas	53	47	Guzas

Pagal lietuviškų atitikmenų vartojimo dažnį rezultatai pasiskirstė taip: 61,4 proc. FF studentų vartoja taisyklingus terminus, MF – 60,8 proc., OF – 56,06 proc. Iš pateiktų duomenų galima daryti išvadą, kad daugiau nei pusė (vidurkis = 59,42 proc.) visų apklaustų respondentų vartoja taisyklingą specialybės leksiką ir/arba žino keitimo variantus. Kiekybinį skirtumą tarp fakultetų būtų netikslinga akcentuoti.

Norėdami išvengti lietuvių kalbai nebūdingų žodžių, žodžių junginių bei konstrukcijų, turime analizuoti savo kalbos ir kitų kalbų konstrukcijų panašumus bei skirtumus. Tokia analizė padeda atrinkti tinkamas raiškos priemones.

Barbarizmų medikų kalboje beveik nepasitaikė, nebent šnekamojoje ir neoficialioje rašytinėje kalboje galima buvo išgirsti: *mostis, mostelė (= tepalas, tepaliukas), zelionka (= brilianto žaluma, žaliasa), mozolis (= nuospauda), žgutas (= varžtis) ir kt.*

Pasak kalbininko J. Šukio, „vertiniai kalbą turtina, vertalai ją gadina“ (Šukys 2001, p. 12). Iš pirmo žvilgsnio vertaluose nelietuviškų dalių nėra, bet ir lietuviškų tokių žodžių nėra. Su jais yra labai sunku kovoti, nes jie skamba panašiai kaip ir lietuviški žodžiai, todėl sunkiau taisomi. Raštuose ir šnekamojoje kalboje pavartojami žodžiai: *stovis (= būklė, būsena, savijauta), paseka (= padarinys, pasekmė, rezultatas), daviniai (= duomenys)* ir kt.

Semantizmai profesinėje kalboje sudaro nemažą klaidų bei netikslumų dalį. Be konteksto tokie žodžiai atrodo geri ir gali būti pavartoti kalboje. Klaidų atsiranda tada, kai žodžiams priskiriamos tokios reikšmės, kurių jie neturi. Visuotinai paplitę semantizmai, dažniausiai vartojami buitinėje kalboje, bet jų yra ir dalykinėje leksikoje. Profesinius semantizmus paprastai sudaro žodžių junginiai ar žodžiai, savo reikšme svetimi lietuvių kalbai. Dažnai ne ta reikšme vartojami žodžiai ir jų formos: *nuimti* – neturi reikšmės *malšinti, pašalinti, nutraukti; aštrus* – visiškai tinka apibūdinti skausmui, tačiau nevartotinas vietoj *ūmus, ūminis. Sekantis* – nevartotinas reikšmėmis *šis, toks, taip, tokiu būdu; įvesti* nevartotinas reikšmėmis *įkišti, suleisti, įšvirkšti; naudoti* – labiau tiktų *vartoti, vartojamas,* kada kalbama apie vaistus.

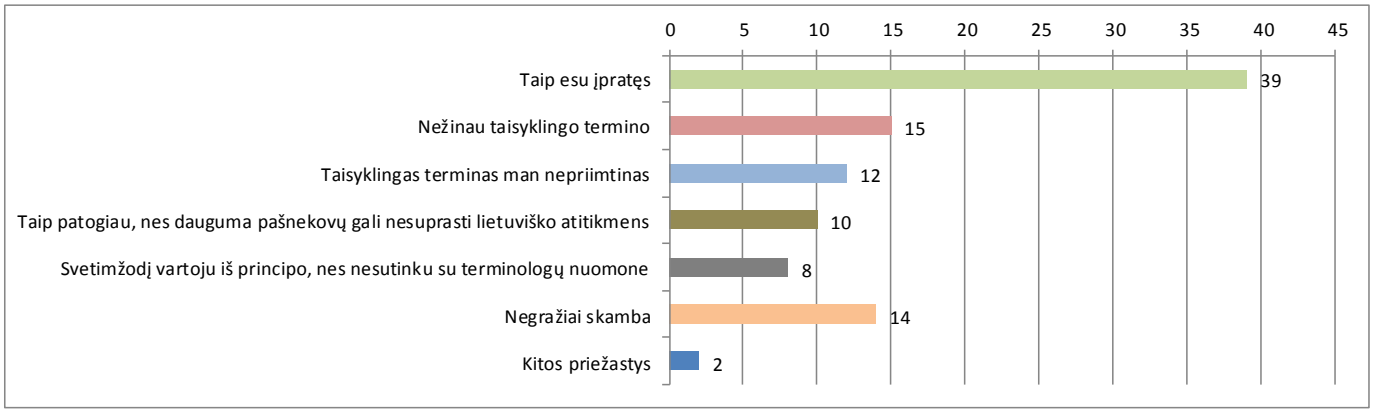
Leksikos klaidų sąrašas būtų netrumpas, bet šiame straipsnyje aptartos tik pačios tipiškiausios klaidos.

Netaisyklingų terminų vartojimo priežastys

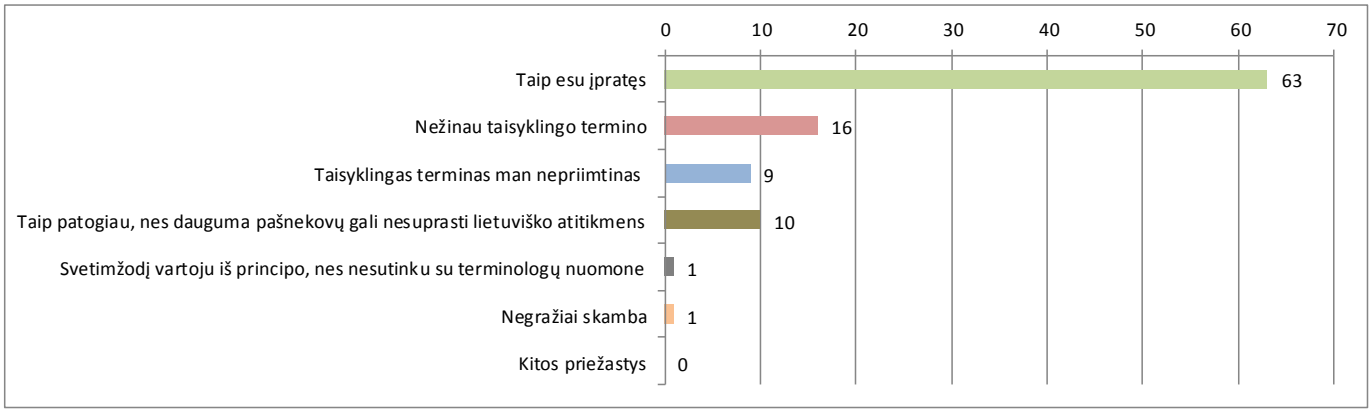
Viena svarbiausių netaisyklingų terminų paplitimo kalboje priežasčių yra norminio atitikmens nežinojimas. Šiuo požiūriu labai svarbi taisyklingų terminų sklaida rašytinėje kalboje. Mokslo literatūroje, žiniasklaidoje, institucijų interneto puslapiuose turėtų būti vartojami tik taisyklingi terminai. Rašytinė kalba turėtų būti pavyzdys sakytinei kalbai.

Nemažai apklaustų OF studentų (52 proc.), MF studentų (61 proc.) bei FF (49 proc.) studentų žino, kad jų vartojami terminai yra netaisyklingi, bet vis tiek renkasi vartoti nenorminį variantą. Anketoje buvo prašoma parašyti, dėl kokių priežasčių studentai vartoja nenorminius žodžius; jie galėjo rinktis pateiktus atsakymus arba parašyti savo variantą. Buvo pateikti šie variantai: taip esu įpratęs; nežinau taisyklingo termino; taisyklingas terminas man nepriimtinas; taip

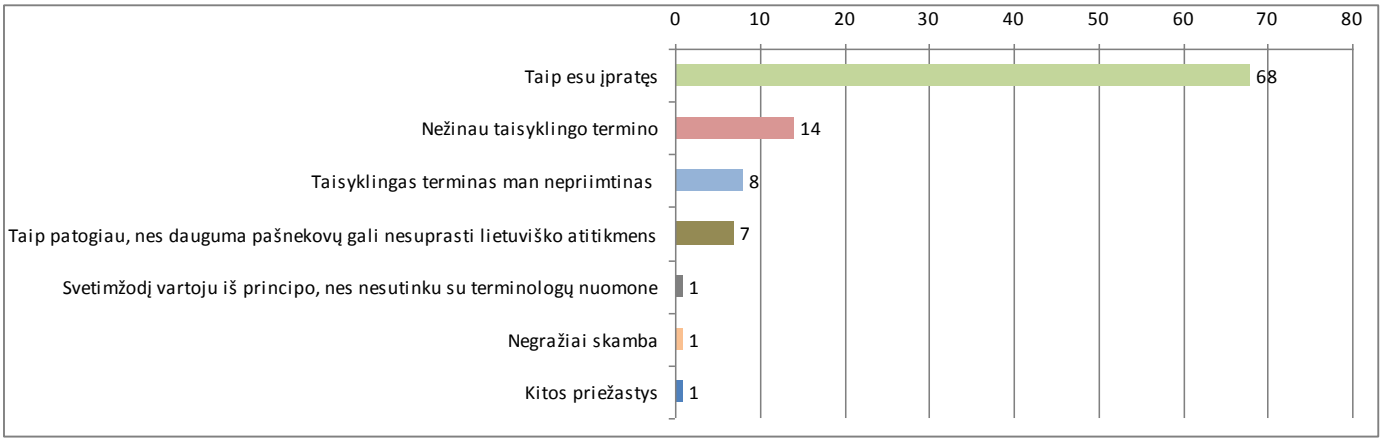
patogiau, nes dauguma pašnekovų gali nesuprasti lietuviško atitikmens; svetimžodį vartoju iš principo, nes nesutinku su terminologų nuomone; negražiai skamba; kitos priežastys. Atsakymai pateikti 2, 3 ir 4 paveiksluose.



2 pav. Odontologijos fakulteto (OF) II kurso studentų netaisyklingų terminų vartojimo priežastys



3 pav. Medicinos fakulteto (MF) II kurso studentų netaisyklingų terminų vartojimo priežastys



4 pav. Farmacijos fakulteto (FF) II kurso studentų netaisyklingų terminų vartojimo priežastys

Dažniausiai iš netaisyklingų terminų vartojimo priežasčių nurodomas toks ekstralingvistinis veiksnys, kaip įprotis: 39 proc. OF studentų, 63 proc. MF studentų ir 68 proc. FF studentų anketoje pateiktus netaisyklingus terminus vartoja, kadangi prie tokių terminų yra įpratę.

Su įpročiu yra susijęs ir patogumo veiksnys – nenorminius terminus vartoja, nes taip jiems patogiau. Apklausos dalyvių, kurie rinkosi šią priežastį, buvo prašoma įvardyti, kodėl jų vartojami nenorminiai terminai yra patogesni. Dažniausi buvo nurodyti tokie argumentai: galimybė lengviau susikalbėti su kolegomis, dėl gražesnio skambesio. Priežastis, kad vartojant netaisyklingus terminus bus sunku susikalbėti su kitais pokalbio dalyviais, yra psichologinio pobūdžio, o patogumo ir įpročio veiksniai glaudžiai susiję su socialine bei kalbine aplinka.

Labai maža dalis respondentų nurodė, jog svetimžodį vartoja iš principo, nes nesutinka su terminologų nuomone: 8 proc. OF studentų, 1 proc. MF studentų ir 1 proc. FF studentų. Toks pasirinkimas gali būti siejamas su studentų sąmoningumu.

Apklausos dalyvių, kurie rinkosi kitas priežastis (šį atsakymą pažymėjo tik 2 proc. OF studentų, ir 1 proc. FF studentų), buvo prašoma jas įvardyti. Dauguma priežasčių – susijusios su jau aptartomis arba labai panašios.

Apibendrinant galima teigti, kad taisyklingos kalbos vartojimas susijęs su sąmoningu apsisprendimu, o iš atsakymų matyti vertinamasis požiūris. Kaip matyti iš apklausos rezultatų, poreikis vartoti taisyklingus terminus yra mažas.

Profesinė kalba yra visos visuomenės kalbos atspindys. Jeigu pati visuomenė nėra išsiugdžiusi viešosios opinijos netoleruoti kalbos darkymo, sunku nuteikti profesijų atstovus kalbėti ir rašyti geriau. Tose šalyse, kur susidarę tvirti įgūdžiai gerbti viešumoje vartojamą kalbą, ten ir skirtingų profesijų žmonės nedrįstų prabilti tokia marga kalba, kaip kartais pasitaiko Lietuvoje. Įsąmoninti kiekvieną žmogų nuolat tobulinti savo kalbą nėra taip lengva, kaip kartais gali atrodyti.

Vien noro taisyti išdarkytą kalbą – šiandien akivaizdu – tikrai nebeužtenka, reikia ir konkrečių darbų. Tie darbai – tai sutvarkyti terminiją, gera kalba rengti ir leisti literatūrą. Tai būtų lyg viršutinė grandis. Apatinėje grandyje būtina įgyvendinti tokią rekomendaciją: netoleruoti nemokšiška kalba parašytų raštų, įpareigoti kiekvieną kalbėti ir rašyti tik taisyklinga, tikslia ir aiškia kalba.

Išvardytos ir aptartos profesinės būsimųjų medikų leksikos klaidos – tai kalbos klaidos, kurių negalima toleruoti, bet reikia griežtai taisyti. Klaidų daro ne tik studentai medikai, bet ir jų dėstytojai, tačiau to negalima pateisinti. Anot kalbininkės R. Misiūnaitės, saugoti žmogaus sveikatą ir žaloti to žmogaus kalbą yra nesuderinami dalykai.

Išvados

1. Lietuvos sveikatos mokslų universiteto Odontologijos, Medicinos, Farmacijos fakultetų II kurso didesnės studentų dalies (apie 60 proc.) kalba terminų vartosenos požiūriu yra taisyklinga.

2. Visų trijų fakultetų apklausos dalyviams dar trūksta vidinės motyvacijos bei poreikio vartoti taisyklingus terminus.

3. Netaisyklingų terminų vartoseną lemia ekstralingvistiniai veiksniai (svetimžodžio paplitimas visuomenėje, įprotis, baimė būti nesuprastiems bendraujant su kitais pokalbio dalyviais, vidinės motyvacijos bei poreikio vartoti lietuviškus atitikmenis stoka).

4. Taisyklingų terminų sklaida turėtų būti aktyvesnė. Taisyklingi terminai turi būti vartojami ne tik specialistams skirtuose leidiniuose bei interneto svetainėse.

5. Būtina siekti, kad į taisyklingą leksiką nebūtų žiūrima kaip į dalyką, kuris reikalingas tik per profesinės kalbos kultūros pratybas. Labai svarbu, kad visų studijų metu studentai girdėtų tik norminę bendrinę kalbą ir būtų skatinami tokią kalbą vartoti patys. Į vartojamos kalbos taisyklingumą turėtų būti atsižvelgiama, vertinant visų dalykų žinias. Tik tada per pratybas gauti taisyklingos leksikos pagrindai virs taisyklingos kalbos vartojimo įgūdžiais.

LITERATŪRA

ALIŪKAITĖ, D., SIDERAVIČIŪTĖ, I., IRTMONIENĖ, G., 2003. *Vyresniųjų klasių moksleivių ir studentų požiūris į informatikos terminų vartojimą*. Ugdymas. 3, p. 3-10.

GIRČIENĖ, J., 2004. *Naujųjų skolinių ir jų atitikmenų konkurencija sakytinėje vartosenoje: Skoliniai ir bendrinė lietuvių kalba*. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla.

GUDAITYTĖ, D., 2005. *Liberalusis ugdymas ir asmenybės vystymo galimybės universitetinėse studijose :dėstytojo požiūris. Kalbų studijos aukštojoje mokykloje*. KMU. p. 38-42.

KNIŪKŠTA, P., 1994. Nauji svetimybių pavojai. *Gimtoji kalba*. Nr.6, p.1-8.

LAURUŠKIENĖ, R., TOROPOVIENĖ, S., 2008. Šiaulių kolegijos studentų požiūrio į anglų kalbos skolinių vartojimą tyrimas. *Jaunųjų mokslininkų darbai.* Nr.4 (20). p. 47-51.

LOTMAN, J., 2004. *Kultūros semiotika: straipsnių rinktinė*. Vilnius: Baltos lankos.

PAULAUSKIENĖ, A., 2001. *Lietuvių kalbos kultūra*. Kaunas: Kauno technologijos universitetas.

ŠUKYS, J., 2006. *Kalbos kultūra visiems*. Kaunas: Šviesa.

ŠUKYS, J., 2001. *Lietuvių kalba. Kalbos kultūra.* Vadovėlis XI klasei. Kaunas: Šviesa.

VAICEKAUSKIENĖ, L., 2007. *Naujieji lietuvių kalbos svetimžodžiai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

Loreta Alešiūnaitė
Lithuanian University of Health Sciences
Research interests: language culture, specialty language, teaching Lithuanian to foreign students, and sociolinguistics.
Aušrinė Peleckienė
Kaunas University of Applied Sciences
Research interests: specialty language, Lithuanian language culture and document management, and sociolinguistics.

THE MOST CHARACTERISTIC LEXICAL ERRORS IN STUDENTS' LANGUAGE: ANALYSIS AND CORRECTION TECHNIQUES

Summary

Currently, worsening of students' language, incorrect use of international words, and the danger the loanwords pose to the occupational vocabulary have become common topics of discussion. This article analyzes the most common lexical errors that occur in students' language. Each error is illustrated by examples obtained from students' spoken language, their written assignments, etc. The authors analyzed, systematized, and generalized issues in the socially motivated linguistic environment of 2nd-year students of the Faculties of Odontology, Medicine, and Pharmacy at Lithuanian University of Health Sciences. The authors not only presented a theoretical generalization of the aforementioned issues, but also provided their logical background, pointing out the most common lexical (terminology) errors in occupational language. The study included only a limited number of cases of term use. In the article the authors provide advice on how to develop language skills, how to correct various lexical errors, and how to prevent them.

KEY WORDS: occupational language, constructive style, vocabulary, lexicology, term, barbarisms, semantisms.

Virginija Jūratė Pukevičiūtė
VU Užsienio kalbų institutas, Vokiečių kalbos katedra, Lietuva
Universiteto g. 5, Vilnius, Lietuva
El. paštas: virginija.jura@gmail.com
Moksliniai interesai: užsienio kalbų didaktika, mokymosi mokytis kompetencija

ĮSIMINIMO STRATEGIJŲ TAIKYMAS MOKANTIS UŽSIENIO KALBŲ: UGDYMO PROJEKTO ATVEJIS

Straipsnyje yra aptariamos įsiminimo strategijos, kurios gali daryti teigiamą poveikį mokymuisi ir optimizuoti mokomosios medžiagos įsiminimą ir jos įtvirtinimą. Įvairiais laikais mokslininkai domėjosi informacijos įsiminimu ir išsaugojimu atmintyje, ieškojo būdų, metodų, kurie galėtų palengvinti ir pagreitinti išmokimą. Todėl buvo parengtos penkios mokymosi strategijos ir išbandytos ugdymo projekto metu.

Tyrimo analizė parodė, kad tyrimo dalyviams labiausiai patiko rengti žodžių kartoteką, šią strategiją išbandė ir naudojosi mokydamiesi visi projekto dalyviai. Daugiau nei pusė mokinių ir studentų teigiamai vertino mokymąsi atsipalaidavus ir šiek tiek mažiau tvirtino, kad mėgsta mokytis prieš miegą, nes tai jiems tinka.

Žinių įgijimo procesai kiekvienam individui yra skirtingi, todėl mokantis kalbų yra rekomenduojamos įvairios kalbos vartojimo ir įsiminimo strategijos.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: įsiminimo strategijos, pedagoginis eksperimentas, mokiniai, studentai, užsienio kalbos mokymasis.

Mokantis užsienio kalbų, kognityvūs procesai, užtikrinantys informacijos atradimą, jos apdorojimą, išsaugojimą atmintyje ir atgaminimą, ilgą laiką buvo priskiriami prie svarbiausių mokantis ir išmokstant. Šiuolaikiniai tyrimai taip pat akcentuoja kognityvaus lygmens reikšmingumą ir nurodo jo svarbą tarp kitų esminių mokymo(si) proceso sudedamųjų dalių. Informacijos įsiminimu, išsaugojimu atmintyje domėtasi įvairiais laikais, ieškota būdų, metodų, palengvinančių ir pagreitinančių išmokimą. Užsienio mokslininkai G. Lozanovas (1978), K. Tapperweinas (1998), S. Leitneris (1998), P. Bimmelis ir U. Rampillon (2004), V. Birkenbihl (2005), C. Koppensteiner (2005) pateikė lengvinančių ir greitinančių išmokimą mokslo darbų, padedančių įvairinti kiekvieno besimokančiojo individualų mokymosi procesą, teikiančių naujų būdų, metodų pasirinkimo galimybių prisitaikant juos pagal mokymosi stilių, tipą. T. Buzanas (1971, 1984, 1986) nustatė, kad smegenys žinias išsaugoja asociacijų ir sąsajų forma, todėl strategijos, stimuliuojančios dešinįjį ir kairįjį smegenų pusrutulius, padeda veiksmingai įsiminti informaciją ir optimaliai išnaudoti smegenų galias.

Mokymosi strategijų ir efektyvaus išmokimo problemos mokantis užsienio kalbų domina ir Lietuvos mokslininkus. N. Mačianskienė (2004) atliko teorinį ir empirinį studentų mokymosi strategijų tyrimą, D. Jatautaitė (2005) analizavo intensyvius metodus mokant anglų kalbos karius ir įrodė netradicinių metodų veiksmingumą lavinant atmintį, greitinant žodžių išmokimą. G. Ilčiukienė (2008) tyrinėjo kalbos ir muzikos sąsajas bei pabrėžė muzikos elementų (dainelių, ritminių skanduočių) poveikį užsienio kalbų mokymuisi pradinėse klasėse. V. J. Pukevičiūtė (2010) analizavo mokinių ir studentų požiūrį į įsiminimo strategijas ir akcentavo, kad besimokantieji pirmenybę teikia tradicinėms strategijoms, dominuoja įprasti mokymosi būdai.

Mokslininkai (Dubs 1995; Mandl, Krause 2001; Wolff 2002; Teresevičienė ir kt. 2004, Pukevičiūtė 2009 ir kt.), grindžiantys mokymąsi konstruktyvizmu, pabrėžia, kad kiekvienas besimokantysis yra individualus, todėl tikėtina, jog veiksmingų rezultatų galima pasiekti skirtingomis mokymosi strategijomis. Remiantis V. J. Pukevičiūtės (2010) tyrimu, mokiniams ir studentams stinga mokymosi strategijų įvairovės. Šį teiginį patvirtino ir kai kurių ugdymo projekto dalyvių pasisakymai: „... nusibodo „kalti“, mokytis atmintinai...“. Vadinasi, dar giliai įsišakniję tradicinio ir ne visuomet geriausio mokymosi įpročiai, nors jokiu būdu čia nesistengiama teigti, kad tradiciniai būdai yra blogi, o nauji – geri. Straipsnio autorės manymu, būtina įvairinti mokymą(si)

siūlant mokiniams ir studentams skirtingas mokymosi strategijas ir sudarant sąlygas patiems pasirinkti tinkamiausias.

Vadinasi, tyrimo **problemą** būtų galima išreikšti klausimais, *kaip vertina vyresniųjų klasių mokiniai ir pirmo kurso studentai įsiminimo strategijas, taikytas ugdymo projekto metu, ir kaip jiems pavyksta pasirinkti veiksmingiausias*?

Tyrimo objektas – mokinių ir studentų įsiminimo strategijų taikymas.

Tyrimo tikslas – išbandyti įsiminimo strategijas, palengvinančias užsienio kalbos mokymąsi.

Tyrimo uždaviniai: 1) išryškinti informacijos įsiminimo ypatumus; 2) charakterizuoti ugdymo projekto metu taikytas įsiminimo strategijas; 3) atskleisti respondentų požiūrį į įsiminimo strategijas, išbandytas ugdymo projekto metu.

Tyrimo **metodologija**. Tyrimas grindžiamas konstruktyvistiniu požiūriu į mokymąsi, kuris traktuojamas kaip aktyvus, savireguliuojantis, konstruktyvus, socialinis, nuo situacijos priklausantis bei patirtimi paremtas procesas.

Tyrime taikyta:

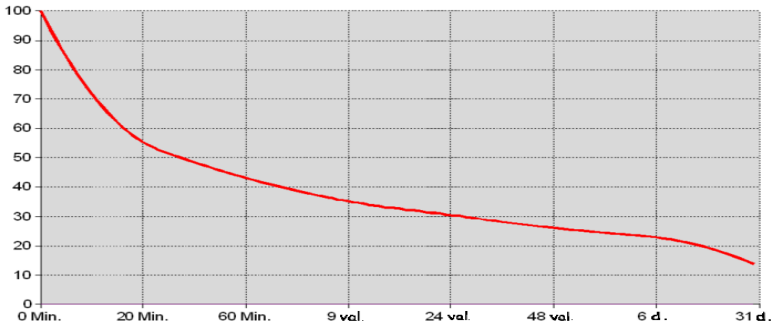
- Mokslinės literatūros šaltinių lyginamoji analizė, interpretavimas, išvadų formulavimas.
- Kokybinio tyrimo metodas, t. y. ugdymo projektas, kuriuo siekta sudominti mokinius ir studentus mokymosi procesu, žadinti poreikį išmokti veiksmingai mokytis; padėti projekto dalyviams pažinti savo psichines galias (atminties, mąstymo tipą), nusistatyti mokymosi stilių; supažindinti su mokymosi strategijų įvairove, išryškinti jų galimą poveikį mokymuisi; pagelbėti individualiai pasirinkti ir taikyti strategijas, palengvinančias užsienio kalbos mokymąsi;
- *Statistinės analizės metodai*: aprašomosios statistikos *procentiniai dažniai*.

Ugdymo projektas buvo *vykdomas* dviem etapais. Jis pradėtas 2007 m. rugsėjo 4 d. Vilniaus universitete ir baigtas tų pačių metų gruodžio 22 d., t. y. visą semestrą. Jį vykdė šio darbo autorė. 2008 m. sausio 22 d. ugdymo projektas pradėtas vykdyti Vilniaus „Ryto“ ir M. Daukšos vidurinėje mokykloje ir tęsėsi iki 2008 m. birželio 19 d. Jį įgyvendino šių mokyklų vokiečių kalbos mokytojos, konsultuojamos straipsnio autorės.

Ugdymo projekte dalyvavo 53 asmenys. Remiantis tyrimo duomenimis, daugiausia projekto dalyvių sudarė 19 (35,8 proc.) VU Gamtos fakulteto ir 10 (18,9 proc.) Filologijos fakulteto studentų, o mokykloms atstovavo 14 mokinių (26,4 proc.) iš „Ryto“ vidurinės mokyklos ir 10 mokinių (18,9 proc.) iš M. Daukšos vidurinės mokyklos.

Veiksmingo informacijos įsiminimo ypatumai

Jau XIX a. pabaigoje vokiečių psichologas H. Ebbinghausas, tirdamas žmogaus atminties ypatumus, nustatė, kiek laiko žmogus išsaugoja atmintyje naujai išmoktą medžiagą ir kiek procentų tos medžiagos per tam tikrus laiko tarpus jis užmiršta (1 paveikslas).

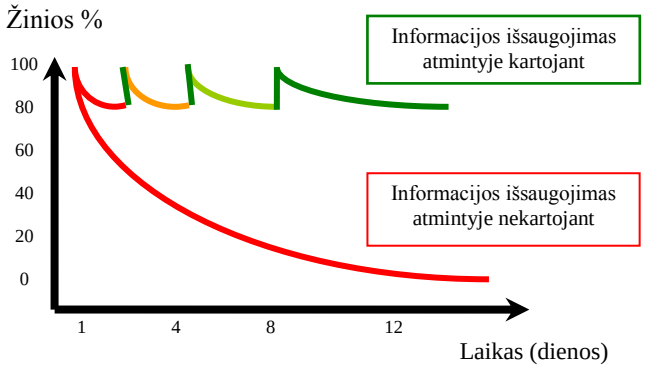


1 pav. H. Ebbinghauso užmiršimo kreivė (Kimble ir kt., 1998, p. 57)

Iš paveikslo matyti, kad praėjus 20 min. po mokymosi pamirštama beveik 40 proc. išmoktos medžiagos, po valandos besimokantysis išsaugoja atmintyje tik apie 45 proc., po dienos atmintyje išlieka tik 30 proc., po šešių dienų paprastai prisimenama tik 23 proc., o po mėnesio atmintyje

belieka tik 15 proc. to, ko mokytasi. H. Ebbinghausas eksperimentavo su prasmės neturinčiais skiemenimis. Todėl savaime suprantama, kad ne visa informacija vienodai greitai užmirštama, tai priklauso nuo įvairių dalykų, spartinančių ar lėtinančių įsiminimą: nuo mokomosios medžiagos pobūdžio, mokymosi aplinkos, besimokančiojo emocinės būsenos ir kt. Ši informacija buvo pateikta projekto metu mokiniams ir studentams kaip iliustracija, kad užmiršimas yra natūralus dalykas, todėl nereikia baimintis, jeigu nepavyksta visą norimą informaciją išsaugoti atmintyje. Tačiau reikia ieškoti strategijų, pagreitinančių ir palengvinančių mokomosios medžiagos išmokimą ir jos įtvirtinimą.

G. Petty (2006) nuomone, atsiminimas priklauso nuo dažnumo ir naujumo, todėl tai, ką kartojame, išlieka atmintyje ilgiau, ką tyrimais patvirtino H. Ebbinghausas, teigdamas, kad per tą patį laiko tarpą užmirštama 33 proc., o be kartojimo – 64 proc. mokomosios medžiagos. Nustatyti ryškūs įsiminimo skirtumai (2 paveikslas) *be kartojimo* ir *kartojant mokomąją medžiagą tam tikrais intervalais*.



2 pav. Užmiršimo kreivė be naujos medžiagos kartojimo ir ją kartojant tam tikrais intervalais (Dildey, 2003, p. 24)

Remiantis šiomis žiniomis, **projekto dalyviams buvo rekomenduojama naujai išmoktą medžiagą pakartoti** pirmą, trečią, septintą dieną, po dviejų savaičių ir galiausiai po 28 dienų, kuomet informacija bus išsaugojama ilgalaikėje atmintyje. Be to, supažindinta su efektyvesniu mokymosi laiko panaudojimu. Kasdien mokiniams ir studentams siūloma mokytis ne daugiau kaip keturias valandas, mokymosi laiką skirti į dvi dalis, tarp kurių turėtų būti vienos ar dviejų valandų laiko tarpas atsipalaiduoti. Taip pat rekomenduojama maždaug po 30 minučių intensyvaus mokymosi daryti 5 min. arba po 45 min. daryti 10 min. pertraukėles, nutolti mintimis nuo mokomosios medžiagos, o po to vėl uoliai imtis darbo. Pertraukėlės priklauso mokymosi procesui, nes jos palengvina smegenims apdoroti naują informaciją ir taip pagerinti mokymąsi.

Ugdymo projekto metu taikytų įsiminimo strategijų charakteristika

Taikant mokslininkų (Lozanov 1978; Leitner 1998; Tapperwein 1998; Jensen 1999; Spitzer 2002; Birkenbihl 2005) parengtas ir aprašytas metodikas, projekto metu mokiniams ir studentams buvo pasiūlytos 5 mokomosios medžiagos įsiminimą pagreitinančios strategijos po du variantus, t. y. projekto dalyviai turėjo galimybę patys pasirinkti medžiagą, kurią reikia išmokti, arba pasinaudoti pedagogo paruošta:

(1) **užsienio kalbos žodžių, žodžių grupių kartotekos rengimas** (Leitner 1998, p. 62);
(2) **mokymasis įrašant mokomąją medžiagą į laikmeną** (Birkenbihl 2005, p. 228–234);
(3) **mokymasis prieš užmiegant (optimalaus mokymosi laiko pasirinkimas)** (Tapperwein 1998, p. 126);
(4) **mokymosi „supermetodas“ (mokymasis atsipalaidavus)** (Lozanov 1978, p. 16–19);
(5) **mokymosi miegant strategija** (Tapperwein 1998, p. 123; Spitzer 2002, p. 123).

Projekto metu šios strategijos buvo pristatytos mokiniams ir studentams, paaiškinta informacijos priėmimo, mokomosios medžiagos kartojimo galimybės, atskleisti kiekvienos strategijos pripažinti privalumai ir pavojai bei išmokimo pasitikrinimo kontrolės formos.

Siekdami išbandyti šias strategijas, kiekvieną savaitę mokiniai ir studentai bandė įsiminti apie 20 mokomosios temos žodžių ar žodžių grupių taikant minėtas strategijas. Projekto dalyviai turėjo galimybę *patys pasirinkti įsimintinus žodžius ir žodžių grupes* (1 variantas) arba juos galėjo *rekomenduoti pedagogas* (2 variantas). Reikia pažymėti, kad visi mokiniai išreiškė norą individualiai atsirinkti, jų nuomone, svarbius žodžius, tinkamus išmokti, o tarp studentų buvo kitaip. *Vienos grupės studentai* (13 asmenų) teigė norintys gauti išmoktinų žodžių ar žodžių grupių sąrašą, nes manė, kad dėstytojas jiems tiksliau parinks reikiamą žodyną. Iš pirmo žvilgsnio galima būtų manyti, jog šios grupės studentai nenori patys rinktis ir persirašinėti šios mokomosios medžiagos, tačiau dirbant išryškėjo, kad jie kruopščiai rengė mokomosios medžiagos kartoteką, nors visa semestro medžiaga buvo atspausdinta kompiuteriu ir išdalyta. Paklausus studentų, kodėl jie tuos žodžius perrašinėja, vieni sakė: „Kai pasirašau, tai beveik ir įsimenu“, kiti minėjo: „Sava ranka parašytą tekstą geriau įsisavinu“, treti teigė: „Lengviau įsimenu medžiagą, kai užsirašau, balsu perskaitau, po to dar išgirstu ir draugą tariant“, o vienas studentas net pabrėžė, kad nenori pasirodyti nieko neveikiantis.

Kitos grupės mokiniai ir studentai (40 asmenų) savarankiškai rinkosi žodžius ir žodžių grupes atsiskaitymams. Pabrėžtina, kad pasirenkama studentų medžiaga buvo nelengva, atsakinėjant matėsi dedamos jų pastangos, nes pirmą kartą dažnai nepavykdavo puikiai įsiminti ir disponuoti nauja mokomąja medžiaga. Projekto dalyviai siekė kuo geriau atsakyti, o pasitikrinę savo žodžių ar žodžių grupių išmokimą tiriamieji keitėsi kortelėmis su kitais grupės nariais norėdami pasitikrinti savo žinias, nors ir nebuvo pedagogo raginami to daryti. Akivaizdu, kad mokomosios medžiagos kartotekos rengimas patiko mokiniams ir studentams, nes neteko pastebėti tiriamųjų nenoro dirbti. Net jeigu kartais tyrimo dalyviai pamiršdavo parengti korteles individualiai, tai prašydavo kortelių kitų grupės narių ir dirbdavo su jomis.

Be mokomosios medžiagos kartotekos rengimo pratybų metu buvo išbandomos ir kitos strategijos. Atliekant užduotis, reikalaujančias susikaupimo (skaitomo teksto supratimas, gramatinių pratimų atlikimas, žodžių kartojimas ir t. t.), kartą per savaitę (apie 10–15 min.) buvo klausomasi atpalaiduojančios muzikos, rekomenduojamos G. Lozanovo (1978), K. Tapperweino (1998), E. Jenseno (1999). Išanalizavus su mokiniais ir studentais penkių, jau pristatytų mokymosi strategijų, palengvinančių užsienio kalbos mokymąs,i ypatumus ir jas išbandžius, aptarus kiekvienos strategijos privalumus ir trūkumus, projekto dalyviai apsisprendė, pagal kurią mokymosi strategiją ar kelias strategijas norėtų mokytis toliau.

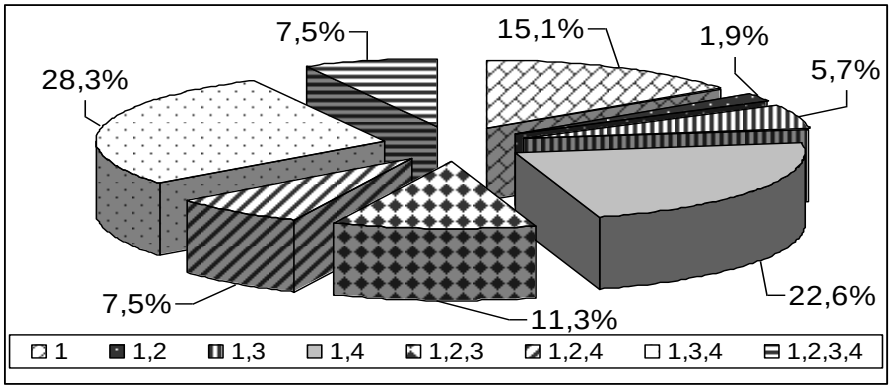
Be šių penkių strategijų, palengvinančių mokomosios medžiagos įsiminimą, kalbos vartojimo įgūdžių lavinimui buvo taikomos dar kelios efektyvaus žodžių kartojimo, skaitomo ar klausomo teksto supratimo strategijos: *minčių žemėlapių braižymo, minčių lietaus ir ABC strategijos*. Juos pasitelkus, galima pasikartoti, struktūruoti, sisteminti tam tikros temos žodyną, sudaryti skaitomo ar klausomo teksto planą. Įrodyta (Buzan 1971, p. 47-51; Buzan 1984, p. 106-116; Buzan 1986, p. 66), kad taip išdėstyta mokomoji medžiaga geriau įsimenama, be to, galima dirbti poromis ir grupėje, užrašinėti žodžius lentoje.

Respondentų požiūris į įsiminimo strategijas, išbandytas ugdymo projekto metu

Analizuojant ugdymo projekto duomenis, paaiškėjo, kad mokomosios medžiagos kartotekos rengimo strategija tapo pačia populiariausia, kurią išbandė ir naudojosi mokydamiesi *visi* projekto dalyviai, be to, daugiau nei pusė mokinių ir studentų (65,9 proc.) teigiamai vertino *mokymąsi atsipalaidavus* ir šiek tiek mažiau (52,8 proc.) tvirtino, jog mėgsta mokytis prieš miegą, nes ši strategija jiems tinka ar ja naudojosi jau ir anksčiau. Minėtinas ir projekte dalyvavusiųjų noras išbandyti naujas strategijas, todėl beveik trečdalis mokinių ir studentų (28,2 proc.) mokydamiesi įrašydavo mokomąją medžiagą į laikmeną ir klausydavosi. Tai, matyt, liudija apie šių

besimokančiųjų girdimąją atmintį. Akivaizdu, kad penktoji mokymosi strategija, t. y. *mokymasis miegant*, pasirodė per daug problemiška, nes nė vienas projekto dalyvis jos neišbandė, nors mokinių ir studentų susidomėjimas šia neįprasta strategija buvo didelis. Pastebėta, kad beveik trečdalis tiriamųjų (28,3 proc.) tiki jos galimybėmis ir perspektyvomis, bet vis tiek ji atrodė nerealiai, nes dauguma studentų gyvena bendrabutyje ir neturi sąlygų tokiems bandymams.

Ugdymo projekto metu respondentai rinkosi įvairias mokymosi strategijas (3 paveikslas).

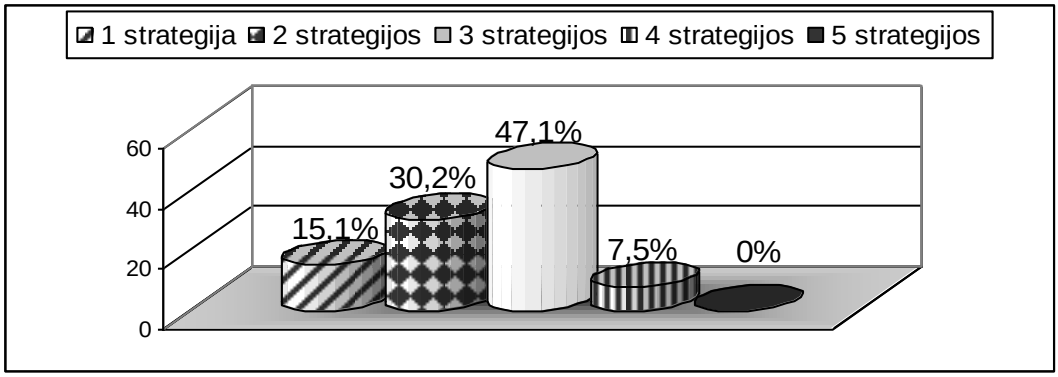


3 pav. Mokymosi strategijų, naudotų projekto metu, skirstinys

1. Užsienio kalbos žodžių, žodžių grupių kartotekos rengimas, 2. Mokymasis įrašant mokomąją medžiagą į laikmeną, 3. Mokymasis prieš užmiegant (optimalaus mokymosi laiko pasirinkimas), 4. Mokymosi „supermetodas“ (mokymasis atsipalaidavus), 5. Mokymosi miegant strategija

Iš 3 paveikslo duomenų matyti, kad dominuoja *užsienio kalbos žodžių, žodžių grupių kartotekos rengimo* strategija. Be to, mokiniai ir studentai naudojo *mokymosi prieš užmiegant* ir *mokymosi atsipalaidavus* strategijas. Akivaizdu, jog beveik trečdalis (28,3 proc.) rinkosi šias tris strategijas. Daugiau nei penktadalis tiriamųjų (22,6 proc.) rengė *užsienio kalbos žodžių, žodžių grupių kartoteką* ir taikė G. Lozanovo *„supermetodą“*: mokydamiesi bandė atsipalaiduoti ir tokiu būdu susikoncentruoti mokomajam dalykui.

Kaip mokiniai ir studentai taikė įsiminimo strategijas, atskleidžia 4 paveikslas.



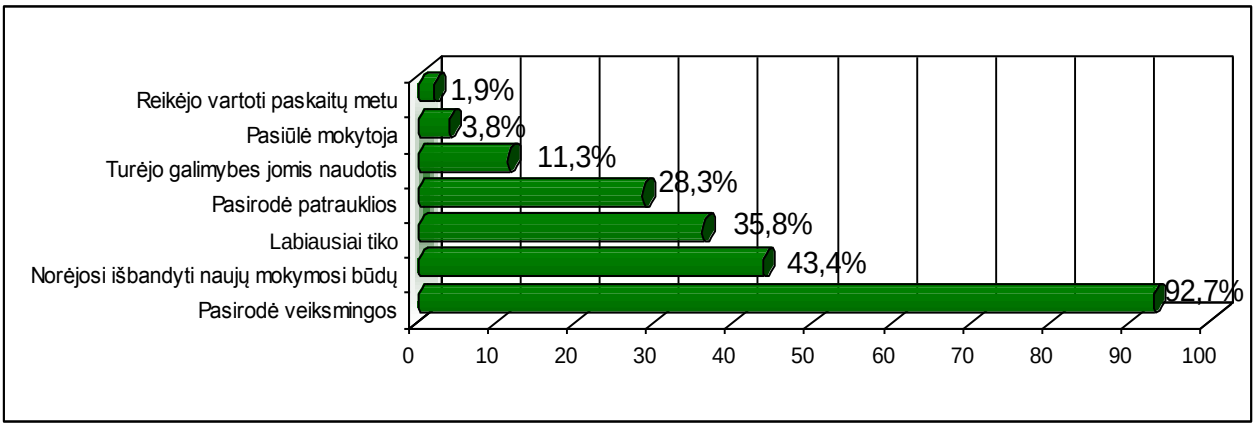
4 pav. Įsiminimo strategijų, kurias naudojo projekto metu mokiniai ir studentai, sklaida

Paveikslas rodo, kad beveik pusė tyrimo dalyvių (47,1 proc.) mokydamiesi nuolat naudojo net *tris*, trečdalis (30,2 proc.) pasirinko po *dvi* strategijas, o beveik dešimtadalis tiriamųjų (7,5 proc.) įžvelgė keturių strategijų svarbą sau ir sėkmingai jas taikė. Tai rodo, kad dažniausiai mokantis nepakanka vienos strategijos, o geriausi rezultatai pasiekiami derinant jas tarpusavyje, nes viena strategija papildo kitą, užtikrina jos efektyvų veikimą.

Paaiškėjo įsiminimo strategijų naudingumas projekto dalyviams, nes beveik visi teigė, kad mielai patartų jas išbandyti ir kitiems besimokantiesiems. Tik viena studentė (Nr. 29) nežinojo, ar rekomenduotų jas kitiems, nes jos nuomone, „kiekvienam žmogui tinka skirtingi mokymosi būdai“,

kita vertus, pačiai pateiktos strategijos padėjo, nes pavyko geriau įsiminti naujus sudėtingus žodžius. Galima manyti, respondentė apskritai nemėgsta patarti kitiems.

Aiškinantis priežastis, skatinančias pasirinkti vieną ar kitą strategiją, išryškėjo tam tikros tendencijos (5 pav.).



5 pav. Įsiminimo strategijų mokantis pasirinkimo skirstinys

Iš 5 paveikslo duomenų matyti, kad didžiulei daugumai (92,7 proc.) mokinių ir studentų šios strategijos pasirodė *veiksmingos*, daugiau nei trečdalis (35,8 proc.) nurodė šių strategijų *tinkamumą* jiems, o šiek tiek mažiau tiriamųjų (28,3 proc.) pabrėžė įdomumą, neįprastumą. Viena studentė (1,9 proc.) rašė, jog pasirinko mokomosios kartotekos rengimo strategiją, nes norėjo geriau atsiskaityti ir galėjo veiksmingiau įsiminti žodžius. Be to, mokantis kalbų kitiems taip pat rekomenduotų pasirinkti mokomąsias korteles, kurias rengiant ir naudojant, nauji žodžiai ir žodžių junginiai lengvai išmokstami.

Reikėtų pažymėti, kad beveik pusė projekte dalyvaujančiųjų (43,4 proc.) norėjo išbandyti mokydamiesi kažką naujo, gal net neįprasto. Šis tvirtinimas paliudijo diagnostinio tyrimo rezultatus, kurie atskleidė vyraujantį tradicinių mokymosi strategijų naudojimą tiek mokykloje, tiek universitete. Savaime suprantama, autorė nemano, kad mokantis nėra nei gerų naujų, nei blogų senų būdų. Šiuo atveju galima kalbėti tik apie netinkamą vienos ar kitos priemonės naudojimą. Remiantis konstruktyvistiniu požiūriu į mokymą(si), svarbu atsižvelgti į besimokančiųjų asmeninių galių, kognityvių mokymosi stilių įvairovę, todėl ir mokantis, autorės giliu įsitikinimu, turėtų vyrauti daug visokių mokymosi strategijų.

Išvados

- Mokantis svarbų vaidmenį vaidina kognityvūs procesai, o ypač individo gebėjimai lengvai ir greitai įsiminti mokomąją medžiagą: naujus žodžius, žodžių derinius, gramatikos taisykles. Buvo parengtos penkios mokymosi strategijos, galinčios daryti teigiamą poveikį mokymuisi ir optimizuoti mokomosios medžiagos įsiminimą ir jos įtvirtinimą.
- Tyrimo rezultatai atskleidė, kad mokiniai ir studentai domėjosi pateiktomis strategijomis, noriai jas bandė ir vėliau sėkmingai taikė mokydamiesi. Dažniausiai tiriamieji rinkosi *užsienio kalbos žodžių, žodžių grupių kartotekos rengimo, mokymosi prieš užmiegant ir mokymosi atsipalaidavus* strategijas, kurias paprastai derino norėdami užtikrinti savo pasiekimus.
- Po projekto išsiplėtė mokinių ir studentų mokymosi strategijų laukas, nes beveik pusė (47,1 proc.) taikė ne vieną, o tris strategijas. Daugumai (92,7 proc.) tiriamųjų jos atrodė veiksmingos, daug laiko ir jėgų sąnaudų nereikalaujančios bei įdomios. Rinktis vieną ar kitą strategiją projekto dalyvius skatino noras išbandyti mokymosi būdus, kurių anksčiau nebandė ar apie juos negirdėjo.
- Akivaizdu, kad žinių įgijimo procesai kiekvienam besimokančiajam skirtingi, remiasi įvairiomis asmeninėmis patirtimis. Todėl mokantis kalbų rekomenduojamos įvairios kalbos vartojimo ir įsiminimo strategijos.

LITERATŪRA

BIMMEL, P., RAMPILLON, U., 2004. *Lernerautonomie und Lernstrategien*. Fernstudieneinheit 23. Berlin: Langenscheidt.

BIRKENBIHL, W. F., 2005. *Stroh im Kopf?: Vom Gehirn-Besitzer zum Gehirn-Benutzer*. 45.-Aufl. Offenbach: GABAL.

BUZAN, T., 1971. *Speed Memory*. London: Sphere books limited.

BUZAN, T., 1984. *Use Your Head*. London: Guil Publishing.

BUZAN, T., 1986. *Use Your Memory*. London: Guil Publishing.

DILDEY, J., 2003. *Lerntechniken und Gedächtnistraining*. Schmitt u. Partner. Prieiga per internetą: *www.sup-wuerzburg.de/education_media/concepts.asp (žiūrėta: 2010.10.25*)

DUBS, R., 1995. Konstruktivismus: Einige Überlegungen aus der Sicht der Unterrichtsgestaltung. *Zeitschrift für Pädagogik*, S. 889–903.

ILČIUKIENĖ, G., 2008. *Muzikos elementų naudojimas mokant anglų kalbos pradiniame etape*. Daktaro disertacija. Vilnius: VPU.

JATAUTAITĖ, D., 2005. *Intensyvus Lietuvos karių standartinio anglų kalbos kurso mokymas*. Daktaro disertacija. Vilnius: VU.

JENSEN, E., 1999. *Tobulas mokymas*. Vilnius: AB OVO.

KIMBLE, G. A., WERTHEIMER, M., WHITE, C., 1998. *Portraits of pioneers in psychology*. Lawrence Erlbaum Associates.

KOPPENSTEINER, C., 2005. *Kaip geriau įsiminti ir išmokti*. Vilnius: Alma littera.

LEITNER, S., 1998. *Išmokime mokytis*. Vilnius: Vaga.

LOZANOV, G., 1978. *Suggestology and Outlines of Suggestopedy*. New York: Gordon and Breach, p. 16–19

MAČIANSKIENĖ, N., 2004. *Užsienio kalbos mokymosi strategijos*. Kaunas: VDU.

MANDL, H., KRAUSE, U.-M., 2001. *Lernkompetenz für die Wissensgesellschaft* (Forschungsbericht Nr. 145). München: Ludwig-Maximilians-Universität, Lehrstuhl für Empirische Pädagogik und Pädagogische Psychologie.

PETTY, G., 2006. *Šiuolaikinis mokymas*. Vilnius: Tyto alba.

PUKEVIČIŪTĖ, V. J., 2009. Mokinių ir studentų mokymosi mokytis kompetencijos raiška ir ugdymo strategijos užsienio kalbos pagrindu. Daktaro disertacija. Klaipėda: KU leidykla.

PUKEVIČIŪTĖ, V. J., 2010. Mokinių ir studentų požiūris į įsiminimo strategijas mokantis užsienio kalbų. *Žmogus kalbos erdvėje*. Nr. 6, p. 637-644.

SPITZER, M., 2002. *Lernen. Gehirnforschung und die Schule des Lebens*. Heidelberg: Spektrum Akademischer Verlag.

TAPPERWEIN, K., 1998. *Menas mokytis nepavargstant*. Vilnius: Alma littera.

TERESEVIČIENĖ, M., OLDROYD, D., GEDVILIENĖ, G., 2004. *Suaugusiųjų mokymasis*. Kaunas: VDU.

WOLFF, D., 2002. *Fremdspraschenlernen als Konstruktion. Grundlagen für eine konstruktivistische Fremdsprachendidaktik*. Frankfurt/M.: Lang.

Virginija Jūratė Pukevičiūtė
Vilnius University, Lithuania
Research interests: methodology of foreign language teaching, competence gaining

MEMORY STRATEGIES IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING BASED ON A PEDAGOGICAL PROJECT

Summary

The article presents an analysis of memory strategies enabling a positive impact on learning and optimization of the learning material memorizing. At various times scientists were interested in skills of storing information and memory strategies, they looked for ways and methods which could help facilitate learning and memorizing. Therefore, five strategies have been prepared and tested during a pedagogical project.

The study analysis proved pupils and students' preference of card-files of words preparation. This strategy was tested and used by all the project participants in their learning process. More than half of the study participants appreciated a relaxed type of learning and a slightly smaller part of the respondents claimed their like to learn before going to bed.

Knowledge acquisition process for each individual is different, therefore a number of various language learning and memorizing strategies can be recommended for language learning.

KEY WORDS: memorizing strategies, pedagogical experiment, pupils, students, foreign language learning.

Rasa Račiūnaitė-Paužuolienė
Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva
K. Donelaičio g. 52-208, 44244 - Kaunas, Lietuva
El. paštas: r.raciunaite@hmf.vdu.lt
Moksliniai interesai: lyčių, šeimos, identiteto, miesto antropologijos studijos, sociolingvistika

ŠIUOLAIKINIŲ ETNOLOGIJOS IR ANTROPOLOGIJOS TERMINŲ YPATYBĖS

Šiandien sparti naujųjų informacinių technologijų kaita aktyviai veikia mokslinės kalbos vartoseną, todėl etnologijos ir antropologijos specialistams tenka kurti naujus terminus, susijusius su šiuolaikinio gyvenimo reiškiniais. Šiuo metu ryškiausiai pastebimas žodyno kitimas: į mūsų kalbą ateina daug naujų svetimų žodžių, kuriami lietuviški naujadarai. Straipsnyje siekiama aptarti šiuolaikinių etnologijos terminų ypatybes, naujų terminų atsiradimo priežastis ir kūrimo principus, tarptautinių etnologijos ir antropologijos terminų kilmę. Darbe taikomi lyginamosios analizės ir interpretacinis metodai.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: dabartiniai etnologijos ir antropologijos terminai, terminų ypatybės.

Šiuolaikinių etnologijos terminų kūrimas

Per pastaruosius dešimtmečius keičiasi ne tik kalba, bet ir žmonių kalbinė savimonė. Kalboje vykstantys pokyčiai neatsiejami nuo ją vartojančių žmonių veiklos. Globalizacija, internetizacija, sparti naujųjų informacinių technologijų kaita aktyviai veikia mokslinės kalbos vartoseną, o etnologijos ir folkloristikos tyrinėtojams kelia naujų uždavinių. Tradiciniai etnologijos terminai, ypač tie, kurie apibūdina materialųjį paveldą ir su juo susijusį žemdirbišką gyvenimo būdą, pradeda nebeatitikti visuomenės poreikių. Jie tampa etnografizmais, todėl mokslininkams tenka kurti naujus terminus, susijusius su šiuolaikinio gyvenimo reiškiniais. Šiandien ryškiausiai pastebimas žodyno kitimas: į mūsų vartoseną ateina daug naujų svetimų žodžių, taip pat kuriami lietuviški naujadarai.

Straipsnio tikslas – aptarti šiuolaikinių etnologijos terminų ypatybes.

Uždaviniai: 1) nustatyti naujų etnologijos terminų atsiradimo priežastis ir kūrimo principus,

2) aptarti etnologijos ir antropologijos tarptautinių terminų kilmę.

Iki šiol etnologijos ir antropologijos terminai Lietuvoje beveik netyrinėti, todėl pasirinkta tema nauja ir aktuali. Galima paminėti tik keletą darbų, susijusių su šia tema. R. Kvašytė straipsnyje „Tautinės realijos, pavadinimai ir jų vartojimas“ (Kvašytė 2009, p. 56-67) aptaria tradicinius etninės kultūros terminus. Etnologijos specialybės kalba nagrinėta šio straipsnio autorės ir E. Rimkutės metodinėje priemonėje (Račiūnaitė-Paužuolienė et all. 2011).

Folkloristai, tyrinėjantys interneto folklorą, kasdien pastebi naujų folkloro formų, todėl priversti kurti naujadarus tokiems reiškiniams, kurie iki šiol neegzistavo lietuvių etnologų ir folkloristų mokslinėje literatūroje. Įsigali šie nauji terminai: *interneto folkloras*, *grandininiai laiškai*, *laimės laiškai*, *šlamštlaiškiai, telefoninis folkloras* ir su jais susiję kiti terminai, pvz., telefonu siunčiamos *SMS žinutės (meiliosios, apgaulingosios žinutės*, *šelmiškosios žinutės*). Vieni šių terminų yra skoliniai (dažniausiai iš anglų kalbos), kurie pagal lietuvių kalbos žodžių darybos būdus greitai pavirsta naujais terminais. Kitų terminų mokslininkai ieško gyvojoje kalboje, t. y. bando sukurti lietuviškų naujadarų. Dažnai prie naujadarų kūrybos prisideda ir patys folkloro vartotojai. Telefoninio folkloro tyrinėtoja G. Skabeikytė-Kazlauskienė, siekdama parodyti žinučių įvairovę, jas bando grupuoti pagal funkcijas, žanrinius ypatumus, stilistiką bei tematiką. Išskirdama žinutes pagal funkciją, ji remiasi pateikėjų žinučių įvardijimais – *meilės, meiliosios, romantiškos žinutės, apgaulingosios žinutės*, *šelmiškosios žinutės* (Skabeikytė-Kazlauskienė 2008, p.19–21). Šiuo atveju siūloma vartoti terminą *meiliosios žinutės.* Taigi

naujus terminus kartais mokslininkams padeda sukurti patys šiuolaikinio folkloro kūrėjai ir vartotojai.

Sparčią dabartinės mūsų kalbos terminų kaitą bendraujant internetu iliustruoja toks pavyzdys. Iš pradžių elektroninio pašto šiukšlėms pavadinti buvo vartojamas svetimžodis *spamas*[92], o kartu ir asmens pavadinimas *spameris, spamintojas*. Po kiek laiko atsirado veiksmažodis *spaminti*, būdvardžiai *spaminis, antispaminis.* Vėliau suskubta ieškoti jiems lietuviškų atitikmenų: *šlamštlaiškiai, brukalas* (žmogus – *brukalius*). Taigi mokslininkai, tyrinėjantys šiuolaikinę kultūrą, turi greitai reaguoti į naujus, besikeičiančius reiškinius ir kurti naujus lietuviškus terminus.

Etnologai ir folkloristai, nagrinėjantys miesto kultūrą, ieško naujų terminų, kurie atitiktų jų tyrinėjamą sritį. Kuriami miesto kultūros reiškinius atspindintys terminai: *miesto antropologija* (angl. *urban anthropology*), *miesto mitas* (angl. *urban myth*), *miesto legenda* (angl. *urban legend*). Pastarąjį terminą folkloristai siūlo keisti *sakmiškieji pasakojimai, naujoviškos (šiuolaikinės, modernios) sakmės*, nes terminas *miesto legenda* yra vertinys iš anglų kalbos. Be to, šiuo terminu įvardijami pasakojimai plinta ne tik mieste. Su miestu susijusių terminų atsiradimo, tematikos, turinio sąsajas su didmiesčių kultūra ir jai būdingais bruožais pabrėžia pažyminys *miesto*. Kiti užsienio mokslininkai tokias sąsajas su urbanistine aplinka siekia išryškinti pažyminį *miestas* (*urban)* keisdami kitu, jų manymu, tikslesniu, pvz., *metropolio/megapolio sakmė* (*metropolitan*/*megapolitan legend*), *didmiesčio sakmė* (*Großtadtsage*) (Racėnaitė 2008, p. 54) Tokiais terminais siekiama pabrėžti, kad tai išskirtinis didmiesčio kultūros suformuotas folkloras.

Šiuolaikinių vestuvių tyrinėtojai susiduria su naujais terminais, vartojamais pateikėjų aplinkoje: *fotosesija, teminis mergvakario/bernvakario vakarėlis* ir kitais. Minėti terminai iš buitinės šnekamosios kalbos pamažu patenka į mokslinę terpę. Pradžioje jie įsitvirtina šnekamojoje kalboje, vėliau įteisinami kalbininkų, todėl vartojami etnologų bei folkloristų moksliniuose darbuose. Plačiau aptarsiu *fotosesijos* terminą, kuris yra gana naujas, kaip ir pats fotosesijos reiškinys. „Fotosesiją galima apibūdinti kaip tam tikrą profesionalių fotografų darbo žanrą. Turėdamas konkrečią užduotį, ilgesnį ar trumpesnį laiką dirba visas specialistų kolektyvas – pradedant nuo apšvietėjų, grimuotojų, butaforininkų, fotomodelių ir pačių fotografų [...]“ (KKKB). Vestuvėse fotosesiją gali sudaryti keli fotoseansai, pavyzdžiui, mergvakario/bernvakario fotosesija, vestuvių ceremonijos fotosesija, povestuvinės kelionės fotosesija. Fotosesijos reiškiniui įvardyti neturime specialaus lietuviško termino, o iš anglų kalbos perimta *fotosesija* jau įsitvirtino vartosenoje, nors norminamieji žodynai jos dar nepateikia. Anglų–lietuvių kalbų žodyne ALKONAS kaip viena iš žodžio *session* reikšmių nurodoma „laikas, skirtas kuriai nors veiklai“. Pasak kalbininkės Ritos Miliūnaitės, reikėtų šį terminą įteisinti, nes mūsų kalboje yra vartojama analogiškų terminų (plg. *džiazo sesija*, angl. *jazz session.)* Tad su dėmeniu *foto* žodis *sesija* visiškai galimas ir vartotinas (KKKB).

Šiuolaikinio folkloro tyrinėtojai pripažįsta, kad modernus folkloras vis dar yra gana painus reiškinys, keliantis daugiau abejonių, klausimų nei atsakymų. Mokslininkai atkreipia dėmesį į tai, kad keičiasi šiuolaikinio folkloro kūriniuose vaizduojamos gyvenimo realijos, kalbinė raiška, paties folkloro sklaidos būdai, atsiranda naujų žanrinių modifikacijų (Skabeikytė-Kazlauskienė 2008, p. 43). Nepaisant to, folkloristai, etnomuzikologai, etnologai ieško naujų atitikmenų šiuolaikiniams reiškiniams įvardyti, kuria naujus terminus, susijusius su dabartinės liaudies kūrybos ypatumais. Jie nustato naujo folkloro žanrus: *šiuolaikinis vaikų folkloras, interneto folkloras, postfolkloras, laimės laiškai, telefoninis folkloras, antisakmės, antipatarlės, šiuolaikinės/naujoviškos sakmės, šiurpės* ir t. t. Taigi atsiranda daug naujų terminų, susijusių su dabartinio gyvenimo reiškiniais, kurie neegzistavo tradicinėje folkloristikos ir etnologijos terminijoje. Tačiau tik nedidelė dalis naujų etnologijos ir folkloristikos terminų yra lietuviški

[92] *Spamas* – nepageidaujami elektroninio pašto laiškai, reklamos, ypač tokie, kurie siunčiami didelėms grupėms vartotojų iš karto (Miliūnaitė 2010).

naujadarai. Didesnę jų dalį sudaro tarptautiniai terminai, skoliniai, atėję iš užsienio kalbų arba per jas, dažniausiai anglų.

Sovietmečiu skoliniai iš rusų kalbos būdavo lengvai atpažįstami ir nevartojami. Sunkiau buvo išvengti vadinamųjų egzotizmų ir etnografizmų, nes jie įvardijo sąvokas, kurių mūsų aplinkoje nebuvo. Tačiau šiandien ypač padaugėjo slaptųjų skolinių. Jie plinta ir bendrinėje kalboje, ir terminijoje. Atgavus nepriklausomybę, labai padaugėjo anglybių etnologų ir ypač antropologų terminijoje. Šių žodžių sunku išvengti, nes jie ateina kartu su naujomis sąvokomis ir dažnai yra panašūs į tarptautinius žodžius, pvz., *inkultūracija*, (= *įkultūrinimas*), *gender antropologija* (= *lytiškumo antropologija*).

Į terminiją ateinantys tarptautiniai žodžiai tvarkomi pagal lietuvių kalbos fonetikos, morfologijos, rašybos dėsnius ir netrukus virsta norminiais. Tačiau ne visada pasiseka juos sklandžiai įterpti tarp lietuviškų žodžių, nes dažniausiai šie žodžiai ateina per kalbas tarpininkes, kurios juose palieka savų gramatinimo pėdsakų.

Tarptautinių etnologijos ir antropologijos terminų kilmė

Dabartinė etnologijos ir antropologijos sričių terminija, atspindinti socialinio gyvenimo pokyčius, yra nevienodos kilmės; greta savo kalbos žodžių vartojama įvairiu metu pasiskolintų terminų. Tarp etnologų ir antropologų tarptautinių terminų daugiausia yra graikiškos arba lotyniškos kilmės terminų. Pvz., graikų kilmės terminai *emic* ir *etic* (vartojami antropologų dviem skirtingiems tyrimo būdams apibūdinti; pirmasis terminas atspindi pateikėjų sąvokomis reiškiamą jų gyvenimo tikrovę – mąstymą, kalbą, kasdienį elgesį ir t. t., antrasis – pasitelkia išorinius kriterijus, reikalingus konkrečiai kultūrai analizuoti – universalius visoms kultūroms terminus, mokslines paradigmas ir teorijas), *communitas* (*lot.* nesuvaržytas bendruomeniškumas), *societas (lot.* struktūruotas visuomeniškumas). Šiandien nemažai antropologijos terminų į lietuvių kalbą patenka per anglų kalbą. Pavyzdžiui, *akultūracija* (= dalinis ar visiškas vienos tautos kultūros susiliejimas su kitos tautos kultūra, atsirandantis dėl ilgo tautų bendravimo), *inkultūracija* (= procesas, kuriuo kultūra perduodama iš kartos į kartą).

Toliau straipsnyje aptarsiu etnologijos ir antropologijos terminus pagal kilmę. Jų išskiriamos 4 pagrindinės grupės: 1) graikiškos kilmės, 2) lotyniškos kilmės, 3) angliškos kilmės arba atėję per anglų kalbą; 4) iš kitų kalbų atėję terminai.

Graikiškos kilmės etnologijos terminai

Graikiškos kilmės terminai yra vienažodžiai ir sudėtiniai terminai, kurių abu žodžiai yra graikiškos kilmės arba vienas iš jų – graikiškos, o kitas – lotyniškos kilmės:

Antropogònija [gr. *anthrōpos* – žmogus + gr. *gonē* – gimdymas, gimimas, kilmė] – aiškinimai apie žmogaus kilmę (TŽŽ 1985, p. 183; Račiūnaitė et al. 2001, p. 18).

Antropològija [gr. *anthrōpos* – žmogus + gr. *logos* – mokslas, sąvoka] – socialinis mokslas apie žmogų, jo kilmę, gyvenseną, žmogaus kultūrinę ir biologinę įvairovę. Ji aprašo ir analizuoja praėjusių ir dabarties amžių kultūras – socialiai išmoktas tradicijas, žmonių elgesį, kultūros prisitaikymo prie aplinkos įvairovę ir priežastis (Barnard 2000, p. 23; Kottak 1991, p. 16; Harris 1998, p. 2).

Archetipas [gr. *archetypon* < *arche* – *pradžia* + *typos* – pavyzdys]: 1. pirmavaizdis, prototipas; 2. K. Jungo psichologijoje – struktūriniai kolektyvinės pasąmonės elementai kaip psichinių procesų ir išgyvenimų potenciali galimybė; 3. pirmykščių tikėjimų (daugiausia mitologijos), tautosakos, apeigų, papročių vaizdinys, susidaręs tautos kolektyvinėje pasąmonėje ir konkretizuojamas meno kūriniuose, religijoje (TŽŽe).

Ètninis [gr. *ethnikos* < *ethnos* – tauta] – susijęs su kuria nors tauta (TŽŽe).

Ètninė kultūrà [gr. *ethnikos* < *ethnos* – tauta + lot. *cultura* – apdirbimas, ugdymas, auklėjimas, lavinimas, tobulinimas, vystymas, garbinimas]: tam tikros etninės bendruomenės (tautos, etnoso) kultūra. Etninės kultūros sąvoka aiškinama labai nevienodai. Lietuvoje etninės kultūros terminas taikomas tiek šalies etninės daugumos, tiek tautinių mažumų kultūrai apibūdinti. Egzistuoja dvi etninės kultūros sampratos: kaip tradicinė (liaudies) ir kaip visos tautos kultūra. Etninės kultūros terminas gali būti vartojamas siauresne ir platesne reikšme

(Kalnius 2010). Dažniausiai etnologų darbuose *etninės kultūros* terminas vartojamas siauresne reikšme, t. y. kaip liaudies kultūros sinonimas, nors Lietuvos Respublikos etninės kultūros valstybinės globos pagrindų įstatymo rengėjai pasiūlė platesniąją etninės kultūros reikšmės sąvoką: visos tautos (etnoso) sukurta, iš kartos į kartą perduodama ir nuolat atnaujinama kultūros vertybių visuma, padedanti išlaikyti tautinį tapatumą, savimonę bei etnografinių regionų savitumą (EK 2001, p. 5).

Vakaruose dažniausiai kalbant apie tautų kultūrą, nevartojamas nei etninės, nei liaudies kultūros terminas. Visa tautos kultūra tiesiog vadinama tam tikros tautos kultūra. Kai turima galvoje visa etninės bendruomenės kultūra, dažnai vartojama kartu su etnonimu: „eskimų kultūra“, „Amerikos indėnų kultūra“, „japonų, airių, vokiečių, rusų, prancūzų kultūra“ ir t. t. arba vartojamas terminas *nacionalinė kultūra*. Vakarų šalių mokslininkai liaudies kultūros sąvoką dažniausiai išskiria iš viso kultūros klodo ir ją įvardija konkrečiais terminais, dažniausiai *liaudies kultūra* (*popular culture*, *folk culture*). Kai kada vartojamas ir *tradicinės kultūros* terminas. Prancūzų etnologijos mokslas liaudies kultūrai apibūdinti lygiagrečiai vartoja net kelis terminus, kurie suprantami kaip sinonimai: *valstiečių kultūra* (*culture paysanne*), *liaudies kultūra* (*culture populaire*), *kaimo kultūra* (*culture rurale*). Kai kuriose šalyse *tradicinė liaudies kultūra* (dažniausiai – materialinė) vadinama ir *folkloro* terminu (Kalnius 2010).

Ètninė mùzika [gr. *ethnikos* < *ethnos* – tauta + lot. *musica* < gr. *musikē* (*technē*) – mūzų menas] – tradicinė, savaime susiklosčiusi, etninės grupės, tautos arba jos dalies muzika. (Apanavičius 2006, p. 39; TŽŽe).

Etnologijos terminijoje galima aptikti sudėtinių terminų, sudarytų iš trijų ar daugiau žodžių, kurių kiekvienas gali būti skirtingos kilmės, pvz., graikų, lotynų ir lietuvių kalbos žodžiai:

Ètninės kultūros vertýbės [gr. *ethnikos* < *ethnos* – tauta + lot. *cultura* – apdirbimas, ugdymas, auklėjimas] – tautai reikšmingi dvasinės bei medžiaginės etninės kultūros užfiksuoti ir neužfiksuoti dalykai (EK 2001, p. 5).

Ètninės kultūros pãveldas [gr. *ethnikos* < *ethnos* – tauta + lot. *cultura* – apdirbimas, ugdymas, auklėjimas] – praeityje tautos sukurtos ir iki šių dienų išlikusios etninės kultūros vertybės (EK 2001, p. 5).

Etnocentrizmas [gr. *ethnos* – tauta + lot. *centrum* – centras] – negatyvus kitos kultūros vertinimas iš savo kultūros pozicijų; vertybių sistema, kai atmetamos kitų kultūrų ir tradicijų vertybės (Harris 1998: 290; Čiubrinskas 2007, p. 214).

Etnochoreogrãfija [gr. *ethnos* – tauta + gr. *choreia* – ratelis + gr. *grapfō* – rašau]: terminas vartojamas plačiąja prasme – jis reiškia ne tik šokį, ratelį ar žaidimą, bet ir apeiginį judesį, veiksmą (Urbanavičienė 2000, p. 10).

Etnogenèzė [gr. *ethnos* – tauta + gr. *genesis* – kilmė, atsiradimas] – tautų ir etninių bendrijų susidarymas (TŽŽe).

Etnològija [gr. *ethnos* – tauta + gr. *logos* – mokslas, sąvoka] – mokslas, tiriantis visuomenes, kultūras, žmonių gyvenseną ir socialines ypatybes, paremtas lyginamaisiais apibendrinimais (Savoniakaitė 2010c). Etnologija dar vadinama gyventojų grupių, tradicinės ir šiuolaikinės kultūros, kasdienybės studijomis, kuri naudoja lauko tyrimų metodą (Čiubrinskas 2004). Etnologija skiriasi nuo etnografijos platesniu lyginamuoju požiūriu į tiriamąjį objektą. Glaudžiai siejasi su istorijos, lingvistikos, tautosakos, antropologijos mokslu, etnomuzikologija. Etnologija remiasi antropologiniais, archeologiniais, demografiniais, istoriniais šaltiniais, etnografiniais lauko tyrimais, istorinės atminties ir statistikos duomenų analize (Savoniakaitė 2010d).

Etnologijos terminą reikėtų pakomentuoti plačiau. Šiai sąvokai pavadinti įvairiuose kraštuose vartojami skirtingi terminai. Tarpukario Lietuvoje buvo įsigalėjęs *tautotyros* terminas, dabartinės *etnologijos* termino atitikmuo. Pasak L. Lapinskienės, *tautotyros* termino atsiradimas susijęs su P. Būtėno ir su J. Jablonskiu. 1925 m. Šiauliuose P. Būtėnas, leisdamas knygą „Lietuvių tautotyros žinių ir senienų rinkimo programa“, nuėjo pas J. Jablonskį pasikonsultuoti, ar tiktų pavadinime pavartoti žodį *tautotyra*. Jablonskis atsakė, kad „jei gali būti A. Vireliūno

sukurtas žodis *kraštotyra*, vadinasi, galima sakyti ir *tautotyra*. Taigi Jablonskis pripažino lietuvių kalbai reikalingą ir visai darybos sistemai neprieštaraujantį žodį“ (Lapinskienė 2006, p. 27).

Etnogrãfija [gr. *ethnos* – tauta + gr. *grapfō* – rašau]: kultūros reiškinių aprašymas, fiksavimas, stebėjimas ir tyrimas lauko tyrimų pagrindu. Mokslininkų nuomonės nesutampa apibūdinant etnografiją. Vieni etnografiją laiko etnologijos ar antropologijos metodu, ją tapatina su etnografiniais lauko tyrimais. Kiti etnografiją apibūdina kaip produktą ir procesą (Savoniakaitė 2010b). 1. *etn.* pagalbinė etnologijos šaka, besiremianti etnografiniais lauko tyrimais, teikianti faktinę aprašomąją medžiagą etnologijos mokslui etnografinių aprašų, anketų, brėžinių, piešinių, kartografavimo žemėlapių, tyrinėtojo dienoraščių, garso ir vaizdo medžiagos pavidalu. Ji apima lauko tyrimo metodus ir technikas, aprašymo klasifikavimą ir atskirų kultūros reiškinių analizę. (Dundulienė 1991, p. 5; Merkienė 2007, p. 17-18); 2. *antrop.* etnografija antropologijoje suprantama dvejopai: kaip *lauko tyrimas*, t. y. dalyvaujamasis stebėjimas, „kaip to tyrimo rezultatas – jo aprašymas, *etnografinės monografijos rašymas“* (Čiubrinskas 2007, p. 15).

Etnogrãfinis regiònas [gr. *ethnos* – tauta + gr. *grapfō* – rašau + lot. *regio* (kilm. *regionis*) – kraštas, sritis]: 1. *etn.* istoriškai susiformavusi teritorijos dalis, kurioje išlaikyta savita tarmė, tradicijos ir papročiai (EK 2001: 5); 2. didelis savitas teritorinis vienetas (gamtinis, ekonominis, politinis, etnografinis); 3. *geogr.* kurio nors krašto, srities, rajono kraštovaizdžio kompleksas (TŽŽe). Regionas ir vieta gali būti suvokiami kaip sinonimai. Šiuo atveju vieta apibrėžiama kaip savitas kultūrinis regionas ir kaip socialiai sukonstruota erdvinė patirtis (Savoniakaitė 2010e).

Etnomuzikològija [gr. *ethnos* – tauta + lot. *musica* < gr. *musikē* (*technē*) – mūzų menas + gr. *logos* – mokslas, sąvoka] – mokslo kryptis arba šaka, tirianti etninę muziką. Priklausomai nuo tyrimų pobūdžio ir metodologijos, laikoma etnologijos arba muzikologijos atšaka (Apananavičius 2006: 39; TŽŽe).

Etnonimas [gr. *ethnos* – tauta + gr. *onyma* – vardas] – tautos, genties ar kurios kitos etninės grupės pavadinimas (TŽŽe).

Kosmogònija [gr. kosmogonia – pasaulio atsiradimas] – mokslas, tiriantis kosminių kūnų, pvz., planetų, Saulės ir jų sistemų kilmę ir raidą (TŽŽe).

Mitas [gr. *mythos* – žodis, pasakojimas, padavimas] – sakralus pasakojimas apie pasaulio, atskirų jo dalių, reiškinių kilmę, tvarką, priežastis, apie dievus ir legendinius herojus (Račiūnaitė et al. 2001, p. 19; TŽŽe).

Mitològija [gr. *mythologia* – mitų aiškinimas, pasakojimas]: 1. mokslas, tiriantis mitus – jų reikšmę, esmę kultūrai; 2. susisteminta mitų visuma. (TŽŽe); 3. mitinė kolektyvo pasaulėjauta bei pasaulėžiūra, kuri, keičiantis visuomenės santvarkai, liaudies sąmonėje iš dalies išlieka iki pat naujausių laikų (Vėlius 1996, p. 8).

Lotyniškos kilmės terminai

Etnologų ir antropologų terminijoje gausu ir lotyniškos kilmės terminų. Dauguma jų yra vienažodžiai terminai, tačiau dalis lotyniškos kilmės terminų yra sudėtiniai, sudaryti iš dviejų lotyniškos kilmės terminų arba vieno lotyniškos kilmės, o kito – graikiškos kilmės termino, pvz., *etnografinė ekspedicija.* Pateiksiu keletą lotyniškos kilmės terminų, vartojamų etnologų ir antropologų mokslo darbuose. Greta pateikti ir kitų mokslo sričių to paties termino reikšmių atitikmenys:

Asimiliãcija [lot. *assimilatio* – supanašėjimas]: 1. *etn.* etninės grupės ar tautos susiliejimas su kita, perimant pastarosios kalbą, kultūrą, papročius; 2. *biol.* procesas, kuriuo organizmas perdirba gaunamas medžiagas; 3. *lingv.* gretimų garsų artikuliacijos supanašėjimas; 4. naujų žinių įtraukimas į turimą žinių sistemą; 5. *psichol.* individo įsijungimas į grupę, perėmimas jos priimtų nuostatų (TŽŽe).

Difùzija [lot. *diffusio* – sklidimas, išsiliejimas]: 1. *antrop.* grupės kultūros bruožų, papročių, kompleksų ir institucijų perdavimas kitai grupei (Harris 1998, p. 290); 2. skolinimasis tarp kultūrų arba tiesiogiai, arba per tarpininkus (Kottak 1991, p. 47).

Ekspedicija [lot. expeditio – išdėstymas, žygis]: 1. grupės žmonių kelionė į tam tikrą vietovę, šalį specialiu tikslu (TŽŽe), pvz., etnografinei, tautosakinei medžiagai rinkti. Skiriamos kelios ekspedicijų rūšys: *maršrutinės* (trumpos išvykos į numatytas vietas), *stacionarinės* (stebima tiriamose vietose ilgesnį laiką) (Merkienė 2007, p. 25; Dundulienė 1991: 7), *kompleksinės*, kuriose dalyvauja skirtingų specialybių tyrinėtojai; 2. kelionės, žygio dalyvių grupė, būrys; 3. *ryšin.* siuntimas, skirstymas gavėjams, vartotojams; 4. įmonės, įstaigos (gamyklos, spaustuvės, pašto, kontoros) skyrius, skirstantis produkciją, prekes gavėjams, priimantis ir išsiuntinėjantis korespondenciją, oficialius raštus (TŽŽe).

Identitètas [lot. *identitas* (kilm. *identitatis*) – tapatybė]: 1. tapatybė, žmogaus arba daikto savybių visuma, pagal kurią jis yra atpažįstamas, atskiriamas nuo kitų, pvz., tautinis identitetas; 2. ko nors apibrėžtumas, individualumas, tapatybė; visiškas, iki smulkiausių detalių, sutapimas; 3. *psichol.* asmenybės vidinė vienovė, išgyvenama kaip savo paties aš (TŽŽe).

Iniciãcija [lot. *initiatio* – įšventinimas]: 1. jaunuolių įšventinimas į vyrus (rečiau merginų į moteris) paprotys, būdingas gimininei bendruomenei; 2. priėmimo į kokią nors sektą ar slaptą draugiją apeigos (TŽŽe).

Kùltas [lot. *cultus* – garbinimas]: 1. religiniai veiksmai (maldos, aukų aukojimas, užkeikimai, giesmės), kuriais siekiama antgamtinių jėgų, dievybės palankumo; 2. perdėtas ko nors (asmenybės, daiktų, grožio) garbinimas, idealizavimas (TŽŽe).

Kultūrinis reliatyvizmas [lot. *cultura* – apdirbimas + lot. *relativus* – santykinis] – nuostata, kad kiekvieną kultūrą reikia vertinti atskirai, nes nėra bendrų visoms kultūroms ir vertybėms standartų (Kottak 1991, p. 47).

Multikultūralizmas [lot. *multi* – daug + lot. *cultura* – apdirbimas] – požiūris, skatinantis žvelgti į pasaulį iš skirtingų kultūrų, rasių ir etninių grupių, esančių šiuolaikinėse tautose, pozicijų (Harris 1998, p. 5).

Respondeñtas [lot. *respondens* – atsakantis] – asmuo, atsakinėjantis į etnografinio klausimyno arba tyrėjo žodžiu užduodamus klausimus; asmuo, perteikiantis gyvosios tradicijos būdu perimtas ir išsaugotas autentiškas etninės kultūros vertybes arba pateikiantis duomenis apie jas (EK 2001, p. 5).

Rituãlas [lot. *ritualis* – apeiginis]: 1. *rel.* nustatyta apeiginių veiksmų tvarka tam tikram religiniam aktui atlikti; 2. knyga, kurioje surašyta religinių apeigų tekstai, atlikimo tvarka, pvz., Samaveda, Romėnų ritualas; 3. *etn.* ceremonialas, įprastinės ceremonijos; 4. *biol.* gyvūnų tarpusavio bendravimo veiksmai (TŽŽe) 5. *antrop.* socialiai formalizuotas apeiginis elgesys (Čiubrinskas 2007, p. 252). Vieni mokslininkai ritualo ir apeigos terminus laiko sinonimiškais, kiti juos skiria. Apeigos terminas siejamas su labiau apibrėžtą (siauresnę) reikšmę turinčiais simboliniais veiksmais ar žodinėmis formulėmis. Ritualas turi išplėtotą simboliką ir gali būti sudarytas iš kelių skirtingu laiku ir skirtingoje erdvėje atliekamų apeigų (Vaicekauskas 2005: 12).

Socializãcija [lot. *socialis* – visuomeninis] – procesas, kurio metu iš kartos į kartą asmuo perima ir perduoda socialines vertybes, kultūrą ir tampa visuomenės nariu (Račiūnaitė et al. 2001, p. 162).

Tradicija [lot. *traditio* – perdavimas, pasakojimas]: 1. *etn.* istoriškai susidarančių ir įsitvirtinančių kultūros formų (papročių, vaizdinių, simbolių, idėjų) perdavimas iš kartos į kartą; pačios formos, laiduojančios kultūros išliekamumą ir vienovę; 2. *kat. teol.* – antrasis (šalia Biblijos) Dievo apreiškimo šaltinis; jam priskiriami bažnyčios tėvų, teologų, ankstyvųjų krikščionių rašytojų raštai, bažnyčios susirinkimų nutarimai, popiežių enciklikos (TŽŽ 1985, p. 495).

Terminai, atėję iš anglų kalbos arba per anglų kalbą

Akultūrãcija [angl. *acculturation* < lot. *ad* – prie + lot. *cultura* – apdirbimas] – dalinis ar visiškas vienos tautos kultūros susiliejimas su kitos tautos kultūra, atsirandantis dėl ilgo tautų bendravimo; kultūros kaita dėl prisitaikymo prie gamtinių sąlygų, technologinių išradimų ar

apsikeitimų kultūriniais elementais arba jų (visiškas ar dalinis) perėmimas (Dargužytė 2010). Skiriama individuali ir kolektyvinė akultūracija.

Etniškùmas – [angl. *ethnicity* < gr. *ethnos* – tauta] – tapatybė, grindžiama bendra kilme ir bendruomeninio solidarumo jausmu (Kasatkina et al. 2003: 17). Etniškumas – tai klasifikacinė žmonių ir jų grupių kategorija, kuri reiškia žmonių socialines ir kultūrines ypatybes. Etniškumas rodo, kokiai visuomenei priklauso žmonės, kaip jie dalijasi kultūrą, kaip save identifikuoja. Etniškumo sąvoka apima tiek mažumos, tiek ir daugumos etnines grupes. Šiuo požiūriu etniškumo sąvoka yra platesnė už etninės grupės sąvoką. Etniškumas siejasi su rase ir tauta, kai apibrėžiamos „rasinės“ grupės ribos, atsiranda įvairių ryšių pačios rasės, taip pat ir tautos viduje. Etniškumą apibūdina genetika. Europos etnologijos istorijos teorijose etniškumas glaudžiai siejamas su tapatybe (Savoniakaitė 2010a).

Folklòras [angl. *folklore* < *folk* – liaudis + *lore* – išmintis, žinios] – liaudies kūryba, apimanti tautosaką, liaudies muziką, liaudies choreografiją, liaudies teatrą; kartais priskiriama ir liaudies dailė, be to, liaudies papročiai, tikėjimai. Sąvoka *folkloras* XIX a. viduryje pasiūlė anglų mokslininkas W. J. Thomsas. (Sakabeikytė-Kazlauskienė 2005: 9; TŽŽe).

Internèto folklòras [angl. *internet* – internetas + *folklore* < *folk* – liaudis] – interneto svetainėse randami bei elektroniniu būdu siuntinėjami šiuolaikinio folkloro tekstai. Internetinės sklaidos folklorui skirtini daugialypės terpės ar specialių kompiuterinių programų reikalaujantys pokštai. Jie gali gyvuoti tik virtualioje erdvėje. Žaidimui būtini veiksmai, tradicinėje tautosakoje nusakomi žodžiu, čia keičiami kompiuterio komandomis (Krikščiūnas 2004, p. 21, 28).

Muzikinis folklòras [musical – lot. *musica* < gr. *musikē* (*technē*) – mūzų menas + angl. *folklore* < *folk* – liaudis] – vokalinis ir (arba) instrumentinis, choreografinis folkloras. Manoma, kad ankstyviausios folkloro formos buvo sinkretinės, t. y. apimančios vokalinį, instrumentinį ir choreografinį folklorą (Kirdienė 2004).

Telefòninis folklòras [gr. *tēle* – tolumoje, toli + gr. *phōnē* – garsas + angl. *folklore* < *folk* – liaudis + *lore* – išmintis, žinios] – mobiliais telefonais siunčiamos daugiau ar mažiau stabilaus turinio ir formos žinutės. Tai viena iš naujausių XXI a. folkloro gyvavimo formų. (Skabeikytė-Kazlauskienė 2007, p. 151, 155).

Globalizãcija [angl. *globalization* – globalizacija]: 1. žmonių ir visuomenių ryšių, pirmiausia ekonominių, intensyvėjimas ir plėtra, dėl kurių sparčiai didėja tarpusavio priklausomybė, valstybių ir jų sienų reikšmė mažėja, pasaulis darosi vis vientisesnis; 2. didžiųjų monopolių ir kai kurių šalių tarptautinės politikos aspektas, kai pasauliniu mastu stengiamasi įgyvendinti naujausius ekonomikos, švietimo, kultūros laimėjimus siekiant palengvinti ir modernizuoti visų sričių žmonių gyvenimą; 3. intensyvėjantis prekių, kapitalo, žmonių, informacijos ir technologijų judėjimas tarp pasaulio valstybių, darantis poveikį įvairioms gyvenimo sritims (LRTB).

Gerai informúotas pateikė́jas [angl. *well-informed informant*] – asmuo, kuris yra geras tam tikros srities žinovas (Kottak 199, p. 33).

Įkultūrinimas [angl. *enculturation* < lot. en – į + lot. *cultura* – apdirbimas, ugdymas] – socialinis procesas, kuriuo kultūra išmokstama ir perduodama iš kartos į kartą (Kottak 1991, p. 17).

Laũko tyrimas [angl. *fieldwork*] – etnografinio tyrimo procesas, kurio metu antropologas stebi dalyvaudamas, t. y. „intensyviai dalyvauja, stebi ir registruoja kasdieninį tiriamos bendruomenės gyvenimą. (Čiubrinskas 2007, p. 215). Lietuvos etnologijos istorijoje vietoj „etnografinių lauko tyrimų“ vartotas „etnografinių ekspedicijų“ terminas. Etnografiniai lauko tyrimai dar vadinami antropologijos ir etnologijos sudedamąja dalimi. „Etnografinių lauko tyrimų“ sąvoka, vienų autorių nuomone, yra platesnė negu Lietuvoje įprasta „etnografinių ekspedicijų“ sąvoka, kiti abi sąvokas tapatina. Lauko tyrimuose svarbūs yra atskiri tyrimo atvejai, įvairios patirtys, stebėjimai, informacija, užfiksuota struktūruotu interviu, dienoraščiai, fotografijos, filmai. Taip pat yra aktualus tyrimo pateikimas, knygų rašymas, rezultatų sintetinimas. Tradicinis lauko tyrimas siekia surinkti kuo daugiau įvairiausių duomenų. Akcentuojamas jo ilgalaikiškumas ir intensyvumas (Savoniakaitė 2010c).

Postfolklòras [lot. *post* – po, vėliau, už + *folklore* < *folk* – liaudis] – kaimiškos tradicijos tąsa miesto aplinkoje, sąmoningas folkloro gaivinimas ir puoselėjimas. Kitaip dar vadinamas šiuolaikinis folkloras, modernizuotas folkloras, folklorizmas (Nakienė 2007).

Subkultūrà [angl. *subculture* < lot. *sub.* – buvimas šalia ko nors, antraeiliškumas + lot. *cultura* – apdirbimas, ugdymas] – bendraujančių asmenų grupės sukurtas ir puoselėjamas gyvenimo būdas (stilius), grindžiamas tos grupės narių vertybėmis, pasaulėžiūra, papročiais, kurie skiriasi nuo dominuojančios socialinės aplinkos. Savokos *subkultūra* vartojimas susijęs su šalies socialinių ir humanitarinių mokslų tradicijomis (Ramanauskaitė 2010; TŽŽ 1985, p. 469).

Kitų kalbų terminai

Antropologijoje vartojami terminai, perimti iš vietinių gyventojų kalbų:

Tabù [polinez. *tabu*]: 1. pirmykščių tautų griežtas draudimas paliesti kurį nors daiktą, asmenį ar gyvulį arba atlikti tam tikrus veiksmus; sulaužius šį draudimą, gresianti antgamtinių jėgų bausmė; 2. pats draudžiamasis daiktas, asmuo, gyvulys, veiksmas (TŽŽe).

Totèmas [indėnų odžibvių k. *ot-oteman* – jo giminė, protėvis]: 1. gyvūnas, augalas arba negyvosios gamtos daiktas, kurį pirmykščių žmonių grupė (gentis, giminė) garbino, laikė savo mitiniu pirmtaku, globėju; 2. genties, giminės herbas su toteminiu atvaizdu (TŽŽe).

Totemizmas [indėnų odžibvių k. *ot-oteman* – jo giminė, protėvis] – viena seniausių pirmykštės religijos formų; totemizmui būdingas tikėjimas atitinkamos gimininės grupės antgamtiniu ryšiu su totemu (TŽŽe).

Rites de passage (pranc. *rites de passage* – perėjimo ritualai): 1. tam tikra ritualinė sistema, sudaryta iš ritualų, žyminčių perėjimą iš vieno socialinio statuso į kitą, pvz., iš paauglystės į pilnametystę, iš nevedusio į santuokinį statusą, taip pat įšventinimas į kunigus ar prezidentus (Čiubrinskas 2007: 251); 2. perėjimo apeigas sudaro 3 pagrindiniai elementai: 1) išskyrimo (*preliminalinė*) fazė, kai atsisveikinama su senąja padėtimi; 2) perėjimo (*liminalinė)* fazė; 3) įvesdinimo (postliminalinė) fazė, kai atsisveikinama su senąja padėtimi (Račiūnaitė et al. 2001, p. 128).

Apibendrinant galima teigti, kad etnologų, folkloristų ir antropologų tarptautiniai terminai dažniausiai yra kilę iš lotynų, senosios graikų, anglų kalbos. Tarp naujausių tarptautinių terminų populiariausi yra anglų kalbos skoliniai, kurie virsta terminais pagal lietuvių kalbos dėsnius.

Išvados

Globalizacija, internetizacija, sparti naujųjų informacinių technologijų kaita aktyviai veikia etninės kultūros reiškinius, naujas folkloro formas, todėl etnologijos, antropologijos, folkloristikos tyrinėtojus verčia kurti naujus terminus, susijusius su šiuolaikinio gyvenimo reiškiniais.

Keičiasi šiuolaikinio folkloro kūriniuose vaizduojamos gyvenimo realijos, kalbinė raiška, paties folkloro sklaidos būdai, atsiranda naujų žanrinių modifikacijų. Folkloristai, etnomuzikologai, antropologai ieško naujų atitikmenų šiuolaikiniams reiškiniams įvardyti, nustato naujo folkloro žanrus, kuria naujus terminus, susijusius su dabartinės liaudies kūrybos ypatumais, kurių ieško gyvojoje kalboje. Dažnai prie naujadarų kūrybos prisideda ir patys vartotojai. Tačiau tarp naujų etnologijos ir folkloristikos terminų tik nedidelė dalis yra lietuviški naujadarai. Daugiausia tai tarptautiniai terminai ir skoliniai, ypač per anglų kalbos.

LITERATŪRA

APANAVIČIUS, R. 2006. Lyginamoji istorinė etnomuzikologija. *Metodinė priemonė*. Kaunas: VDU leidykla.

BARNARD, A. 2000. Social Anthropology. *A Concise introduction for students.* Wiltshire: The Cromwell Press Ltd.

ČIUBRINSKAS, V. 2007. *Socialinės ir kultūrinės antropologijos teorijos.* Kaunas: VDU leidykla. P. 198–255.

DARGUŽYTĖ, Z. 2010. Akultūracija. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija*. Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.

DUNDULIENĖ, P. 1991. *Lietuvos etnologija.* Vilnius: Mokslas.

EK – *Etninė kultūra*. *Etninės kultūros globos tarybos informacinis leidinys.* 2001. Vilnius: Petro ofsetas, 2002. P. 5–14.
HARRIS, M. 1998, *Kultūrinė antropologija*. Vilnius: Tvermė.
KALNIUS, P. 2010. Etninė kultūra. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija.* Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
KASATKINA, N. LEONČIKAS T. 2003, *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga*. Vilnius: Eugrimas.
KIRDIENĖ, G. 2004. *Muzikinis folkloras* – http://www.aruodai.lt/paieska2/terminas.php/.
KLIMAVIČIUS, J. 1996. Nuo liaudies terminijos prie mokslinės. Iš *Terminologija*. Nr. 3. P. 4–25.
KOTTAK, C. F. 1991. *Anthropology: the Exploration of Human Diversity.* New York: Von Hoffmann Press.
KRIŠČIŪNAS, P. 2004. Interneto folkloras: rūšis ar sklaidos būdas? Iš: *Tautosakos darbai*. XX (XXVII). P. 21–30.
KVAŠYTĖ, R. 2009. Tautinės realijos, pavadinimai, terminai ir jų vartojimas. Iš: *Terminologija*. Nr. 16. P. 56–67.
LAPINSKIENĖ, L. 2006. Petras Būtėnas – Jono Jablonskio mokinys. Iš: *Jono Jablonskio diena Šiauliuose: mokslinės konferencijos medžiaga.* Nr. 4. Šiauliai, Šiaulių universiteto leidykla. P. 20–33.
LRTB – *LIETUVOS RESPUBLIKOS TERMINŲ NBANKAS* – http://terminai.vlkk.lt/pls/tb/tb.search.
MERKIENĖ, I. R. 2007. Etnografinių lauko tyrimų pagrindai. Iš: *Šiokiadienių ir švenčių etnografija.* Sud. R. Merkienė. Vilnius: Versmės leidykla.
KKKB – *KALBOS KONSULTACIJŲ KOMPIUTERINIS BANKAS* – http://www.lki.lt/lki/kkb/naujiena.php.
MILIŪNAITĖ, R. 2010a. Bendrinės kalbos normintojai ir besikurianti skaitmeninio modernizmo visuomenė. Iš: *Kalbos kultūra.* T. 83. P. 98–118.
MILIŪNAITĖ, R. 2010b. Naujų kalbos reiškinių poveikis lietuvių kalbai ir kalbinei savimonei – http://www.kalbosnamai.lt/.
NAKIENĖ, A. 2007. Šiuolaikinis folkloras – http://old.aruodai.lt/paieska/terminas.
RACĖNAITĖ, R. 2008. *Citrinos su ŽIV įdaru, arba ko bijo šiuolaikinis žmogus*. Iš: *Tautosakos darbai*. 35 P. 52-69.
RAČIŪNAITĖ-PAUŽUOLIENĖ, R., RIMKUTĖ, E. 2011. *Etnologijos specialybės kalba.* Kaunas: VDU leidykla.
RAČIŪNAITĖ, R., SENVAITYTĖ D., VAICEKAUSKAS, A. 2001. *Senovės lietuvių pasaulėžiūra: Metodinė mokymo priemonė.* Kaunas: VDU leidykla.
RAMANAUSKAITĖ, E. 2010. Subkultūra. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija*. Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
SAVONIAKAITĖ, V. 2010a. Etniškumas. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija.* Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
SAVONIAKAITĖ, V. 2010b. Etnografija. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija.* Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
SAVONIAKAITĖ, V. 2010c. Etnografiniai lauko tyrimai. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija*. Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
SAVONIAKAITĖ, V. 2010d. Etnologija. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija.* Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
SAVONIAKAITĖ, V. 2010e. Regioniniai ir vietos tyrimai. Iš: *Lietuvos tapatybė. Etnologijos ir antropologijos enciklopedija*. Sud. V. Savoniakaitė – http://identitetas.mch.mii.lt/.
SKABEIKYTĖ-KAZLAUSKIENĖ, G. 2005. *Lietuvių tautosaka: įvadas.* Vadovėlis. Kaunas: VDU leidykla.
Skabeikytė-Kazlauskienė G. 2007. Pasaulio modeliavimo tendencijos telefoniniame jaunimo folklore. Iš: *Tautosakos darbai*. T. 33. P. 151–157.
SKABEIKYTĖ-KAZLAUSKIENĖ, G. 2008. *Tautosaka ir lietuvių vaikų poezija: specifika bei raidos tendencijos.* Habilitacijos procedūrai teikiamų mokslo darbų apžvalga. Kaunas: VDU leidykla.
TŽŽ – *TARPTAUTINIŲ ŽODŽIŲ ŽODYNAS.* Red. V. Kvietkauskas. Vilnius: Vyriausioji enciklopedijų redakcija, 1985.
TŽŽe – *TARPTAUTINIŲ ŽODŽIŲ ŽODYNAS* – http://www.tzz.lt, http://www.terminai.lt.
URBANAVIČIENĖ, D. 2000. *Lietuvių apeiginė etnochoreografija.* Vilnius: Lietuvos muzikos akademija.
VAICEKAUSKAS, A. 2005. *Lietuvių žiemos šventės*. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla.
VĖLIUS, N. 1996. Pratarmė. Iš: *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*. T. 1: *Nuo seniausių laikų iki XV amžius*. Sud. N. Vėlius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
VLKK – Valstybinės lietuvių kalbos komisijos interneto svetainė – http://www.vlkk.lt.

Rasa Račiūnaitė-Paužuolienė
Vytautas Magnus University
Research interests: gender, family, identity, urban anthropology studies, sociolinguistics.

THE PECULIARITIES OF CONTEMPORARY ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY TERMS

Summary

The article analyses the peculiarities of modern ethnology, folklore, and anthropology terms. The work is based on contemporary terminology of ethnology, folklore and anthropology. The features of certain terms, their structure and origins, the reasons of the occurrence of new terms as well as the rules of term creation are analysed. Two methods have been used in this exploration: comparative analysis and interpretation.

Four groups of international ethnology and anthropology terms are presented in this study: 1) terms of Greek origin; 2) terms of Latin origin, 3) terms of English origin or coming through English, 4) terms coming from other languages.
KEY WORDS: contemporary terms of ethnology and anthropology, the peculiarities of terms.

Dainius Sobeckis
Vytauto Didžiojo universitetas
K. Donelaičio g. 52-212,
LT-44244 Kaunas
daiso@inbox.lt
Moksliniai interesai: kultūros teologija, išeivijo literatūra, literatūros sociologija, religijotyra

ŽMOGIŠKOSIOS BŪTIES PRASMINGUMAS LEONARDO ANDRIEKAUS POEZIJOJE

Leonardo Andriekaus poezijoje ryškiai atskleidžiamas žmogiškosios būties prasmingumas. Būtis Andriekui sudaryta iš gyvybės fenomeno, besiskleidžiančio grožio Dievo pasaulyje, serafiškosios, bet ne kūniškos meilės ir iš to kylančios kančios. Labai svarbus poeto kūryboje yra darbo pašventimas Dievui ir žmogaus lemtis, kuri jį kreipia amžinybės linkui. Andriekaus poezijoje neleidžiama neprasminga būtis. Poeto prasminga būtis mus veda amžinųjų dalykų kryptimi. Andriekaus lyrinis subjektas įsisąmonina, kad tik prasmingai nugyventas gyvenimas, kuris visokeriopai pašvenčiamas Dievui, gali būti amžinojo gyvenimo garantija. Svarbiausi būties akcentai Andriekaus poezijoje siejami su visa įprasminančiu darbu ir nesavanaudiška, į kitus nukreipta, serafiškąja meile.

ESMINIAI ŽODŽIAI: L. Andriekus, poezija, būtis, prasmė

Įvadas. Būtis ir laikas yra dvi visiškai viena nuo kitos neatskiriamos kategorijos. Būtis negali egzistuoti už laiko ribų, nebent tai būtų dieviškoji būtis. Laikas yra skirtas būties įdabartinimui arba amžinosios būties įprasminimui. Priklausomai nuo to, apie kokią laiko kategoriją kalbama. Jei kalbama apie *chronos* laiką, tai jis skirtas mūsų esamajai egzistencijai, o jei apie *kairos* – tuomet jis siejamas su transfigūracija. Dabartinės lietuvių kalbos žodyne (Keinys 2000, p. 96) būtis apibūdinama kaip buvimas ir gyvenimas; teigiama, kad filosofiškai būtis reiškianti buvimo pagrindą, objektyvią tikrovę ir realybę. Šis teiginys neturi pamato, nes būtį reikia skirti nuo buvimo pagrindo, egzistavimo, realybės, tikrovės bei kitų panašių terminų, nes tai yra konkretesnės būties proceso charakteristikos (Rozentalis 1975, p. 62). Būties klausimas iš esmės kyla jau iš antikos ontologijos. Vokiečių egzistencializmo filosofas Martinas Heideggeris (1889-1976) savo knygoje „Sein und zeit“ (2001) kelia klausimą apie būtinybę iš naujo apmąstyti būties prasmingumą. Norėdamas suvokti būties prasmę, individas turi įsisąmoninti savo laikinumą ir mirtingumą šioje žemėje, nes „patys žmonės visada yra apibrėžti būties mirtingumo“ (Heidegger 2001, p. 254).

Anot filosofo Antano Maceinos, laikas žmogiškajai būčiai yra svetimas dalykas, todėl asmens praeinamumas yra reali, nors nenormali būsena: „Jeigu praeinamumas būtų normali žmogiškosios egzistencijos būsena, žmogus neturėtų noro būti pastoviu ir negalėtų jo turėti. <…> Žmogaus veržimasis iš laiko yra toks pat tikras, kaip ir jo negalia išsiveržti. Argi tai nėra praeinamumo kaip nenormalios būsenos pergyvenimas?“ (Maceina 1990, p. 534). Todėl asmuo žemiškajame būties gyvenime nori save įprasminti, ir tai geriausiai galima padaryti dviem,jo simbolinę egzistenciją pratęsiančiais būdais: kūryba ir vaikais

Filosofas ir kultūrologas Levas Karsavinas teigia, kad asmenybė yra konkrečiai dvasinė, kūniškai dvasinė, nepakeičiama, daugiapusė, vienintelė ir nepakartojama būtybė. Dvasingumas yra asmenybės vienybės lygmuo, kadangi dvasia yra vienybės sinonimas. Asmenybės daugybiškumas rodo jo kūnišką prigimtį. Asmenybės vienybė ir daugybė negali būti tik vienybė arba daugybė, kadangi „asmenybė nei dvasinė, nei kūniška, tačiau *dvasiškai-kūniška*“ (Карсавин 1992, p. 155). Asmuo, būdamas visakovienovės dalis, ją išreiškia netobulai. Asmens siekis tobulėti yra savos vienybės aktualizavimas su kita būtimi. Asmenybės principą reikia suprasti kaip asmens vientisumą su jos atsiskyrimu ir susijungimu. Tokiu būdu visakovienovės principas grindžiamas trivienybe, kuri remiasi pirmine vienybe. Tai, ką vadiname pirmavienybe arba trivienybe, atitinka *ousia*. Pirmavienybę vadiname Tėvu, atsiskyrusią vienybe – Sūnumi, o susijungiančią vienybe – Šv. Dvasia. „Sūnus gimsta, o Šventoji Dvasia kyla iš Tėvo *hipostazės*, bet ne iš Tėvo *usijos*, nes ypatingos prigimties (*usijos*) neturi nei Tėvas, nei Sūnus, nei Šv. Dvasia, bet visos trys hipostazės ir

kiekviena iš jų – viena ir ta pati prigimtis (*usija*)“ (Карсавин 1992, p. 54). Giliu filosofo įsitikinimu, mūsų dvasinės būties ir raidos vienovė yra mūsų idealas, tikslas, pareiga ir tikroji būtis. Šių dalykų siekis ir yra mūsų dvasinio gyvenimo lygmuo (Карсавин 1994, p. 340).

Straipsnio tikslas – išanalizuoti žmogiškosios būties prasmingumą Leonardo Andriekaus (1914-2003) poezijoje. Šiam tikslui pasiekti analizuojama Andriekaus poezija, rašyta 1955–1991 m., tačiau analizei imamos ne visos jo išleistos knygos. Andriekus išleido dešimt knygų, iš kurių viena rinktinė parašyta lietuvių kalba ir du rinkiniai – anglų kalba. Straipsnyje analizuojami penki rinkiniai ir rinktinė lietuvių kalba, kurie gerai atspindi analizuojamą problemą.

Poezijoje lemtis ir likimas yra vienas archetipinių motyvų, todėl žmogaus paskirtį, lemtą Dievo sprendimu, Andriekus suvokia ir perteikia įvairiais aspektais. Jis poetizuoja žmogiškąją gyvybę, darbą ir poilsį, meilę ir kančią bei visą žmogiškąją būtį nuo gimimo iki mirties.

Gyvybės fenomenas. Andriekaus poezijoje yra vertinamas gyvybės atsiradimas, gyvybės prado kūrėjas ir suteikėjas. Naujos gyvybės atsiradimas, tai tarsi stebuklas, kurių taip nedaug žemėje, tačiau Andriekaus lyrinis subjektas poetiškai prasmingai atsiliepia apie savo atsiradimą žemėje. Jis suvokia savo laikinumą žemėje, todėl neieško kitų nemirtingumo būdų, išskyrus kūrybinį pradą. Eilėraštyje „Gimimas ir mirtis“ aptariama žemiška ir žmogiška būtis su jai būdingomis formomis. Kalbama apie gimimą, kančią, mirtį ir apie tuos, kurie žemiškajame gyvenime neklausia, kodėl jie čia ir kodėl visa tai vyksta. Tai rūpi kuriančiam lyriniam subjektui, kadangi jis negali pasitenkinti vien fiziologine egzistencija tik dėl išgyvenimo. Gyvenimas nuo gimimo iki mirties apibūdinamas kaip kūrybinis procesas: „Man lemta gimti pirmame eilėraščio posme / Ir mirti paskutiniame“ (Andriekus 1963, p. 47).

Kiekvienas gyvenimo etapas yra prasmingas žmogiškajai būčiai. Vaikystėje išmokstama vaikščioti ir kalbėti, paauglystėje prasideda maištas prieš esamą tradiciją ir situaciją, suaugus siekiama kokių nors gyvenimiškų rezultatų, o senatvėje apmąstoma visa asmeninė būtis nuo gimimo akimirkos iki esamos situacijos. Jeigu buvo gyventa prasmingai, tai, anot filosofo ir psichologo Antano Paškaus, ir senatvė bus prasminga apmąstant viso gyvenimo rezultatus, pasitinkant artėjančią mirtį (Paškus 1990, p. 113).

Vaikystės džiaugsmai, jaunystės šėliojimai ir senatvės išminties perlų dovanojimai retai randa vietos Andriekaus poezijoje. Andriekus, būdamas vienuolis ir kunigas, laikydamasis celibato, vaikų nesusilaukė, tačiau jo poezijos lyrinis subjektas atsimena savo vaikystę, jos džiaugsmus ir vargus (eil. „Piligrimas“, „Vaikai“, „Kūdikis“, „Skausmas“, „Vasaros naktys“). Kūdikystė eilėraštyje „Stebuklas“ siejama su malonės vandeniu ir krikštu, kuris nuplauna prigimtinę nuodėmę. Eilėraštyje „Kūdikis“ kalbama apie antgamtinę Dievo apsaugą, kuria jis saugo kūdikėlius, o eilėraštyje „Dosnumas“ stebimasi ir klausiama, ar mes savo prigimtiniu klaikiu kūdikišku riksmu „Gimimo valandą / Išgąsdinom žvaigždes“ (Andriekus 1960, p. 93). Andriekaus lyrinis herojus prisimena savo vaikystę su karklo dūdele rankose „Droviai sveikinantį žemę“ (Andriekus 1985, p. 39). Karklo dūdelė – neatsiejamas piemenėlio atributas. Daug vyresnio amžiaus žmonių yra patyrę piemenėlio dalią, kuri asocijuojasi su panieka ir skriauda, kaip ir Andriekaus eilėraštyje „Skausmas“. Šiame eilėraštyje Kristus supriešinamas su patėviu. Patėvis piemenėlį plaka, jį gąsdina perkūnas, o Kristus audroj neleidžia „žaibui / Užgauti piemenėlio“ (Andriekus 1985, p. 38). Bendrine prasme vaikai lyriniam subjektui primena vasarą ir pajūryje statomas smėlio pilis. Vaikai jas stato su didele rimtim „Mažuos veiduos“ (eil. „Vaikai“). Vėliau ši rimtis nemažėja, kadangi iškyla kitų būties klausimų, nesusietų su pasakų pilimis. Pagal lietuvių tradiciją, „viskas pildysis, ką motina pasakė, / Ant Kūčių stalo šieną skleisdama“ (Andriekus 1955, p. 22). Jaunystė paženklinta klystkeliais ir lėbavimais, paniekinus „maldas ir pasninkus“ (Andriekus 1963, p. 75), o senatvė, pilna išminties, siejama su atsiskyrimo liūdesiu ir mirtimi (eil. „Dosnumas“) bei tėvišku palaiminimu ateinančioms kartoms (eil. „Palaiminimas“).

Grožis Dievo pasaulyje. Andriekaus kūryboje galima pajusti atsiskyrimo nuotaikų, jis pats yra „jautrus religinių apmąstymų ir apskritai žmogiškos būties motyvų poetas“ (Mockūnas 1989, p. 355). Jo poezijoje gyvuojantis Kristus-Rūpintojėlis būdingas ne tik lietuvių religinei, bet ir tautinei būčiai.

Žmogiškoji būtis Andriekaus poezijoje siejama su gamta, jos grožiu (eil. „Lopšinė“, „Anksti“, „Svirtis“, „Vasaros naktis“, „Fleita“). Viso to grožio kaltininku laikomas Dievas. Eilėraštyje „Žuvėdra“ teigiama, kad jūrą, jos krantus ir visa kita sutvėrė Dievas ne tik žmogui, bet ir kitiems gyviams. Eilėraštyje „Astronautas“ žinoma, kas sutvėrė šį didį kosmosą – lapelį, dulkę, rudenis, žvaigždynus, vėjus – nors konkrečiai ir nepasakoma, tačiau Andriekaus lyrinis subjektas yra *homo religiosus*, taigi jam kūrėjas yra Dievas. Jei nebūtų gamtos grožio, pasaulyje nebūtų taip miela gyventi. Kiekvienas metų laikas yra savaip gražus. Ypač grožis atsiskleidžia tekant saulei:

> Saulei tekant ant kalnelio atsisėdę,
> Pažiūrėkim kaip gražiai garuoja lankos,
> Pažiūrėkim į rugių miegūstus pėdus,
> Į naujos dienos plačiai atvertą angą (Andriekus 1955, p. 63)

Andriekaus lyrinis subjektas mėgsta grožėtis naktiniu dangumi, kai jame spindi milijonai žvaigždžių, kuriomis Dievas išpuošė naktinį skliautą. Eilėraštyje „Nuotoliai“ konstatuojama, kad Dievas savo galingoje rankoje laiko visatos tvarką. Šioje tvarkoje žmogus atranda kaip pasiekti Dievą, kadangi teigiama, kad nebėra nuotolių tarp Dievo ir žmogaus. Šiuos nuotolius naikina malda, kuriai dažnai sunku surasti laiko ir vienumos (eil. „Sasso Spicco“).

Atskleidžiama žmogaus menkystė gamtos grožio atžvilgiu. Nors viskas laikina šiame pasaulyje, net ir gamtos grožis, tačiau žmogaus, kaip pakeleivio, žygiai yra menki prieš Dievo išpuoselėtą gamtos grožį (eil. „Kelionėje“). Pats Dievas Kristaus pavidalu ne tik įsikūnijo į mūsų būtį – į vieversėlio giesmę, į akmenų dejones ir kitas mūsų pasaulio apraiškas – bet ir pervėrė mūsų buitį, dėl ko iki Paskutinio teismo kraujuos daug širdžių (eil. „Įsikūnijimas“, „Pervėrimas“). Būtis mūsų pasaulyje atsiveria ne tik Kristaus įsikūnijimu ir Dievo atlaidžiomis akimis, bet ir apsišarmojusiomis giriomis (eil. „Bernelių mišios“).

Andriekaus poezijoje būtis lyginama su naktimi, atodūsiais, raktu, smilkalais, kieliku, teatru, ramybe bei fleita. Naktis metaforiškai lyginama su sudaužyta lyg alebastro indas pilnatim, iš kurios plūsta aromatai į mūsų žemės klonius (eil. „Naktis“). Būtis lyginama su paslapčių auksiniu raktu, kurį žmogus nešasi „Iškėlęs jį nuo žemės lig dangaus“ (Andriekus 1955, p. 32). Eilėraštyje „Gyvenimas“ būtis žemėje lyginama su katedra po mišių, kur prieblandų erdves užpildo smilkalai. Jie tampa žemės prieblandos metafora. Bažnyčioje smilkalai sukuria prieblandos arba parūkavimo atmosferą. Metaforiška žemės rūkus, miglas įvardyti smilkalais. Eilėraštyje „Kielikas“ žemės žėrėjimas saulėlydyje teologiškai lyginamas su kieliku, kuomet kalneliai, lygumos, šilai nugrimzta jo dugnan. Saulėtekis lyginamas su Dievo šypsniu: „Ryto spindulį mėgau – / Dievo šypsnio fragmentą“ (Andriekus 1976, p. 50). Eilėraštyje „Vėjas“ būtis vaizduojama teatralogiškai: nuo vėjo linkstančios palmės tampa balerinomis, o vėjo sukeltos smėlio smiltys pajūryje – teatru. Eilėraštyje „Fleita“ numanomas ir neįvardijamas Dievo balsas lyginamas su fleitos grojimu. Teigiama, kad magiškos fleitos garsas sklinda ne iš vėjo gelmių, jį sukuria ne žmogus ir net „Ne išdaigusis Panas <...> Jei virpa žemė ir dangus“ (Andriekus 1976, p. 70). Andriekaus poezijoje pasirodo svečio bei keliautojo įvaizdžiai, kuriais akcentuojamas žmogaus laikinumas žemėje. Žmogui lemta vieną kartą gimti ir vieną kartą mirti. Andriekaus lyrinis subjektas teigia, kad šioje žemėje yra „tiktai svečias“ (Andriekus 1991, p. 66). Taigi jam lemta pasaulyje būti pirmą, paskutinį ir nepakartojamą kartą. Svečio dalia visada esti laikina. Pasisvečiavus reikia grįžti namo. Taip ir Andriekaus lyrinis subjektas suvokia savo laikiną dalią žemėje, į kurią atėjo pasisvečiuoti, o paskiau vėl teks grįžti ten, iš kur atkeliavo. Tokia keliautojo lemtis, jis keliauja, svečiuojasi, bet ateina diena, kai tenka grįžti ten, iš kur atėjęs.

Serafiškoji meilė. Andriekaus poezijoje gausu dieviškosios ir serafiškosios meilės apraiškų (eil. „Smuikas“, „Tie žmonės“). Būdamas pranciškonų vienuolis, jis puikiai suvokė serafiškosios meilės prasmę. Pranciškaus Asyžiečio rodomas meilės pavyzdys visiems Dievo gyviams yra toks užkrečiantis, kad pažinus tokią dievišką meilę, sunku ja nesivadovauti. Giliausia Dievo meilės samprata ateina tada, kai suvokiama, jog daug palaiminčiau yra duoti, o ne prašyti, kaip eilėraščiuose „Fontanas“ ir „Tie žmonės“, kur ryškiai atskleidžiama Asyžiečio serafiškosios meilės gelmė:

Nedarė gėdos Tau
Ir niekad nedarys
Tie žmonės, gailestingai dosnūs.
Jų atviras namų duris,
Sodybų gluosnius
Atranda visuomet lengvai
Pavargėliai, padegėliai, keleiviai –
Net elgetos akli
Aptinka jų namus,
Žiemom nebijo paukščiai
Sulėkti į kiemus.

Išalkusiam ten duona atriekta,
Ištroškusiam – kieme vandens ąsotis (Andriekus, 1985, p. 77)

Šiame eilėraštyje interpretuojama evangelinė alegorija apie pasaulio pabaigą, papasakota Kristaus. Joje Kristus kviečia paveldėti Dievo karalystę palaimintuosius: „Nes aš buvau išalkęs, ir jūs mane pavalgydinote, buvau ištroškęs, ir mane pagirdėte, buvau keleivis, ir mane priglaudėte, buvau nuogas – mane aprengėte, ligonis – mane aplankėte, kalinys – atėjote pas mane“ (Mt 25, 35-36). Alegorijoje atrveriama serafiškosios meilės samprata, pagrįsta gailestingumu kiekvienam Dievo kūriniui. Anot Kristaus paaiškinimo, kas buvo padaryta kokiam žmogui ar gyviui nesitikint naudos, tai buvo padaryta pačiam Kristui. Dievo meilė tokia gili, kad Andriekaus lyrinis subjektas jaučiasi „dėl jos nukryžiuotas“ (Andriekus 1991, p. 15), o Viešpaties sukurtame pasaulyje „apstu serafiškosios meilės“ (Andriekus 1976, p. 43). Pats Dievas savo esme yra Meilė didžiąja raide. Tai vienas iš Dievo vardų ir bene svarbiausias, kas ir atsiskleidžia eilėraštyje „Ugnis“. Žvelgiant giliau, už Dievo ir jo kaip Meilės įvardijimo, slypi Meilės karalystė. Dievas yra Meilės karalystės steigėjas (eil. „Skausmas“), kurio meilė vienodai pasireiškia tiek danguje, tiek žemėje (eil. „Altoriai“). Andriekaus lyrinis herojus Dievo negali kitur mylėti, kaip tik po suvargusiu stogeliu, todėl galbūt tokios žmogaus meilės Dievui gali būti per maža. Tada tik dygstantis „lino žiedas“ galėtų jį išteisinti paukštelio ir žmogaus Globėjo akivaizdoje (eil. „Meilė“). Pats Andriekus savo autobiografijoje teigia, kad serafiškoji „meilė visą gyvenimą gaivino ir mane, įkvėpdama atlaidumo, užuojautos ir polėkio vaduotis iš skaudžios tikrovės“ (Andriekus 1993a).

Amerikoje Andriekus buvo sulaukęs įvairių atsiliepimų apie savo kūrybą. Daug kas jam yra sakę, kad jo eilėraščiai yra graudūs, tragiški ar net pesimistiški. Jo buvo klausiama, kodėl jie nėra tokie šviesūs ir optimistiški kaip šv. Pranciškaus Asyžiečio. Andriekus į tai atsakė, kad jei šv. Pranciškus būtų gyvenęs XX a., tai jis giedotų kitaip, galbūt net prakeiktų mūsų nelaimingą amžių. Andriekus visada norėjo kalbėti kaip XX a. žmogus, nes nuo gimimo jautė pasaulio dramatiškumą, kraują, neapykantą ir pesimizmą (Peleckis 1994, p. 13): „Jeigu viską išgiedočiau, / Ką esi giedoti liepęs – / Dar nykesnės būtų mūsų naktys, / Dar klaikesnės būtų mūsų dienos“ (Andriekus 1960, p. 105).

Ne tiek daug, bet pasitaiko Andriekaus poezijoje ir žmogiškosios meilės, bet ne eroso akcentų. Kadangi Andriekui teko gyvenimą pašvęsti serafišksoios meilės sklaidai, jis retai kalba apie fizinę meilę be dieviškosios kibirkšties. Andriekui meilė siejasi su vaikais, sužieduotiniais, tačiau žemiškoji meilė yra pažymėta kančia, širdies skausmu ir galimybe užgesusiai meilei vėl prisikelti (eil. „Naktis“, „Atsisveikinimas“, „Vieną rudenį“, „Daina“). Andriekaus lyrinis subjektas sako: „Ši naktis sudaužė mano širdį, / Meilės iškankintą <...>“ (Andriekus 1960, p. 108). Kančia dėl meilės – tai tik viena kančios išraiškos formų.

Kančios prasmė. Šalia meilės kančios poeto kūryboje atsiranda širdies raudos ir sopulio, liūdesio, skausmo ir kitų kančios įvaizdžių. Andriekaus poezijai būdingas kančios jutimas ir prasmė. Žmogiškasis gyvenimas neįsivaizduojamas be kančios, kuri asmenį lydi nuo gimimo. Nors Andriekus yra tikintis kūrėjas, tačiau galima teigti, kad jis yra liūdesio ir skausmo poetas, prinokęs liūdesiui, kaip ir eilėraštyje „Benamio dalia“, nes jo eilėraščiuose nemažai minėtų motyvų, išryškėjančių lietuvių tautos būtyje (eil. „Dalia“, „Rauda“, „Skausmas“, „Sostas“, „Po šiuo dangum“). Andriekaus eilėraščiuose reiškiamas skausmas nėra beprasmis, nes prisimenamas paties

didžiausio skausmo įsikūnijimas – Kristus. Jis „Suvargusio žmogaus pavidalu“ kenčia už žmones ir už kitus gyvius (eil. „Pavasarį“). Kartais taip širdį skauda ir gelia, kad net malda į Viešpatį to skausmo nesumažina (eil. „Nelieka pėdsakų“), nors lyrinis subjektas ir prašo „Nepalikti žmogaus tokiame liūdesy...“ (Andriekus 1955, p. 20). Nieko nevyksta žemėje be Dievo plano, taigi ir skausmas, ir liūdesys duodamas taip pat iš aukščiau, primenant dieviškąją kančią, kuri tikrai nebuvo menkesnė už mūsų kančias, todėl įsižiūrėjus į Viešpaties kančią, galima pažinti protėvių „skausmingą dalią“ (Andriekus 1960, p. 121). Žmonėms skausmas ir liūdesys tarsi išbandymas, kuriuo siekiama pamatyti, kaip žmonės toje kančioje įsižiūrės į Kristaus jau iškentėtą kančią ir išvadavimą. Lyrinis subjektas apgailestauja: „Tu visko visko duodi mums – / Labiausiai skausmo nepamažini“ (Andriekus 1960, p. 93). Eilėraštyje „Įsikūnijimas“ Andriekaus lyrinis herojus suvokia, jog mūsų skausmas iš tikrųjų yra Kristaus skausmas, kuris buvo nuo pasaulio sukūrimo ir bus iki jo pabaigos: „Tas mūsų skausmas buvo Tavo / Ir Tavo amžiais bus“ (Andriekus 1985, p. 11). Tą varginantį skausmą ir liūdesį mums nešti padeda mūsų angelai, todėl jie yra tokie nuvargę (eil. „Mano angelas“). Skaudžioje vienatvėje galima pasitikėti Viešpačiu ir jausti ypatingą jo globą (eil. „Skausmas“). Kartais ilgas liūdesys gali virsti staigiu džiaugsmu, kaip eilėraštyje „Atminimai“. Žmogiškoji atmintis turi savybę einant metams nublankti, tačiau vakaro nudažytas debesėlio pakraštys primena Dievo šypsnį. Širdį atgaivina ir kasmet atgimstantis pavasaris, kurį išvydus galima linksmai dainuoti „net skausme“ (eil. „Pavasaris“). Kančia žmogiškoje būtyje yra neišvengiamas dalykas, kadangi skausmas ir liūdesys yra žmogaus palydovas gyvenimo kelyje (eil. „Po šiuo dangum“, „Dalia“), tačiau lyrinis subjektas prašo, kad pavargę po darbo žmonės nejaustų sunkumo nakties, kuri yra pritvinkusi skausmų (eil. „Kai gula miglos“).

Darbo pašventimas Dievui. Andriekaus poezijoje neįsivaizduojamas žmogus be darbo. Žmogiškosios būties egzistencijos pagrindą ir sudaro darbas, kuris žmogų lydi visą jo gyvenimą (eil. „Duona“, „Apvaizda“, „Tave minės“, „Amžiai“, „Buitis“, „Susitikimas“, „Rugiapjūtė“). Dievas žmogui gyvenimą suteikia ne dėl to, kad jis pragulėtų, o tam, kad gavęs vieną ar du talentus, juos vystytų ir nugyventų Dievo skirtą gyvenimą. Eilėraštyje „Amžiai“ darbas yra pašvenčiamas Dievo garbei:

> Visą laiką, palenktus prie darbo,
> Mus šventos kantrybės, Dieve, mokei.
> Visą laiką,
> Visą laiką tavo šlovei, tavo garbei
> Malėm girnom,
> Arėm žagrėm,
> Kūlėm spragilais javus,
> O nuilsę, balsiai nedejavom (Andriekus 1960, p. 27)

Darbo pašventimą Dievui ryškiai atskleidžia ne tik jau minėta ištrauka, bet ir eilėraštis „Duona“, kur Andriekaus lyrinis subjektas ne tik laimina dirvas prieš pradėdamas darbą, tačiau ir duonoje įspaudžia kryžiaus ženklą prieš dėdamas ją į krosnį. Tradiciškai krikščioniškoje lietuvio pasaulėjautoje buvo įprasta pradėti darbą paprašius Dievo apsaugos. Yra didesnė tikimybė, kad Dievo vardu palaiminta dirva ir grūdai duos didesnį derlių nei nepalaiminta. Nepalaiminta dirva gali būti sausros išdeginta arba liūčių nusiaubta. Todėl „Prieš grūdą berdamas / Į žemę, rūpestingas mūsų tėvas / Palaimino dirvas“ (Andriekus 1963, p. 91). Ne tik sėjant derlių visas darbas pavedamas Dievo apsaugai, tačiau ir nurenkant užderėjusį derlių, tai daroma Dievo vardan: „Kai vardan Dievo buvo sėjama / Ir vardan Dievo derlius renkamas“ (Andriekus 1985, p. 52). Nors visas darbas ir pavedamas Dievui ir jo apsaugai bei priežiūrai, tačiau sėjama sielvartingai, nes naujo derliaus dar teks ilgai laukti, o atsargų mažėja, bet užtat naujas derlius nuimamas džiaugsmingai ir linksmai (eil. „Buitis“), nes bus galima kepti duoną iš naujo derliaus grūdų paženklinant ją kryžiaus ženklu. Tačiau ne kiekviena rugiapjūtė linksma. Gali būti, kad nelinksmos tos rugiapjūtės, kurioms nebuvo prašoma apsaugos Dievo vardan. Nors Dievas pjovėjus ir „Palydi gerom akim“, tačiau jie nelabai turi „vilties sukrauti derlių / Rudenį į savo kluonus“ (Andriekus 1960, p. 162).

Dievas visada rūpinosi ir rūpinasi savo kūrinių gerove. Vieniems palikus šią būtį, jis rūpinasi kitais, „Jų rugiapjūte, jų sėja“ (Andriekus 1960, p. 42), globoja juos. Dievo globa ir rūpestis

pasireiškia kasdienės duonos suteikimu žmonėms. Prisimenant Kristaus duonos ir žuvies padauginimą, Andriekaus lyrinis subjektas teigia, kad Dievo Apvaizda savo kūrinius apdovanoja ne tik valgiusiųjų duonos trupiniais, bet ir duonos kepalais. Lyrinis subjektas, atsimindamas maldą „Tėve mūsų“, prisimena, jog reikia prašyti duonos kasdienės ir taip palaikyti šioje žemėje tikėjimą ir viltį (eil. „Trupiniai“).

Visada norisi Dievui parodyti „tas kruvinas ražienas, / Kemsynus, kurmrausas, / Nesuskubtą nugriebti šieną, / Išblukusias nuo vasarų lietaus / Lankas, trobelę prisimerkusią <...>“ (Andriekus 1960, p. 110). Norisi pasikviesti Dievą ne tik į savo sielos vidų, bet ir į trobelę. Dievo apsilankymas tikinčiojo namuose visada dvasiškai pakylėja tikintįjį. Tačiau Andriekaus lyrinis herojus abejoja, ar tik ne be reikalo pakvietė Dievą į savo namus, nes galbūt yra labiau gyvenimo pažeistų, kuriuos Dievas turėtų aplankyti pirmiau, o po to ir kitus (eil. „Susitikimas“).

Eilėraštyje „Sielvartas“ Dievas pasirodo kaip šešėlis nuo kaitrios saulės. Jam dėkojama už pagalbą, be kurios sunkiai įsivaizduojama žmogaus būtis žemėje. Debesys metaforiškai įvardijami kaip delnai ir Dievo kūnas, saugantys nuo kaitros. Dievo kūnas dar įgyja ir uolos prasmę: „savo kūnu žemėje / Taip saugiai juos užstojai / Saulėtą dieną nuo kaitros, / Atšiaurią naktį nuo audros“. Visą gamtos stichijų galybę pajusdavo „Šitų ramių laukų artojai“ (Andriekus 1960, p. 46). Dažnai darbai buvo dirbami saulėtomis ir kaitriomis dienomis, tačiau visus darbus pavedant Dievo garbei, iš jo buvo sulaukiama debesų nuo kaitros.

Žmogaus lemtingumas. Andriekaus poezijoje kalbama apie žmogaus būties laikinumą ir pašaukimą arba lemtį tam tikroms pareigoms. Dievas Senajame Testamente iš anksto nulemdavo savo pranašų gyvenimus, pašaukdavo juos dar prieš jiems gimstant. Apie Jeremijo pašaukimą kalba pats Viešpats: „Dar prieš sukurdamas įsčiose, aš tave pažinau, dar prieš tau gimstant, tave pašventinau, pranašu tautoms tave paskyriau“ (Jer 1, 5). Panašiai apie savo sukūrimą užsimena ir pranašas Izaijas: „Mane Viešpats pašaukė dar negimusį, dar motinos įsčiose tebesantį; jis ištarė mano vardą“ (Iz 49, 1). Galima kalbėti apie Andriekaus lemtį, kur paliečiamas „dvasininko kaip žmogaus ribotumas ir antgamtinės pagalbos būtinybė“ (Andriekus 1993b). Nors Andriekaus lyrinis subjektas teigia, kad nėra „žmogaus prašytas / Nei Dievo pateptas / Visoj pilnybėj aprašyti / Malonių paslaptis“ (Andriekus 1976, p. 19), tačiau eilėraštyje „Liepsnelė“ apie savo gyvenimą kalba, kaip apie laikinumo įsikūnijimą: „Aš esu tik liepsnelė mažytė, / Atplevenus blyksėt laikinai“ (Andriekus 1976, p. 15). Atsižvelgdamas į žmogaus laikinąją būtį, lyrinis subjektas minėtame eilėraštyje supranta, kad jį į pasaulį Dievas išleido tik pažaisti. Šis minimas žaidimas susideda iš daugelio gyvenimo etapų: gimimo, kūdikystės, vaikystės, paauglystės, brandaus amžiaus, senatvės ir neišvengiamo dalyko – mirties. Eilėraštyje „Kelyje“ apie šį gyvenimišką žaidimą autorius rašo: „Tik mes einam, einam sau iš lėto / Prie didžiųjų Vartų neskubėdami“ (Andriekus 1991, p. 162). Šis eilėraštis leidžia suvokti poetinio universalumo laiką, kadangi jo atveju galime kalbėti ne apie *chronos*, o apie *kairos* laiką, kuris persmelkia žmogiškąją būtį. Vartai simbolizuoja perėjimą iš šiapus į anapus. Iš žmogiškosios būties į amžinojo gyvenimo pilnatvę. Gali būti, kad šie Vartai yra skirti tiktai Andriekaus eilėraščio lyriniam subjektui, bet niekam daugiau. Galima kalbėti apie Evangelijos dviejų kelių alegoriją ir ją taikyti minimiems Vartams: „Įeikite pro ankštus vartus, nes erdvūs vartai ir platus kelias į pražūtį, ir daug juo einančių. Kokie ankšti vartai ir koks siauras kelias į gyvenimą! Tik nedaugelis jį atranda“ (Mt 7, 13-14). Vartų atidarymas vyksta niekur ir tuo pačiu visur per ilgus amžius – nuo Sutvėrimo ligi Paskutinio teismo dienos, o gal nuo tada, kai buvo pažadėta, jog beldžiančiam bus atidaryta. Tačiau, anot literatūrologės Loretos Mačianskaitės, jei ir įvyktų simbolinis perėjimas per Vartus, tačiau vis tiek kita Vartų pusė pasirodytų tokia pati. Konjunkcija neįmanoma. Dangaus vartai yra nepasiekiami, nes už jų naktis, ir nebūties tarpas prieš atpildo dieną (Mačianskaitė 2000, p. 15).

Išvados. Andriekaus poezijoje atskleidžiamas žmogiškosios būties prasmingumas, kuris įprasminamas buvimu čia ir dabar. Jei žmogus likimo yra įsviestas į gyvenimą, tuomet tą gyvenimą jis privalo nugyventi ne bet kaip, bet prasmingai, pašvęsdamas jį krikščioniškojo universalizmo idėjų sklaidai. Tikinčio žmogaus gyvenimas, kad ir kaip būtų nusėtas kančių, turi būti dorai ir teisingai nugyventas. Atlikus savo misiją žemėje, Andriekaus lyrinis subjektas yra paimamas iš šios žemės mirties pavidalu.

Andriekaus poezijoje asmens gyvenimas laikomas unikaliu ir nepakartojamu, vienkartiniu ir vienlaikišku. Galima teigti, kad Andriekaus lyrinis subjektas atspindi filosofines Levo Karsavino ir Antano Maceinos idėjas laiko kategorijos atžvilgiu. Asmuo gimsta ir miršta, o tuo laikotarpiu, tarp atėjimo į šį pasaulį ir išėjimo iš jo, jis gyvena vieną ir nepakartojamą gyvenimą. Todėl Andriekaus lyrinis herojus stengiasi gyventi visomis prasmėmis teisingą gyvenimą, kad nenusikalstų amžiniesiems dėsniams, nebūtų panardintas į nebūtį Dievo žodžiu, bet prikeltas amžinajam gyvenimui, nes, kaip teigia Maceina, vienintelis Dievas turi privilegiją mus pašaukti iš nebūties, kur nebūtis suprantama kaip mirties faktas, o prikėlimas kaip Dievo dovana.

LITERATŪRA

ANDRIEKUS, L., 1955. *Atviros marios*. Brooklynas: Išleido Tėvai pranciškonai
ANDRIEKUS, L., 1960. *Saulė kryžiuose*. Brooklynas: Išleido pranciškonai
ANDRIEKUS, L., 1963. *Naktigonė*. Brooklynas: Išleido Tėvai pranciškonai
ANDRIEKUS, L., 1976.*Už vasaros vartų*. New Yorkas: Išleido Pranciškonai
ANDRIEKUS, L., 1985. *Atmink mane, Rūpintojėli*: Rinkinio „Saulė kryžiuose“ antroji versija. Brooklyn, N. Y.: Pranciškonai.
ANDRIEKUS, L., 1991. *Pasilikau tik dangų mėlyną*: poezijos rinktinė, Vilnius: Vaga.
ANDRIEKUS, L., 1993a. „Gimiau naktį – prieš aušrą“ in: *Lietuvos OFM archyvas*.
ANDRIEKUS, L., 1993b. „Tik liepsnelė mažytė: autobiografiniai metmenys“ in: *Lietuvos OFM archyvas*.
HEIDEGGER, M., 2001. *Sein und zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
KEINYS, ST. (vyr. red.), 2000. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, 4-asis leid. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
MACEINA, A., 1990. *Jobo drama* in: Raštai, t. 3: trilogija „Cor inquietum“. Vilnius: Mintis.
MAČIANSKAITĖ, L., 2000. „Belsk ir bus atidaryta“ in: *Mokykla*, , Nr 5, p. 15.
MOCKŪNAS, L., 1989. *Egzodo literatūros atšvaitai: Išeivių literatūros kritika, 1946–1987*. Vilnius: Vaga.
PAŠKUS, A., 1990. *Asmenybė ir religija*: psichologinio vystymosi perspektyvoje. Chicago: Į Laisvę Fondas lietuviškai kultūrai ugdyti.
PELECKIS, L., 1994. L. Andriekus: Mano turtas – dangus mėlynas ir sugraudinta širdis. In: *Lietuvos aidas*, gruod. 9.
ROZENTALIS, M. (red.), 1975. *Filosofijos žodynas*. Vilnius: Mintis.
КАРСАВИН, Л. П., 1992. „О Личности“ in: Карсавин Л. П. *Религиозно-философские сочинения*, т. 1, Москва: Ренессанс.
КАРСАВИН, Л. П., 1994. „Диалоги“ in: Карсавин Л. П. *Малые сочинения*, Санкт-Петербург: Алетейя.

Dainius Sobeckis
Vytautas Magnus University

MEANINGFULNESS OF HUMAN SUBSISTENCE IN LEONARDAS ANDRIEKUS' POETRY

Summary

Leonardas Andriekus' poetry brightly reveals the meaningfulness of human subsistence. For Andriekus, subsistence consists of life phenomenon, unfolding beauty in God's world, seraphic, but not carnal, love and suffering arising from it. Labour dedication to God and man's fatality which points his way towards eternity are very important in the poet's poetry. Vacuous subsistence is forbidden in Andriekus' poetry. The poet's significant subsistence turns us towards eternal things. Andriekus' lyrical subject realizes that only meaningful life on the Earth, which in every possible way is sanctified to God, can be a guarantee of the eternal life. The main focuses of subsistence in Andriekus' poetry are associated with labour giving sense to everything, and unselfish seraphic love turned to others.

KEY WORDS: L. Andriekus, poetry, subsistence, meaning.

Giedrė Šukytė
Šiaulių universitetas
Humanitarinis fakultetas
P.Višinskio g. 38,76352 Šiauliai
ziemgale@yahoo.com

KO ČIA SPARDAIS KAIP ARKLYS DVĖSDAMAS?: ŽMOGAUS VERTINIMAS PASITELKIANT GYVŪNO ĮVAIZDĮ LIETUVIŲ PAREMIJOSE

Straipsnio objektas – lietuvių paremijos, kuriose aptinkamas arklio vaizdinys. Straipsnio tikslas – atskleisti, kokios žmonių savybės lietuvių kultūroje perteikiamos pasitelkiant arklio įvaizdį. Pastebima, jog perkeltinės prasmės paremijų tekstuose arklio įvaizdis vartojamas kalbant apie vyro ir moters santykius, vestuvinius papročius, žmogaus būdo bei elgesio bruožus. Vertinamos fizinės savybės, charakterio bruožai, o emocinė žmogaus būklė reiškiama perkeltiniais arklio vaizdiniais. Taip pat atkreipiamas dėmesys į vertinimo kontekstą: kada gyvūnas pasitelkiamas pašaipai, kada pagyrimui ar paties gyvūno įvardijimui (arkliu, žirgu, kumele ir t. t.). Analizuojama medžiaga siejama su kitais tautosakos žanrais bei tradiciniam lietuvių pasaulėvaizdžiui būdingais vaizdiniais.

ESMINIAI ŽODŽIAI: folkloras, paremijos, arklys, žmogus, tradicinė kultūra.

Įvadas

Straipsnyje pristatomas konkretaus gyvūno – arklio – įvaizdis, kuris pasitelkiamas lietuvių paremijose žmogui apibūdinti. Paremijos – bendras patarlių, priežodžių ir sentencijų pavadinimas (TŽŽ 2001, p. 551). Pasirinktas arklio įvaizdis, nes arklys – vienas įvairiapusiškai pateikiamų bei dažniausiai minimų gyvūnų lietuvių folklore. Jis užima bene svarbiausią vietą tarp visų naminių gyvūnų tradicinės kultūros žmogaus pasaulėžiūroje. „Lietuvių patarlių ir priežodžių“ sąvado pirmame tome fiksuojamas 131 patarlių ir priežodžių tipas, kurio atraminis žodis – *arklys*. Pagal užrašytus tekstus arklys užima antrą vietą tarp patarlėse minimų gyvūnų (Kadžytė 1997, p. 53). O jei skaičiuotume tekstus su įvardijimais žirgas, kumelė, kuinas, drigantas ir t .t., tai tikėtina, jog arklys galėtų pretenduoti ir į pirmą vietą. Straipsnio tikslas – atskleisti, kokios žmonių savybės atskleidžiamos lietuvių kultūroje per arklio įvaizdį. Vertinamos fizinės savybės, charakterio bruožai, o emocinė žmogaus būklė išreiškiama perkeltiniais arklio vaizdiniais. Taip pat atkreipiamas dėmesys į vertinimo kontekstą: kada gyvūnas pasitelkiamas pašaipai, kada pagyrimui atskleisti ar gyvūnui įvardyti (arklys, žirgas, kumelė ir t. t.). Darbe naudojamasi akademiniu „Lietuvių patarlių ir priežodžių“ (LPP) sąvadu. Naudotasi lietuvių patarlių ir priežodžių elektroniniu sąvadu, sukurtu Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto (LPPe), bei elektroniniu „Lietuvių kalbos žodyno“ variantu, parengtu Lietuvių kalbos instituto (LKŽe). „Lietuvių tautosakos” penktame tome (LTt V) esanti medžiaga papildo minėtus šaltinius.

Žmogaus jėga, sveikata, amžius

Bene labiausiai akcentuojamas arklio bruožas, pasitelkiamas lyginant žmogaus savybes, yra jėga bei tvirtumas. Ši savybė atkreipė tradicinės kultūros žmogaus dėmesį ir kituose folkloro žanruose. Priežodžiai dažnai apsiriboja trumpais, labai konkrečiais tekstais: *stiprus / tvirtas kaip arklys* LPP 617.

Arkliui priskiriama ir gera sveikata**:** *Sveikas kaip arklys* LPP 617; *Strainybė – kaip tik arklys dvieigys* LPP 669. Nors dominuoja trumpučiai tekstai, vis dėlto pasitaiko ir detalesnių apibūdinimų. Paskutiniame cituotame tekste sukonkretinamas arklys, su kuriuo žmogaus fizinė būklė lyginama. Įvardijimas *dvieigys* rodo, jog kalbama apie jauną, dvejų metų arklį (LKŽe: dvieigys). Nenuostabu, jog toks gyvūnas ir siejamas su *strainybe*, t. y. smarkumu, vikrumu (LKŽe: strainybė). Tvirtumas, stiprumas, gera sveikata siejami būtent su *arkliu,* t. y. darbiniu gyvuliu, kuris ir galėjo būti fizinės jėgos simbolis.

Esama ir kitokių tekstų, kuriais, pasitelkiant arklio vaizdinį, išreiškiamas ironiškas požiūris į žmogaus fizinę būklę. Senumas, silpnumas perteikiamas nukaršusio arklio apibūdinimu: *Eiklus kaip galadienis arklys* LPP 622. Čia žodis *eiklus* suvokiamas atvirkščiai. Eiklumas – senatvės, sunkios fizinės būklės ironiška išraiška. Kiek kitokios patarlės, kuriose kalbama apie sergančių ar sirgusių arklių galimybes atlikti savo pareigas: *Gydytu arkliu netoli josi* LPP 623. Kitose patarlėse minimas raišumas: *Raiša kumele netoli josi* LPP 623. Cituojamuose tekstuose konstatuojamas ligoto gyvūno netinkamumas. Šiomis patarlėmis buvo apibūdinamas asmuo, kuris veda silpnos sveikatos žmoną ar išteka už pasiligojusio vyro (LPP p. 201). Taigi arklio ar kumelės vaizdinys metaforiškai pakeičia sutuoktinio vaizdinį.

Sėdėjimo balne vaizdas gali nusakyti žmogaus amžių, jo brandą. Patarlėse sėdėjimu ant arklio apibūdinimas vestuvių tradicijoms būdingas amžiaus tarp merginos ir vaikino skirtumas: *Bernas arkly – merga lopšy* LTt V 243.

Žmogaus veiklumas, darbingumas

Apibūdinant pernelyg didelį aktyvumą, pasitelkiami kiti arklio įvardijimai. Užrašytas palyginimas: *nenuturimas kaip žirgas* LPPe: žirgas. Palyginime svarbus *žirgo* įvardijimas. *Žirgo* sąvoka dažniausiai aptinkama tuose tautosakos kūriniuose, kuriuose kalbama apie jojimą šiuo gyvūnu. Žirgas, skirtingai nei arklys, labiau siejamas ne su darbine veikla, bet su pramoga, todėl ir priežodis labiau išreiškia žavėjimąsi nei piktinimąsi tokiu žmogaus būdu. Esama ir daugiau patarlių, arklio vaizdiniu apibūdinančių perdėm didelę energiją: *Išsiręžęs, išsitempęs kaip stainios drigontas* LKŽe: drigantas. *Drigantas* – eržilas, kumelys (LKŽe: drigantas), itin aktyvus gyvulys. Drigantas siejamas ir su fiziniu aktyvumu: liaudies dainose vaizduojamas kaip eiklus kinkomas gyvūnas. Yra kelios patarlės, kuriose stebimasi tokiu arkliu net jam nugaišus: *Drigonto ir skūra ant tvoros šokinėja* LKŽe: drigantas; *Eržilo oda ir ant balkio žvengia* LTt V 64. Galbūt energingo arklio apibūdinimu norima pasakyti, jog aktyvaus žmogaus darbai prisimenami ir jam mirus.

Ir tradicinėje, ir šiuolaikinėje kultūroje itin teigiamai vertinamas darbas, darbštumas. Ši savybė aktualizuojama ne vienoje paremijoje: *Dirba kaip arklys*; *Veža kaip arklys* LPP 615. Kita vertus, priežodis gali išreikti ir požiūrį į itin sunkiai, akivazdžiai per daug dirbantį asmenį. Tai patvrtintų ir paremijų tekstai: esama naratyvų, kuriuose ryškinamas arklio, kaip labai sunkai dirbančio gyvūno, įvaizdis. Jose iš dalies netgi gailimasi arklio: *Nepavydėk arkliui jo sunkios duonos* LPP 647. Įvardijimas *arklys* dažniau siejamas su agrarine kultūra, žemdirbyste, jis akivaizdžiai suvokiamas kaip gyvūnas, kuriuo dirbama žemė. Reikėtų paminėti, jog sakytinės tautosakos žanre – etiologinėse sakmėse – fiksuojamas tik *arklio* įvardijimas. Aiškinant šio gyvūno kilmę, visais atvejais aiškinama arklio, o ne žirgo kilmė, to priežastis – darbinio gyvulio poreikis. Kadangi dauguma lietuvių paremijų išreiškia valstietišką požiūrį į gyvenimą, nenuostabu, kad jose nemenkas dėmesys kreipiamas į arklio darbingumą. Tai sąlygojo ir paties žodžio *arklys* aiškus siejimasis su žodžiais *arti, arklas, arimas* (Sabaliauskas 1965, p. 99).

Žmogaus sudėjimas

Dar viena arklio fizinė savybė, kuri lyginama su žmogaus fizine išvaizda – dydis: *Didelis/drūtas kaip arklys* LPP 612. Reikia manyti, jog šiuo atveju dydis suvokiamas kaip teigiamas bruožas: dydį siejant su jėga, fiziniu pajėgumu, priežodį iš tiesų galima suvokti kaip pagyrą. Kita vertus, galbūt jame yra ironijos – išsiskirti, taip pat ir išvaizda, tradicinėje visuomenėje nebuvo labai geras dalykas.

Šaipymasis iš neproporcingumo labai aiškiai juntamas išplėstame palyginime: *Didelis kaip arklys, durnas kaip asilas* LPP 613. Kodėl šie gyvūnai pasitelkiamai kartu, kalbant apie žmogų? Arklį ir asilą biologiškai sieja bendra kilmė (LTE 1976, p. 378). Tautosakoje asilas ir arklys dažnai pasikeičia vaidmenimis. Kai kurie mitologai netgi mano, jog asilas kai kur galėjo pakeisti arklio vaizdinį (Голан 1993, p. 47). Reikia pastebėti, jog minimame priežodyje akcentuojamą kvailumą (pasitelkiant asilą) tik sustiprina lyginimas su arklišku dydžiu. Dar ryškiau dydis ir kvailumas

supriešinami priežodžiuose gretinant arklį su menkesniu gyvūnu: *Didelis kaip arklys, kvailas kaip višta* LPPe: arklys; *Didelė kaip kumelė, kvaila kaip avelė* LPPe: kumelė. Galiausiai arklys tampa pavyzdžiu, jog dydis dar nereiškia išminties: *Arklio didelė galva, o proto – tai maža* LPPe: arklys. Taigi sudėjimas šiuo atveju tampa neigiamą atspalvį turinčia savybe.

Pagarbą, o gal net baimę, arkliams dėl jų dydžio, fizinės jėgos rodo patarlė, turinti ryškių sąsajų su pasakojamąja tautosaka: *Kad arklys apie savo drūtį žinotų, tai nieks ant jo nepajotų* LPP 632. Etiologinėje sakmėje pasakojama, kad arklys buvęs labai stiprus ir nenorėjęs klausyti žmogaus, todėl Dievas padarė taip, kad jis žmogų matytų didesnį už save (LTR4638 20).

Netinkamas maitinimasis, pernelyg didelis maisto poreikis

Ėdrumas – viena tų savybių, kuriomis paremijose išsiskiria ne itin daug personažų, tačiau arklio pomėgis gausiai paėsti akcentuojamas pakankamai dažnai: *Ėda / ryja kaip arklys* LPP 619. Neigiamas požiūris į daug valgantį asmenį dar aiškiau pabrėžiamas priežodyje: *Ėda kaip arklys, dirba kaip gaidys* LPP 620. Patarlė žinoma ir Latvijoje: *Ēd kā zirgs, strādā kā gailis* (Grigas 1987, p. 27), tačiau kitose šalyse nėra paplitęs. Kita vertus, esama ir tam tikro pateisinimo, kodėl žmogus taip elgiasi: *Dirbu kaip jautis, valgau kaip arklys* LPP 620. Vis dėlto ir šioje patarlėje požiūris į arklio ėdrumą išlieka neigiamas.

Patarlių, kuriose kalbama apie arklį bei jo pašarą, esama labai daug. Viena jų – arklio kontaktas su maistu, t. y. artėjimas prie maisto, o kartais ir tolimas nuo jo: *Ne ėdžios į arklį eina, o arklys į ėdžias* LTt V 2672; *Abrakas pas arklį neina* LPP 8. Šiuo atveju metaforiškai norima pasakyti, jog norėdamas gauti trokštamą daiktą, turi pats jį pasiekti. Įdomu, jog lietuviams, vokiečiams bei prancūzams ši patarlė yra vyro ir moters santykių, erotikos tema: mergina (patarlėje ėdžios/abrakas) neina pas vaikiną (patarlėje arklį), nes vaikinas turi eiti pas merginą (Kudirkienė 2007, p. 19). Čia vertėtų prisiminti lietuvių liaudies dainas, ypač vaizduojančias jaunų žmonių santykius, kuriose žirgo priežiūra, ypač jo šėrimas bei girdymas, dažnai siejamas su intymiąja sfera.

Metaforinis arklio – mėgstančio avižas gyvulio – vaizdinys pasitelkiamas ir dar vienoje patarlių grupėje: *Kuris arklys avižų neėda* LPP 639; *Nerasi tokio arklio, kur avižų neėstų* LTt V 373. Šios paremijos buvo vartojamos norint paaiškinti vyrų potraukį merginoms, jų silpnybę intymiems pasiūlymams (LPP p. 203). Kartais arklio ėdrumas įgyja ir seksualinio potraukio reikšmę: arklys įprasmina vyriškąją pusę, o avižos – moteriškąją. Čia kiek išsiskiria patarlė *Kuris arklys avižų papiltų neėstų?* LTt V 371. Anksčiau cituotuose tekstuose galima manyti, jog kalbama apskritai apie vyriškos pusės potraukį moterims, o pastaroji patarlė tarsi teigia, jog svarbus yra ir moteriškosios pusės elgesys. Mergina vaizduojama lengvai prieinama, todėl tarsi nesistebima, kad ji susilaukia vyrų dėmesio.

Panašios reikšmės, ko gero, esti ir patarlė: *Žiūri kaip arklys į avižas* LPP 681. Ji žinoma ir kitose kalbose. Kitose paremijose netgi išreiškiamas neigiamas požiūris į „arklį", kuris nemėgsta avižų: *Kvailas / prastas arklys, kuris avižų neėda* LPP 639. Beje, užrašyta ir pakankamai atvirų intymius santykius imituojančių paremijų, kuriose pasitelktas arklio įvaizdis: *Lipa kaip arklys ant kumelės; Mylisi kaip arkliai* LPPe: arklys.

Atliekami veiksmai, skleidžiami garsai

Kita neigiama elgesio savybė, siejama su arkliu – spardymasis, baidymasis: *Spardosi kaip kumelė pjaunama* LPPe: kumelė. Viena vertus, patarlės metaforiškai gali išreikšti žmogaus paskutinių jėgų sukaupimą prieš išeinant į kitą pasaulį. Tačiau tos pačios paremijos variantai *Ko čia spardais kaip arklys prieš dvėsimą?*/*Visada arklys dvėsdamas spardosi* LPP 678 gali turėti sąsajų su jau minėtos etiologinės sakmės pabaiga, kurioje aiškinamos arklio konvulsijos prieš dvėsimą: šis pamato, kad žmogus ne toks didelis, kaip jam atrodė ir todėl bent prieš mirtį nori jam įspirti (LTR4638 20). Iš tiesų, vieni tautosakos žanrai dažnai sudaro artimiausią kontekstą kitiems, kas labiausiai pastebima tarp stambesniųjų pasakojamosios tautosakos žanrų ir mažųjų formų (Būgienė

2004, p. 16). Galiausiai spardymasis, po eiklumo, yra bene pagrindinė laukinių arklių savigynos priemonė.

Su baidymusi siejamas regėjimas ar jo ydos. Sutrikusios regos arklys tarsi apibūdinamas teigiamai: *Žabalas arklys nesibaido* LPPe: arklys. Vis dėlto galima jausti ironiją: aklas arklys nesibaido, nes nieko nemato. Su arklio regėjimu siejasi ir pašaipus priežodis: *Baidos kaip arklys ant abiejų akių aklas* LPPe: arklys. Galima prisiminti, jog realybėje važiuojant arklių akys kartais buvo dengiamos, kad šie mažiau baidytųsi.

Neaplenkti ir arklio skleidžiami garsai, iš kurių jis yra atpažįstamas – žvengimu ar prunkštimu apibūdinamas žmogaus juokas: *Žvengia kaip arklys* LPP 682; *Prunkščia kaip arklys* LPP 658; *Žvengia kaip kumelė prie kūdros* LPPe: kumelė. Patarlėse aiškiai juntamas pašiepimas ar net bandymas sugėdinti asmenį, kuris netinkamai išreiškia emocijas. Patarlės jau savaime turi patariamąjį balsą, jų tikslas yra pamokyti žmogų kaip elgtis vienoje ar kitoje situacijoje ar kokio elgesio vengti (PP 1958, p. 14).

Išgąsčiui nusakyti liaudis vartojo palyginimą: *Šnirpščia kaip arklys dvasią matydamas* LPP 672. Tikėjimas, esą arkliai mato dvasias, fiksuojamas ir kituose folkloro žanruose. Mitologinėse sakmėse, padavimuose pasakojama apie tai, kad arkliai tam tikrose vietose pradeda keistai elgtis (BsV VII 2, 7, 9). Tokį elgesį žmonės aiškino tuo, jog kai kurie gyvūnai mato dvasias, ir arklys yra vienas iš jų.

Kitos savybės

Žmogaus lėtumas lyginamas su arklio rambumu: *Apsiprato, kaip rambus arklys prie botago* LKŽe: rambus. Rambiu vadintas sunkiai pavaromas, nebijantis botago, nerangus (LKŽe: rambus) gyvulys. Šiuo atveju rambumas nėra vertinamas neigiamai, veikiau konstatuojamas pats kantrumo, susitaikymo su nepalankiomis aplinkybėmis faktas.

Užsispyrimas taip pat nebuvo teigiama savybė nei kalbant apie naminius gyvulius, nei apie žmones: *Užsispyręs kaip naravistas arklys* LPP 676. Priežodyje arklys netgi detalizuojamas, vadinamas *naravistu*, t. y. užsispyrėliu (LKŽe: naravistas). Kai kuriose patarlėse arklio dykinėjimas vertinamas taip pat nepalankiai: *Dykas kaip arklys, linksmas kaip gaidys* LPP 614. Nedirbančio apibūdinimas vargu ar tiktų arkliui – paremijose dominuoja sunkiai dirbančio arklio įvaizdis. Tačiau žodis *dykas* turi keletą reikšmių: ne tik laisvo, be darbo (LKŽe: dykas), bet ir išdykusio, pasileidusio (LKŽe: dykas) asmens apibūdinimas. Išdykumas, pasileidimas, lytinė potencija siejami su arkliu ne viename tautosakos žanre. Galbūt čia pasitelktas pastarasis žodžio *dykas* traktavimas.

Gausu paremijų, kuriose žmogus lyginamas su arkliu iškeliant arkliui charakteringus ir kartu natūralius bruožus, kurie žmogui netiktų. Jau senovės pasaulėžiūroje žinomas polinkis pasaulio objektus sisteminti surikiuojant juos hierarchiškai. Žmogus yra aukščiau nei gyvūnai, augalai ar daiktai. Todėl žeminant žmogų, jis lyginamas su gyvūnais ar daiktais, o aukštinant – su Dievu ar šventaisiais, angelais (Крикманн 2001, p. 26–27). Norint žmogų pajuokti, vartojamas palyginimas su kumele. Juo norima išreikšti gėdą: *susigėdo kaip kumelė, vežimą išvertus* LPPe: kumelė; *kaip kumelės gėda* LPPe: kumelė. Kumelės įvaizdžiu išreiškiamas ir nenuovokumas: *žiopso kaip kumelė prieš saulėtekį* LPPe: kumelė. Pasitaiko ir vulgarių, itin užgaulių posakių: *raukosi kaip kumelės subinė* LPPe: kumelė; *nesiraukyk kaip kumelė nusimyžus* LPPe: kumelė; *sena kumelė pirdo, visa Ryga pasmirdo* LPPe: kumelė. Kumelės kaip pašaipų objekto suvokimas pastebimas daugelyje folkloro žanrų. Vestuvinėse sutartuvių dainose mergina, skirdama dovanas, išjuokia atvykusį piršti bernelį jam dovanodama aklą kumelaitę. Kumelė buvo ne pats tinkamiausias gyvūnas joti atliekant svarbius žmogaus gyvenimo įvykius. Vestuvinėse piršlybų dainose našlio ar senio atjojimas pirštis ant baltos / šyvos kumelės (*Oi tu našly, tu našleli, / Tu manęs norėjai, / Su šyvąja, su kumele / Pas mane atjojai* LLD II 504) gali sietis su tikėjimu, kad joti piršliauti ant kumelės, juolab baltos, yra blogas ženklas, kaip ir apskritai sutikti žmogų, važiuojantį balta kumele (Klimka 2008, p. 57).

Kita vertus, užfiksuota patarlė, reikalaujanti pagarbiai elgtis su kumele: *Su kumele kaip su motina reikia apsieiti, kad būtų gera* LPPe: kumelė. Kumelės ir moters santykis folklore akcentuojamas pakankamai dažnai. Įdomu, kad vestuvinėse dainose marti lyginama su kumele:

Marčią <...> kėp kumelų / ausuotų ausuotų LLD VIII 155. Nuotakos lyginimas su kumele pastebimas ir estų vestuviniuose apdainavimuose (Естонский фолклор 1980, p. 85). Patarlėse teigiama, esą *tik kumelę ir mergelę žmonės veda* LPPe: kumelė. Posakis *neprastos kumelės kumelaitė* LPPe: kumelė, taip pat leidžia įtarti kalbant ne apie gyvūnus, bet apie žmones. Nors esama patarlių, kuriose moteris ir kumelė priešinama, tačiau vien tai, kad jos lyginamos, byloja apie tradicinio mąstymo, kai lytis buvo svarbus gretinimo aspektas, pasireiškimą.

Emocijos

Su arkliu susiję veiksmai išreiškia tiek teigiamas, tiek neigiamas žmonių emocijas. Arklio gavimu išreiškiamos teigiamos žmogaus emocijos. Norint įvardyti džiaugsmą, sakoma *kaip arklį / žirgą gavęs* LPPe: arklys, žirgas. Arklio, juolab žirgo, įgijimas tampa malonių jausmų išraiška. Be arklio ar žirgo įgijimo, patarlėse didelė garbė ir džiaugsmas perteikiami užsodinimu ant arklio: *Kaip ant arklio užsodino* LPP 633, *Nusidžiaugė kaip ant šimto arklių sėdęs* LPPe: arklys.

Patarlė, nusakanti gerą ir blogą gyvenimo tarpsnį, taip pat kuriama pasitelkiant jojamo arklio vaizdinį: *Buvęs ir ant arklio, ir po arkliu* LPP 610. Šiuo atveju teigiamas emocijas sukelia raitelio įvaizdis: gerasis periodas išreiškiamas sėdėjimu balne.

Liūdintį žmogų labai taikliai iliustruoja palyginimas: *Nuliūdo kaip žirgą pardavęs* LTt V 664. Reikia atkreipti dėmesį į arklio įvardijimą *žirgu* – ne kasdieninių ūkio darbų pagalbininku, o itin brangiu gyvūnu. Jo praradimas folklore siejamas ne tik su brangaus gyvūno netekimu, bet ir su žmogaus statuso pasikeitimu.

Žmogui sumenkinti, jo prastą būklę parodyti pasitelkiamas keršo arklio įvaizdis: *Tas dar ant keršo arklio tebėr* LTt V 4245. Kerša spalva apibūdinama kaip juoda su baltu maišyta (LKŽe: keršas). Patarlės perkeltinė reikšmė – neaiški situacija (LTt V p. 1149) gali sietis su reta kerša spalva, laikyta ne itin geru ženklu. Šios spalvos arkliai nebuvo mėgiami kaimo bendruomenėje, manyta, kad jie yra silpni darbininkai ir buvo pašiepiami dėl išvaizdos, panašios į karvę. Sakytinio folkloro tekstuose šia spalva įvardijami prastos išvaizdos arkliai. Tikėjimų ar jų atspindžių, jog margas arklys lemia nesėkmes, išlikę Ukrainoje: nesąmonė apibūdinama kaip *margos kumelės sapnas*. Udmurtai taip pat turi patarlę: *Kai nėra arklio, tai ir baltmargis – arklys* (Nepokupnas 1983, p. 145f.). Taigi patarlėse gali atsispindėti tradicinės kultūros žmogaus požiūris į vienos ar kitos išvaizdos gyvūnus.

Išvados

Paremijose labai plačiai atspindimos įvairios realios arklių ypatybės, pasitelkiamos lyginant žmogų ir gyvūną. Tas rodo, jog arklys užėmė bene svarbiausią vietą tarp visų naminių gyvūnų tradicinės kultūros žmogaus pasaulėžiūroje.

Arklio įvaizdžiu perteikiamos ir neigiamos, ir tam tikros teigiamos žmogaus savybės, emocijos. Dažniau dominuoja neigiamos: žmogus pašiepiamas ar apibūdinamas netinkamai besielgiantis.

Arklio įvaizdis dažnai pasitelkiamas perkeltiniu būdu kalbant apie intymius žmonių santykius, vedybas. Šias perkeltines reikšmes dar labiau sustiprina akivaizdus žmonių intymaus elgesio lyginimas su arklių.

Išskirtinis tampa žirgo įvaizdis, kuris apibūdinamas teigiamai. Kaip ir kituose tautosakos žanruose, paremijose pastebimas aiškus menkinamasis požiūris į kumelę, ji itin dažnai pašiepiama. Paremijose atsiskleidžia tradicinėje pasaulėžiūroje vyravę tikėjimai, siejami su arklio įvardijimu, arklio spalva, arklio antgamtinėmis galiomis (dvasių regėjimas), šeimos papročiais. Šie veiksniai dažniausiai ir nulemia vienokį ar kitokį žmogaus vertinimą pasitelkiant arklio įvaizdį.

ŠALTINIAI

BsV – *Iš gyvenimo vėlių bei velnių*. Surinko J. Basanavičius. Vilnius, 1998.

LKŽe – *Lietuvių kalbos žodynas* (t. I-XX, 1941-2002); elektroninis sąvadas, redaktorių kolegija: Gertrūda Naktinienė (vyr. redaktorė), Jonas Paulauskas, Ritutė Petrokienė, Vytautas Vitkauskas, Jolanta Zabarskaitė. Vilnius, 2005. http://www.lkz.lt/
LLD II – *Lietuvių liaudies dainynas: Vestuvinės dainos*. Kn. 1. Piršlybų dainos. Parengė B. Kazlauskienė, melodijas parengė Z. Puteikienė. Vilnius, 1983. T. 2.
LLD VIII – *Lietuvių liaudies dainynas: Vestuvinės dainos*. Kn. 4. Jaunosios ieškojimo – išvažiavimo į jungtuves dainos. Parengė B. Kazlauskienė, melodijas parengė Ž. Ramoškaitė. Vilnius, 1994. T. 8.
LPP – *Lietuvių patarlės ir priežodžiai*. Parengė K. Grigas, L. Kudirkienė, R. Kašėtienė ir kt. Vilnius, 2000. T. 1.
LPPe – *Lietuvių patarlių ir priežodžių elektroninis sąvadas*. Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2005-2007. http://www.aruodai.lt/patarles/
LTR – Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
LTt V – *Lietuvių tautosaka: Smulkioji tautosaka*. Red. K. Grigas. Vilnius.1968. T. 5.
PP – *Patarlės ir priežodžiai*. Paruošė K. Grigas. Vilnius, 1958.
TŽŽ 2001: *Tarptautinių žodžių žodynas*. Sud. A. Bendorienė, V. Bogušienė, E. Dagytė ir kt. Vilnius.

LITERATŪRA

BŪGIENĖ L. 2004: *Komunikacinės sistemos kontekstas: sakmių ir patarlių sąveikos*. *Tautosakos darbai*. T. 20 (27). P. 13–20.
GRIGAS K. 1987: *Patarlių paralelės*. Vilnius: Vaga.
KADŽYTĖ G. 1997: Gaidys lietuvių patarlėse. *Tautosakos darbai*. T. 6–7 (13–14). P. 52–74.
KLIMKA L. 2008: Žirgas ir arklys lietuvių papročiuose. *Lietuviški žirgai*. Vilnius: Baltos lankos.
KUDIRKIENĖ L. 2007: Patarlės interpretacija: diachroninis aspektas. *Tautosakos darbai*. T. 33. P. 13–25.
LTE 1976: *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija*. T. 1. Vilnius: Mokslas.
NEPOKUPNAS A. 1983: Baltai slavų giminaičiai. *Kalba ir žmonės*. Vilnius: Mokslas.
SABALIAUSKAS A. 1965: *Žodžiai pasakoja*. Vilnius: Vaga.
ГОЛАН А. 1993: *Миф и символ*. Москва: Русслит.
ЕСТОНСКИЙ ФОЛКЛОР 1980: Ред. Р. Вийдалепп. Таллин.
КРИКМАНН А. 2001: Вклад современной теории метафоры в паремиологию. *Tautosakos darbai*. T. 15 (22). P. 19–92.

Giedrė Šukytė
Šiaulių universitetas

'STOP KIKCING LIKE A DYING HORSE': THE IMAGE OF A HORSE IN LITHUANIAN PROVERBS

Summary

The object of the article is Lithuanian proverbs where horse is mentioned. The aim of the research is to reveal which characteristics of a man are conveyed with an image of a horse in Lithuanian culture. Physical appearance and human character features of an emotional condition that are expressed with images of a horse are discussed. Also attention is given to the context of value: sometimes the animal is invoked for sneer, sometimes for praise. The importance of the kind of horse (horse, riding horse, mare etc.) is discussed as well. Some relation to other genres of folklore and traditional culture in general has been detected. In proverbs and short sayings, the image of a horse is portrayed in a figurative sense in description of the relationship between man and woman, also wedding customs, human character features and behaviour. It is important to note that features usually considered as positive may not necessarily be portrayed in a positive light; sometimes they are depicted with irony. Proverbs that mention horse's attitude towards food have metaphorical meaning, as they symbolize relationship between man and woman. It is important to note that sitting on horseback may symbolize high honour and joy, or may have references to man's age and maturity.

KEY WORDS: folklore, proverbs, horse, man, traditional culture.

Gintarė Vaitonytė
Vytauto Didžiojo universitetas
K. Donelaičio g. 58, Kaunas, LT – 44248
g.vaitonyte@hmf.vdu.lt
Moksliniai interesai: Literatūros ir kultūros saitai, tarpkultūriniai tyrimai, tarpdisciplininiai tyrimai, baltistika, skandinavistika, kalbinė tekstų redakcija, retorika

SUOMIŲ – ŠVEDŲ MODERNISTO KŪRYBOS AKTUALIZAVIMO LIETUVOS (PERIODINIUOSE) LEIDINIUOSE PROBLEMATIKA

Šiame straipsnyje analizuojama Henrio Parlando kūrybos recepcija Lietuvos (periodiniuose) leidiniuose nuo 1929 iki 2012 metų. Apibrėžiamos Suomijos švedų modernisto kūrybos aktualizavimo problemos įprasminant kitataučio įvaizdį pirmosios ir antrosios Lietuvos nepriklausomybės laikais. Atveriamos keliakontekstės Henrio Parlando kūrybos istorinė ir kultūrinė plotmės.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: „Keturių vėjų“ sąjūdis, Parlandas.

Henry Parlandas (1908-1230) yra vienas ryškiausių suomių – švedų modernizmo atstovų. Parlandas gimė Suomijoje, vaikystę praleido Peterburge, bet paskutinius gyvenimo metus (itin kūrybingus ir trukusius pusantrų metų) praleido Kaune. Šio menininko figūra įprasmina Suomijos švedų ir Lietuvos kultūrinį bendradarbiavimą.

Rašytojas – žymus modernistas, padaręs didžiulę įtaką ne tik Suomijos švedų, bet ir lietuvių literatūrai bei kultūrai, nes buvo literatūros istorikas, kritikas, rašytojas, žurnalistas, kultūrologas, apžvalgininkas. Parlandas – tai vienas iš modernizmo pradininkų Suomijos švedų literatūroje. Lietuvoje jis kūrė kartu su Kaziu Binkiu, Saliu Šemeriu, Faustu Kirša, Broniu Raila, tačiau jo veikla nėra aprašyta enciklopedijose ar vadovėliuose šalia šių poetų. Visiškai nesidomėta jo kūryba Lietuvoje, nėra mokslinių straipsnių ar disertacijos, nagrinėjančios kultūrų sąveikas jo tekstuose.

Parlando tekstuose aptinkama literatūros, kultūros kritikos. Jie nauji ir laisvi rimo žaisme, forma, turiniu. Tyrinėjant šiuos tekstus, galima suvokti atvykėlio požiūrį į naujus reiškinius, atskleisti Kauno vietų semantiką, matyti, kaip jis įsivaizduoja Kauno erdvę, kultūrą, bohemą, inteligentiją. Iš Parlando tekstų galima susikurti aiškų vaizdinį, kokią Lietuvą Europos kontekste jis mato ir kuria. Šie tekstai padeda atskleisti to meto pasaulio jutimo bruožus, koduotus ne tik žodžių semantikoje, bet ir jų raiškoje, formoje; o literatūros ir kultūros reiškinių vertinimas tiesiog stumte įstumia dar vieną plytą į literatūros ir kultūros istorijos mūro sieną.

Parlando kūryba neapsiriboja vienu žanru: debiutavęs su eilėraščių rinkiniu „Idealo išpardavimas“, Parlandas rašė esė (ypač daug dėmesio skyrė kino menui), noveles. Didelę reikšmę laikotarpio, kuriame, anot suomių literatūros tyrinėtojo B. Holmkvisto, (Palilionis 2004, p. 11) gyveno „anksti subrendęs genijus“ suvokimui, atmosferos pojūčiui, menininko minčių ir veiksmų sekai atkurti, turi laiškai, rašyti motinai, draugams. Taip pat Parlandas rašė į Suomijos švedų, latvių spaudą. Suomijos švedų spaudoje (didžiausiame to meto ir dabartiniame Suomijos švedų laikraštyje „Hufvudstadsbladet“, „Svenska Pressen“ ir kt.), Latvijos laikraštyje „Trauksme“ – Parlandas aprašė literatūrinę, kultūrinę šalių situaciją. Šiuose laikraščiuose jis aprašė sovietinį kiną (tuo metu uždraustą Suomijoje), žydų teatrą. Parlandas taip pat parašė pirmąjį skandinavišką įvadą į šiuolaikinę rusų literatūros teoriją, vėliau pavadintą „formalizmu“ (rašytas „Quosego“, nr. 5, bet leidiniui neišėjus, straipsnis „Modernusis eilėraštis formalizmo požiūriu“ publikuotas po autoriaus mirties). Pasak literatūrologo Stamo, formalizmas jam atrodė esąs objektyvus ir analitinis. Jis mano, kad Parlandas jame surado teoriją savo taikytinam eilėraščio rašymo būdui (Stamas 2011, p. 141). Šiame straipsnyje Parlandas aprašė automatizacijos ir deautomatizicacijos principą: literatūra turi šokiruoti, priversti skaitytoją iš naujo susimąstyti apie objektus. Parlando sugebėjimas apžvelgti Suomijos, Švedijos, Lietuvos literatūrą ir kultūrą (teatrą, kiną, istoriją) buvo pagrįstai hiperbolizuotas semiotiko Eero Tarasti, kuris viename savo straipsnyje dėl žurnalistinės ir kultūrinės analizės Parlandą pavadino Rolandu Bartu prieš Rolandą Bartą. (Stamas 1998, p. 132).

Vienintelis romanas „Sudužo“, pasak Stamo, yra vienas iš Suomijos švedų ir švedų literatūros *minor classics* pavyzdžių. Nedidelio formato lengvai skaitoma knyga aprašo meno kūrinių gavybos ar/ir gamybos procesą. (Vaitonytė 2011, p. 5). Romanas parašytas per paskutinius rašytojo gyvenimo metus, praleistus Lietuvoje, Kaune, o viena romano linijų vystoma „mažame užsienio miestelyje, kuriame jis laikinai gyveno“.

Rašytojo aiški mintis atskleidė Suomijai ir Suomijos švedams, kas yra Lietuva, kas yra Kaunas. Svetimtautis kitaip vertino gyvenimą Lietuvoje. Jis buvo tikras kosmopolitas, tikras europietis, o Lietuva jam suteikė sąlygas kurti. Gimęs Suomijoje, miręs Lietuvoje, jis tapo amžina jungtimi, siejančia Skandinaviją ir baltų žemes.

Kaune Parlandas savo dėdės dėka įsiliejo į mokslininkų − intelektualų būrelius (pažino tokius eruditus kaip Levas Karsavinas, Mstislavas Dobužinskis ir kt.), susipažino su lietuvių rašytojais. Tuo metu Lietuvos universitete dėstė Vincas Krėvė, V. Mykolaitis – Putinas, Balys Sruoga. Bendradarbiaudamas Kauno spaudoje, jis pažino *keturvėjininkus*: Binkį, Šemerį, Railą, bendravo su Liudu Gira, Antanu Rimydžiu. Parlandas rašė į „Trečiąjį frontą“, todėl aiškus jo numanomas tekstų suartėjimas su Vladimiro Majakovskio, Sergejaus Jesenino, Fiodoro Sologubo kūryba. Parlandas rašė ir Kaunui skirtus eilėraščius, garsino jį savoje šalyje.

Parlando tekstų recepcija tarpukariu

Parlandu Lietuvoje pasitikėta kaip literatūros kritiku, gebančiu apžvelgti literatūrinę situaciją. Jis buvo suvokiamas kaip „garbus svečias“, kurio apsilankymas Lietuvoje yra reikšmingas įvykis. Pavyzdžiui, 1929 m. „Naujame žodyje“ (red. Justas Paleckis) buvo išspausdinta žinutė, informuojanti, jog „Kaune šiuo metu vieši retas svečias“. (Naujas žodis 1929, p. 7). Čia pateikiama rašytojo (straipsnyje jis pristatomas „poetu“) nuotrauka ir trumpa biografija – pabrėžiamas priklausymas „švedų modernistų poetų grupei, kuri Suomijoje leidžia žurnalą „Quosego“. Akcentuojama, kad šis žurnalas panašus į „Keturių vėjų“ žurnalą. Paties Parlando tekstai lyginami su tuo metu Prancūzijoje veikiančių siurrealizmo srovės atstovų darbais. Parlandas aprašomas kaip ypač garbus svečias, besidomintis lietuvių rašytojų veikla, norįs ją garsinti Suomijoje. Taip pat pirmą kartą Lietuvoje spausdinami 3 jo eilėraščiai: „Geltonos kvarkiančios varlės“, „Ar jūs girdėjot“, „Dabar man aišku“ (vertimas Antano Rimydžio). O „Židinyje“ (red. Vincas Mykolaitis), kuriame publikuojamas vienas iš pirmųjų Parlando straipsnių apie suomių literatūrą, autorius pristatomas kaip „žinomas suomių literatūros žinovas“ (1929, p. 17), kurio įžvalgomis apie suomių literatūrą galima pasikliauti.

Lietuvoje Parlandas priimamas ne tik kaip literatūros kritikas, bet ir kaip rašytojas modernistas. Iki 1930 m. lapkričio 10 d. (kai miršta nuo skarlatinos) Parlandas Lietuvoje pristato suomių ir švedų literatūrą, suomių judėjimą, literatūros sroves Skandinavijoje. Taip pat Kaune jis tęsia kūrybinę veiklą: rašo eilėraščius (parašo eilėraščių ciklą, skirtą Kaunui), sukuria romaną. Kaip vėliau, jau po Parlando mirties, pirmą kartą Lietuvos spaudoje minėdamas romaną „Sudraskytas“ (dab. „Sudužo“), vienas *keturvėjininkų* bičiulių, Henrikas Blazas prasitaria (Blazas 1930, p. 429), apie šį romaną, dar iki rašytojo mirties artimi draugai žinojo ir skatino jį spausdinti. Tačiau Parlandas neskubėjo, norėjo jį patobulinti sulaukęs komentarų iš Suomijoje likusių bičiulių. Tai, kad Parlandas kūrinio neskubėjo spausdinti, įrodo, kad jis ieškojo tobulumo, laukė pastabų. Pastabas rašytojas žymėjosi savo knygelėje. Pagal jas, po Parlando mirties, rašytojo brolis Oskaras Parlandas, pataisė romaną. Tikrasis romanas (be pataisymų) buvo publikuotas tik 1996 metais (parengė dr. Peras Stamas). Vis dėlto, nors ir žinota apie Parlando kūrybą, iki šio autoriaus mirties ji buvo beveik nereflektuota.

Po Parlando mirties, 3 nekrologuose – žinutėse galima įžvelgti išsamesnės Parlando meninės kūrybos recepcijos. Žurnalisto, dalyvavusio modernistų ratelyje, puikiai pažinojusio Parlandą, Henriko Blazo tekste pirmą kartą lietuviams pristatomas ne tik romanas, bet ir pirmasis Parlando eilėraščių rinkinys, 1929 metais išėjęs Suomijoje – „Idealų realizacija“. Šis rinkinys Blazui atrodo „reiškiantis maištą prieš tradiciją ir konservatyvų mąstymą.“ Čia Parlandas pristatomas kaip naujosios suomių literatūros kartos, rašančios švediškai, sukilusios prieš suomių romantizmą,

realizmą ir natūralizmą, paskatintos pirmtakės Editos Sodergran, atstovas. Blazas tokį maištą prieš senas tradicijas vertina teigiamai akcentuodamas naujos formos ir kūrybos ieškojimus. Naujojo meno siekiamybę, anot Blazo, Parlandas kartu su animiste Hagar Ollson ir dadaistu Gunar Björling, įprasmina naujai sukurtame žurnale „Quosego“ – šis žurnalas nukreiptas prieš senąją „romantiškojo – patriotizmo“ kartą.

Blazas, aptardamas Parlando rinkinį „Idealų realizacija“, pasitelkia Rimydžio verstą tekstą „Geltonos kvarkiančios varlės“ ir „Negaliu atsiminti“ (šio eilėraščio vertimo nebuvo tarp anksčiau publikuotų 3 eilėraščių). Parlando eilės Blazui atrodo artimos siurrealizmui, jų rimas palaidas, tačiau kartu jis pabrėžia ir naujoviškumą, protestą: „tai visuomeniškas protestas prieš įsisenėjusias literatūrines tradicijas“.

Po šiuo Blazo tekstu laikraščio autoriai paskelbė eilėraštį „Idealų realizacija“, skirtą Parlandui. Jį parašė Teofilis Tilvytis. (Tilvytis 1930, p. 429). Eilėraščiu perteikiama mirties ir gyvenimo drama. Tilvytis Parlandą suvokia kaip diplomatą ir poetą, literatūrinėj „dirvoj“ sužaliavusį viltingo, jauno ir sėkmingo „dobilo“ įvaizdžiu: „Išauga dobilas prieš dirvos akmenį: // žinia – ruduo viską niekais nusineša – <...>“. Tilvytis nepasitenkina metaforų žaisme reflektuodamas Parlando kūrybos pėdsakus. Paskutinėje strofoje jis ne tik nurodo ypač intymų ir asmenišką santykį, prijautimą Parlandui, bet pavadina jį futuristu: „Aš padedu laukinį žodžių kaspiną // su parašu: „Man gaila futuristo“. Matomas Parlando pripažinimas priimant jį į savų, „futuristų“ gretas. Tekste aiškiai juntamos asmeninės simpatijos, išreikštos tokiu pat – futuristiniu, nauju stiliumi. Poetas maištautojas gedi kito poeto maištautojo, kurie kūrybinių ieškojimų lauke atrado ne tik kitokią poeziją, bet ir vienas kitą.

Be šio teksto, kurį galima vadinti nekrologu, pasirodo dar du tokio pobūdžio tekstai. 1930 metais, nekrologe „Lietuvos Aidui“, kurį parašė M. M. (M .M. 1930, p. 263) (prof. Leonas Gudaitis mano, jog M. M. – Maksas Mehlemas, 1929 − 1930 metų „Lietuvos Aido“ bendraautoris, korespondentas Helsinkyje). Nekrologe Parlando įtaka suomių modernizmui ypač pabrėžiama: „Jo nuopelnas, kad suomių studentų literatų ginčai apie moderniškąją literatūrą paskutiniu laiku buvo vedami su didžiausiu įkarščiu.“ Šiame trumpame nekrologe rašytojas aprašomas kaip padaręs didelę įtaką suomių modernistams, o jų modernizmo krypties tendencijas išreiškęs Lietuvoje. Mehlemas akcentuoja Parlando eilių naujumą, jų panašumą į jaunųjų suomių, modernistų eiles. Mehlemas giria Parlandą už tai, kad šis paskatino jaunuosius menininkus (tiesa, neaišku, Lietuvos ar Suomijos), diskutuoti apie modernizmą. Taip pat čia pabrėžiamas rašytojo imlumas naujovėms, jo ankstyvi literatūriniai ieškojimai: „Parlandas vos baigęs egzaminus įėjo į jaunosios kartos rašytojų būrelį“.

Parlando kūrybos modernistinė linkmė pabrėžiama ir kitame, trumpame (vos kelių eilučių) nekrologe laikraštyje „Diena“. Šiame tekste pristatoma Parlando biografija, tačiau nesiimama analizuoti jo kūrybos, todėl galima teigti, kad tik Blazo tekstas yra išsamiausias, aprašantis autoriaus kūrinius, pateikiantis pavyzdžių. Mehlemas, nekrologe akcentuodamas Parlando eilių naujumą, stengiasi aprėpti Suomijoje besiklostančią literatūrinę situaciją, kurioje Parlandas neabejotinai reiškėsi kaip vienas žymiausių naujosios kartos rašytojų. „Dienoje“ pasirodęs nekrologas yra itin trumpas. Nekrologus rašė Parlando draugai.

1930 m. lapkričio 16 dieną nekrologu „Dienoje“ trumpam baigiasi Parlando būties ir kūrybos aktualizavimas. Jo tekstai nebėra reflektuojami dvejus metus. Apie Skandinavų literatūrą imasi rašyti kiti autoriai (pvz., Williamas Frejus), Parlando persona išnyksta iš periodinės spaudos korespondentų akiračio. 1933 metais „Lietuvos Aide“ pasirodo Mehlemo (jis rašo iš Suomijos) straipsnis, šį kartą analizuojantis Parlando knygą „Atspindys“. Knyga Suomijoje pasirodo kalėdiniu laikotarpiu, o Mehlemas jau po poros savaičių rašo apie ją Lietuvos skaitytojams. Mehlemas ypač greitai reaguoja į Parlando kūrinį, kuris išleistas po jo mirties. Mehlemas teigia, kad tai − paskutinis mirusio rašytojo veikalas. Korespondentas tikisi, kad šios knygos aprašymas bus įdomus visiems pažinojusiems Parlandą. Čia aprašomas šioje knygoje esantis Parlando draugams lietuviams gerai žinomas romanas „Sudraskytas“ (taip išverstas romano „Sudužo“ pavadinimas), kuris sudarytas „iš romantinės istorijos ir psichologinio realizmo meilės istorijos“. Tai – antrasis Lietuvos spaudoje romano „Sudužo“ paminėjimas – šį kartą romanas jau išleistas.

„Lietuvos Aido“ korespondentas pristato suomių kritikos santrauką: Parlandas yra „sumanus pokario Suomijos ir Švedijos literatūros atstovas, vengiąs skeptiško gyvenimo aprašymo, giliai romantiškas savo estetiškojo požiūrio ironija“. Taip pat Mehlemas pastebi keletą niuansų, susijusių su Kaunu: jis pažymi, kad suomių kritikai vertina Parlando romaną kaip įrodymą, kad rašytojas susigyvenęs su „svetimos valstybės charakteriu“, o rinkinys „Atspindys“, kuriame publikuoti ir „aforistiniai, trumpi“ rašytojo eilėraščiai, baigiasi eilėraščiu „Pavasaris Kaune“. Mehlemas Parlandą įvardija kaip vieną iš inteligentiškiausių „pereinamosios epochos literatūrinio siekimo atstovų“. Tai parodo Mehlemo literatūrinį suvokimą ir estetinį jausmą.

Šiuo Mehlemo straipsniu, kuris byloja apie Parlando tekstų aktualumą Suomijoje, baigiasi domėjimosi Parlandu era. Periodinėje spaudoje užuominos apie Parlandą išnyksta iki pat antrosios Lietuvos nepriklausomybės, tačiau 1938 metais, kai Lietuvoje žinoma tik apie Parlando eilėraščius ir romaną, leidykla „Spaudos fondas“, bendradarbiaudama su Mehlemu (Šimkus 1938, p. 5), nutaria išleisti žymių suomių knygą, pavadintą „Naujosios suomių prozos antologija“. Knygos redaktoriumi ir vertėju paskiriamas Jonas Šimkus. Šioje antologijoje nusprendžiama spausdinti šešių žymiųjų jaunųjų suomių kūrybą. Visą antologijos medžiagą Mehlemui pateikė Lietuvos Generalinis konsulas Helsinkyje dr. Olleris, o Mehlemas ją išvertė į vokiečių kalbą, iš kurios Šimkus išvertė į lietuvių. Autorių biografijas pateikė Mehlemas. Kaip teigia Šimkus, Parlandas nėra tiek nusipelnęs suomių literatūrai, tačiau jis šioje antologijoje atsidūrė dėl artimumo lietuviams. Antologijoje spausdinama pirmoji Lietuvoje Parlando novelė „Aš ir mano tėvo akinių stiklai“. Kaip pažymima biografiniame prieraše, ši novelė yra panašios stilistikos kaip ir visa Parlando kūryba. Tai – primoji Parlando novelė, išspausdinta Lietuvoje. 1938 metais Lietuvos skaitytojai pažįsta beveik visas Parlando kūrybos raiškos formas: gali perskaityti kelis eilėraščius, novelę, pirmieji sužino apie romaną.

Tarpukariu išversti 4 Parlando eilėraščiai: („Geltonos kvarkiančios varlės“, „Ar jūs girdėjot“, „Dabar man aišku“ ir „Negaliu atsiminti“ (vertimas Rimydžio), 5 straipsniai: „Naujasis suomių judėjimas“, „Dabartinė suomių literatūra“, „Šiandienykštė švedų literatūra“, „Jaunosios literatūros srovės Skandinavijoj“, „Modernistinis karo romanas“ (juos iš vokiečių kalbos vertė Alfonsas Šešplaukis - Tyruolis), 1 novelė „Aš ir mano tėvo akinių stiklai“ (į vokiečių kalbą vertė Mehlemas, iš vokiečių į lietuvių – Šimkus).

Parlando tekstų recepcija sovietmečiu

Lietuvoje įsitvirtinus sovietams, užsienietis autorius Lietuvoje nebuvo reflektuojamas jokiuose žurnaluose ar laikraščiuose, apie jį nebuvo užsiminta nė vienoje enciklopedijoje: „Lietuviškojoje tarybinėje enciklopedijoje“, „Tarybų Lietuvos enciklopedijoje“ ar „Mažojoje lietuviškojoje tarybinėje enciklopedijoje“. Šiuo laiku apie Parlando asmenybę užsimenama tik Antano Venclovos kūrinyje „Jaunystės atradimas“ (Venclova 1960, p. 126-127), kuriame Parlandas pristatomas kaip vokiškai kalbantis labai tylus suomių poetas, mėgstąs palėbauti ir krėsti pokštus. Apie Parlando tekstus Venclova nutyli. Lietuvoje Parlando kūryba neiškeliama, neaptarinėjama ir neįrašoma į lietuvių literatūros istoriją iki pat antrosios Lietuvos nepriklausomybės laikotarpio, tačiau 1960 metais, Bostone (JAV) išleistoje „Lietuvių enciklopedijoje“ Parlandas minimas kaip suomių modernistas, kurį paveikė rusų modernistai (Jeseninas ir Majakovskis). (Bendorius 1960, p. 25). Čia pristatomas jo eilėraščių rinkinys „Idealų realizacija“, pabrėžiama, kad vienintelis rašytojo romanas „Suardytas“ (dab. „Sudužo“) parašytas Kaune. Atskleidžiama, kad po rašytojo mirties buvo išleistas Parlando kūrybos rinkinys „Atspindys“. Enciklopedijoje rašytojas pristatomas kaip „turėjęs didelės reikšmės suomių literatūriniam modernizmui“ ir paveikęs Gunnarą Björlingą. Taip pat čia akcentuojama, kad Parlandas rašė lietuvių spaudoje (minimas tik „Židinys“ ir „Vairas“). Šioje enciklopedijoje, leistoje Amerikoje, Parlando tekstai vertinami kaip „išliejantys tarpukario pesimizmą, paliečiantys gyvenimo alkį, nerimą ir sąžinę.“ Parlando kūrybos paminėjimas šioje enciklopedijoje rodo, kad domėjimasis Lietuvoje kūrusiu rašytoju nenutrūko, tiesiog jis buvo ne taip stipriai išreikštas lietuviškuose leidiniuose.

Parlando tekstų recepcija antrosios Lietuvos nepriklausomybės laikotarpiu

Prisiminą apie Parlandą Lietuvoje atgaivino poetas Petras Palilionis, kurio trumpas biografinis aprašymas ir 11 eilėraščių vertimų pasirodė 1996 metais „Kauno dienoje“. (Palilionis 1996, p. 22). Parlando amžininkas Raila savo atsiminimuose, po mėnesio skelbtuose tame pačiame dienraštyje, ne tik nupiešia Parlando „puikiai nuaugusio jaunuolio“ vaizdinį, bet ir imasi aprašyti jo kūrybą: „Kaip matyti iš P. Palilionio puikiai išverstų eilėraščių, Parlandas buvo autentiško braižo mūsų šimtmečio antrojo ir trečiojo dešimtmečio moderniosios poezijos kūrėjas. <...>“. (Raila 1996, p. 5). Raila imasi komparatyvistinės kūrybos analizės ir teigia, kad Parlandas galbūt pranoko savo laikmetį: „Parlandas 1930 metais rašo formos ir minties išraiškų eilėraščius, visiškai panašius kaip dabar, po pusseptinto dešimtmečio vėl rašo ne vienas dabarties lietuvių poetas, jaunuolis, lygiai kaip vėl rašoma ir Vakaruose. Tad gal pirštųsi keistoka išvada: Henris Parlandas pušimčiu metų pasiankstino arba dabartiniai poetai tiek pat metų vis vėluoja?...“. Šis Railos palyginimas iš tiesų vykęs: Parlando poezija, atrodo, yra nesenstanti, laisva, šių dienų ironiška pasaulio suvokimo išdava. Railai buvo svarbu tai, kad Parlandas nelinko į jokią ideologiją, domėjosi lietuvių literatūroje pasireiškusiu modernizmu. Prisiminimų autorius taip pat pabrėžia formos apibrėžtumą, eilių trumpumą ir ironiją. Prisiminimai rašyti 1996 metais Parlando draugo, todėl akcentuoja tuos pačius dalykus, kaip ir 1930 metų modernistiniai literatūriniai žurnalai ir laikraščiai. Raila priklausė tai pačiai modernistų, jaunųjų ieškotojų kartai.

Po metų apie Parlandą pradeda rašyti Lietuvos literatūros kritikai. Literatūrologė Daiva Urbanavičiūtė literatūros ir kultūros laikraštyje „Šiaurės Atėnai“ aprašo seminarą, skirtą Parlandui, vykusį Kaune 1997 metais. (Urbanavičiūtė 1997, p.4). Ji pabrėžia, kad per trumpą laiką, Parlandas sukūrė eilėraščių ciklą, skirtą Kaunui. Parlandas yra susijęs su Kaunu ne tik fiziškai (Kaune gyveno, Kaune pasiliko amžiams), bet ir dvasiškai (Kaune parašytas prozos kūrinys, kuriame miestas minimas; taip pat Kaunas aprašomas laiškuose, novelėse, eilėse). Ji akcentuoja tai, kad Parlandas bendradarbiavo su Rimydžiu. Autorė pabrėžia, kad rašytojo kūrybos faktas nepaminėtas jokiose sovietiniu laiku išėjusiose enciklopedijose. Straipsnis trumpas, netyrinėjama kūryba, fiksuojami tik biografijos faktai. Lietuvių autoriai, kaip matoma, mažai skiria dėmesio Parlando kūrybai, ji dar nėra išversta, o švediškai ją skaityti gana sudėtinga. Be to, gauti Parlando švediškų tekstų Lietuvoje taip pat sunku.

1998 metais literatūrologas Giedrius Viliūnas, rašydamas įvadą švedų tyrinėtojo Pero Stamo straipsniui, pirmą kartą Parlando tekstus vadina svarbiais Lietuvių literatūros istorijai. Aptardamas romaną „Sudužo“, Viliūnas pabrėžia, jog šis romanas − modernizmo pavyzdys, kurį, kaip savos kultūros, literatūros ir istorijos dalį savo šaliai priskiria suomiai ir švedai, yra ir lietuvių literatūros istorijos dalis. (Stamas 1998, p. 123). Lietuvių literatūros istorijoje tai pirmas toks literatūrologo pripažinimas.

Toliau Viliūnas dėsto Suomijos ir Lietuvos literatūros istorijos panašumus. Jis akcentuoja, kad Suomijos ir Lietuvos avangardistiniai sąjūdžiai atsirado panašiu laiku: Suomijos „Ultra“ (1922) ir lietuvių „Keturių vėjų pranašas“ (1922), Suomijos „Quosego“ (1928-1929) ir lietuvių „Keturi vėjai“ (1924-1928) ir „Trečias frontas“ (1930-1931). Teigiama, kad Kauno literatūros aplinka Parlandui turėjo įtakos. Rašytojo kritikos tekstuose atsispindi „tarptautinis ar net kosmopolitiškas lietuviškojo avangardizmo matmuo“. Kaip teigia Viliūnas, būtent to meto Kaune susipina penkių ar šešių tautų menininkai bei intelektualai (pasireiškia prancūzų, rusų, vokiečių moderniosios literatūros bangos). Literatūrologas mano, kad Parlando Suomijoje galbūt nebūtų pasiekęs Prustas, Gide, rusų formalizmas, naujieji sovietų filmai.

Praėjus 6 metams, 2004 metais, pasirodė poeto Palilionio sudaryta Parlando kūrybos rinktinė. Čia Palilionis parašė įvadinį straipsnį „Šiaurės žvaigždė Lietuvos padangėje“, išvertė 63 eilėraščius iš atskirų rinkinių, surinko rašytojo ir apie rašytoją Lietuvos spaudoje pasirodžiusius kai kuriuos straipsnius ar žinutes. Poetas Parlando eilėraštį pristato kaip ypatingą: asmenišką, ironišką, minimalistinį, „po klastingu paviršių daiktiškumu slepiantį sunkiai perteiktinas potekstes“. Jis akcentuoja Parlando eilėraščio ironiją, asmeniškumą, minimalizmą, gilias potekstes. Taip pat jo kūrybą, pasitelkdamas švedų kritikus, skirsto į tris laikotarpius (Mokyklos, „Quosego“ ir Kauno).

Po šios knygos pasirodymo būta kelių žinučių „Nemune“ (2005, E. Vaitkevičiūtė), „Literatūroje ir mene“ (2008, N. Raižytė). Tačiau tai tėra biografijos nuotrupos, o ne kūrybos analizė.

2010 metais Lietuvoje pasirodžiusioje „Visuotinėje lietuvių enciklopedijoje“ pristatoma Parlando biografija, o išleisti kūriniai aprašomi gana išsamiai: aptariamos pagrindinės temos, stilistika, būdinga jo kūrybai. Šį straipsnį parašė tautosakininkas Stasys Skrodenis.

Daugiau Lietuvos literatūrologų dėmesio Parlando tekstai sulaukė 2011 metais, kai rekonstruotas romanas, anksčiau verstas į vokiečių ir prancūzų kalbas, Agnės Kudirkaitės – Ydrauw – ir į lietuvių kalbą. Knyga „Sudužo“ buvo pristatyta 2011 m. vasarį knygų mugėje. Pristatyme dalyvavo kultūrologas Leonidas Donskis, švedų literatūrologas Stamas, švedų literatūros draugijos pirmininkė Agneta Rahikainen. Taip pat šį romaną labai trumpai literatūrinėje spaudoje pristatė Kęstutis Navas, Tomas Marcinkevičius, Donaldas Kajokas. Tačiau jų trumpuose tekstuose trūkta gilesnių įžvalgų, analizės.

Išvados

Lietuvių literatūrologai nuo pat pirmųjų Parlando teksto pasirodymų apsiribojo biografijos aprašymais, bendrųjų modernizmo apraiškų nustatymu. Daugiausia kalbėta ir rašyta apie asmenybės ir vietos (Parlando ir Kauno) sąsajas, rašytojo aplinką. Visoje šio tarpsnio recepcijos istorijoje svarbiausia yra tai, kad Raila 1996 metais savo straipsniu tarsi baigė Parlando kūrybos, kaip svarbios tik pažįstamų ir draugų ratui, vertinimo periodą, o 1998 metais literatūrologas Viliūnas pripažino Parlando svarbą ir priklausymą lietuvių literatūros istorijai.

Ištyrus refleksijos apie Parlando tekstus istoriją, matoma, kad Lietuvoje recepcijos Parlando tekstų tematika būta nedaug. Apie autorių kiek daugiau esama informacijos nuo 1929 iki 1938 metų (paskutinis straipsnis − šiais metais Šimkaus sudarytoje antologijoje). Šiuo laikotarpiu rašomi nekrologai, paskelbiama keletas vertimų, publikuojamos trumpos žinutės, fiksuojančios Parlando lankymosi Lietuvoje aplinkybes. Tai, kokiuose leidiniuose aprašomas Parlando kūrybos faktas, kaip ir tai, kas verčia jo kūrybą, kas rašo jam eilėraščius, rodo, kad Parlandas minimas ir reflektuojamas tik tokių pačių „modernistų“ kaip ir jis. Tarpukario Lietuvoje Parlandas suranda bendraminčių, jo kūrybą suprantančių ir jį palaikančių draugų.

Sovietmečiu Lietuvoje apie Parlando kūrybą nėra ne vieno teksto, pavardė nėra minima enciklopedijose („Lietuviškojoje tarybinėje enciklopedijoje“, „Tarybų Lietuvos enciklopedijoje“ ar Mažojoje lietuviškojoje tarybinėje enciklopedijoje“). JAV išleistoje „Lietuvių enciklopedijoje“ Parlandas pristatomas kaip rašytojas, turėjęs įtakos suomių modernizmui. Tačiau Lietuvoje Parlandas ir jo tekstai ignoruojami. Reikia paminėti, kad tik Antanas Venclova 1966 metais savo prisiminimų knygoje aprašo linksmą Parlando ir jo draugų nuotykį, tačiau jame nutyli apie Parlando tekstus. Venclovos kūrinys yra tik fikcija, todėl galima teigti, kad patikimų žinių apie Parlando veiklą Lietuvoje nėra iki 1996 metų, kai „Kauno dienoje“ pasirodo Palilionio vertimų ir Railos straipsnis – prisiminimai bei nauji bandymai Parlando kūrybą susieti su lietuvių literatūros kontekstu, žvelgti į ją istoriškai, lyginti. Paradoksalu, kad nutrūkusį Lietuvoje kūrusio modernisto kelią atgaivina ir primena tarpukario modernistas, gyvenantis ne Lietuvoje, o Amerikoje. Taip tęsiama 1929 metų tradicija tapusi Lietuvoje pradėta „modernistų apie modernistus“ refleksija.

Raila šią tradiciją ir pabaigia, nes jau kitais metais pasirodo vienas kitas pranešimas apie seminarą, rengtą Parlandui atminti, apie tarpukario Kauno fotografijas, kuriose užfiksuotas ir Parlandas. Reikia pastebėti, kad bene vienintelis, nesiliovęs domėtis Suomija ir Parlando kūryba – tautosakininkas prof. Stasys Skrodenis. Tai jis išverčia suomių tyrinėjimų apie Parlando kūrybą. Pamažu pradedama domėtis Parlando tekstais, į juos atkreipia dėmesį literatūrologai, susidomi poetai: kaunietis poetas Petras Palilionis išleidžia Parlando poezijos rinktinę. Tuo metu, kai Europoje jau verčiamas rekonstruotas Parlando romanas, pasirodo ir lietuviškasis romano variantas. Romanui išėjus, atsiranda ir daugiau pareiškimų apie Parlando kūrybą spaudoje, Parlandas statomas į vieną gretą ne tik su suomių – švedų modernistais, bet ir su *keturvėjininkais.*

LITERATŪRA

A.a. Henry Parlandas // Diena, 1930-12-28, p.5.
BENDORIUS A., ČEPINAS P., GIRNIUS J. (red. kolegija), 1960. *Lietuvių enciklopedija*, 2 T. Bostonas: Lietuvių enciklopedijos leidykla.
BLAZAS H., 1930. *Draugą palydėjus. A. a. Henry Parland'ui atminti* // Naujas žodis, Nr. 21, p. 429.
Henry Parlandas // Naujas žodis, 1929. Nr.13, p. 7.
M.M. *Kaune mirė suomių dainius* // Lietuvos Aidas, 1930-11-18, Nr. 263, p.4.
RAILA B. *Ir mes pažinom ir mylėjom Henrį Parlandą* // Kauno diena. Priedas „Santaka", 1996-03-09, p. 5.
MELHEM M. Henry Parland. „Atspindys", Kaune mirusio suomių dainiaus veikalas // Lietuvos Aidas. 1933-01- 07, p. 3.
PALILIONIS P., 2004. *Henry Parland. Pavasaris Kaune*, Kaunas: Varpas.
PALILIONIS P. *Tarp džiaugsmo ir liūdesio* // Kauno diena, priedas „Santaka", 1996-01-27, Nr. 22, p. 22.
PARLAND H., 2011. *Sudužo*. Vilnius: Apostrofa.
PARLANDAS H. *Naujasis suomių literatūros judėjimas* // Židinys, 1929, Nr. 7, p.17.
STAM. P. *Henris Parlandas Lietuvoje* // Metai, 1998, Nr. 10, p. 123.
STAMAS P. *Priartėti ir nebūti surytam ugnies* // Parland H. Sudužo, 2011, Vilnius: Apostrofa, p. 141.
STAMAS. P. *Henris Parlandas Lietuvoje* // Metai, 1998, Nr. 10, p. 132.
ŠIMKUS J., 1938. *Šeši suomiai // Naujosios Suomijos prozos antologija*. Kaunas: Spaudos fondas.
TILVYTIS T. *Idealų realizacija* // Naujas žodis, 1930 m. Nr.21, p. 429.
URBANAVČIŪTĖ D. *Suomių rašytojo seminaras Kaune* // Šiaurės Atėnai, 1997 -11-29, p.4.
VAITONYTĖ G. *Dūžtantys prisiminimai* // Literatūra ir menas, 2011-09-09, p. 5.
VENCLOVA A., 1966. *Jaunystės atradimas*. Vilnius: Vaga.

Gintarė Vaitonytė
Vytautas Magnus University
Research interests: links between literature and culture, intercultural research, interdisciplinary research, the Baltic studies, the Scandinavian studies, text linguistics and editing, oratory

THE PROBLEMATIC OF ACTUALIZATION OF FINNISH – SWEDISH MODERNIST'S CREATION IN LITHUANIAN (PERIODICAL) PUBLICATIONS

Summary

Baltic and Scandinavian contexts merge in Parland's personality. The writer is a famous modernist, who made a huge impact not only on the Finnish Swedes, but also the Lithuanian literature and culture, as a literary historian, critic, writer, journalist, cultural anthropologist and reviewer. Parland's multigenre and multicontextual works contribute to Lithuanian literature, especially to the creation of the image of modernist movement of Keturvejininkai and Treciafrontininkai, also to the conception of the cultural development in the inter-war Europe and Lithuania, and to the determination of the ties between the Finnish Swedes and Lithuania. Parland's texts reveal the opportunities of the Scandinavian and Baltic intercultural communication, literary similarities and differences that enable comprehension of the evolution and influences of modernism. There are not many critics of Parland's creation in Lithuania. His creation received more attention in the period from 1929 to 1938 when there appeared necrologies, translations, publications or messages about Parland in Lithuania. Parland was appreciated in the same surroundings in Lithuania as he was in Finland – the modernist surroundings. There were organized a few discussions of Parland's life and works after 1996. In 1998 professor Viliūnas makes a dotted line of Parland's works in Lithuanian literature. Only starting with the year 2004 Parland's creation has gained somewhat higher interest, when some poems were translated into Lithuanian, and this interest has increased since 2011, when „Sonder" was translated and published in Lithuania.

KEY WORDS: movement „Keturi vėjai", Parland.

Ingrida Žindžiuvienė
Anglų filologijos katedra
Vytauto Didžiojo universitetas
K. Donelaičio 52 – 615,
Kaunas LT- 44244, Lietuva
i.zindziuviene@hmf.vdu.lt

TRAUMOS ROMANAS: KOLEKTYVINĖ TRAUMA LITERATŪROJE

Straipsnyje analizuojamos trauminės patirties literatūrinės interpretacijos ir jų formos atskleidžiant literatūrinio naratyvo vaidmenį trauminės patirties analizei bei aptariami traumos romano bruožai lietuvių kilmės JAV rašytojos Rūtos Šepetys romane „Tarp pilkų debesų“ (2011). Remiantis traumos teorija ir traumos grožinės literatūros analize, straipsnyje apžvelgiami skirtingi traumos romano aspektai ir pabėžiama kolektyvinės trauminės patirties įtaka asmens ir tautos identitetui. Rūtos Šepetys romane, kuriame aprašomi 1941 metais vykę masiniai trėmimai iš Lietuvos, pastebimi esminiai traumos romano bruožai. Kolektyvinės trauminės patirties aprašymas traumos romane tampa patvirtinimo procesu, per kurį pakartotinai išgyvenama ir analizuojama trauminė patirtis.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: trauminės patirties literatūra, traumos grožinė literatūra, traumos romanas, kolektyvinė trauma, kolektyvinė atmintis.

Traumos romanas (ang. *trauma novel*), aprašantis realius ir istorinius įvykius, dažnai remiasi dokumentais bei aukų liudijimais. Traumos grožinėje literatūroje (ang. *trauma fiction*) kolektyvinės traumos atkūrimas tampa patvirtinimo procesu. Traumos romanui būdingų bruožų aptarimui pasitelkiamas sociokultūrinis, istorinis ir politinis Rūtos Šepetys romano „Tarp pilkų debesų“ kontekstas ir nagrinėjama kolektyvinės traumos įtaka asmens ir tautos identitetui, ieškoma sąsajų tarp trauminės patirties formų bei vertinamas traumos romano poveikis skaitytojams. Straipsnyje analizuojamas literatūrinės kolektyvinės traumos aprašymas JAV gimusios autorės Rūtos Šepetys (g. 1967) romane, kuris papildė kolektyvinės trauminės patirties literatūrą: romane aprašomas vienas tragiškiausių periodų Rytų Europoje – masiniai trėmimai į Sibirą ir Centrinę Aziją (1941-1956). Pasirinkusi pasakotojos – lietuvės paauglės Linos – požiūrį, Rūta Šepetys jautriai atskleidžia traumuojančius įvykius (pirmąją trėmimų bangą Lietuvoje) ir taip dar kartą atveria daugeliui lietuvių amžiną žaizdą. Nors egzistuoja išgyvenusiųjų liudijimai, išleista nemažai memuarų ir prisiminimų (dauguma jų Baltijos šalių kalbomis, todėl sunkiai prieinami kitų šalių skaitytojams ir mokslininkams) bei išleistos sovietinio genocido istorinės studijos (pvz., Arvydo Anušausko *Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui* (2006) ir *Teroras 1940-1958 m.* (2012), Anne Applebaum *Gulago istorija* (2003; liet. leidimas 2009) ir kitos), tačiau vis dar trūksta grožinės literatūros kūrinių, kuriuose būtų aprašomi tragiški įvykiai.

Masinių trėmimų tema buvo ilgą laiką (1941-1989) uždrausta okupuotose Baltijos valstybėse, t. y. buvo giliai užslopinta šeimoje ar vieno žmogaus atmintyje. Kai Lietuva atgavo nepriklausomybę 1990 metais, pradėjo lietis išgyvenusiųjų liudijimai ir tragiškų įvykių aprašymai, biografinės apybraižos, memuarai. Pasak Shoshana Felman, „prasidėjo „išsilaisvinimas iš tylos“ – atrodė, lyg neužgijusi žaizda pradėjo kraujuoti iš naujo ir ją vėl reikia gydyti (Felman 1995, p. 47; čia ir toliau pateikiamas teorinių teiginių vertimas į lietuvių kalbą).

Nors terminas „sovietinis genocidas“ tebėra gana atsargiai vartojamas įvairiuose politiniuose sluoksniuose, šiandien Lietuvoje šis periodas, sovietų priskirtas „etniniam valymui“, ryžtingai buvo pripažintas kaip sovietų genocidas prieš Baltijos valstybes (Landsbergis 2010, p. 8). Sunku tiksliai nuspėti tikrus šios trauminės patirties esamus ir būsimus padarinius ar prognozuoti „iš kartos į kartą perduodamą traumą“ (Whitehead 2004, p. 29). Atsigavusios po ilgų okupacijos metų, trys Baltijos valstybės jau daugiau nei dvidešimt metų bando išspręsti su šia kolektyvine trauma susijusias problemas. Tarp gausybės liudininkų parodymų, liudijimų, biografinių knygų ir kitų pasakojimų, grožinės literatūros kūrinių šia tema nebuvimas tampa svarbiu faktu: daugeliui išgyvenusiųjų atrodo

neįmanoma papasakoti to, kas nepapasakojama ar nesuvokiama (Whitehead 2004, p. 4). Be to, egzistuoja nuomonė, jog žiaurios tiesos beletrizavimas būtų šventvagystė.

Rūtos Šepetys romano recenzijose Lietuvoje pastebima prieštaringai vertinama nuomonė, kuri gali būti pripažinta kaip vyraujantis supratimas Baltijos šalyse apmąstant sovietinių represijų periodą: kraupūs faktai neturėtų būti beletrizuojami ir tik tikra tiesa turėtų atsispindėti visuose literatūriniuose bandymuose šia tema. Kita šio žanro grožinės literatūros nebuvimo priežastis gali būti faktas, kad sovietinio režimo Baltijos valstybėse metu sovietinių represijų tema buvo draudžiama. Nepaisant šių argumentų, išlieka grožinės literatūros kūrinių tremties tematika reikmė. Kaip teigia Pierre Nora, „kolektyvinė atmintis“, apimanti ir atsiminimus, ir grožinę literatūrą, gali savaime tapti vertingu istoriniu objektu (Nora 2011, p. 303). Tokiu būdu grožinės literatūros kūrinys pasiūlytų naujas santykio tarp istorijos ir atminties formas ir nebūtų supriešinta su kolektyvine patirtimi, bet, priešingai, taptų „neatsiejama kolektyvinės patirties dalimi“ (Whitehead 2004, p. 13). Remdamasi istoriniais faktais ir net istorijos tyrimais, traumos grožinė literatūra gali pateikti naujų įžvalgų vertinant ryškiausius istorinius procesus (Whitehead 2004, p. 15). Analizuojant šiuolaikinę traumos grožinę literatūrą, svarbus vaidmuo tenka santykiui tarp skaitytojo ir grožinės literatūros kūrinio. „Liudytojų bendruomenė“ (ang. *community of witnesses*) (Whitehead 2004, p. 8) apima keletą galimų skaitytojų tipų: skaitytojas-auka, vis dar kamuojamas skaudžių prisiminimų; skaitytojas, kurio šeimos nariai tapo aukomis; skaitytojas, kuris atsimena traumuojančius įvykius, tačiau pats nebuvo auka; šiandieninis romano skaitytojas, kuris emociškai įtraukiamas ir virsta tarsi traumos dalyviu, ar, pasak Anne Whitehead (2004. p. 8), tampa „besimokančiu liudytoju“ (ang. *a learning witness*). Laurie Vickroy pastebi, kad trauminių reakcijų perdavimas kitoms kartoms yra besitęsiantis procesas, todėl galima tikėtis naujų beletrizuotų daugialypių traumos pasakojimo ir įvairių tiesos atkūrimo formų (Vickroy 2002, p. 19).

Traumos grožinė literatūra dažnai remiasi atsiminimais apie patirtus asmeninius ar kolektyvinius trauminius įvykius, todėl grožinės literatūros kūriniai apie kolektyvines traumas aprašo ir asmeninius, ir kolektyvinius patirtos traumos aspektus. Anne Whitehead nurodo, kad „holokausto atminimas pavirto šifru analizuojant kitas kolektyvines traumas“ (Whitehead 2009, p. 150). Todėl traumos literatūros teorija dažnai pateikia nuorodas į holokausto studijų analizę: „holokaustas tapo galingu didinamuoju stiklu, pro kurį mes žiūrime į kitus priespaudos ir genocido atvejus“ (Whitehead 2009, p. 150). Nors genocido atvejai negali būti gretinami, ši A. Whitehead nuomonė yra reikšminga aptariant įvairias kitas genocido rūšis ar kolektyvinės traumos atvejus. Trauminės patirties istorija visada turi skaitytoją/klausytoją, kuriam auka/pasakotojas išsipasakoja ir dalijasi traumine patirtimi. Dori Laub pastebi, kad tokio atsivėrimo metu klausytojas [ar skaitytojas] susiduria su unikalia ir subtilia skausmu persmelkta situacija (Laub 1992, p. 57). Traumos romanų skaitymas gali baigtis trauminio įvykio „pakartotina eksternalizacija“ ir vėliau – „istorizavimu“ (Laub 1992, p. 69-70). Kaip pastebi daugelis traumos grožinės literatūros tyrinėtojų, traumos romanui pradžią dažnai duoda išleisti memuarai, dienoraščiai, atsiminimai.

Terminas „traumos romanas“ (ang. *trauma novel*) vartojamas siekiant apibūdinti grožinės literatūros veikalą, pasakojantį apie emocinę ar fizinę reakciją į praradimą ar nelaimę asmeniniu ir/ar kolektyviniu lygmeniu. Laurie Vickroy teigia, kad traumos pasakojimai „paaštrina aukų skausmą“ balansuodami tarp to, kas gali būti iškelta viešumon ir pateikta skaitytojams ir kas ne“ (Vickroy 2002, p. 4). Traumos grožinės literatūros (ang. *trauma fiction*) tikslas, kaip pastebi L. Vickroy, yra formuoti kultūrinę atmintį per asmeninį kontekstą“ (Vickroy 2002, p. 5). L. Vickroy nurodo skirtingus būdus, kuriuos taiko traumos grožinės literatūros autoriai: *informacinį metodą* ar *empatiškąjį traktavimą* (Vickroy 2002, p. 21). Analizuodama stilistines priemones traumos grožinėje literatūroje, L. Vickroy akcentuoja simbolių vartojimą, metaforinę kalbą, atžvalgą į praeitį, „dinamišką santykių tarp asmeninės ir kolektyvinės atminties plėtojimą” (Vickroy 2002, p. 33). Kruopščiai parinkti simboliai tampa galingu instrumentu atskleidžiant nepaprastus traumos mastus.

Traumos romanas yra pagrįstas įvairiais „emocinės atminties“ lygiais – skirtingas skaitytojų grupes gali užvaldyti skirtingos emocijos: empatijos laipsnis yra vienas iš veiksnių, padedančių geriau suprasti trauminių įvykių apimtį ir padarinius (Nora 2011, p. 307). Suteikdamas skaitytojui

galimybę išgyventi ar pakartoti išgyvenimus, trauminis įvykis – šiuo atveju tampantis traumos romanu – skaitytoją padaro ne tik liudininku, bet ir kolektyvinės traumos aukos dalimi. Anne Whitehead teisingai pastebi, kad „traumos grožinė literatūra iš dalies sutampa ir skolinasi iš postmodernistinės ir postkolonijinės literatūros stilistinių priemonių“ (Whitehead 2004, p. 8), todėl apmąstymų formos gali tapti trauminės patirties analize ar net atsinaujinusios traumos patirtimi.

Tikslus traumos reprezentavimas gali būti pasiektas tik atkuriant tikrus įvykius. Pasakojimas, arba, pasak Tom Toremans, „istorinis trauminis naratyvas“ gali paskatinti skaitytoją iš naujo analizuoti trauminį įvykį (Toremans 2003, p. 337). T. Toremans pastebi, kad trauminių patirčių literatūroje trauminio įvykio aprašymas tampa „moraliniu kaltinimu”, kuris pasireiškia kaip traumos kodas, atpažįstamas pakartotinėse traumos patirtyse (Toremans 2003, p. 339). Faktai ir istoriniai elementai traumos grožinėje literatūroje yra paryškinami. Traumos romane įvykio interpretavimo dimensija vyksta kartu su tikrovės pripažinimu, minima tiesa ir „dvilypumu tarp pažinimo ir įvaizdžio“ (Toremans 2003, p. 340). Šios dimensijos tikslas yra geriau suvokti istorines sąsajas: „įsivaizduojamas kolektyvinėje atmintyje vykstantis procesas, nukreiptas ne į romane panaudotus istorinius faktus, bet atvirkščiai, remiasi istorija kaip priemone, padedančia suvokti trauminių įvykių mastą, jų pasekmes ir pateikimą literatūriniame tekste (Hartman 2003, p. 260). Traumos romanas tai kultūrinis istorinis įrankis, nukeliantis liudytoją į istorines traumines patirtis. Geoffrey H.Hartman teigia, kad „literatūrinis tekstas gali perteikti traumą sustiprintai“ (Hartman 2003, p. 262). Taip skaitytojai atsiduria prieš ekstremalius, sunkiai suvokiamus įvykius ir išgyvenimus, kad galėtų susitapatinti su traumą patyrusiomis aukomis. Literatūrinio teksto pagrindu tampa išgyvenusiųjų liudijimai, kurie, jei yra „prieinami tik *šiandien*“, rodo, kad „įvykiai pradedami naujai suvokti“ (Laub 1995: 69; kursyvu – originale).

Išgyvenusiajam traumą, kaip teigia Cathy Caruth, „tiesa gali slypėti ne tik brutaliuose faktuose, bet ir tame, jog juos sunku suvokti“ (Caruth 1995b, p. 153). Toks samprotavimas gali padėti suprasti pavojus, su kuriais traumos romanas gali susidurti: van der Kolk ir van der Hart pastebi, kad „trauminiai atsiminimai yra skausmingos patirties dalis, transformuota į grožinės literatūros kalbą“ (van der Kolk and van der Hart 1995, p. 176). Užduodami klausimą, ar „žaidimas su skausminga patirtimi nėra šventvagystė“, Van der Kolk ir van der Hart nuspėja galimas įvairias reakcijas į traumos grožinę literatūrą.

Traumos romanas gali padėti atkurti skausmingą trauminę patirtį jos nepatyrusiems. Pavyzdžiui, traumos romano skaitytojai susiduria su kažkieno skausminga patirtimi, kuri papildo jų žinias ar informuoja apie tragišką įvykį. Istorinė trauminė patirtis paženklina šiuolaikinį asmenybės ir visos tautos tapatumą. Traumos romanai, perteikdami ištisoms kartoms prievartos, praradimo ir kančios patirtį, atskleidžia ir etninį tapatumą. Masinės traumos kolektyviniai atsiminimai lydi palikuonis ir iš naujo traumą perteikia vėlesnėms kartoms. Todėl traumos romanas, aprašantis istorinius trauminius įvykius, nukreiptas į „asmeninio ir socialinio tapatumo kitimą“ (Vickroy 2002, p. 218). Dažnai tokie romanai aprašo daugialypį skausmą sukurdami iš kartos į kartą perduodamą „besitęsiantį skausmo palikimą“ (ang. *continuing legacies of pain*) (Vickroy 2002, p. 218). Cathy Caruth teigia, kad traumos naratyvas, kaip pavėluotos patirties pasakojimas, nesiūlo būdų kaip pabėgti nuo tikrovės, o veikiau aiškina šios trauminės patirties poveikį įvairioms gyvenimo sritims (Caruth 1996, p. 7).

Traumos grožinėje literatūroje pagrindinis veikėjas tampa „neapsakomai skausmingos patirties pasakotoju“ ir „šios patirties kaitos atstovu“ (Vickroy 2002, p. xiii). Toks veikėjas perteikia asmeninę trauminę patirtį ir atstovauja grupei žmonių, patyrusių kolektyvinę traumą. Traumuotas veikėjas papildo jau turimą informaciją apie traumą – tuomet romane atsiranda įvairių detalių, kurios susijusios su svarbiais socialiniais veiksniais ir kultūrinėmis vertybėmis. Kaip teigia Geoffrey H. Hartman, „didesnis, viršistorinis traumos suvokimas, asmeninis ir kolektyvinis, turėtų mus priversti įsisąmoninti žmonių kančių laipsnį“ (Hartman 2003, p. 262). Romano veikėjas padeda skaitytojui geriau suvokti istorinį įvykį, kuriame tūkstančiai žmonių iškentėjo tokį patį smurtą ir skausmą. Geografinės trauminės patirties vietos aprašymas papildo kultūrinį ir istorinį kontekstą. Todėl traumos romane vieta ar aplinka tampa svarbiu struktūriniu elementu, kuris sistemina traumos atsiminimą, perteikia trauminio įvykio reikšmę ir tampa traumos atpažinimo slaptažodžiu.

Peter Ramadanovic (2001, p. 1) pripažįsta, jog „grožinė literatūra tampa privilegijuota sritimi aprašant traumą, ypač kai norima iš naujo suvokti trauminę patirtį“. Taip traumos grožinė literatūra su skirtingomis veikėjų kūrimo formomis ir meninės išraiškos priemonėmis tampa efektyviu traumos perdavimo būdu ar terpe (Ramadanovic 2001: 1). Šiuolaikinėje literatūroje pasirodo naujos įvairių formų trauminės patirties interpretacijos, vaizduojančios ne vien tik trauminius įvykius, bet ir užsimenančios apie jų atkūrimo reikšmę.

Traumos grožinės literatūros esmė – trauma gali būti suprantama tiktai kartu su įvykio kontekstu (E. Ann Kaplan 2005, p. 39). Rūtos Šepetys romanas „Tarp pilkų debesų“ vaizduoja masinių trėmimų iš Lietuvos į įvairias tolimas buvusios Sovietų Sąjungos vietas XX a. 5-ame ir 6-ame dešimtmečiuose apimtį ir pasekmes, kai šeši šimtai tūkstančių tremtinių buvo ištremti iš sovietų okupuotų Baltijos valstybių. „Antrasis neteisėtų areštų Lietuvoje laikotarpis“ prasidėjo 1940-ųjų birželį „Sovietų Sąjungai okupavus ir aneksavus Lietuvą“ (Anušauskas 2006, p. 11). Kas trečias Lietuvos gyventojas tapo sovietų teroro auka. Daugiau nei šimtas trisdešimt du tūkstančiai lietuvių buvo ištremti į tolimas sritis: Sibirą, Poliarinio rato zoną ir Centrinę Aziją. Apytikriai septyniasdešimt procentų ištremtųjų buvo moterys ir vaikai. Apie trisdešimt tūkstančių jų mirė tremtyje nuo bado, sunkių gyvenimo sąlygų ir vergiško darbo. Dar du šimtai tūkstančių žmonių buvo suimti ir įkalinti; šimtas penkiasdešimt tūkstančių iš jų buvo išsiųsti į gulagus – sovietų koncentracijos stovyklas – ar kalėjimus. Kaip teigia Dalia Kuodytė ir Rokas Tracevskis (2004), masinės deportacijos vyko keliais etapais: 1940 metais sovietų vyriausybės užduotis buvo sugniuždyti lietuvių tautą, sunaikinant jos kultūrinį ir politinį elitą (pagal planą apytikriai penkiasdešimt procentų Lietuvos gyventojų turėjo būti deportuoti ir sunaikinti); po 1944 m. buvo deportuoti antisovietinės rezistencijos dalyviai, partizanai ir jų rėmėjai; 1948 m. buvo deportuotia daugiau kaip keturiasdešimt aštuoni tūkstančiai ūkininkų. Nors dauguma vaikų buvo ištremti su vienu ar abiem tėvais, tačiau daugelis netrukus prarado juos ar buvo ištremti vieni (Kurtinaitytė 2012, p. 7-8). Iš trisdešimties tūkstančių žmonių, kurie mirė dėl žiaurių ir antihumaniškų sąlygų, daugiau nei du tūkstančiai buvo vaikai. Trečiosios deportacijos metu, didžiausios ir vienos iš paskutinių, daugiau nei dvylika tūkstančių du šimtai ištremtųjų buvo vaikai, daugiau kaip aštuoniolika tūkstančių trys šimtai vaikų gimė tremtyje (Kurtinaitytė 2012, p. 7). Trėmimai tęsėsi iki J. Stalino mirties (1953 m.). Pagrindinis sovietinių masinių deportacijų iš Baltijos šalių tikslas buvo sunaikinti išsilavinusius ir žinomus žmones, dalyvavusius valstybės kūrime, tautinių vertybių formavime, dirbusius kultūros, švietimo ir politikos srityse.

Romane „Tarp pilkų debesų“ Rūta Šepetys imasi prasmingos užduoties – papasakoti sovietinio genocido Lietuvoje istoriją, kuri prasidėjo pačioje Vokietijos–Sovietų Sąjungos karo pradžioje – 1941-ųjų birželį. Istorija, papasakota penkiolikmetės romano veikėjos Linos žodžiais, iliustruoja masinių trėmimų siaubą: iš Lietuvos Linos šeima ištremiama gyvuliniu vagonu į sovietų gulagus. Tik ji ir jos brolis išgyveno dvylika metų ypač griežtomis ir žiauriomis sąlygomis; tėvas (buvęs universiteto profesorius) mirė kalėjime, o mama – nuo bado ir ligų Sibire. Pasitelkusi pagrindinio veikėjo, paauglės mergaitės pasakojimą, Rūta Šepetys atskleidžia vieną baisiausių periodų Baltijos šalių istorijoje – 1941-1956 m. sovietinį genocidą. Autorė taiko informacinį metodą – menine kalba siekia informuoti pasaulį apie įvairias sovietinio brutalumo formas. Ji taiko ir „empatinį“ kolektyvinės traumos vaizdavimo būdą stengdamasi detaliai aprašyti aukų patirtį ir skausmą (Vickroy 2002, p. 21).

Ką tik išleistas Rūtos Šepetys romanas pateko į grožinės literatūros supriešinimo su faktais spąstus. Nors ir teigiamai sutiktas užsienyje išleistas ar išverstas romanas (jis buvo išleistas anglų kalba JAV, vėliau išleistas dvidešimt devyniose šalyse ir išverstas į dvidešimt keturias kalbas (Guliokas 2011, p. 14)), Lietuvoje jis sulaukė daug prieštaringų atsiliepimų. Vyravo nuomonė, kad tebekraujuojanti žaizda vargu ar gali būti beletrizuota ir atverta pasauliui. Lietuvos žiniasklaidoje pasirodė daug romano recenzijų; daugelis iš jų buvo siejamos su tiesos atskleidimo grožinės literatūros kūrinyje subtilybėmis. Nepaisant vykstančių vietinių debatų Lietuvoje, romanas buvo ypač palankiai įvertintas daugelyje šalių. Pavyzdžiui, ką tik išleistą romaną *The New York Times* išrinko vienu iš dešimties bestselerių (2011 m. gegužės mėn.) jaunimo literatūros kategorijoje; Prancūzijoje 2011 m. spalio mėn. žurnalas *Lire* jį nominavo Geriausia Metų knyga jaunimui;

romanas išrinktas **Wall Street Journal** geriausia 2011-ųjų metų knyga vaikams; romanas tapo William C. Morris apdovanojimų finalininku ir sulaukė *Golden Kite* grožinės literatūros apdovanojimų; 2012 metų pradžioje romanas buvo įtrauktas į *Carnegie Medal* nominacijų sąrašą (2012 birželio mėn.) organizacijos CILIP (the Chartered Institute of Library and Information Professionals in the UK) teikimu. Teigiamas ir netikėtas (vietinėse diskusijose) politinis gestas įvyko 2012-ųjų vasario mėn., kai Rūta Šepetys tapo Lietuvos Respublikos Krašto apsaugos mininsterijos organizuoto Patriotinių ir pilietinių knygų konkurso nugalėtoja ir buvo apdovanota Patrioto premija. JAV Tenesio valstijoje gyvenanti rašytoja pripažino, kad romane panaudoti tremtinių atsiminimai, jų skausmingos praeities liudijimai.

Pirmieji masiniai trėmimai, aprašomi Rūtos Šepetys romane, prasidėjo 1941-ųjų birželį. Dalia Kuodytė (2005, p. 16) teigia, kad viskas, kas vyko tuo metu, buvo ne tik visų iliuzijų žlugimas – valstybė buvo sugriauta – bet ir labai aiškus požymis, kad vienaip ar kitaip kiekvieno gyvenimas turėjo pasikeisti. Per romane minimas keturias dienas (1941 metų birželio 14-18 d.) 18 500 žmonių buvo ištremti iš Lietuvos; iš jų 4913 buvo vaikai, tarp kurių – 1004 vaikai iki 16 metų buvo išvežti toli, anapus Poliarinio rato (Kurtinaitytė 2012, p. 7-8). Kaip pabrėžia buvusi Sibiro tremtinė Irena Kurtinaitytė, „tokia „ekspedicija“ neturi analogo“ [...]. Tai precendento neturintis elgesys su okupuotos šalies civiliais gyventojais“ (Kurtinaitytė 2012, p. 8). Tremtiniai buvo pasmerkti agoniškai dvasinei ir fizinei mirčiai.

Šie genocidiniai procesai baigėsi 1956 m., o šešto dešimtmečio pabaigoje tremtiniai pradėjo grįžti į Lietuvą; grįžimas tęsėsi iki devinto dešimtmečio pradžios. Daugelis grįžusiųjų negalėjo rasti darbo ir vos galėjo susirasti gyvenamąją vietą – jiems buvo draudžiama apsigyventi miestuose, šeimų nariai bijojo priimti juos baimindamiesi sovietų represijų. Daugelis iš grįžusių tremtinių buvo pasiligoję ir netrukus mirė; kiti – visą gyvenimą jautė skaudžias pasekmes. Kaip nurodo daugelis tyrinėtojų, neįmanoma tiksliai suskaičiuoti žalos vėlesnėms kartoms. Nors „statistiniai duomenys rodo, kad beveik 30 proc. tremtinių mirė dėl nepakeliamų gyvenimo sąlygų“, tačiau tikra deportacijų apimtis yra daug didesnė (Kuodyte 2005, p. 17). Grįžę tremtiniai patyrė įvairių formų represijas. Pavyzdžiui, jiems buvo uždrausta siekti aukštojo išsilavinimo; pirmi grįžusieji iš tremties turėjo tik vieną pasirinkimą – vykti atgal ir studijuoti Rusijos universitetuose. Vėliau, kai tremtinių vaikams buvo leista studijuoti Lietuvoje, daugeliui buvo užkirstas kelias į antrosios ar trečiosios pakopos studijas ir kt. Bijodami naujų represijų, tremtiniai turėjo ilgai slėpti savo praeitį; kai kurie skausminga patirtimi nesidalijo netgi su vaikais (Gailienė ir Kazlauskas 2005, p. 73). Traumos slopinimas lėmė tai, ką Gabriele Schwab (2010, p. 76) vadina „pražūtingu nepilnavertiškumo jausmu“. Gailienė ir Kazlauskas (2005, p. 70) pripažįsta, kad „politinės represijos turi ilgalaikį trauminį poveikį“: persekiojimai arba persekiojimų baimė lėmė šeimų išsiskyrimą ar socialinį nutolimą – tam tikrą vėlesnėms kartoms perduodamą kodą. Kadangi penkiasdešimt metų (1940-1990) „aukų kančios nebuvo nei pripažintos, nei viešai aptartos“, šis ilgalaikis trauminis periodas padarė didelę įtaką trijų kartų tapatumui ir jo kitimui – to pasekmės gali būti pastebimos dabartinėse bendravimo formose, vertybėse, visuomeniniuose santykiuose ir asmens elgesyje (Gailienė ir Kazlauskas 2005, p. 75).

Romanas „Tarp pilkų debesų“ (2011 m.) aprašo masinius trėmimus iš Lietuvos. Kaip teigia pati rašytoja, išgirstos tremtinių istorijos paskatino ją parašyti romaną, kuris papasakotų pasauliui apie šią sunkiai nusakomą kolektyvinę traumą (Šiugždienė 2012, p. 1). Autorė deklaruoja, nors tai - romanas, tačiau jis pagrįstas išgyvenusiųjų, kuriuos ji sutiko per pirmą apsilankymą Lietuvoje 2005 metais, istorijomis ir prisiminimais (Šiugždienė 2012, p. 1). Šiuo romanu Rūta Šepetys ne tik naujai pažvelgia į tautos patirtą traumą, bet ir „atveria šią žaizdą“ pasauliui (Caruth 1995a, p. 39).

Romano centre yra kelionė įvairiomis prasmėmis: iš jaukių namų ir ramaus gyvenimo prieškarinėje Lietuvoje į sovietinio antihumanizmo kraštutinumus. Liūdna šeimos istorija pasakoja tragišką daugelio lietuvių šeimų ir visos šalies patirtį. Lina, pagrindinė veikėja ir pasakotoja, dokumentuoja savo patirtį. Pasakojimas pirmuoju asmeniu (vaiko trauminė patirtis) suteikia romanui patikimumo aspektą. Praeities intarpai (romane parašyti kursyvu), apibūdinantys taikų šeimos gyvenimą iki deportacijos, tampa galinga priemone aprašant pasikeitusias aplinkybes. Per pagrindinės veikėjos patirtį autorė pasakoja apie masinę traumą, išgyvenusių aukų atpažįstamą ir

prisimenamą: „Mus išvežė. Buvo 1941-ųjų birželio 14-oji. [...] Tai nebuvo beldimas. Kažkas ėmė kumščiais daužyti į duris – aš net pašokau. Jie trankė mūsų lauko duris“ (Sepetys 2011, p. 7). Pirmieji romano puslapiai atkartoja tremtinių patirtą siaubą: net šiandien sapnuose jie tebegirdi smūgius į duris; sudreba garsiai pašaukti ar išgirdę staiga atsidarančias duris; matydami gyvulinius vagonus ant bėgių. Jie mintimis nuolat sugrįžta prie šių pirmųjų akimirkų, o kiekviena žiema Lietuvoje jiems sukelia prisiminimus apie atšiaurų Sibiro šaltį. Linos veido atspindys veidrodyje tą lemtingą dieną simbolizuoja išlikusiųjų savivokos tragizmą: „[...] pažvelgiau į savo atspindį veidrodyje. Nė nesįsivaizdavau, kaip greitai jis persimainys ir išblanks. [...] Paskui daugiau nei dešimtmetį nebeturėjau progos pažvelgti į save tikrame veidrodyje“ (Sepetys 2011, p. 16). Veidrodžio – įprastos savęs atpažinimo priemonės – jau nebuvo: žmonės negalėjo atpažinti nei savęs, nei savo šalies; jie neturėjo nei praeities, nei ateities, o dabartis buvo trapi kaip veidrodis, besudūžtąs į šipulius.

Rašytoja skrupulingai atkuria deportacijos procesą aprašydama kiekvieną smulkmeną. Kaip pirmųjų susidūrimų su sovietiniu brutalumu liudijimas yra gimdančios moters epizodas. „Dar viena moteris iš sąrašo buvo atvežta į ligoninę gimdyti. Vos tik nukirps virkštelę, motina su naujagimiu turės atsidurti sunkvežimyje“ (Sepetys 2011, p. 18). Kūdikis vėliau miršta, o mažas jo kūnelis išmetamas iš važiuojančio traukinio kaip šiukšlė. Lina mąsto apie šalį, nuniokotą sovietinio teroro: „Įsivaizdavau, kaip kažkas kilsteli kilimo kampą, o didžiulė sovietų šluota lyg šiukšles sustumia mus po apačia“ (Sepetys 2011, p. 26). Trumpi, lakoniški ir pilki savo nešališka maniera sakiniai, vaizduojantys situaciją traukinyje, panašūs į liudytojo parodymus: „Pagaliau pasiekėme geležinkelio peroną. Čia tvyrojo neįtikėtina sumaištis. Šeimos narius skyrė vienus nuo kitų. Vaikai klykė, moterys raudojo“ (Sepetys 2011, p. 28). Linos tėvas taip pat buvo atskirtas nuo šeimos, o mama atkakliai bandė išsaugoti vaikus, Liną ir jaunesnį sūnų Joną. Ilga ir šiurpi kelionė gyvuliniu vagonu žymima daugybe mirusių žmonių („Kasdien, traukiniui sustojus, persisverdavome per duris ir bandydavome suskaičiuoti, kiek lavonų išmes. Sulig kiekviena diena jų vis daugėjo. Mačiau, kad Jonas skaičiuoja vaikus, akmenuku ant vagono grindų brėždamas brūkšnius“ (Sepetys 2011, p. 68)). Galiausiai tremtiniai pasiekia pirmą tremties vietą, kur jie perduodami (parduodami!) vietiniams gyventojams. Linos pasakojimas apie ypač sunkias ir tragiškas gyvenimo sąlygas kartoja vaikų tremtinių prisiminimus. Kaip teigia Dalia Kuodytė (2005) ir Irena Kurtinaitytė (2012), daugelis deportuotų vaikų susirgo ir mirė; kiti, net ir pasveikę po ligų, visą likusį gyvenimą jautė dešimt, penkiolikos ar daugiau tremties metų, praleistų nepakeliamose sąlygose, pasekmes; dar kiti mirė tuoj po to, kai sugrįžo į gimtinę.

Romanas pateikia skaitytojui daug istorinių ir politinių faktų, tapdamas informacijos šaltiniu. Į paauglės mergaitės pasakojimą įsipina tremtinių socialinio statuso, jų biografijos faktų ir šeimų istorijų detalės, NKVD elgesys su jais gulaguose, nuteisimas dvidešimt penkeriems metams. Faktų pateikimas padeda geriau suvokti kolektyvinės traumos mastą. Santykių su NKVD atstovais aprašymuose vyrauja brutalumas, panieka, sadistinis ir pagiežingas NKVD pasityčiojimas iš žmonių kančių. Pažeminimas, su kuriuo susidūrė tremtiniai, yra ypač sukrečiantis. Daugelyje romano epizodų Linos patirtis, jos reakcija į kančią ir pažeminimą simbolizuoja daugybės tremtinių siaubą, kančias, neviltį bei ištvermę ir gebėjimą išsaugoti orumą: „Enkavėdistų žiaurumas tik stiprino mano norą priešintis. Negi pasiduosiu niekšams, kurie kasdien spjaudo man į veidą ir kaip išmanydami mane kankina ir uja? Kas man beliks, jei atsisakysiu net ir savigarbos?“ (Sepetys 2011, p. 160). Aprašydama tremtinių gyvenimą, autorė pabrėžia besitęsiančią kančią, kai sugebėję pergyventi pirmą žiemą tremtiniai buvo išsiųsti toliau – į dar atokesnę tremties vietą – Poliarinį ratą (Trofimovską) su vienu tikslu – pasmerkti juos lėtai, šaltai, agoniškai mirčiai.

Lina fiksuoja savo emocijas piešiniais ant popieriaus atraižų, kurių šaip taip susiranda. Užrašai – šių tragiškų išgyvenimų rezultatas – atsiranda skirtingomis formomis: verbalinis pasakojimas pirmuoju asmeniu ir žodinis piešinių apibūdinimas. Įdomu tai, jog abi šios formos papildo viena kitą. Skirtingos tarptekstinės nuorodos į išgyvenusiųjų liudijimus atsiranda šalia užuominų į garsaus norvegų dailininko Edvardo Munko (1863-1944) darbus siekiant sustiprinti tragišką temą. Meninės prigimties Lina labai mėgsta piešti portretus ir peizažus; Lietuvoje ji lankė dailės mokyklą ir planavo stoti į Lietuvos dailės akademiją – norėjo tapti profesionalia dailininke.

Tačiau visos jos svajonės ir siekiai (kaip ir kitų lietuvių) baigėsi kartu su šalies išnykimu. Edvardo Munko gyvenimas ir jo paveikslai visada įkvėpdavo Liną; taigi tarptekstinės nuorodos į Edvardo Munko meną padeda atkurti tūkstančių tremtinių patirtą kolektyvinės traumos mastą ir suteikia romanui simbolinį aspektą. Lina intuityviai jaučia artimą ryšį su Edvardo Munko paveikslais, todėl pasirenka juos kiekvienai tragiškai scenai pavaizduoti. Ji analizuoja vieną garsiausių Munko paveikslų „Šauksmas“ (ang. *The Scream*) (1893 m.) apibūdindama tremtinių situaciją: viskas, ką ji mato aplinkui, jai primena skerdyklą ar žudynes, beprotnamį ar pragarą žemėje. Edvardo Munko paveikslo „Sergantis vaikas“ (ang. *The Sick Child*) apibūdinimas iliustruoja Linos emocijas, kai jos mažasis broliukas Jonas serga; paveikslas „Prie mirties lovos“ (ang. *By the Deathbed*) (1895 m.) simbolizuoja tremtinių tragiškus likimus. Paralelė tarp Edvardo Munko paveikslo „Mirusi motina ir vaikas“ (ang. *The Dead Mother and Child*) (1899 m.) ir realios situacijos, kai Lina stovi šalia mirusios mamos, yra labai emocionalios ir stiprios. Per visą romaną kyla tas pats klausimas: „Ar gali dailė ar grožinė literatūra pavaizduoti tikrus žvėriškumus ir siaubingas žudynes“? Dailės ir literatūrinės kalbos derinys tarytum įrodo skirtingų liudijimų būtinybę. Trauminės patirties literatūra ar vaizduojamasis menas visada išlaiko tam tikrą realybės atspindį ir kaip pažymėjo autorė, pagrindinis romano šaltinis buvo tremtinių liudijimai. Kita vertus, meninės raiškos formos suteikia istoriniams faktams emocionalią išraišką.

Traumos romanas „Tarp pilkų debesų“ (2011 m.) yra pagrįstas tikrais istoriniais faktais – romane aprašomi masiniai trėmimai iš Lietuvos. Nors lietuvių kalba yra išleista daug memuarų ir apybraižų, tai yra pirmas anglų kalba parašytas romanas, pasakojantis apie tūkstančių lietuvių tremtinių patirtas kančias ir siaubą per pirmus sovietų okupacijos dešimtmečius. Ši kolektyvinė trauma, Gabriel Schwab žodžiais, tapo „tautos kriptos“ (ang. *the national crypt*) dalimi (Schwab 2010, p. 57). Atrodo, jog Rūta Šepetys atsargiai atveria ją, suardydama nepatogią tylą ir patvirtindama faktą, kad informaciją apie šios rūšies sovietinį genocidą vis dar reikia skelbti visam pasauliui. Todėl autorė vartoja ir „informacinį metodą“, ir „empatijos metodą“ aprašydama sovietinį terorą, stengdamasi užpildyti esančią spragą – ypač jaučiamą grožinės literatūros kūrinių stygių šios trauminės patirties tema. Nors Baltijos šalių kalbomis buvo išleista ir yra leidžiama nemažai prisiminimų knygų, tačiau tik nedidelė dalis jų buvo išverstos į kitas kalbas. Remiantis „emocine atmintimi“ (ang. *affective memory*) (Nora 2011, p. 307) sukurtas Rūtos Sepetys romanas leidžia dar kartą atpažinti ir patvirtinti šią kolektyvinę traumą, pabrėžti humanistines vertybes ir žmogaus ištvermės ribas. Skaitytojai atsiduria ties trapia vertinimo riba: istorinių faktų atpažinimu ir susitapatinimu su aukomis. Galima teigti, kad traumos grožinės literatūros tipinis bruožas „gedulo/liūdesio funkcija“ (ang. *mourning function*) vyrauja šiame romane ir tampa vienu iš „besitęsiančių skausmo palikimų“ (ang. *continuing legacies of pain*), kurie lieka lyg atvira tautos žaizda (Vickroy 2002, p. 222; 218). Pasak Gabriele Schwab (2010, p. 79), „trauma tęsiasi tol, kol ji išlieka pasąmonėje“. Istorinių ir politinių kolektyvinės traumos ištakų analizė gali turėti įtakos „kosmopolitinės atminties formos“ (ang. *cosmopolitan form of memory*) kitimui (Whitehead 2009, p. 150). Įvairūs traumos romano interpretavimo būdai padeda geriau suvokti kolektyvinės traumos įtaką asmeniniam ir tautiniam identitetui bei atskleisti traumos romano reikšmę analizuojant istorinius faktus.

LITERATŪRA

ANUŠAUSKAS, A., 2006. Teroras ir nusikaltimai žminiškumui. Pirmoji sovietinė okupacija (1940-1941). *Terror and Crimes against Humanities. The First Soviet Occupation (1940-1941)*. Vilnius: Margi raštai.

ANUŠAUSKAS, A., 2012. *Teroras 1940-1958*. Vilnius: Versus aureus.

APPLEBAUM, A., 2003. *Gulag. A History of the Soviet Camps*. London: Penguin Books.

CARUTH, C., 1995a. Trauma and Experience: Introduction. *Trauma. Explorations in Memory*, Cathy Caruth (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 3-12.

CARUTH, C., 1995b. Recapturing the Past: Introduction. *Trauma. Explorations in Memory*, Cathy Caruth (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 151-157.

CARUTH, C., 1996. *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative, and History*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

FELMAN, Sh., 1995. Education and Crisis, or the Vicissitudes of Teaching. *Trauma. Explorations in Memory*, Cathy Caruth (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 13-60.

GAILIENĖ, D., KAZLAUSKAS, E., 2005. Fifty Years on: The Long-term Psychological Effects of Soviet Repression in Lithuania. *The Psychology of Extreme Traumatisation. The Aftermath of Political Repression*, Danutė Gailienė (ed.).Vilnius: Akreta. Genocide and Resistance research Centre of Lithuania, p. 67-107.
GULIOKAS, V., 2011. Kada kilnūs siekiai nesulaukia pritarimo. *XXI amžius 2011 (95)*, p.14.
HARTMAN, G., 2003. Trauma within the limits of literature. *European Journal of English Studies 7 (3)*, p. 257-274.
KAPLAN, E. A., 2005. *Trauma Culture. The Politics of Terror and Loss in Media and Literature*. New Brunswick: Rutgers University Press.
KUODYTĖ, D., 2005. Traumatising History. In *The Psychology of Extreme Traumatisation. The Aftermath of Political Repression*, Danutė Gailienė (ed.).Vilnius: Akreta. Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania, 13-25.
KUODYTĖ, D., TRACEVSKIS, R., 2004. *Siberia. Mass deportations from Lithuania to the USSR*. Vilnius: Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania.
KURTINAITYTĖ, I., 2012. Foreword. Trans. Vita Milaknytė-Markevičienė. *Sibiro vaikai*, Irena Kurtinaitytė & Vidmantas Zavadskis (eds.). Kaunas: Naujasis lankas, p. 11-16.
LANDSBERGIS, V., 2010. Pasmerktieji negrįžti. Lietuviai Arktyje. Sud. J. Markauskas ir J. R. Puodžius. 3 leid. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, p. 8.
LAUB, D., 1992. Bearing Witness or the Vicissitudes of Listening. In *Testimony. Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History*, Shoshana Felman and Dori Laub. New York: Routledge, p. 57-74.
LAUB, D., 1995. Truth and Testimony: The Process and the Struggle. *Trauma. Explorations in Memory*, Cathy Caruth (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 61-75.
NORA, P., 2011. *Présent, nation, mémoire*. Lonrai: Éditions Gallimard.
RAMADANOVIC, P., 2001. Introduction: Trauma and Crisis. *Postmodern Culture 11 (2)*. [Žiūrėta: http:pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.101/11.2introduction.txt] (2011-10-25).
SCHWAB, G., 2010. *Haunting Legacies: Violent Histories and Transgenerational Trauma*. New York: Columbia University Press.
SEPETYS, R., 2011. *Tarp pilkų debesų*. Vert. Lina Būgienė. Vilnius: Alma littera.
ŠIUGŽDIENĖ, L., 2012. Amerikietė rašo apie lietuvių tremtį. *XXI amžius 2012(9)*, p.1; p. 6.
TOREMANS, T., 2003. Trauma Theory – Reading (and) Literary Theory in the Wake of Trauma. *European Journal of English Studies 7 (3)*, p. 333-351.
VAN DER KOLK, B. A., VAN DER HART, O., 1995. The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma. In *Trauma. Explorations in Memory*, Cathy Caruth (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, p. 158-182.
VICKROY, L., 2002. *Trauma and Survival in Contemporary Fiction*. Charlottesville: University of Virginia Press.
WHITEHEAD, A., 2004. *Trauma Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
WHITEHEAD, A., 2009. *Memory*. London: Routledge.

Ingrida Žindžiuvienė
Faculty of Humanities
Vytautas Magnus University

TRAUMA NOVEL: REPRESENTATION OF COLLECTIVE TRAUMA IN LITERATURE

Summary

The article discloses the role of the relationship between fact and fiction in the trauma novel and discusses the features of the trauma novel *Between Shades of Gray* (2011) by Ruta Sepetys. Based on the trauma theory and trauma fiction, the article examines different dimensions of the trauma novel and questions the impact of the collective experience on personal and national identity. Different approaches undertaken by the authors of trauma fiction are analyzed and the role of the referential truth is evaluated. Ruta Sepetys' novel, which describes the 1941 Soviet mass deportations from Lithuania, encompasses essential features of the trauma novel. In the trauma novel, the reconstruction of collective trauma becomes a process of restatement, during which the response to the work of fiction contains both personal and transpersonal dimension.

KEY WORDS: trauma fiction, trauma novel, collective trauma, collective memory.

Harald Bichlmeier
Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Seminar für Indogermanistik und Allgemeine Sprachwissenschaft
Zwätzengasse 12, D-07743 Jena
privat: August-Bebel-Str. 65, D-06108 Halle (Saale)
Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Arbeitsstelle Jena: Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen

EINIGE ANMERKUNGEN ZU TYPOLOGIE UND ETYMOLOGIE DER BEZEICHNUNGEN FÜR 'MANN' UND 'FRAU' IM URINDOGERMANISCHEN

*Die für das Urindogermanische rekonstruierbaren Bezeichnungen für 'Mann' und 'Frau' lassen sich entsprechend den ihnen zugrundeliegenden Etymologien verschiedenen semantischen Feldern zuweisen. Hierbei fällt auf, dass es kein urindogermanisches Wort gegeben zu haben scheint, das ursprünglich einfach nur 'Mann' = 'männlicher Mensch' bedeutete. Vielmehr sind die nach traditioneller Ansicht mit dieser Bedeutung rekonstruierten Lexeme wohl eher als 'der Starke, der Kräftige' oder 'der Irdische' etc. zu interpretieren. Demgegenüber gab es nach traditioneller Ansicht zwei Lexeme, die 'Frau' = 'weiblicher Mensch' bedeuteten. Eines davon, uridg. *ser-/*sor-/*sr- kann vorläufig weiterhin so interpretiert werden. Das andere Lexem, uridg. *g^{u}en(h_2)- dürfte nach einem neuen etymologischen Vorschlag nun als Ableitung einer zugrundeliegenden Wurzel uridg. *g^{u}en- 'fruchtbar sein, Fruchtbarkeit' anzusehen sein. Folgt man diesem Vorschlag, ergeben sich auch für einige griechische, lateinische und isländische Wörter neue Möglichkeiten der Etymologisierung.*

STICHWORTE: Urindogermanisch, Rekonstruktion, Wortbildung, Etymologie

1. Einleitung:

Die für das Urindogermanische rekonstruierbaren Bezeichnungen für 'Mann' und 'Frau' lassen sich entsprechend den ihnen zugrundeliegenden Etymologien verschiedenen semantischen Feldern zuweisen. Zu trennen sind von diesen Bezeichnungen zunächst einmal die bekannten Verwandtschaftstermini, die besonders für die eigentliche Kernfamilie gut bezeugt sind und sich mehr oder weniger problemlos rekonstruieren bzw. in das Urindogermanische zurückprojizieren lassen. Diese allgemein bekannten Erbwörter für Verwandtschaftsbezeichnungen wie Mutter, Vater, Bruder, Schwester, Schwiegersohn etc. werden in diesem Beitrag keine Rolle spielen.[93] Es soll nach einführenden Bemerkungen zur möglichen Einteilung der Bezeichnungen für 'Mann' und 'Frau' nach dem semantischen Gehalt ihres jeweiligen Rekonstrukts besonders um die Vorstellung eines neuen Vorschlags zur Etymologisierung des Lexems uridg. *g^{u}en-h_2-, *g^{u}n-éh_2- 'Frau' und die Anküpfung an weiteres lexikalisches Material gehen.[94]

2. Zur semantischen Gliederung der Wortfelder 'Mann' und 'Frau'

[93] Vgl. dazu Szemerényi 1977 als Grundlagenwerk. Eine Zusammenfassung des heutigen Stands des Wissens und die neuere, kaum mehr überschaubare Literatur zum Thema sind bequem über das *NIL* zugänglich: Zu 'Bruder' vgl. *NIL* 38-41, zu 'Schwager' vgl. *NIL* 58-60, zu 'Tochter' vgl. *NIL* 126-130, zu 'Schwiegersohn' vgl. NIL 136-139 (sub **ǵemH*- 'heiraten'), zu 'Gattin des Mannesbruders' vgl. *NIL* 204-207, zu 'Mutter' vgl. *NIL* 457-461, zu 'Neffe, Enkel' vgl. *NIL* 520-524, zu 'Vater' vgl. *NIL* 554-562, zu 'Schwiegertochter' vgl. *NIL* 625f., zu 'Schwieger-' vgl. *NIL* 672-675, zu 'Sohn', vgl. *NIL* 686-690.

[94] Diese Ausführungen ruhen in erster Linie auf den Ausführungen von Opfermann (2011, p. 54-68) und Opfermann (im Druck), wo auch die relevante ältere Literatur weitgehend vollständig rezipiert und bewertet wurde.

Die Bezeichnungen für Mann und Frau lassen sich in der Indogermania bekanntlich in eine Reihe von semantischen Feldern einordnen. Hier wären zunächst die folgenden zu nennen, wobei die Liste sich aber noch verfeinern und ergänzen ließe. Es werden jeweils einige aussagekräftige Beispiele angeführt:

1. Bezeichnung als ‘Mensch’ und ‘Menschin’:

Hierher gehören Benennungen, die den Menschen bzw. Mann als ‘Erdling’ oder ‘Irdischen’ bezeichnen. Sie können entweder als Bezeichnungen für den Menschen als Gegenüber eines Gottes, eines wie auch immer gearteten himmlischen Wesens aufgefasst werden oder als eine Benennung, die auf die Erdverbundenheit des Menschen, vielleicht im Gegensatz zu Fischen oder Vögeln, abzielt. Beweisen lässt sich weder das eine noch das andere. Die weiblichen Pendants zu diesen Wörtern werden gegebenenfalls durch einzelsprachliche Movierung gebildet.

In diese Gruppe gehören bekanntlich auch baltische Bezeichnungen für den Mann bzw. Menschen wie etwa altlit. *žmuõ* ‘Mensch’ (vgl. *SEJL* 790f.), lit. *žmogùs* (vgl. *SEJL* 790; *NIL* 88, 96f. Anm. 42), Pl. *žmónės* (vgl. *SEJL* 790; *NIL* 88, 98f. Anm. 48f.) sowie das zugehörige Motionsfemininum *žmonà* ‘Frau, Ehefrau’ (vgl. *NIL* 88, 98 Anm. 47). Alit. *žmuõ* ist dabei als *n*-stämmige Ableitung zum urindogermanischen Wort für die Erde, **d^heǵ^h-om-* (vgl. *NIL* 86-99) anzusehen: uridg./vorurbalt. Nom. **(d^h)ǵ^{h}m-ṓn* > *žmuõ*, Gen. **(d^h)ǵ^{h}m̥-n-és* > **žumnes* → alit. **žmun(e)s* mit Vokalisierung nach dem Nominativ (vgl. Akk. *žmunį* DP), Akk. **(d^h)ǵ^{h}m-ón-m̥* > alit. **žmanį* → *žmunį* DP. Ähnlich zu beurteilen sind mithin auch lat. *homō*, *hominis* ‘Mensch’ < **(d^h)ǵ^{h}e/om-ōn,* Akk. **(d^h)ǵ^{h}e/om-on-m̥* o.ä. (vgl. *EDL* 287f.), got. *guma* ‘Mann’ (vgl. *VWgS* 225f.; *GED* G115), ahd. *gomo* (vgl. *EWAhd* 4, 527-530), aisl. *gume* (*AnEW* 194; *ÍO* 288; Lühr 2000, S.305f.; Kroonen 2011, S. 35f.). Eine Ableitung **d^hǵ^{h}om-i̯o-* > urkelt. **(g)doni̯o-* ist fortgesetzt in keltischen Wortformen, etwa in air. *duine* ‘Mensch’ (vgl. *LEIA* D-136, D-217f.; *EDPC* 156). Weiteres ließe sich anschließen. Hinzuweisen ist nur noch kurz auf die Etymologie von lit. *žmogùs*, das heute meist als verdunkeltes Kompositum **(d^h)ǵ^{h}m-eh$_2$-g^{u}h$_2$-u-* ‘der auf der Erde geht’ interpretiert wird, wenngleich die Existenz des zugrundeliegenden *eh$_2$*-Stamms **(d^h)ǵ^{h}m-eh$_2$-* durchaus noch umstritten ist.

Hierzu kann man am besten wohl auch eine germanisch-indoiranische Parallele mit eventuellem Anschluss im Slawischen stellen, die den Menschen bzw. den Mann als ‘den Denkenden’ bezeichnet, wohl im Gegensatz zu Tieren als nichtdenkenden Lebewesen. Vgl. hierzu urgerm. **manna(n)-*, bei dem es sich um die Fortsetzung entweder eines alten hysterodynamischen *u*-Stamms uridg. **mon-ḗu̯*, Gen. **mon-u̯-és* oder eines hysterodynamischen *n*-Stamms uridg. **mon-ḗn*, Gen. **mon-n-és* handelt. Demgegenüber setzt ai. *mánu-* ‘Mensch, Menschheit’ (vgl. *EWAia* 2, 309f.) einen akrostatischen *u*-Stamm **món-u-*, **mén-u-* fort (vgl. *AnEW* 374f.; *ÍO* 597; *VA* 584f.; *VA*² 717f.; *EwN* 3, 296f.; Lühr 2000, 33f. etc.). Auch aksl. *mǫžь* ‘Mann’ etc. < vorursl. **mon-g(i)i̯o-*, dessen suffixales Element nach wie vor ungeklärt ist, gehört hierher (vgl. *ESJS* 498-500; *ESSJ* 2, 198; *SES* 418; Blažek 2009, S. 44 etc.). Alle diese Bildungen sind Ableitungen von der Wurzel uridg. **men-* ‘denken’ (vgl. *LIV*² 435f.).

2. Biologische Merkmale:

Dazu sind in erster Linie körperliche Eigenschaften zu zählen, so bei den Bezeichnungen für Männer etwa die körperliche Stärke, bei Frauen am ehesten Benennungen nach der Fähigkeit, Kinder zu gebären, sie zu stillen und aufzuziehen.

Eine der in der Indogermania verbreitetsten Bezeichnungen für den Mann, die auch im Baltischen fortgesetzt ist, ist uridg. **u̯ih$_1$-ró-* (vgl. *NIL* 726-729), das einfach ein substantiviertes Adjektiv ist und ‘der Starke’ bedeutet. Das zugehörige Wurzelnomen uridg. **u̯ih$_1$-* ‘Kraft, Gewalt’ ist etwa in hom. gr. *ἴς* (f.) ‘Kraft, Stärke’ (vgl. *EDG* 598) oder im *s*-Stamm lat. *vīs* ‘Kraft, Gewalt’ (vgl. *EDL* 683) fortgesetzt. Zugehörig sind hier lit. *výras* ‘Mann, Ehemann’ (vgl. *SEJL* 756f.), lett.

vĩrs (vgl. *LEV* 2, 537), apr. *wijrs* (vgl. *PKEŽ* 4, 246f.),[95] ai. *vīrá-* ‘Held’ (vgl. *EWAia* 2, 569f.; Kazzazi 2001, S. 72-98) und mit regelrechter Kürzung des Langvokals in der Wurzelsilbe nach der *Lex Dybo* lat. *vir* ‘Mann’ (vgl. *EDL* 681), air. *fer* ‘Mann’ etc. (vgl. *EDPC* 423), got. *wair* (vgl. *VWgS* 544; *GED* W15), ahd. *wer* etc. (vgl. Blažek 2009, S. 47).[96]

Für die Benennung der Frau ist zunächst einmal wohl zu erwarten, dass Bezeichnungen begegnen, die mit der Schwangerschaft und der sich daran anschließenden Geburt und Pflege der Kinder, besonders etwa dem Stillen zusammenhängen. Hierher gehören etwa Bezeichnungen wie ai. *jā́yā-* ‚Frau’ < **ǵn̥h₁-i̯eh₂-* (vgl. *EWAia* 1, 587; Kazzazi 2001, 179-186, 248-253; *NIL* 150, Anm. 71) zu uridg. **ǵenh₁-* ‚zeugen, gebären’ (vgl. *LIV*² 163-165), bei dem es sich um ein ursprüngliches Abstraktum handeln dürfte, oder lat. *fēmina* ‚Frau’ < **dʰeh₁(i)mh₁neh₂-* ‚die Säugende’ (vgl. *EDL* 210).

Dazu gehören dann aber auch Benennungen danach, dass eine Frau dies eben noch nicht getan hat, so etwa ai. *agrū́-* f. ‘unverheiratete Frau’ < uridg. **n̥-gʷr̥H-úh₂-* ‘die nicht schwere’, das heißt eine Frau, die (noch) nicht schwanger (geworden) ist, jav. *aγrū-* f. ‘ledig’ (vgl. *EWAia* 1, 46; 2, 826; Kazzazi 2001, S.159-162, S.240f.). Zahlreiche weitere Beispiele ließen sich noch anschließen.

Hierher gehören auch Bezeichnungen nach Geschlechtsteilen, die aber vergleichsweise selten sind. Solches wurde aber etwa für ahd. *wîb* > nhd. *Weib*, ae. *wīf* etc. angenommen. Ein Grund dafür war das auffällige Genus neutrum diese Worts. Allerdings ist die Zusammenstellung mit Toch.A *kip* ‘Scham’, Toch.B *kwīpe* ‘Scham, Schande’ (vgl. Schmidt/Strunk 1989) nicht unwidersprochen geblieben. Eine ebenfalls mit einem *pars pro toto* rechnende Etymologie geht von einer (nur im Germanischen?) erweiterten Wurzel **(s)u̯ei̯-bʰ-* ‘biegen, drehen, winden aus’ (mit *s*-mobile und Wurzelerweiterung um **-bʰ-* zu uridg. **u̯i̯eh₁-* ‘umwickeln, umhüllen’ [vgl. *LIV*² 695], wozu urgerm. **u̯ei̯þa-* ‘das Gebogene’ oder eben ‘das Umhüllende’(?) gebildet werden konnte. Dies hätte ursprünglich den Bauch der Schwangeren gemeint und dann auch metonymisch auf die Frau übertragen werden können (vgl. Opfermann 2011, S. 16, S. 88-91). Letztlich besteht bei diesem Wort und seiner Etymologie aber sicher noch Forschungsbedarf.

3. Bezeichnungen nach dem Alter:

Eng mit den Benennungen nach den eigentlichen biologischen Merkmalen hängen Bezeichnungen nach dem Lebensalter zusammen. Hier treten sowohl bei Bezeichnungen für männliche wie weibliche Menschen diejenigen hervor, die man als die beiden Extreme bezeichnen könnte, eben Bezeichnungen für junge Personen einerseits, für alte andererseits. Als bekannte Vertreter seien hier nur etwa gr. *γέρων* ‘alter Mann’ (*EDG* 268f.) und gr. *γραῦς* ‘alte Frau’ (*EDG* 285) oder auf ai. *yúvan-* ‘jung, Jüngling’ und ai. *yuvatī́-* ‘junge Frau’ (vgl. *EWAia* 2, 413f.) verwiesen. Zahlreiche weitere Belege ließen sich aus der gesamten Indogermania anfügen (vgl. etwa Opfermann 2011, S. 16-19).

4. Bezeichnungen nach der Fähigkeit, Macht auszuüben:

Hierher gehören etwa Benennungen für den Herrscher oder den Herrn allgemein. Eines der verbreitetsten Wörter ist als uridg. **poti-* ‘Herr’ zu rekonstruieren und hatte ebenfalls wieder Fortsetzer im Baltischen, so in lit. *patìs*, *-iẽs* ‘Mann, Ehemann’, lett. *pats*, *paša* ‘Mann, Herr’, lit.

---

[95] Aufgrund des Akzents der ostbaltischen Belege, im Litauischen Akzentklasse 1, im Lettischen Dehnton, muss die nominalisierende Akzentverschiebung bereits (vor)urbaltisch sein, jedenfalls muss das Wort bereits urbalt. **ˈvī́ra-* gelautet haben, der Iktus kann nicht erst innerbaltisch von der Endung auf die akutierte Wurzelsilbe vorgezogen worden sein. Insofern ist der Nominalisierungsvorgang im Baltischen und Altindischen verschieden gelaufen, da ai. *vīrá-* trotz seiner Verwendung als Substantiv noch den alten Akzent des Adjektivs zeigt.

[96] Die gleiche Kürzung nach der *Lex Dybo* findet sich bekanntlich auch im Wort für Sohn, lit. *sūnùs* (vgl. *SEJL* 614f.), apr. *soūns* (vgl. *PKEŽ* 4, 141), ai. *sūnú-* (vgl. *EWAia* 2, 741), av. *hūnu-*, aksl. *synъ* (vgl. ESJS 915f.; zum dort verkannten Wirken der *Lex Dybo* vgl. Bichlmeier 2011, 124f. mit Anm. 5 [dort weitere Literatur zur *Lex Dybo* und ihrem Wirken]); *ĖSSRJa* 2, 221; *ĖSRJa* 3, 817f.; *ESSJ* 3, 235; *SES* 655; *EDSIL* 483) etc. vs. got. *sunus* (vgl. *VWgS* 460f.; *GED* S166), ahd. *son* (*EWdS*[24] 855; *EWdS*[25] 856; *EwN* 4, 674), aisl. *sunr*, *sonr* etc., gr. *υἱύς*, *υἱός* (vgl. *EDG* 1528) etc. (vgl. *NIL* 686–690).

pàts ‘selbst’ (vgl. *SEJL* 442, 443; *LEV* 2, 25f.). Zugehörig sind weiters ai. *páti-* ‘Herr’ (vgl. *EWAia* 2, 73f.; Kazzazi 2001, S. 116-121), jav. *paiti-*, gr. *πόσις* ‘Mann, Ehemann’ neben *δεσπότης* ‘Herrscher’ (vgl. *EDG* 319, 1225)[97] sowie got. *brūþfaþs* ‘junger Mann, Bräutigam’ (vgl. *VWgS* 109f.; *GED* B107). Weiter herzustellen ist etwa das Wort für den König uridg. **(h₃)rḗg-s*, das in lat. *rēx* (vgl. *EDL* 522), ai. *rā́j-* (vgl. *EWAia* 2, 444-446), air. *rí* etc. (vgl. *LEIA R*-25; *EDPC* 311). Die zugehörigen Bezeichnungen für ‘Herrin’ oder ‘Herrscherin’ oder ‘Königin’ sind meist einzelsprachliche Ableitungen der genannten Lexeme, als voreinzelsprachlich zu betrachtende Übereinstimmungen sind hier selten und oft unsicher. Es handelt sich in der Mehrzahl um movierte Substantive, die von ihren maskulinen Pendants abgeleitet worden sind, so etwa lat. *rēgīna*, air. *rígain*, ai. *rā́jñī-* etc., auf die hier nicht weiter eingegangen werden soll.

5. Bezeichnungen nach anderen Berufen oder Tätigkeiten:

Diese sind indes in der Regel einzelsprachliche Bildungen und lassen sich oft nicht bis ins Urindogermanische zurückverfolgen. Auch hier handelt es sich bei den femininen Benennungen in der Regel um Motionsfemina, es sei denn, es handelt sich um typische ‘Frauenberufe’ zu denen maskuline Gegenstücke fehlen.

Weitere Einteilungskriterien ließen sich noch finden, sollen aber in diesem Kontext nicht weiter interessieren, da es sich bei den entsprechenden Lexemen in noch größerem Umfang als schon unter den unter dem letzten Punkt genannten um einzelsprachliche Bildungen handelt, auch wenn sie meist einwandfrei zu etymologisieren sind. Hierher ließen sich etwa noch die zahlreichen Bezeichnungen für Frauen stellen, die die verschiedenen Stadien ehelicher und außerehelicher Beziehungen zu einem Mann bezeichnen. Insgesamt zeigt auch dieser Bereich wieder ganz klar die auch für das Urindogermanische anzunehmende Männerzentriertheit der ganzen Wortfelder: Bezeichnungen für ‘Verlobte’, ‘Geliebte’, ‘Gefährtin’, ‘Ehefrau’, ‘Konkubine’, ‘Prostituierte’ etc. finden sich allenthalben (vgl. dazu Opfermann 2011, S. 24-30 mit weiterer Literatur). Bezeichnungen für die männlichen Pendants dazu sind dagegen bekanntlich wesentlich seltener zu greifen und sind dann oft Ableitungen der femininen Bezeichnungen, wie etwa im Falle von ‘Witwe’ und ‘Witwer’.

3. ‘Mann’ und ‘Frau’

3.1 ‘Mann’

Auffällig bleibt jedenfalls, wenn man sich die oben vorgeführten Gruppen von Lexemen und die jeweiligen Etymologien ansieht, dass es kein Wort im Urindogermanischen gegeben zu haben scheint, für das man die Grundbedeutung ‘Mann’ im Sinne von ‘männlicher (erwachsener) Mensch’ rekonstruieren kann oder gar muss. Die Bezeichnungen für den Mann scheinen in erster Linie auf seine Körperkraft bezogen gewesen zu sein, wie eben oben genanntes uridg. **u̯ih₁-ró-* zeigt. Und auch für das andere weiter verbreitete Wort für den Mann, uridg. **h₂nér-s*, Gen. **h₂n̥r-ós*, fortgesetzt etwa in gr. *ἀνήρ*, *ἀνδρός* ‘Mann, Mensch’, ai. *nár-* m. ‘Mann, Mensch, Held, Krieger’, aav., jav. *nar-* ‘Mann’ etc. (vgl. *EDG* 103f.; *EWAia* 2, 19f.; *NIL* 332-335; *EDAIL* 61f.; Kazzazi 2001, S. 50-71, S. 94-98), wird erwogen, dass dessen ursprüngliche Bedeutung eigentlich ‘der Starke’ o.ä., gewesen sein dürfte, wenn man davon ausgeht, dass diesem protero- bzw. amphikinetischen Wurzelnomen eine Verbalwurzel **h₂ner-* ‚stark sein’ zugrunde liegt, die etwa verbal noch in parācī *nar-* ‘fähig sein’ fortgesetzt sein könnte (vgl. Schindler 1972, S.36, S.38; *NIL*

[97] Zu gr. *δεσπότης* ‘Herrscher’ < uridg. **dems-poti-* (dem auch aav. *dāng.paitiōiš* [Gen., Y 45,11] und ai. *dámpati-* ‘Herr des Hauses’ direkt vergleichbar sind [vgl. *EWAia* 1, 697, 699]) gehören letztlich auch baltische Lexeme, die allerdings Ersatz des Erstgliedes uridg. **dem(h₂)-/*dom(h₂)-* ‘Haus’ durch semantisch nahestehendes uridg. **u̯ei̯ḱ-*, **u̯oi̯ḱ-* ‘Dorf, Gehöft’ zeigen, nämlich lit. *viẽšpatis* ‘Herr, Herrscher’ (vgl. *SEJL* 750) samt Ableitungen – dem mit anderer Ablautstufe (Schwundstufe) des Vorderglieds wiederum ai. *viśpáti-* ‘Stammesherr’ (vgl. *EWAia* 2, 561) entspricht – und das Motionsfemininum apr. *buttas waispattin* Akk. fem. ‘Hausherrin’ (vgl. dazu auch *PKEŽ* 4, S. 214f. und Larsson 2002, 214 = Larsson 2003, S. 121).

332-335, bes. Anm. 1 auf S. 333). Air. *nert* n. (m.) ‘Kraft’ wäre dazu eine nominal(isiert)e *to*-Ableitung (vgl. *LEIA N*-10f.; *EDPC* 289).

Oder er ist – wie ebenfalls schon dargestellt wurde – eben der ‘Irdische’, der ‘Denkende’ etc.

3.2 ‘Frau’

Demgegenüber werden nun nach gängiger Ansicht zwei urindogermanische Lexeme für das Wort für ‘Frau’ angesetzt. Es sind dies uridg. *$*g^{u}en(h_2)$- und uridg. *$*ser$-/*sor-/*$s\underset{\circ}{r}$-.

Hierbei ist uridg. *$*ser$-/*sor- (vgl. dazu etwa Normier 1980) dasjenige Lexem, das insgesamt schlechter bezeugt ist. Trotzdem hat seine Gestalt und seine Verbreitung doch eine recht intensive Diskussion hervorgerufen, die sich in der umfangreichen Literatur spiegelt, die sich mit diesem Lexem befasst. Nach aktuellem Stand ist wohl nur die Rekonstruktion als *$*ser$-/*sor- (vgl. Ledo-Lemos 2002, S. 104-144 und Ledo-Lemos 2003, S. 133-145 [wo die relevante ältere Literatur genannt und ausführlich diskutiert wird]; Opfermann 2011, S. 8) berechtigt. Ansätze, die mit einem Paradigma *$*ésōr$, *$*sr$-$és$, *$*$-sor- (im Kompositum) rechnen (vgl. Oettinger 1986) oder anlautenden Laryngal postulieren (etwa *$*(h_1)ésor$- bei Hackstein 2011, S. 58 oder *$*Hser$-/*$*Hsor$- bei Carruba 1991, S.159) sind wohl nicht nötig. Auffällig bleibt in jedem Fall, dass dieses Lexem im Anatolischen als Kompositionshinterglied, das zum Derivationssuffix lexikalisiert wurde, fortgesetzt wird – man vgl. etwa das Suffix heth. -*(š)šara*-, das zur Bildung verdeutlichender Ableitungen dient, um hervorzuheben, dass weibliche Personen bezeichnet werden – und in noch stärker lexikalisierter Form, die am ehesten über eine Zusammenrückung in ehemaligen Syntagmen erfolgt sein dürfte (vgl. dazu Hackstein 2010, S. 58f., S. 62), als suffixales Element in den femininen Formen der Zahlwörter ‘3’ und ‘4’ im Indischen (ai. *tísras* ‘3’ fem. < *$*tri$-sr-es, *cátasras* ‘4’ fem. < *$*k^{u}ete$-sr-es) und Keltischen (air. *téoir*, *cethéoir*; mkymr. *teir*, *pedeir*) begegnet.[98]

Kommen wir schließlich zu dem anderen gemeinhin mit der Bedeutung ‘Frau’ rekonstruierten Lexem. Hier alle älteren Vorschläge noch einmal durchzuspielen ist nicht die Zeit und nicht der Platz. Es sei dafür in erster Linie auf die alle Formen bietende prägnante Darstellung im *NIL* (177-185) und die ausführliche Diskussion bei Ledo-Lemos (2002 und 2003 passim) sowie bei Opfermann (2011, S. 33-68) und Opfermann (im Druck) verwiesen, wo die relevante Literatur angeführt und besprochen ist.

Ableitungen von dieser Wurzel in der Bedeutung ‘Frau’ o.ä. finden sich praktisch in allen indogermanischen Sprachzweigen und bedeuten überall ‘Frau’, ‘Ehefrau’ etc. Zugehörig sind etwa ai. *gnā́*-, *jáni*- (vgl. *EWAia* 1, S. 503f., S. 568f.; Kazzazi 2001, p. 187-194, S. 208-211, S. 246f., p.259), aav. *gənā*-, jav. *jaini*-, *γəna*-, gr. *γυνή*, *γυναικός* etc. (vgl. *EDG* 291f.), got. *qino*, *qens* (vgl. *VWgS* Q4, Q7; *GED* 386, 388), aisl. *kona*, *kván* (vgl. *AnEW* 325; *VA*² 590-592; Lühr 2000, S. 211f.; Kroonen 2011, S. 36f.), ae. *cwene*, *cwēn*, ahd. *quena* etc., arm. *kin* (vgl. *EDAIL* 363f.), Toch.A *śäṃ*, Toch.B *śana*, apr. *genna*, *genno* (vgl. *PKEŽ* 1, 351f, *PJ* 2, 207-210), aksl., russ., bulg. etc. *žena*, poln. *żona* etc. (vgl. *EDSIL* 558; *ĖSRJa* 2, 46; *ESSJ* 4, 446f.; *SES* 867 etc.).

Für die urindogermanische Vorform des Frauenworts werden zwei hauptsächliche Thesen vertreten: Die eine geht davon aus, dass es im Urindogermanischen ein Wurzelnomen *$*g^{u}én$- ‘Frau’ gab, das um das Kollektivsuffix *-h_2- erweitert wurde, so dass zunächst eine Kollektivbezeichnung ‘Frauenschaft’ mit ablautender, proterokinetischer Flexion entstand, zu der durch interne Derivation wieder ein Singulativum ‘Frau’ gebildet werden konnte. Etwas problematisch ist an dieser These allerdings, dass die konkreten Belege, die die Rekonstruktion eines derartigen Wurzelnomens *$*g^{u}én$- ‘Frau’ unbedingt erforden, unsicher resp. indirekter Natur sind: Fast immer muss damit gerechnet werden, dass Laryngalschwund vor einem Vokal oder in der Komposition eingetreten sein könnte. Trotzdem rechnet etwa das *NIL* ganz selbstverständlich mit einer solchen Wurzel. Die andere, seltener vertretene These geht letztlich schon von einer h_2-haltigen Wurzel *$*g^{u}enh_2$- ‘Frau’

[98] Die von Hackstein a.a.O. gebotene Erklärung einer frühen (frühurindogermanischen?) Verschmelzung der Elemente eines Syntagmas zu den neuen femininen Numeralia bleibt davon grundsätzlich unberührt, wird wohl sogar eher noch unterstützt, wenn man statt *$*tri\ (h_1)ésores$ *$*k^{u}et\ (h_1)ésores$ eben *$*tri\ sóres$ und vielleicht *$*k^{u}etes\ sóres$ o.ä. als Vorformen annimmt.

aus. Allerdings gehen die beiden Ansichten bisweilen ineinander über, so dass eine strikte Trennung nicht immer sicher geleistet werden kann.

Nach Ansicht der Mehrheit der Forscher lag ein proterokinetisches Paradigma uridg. Nom. *g^{u}*é*n-h_2 > *g^{u}*ḗ*n, Gen. *g^{u}*n̥*-*éh*$_2$-*s*, Dat. *g^{u}*n̥*-*éh*$_2$-(*e*)*i̯*, Akk. *g^{u}*é*n-h_2-*m̥* zugrunde. Das Paradigma zeigt also Ablaut in Wurzel und Suffix in derselben Weise, wie er etwa auch bei proterokinetischen *i*- oder *u*-Stämmen etc. zu beobachten ist. Es handelt sich hierbei um ein sehr archaisches Flexionsmuster. Andere Beispiele für ablautendes *-(*é*)h_2- sind selten und oft nur indirekt bezeugt wie etwa in lat. *rota* 'Rad' < *(*H*)*rot-eh*$_2$- vs. ai. *rátha*- n. 'Wagen' < *(*H*)*rot-*h_2*-ó*- 'mit Rädern versehen' (mit Akzentverschiebung durch die Substantivierung). Jedenfalls wird das o.g. urindogermanische Paradigma direkt durch Formen des Altirischen bezeugt und fortgesetzt: air. *bé*^{N}, *mná*, *mnaí*, *bein* (urir. **bēn*, **bnās*, **bnāi̯*, **benam*). Hier findet sich auch noch die Besonderheit, die auf die ehemals kollektivische Bildung zurückzuführen sein dürfte, dass das Wort nämlich zunächst neutrales Genus aufweist und erst später in die Feminina überführt wird. Neben den angeführten Formen finden sich auch im Altirischen bereits Ausgleichsformen, so dass letztlich zwei vollständige Paradigmen entstanden (vgl. Jasanoff 1989; *LEIA B*-23f., *B*-31f.; *EDPC* 61; Opfermann 2011, S.33-36).

In den meisten Sprachen wurde das vollstufige Suffix *-*eh*$_2$- verallgemeinert, wohl da es mit der Zeit eben als charakteristisch für Feminina allgemein empfunden wurde.

Ein neuer Rekonstruktionsvorschlag, der hier nun vorgestellt werden soll, rechnet für die Wurzel *g^{u}*en*- nicht mehr mit einer ursprünglichen Bedeutung 'Frau', sondern mit einer Bedeutung 'fruchtbar sein, Fruchtbarkeit'.[99] Folgt man diesem Ansatz, wäre für das o.a. Kollektivum am ehesten mit einer Bedeutung 'Gesamtheit des Fruchtbaren' zu rechnen, woraus entweder durch Metonymie oder durch eine sekundäre interne Ableitung dann wieder die Bedeutung 'Frau' gewonnen werden konnte. Die Frau wäre dann als Inbegriff der Fruchtbarkeit verstanden worden.

Um diesen Ansatz rechtfertigen zu können, müssen jedoch unabhängig vom hier behandelten Wort für die Frau Wörter beigebracht werden, die einen solchen Bedeutungsansatz rechtfertigen. Solche Wörter lassen sich nun in der Tat finden, wobei aber die weitere Diskussion noch wird zeigen müssen, ob sie als stichhaltig gelten dürfen.

Das erste dieser Wörter ist gr. *βενέω* 'beschlafe (eine Frau)'. Neben diesem findet sich in literarischen Belegen noch die Form *βῑνέω* (vgl. *EDG* 215), die aber in der handschriftlichen Überlieferung mit *κῑνέω* wechselt, das auch sonst bisweilen die Nebenbedeutung 'beschlafe' haben kann. Spielt man die Möglichkeiten durch, die für die Herleitung von Verben auf *-έω* im Griechischen bestehen, bleibt aufgrund der morphologischen Struktur der Wurzel nur die Erklärung als denominale Bildung übrig. Am wahrscheinlichsten erscheint hier nun eine denominale *i̯e/o*-Ableitung von einem *s*-Stamm **βένος*. Aufgrund des Anlauts muss nun entweder eine Ausbreitung der Form aus dem äolischen Dialekt des Griechischen angenommen werden, oder es muss mit einem archaischen ablautenden *s*-Stamm *g^{u}*é*n-*os*, *g^{u}*n-és*- > nichtäol.-gr. **δένος*, **βανέσ*- und nachfolgendem Stammausgleich zu **βένοσ*- gerechnet werden. Eine Ableitung urgr. **benes-i̯e/o*- zu einem solchen Nomen würde das bezeugte *βενέω* direkt ergeben (vgl. dazu ausführlich Opfermann 2011, S.54-57). Die ursprüngliche Bedeutung wäre mithin gewesen '(eine Frau) mit Fruchtbarkeit versehen, befruchten' > 'beschlafen'.

Neben diesem allerdings mit einigen Unsicherheiten behafteten Anhaltspunkt besteht noch eine weitere Möglichkeit für Verknüpfungen von Lexemen mit einer Wurzel *g^{u}*en*- 'fruchtbar, Fruchtbarkeit'. Es geht um die Lexeme gr. *ἀδήν* 'Drüse' (vgl. *EDG* 21), lat. *inguen* 'Leistengegend, Unterleib, Glied, Schwellung am Unterleib' (vgl. *EDL* 303f.[100]). Bislang wurden diese Lexeme unter dem Ansatz einer Wurzel uridg. **h*$_1$*eng*^{u}- zusammengefasst, wobei aber, wie auch schon die

[99] In eine ähnliche Richtung ging auch schon der Versuch der Etymologisierung, den Carruba (1991, S.167, S.172f.) vorlegte, der allerdings mit einer recht unwahrscheinlichen Vorform "***g**^{w}**uen** (or ***gwen**) "sex" or "pudenda"" rechnen, das er aus "***g**^{w}**u-en**" herleitete.

[100] Die dort gebotene Herleitung des Worts von der Wurzel uridg. **neg*^{u}- 'nackt' ist von Opfermann (2011, S. 65, Anm. 153) zurecht mit dem Argument abgelehnt worden, dass es widersinnig sei, ausgerechnet die Körperstellen als 'die nackten' zu bezeichnen, die am seltensten nackt sind.

gerade zitierten Stellen aus der Sekundärliteratur zeigen, immer gewisse Probleme bestanden, nisl. *økkr* (< urgerm. **enkṵa-*) damit zu verbinden.

Ein erstes Problem wurde hierbei nun aber schon von Nikolaev (2005; 2010, S. 238-276) aus dem Weg geräumt, indem er wahrscheinlich machen konnte, dass die *Lex Rix* (uridg. **#h₁/h₂/h₃R̥K-* > gr. **ἐ/ἀ/ὀRK-*) wahrscheinlich für die Stellung vor Nasalen eben nicht gilt, so dass eine Rekonstruktion uridg. **h₁n̥gᵘen-* > gr. *ἀδήν*, lat. *inguen* ebenso lautgesetzlich wäre wie **h₁engᵘ°-* > urgerm. **enkṵ°-*.

Der neue Vorschlag besteht nun darin, nicht mehr mit einer Wurzel uridg. **h₁engᵘ-* zu rechnen, sondern die Bildung als *ἔνθεος*-Kompositum zu analysieren: Wie Schaffner (2006) an ae. *umbor* 'Kind' < urgerm. **un-þer-a-* < vorurgerm. **n̥-bʰer-o-* 'das darin [d.h. im Mutterleib] getragene' und weiteren Beispielen wahrscheinlich machen konnte, kann **n̥-* nicht nur schwundstufige Form von uridg. **nē* 'nein, nicht' sein (vgl. das *alpha privativum* im Griechischen etc.), sondern auch die Schwundstufenform zur Lokalpartikel uridg. **(h₁)en*[101] 'in'. Einem Ansatz uridg. **(h₁)n̥-gᵘen-* 'Fruchtbarkeit in sich habend' steht somit zunächst nichts mehr im Wege. Eine semantische Weiterentwicklung über 'Geschlechtsdrüse' zu 'Drüse' allgemein im Griechischen einerseits bzw. als *pars pro toto* zu 'Leistengegend, Schamgegend' im Lateinischen andererseits liegt durchaus im Bereich des Denkbaren. Etwas komplizierter ist die Lage für das germanische Wort: Hier muss man ausgehend von einem Nom. uridg. **(h₁)en-gᵘen-s* > **(h₁)en-gᵘēn* > urgerm. **enkṵē₁n* > nordgerm. **enkṵāⁿ* Verlust des auslautenden Nasals und schließlich Überführung in die germanischen *a*-Stämme postulieren, was angesichts der sonst zu beobachtenden Vorliebe des Germanischen für *n*-Stämme ein Vorgang wäre, für den man noch Parallelen finden müsste. In diese Richtung würde immerhin schon der o.g. Rekonstruktionsvorschlag für urgerm. **manna-* weisen, wenn der Ausgangspunkt für dieses Wort tatsächlich ein hysterokinetisches Paradigma uridg. **mon-ḗn*, Gen. **mon-n-és* gewesen sein sollte. Denkbar bleibt der Vorgang immerhin.

Jedenfalls scheint mir nach dem ganzen im Vorhergehenden Ausgeführten der Ansatz einer urindogermanischen Wurzel **gᵘen-* 'fruchtbar (sein), Fruchtbarkeit' durchaus eine gewisse Wahrscheinlichkeit für sich zu haben.

4. Ergebnis und Ausblick

Sollten sich die hier vorgestellten Vermutungen bestätigen und in der wissenschaftlichen Diskussion bestehen können, würde sich daraus folgendes Ergebnis ableiten lassen: Das Urindogermanische hatte wahrscheinlich ein Wort, nämlich **ser-*/**sor-*, das 'Frau' im Sinne von 'weiblicher Mensch' von Anfang an bedeutete. Das zweite gut rekonstruierbare Wort für die Frau, das das am weitesten in der Indogermania verbreitet gewesen sein dürfte, kann man nun vielleicht auf eine Wurzel zurückführen, deren Bedeutung 'fruchtbar [sein], Fruchtbarkeit' war.

Ein Pendant zu diesen beiden Frauenwörtern, das ursprünglich 'Mann' = 'männlicher Mensch' bedeutet hätte, scheint es nicht gegeben zu haben. Die Wörter für 'Mann' gehen meist auf Wörter der ursprünglichen Bedeutung 'der Starke' zurück. Dies ist in seiner Verteilung ein zumindest doch auffälliges Ergebnis.

Andererseits scheint es aber keine Wörter für die Frau gegeben zu haben, die sie als 'die Schwache' charakterisiert hätten. Dies dürfte eine wesentlich jüngere Erscheinung sei.

Fraglich bleibt allerdings meines Erachtens, ob man daraus irgendwelche Schlüsse auf die Sozialstruktur der Urindogermanen ziehen sollte: Ich würde es nicht tun.

Zu untersuchen bliebe, ob eine solche Situation Parallelen in anderen Sprachfamilien hat.

Abkürzungen:

[101] Der anlautende Laryngal ist nicht definitiv nachzuweisen, wird aber des öfteren aufgrund der Benvenisteschen Wurzelhypothese angesetzt. Angesichts der o.g. Einschränkung der *Lex Rix* durch Nikolaev entfiele ohnehin auch etwaige griechische Gegenevidenz.

aav.: altavestisch – ae.: altenglisch – ahd.: althochdeutsch – ai.: altindisch – air.: altirisch – aisl.: altisländisch – aksl.: altkirchenslawisch – alit.: altlitauisch – äol.: äolisch – apr.: altpreußisch – arm.: armenisch – bulg.: bulgarisch – got.: gotisch – gr.: griechisch – heth.: hethitisch – jav.: jungavestisch – lat.: lateinisch – lett.: lettisch – lit.: litauisch – mkymr.: mittelkymrisch – nhd.: neuhochdeutsch – nisl.: neuisländisch – poln.: polnisch – russ.: russisch – Toch.A: Tocharisch A – Toch.B: Tocharisch B – urbalt.: urbaltisch – uridg.: urindogermanisch – urir.: uririsch – ursl.: urslawisch.

LITERATURVERZEICHNIS

AnEW = de VRIES, J., 1962. *Altnordisches Etymologisches Wörterbuch*. 2., verb. Aufl. Leiden: Brill.

BICHLMEIER, H., 2011. Rezension zu *ESJS*, Fasz. 14 und 15. *Kratylos* 56, 2011, S.110-133.

BLAŽEK, V., 2009. Kam ta slova zmizela? O chybějících slovanských kontinuantech indoevropských etymonů. *Studia etymologica Brunensia* 6, S. 37-57.

CARRUBA, O., 1991. Searching for woman in Anatolian and Indo-European. In: *Pearson* (Hg.), S. 155-181.

EDAIL = MARTIROSYAN, H. K., 2010. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 8) Leiden – Boston: Brill.

EDG = BEEKES, R. with the assistance of Lucien van Beek, 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 10) Leiden – Boston: Brill.

EDHIL = KLOEKHORST, A., 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 5) Leiden – Boston: Brill.

EDL = de VAAN, M., 2008. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 7) Leiden – Boston: Brill.

EDPC = MATASOVIĆ, R., 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 9) Leiden – Boston: Brill.

EDSIL = DERKSEN, R., 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 4) Leiden – Boston: Brill.

ESJS = HAVLOVÁ, E., et al. 1989ff. *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha: Academia (ab Fasz. 15: Tribun EU).

ĖSRJa = VASMER, M., 2003. *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Perevod s nemeckogo i dopolnenija akademika RAN O. N. Trubačeva. Izdanie četvertoe, stereotipnoe. V četyrech tomach. Moskva.

ESSJ = BEZLAJ, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*.

Knj. 1: A–J. Ljubljana: Mladinska Knjiga 1977.

Knj. 2: K–O. Ljubljana: Mladinska Knjiga 1982.

Knj. 3: P–S. Dop. in ured. Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana: Mladinska Knjiga 1995.

Knj. 4: Š–Z. Ured. Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana: Založba ZRC 2005.

Knj. 5: Kazala. Izd. Marko Snoj in Simona Klemenčič. Ljubljana: Založba ZRC 2007.

EWAhd = Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen.

Band I: -a – bezzisto. Von Albert L. Lloyd und Otto Springer, Göttingen – Zürich: Vandenhoeck & Ruprecht 1988.

Band II: bî – ezzo. Von Albert L. Lloyd, Rosemarie Lühr und Otto Springer† unter Mitwirkung von Karen R. Purdy, Göttingen – Zürich: Vandenhoeck & Ruprecht 1998.

Band III: fadum – fûstslag. Von Albert L. Lloyd und Rosemarie Lühr unter Mitarbeit von Gerlinde Kohlrusch, Maria Kozianka, Karen R. Purdy und Roland Schuhmann, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 2007.

Band IV: gâba – hylare. Von Albert L. Lloyd und Rosemarie Lühr unter Mitarbeit von Gerlinde Kohlrusch, Maria Kozianka, Karen R. Purdy und Roland Schuhmann, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 2009.

EWAia = MAYRHOFER, M., 1992, 1996, 2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. 3 Bde. Heidelberg: Winter.

EWdS[24] = KLUGE, F., 2002. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 24., durchges. und erw. Aufl. von Elmar Seebold. Berlin – New York: de Gruyter.

EWdS[25] = KLUGE, F., 2011. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 25., durchges. und erw. Aufl. von Elmar Seebold. Berlin – Boston: de Gruyter.

EwN = PHILIPPA, M. et al. (Hgg.). *Etymologisch woordenboek van het Nederlands*.

I: A–E. Amsterdam: Amsterdam University Press 2004.

II: F–Ka. Amsterdam: Amsterdam University Press 2005.

III: Ke–R. Amsterdam: Amsterdam University Press 2007.

IV: S–Z. Amsterdam: Amsterdam University Press 2009.

GED = LEHMANN, W. P., 1986. *Gothic etymological dictionary*. Based on the third edition of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. With bibliography prepared under the direction of Helen-Jo J. Hewitt. Leiden: Brill.

HACKSTEIN, O., 201. *Apposition and Nominal Classification in Indo-European and Beyond*. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Sitzungsberichte, 798. Band; Veröffentlichungen zur Iranistik Nr 56)

Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
HELLER, K., PANAGL, O., TISCHLER, J. (Hgg.), 1989. *Indogermanica Europaea. Festschrift für Wolfgang Meid zum 60. Geburtstag am 12. 11. 1989.* (Grazer Linguistische Monographien 4) Graz: Institut für Sprachwissenschaft.
ÍO = MAGNÚSSON, Á. B., 1995. *Íslensk orðsifjabók*. 3., verb. Aufl. Reykjavík.
JASANOFF, J., 1989. Old Irish *bé* 'woman'. *Ériu* 40, S. 135-141.
KAZANSKIJ, N. N., KRJUČKOVA, E. R., NIKOLAEV, A. V., ŠACKOV, A. V. (Hgg.) 2005. *Ḥṛdā́ mánasā. Sbornik statej k 70-letiju so dnja roždenija professora Leonarda Georgieviča Gercenberga*. Sankt-Peterburg: Nauka.
KAZZAZI, K., 2001. *"Mann" und "Frau" im Ṛgveda. Mit einem Exkurs über Wörter für "Frau" im Atharvaveda*. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 98) Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft.
KROONEN, G., 2011. *The Proto-Germanic* n-*stems. A study in diachronic morphophonology*. (Leiden Studies in Indo-European 18) Amsterdam – New York, NY: Rodopi.
LARSSON, J. H., 2002. Nominal Compounds in the Baltic Languages. *Transactions of the Philological Society* 100:2, S. 203-231.
LARSSON, J. H., 2003. *Studies in Baltic Word Formation*. Kopenhagen: University of Kopenhagen.
LEDO-LEMOS, F. J., 2002. *La palabra "mujer" en indoeuropeo*. (LINCOM Studies in Indo-European Linguistics 20). München: LINCOM.
LEDO-LEMOS, F. J., 2003. *Femininum Genus. A Study on the Origin of the Indo-European Feminine Grammatical Gender*. (LINCOM Studies in Indo-European Linguistics 27). München: LINCOM (2. Aufl. [1. Aufl. 2000]).
LEIA = VENDRYES, J. *Léxique étymologique d'Irlandais ancien*.
A: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies 1959 (ND 1981).
B: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique 1981.
C: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique 1987.
D: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique 2007.
M, N, O, P: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies 1983.
R, S: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique 1974.
T, U: Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies – Paris: Centre National de la Recherche Scientifique 1978.
LEV = KARULIS, K., 1992. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca divos sējumos*, 2 Bde., Rīga: Avots.
LIV = RIX, H. et al., 1998. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Wiesbaden: Reichert.
LIV² = RIX, H. et al., 2001. *Lexikon der indogermanischen Verben*. *Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Zweite, verb. u. erw. Aufl. Wiesbaden: Reichert.
LÜHR, R. 2000. *Die Gedichte des Skalden Egill*. (Jenaer indogermanistische Textbearbeitungen 1) Dettelbach: Röll.
NIKOLAEV, A. S., 2005. K dejstviju zakona Riksa v drevnegrečeskom jazyke. In: *Kazanskij / Krjučkova / Nikolaev / Šackov* (Hgg.) 2005, S. 38-72.
NIKOLAEV, A. S. 2010. *Issledovanija po praindoevropejskoj immenoj morfologii*. Sankt-Peterburg: Nauka.
NIL = WODTKO, D. S., IRSLINGER, B., SCHNEIDER, C., 2008. *Nomina im Indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Winter.
NORMIER, R., 1980. Nochmals zu **sor-*. *Indogermanische Forschungen* 85, S. 43-80.
OETTINGER, N., 1986. Awestisch *hāirišī-*. *Indogermanische Forschungen* 91, S. 116-128.
OPFERMANN, A., 2011. *Was macht die Frau zur "Frau". Etymologische Untersuchungen und benennungsmotivische Kategorisierung der Lexeme für "Frau" in den indogermanischen Einzelsprachen*. Unpubl. Magisterarbeit. Halle (Saale).
OPFERMANN, A. (im Druck): Griechische, armenische und albanische "Frauen" und die Wurzel **g^{w}en-*. In: *Akten der Tagung 'Das Menschenbild bei den Indogermanen', Halle (Saale), 30.3.–1.4.2011*, herausgegeben von Gerhard Meiser.
PEARSON, R. (Hg.), 1991. *Perspectives on Indo-European Language, Culture and Religion: Studies in Honor of Edgar C. Polomé*. Volume 1. (Journal of Indo-European Studies Monograph Series 7) McLean, Virginia: Institute for the Study of Man.
PKEŽ = MAŽIULIS, V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*.
1: A-H. Vilnius: Mokslas 1988.
2: I-K. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1993.
3: L-P. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1996.
4: R-Z. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla 1997.
PJ = TOPOROV, V. N., IVANOV, V. V. *Prusskij jazyk*.
1: A–D. Moskva: Nauka 1975.
2: E–H. Moskva: Nauka 1979.
3: I. Moskva: Nauka 1980.
4: K–L. Moskva: Nauka 1984.
5: L. Moskva: Nauka 1990.
SCHAFFNER, S., 2006. Altenglisch *umbor* 'Kind'. *International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction* 3, S. 147-185.
SCHINDLER, J., 1972. L'apophonie des noms-racines indo-européennes. *Bulletin de la Société Linguistique de Paris* 67, S. 31-38.
SCHMIDT, K. T., STRUNK, K., 1989. Toch.B *kwīpe* ‚Scham, Schande', A *kip* ‚Scham' und germ. **wībа-* ‚Weib'. In:

Heller/Panagl/Tischler (Hgg.) 1989, S. 251-284.
SEJL = SMOCZYŃSKI, W., 2007. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. 2 Bde. Wilno: Vilniaus Universitetas, Filologijos Fakultetas.
SES = SNOJ, M., 2009. *Slovenski etimološki slovar*. Druga, pregledana in dopolnjena izdaja. Prvi ponatis. Ljubljana: Modrijan [erster Nachdruck der 2. durchges. u. erg. Aufl. von 2003].
SMOCZYŃSKI, W., 2008. Uzupełnenia do "Słownika etymologicznego języka litewskiego". Część I. *Acta Linguistica Lithuanica* 58 (2008), S. 53–151.
SMOCZYŃSKI, W., 2009. Uzupełnenia do 'Słownika etymologicznego języka litewskiego'. Część II. *Acta Linguistica Lithuanica* 60, S. 17–127.
SZEMERÉNYI, O., 1977. Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with Special Reference to Indian, Iranian, Greek, and Latin. In: *Varia 1977*. (Acta Iranica 16; Troisième série: Textes et Mémoires VII). Leiden: Brill – Téhéran – Liège: Bibliothèque Pahlavi, S. 1-240.
VA = BJORVAND, H., LINDEMAN, F. O., 2001. *Våre arveord. Etymologisk ordbok*. Oslo: Novus Forlag 2000. 2. opplag Oslo: Novus Forlag.
*VA*² = BJORVAND, H., LINDEMAN, F. O., 2007. *Våre arveord. Etymologisk ordbok*. Revidert ok utvidet utgave. Oslo: Novus Forlag.
VWgS = FEIST, S., 1939. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Mit Einschluß des Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen*. 3. neubearbeitete und vermehrte Aufl. Leiden: Brill.

Harald Bichlmeier
Saxonian Academy of Sciences at Leipzig, Section Jena: Etymological Dictionary of Old High German
Martin-Luther-University Halle-Wittenberg, Seminary for Indo-European and General Linguistics

SOME COMMENTS ON THE TYPOLOGY AND ETYMOLOGY OF THE WORDS FOR 'MAN' AND 'WOMAN' IN PROTO-INDO-EUROPEAN

Summary

The words for 'man' and 'woman' we can reconstruct for Proto-Indo-European (PIE) can be alotted to different semantic fields according to their etymologies. When doing so, we come to the somewhat astonishing conclusion that there seems not to haven existed a PIE word that must be reconstructed as having meant simply 'man' = 'male human being'. The lexical items that have traditionally been reconstructed as having this meaning actually meant 'the strong one', 'earthling' etc. On the other hand there seem to have existed two PIE lexemes meaning 'woman' = 'female human being'. One of them, PIE *ser-/*sor-/*sr-, has to be interpreted as meaning exactly that for the time being. The other one, PIE $*g^{u}en(h_2)$-, might now –according to a new etymological proposal– be regarded as a derivative of a root PIE $*g^{u}en$- '(to be) fertile, fertility'. This proposal paves the way for the etymology of a few Greek, Latin and Icelandic words hitherto explained differently.

KEY WORDS: Proto-Indo-European, reconstruction, morphology, etymology

Daiva Deltuvienė
Universität Vilnius Geisteswissenschaftliche Fakultät in Kaunas, Litauen
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva
Tel. 8-37-422477
E-mail: daiva.deltuviene@khf.vu.lt
Wissenschaftliche Interessen: Onomastik, Pragmatik, Übersetzungstheorie und -praxis
Dalia Kačergienė
Technische Universität Kaunas, Litauen
Donelaičio g. 73, LT-44029 Kaunas, Lietuva
Tel.8-37-324140
E-mail: dalia.kacergiene@ktu.lt
Wissenschaftliche Interessen: Methodik des Fremdsprachenunterrichts, Fachsprachen

ZUM PROBLEM DER ÜBERSETZUNGSEINHEITEN IN FACHTEXTEN

Das Übersetzen als ein bestimmter Prozess wird unterschiedlich definiert. In einem Fall wird Übersetzen als Umsetzung oder Ersetzung von Zeichen einer Sprache durch Zeichen einer anderen Sprache charakterisiert, wobei zwischen AS- und ZS-Zeichen die Sinnidentität oder Äquivalenz beibehalten werden soll. Aber man muss betonen, dass ein Zeichen einer Sprache in einer anderen Sprache unterschiedliche Inhalte annehmen kann. Es ist wichtig, den Kontext zu berücksichtigen, seine Größe festzustellen, die für die Ermittlung des aktualisierten Sinnes beim Übersetzen eines Wortes notwendig ist. Dazu wird zu Beginn des Übersetzungsprozesses die Textanalyse durchgeführt, wobei zuerst die AS-Übersetzungseinheiten festgestellt werden, denen danach ZS-Übersetzungseinheiten zugeordnet werden. Diese werden in der nachfolgenden Synthesephase zu einem ZS-Text verbunden. Die Zuordnung von AS-Übersetzungseinheiten zu ZS-Einheiten geschieht durch die potentiellen Äquivalenzbeziehungen, die zwischen AS und ZS bestehen. In der Sprachwissenschaft wird Übersetzungseinheit als AS-Abschnitt einer nicht konstanten Größe aufgefasst, dem der ZS-Abschnitt derselben oder ähnlichen Größe und Bedeutung ohne Inhaltsveränderungen entspricht. Aus dieser Definition geht hervor, dass Übersetzungseinheiten verschiedener Größe sein können – von einem Wort bis zum ganzen Text (z.B. poetische oder Werbetexte). Deutsche Fachtexte zeichnen sich durch den Nominalstil, zahlreiche durch Wörter oder Wortverbindungen ausgedrückte Termini, die als Übersetzungseinheiten fungieren können.

SCHLÜSSELWÖRTER: Übersetzungsprozess, Übersetzungseinheit, Fachsprache, Wortbildung, Kompositum, Syntagma

Zur Definition des Übersetzens

Das Übersetzen als Prozess kann verschieden definiert werden und wird unterschiedlich definiert. Einen kurzen Überblick über die Definitionen des Übersetzungsprozesses hat der Übersetzungswissenschaftler Werner Koller in seiner Studie „Einführung in die Übersetzungswissenschaft“ (1992) gegeben. Im Folgenden werden diese Definitionen vorgestellt.

A. G. Oettinger (1960) charakterisiert Übersetzen als Umsetzung oder Ersetzung von Zeichen/Repräsentationen/Elementen einer Sprache durch Zeichen/Repräsentationen/Elemente einer anderen Sprache, wobei zwischen AS- und ZS-Elementen die Sinnidentität oder Äquivalenz beibehalten werden soll.

Nach J. C. Catford (1965) steht der Text im Zentrum der Übersetzungsdefinition. Ein AS-Text wird bei der Übersetzung durch einen ZS-Text ersetzt, wobei das grundlegende Ersetzungskriterium die Äquivalenz ist.

Die Definition des Übersetzens von H. Weinrich (1966) ist ebenfalls textbezogen: Er behauptet, dass nicht Wörter, sondern Sätze und Texte übersetzt werden.

W. Winter (1961) verwendet in seiner Definition den Begriff „Formulierung“, die im Übersetzungsprozess durch eine äquivalente Formulierung in ZS ersetzt wird.

Die Definition von E. A. Nida und C. R. Taber (1969) betont besonders die doppelte Gerichtetheit der Übersetzung: Sie hat einerseits an die „source-language message“ zu orientieren. Der Inhalt steht beim Übersetzen in erster Linie, sehr wichtig ist aber auch der Stil. Andererseits ist die Übersetzung auf die Sprache des Empfängers orientiert, damit die Entsprechungen in der ZS zugleich natürlich sind. In dieser Übersetzungsdefinition gilt das Prinzip der dynamischen Äquivalenz als normatives Kriterium.

In der Definition von W. Wilss (1977) wird der Übersetzungsprozess aus der Sicht des Übersetzers in zwei Phasen gegliedert:

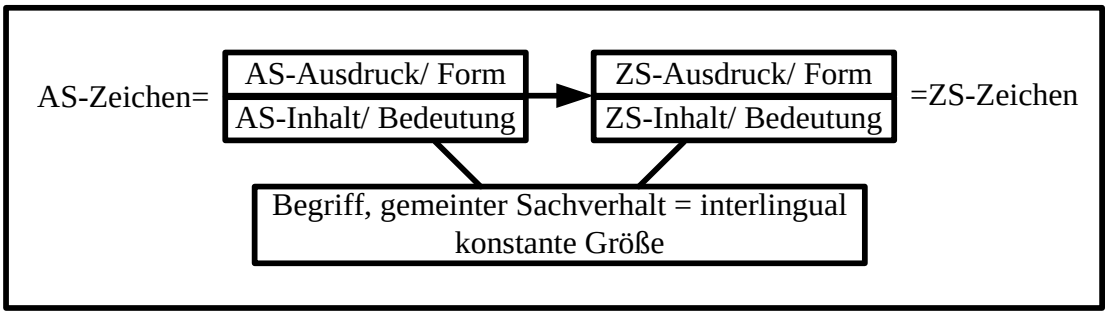
1. die Verstehensphase, die als Analyse vom Inhalt und Stil des AS-Textes aufgefasst wird;
2. die Rekonstruktionsphase, die den AS-Text in die ZS so reproduziert, dass die optimale, kommunikative Äquivalenz erreicht wird.

Die Definition von G. Jäger (1975) ist zwar kommunikationsorientiert, zugleich aber sehr allgemein: Das Übersetzen besteht in der Herstellung eines zum AS-Text kommunikativ äquivalenten Textes in der ZS. Der Begriff der Äquivalenz spielt also auch in dieser Definition eine große Rolle.

Modelle des Übersetzungprozesses

Den Übersetzungsprozess kann man nicht nur definitorisch *(per definitionem)* beschreiben, sondern auch als ein gewisses Modell darstellen. Das erste Modell des Übersetzungsprozesses thematisiert die Umsetzung von AS-Zeichen in ZS-Zeichen hinsichtlich einer interlingual konstanten Größe, d.h. des Begriffs. Das sprachliche Zeichen besteht in diesem Modell aus einem Ausdruck (dem Zeichen, der materiellen Seite des Zeichens) und dem Inhalt (der Bedeutung, der geistigen Seite des Zeichens). Aber man muss betonen, dass ein Zeichen einer Sprache in einer anderen Sprache unterschiedliche Inhalte annehmen kann, z. B. dem litauischen Ausdruck ‘žiedas’ entsprechen im Deutschen zwei Ausdrücke ‘Blüte’ oder ‘Ring’. Es ist also wichtig, den Kontext zu berücksichtigen, seine Größe festzustellen, die für die Ermittlung des aktualisierten Sinnes beim Übersetzen eines Wortes notwendig ist.

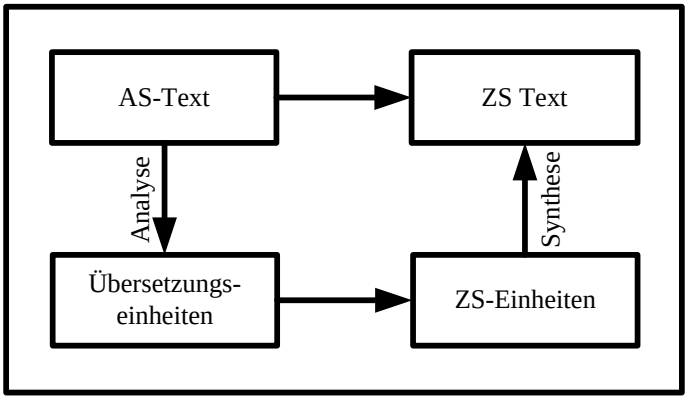
Abbildung 1: das erste Modell des Übersetzungsprozesses nach Koller



Quelle: Koller 1992, S.115

Dieses Problem wird in einem anderen Modell berücksichtigt, in dem der Übersetzungsprozess in zwei Phasen geteilt wird: die Analysephase, die zur Feststellung von AS-Übersetzungseinheiten führt, denen ZS-Übersetzungseinheiten zugeordnet werden. Diese werden in der nachfolgenden Synthesephase zu einem ZS-Text verbunden. Die Zuordnung von AS-Übersetzungseinheiten zu ZS-Einheiten geschieht durch die potentiellen Äquivalenzbeziehungen, die zwischen AS und ZS bestehen.

Abbildung 2: das zweite Modell des Übersetzungsprozesses nach Koller



Quelle: Koller 1992, S.115

Begriff der Übersetzungseinheit

Da die Übersetzungseinheiten in diesen Übersetzungsprozessmodellen eine sehr große Rolle spielen, wollen wir die Bedeutung dieses Begriffes klären.

In der Sprachwissenschaft wird Übersetzungseinheit als AS-Abschnitt einer nicht konstanten Größe aufgefasst, dem der ZS-Abschnitt derselben oder ähnlichen Größe und Bedeutung ohne Inhaltsveränderungen entspricht. Der deutsche Übersetzungswissenschaftler O. Kade (Ambrasas-Sasnava 1978, 49f.) fasst die Übersetzungseinheit als kleinstes Segment des AS-Textes auf, das durch eine potentielle, äquivalente ZS-Entsprechung des Textes ersetzt werden kann, indem inhaltliche Invarianz gewährleistet wird. In diesen Definitionen wird es deutlich, dass die Übersetzungseinheiten verschiedener Größe – von einem Wort bis zum ganzen Text (z. B. poetische oder Werbetexte) sein können[102].

W. Koller (1992, 100ff.) beschränkt sich nur auf den denotativen Aspekt und unterscheidet drei grundlegende Gruppen der Übersetzungseinheiten, die sich aus den Textfragmenten verschiedener Größe zusammensetzen:

1. Die Übersetzungseinheit ist das Wort. Das gilt im Bereich der Terminologie, z. B.:
   dt. Marktwirtschaft → lt. rinkos ekonomika
   dt. Moralphilosophie → lt. moralės filosofija
   dt. dreibändiges → lt. tritomis
2. Übersetzungseinheit ist das Syntagma. Das gilt im Bereich der Terminologie, z. B.:
   dt. asiatisch-pazifische Region → lt. Azijos ir Ramiojo vandenyno regionas
   dt. Multimedia-Systeme → lt. multimedijos sistemos

Das Syntagma kann als Übersetzungseinheit im Bereich phraseologisch gebundener Ausdrücke gelten, z. B.:

dt. […] <u>hat</u> die Glaubwürdigkeit internationaler Institutionen wie der UNO oder der Nato <u>in Frage gestellt</u> […] (10) → lt. […] suabejojo tokių tarptautinių institucijų kaip JTO ar NATO patikimumu […]

dt. […] <u>gerieten</u> die liberalen marktwirtschaftlichen Systeme <u>in Bedrängnis</u>. → lt. […] liberalios rinkos ekonomikos sistemos pateko į sunkią padėtį.

Die Floskeln können auch als Übersetzungseinheit gelten, z. B.:

dt. im Grunde → lt. iš esmės

dt. so gesehen → lt. taip žiūrint

[102] Vgl. auch Newmark 2008, S.30-36

3. Die Übersetzungseinheit ist der Satz. Das gilt für Sprichwörter und normativ festgelegte Ausdrücke, z. B.:

dt. Viele Hände machen bald ein Ende. → lt. Daug rankų didžią naštą pakelia. → engl. Many hands make light work.

dt. Rauchen verboten → lt. Rūkyti draudžiama → engl. No smoking

Merkmale der Fachsprache

Bevor der Übersetzer die Übersetzungseinheiten des AS-Textes feststellt, muss er zuerst primäre Analyse des vorgelegten Textes durchführen, wobei er den Texttyp bestimmt. Bei der Erkennung der einspielenden Inhaltsnormen und Strukturen in dem vorgelegten Text, die für einen oder anderen Texttyp charakteristisch sind, kann der Übersetzer diese Normen im Zieltext entsprechend vermitteln. Der Übersetzer muss wissen, wodurch sich Fachtexte von anderen, z. B. literarischen Texten, unterscheiden.

Für die Untersuchung wurde das deutsche Wirtschaftslehrbuch „Im Kreislauf der Wirtschaft. Einführung in die Volkswirtschaftslehre“ genommen. Das Buch richtet sich an diejenigen**,** die sich mit der Geschichte der Wirtschaft, ihren Prozessen und damit zusammenhängenden Problemen bekanntmachen wollen.

Hinsichtlich der Unterscheidungsmerkmale der Sachtexte sollte man in erster Linie auf Terminologie hinweisen. Der Gebrauch von Fachwörtern in den Sachtexten gilt als wichtige Eigenschaft dieser Texte. Nach der Definition von Thorsten Roelcke (2010, 55) ist ein Fachwort „die kleinste bedeutungstragende und zugleich frei verwendbare sprachliche Einheit, die innerhalb der Kommunikation eines bestimmten menschlichen Tätigkeitsbereichs gebraucht wird.“

Damit das Fachwort unter den Fachleuten des bestimmten Bereichs als zuverlässiges Kommunikationsmittel funktionieren kann, sollte es gewisse Eigenschaften besitzen. Die Klarheit, Verständlichkeit und Ökonomie sind die Eigenschaften, die nicht nur der Sachkommunikation unter den Fachleuten helfen, sondern sie auch gewährleisten. Hier werden auch andere Eigenschaften von Fachwörtern wichtig, z. B. Genauigkeit, Eindeutigkeit und Kontextunabhängigkeit. Bei der Bildung und Verwendung von Fachausdrücken sollte man diese Charakteristiken berücksichtigen.

Für die deutsche Fachsprache sollte man betonen, dass ein auffälliges Merkmal die verstärkte Ausschöpfung bestimmter Wortbildungsmöglichkeiten ist. T. Roelcke (2010, 79) nennt zwei Gründe davon: zum einen ist die deutsche Wortbildung im Vergleich zu anderen Sprachen auch außerhalb fachsprachlichen Verwendungsbereichen verhältnismäßig produktiv. Zum anderen kann mit dieser für das Deutsche charakteristischen grammatischen Konstruktionsweise der erhöhte Benennungsbedarf für neue Objekte in der fachlichen Kommunikation befriedigt werden.

Die Komposition wird als die produktivste Wortbildungsart in der fachsprachlichen Wortbildung im Deutschen betrachtet (vgl. Roelcke 2010, 80). Hier sind die Beispiele der Wortkomposition:

- Substantivische Zusammensetzungen (Nominalkomposita), die vorwiegend aus zwei Konstituenten bestehen (Volkswirtschaft, Moralphilosophie, Friedensordnung), aber auch mehrere zusammengesetzte Elemente enthalten können (Bodenertragszuwachs, Soziallastquote, Konsumgütererzeugung);
- Bildung von sog. Zwillingsverben durch Zusammensetzung zweier Verben (trennschleifen, spritzgießen);
- Zusammensetzung von Verbstamm und Substantiv (Sparaufkommen, Sparkonto, Kaufkraft);
- Zusammensetzung aus Substantiv oder Adjektiv und einem Verb als Infinitiv oder Partizipialkonstruktion (tiefkühlen, menschheitsbeglückend, rückblickend, zufallsbedingt);
- Zusammensetzung aus Substantiv und Adjektiv oder Adverb, oftmals verbunden mit der Bildung von Antonymen (Hochbau – Tiefbau, schadstoffreich – schadstoffarm)
- Zusammensetzung mit Abkürzungen oder Zahlen als Konstituenten (UNO-Entschließung, US-Dolarpreis, 3er-Pack);

- Zusammensetzungen, die aus der Übersetzung fremdsprachlicher Bildungen hervorgegangen sind (Überschallgeschwindigkeit aus supersonic velocity).

Die Zahl solcher Komposita sowie die Anzahl der möglichen Kompositionsglieder in der deutschen Fachsprache sind im Vergleich mit der literarischen Sprache deutlich höher. Vor diesem Hintergrund sieht man in den Fachsprachen die Neigung zu einer synthetischen Bauweise, die für die deutsche Sprache überhaupt zwecks größerer Klarheit charakteristisch ist. Komposita wie auch Mehrworttermini ermöglichen klare Benennungsspezifizierung bereits auf der Wortebene. Diese Spezifizierung kann in der Regel als eine Transformation aus einem attributiven Substantiv oder einer Relativsatzkonstruktion angesehen werden. In diesem Fall kann man nicht nur über die Klarheit, sondern auch über die sprachliche Ökonomie sprechen.

Deswegen kann man behaupten, dass in der deutschen Fachsprache verwendbare Einwort-, Mehrwort- oder zusammengesetzte Termini, die klar und nicht zweideutig sind, problemlos als Übersetzungseinheiten fungieren können.

Übersetzungseinheiten im Untersuchungsmaterial

Wie schon früher erwähnt wurde, kann das Wort als Übersetzungseinheit fungieren, wenn es als Fachausdruck verwendet wird. Da am Anfang des untersuchten Lehrbuches ein kurzer Überblick über Marktwirtschaftsentwicklung angeführt wird, kommen in den Teiltexten zahlreiche Termini vor, die mit der geschichtlichen und wirtschaftlichen Entwicklung der Gesellschaft verbunden sind. Meistens sind dies international gebräuchliche Wörter, die in vielen Sprachen verwendet werden, deswegen haben sie auch Entsprechungen in der litauischen Sprache, z. B.:

dt. Idee (10)[103] → lt. idėja
dt. Utopie (10) → lt. utopija
dt. Sozialismus (10) → lt. socializmas
dt. Professor (10) → lt. profesorius
dt. Moralphilosophie (10) → lt. moralės filosofija
dt. Kapital (10) → lt. kapitalas
dt. Bibel (10) → lt. Biblija
dt. Optimisten (10) → lt. optimistai
dt. Globalisierung (11) → lt. globalizacija
dt. Ressourcen (22) → lt. resursai

Adjektive

dt. in den meisten sozialistischen Ländern (11) → lt. daugelyje socialistinių šalių
dt. die liberalen marktwirtschaftlichen Systeme (11) → lt. liberalios rinkos ekonomikos sistemos
dt. soziale Markwirtschaft (11) → lt. socialinė rinkos ekonomika
dt. das politische Leben der Bevölkerung (11) → lt. politinis žmonių gyvenimas

Die deutsche Sprache unterscheidet sich von anderen durch ihre häufige Zusammensetzungen (Komposition). Sehr oft wird die Bedeutung der ganzen Zusammensetzung durch das Bestimmungswort konkretisiert, so können die auch als eine Übersetzungseinheit erscheinen, z.B.:

dt. Marktwirtschaft (10) → lt. rinkos ekonomika (EUROVOC)
dt. Planwirtschaft (10) → lt. planinė ekonomika (EUROVOC)

Im „Deutsch–litauischen Wörterbuch“ werden folgende Bedeutungen des Wortes *Markt* angeführt – 1. turgus, prekymetis; mugė; 2. *ekon*. rinka; 3. prekyvietė, turgavietė, rinka.

Bei dem Wort *Wirtschaft* werden solche Bedeutungen unterschieden: 1. (namų) ūkis; 2. ekonomika, ūkis; 3. ūkininkavimas; šeimininkavimas; ūkio tvarkymas; 4. *šnek*. smuklė, traktierius; 5. *šnek*. netvarka, maišatis, painiava.

[103] Neben dem als Beispiel angeführten Wort wird die Seite angegeben.

Plan hat folgende Bedeutungen: 1. (renginių) planas; 2. planas, ketinimas, sumanymas; 3. planas, brėžinys.

Bei der Übersetzung von einzelnen Wörtern braucht man daher einen breiteren Kontext, um die Bedeutungen von *Markt*, *Wirtschaft* oder *Plan* zu klären.

Im untersuchten Material wurden auch mehrere Zusammensetzungen gefunden, die ihre Äquivalente im Litauischen haben, z. B.:

dt. Punktsystem (10) → lt. taškų sistema
dt. Wirtschaftsordnung (10) → lt. ekonomikos sistema (EUROVOC)
dt. Verkehrsunfall (11) → lt. eismo nelaimė (VLKŽ)
dt. Güterarten (11) → lt. prekių rūšys
dt. Produktionsfaktoren (11) → lt. gamybos veiksniai (EUROVOC)
dt. Strukturwandel (11) → lt. struktūros pasikeitimas (VLKŽ)
dt. Treibhauseffekt (20) → lt. šiltnamio efektas (EUROVOC)
dt. Ozonloch (20) → lt. ozono skylė

Zusammengesetzte Adjektive oder Adverbien können auch als Übersetzungseinheiten betrachtet werden, z.B.:

dt. […in vielen osteuropäischen Ländern…] (10) → lt. […daugelyje Rytų Europos šalių...] (VLKŽ)

dt. Wirtschaftspolitisch verdrängte die Idee der sozialen Marktwirtschaft…] (10) → lt. Politiniu-ekonominiu požiūriu socialinės rinkos ekonomikos idėja išstūmė…]

dt. […eines menschheitsbeglückenden Sozialismus…] (10) → lt. […žmoniją džiuginančio socializmo...]

dt. […die geistesgeschichtliche Bedeutung von berühmten Denkern…] (10) → lt. […žymių mąstytojų intelektinės istorijos reikšmė...]

dt. rückblickend (10) → lt. retrospektyviai, žvelgiant į praeitį (VLKŽ)

dt. […ein zufallsbedingtes Versagen der Marktwirtschaft…] (11) → lt. […atsitiktinumo sąlygotas rinkos ekonomikos nebeveikimas...]

Hier kann man auch mehrere Fachausdrücke finden, die keine größeren Probleme für den Übersetzer schaffen, z.B.:

dt. Ost-West-Konflikt (10) → lt. Rytų-Vakarų konfliktas
dt. Container-Verkehr (13) → lt. konteinerių judėjimas
dt. Konkurrenz-Markt (13) → lt. konkurencinė rinka
dt. Grönland-Eskimos (19) → lt. Grenlandijos eskimai
dt. Massen-Kommunikations-Mittel (19) → lt. masinės komunikacijos priemonė

Schließlich können auch Wortverbindungen als Übersetzungseinheiten erscheinen. Dazu gehören vor allem Substantive mit einem Genitivattribut, wobei das letztere im Deutschen in der Regel nach dem Bestimmungswort platziert wird, im Gegensatz zum Litauischen, wo das Genitivattribut vor dem Bestimmungswort steht, z.B.:

dt. […] Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus […] (10) → lt. […] mokslinio socializmo pradininkas […]

dt. […] Konkurrenz mittelständischer Betriebe […] (10) → lt. […] vidutinių įmonių konkurencija […]

Es kommen auch feste Wortverbindungen vor, die bei der Übersetzung normalerweise als eine sprachliche Einheit betrachtet werden, wie z.B.:

dt. […] den kalten Krieg […] (10) → lt. […] šaltąjį karą […]

dt. […] Bundesrepublik Deutschland und die Deutsche Demokratische Republik […] (10) → lt. […] Vokietijos Federacinė Respublika ir Vokietijos Demokratinė Respublika […]

Im folgenden Beispiel wird deutlich, dass das deutsche Adjektiv *arbeitsteilig* kein entsprechendes Adjektiv im Litauischen hat und nur mit einem Attributsatz übersetzt werden könnte, z.B.:

dt. […] in einer arbeitsteiligen Volkswirtschaft […] (11) → lt. […] ekonomikoje, kurioje egzistuoja darbo pasidalijimas […]

Schlussfolgerungen

Die durchgeführte Untersuchung lässt zu folgenden Schlüssen kommen:

1. Vor der eigentlichen Übersetzung muss man zuerst primäre Analyse des vorgelegten Textes durchführen, wobei der Texttyp und seine besonderen Merkmale bestimmt werden. Hinsichtlich der Unterscheidungsmerkmale der Sachtexte wird in erster Linie auf Terminologie hingewiesen. Der Gebrauch von Fachwörtern in den Sachtexten gilt als wichtige Eigenschaft dieser Texte.
2. Fachwörter können in deutschen Sachtexten als einzelne Wörter oder Wortverbindungen auftreten und im Übersetzungsprozess als Übersetzungseinheiten fungieren.

LITERATURVERZEICHNIS

AMBRASAS-SASNAVA, K., 1978. *Vertimo mokslas.* Vilnius: Mokslas
KRIŽINAUSKAS J., SMAGURAUSKAS S., 1992. *Vokiečių-lietuvių kalbų žodynas.* Vilnius: Mokslas (VLKŽ)
HEIRING, W., 1999. *Im Kreislauf der Wirtschaft. Einführung in die Volkswirtschaftslehre.* Köln: Bank-Verlag
KOLLER, W., 1992. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft.* 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Heidelberg, Wiesbaden: Quelle und Meyer Verlag
NEWMARK, P., 2008. *A Textbook of Translation.* Essex: Pearson Education Limited
ROELCKE, T., 2010. *F achsprachen.* Berlin: Erich Schmidt Verlag.
EUROVOC (Europos žodynas (tezauras)) in: http://www3.lrs.lt/pls/ev/ev.main

Daiva Deltuvienė
Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, Lietuva
Moksliniai interesai: onomastika, pragmatika, vertimo teorija ir praktika
Dalia Kačergienė
Kauno technologijos universiteto Humanitarinių mokslų fakultetas, Lietuva
Moksliniai interesai: užsienio kalbų dėstymo metodika, profesinė kalba

VERTIMO VIENETŲ PROBLEMA DALYKINIUOSE TEKSTUOSE

Santrauka

Vertimas kaip tam tikras procesas gali būti ir yra apibrėžiamas skirtingai. Vienu atveju vertimu vadinamas originalo kalbos ženklų pakeitimas vertimo kalbos ženklais juos suprantant kaip formos ir turinio dermę. Tačiau vienos kalbos ženklas kitoje kalboje gali išreikšti skirtingą turinį, pvz., lietuvių k. „žiedas“ ir vokiečių k. „Blüte“ ar „Ring“. Todėl svarbu atsižvelgti į kontekstą, nustatyti jo dydį, reikalingą vienam ar kitam aktualizuotos reikšmės žodžiui vertime išryškinti. Tam vertimo proceso pradžioje atliekama analizė ir nustatomi originalo kalbos vertimo vienetai, o jiems priskiriami vertimo kalbos vienetai, kurie sintezėje sujungiami į nuoseklų bei rišlų vertimo tekstą. Originalo kalbos vertimo vienetų siejimas su vertimo kalbos vienetais vyksta atsižvelgiant į potencialius ekvivalentiškumo ryšius, egzistuojančius tarp originalo ir vertimo kalbos. Vertimo vienetu kalbotyroje vadinama nepastovaus dydžio originalo atkarpa, kurią atitinka tokio pat ar panašaus dydžio ir prasmės vertimo atkarpa, išlaikiusi nepakeistą turinį. Iš šio apibrėžimo matyti, kad vertimo vienetai gali būti skirtingo dydžio – nuo žodžio iki viso teksto (pvz., poetiniai ar reklaminiai tekstai). Dalykiniams tekstams vokiečių kalba būdingas nominalus stilius, gausūs terminai, išreikšti žodžiais arba žodžių junginiais, kurie vertimo procese funkcionuoja kaip vertimo vienetai.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: vertimo procesas, vertimo vienetas, dalykinė kalba, žodžių daryba, sudurtinis žodis, sintagma.

Alma Imbrasienė
Klaipėdos universitetas
Herkaus Manto g. 84
LT - 92294 Klaipėda
imbrasienealma@gmail.com

STRUKTUR DER PRIMÄREN VERBENTSPRECHUNGEN IN DEN BALTISCHEN, GERMANISCHEN UND SLAVISCHEN SPRACHEN

In dieser Forschung wird die Struktur und die Abstammung der gemeinsamen baltisch-slavisch-germanischen Verbwurzeln untersucht und die Ähnlichkeiten und Unterschiede in der morphologischen Struktur der primären baltischen, slavischen und germanischen Verben, die aus diesen Wurzeln stammen, erörtert.

SCHLÜSSELWÖRTER: Indogermanistik, germanische Sprachen, baltische Sprachen, slavische Sprachen, Verb, Wurzelstruktur, Präsensformen,Strukturäquivalente.

Einleitung. Die Ermittlungen der Indogermanistik, Archäologie, Geschichte und anderer Wissenschaften bestätigen zunehmend die Hypothese, dass sich Baltisch, Germanisch und Slavisch gemeinsam oder in enger Nähe aus der proto-indoeuropäischen Sprache entwickelt haben. Während der Aufspaltung des Urindogermanischen (im 3. oder frühen 2. Jahrtausend vor Chr.) sollte es schon indogermanische Dialekte geben, aus denen sich dann später die baltischen, germanischen und slavischen Sprachen entwickelten.

Das Urgermanische bildete sich voraussichtlich um 3.–1. Jahrtausend vor Chr., als die Vorfahren der Germanen in den Raum von Südskandinavien, Ostseeküste, Jütland uns Elbmündung einwanderten (Arsenjeva 1980, S. 7–21; Hussey 1995, S. 7–12; Hutterer 1975, S. 43–48; Krause 2002; Millward 1989, S. 51–64; Moskalskaja 1977, S. 31–50).

Und das Urbaltische sollte sich allmählich etwa um 2.–1. Jahrtausend vor Chr. herausbilden, als die baltischen Stämme auf dem Territorium zwischen der Ostsee und zwischen den Flussoberläufen von Weichsel, Okka und Moskau lokalisiert werden (Būga 1959, S. 9–11; Būga 1961, S. 85–282; Fraenkel 1969, S. 23–26; Mažiulis 1979; Zinkevičius 1984, S. 147–151).

Ob das Urslavische sich direkt von der indogermanischen Ursprache abspaltete, oder ob es zunächst zusammen mit den baltischen Sprachen eine gemeinsame baltisch-slavische Sprache bildete, ist unter den Linguisten heftig umstritten. Erschwerend kommt hinzu, dass die Balten und die ab dem 6. Jahrhundert erstmals bekannten Slaven sich in weiten Gebieten ausbreiteten, die sich aneinander grenzten, wodurch die Sprachen sich gegenseitig beeinflussten. Dazwischen lag das von Goten und anderen germanischen Stämmen besiedelte Gebiet zwischen Ostsee und dem Schwarzen Meer.

Diese alten Kontakte konnten auch die Entwicklung der baltischen, slavischen und germanischen Sprachen bewirken. Bekannt und mehrmals besprochen sind solche lexischen baltisch-slavisch-germanischen Parallelen, wie: lit. *draũgas*, lett. *dràugs* „Freund, Kamerad“, apr. *draugi-(waldūnen)* „miterben“, aksl. *drugъ* „Freund, Gefährte“, *družina* „Kameradschaft, Kriegsschar“, go. *driugan* „Kriegsdienst leisten“, *gadrauhts* „Soldat“ oder: lit. *gė́da*, „Scham“, apr. *gīdan* „Scham“, aksl. *gadъ*, ru. *gad* „Reptil, ekelhafter Mensch“, pol. *żadizić się* „Ekel empfinden“, mhd. *quāt*, ndl. *kwaad* „böse“, nhd. *Kot*.

Die lexikalischen Übereinstimmungen in diesen drei Sprachfamilien sind von den Indogermanisten schon ziemlich ausführlich behandelt worden. Christian Stang hat, z.B. noch am Anfang des 20. Jh. 74 solche baltisch-slavisch-germanische lexikalische Sonderübereinstimmungen festgestellt, die in den anderen indogermanischen Sprachen keine unbestreitbare Entsprechungen haben. Über die baltischen, germanischen und slavischen lexischen und semantischen Parallelen haben Zigmas Zinkevičius, Janis Endzelins, Vytautas Mažiulis, Simas Karaliūnas geschrieben.

Die älteren oder jüngeren Kontakte zwischen den baltischen, slavischen und germanischen Stämmen sollten nicht nur einige phonetische, lexikalische oder semantische Gemeinsamkeiten

verursachen, sondern auch manche Berührungspunkte in der Morphologie bewirken. Bei der Strukturforschung werden oft die Ähnlichkeiten in den baltischen und slavischen Sprachen postuliert (Stang 1942; Fraenkel 1969; Ivanov 1981; Trautmann 1923). Und bei der Strukturforschung der germanischen Sprachen sucht man Parallelen im Keltischen oder Lateinischen (Guchman 1962; Hutterer 1975).

Das Ziel dieser Forschung ist die Struktur und die Abstammung der gemeinsamen baltisch-slavisch-germanischen Verbwurzeln zu untersuchen, als auch die Ähnlichkeiten und Unterschiede in der morphologischen Struktur der primären baltischen, slavischen und germanischen Verben, die aus diesen Wurzeln stammenden, zu erörtern.

Das Forschungsobjekt sind primäre baltische, slavische und germanische Verben, die sich aus denselben indogermanischen Wurzeln entwickelt haben. Die baltisch-slavisch-germanischen Verbentsprechungen wurden aus dem indogermanischen etymologischen Wörterbuch von J. Pokorny (Pokorny 1969), aus dem Lexikon der indogermanischen Verben von H. Rix (Rix 1998), aus dem vergleichenden und etymologischen Wörterbuch der germanischen starken Verben von E. Seebold (Seebold 1970) entnommen, auch aus den etymologischen Wörterbüchern der baltischen und germanischen Einzelsprachen: des Gotischen (Feist 1939), des Altisländischen (Vries 1961), der deutschen Sprache (Kluge 1989), des Litauischen (Fraenkel 1965), des Lettischen (Mülenbachs 1923–1932; Karulis 1992), des Altpreußischen (Mažiulis 1988–1996). Die Etymologien wurden anhand etymologischer Wörterbücher der anderen indogermanischen Sprachen präzisiert: des Russischen (Vasmer 1987), des Lateinischen (Hofmann 1938), des Griechischen (Hofmann 1950), des Altindischen (Mayrhofer 1980). Das Forschungsmaterial ist aus dem Wörterbuch des Gegenwartslitauischen (DŽ$_3$ 1993) und aus dem Wörterbuch der litauischen Sprache (LKŽ 1968–1984) ergänzt.

Das Problem der Primärverben. Die Strukturelemente der Verben von drei Sprachgruppen können nur in dem Fall gerecht verglichen werden, wenn diese Verben hinsichtlich der Herkunft und Derivation adäquat sind. Deshalb war diese Forschung auf Strukturanalyse und -vergleich von primären baltischen, slavischen und germanischen Verben beschränkt, die direkte Reflexes derselben Verbwurzeln sind. Bei der Identifizierung der primären Verben entstehen Probleme: es gibt Fälle, wenn aus einer Wurzel mehrere primäre Verben mit unterschiedlicher Präsensstruktur gebildet sind, oder, wenn ein Suffix in der Hinsicht der historischen Formenentwicklung kein Derivationselement ist. Das Präsensformans oder der für die Hiatustilgung eingefügte Konsonant wurde, z.B. in einigen germanischen primären Verben als Suffix aufgefasst und für alle Grundformen verallgemeinert, somit sind einige primäre Präsensformen bei der Unifizierung des Verbsystems in die Klassen der abgeleiteten (schwachen) Verben überführt worden, vgl.: go. *lewjan*, ae. *læwan*, ahd. *gi-lāwen* „verraten, verlassen" < idg. **lĕu-/*lu-/*lou-* „nachlassen, (zu)lassen" oder ae. *hlinian*, ahd. *(h)linēn* „(sich)lehnen" < idg. ** k̂leu̯i-/* k̂li̯-/* k̂lou̯-* „(sich)neigen, lehnen". Solche primäre Verben sind schwer von den abgeleiteten Verben zu unterscheiden. , z.B. das Präsensformans **-i̯-* kommt mit dem Derivationssuffix **-ei-* sogar in den ältesten germanischen Sprachen (dem Gotischen und dem Altisländischen) überein (Prokosch 1954, S. 153–152; Kienle 1960, S. 200–207; Braune 1981, S. 108–112; Noreen 1923, S. 98).

Im Litauischen gibt es s.g. Mischverben, die im Infinitiv und in der Präteritumform als abgeleitete Suffixverben und in der Präsensform als Wurzelverbe auftreten. Viele von ihnen, die ein *a*-Präsensstamm haben (der Typ *tekėti, teka, tekėjo*) sind in der Hinsicht der historischen Formenentwicklung nicht abgeleitet, sondern primär, ihr Infinitivstamm ist thematisiert mit dem Vokal *-ē-*, der von der Präteritumform übernommen wurde (Kaukienė 1994, S. 238; Jakulis 2004). Primär sind auch die baltischen Verben, die in der Infinitiv- und Präteritumform als abgeleitete Suffixverben auftreten aber in der Präsensform einen athematischen Wurzelstamm haben (lit. dial. 1.sg. *raumi*, 3.sg. *rausti*, inf. *raudóti* „weinen, klagen"; lie.3.sg. *kósti*, inf. *kosėti* „husten"). Ihre Infinitivformen sind sekundär (Kazlauskas 1968, S. 306–314, S. 326). Es gibt auch umgekehrte Fälle, wenn ein Wurzelverb nicht primär, sondern sekundär sein kann, z.B. lit. *rùsti, ruñda, rùdo* „braun werden", das kein lexikalisches Suffix hat, ist aber von einer anderen Lexem (*rùdas*

„braun”) abgeleitet. Solche und ähnliche Fälle entstehen, wenn die Funktion des Verbs von seiner Genesis abweicht (Urbutis 1978, S. 33).

Deshalb werden die primären Verben nach einigen Kriterien identifiziert: sie werden nicht nur in ihrer Struktur, sondern auch in ihrer Derivation und Semantik geprüft. Wenn diese Kriterien nicht ausreichen und es immer noch unklar bleibt, ob ein Element als Derivationselement oder als Formans der Flexion entstanden ist, wird der Vokalismus und die Struktur aller Grundformen des Verbs geprüft und mit der Struktur seiner Entsprechungen in den anderen verwandten Sprachen verglichen.

Das Problem des Vergleichs von morphologischer Struktur. Präsensbildungsmittel im Baltischen, Germanischen und Slavischen. Die Verbsysteme dieser drei Sprachgruppen unterscheiden sich stark voneinander. Zwar verfügen alle drei Sprachgruppen über Präsens- und Präteritumsstämme, ist es unmöglich, die Formen des Präteritums zu vergleichen, weil sie in diesen Sprachen völlig unterschiedlich, nach eigenen Gesetzmäßigkeiten, gebildet sind. Strukturelle Berührungspunkte gibt es nur in den baltischen und slavischen Präsensstämmen und in den germanischen Infinitivstämmen. In den baltischen, slavischen und germanischen Sprachen werden dieselben Präsensbildungsmittel verwendet, die auch in den anderen indogermanischen Sprachen zu finden sind – sie sind der urindogermanischen Herkunft und sind in den indogermanischen Forschungen bereits untersucht (Kuryłowicz 1968, Nikolajev 1981, Mayrhofer 1988, Schmalstieg 1988, Purkyne 1989, Szemerenyi 1990, Schmitt–Brandt 1998, Rix 1998). Das indogermanische Präsent wird gewöhnlich aus der normal- oder schwundstufigen Wurzel mithilfe verschiedenen Formanzien (*-*i̯*-, *-*n*-, *-*d/d*^{h}*/t*-, *-*sk*-) oder auch ohne Formans (d.h. mit Nullformans) gebildet. Außerdem kann auch ein Nasalinfix in die Wurzel eingefügt werden. Die Präsensformanzien oder Infixe werden dadurch erkannt, dass sie in den anderen Zeitformen normalerweise fehlen. Dazu gibt es in vielen Sprachen reduplizierte Präsensformen, z.B.: la. *sistō*, gr. *ίστημι* „stehe”, a.i. *tisthati* „schreitet, steht(auf)”, air. *air-sissedar* „(bleibt) stehen” < ide. **sti-stā-/st-*.

Bei der Auslegung der morphologischen Struktur der Verben wird die Methode der inneren Rekonstruktion mit der historischen vergleichenden Methode kombiniert. Die Art und Menge der Strukturäquivalente und der morphologischen Differenzen im Baltischen, und Germanischen wird dadurch festgestellt, dass die Verbentsprechungen in Gruppen der identischen und der divergenten morphologischen Strukturtypen eingeteilt werden und dann werden die Methoden der statistischen Analyse angewendet.

Den Vergleich erschwert aber die Tatsache, dass aus einer Wurzel in den baltischen Sprachen meistens nicht ein, sondern mehrere Primärreflexe entsprungen sind. Ihre morphologische Struktur ist unterschiedlich und sie bilden miteinander semantische Oppositionen (causativa – resultativa oder terminativa - durativa) (Pakalniškienė 1996). Sie sind aufgrund der Wurzelverzweigung im Ostbaltischen entstanden. Außerdem kann ein und dasselbe baltische Verb mehrere parallele Präsensformen mit unterschiedlicher morphologischer Struktur haben.

Dazu gibt es unter den untersuchten Präsensformen der Primärverben auch solche, deren Wurzelvokalismus nicht schwund- oder normalstufig, sondern dehnstufig oder der *o* Reihe ist. In der Forschungsliteratur wird er unterschiedlich erklärt: manche Autoren erklären ihn als Zeichen der früheren athematischen oder reduplizierten Form, die anderen als Spur eines Laryngals (näher und Bibliographie dazu – Kaukienė 1994, S. 120–123, S. 136–139). Bei den Fällen des außerordentlichen Vokalismus werden in dieser Arbeit keine hypothetischen Formen rekonstruiert, sondern nur solche die, das Forschungsmaterial zeigt, aber der außerordentliche Wurzelvokalismus wird registriert.

Untersuchungsergebnisse

1. Struktur und Genesis der gemeinsamen Verbwurzeln. Die Untersuchung hat ergeben, dass man etwa 60 indogermanische Verbwurzeln, rekonstruieren kann, die primäre Reflexe in allen drei Sprachfamilien haben. Die Zahl 60 erscheint unbedeutend, wenn man sie mit 1145 – der Zahl der indogermanischen Verbwurzeln vergleicht, die Helmut Rix aus allen indogermanischen

Sprachen rekonstruiert hat und in seinem *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* – veröffentlicht hat. Darunter ist aber Interessantes zu finden.

Die Struktur- und Genesisforschung von diesen Verbwurzeln lässt feststellen, dass sie unterschiedlicher Struktur und Abstammung sind.

1.1. Der gemeinindogermanischen Schicht kann man mit Sicherheit die größte Gruppe (88%) der rekonstruierten Wurzeln zuordnen, weil sie nicht nur im Baltischen, Slavischen und Germanischen, sondern auch in den anderen indogermanischen Sprachen fortleben. Den größten Teil dieser Gruppe bilden die Wurzeln mit dem konsonantischen Auslaut, wie idg. **b^{h}ĕr-/*b^{h}r̥ -/*b^{h}or- „tragen, bringen (zur Welt)"*, die man für lit. *berti*, lett. *bẽrt* „streuen", go. *baíran* „(zur Welt) bringen", aisl. *bera* „tragen, schenken", ae. *beran*, afr. *bera*, as. *beran*, ahd. *beran* „tragen, bringen", aksl. *berǫ* (inf. *bьrati*) „nehme, sammle", la. *ferō*, gr. *φέρω* „bringe", ai. *bhárati, bhárti* „bringt, trägt", av. *baraitī* „trägt", air. *berid*, alb. *bie* (**bherō*) „trägt, bringt", arm. *berem* „trage, bringe", toch.A. *pärtär*; toch.B. *paräm* „tragen, bringen, nehmen" rekonstruiert. Die meisten von diesen Verbwurzeln haben eine einfache dreigliedrige Struktur (die vorkommenden Strukturtypen sind: *CeR, CeT, CeiT, CeuT*) – auch das bestätigt, dass diese Wurzeln alt sein können.

Erweiterte (s.g. „schwere") Wurzeln rekonstruiert man für die gemeinindogermanische Schicht bedeutend seltener. Die vorkommenden Strukturtypen sind *CeRT, CCeR, CCeT, CCeiT*, vgl.: idg.**(s)kerp-/*(s)kr̥p-* „schneiden, schaben", idg.**u̯ert-/*u̯r̥t-/*u̯ort-* „(um)drehen", idg.**sten-/*ston-* „stöhnen, jammern", idg.**g^{h}rĕb^h-/*g^{h}r̥b^h-/*g^{h}rŏb^h-* „graben, (zusammen)scharren, raffen", idg.**stei̯g^h-/*stig^h-/*stoi̯g^h-* „in Eile sein, schnell gehen, klettern".

Solche mehrkonsonantige Wurzeln konnten durch Erweiterung aus den leichten dreigliedrigen Wurzeln entstehen, sollten, also, jünger sein (vgl. Schmitt-Brandt 1998, S. 167–169), aber sie alle gehören in die gemeinindogermanische Schicht. Mehrgliedrige, mindestens zweimal erweiterte Verbwurzeln, wie *CCeRT* hat man für primäre baltische, slavische und germanische Verbentsprechungen überhaupt nicht rekonstruiert.

Unter den gemeinindogermanischen Verbwurzeln mit vokalischem Auslaut, deren Primärreflexe in allen drei Sprachfamilien zu finden sind, herrschen ebenfalls die einfachen Strukturtypen , wie *Ce, Co, Cei, Ceu*, vor vgl.: idg.**sĕ-/*s-/*so-* „(ein)drücken, sähen", idg.**u̯ei-/*u̯i-/*u̯oi-* „(ver)folgen, nachsehen, jagen", idg.**kau̯-/*ku-* „schlagen, hauen".

Erweiterte Verbwurzeln mit vokalischem Auslaut rekonstruiert man für die primäre baltische, slavische und germanische Verben selten. Die vorkommenden Strukturtypen sind CCe, CCei, CCeu, vgl.: idg.**plĕu̯-/*plu-/*plŏu̯-* „fließen, waschen, spülen", idg.**spi̯eu̯-/*spiu̯-/*spi̯ou̯-* „spucken", idg.**sp^{h}ē-/*sp^{h}ō-* „gedeihen, fett werden, Erfolg haben".

Ein kleiner Teil der rekonstruierten Wurzeln dieser Schicht hat primäre Reflexe nur in den baltischen, slavischen und germanischen Sprachen. Sie leben zwar auch in den anderen indogermanischen Sprachen fort, aber ihre anderssprachigen Reflexe sind entweder Nomen oder sekundäre Verben, also nicht primär, vgl.: lit. *blęsti, blįsti* „sich trüben, trübe, dunkel werden, schwellen", lett. *°blenzt* „schlecht sehen, spähen", *°blinst* „trübe, dunkel werden, schimmern", go. *blandan* „etwas machen, sich beschäftigen", aisl. *blanda* „etwas in etwas rühren, mischen", ae. *blandan* „(sich) (ein) mischen, verstricken", aksl. *blędǫ* (inf. *blęsti*) „irre, spreche Dummheiten" und ai. *bradhná-*¸ „bräunlich", die auf die Verbwurzel idg. **b^{h}lend^h-/*b^{h}lṇd^h-/*b^{h}lond^h-* „sich trüben" zurückzuführen sind. Solche Wurzeln sind zwar der gemeinindogermanischen Schicht zuzuordnen, aber ihre primäre Reflexe, die nur im Baltischen, Slavischen und Germanischen zu finden sind, gelten als <u>exklusiver lexischer Gemeinsamgut dieser drei Sprachfamilien</u>. Für solches Gemeinsamgut hat man, z.B.: folgende Wurzeln rekonstruiert:

idg.**tĕk-/*tok-* „bekommen, kriegen",
idg.**u̯erg^h-/*u̯r̥g^h-* „(zusammen) drücken",
idg.**steng^h-/*stṇg^h-/*stong^h-* „stechen",
idg.**krău̯-/*kru-* „laden, legen, bedecken".

1.2. Der exklusiven baltisch-slavisch-germanischen Schicht kann man 5 Wurzeln zuordnen, außer dem Baltischen, Slavischen und Germanischen findet man in den anderen indogermanischen Sprachen ihre Reflexe nicht. Man kann sie als <u>exklusive baltische, slavische und</u>

germanische Isoglossen betrachten, sie sind nur aus den Wörtern dieser drei Sprachgruppen rekonstruiert worden:

idg. **lĕu̯-/*lu-/*lou̯-* „kleiner, schwächer werden / machen" für:

Baltisch: lit. *liáuti* „aufhören", lett. *ļaũt* „lassen", apr. *aulāut* „sterbeni";

Germanisch: go. *lewjan* „verraten < * verlassen", aisl. *lúenn* „abgenutzt"; ae., *læwan*, ahd. *gi-lāwen*, *fir-lāen* „verraten";

Slavisch: ru. *lunutь* „sterben", [ukr. *livljú* „verlasse"], [tchech. *leviti* „verkleinern, lindern"];

idg. **leu̯g^h-/*lug^h-/*lou̯g^h-* „lügen, schmeicheln" für:

Baltisch: [lit. dial. *lūgóti* „bitten", *lùgintis* „schmeicheln"], lett. *lùgt* „bitten",

Germanisch: go. *liugan*, aisl. *liúga*, ae. *lēogan*, afr. *liaga*, as. *liogan*, ahd. *liogan* „lügen, betrügen, irre führen ",

Slavisch: aksl. *lъžǫ* (inf. *lъgati*) „lüge";

idg. **d^{h}elb^h-/*d^{h}ḷb^h-/*d^{h}olb^h-* „graben, höhlen"für:

Baltisch: lit. *-delbti* „herablassen, (nieder)schlagen", *dálba* „Brecheisen", lit. dial. *-dilbti* „herabsinken", [pr. *dalptan* „Schlag, Meißel"],

Germanisch: ae. *delfan*, afr. *delva*, as. *-delban*, ahd. *-telpan* „graben",

Slavisch: aksl. *dlъbǫ* (inf. *dlъbsti*) „höhle, einhaue, meißle";

idg. **(s)kreb-/*(s)kr̥b-/*(s)krob-* „schaben, schrumpfen" für:

Baltisch: lit. *skrébti*, *skrebėti*, lett. *˚skrabt* „schaben, höhlen, spröde werden",

Germanisch: aisl. *skreppa* „ausrutschen, schrumpfen", ae. *screpan* „schaben, kratzen", mnd. *schrepen* „schaben", *schrimpen* und ahd. *(h)rimpfan* „schrumpfen, kleiner werden", mhd *schrimpfen* „sich falten, runzeln",

Slavisch: ru. *skrestǫ* (< **skreb-sti*) und poln. *skrobać* „schaben" , [aksl. *skrъběti* „traurig werden"];

idg. **skeu̯b^h-/*skub^h-/*skou̯b^h-* „werfen, stoßen, beeilen" für:

Baltisch: lit. *skùbti*, *skubėti*, lett. **skubt* „sich beeilen", [*skubinât* „drängen"],

Germanisch: go. *–skiuban*, ae. *scūfan // scēofan*, afr. *Skūva*, mnd. *Schuven*, ahd. *skioban*; „(weg-) stoßen, drängen, jagen",

Slavisch: ru. *skubù* (inf. *skustь*) „jage, reiße, rupfe".

Es ist interessant zu beobachten, dass die meisten Wurzeln in dieser exklusiv baltisch-slavisch-germanischen Gruppe schwere, mehrkonsonantige, mehrmals erweiterte Wurzeln sind, was auch für die spätere Zeit ihrer Entstehung sprechen kann.

2. Morphologische Struktur der primären Verbentsprechungen. In der Formenbildung des baltischen, slavischen und germanischen Verbs findet man die alten indogermanischen Präsensbildungsmittel: normalstufige oder schwundstufige Präsenswurzel, Formasen (Nullformans, **-n-*, **-i̯-*), Nasalinfix, thematischen oder athematischen Personalendunganschluss. Die indogermanischen Präsensformansen **-d/d^h/t-* und **-sk-* haben in allen drei Sprachgruppen die Funktion des Präsensanzeichens verloren. Die Unterschiede der morphologischen Struktur der baltischen, slavischen und germanischen Verbentsprechungen sind aber deutlich größer als die Ähnlichkeiten.

2.1. Unterschiedliche Präsensstrukturen. Die baltischen, slavischen und germanischen Präsensformen, die aus denselben Wurzeln stammen, werden meistens in jeder Sprachgruppe zwar nach den nach den alten indogermanischen Modellen, aber unterschiedlich gebildet. Es gibt einige Wurzeln, deren Primärreflexe in jeder Sprachgruppe völlig unterschiedlich ihre Präsensformen bilden, z.B. für die baltischen Reflexe der Wurzel idg. **d^{h}ers-/*d^{h}r̥s-/*d^{h}ors-/*d^{h}res-* „wagen, erdreisten, getrauen " (lit. *drįsta* // lit. dial. *dręsa*) rekonstruiert man die Präsensform mit Nasalinfix **d^{h}r̥-n-s-*, das für alle Formen verallgemeinert wurde, für die slavischen Reflexe (aksl. *drъznǫti*) kann man das Präsensformans **-n-* rekonstruieren, das auch im Altindischen (*dhr̥snóti* „wagt, ist mutig") und Avestischen (*upa-daržnuuainti* „wagt") zu finden ist, und die germanischen Formen mit *-o-* Vokalismus im Singular (idg. **d^{h}ors* > germ. **dars*: go. *ga-dars*, ae. *dea(r)*,afr. *-dār // dōr*, as. *-da(r)*, ahd. *-tar*) und schwundstufigem Vokalismus im Plural (idg.**d^{h}r̥s-* > germ. **durs-*: go. *ga-daúrsun*, ae. *durron*,ahd. *-turrun*) sind in die Klasse der Präteritopräsentia gerutscht (näher dazu

Imbrasienė 2012). In den meisten Fällen aber stimmen die Strukturen zweier Sprachgruppen überein, wobei die Formen der dritten Sprachgruppe sich davon unterscheiden. Es ist interessant zu beobachten, dass dieselben Präsensformansen genau gleich häufig im Balitischen und Slavischen als auch im Slavischen und Germanischen vorkommen. Die Fälle, wenn die slavischen und germanischen Entsprechungen sich identischen Präsensformansen bedienen und die baltischen Formen anders sind, kommen bei einem Drittel der untersuchten Wurzeln vor, vgl., Reflexe der Wurzel idg. *$*d^h elb^h$-/*$d^h lb^h$-/*$d^h olb^h$- „graben, höhlen". Die germanischen und slavischen Formen sind mit Nullformans gebildet, die germanischen aber haben den Normalvokalismus in der Wurzel (ae. *delfan*, afr. *delva*, as. *-delban*, ahd. *-telpan* „graben" < germ. **delb-a-* < idg. **delb-ø-*) und die slavischen – den schwundstufigen (aksl. *dlъbǫ* (*dlъbsti*) „aushöhlen" - < idg. **dlb-ø-*). Und im Baltischen hat diese Wurzel zwei Primärreflexe, zwei selbstständige Lexeme, die in semantischer Opposition zueinander stehen: eine mit Formans *-st-* und schwundstufigem Wurzelvokalismus (lit. *dilbsta* „die Augen werden nach unten gesenkt") und die andere mit Formans *-i̯-* und normalstufiger Wurzel (lit. *-delbia* „senkt, führt nach unten, prügelt").

Die Hauptunterschiede in der morphologischen Struktur der baltischen, slavischen und germanischen Verben beruhen auf den Unifizierungsprozessen in den unterschiedlichen Verbsystemen dieser Sprachgruppen und auf der Wurzelverzweigung in den ostbaltischen Sprachen.

2.2. Präsensformen mit dem identischen Formans und unterschiedlichem Wurzelvokalismus. Nicht wenige offene Wurzeln haben im Baltischen, Slavischen und Germanischen Primärreflexe, deren Präsensformen in allen drei Sprachgruppen mit demselben Präsensformans gebildet werden, aber der Wurzelvokalismus in einer Sprachgruppe sich unterscheidet. Solche Formen der baltisch-slavisch-germanischen Entsprechungen kann man morphologische Äquivalente nennen, das sind z.B. die Reflexe der Wurzel idg. **reu̯-/*ru-/*rou̯-* „(ab-, wegreissen)". Sowohl die baltischen, als auch slavischen und germanischen Präsensformen ihrer Reflexe werden mit Nullformans gebildet, die des Baltischen aber mit Normalstufe in der Wurzel (lit. dial. *ráuja* (*ráuti*); lett. *raûju* (*raût*) „reissen, greifen, pflücken", wie auch im Altindischen *rávat* „verletzt" < idg. **reu̯-ø-*) und die des Slavischen und Germanischen – mit der Schwundstufe (aisl. *ryja* „(aus)zupfen", aksl. *ryjǫ* (*ryti*) „graben", *rъvǫ* (*rъvati*) „reissen, jäten", wie auch in den anderen indogermanischen Sprachen: la. *ruō* (*ruere*) „wühle", toch.B. *rwātär* (*rwātsi*) „reisst aus" < idg. **ru-ø-*). Es ist yu bemerken, dass das am häufigsten vorkommende gemeinsame Formans in solchen Fällen das Nullformans ist.

2.3. Identische Präsensstrukturen von baltischen, slavischen und germanischen Verbentsprechungen findet man etwa in einem kleinen Fünftel der untersuchten Wurzeln. Ihre Primärreflexe haben in allen drei Sprachgruppen dieselbe Ablautstufe der Präsenswurzel, dasselbe Präsensformans und dieselbe Art des Personalendunganschlusses. Solche Formen der baltisch-slavisch-germanischen Entsprechungen kann man Strukturäquivalente nennen. Etwa die Hälfte der Strukturäquivalente sind aus den Wurzeln mit konsonantischem Auslaut entsprungen und die andere Hälfte - aus denen mit dem vokalischen Auslaut. Aber die Quotienten der Strukturäquivalente in der Wurzelgruppe mit konsonantischem Auslaut und in der mit vokalischem Auslaut unterscheiden sich krass: die baltisch-slavisch-germanischen Strukturäquivalente stammen aus 28% aller geschlossenen Wurzeln und aus 63% aller offenen Wurzeln. Die Präsensformen der Reflexe von offenen Wurzeln sind auch in den anderen indogermanischen Sprachen meistens mit einem Hiatustilger und Nullformans gebildet – die anderen Formansen sind bei einer offenen Wurzel ziemlich unbequem. Diese Tatsache spricht, also, eher dafür, dass solche identische Formen einfach wegen der Wurzelstruktur entstanden sind.

Das meist vorkommende Formans in allen baltisch-slavisch-germanischen Strukturäquivalenten ist das Nullformans, nur die Reflexe von ein Paar Wurzeln haben äquivalente Formen mit Formans *-i̯-. Das sind Formen, die aus den Wurzeln idg. **(H)ar-* „pflügen", **u̯el-/*u̯l-* „wollen, wählen" stammen, vgl. go. *arjan*, ahd. *erren* (< **arja-* < **arja-*), lit. *ãria* (*árti*); la. *aṛu* (*art*), aksl. *orjǫ*, la. *arō*, gr. *ἀρόω*, val. *arddu* (*-dd-* < *-j-*) „pflügen". Da alle primären Reflexe dieser

Wurzel in allen anderen Sprachen auch Präsensformans *-*i̯*- haben, kann man vermuten, dass diese Formen sehr alt sind.

Die Präsensformen aus der Wurzel idg. * *u̯el-*/* *u̯l-* „wollen, wählen" haben in den germanischen Sprachen sehr viele Veränderungen erlitten und die Struktur der überlieferten Formen unterscheidet sich krass (vgl.: ae. sg.: 1. *wille // wile // wil*, 2. *wilt*, 3. *wille // wil*, pl. *willað // wallað*; s.fryz. sg.: 1./ 3. *wel(i) // wili // woli*, pl. *willath // wellath*; as. sg.: 1. *williu*, 2. *wilis*, 3. *wili*, pl. *williað // wellað*). Das Formant *-*i̯*- ist aber noch in den Formen des Altgotischen (sg.: 1. *wiljau*, 2. *wileis*, 3. *wilei*, pl. *wileina*) oder einigen Formen des Altisländischen (sg.: 1. *vilia // vill // vil*, 2. *vill // vilt*, 3. *vill // vil*, pl. *viliom*) zu erkennen. In den mannigfaltigen Parallelformen wird das *-lj-* oft durch *-ll-*, und später auch durch *-l-* versetzt (so auch Prokosch 1954: 240 und Seebold 1970: 551), diese neuen Formen werden an die zur Verfügung stehenden Konjugationsparadigmen angeglichen: im Altisländischen wird dieses Verb so, wie das schwache Verb *telia* konjugiert, im Altenglischen – so, wie die Hilfsverben und im Altsächsischen, Altfriesischen und Althochdeutschen – wird es an die Formen der Präteritopräsentia angeglichen. Die Hypothese, dass im Urgermanischen dieses Verb die Formen mit dem Formans *-*i̯*- hatte, unterstützen die Ergebnisse der inneren Rekonstruktion, aber auch der historisch vergleichenden Methode, wenn man im Baltischen und Slavischen die alten Präsensformen mit dem Formans *-*i̯*- findet (lit. dial. *pà-velia* (*pa-vélti*) „lässt, will, befehlt", aksl. *veljǫ* (*velěti*) „will, befehle, lasse").

QUELLEN UND LITERATUR

ARSENJEVA, M. G., 1980. Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. *Введение в германскую филологию*, Москва.

BRAUNE, W., EBBINGHAUS A., 1981. *Gotische Grammatik*, Tübingen.

BRAUNE, W., MITZKA W., 1963. *Althochdeutsche Grammatik*, Tübingen.

BŪGA, K., 1959–1962. *Rinktiniai raštai* / Sudarė Z. Zinkevičius /, t. 1–3, Vilnius.

DŽ$_3$ 1993. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, Vilnius.

ENDZELYNAS, J., 1958. *Baltų kalbų garsai ir formos*, Vilnius.

FEIST, S., 1939. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache mit Einschluß des Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen*, Leiden.

FRAENKEL, E., 1965. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1–2, Heidelberg – Göttingen.

FRAENKEL, E., 1969. *Baltų kalbos*, Vilnius.

GUCHMAN, M. M., 1962–1966. Гухман. М.М., Жирмунский В.М., Макаев Э.А., Ярцева В.Н. *Сравнительная грамматика германских языков*, т. 1–5, Москва.

HOFMANN, J. B., 1950. *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen*, München.

HOFMANN, J. B., Walde, A., 1938. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg.

HUSSEY, S., 1995. *The English language. Structure and Development*, London and New York.

HUTTERER, C. J., 1975. *Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen*, Budapest.

IMBRASIENĖ, A., 2012. Die germanischen Präteritopräsentia und ihre Entsprechungen in den baltischen Sprachen. *Kalba ir kontekstai. V (1). Mokslo darbai*, Vilnius, S. 192–200.

IVANOV, V. V., 1981. Иванов В.В. *Славянский, балтийский и ранебалканский глагол. Индоевропейские истоки*, Москва.

JAKULIS, E., 2001. Seniausi lietuvių kalbos tekėti, teka, tekėjo tipo veiksmažodžiai. *Tiltai*. Priedas Nr. 9: Veiksmažodžio raidos klausimai (2), Klaipėda, S. 45–68.

KARALIŪNAS, S., 1987. *Baltų kalbų struktūrinės bendrybės ir jų kilmė*, Vilnius.

KARULIS, K., 1992. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca* t. 1–4, Rīgā.

KAUKIENĖ, A., 1994. *Lietuvių kalbos veiksmažodžio istorija (1)*, Klaipėda.

KAUKIENĖ, A., 2002. *Lietuvių kalbos veiksmažodžio istorija (2)*, Klaipėda.

KAZLAUSKAS, J., 1968. *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius.

KIENLE, R., 1960. *Historische Laut- und Formenlehre des Deutschen*, Tübingen.

KLUGE, Fr., 1989. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, Berlin – New York.

KRAUSE, A., 2002. *Geschichte der Germanen*, Berlin.

KURYŁOWICZ, J., 1968. *Indogermanische Grammatik*, Bd. 2, Heidelberg.

LKŽ 1968–1984. *Lietuvių kalbos žodynas*, t. 1–19, Vilnius.

MAYRHOFER, M., 1980. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Bd. 1–4, Heidelberg.

MAŽIULIS, V., 1979. *Pasaulio tautų kalbos*, Vilnius.

MAŽIULIS, V., 1981. *Prūsų kalbos paminklai*, Vilnius.

MAŽIULIS, V., 1988–1996. *Prūsų kalbos etimologinis žodynas*, t. 1–4, Vilnius.

MILLWARD, C. M., 1989. *A biography of the English language*, New York.

MOSKALSKAJA, O. I., 1985. *Deutsche Sprachgeschichte*, Moskau.
MŪLENBACHS, K., 1923–1932. *Latviešu valodas vārdnīca / Redigējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns*, Sēj. 1–4, Rīgā.
NIKOLAJEV, S. L., 1981. Николаев С. Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола. *Балтославянские исследования*, Москва, с. 261–343.
NOREEN, A., 1923. *Altisländische und altnorvegische Grammatik*, Halle.
PAKALNIŠKIENĖ, D., 1996. Lietuvių kalbos intarpinių ir sta-kamienių veiksmažodžių diachroniniai sluoksniai. *Lietuvių kalbotyros klausimai* (XXXVI), Vilnius, S. 83–86.
POKORNY, J., 1969. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1–2, Bern und München.
PROKOSCH, E., 1954. Прокош Э. *Сравнительная грамматика германских языков*, Москва.
PURKYNĚ, J.E., 1989. *Das indoeuropäische Verbalsystem*, Brně.
RIX, H., 1998. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*, Wiesbaden.
SAFAREVIČ, J., 1964. Сафаревич Я. Развитие формантов времени в индоевропейской глагольной системе. *Проблемы индоевропейского языкознания*, Москва, с. 13–17.
SCHMALSTIEG, W., 1988. Морфология глагола. *Новое в зарубежной лингвистике*, Москва, с. 262 - 330.
SCHMALSTIEG, W. R., 1974. *An Old Prussian Grammar*, Pennsylvania.
SCHMITT–BRANDT, R., 1998. *Einführung in die Indogermanistik*, Tübingen und Basel.
SEEBOLD, E., 1970. *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*, Paris.
STANG, Chr., 1942: *Das slawische und baltische Verbum*, Oslo.
STANG, Chr., 1971: *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen*, Oslo.
SZEMERÉNYI, O., 1990. *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*, Darmstadt.
TRAUTMANN, R., 1923. *Baltisch – slawisches Wörterbuch*, Göttingen.
URBUTIS, V., 1981. *Baltų etimologijos etiudai*, Vilnius.
VASMER, N., 1987. Фасмер Н., *Этимологический словарь русского языка*, Москва.
VRIES, J., 1961. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*, Leiden.
ZINKEVIČIUS, Z., 1980–1981. *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, t. 1–2, Vilnius.

Alma Imbrasienė
Klaipėdos universitetas

PIRMINIŲ VEIKSMAŽODINIŲ ATITIKMENŲ STRUKTŪRA BALTŲ, GERMANŲ IR SLAVŲ KALBOSE

Santrauka

Straipsnyje aptariamos bendros baltų, slavų ir germanų kalbų veiksmažodinės šaknys, turinčios pirminių refleksų visose trijose kalbų grupėse. Tiriama šaknų struktūra, istoriniu lyginamuoju metodu atliekama genetinė šių šaknų analizė. Sumuojant abiejų tyrimų rezultatus, tiriamas šaknis galima priskirti bendraeuropietiškajam arba ekskliuzyviniam baltų-germanų-slavų sluoksniui. Aiškėja, kad ekskliuzyviniam baltų-germanų-slavų sluoksniui priskiriamos šaknys dažniausiai yra sudėtingos, daugianarės, išplėstos net keletu plėtiklių, nuėjusios ilgą vystymosi kelią.

Kadangi skirtingų kalbų grupių veiksmažodžių struktūriniai elementai pagrįstai gali būti lyginami tik tada, kai šie veiksmažodžiai istoriškai ir darybiškai yra adekvatūs, todėl šiame darbe apsiribojama pirminių veiksmažodžių – tiesioginių veiksmažodinių šaknų kontinuantų – struktūros tyrimu ir gretinimu. Tiriamos tik pirminių veiksmažodžių prezento formos, nes visose trijose kalbų grupėse jos sudaromos naudojant indoeuropietiškojo prezento raiškos priemones (šaknies balsių kaitą, prezento formantus ar brezento intarpą, galūnių jungimo būdus), o kitos formos baltų, slavų ir germanų kalbose sudaromos pagal savus dėsningumus ir beveik neturi sąlyčio taškų. Tiriant pirminių atitikmenų morfologinę struktūrą, nustatyta, kad šiose trijose kalbų grupėse, nors ir negausiai, tačiau yra ir morfologinių ir struktūrinių ekvivalentų, o daugumą morfologinės struktūros skirtumų lėmė veiksmažodžio sistemos unifikacija kiekvienoje kalbų grupėje ir rytų baltų kalbose vykęs šaknų išsišakojimas.

ESMINIAI ŽODŽIAI: indoeuropeistika, germanų kalbos, baltų kalbos, slavų kalbos, veiksmažodis, šaknų struktūra, prezento formos, indoeuropietiškieji prezento formantai, struktūriniai ekvivalentai.

Alena Josefová
Universität Hradec Králové,
Tschechische Republik

ETHISCHE PROBLEME DES MULTIKULTURALISMUS UND UNIVERSITÄTSSPRACHENAUSBILDUNG

Die heutige menschliche Zeit ist ohne Multikulturalität nicht denkbar. In Folge wachsender Migrationsbewegungen kommt es zum Aufeinandertreffen und Zusammenleben von Menschen unterschiedlicher Kultur, Herkunft, Nationalität, Sprache, Religion und Ethnie.Es wird oft darüber nachgedacht, wie man die neuen Fremden in die Gesellschaft integrieren kann, in welchem Verhältnis man zu ihnen steht. Dieser Beitrag beschreibt das Multikulturalismus mit verschiedenen Problemen, die das Zusammenleben der Leute in multikulturellen Gesellschaften bringt. Problem des Multikulturalismus hat nicht nur seine politische, sondern auch ethische Dimension. Zu einem der größten Probleme gehört sicher die Sprachenausbildung, Problem der sprachlichen Veständigung. Viele Diffenrenzen findet man in den Wertsystemen, in Familien, in der Ausbildung oder in der Kommunikation. Es gibt mehrere multikulturelle Zugänge.

SCHLÜSSELWÖRTER: Multikulturalismus, multikulturelle Gesellschaft, Zuwanderer, Multiprobleme, Ethik, multikulturelle Kommunikation, Sprachenausbildung

Multikulturalismus

Die Migration ist zurzeit ein aktuelles Thema nicht nur in der Tschechischen Republik oder in Europa, sondern nimmt in aller Welt an Bedeutung zu. In modernem Europa benutzen wir diesen Begriff schon seit 60-er Jahren. z.B.in Deutschland wurde dieser Begriff in der öffentlichen Diskussion um die Migrationspolitik seit Ende der 1980-er Jahre bekannt. Multikulturalismus ist der Oberbegriff für eine Reihe sozialphilosophischer Theorieansätze mit Handlungsimplikationen für die Kulturpolitik eines Landes. Multikulturalisten treten für den Schutz und die Anerkennung kultureller Unterschiede durch den Staat ein. Multikulturalismus steht dem Gedanken einer dominanten Nationalkultur ebenso entgegen, wie dem in den USA weit verbreiteten Gedanken des Melting Pot, der von einer Angleichung der verschiedenen Kulturen ausgeht.

Ziel des Multikulturalismus ist die multikulturelle Gesellschaft, in der es keinen staatlichen oder auch nichtstaatlichen Anreiz oder „Druck“ zur Assimilation geben soll. Die ethnischen und kulturellen Gruppen sollen hingegen einzeln existieren. Dabei beruht dieses Modell auf der Annahme, dass die Angehörigen der jeweiligen Ethnien sich gegenseitig Verständnis, Respekt, Toleranz entgegenbringen und einander als gleichberechtigt ansehen können. Die in einer multikulturellen Gesellschaft entstehenden Konflikte sollen dabei – nach dem Willen der Befürworter eines solchen Gesellschaftsmodells – durch eine sogenannte „interkulturelle Erziehung“ minimiert werden, ebenso wie durch eine restriktive Anti-Diskriminierungs-Gesetzgebung. Meist werden Ethnien wie etwa die französischsprachige Bevölkerung Kanadas oder Religionsgruppen als Zielgruppen multikultureller Politik gesehen, selten auch andere Gruppen wie zum Beispiel Geschlechter oder Gruppen, die durch die sexuelle Orientierung ihrer Mitglieder abgegrenzt sind. Allgemein geht es jedoch schlicht um kulturell unterschiedliche Gruppen jeder Art.

Fälschlicherweise wird die multikulturelle Gesellschaft als Idealvorstellung konzipiert. In der tradionell konservativen Politik wird die multikulturelle Gesellschaft oft abgelehnt und kritisiert. Das politische Schlagwort “Multikulti” wird in Debatten teilweise auch verwendet, um eine angenommene oder tatsächliche multikulturalische Ideologie des Gegenübers abwertend zu kommentieren.

Multikulturalismus wird von unterschiedlichen konservativen Kreisen ausgeübt, auch von Anhängern des Konzepts der Transkulturalität. Daniel Cohn-Bendit hatte schon als Gründer und erster Leiter des Frankfurter Amtes für multikulturelle Angelegenheite auf die erheblichen Konfliktpotenziale der multikulturellen Gesellschaft hingewiesen, wenn diesen nicht vorbeugend

begegnet wird:”Die multikulturelle Gesellschaft ist hart, schnell, grausam und wenig solidarisch, sie ist von betrachtlichen sozialen Ungleichgewichten geprägt”(D.Cohn-Bendit, T.Schmid)..Dies wurde von konservativer Seite von damaligen bayerischen Ministerpräsidenten Edmund Stoiber in seiner Regierungserklarung am 8.12.1994 in polemischer Absicht aufgegriffen (Ermisch 2000, S.37). Die Kritik am Konzept des Multikulturalismus behauptet inzwischen vehement dessen Scheitern (Luft 2006). Diese Position vertritt auch der britische Premierminister David Cameron. In seiner Rede auf der Münchner Sicherheitskonferenz am 5.2.2011 stellte er Segregation und Separatismus als Schlüsselthemen hinter der Bedrohung des islamischen Extremismus dar und setzte sich für eine “gemeinsame nationale Identität” ein, um “die Doktrin des staatlichen Multikulturalismus” zu ersetzen. Als Konsequenz forderte er einen “aktiven und starken Liberalismus” und kundigte die Einstellung der staatlichen Förderung islamistischer, terrorfördernder Organisationen an (Cameron, 2011).

Nach vergleichbaren Positionierungen durch Bundeskanzlerin Angela Merkel, den damaligen französischen Staatspräsidenten Nicolas Sarkosy und die ehemaligen Premierminister von Australien und Spanien, John Howard und José María Aznar, die am Multikulturalismus kritisieren, dass er Erfolgen bei der Integration von Einwanderern im Wege stünde, schaltete sich am 11. Februar 2011 auch der Vatikan in die Debatte ein: Als Präsident des Papstlichen Kulturrats erklärte Kurienkardinal Gianfranco Ravasi das Modell des Multikulturalismus ebenfalls für gescheitert, sprach sich stattdessen für Interkulturalität aus und kündigte ein offizielles Vatikandokument hierzu an. Der Vatikan hat das als "Multikulti" bezeichnete Zusammenleben verschiedener Kulturen in westlichen Ländern für gescheitert erklärt. An dessen Stelle müsse "ein respektvoller Dialog starker kultureller Identitäten" treten, fordert der Präsident des Päpstlichen Kulturrats und kündigt in diesem Zusammenhang ein offizielles Vatikandokument an. Kardinal Gianfranco Ravasi, sagte nach einem Bericht der Mailänder Tageszeitung "Corriere della Sera" vom Freitag, seit der Antike hätten Kulturen nebeneinander existiert. Vor allem in Großstädten habe das Zusammenleben jedoch mittlerweile zum Zusammenstoß unterschiedlicher Formen von Fundamentalismus geführt. "Man muss für Auseinandersetzungen sorgen, die nicht zum Zusammenstoß führen", betonte Ravasi, der im Auftrag des Papstes bei hochkarätig besetzten Begegnungen etwa an den Universitäten von Bologna und Paris das Gespräch mit Nichtgläubigen sucht. Der Kurienkardinal warnte vor einer "doppelten Krankheit" in Europa, die einerseits durch eine aggressiv vertretene Identität auch von Christen bedingt sei, andererseits von einem "kulturellen Synkretismus, Oberflächlichkeit, Banalität, Dummheit, mangelnder Moral, Farblosigkeit und einem herrschenden kulturellen Nebel". "Multikulti" habe zu einem "Duell" um Vormacht geführt, so Ravasi. Die von ihm geforderte "Interkulturalität" verglich er mit einem "Duett", bei dem zwei starke, aber unterschiedliche, Identitäten sich nicht einander angleichen, sondern in einen Dialog treten.

Multiprobleme der multikulturellen Gesellschaft

Multikulturelle Gesellschaft findet überall dort statt, wo die Leute unterschiedlicher Kultur, Herkunft, Nationalität, Sprache, Religion und Ethnie zusammenleben. Dieses Zusammenleben bringt viele Probleme, von denen oft gesprochen wird. Die Leute kommen ins neue Land mit eigener Kultur, Moral und Gewohnheiten ausgestattet. Im alltäglichen Leben stossen sie dann auf Kultur, Gesellschaftsregeln und Rechtsnormen der Mehrheitsgesellschaft. Hier ensteht das Problem,wie man sich in die neue Gesellschaft anpassen soll.

Der “Fremde” ist gekennzeichnet durch Fremdsein, der “Gast” durch Willkommensein, der “Besucher” durch ein kurzes Verweilen. Sie kommen aus beruflichen Grunden, aus Neugierde und Abenteuerlust oder der Liebe wegen. Es sind auch Flüchtlinge, Gastarbeiter mit ihren Familien, Geschäftsleute, Mitarbeiter ausländischer Firmen, Künstler, Wissenschaftler und viele andere mehr. Wer heute für einige mit einer Aufgabe oder mit einem Ziel in ein anderes Land geht, bereitet sich nicht immer auf diesen Aufenthalt oder Einsatz vor. Die Rede ist von der Begegnung zwischen Kulturen, die Unterscheidung kann man nämlich von einem Innen oder Zuhause und einem

Draussen sehen. Das Innen bedeutet Wärme, Geborgenheit, Sicherheit, es ist das Feld des Selbstverständlichen. Dem steht das Draussen gegenüber, zwar faszinierend, aber zugleich auch bedrohlich, kalt, gefährlich und fremd (Maletzke 1996, S.27-33).

Das Zusamenleben der Menschen mit unterschiedlicher Kultur, Herkunft, Nationalität, Sprache, Religion und Ethnie verursacht verschiedene Probleme, die man lösen muss. Durch die kulturellen Unterschiede wird ein erhöhtes Konfliktpotentional befürchtet. Es wird auf die Unfähigkeit vieler Konservativen Moslims verwiesen, welche die westlichen Wertvorstellungen ablehnen (Weig, Mensing 1997). Der starke Anteil von Ausländern ist an bestimmten Kriminalitätsformen, vor allem der zunehmenden Bandenkriminalität, beteiligt. Unter den Ausländern sind dabei mehr junge Personen, mehr Männer, mehr soziale Problemfälle /niedriges Einkommen, Arbeitslosigkeit/ und mehr Grosstadtbewohner als unter den Einheimischen. Nächstes Problem des gemeinsamen Respekts kann die Arbeitsgelegenheiten betreffen, welche den Minoritäten die ökonomische Existenz ermöglichen, unter den Bedingungen des vollen Respekts des Arbeitsrechtes und Gewohnheiten der Majoritätsgesellschaft.¨

Das nächste Problem ist die Religion. Es geht um ein sehr kompliziertes und empfindliches Thema. In Europa befindet sich zurzeit starke islamische Religionsminorität, die einerseits vollen Rcht auf ihr Religionsleben hat, solange sie das Zusammenleben mit anderen Religionen und dem weltlichen Staat nicht beeinträchtigt. Viele Beispiele zeigen, dass es nicht möglich ist, die Minoritäten in einige kulturelle oder gesellschaftliche Ghettos auszuweisen, weil diese Lösung gefährlich ist. Solche diskriminierten Leute hören dann gerne die Sprecher der Intoleranz, des Fanatismus aller Art und der Religionsintoleranz an.

Nach verschiedenen Schätzungen leben in Europa cca 15 Millionen Moslems, die schon lange Bestandteil der europäischen Bevölkerung sind. Europa began sich jedoch mit allen Zusammenhängen mit Treffen eigener Kultur mit Islam relative unlängst beschäftigen. Die Zusammensetzung der Bevölkerung ist dabei natürlich in verschiedenen Ländern anders. Z.B. die Einwohnerzahl der Tschechischen Republik ist cca 10 500 000, legal leben hier cca 450 000 Einwohneer, hieraus cca 15 000-20 000 Moslims. Ganz anders ist die Situation z.B. in Deutschland. Mehr als 15 Millionen Menschen leben hier mit Migrationshintergrund, das ist also ein Fünftel der Bevölkerung. In Frankreich ist die Zahl der Katoliker zwar immer am zahlenmässigsten, die Moslems sind jedoch zahlenmässiger als die Protestanten. Zahlreiche Moslimskommunitäten befinden sich nicht nur in Deutschland oder Frankreich, sondern auch in den Niederlanden und in Grossbritanien. In Polen arbeitet z.B. an der Universität in Warschau neuer Lehrstuhl “Die Grundlage des europäischen Islams”.

Heute scheint es, dass nicht nur die toleranten und offenen, sondern auch die berechnenden Regierungen der europäischen Staaten diese Situation unterschätzten und auf einmal vor vielen Problemen stehen. Die moslimischen Kommunitäten sind dabei sehr einheitlich. Nach Europa kommen viele Studenten, die eine spezifische Gruppe der Migrantem bilden. Die jungen Moslems, die an den westeuropäischen Universitäten studieren, gehen meistens nicht zurück in ihre Heimat weg. Sie bleiben aus ökonomischen, beruflichen oder anderen Gründen. Die Anwesenheit dieser gebildeten Gruppe rief die Entstehung von verschiedenen islamischen Kommunitäten und Institutionen heraus.

In diesem Zusammenhang muss man die heutige Krise der Europäischen Union erwähnen. In Europa sorgte die Schuldenkrise Griechenlands und auch anderen Landern für zahlreiche Schlagzeilen und Diskussionen. Die 27 EU-Staats- und Regierungschefs trafen sich weit häufiger als üblich. Allein acht Gipfeltreffen brauchte es, um in teils dramatischen Verhandlungen die Grundlagen für ein neues Vertrauen in die gemeinsame Währung der 17 Euroländer zu schaffen. Was hat der EU-Gipfel zur Eurorettung beschlossen? Alle Länder führen eine gesetzliche Schuldenbremse mit dem Ziel ausgeglichener öffentlicher Haushalte ein. Die korrekte Umsetzung in nationales Recht kann der Europäische Gerichtshof überprufen. Die EU kann Länder, die zu hohe Haushaltsdefizite haben, in Zukunft automatisch bestrafen. Die Strafen sollen nur noch mit einer qualifizierten Mehrheit der Eurostaaten gestoppt werden können. Länder mit zu hoher Verschuldung sollen mit der Europäischen Kommission detaillierte und rechtlich bindende

Vereinbarungen abschliessen, mit denen sie sich zu Reformen verpflichten (Deutschland 2011, S.7). “Wir wollen die Wende zum Guten schaffen, das ist genau die Chance, die aus dieser Krise erwächst”, sagte Angela Merkel bei der Regierungserklärung vom 14.12.2011. Europa braucht eigentlich eine Erneuerung des Verhältnisses von Bürger und Staat, vom Eigennutz und Gemeinwohl.

Ethische Probleme

Ethische Probleme hängen vor allem mit unserem Handeln und mit Moral zusammen. Die Ethik bezeichnet man als Disziplin oder “praktische Philosophie”, da sie sich garade mit dem menschlichen Handel befasst. Ebenso befasst sie sich mit Moral, insbesondere hinsichtlich ihrer Begrundbarkeit. Den Begriff “Ethik” wurde von Aristoteles eingeführt, der damit die wissenschaftliche Beschäftigung mit Gewohnheiten, Sitten und Gebräuchen /ethos/ als Ethik meinte. Aufgabe der allgemeinen Ethik, die einfach als Ethik bezeichnet wird, ist es, Kriterien für gutes und schlechtes Handeln und die Bewertung seiner Motive und Folgen aufzustellen. Das Ziel der Ethik ist die Erarbeitung von allgemeingültigen Normen und Werten. Die philosophische Disziplin Ethik, die auch als Moraldisziplin bezeichnet wird, sucht nach Antworten auf die Frage, wie in bestimmten Situationen gehandelt werden soll. Also: Wie soll ich mich in dieser Situation verhalten? Was soll ich tun? /Kant/ In der multikulturellen Gesellschaft, wo die Menschen so sehr unterschiedlich sind, kommt dies oft vor. Die ethischen, bzw. die moralischen Normen beeinhalten, dass unter bestimmten Bedingungen bestimmte Handlungen geboten, verboten oder erlaubt sind. Insofern als in der Ethik nach allgemeingültigen Antworten auf die Frage nach dem richtigen Handeln gesucht wird, stellt sich die Frage nach der Möglichkeit allgemeingültiger ethischer Normen und deren Begründung. Es geht eigentlich nicht nur um ein Wissen, sondern um eine verantwortbare Praxis. Die Ethik soll dem Menschen in einer immer unüberschaubar werdenden Welt Hilfen für seine sittlichen Entscheidungen liefern. Zu den ethischen Grundbegriffen gehören: moralische Handlungen, Absicht und Freiwilligkeit, Wissen und Willen, Handlungsprinzipien und Handlungsfolge, Tun und Unterlassen, Sinn und Ziel, Glück als Ziel, das Gute, der Begriff “gut”, das höchste Gut, Wert, Tugend, Sollen, das Verhältnis zum Guten, Gerechtigkeit. Die Ethik sollte man neu aufwerten, ohne erneut in eine “private Innerlichkeitsmoral” zu verfallen. Die Ethik müsse sich an “konkrete Sachprobleme unter dem Aspekt der Gestaltung der Zukunft” ausrichten /Schulz/. Als Instanzen der Ethik werden das Mitleid und die Vernunft eingeführt. Im Mitleid werde das Bewusstsein der inneren Gefährdung des Lebens wachgehalten, die Vernunft hingegen sei das Prinzip der Ordnungen, mit denen die Gefährden des Lebens überwunden werde.

Ein Beispiel. Die Bundesrepublik Deutschland im 21.Jahrhundert, fast 60 Jahre nach dem Zuzug der ersten Gastarbeiter, ist ein Land, in dem Hunderte Migrantinnen vor ihrer Familie versteckt leben. Sie haben alles zurückgelassen, ihr Zuhause, ihre Freunde, ihre Angehörigen. Sie wollen sich nicht aufgeben, nicht zerbrechen an der Unvereinbarkeit ihrer eigenen Wünsche mit den Erwartungen ihrer Umgebung. Sie wollen sich nicht den tradierten Werten ihrer Herkunftsregionen anpassen. Sie wollen leben wie die Frauen in westlichen Gesellschaften: frei, selbstbestimmt, emanzipiert. Sie fliehen nämlich vor Unterdrückung, körperlicher Gewalt und Todesdrohungen im Namen der Ehre. Z.B.allein die Berliner Hilfsorganisation Papatya nimmt im Jahr 60 Mädchen und junge Frauen auf, die wegen kultureller Konflikte vor ihrer Familie geflohen sind, denen Verschleppung, Zwangsheirat oder sogar der Tod drohten. Die Liste der Herkunftsländer, aus denen die Migrantinnen stammen, ist lang. Sie kommen aus der Türkei, dem Kosovo, aus Albanien, Pakistan, Afganistan, Iran und Indien. Der Verzicht auf den Gebetsteppich, aufs Kopftuch oder aufs Fasten ist keinerlei Indiz für Libaralität in Familienangelegenheiten. Archaische Traditionen und patriarchalische Denkmuster geständen den Frauen keinen freien Willen zu, so erklärt es der Freiburger Psychologieprofessor und Ethnologe Jan Kizilhan. Er ist seit 15 Jahren als Gerichtsgutachter auch in Ehrenmord-Prozessen tätig. Es gebe in schlecht integrierten Clans eine “kollektive Verständigung” darüber, was Frauen tun dürften und was unehrenhaftes Verhalten sei. Diese Verständigung ordnet und regelt dann das Zusammenleben. Verletze eine Frau durch ihr

Verhalten eine traditionelle Norm, schade sie dem Ansehen der ganzen Familie. Das Ansehen ist elementar in diesen Gesellschaften, in denen Frauen als Besitz des Mannes gelten. Mit einem Mann, der diesen nicht unter Kontrolle hat, macht man dann ungern Geschäfte. Er gilt als schwach und unzuverlässig. Einen solchen Makel kann er wettmachen, wenn er sich mit Geld aus seiner Schmach herauskauft. Oder wenn er die Frau – für alle erkennbar – züchtigt. Für diese Art, die vermeintlich verletzte Ehre wiederherzustellen, gibt es klare Handlungsprogramme. Im äussersten Fall zählt dazu auch ein Mord. Laut einer Schätzung der Vereinten Nationen werden jährlich weltweit mindestens 5000 Mädchen und Frauen im Namen der Ehre getötet. Wie kann man diese Migrantinnen vor der Moral, den Regeln, der Verfolgung ihrer Familie schützen? Viele sind vor ihrer Familie geflüchtet und abgetaucht sind. Zu ihrer Sicherheit wird ihr vollständiger Name nicht veröffentlicht. Vieles liegt im Ermessen der Ämter. Hat eine Schutzsuchende noch keine deutsche Staatsangehörigkeit, kann sie im Zuge der Einbürgerung eine neue Identität relativ problemlos erhalten. Wie viele Tarnidentitäten im Jahr vergeben warden, wird jedoch nicht erfasst. Das Leben mit einer neuen Identität, ohne Familie und Freunde, ist eine unmenschliche Last. Es sind meistens sehr angepasste Mädchen, die versuchen, es jedem recht zu machen. Sie sind oft verzweifelt, dass ausgerechnet sie dieses Leben nicht aushalten konnten. Zudem quale sie die Erkenntnis, dass das Ehrgefühl der Eltern grosser sei als die Liebe zu ihren Töchtern. Jede zweite sei von einer Zwangsheirat bedroht gewesen, jede Fünfte habe von einem Ehrenmord in der Verwandschaft berichtet. Viele der Geflohenen tun sich schwer mit ihrer neuen Freiheit. Sie wurden in System sozialisiert, die sie bewusst in Abhängigkeit hielten. Nach einiger Zeit ziehen sie erst mal in betreute Wohngemeinschaften oder Frauenwohnheime. Viele müssen wichtige Lebensfertigkeiten erlernen, zum Beispiel, mit Geld umzugehen.

Der Grad der Unfreiheit, in dem die Mädchen oder Frauen zuvor gelebt haben, hängt von zwei Faktoren ab: wie wenig die Familie, in die westliche Kultur integriert ist und wie viele Brüder über sie wachten. Denn oft sollten die männlichen Geschwister garantieren, dass ihre Schwestern nichts tun, was der Familienehre schaden könnte. Man beobachtet dabei einen enormen "sozialen Druck auf die Familienväter und auf die Söhne"(Der Spiegel, 2012).

Interkulturelle Kommunikation und die Universitatssprachenausbildung

Multikulturalismus bringt viele Differenzen. Diese Unterschiede findet man nicht nur in den Wertsystemen einzelner Kulturen oder in den Familien, sondern auch in der Ausbildung und hauptsächlich bei der Kommunikation. Problem der sprachlichen Verständigung gehört bestimmt zu den wichtigsten. Eine bedeutende Rolle spielt dabei das Schulwesen, vor allem die Vorschul- und Schuleinrichtungen. Man versucht, mit verschiedenen pädagogischen Konzepten die Kinder auf das Zusammenleben in einer multikulturelllen Gesellschaft vorzubereiten. Ziel der pädagogischen Arbeit ist die Integration in die Gesellschaft. Interkulturelle Erziehung kann man nämlich als die Integration verschiedener Kulturen inclusive der eigenen begreifen.

Interkulturelle Kommunikation bezeichnet eine soziale Interaktion von Akteueren aus unterschiedlichsten Kulturen. Diese Akteuere können Individuen, soziale Gruppen, Gemeinden, Organisationen, Gesellschaften oder Staaten sein. Die besondere Bedeutung der interkulturellen Kommunikation liegt darin, dass einige Aspekte von interkultureller Kommunikation eine höhere Bedeutung haben als bei der Kommunikation innerhalb einer Kultur. Es entstehen verschiedene Missverständnisse durch Ausdrucks-, Darstellungs- und Handlungsweisen wie Lautstärke, Tonfall, Mimik oder Gestik. Wichtig ist dabei Grad der Höfflichkeit und Grad der Freundlichkeit. Innerhalb der interkulturellen Kommunikation können besonders Vorurteile zu Problemen führen. Vorurteile sind im Gegensatz zu Stereotypen immer negativ gesetzt. Sie führen oft zu Missverständnissen. Ein sehr prägnantes Beispiel stellt der Unterschied in der Art der Begrüßung dar. Während die Deutschen oder Tschechen sich die Hände schütteln, berühren sich die Mongolen an den Nasenspitzen; die Japaner fassen sich nicht an, sondern verbeugen sich. Die Niederländer begrüßen sich mit drei Küsschen auf die Wangen, während sich die Hawaiianer anschweigen und regungslos gegenüberstehen.

Die Fähigkeit, mit Menschen anderer Kulturen erfolgreich zu agieren, nennt man „interkulturelle Kompetenz“. Es ist die Fähigkeit zum beidseitig zufriedenstellenden Umgang mit Menschen aus anderen Kulturen. Diese Fähigkeit kann schon im jungen Jahren vorhanden sein oder auch entwickelt und gefördert werden. Dies wird als „interkulturelles Lernen“ bezeichnet. Die Pädagogen haben dabei die entscheidende Rolle. Man muss bei der Zusammenarbeit mit Menschen aus ihr fremden Kulturen deren spezifische Konzepte der Wahrnehmung des Denkens, Fühlens und Handelns erfassen und begreifen. Frühere Erfahrungen werden frei von Vorurteilen miteinbezogen und erweitert, die Bereitschaft zum Dazulernen ist ausgeprägt. Das Verstehen einer fremden Kultur ersreckt sich auf die beide Formen: auf das Begreifen dessen, was der Gesprächspartner „meint“, aber auch auf das Einfügen von Neuen in bereits Bekanntes Immer kommt es darauf an, den Sinn, die Bedeutung, das „Gemeinte“ einer Kultur zu erfahren. Man sollte wissen, dass auch Flexibilität, Anpassungsfähigkeit zu besserer Kommunikation gehören. Man sollte gut zuhören können, dabei aber nicht versuchen, jemand anderer zu sein (Bouzek 2008, S.166-172).

Ein Unterricht, der nicht auf die objektiven Konflikte und Probleme eingeht, die sich mit Einwanderung von Migranten ergeben, ist nicht viel wert. Man muss von den Erfahrungen der Jugendlichen ausgehen, die diese mit den Fremden gemacht haben. Darunter können selbstverständlich auch negative sein, die im Unterricht besprochen werden müssen (Steffen 1981). Das Verhalten der Fremden soll erklärt werden, aus ihrer Religion, aus ihrer besonderen Situation im Herkunftsland, aus ihrer Einwanderungssituation.

Es werden neue Fächer und Studiengänge an einigen Universitäten und Hochschulen angeboten: Kommunikationswissenschaft, Interkulturelle Psychologie oder Interkulturelle Kommunikation. An der Universität in Hradec Králové, wo ich unterrichte, entsteht neues Fach der interkulturellen Kommunikation. Unterrichtssprachen sind Englisch und Deutsch. Dieses Fach ist nicht nur für die ausländischen Studenten, sondern auch für die einheimischen geeignet. Das Zusammentreffen von Studenten verschiedener Kulturen, bildet einen interkulturellen Raum, wo man verschiedene Themen besprechen kann wie zum Beispiel Kultur, menschliche Beziehungen, Verständigungsprobleme, Europäische Integration und Werte und andere. An der Fakultät für Informatik und Management in Hradec Králové studierten im letzten Jahr cca 2330 Studenten. Die Zahl der ausländischen Studenten war nicht hoch, cca 65 Studenten, dazu noch cca 50 ausländische Studenten im Rahmen von Erasmus- Programm. Ausländische Studenten betreut die Studentenorganisation „Buddy System“. Sie helfen ihnen nicht nur beim Studium, sondern unternehmen sie in ihrer Freizeit viel zusammen. Dieser Erfahrungsaustausch wirkt beidseitig sehr positiv.

Interkulturelle Kommunikation sollte aber der wichtige Bestandteil des Unterrichts nicht nur an den Hochschulen sein. Sprachliche Vielfalt und sprachlich flexibles Verhalten sollten für alle Leute-vor allem die Kinder und junge Leute- in der multikulturellen Gesellschaft selbstverständlich sein (Průcha 2001). Zuwanderern sollten zusätzliche Sprachkurse, verschiedene Vorschul-, Schul- und Förderungsprogramme helfen. Das Problem der interkulturelllen Kommunikation besteht nicht nur in einer zuverlässigen Fremdsprachenkenntniss. Der Erfolg hangt auch von einer guten gegenseitigen Kenntnis der Kultur.

Zusammenschluss

Europa ist eine Staatsgemeinschaft, die sich uber ein halbes Jahrhundert entwickelt hat. Dieser Prozess ist noch nicht abgeschlossen und wird es möglicherweise auch nie sein. Europa soll für uns für Frieden, Freiheit, Vielfalt, Wohlstand und Zukunft stehen. Wir beklagen uns oft über die Euro-Krise oder Arbeitslosengeld. Wir müsen uns aber klarmachen, dass wir in einer der privilegiertesten Regionen der Welt leben.Von Sachen, die für uns selbstverständlich sind, wie Frieden, konnen viele andere nur träumen. Trotz der aktuellen Schwierigkeiten verpflichtet Europa uns zur Solidarität und ermöglicht uns die Begegnung ohne Grenzen mit Lebenswelten, Kulturen und Nationen aus verschiedenen Ländern. Dabei darf Europa aber keine unuberwindbare Festung gegen die Menschen werden, die Zuflucht und Sicherheit suchen. Wir müssen uns gemeinsam gegen

jegliche Tendenzen von Intoleranz und Diskriminierung wehren, die uns spalten und das friedliche Zusammenleben aller Menschen gefährden.

Das Zusammenleben der Leute unterschiedlicher Kulturen, Nationalitaten und Ethnik kann einerseits zum Leben im Frieden und auch zur Zusammenarbeit führen, anderseits zu ethnischen Konflikten und internationalen Streitigkeiten oder sogar zum Krieg. Es wächst immer mehr Interesse für ein wisenschaftliches Studium der Unterschiede zwischen Nationen und Kulturen. Man sollte ein gutes Zusammenleben zwischen Einheimischen und Ausländern fördern. Eine der wichtigsten Voraussetzungen für eine gelingende Integration ist, dass die Menschen die Zuwanderung nicht als "Bedrohung" oder "Gefahr", sondern als "Bereicherung" empfinden. Ziel aller pädagogischen Arbeit ist ohne Zweifel die Integration in die Gesellschaft. Interkulturelle Unterschiede bedeuten nicht, dass eine Kultur besser ist als die andere. Man sollte sie kennen, Konflikte vermeiden und Entgegenkommen zeigen. Interkulturelle Kommunikation hat dabei eine zunehmende Bedeutung.

LITERATUR

WINDMANN, A. Abschied zum Ich, Integration. In: *Spiegel,Nr.15/7.4.2012,* S.32-37.

COHN-BENDIT, D., SCHMID, T. Wenn der Westen unwiderstehlich wird. In: der *Zeit, 22.November 1991.*

ERMISCH, H., 2000. *Minderheitenschutz ins Grundgesetz?* Die politische Diskussion über den Schutz ethnischer Minderheiten in der BRD im Rahmen der Beratungen der gemeinsamen Verfassungskommisision von Bundestag und Bundesrat., LIT, Berlin,Hamburg, München.

CAMERON, D. Multikulturalismus ist eine Ursache für Extremismus. In: *Medienmagazin für Politk, 8.2.2011*

LUFT, S., 2006. *Abschied von Multikulti*, Resch, Grafelfing.

STEFFEN, G., 1981. *Interkulturelles Lernen-Lernen mit Ausländern*, U/Hg.Bad Heilbrunn.

MALETZKE, G., 1996. *Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen* Westdeutscher Verlag.

WEIG, B., MENSING, F., 1997. *Menschenrechte im interkulturellen Dialog*, Konrad-Adenauer-Stiftung.

PRŮCHA, J., 2001. *Multikulturní výchova-teorie-praxe-výzkum*, Praha.

BOUZEK,J., 2008. *Jak se domluvit s jinými?, ˇUvod do mezikulturní komunikace*, Triton.

JANNING, J. Mehr Europa, mehr Stabilität?. *In*: *Deutschland, Heft 4/2011*.

Alena Josefová
University Hradec Králové,
Czech Republic

ETHICAL ISSUES OF MULTICULTURALISM AND UNIVERSITY LANGUAGE TEACHING

Summary

Europe is a community of states that has evolved during centuries. Europe represents peace, variety, freedom, welfare and future. We live in one of the most privileged regions of the world. Despite current problems (Erocrisis) we are bind to solidarity because it enables us meeting without borders with cultures and nationalities of various countries. Europe cannot be a closed fortress for people looking for security and shelter. We should eliminate and eradicate any intolerance and discrimination which create barriers. Community of people of various cultures and nationalities can lead to life in peace and cooperation and, on the other hand, to ethnic or international conflicts or even to a war. The interest to study the differences between nations and cultures has grown recently. Immigrants should not be seen as a danger but opportunity to enrich the society. The aim of all pedagogical effort is the integration into the society. Intercultural differences do not mean that one culture is better than the other one.

Laima Kuprienė
Klaipėdos universitetas
H.Manto g. 84, LT-92294 Klaipėda, Lietuva
Klaipėdos valstybinė kolegija
Jaunystės g. 1, LT-91223 Klaipėda, Lietuva
el.paštas: laima_kupriene@yahoo.com

ZUR STRUKTUR DES GESPRÄCHS: ERÖFFNUNGS- UND BEENDIGUNGSPHASE

In dem vorgelegten Artikel wird die Struktur des Gespräches analysiert. Die für die Analyse ausgewählten Gespräche sind von verschiedenen Kinderautoren geschaffene Gespräche.

Viele Linguisten bemerken, dass sich eine große Menge der gesprächsanalytischen Arbeiten mit Gesprächseröffnung und –beendigung befassen. Diese zwei Gesprächsphasen sind leicht erkennbare und klar strukturierte Einheiten. Die Gesprächseröffnung wird meistens als Kontaktaufnahme zusammengefasst. Mit einer Gesprächsbeendigungsphase wird die Kommunikation zum Schlußpunkt gebracht. Aber die Analyse der Kindergespräche zeugt davon, dass die Kinder beginnen und beenden ihre Gespräche mit Hilfe anderer verbalen und nonverbalen Mitteln im Vergleich mit Erwachsenen.

STICHWÖRTER: Gesprächsanalyse, Kindersprache, Struktur des Gesprächs, Eräffnungsphase, Beendigungsphase.

Das Gespräch als Forschungsobjekt weckte das Interesse der Linguisten erst in den 1970er Jahren. Zunächst wurde das Gespräch von Soziologen untersucht, später entwickelte sich die Gesprächsanalyse als ein Teilbereich der Linguistik. Sie erscheint unter verschiedenen Termini: „Gesprächsanalyse“ (Henne, Rehbock 2001, Brinker, Sager 1989), „Konversationsanalyse“ (Gülich, Mondada 2008), „Diskursanalyse“, „Dialoganalyse“ u.a.

Unter einem Gespräch wird die Art und Weise des Gesprächsgebrauchs verstanden, bei der zwei oder mehrere Teilnehmer sich in der Redeführung abwechseln. Linguistin B.Techtmeier (Techtmeier 1984, S. 47f.) erklärt das Gespräch als das grundlegende Kommunikationsereignis der direkten Kommunikation, durch das die Partner verbal, mit Hilfe des Sprecherrollewechsels, unter konkreten sozial-historischen Bedingungen, bestimmte Tätigkeitsziele realisieren. Th. Lewandowski behauptet, dass das Gespräch die natürliche Art und Weise des Sprachgebrauchs im Alltag ist, bei der zwei oder mehrere Teilnehmer sich zwanglos und dennoch sozial geregelt in der Redeführung abwechseln (Lewandowski 1994, S. 356). Jakubinskij denkt, dass ein schneller Austausch von kurzen Repliken, ohne lang zu denken ein Gespräch ist (Jakubinskij 1986, S. 17ff.). Obwohl viele Linguisten denken ganz lakonisch, z.B. dass das Gespräch ein ritueller Kontakt ist (Holly 2001, S. 1).

Für die Analyse wurden die Kinder- und Jugendbücher untersucht, die den 8-13jährigen Kindern gewidmet sind. Für die Analyse wurden die Textauszüge gewählt, die die Merkmale des Gesprächs besitzen, d.h. die aus Sprechakten der Gesprächspartner gestaltet sind. Auch die Autorenbemerkungen sind in den ausgewählten Beispielgesprächen zu finden, weil sie von der Gesprächssituation, dem nonverbalen Verhalten, paraverbalen Zeichen des Sprechens zeugen. Obwohl die Gespräche literarisch und schriftlich fixiert sind, kann man annehmen, dass sie den Merkmalen der gesprochenen Gespräche bzw. Tendenzen von der Gesprächsorganisation entsprechen. Derselben Meinung ist G.Yos (2001, S. 56ff.), die behauptet, dass Gespräche in künstlerischen Texten in gewisser Weise ein Bild der alltäglichen Kommunikation entwerfen können. J.House und W.Koller (1983, S. 25ff.) betonen, dass literarische Dialoge sehr oft authentischer als verschriftlichte reale Gespräche wirken, weil der Autor in geschaffenen Gesprächen ökonomische und funktionale Auswahl und Kombination von direkten (graphischen und sprachlichen) und indirekten (kommentierenden) Mitteln präsentiert.

Die Kinder bevorzugen lustige, lebendige, bildhafte und witzige Sprache. Man muss nicht vergessen, dass die Kinderliteratur nicht nur eine pädagogische Rolle spielt, sondern auch amüsierend wirken muss. Die literarischen Kinderfiguren beeinflussen die jungen Leser, ihre Sprache und ihr Benehemen, deswegen gilt die Kinderliteratur auch als ein wichtiges Mittel bei der Erziehung.

Man kann die Gespräche in drei Phasen unterteilen: Gesprächeröffnung, Gresprächsmitte und Gesprächsbeendigung (Henne, Rehbock 2001, S. 20). In diesem Artikel werden die Eröffnungsphase und die Beendigungsphase analysiert.

Die Eröffnungs- und Beendigungsphasen sind relativ einfach aufgebaut und bestehen meistens aus stark ritualisierten Elementen.

Die Gesprächseröffnung wird meistens als Kontaktaufnahme zusammengefasst. In dieser Phase richten die Teilnehmer des Gesprächs ihre Aufmerksamkeit aufeinander oder auf ein gemeinsames Objekt und treten in eine gemeinsame Handlung ein. Brinker und Sager führen als Beispiele dafür: Identifikation und Gegenidentifikation, Gruß und Gegengruß, Frage nach dem Wohlergehen und Dank, nonverbale Geste und Antwort usw. (Brinker, Sager 1989, S. 95).

Die Anfangsphase des Gesprächs wird normalerweise in Alltagsgesprächen meistens durch Grußworte eröffnet. Aber in den analyserten Beispielen kommt die Begrüßung nur in fast 10 Prozent von Gesprächen vor:

> „*Guten Morgen.* Ich bin ein Freund von Tobias und –„
> „Ist einkaufen.“ Ich stand vor ihr in einem düsteren Flur. (Rico, S. 152)[104]

Die Begrüßung kommt also selten in der Eröffnungphase vor. Solche Tendenz trifft man in der Kinder- und Jugendsprache an, auch in den kinderliterarischen Werken. Die Kinder vermeiden meistens die für die Erwachsenen gewöhnlichen Begrüßungen und anstatt deren verwenden sie unterschiedliche Interjektionen oder direkte Bemerkungen über die Gesprächssituation oder das Gesprächsthema.

Sehr ähnlich sieht auch die wechselseitige Identifikationsformel aus. Sie spielt einerseits die Rolle der Begrüßung, andererseits gilt sie als Anforderung und Zustimmung, das Gespräch zu führen:

> „*Ich heiße Oskar*“, sagte er. „Und ich möchte mich aufrichtig bei dir entschuldigen. Ich hätte mich nicht über dich lustig machen dürfen. Das war arrogant.“
> Ich hatte keine Ahnung, was er mit dem letzten Wort meinte, aber die Entschuldigung hatte ich verstanden. <...>
> „*Ich heiße Rico*“, sagte ich und schüttelte seine Hand. „*Mein Vater war nähmlich Italiener*.“ (Rico, S. 37)

Eine typische Anfangsphase der Alltagsdialoge ist die „*wie geht es*“-Sequenz. Auf diese Frage gibt es eine große Menge Antworten, weil diese Frage meistens als rituelles Vorgehen verstanden und routinemäßig interpretiert wird. Deswegen geben die Teilnehmer in vielen Fällen keine Antwort und führen das Gespräch mit einem neuen Thema weiter.

---

[104] In Klammern stehen die in der Analyse verwendeten Abkürzungen:
Keine Hosenträger für Oya (Oya)
Die Wilder Hühner. Fuchsalarm (Fuchsalarm)
Die wilden Fussballkerle – Leon der Slalomdribbler (Leon)
Die Spur des Hackers. Ein Computerkrimi aus der Level 4-Serie (Level)
Paul Vier und die Schröders (Vier)
Rico, Oskar und Tieferschatten (Rico)

„Na, *wie geht es*, Willi?“, riefen wir und sprangen auf.
Willi wich unwillkürlich zurück. So viel Begeisterung hatte er seit Jahren nicht mehr erlebt.
„Du warst doch mal Fußballprofi!“, rief Fabi.
„Einen Moment!“, versuchte uns Willi zu bremsen. (Leon, S. 68).

In einer Eröffnungsphase können auch mehrere Eröffnungssequenzen vorkommen:

„He, Paul Nummer vier!“ Sie warf sich begeistert an mich und umklammerte meine Beine. „Kommst du uns besuchen?“ Ja?“
„Tag, Sabrina. Wie geht´s dir, du *Ausreißerin*?“ Ich konnte nicht widerstehen. Ich beugte mich zu ihr hinunter und *drückte ihr einen Kuss auf die Wange*. (Paul, S. 107)

Hier findet man Begrüßungsfloskeln, Personenidentifikation, begrüßende Wie-geht´s-Frage und nonverbales Verhalten, das auch als selbstständiges informationstragendes Zeichen verstanden werden kann. Nonverbales Verhalten ist eine andere sehr häufig vorkommende Möglichkeit der Gesprächseröffnung, z.B. Körperbewegung, Blickkontakt u.ä. Unter den analysierten Gesprächen kommen 12,13% von nonverbalen Eröffnungsmomenten vor:

Frank *sah sie ernst an*. Sein Blick fragte: Woher Achim hätte es?
Miriam *erschrack*. Frank hielt es für möglich, dass Achim die Verfolger vom Nachmittag alarmiert und ihr auf die Fersen gehetzt hatte?
Frank *nickte*. „Ben und ich gehen sogar mit Sicherheit davon aus!“
Jetzt benötigte Miriam doch jemanden zum Anlehnen, Sie *ließ ihren Kopf gegen* Franks kräftige *Schulter fallen*, war froh, solche Freunde wie ihn zu haben. (Level, S. 167)

Das Gespräch kann auch mit einer einleitenden Entschuldigungs- oder Warnungsformel oder Wunschsequenz angefangen werden. Solche Anfangssätze zeugen meistens von den wenig bekannten Teilnehmern und das Gespräch wird mit einer konkreten Frage weitergeführt, wie z.B.:

„*Entschuldige bitte*, wenn ich etwas überrascht bin. Wir bekommen nur selten Besuch.“ (Paul, S. 101)

Als es zur großen Pause klingelte, folgten wir Sinan auf den Hof.
„Wir wollen mit dir sprechen“, sagte Eule.
„Ich nix sprechen.“ (Oya, S. 82)

Die nächsten Anfangsphasen finden sich bei der Einführung von Gesprächsteilnehmern in das Gespräch. Hier findet man schon keine Begrüßung, die Teilnehmer fangen direkt mit der Frage-Antwort Formel an:

„Warum haut so ein Phyton ab?“ fragte ich Dandelion. Ich ging neben ihm her. <...>
„Er hat Hunger. Erasmus hat vergessen ihn zu füttern.“
„Greift er Menschen an?“

„Nein. Erasmus ist friedlich." Dandelion grinste mich an. „Python sind harmlos. Winston frisst nur weiße Mäuse." (Paul, S. 37)

Anhand solchen Frage-Antwort-Schemas ist es möglich, in der Anfangsphase sofort die Reaktion der Teilnehmer auf die Gesprächssituation oder einzelne Personen zu beobachten und zusammen das Hauptthema zu eröffnen. Man kann behaupten, dass die Kommunikation ohne richtige Anfangsphase beginnt.

Wenn die Gesprächspartner gutt einander kennen, kann das Gespräch mit unterschiedlichen Kleinwörtern angefangen werden, z.B. mit Partikeln, Konjunktionen, Interjektionen:

„*Na ja*", Sprotte trank einen Schluck Fliederbeersaft. „Am Sonntag fährt O.S. zu ihrer Schwester, da..."

„Wer ist O.S.?", unterbrach Trude sie verwirrt. (Fuchsalarm, S. 22)

Partikeln sind entweder gesprächsorganisatorisch oder sie haben die Funktion der Modifizierung und Kommentierung der Partnermeinung. Interjektionen können als Ausruf zum Ausdruck von Freude, Schreck, Schmerz, Erstaunen, Bedauern u.ä. gelten. Mit Hilfe der Interjektionen lenken die Sprechenden die Aufmerksamkeit der Hörer auf ihre Äußerungen und betonen das Gesagte. Konjunktion gilt als einleitendes und Aufmerksamkeit lenkendes Element. In solchen Gesprächen ist die Anfangsphase sehr kurz, meistens entsteht sie ganz plötzlich. Nach der kurzen Betonung wird gleich zur Gesprächsmitte übersprungen und das Hauptthema von den Gesprächsteilnehmern behandelt.

„*Aber* wir haben doch Socke besiegt", sagte Marlon plötzlich im Bett unter mir. <...>

„*Aber* wir haben doch Socke besiegt", wiederholte Marlon gegen halb vier.

„Ja, und!", antwortete ich. „Hast du vergessen, was der Dicke Michi mit Hunden macht?"

„Er reißt ihnen die Ohren ab", sagte Merlon. <...> (Leon, S. 132)

Anhand der ausgewählten Beispiele kann man also behaupten, dass in der Kinderliteratur sowie in der Alltagssprache sehr viele Möglichkeiten vorkommen, das Gespräch zu beginnen. Statistische Auswertung der am häufigsten vorkommenden Varianten der Eröffnungsphase zeigt sich wie folgt: Eröffnungsphase mit Grußfloskeln – 23,5 Prozent, Eröffnungsphase mit Identifikationsformeln – 14,2 Prozent, Eröffnungsphase mit nonverbalen Zeichen – 12,8 Prozent, Eröffnungsphase mit Frage-Antwort-Formel – 15,3 Prozent, Eröffnungsphase mit Kleinwörtern – 25,0 Prozent, andere Varianten – 9,2 Prozent.

Von einer Beendigungsphase kann man dann sprechen, wenn die Interaktion zu solchem Punkt kommt, an dem keine neuen Themen eingeführt werden und der Mechanismus des Sprecherwechsels außer Kraft gesetzt ist, ohne dass dies als einseitiges Schweigen oder Abbruch der Interaktion verstanden wird (vgl. Gülich, Mondada 2008, S. 82f.).

Traditionell werden die Gespräche in der Situation von drei Schritten beendet. Der erste Schritt besteht aus der sogenannten „Vorbeendigung". Als Vorbeendigung versteht man in vielen Fällen betonte Äußerungen (Diskurspartikeln, Interjektionen usw.) am erkennbaren Ende eines Themas. So kann das neue Thema eröffnet oder eine Beendigungssequenz initiiert werden. Im zweiten Schritt wird das Gesprächsergebnis zusammengefasst. Hier ist also eine gemeinsame Orientierung aller Gesprächsteilnehemer auf das Gesprächsende sichtbar. Der dritte Schritt besteht aus einem abschließenden Austausch, d.h. einer Paarsequenz von Abschiedsformeln (vgl.

Schegloff 2006, S. 78f.). Aber solche von Regeln bestimmte Beendigung kommt selten vor. Unter den untersuchten Beispielen bilden sie nur 3,73 Prozent. Man kann behaupten, dass diese Schritte nur für die streng geregelten Gespräche mit dem festgestellten Thema und dem strengen Strukturschema gelten.

In der Alltagssituation wird das Ende eines Gesprächs meistens durch nonverbales Verhalten und Abschiedsworte signalisiert.

> „Na, dann", murmelte Trude und blieb neben anderen Hühnern stehen.
>
> „*Bis heute Abend*", sagte Paolo, *zupfte sie am immer noch roten Ohrlappen* und schlenderte davon. Sehnsüchtig guckte Trude ihm nach. (Fuchsalarm, S. 150)

Aber es ist zu bemerken, dass solche Fälle in den Literaturwerken transformiert sind und die Abschiedssequenzen meistens ausfallen.

Ähnlich den Abschiedssequenzen sind die Wunschsequenzen, Versprechensätze, Danksagungen. Sie spielen dieselbe Rolle wie die Abschiedsformeln, d.h. sie beenden die Gepräche, wie z.B.:

> „Sabrina... Woher hat sie gewusst, dass ich mir den Arm brechen werde?" Der Satz rutschte mit raus, bevor ich darüber nachdenken und ihn zurückbrechen konnte.
>
> Delphine sagte nichts. Sie erhob sich, klopfte vorsichtig gegen den Gips und lächelte.
>
> „*Danke. Und gute Besserung, Paul*." (Paul, S. 73)

Die Beendigungsphase der analysierten Gespräche ist relativ kurz und besteht nur aus einigen kurzen Gesprächsbeiträgen der Gesprächsteilnehmer. Sie benutzen unterschiedliche Gesprächspartikeln wie *na gut, ok danke, also, aha, dann also, danke gut* usw. Das Ende des Gesprächs kann nur durch Partikeln signalisiert werden.

Das nonverbale Verhalten, kann nicht nur von der Eräffnungsphase sonderna auch von der Beendigung des Gesprächer signalisieren. Die wichtigste Gesprächsfunktion der Körperhaltung ist die Zuwendung zum Gesprächspartner, denn in der Körperhaltung zeigen sich emotionale und physische Grundstimmungen wie Spannung, Wohlbefinden oder sogar Müdigkeit.

> *Ich zuckte mit den Achseln*. „Ich weiß es nicht. Aber so schlimm kann es nicht werden. Vielleicht passiert ja auch gar nichts. Vielleicht hatten die Döller und die Tauchmann nur eine große Klappe."
>
> *Delphine nickte.* Ohne ein weiteres Wort drehte ich mich um und lief, so schnell ich konnte, die Treppe hinunter. (Paul, S. 123)

Das Gespräch kann mit dem abruppten Abbrechen zu Ende gebracht werden, z.B.:

> „Spielt schön!", flüsterte Wilma zurück. „Tischtennis spielen ist genau das Richtige für kleine Jungs. Wir haben für so was leider keine Zeit."
>
> „*Schluss jetzt*", sagte Frieda und zog Wilma mit sich die Treppe rauf. (Fuchsalarm, S. 28)

Das Gespräch kann auch ohne richtige Beendigungsphase sein. Solche Gespräche ohne klare Beendigungsphase können als offene Gespräche bezeichnet werden, da es unklar bleibt, ob die Gesprächsteilnehmer das Sprechen fortsetzen oder schon Schluss machen.

„Wahrscheinlich wollte Trude nur nicht mit Melli ins Kino“, flüsterte Sprotte Wilma zu, während sie die schmale Straße entlangfuhren. „Weil die nämlich bloß ins Kino geht, damit die Jungs sie mit Popcorn bewerfen und ihr erzählen, wie toll ihre Haare aussehen.“

Wilma musste so kichern, dass sie Schlangenlinien fuhr. „Wetten, das war irgendeine Gemeinheit, Sprotti?“, rief Melanie von hinten.

„Nichts als die Wahrheit, Melli!“, rief Sprotte über die Schulter zurück. „Heiligstes Hühnerehrenwort. Nichts als die Wahrheit.“ (Fuchsalarm, S. 82)

Die Gespräche ohne Beendigungsphase sind den unterbrochenen Gesprächen ähnlich. Der Unterschied liegt darin, dass die Gespräche ohne Beendigungsphase freiwillig beendet werden und keine Fortsetzung folgt. Am Ende der Kernphase oder der gesamten Situation wird in solchen Fällen signalisiert, dass ein Gesprächsteilnehmer die Kommunikation beenden will. Normalerweise sollte hier trotzdem wenigstens eine Verabschiedungs- oder Resümeesequenz sein.

Als Beendigungsphase können auch die Bewertungen des Gesprächs oder der Gesprächssituation vorkommen. Hier kann man auch darauf hinweisen, dass bei der Gesprächsbeendigung gerne Aspekte der Gesprächseröffnung oder des Gesprächsverlaufs insgesamt aufgegriffen werden. Am Ende des Gesprächs finden sie keine konkreten Lösungen, aber besprechen kurz die gesamte Situation:

„Hey, das war ein neuer Rekord! Seht ihr? Ihr müsst euch nur ständig bewegen, und Markus, du musst zum Ball hin. Geh ihm entgegen. Wartet nicht auf ihn, dann hat auch Socke nicht den Hauch einer Chance! Los Auf geht´s. Das nächste Mal klappt´s, dann seid ihr nicht nur die besten Fußballspieler, dann seid ihr die beste Fußballmannschaft der Welt!“ (Leon, S. 125f.)

5,33 Prozent von Gesprächen bilden keine einzelne Gruppe mit untypischen, einmaligen Beendigungssignalen. Die Gespräche können mit einer festen Redewendung, Auslachen, Liedauszug und anderen Signalen beendet werden, z.B.:

„Himmel, der ist genauso lahmarschig wie du, Thomas“, zischte Ben ungeduldig.

„*In der Ruhe liegt die Kraft*“, verteidigte sich Thomas. (Level, S. 92)

Statistische Auswertung der am häufigsten vorkommenden Varianten der Beendigungsphase zeigt sich wie folgt: die Gespräche mit offenen Beendigungssphasen – 42,12 Prozent, die Beendigungsphasen mit einem abschließenden Austausch von Schlusselementen (solche wie Resümee von Gespräch, Danksagungen, Wunschsequenz, Grußaufträge, Abschiedsfloskeln etc.) mit oder ohne nonverbale Signale – 37,32 Prozent, Eröffnungsphase mit nonverbalen Zeichen – 12,8 Prozent, die Bewertung von der Situation – 15,23 Prozent, andere Varianten mit einmaligen Signalen – 5,33 Prozent.

LITERATURA

BANSCHERUS, J., 2004. *Keine Hosenträger für Oya*. Braunschweig: Arena.
BRINKER, K., Sager, S. F., 1989. *Linguistische Gesprächsanalyse*. Berlin: Schmidt Verlag.
FUNKE, C., 2005. *Die Wilden Hühner. Fuchsalarm*. Hamburg: Cecilie Dressler.

GÜLICH, E., MONDADA, L., 2008. *Konversationsanalyse. Eine Einführung am Beispiel des Französischen*. Tübingen: Niemeyer.
HENNE, H., REHBOCK, H., 2001. *Einführung in die Gesprächsanalyse*. Berlin, New York: de Gruyter.
HOLLY, W., 2001. *Imagearbeit in Gesprächen*. Tübingen: Niemeyer.
HOUSE, J., KOLLER, W., 1983. Zum Sprachverhalten in fiktiven und realen Alltagsdialogen. In: Sandig, B. (Hrsg.), 1983. *Stilistik.* Band II: Gesprächsstile. Hildesheim u.a.: Olms. S. 25-38.
JAKUBINSKIJ, L.P. – Якубинский, Л.П., 1986. *О диалогической речи.* В: *Избранные работы. Язык и функционирование*.-Москва, S. 17-58.
LEWANDOWSKI, Th., 1994. *Linguistisches Wörterbuch 1*-3. Heidelberg: Wiebaden.
MASANNEK, J., 2003. *Die wilden Fussballkerle – Leon der Slalomdribbler*. München: DTV.
SCHEGLOFF, E. A., 2006. *Interaction: The infrastructure for social institutions, the natural ecological niche for language, and the arena in which culture is enacted*. In Enfield, N. J., Levinson, S. C. (Eds.), 2006. *Roots of Human Sociality: Culture, cognition and interaction*. London: Berg. P. 70-96.
SCHLÜTER, A., 2004. *Die Spur des Hackers. Ein Computerkrimi aus der Level 4-Serie.* München: DTV.
STEINHÖFEL, A., 2008. *Paul Vier und die Schröders.* Hamburg: Carlsen.
STEINHÖFEL, A., 2008. *Rico, Oskar und die Tieferschatten*. Hamburg: Carlsen.
TECHTMEIER, B., 1984. *Das Gespräch. Funktionen, Normen und Strukturen*. Berlin.
YOS, G., 2001. Gespräch in künstlerischen Texten im Spannungsfeld von mündlicher und schriftlicher Kommunikation. In: *Zeitschrift für Germanistik*. H. S.54-70.

Laima Kuprienė
Klaipėdos universitetas
Klaipėdos valstybinė kolegija

POKALBIO STRUKTŪRA: PRADŽIOS IR PABAIGOS FAZĖS

Santrauka

Pokalbis kalbininkų dėmesio sulaukė prieš keletą dešimtmečių. Šis sudėtingas, įvairia aspektis reiškinys tapo tiriamuoju objektu įvairių kalbotyros mokyklų atstovų darbuose.

Straipsnyje siekiama išnagrinėti vaikų pokalbio struktūros pradžios ir pabaigos fazes. Remiantis pasirinktais vokiečių literatūros kūriniais, juose esančiais vaikų ir jaunimo komunikavimo pavyzdžiais, autoriaus remarkomis stebima pokalbio struktūra. Pokalbio pradžia ir pabaiga dažniausiai yra paprastos sandaros, sudarytos iš ritualizuotų kalbinių elementų, t. y. pasisveikinimo, atsisveikinimo, padėkos, atsiprašymo formulių, aptarto klausimo arba situacijos apibendrinimo ir pan. Pokalbio pradžioje dažniausiai yra užmezgamas arba bent jau parodomas noras užmegzti pokalbį, prisistatymas, pasisveikinimas, atsiprašymas dėl sutrukdymo, mandagumo klausimai apie sveikatą ar orą. Dažnai pokalbio pradžią žymi ir neverbaliniai elementai, kurie gali būti savarankiški arba lydėti verbalinę kalbą. Vaikų pokalbiuose dominuoja pabaigos fazė su atsisveikinimo, padėkos, norų, linkėjimų, reziumuojančiomis sekvencijomis, pasikeitimas atsisveikinimo gestais, dažni yra pokalbiai be pabaigos fazės.

RAKTINIAI ŽODŽIAI: pokalbis, pokalbio analizė, pokalbio struktūra, pokalbio pradžia, pokalbio pabaiga, vaikų kalba.

Danguolė Satkauskaitė
Geisteswissenschaftliche Fakultät Kaunas der Universität Vilnius
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas
satkauskaite@gmail.com

ZUM PROBLEM VON DEIXIS UND ANAPHORIK IN DER FILMÜBERSETZUNG

Deixis und Anaphorik sind zwei gängige Referenzmöglichkeiten, jedoch unterscheiden sie sich durch ihre Realisierung: Anaphorik ist als textinterne Referenzart zu verstehen, mit der sich hauptsächlich die Textlinguistik beschäftigt, Deixis ist dagegen textexterner Natur und nur unter Einbeziehung des außersprachlichen Kontextes zu verstehen. Das Problem ergibt sich erstens dadurch, dass die verbalen Mittel zur Realisierung von Deixis und Anaphorik weitgehend übereinstimmen; zweitens dadurch, dass sich die Übersetzer gewohnheitsgemäß auf Textebene konzentrieren und die visuelle vernachlässigen, wobei es zu Fehlinterpretation von deiktischen Elementen im audiovisuellen Text kommen kann und drittens durch die unterschiedlichen grammatischen Kategorien im Deutschen und im Litauischen, besoners im Bereich der Pronomina.

SCHLÜSSELWÖRTER: Deixis, Anaphorik, audiovisuelle Übersetzung, Multimedialität, semiotische Kohäsion.

1. Einleitung

Mit rapider Entwicklung der Technologien und ständig wachsendem Lebenstempo werden immer größere Mengen audiovisuellen Materials produziert und rezipiert. Dies erfordert auch größere Übersetzungskapazitäten und die Umorientierung mancher Übersetzer von traditionellen – schriftlichen oder mündlichen – Texten zu audiovisuellen. Eine von zusätzlichen Problemen, mit denen die Übersetzer von audiovisuellen Texten im Vergleich zu traditionellen Texten konfrontieren, ist die Übersetzung von Deiktika.

Das Ziel des vorliegenden Beitrags ist also die Schwierigkeiten, die Übersetzung von Deiktika und Anaphora in Filmen bereiten, aufzudecken, ihre möglichen Ursachen zu klären und Lösungsmöglichkeiten zu bieten. **Die Problematik**, die in dem vorliegenden Beitrag behandelt wird, erwächst aus dreierlei Gegenüberstellung: aus der von monosemiotischen und polysemiotischen Texten zum einen, aus der von Deixis und Anaphorik zum zweiten und aus der von unterschiedlichen grammatischen Kategorien des Deutschen und des Litauischen, in erster Linie im Bereich der Pronomina, zum dritten. **Die Aktualität** des Beitrags ergibt sich erstens aus der angedeuteten Vielschichtigkeit der Problematik und damit dem interdisziplinären Charakter der Untersuchung: ergänzend zueinander werden hier nämlich Aspekte der linguistischen Pragmatik, der Textlinguistik, der Grammatik und vor allem der audiovisuellen Übersetzung behandelt. Zweitens bleibt die Problematik nicht nur auf dem theoretischen Niveau, sondern kann auch übersetzungspraktisch dazu beitragen, Interpretations- und Übersetzungsfragen zu lösen.

Um das angestrebte Ziel zu erreichen, soll zunächst geklärt werden, wodurch sich audiovisuelle Texte von den traditionellen Textsorten unterscheiden und warum dies für die Übersetzung relevant ist. In diesem Zusammenhang ist der Terminus *semiotische Kohäsion* bedeutend, der im dritten Abschnitt ausführlicher erläutert wird. Weiterhin wird auf das Phänomen der Referenz näher eingegangen mit dem Schwerpunkt auf Deixis und Anaphorik sowie auf die Auswirkung ihrer Unterschiede im audiovisuellen Text. Schließlich werden zwei Beispiele aus Filmen analysiert, die die Problematik der Deixis-Interpretation und -Übersetzung praktisch zeigen.

Als Quellen für die praktische Analyse diente der Film „Basta. Rotwein oder Totsein“ (2004, Regie von P. Danquart, Drehbuch von P. Danquart, M. Daniel und M. Maizen) und „Das Leben ist eine Baustelle“ (1997, Regie von W. Becker, Drehbuch von W. Becker und T. Tykwer). **Die Methodik** der Untersuchung ist ausschließlich qualitativ, und zwar wird durch den Vergleich des Ausgangs- und des Zieltextes sowie durch die Analyse der gewählten Filmausschnitte sowohl

auf der verbalen, als auch auf der visuellen Ebene eine Fehleranalyse von Übersetzungen durchgeführt und Verbesserungsvorschläge angeboten.

2. Filme als multimediale Texte

In der traditionellen Translationswissenschaft beschränkt man sich in der Regel auf verbale Texte: entweder schriftliche bei der Übersetzung oder mündliche beim Dolmetschen. Deshalb werden sie auch monosemiotische Texte genannt. Audiovisuelle Produktion ist dagegen polysemiotisch, da hier die Bedeutung durch zwei simultan operierende Kanäle – den visuellen und den auditiven – konstruiert wird. (Chaume Varela 1998, S. 16; Chaume 2004, S. 16; Gottlieb 2005, S. 13) Im Unterschied zum monosemiotischen Text, der hauptsächlich verbal visuell oder verbal auditiv wiedergegeben und rezipiert wird, ist ein audiovisueller Text meistens ein Zusammenspiel von vier verschiedenen Zeichensystemen, wie in Tabelle 1 zu sehen.

Tabelle 1. Zeichensysteme im polysemiotischen Text

	verbal	**nonverbal**
visuell	X	X
auditiv	X	X

Visuelle verbale Information umfasst, zum Beispiel, den Nachspann, Straßennamen, Zeitungen und andere schriftliche Texte, die auf dem Bildschirm erscheinen. Visuell wiedergegebene nonverbale Information sind die Bilder. Auditive verbale Zeichen werden durch die Filmdialoge und Lieder vermittelt; auditiv nonverbale Zeichen sind Musik und Hintergrundgeräusche. (Díaz Cintas 2009, S. 47)

Das Problem ergibt sich dadurch, dass die Übersetzer, die sich hauptsächlich mit verbalen Texten beschäftigt haben, sich auch in einem zu übersetzenden audiovisuellen Text auf die verbal wiedergegebene Information konzentrieren. Dabei ist doch das Visuelle für die Bedeutungskonstruktion in Filmen nichtmal gleichwertig, sondern in vielen Fällen eher vorrangig. Wie S. Kozloff (2000, S. 4) bemerkt, zählt schon seit der Geburt der Filmindustrie (am Anfang gab es nur Stummfilme) vor allem das Visuelle: Beleuchtung, Kamera-Bewegung, raffinierte Spezialeffekte usw. Die Dialoge stehen auch in modernen Filmen selten im Vordergrund, sondern spielen eher eine Begleitrolle. Über das Verhältnis des Visuellen und des Auditiven im Film hat sich 1964 J. Ford treffend ausgesagt:

> When a motion picture is at its best, it is long on action and short on dialogue. When it tells its storry and reveals its characters in a series of simple, beautiful, active pictures, and does it with as little talk as possible, then the motion picture medium is being used to its fullest advantage. (John Ford 1964, zit. n. Kozloff 2000, S. 4)

Auch in anderen Quellen wird dem visuellen Kanal mehr Gewicht zugesprochen als dem auditiven, z. B.:

> Dialogue: In a film, all spoken lines. Since the cinema is essentially a visual medium, dialogue is, or should be, used more sparingly than in the theater, supplementing action rather than substituting for it. (Katz 1998, S. 366).

H. Gottlieb (2005, S. 14) hat sogar prozentuale Werte berechnet, wie viel Bedeutung durch jeden der vier Kanäle in verschiedenen audiovisuellen Übersetzungstypen an die Rezipienten übertragen wird.

Tabelle 2. Relative Auswirkung der semiotischen Kanäle in der audiovisuellen Translation

	Original production (TV/DVD)	**Dubbed version**	**Voiced-over version**	**Subtitled version**	**Deaf and HoH version**	**Audiodescribed version**
Image	55%	55%	55%	40%	65%	—

Writing	2%	1%	0%	32%	35%	—
Sound effects	18%	18%	18%	18%	—	35%
Speech	25%	26%	27%	10%	—	65%

Quelle: Gottlieb 2005, S. 14.

Wie die Tabelle 2 zeigt, entnehmen die Zuschauer (ausgenommen die Audiodeskription für Sehbehinderte) den größten Teil an Information den Bildern. Welche Rolle dabei die Sprache spielt und wie sich Wort und Bild einander ergänzen, wird im folgenden Abschnitt behandelt.

3. Semiotische Kohäsion

Der Begriff der Kohäsion wurde von Halliday und Hasan (1976) entwickelt, um die Bindungskraft eines (zunächst verbalen) Textes und die linguistischen Textverknüpfungsmittel zu benennen. Die Kohäsionsbeziehungen beschreiben die Autoren wie folgt:

> Cohesive relations are relations between two or more elements in a text that are independent of the structure; for example between a personal pronoun and an antecedent proper name, such as *John…he*. (Halliday, Hasan 1976, S. vii; zit. n. Vater 2001, S. 29)

Den textlinguistischen Begriff hat F. Chaume (2004) erweitert, indem er nicht nur textuelle, sondern auch visuelle Information miteinbezog und damit das Konzept der Kohäsion auch auf Filme und anderes audiovisuelles Material sowie auf audiovisuelle Translation angewandt hat. Die Wechselwirkung von Bild und Wort bezeichnet er mit dem Terminus *semiotische Kohäsion*. Auch J. Díaz Cintas und A. Remael (2009, S. 49) teilen den Ansatz der semiotischen Kohäsion. Auf der Bildebene liefern, den Autoren gemäß, sowohl die diegetischen Bestandteile des Films (also direkt zur Handlung gehörende), wie Gestik oder Blicke der handelnden Personen, als auch die nichtdiegetischen Bestandteile (d. h. außerhalb der tatsächlichen Handlung), wie Kamerabewegung oder Schnitt, die für das Verständnis des Films benötigte visuelle Information. Zusätzliche Details werden auch durch Einstellung, Besetzung, Kostüme usw. vermittelt. Die Dialoge können entweder ergänzend zu der durch Bilder vermittelten Information eingesetzt werden oder sie wiederholen denselben Inhalt wie die Bilder. Dies bedeutet, dass ein Großteil an Information in Filmen redundant verwendet wird. (ebd., S. 50)

Die Redundanz ermöglicht es, dass in polysemiotischen Texten der Rezipient die im Dialog fehlende Information durch den visuellen Kanal ergänzen kann im Unterschied zu monosemiotischen Texten, in denen die Vervollständigung der Information nur aus anderen Passagen des verbalen Textes möglich ist. Während in der Schriftsprache meistens eine Situationsbeschreibung vor, inmitten oder nach einem Dialog nötig ist, erleben die Beteiligten im Film die Gesprächssituation, d. h. sie verfügen über ein gemeinsames Wissen und können daher ihre verbalen Äußerungen sehr implizit gestalten, und zwar beim vermehrten Einsatz von kohäsiven Mitteln. Besonders augenfällig offenbart sich dies bei der Referenz in audiovisuellen Texten, worauf in folgenden Abschnitten näher eingegangen werden soll.

4. Deixis versus Anapher

Von den fünf von Halliday und Hasan (1976) vorgeschlagenen Relationstypen im Text – nämlich der Referenz, der Substitution, der Ellipse, der Konjunktion und der lexikalischen Kohäsion – ist die erste für den vorliegenden Beitrag von besonderer Bedeutung. Das Referieren kann, laut S. Tanaka (2011, S. 4), durch drei unterschiedliche Prozeduren erfolgen: die symbolisierende, die deiktische und die anaphorische. Die symbolisierende Prozedur ist die wichtigste in allen natürlichen Sprachen, wobei Dinge im weitesten Sinne durch ihnen zugeordnete Namen genannt werden. Sprachpragmatisch interessanter und für die Übersetzungspraxis (besonders von audiovisuellen Texten) relevanter sind die anderen zwei – Deixis und Anaphorik –, die eigentlich, wie F. Lenz (1997, S. 26) in Anlehnung an K. Bühler behauptet, „zwei Formen oder Modi desselben Zeigphänomens sind, die jedoch in verschiedenartigen Zeigfeldern ablaufen“.

Gemeinsam sind den beiden Phänomenen nicht nur die meistenteils gleichen sprachlichen Ausdrücke, sondern auch die zeigende, verweisende, aufmerksamkeitserregende Funktion (ebd.). Außerdem hat weder die Deixis, noch die Anapher einen klar definierbaren lexikalischen Inhalt, was der symbolisierenden Prozedur typisch ist. Der Unterschied zwischen der Deixis und der Anaphorik liegt, wie gesagt, in den verschiedenen Zeigfeldern, und zwar gilt die erste als exophorisches, d. h. textexternes, und die zweite als endophorisches, d. h. textinternes, Referieren.

Durch deiktische Prozedur verweist der Sprecher auf etwas, „das in der Sprechsituation physisch präsent ist" (Tanaka 2011, S. 4) und dadurch wird dieses „etwas" in den Text eingefügt. Vereinfacht ausgedrückt, zeigt der Sprecher dem Hörer mit einer Geste etwas, um somit einen gemeinsamen Bezug zum Gezeigten unter den Gesprächspartnern herzustellen. Wie F. Lenz (1997, S. 26), beruhend auf K. Bühler (1934, S. 112), bemerkt, müssen die Zeiggesten nicht unbedingt eine wörtlich gemeinte Finger- oder Handgeste sein, auch die Blickrichtung des Sprechers, seine Stimme o. Ä. können die Zeigefunktion erfüllen.

Die Anaphora sind dagegen textintern, d. h. sie referieren nicht mehr auf die unmittelbare Wirklichkeit bzw. den Wahrnehmungsraum des Sprechers, sondern auf Dinge oder Sachverhalte im Text, die in den meisten Fällen durch die symbolisierende oder durch die deiktische Prozedur in den Text schon eingeführt worden sind. Bei anaphorischer Prozedur verbindet der Sprecher einen anaphorischen Ausdruck mit seinem Bezugswort, das schon vorher genannt worden ist oder – viel seltener – erst später im Text erwähnt wird. Im ersten Fall, wenn der Bezug auf ein vorangehendes Element im Text genommen wird, spricht man von der eigentlichen Anapher, den zweiten Fall, und zwar den Vorwärtsverweis, nennt man Katapher.

Besonders deutlich manifestieren sich die unterschiedlichen Zeigfelder (Lenz 1997, S. 26) oder Verweisräume (Tanaka 2011, S. 23) der Deixis und der Anaphorik im audiovisuellen Material, speziell in Filmen, weil hier, wie schon ausgeführt worden ist, die Information über vier Zeichensysteme übermittelt wird. Demnach ergibt sich, dass die Anaphorik als textinternes Phänomen hauptsächlich durch den verbalen auditiven Kanal erfolgt. Natürlich ist der nonverbale visuelle Kanal ebenfalls in den meisten Fällen für das Verständnis vonnöten, jedoch nicht primär für die Zuordnung des anaphorischen Elements, sondern eher für die Identifizierung seines Bezugswortes als ein Objekt auf der nonverbalen visuellen Ebene. Die Deixis erfolgt dagegen primär durch den visuellen nonverbalen Kanal, in manchen Fällen entfallen die verbalen deiktischen Elemente sogar völlig. Das Problem, das hier aufgegriffen werden soll, entsteht dadurch, dass sich sowohl die Anaphorik, als auch die Deixis derselben sprachlichen Mittel bedienen und auf der Textebene, d. h. durch den verbalen auditiven bzw. verbalen visuellen (einschließlich Untertitel) Kanal, nicht ohne weiteres auseinandergehalten werden können. Im folgenden Abschnitt werden ein paar Beispiele aus Filmübersetzungen analysiert, um dieses Problem zu veranschaulichen.

5. Deixis und Anapher in der Filmübersetzung

Die hier analysierten Filmübersetzungsfälle wurden von den Studierenden der deutschen Philologie im 3. und 4. Studienjahr angefertigt. Natürlich liegt ein großer Teil von Fehlern an mangelnden Sprachkenntnissen der Studierenden und unzureichender Erfahrung in der übersetzerischen Tätigkeit. Jedoch kann man nicht ausschließen, dass ähnliche Probleme bei der Interpretation und Übersetzung von Deixis und Anaphorik auch in der Arbeit von mehr erfahrenen audiovisuellen Übersetzern entstehen.

Die Untersuchung wird in folgenden Schritten durchgeführt: zunächst wird die Übersetzung eines ausgewählten Filmausschnitts von Studierenden (mit entsprechenden Timecodes) angegeben, darauf folgt eine Fehleranalyse, Ursachenbestimmung von Fehlern, kurze Schilderung der durch den visuellen Kanal wiedergegebenen Information, Vergleich mit dem durch den verbalen Kanal wiedergegebenen Text und anschließend wird ein Vorschlag einer besseren Übersetzungsvariante angeboten. An dieser Stelle muss angemerkt werden, dass die Übersetzung für Untertitelung angefertigt wird, daher sind Verkürzungen im Zieltext nicht nur möglich, sondern auch erwünscht.

Die zwei zur Analyse gewählten Beispiele sind nicht nur verschiedenen Filmen entnommen, sondern unterscheiden sich von einander auch durch die Expansion des narrativen Kontextes von deiktischen Ausdrücken.

5.1. Beispiel aus dem Film „Basta. Rotwein oder Totsein“

Als erstes Beispiel soll ein Szenenausschnitt aus dem Film von P. Danquart „Basta. Rotwein oder Totsein“ (Originaltitel des Drehbuchs ist „C(r)ook“) besprochen werden. In der Tabelle 3 wird der Originaltext und eine mögliche, von einer Dreiergruppe von Studierenden angefertigte Übersetzung ins Litauische angegeben (im Folgenden wird stets stellvertretend von einem Übersetzer gesprochen).

Tabelle 3. Referenzprobleme bei der Übersetzung: Beispiel 1

Timecode	Originaltext	Mögliche Übersetzung
00:04:08,727 --> 00:04:12,163	Hast du **sie** benutzt? Wie bitte?	Ar tu **juos** naudojai? Prašau?
00:04:15,847 --> 00:04:17,883	Maria! Die **Krabben**!	Marija! **Krabai**!
00:04:19,167 --> 00:04:22,364	Willst du die **Tierchen** wieder abspülen? Du hast **sie** benutzt.	Ar nuplausi **juos**? Tu **juos** naudojai.

Obwohl die semantische Kombinierbarkeit von *Krabben* und *benutzen* (entsprechend im Litauischen *krabai* und *naudoti*) nicht gerade typisch erscheint, ist die Übersetzung des Ausschnitts ins Litauische sowohl grammatisch, als auch semantisch gesehen, möglich (angenommen, man betrachtet ausschließlich die verbale Ebene). Das Pronomen *sie* im ersten Fragesatz wurde als Katapher identifiziert, das auf das Substantiv *Krabben* vorverweist. Das Substantiv *Tierchen* wurde als Synonym referenzidentisch zu *Krabben* verstanden und das letzte Pronomen *sie* als Anapher, die sich ebenfalls auf denselben Referenten bezieht. Anders gesagt, hat der Übersetzer in dem ganzen Ausschnitt nur ein Objekt (der dritten Person) erkannt, über das beide Gesprächspartner diskutieren. Dies kam zustande, weil der Übersetzer höchstwahrscheinlich den Skript übersetzt hat ohne den Film zu sehen, denn durch den visuellen Kanal vermittelte Information ergibt einen ganz anderen Sinn.

In der Szene werden abwechselnd Oskar in der Küche und seine Lebenspartnerin Maria im Badezimmer gezeigt. Während Oskar das Essen vorbereitet, putzt sich Maria die Zähne. Dabei entdeckt sie in Oskars Kulturtasche eine Pistole. Sie zieht die Pistole vorsichtig raus und geht die Waffe in der Hand und mit der Zahnbürste und voller Schaum im Mund in die Küche zum Oskar. Das Pronomen *sie* im ersten Satz der Szene, genauer in der Frage *Hast du sie benutzt?*, bezieht sich also nicht auf die Krabben, sondern auf die Pistole. Oskar fragt nach *Wie bitte?*, weil er erstens mit dem Rücken zur Maria steht und weder sie, noch die Waffe sieht, und zweitens weil Maria wegen der Zahnbürste und Schaum im Mund sehr undeutlich spricht. Deshalb geht Maria zur Spüle, in der abgespülte Krabben liegen, und spuckt alles darauf. Oskar reagiert besorgt *Maria, die Krabben!* Er geht zur Spüle, schaut auf die Krabben und sagt *Willst du die Tierchen wieder abspülen?*. Während dessen betrachtet Maria die Pistole genauer, sie riecht am Pistolenrohr und sagt schließlich *Du hast sie benutzt*.

Es geht in der Szene also nicht nur um Krabben (referenzidentisch ist in dem Ausschnitt nur das Hyperonym *Tierchen*), sondern um eine Pistole, die im Dialog, d. h. auf der verbalen Ebene, nicht in ihrer symbolisierenden Funktion genannt wird, sondern ausschließlich deiktisch, d. h. als Pronomen *sie*. Identifizierungsschwierigkeiten entstehen also hauptsächlich dadurch, dass der Übersetzer nur den Skript, also nur den verbalen Kanal berücksichtigt hat, die visuelle Information aber unbeachtet blieb. Der tatsächliche Referent des Pronomens *sie* wurde allerdings in dieser Szene ausschließlich über den visuellen Kanal vermittelt.

Zur fehlerhaften Interpretation dieses Beispiels fühte auch die Mehrdeutigkeit des deutschen Personalpronomens *sie*: wenn man den Skript hat und die Klein- bzw. Großschreibung

berücksichtigt, so kann das Pronomen *sie* sowohl die dritte Person Singular, als auch die dritte Person Plural bedeuten, zumal es in den behandelten Äußerungen keine konjugierten Verben erscheinen, die auf den Numerus hinweisen würden. Da als einziger Gegenstand, der in dem Szenenausschnitt verbal symbolisierend genannt wird, die Krabben, also Substantiv in der 3. Pers. Pl., ist, wurde das Pronomen entsprechend ins Litauische übertragen, also mit *juos* (3. Pers. Pl. mask. Akk.). Hier muss man ebenfalls darauf hinweisen, dass das Genus der Gegenstände in der Ausgangs- und in der Zielsprache unterschiedlich sein kann, wie im Fall von dt. *die Pistole* bzw. *Waffe* – lt. *pistoletas* bzw. *ginklas*. Die angebotene Übersetzung ist also keinesfalls befriedigend, weil das gewählte Pronomen im Zieltext den Referenten im Ausgangstext weder im Numerus noch im Genus entspricht. Zu korrigieren wäre die Übersetzung z. B. wie in der Tabelle 4.

Tabelle 4. Mögliche Übersetzungskorrektur: Beispiel 1

Timecode	Originaltext	Mögliche Übersetzung
00:04:08,727 --> 00:04:12,163	Hast du **sie** benutzt? Wie bitte?	(Ar tu ~~juos~~ jį naudojai?) Naudojai jį? Prašau?
00:04:15,847 --> 00:04:17,883	Maria! Die **Krabben**!	Marija! **Krabai**!
00:04:19,167 --> 00:04:22,364	Spül **die Tierchen** wieder ab. Du hast **sie** benutzt.	Nuplauk **juos**. ~~Tu juos n~~Naudojai.

An dieser Stelle muss noch angemerkt werden, dass die verkürzte Übersetzung des vorletzten Satzes (die Substitution des Substantivs *Tierchen* durch Pronomen *juos*) als angemessen erscheint, weil es um Untertitel geht, die bestimmten Platzbeschränkungen unterliegen.

5.2. Beispiel aus dem Film „Das Leben ist eine Baustelle“

Ein weiteres Beispiel zu Referenzproblemen bei der Übersetzung stammt aus dem Film „Das Leben ist eine Baustelle“ von Wolfgang Becker. Der Ausgangs- und der mögliche Zieltext eines kurzen Szenenausschnits, der hier analysiert wird, ist der Tabelle 5 zu entnehmen.

Tabelle 5. Referenzprobleme bei der Übersetzung: Beispiel 2

Timecode	Originaltext	Mögliche Übersetzung
00:02:34,080 --> 00:02:36,600	Sylvia, **das** ist scharf.	Silvija, **jis** aštrus.
00:02:36,680 --> 00:02:40,280	Quieken **die** eigentlich noch, wenn du...	Ar **jie** dar cypia, kai tu…
00:02:40,320 --> 00:02:44,280	Nee, **die** sind schon tot.	Ne, **jie** jau būna negyvi.

Aus der Übersetzung des ersten Deiktikons, und zwar des Demonstrativpronomens *das*, durch das litauische Personalpronomen der 3. Pers. maskulinum ist ersichtlich, dass der Übersetzer nicht nur den verbalen Text, sondern auch die nonverbale visuelle Information beachtet hat. Nur visuell ist nämlich ersichtlich, dass sich das Pronomen auf ein Messer bezieht, das Sylvia ansieht. Die erste Aussage stellt dem Übersetzer also keine Schwierigkeiten, aber nur, weil sowohl der Text, als auch das Bild als gleichwertige Konstituenten der Bedeutung berücksichtigt wurden.

Dagegen bereiten die nächsten zwei Aussagen einige Schwierigkeiten. Aus den Verbformen des verbalen Dialogs (d. h. auf der grammatischen Ebene) kann man entnehmen, dass es sich um mehrere Objekte handelt, das heißt, der Referent von Demonstrativpronomen *die* ist ein Substantiv im Plural. Entsprechend wurde das litausiche Personalpronomen im Plural maskulinum *jie* gewählt. Worauf sich aber das Pronomen bezieht, wird weder durch den verbalen, noch durch den simultan wiedergegebenen visuellen Kanal deutlich. Visuell werden in der Szene die Hauptfigur Jan und eine Freundin von ihm Sylvia im Schlafzimmer gezeigt. Sie hat sein großes Messer aus einer Messerscheide gezogen und betrachtet es nun. Daher ist die Referenz der ersten Aussage (*Sylvia*,

das ist scharf) eindeutig. Durch den verbalen Kanal ergibt sich auch, welche Tätigkeit Sylvia meint, die aus dem verbalen abgebrochenen Nebensatz nicht erkennbar ist. Sylvia macht mit dem Messer zwei Streichgesten in der Luft (von links nach rechts und umgekehrt), so dass man daraus ahnen kann, dass mit dem Messer jemand getötet wird, der (eigentlich *die*, denn es handelt sich um Objekte im Plural) die als Quieken bezeichnete Laute hervorbringt/en. Aber worauf sich das Pronomen *die* in beiden weiteren Aussagen bezieht und welche Laute genau das Verb *quieken* bezeichnet, ist aus dem unmittelbaren visuellen Kontext ebenfalls unklar wie aus dem verbalen Text[105]. Erst im Laufe des Films (Timecode 00:16:33) wird klar, dass Jan in einem Schweineschlachthof arbeitet. Daher referiert das Demonstrativpronomen *die* im behandelten Filmausschnitt auf die Schweine und sollte mit einem Pronomen im Plural femininum ins Litauische übersetzt werden, wie in Tabelle 6 angegeben. Entsprechend sollte auch das Verb *queiken* als *žviegia* übersetzt werden, weil es als das typische verbale Kollokat zum Substantiv *kiaulė* gilt.

Tabelle 6. Mögliche Übersetzungskorrektur: Beispiel 2

Timecode	Originaltext	Mögliche Übersetzung
00:02:34,080 --> 00:02:36,600	Sylvia, **das** ist scharf.	Silvija, **jis** aštrus.
00:02:36,680 --> 00:02:40,280	Quieken **die** eigentlich noch, wenn du...	Ar ~~**jie**~~ **jos** dar ~~cypia~~ žviegia, kai tu…
00:02:40,320 --> 00:02:44,280	Nee, **die** sind schon tot.	Ne, ~~**jie**~~ **jos** jau būna nebegyvi~~i~~os.

Im Unterschied zum ersten analysierten Beispiel, in dem die deiktischen Elemente des Dialogs aus dem unmittelbaren Kontext, d. h. aus dem Zusammenspiel vom verbalen und visuellen Kanal der Szene erfolgreich interpretiert werden können, ist im zweiten Beispiel ein größerer Filmausschnitt oder sogar der gesamte Film nötig, um die Deiktika in konkreten Aussagen entsprechenden Referenten zuordnen zu können.

6. Schlussfolgerungen

Audiovisuelle Texte zeichnen sich durch ihre Multimedialität aus, d. h. dadurch, dass der Sinn durch zwei parallel wirkende und einander ergänzende Kanäle, und zwar den visuellen und den akustischen, konstruiert wird. Da Übersetzer von monosemiotischen, d. h. schriftlichen Texten gewöhnt sind, sich ausschließlich auf die verbale Information zu konzentrieren, bleibt manchmal die visuelle Information, die eigentlich in den meisten Fällen noch wichtiger für das Verständnis des gesamten audiovisuellen Materials ist, unbeachtet. Im Fall von Referenz handelt es sich sowohl bei der Anapher, als auch bei der Deixis um vielfach übereinstimmende sprachliche Mittel, dadurch entstehen bei der Übersetzung audiovisueller Texte Zuordnungsprobleme. Durch die Erfahrung mehr mit schriftlichen Texten zu arbeiten, neigt man zuweilen dazu, die Pronomen, die sich durch eine schwache semantische Kraft auszeichnen und ihre tatsächliche Bedeutung erst im Kontext erhalten, als Anapher (bzw. Katapher), also textlinguistisch, zu interpretieren. Zusätzliche Schwierigkeiten bereiten unterschiedliche grammatische Kategorien im Deutschen und im Litauischen, die zu fehlerhaften Interpretation der pronominalen Referenz als Anapher führen oder diese Interpretation verstärken. Dabei geht es in manchen Fällen um die Deixis, d. h. um ein Phänomen nicht auf der Text-, sondern auf der pragmatischen Ebene des polysemiotischen Diskurses.

Übersetzungspraktisch wird generell empfohlen, vor dem Übersetzen eines (gewöhnlichen, verbalen) Textes ihn ausführlich zu analysieren. Bei Filmen ist entsprechend die Analyse auf allen Wort-, Bild- und

[105] Obwohl das typische Kollokat des Verbs *quieken* das Substantiv *Schwein* ist (die Suche im Cosmas II Korpus unter https://cosmas2.ids-mannheim.de am 22.09.2012. ergab 37 Treffer), sind auch andere Kollokationen durchaus möglich: Ferkel (in Verbindung mit *quieken* 12 Treffer), Hamster (6), Meerschwein (5), Ratte (4). Pragmatisch gesehen, wenn man das Weltwissen zur Interpretation der Aussage einsetzt, ist der wahrschenlichste Referent *Schweine*.

Sound-Ebenen unabdingbar, unter anderem auch um Deiktika im Film adäquat interpretieren und übersetzen zu können.

QUELLEN

BECKER, W., 1997. *Das Leben ist eine Baustelle*. Deutschland: Warner Home Video.
DANQUART, P., 2004. *Basta. Rotwein oder Totsein*. Deutschland, Österreich: Euro Video.

LITERATUR

BÜHLER, K., 1934. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: Gustav Fischer.
CHAUME VARELA, F., 1998. Textual Constraints and the Translator's Creativity in Dubbing. In: A. Beylard-Ozeroff, J. Králová, B. Moser-Mercer, eds. *Translators' Strategies and Creativity*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. S. 15-22.
CHAUME, F., 2004. *Cine y traducción*. Madrid: Cátedra.
DÍAZ CINTAS, J., REMAEL, A., 2009. *Audiovisual Translation: Subtitling.* Manchester: St. Jerome Publishing.
GOTTLIEB, H., 2005. *Multidimensional Translation: Semantics turned Semiotics.* Proceedings of the Marie Curie Conference 'Challenges in Multidimensional Translation'. 2-6 Mai 2005, Saarbrücken. http://euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_Gottlieb_Henrik.pdf [Stand: 03.05.2012]
HALLIDAY, M. A. K.; HASAN, R., 1976. *Cohesion in English*. London: Longman.
KATZ, E., 1998. *The Film Encyclopedia*. New York: Harper Collins.
KOZLOFF, S., 2000. *Overhearing Film Dialogue*. Berkeley; Los Angeles: Unversity of California Press.
LENZ, F., 1997. *Diskursdeixis im Englischen: sprachtheoretische Überlegungen und lexiko-grammatische Analysen*. Tübingen: Niemeyer.
TANAKA, S., 2011. *Deixis und Anaphorik – Referenzstrategien in Text, Satz und Wort*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
VATER, H., 2001. *Einführung in die Textlinguistik: Struktur und Versetehen von Texten*. 3. überarb. Aufl. München: Fink.

Danguolė Satkauskaitė
Vilniaus universitetas Kauno humanitarinis fakultetas

DEIKSĖS IR ANAFOROS PROBLEMA FILMŲ VERTIMUOSE

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjama problema – daugiasluoksnė, todėl jame derinami audiovizualinio vertimo, lingvistinės pragmatikos, teksto lingvistikos ir gramatikos disciplinų aspektai. Problema kyla dėl kelių priežasčių. Pirma, įprastų referencijos rūšių – deiksės ir anaforos – kalbinės realizavimo priemonės iš dalies sutampa, todėl jas atskirti kartais sudėtinga. Tačiau jos skiriasi savo realizacija. Anaforą paprastai tiria teksto lingvistikos mokslas, nes ji realizuojama teksto viduje, o deiksės antecendentų paprastai neįmanoma išsiaiškinti neturint viso konteksto, t. y. ji pirmiausiai realizuojama nekalbiniame lygmenyje, už verbalinio teksto ribų. Antra, skiriasi originalo kalbos ir vertimo kalbos gramatinės kategorijos, konkrečiu atveju – įvardžių. Ir trečia, vertėjai, įpratę dirbti su monosemiotiniais tekstais, t. y. įprastais, rašytiniais arba sakytiniais, didžiausią dėmesį skiria teksto analizei, vadinasi, koncentruojasi tik į verbalinį lygmenį. Tačiau audiovizualinis tekstas, pavyzdžiui, filmai, yra polisemiotiniai konstruktai, kuriuose reikšmė kuriama verbalinės, neverbalinės, vizualiosios ir audityviosios ženklų sistemų sąveikoje. Dažnai vizualusis lygmuo reikšmės kūrimui ir suvokimui netgi svarbesnis už verbalinį. Todėl norint adekvačiai interpretuoti ir išversti filme vartojamus deiksinius elementus, būtina išsami visų lygmenų sąveikos analizė.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: deiksė, anafora, audiovizualinis vertimas, multimedialumas, semiotinė kohezija.

Valentina Talerko
Universität Daugavpils
Vienības 13, Daugavpils, Latvija, LV5401
vtalerko@inbox.lv

DIALOG MIT DEM BILD: ZUR WAHRNEHMUNG DES PORTRÄTS IN DER FRÜHEN PROSA VON TH. STORM

Der Artikel ist der Veränderung des Weltbildes im frühen prosaischen Schaffen von Th. Storm gewidmet. Die Wahrnehmung des Porträts unterscheidet sich in jeder von 10 analysierten Novellen und weist auf politische, gesellschaftliche, kulturelle usw. Besonderheiten der damaligen Situation in Deutschland hin. Besondere Bedeutung bekommen die Veränderungen in den Funktionen der Bilder: von der präsentativen zu der intim – persönlichen. Mit Verstärkung der intim – persönlichen Funktion werden die auf den Bildern dargestellten Personen mit Eigenschaften der lebenden Menschen versehen.

SCHLÜSSELWÖRTER: Novelle, Protagonist, Bild, Funktion, Weltbild, Kontakt.

Das frühe Prosawerk von Th. Storm analysierend, stößt man fast in jeder Novelle auf die Erwähnung der Bilder, die in manchen Fällen als Kommunikationspartner der sie betrachtenden Protagonisten wahrgenommen werden können. Jedes Porträt, das die Persönlichkeit in ihrer Zeit darstellt, kann im Zuschauer besondere Gedanken und Gefühle wecken (Singer (Зингер)1986, S. 95). Als Hypothese der vorliegenden Forschung kann die Vermutung dienen, dass man nicht nur die geschichtliche Entwicklung der Bilder vom Sichtpunkt der Technik verfolgen kann. Von größerer Bedeutung sind die Veränderungen im Weltbild des Autors, die sowohl in Zeit- und Raumrelationen als auch in einzelnen Aspekten vorkommen, wie z.B. in der Wahrnehmung eines Bildes.

In der frühen Novelle Storms „Posthuma“ (1849), in der die Bilder zum ersten Mal erwähnt werden, schaffen sie die Atmosphäre eines wohlhabenden Hauses: „...er konnte die Bilder an den Wänden erkennen“ (Storm 1972, 1, S. 525). Diese Novelle zeigt einige gemeinsame Züge mit der Novelle von Heine „Florentinische Nächte“. Aber anstelle der emotional gefärbten Rede des Erzählenden bei Heine kommt eine betont nüchterne Schilderung bei Storm, und das macht eine der wichtigsten Besonderheiten in seiner Darstellungsweise aus. Deshalb fehlt auch das die Geliebte darstellende Bild.

Die Bilder von Menschen und Gegenden, die den alten Reinhard an seine früheren Begegnungen („Immensee“, 1850) und Wanderungen erinnern sollen, offenbaren den Wunsch des Protagonisten, an seinem Lebensabend physische Erholung und psychische Ruhe in seinem eigenen Haus zu finden. Wenn der junge Reinhard den Lebensweg eines typischen Romantikers zurücklegte (Wanderungen, Sammeln von Volksliedern, Beschäftigungen mit Repositorien), so ist der ältere Reinhard in einer gemütlichen Hausatmosphäre dargestellt, in der Erinnerungen und Versöhnungs- und Resignationsgefühle über die Leidenschaft dominieren. Die bekannte Szene aus „Immensee“, in der die Augen Reinhards dem sich bewegenden Mondstrahl folgen und zum Bild von Elisabeth kommen, bringt den Protagonisten in die für Erinnerungen passende Stimmung.

Die Novelle „Im Sonnenschein“ (1854) erwähnt zum ersten Mal ein steinernes Bild, dessen Motiv im späteren Schaffen Storms noch mehrmals vertieft und erweitert werden wird. Diese kleine Novelle ist dadurch interessant, dass hier zwei Arten von Bildern genannt werden – „das marmorne Bild einer Flora“ (Storm 1972, 1, S. 546) und „die kleinen Familienbilder[n], die in silberner Fassung über dem Sofa hingen“ (ebda, S. 550). Die marmorne Statue dient der äußeren Darstellung der wohlhabenden Familie, ihrem Streben, das Familienleben mit äußeren Attributen auszurichten, die früher für den Adel charakteristisch wurde. Dieses Merkmal verbindet die Novelle „Im Sonnenschein“ mit der schon erwähnten Novelle „Posthuma“.

Die Novelle „Im Sonnenschein“ offenbart weitere für Storm neue Darstellungsverfahren. Unter den kleinen, an die Wand gebrachten Familienbildern findet der junge Protagonist eins, das ihn am meisten interessiert und am innigsten anspricht – das Bild des verstorbenen jungen

Mädchens, eigentlich seiner Tante. Das Geheimnis ihrer Liebesgeschichte erweckt seine Neugier und lässt die Großmutter sich an das Vergangene erinnern. Der Protagonist sucht nach der Antwort nicht im Bild selbst, sondern bei einem Vermittler. Zum ersten Mal aber versucht der Protagonist sich die auf dem Bild dargestellte Person lebendig vorzustellen: „Der Garten, wie er ihn als Knabe noch gesehen, trat vor seine Phantasie; er sah sie darin wandeln zwischen den seltsamen Buchsbaumzügen; er hörte das Knistern ihres Schuhes auf den Muschelsteigen, das Rauschen ihres Kleides.“ (ebda, S. 551) Dieses Verfahren zeugt vom steigenden Interesse des Autors für Psychologie. Zusammen mit Dietlind Gentsch kann man betonen, dass „der Bürger in jener Zeit auf seine Person und deren Abbild ebensolchen Wert legte, wie es vordem nur der Adel mit sich und seinen Ahnen tun konnte“ (Gentsch 1979, S. XXXIII).

In der Idylle „Späte Rosen“ (1860) hilft das Bild dem Protagonisten seine eigenen Gefühle zu verstehen. Nach den Jahren der ruhigen Ehe hat der Protagonist das Bild seiner eigenen Frau in ihrer Jugendzeit geschenkt bekommen. Das Betrachten des Porträts, das gemeinsame Lesen der Legende über Tristan und Isolde haben seine Gefühle erfrischt: „Dies Antlitz vor mir hatte dem Leben, meinem eigenen Leben angehört; so war sie einst gewesen, die vor vielen Jahren ihre Hand in meine legte, die noch an meiner Seite lebte.“ (ebda, S.631) Der Protagonist empfindet scharf die Schönheit des ihn umgebenden Lebens, sei es Kunststücke, Dichtung oder Natur. Für Storm verbindet sich die Idylle in menschlichen Beziehungen und vor allem im Familienleben mit dem ästhetischen Gefühl.

Wenn man in den genannten Novellen den Familienstolz auf die im materiellen oder geistigen Bereich erfolgreichen Vorfahren bemerken kann, verabschiedet sich der Autor von dieser Auffassung in der Novelle „Im Schloß“, indem er seine Protagonisten ein gekauftes Haus bewohnen lässt. In diesem schlossartigen Haus sind die Bilddarstellungen der Vorfahren von alten Besitzern erhalten geblieben, aber für die heutigen Bewohner sind sie von keiner Bedeutung, denn eine ununterbrochene Generationsverbindung ist in diesem Fall unmöglich: „... die lebensgroßen Familienbilder bedeckten noch jetzt die Wände des im obern Stock gelegenen Rittersaales, wo sie vor einem halben Jahrhundert beim Verkaufe des Gutes mit Bewilligung des neuen Eigentümers vorläufig hängengeblieben und seitdem, wie es schien vergessen waren.“ (Storm 1972, 2, S. 7) Nicht einmal wird darauf hingewiesen, dass die auf den Bildern dargestellten Personen stumme und tote Gesichter haben. Besonders scharf empfindet die Protagonistin die Fremdartigkeit dieser stummen Gesellschaft nach dem Tod ihres Vaters. Die toten Gesichter auf den Bildern werden wie „der Krieg des Todes mit dem menschlichen Geschlechte“ (ebda: 19) wahrgenommen, in dem es nur einen bekannten Sieger gibt. Auch die Kindergesichter versetzen die Protagonistin in Angst: „...und wenn ich unter dem Bilde durch die Tür lief, war es mir, als blickten sie alle aus den kleinen begrabenen Gesichtern mit ihren beerschwarzen Augen auf mich herab.“ (ebda, S. 20) Alles hat sich in dem Moment verändert, als die Protagonistin nicht die Darstellung des Wohlhabens oder des Familienstolzes in Bildern sah, sondern das Bild eines jungen Gutsangehörigen zu betrachten begann, auf dem sie die wahren menschlichen Gefühle wie Trotz und Leiden entzifferte. Zuerst begann sie sich seine Spielgenossen und sein Leben vorzustellen, dann hatte sie das Gefühl, als ob seine Augen ihr folgten. Einmal erwiderte sie auf diesen Blick, indem sie vergaß, dass „diese jugendliche Gestalt nichts sei, als die wesenlose Spur eines vor Jahrhunderten vorübergegangenen Menschenlebens.“ (ebda, S. 22) Allmählich verdrängt das Gesicht des Jungen die Vorstellung vom lieben Gott, an den sich das Mädchen in seinen Träumen ab und zu wandte. In der Abendsonne scheint das Gesicht des Knaben lebendig zu sein, deshalb traut sich das Mädchen, das Bildnis zu küssen. In diesem Kuss ist der Ausdruck des kindlichen Glaubens an die Wunder, an den märchenhaften Frosch König: „Als ich oben stand, wallte mein Blut so heftig, dass ich das laute Klopfen meines Herzens hörte. Das Angesicht des Knaben war grade vor dem meinen; aber die Augen lagen schon wieder im Schatten, nur die roten fest geschlossenen Lippen waren noch von der Sonne beleuchtet. Ich zögerte einen Augenblick, ich fühlte, wie mir der Atem schwer wurde, wie mir das Blut mit Heftigkeit ins Gesicht schoss; aber ich wagte es und drückte leise meinen Mund darauf.“ (ebda, S. 21) Das Wunder ist nicht passiert, das Mädchen ist tief enttäuscht.

Diese Enttäuschung wird nicht vergessen, denn einige Jahre später versucht das Mädchen auf verschiedene Weise ihr Erwachsensein sich selbst und anderen zu beweisen. Eines der Mittel ist in diesem Fall das Vermeiden des Blickes auf das Bild mit dem Jungen. In ihrer Lebensauffassung entwickelt sich Anna von der romantischen zu der realistisch - wahrheitsgetreuen. Der realistisch denkende Oheim Annas untersucht Insekten und Pflanzen, er ist weit von der romantischen Auffassung der Liebe, die für ihn nur Angst vor dem Alleinsein ist. Er bemerkt hochmütig den gemeinsamen Zug bei Anna und Arnold, indem er die beiden „Phantasten" nennt. Für ihn sind nur konkrete Erscheinungen von Bedeutung, was man durch empirische Erfahrung erlernen kann.

Diese Novelle lässt sich als Versuch des Autors verstehen, verschiedene soziale Schichten, unterschiedliche Lebensauffassungen zu verbinden. Er versucht, das gesellschaftlich aktiv gewordene gebildete Bürgertum mit dem immer noch angesehenen Adel zu vereinigen. Der gebildete Bürger soll nach seiner Meinung aus altem Geschlecht stammen, seine uralte Herkunft beweisen können, das kann ihm das Recht geben, sich den adeligen gesellschaftlichen Kreisen zu nähern. Das Porträt als eine besondere Gattung der Malerei betont diejenigen Züge der Persönlichkeit, denen eine Bedeutungsdominante zugeschrieben wird. (vgl. Lotman (Лотман) 1998, S. 502) Anna erkennt Gesichtszüge Arnolds in der Darstellung des Jungen auf dem Bild, das sie vor vielen Jahren geküsst hat. Die Gestalt von Arnold in der Novelle „Im Schloß" weist in sich eine Kombination von adeligen und volkstümlichen Zügen auf: Einerseits ist das hohe Alter seiner Familie durch die Darstellung auf dem Gemälde bewiesen, andererseits sind seine Ahnen einfache Bauern. Eine soziale Versöhnung ist aufgrund der Ausbildung und allgemeiner Erziehung möglich: Arnold wird Professor, ein angesehener Mensch. In dieser Gestalt offenbarte sich der „Glauben des Autors an die Überwindung sozialpolitischer Klassenunterschiede – gerade durch das Einwirken von Wissenschaft und Kunst." (Küpper 2005, S. 107)

Am Ende der Novelle wird der Eindruck des Schwurs vor der Welt und den Menschen in vieler Hinsicht vermittelt, das Gespräch zwischen beiden und dem Oheim findet im Rittersaal vor dem Bild mit dem Jungen statt, der von seinem Bild auf sie herabschaut. Darin offenbart sich die Erfüllung der nicht geäußerten Bitte oder eines Vermächtnisses, die die Protagonisten mit ihrer Entscheidung erfüllt haben.

In der Idylle „Unter dem Tannenbaum" (1862) sind die Spuren des technischen Fortschrittes zu bemerken. Die Protagonisten betrachten das Lichtbild, auf dem die Eltern des Ehemanns aufgenommen wurden. Für die beiden Eheleute spielt das Beispiel des Elternhauses, seiner Organisation, der Familienbeziehungen und im Einzelnen der Familienfeste eine besondere Rolle, denn die Novelle stellt die Leute dar, die sich weit von ihrer Heimat befinden, was man als ersten stormschen Darstellungsversuch des Lebens der Emigranten verstehen kann. Da das Elternfoto auf dem Schreibtisch des Protagonisten seinen Platz finden soll, kann vermutet werden, dass das Leben dieses Ehepaars auch im Weiteren unter der Kontrolle der Elternblicke verlaufen soll.

Im Gespräch der alten Meta mit dem Lehrer (die Novelle „Abseits", 1863) wohnt unbemerkt die dritte Person bei – die Bilddarstellung von dem verstorbenen Ehrenfried. In ihren Äußerungen vermeiden die Protagonisten die Worte, die Ehrenfried beleidigen könnten, ungeachtet dessen, dass er schon vor einigen Jahren gestorben ist. Immer wieder schauen die Sprechenden auf sein getuschtes Bild an der Wand und überlegen ihre Formulierungen. Das Profilbild von Ehrenfried, auf das die Sprechenden mitunter blicken, offenbart die aus den geschnittenen Papierbildern entwickelte Mode in der Darstellung der Gesichter. Als Beispiel können zahlreiche Profilbilder der berühmten Philosophen, Komponisten, Dichter usw. aus dem 18.-19. Jahrhundert dienen. Das Profilbild in der Novelle kann noch auf eine damalige Besonderheit hinweisen. Storm als ausgebildeter Jurist konnte mit Identitätsbildern der Verbrecher in seiner juristischen Tätigkeit zu tun haben. Die Funktion des Erkennens offenbart sich in der Erwähnung des zweiten Bildes, nach dem die alte Meta ihren Neffen erkennen sollte*:* „Ein paarmal, während sie eilig die Briefe auf dem Tisch zusammenräumte, wanderte ihr Blick stutzig und forschend zwischen seinem Antlitz und dem noch vor ihr liegenden Lichtbildchen hin und wider. Als er aber nach Ablegung seiner schweren Wildschur mit der Hand über das buschige braune Haar strich und der eigensinnige Wirbel sofort wieder emporschnellte, da flog ein Lächeln glücklicher Gewißheit über ihr Gesicht. Sie streckte

beide Arme nach ihm aus; und: »Meine liebe Tante Meta!« rief der junge Mann.“ (Storm 1972, 2, S. 169)

Die Novelle „Von jenseit des Meeres“ (1865) ist in vieler Hinsicht das Resultat der inneren Auseinandersetzung des Schriftstellers mit dem Nachlass vieler Schriftsteller der Romantik. Es ist bekannt, dass Storm viele Werke von J. von Eichendorff, H. Heine, E.T.A.Hoffmann, E. Mörike und anderen gut kannte. Manche Motive und Themen finden im Schaffen von Storm ihre Erweiterung oder neue Einschätzung. Die Veränderungen in der Lebensauffassung von Storm, die die gesamte gesellschaftliche und philosophische Entwicklung widerspiegeln, offenbart am deutlichsten der Vergleich der Venusbilder in den Werken von Eichendorff („Das Marmorbild“, 1817) und von Storm („Von jenseit des Meeres“, 1864). Die Novelle von Eichendorff stellt zwei vertikal gegliederte Welten dar, deren Trennung auf verschiedene Weise illustriert wird: heidnisch und christlich, Licht und Dunkelheit, vertraut und fremd usw. (vgl. Schmitz – Emans 2007, S. 130f.). Diese Gliederung fehlt in der stormschen Novelle, der Ich – Erzähler betrachtet genau das nächtliche Leben des Parks, analysiert seine Gedanken und Gefühle, entstehende Assoziationen. Die beiden Protagonisten kommen zum Marmorbild in der Nacht, indem für die beiden Hauptfiguren die Skulptur unerwartet erscheint. Die Beschreibung der Venus zeigt gemeinsame Züge, was beweisen soll, dass Storm die Novelle von Eichendorff gut kannte. Aber wenn der Protagonist von Eichendorff keine Zweifel empfindet, dass er wirklich die antike Göttin vor sich sieht, die ihn zur Leidenschaft und dem drohenden Irrtum verführt, schätzt die stormsche Hauptfigur den guten Geschmack des Besitzers ein, der für „eine der schönsten Statuen aus der Zeit Louis Quinze“ (Storm 1972, 2, S. 199) in seinem künstlich angelegten Park den passenden Platz gefunden hat. Das Streben, durch äußere Mittel die innere Harmonie zu schaffen, offenbart sich nicht nur in der häuslichen Gemütlichkeit, sondern auch in der Garten- und Parkkunst jener Zeit. Nicht zufällig ist bei Storm der Verweis auf die Zeit des Rokoko, die Andeutung auf Sinnlichkeit und Erotik. Die Leidenschaft, die bei Eichendorff mit dem Venusbild in Verbindung kommt, ist gefährlich: „Als er [Florio] in seiner Verstörung ein Gebet spricht, verwandelt sich die schöne Umgebung ins Dämonische, die Dame selbst wirkt für einen Moment starr und wie tot, die steinernen Bildwerke in ihrem Gemach jedoch beleben sich, gemalte Figuren zeigen Florio ein lebendiges, aber feindliches Gesicht, und er flieht aus der bedränglichen Fülle der zauberischen Erscheinungen.“ (Schmitz – Emans 2007, S. 131) Der Protagonist von Storm geht in seinen Gefühlen vom kühlen Betrachten und der abgesonderten Begeisterung eines Kunstfreundes über zum Gefühl des Glücks und der leidenschaftlichen Erkenntnis, die in ihm die lebendige geliebte Frau hervorruft. Das unheimliche mystische Element, das in der Novelle von Eichendorff die antike, leidenschaftliche Welt begleitet, wird bei Storm schwach angedeutet, wodurch wieder die Verbindung zum Urtext Eichendorffs entsteht. Die Verschmelzung der Bilder, Vorstellungen, Gestalten in der nächtlichen Dunkelheit widerspiegeln die Schwankungen des inneren seelischen Prozesses des Autors, seine seelischen Bewegungen (vgl. Michailow (Михайлов) 1997, S. 552). Die Novelle von Storm überzeugt im allmählichen Sieg der Vernunft über die Einbildung und der realen, positivistisch wahrgenommenen Welt. Auch in dieser Novelle wie in der Novelle „Im Schloß“ wird die Fähigkeit der Menschen gezeigt, die auf den Bildern dargestellten Gestalten wie lebendige Menschen wahrzunehmen. Aber diese Fähigkeit wird in „Von jenseit des Meeres“ mit Humor und in Bezug auf die Kinder geschildert: „Er [der Bruder] erinnerte seine Nachbarin an verschiedene Bälle, auf denen sie in dem Harmoniesaale ihrer Vaterstadt getanzt, und an das lebensgroße Bild eines kleinen wohlbeleibten Amors, das dort an der Tapete gewesen. „Die jungen Damen“, sagte er, „hatten solche Scheu davor, daß es dort immer eine Lücke in der Tanzreihe gab.“

„Und Sie, Herr Vetter“, erwiderte meine Mutter, „waren recht darauf versessen, Ihre Dame immer wieder vor das verfemte Götterbild zu führen.“ (Storm 1972, 1, S. 210)

Der Autor verzichtet auf den direkten Dialog mit dem Bild auch in der Novelle „Eine Malerarbeit“ (1867) Diese Novelle kann man als einen Wendepunkt im Weltbild des Autors bezeichnen. Zum ersten Mal wird der physisch behinderte Mensch, der wegen seiner Unvollständigkeit leidet, zum Protagonisten. Für eine solche Gestalt ist die Familiengründung, die für Storm eine besondere Bedeutung hat, unmöglich oder fraglich. In dieser Novelle wird zum

ersten Mal das Problem der Alkoholsucht angedeutet, das eine direkte Verbindung zu seinen Familienangelegenheiten hatte. Außerdem spürt man in der Novelle den Humor des Autors, indem er den Protagonisten über seinen misslungenen Selbstmordversuch sprechen lässt: „Unter mir in den Binden saß freilich ein großer Frosch mit seiner ganzen Gesellschaft und suchte mir die Geschichte vorzusingen. Ich merkte wohl, daß sie von allem Bescheid wußten. Aber du weißt, ich bin immer ein schlechter Linguiste gewesen; ich verstand die Kerle nicht.“ (Storm 1972, 2, S. 280) Nach der Bemerkung von Fr. Sengle war in der Literatur des Biedermeier „eine Ironisierung mit satirischen Mitteln unmöglich und absurd“ (Sengle 1971, 1, S. 129), die Literatur des Realismus aber „gestattet keine scharfe Kritik, sondern nur den versöhnenden Humor, und da es nicht anders geht, die letzten Endes auch verklärende Tragik“ (ebda, S. 272).

Der Protagonist der Novelle ist Maler, er wählt für seine Bilder Themen und Gestalten nach seinem Wunsch und Talent aus. Deshalb wohnen seinen Bildern die Gestalten bei, die ihn selbst oder seine Bekannten darstellen. Durch ihre Darstellung erzählt er in seinen ersten Bildern von seinen Sorgen und Qualen, in späteren Gemälden über seine Versöhnungsgefühle und die Annahme der realen Wirklichkeit und seiner eigenen Persönlichkeit in dieser Welt. In diesem Fall tritt das Bild als eine Mitteilung des Malers auf, seine auf der Sprache der bildenden Kunst formulierte Sendung an diejenigen, die diese Sprache begreifen können. Der Dialog findet nicht mit der dargestellten Persönlichkeit, sondern mit der zu vermittelnden Idee, dem ganzen Gedankenkoplex des Malers statt. Das Bild bringt die Protagonisten zu einer Besprechung der geschilderten Personen und den Erzähler zur Analyse des Dargestellten.

Storm weist selbst auf die unterschiedliche Wahrnehmung der Bilder in seiner späteren Novelle „Eine Halligfahrt“ (1870) hin. Vom Geschmack der älteren Generation, von ihrer Vorliebe in führenden Politikern ihre Vorbilder zu sehen wird mit leichtem Humor berichtet. Auch hier kommt die Identifizierungsfunktion in den Vordergrund, denn der alte Geigenspieler vergleicht die sich versammelte Gesellschaft mit den Abbildungen an den Wänden. Diese Bilder sollten das politische und gesellschaftliche Gewicht dieser Familie beweisen, deshalb sind sie in der Innenausstattung unentbehrlich. Außer den großen dicken Goldrahmen befinden sich kleinere, aber für die Protagonistin wichtigere Darstellungen von Goethe und Mozart. Durch die Erwähnung von diesen großen Namen wird mitgeteilt, dass in der Wahrnehmung der Protagonistin Dichtung und Musik gleich wichtig sind. Diese zwei Kunstarten waren für deutsche Romantiker von größter Bedeutung, der romantische Held empfand sich als Genie, konstruierte seine Verbindung zum Universum. Der alte Romantiker, genialer Künstler, spielt zum letzten Mal seine Geige. Obwohl er seine Kunst als Heiligtum empfindet, akzeptiert er auch den schönen Gesang der Knaben, „behagliches Klatschen und laute Komplimente der jungen Kavaliere.“ (Storm 1972, 2, S. 318) Die Bewertung der anwesenden Gesellschaft offenbart sich in den Worten: „Sie haben dich gescholten, Eveline“ (ebda, S. 319). So wird klar, dass der Vergleich mit den Bildern nicht zugunsten der Beiwohnenden gemacht wurde.

Schlussfolgernd kann festgestellt werden, dass Storm nur einmal eine romantische Darstellung der Landschaft erwähnt, aber es gibt in der Darstellung des Menschen keine Beschreibung des in die Ferne gerichteten Blickes oder eines träumenden Gesichtsausdrucks, die man als romantisch auffassen könnte (vgl. Lotman (Лотман) 1998, S. 503). In Werken von E.T.A.Hoffmann oder E. Mörike machten die Bilder auf den Zuschauer einen schauderhaften Eindruck, sie konnten auf die Zuschauer einwirken, sie ihrer Macht unterziehen. Die Entwicklung in der Wahrnehmung des Bildes kann wie folgt dargestellt werden:

- der Autor beginnt mit der Widerspiegelung der alten, offiziellen Präsentationskunst (vgl. Lotman (Лотман) 1998, S. 511)
- der Mensch wird allmählich in seinem Alltag (zu Hause, im Park, im Garten) dargestellt (vgl. ebda)
- die dargestellten Personen bekommen Züge der nahen Verwandten. Die Bilder verlieren mit der Zeit ihre Präsentierungsfunktion der Familie. Die Darstellungen bekommen individuelle Züge

- zu einer wichtigen Funktion des Porträts wird die Herstellung des persönlichen Kontakts – sowohl des physischen (Kuss) als auch des geistigen - mit den handelnden Personen
- da die Bilder zu Gesprächspartnern werden, verändert sich das Verhältnis zu den Darstellungen: vom ernsten Wahrnehmen zum humorvollen und witzigen
- das Bild wird allmählich zum Ausdruck der Gedanken und Gefühle des Künstlers und des Zuschauers.

Die Veränderungen in der Wahrnehmung des Bildes widerspiegeln die Transformationen im Weltbild des Schriftstellers, dabei werden die Merkmale der realistischen Weltauffassung immer bedeutender.

LITERATUR

GENTSCH, D., 1979. Die Schatzkammer – Sonderband. *Biedermeier*. Leipzig: Prisma – Verlag.
KÜPPER, A., 2005. *„Das kommt von all' dem Bücherlesen". Intertextualität, Erzählproblematik und alternative Lesepläne in Theodor Storms Novelle „Im Schloß".* Schriften der Theodor – Storm – Gesellschaft 54, S. 93-111.
SCMITZ – EMANS, M., 2007. *Einführung in die Literatur der Romantik*. Darmstadt: WBG (Wissenschaftliche Buchgesellschaft).
SENGLE, Fr., 1971. *Biedermeierzeit: Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815 – 1848.* Stuttgart: J.B. Metzlerische Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag GmbH.
STORM, TH., 1972. *Sämtliche Werke 1*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.
STORM, TH., 1972. *Sämtliche Werke 2*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag.
ЗИНГЕР, Л.С., 1986. *Очерки теории и истории портрета.* Москва: Изобразительное искусство.
ЛОТМАН, Ю.М., 1998. *Об искусстве.* С.- Петербург: Искусство – СПБ.
МИХАЙЛОВ, А., 1997. *Языки культуры.* Москва: Языки русской культуры.

Валентина Талерко
Даугавпилский университет, Латвия

ДИАЛОГ С КАРТИНОЙ: К ВОСПРИЯТИЮ ПОРТРЕТА В РАННЕМ ПРОЗАИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Т. ШТОРМА

Резюме

Статья посвящена изменению картины мира в раннем прозаическом творчестве Т. Шторма. Восприятие портрета отличается в каждой из 10 проанализированных новелл и отражает политические, общественные, культурные особенности тогдашней ситуации в Германии. Особое значение получают изменения в функциях портретов: от презентационной до интимно – личной. С усилением интимно – личной функции изображаемые на портретах люди приобретают качества живых людей.

Екатерина Быкова
Вятский государственный университет, Россия
Московская ул., 36, г. Киров (обл.), 610000
Эл.почта: ev2_74@mail.ru
Научные интересы: старообрядческая культура, национальная идентичность в народной культуре, рукописные книги, иконописание

СКАЗАНИЯ О ЧУДОТВОРНЫХ ИКОНАХ БОГОРОДИЦЫ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ И РУКОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

В статье рассматриваются вопросы почитания чудотворных икон Богородицы в старообрядческой среде и фольклорные тексты, посвященные этому явлению в народной культуре. Образ Богоматери дорог русскому человеку, который считает Ее стоящей ближе всего к Богу и в то же время к себе самому. В иконописи известны сотни иконографических типов, каждый из которых, происходя от конкретной чудотворной иконы, имеет различные варианты. В России богатая устная традиция почитания Богоматери представленная, в первую очередь, в преданиях, сказаниях, духовных стихах, молитвах.

Религиозное сознание способно воспринимать и интерпретировать как чудо любое явление действительности, что не исключает существование «чудесных событий» сверхъестественной природы, одной из разновидностей последних являются чудеса, имеющие форму видений. Это находит отражение в различных фольклорных текстах, в первую очередь, в преданиях, сказаниях, духовных стихах, молитвах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА – *старообрядчество, сказание, чудотворные иконы, духовные стихи, Богородица*

В христианской мариологии самая богатая иконография Богоматери создана именно в России. На русской земле Богородица пользовалась особой любовью, поэтому Россию образно называют «домом Пресвятой Богородицы». Ничто так не притягивало и не поражало в повседневности простого человека, как чудо от иконы. Популярные в России до революции сборники сказаний об иконах Богородицы преследовали апологетические и благочестивые, но не научные цели, и не могли заменить историческое познание явление, принципиально значимого для понимания духовного развития всего православного мира. Появившаяся в Византии чудотворная икона получила свое широкое распространение на Руси: русские святые образы, сохранившиеся или известные только по письменным источникам, составляют, как минимум, три четверти подготавливаемого свода, насчитывающего более полутора тысяч статей. Речь идет о целом пласте и об одном из основополагающих феноменов национальной духовной культуры.

Дошедшие до наших дней сведения о чудотворных иконах, к сожалению, очень противоречивы. Это связано, в первую очередь, с почти полным отсутствием полноценных данных о явлениях икон, времени и причинах создания списков, их поновлений, сведениях о перемещениях икон, их заменах и утратах. Неопределенные границы между общечтимыми и местночтимыми иконами затрудняли все попытки составления общего пантеона. Стремление зафиксировать точные данные, едва заметные различия иконографического порядка не приносили результатов. Формирование иконографии чудес от Богородичных образов синхронно развитию жанра сказаний о чудотворных иконах. «Сказания об иконах представляют собой специфический русский жанр, присущий в основном позднесредневековой традиции и развивающийся по преимуществу с XV века, наиболее продуктивным для него было XVII столетие. (Турилов 2000, с.64) Один и тот же тип получал разные наименования, например, широко известная Казанская – далее Табынская-Богордицко-Уфимская и т.д. Найти какую либо логику в поступательном развитии этого процесса практически невозможно, никто не пытался разграничить те или иные иконографические типы, определяя их в конкретные исторические рамки, фиксируя и

сохраняя в общенародной памяти научно проверенные данные. Свою лепту в иконографическую сумятицу вносят и многие списки чудотворных, которые народным менталитетом наделялись свойствами оригиналов. Мировоззрение народа, его взгляды на прошлое, настоящее и будущее, его верования, надежды и устремления — всё это нашло отражение в фольклорных текстах.

Многочисленные копии текстов Сказаний о чудесах икон, свидетельства летописных источников доносят до наших дней зачастую «отредактированную» информацию. Примером может служить чудотворная икона «Богоматерь Владимирская», которая по преданию написана евангелистом Лукой. Для истории икона «Владимирская» изначальна. Но именно на русской почве она открыла нескончаемый ряд чудотворных икон.

Для того чтобы показать, что все иконы быть чудотворными не могут, Дм. Соснин в своей работе «О святых чудотворных иконах в церкви христианской» попытался прежде всего прояснить систему чудотворений. Во-первых, чудеса могли выражаться в необычайности явлений икон Спасителя, Богоматери и святых. Как правило, они происходили «в пустынных местах, в густых дебрях, в пепле пожарном и пр.». Иконы эти писаны, по мнению автора, «большей частью неизвестной, но без сомнения — чистой и святой рукой». Во-вторых, в признаках, которые сопровождают явления. Например, «необыкновенный свет или чудесный глас». К чудесным признакам Дм. Соснин относил также «самосохранение» иконы во время пожара или разрушения поставленного в ее честь храма. Наконец, в-третьих, в излиянии от чудотворных икон на людей даров благодати, которое в большинстве случаев вело к исцелению болезней. (Соснин 1833, с. 41)

Из «Сказания о святых чудотворных богородичных иконах, где коим образом явися», вошедшего в сборник С. Ф. Моховикова, узнавали что образ Богоматери Иверской был «копием в лице прободен и кровь шла», Богоматери Ченстоховской — «проколото лице и гортань, кровь шла из обоих мест чюдно», а икона Богоматери Рудневской была «бичем ударена в лице, два рубца и кровь шла очевидная». Богородичные иконы могли не гореть в огне. С образом Вангалийской Богоматери произошло то, что лик ее чудесно не сгорел в огне, хотя «ризы Ея писаныя згореша». Богородичные иконы могли одаривать благочестивого человека деньгами, а также мощами святых. (Савваитов 1870, с.348) Икона Печерской Богоматери дала иконникам деньги, мощи святых, а также образ. Некий старец получил от Солунской иконы «златище», а на другой иконе Христос мог «принимать» хлеб. Но были, конечно, и другие чудеса, не менее удивительные и на сознание действующие: не могло быть никаких сомнений, что на иконе Богоматери Песидийской из руки Богородицы выросла лилия, а из правой руки Богоматери Толгской шло миро; миро шло и «от главы» Пименовской Богородицы. Слагались также многочисленные легенды о чудесной «самозащите» образов от иконоборческих действий: иконы горели и не сгорали, удары мечом не причиняли им никакого вреда и т. п. В идее явленной чудотворной иконы Е. Трубецкой видел «целящую силу красоты». (Трубецкой 1990, с.12)

Особое место в православной иконографии занимает образ Богородицы, которую Древлеправославная Церковь чтит «честнейшую Херувим и славнейшую воистину Серафим», то есть превосходящую ангельские чины- херувимов и серафимов. Переплетение преданий о чудесах Богородицы и Её святых иконах становится важной особенностью старообрядческой литературы и находит свое воплощение в русской иконописи. В «Сказании о Тихвинской Одигитрии», специально упомянут римский папа Формос, которого считали «первым виновником латинских ересей», а значит, именно в этой иконе видели преимущественный символ своей преемственности от Второго Рима и своего первенства перед Римом первым. Принадлежность Тихвинской к числу икон, написанных непосредственно Евангелистом Лукой, означала истинность и исконную давность изображаемого на ней сложения пальцев на руке у Младенца – двуперстия. После раскола XVII века это свидетельство обрело особую роль, ибо икона служила доказательством древности двуперстия даже для неграмотных христиан. Еще в «Диаконовых» и «Поморских ответах» старообрядцы ссылались на чудотворные и явленные иконы, как на свидетельства

непорочности древней Русской Церкви и ее обрядов. Данным фактом можно объяснить, что «Сказание о Тихвинской Богоматери» выдержало целый ряд переизданий в течение XVIII – XIX веков и принадлежит к кругу излюбленного чтения ревнителей старой веры. По той же самой причине очень широкое хождение имели (появившись еще в Выговской пустыни) медные литые образки. Поклонение иконе Богоматери Тихвинской, встречающиеся как по отдельности, так и в составе складней. На таких медных иконках изображается северный русский лес с маковками храмов над ним и вьющейся по пригоркам дорогой, - место молитвенных подвигов целого сонма пустынножителей; это также напоминает об особом заступничестве Тихвинской за эти «полнощные» края. По твердому народному убеждению, она также «имеет нарочитую благодать сохранения здравия младенцев».

В «Сказании об иконе Богоматери Тихвинской» (кон. XVI в.) говорится о чуде, совершившемся при водружении креста на главу Успенской церкви, построенной на месте явления Тихвинской иконы Божией Матери. Пономарь Георгий (по прозванию Юрыш) был послан оповестить окрестных жителей о предстоящем в праздник Успения Божией Матери освящении храма. Исполнив поручение, он возвращался обратно за день до праздника, когда в 3 верстах от храма ощутил необыкновенное благоухание и увидел Божию Матерь, сидевшую на сосновом бревне с игуменским посохом в руке и рядом с Ней святителя Николая. Божия Матерь велела Юрышу передать строителям храма, чтобы на церкви поставили не железный, а деревянный крест: «Понеже Сын Мой и Бог распят был на кресте деревянном, а не железном». Святитель Николай обещал дать знамение маловерным. По возвращении Юрыш поведал народу и священству о явлении, однако ему не поверили и стали водружать железный крест. Внезапно налетевший порыв ветра схватил воздвигавшего железный крест человека и безвредно опустил на землю, после чего был водружен деревянный крест. На месте чудесного явления Богоматери и святителя Николая была построена часовня во имя Николая Чудотворца. Из соснового бревна, на котором сидела Богородица, сделали крест и поставили в часовне. Икона, изображающая это событие, была названа Беседной. Икона Божией Матери «Беседная» являет собой пример доступности Богородицы каждому смертному человеку, если он искренней молитвой, идущей от души, жаждет божественного общения. Сначала сюжет о явлении Божией Матери помещался на клеймах Тихвинской иконы, а с XVII века стал изображаться отдельно в качестве иконы.

Старообрядцы возрождали традиции, которые по тем или иным причинам, были утрачены за десятилетия гонений. Во второй половине XVIII-XIX вв. появляются редкие иконографические сюжеты, например, образ Богородицы Корсунской. В ряде случаев имела место творческая переработка в «старообрядческом ключе» иконографических сюжетов, заимствованных как из древних, так и из нетрадиционных источников, например, появление двуперстия на иконе Богородицы «Утоли моя печали» или старообрядческая версия иконы Богородицы «Взыскание погибших». Известная в старообрядчестве икона «Утоли моя печали» чтимый образ из выговских скитов, находящийся ныне в Московской общине старообрядцев-поморцев, писанный в XVIII веке. Здесь правая рука Богоматери сложена в четкое двуперстие. Старообрядческие святцы, изданные в Почаеве около 1815 года, указывают дни празднования малоизвестным богородичным иконам. На 21 июля там тоже отмечено «явление иконы Пресвятыя Богородицы Амартинския, глаголемыя Утоли печали, в лето 6263». Между тем, 21 июля - не палестинский, а константинопольский праздник Пресвятой Богородицы, совершавшийся в храме городской местности Арматия. Пока Русская Церковь жила по Студийскому уставу, то есть, до конца XIV века, этот праздник входил даже в русские месяцесловы, хотя и не имел своей особой службы. Происхождение его нам не известно.

Некоторые древние чудотворные иконы под воздействием местной традиции обретали новое свойства и качества, сохраняя при этом установившийся много ранее иконографический тип. В качестве примера можно привести «Казанскую Богоматерь», которая стала исходной для явления многих чудотворных икон. Несколько Казанских икон были святынями старообрядцев. Появления скитов на Нижегородской земле в Заволжье

связано с чудесным явлением иконы Казанской Богоматери. Это предание наиболее ярко описал П.И.Мельников-Печерский на основе собранных данных у раскольников, когда закрывал скиты. Икона «Казанской Богоматери» была вывезена из скита и исчезла. По скитским преданьям, начало старообрядческих поселений в заволжских лесах началось чудесным образом. Во время «Соловецкого сиденья», когда царский воевода Мещеринов обложил возмутившихся старообрядцев в монастыре Зосимы и Савватия и не выпускал оттуда никого, древний старец инок Арсений дни и ночи проводил на молитве перед иконой Казанской богородицы. А та икона была прежде комнатною царя Алексея и пожалована им в Соловки еще до патриаршества Никона. Накануне взятия монастыря царскою ратью истомился Арсений, стоя на молитве, задремал. И, будучи в тонком сне, слышал он глас от иконы: «Гряди за мною ничто же сумняся, и где я становлюся, тамо поставь обитель, и пока икона моя будет в той обители, древлее благочестие будет в ней процветать». И видел Арсений, что икона богородицы поднялась и в небесной высоте исчезла... Проснулся инок, иконы на месте не было... На другой день взят был монастырь. «Соловецких сидельцев» в кандалах перевезли на матерую землю, и здесь Арсению удалось бежать из-под царского караула в леса. Только что ступил он в лесную чащу, видит икону, перед которой молился; грядет та икона поверх леса на воздухе... Идет за нею изумленный и трепетный Арсений. Перед ним деревья расступаются, перед ним сохнут непроходные болота, перед ним невидимая сила валежник врозь раскидывает. «Чудяся бывшему о нем», Арсений идет да идет за иконою. И стала та икона в лесах Чернораменских, неподалеку от починка Ларионова, на урочище Шарпан. И поставил тут Арсений первый скит. Закрытие Шарпанского скита было произведено в 1849 году — чиновник особых поручений П. И. Мельников вывез из скита почитавшуюся чудотворной икону Казанской Божией Матери. После этого весь старообрядческий Керженец настигли лютые гонения и разорение. По мнению старообрядцев, так сбылось пророчество, связанное с историей основания Шарпана. Икона Казанской Богородицы, почитаемая старообрядцами чудотворною, находилась с 1849 до 1917 года в мужском керженском Благовещенском единоверческом монастыре, а затем пропала – столь же бесследно, как и ее первообраз. Еще одна чудотворная Казанская, явившаяся в конце XVIII столетия в подмосковным Гуслицах, и поныне пребывает в старообрядческом храме села Губино (близ Орехова-Зуева).

В иконе «Рождество Христово» старообрядцы отражали свое отношение к происходившему. Они не праздновали, а оплакивали рождение ребенка. Поэтому предпочитали новгородский извод. С народной поэзией и обычаем старообрядцев — оплакивать новорожденного — связано также изображение каравая хлеба с зажженными на нем свечами. Потухшая свеча символизировала угасшую человеческую жизнь. Эта метафора встречается в народной поэзии а рукописных сборниках XIX века : «Угаснет свеча воска ярого, Не становится у нас млада царевича... падет человек, свеща угаснет...» - причитали раскольники в плачах.

В ряде вариантов духовных стихов «Сон Богородицы» присутствует «заговорное» окончание, многократно осуждаемое церковными писателями, проповедниками и пастырями:

Кто этот Сон святой знает,
Да кто этот Сон рассуждает,
Да кто этот Сон исполняет,
Наследует царствие небесное.

Или еще более «заговорный» вариант:

Кто этот Сон знает,
И кто его в доме держит,
И в чистоты - в подобе пребывает,
Сохранен он будет от беды, от напасти,
Сохранен от огненнаго пожара,
Сохранен от водяной потопы,

Избавлен превечной муки,

Наследен к небесному царству. (Федотов 1991, с.51-52)

В апокрифах подобные обережные формулы могут занимать до двух третей от всего объема повествования. В стихах же концовка свидетельствует о явном функциональном влиянии отреченных и заговорных прозаических текстов. Особенность заговоров «Сон Богородицы» в том, что защищали в нем не слова, а сам текст, зашитый в ладанку или как-то иначе бережно и укромно хранимый (например, зашитый в подол платья невесты). Иначе говоря, это даже не столько заговор, сколько оберег. Подобная практика, с одной стороны, не могла не осуждаться церковью, а с другой - не быть столь привлекательной в «простых народных массах», который хотят защиты и понимающих ее силу не от умозрения, но от вещественности. (Федотов 1991, с.53)

Стихи «О трех гробницах» («Хождение святой Девы») описывают Богородицу, дознающуюся, кто распял Христа и где найти Святыню, чтобы ей поклониться.

«Народный культ Богородицы отличается от церковного большей приземленностью и включенностью в быт», - писал Н.И. Толстой (Батюшков 2011, с. 127) .

Богородица - персонаж назидательных стихов. Так, в стихах «О вдовах» Богородица увещевает вдов не ходить за второго мужа, в пиры и беседы, обещает за это ризы белые и венцы золотые. Образ Богородицы является неотъемлемым и для самой поэтики духовных стихов: к ней обращаются с молитвой исполнители стиха в начале и конце повествования. Так, один из типов духовных стихов о Страшном Суде начинается с молитвенного обращения к Богородице, с призыва услышать прошение своих грешных рабов и не лишить их Небесного Царства.

Появление в XVIII в. в среде старообрядцев поповского согласия иконографии «Богоматерь Огневидная» связано с осмыслением образа Богоматери как образа Церкви, как корабля спасения, полнота которой и является залогом спасения верных, плывущих в безбрежном океане ересей и расколов. Отсутствие иконографии у беспоповцев объясняется, по-видимому, осмыслением ее как алтарного образа, связанного с евхаристией. Идея спасения соединяется с идеей божественного огня в символике красного цвета лика и одежд Богоматери, изображенной в преображенном состоянии богообщения как полноты пребывания во Святом Духе. Цвет воскресения и новой жизни для образа «Новой Евы» является наиболее адекватным воплощением очищенной нетленной плоти. Иконописец создает образ Богоматери, воплотившей своим жизненным подвигом предназначение человека стать образом и подобием Божиим, соединившей в себе земное и небесное и ставшей «Жилищем Духа Святого», «Ковчегом, позлащенным Духом», «Подсвечником с огнем божественным», «Престолом Херувимским, огненным», «Храмом одушевленным». Иконография непосредственно связана с праздником Сретения Господня. Толкование огня как символа очищения и соединения с Богом характерно для старообрядцев.

Опасность «замутнения» благодати образа постоянно питала в старообрядческой среде своеобразное народное богословие иконы, в котором вымыслы и народная фантазия, сведения, почерпнутые из апокрифов и духовных стихов, любопытно сочетались с цитатами из Священного писания, положениями церковных соборов и идеями святых отцов. В XVIII–XIX вв. «вопросники» об иконах включались, как правило, в общие рукописные сборники выписей нравоучительных слов, сказаний и житий. По ним интересно проследить, что именно могло смущать народное сознание в почитании иконы, какие сюжеты требовали объяснений и были непонятны простолюдину. Убежденность в «безблагодатности» империи заставляла задаваться самыми разными вопросами. В немалой степени на них влияли состояние официального богословия иконы и официальные запреты тех или иных сюжетов. Почти каждый богородичный образ наделялся теми или иными функциями, о которых, кстати, хорошо были осведомлены иконники, тщательно записывавшие подобные сведения в иконописные подлинники. Так, они хорошо знали, что перед иконой Неопалимой купины молились для предохранения от пожара. Перед Казанской молились о «прозрении ослепших очес», перед Феодоровской — от тяжелых родов; «о сохранении здравия младенцев» —

Тихвинской Богородице, Перед иконой Одигитрии молились, отправляясь в дальнее путешествие (Одигитрия — путеводительница).

После Большого Московского собора было переписано огромное множество икон со старой символикой. «Иконы чюдотворныя переписывают и сложение древнее потираще, новое же живописуют подобно латином», — говорилось в «Поморских ответах». Довольно сложный для русского опыта мотив страдания и невинного поругания получал отсюда дополнительную глубину: отражающий и утверждающий его визуальный код святости, помимо традиционных образов страстотерпцев, включил огромное количество переписанных и уничтоженных икон. То, что этим изображениям народное сознание усваивало уже не чудеса, а страдания самого Христа, вытекает из тех же старообрядческих богословско-догматических сборников XVIII–XIX вв. Не случайно, что их неизменно обходит вопрос о возможности чудотворений икон, явленных до патриарха Никона. Сохраняя связь с исходной ситуацией (системой «уставного благочестия» и моделью «Третьего Рима»), икона вводилась в более широкий и интенсивный культурный контекст, в котором она еще больше расширяла свое значение. Икона стала принадлежать к идеологически определенным понятиям, у нее появилось свое особое культурно-историческое пространство в системе утопии.

Таким образом, сакрализация внутреннего и внешнего пространства Руси иконами на протяжении веков была связана с именем Богоматери. Огромному количеству богородичных икон XVIII–XIX вв. всегда соответствовало не меньшее количество богослужебных и для домашнего чтения текстов. Каноны, акафисты, тропари и службы праздникам дополнялись окрашенными фольклорными вымыслами апокрифическими сказаниями, повествованиями о видениях и богородичных иконах. Так, чрезвычайно популярные в народе апокрифы «Хождение Богородицы по мукам» и «Сон Богородицы» в зависимости от целей располагались в служебных и Четьих-Минеях, Прологах и Триодях. Богородичная тема столь же интенсивно развивалась в житиях святых и летописях, сколь и в популярных книжках для народа второй половины XIX — начала XX в. Заметим, если, по житиям, Богоматерь являлась русским святым, то эти явления сразу же отражались в моленных образах, приобретавших огромную популярность. Древлеправославное почитание Богоматери зачастую наделяло свойствами архетипа заменивший его список. В этом акте не было преднамеренного умысла. Народное сознание сохраняло неповрежденной память почитания образа в его историческом бытии даже в случае исчезновения архетипа. Сказания о таких иконах, как правило, сохранившееся в поздних редакциях, а возможно и созданные в более позднее время, уже в полной мере содержали элементы народных представлений о чтимом образе Богоматери. В возникавших поздних списках отражались новые иконографические отклонения, поскольку вряд ли кто–либо помнил особенности первоисточника из-за отсутствия промежуточных списков. Народное почитание признает образ чудотворным в контексте веры.

ЛИТЕРАТУРА

Батюшков, Ф.Д., 2011. *Спор души с телом в памятниках средневековой литературы: опыт историко-сравнительного исследования.* Москва: URSS.

Савваитов, П.И., 1870. *Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы с изложением учения церкви, преобразований и пророчеств, относящихся к ней, и чудес ее, на основании Священного Писания, свидетельств св. Отцов и Церковных преданий.* Москва: Типография И.Ефремова.

Сахаров, В.А., 1888. Апокрифические и легендарные сказания о Пресвятой Деве Марии, особенно распространенные в Древней Руси. *Христианское чтение*. Санкт-Петербург, №11-12, с.305-331.

Соснин, Д. П., 1833. *О святых чудотворных иконах в церкви христианской*. Москва: университетская типография.

Тарасов, О.Ю., 1995. *Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России*. Москва: Прогресс-Традиция.

Трубецкой, Е.Н., 1990. *Умозрение в красках*. М.: Интерпринт.

Турилов, А.А., 2000. *Сказания о чудотворных иконах в контексте истории их почитания на Руси. Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира.* Москва: Прогресс-Традиция.

Федотов, Г.П., 1991. *Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам).* Москва: Гнозис

Ekaterina Bykova
The Vyatka state University, Russia
Research interests: old believers culture, folk culture, handwritten books, icon-painting

THE LEGEND ABOUT WONDER-WORKING ICONS OF THE MOTHER OF GOD IN THE OLD BELIEVERS (ACCORDING TO FOLKLORE AND WRITTEN SOURCES)

Summary

In article are considered questions of miracle-working icons of the Mother of God in the old believers environment and folklore texts, devoted to this phenomenon in folk culture. The image of our lady of roads Russian man, who believes Her standing the closest to God and at the same time with himself. In the icon-painting there are hundreds of iconographic types, each of which, coming from the specific of the miraculous icon, has several varieties. Russia has a rich oral tradition of veneration of the Mother of God. Provided, first of all, in the legends, legends, spiritual verses and prayers. People's ideas became the expression of the living experience of the love of Russian people to the Heavenly Mediatrix and Her intercession for the world.

Religious consciousness is able to perceive and interpret as a miracle of any phenomenon of reality, that does not exclude the existence of «wonderful events» supernatural nature, one of the varieties of the latter are the miracles, having a form of visions. This is reflected in a variety of folklore texts, first of all, in the legends, legends, spiritual verses and prayers. The article provides an analysis of the manuscript collections and folklore texts (spiritual poems, legends and traditions) from the point of view of the plot-motive-ended and as a social phenomenon.

KEY WORDS: - the old believers, legend, miracle-working icons

Николай Васькив
Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко,
ул. Пивнична, 106а- 9, 32307 Каменец-Подольский, Украина
Эл. почта: myvaskiv@ukr.net
Научные интересы: история украинской литературы, украинско-балтийские, украинско-польские культурные связи, теория и история романа

ТЕКСТ КАК САМОИЗОБЛИЧЕНИЕ: СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА 1940 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОЙ МЕДСЕСТРЫ

В статье посредством деконструктивистской методологии анализируется текст очерков-«записок» «В заснеженной Финляндии» Евгении Сатуллы, медсестры полевого госпиталя во время Советско-финской войны 1940 года, раскрывается тоталитарное мышление эпохи, империалистский характер войны со стороны СССР, военные неудачи Красной Армии, маскируемые официальной демагогией и ритуальными фразами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Советско-финская война, деконструкция, официальная риторика, документальность.

К балтийскому региону, его жителям, истории и культуре украинские литераторы обращались не очень часто, даже в период 1920-30-х годов, когда заинтересованность внешним миром существенно возросла. Нельзя сказать, что совсем не обращали внимания, но художественные произведения и путевые очерки, в которых объектом воспроизведения становилась Балтика, были единичными. Публикация любых художественных текстов, в том числе и путевых, приключенческих очерков, воспоминаний о чужих странах и регионах с середины 30-х лет катастрофически сокращается. Поэтому название «В заснеженной Финляндии» не могло не заинтересовать. Автором небольшой по объему (31 страница) книги была Ївга [Йивга] (какое истинно украинское имя!) Сатулла. Фамилия ни о чем не говорила, занавес тайны несколько приоткрывало подзаглавие: «Из записок медсестры». Произведение Й. Сатуллы вышло в свет в 1941 году. Более того, книга была подписана к печати 26 июля, когда удары немецкой армии сыпались один за другим и, казалось, было совсем не до литературы. Очевидно, «записки»-воспоминания «В заснеженной Финляндии» казались очень актуальными в первый – едва ли не самый тяжелый – месяц войны.

Дальнейшие розыски дополнили информацию об авторе. В «Издательстве политической литературы Украины» в 1966 году вышла в свет еще одна книга Сатуллы, теперь уже Евгении, а не Ївги, под названием «В семье Эрнста Тельмана». Из нее можно опосредованно извлечь туманную информацию (писательница старательно не сообщает, чем именно она занималась несколько послевоенных лет в Германии) о том, что Е. Сатулла после Второй мировой войны оставалась в Берлине, вела «партийно-советскую» работу по созданию женских организаций, а возможно, также сотрудничала со спецслужбами. «В семье Эрнста Тельмана» написана с большим количеством интересных деталей, метких наблюдений, когда дело касается непосредственных впечатлений автора от личностей жены и дочери известного немецкого коммуниста, других немецких антифашистов и коммунистов, их жилищ, разрушенного Берлина и т.д. Но собственно воспоминания родных и знакомых об Эрнсте Тельмане написаны суконным, бесцветным языком, характерным для советских публицистически-обезличенных иконографий вождей революции и партийного движения. Выработался определенный канон, похожий на житийную литературу, как писать жизнеописания вождей, какие факты их биографии обязательно отметить (даже если их на самом деле не было), какие ритуальные фразы о партии, Марксе-Энгельсе-Ление-Сталине провозгласить, как убедить в своей верноподданности партии и правительству. Воспоминания жены, дочери, друзей Эрнста Тельмана воспроизведены Сатуллой целиком в духе этого канона. Надо хорошо посикать, чтобы найти информацию о Тельмане как о «чутком товарище, любящем отце и муже» (Сатулла 1966, с. 1) (так заявлено в аннотации к

книге). В целом напрашивается вывод, что Ївга, а тем более – Евгения Сатулла была «надежным, проверенным товарищем», «нашим человеком» среди медиков и литераторов.

Характерные для воспоминаний «В семье Эрнста Тельмана» тенденции, о которых шла речь в предыдущем абзаце, формировались еще «в записках медсестры» «В заснеженной Финляндии». Автор-нарратор уже с первого абзаца сообщает о пребывании медсестры полевого госпиталя на «польском» фронте. Имеется в виду вступление СССР во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 года, путем оккупации-освобождения украинских и белорусских земель от польской власти. Трактовка этих событий, понятно, подается целиком в духе советской риторики: медсестры приносят «пользу бойцам, которые шли на смерть, освобождая своих братьев» (Сатулла 1941, с. 3). Идеологически выдержанные автор «с Фаней» сразу же после расформирования госпиталя просятся на новый фронт, «в заснеженную Финляндию». К этому их толкает, как сегодня говорят, желание драйва, потому что «не хотелось возвращаться к четко размеренным будням», взамен страстно хотелось, чтобы «каждый нерв дрожал, каждая клеточка тела жила горячечною, напряженной жизнью» (Сатулла 1941, с. 3). Поэтому медсестра с одной войны попадает на другую.

Если Советско-польская война 1939 года велась, как объясняет Сатулла, ради освобождения «своих братьев», то о причинах Советско-финской войны 1940 года не упоминается в записках медсестры ни разу. Также неожиданно для автора прервались боевые действия сообщением о мире (Сатулла 1941, с. 27), но кто, почему и как подписывал этот мирный договор, на каких условиях – ни слова. Это можно объяснить разве что подсознательным пониманием захватнического характера войны со стороны Советского Союза. Однако как-то надо было оправдать ведение боев против Финляндии, на финской земле, поэтому писательница постоянно стремится подать в черном свете финнов. Так, в Куоккале «белофинны» вроде бы хотели сжечь дом-дачу Репина, обложили его соломой, но поджечь помешало успешное наступление красноармейцев. Интересно, какой должна быть спешка, чтобы не успеть поджечь солому? Но такое сообщение советской пропаганды дает повод для госпожи Ївги повод выразить праведный гнев: «Какое варварство! Им не дороги произведения искусства. В своей звериной ненависти к нам они все разрушают на пути отступления» (Сатулла 1941, с. 6).

Еще в одном месте сообщается, что, «отступая, финны жгли села, уничтожали все на своем пути» (Сатулла 1941, с. 21). Ї. Сатулла еще, наверно, не знала: такая тактика будет тотально использоваться советской властью во время войны с немцами. Отличие будет состоять, однако, в том, что финны эвакуировали население, советские же коммунисты оставляли людей на произвол судьбы, наедине с врагом и призраком голода. Также в произведении сообщается о пленном финском солдате, которого, крестьянина-батрака, «насильно» взяли в армию воевать против жестоких красноармейцев, а они же добрые, главное – классово родные. «Когда его забирали от нас, он заплакал и поблагодарил за заботу» (Сатулла 1941, с. 23). Интересно, однако, куда же его взяли? Может, он заплакал от того, что его ждало дальше? Об этом ничего не сказано «В заснеженной Финляндии».

То, что не удается увидеть в тексте непосредственно, можно вычитать «между строк», используя деконструктивистскую методологию. Эту методологию можно интерпретировать не только как способ для бесконечной игры и интерпретации на поле текста. Сам деконструктивизм дает возможность отыскивать скрытые «следы», которые воспринимались современниками и автором как общепринятые, нейтральные места, но они дают возможность сегодняшнему читателю декодировать дисскурсы прошлого. Он может оказаться незаменимым для демаскировки тоталитаризма, политического или художественно-литературного. «[…] деконструкция – “необходимое условие для того, чтобы распознать и побороть опасность тоталитаризма”. Что же касается идеологии тоталитарных режимов, то здесь, по мнению Деррида, в первую очередь подлежит изобличению “ужасное желание получить корни, общие истоки”, то есть идеология “крови и почвы”. Еще раз подчеркнем: “изобличение” ведется через анализ высказываний, текстов. Тонкий анализ формальных признаков позволяет огласить замаскированные тенденции. Если, допустим, оратор,

прикрываясь левыми фразами, по сути отстаивает консервативно-правую позицию, тот, кто владеет техникой деконструкции, всегда сможет изобличить его “по дисскурсу” – по нюансам словоупотребления, по стилистике и способу мышления и по тому, что считается на данный взгляд сома собою разумеющимся, ибо как раз это подделать наиболее сложно, даже невозможно» (Вайнштейн 1989, с. 172-173]. Указанные аспекты деконструктивистской методологии дают ключи и к прочтению скрытых смыслов в воспоминаниях Ї. Сатуллы.

По тексту произведения «В заснеженной Финляндии», красноармейцы постоянно наступаю, одерживая победу за победой. Как именно это происходит, ничего не сообщается. С одной стороны, медсестра не была непосредственным очевидцем боевых действий, ибо госпиталь находился в прифронтовой полосе. О пребывании в четырех километрах от линии фронта она сообщает как о большой опасности. С другой стороны, о настоящем ходе боевых действий надо вычитывать между строк. Надо отдать должное Ї. Сатулле: несмотря на изобилие ритуальных пафосных фраз и абзацев, она правдиво, с большим количеством точных деталей сообщает о тяжелых буднях фронтовой медсестры и впечатлениях от врачебной практики.

Во-первых, постоянно ведется речь о множестве раненых, о беспрерывной напряженной работе госпиталя. «Санитарная машина, выгрузив первую партию раненых, уехала за второй» (Сатулла 1941, с. 5). «Уже пятая ночь без сна […] А раненые все прибывают» (Сатулла 1941, с. 12). «Нас предупредили, что вскоре прибудет большая партия раненых» (Сатулла 1941, с. 14). Поражает натурализмом описание «танкиста со сгоревшего танка», с обгоревшими лицом, животом, спиной, руками и ногами, когда «не было ни единого клочка живой здоровой кожи» (Сатулла 1941, с. 15). Ко всему, у танкиста еще и воспаление легких. Зная о сложности боев с финнами, медсестра делает предположение, что «он долгонько полежал на снегу» (Сатулла 1941, с. 16). И снова сообщение о большом количестве раненых, среди них и командиров: «Наша палатка была переполнена ранеными […] уставшая от бессонницы, я едва что стояла на ногах […] Подъезжали санитарные машины, выгружали раненых и забирали тех, кому уже сделано операцию. Вот на стол положили раненого в живот командира, он потерял много крови и жизнь еле теплилась в его теле» (Сатулла 1941, с. 23-24). Радостная информация о захвате дота тоже не очень радует, потому что «наши бойцы разгромили его, некоторые от мин погибли, командир тяжело ранен, его даже не решились везти машиной на операцию […]»(Сатулла 1941, с. 8).

Опасность постоянно подстерегает медперсонал, транспортников, невзирая на то, что они пребывают в прифронтовой полосе или же в тылу. Уже с первых дней медсестру охватывает «ощущение такое, что вот-вот из-за высокого дерева кто-то выскочит и начнет стрелять» (Сатулла 1941, с. 4). Это ощущение, чувство постоянной опасности не отпускает автора и других персонажей ее воспоминаний до последнего дня войны, потому что на каждом шагу действительно подстерегает смертельная опасность. Можно подорваться на мине («Дорога минирована»; «Осторожно ступайте! […] Тут еще могут быть мины»; «[…] несколько хижин осталось. Мы входили в них осторожно, чтобы не попасть на мину. Наши саперы уже вытащили в разных местах несколько круглых и плоских, как тарелки, мин» (Сатулла 1941, с. 4, 8, 21) и др.). Не менее опасными, особенно ночью, были финские снайперы: «Наверно, где-то на деревьях засели белофинские снайперы […]»; «Финские снайперы, засевшие на деревьях, заметили нашу машину, стреляли по ней», поэтому пришлось выпрыгивать из машины и долго прятаться за деревьями на трескучем морозе; финский снайпер убил жену врача Мезецкого (Сатулла 1941, с. 8, 10-11, 20-21).

Не дают спокойно себя чувствовать налеты финской авиации: «Я уже привыкла к непрерывной стрельбе […] Над нами иногда с гудением проносятся самолеты. Слышим страшные взрывы бомб. Где-то рядом со свистом разлетаются обломки. Иногда вражеский самолет обстреливает наш санитарный пункт. Тогда пули решетят брезент палатки и свистят над самой головой, но мы уже привыкли к этому» (Сатулла 1941, с. 14). Еще а одном месте автор рассказала о налете, «когда враг бил прицельно, и пули попадали в палатку», убив несколько раненых (Сатулла 1941, с. 24). Немало хлопот приносят мороз и глубокий снег

(Сатулла 1941, с. 7, 11). Чуть ли не единственный раз за все время пребывания на фронте (а фактически в тылу) медперсонал сумел посмотреть агитационный фильм (Сатулла 1941, с. 22), и это при том, что пропаганде советская власть придавала огромное значение. Даже после завершения войны напряженные нервы не дают забыть о вчерашних тревогах и страхах: «Тишина. Какая необычная, невероятная тишина! А еще недавно лес звенел гулкими выстрелами, зловеще шелестел ветвями, между которых прятались финские снайперы, гудел пропеллерами самолетов» (Сатулла 1941, с. 28).

Скрываемые военные тревоги и страхи воссоздаются путем правдивого изображения действительных событий и их переживаний. Но только такой – «тревожный» – текст не имел бы права на существование в 1941 году. Необходимы были патетика и «социально-политический оптимизм». За этим дело в книге Ївги Сатуллы не стало. «Правильный» политический подход и оценку ситуации уже можно было наблюдать в ситуации с пленным финном, его «забитостью» офицерско-буржуазной пропагандой и растроганностью от гуманизма советских классовых товарищей. Не могла также не нравиться «ответственным» читателям искренняя, очевидно, самоотверженность нарратора, ее стремление к исполненной тревог и неожиданных перипетий жизни, желание не жалеть себя ради спасения других, за что она была вполне справедливо награждена медалью «За боевые заслуги».

Чем ближе к завершению книги, тем больше официальной патетики нагнетается. Центральное место в этом занимает ритуальная фраза «про рідного, любимого Сталіна». На ее общесоюзный характер постоянного употребления указывает калькированный русизм «любимий» (русское слово «любимый» не имеет прямого соответствия в украинском, разве что «улюблений»). Неизменная подруга Фаня искренне завидует тому, что рассказчица побывает в Кремле и, возможно, увидит самого вождя, на что автор воспоминаний реагирует соответственно: «Это было бы настоящим счастьем […] Очень бы хотела увидеть нашего родного, любимого Сталина, но удастся ли?» (Сатулла 1941, с. 28). Она так и не увидела вождя, но ритуальные упоминания о нем в неизменной формуле встречаются еще дважды.

Рассказчица сообщает о приезде в Кремль, где собрались «лучшие люди нашей родины». Дальше в суконно-сухой, также ритуализованной (и от этого абсолютно инертной, безэмоциональной) манере сообщается, чего же они все собрались – «получить высокую награду за мужество и героизм, проявленные на всех участках нашего социалистического строительства» (Сатулла 1941, с. 29-30). Ну а далее опять вождь, к которому, очевидно, на тот момент можно было применить только определения «родной, любимый»: «Каких только людей я не видела в Кремле! И среди них была я – скромная незаметная медсестра, работу которой так высоко оценило наше правительство, наш родной, любимый Сталин» (Сатулла 1941, с. 30). Примечательно, что рассказчица встречала многих интересных людей в Кремле, но пишет о Сталине, которого так и не увидела. Стоит обратить внимание и на гиперболизацию личности вождя, который, будто Бог, обо всем знает, за всем наблюдает и вроде лично о подвигах Ївги Сатуллы и соответственно ее оценил.

Традиционно на высокой патетической ноте должно завершаться все произведение. От этого правила не отступает и автор воспоминаний «В заснеженной Финляндии». Хорошо, что особенно изыскивать что-то писательнице не нужно, ибо набор нужных фраз уже задолго до этого составлен. Не составляло проблемы для автора и читателей и то, что определенные фразы уж слишком часто повторяются, наподобие самых важных мест в сакральных текстах разных религий: «На Кремлевских курантах пробило двенадцать часов. Этот особенный звон, который слушают по радио во всех концах нашей необъятной страны, мы слышали так близко, здесь, в Кремле, где живет и работает наш родной, любимый Сталин» (Сатулла 1941, с. 31).

Неизвестно, такое патетическое завершение было ли в воспоминаниях от начала, или оно стало следствием событий последнего месяца перед публикацией книги. Также тяжело сказать, на каком этапе работы над текстом появился эпиграф к произведению: «Деритесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойкими до конца, победа недалеко! Победа будет за нами! (*В.И. ЛЕНИН*) (Сатулла 1941, с. 2) (вот

откуда разрекламированная фраза Сталина!). Эта цитата звучала двусмысленно относительно Советско-финской войны, но была очень актуальной в июне-июле 1941 года, патриотическое содержание и направленность ее на тот момент тяжело переоценить.

На основе таких особенностей «записок медсестры» можно было бы их назвать официозно-документальными, хотя и не лишенными интереса. Но на самом деле была еще и художественная составляющая в произведении, которая его очеловечивает, делает теплым и более интересным для читателя. Художественно-беллетристическая составляющая ассоциируется в воображении читателей и исследователей прежде всего с романическими перипетиями. И тут Ї. Сатулла не подвела: в произведении детально воссоздается процесс зарождения и развития любви, которая, правда, так и не получает реализации, а тем более – логического завершения. Так как в субъективных воспоминаниях автор пыталась быть максимально точной, то она не прибегала к придумыванию чужих переживаний, эмоций, мыслей, а переносит на бумагу только свои собственные. Так рождается история ее влюбленности в хирурга Мезецкого – возможно, выдуманная писательницей для «очеловечивания» воспоминаний, хотя эта история больше кажется правдивым и искренним изложением собственных чувств автора.

Образ хирурга, скорее всего, имел реального прототипа, значительная часть черт характера которого переносится в произведение. Однако и он, и история любви претерпевают трансформацию в соответствии с вечными и преходящими литературными законами. Если говорить о вечных законах, то нарратор держит читателя долгое время в неведении, наращивает интригу, поддерживает таинственность поведения врача. Героиня не может даже подумать, чтобы признаться ему в собственных чувствах, потому что ей кажется, будто у него есть любимая женщина («Исписанное мелким почерком письмо раскрылось и оттуда выпал золотистый локон женских волос…» (Сатулла 1941, с. 13)). Только значительно позже нарратор и читатели узнают о гибели его жены от пули финского снайпера. Чувство тоски, драматизма рождается от того, что возможная любовь хирурга и героической медсестры так и не реализуется: после завершения войны судьба разбросала их в разных направлениях.

Лепка образа Мезецкого подчиняется и временным законам. Внимание постоянно акцентируется на самоотверженности, суровости врача, его трудолюбии, выдержке в самых сложных ситуациях. Со временем выясняется, что это добрый, чуткий, нежный человек, проявляющий заботу о других. Но это прячется где-то глубоко, а на первом плане снова его сила воли и суровость. Таким мог быть и реальный прототип Мезецкого. Однако он достаточно органично вписывался в целый ряд персонажей советской литературы вроде Петра Первого А. Толстого, Ярослава Мудрого И. Кочерги, Любови Яровой К. Тренева, Павки Корчагина Н. Островского, десятков других партийных вождей и вождиков, которые, при всей неповторимости каждого, имели общий набор уже указанных в образе хирурга черт характера. Это чувствуется даже в портретном описании Мезецкого: «Он был высокий, стройный, с глубокими карими умными глазами, такой всегда сдержанный и серьезный. В каждой нотке его голоса чувствовалась властность. Будто он привык только приказывать и видеть всегда беспрекословное выполнение его воли […]» Яркий огонек сигареты «еле освещал его тонкие губы и выпуклый волевой подбородок» (Сатулла 1941, с. 18-19). Прямо или опосредованно эти черты характера, создававшие положительный, идеальный образ правителя или «современника», должны были рождать ассоциации с «лучшими» людьми СССР, прежде всего, понятно, – с «родным, любимым Сталиным».

Настоящий гуманизм, искреннее сочувствие к раненным бойцам время от времени прорывается сквозь общепринятые штампы «пролетарского гуманизма». Перед взглядом медсестры предстают прежде всего живые люди, а не абстрактные строители будущего, поэтому медик повторяется в воспроизведении стремления раненых во что бы то ни стало выжить, едва ли не инстинктивное желание продолжить телесное существование. «Я никогда не видела такого лица, оно поразило меня выражением своих глубоко впавших глаз. В них и заглушенное невероятное страдание, и глубокая боль, и надежда на выздоровление, а

главное – невероятная жажда жизни» (Сатулла 1941, с. 9); «Меня поразил взгляд танкиста […] На искалеченном запухшем лице горели только глубоко впавшие глаза, которые светились безмерной жаждой жизни, что хотелось отдать все свои силы, только бы спасти его» (Сатулла 1941, с. 13-14). Жертвенность медсестры, хирурга Мезецкого, всего персонала прифронтового передвижного госпиталя была порождена не столько пропагандой, требованием спасать бойцов с врагом, «человеческий ресурс» (хотя и это было: «На всю жизнь врезался в память взгляд обгоревшего танкиста. Останется ли в живых этот один из славных героев нашей страны?» (Сатулла 1941, с. 17)), а гуманным желанием вернуть беспомощного человека к жизни.

Искренность и точность воспоминаний (медсестра сообщает, что время от времени еще в госпитале вела записи) дали возможность сегодняшним исследователям и читателям за ширмой официальных штампов, лозунгов и абстрактных деклараций вычитать реальный ход Советско-финской войны, хотя о непосредственных боевых действиях ничего не сказано (ведь в них медсестра не могла принимать участие) и в тексте упоминаются только отдельные (три-четыре) населенных пункта в Финляндии, куда перемещался госпиталь. Несмотря на казенный язык произведения, изображение ежедневного труда медиков на фронте в обобщенном виде, автор воспоминаний Ївга Сатулла совмещает документальность с конкретно-чувственным воспроизведением образов, романической сюжетной линией, присущими для художественных произведений. Воспоминания «В заснеженной Финляндии» были актуальными и, наверно, интересными для читателя в период их публикации, они не теряют читабельности и интереса для читателей и исследователей также в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

ВАЙНШТЕЙН, О., 1989. Леопарды в храме: Деконструкционизм и культурная традиция. *Вопросы литературы*, № 12, с. 171-188.
САТУЛЛА, Є., 1966. В сім’ї Ернста Тельмана. Київ: Вид-во політичної літератури України, 120 с.
САТУЛЛА, Ї., 1941. У засніженій Фінляндії. Київ-Харків: Державне літературне видавництво, 32 с.

Mykola Vas’kiv
Kamjanets’-Podil’s’kyj Ivan Ohijenko National University, Ukraine

TEXT AS SELFCONVICTION: SOVIET-FINN WAR OF 1940 IN VIEW OF SOVIET NURSE

Summary

The article deals with the text analysis from the point of view of deconstructive methodology. The author shows the totalitaristic way of thinking of the epoch, imperial character of the war (from the position of the USSR), the defeat of the Krasnaya Army hidden by demagogy and ritual phrases.

KEY WORDS: Soviet-Finn war, deconstruction, official rhetoric, documentality.

Юлия Давидюк
Киевский национальный лингвистический университет
ул. Красноармейская 73, 03680 Киев Украина
Эл. почта: canada82@mail.ru
Научные интересы: стилистика, лингвопоэтика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика

ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается эффект обманутого ожидания как один из типов выдвижения, который в большинстве случаев трактуется как отклонение от общеязыковой или собственной нормы языка и вероятностных характеристик элементов текста. В структуре художественного текста обманутое ожидание квалифицируется как один из типов непредсказуемости и как содержательная категория, обладающая функцией комического. Приводятся примеры использования эффекта обманутого ожидания в новеллах О. Генри.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эффект обманутого ожидания, структура, художественный текст, предсказуемость, неожиданность.

Структура художественного текста – это многоликое понятие. Под структурой художественного текста может иметься ввиду широкое обобщение всех существенных свойств и категорий текста. Как пишет В.А. Лукин, предварительное определение структуры текста заключается в том, что она есть итог процессов когезии и когерентности текста, подводя который исследователь получает обобщенную картину устройства текста (Лукин 1999, с. 105). В зависимости от цели и подхода исследования в одном и том же художественном тексте можно обнаружить некоторое множество структур. Л. А. Новиков считает, что сложная структура художественного текста проявляется во взаимосвязанных и в тоже время различных уровнях: идейно-эстетическом, жанрово-композиционном и языковом (Новиков 1988, с. 15). Идейно-эстетический уровень – это воплощенное в художественном тексте в соответствии с авторским замыслом содержание литературного произведения, а сложная структура содержания, как считает И.В. Арнольд, соответственно требует и сложной системы выражения и передается не отдельными элементами, а их взаимодействием в целостной структуре сообщения (Арнольд 1974, с. 42). К сложной системе выражения, И.В. Арнольд относит принципы выдвижения, которые устанавливают иерархию значений и элементов внутри художественного текста и выдвигают особо важные части сообщения. В нашей статье мы рассмотрим наиболее неожиданный прием выдвижения – обманутое ожидание. Этот тип выдвижения разрабатывался разными учеными и в большинстве случаев трактовался в плане отклонения от нормы общеязыковой или собственной нормы языка и вероятностных характеристик элементов текста. Считается, что сам термин «обманутое ожидание» был предложен Р. Якобсоном, который считал его «приправой к художественному тексту» (Якобсон 1987, с. 85) и общим принципом всякого речового изменения, производимого со стилистической целью. Но сам Р. Якобсон полагает, что теоретиком обманутого ожидания можна называть Эдгара Аллана По. Выдающийся американский писатель и поэт в своей статье «Marginalia [Заметки на полях]» размышляя о рифме, писал так: «Рифма всегда ожидалась. Когда глаз достигал конца строки, длинной или короткой, ухо ожидало рифмы. Об *элементе неожиданности*, иначе говоря, оригинальности никто не помышлял. Однако, говорит Бэкон (и как верно!), «не бывает утонченной красоты без некой необычности в пропорциях». Уберите этот элемент необычности, неожиданности, новизны, оригинальности – называйте его как угодно – и все волшебство красоты сразу же исчезнет. Мы теряем неведомое – смутное – непонятное, ибо оно предлагалось нам, прежде чем мы успевали рассмотреть его и постичь <… > Рифма достигает совершенства только при сочетании двух элементов: равномерности и *неожиданности.* Но как зло не может

существовать без добра, так неожиданное должно возникать из ожидаемого». И далее, анализируя стихотворение «Ворон», Эдгар По пишет: «Прежде всего необходимы разделенные равным расстоянием и правильно повторяющиеся рифмы, образующие основу, нечто ожидаемое, на фоне которого возникает *неожиданное*; оно достигается введением новых рифм, но не произвольно, а так, чтобы это было всего неожиданнее» (Эдгар По 1977, с. 161).

В работах других исследователей, в особенности Я. Мукаржовского и С. Левина также указывается на важность непредсказуемости в повествовании поэтических фигур и «модели предсказуемости», которая достигается, когда автоматический процесс интерпретации замедляется или останавливается и происходит процесс выдвижения непредсказуемых элементов. В таком случае внимание читателя привлекает не только информационное содержание текста, но и другие его качества, обычно не фиксированные в стандартных высказываниях – звуковые эффекты, сходство и различие элементов в их оформлении и смысле, их повторяемость в тексте. Выявление и восприятие этих дополнительных характеристик в большей мере определяет воздействие художественного текста на читателя (цит. по Гальперин 1989, с. 9).

И. Р. Гальперин считает, что для разных читателей степень предсказуемости будет разной, так как она определяется целым рядом разнообразных факторов. Предсказуемость – это не только способность получателя языкового сообщения предугадать, какой элемент будет следовать за уже переданными элементами, но и ожидать этот элемент в связи с ранее накопленным опытом языкового общения (Гальперин 1974, с. 37).

Как стилистический прием, эффект обманутого ожидания проявляется в нарушении линейности речи, когда на фоне увеличения упорядоченности элементов контекста появляется элемент низкой предсказуемости, прямо противоположный ожидаемому, а поэтому он требует повышенной активности и внимания читателя (Арнольд 1999, с. 239). С точки зрения психологии восприятия, эффект обманутого ожидания – нарушение плавного процесса предвидения: реципиент настраивается на определенную информацию и одновременно предполагает следующий элемент, т.е. ожидает реализацию задуманного плана на определенном отрезке текста и его ожидание либо реализуется либо обманывается (Донгак 2000, с. 112). С точки зрения теории информации известно, что наибольшую и самую важную информацию несут сообщения с нарушением ожидаемого или сложившегося порядка; информативность сообщения увеличивается с уменьшением вероятности (Арнольд 1999, с. 240). М. Риффатерр в статье «Критерии стилистического анализа» пишет, что вероятность возникновения элементов в письменной цепочке различна, поэтому, исходя из анализа последовательности, можно в определенной степени предсказать появление этих элементов. Именно поэтому декодирование письменного текста является более неустойчивым по сравнению с декодированием устной речи. Поскольку читатель может интерпретировать текст по-своему, то есть его интерпретация может противоречить интенциям автора, то автор должен «контролировать декодирование своим закодированием», пытаясь привлечь внимание читателя к тем элементам текста, которые представляются ему важными. А поскольку «предсказуемость приводит к эллиптическому декодированию, важнейшие элементы должны быть непредсказуемыми» (Риффатерр 1980, с. 73). Автор считает, что если отправитель хочет обеспечить нужное ему толкование литературного произведения, единственное, что он может сделать, это помешать читателю предсказать какую-либо важную особенность. Предсказуемость может привести к поверхностному чтению; непредсказуемость требует внимания: интенсивность восприятия должна соответствовать интенсивности сообщения. Важную роль в возникновении непредвиденных элементов играет стилистический контекст, что, по определению Риффатерра, является «лингвистической моделью, которая вдруг нарушается непредсказуемым элементом» (Риффатерр 1980, с. 87). Иными словами, стилистический контекст – это языковая норма, а стилистический прием – отклонение от нее. Стилистический контекст порождает эффект обманутого ожидания, который стимулируется усиленным ожиданием, т.е. особой

упорядоченностью контекста. Чем контрастнее контекст-норма по отношению к непредсказуемому элементу, тем больший художественный эффект создает введение этого элемента в контекст. Р.А. Киселёва считает, что подобная трактовка позволяет ответить на вопрос о том, почему один и тот же языковой элемент, обладая высоким стилистическим потенциалом в одном контексте, теряет стилистическую заряженность в другом (Киселёва 1970, с. 38).

Эффект обманутого ожидания может встречаться на любом уровне языка (Арнольд 2002, с. 56). По мнению Р.А. Киселёвой, на лексическом уровне это могут быть комические авторские неологизмы, жаргонизмы, вульгаризмы, введенные в литературный стиль, так как они обладают низкой степеню предсказуемости; либо слова высокого поэтического стиля, введенные в разговорный стиль. На синтаксическом уровне эффект обманутого ожидания может создаваться неожиданным появлениям предложений с инверсией (Киселёва 1970, с. 38). На фонетической уровне примером обманутого ожидания могут служить (если мы обратися к стихосложению) резкие изменения метра, в виде переноса, т. е. несовпадение синтаксической и стиховой организации (Арнольд 2002, с. 57).

В.В. Овсянников в статье «Сублимированные формы языкового комизма» рассматривает эффект обманутого ожидания как содержательную категорию. Главным аргументом, который доказывает эту точку зрения, является тот факт, что непредсказуемость может быть внешней (языковая единица какого-либо высказывания – языковая система) и внутренней (языковая единица – ее контекст). Эти виды непредсказуемости могут совпадать и могут встречаться порознь. Но обманутое ожидание является функцией только второго вида непредсказуемости (Овсянников 1981, с. 64). Как термин стилистики, обманутое ожидание должно характеризировать особую разновидность дополнительного смысла и, следовательно, квалифицироваться как содержательная категория. Далее автор статьи предлагает выделить следующие критерии выделения обманутого ожидания:

1) структурно-семантический;
2) композиционный;
3) коммуникативный.

В структурно-семантическом плане обманутое ожидание имеет двухчастную структуру «нарастание – разрядка». В «нарастании» значения связаны на основе отношений тождественности (близости), «разрядка» позиционирует отношения противоположности (неравенства). С этой точки зрения эффект обманутого ожидания можно наблюдать в антиклимаксе.

Обманутое ожидание реализируется в речи как композицонно-языковое единство, в котором семантическая транспозиция сопровождается композиционной. Именно благодаря этому данное единство легко вычленяется из контекста, функционируя в художественном произведении в качестве микроанекдота (Овсянников 1981, с. 65). В коммуникативном плане эффект обманутого ожидания представляет собой высказывание, в котором реализуются две противоположные по интенции коммуникативные установки; причем они могут действительно присутствовать либо создается иллюзия их присутствия. С этих точек зрения, по мнению В.В. Овсянникова, обманутое ожидание наблюдается в диалогическом единстве «реплика-контрреплика» и комическом определении. Все три рассмотренные виды обманутого ожидания автор статьи относит к композиционно-языковым моделям, которые обладают единственной функцией – функцией комического (Овсянников 1981, с. 70).

Говоря об эффекте обманутого ожидания, нельзя не вспомнить о таком стилистическом приеме как парадокс. Многие исследователи утверждают, что обманутое ожидание лежит в основе создания художественного парадокса (Овсянников 1981; Семен 1987; Банникова 1995; Донгак 2000; Золотарёва 2010). Парадокс является определенной словесной композицией и как фигура речи используется в разных функциональных стилях, неся в себе большой заряд стилистической информации, является одним из эффективных средств воздействия на читателя. Парадокс, так же как и обманутое ожидание, тяготеет к сублимированным формам языкового комизма (Золотарёва 2010, с. 97). Он обладает особой

семантико-синтаксической организацией: в первой части высказывания определяется область предметных отношений, во второй – привычная гармония этих предметных отношений разрушается. Однако, в целом возрастание предсказуемости в парадоксе имеет более сложную природу из-за особого соотношения контекста высказывания и фонового знания (Золотарёва 2010, с. 97). Одним из приемов парадоксальности является неожиданный сюжетный ход, всякий поворот, который произошел вопреки ожиданию и предположению воспринимающего. Такое нарушение линейной последовательности сюжета производит эффект «обманутого ожидания», происходит сдвиг в нарративе (Золотарёва 2010, с. 98).

Если рассматривать эффект обманутого ожидания с позиций структуры художественного текста, то здесь стоит отметить, что эффект обманутого ожидания играет важную роль в обеспечении связности и структурности текста. Вообще для любого вида стилистики текстом, закодированнным кодами языка, считается литературно-художественное произведение. Будучи представленным для передачи информации и эмоционального воздействия на читателя, литературно-художественное произведение – это внутренне связанное целое, которое обладает идейно-художественным единством. Важным составляющим фактором связности стилистического порядка является эффект обманутого ожидания, поскольку его функция в тексте – установление связей между элементами текста, усиления эстетического и эмоционального воздействия, создания избыточности, которая защищает текст от помех (Арнольд 1999, с. 155). Структурная целостность текста тесно связана с его завершенностью в сильных позициях, т.е. в начале и конце. Понимание прочитанного проявляется через определенное прогнозирование, и сильная позиция в начале текста, а также в заголовке дает представление читателю о чем пойдет речь в сообщении, и каким образом будет интерпретироваться текст. Выделение сильных позиций в качестве опорных точек лежит в основе творческой активности читателя в процессе вероятного прогнозирования, а какое-либо отклонения от ожидаемого требует коррекции внимания и повышает таким образом активность читателя. При этом повышается и экспрессивность художественного произведения.

Эффект обманутого ожидания достаточно широко используется в творчестве О.Генри. Его новеллы – это сплошная ирония и парадоксальность, построенные на обманутом ожидании. Возьмем к примеру новеллу «Золото и любовь» („Mammon and the Archer"). Главный герой этой новеллы Энтони Рокволл – человек, который уверен в том, что за деньги и золото можно купить что угодно, даже любовь и время. Ему противопоставляется собственный сын Ричард, уверенный в обратном, что за деньги нельзя купить ни минуты времени; а любовь – всесильна. Он хотел бы признаться в своих чувствах молодой девушке, но у нее нет ни минуты свободного времени. Тогда отец, которого деньги сделали сильным и могущественным человеком, решает помочь своему сыну добиться расположения юной девушки. Изобретательность Энтони станет полной неожиданостю для читателя, который, читая рассказ, свято верит в счастливый случай. Финал рассказа производит еще один эффект обманутого ожидания: с помощью денег главный герой не только создал благоприятную ситуацию для сына, но и попытался купить самого Купидона (the Archer), образ которого упоминается только в самом конце, что и становится полной неожиданностью для читателя: *„You didn't notice," said he, „anywhere in the tie-up, kind of a fat boy without any clothes on shooting arrows around with a bow, did you?" „Why, no," said Kelly, mystified. "I didn't. If he was like you say, maybe the cops pinched him before I got there." "I thought the little rascal wouldn't be on hand,» chuckled Anthony. «Good-bye, Kelly"* (O. Henry Short Stories, с. 92).

О. Генри достаточно ярко показал как американская формула «время – деньги» переосмысляется и приобретает форму «деньги – время». Само переворачивание смыслов уже парадоксально и приводит к неожиданной развязке (Сибирцева 2009, с. 45) и, как следствие, вызывает у читателя эффект обманутого ожидания.

Еще одна новелла О.Генри которая обманывает ожидания читателя в связи с неожиданной концовкой – «Роман биржевого маклера» («The Romance of a Busy Broker»).

Это рассказ о Максвелле, типичным нью-йоркском биржевом маклере, который, приходя на работу, настолько погружается в «свои дела», что становится «не человеком, а машиной, которой двигают колеса и пружины». Максвелл настолько занят, что даже не помнит о своем распоряжении найти другую стенографистку на место прежней – мисс Лесли, которая проработала у него уже год. Финансовый мир настолько выжимает все соки из Максвелла, что он вспоминает о мисс Лесли только к обеду. Опьяненный запахом ее духов, который доносится из соседней комнаты, Максвелл, имея только минуту свободного времени, решает поговорить с молодой стенографисткой … и, совершенно неожиданно, делает ей предложение руки и сердца. На что стенографистка Лесли отвечает, что они уже обвенчались вчера в маленькой церкви за рогом. Для читателя является неожиданным не только сам финал рассказа, но и поведение главного героя (предложение руки и сердца на бирже во время обеденного перерыва), поскольку весь рассказ построен на работе Максвелла, из-за которой он не находит достаточного времени для любви, и на том, как важно точно и быстро действовать на бирже, чтобы добиться успеха. Как пишет сам О.Генри *«Stocks and bonds, loans and mortagages, margins and securities – here was a world of finance, and there was no room in it for a human world or the world of nature»* (O. Henry Short Stories, с. 110). Чтобы наглядно продемонстрировать действие на читателя эффекта обманутого ожидания, мы приведем ниже концовку этой замечательной новеллы:

"Miss Leslie," he began hurriedly, "I have but a moment to spare. I want to say something in that moment. Will you he my wife? I haven't had time to make love to you in the ordinary way, but I really do love you. Talk quick, please--those fellows are clubbing the stuffing out of Union Pacific."

"Oh, what are you talking about?" exclaimed the young lady. She rose to her feet and gazed upon him, round-eyed. "Don't you understand?" said Maxwell, restively. "I want you to marry me. I love you, Miss Leslie. I wanted to tell you, and I snatched a minute when things had slackened up a bit. They're calling me for the 'phone now. Tell 'em to wait a minute, Pitcher. Won't you, Miss Leslie?"

The stenographer acted very queerly. At first she seemed overcome with amazement; then tears flowed from her wondering eyes; and then she smiled sunnily through them, and one of her arms slid tenderly about the broker's neck. "I know now," she said, softly. "It's this old business that has driven everything else out of your head for the time. I was frightened at first. Don't you remember, Harvey? We were married last evening at 8 o'clock in the Little Church Around the Corner" (O. Henry Short Stories, с. 112).

Не только в этих новеллах мы можем наблюдать эффект обманутого ожидания, многие рассказы О.Генри имеют финальную неожиданность. Б.М. Эйхенбаум в статье «О.Генри и его новелла» пишет, что сама финальная неожиданность приобретает характер игры с сюжетной схемой и с ожиданиями читателя. Конструктивные приемы намеренно обнажаются в своем чисто-формальном значении, мотивировка упрощается, психологический анализ исчезает. На этой основе развиваются новеллы О. Генри, в которых принцип приближения к анекдоту доведен, кажется, до предела (Эйхенбаум 1927, с. 2). И далее он пишет: «основной стилистический прием Генри (сказывающийся и в диалогах и в самой сюжетной конструкции) – сталкивание очень далеких, друг с другом как-будто не связанных и в этом смысле *неожиданных* слов, понятий, предметов, чувств. Неожиданность, как пародийный прием, служит, таким образом, принципом построения самой фразы. Недаром он так избегает последовательных, добросовестных описаний, а герои его иногда говорят совершенно бессвязно, при чем такой набор фраз мотивируется особенными обстоятельствами или причинами (Эйхенбаум 1927, с. 5).

Итак, рассмотренный нами эффект обманутого ожидания играет важную роль в структуре художественного текста, так как неожиданность всегда бросается в глаза и эмоционально воздействует на читателя, вызывая комический эффект. При этом неожиданность не всегда бывает неизменно благополучной, хотя именно такая неожиданность присуща новеллам О. Генри. Этот эффект имеет достаточно разнообразные основания, проявляется на всех уровнях языка, а в художественном тексте может занимать

сильные позиции, т.е. позиции в начале и в конце произведения, причем эффективность его зависит не только от мастерства автора или писателя, но и от природы самого стилистического приема. Одна из главных его функций в художественном произведении – создание механизма экспрессивности, эмоционально и эстетически влияя таким образом на сознание восприятия читателя.

ЛИТЕРАТУРА

АРНОЛЬД, И. В., 1974. *Стилистика декодирования.* Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена.

АРНОЛЬД, И. В., 1999. *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.* Санкт-Петербург: издательство Санкт-Петербургского университета.

АРНОЛЬД, И, В., 2002. *Стилистика современного английского языка: Учебник для вузов.* Москва: Флинта.

БАННИКОВА, И. А., 1995. Парадокс в стилистическом контексте детектива. *Вопросы романо-германского языкознания*. Выпуск 11, с. 17-23.

ГАЛЬПЕРИНА, Л. И., 1989. К вопросу об эффекте подтверждённого ожидания и его роли в структуре художественного текста. *Структурно-содержательные характеристики текста: Сб. науч. трудов*. Фрунзе: КГУ, с. 8-17.

ГАЛЬПЕРИН, И. Р., 1974. *Информативность единиц языка.* Москва: Высшая школа.

ГЕНРІ, О., 2011. *Оповідання=Short stories.* Харків: Фоліо.

ДОНГАК, С.Б., 2000. О содержании понятия «обманутое ожидание». *Риторика в свете.* http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070278.pdf

ЗОЛОТАРЁВА, С. А., 2010. Парадокс – стимуляция имплицитных шагов в высказывании («обманутое ожидание»). *Вестник Дагестанского научного центра,* № 36, с. 96 – 100.

КИСЕЛЁВА, Р. А., 1970. Вопросы методики стилистических исследований в работах М.Риффатера. *Вопросы теории английского и русского языков*. Вологда: ВГПИ, с. 33 – 43.

ЛУКИН, В. А., 1999. *Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа.* Москва: «Ось–89».

НОВИКОВ, Л, А., 1988. *Художественный текст и его анализ.* Москва: Русский язык.

ОВСЯННИКОВ, В. В., 1981. Сублимированные формы языкового комизма. *Интерпретация худ. текста в языковом вузе*. Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, с. 64 - 71.

ПО, Е. А., 1977. Marginalia [заметки на полях]. *Эстетика американского романтизма.* Москва: Искусство, с . 153-172, 441- 444.

РИФФАТЕР, М., 1980. Критерии стилистического анализа. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика.* Москва: Прогресс, с. 69 – 98.

СЕМЕН, Г.Я., 1987. Парадокс как стилистический прием . *Филологические науки*. № 5 (161), с. 80-83.

СИБИРЦЕВА, Е. И., 2009. Проблема национальной идентичности в новеллах О.Генри в контексте поэтики парадоксального. *Филологические науки,* № 1, с. 40- 47.

ЭЙХЕНБАУМ, Б. М., 1927. О.Генри и теория новеллы. *Сборник «Литература: Теория. Критика. Полемика»*. Ленинград: Прибой. // http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry01.html

ЯКОБСОН, Р. О., 1987. *Работы по поэтике.* Москва: Прогресс.

Julia Davydyuk
Kiev National Linguistic University, Ukraine
Research interests: stylistics, linguopoetics, text linguistics, cognitive linguistics

THE EFFECT OF DEFEATED EXPECTANCY IN THE STRUCTURE OF THE LITERARY TEXT

Summary

This article deals with the effect of the defeated expectancy as one of the types of actualization, which is treated in the most cases as a deviation from common language or its norm and probabilistic characteristics of text's elements. As a stylistic device, the effect of defeated expectancy is manifested in violation of the linearity of language, i.e., when the elements of low predictability appear in the text, creating opposite expectations and requiring reader's attention. This effect can be found at all levels of the language, playing different functions and enhancing the aesthetic and emotional impact on the reader. In the structure of the literary text the effect of defeated expectancy can occupy strong positions and is qualified as one of the types of unpredictability and as meaningful category that has comic function. The effectiveness of defeated expectancy depends not only on the skill of the author, but also on the nature of the stylistic device. The author gives the examples of the effect of defeated expectancy in O. Henry's short stories.

KEY WORDS: the effect of defeated expectancy, structure, literary text, predictability, suddenness.

Нина А. Левковская
Московский государственный институт международных отношений МИД
Кафедра английского языка
пр. Вернадского 76, 119454, Москва, Россия
E-mail: english1@mgimo.ru
Научные интересы: стилистика английского языка

ЯЗЫКОВЫЕ И ТЕКСТОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭССЕ

В статье рассматриваются лингвистические и текстовые характеристики журнального политического эссе, основанные на особенностях эссе как синтетического жанра. Выделены типы журнального политического эссе, а именно, эссе-анализ и эссе-рецензия; проанализировано различие между ними на структурном и содержательном уровнях с учетом характера фактуальной соотнесенности и логической интерпретации фактов действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журнальное политическое эссе; эссе-анализ; эссе-рецензия; фактуальная; логическая; интерпретация.

1. Важность темы

Политическая жизнь социума в государстве всегда находилась в непосредственной зависимости от речевого поведения идеологических лидеров, чье красноречие помогало не только завоевывать симпатии электората, но и поднимать на борьбу целые народы. «Словом разрушали города», - писал Николай Гумилев, и с этим трудно не согласиться.

Политическое слово традиционно идентифицируется с личностью оратора, хотя в современном мире его подлинным автором зачастую является анонимный «спичмейкер», отводя публичному лицу лишь роль исполнителя. Это явление не случайно, поскольку сила речевого воздействия находится в непосредственной связи с языковыми параметрами текста, и добиться максимального эффекта может лишь специалист.

«Расщепление» авторства публичных выступлений политических лидеров – вопрос интересный, но сложный для изучения, так как он связан с рядом практических и этических трудностей. Эти трудности, однако, не распространяются на исследование языковых особенностей политического эссе, которое существует в двух основных формах – в печатной форме и в Интернете.

Эссе представляет собой особый синтетический тип текста, который, по мнению современных исследователей, вбирает в себя многие жанры, такие как воспоминания, дневники, очерки, публицистические статьи, и пр. (Эльяшевич А., Кройчик Л. Е., Канторович В. Я., Иванова Н.) Поэтому некоторые лингвисты считают, что эссе трудно выделить как отдельный жанр, и следует скорее говорить об «эссеизме» как качестве текста. Установить подлинный жанр эссе можно только при анализе его содержательной стороны.

Каким бы ни был этот жанр, основным дистинктивным признаком эссе является субъективное восприятие его создателя, выраженное в форме прямого авторского высказывания. При этом характерной содержательной особенностью политического эссе является его соотнесенность с конкретными фактами действительности - реальными событиями, актуальными для современной социально-политической ситуации.

2. Типы журнального политического эссе

Объектом анализа данного исследования является журнальное политическое эссе, которое рассматривается на основе выборки из Британского журнала “The Economist” и американского журнала “Foreign Affairs” за 2011-2012 год.

Существуют различные подходы к классификации типов журнального эссе. Остановимся на двух его типах, которые можно выделить по принципу причастности автора к анализируемым фактам, исходя из того, что личная трактовка темы может иметь либо первичный, либо вторичный характер. Первичная трактовка основана на непосредственном восприятием фактов и их интерпретации автором эссе; вторичная трактовка опирается на опосредованное восприятие, которое формируется на основе чужого взгляда на анализируемое явление. В первом случае мы имеем дело с трактовкой фактов действительности (эссе-анализ); втором случай – это «трактовка трактовки», то есть интерпретация фактов действительности, представленных через призму восприятия другого человека (эссе-рецензия). Оба вида эссе характеризуются индивидуально-субъективным взглядом автора, объективированным при помощи логической аргументации.

3. Эссе-анализ

Рассмотрим лингвистические характеристики первого типа, эссе-анализа, на примере статьи из журнала “The Economist”: “The Conservative Party and Ethnic Minority Voters: David Cameron’s Race Problem”, напечатанной под рубрикой “Bagehot’s Notebook” (Bagehot 2012)[106]. Статья посвящена анализу попыток консервативной партии лучше понять интересы азиатских представителей британского электората и выяснить причины недостаточной поддержки с их стороны. В статье представлены объективные события и факты, связанные с темой: история вопроса и конкретные временные рамки, статистические данные о незначительном участии этнических меньшинств во всеобщих парламентских выборах 2010 года, цитаты из выступлений политических деятелей и пр. Все это является фактуальной основой для выражения подчеркнуто индивидуальной позиции автора эссе, которая эксплицитно формулируется в последнем абзаце статьи: “... Britain is changing. If Tories want to win elections, they will adapt. They have no choice”. Этот вывод отмечен категоричностью, которая достигается при помощи ряда языковых средств: коротких синтаксических конструкций, эмфатического употребления глагола will в модальном значении и усиления модальности при помощи краткого объяснения “They have no choice” в финальной позиции.

Экспрессивная окрашенность вывода объективирована не только благодаря фактуальной основе, но и вследствие использования логических умозаключений, которые обладают важной особенностью, характерной для эссе. Данная особенность заключается в том, что эти умозаключения имеют двойственную природу. По форме они тяготеют к жесткой причинно-следственной логике, а по содержанию отражают случаи, где причинно-следственная связь вовсе не очевидна. «Магия» логической формы в таком случае срабатывает в интересах автора, превращаясь в эффективный механизм экспрессии и эмоционального воздействия, который можно отнести к средствам имплицитной оценочности (Левковская 2011)[107]. Примеры подобной «экспрессивной логики» можно найти в любой журнальной статье на политическую тему. Приведем пример из эссе, которое мы рассматривали выше:

To win majorities in future, the Conservative party needs more MPs like Paul Uppal – a state-educated Sikh entrepreneur who cut across class and ethnic lines to snatch the seat of Wolverhampton South West from Labour.

В этом отрывке сформулировано условие (more MPs who cut across class and ethnic lines), которое приведет к искомому следствию (to win majorities in future) через промежуточную ступень (to snatch the seat… from Labour), что станет причиной победы консерваторов. В действительности, причинно-следственная связь между этими событиями отнюдь не бесспорна. Автор эссе высказывает лишь свое личное мнение по поводу важности

[106] The Conservative Party and Ethnic Minority Voters: David Cameron’s Race Problem: The Economist, 03.03.2012.
[107] Левковская Н.А., 2011. Эксплицитная и имплицитная оценочность англо-язычного политическог дискурса (в печати) – № 21(627).

привлечения этнических меньшинств на сторону консерваторов. Этот пример иллюстрирует типичный случай употребления экспрессивной логики в журнальном политическом эссе.

4. Эссе-рецензия

Данный тип эссе характеризуется наличием текста-основы, который является объектом авторской интерпретации, вследствие чего позицию автора такого типа эссе можно обозначить как опосредованную. Между автором текста-основы и автором рецензии происходит своего рода диалог, где активной стороной выступает рецензент-эссеист, лишая своего оппонента возможности ответить на его критику.

В своем тексте рецензент апеллирует как к исходному тексту-основе, так и к реальным фактам и явлениям действительности, сопоставляя их между собой. Таким образом, можно сказать, что фактуальная референция эссе-рецензии имеет двойственную природу. Эта стратегия отличает данный тип эссе от рассмотренного выше эссе-анализа, где отсылки к различным источникам информации гораздо менее детерминированы и произвольно выбираются автором для подтверждения своих взглядов.

Языковой особенностью эссе-рецензии является ее довольно четкая структура, включающая в себя введение темы (фактуальной информации по изучаемому вопросу), сведения об авторе текста-основы, его краткий пересказ, выделение главных тем и идей, и оценочный комментарий, базирующийся на субъективном восприятии рецензента. Как и в эссе-анализе, субъективная модальность изложения здесь объективирована при помощи аргументации (экспрессивной логики) и апелляции к фактуальной основе - как первичной (реальные факты и явления), так и вторичной (рецензируемый текст).

Рассмотрим эссе-рецензию Тимура Курана (Kuran 2012) «West is Best? Why Civilisations Rise and Fall", напечатанную в журнале Foreign Affairs[108], на книгу "Why the West Rules – For Now" Иана Морриса (Ian Morris). Структура эссе полностью отвечает требованиям данного жанра. Краткое содержание книги Морриса сводится к объяснению причин экономического отставания Китая и Ближнего Востока в середине-конце прошлого века. Куран отмечает основную мысль Морриса о том, что главная причина отставания коренилась в географическом положении данных регионов. Рецензент заявляет, что он не согласен с таким объяснением, считая его слабой стороной книги:

The lack of a unifying theory to explain why the present growth spurt is so different is the book's key shortcoming. According to Morris, whereas geography defines opportunities, sociology and human motivations determine how those opportunities are exploited. But the sociological side of the book's narrative is weak. Morris describes history as the formation and fall of dynasties, political centralisation, spurts of creativity followed by inertia, and the evolution of beliefs. Yet he does not weave these stories together within an overarching theory of history.

На примере этого отрывка можно проследить ряд языковых и текстовых особенностей, свойственных политическому эссе-рецензии. В первую очередь, это относится к структурной организации эссе: критикуя позицию автора, Куран отмечает ее основной недостаток (lack of a unifying theory) и обосновывает свою критику в рамках довольно четкой структуры. Эта структура включает в себя ссылку на источник (according to Morris…), выражение несогласия при помощи противительного союза и индивидуальной оценки (but sociological side of the book's narrative is weak), краткую формулировка основной идеи теории, Мориса и т.д.

Вторым важным параметром текста данного эссе является, как мы отмечали выше, его двойственная фактуальная соотнесенность: Куран опирается не только на текст рецензируемой книги, но и на конкретные факты действительности, подтверждающие мнение критика:

Early in the book, Morris notes that only the latest reversal, when the West started to pull ahead, allowed one side to colonize and subjugate the other. This point fades from view as he turns to interpreting

[108] West is Best? Why Civilisations Rise and Fall" by Timur Kuran: Foreign Affairs, Jan-Feb 2012

historical facts. But it is no small matter. Until the 1700s, the East and the West remained politically independent of each other, regardless of which side was ahead, and neither side enjoyed unchallenged military supremacy. The last reversal, moreover, had another unique trait: self-reinforcing growth. In both regions, the level of development had been constrained for millennia by the limitations of agrarian life (...)

Как видно из этого отрывка, рецензент апеллирует к историческим и геополитическим факторам, оказавшимся вне поля зрения автора книги, тем самым указывая на слабые стороны теории Морриса. Языковыми усилителями содержательной стороны анализа выступают эвфемизм «this point fades from view», литота «but it is no small matter», и т.д. Несмотря на использование этих приемов, как бы сглаживающих критику рецензента, его позиция выражена достаточно четко.

5. Общие выводы

Проведенный анализ позволяет заключить, что журнальное политическое эссе имеет следующие характеристики.

С типологической точки зрения, оно подразделяется на эссе-анализ и эссе-рецензию. Их главное различие прослеживается на структурном и содержательном уровне. Структура эссе-анализа более свободна и менее детерминирована, чем структура эссе-рецензии, поскольку эссе-рецензия состоит из набора содержательных блоков, заданных параметрами жанра.

С содержательной точки зрения, различие между двумя типами эссе базируется на характере референтной соотнесенности с фактуальной основой. Эссе-рецензия, в отличие от эссе-анализа обладает «двойственной фактуальностью», опираясь как на рецензируемый текст, как и на факты реальной действительности.

Наряду с отличиями, оба типа эссе имеют общие характеристики, к которым относится использование экспрессивной логики, выраженность позиции автора, сочетание объективной и субъективной модальности и другие.

ЛИТЕРАТУРА

КУРАЧЕК, О.Ф., 2003. Логические и экстралогические средства убеждения на материале английского языка // *Коммуникативные стратегии: материалы докладов Международной научной конференции*, Минск, 28-29 мая.
ПОЧЕПЦОВ, Г.Г., 2003. *Теория коммуникации*. Москва, Ваклер, 277 С.
ЧУДИНОВ А.П. *Политическая лингвистика*
http://www.litres.ru/anatoliy-chudinov/politicheskaya-lingvistika/?gclid=CLeZoreB3a8CFYSIDgodhBRu_A
КОЗЫРЕВ Г.И., 2011. *Политическая конфликтология* : учеб. пособие – М. Форум: Инфра-М, 430 С.
ТЕРНОВАЯ, Л.О., 2012. *Парагеополитика* / - М Альфа-М, 653 С.
БАЗЫЛЕВ В.Н., 2010. Политика и лингвистика: «В начале было «Слово» - *Политическая лингвистика*. - Вып. 3 (33). - Екатеринбург, С. 9-25

Nina A. Levkovskaya
Moscow Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs
Research interests: English stylistics

LINGUISTIC AND TEXTUAL PARAMETERS OF MODERN POLITICAL ESSAY

Summary

The paper examines linguistic and textual characteristics of the journal political essay defining the ‘synthetic’ nature of the genre, and outlining two types of text within the genre, i.e. essay-analysis and essay-review. Distinctive features of both types are identified along the lines of structure and content on the basis of factual reference and logical interpretation of reality.
KEY WORDS: journal political essay, essay-analysis, essay-review, factual, logical, interpretation.

Юлия Подлубнова
Уральский федеральный университет
tristia@yandex.ru
Научные интересы: жанрология, история литературы XX века, современный литературный процесс, история литературы Урала, литературная жизнь на Урале.

ХАРАКТЕР АВТОБИОГРАФИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА 1930-Х ГГ. (СЛУЧАЙ А. КОРЕВАНОВОЙ)

Появление в литературе начала XX века и актуализация такого жанра, как пролетарская автобиография в глобальном смысле связаны с обширными цивилизационными процессами, происходившими в конце XIX – начале XX века в Европе, Америке, России и еще ряде стран, идущих по пути капитализма, наращивающих индустриальный потенциал и включенных в процесс научно-технического прогресса. Именно научно-техническая революция, породившая новые способы производства и изменившая отношение к труду и быту человека, стала причиной так называемого «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет), пришедшегося на XIX в. и продолжившегося в XX в. Массовая культура в рамках своего поля нивелирует ранее непроходимую пропасть между разными социальными группами, предлагая им взамен унифицированного массового человека, наделенного функциями потребления и порождения продуктов культуры, ценность которых не измеряется эстетическими критериями, но лишь востребованностью в обществе. Если говорить о литературе, это приводит к увеличению количества пишущих и количества наивных авторов, полагающих, что любой написанный текст является полноценным произведением литературы. Пролетариат обретает голос в литературе начала XX в. именно на волне этих процессов.

Вслед за Ф. Энгельсом пролетариатом мы называем «тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, – класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т.е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции» (Энгельс). Как правило, в индустриальную эпоху пролетариат полностью отождествлялся с рабочим классом.

А.В. Луначарский, следивший за развитием пролетарской литературы начиная с 1910-е гг. и стоявший у истоков ее осмысления как феномена, среди ярких представителей пролетарской литературы называл австрийского рабочего А. Петцольда, датского коммуниста и коминтерновца М. Андерсена-Нексе, французского писателя Ш.Л. Филиппе и т.д. Все они начали свою творческую деятельность в конце XIX – начале XX в. и, что примечательно, все использовали возможности автобиографического повествования. «В области пролетарской прозы на Западе автобиографический роман в настоящее время есть наиболее полно выявившееся и наиболее оформившееся явление. <…> Обычно путь рабочего к литературе лежит через его автобиографию» (Анисимов, Динамов 20001, с. 207), – писали критики И. Анисимов и С. Динамов. В их статье, впервые опубликованной в 7 номере журнала «На литературном посту» за 1928 г., назван целый массив автобиографических произведений так называемой западной пролетарской литературы: «Мари Клэр» М. Оду, «Дети мертвого конца» А. Мак-Гила, «Здоровяка» Д. Стивенса, «Из записных книжек шахтера» Р. Доталлера, «Серая деревня» Ж. Тусселя и т.д.

В русской литературе автобиографии рабочих стали появляться уже в 1920-е гг., главным образом, на волне пролеткультовского движения. В частности, в начале 1920-х гг. определенную известность в стране получил писатель И. Лукашин, вышедший из среды мелких ремесленников и писавший о тяжелой участи рабочего в дореволюционной России. В начале 1930-х гг. процесс создания автобиографий пролетариатом, совпав с рапповской мобилизацией ударников в литературу, приобрел довольно массовый характер. Немалую роль здесь сыграла деятельность А.М. Горького. Во-первых, именно А.М. Горький,

написавший трилогию «Детство», «В людях», «Мои университеты», дал образец для подражания целой генерации пролетарских писателей-автобиографов. Во-вторых, А.М. Горький, активно включившийся в дело формирования советской литературы, привел сюда целый ряд писателей-пролетариев, чьи произведения принципиальным образом коррелировали с жанром автобиографии: см. «Маринкину жизнь» (1930) Е. Новиковой-Вашенцевой, «Мою жизнь, мою работу» (1934) Н. Изотова, «О счастьи» (1935) Г. Грековой, «Мою жизнь» (1936) А. Коревановой. При этом уже в середине 1930-х гг. советская литература создала некие эталоны пролетарской автобиографии – роман «Как закалялась сталь» (1928–1934) Н. Островского и «Педагогическую поэму» (1935) А. Макаренко, – после которых, потерявшие новизну жанра автобиографии стали восприниматься как явления, скорее, вторичные.

Нужно отметить, что массовый характер автобиографизма в стране преобразовывал само представление о литературном творчестве. Большинство пролетарских писателей, желающих поделиться своим биографическим опытом с читателем, писало непосредственно «с жизни», имея дело с голой фактографией и весьма смутно представляя особенности литературной обработки материала. «Я писал исключительно о фактах – это меня связывало. Иногда я попадал в плен к фактам. Написать иначе – значит фантазировать, перестать рассказывать то, что было» (Островский 1974, с. 208), – признавался Н. Островский, изначально создавший роман для того, чтобы поделиться своим опытом с комсой, а товарищи, высоко оценившие произведение, впоследствии нашли возможным его опубликовать. Установка авторов на «правду без всяких отклонений» утверждала приоритет живой жизни перед литературой. Произведение в таком случае нередко оценивалось именно с точки зрения богатства жизненного материала, отраженного в нем, что отодвигало художественные критерии на второй план. «Островский выше литературы!» – объявляли современники (Островский 1974, с. 316) и по-своему были правы, так как автомиф, созданный писателем, был в большей степени связан с самой героикой его жизни (а затем и смерти), нежели с художественными достоинствами его книг. Павка Корчагин был, без сомнения, улучшенной копией Н. Островского, но его биография являлась основным образом биографией самого писателя, фигуры героической и трагической одновременно, что не могли не осознавать современники и потомки.

Богатый жизненный опыт, заставляющий обращаться пролетариев к художественному слову и, как это нередко отмечалось в 1920–1930-е гг., являющийся мерилом ценности того или иного произведения, был востребован в литературе все же далеко не сам по себе. Автомифология пролетария в советской культуре приобретала ценность именно за счет пролетарской составляющей биографии ее автора. Как подчеркивалось в статье И. Анисимова и С. Динамова, «художник говорит о классе. Но класс он видит через себя. Таким образом, автобиография класса непосредственно сочетается с автобиографией писателя. “Я” автобиографического романа есть “Я” класса» (Анисимов, Динамов, 2001, с. 209). Создавая автомиф, пролетарский писатель как бы экстраполировал его на весь пролетариат, типизируя таким образом индивидуальный опыт, или за него это делала советская критика. Не случайно, в советской литературе востребованными оказались автобиографические произведения не просто рабочих (существование которых до революции могло быть вполне сносным, все зависело от квалификации самого рабочего, его желания трудиться и отношения к алкоголю), но, скорее, маргиналов, прошедших тяжелую школу жизни: нищету, унижения, безработицу и т.д.

Уральцы, без сомнения, внесли вклад в развитие автобиографического жанра в советской литературе 1930-х гг. Автобиографические произведения сделали всесоюзно известными таких писателей, как А. Авдеенко («Я люблю», 1933), А. Кореванова («Моя жизнь», 1936), а также упрочили литературную славу А. Бондина («Моя школа», 1934). Еще одно автобиографическое произведение этого времени повесть «Так начиналась жизнь» (1936) А. Савчука хоть и не получила большую известность в рамках Союза, но вошла в золотой фонд советской литературы Урала, о чем свидетельствуют ее позднейшие

переиздания в регионе массовыми тиражами и награждение А. Савчука в 1969 г. первой премии комсомола Среднего Урала (посмертно).

Названные произведения были довольно типичными образцами пролетарских автобиографий. Они несли на себе печать пролетарского мировоззрения, сформированного советскими представлениями о быте и бытии пролетариата в прошлом и настоящем. С точки зрения художественной пролетарские автобиографии также строились по одному шаблону, их непременными элементами были «Я»-повествование, описание «темного прошлого» и «счастливого настоящего» (если повествование доходило до настоящего), хронологическая выстроенность сюжета, социально обусловленный конфликт, документализм и т.п.

Как и все пролетарские автобиографии, книги уральцев являлись инструментами советской пропаганды на местах. Читатель этих книг знал, что автор живет где-то рядом, мог при желании встретиться с ним или его героями, также живущими нередко рядом, уровень доверия к сказанному в автобиографических произведениях в силу их потенциального документализма был предельно высоким.

Говоря о пролетарской автобиографии 1930-х гг., мы хотим остановиться только на одном уральском примере: Агриппина Кореванова, женщина-пролетарка, во весь голос заявившая о себе, когда ей было уже далеко за 60. Ее судьба, получившая литературное освещение, примечательна во многих отношениях: тяжелое детство, неудачное замужество, каторжный труд, унижения и внезапное освобождение от оков социального гнета, превращение в писателя, всесоюзная слава. «Вот Агриппина Кореванова. Жизнь ее протащила как сквозь мясорубку, через все свои дыры. Едва научившись ходить, она стала нянчить чужих детей. Ее морили голодом. Ее гноили в подвалах. Ее сажали в дом терпимости. Посмотрите теперь на Агриппину Кореванову. Старуха воскресла, она начала новое летоисчисление, новую жизнь, она и физически помолодела, она – лучшая общественница города Свердловска, учит жить на своем горьком опыте молодое поколение» (цит. по: Иовик, Ефимов, 2008) – этот показательный фрагмент речи принадлежит А. Авдеенко, выступившем на VII Всесоюзном съезде советов. В приведенных словах артикулируется смоделированный ранее в словесности и в риторике образ пролетарки, которая всем обязана советской власти. Сам А. Авдеенко попал на этот Съезд также благодаря автобиографическому роману. Он моделировал автомифологию по аналогичной схеме: из нищей Собачеевки, через беспризорничество – в передовики производства и советские писатели, приближенные к власти.

Расхожая схема, наполненная конкретным жизненным содержанием, в эпоху массового производства героев показательно становилась литературным фактом и запускала работу советского механизма социальных лифтов. Роман А. Коревановой «Моя жизнь», впервые опубликованный в свердловском журнале «Штурм» в 1933 г., был замечен практически ровесником уральской писательницы А.М. Горьким (год рождения А. Коревановой – 1869), а затем выпущен в рамках его проекта «История фабрик и заводов». Работница-крестьянка с Урала, написавшая автобиографический роман, очень быстро смогла сделать литературную карьеру: после его публикации ей дали премию Свердловского отделения СП Свердловского обкома партии и обкома ВЛКСМ и делегировали на Первый Всероссийский съезд писателей. К ее мнению стали прислушиваться, ей предоставили трибуну для высказываний в центральных и региональных газетах и т.д.

Очевидно, что «Моя жизнь» получила внимание А.М. Горького отнюдь не случайно. «Девушки Советского союза только тогда поймут, почувствуют все величие работы партии Ленина, когда они познакомятся с каторжным прошлым их матерей и бабушек» (Кореванова 1936, с. 5), – писал он в предисловии к этой книге. Автобиографии женщин-работниц писатель рассматривал как исторические документы, повествующие о тяжелой участи женщины-работницы в царской России. Автобиографические произведения пролетарок вслед за социальной риторикой тиражировали миф о темном прошлом и тяжелой участи

пролетариата в царское время, что оттеняло по контрасту советское настоящее даже тогда, когда автобиографы о нем не писали.

Однако случай А. Коревановой при всей его типичности был довольно уникальным. Расхожая схема «из пролетариев в писатели» далеко не полностью покрывала содержание автобиографической книги. Мировоззрение, а также набор поведенческих стратегий автогероини А. Коревановой и способы их репрезентации их в «Моей жизни» оказывались несколько шире привычных схем и предлагаемых пролетарской литературой стереотипов, хотя и не противоречили им принципиальным образом.

В частности, существенным моментом в плане конструирования автомифологии стало осознание писательницей своего творческого предназначения. Дело в том, что несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, подробно описанные в книге, А. Кореванова еще с молодости осознанно занималась писательским трудом. «Что же заставляло меня писать? Я думаю, две причины.

Первая причина – моя неудачная жизнь толкала меня на самоубийство. И вот я решила записать все мои мученья, чтобы нашли люди после смерти мои тетради и узнали бы причину, заставившую меня покончить с собой.

Вторая причина – это злоба и ужас перед несправедливостью жизни, гнев за угнетение женщины и за ее бесправие, жалость к бедным и ненависть к тугому кошельку. Обо всем этом я писала, хотя и неумело, плохими литературными словами, но с жаром и горечью. Злобно высмеивала я своих врагов и обличала несправедливость. Толку, конечно, от этого писания было мало, но меня это как бы утешало. О том, чтобы печатать, я и не думала. Напишу о ком-нибудь и прочитаю мужу. Посмеемся оба, на том дело и кончается. <…>

И, в-третьих, – но это уже не причина, – посмотрела я однажды на свои тетради, сложила их вместе и мне понравилось, что они похожи на книжку» (Кореванова 1936, с. 103).

В Государственном архиве Свердловской области, где находятся рукописи писательницы, можно найти стихи, пьесы, рассказы, наконец, дневник А. Коревановой, который она вела в разные годы. Там же есть свидетельство, что в период с 1894 по 1902 г. «было писано» много стихов, рассказов, «всего около 1000 страниц» (среди них пьесы «Пожар господского дома», «Елена» и т.д.). В 1915 г. она написала пьесу «На паперти божьего храма», в 1916 – «Поляна счастья». Без точных датировок пьесы «Свадьба 80-х годов», «Междувластие». Много стихотворных текстов датировано 1919–1921 гг. Судя по всему, эти произведения нигде не печатались. Пьесы, насколько нам известно, на профессиональной сцене не ставились. Даже после получения литературной славы писательница, видимо, осознающая невысокую художественную ценность текстов, ничего из своего наследия не издавала. В 1937 г. А. Кореванова умерла, оставшись в советской культуре автором одной книги, что не совсем соответствовало ее широкому творческому потенциалу, но работало на все тот же тщательно культивируемый миф о женщине-пролетарке, ставшей благодаря автобиографической книге и Советской власти всесоюзно известной писательницей.

Идентификация человека, владеющего словом, в случае автогероини книги А. Коревановой, генерировала поведенческие модели, которые определяющим образом влияли на ее судьбу. Сложные жизненные обстоятельства в начале ее жизни (смерть матери, новая женитьба отца, нелюбовь мачехи), ставящие ее в положение изгоя в собственной семье, сформировали комплекс отчужденности, который сопровождался некоей первоначальной авторефлексией, что, в совокупности, дало возможность обратиться к письму как способу коммуникации и выработать инструментарий для изображения и осмысления окружающей действительности и своего места в ней. Недаром писательница освоила жанр дневника. И именно дневник в дальнейшем был, по совету известного на Урале партийного деятеля С. Дерябиной, переработан в автобиографическую книгу, создавшую целостную автомифологию пролетарской писательницы. Попытки письма и крепнущая в связи с

осознанием себя писателем отчужденность ставили А. Кореванову вне социальной среды, будь это мещане или пролетарии, выводили ее из общего контекста, обрекая на одиночество не пролетария, но творца: «Ты была моей матерью, другом, учителем и хранителем. И я верю, что, когда я умру, ты будешь говорить обо мне, как о своем несчастном друге, ты скажешь о моей трудовой, обиженной, одинокой жизни и о том, как я нашла себе новый путь, новых людей, близких мне и дорогих.

Ты была одна со мной неизменно, ты, мой лучший дорогой друг – книга!» (Кореванова 1936, с. 198).

Нельзя сказать, что метатекстовые элементы и роль писателя в пространстве пролетарской автобиографии явились новаторством А. Коревановой. Как известно, Павка Корчагин в романе Н. Островского был вынужден сменить «штык на перо», чтобы продолжить дело борьбы за строительство светлого будущего. Однако в случае уральского автора устойчивая писательская идентификация скорректировала и автомифологию А. Коревановой: ее судьба, ее жизнь оказываются не столько историей рабочей-крестьянки, ставшей благодаря социальным преобразованиям советской власти писательницей, как это представляли в советское время, сколько историей писательницы пролетарского происхождения, получившей успех и статус в новой социальной иерархии. Такая модель, впрочем, принципиальным образом не противоречит советской рецепции автомифологии А. Коревановой, поскольку книга ее по своей идеологической составляющей мало чем отличается от автобиографических текстов пролетарских писателей этого времени.

Более того, со свойственной женским автобиографам экспрессией, А. Кореванова озвучивает принципиально важные для советской историографии моменты: от бунта углежогов в Ревде в XIX в., сведения о котором она передает со слов своей бабушки, до гражданской войны на Урале. Она наделяет историю конкретными, живыми деталями (механизм, который был прописан в инструкции главной редакции «Истории фабрик и заводов»), что придает книге действительный статус исторического документа, в котором идеология смотрится вполне органично, поскольку представлен взгляд из социальных низов.

Таким же образом – пряча оценочность за конкретными деталями – она моделирует и собственный автомиф. Как пишет Н. Пушкарева, традиционно в любой женской автобиографии больше, чем в иных эгодокументах (мемуарах, дневниках, письмах), присутствует интрига, интрига самой жизни. Женщин-автобиографов занимает описание становление их душ во взаимоотношениях с миром (Пушкарева 2000). Сюжетообразование в книге А. Коревановой обусловлено этим принципом: здесь есть композиционная структура, которая ознаменована различными этапами исторического процесса, но истинным сюжетом книги является накопление автогероиней сурового жизненного опыта, ее прохождение через испытания и мучения.

А. Кореванова подробно фиксирует человеческую несправедливость и пороки вокруг автогероини, ее текст наполняют сцены насилия. «Он вытащил меня на середину комнаты и стал бить кулаками, а потом головой об пол. Изранил меня о посудные черепки, а от кулаков из носа и изо рта у меня хлынула кровь. Все на мне изорвал. Наконец, бросил меня на полу, задохся. Мне бы только вскочить да убежать, но я не могу пошевелиться. Он отдохнул и снова принялся бить» (Кореванова 1936, с. 88) (избиение мужем). «Девочка чуть ли не каждый день доводила меня до слез. В кого только она меня не превращала! То начнет кормить меня из своего рта жеванными пряниками, представляя, что я ее кукла. То примется бить меня, будто я непослушный ребенок, и заставляет меня насильно плакать, то наденет на шею шнурок, привяжет к двери и заставляет лаять и кусаться, как только кто-нибудь входит в дом» (Кореванова 1936, с. 38) (о служении в барском доме).

Примечательно, что и после картин наступления советской власти оптика А. Коревановой не меняется: в ее жизни по-прежнему существует несправедливость, ее по-прежнему окружают люди добрые и злые. В связи с этим можно говорить, что представление писательницы о добре и зле связано не столько с социальными процессами, сколько парадоксальным образом с метафизикой человеческого бытия. Мышление

писательницы, скорее, мифологическое: она не ищет психологических или каких-либо других мотивировок поступкам окружающих, она объясняет зло самим злом, заложенным в человеческой природе.

Как отмечала Л.Я. Гинзбург, «автор мемуаров, вообще мемуарного и автобиографического жанра, всегда является своего рода положительным героем. Ведь все изображаемое оценивается с его точки зрения, и он должен иметь *право* на суд и оценку» (Гинзбург 1999, с. 180). Автогероиня А. Коревановой подчеркнуто является именно таким положительным персонажем и наделяется правом на суд. Она ставится во многом выше окружающих, поскольку в основе ее поведения находится архетип мученичества. «В бога я верила, хотя любви к нему не имела. Я только боялась его, как боялась когда-то Мартяжки. Вот, думала я, если я сделаю что-нибудь плохое, то бог меня за это накажет» (Кореванова 1936, с. 33). Будучи религиозной по своей натуре, хотя и отрицая религию в зрелом возрасте, А. Кореванова, как это представлено в книге, ведет на протяжении всей своей жизни праведное существование: ни один мирской соблазн не задевает ее существования, наполненного только тяжелым трудом и мучениями. «Моя жизнь» в этом смысле вписывается в контекст житийной литературы, являясь ярким образцом советской псевдоагиографии (как и «Как закалялась сталь» Н. Островского? на которую мы постоянно ссылаемся).

Нужно отдать должное: тяжелый труд и непомерные мучения были представлены практически во всех пролетарских автобиографиях, например, в тех же самых книгах молодых уральских писателей А. Авдеенко, А. Савчука. Однако они, в отличие от А. Коревановой, не были в силу своего возраста и воспитания столь причастны к религиозной культуре. Нищета и пороки людей в их книгах четко объяснялись социальными и психологическими причинами. Затем постреволюционная социальность изменила условия тяжелого быта и содержание человеческого существования: люди для этих писателей-пролетариев поделились на классово близких и врагов. В то время как у А. Коревановой, несмотря на социальные преобразования и революционные настроения самой писательницы, природа человека осталась та же.

Возможно, такая оценка человека и его сущности связана в целом с характерной для женского сознания особенностью: укорененностью в быт. Частная жизнь в дневниках нередко оказывается важнее социальной: человек оценивается через его бытовые поступки, нежели, в целом, через систему взглядов и социальное поведение. Недаром критик Л. Михайлов, один из первых написавший серьезную статью о книге А. Коревановой, упрекал писательницу в эмпиризме и нагромождении бытовых мелочей, хотя и отмечал историческое значение книги. «Путь т. Коревановой – это путь многих. И ее личная биография воспринимается как биография миллионов. В том и заключается ее сила и значение» (Михайлов 1934, с. 203).

Как бы то ни было, оптика А. Коревановой в книге сильно смещена: с одной стороны, перед нами типичная пролетарская автобиография, с соответствующей идеологической и историографической атрибутикой, с другой – книга вовсе не такая, как ее представляла советская критика. Сочетание исторического и частного в «Моей жизни», возможно, гораздо сложнее, чем это наметил Л. Михайлов. Как пишет Н.А. Николина, автобиография – «своеобразная микромодель культуры, отражающая основные этапы пути к самому себе» (Николина 2002, с. 8). Развитие этого жанра связано с самопознанием, постепенным открытием «Я». И этот процесс для уральской писательницы, с ее уникальным набором идентичностей, оказался не менее важен, чем фиксация исторических реалий и социальных сдвигов, которые в книге, разумеется, широко и наглядно присутствуют, но увиденные глазами самой же А. Коревановой. Создавая хронику своей жизни, она работала на очевидном стыке двух жанров: историко-документальной повести (ориентированность на проект «История фабрик и заводов») и дневника. Она рассказывала о себе и только потом – о времени (это ее жизнь в контексте жизни страны стала объектом освещения в книге, но не наоборот).

Как отмечает К. Шрамм, проанализировавшая исповедь как основополагающую модель поведения в тоталитарной культуре, способность «сделать себя прозрачным для определенного взгляда извне» «предстает как конститутивный признак идеального соцреалистического человека» (Шрамм 2000, с. 910). Идеальным соцреалистическим человеком А. Кореванова, конечно же, не была. Очевидно, что в ее случае механизм текстопорождения был запущен под воздействием двух интенций: писательница осознанно моделировала автомифологию, исходя из собственных представлений о жизни (которые были сформированы под влиянием прочитанных книг и религиозных воззрений, отсюда в книге роли писательницы, мученицы) и из тех моделей, которые предлагала эпоха и власть (роли пролетарки, общественницы и т.п.). Героя эпохи из А. Коревановой сделала уже советская риторика, заретушировавшая в ее автомифологии все то, что не вписывалось в героецентрический дискурс.

Пролетарская автобиография, как мы убедились на примере А. Коревановой, явление довольно неоднозначное во многих смыслах, в том числе в смысле проявления авторской субъективности. Будучи по своей идеологической составляющей пролетарской, отражающей взгляд на жизнь человека с социального дна, автобиография как некая жанровая форма воспроизводит сложный набор идентичностей субъекта повествования, который не всегда ограничивается социальными позициями крестьянина, рабочего или даже маргинала, но включает порой непредсказуемые составляющие, например, роль непризнанного писателя-самоучки, мученика и т.п.

Именно по этой причине в сталинское время оказывается столь актуальна рецепция художественных произведений подобного рода, сводящая их к привычной схеме, канону, делающая из авторов героев эпохи, утверждающая поучительность их опыта для общественности всего Советского Союза. А. Кореванова в этом плане оказалась очень удобной фигурой: ее, умершую в зените славы, не ждала, например, судьба А. Авдеенко, сначала любимца власти, а затем писателя, преданного анафеме. От А. Коревановой осталась столь акцентированная критикой искренняя любовь к новой власти и убеждение в скором наступлении светлого будущего.

ЛИТЕРАТУРА

АНИСИМОВ, И., ДИНАМОВ, С., 2001. Проблемы пролетарской литературы на Западе. (Проблемы автобиографического романа) // *Опыт неосознанного поражения: Модели революционной культуры 1920-х годов*. Москва: Изд-во РГГУ, 459 с.

ГИНЗБУРГ, Л.Я., 1999. *О психологической прозе*. Москва: Интрада, 411 с.

ИОВИК, А., ЕФИМОВ, В., 2008. Ложный пафос в отражении сталинской эпохи. Одна речь – и вся жизнь // *Магнитогорский рабочий*. 29 февр.

КОРЕВАНОВА, А.Г., 1936. *Моя жизнь*. Москва: Гос. изд-во «История заводов», 342 с.

МИХАЙЛОВ, Л., 1934. От крепостничества к пролетарской революции // *Штурм*. № 5.

НИКОЛИНА, Н.А., 2002. *Поэтика русской автобиографической прозы*. Москва: Наука, 422 с.

ОСТРОВСКИЙ, Н.А., 1974. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. *Статьи. Речи. Беседы*. Москва: Молодая гвардия, 448 с.

ПУШКАРЕВА, Н., 2000. У истоков женской автобиографии в России // *Филологические науки*. № 3. С. 62–69.

ШРАММ, К., 2000. Исповедь в соцреализме // *Соцреалистический канон*. Санкт-Петербург: Академический проект, с. 910–925.

ЭНГЕЛЬС, Ф. *Принципы коммунизма*. URL: http://avtonom.org/old/lib/theory/marx-engels/com-principles.html?q=lib/theory/marx-engels/com-principles.html. (Загл. с экр. 22.03.2012).

Podlubnova Yulia
Ural Federal University Named After The First President Of Russia B. N. Yeltsin
Scientific interests: genres, history of 20th century Russian literature, modern Russian literature, history of Ural`s literature, literary life in Ural.

THE CHARACTER OF AUTOBIOGRAPHICS IN URAL LITERATURE OF THE 1930s (KOREVANOVA CASE)

Summary

The article is devoted to the phenomenon of proletarian autobiography and features of autobiographics in literature of the 1930s. The book "My life" written by Ural peasant and worker Agripina Korevanova is a striking example of autobiographic text.
KEY WORDS: autobiography, Soviet literature, proletariat, Ural, Agripina Korevanova.

Инна Андреасян
Минский государственный лингвистический университет, Беларусь
ул. Захарова, 21, 220034 Минск, Беларусь
Эл.почта:method@mslu.by
Научные интересы: методика преподавания иностранных языков в школе и вузе, проблемы постдипломного иноязычного образования, автономность учения, современные социальные интерактивные технологии овладения иноязычным общением.

АВТОНОМНОСТЬ СТУДЕНТА И ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОВЛАДЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫМ ОБЩЕНИЕМ

«Воспитание и образование достигло
своей цели, когда человек обладает
силой и волей самого себя образовывать
и знает способ и средства, как это
осуществить»
А. Дистервег

В статье рассматриваются различные аспекты проблемы автономизации учения в процессе овладения студентами иноязычным общением. Определяются основные характеристики и признаки социальных интерактивных технологий, способствующих автономизации учения, в частности, позитивное взаимодействие и взаимозависимость участников общения, активизация речемыслительной и познавательной деятельности, создание ситуации успеха, социализация личности, рефлексия. Представлены данные анкетного опроса студентов, проведенного с целью выявления их готовности к автономному учению. Предпринята попытка выявить тенденции использования интерактивных технологий в различных типах учебных заведений Республики Беларусь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автономность, иноязычное общение, автономное учение, социальные интерактивные технологии, позитивное взаимодействие, рефлексия, самоконтроль, самооценка.

Современные тенденции в обществе ставят перед системой образования задачи сформировать личность, осознающую свою социальную позицию, способную критически мыслить, нести личную ответственность в условиях изменяющегося и развивающегося общества, четко осознавая, где и каким образом могут быть применены его знания. Сегодня востребован специалист, который способен автономно в короткий срок и полноценно осуществлять решение сложной, проблемной, новой в его опыте профессиональной задачи. В этой связи в зарубежной и отечественной теории и практике преподавания иностранных языков выделяется концепция *автономности* обучающегося (H.Holec, L.Dickinson, Н.Ф.Коряковцева, Е.Н.Соловова и др.). В рамках данной концепции формирование автономности означает способность студента взять на себя ответственность за овладение иностранным языком, активно и осознанно управлять своей учебной деятельностью как непосредственно в ходе учебного процесса, так и в контексте дальнейшего непрерывного языкового образования.

Думается, что пристальный интерес к проблеме автономности студента при овладении им иноязычным общением не случаен и вызван рядом обстоятельств. В настоящее время процесс иноязычного образования переориентируется с экстенсивной формы его организации на интенсивную: происходит значительное сокращение часов, предназначенных для аудиторной работы, и постоянное их увеличение на самостоятельную работу студентов. Подлинная автономность может возникнуть на основе «информационного вакуума», т.е. когда у обучающегося формируется потребность узнать, усвоить что-то новое, неизвестное, нужное, важное для себя (Зимняя 1997, с. 330).

Автономные учащиеся прежде всего понимаюёт цель и задачи данного урока/занятия, осознают действия преподавателя, соотносят свои действия, предпринимаемые для решения конкретной задачи, с целью урока в целом. Содержание каждого выполняемого действия осознается ими и приобретает личностный смысл.

Автономные обучающиеся умеют регулировать свою учебную деятельность, т.е. планировать ее, определять цели, содержание, осознанно выбирать адекватные стратегии учения, понимать, какие стратегии для них не подходят или не «работают» на решение данной задачи и находить другие в имеющемся в их распоряжении «репертуаре» способов и приемов учения.

Автономные учащиеся готовы к взаимному обучению: они обмениваются своими знаниями и умениями, стратегиями учения, опытом, идеями. Через взаимообучение студенты понимают свои «когнитивные ресурсы» и механизмы саморегуляции. Они могут использовать лингвистически оформленную интерактивную технику (прерывание, постановка вопросов, высказывание своей точки зрения, согласие/несогласие, перефразирование и др.).

И наконец, автономные обучающиеся умеют осуществлять самоконтроль и самооценку: проводят самонаблюдение своей учебной деятельности, анализ, коррекцию и оценку, притом, не только оценку конечного результата, а оценку процессуальной стороны выполнения задания, в которую были вложены их интеллектуальные усилия, самостоятельность, творчество. Другими словами, автономные учащиеся владеют рефлексивными умениями, проявляющимися при анализе и оценке собственной деятельности и самого себя как ее субъекта, что является непременным условием самоорганизации и саморазвития языковой личности.

И здесь возникает вопрос: готов ли сегодняшний обучающийся как субъект учебной деятельности к автономной работе?

Как показывают данные анкетного опроса студентов Минского государственного лингвистического университета, ответ на этот вопрос нельзя считать положительным. Так, на вопрос анкеты «Каковы, на Ваш взгляд, характеристики успешного обучающегося?» большинство студентов ответили следующим образом:

-внимательность;
-усидчивость;
-хорошо развитая память;
-умение подражать;
-терпение;
-трудолюбие;
-любознательность.

И только 30% опрошенных к характеристикам успешного учащегося отнесли:

-умение планировать свою учебную деятельность;
-умение находить нужную информацию;
-самостоятельность;
-инициативность;
-креативность, творчество;
-стремление к познанию;
-умение работать в команде;
-умение рационально распределять время;
-умение осознавать пробелы в знаниях и умениях и выбирать оптимальные способы их устранения;
-стремление к саморазвитию и самообучению.

На вопрос «Как часто Вы работаете автономно на занятиях по иностранному языку?» 50% студентов ответили, что редко, 13% опрошенных практически не бывают автономными и считают, что им сложно усвоить материал без чьей-либо помощи. И только 37% респондентов ответили, что работают на занятиях самостоятельно достаточно часто.

Одной из целей анкетного опроса было выяснить степень готовности студентов к само- и взаимооценке результатов выполненного задания. Только 35% опрошенных хотели быть оцененными своими одногруппниками. Большинству же респондентов (65%) необходим контроль со стороны преподавателя, 45% студентов полагают, что смогли бы объективно оценить свои сильные и слабые стороны, свой уровень умений во всех видах иноязычной речевой деятельности, 55% – не уверены. Таким образом, можно констатировать недостаточную сформированность у студентов психологической готовности к автономному учению, незнание общих правил его самоорганизации. В решении задач формирования автономии студента возникает проблема целенаправленного обучения.

Условия, необходимые для реализации данной цели, включают в себя, прежде всего, готовность преподавателя организовать и направить самостоятельные действия студентов, помочь им выработать свой индивидуальный стиль, а внутри него – свои стратегии учения. Задача преподавателя – научить студентов выбирать стратегии, адекватные поставленной цели, осознавать процессуальную сторону того или иного приема, «делиться» и обмениваться стратегиями со своими соучениками. Преподаватель должен осознавать, что чтобы развивались иноязычные коммуникативные способности студентов, процесс накопления знаний, формирования навыков и развития умений должен идти через обучение рациональным и эффективным приемам и способам учебной деятельности.

Одним из важнейших и необходимых условий формирования автономии студентов в процессе овладения иноязычным общением является использование социальных коммуникативно-ориентированных *интерактивных технологий,* которые ориентированы на вовлечение каждого студента в активный познавательный процесс. Овладение иноязычным общением – явление социальное, в основе которого лежит активное социальное взаимодействие как преподавателя со студентами, так и студентов друг с другом, а также приобретение нового социального опыта. В психолого-педагогическом плане основные тенденции использования социальных технологий характеризуются переходом:

-от авторитарного к личностно-ориентированному взаимодействию преподавателя со студентами;

-от учения как функции запоминания к учению как процессу развития, познания, позволяющему использовать усвоенное;

-от ориентации на «среднего» студента к индивидуализированному обучению;

-к повышению ответственности субъекта, овладевающего иноязычным общением, как за процесс, так и результат учения.

Принципиально важной стороной всех социальных технологий (кейс-технология, иностранный язык через театр, пролонгированная деловая игра, симуляция, проектная технология, учение в сотрудничестве и др.) является *интерактивность* как ключевая деятельность, определяющая цель современного занятия по иностранному языку и характеризующаяся высокой степенью интенсивности общения его участников, обмена способами и стратегиями учения, а также общение с учетом различных коммуникативных ситуаций и целенаправленной рефлексией результатов деятельности и состоявшегося речевого взаимодействия. Интерактивный компонент общения – это способность инициировать и автономно организовывать ситуацию коммуникативного взаимодействия. Именно процесс взаимодействия делает возможным решение коммуникативных задач за счет координации усилий участников речевого общения. Интеракция создает мотив и стимул для коммуникации и побуждает к ответным действиям. А основная задача процесса общения состоит в достижении понимания и овладения определенными умениями находить оптимальные способы общения, ведущие к развитию доброжелательного отношения к окружающим (Мильруд 1991, с.3).

К ведущим признакам интерактивного иноязычного общения в процессе использования вышеназванных технологий, относятся:

-позитивное взаимодействие и взаимозависимость участников общения;

-активизация речемыслительной и познавательной деятельности;

-создание ситуации успеха;
-социализация личности;
-рефлексия.

Позитивное взаимодействие и взаимозависимость участников общения реализуется тогда, когда каждый студент осознает, что общий результат достигается общими усилиями и что степень индивидуальной и групповой ответственности за выполнение задания исключительно велика. В ситуациях общения обучающиеся приобретают опыт установления позитивного, доброжелательного отношения к собеседникам, учатся быть равноправными членами коллектива (пары, группы, команды), оказывать помощь и поддержку друг другу.

Активизация речемыслительной и познавательной деятельности как сущностный признак всех интерактивных социальных технологий заключается в организации интенсивной мыслительной деятельности как преподавателя, так и студента. Это не сообщение готовых знаний, а организация самостоятельной познавательной деятельности студентов посредством предъявления им проблемных задач, ситуаций, симуляций. Это побуждение их к размышлению, самостоятельному поиску и осмыслению информации, к собственным обобщениям, выводам, аргументации личностной позиции по вопросам социального, научно-познавательного и культурологического характера. Интерактивные технологии нацелены на развитие не только речевых, но и интеллектуальных умений, критического творческого мышления, необходимых для автономной познавательной деятельности студента.

Создание ситуации успеха заключается в целенаправленном обеспечении преподавателем психологического комфорта на занятиях и условий, способствующих ощущению студентами радости, оптимизма, положительных эмоций. Интерактивные технологии, в особенности такие, как учение в сотрудничестве, проектная, кейс-технология, симуляция, развивают у студентов умения выбирать правильную линию вербального и невербального поведения, обеспечивают психологическую гибкость в общении, учат этике взаимоотношений. Гуманность, толерантность, забота о партнерах по групповому общению, взаимовыручка – это непременное условие взаимодействия при организации на занятии по иностранному языку работы с использованием интерактивных технологий.

Социализация личности. Интерактивная учебная деятельность на занятиях по иностранному языку предполагает социализацию обучаемых. Работа в группах, командах обеспечивает равенство психологических позиций ее участников и дает возможность каждому члену группы максимально проявить интеллектуальную, речевую активность и способствует быстрой и умелой социальной ориентировке. Работа с использованием интерактивных технологий помогает студентам осознать ценности общения для установления взаимопонимания, в том числе между народами-носителями разных языков и культур, развивает социокультурную наблюдательность, способность осуществлять общение в соответствии с особенностями ситуации и собеседников.

Рефлексия – это «размышление, самонаблюдение, желание понимать собственные чувства и поступки». В социальной психологии под рефлексией понимается осознание индивидом того, как он воспринимается партнером по общению (Азимов, Щукин 2009, с. 248). Это самоанализ, самооценка участниками иноязычного общения своей деятельности, своей интеракции. Однако самым важным компонентом рефлексивной деятельности является групповое обсуждение результатов, в процессе которого члены группы имеют возможность вносить конкретные предложения по совершенствованию стратегии взаимодействия внутри группы.

В настоящее время в обучении иноязычному общению используются те или иные интерактивные технологии. С целью выявления номенклатуры используемых в разных типах учебных заведений (средняя школа, гимназия, вуз) интерактивных технологий нами был проведен анкетный опрос учителей/преподавателей иностранных языков из разных регионов Республики Беларусь (было опрошено 100 человек). Данные анкетирования свидетельствуют о том, что большинство респондентов однозначно высоко оценивают

обучающий и развивающий потенциал таких технологий, как проектная, кейс-технология, симуляция, игровые технологии, учение в сотрудничестве.

В то же время внедрение этих технологий в образовательную практику происходит сложно, медленно, не повсеместно и не системно. Сказывается неготовность части педагогов адаптироваться к новым социально-педагогическим условиям, нежелание отходить от устоявшихся стереотипов, преодолевать традиционность в процессе обучения иноязычному общению. Внедрение интерактивных технологий в учебный процесс не может быть реализовано вне способности самоизменения самого преподавателя. Результаты анкетного опроса демонстрируют наличие противоречий в соотношении между современными требованиями к обучению иностранным языкам (а именно, развитие автономности обучающихся, креативности, сотрудничества и сотворчества) и применением интерактивных технологий для их реализации.

Так, технологию учения в сотрудничестве на практике используют только 27% респондентов, кейс-технологию – 23%, технологию «иностранный язык через театр» – всего лишь 3% опрошенных. Среди наиболее часто применяемых технологий обучения иноязычному общению являются проектная – 70%, игровые технологии – 40%. Анализ данных анкетирования показал, что дать более или менее корректное определение используемым технологиям смогли лишь 33% опрошенных педагогов. Так, многие преподаватели понимают технологию учения в сотрудничестве как «обмен мнениями», «обучение в режиме ученик-ученик», «совместное обсуждение темы», «групповая работа над темой», т.е. зачастую отождествляют ее с работой в малых группах. Но деление на группы еще не делает образовательный процесс учением в сотрудничестве, так как для полноценной реализации данной технологии необходимо наличие всех основных компонентов и этапов (Андреасян, Маслов 2008, с.25). Дать адекватное определение кейс-технологии смогли лишь 12% опрошенных. Остальные же принимали данную технологию за другие, в частности, проектную, Дальтон-технологию. Описать организацию, выделить этапы работы с применением той или иной интерактивной технологии смогли только 27% преподавателей.

Все вышесказанное свидетельствует о недостаточном использовании учебного потенциала той или иной социальной интерактивной технологии, о нерациональном растрачивании учебного времени на занятиях. Применение данных технологий, а параллельно целенаправленная работа по развитию умений учебной автономии студента требует не только новых знаний и умений, но и смены позиции педагога с доминирующей на равнопартнерскую.

Следует отметить также, что не все учебно-методические комплексы и пособия по иностранным языкам соответствуют предъявляемым требованиям: во многих отсутствуют задания и материалы, нацеленные на применение социальных интерактивных технологий, а в некоторых представлена неверная трактовка отдельных технологий, наблюдается примитивизация самого понятия, выхолащивание сущности.

Приходится констатировать тот факт, что научный прогресс опережает практическое внедрение результатов его достижений. Внедрение должно носить не эпизодический, а системный и опытный характер, который предусматривает анализ, обобщение результатов и, наконец, мониторинг. Только массовое внедрение интерактивных технологий в практику обучения иностранным языкам будет способствовать реализации концепта автономии студента в учебной деятельности по овладению иноязычным общением и позволит поддерживать и развивать систему непрерывного языкового образования.

ЛИТЕРАТУРА

АЗИМОВ, Э. Г., ЩУКИН, А. Н., 2009. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам).* Москва: ИКАР.

АНДРЕАСЯН, И. М., МАСЛОВ, Ю. В., 2008, Учение в сотрудничестве как приоритетная технология обучения школьников английскому языку. *Замежныя мовы ў Рэспубліцы Беларусь.* № 3, с.23-29.

ЗИМНЯЯ, И. А., 1997. *Педагогическая психология.* Ростов-на-Дону: Феникс.

МИЛЬРУД, Р.П., 1991. Обучение школьников речевому взаимодействию. *Иностранные языки в школе.* № 6, с.3-8.

Inna Andreasian
Minsk State Linguistic University
Research interests: foreign language, teaching methodology, problems of in-service language teaching, autonomous learning, modern social interactive technologies in mastering the foreign language communication.

STUDENT'S AUTONOMY AND INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN MASTERING THE FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION

Summary

The article deals with different aspects of autonomous learning in the process of students' mastering foreign language communication. Major characteristics and basic features of social interactive technologies for developing students' autonomy are described (positive interaction and interdependence, stimulation of mental, communicative and cognitive activity, creating the situation of success, personal socialization, reflection). The data of the students' survey which has been aimed at revealing their readiness to autonomous learning are presented. An attempt is being made to analyse the current situation and certain trends in using interactive technologies in Belarusian educational institutions.

KEY WORDS: autonomy, foreign language communication, autonomous learning, social interactive technologies, positive interaction, reflection, self-control, self-assessment.

Елена Марченко
Латвийский университет
бульвар Райниса 19, , LV-1586 Рига, Латвия
Эл. почта: jelena.marcenko@lu.lv
Научные интересы: теория и методика обучения русскому языку как иностранному, тестирование.

ПАРАДОКСЫ АУТЕНТИЧНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ЖАНРАМ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается проблема возможности использования электронного письма при обучении и тестировании по русскому языку как иностранному. Описаны речевые и жанровые особенности электронного письма, проанализированы письменные работы школьников, выполненные при проведении государственного централизованного экзамена, одно из заданий которого содержало требование написать электронное письмо. Автор приходит к выводу, что, несмотря на значительное место, которое электронная переписка занимает в жизни современного человека, она не способна заменить при обучении продуктивной письменной речи и тестировании жанр обычного письма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык как иностранный; обучение продуктивной письменной речи, письмо как жанр письменной речи; речевые и жанровые особенности электронного письма.

В Латвии по требованиям Государственного стандарта среднего образования (Noteikumi par valsts vispārējās vidējās izglītības standartu un vispārējās vidējās izglītības mācību priekšmetu standartiem 2008), заканчивая среднюю школу, ученики должны сдать 4 государственных централизованных экзамена, в число которых включен экзамен по одному из иностранных языков, среди них и русскому языку как иностранному. Структура этого экзамена стандартна, и соответствует традиционной структуре языковых тестов, в том числе принятой в системе ТРКИ (Балыхина 2006). Экзамен состоит из пяти частей: «Употребление языка(Valodas lietojums)», «Чтение (Lasīšana)», «Аудирование (Klausīšana)», «Говорение(Runāšana)», «Письмо (Rakstīšana)». Материалом для написания этой статьи послужили работы учеников из части «Письмо», выполненные на экзамене по русскому языку как иностранному в 2009 году. Инструкция к заданию была сформулирована так: « Напишите другу (подруге) e-mail с приглашением на спектакль (90-100 слов), используя информацию о театральном фестивале «Золотая маска» в Латвии» (1). В формулировке был представлен внешний вид интерфейса отправителя (irina@apollo.lv) и получателя (alenka@mail.ru). Таким образом, в задании были эксплицированы параметры коммуникативной ситуации и коммуникативные роли её участников, задан жанр продуцируемого текста – электронное письмо

Созданные в соответствии с инструкцией тексты при проверке производили впечатление искусственных: чем более точно ученики стремились выполнить задание – использовать в приглашении 90-100 слов, тем менее аутентичными были написанные ими электронные письма. Очевидно, что жанр, эксплицированный в задании, противоречил такому показателю сформированности умений продуктивного письма, как объем созданного текста: ученики, выполняя задание, продуцировали обычное неофициальное письмо-приглашение, а не электронное, как того требовала инструкция. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько различаются эти виды писем? И еще - может ли электронное письмо также стать жанром письменной речи, который следует использовать при обучении русскому языку как иностранному и при оценивании его результатов и, таким образом, заменить собой обычное письмо или, по крайней мере, действовать параллельно с ним?

Электронная почта – первый из исторически сложившихся типов общения в Интернет- среде и наиболее традиционный по сравнению с электронными форумами, чатами, компьютерными конференциями(Болдырева 2008). Она обнаруживает тесную связь

с традицией обычного эпистолярного общения. Однако, если при написании обычного письма действуют правила выбора формы приветствия и обращения в зависимости от ситуации, требования к отбору соответствующих стилю и регистру общения речевых средств, правила организации высказываний в письменный текст, требования к соблюдению правил орфографии и пунктуации, то есть существует определенный канон, то в случае с электронным письмом это не так. М. Кронгауз признает, что этикет электронного письма еще не сложился (Кронгауз 2007). А. Зализняк, И. Микаэлян, О. Леонтович, Л. Капанадзе считают, что электронное письмо обладает своей собственной жанровой спецификой (Зализняк, Микаэлян 2006, Леонтович 2000; Капанадзе 2002)

Опираясь на статьи названных исследователей, можем сформулировать следующие признаки электронной переписки как коммуникативного жанра.

1. Особый тип интерактивности: в отличие от обычного электронное письмо предполагает быстрый ответ;

2. Сериальность: переписка по электронной почте часто происходит в форме серии писем и ответов на них, которые образуют единый коммуникативный акт;

3. Возможное отсутствие обращения, приветствия, прощальной формулы: первые два письма серии обычно содержат формулы обращения и приветствия, в последующих письмах серии они могут опускаться; это же относится и к формулам окончания письма и подписи (Зализняк, Микаэлян 2006, с. 2-3)

4. Легкость, с которой можно обмениваться сообщениями по электронной почте, и частота контактов влияют на характер выбора языковых средств. В электронной переписке используется эпистолярный жанр, видоизмененный почти до неузнаваемости: близкий к телеграфному синтаксис, отказ от заглавных букв, знаков препинания, большое количество сокращений, цифры вместо букв. (Леонтович 2000, с. 5) Об упрощении характера общения свидетельствует широкое использование разговорно-обиходной лексики, поскольку, по мнению М. Кронгауза, письменная электронная речь больше похожа на устную. (Кронгауз 2007)

5. Новые формы выражения эмоций – заглавные буквы для эмфатического выделения слов, смайлики.

6. Особенности пунктуации: опускаются знаки препинания, которые не служат смыслоразличению, и, наоборот, используются знаки для выражения актуальных для пишущего смыслов, например, тире.

7. Наличие механических опечаток, так как часто электронные письма не перечитываются и тем самым не исправляются пишущим.

8. Использование латиницы для написания русского текста.

Все эти признаки, по мнению А. Зализняк и И. Микаэлян, противопоставляют электронную переписку обычному эпистолярному жанру и являются ценным свидетельством спонтанной письменной речи – феномена не ставшего пока самостоятельным объектом лингвистического анализа (Зализняк, Микаэлян 2006, с.4)

Следует очевидный вывод – переписка по электронной почте представляет собой особый коммуникативный жанр, со своими специфическими характеристиками построения текста и употребления языковых средств. Соответственно, в аутентичной ситуации при написании электронного письма они находят свое отражение в тексте.

Отмеченные особенности электронного письма практически не ощущаются школьниками и не проявились в их экзаменационных работах. Напротив, проведенный анализ отразил целый ряд отступлений от описанных выше признаков электронной переписки.

1. Авторы писем заранее не рассчитывали на возможность быстрого ответа. В текстах использовались фразы: *Буду очень ждать твой ответ[здесь и далее приведенные примеры даны в соответствии с нормами русской графики и орфографии Е.М.] ; Буду ждать от тебя ответ; Жду ответ*; или же для поддержания дальнейших контактов авторы указывали

номер мобильного телефона: *Если хочешь сходить на один из этих спектаклей, то сообщи мне это, мой тел.номер. 7600538.*

2. Составленный текст электронного письма не предполагал продолжения переписки. Авторы, полностью эксплицировали в тексте всю информацию, которая была предложена в задании, сообщали номера телефонов и сайт в Интернете для уточнения информации, что сразу же делало избыточным возможные последующие уточнения и переспросы.

3. Был допущен ряд нарушений в выборе обращений. Текст задания, оформленный по правилам электронной переписки, включал электронные адреса ее обеих участниц: From irina@apollo.lv To alenka@mut.net. Таким образом, имена адресанта и адресата были уже заданы. Между тем, в обращении достаточно часто употреблялось имя Ирина или же использовалось совершенно другое.

4. Композиция практически всех текстов отражала последовательность расположения компонентов неофициального письма-приглашения. Например,

- обращение, приветствие : *Привет, Алена!*

- контактоустанавливающие фразы: *Чем занимаешься? Какие планы на вторую половину июля? Было бы замечательно провести время вместе.*

- информативная часть: *Нашим горожанам выдался великолепный шанс посетить театральный фестиваль « Золотая маска» в Латвии, который представляет лучшие российские спектакли. Предлагаю посмотреть три спектакля: «Дядя Ваня», который будет показан зрителям 14 июля на большой сцене Латвийской национальной оперы под руководством О. Табакова, «Мальчики», который состоится 16 июля в Малом зале театра Дайлес и «Белая гвардия», который можно будет посетить как 18, так и 19 июля на Большой сцене Латвийской национальной оперы.*

- формула окончания письма: *Надеюсь, ты согласишься сходить со мной на один из этих спектаклей. Если тебе необходима другая информация, то можешь позвонить по телефону 7073777 или зайти на домашнюю страничку www.goldenmask.lv Буду ждать ответа. Ира*

Следует также отметить, что текст письма разделен на абзацы, и это тоже типично для многих работ, но не характерно для электронной переписки.

5. Использованные в электронных письмах языковые средства соответствуют письменной речи, в них отсутствуют сокращения, передача букв при помощи цифр, разговорная лексика. В текстах встречаются конструкции письменного синтаксиса. Например, *в связи с тем, что в Латвию приехал фестиваль; в свою очередь я закажу билеты.*

6. Лексические повторы и однотипные синтаксические структуры, а также значительное число орфографических и пунктуационных ошибок, которые были в работах, скорее можно отнести к свидетельствам недостаточного уровня владения языком, чем к признакам жанра электронного письма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имела место жанровая подмена текста: вместо требуемого в задании электронного письма ученики продуцировали обычное письмо-приглашение неофициального характера, что можно квалифицировать как дискурсивную ошибку. В таком случае опять возникает вопрос о том, насколько правомерно было в задании эксплицировать требование написать именно электронное письмо, и насколько осознаются составителями теста различия между этими видами писем.

Электронные средства занимают все более заметное место в нашей жизни и структуре коммуникации. Более того, они постепенно вытесняют обычные эпистолярные формы – письмо, телеграмму. Большинство современных школьников в повседневной жизни очень редко пишут обычные письма и уже не знают, что такое телеграмма. И поэтому неудивительно, что авторы учебников по русскому языку как иностранному в Латвии(Архангельская, Игнатьева 2008, 2011; Иванова, Пестун, Скринджевская 2007, 2008) стремясь учитывать это обстоятельство, включают в учебники для основной школы задания написать электронные письма по образцу, что, вероятно, и стало причиной появления

подобного задания в материалах централизованного экзамена. (Centralizētais eksāmens krievu valodā 2008./2009.m.g.)

Однако, представляется, что и в этом случае электронное письмо не осознается авторами учебников как самостоятельный тип текста, относящийся к Интернет-дискурсу, с особыми характеристиками, отличающими его от текста обычного эпистолярного жанра.

Может ли электронное письмо занять место обычного при обучении иностранному языку и при проведении контроля? Думается, что здесь следует более четко расставить акценты и выделить два самостоятельных аспекта. В первую очередь электронное письмо можно использовать в аутентичной учебной деятельности как способ поддержания контактов между преподавателем и учеником. Именно б**о**льшая свобода в построении текста и меньшая заданность параметров электронного письма, близость к устной разговорной речи позволит легче перейти в общении на изучаемый язык и снимет психологические проблемы, которые неизбежно при этом возникают. В случае же, если для нас важно сформировать у ученика умения письменной речи, такие, как умение четко и логично выражать свои мысли в письменной форме и подробно освещать свои взгляды, подробно излагать в письмах, сочинениях, докладах сложные проблемы, выделяя то, что представляется наиболее важным; использовать языковой стиль, соответствующий предполагаемому результату (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка 2005, с. 25), то аутентичное электронное письмо вряд ли может стать основой для этого.

Особенно сложно использовать электронное письмо как тип продуцируемого текста при проведении тестирования, поскольку обычные в этом случае объекты контроля, а именно владение этикетными формулами и правилами организации иноязычного письменного текста, соблюдение правил орфографии и пунктуации нивелируются жанровыми особенностями текста.

И, следовательно, в обучении и тем более тестировании следует придерживаться существующего канона, который даст возможность, как сформировать, так и оценить уровень коммуникативной компетенции письменного общения.

ЛИТЕРАТУРА

АРХАНГЕЛЬСКАЯ, Э.; ИГНАТЬЕВА, Л., 2008. Просто по-русски: наши первые диалоги: *krievu valoda mācību grāmata 6. klasei*: A 1 līmenis Rīga:Retorika A

АРХАНГЕЛЬСКАЯ, Э.; ИГНАТЬЕВА, Л., 2011 Просто по-русски: krievu valoda mācību grāmata 7. klasei: A 1 līmenis Rīga: Retorika A

БАЛЫХИНА, Т. М., 2006. Что такое русский тест? *Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку(ТРКИ –TORFL).* Москва: русский язык. Курсы, 56 с.

БОЛДЫРЕВА, Н., 2008. Интернет общение. Сетевые ресурсы. http://web20-for-education.blogspot.com/2008/09/blog-post.html, 10 с.

ЗАЛИЗНЯК, АННА А.; МИКАЭЛЯН, ИРИНА, 2006 Переписка по электронной почте как лингвистический объект. http://www/dialog-21/ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm, 8 с.

ИВАНОВА, И.; ПЕСТУН, Е.; СКРИНДЖЕВСКАЯ, Б., 2007. Здравствуй, это я! : krievu valoda mācību grāmata 6. klasei. Rīga: Zvaigzne ABC,

ИВАНОВА, И.; ПЕСТУН, Е.; СКРИНДЖЕВСКАЯ, Б. 2008. Здравствуй, это я! : krievu valoda mācību grāmata 7. klasei. Rīga: Zvaigzne ABC,

КАПАНАДЗЕ, Л. А. Структура и тенденции развития электронных жанров. http://rus.1 september.ru/articlef.php?ID=200202107, 6 с.

КРОНГАУЗ, М., 2007.Русский язык на грани нервного срыва. Москва:Знак: Языки славянских культур, 232с.

ЛЕОНТОВИЧ, О.А. Проблемы виртуального общения. http://www/irex.ru/press/pub/polemika/07/leo, 10с.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ: ИЗУЧЕНИЕ, ОБУЧЕНИЕ, ОЦЕНКА, 2005. Департамент по языковой политике, Страсбург, 2001. Москва: Московский государственный лингвистический университет (русская версия), 247с.

NOTEIKUMI PAR VALSTS VISPĀRĒJAS VIDĒJĀS IZGLĪTĪBAS STANDARTU UN VISPĀRĒJAS VIDĒJĀS IZGLĪTĪBAS MACĪBU PRIEKŠMETU STANDARTIEM, 2008 http:// www.visc.gov.lv/normatīvie dokumenti/ standarti

CENTRALIZĒTAIS EKSĀMENS KRIEVU VALODĀ 2008./2009/m.g. http:// www.visc.gov.lv/parbaudes darbi/uzdevumi

Yelena Marchenko
University of Latvia

AUTHENTICITY PARADOXES IN THE ASPECT OF WRITING GENRES' TEACHING PROBLEM

Summary

The article is devoted to the problem of the possibility to use an e-mail while teaching and testing the Russian as a foreign language. The speech and genre peculiarities of an e-mail are described; the written assignments of pupils, done during the state centralized examination, were analyzed, since one of the tasks was to write an e-mail. The author concludes that although an e-mail is an integral part of a life of a contemporary person, it cannot replace a genre of a common letter in the process of teaching an efficient written speech and testing.

KEY WORDS: Russian as a foreign language; teaching efficient written speech; a letter as a genre of written speech; speech and genre peculiarities of an e-mail.

Юрий Машошин
Даугавпилсский университет, Латвия
ул.Парадес 1, Даугавпилс
Тел.:(+371)29580033
Эл.почта: jurima@inbox.lv

ПОВЫШЕНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ УЧАЩИХСЯ

Методы повышения стрессоустойчивости учащихся связаны с диагностикой ресурсов личности для оценки её стрессоустойчивости. Индикаторами наличия ресурсов могут служить показатели как внешней успешности деятельности, так и настроение, удовлетворенность трудом, качеством жизни, оптимистический настрой, позитивное отношение к себе и окружающим.

Исследования связи уровня стрессоустойчивости и доминирующих психических состояний практически отсутствуют. Стрессоустойчивость это, прежде всего, конструктивное совладение со стрессовыми ситуациями. Стрессоустойчивость определяется преобладанием конструктивных копинг стратегий над деструктивными. Её часто определяют или сравнивают с собственно адаптацией к стрессовой ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стрессоустойчивость, доминирующие психические состояния, копинг-стратегия, адаптация

Поскольку стрессоустойчивость – это совокупность индивидуальных психологических свойств, которые выступают в качестве базовых психологических механизмов коррекции стрессовых состояний (Ходаковский 2009), то сохранение или повышение стрессоустойчивости учащихся связано с поиском ресурсов, помогающих в преодолении стрессовых ситуаций, сопровождающих учебную деятельность.

К личностным ресурсам преодоления стресса относят:

а) психологические (Куликов 1995): активная мотивация преодоления, самоуважение, активное отношение к жизни, готовность к самоизменению;

б) физические: состояние здоровья и отношение к нему как к ценности;

в) инструментальные: способность контролировать ситуацию, мастерство, компетентность, технологии освоения новых знаний и навыков;

г) материальные: высокий уровень материальных условий (позволяющий восстанавливать первичные потребности), безопасность и стабильность жизни.

Проблемным является определение основных направлений изменения личности в целях повышения стрессоустойчивости и зависимостей от психических состояний.

Сниженная стрессоустойчивость учащегося приводит к тому, что он вынужден значительную долю своей энергии тратить на борьбу с негативными психическими состояниями, возникающими в процессе учебы.

Уровень стрессоустойчивости личности не представляет собой что-то неизменное. Под воздействием различных факторов он может как повышаться, так и понижаться.

Стрессоустойчивость определяется доминированием конструктивных копинг стратегий над деструктивными. Её часто определяют или сравнивают с собственно адаптацией к стрессовой ситуации.

Доминирующее психическое состояние - это личностная характеристика, показывающая длящееся своеобразие психических процессов в зависимости от явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности.

Изучение связи стрессоустойчивости с такими доминирующими психическими состояниями как активность/пассивность, тонус, эмоциональная устойчивость/ неустойчивость, удовлетворённость/неудовлетворённость жизнью и уровнем позитивного/негативного отношения к себе, возможно через диагностику уровня тревожности, самооценки личности, удовлетворённости жизнью и самоотношение.

В данном исследовании приняли участие 80 учащихся (студентки) в возрасте 20 – 25 лет, 1 и 2 курса факультета социальных знаний (юристы и социологи).

Выборка имела невероятностный тип, т.к. проводилась с использованием критериев: пола и возраста. Объём выборки являлся достаточным для того, чтобы обеспечить надёжность полученных данных.

Для проведения исследования были выбраны следующие методики:

1. Методика определения доминирующего состояния (ДС), разработанная Л.В. Куликовым (Куликов 2003).

Назначение методики: определение настроений и других характеристик личностного уровня психических состояний с помощью субъективных оценок участника исследования. Методика диагностирует доминирующие состояния (6 шкал):

Ак – активное - пассивное отношение к жизненной ситуации

То – тонус: высокий – низкий

Сп – спокойствие - тревога

Ус – устойчивость – неустойчивость эмоционального тона

Уд – удовлетворённость – неудовлетворённость жизнью в целом

По – положительный – отрицательный образ самого себя.

2. Шкала SACS - методика стратегии преодоления стрессовых ситуаций С. Хобфолла, адаптированная Н.Е. Старченковой и Н.В. Водопьяновой (2009).

В 1994 г. С. Хобфолл предложил многосетевую модель «поведения преодоления» и шкалу SACS, построенную на её основе. В ней поведение рассматривается как стратегии (тенденции), а не как отдельные типы поведения. Модель имеет две основные оси: просоциальная – асоциальная, активная – пассивная. Методика позволяет определить степень выраженности конструктивных стратегий преодолевающего поведения как важнейшего ресурса профессиональной адаптации и устойчивости к синдрому эмоционального выгорания. Эта степень выражается в индексе конструктивности. Для определения степени конструктивности вычисляется общий индекс конструктивности (ИК), который выражает уровень стрессоустойчивости и подверженность синдрому эмоционального выгорания.

Для эмпирического исследования в выборе методик учитывалось: соответствие методик целям исследования, валидность и надёжность методик, удобность для групповых исследований, возможность математической обработки результатов.

Статистическая обработка полученных результатов производилась с помощью программы SPSS для Windows (версия 17). При обработке результатов были вычислены описательные статистики и проведена проверка нормальности распределения данных.

Исследование показало следующие уровни доминирующих состояний и стрессоустойчивости в данной выборке:

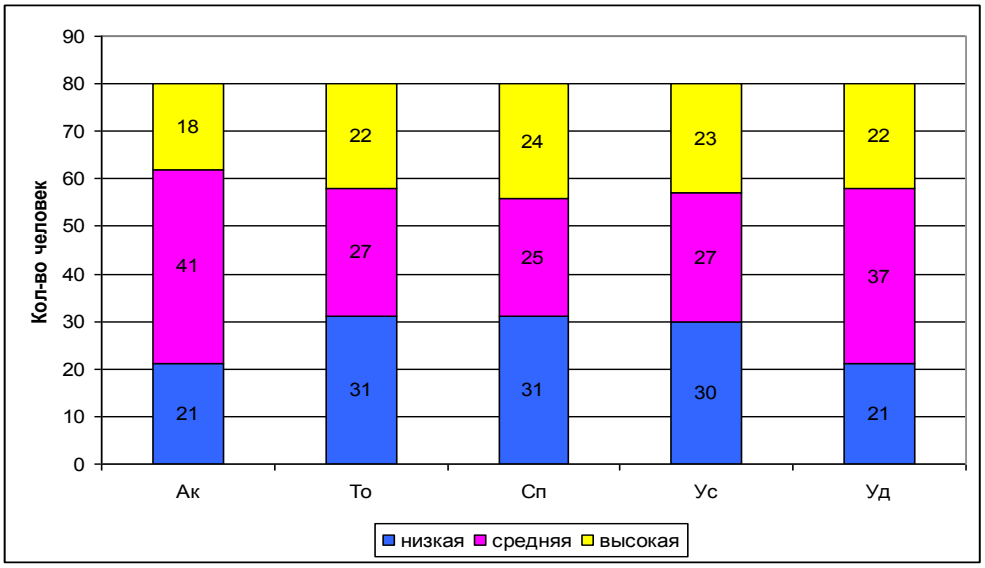


Рис. 1. Уровни доминирующих психических состояний по шкале SACS С. Хобфолла.

На рис. 1 видно, что в выборке доминируют средние значения по шкале активность – пассивность к жизненной ситуации (Ак) - 51,3 % (41 чел.)

22,5 % (18 чел.) - выявили активное и оптимистичное отношение к жизненной ситуации, готовность к преодолению препятствий, веру в свои возможности. Ощущение сил для преодоления препятствий и достижения своих целей. Жизнерадостность выше, чем у большинства людей.

26,3 % (21 чел.) - выявили пассивное отношение к жизненной ситуации, в оценке многих жизненных ситуаций преобладает пессимистическая позиция. Неверие в возможность успешного преодоления препятствий.

В выборке значителен низкий уровень шкалы тонуса (То) - 38,8% (31 чел.), что характеризуется усталостью, несобранностью, вялостью, инертностью, низкой работоспособностью. Меньшей возможностью проявлять активность, расходовать энергию, уменьшен ресурс сил, повышена утомляемость. Склонность проявления астенических реакций на возникающие трудности.

33,8 % (27 чел.) выявили средние значения. В ситуации острого стресса часто испытывают ощущение подъёма сил, но нередко ощущается и противоположная крайность – ощущение слабости.

27,5 % (22 чел.) - выявили высокую активность, стеническую реакцию на возникающие трудности. Субъективное ощущение внутренней собранности, запаса сил, энергии. Готовность к работе, в том числе и длительной.

В выборке преобладает низкий уровень шкалы «спокойствие – тревога» (Сп) - 38,8% (31 чел.), что характеризуется склонностью испытывать беспокойство в широком круге жизненных ситуаций, видеть угрозу престижу, благополучию независимо от того, насколько реальны причины. Ожидание событий с неблагоприятным исходом, предчувствие будущей угрозы (наказания, потери уважения или самоуважения) без ясного осознания её источников.

31,3 % (25 чел.) выявили средние значения. В ситуации острого стресса чаще испытывают ощущение подъёма сил, но ощущается и противоположная крайность – ощущение слабости.

30 % (24 чел.) - выявили уверенность в своих силах и возможностях, спокойствие.

В выборке преобладает низкий уровень шкалы устойчивости эмоционального тона (Ус) - 37,5% (30 чел.), что характеризуется сниженной эмоциональной устойчивостью, легко возникающим эмоциональным возбуждением, изменчивым настроением, повышенной раздражительностью, преобладанием негативного эмоционального настроя.

33,8 % (27 чел.) выявили средние значения шкалы устойчивости эмоционального тона.

28,8 % (23 чел.) выявили высокий уровень, который характеризуется ровным положительным эмоциональным тоном, спокойным протеканием эмоциональных процессов. Высокая эмоциональная устойчивость, в состоянии эмоционального возбуждения сохраняются адекватность и эффективность психической саморегуляции поведения и деятельности. Очень высокие оценки можно интерпретировать как эмоциональную ригидность.

В выборке преобладает средний уровень шкалы «удовлетворённость жизнью в целом» 46,3% (37 чел.) (Уд).

27,5 % (22 чел.) участников удовлетворены жизнью в целом, её ходом, самореализацией, тем, как идёт жизнь. Люди ощущают возможность брать на себя ответственность и возможность делать свой выбор. Чувствуют готовность преодолевать трудности в реализации своих способностей (если высшие потребности активизированы). Достаточно высокая оценка личностной успешности.

26,3% (21 чел.) участников неудовлетворены жизнью в целом, её ходом, процессом самореализации и тем, как в настоящее время разворачиваются основные жизненные

события. Низкая оценка личностной успешности. В настоящее время люди не нашли себя полностью, не раскрыли, не ощутили в себе надёжных внутренних опор, не чувствуют способности требовать от себя правдивых ответов. Часто характерен уход в сомнения, который позволяет уклониться от необходимости делать жизненный выбор, прислушиваясь, прежде всего, к самому себе, принимая на себя ответственность за то, что с ними происходит.

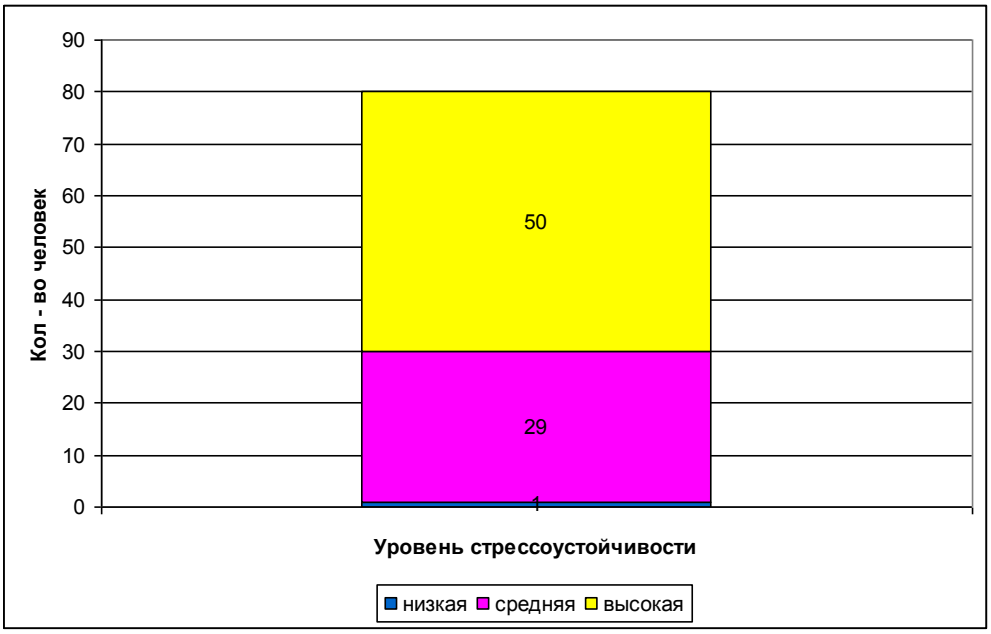


Рис.2. График распределения уровня индекса конструктивности, который выражает показатель стрессоустойчивости.

Анализируя рис.2. и нормативные показатели (по С.Хобфоллу) можно сделать вывод, что большинство участников исследования соответствуют высокому уровню индекса конструктивности. Полученные показатели вполне соответствуют возрастным особенностям, так как студентки ещё не успели наработать трудовой стаж и говорить о синдроме эмоционального выгорания ещё рано.

Результаты исследования связи между уровнем доминирующего психического состояния и стрессоустойчивостью свидетельствуют:

1) существует линейная, положительная корреляция между уровнем стрессоустойчивости и уровнем шкалы Ак (Отношение к жизни: активное - пассивное)

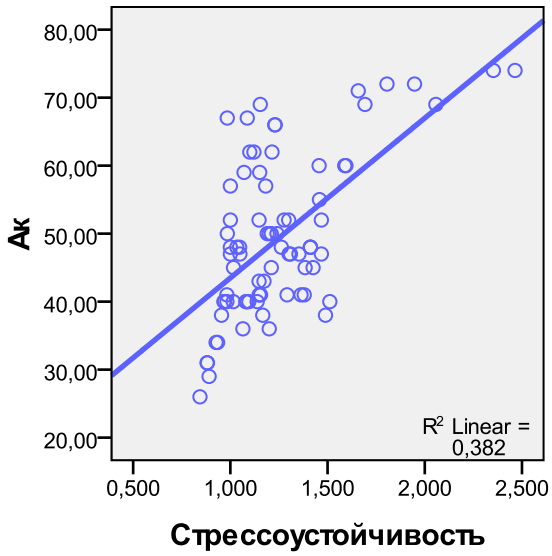


Рис.3. График корреляционной связи между уровнем стрессоустойчивости и шкалой активности.

2) существует линейная, положительная корреляция между уровнем стрессоустойчивости и уровнем шкалы Сп (спокойствие - тревога).

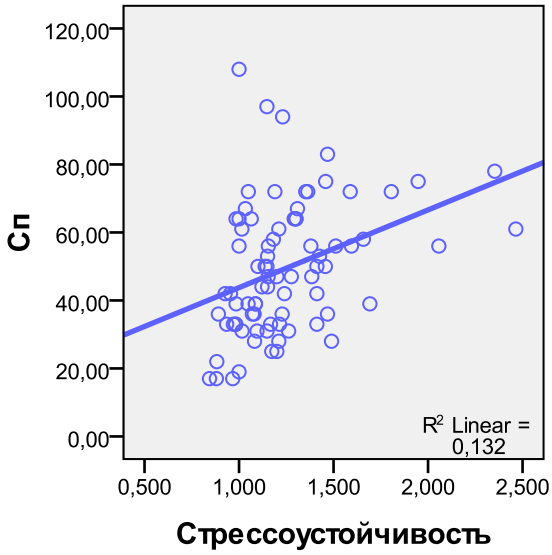


Рис.4. График корреляционной связи между уровнем стрессоустойчивости и шкалой спокойствия.

3) существует линейная, положительная корреляция между уровнем стрессоустойчивости и уровнем шкалы Ус (устойчивость эмоционального тона).

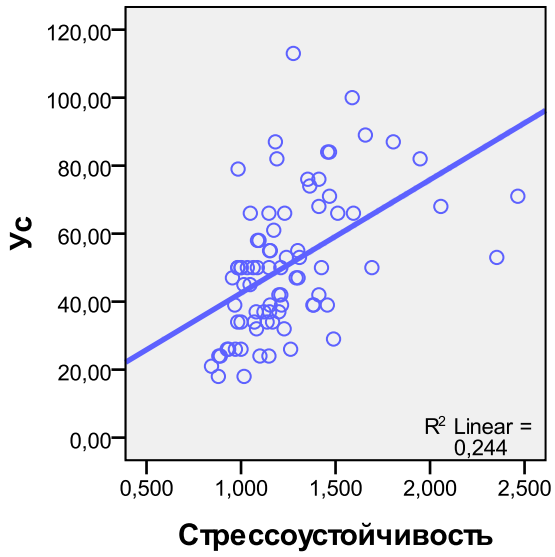


Рис.5. График корреляционной связи между уровнем стрессоустойчивости и шкалой устойчивости эмоционального тона.

4) существует линейная, положительная корреляция между уровнем стрессоустойчивости и уровнем шкалы Уд (удовлетворённость жизнью в целом).

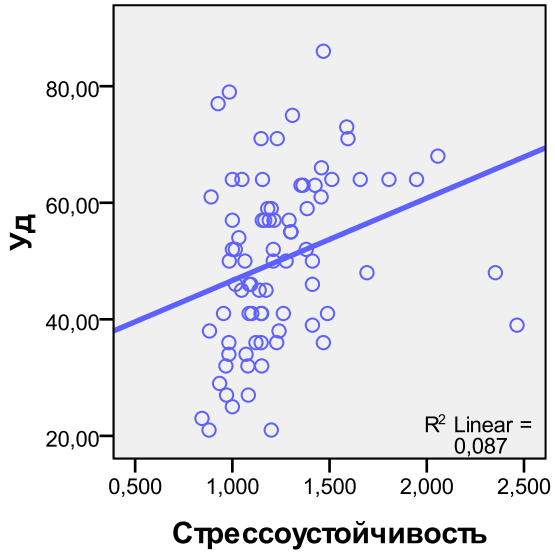


Рис.6. График корреляционной связи между уровнем стрессоустойчивости и шкалой «удовлетворённость жизнью»

Корреляционный анализ показал, что связь между уровнем стрессоустойчивости, тонусом и самооценкой не выявлена: при изменениях значений стрессоустойчивости значения шкал То, По меняются случайным образом.

Полученные данные согласуются с исследованиями Медведева А.В. «Социально - психологические аспекты развития психологического здоровья студентов в процессе профессионализации в ВУЗе» (2010). В данном исследовании была выявлена связь между уровнем стрессоустойчивости и доминирующим состоянием Сп (спокойствие - тревога), которое определяет уровень тревожности.

Однако, полученные в работе данные не согласуются с исследованиями;

1) А.В. Ходаковского (2009) «Стрессоустойчивость руководителя в управленческой деятельности. Исследование стрессоустойчивости в рамках констатирующего эксперимента». Исследование выявило положительное влияние позитивного отношения к себе на развитие стрессоустойчивости.

2) А. Ю. Маленовой «Самосознание как детерминант копинг-поведения в ситуации трудоустройства» (Маленова 2011). В ходе исследования ею была установлена связь между позитивным отношением к себе и стрессоустойчивостью. В данном исследовании не была выявлена статистически значимая связь между положительным образом себя и стрессоустойчивостью.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что уровень стрессоустойчивости связан с доминирующим состоянием активности к жизненной ситуации, уверенностью в своих силах и возможностях, спокойствием, устойчивостью эмоционального тона, который выражается способностью в состоянии эмоционального возбуждения сохранять адекватность и эффективность психической саморегуляции поведения и деятельности. Так же уровень стрессоустойчивости связан с удовлетворённостью жизнью в целом.

Повышение стрессоустойчивости влияет на уровень активности в жизненных ситуациях, на уверенность в своих силах и возможностях, на устойчивость эмоционального тона и удовлетворённость жизнью в целом. В свою очередь, развитие активности, уверенности в своих силах и возможностях, устойчивость эмоционального тона и удовлетворённости жизнью в целом влияет на стрессоустойчивость человека.

Поэтому рекомендуется в программах, направленных на развитие стрессоустойчивости, обучать таким методам как:

1. Релаксация (позволяет избавляться от психического и физического напряжения).

2. Концентрация. Неумение сосредоточиться - фактор, тесно связанный со стрессом. Современный учащийся ежедневно сталкивается с необходимостью выполнять большое количество разнородных задач в один отрезок времени и в быстром темпе. Такое «разрывание на части» изо дня в день приводит к психическому истощению.

3. Ауторегуляция дыхания. С помощью глубокого и спокойного ауторегулируемого дыхания можно предупредить перепады настроения. Увеличение продолжительности выдоха способствует успокоению и полной релаксации.

4. Самопрограммирование на устойчивость к стрессу. При самопрограммировании практически отсутствует сопротивление, легко скорректировать формулу, если она вызывает дискомфорт. Основной принцип - программа должна быть краткой, конкретной, позитивной. Основные правила самопрограммирования:

1. Не использовать частицу «не». Формула «у меня не болит голова» неэффективна, сработает слово «болит». Возможная формулировка: «голова легкая, ясная, свежая».

2. Формула - это приказ. Она должна быть конкретной, краткой и безоговорочной. Второй, бессознательный, уровень регуляции не понимает сложных смысловых конструкций, сравнений, колебаний, условий и оговорок.

3. Формула составляется так, что желаемое состояние представляется как уже наступившее. Наши сомнения и колебания направляют нашу же силу против нас.

Прежде чем задать программу в состоянии релаксации, ее нужно составить, хорошо продумать, чего именно хотелось бы достичь, и придерживаться правил.

В развивающих программах по повышению стрессоустойчивости рекомендуется использовать упражнения, направленные на развитие уверенности в своих силах, на устойчивость эмоционального тона и для повышения удовлетворённостью жизнью.

В программе для развития активной жизненной позиции и удовлетворённости жизнью рекомендуются упражнения, направленные на:

1. Осознание и развитие зрелых способов защиты: альтруизма, способности не требовать мгновенного воздаяния за добрые дела, забота о будущем, толерантность и юмор.

2. Осознание того, что позитивные эмоции играют важнейшую роль в жизни. Они повышают интеллектуальные, физические и социальные возможности и создают резервы, всегда доступные в случае угрозы или необходимости. Негативные эмоции действуют как ограничители. Под влиянием позитива человек становится свободнее, терпимее, подходит к проблемам творчески. Он открыт для новых идей и впечатлений.

3. Осознание того, что позитивный настрой задает совершенно особый образ мышления. Негативный настрой активизирует критический образ мыслей: человек пытается понять, что не так, а затем устранить проблему. Позитивный настрой, в свою очередь, располагает к конструктивному творческому и доброжелательному подходу.

4. Осознание того, что отрицательные чувства сигнализируют о том, что предстоит победа или поражение. Позитивные чувства влекут к игре, в которой проиграть нельзя(!) Располагая людей к творчеству и терпимости, позитивные эмоции увеличивают социальный, интеллектуальный и физический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

ВОДОПЬЯНОВА Н. Е., 2009. Психодиагностика стресса. СПб: Питер, 336 с.

КУЛИКОВ Л. В., 1995. Стресс и стрессоустойчивость личности. *Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 1. Ч. 1 /Под ред. Крылова А.А.* – СПб.: : СПбГУ.

КУЛИКОВ Л. В., 2003. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. СПб.: СПбГУ.

МАЛЕНОВА А. Ю., 2011. Самосознание как детерминант копинг-поведения в ситуации трудоустройства. *Труды IV международной научной интернет-конференции, январь – март 2011 г./отв. ред. Е.Г. Ефремов, М.Ю. Семенов*. – Киев: “Издательство Простобук”, 278 с. (см. 08.08.2011) http://sites.google.com/site/konfep/Home/2-sekcia/malenova

МЕДВЕДЕВ А. В., 2010. Социально - психологические аспекты развития психологического здоровья студентов в процессе профессионализации в ВУЗе. Курск, 26 с.

ХОДАКОВСКИЙ А. В., 2009. Стрессоустойчивость руководителя в управленческой деятельности. *Исследование стрессоустойчивости в рамках констатирующего эксперимента*. Киев. (см. 09.09.2011) http://sites.google.com/site/khodakovskiy/naucnye-stati/stata8

Yuri Mashoshin
Daugavpils University, Latvia
Research interests: low, didactics, psychology

INCREASED STRESS STABILITY OF STUDENTS

Summary

Methods to improve students' stress are associated with the diagnosis of personality resources to assess its resistance to stress. The indicators of the availability of resources can serve as indicators of the success of external activity, mood, job satisfaction, quality of life, an optimistic, positive attitude toward themselves and others.

Studies linking the level of stress and dominant mental states are practically absent. Stress Tolerance is, above all, constructive co-ownership with stressful situations. Stress resistance is determined by the predominance of constructive coping strategies over destructive ones. It is often defined and compared with the actual adaptation to stressful situations.

KEY WORDS: stress, dominant mental state, coping strategies, adaptation.

Юлия Молоткова
Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, ул. Захарова, 21
электронная почта: molotkova@gmail.com
Научные интересы: китайский язык, иероглифическая система письма, методика обучения иностранным языкам, методика обучения письму и письменной речи.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА КАК ПРЕДМЕТА ОВЛАДЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В данной статье рассматривается система иероглифического письма китайского языка, описываются ее особенности с точки зрения предмета овладения студентами языкового вуза. В качестве основной единицы обучения письму предлагается выделять иероглиф с соответствующим ему звукобуквенным стандартом и определенным значением или семантикой. Каждая составляющая данной единицы представляет собой сложное явление и обладает характерными чертами, которые подробно рассматриваются в статье. Знание данных особенностей системы письма на китайском языке позволит лучше овладеть ей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иероглифическая письменность, иероглиф, единица обучения письму, обучение письму.

Иероглифическая письменность является одной из древнейших в мире, она существует уже более трех с половиной тысяч лет (Павленко 1965, с. 60). На протяжении долгого времени она оставалась «глухонемой», вплоть до 1958 г., когда в КНР был официально утвержден звукобуквенный алфавит. С тех пор функционирование китайского языка (КЯ) происходит при одновременном и взаимодополняющем существовании двух форм письменности: иероглифической основной и буквенной вспомогательной (Алексахин 2010, с. 6). Несмотря на их относительную самостоятельность, обе системы взаимосвязаны, это проявляется в том, что «все иероглифы в звуковом отношении соответствуют слогу, служащему звуковой оболочкой либо для односложного слова, либо для значимого компонента многосложного слова», другими словами, за каждым иероглифическим знаком «закреплено определенное звучание и значение» (Солнцев 1957, с. 199). Таким образом, в предлагаемой нами методике основной единицей обучения иероглифической системе письма (ИСП) является иероглиф, который указывает на определенное значение и которому соответствует определенный звукобуквенный стандарт (Алексахин 2010).

Знак иероглифического письма КЯ представляет собой сложную графическую фигуру, состоящую из определенных элементов, количество которых варьируется от одного и до нескольких десятков (Софронов 1996, с. 444). Он представляет собой некоторое условное графическое изображение, которое может быть изображением самого референта, но не последовательностью слогов или фонем (Софронов 1996, с. 445). Минимальной структурной единицей иероглифического знака (ИЗ) является черта. Как уже было отмечено, существуют знаки, состоящие из одной черты, например, «一» или «乙», а также иероглифы, в состав которых входит более 30-ти черт, например, «龘» – 36 черт. Количество основных черт, выделяемых различными исследователями, варьируется от 24 до 35. Из них некоторые авторы выделяют 5 основных черт (Ху Вэньхуа), другие – 6 основных (Фу Юнхэ, Чжан Цзиньсянь), однако большая часть исследователей склоняется к тому, что в иероглифике можно выделить 8 основных черт (Ли Дасуй, Ху Юйшу, Чжан Пэнпэн, Т.П. Задоенко, Хуан Шуин). Количество производных или дополнительных, видоизмененных, черт также определяется по-разному.

Следующим более сложным или равным черте, но менее сложным или равным иероглифу графическим элементом является графема. В выделении графем и уровней членения иероглифа на графемы также существует ряд спорных вопросов, которые решаются исследователями неоднозначно. Глубина членения иероглифа на графемный

состав зависит от функций, которые они выполняют. Некоторые говорят об уровнях членения, где деление первого уровня, как правило, представляет собой деление на основные графемы, например:

和——禾　口
　　曼——日　四　又
　　趣——走　耳　又
　　古——十　口
　　国——口　玉　и т.д.

Однако можно произвести и более детальное членение, то есть выделить минимальные структурные элементы, которые уже невозможно разделить на более мелкие компоненты, обладающие определенным значением, например:

涨——　氵
　　张——弓　长
瓷——　次——欠　冫
　　瓦
耀——　光
　　翟——羽——习　习
　　隹　и т.д (胡文华 2008, с. 39).

Сунь Дэцзинь (孙德金) на основе проведенного анализа выделил 515 графем, из которых 285 могут участвовать в составлении иероглифов, т.е. 55,34%. Из них 151 графему он отнес к единицам первого уровня сложности, это 53% от всех графем, которые способны участвовать в составлении иероглифов (孙德金 2006, с. 62). Т.П. Задоенко и Хуан Шуин признают наличие более 200 графем в китайской иероглифике, часть которых малоупотребительна, исходя из чего, они рассматривают лишь 124 графемы, усвоение которых считают достаточным для дальнейшего запоминания сложных знаков (Задоенко 1993, с. 26). Еще в словаре Сюй Шэня «Шовэнь Цзецзы» была разработана система иероглифических ключей[109] и выделены графемы, которые обладают определенным значением и с помощью которых можно отыскать иероглифы в словаре. Данная классификация, насчитывающая 214 ключей, принимается многими исследователями, используется во многих словарях и положена в основу предлагаемой нами методики, однако для усвоения на первом году обучения было отобрано только 180 графем, входящих в состав минимума иероглифов, предназначенного для первого уровня программой (Международная программа 2009).

Графемы в зависимости от выполняемых функций могут классифицироваться на детерминативы, фонетики и простые знаки. Смысловой детерминатив – графема, которая служит для передачи примерного значения знака в целом, детерминатив указывает лишь на некий класс значений, а не на конкретное значение того или иного знака. Фонетик передает точный или приблизительный звукобуквенный состав фоноидеограммы (Задоенко 1993, с. 158-159). Простой знак – это графема, которая не передает ни значения, ни звучания. Фонетик, детерминатив или простой знак не являются строго определенной характеристикой той или иной графемы, многие из них могут выступать как в роли фонетика, так и в роли детерминатива, а иногда являться и простым знаком. Так «木» в иероглифе «休» выполняет функцию детерминатива, а в иероглифе «沐» – фонетика. Или «又» в иероглифе «取» является детерминативом, а в иероглифах «汉», «难», «邓» всего лишь простым знаком. Есть группа графем, не способных самостоятельно образовывать иероглиф: «疒、廴、扌и т.д.», такие графемы могут выполнять лишь функцию детерминатива. Некоторые фонетики могут выполнять одновременно и функцию детерминатива.

[109] В узком смысле ключом называется элемент иероглифа, который выступает в качестве тематического классификатора и указывает, к какой сфере относится значение иероглифа. Ключи используются для построения иероглифических словарей.

Графическая форма ИЗ представлена в том числе и его структурной схемой. Су Пэйчэн выделяет 4 основные схемы и 13 дополнительных. Согласно его классификации, основные схемы включают: разделение на левую и правую части, разделение на верхнюю и нижнюю части, окружные структуры и рамочные структуры (苏配成 2001). Вслед за Ху Вэньхуа мы предлагаем использовать следующие 8 структурных схем сложных иероглифов:

1) Разделение на верхнюю и нижнюю части:
   菜、思、李　　霜、药、宿　　想、贸、染
2) Разделение на верхнюю, среднюю и нижнюю части:
   曼、舅、宫
3) Разделение на правую и левую части:
   休、打、朝　　谢、街、鸿
4) Структура, окруженная со всех сторон:
   国、团、园
5) Структура, окруженная с двух сторон:
   病、尼、庞　　司、可、习　　道、趣、延
6) Структура, окруженная с трех сторон:
   同、问、向　　山、凶、函　　匡、区、医
7) Структура со вставкой:
   乘、爽、巫
8) Структура в форме трех квадратов (品):
   品、森、众 (胡文华 2008, с. 41-42).

Овладение графической формой ИЗ вызывает огромные трудности у обучаемых, во-первых, из-за отличия графики китайского иероглифа от графики букв родного языка, во-вторых, в силу сложной структуры знака. Одна из проблем, связанных с графической формой ИЗ, заключается в иероглифах похожих графически, написание которых очень близко и отличается лишь одной или несколькими чертами: «儿» и «几», «干» и «千», «办» и «为», «必» и «心», «广» и «厂», «车» и «东», «刀», «力» и «刃», «丢» и «去». Существует и ряд других проблем, связанных с данным аспектом, именно поэтому мы считаем необходимым обращать особое внимание на графическую форму ИЗ в процессе обучения ИСП.

Далее рассмотрим звукобуквенный стандарт КЯ путунхуа, его структуру и особенности с точки зрения предмета овладения. Как и в любом другом языке, он состоит из согласных и гласных фонем (Алексахин 2010, с. 27), которые на письме передаются с помощью латинских букв (всего 26). Традиционно китайский слог состоит из двух основных структурных элементов, каждый из которых занимает свое определенное место в слоге: согласные начинают слог и называются инициалями (всего 21), гласные располагаются в конце слога и называются финалями (всего 38) (Задоенко 1993, с. 6). Согласная часть слога может быть выражена только одним согласным звуком, в то время как гласная часть может быть выражена как монофтонгом, так и дифтонгом или трифтонгом (Задоенко 1993), что на письме передается соответствующими стандартизированными буквенными сочетаниями, не всегда совпадающими с количеством фонем (Алексахин 2010). Еще одной важной особенностью китайского слога является то, что гласные фонемы дифференцируются в зависимости от пяти разных укладов голосовых связок, называемых тонами, выполняющих смыслоразличительную функцию (Алексахин 2010). В фонетической системе КЯ насчитывается около 400 слогов, наличие тонов несколько увеличивает данное число, но, тем не менее, не каждый слог может быть представлен во всех пяти модификациях. Рассмотрим некоторые особенности соотношения звукобуквенных слогов и графических знаков в КЯ. Во-первых, каждому иероглифу соответствует определенный слог, представленный звукобуквенным стандартом путунхуа. Во-вторых, один и тот же слог в графическом виде может быть представлен различными ИЗ, например, «机、鸡、积、击、激、饥、基» и т.д. все соотносятся со слогом «jī». Или один иероглиф в зависимости от слова, в состав которого

он входит, может соотноситься с разными звукобуквенными слогами, например, «参» в слове «参加» читается, как «cān», в «参差不齐» – «cēn», а в сочетании «人参» – «shēn». В-третьих, графическая форма иероглифа не может передавать его звучание. Даже одна и та же графема в составе разных иероглифов может читаться по-разному: «抬、怡、治、冶、怠、胎» – все имеют отличное от «台» чтение. Кроме того, одни и те же иероглифы по-разному произносятся в разных регионах Китая. В-четвертых, наличие небольшого количества слогов и большого количества графических знаков, соответствующих различным понятиям, привело к тому, что в КЯ имеется большое количество омофонов, к которым относятся ИЗ, имеющие одинаковый звукобуквенный стандарт, но различающиеся графически, например, «刘、流、留、瘤、浏» – все соответствуют слогу «liú». Строго говоря, к омофонам должны относиться слоги, в которых совпадает и инициаль, и финаль, и тон, но некоторые исследователи говорят о том, что к ним можно относить и те, которые совпадают только по инициали или только по финали. В-пятых, такие процессы, как расширение значения иероглифа, появление у него переносного значения или использование для образования заимствованного знака и т.д. привели к наличию большого количества ИЗ с несколькими вариантами чтений и омографов: «谁、熟、觉、行、长、背、干» и т.д.

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет связь графических знаков и их звукобуквенных соответствий, так как полагаем, что усвоение и того и другого должно происходить параллельно. Известно, что в современном КЯ 80–90% всех ИЗ являются фоноидеограммами. Фэн Липин (冯丽萍) проанализировала 2905 иероглифов, включенных в программу, и определила, что 1920 из них являются фоноидеограммами, то есть составляют 66,1% (冯丽萍1998, с. 94). Автор выделила несколько групп фоноидеограмм. К первой она отнесла знаки, в которых фонетик может полностью определять звучание иероглифа, таких знаков немного: «钩、清、铜、箱、荷、娶、彩、吓、圆、鲸、筐、慌、护、递、抬、功、佑、袋、猴» и т.д. Во вторую группу входят знаки, фонетик которых может определять звучание только финали. Иероглифов данной группы довольно много: «妹、浅、姐、该、救、影、盛、琵、琶、痴、拍、跑、判、泌、持、哄、晓、室、紫、草、洞、殊、鸽、桃、脆» и т.д. Либо фонетик может приблизительно определять звучание финали: «袖、迸、捉、宾、浴、晚、郎、狼、猫、渐、罪、淡、绿、港、霜» и т.д. В третью группу вошли ИЗ, где фонетик определяет звучание и инициали и финали, но тон не совпадает: «格、偏、瑰、搂、想、媚、愿、稿、嫁、飘、笨、扣、赶、样、种、抱、挡、柯、披、烂» и т.д. Четвертая группа состоит из ИЗ, в которых фонетик звучит полностью по-другому, то есть самостоятельно графема имеет одно чтение, а в составе иероглифа в качестве фонетика имеет другое чтение: «丑 (chǒu)», но в иероглифах «扭、纽、妞» имеет чтение «niu[110]», или «瓜(guā)» в иероглифах «孤、呱、弧» читается, как «u», а «炎(yán)» в составных иероглифах «淡、谈、毯、痰» читается, как «an», «内(nèi)» в иероглифах «纳、呐、钠» читается «nà» и т.д. И наконец, пятая группа включает иероглифы, в которых один и тот же фонетик передает разный звук в разных иероглифах, то есть одна графема может в качестве фонетика иметь разные варианты чтения, например, «台» в иероглифах «抬、胎» читается, как «tai», в иероглифах «怡、贻» читается, как «yí», а в иероглифе «冶» – «yě» и т.д. Несмотря на такое разнообразие функций фонетика в иероглифе, его способов чтения, можно, тем не менее, выделить определенные закономерности в связях между графическими символами и звукобуквенными сочетаниями, которые следует учитывать при разработке методики обучения ИСП.

Значение лингвистической единицы КЯ обладает сложной многокомпонентной структурой, в которой помимо денотативного и сигнификативного значений, выраженных посредством графической формы, можно выделить и коннотативный (эмоциональная

[110] Там, где звукобуквенный состав дается без знака тона, предполагается, что у различных знаков неодинаковый тон.

окраска), стилистический (принадлежность к определенному стилю), прагматический (зависимость от условий коммуникации), синтагматический (относящийся к правилам употребления иероглифа в сочетании с другими иероглифами) или синтаксический (структура иероглифа) аспекты значения. Кроме того китайская иероглифика несет в себе богатый национально-культурный и историко-культурный контекст. Несмотря на то, что в ходе развития многие иероглифы утратили изобразительность, однако они сохранили свой глубинный смысл, связанный с их знаковой функцией. Поэтому основания для определения значения или как минимум класса предметов, к которому относится тот или иной знак, по-прежнему сохранились. Европейские исследователи КЯ видели в глубинном смысле слоговой морфемы источник всех ее значений, которые она приобретает в речи и в текстах. У.В. Гумбольдт этот источник называл внутренней формой, Г. Габеленц – основным значением, А.А. Драгунов – просто значением (Софронов 1996, с. 40). Глубинный уровень значения ИЗ заключается в значении структур меньшего объема, т.е. графем, детерминативов, фонетиков. Так, увидев ключ « 刂 (нож, поставленный вертикально)», мы сразу же соотносим его со знаком «刀(нож)»; графема «灬(огонь)» ассоциируется с иероглифом и понятием «火(огонь)» и т.д. То есть графемы уже несут в себе определенное значение. Кроме того, б*о*льшая часть иероглифов является многозначными. Чем чаще употребляется иероглиф, тем вероятнее, что у него много значений.

Прежде всего, стоит сказать о том, что иероглиф не является словом, несмотря на то, что существует определенное количество одноморфемных слов, подавляющее большинство слов современного КЯ является двуморфемными образованиями. Сам по себе иероглиф обладает собственным значением или как минимум относит к определенному понятию (Солнцев 1957). Иероглифы различных категорий в разной степени точности выражают значение. Чтобы это проследить, необходимо в первую очередь рассмотреть выделяемые исследователями категории графических знаков и их способность передавать смысл посредством графической формы. Одна из первых классификаций китайских иероглифов была осуществлена позднеханьским ученым Сюй Шэнем (I в. н.э.) в словаре «Шовэнь Цзецзы» (Описание простых и объяснение сложных знаков) (Курдюмов 2005, с. 20). Он разделил все иероглифы на шесть категорий (Лю шу – 六书): изобразительные иероглифы (или пиктограммы, знаки-изображения 象形сянсин), указательные иероглифы (или знаки-символы指事чжи ши), идеограммы (или знаки-идеограммы 会意хуэй и), фоноидеограммы (или фонетические знаки 象声сяншэн), видоизмененные (转注чжуанчжу) и заимствованные иероглифы (假借цзяцзе) (Софронов 1996, с. 545). Данная теория уже на протяжении двух столетий используется для анализа ИЗ. Определяя основания такой классификации, Чжоу Цзянь полагает, что среди шести категорий первые четыре выделены по способу образования, две последние – по способу употребления (周健 2007, с. 64). М.В. Софронов считает, что знаки-изображения и знаки-символы – это классификация с точки зрения плана содержания, знаки-идеограммы, фонетические и видоизмененные знаки – графической структуры, а заимствованные знаки – выполняемой в тексте функции (Софронов 1996, с. 545). Современные китайские ученые пересматривают теорию «шести категорий» и предлагают новые классификации иероглифов, указывая на то, что многие ИЗ в процессе развития перестали соответствовать критериям своих категорий. Данное явление можно продемонстрировать множеством примеров, так, иероглифы «日、月、山、水», относящиеся к категории изобразительных, в современном написании уже довольно отдаленно напоминают «солнце, луну, гору и воду». Поэтому их отнесенность к категории изобразительных ставится некоторыми авторами под сомнение. Кроме того, в процессе эволюции, особенно в связи с упрощением написания иероглифов, многие знаки значительно изменились, например: «汉、权、鸡、邓、戏、难» изначально относились к категории фоноидеограмм, после упрощения в них появился компонент «又», который не является ни фонетиком, ни ключом, а представляет собой простой знак, поэтому очень сложно определить, к какой категории они относятся сегодня. Руководствуясь этими и другими

фактами, многие исследователи предлагают отказаться от данной теории в процессе обучения КЯ и перейти к новым, соответствующим сегодняшней действительности. Так, например, Су Пэйчэн (苏配成) выделяет следующие шесть категорий современных ИЗ: указательные иероглифы (会意字): «从», «拿»; фоноидеограммы (形声字): «懊», «疤»; полуидеограммы-полузнаки (半意符半记号字): «布», «刻»; полуфонограммы-полузнаки (半音符半记号字): «球», «笨»; самостоятельные знаки (独体记号字): «我», «方»; составные знаки (合体记号字): «鼎», «特» (苏配成 2001). На основе этой классификации Ян Жуньлу (杨润陆) предложил теорию четырех категорий: знаки (самостоятельные и составные знаки), полузнаки (полуидеограммы и полуфонограммы), идеограммы (простые и составные) и фоноидеограммы. Ли Дасуй (李大遂) в поддержку теории Лю шу говорит, что, так как она была создана с целью классификации древних иероглифов, то естественно, что не может быть применима к каждому отдельному ИЗ современного КЯ. Тем не менее, почти все используемые на сегодняшний день иероглифы произошли от древних, структура многих из них не изменилась, к тому же бо́льшая их часть была создана в соответствии с этой классификацией. Поэтому он считает, что данную теорию по-прежнему можно использовать для систематизации иероглифов, так как она позволяет увидеть, что иероглифы представляют собой целостную систему, а не беспорядочный набор знаков.

Мы придерживаемся точки зрения Чжоу Цзяня (周健), который считает, что несмотря на все недостатки теории Лю шу, она все же является наиболее полной и подробной, не утратившей своего значения до настоящего времени, но которую можно немного изменить в соответствии с задачами обучения (周健 2007, с. 65). Таким образом, положив в основу теорию Сюй Шэня, он выделяет четыре категории знаков: древние знаки-изображения (古象形字гу сянсин цзы), знаки-идеограммы (会意字хуэй и цзы), фоноидеограммы (形声字синшэн цзы) и специфические знаки (特殊字 тэ шу цзы). Хотя знаки-изображения в процессе эволюции изменили свою форму, все же можно обнаружить сходство между ними и ранними пиктограммами. Идеограммы по-прежнему занимают значительное место в КЯ, их количество велико, например, «泪», «休» и т.д. Что касается знаков-символов, то их не много и они также как и идеограммы, в основном, состоят из двух и более компонентов, из которых можно вывести значение целого иероглифа, поэтому целесообразно объединить их в одну группу со знаками-идеограммами. Фоноидеограммы составляют более 80% всех знаков (王建勤2006, с. 158). Все остальные знаки, которые не подходят к вышеуказанным трем категориям, вслед за Чжоу Цзянем мы будем относить к четвертой категории, так называемых специфических знаков (周健 2007, с. 65).

Рассмотрение различных подходов к выделению категорий ИЗ позволяет условно разделить все иероглифы на две группы в соответствии с их способностью передавать значение и звучание с помощью определенных графических элементов: фоноидеограммы и нефоноидеограммы. Рассмотрим сначала вторую группу, к которой относятся пиктограммы, указательные иероглифы и идеограммы, или, в соответствии с классификацией Чжоу Цзяня, знаки-изображения, знаки-идеограммы и специфические знаки. На начальном этапе все они были изобразительными, например, «冒、羊、集» в древнем написании были очень похожи на изображение «шапки», «головы барана», «трех птичек, усевшихся на верхушке дерева», в то время как их звучание носило договорной, условный характер. В современном языке эти иероглифы практически утратили свою изобразительность, то есть отношение с денотатом, однако мы считаем, что мотивированность не исчезла полностью, а перешла на более глубокий уровень, переместилась с внешней стороны во внутреннюю скрытую форму. Что касается фоноидеограмм, то здесь ситуация проще: 85,92% фоноидеограмм имеют определенное значение (孙德金 2006, с. 179). В фоноидеограмме функцию передачи значения выполняет смысловой детерминатив, он, как правило, относит иероглиф к определенному классу предметов или действий, например, ключ «钅 (металл)» в иероглифах «钱、锉、银、钥、钟» говорит об их принадлежности к группе понятий, связанных с

металлом (孙德金 2006, с. 179). Конечно, смысловой детерминатив только относит к классу понятий, но не называет конкретного значения иероглифа. Например, иероглиф «骑», смысловой детерминатив «马 (лошадь)» говорит о том, что значение данного иероглифа связано с лошадью, однако, что он конкретно означает, мы не можем сказать. Кроме того, очень многие иероглифы в современном языке используются в переносном или заимствованном значении. В этих случаях определить его становится еще сложнее, например, «错» изначально означал «инкрустировать что-либо в металл», сейчас он в основном употребляется в своем переносном значении «неверно, ошибка». Или «骗» в современном значении «обманывать, выманивать» практически утратил связь с ключом «马 (лошадь)».

Как правило, иероглиф имеет не одно, а несколько значений, между которыми существуют определенные связи. М.В. Софронов говорит о том, что семантика иероглифа обнаруживает способность к изменению в очень широком диапазоне, как в лексическом, так и в грамматическом плане, то есть значение иероглифа индивидуальное или словарное варьируется в зависимости от его окружения, от других единиц, с которыми он сочетается (Софронов 1996, с. 44). Ху Вэньхуа рассматривает исходное, переносное и заимствованное значения ИЗ (胡文华 2008, с. 56). Исходное значение иероглифа – то значение, которое он имел в самом начале своего появления, как правило, его графика непосредственно передавала содержание предмета или явления, относящегося к реальности. Исходное значение мы можем знать только по сохранившимся и дошедшим до нас письменным источникам, иногда раскрыть его довольно сложно, но в лексике, в состав которой он входит, можно выделить некие общие черты, связанные с ним. Например, иероглиф «张» имеет значение «раскрывать», «расширять», его изначальное значение «用力拉开弓», то есть «с силой растягивать лук», значение, в котором он употребляется сегодня – переносное. Иероглиф «字», изначальное значение которого «воспитывать ребенка», используется в значении «знак, служащий для записи», это заимствованное значение (胡文华 2008, с. 58). Что касается переносного значения, по мнению Ху Вэньхуа, оно является наиболее часто встречаемым в современной китайской иероглифике. Исследователь называет шесть основных способов переноса значения, среди которых метафора, расширение, сужение значения, переход от конкретного к абстрактному и наоборот и т.д. Заимствованное значение – это то, которое появилось у иероглифа не сразу: некоторые ИЗ перестали использоваться из-за того, что вместо них стали применяться другие, например, «花、其、也、耳、之» и т.д. Изначально они все относились к каким-либо предметам действительности, однако сейчас используются в других целях, именно поэтому получили такое название.

Таким образом, КЯ существует в двух формах письменности: иероглифической и звукобуквенной, которые соотносятся друг с другом посредством семантики, т.е. определенному графическому знаку (иероглифу) соответствует определенный звукобуквенный стандарт, и оба они соотносятся с определенным значением. Для обучения студентов языкового вуза ИСП наиболее целесообразным является выделение в качестве основной единицы обучения иероглифа с его звукобуквенным соответствием в языке путунхуа и значением. Все три составляющие имеют сложную многокомпонентную структуру: графическая форма ИЗ представлена набором черт, графем и синтаксической структурой, т.е. расположением черт и графем относительно друг друга; звукобуквенный стандарт выражается посредством набора латинских букв, как правило, состоит из двух частей, согласной и гласной, а также знака тона; значение – класс предметов, к которым относится знак, его исходное, переносное или заимствованное значение, определяющее особенности его использования в сочетании с другими лингвистическими единицами. Как видно, данная единица обучения носит сложный характер и знание ее особенностей должно формироваться уже на самом раннем этапе обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАХИН, А.Н., 2010. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово. Москва: Восточная книга, 184 с.
ЗАДОЕНКО, Т.П., ХУАН ШУИН, 1993. Основы китайского языка. Вводный курс. Москва: Наука, 271 с.
КУРДЮМОВ, В.А., 2005. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. Москва: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 576 с.
Международная программа по обучению китайскому языку, 2009. Пекин: Изд-во: Обучение и исследования иностранных языков, 129 с.
ПАВЛЕНКО, Н.А., 1965. Краткий очерк истории письма: учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов и пединститутов. Минск: Высшая школа, 236 с.
СОЛНЦЕВ, В.М., 1957. Очерки по современному китайскому языку. Москва: Изд-во ИМО, 207 с.
СОФРОНОВ, М.В., 1996. Введение в китайский язык. Москва: Муравей, 256 с.
冯，丽萍，1998. 对外汉语教学用2905汉字的语音状况分析. 北京师范大学学报. 北京: 社会科学版，页94.
胡，文华，2008. 汉字与对外汉字教学. 上海: 学林出版社, 257页.
李，大遂，2003. 简明实用汉字学. 北京: 北京大学出版社, 315 页.
苏，配成, 2001. 现代汉字学纲要. 北京: 北京大学出版社, 374页.
孙，德金，2006. 对外汉字教学研究. 北京: 商务印书馆,482 页.
王，建勤, 2006. 汉语作为第二语言的学习者与汉语认知研究. 北京: 商务印书馆, 427页.
张，朋朋, 2007. 新编基础汉语. 识字篇. 集中识字. 北京: 华语教学出版社, 136页.
周，健. 2007. 汉字教学理论与方法 .北京：北京大学出版社，227 页.

Molotkova Yuliya
Minsk State Linguistic University
Research interests: Chinese language, hieroglyphic writing system, methods of teaching foreign languages, teaching of technic of writing.

LINGUISTIC FEATURES OF HIEROGLYPHIC WRITING SYSTEM AS AN OBJECT OF STUDY OF LANGUAGE SCHOOL STUDENTS

Summary

In this paper we analyze a system of hieroglyphic writing in the Chinese language, describe its features as the object of study of language school students. We propose to use a single character with its sound and meaning as the main basic unit of teaching a hieroglyphic system. Each component of the unit is a complex phenomenon and has its own characteristics that are described in detail in this article. Knowledge of these characteristics of hieroglyphic writing system will help to find a better way of studying it.

KEY WORDS: hieroglyphic writing, the character, a unit of teaching hieroglyphic writing, teaching to write.

Ирина Радина
Минский Государственный Лингвистический Университет
ул. Захарова 21, 220034, г. Минск, Беларусь
E-mail: irina20radina@gmail.com
Научные интересы: виртуальная образовательная среда, обучение устному иноязычному общению, методика обучения иностранным языкам, интернет-технологии в обучении иностранным языкам

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДКАСТИНГА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Данная статья посвящена проблеме использования интернет-технологий в обучении студентов неязыкового вуза устному иноязычному общению. В статье рассматриваются преимущества использования интернет-технологий, на примере технологии подкастинга, в процессе обучения студентов устному иноязычному общению. С целью определения роли и места подкастинга в образовательном процессе по иностранным языкам, в статье приводится определение данной технологии, рассматриваются педагогические и дидактические функции, классификация подкастов, анализируются возможности обеспечения максимальной интенсификации образовательного процесса по иностранным языкам, за счет интеграции в него интернет-технологий, способствующих повышению качества обучения студентов устному иноязычному общению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-технологии, подкастинг, устное иноязычное общение, виртуальная образовательная среда.

В современном образовательном процессе, отличительной чертой которого является увеличение объема информации, актуальной становится проблема интенсификации обучения студентов устному иноязычному общению. В настоящее время к выпускникам неязыковых вузов предъявляются достаточно высокие требования в отношении уровня владения иностранным языком, в целом, и умениями устного иноязычного общения в частности. В этой связи студенты испытывают потребность в овладении умениями профессионально ориентированного общения, позволяющими им проявить себя в качестве полноценных и компетентных участников межкультурной коммуникации.

Традиционно обучение иностранному языку в неязыковом вузе было ориентировано на чтение, понимание и перевод специальных текстов, а также изучение проблем синтаксиса научного стиля, что определялось стандартной образовательной программой. Несмотря на то, что сегодня выпускники неязыковых вузов приобретают достаточно высокий уровень владения иностранным языком, практика показывает, что они часто испытывают затруднения в процессе осуществления профессионального иноязычного общения. Возникающие коммуникативные неудачи во многом обусловлены, на наш взгляд, недостаточной степенью сформированности умений устного иноязычного общения, вследствие ограниченного количества часов, отводимого в настоящее время на изучение иностранного языка в неязыковых вузах.

Таким образом, становится актуальным поиск новых путей и способов интенсификации обучения студентов устному иноязычному общению в целях повышения качества языкового образования. Нововведения касаются самых разных аспектов образовательного процесса по иностранным языкам, начиная со смены организации пространства в аудиториях, оснащением учебных классов современными техническими средствами и заканчивая апробацией новых образовательных технологий на практических занятиях и во время самостоятельной подготовки студентов с использованием сети Интернет.

В условиях современного общества межкультурное профессиональное общение осуществляется не только при непосредственных контактах коммуникантов, но и

опосредованно, в условиях виртуальной образовательной среды, создаваемой с помощью различных интернет-технологий. Под интернет-технологиями в методике обучения иностранным языкам, понимают совокупность форм, методов, способов, приемов обучения иностранному языку с использованием ресурсов сети Интернет. Существует огромное количество интернет-технологий. Некоторые из них (например, P2P Wi-max, MPLS, IPv6) улучшают, главным образом, технические параметры сети. Другие же (например, вики, блоги, подкасты, подкастинг) могут использоваться в учебном процессе, оказывая на него оптимизирующее влияние.

За последнее десятилетие в методике преподавания иностранных языков появилось большое количество отечественных и зарубежных исследований, в которых рассматривается возможности использования интернет-технологий (веб-квестов, чатов, подкастинга, веб-конференций) в обучении будущих специалистов устному иноязычному общению (Соломатина А.Г., Насонова Е.А., Волкова А.В., Жук Л.Г., Бухаркина М.Ю., Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н., Dudeney G., Hockly N., D. Callear, P. Neville, Collins A. и др.)

Однако ряд вопросов, связанных с интеграцией интернет-технологий в образовательный процесс вузов, все еще остается нерешенным. В данной связи представляется целесообразным рассмотреть преимущества использования подкастинга, как разновидности интернет-технологий, в обучении студентов неязыкового вуза устному иноязычному общению.

Под *подкастингом* понимают способ публикации медиа-потоков (как правило — звуковых или видео передач) в сети Интернет (обычно в формате MP3), при котором они анонсируются особым образом, позволяющим пользователям, в нашем случае студентам, прослушивать, просматривать, а также создавать и распространять аудио- и видеозаписи (подкасты) во всемирной сети Интернет (Ступина 2006, с. 7).

Подкастинг представляет выгодную альтернативу радиовещанию и телевидению, поскольку не требует лицензирования частоты и доступен в любое удобное для слушателя время. Все пользователи могут подписываться и получать новые выпуски подкастов по мере их появления. Данная технология позволяет студентам получать только необходимую и интересную информацию по разнообразной тематике. Для удобного прослушивания подкастов создано множество программных продуктов, следящих за обновлением подкаст-лент и их автоматической загрузкой.

Как правило, подкасты имеют определенную тематику и периодичность издания, но большинство подкастов сложно отнести к какому-либо типу, так как в качестве темы подкаста может выступать любое событие и явление. Тем не менее, можно выделить основные жанры подкастов, среди которых аудиоблоги (аналог онлайн-дневника), музыка, техника, комеди-подкаст, аудиокниги, образовательные подкасты, интервью, новости, политика, радиоспектакли и радио-шоу, спорт, игры.

В процессе обучения устному иноязычному общению возможно максимально полное раскрытие потенциала этой технологии, потому что язык как средство передачи информации в данном контексте является и объектом изучения. Использование подкастов в обучении различным видам речевой деятельности способствует: повышению мотивации к изучению иностранных языков, появлению выбора в отборе интересующего языкового и речевого материала, формированию навыков аудирования и способности воспринимать различные стили речи с разными акцентами и интонациями, развитию умений устного иноязычного общения.

Далее обратимся к вопросу классификации подкастов при обучении иностранному языку. До недавнего времени одной из наиболее известных была классификация Г. Стенли, согласно которой выделяются следующие типы подкастов для обучения иностранному языку:

1) аутентичные (authentic podcasts). Этот тип подкастов предназначен для обучения иностранному языку студентов, которые имеют определенный опыт прослушивания

аудиофайлов. Данный тип подкастов подходит преимущественно для работы со студентами, обладающими высоким уровнем владения иностранным языком;

2) созданные преподавателем (teacher podcasts) – подкасты, разработанные для достижения определенных образовательных целей обучения иностранному языку;

3) созданные студентами (student podcasts) – самостоятельно создаются обучающимися, но часто с помощью преподавателя, который выступает в качестве координаторе их деятельности.

4) методические (educator podcasts). Это подкасты, охватывающие вопросы, связанные с методикой преподавания иностранного языка, ориентированные на пользователей с профессиональным уровнем владения языка.

В целом, технология работы с подкастом совпадает с технологией работы над аудиотекстом и имеет четкую последовательность в действиях преподавателя и студентов:

1) предварительный инструктаж и пред демонстрационное упражнение или задание;

2) процесс восприятия и осмысления информации подкаста;

3) задания и упражнения, контролирующие понимание услышанного текста.

Подбирая или разрабатывая упражнения к подкастам, нацеленные на развитие умений устного иноязычного общения преподавателю необходимо учитывать уровни сложности разных типов заданий.

На наш взгляд, в образовательном процессе по иностранным языкам подкастинг обладает рядом преимуществ.

Прежде всего, это *возможность создавать и размещать в сети Интернет свои собственные подкасты* на сервере www.podomatic.com (iTunes, Podcast News, Digital Podcast). Данное преимущество создает благоприятные условия для мотивации учебно-познавательной деятельности каждого студента, развития учебной автономии и креативности мышления, что в свою очередь позитивно сказывается на развитии всех видов речевой деятельности, особенно умений устного иноязычного общения.

Не менее важной, на наш взгляд, является *возможность создания на сервисе подкастов личной зоны каждого студента*, необходимой для организации сетевого обсуждения содержания подкаста. Личная зона – персональная страничка, на которой студент может размещать созданный им подкаст. Другие учащиеся после просмотра подкаста могут разместить свои комментарии в разделе микро-блога или веб-форума. Размещение личной информации на персональной страничке пользователя осуществляется только на иностранном языке, что способствует интенсификации обучения иностранному языку.

Одной из отличительных черт подкастинга является *интерактивность* – возможность организации сетевого асинхронного и синхронного обсуждения подкаста, как в личной зоне каждого отдельного студента, так и в микро-блоге или на веб-форуме. Данное преимущество позволяет преподавателю организовать групповое сетевое обсуждение подкастов на иностранном языке непосредственно на персональных страницах каждого студента. В зависимости от цели, которую ставит перед собой преподаватель, студентам предлагается оставить один или несколько комментариев, в которых они могут:

1) выразить свое отношение к увиденному материалу;

2) выразить согласие или несогласие с идеями, высказанными автором подкаста;

3) выделить положительные и отрицательные моменты, касающиеся содержания подкаста и организации материала в нем;

4) прокомментировать языковую сторону подкаста (определить степень языковой корректности, использования активной лексики, адекватность использования изученных грамматических явлений и т.д.).

Вышесказанное помогает развивать у студентов умения устного иноязычного общения (приводить аргументы и контраргументы, делать выводы, выносить личное суждение по проблеме), а так же совершенствовать навыки письменной речи разных стилей.

Важным свойством данной интернет-технологии является *мультимедийность*, позволяющая использовать не только текстовые, гипертекстовые и графические материалы, но и аудио-, видеофайлы, анимацию. В подкастинге оптимально сочетается аудио и видео информация, что позволяет преподавателю задействовать все анализаторы восприятия информации и оптимизировать процесс обучения студентов устному иноязычному общению.

Существенным преимуществом является также *возможность осуществлять индивидуализацию в процессе обучения*. В отличие от социального сервиса «Вики», который позволяет нескольким пользователям одновременно принимать участие в работе над контентом, сервис подкастов позволяет организовать индивидуальную работу при создании и размещении материала. Групповое взаимодействие студентов происходит на этапе организации сетевого обсуждения, если таковое имеется, при котором каждый отдельный студент должен зайти на страничку своего одногрупника и разместить свои комментарии в микро-блоге или на веб-форуме. Однако комментарии будут иметь личное (а не коллективное) авторство. Данное свойство особенно важно при необходимости оценивания преподавателем степени усвоения языкового и речевого материала каждым отдельным студентом, а не группы в целом.

Хронологический порядок размещения сообщений (как в блоге или форуме) при организации сетевого обсуждения существенно облегчает поиск нужного комментария среди большого количества записей в подкасте, а также позволяет преподавателю легко следить за обсуждением, направляя его в нужное русло. Таким образом, обсуждение будет вестись в рамках заданной преподавателем проблемы, что должно, на наш взгляд, способствовать достижению главной образовательной цели, которую ставил перед собой преподаватель на этапе планирования работы с подкастом.

Поскольку доступ к размещенной информации открыт для всех зарегистрированных пользователей, это означает наличие *возможности просмотра подкастов другими обучающимися из различных стран мира*. Данное свойство подкастинга позволяет вывести дискуссию, организованную преподавателем после создания подкастов, на качественно новый, международный уровень, что в свою очередь будет способствовать организации межкультурного общения при обмене материалами подкаста с другими пользователями в сети Интернет. Однако при необходимости сбора информации внутри одной группы студентов в целях, например, проверки степени усвоения конкретного речевого или языкового материала, сервис подкастов предоставляет услуги закрытого доступа к размещенным в сети Интернет подкастам и зоне сетевого обсуждения. Пользуясь одним паролем, студенты могут получить доступ к персональным страницам одногрупников.

Подкастинг способствует *совершенствованию информационной компетентности студентов*. Как известно, современная концепция высшего образования состоит в переходе от знание-ориентированного к компетентностному подходу. Целью обучения иностранным языкам в высшей школе является развитие не только коммуникативной и социокультурной компетенций, но и подготовка студентов к иноязычной коммуникации, развитие информационной компетенции, предполагающей умение ориентироваться в современной информационной среде, умение искать, отбирать и критически анализировать ресурсы сети Интернет, общаться с помощью современных технологий. Вышеперечисленное преимущество подкастов дает *возможность создавать виртуальную образовательную среду*, что, безусловно, оптимизирует учебный процесс за счет не только аудиторной, но самостоятельной работы.

Очевидно, что *возможность предоставления большого количества учебных материалов* для обучения различным видам речевой деятельности является предпосылкой для разработки различных видов заданий и упражнений. Примером могут служить следующие задания: написание скрипта к аудиофайлу, выполнение упражнений на основе записанного скрипта, преобразование аудиофайла в видеофайл, запись собственного подкаста по предложенной теме.

Психологи отмечают также, что использование подкастинга в процессе обучения устному общению на иностранном языке ведет к снятию психологических трудностей, оказывает помощь в преодолении неловкости, стеснения при осуществлении коммуникации. Данное преимущество реализуется при организации индивидуальной учебной деятельности студентов. Это особенно важно на начальном этапе обучения иностранному языку, когда студенты одной группы еще недостаточно знакомы друг с другом, что влечет к нежеланию вступать в открытую реальную дискуссию, в то время как в он-лайн обсуждении участвуют все студенты без исключения.

Следует отметить, что подкасты, наряду с другими интернет-технологиями, выполняют ряд важных дидактических функций:

1) служат источником новой информации, актуальной, увлекательной информации (лингвистического и экстралингвистического содержания);

2) создают зрительную и зрительно-слуховую опору в процессе презентации языкового и речевого материала;

3) обеспечивают требуемую ситуативную основу для порождения подготовленного и неподготовленного устного высказывания;

4) способствуют более эффективной организации систематического повторения изученного языкового и речевого материала;

5) служат одним из средств контроля уровня сформированности навыков и умений устного иноязычного общения;

6) являются эффективным средством активизации всех видов учебной деятельности.

В ходе анализа дидактических возможностей интернет технологий, в общем, и в частности подкастинга, в исследованиях обращается особое внимание на такое важное свойство как решение проблемы пространственной удаленности коммуниканта и реципиента. При взаимодействии представителей различных культур интернет технологии создают возможность привлечь носителя изучаемого языка, иностранца, к процессу обучения и изучения иностранного языка в другой стране. На этой основе выделяются следующие дидактические функции интернет-технологий применительно к обучению иностранным языкам, а именно возможность:

- выходить за рамки своего социума, организовывать широкие межкультурные контакты;
- проводить учебные творческие работы, самостоятельный научный поиск совместно со сверстниками из любого уголка мира;
- организовывать совместную учебно-познавательную, исследовательскую, творческую деятельность на основе телекоммуникационных проектов;
- иметь свободный доступ к необходимой информации;
- знакомиться с культурой, бытом, традициями другого народа (Дмитриева 1997, с. 25).

Как видно из представленного обзора дидактических функций интернет-технологий, они обладают огромным дидактическим потенциалом для формирования и развития межкультурной компетенции, а также умений устного иноязычного общения. Данные технологии создают уникальную возможность для интеграции в учебный процесс по иностранным языкам виртуального межкультурного общения.

Представляется целесообразным выделить ряд важных, на наш взгляд, педагогических функций, которыми обладает технология подкастинга:

1) коммуникативная – реализуется в развитии умения студентов формулировать, высказывать, аргументировать собственную точку зрения;

2) информационная – реализуется в возможности выполнения различных операций с информацией (сбор, обработка, анализ, структурирование, обмен и т. д.);

3) управленческая – реализуется в возможности преподавателя управлять учебной деятельностью обучающихся;

4) образовательная – реализуется в получении новой информации, предметных и межпредметных знаний;

5) развивающая – реализуется в развитии новых навыков и умений (информационных, коммуникативных, академических и др.);

6) справочная – реализуется в возможности расширения знаний по поставленной проблеме в процессе создания собственного подкаста;

7) контролирующая – реализуется в возможности контроля деятельности обучающихся асинхронно.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о том, что подкастинг, как разновидность интернет-технологий, обладает большими количеством дидактических возможностей и преимуществ, способствующих интенсификации процесса обучения устному иноязычному общению студентов неязыкового вуза. Представляя собой новую технологию для области обучения иностранному языку в вузе, подкасты наделены рядом перечисленных выше преимуществ, которые способны сделать процесс обучения иностранному языку более интересным и эффективным и, в конечном итоге, способствовать повышению качества иноязычной профессиональной подготовки в условиях реализации новых образовательных стандартов.

Однако использование данной технологии еще не повсеместно в силу недостаточного уровня материально-технического обеспечения вузов, а так же наличия большого количества вопросов, связанных с использованием подкастинга в обучении устному иноязычному общению, которые все еще остаются нерешенными. Очевидно, что интернет-технологии должны быть интегрированы в учебную программу по иностранным языкам и использоваться не только как дополнение к существующему учебному материалу, но и в качестве одного из средств создания виртуальной образовательной среды.

ЛИТЕРАТУРА

ДМИТРИЕВА, Е. И., 2006. Дидактические возможности компьютерных телекоммуникационных сетей для обучения иностранным языкам. *In: Иностранные языки в школе*. Минск: Белорусский государственный университет, № 4, 26.

СТУПИНА, Т.Л., 2006. *Основы использования подкастинга в образовательном процессе: методическое руководство.* Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет.

Irina Radina
Minsk State Linguistic University
Research interests: virtual teaching environment, teaching verbal communication, methods of teaching foreign languages, internet technologies in teaching foreign languages

THE ADVANTAGES OF PODCASTING USAGE IN VERBAL COMMUNICATION TEACHING OF STUDENTS

Summary

Within this article the positive influence of the Internet technologies on teaching English as foreign language to students of non-linguistic university is researched. This influence is revealed through the description of the advantages of Internet technologies applied in teaching English as foreign language on the example of podcasting. The author gives extensive description of this Internet technology, starting with its definition and later on referring to its advantages (the possibility to create one's own podcasts, interactivity, chronological organization, huge database, virtual teaching environment creation, individualization of the teaching process etc., which are vividly revealed in the process of podcasting usage. To define the role and place of podcasting in the process of teaching foreign language to non-linguistic university students the term podcasting as well as its pedagogical and didactic functions are outlined, the classification of podcasting types is given and the possibility to integrate this technology into the process of teaching verbal communication in English with the idea to maximize its potential is researched.

KEY WORDS: Internet technology, podcasting, verbal communication, virtual teaching environment.

Ридная Юлия Викторовна
Новосибирский государственный технический университет
Проспект Карла Маркса, 20. г. Новосибирск, Россия.
yu-rid@yandex.ru

ЖАНР АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ

Статья посвящена проблеме обучения магистрантов технических направлений пониманию и написанию научных текстов. Приводятся доводы в пользу выбора английской научной статьи, как наиболее релевантного жанра при обучении текстообразующей деятельности. Делается попытка представить инвариантную методическую схему- модель этого жанра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жанр, английская научная статья, структурная организация, методическая модель

В настоящее время на рынке труда востребован специалист, владеющий иностранным языком на достаточно высоком уровне. Для осуществления успешной практической деятельности ему недостаточно быть компетентным в соответствующей сфере производства, необходимо владеть и иностранным языком. Кроме того, английский язык выступает в роли хранителя информации во Всемирной сети, используемой большинством исследователей, что особенно важно для будущих специалистов, обучающихся в магистратуре и аспирантуре.

Поскольку представители любой специальности объединяются, помимо всего прочего, еще и определенным набором устных и письменных жанров, используемых ими в профессиональном общении, понятие «жанр» имеет особое значение при профессиональной коммуникации.

Таким образом, принцип жанрового подхода в обучении речевому общению магистрантов играет ведущую роль.

Понятия жанровой и текстовой компетенции неразрывно связаны. Текстовая компетенция, подразумевающая владение структурно смысловыми и композиционными особенностями текста, является важным этапом формирования жанровой компетенции, жанр можно рассматривать как высшую, а текст как базовую единицу обучения (Колесникова 2009, с. 126)

При обучении текстообразующей деятельности на этапе магистратуры важно понимать, что обучение иностранному языку в вузе осуществляется с учетом следующих особенностей:

- взаимодействие всех видов речевой деятельности;
- соответствие этапу обучения;
- ситуативная обусловленность речевого общения;
- соотношение родного и иностранного языков.

Таким образом, обучение магистрантов умению создавать тексты научной направленности предполагает определенную степень сформированности лексических, грамматических и синтаксических навыков в научной сфере общения на родном и иностранном языке, а также знаний по специальности. Переход к обучению продуктивному письму на иностранном языке – более сложному виду речевой деятельности по сравнению с чтением, говорением и аудированием – важно начать с углубленного изучения лингвистических и экстралингвистических особенностей научного текста.

Формирование письменной речевой деятельности в научной сфере общения целесообразно начать с анализа наиболее характерных для данного стиля образцов текста, являющихся целостным речевым произведением со строгой внутренней структурой. На этом этапе обучения важно сформировать умение анализировать и понимать композиционную и текстологическую организацию научного текста. Далее возникает вопрос о требованиях к отбору обучающих материалов, а именно, о выборе жанра научного текста, который с

лингвометодической точки зрения целесообразен для знакомства с композиционно-смысловой структурой английского научного текста.

При отборе и организации обучающего материала мы ориентируемся на характер научной деятельности магистрантов и её отражение в жанрах научной речи, поскольку каждый жанр – своего рода подсистема, составная часть научного дискурса с особыми, присущими только ему конструктивными признаками (Михайлова 1998, с. 64). Наиболее подходящую композиционную структуру (констатация фактов и закономерностей; обнаруженных в результате научного исследования; интерпретация факта или фактов; определение значения этого факта в рамках отдельно взятой науки и общем процессе познания) имеет жанр научной статьи. Этот жанр является наиболее распространенным первичным жанром научной речи, наиболее унифицированным по организации содержания и выбору языковых средств, а также соответствует образовательным целям.

Приведем психолингвистические основания для отбора обучающих материалов, которые позволяют сделать выбор в пользу жанра научной статьи.

Во-первых, жанр научной статьи относится к «малым текстам» (Кубрякова 2001, Колесникова 2009), которые обладают рядом характеристик, удовлетворяющих требованиям отбора обучающих материалов.

Во-вторых, жанр научной статьи обладает параметрами научных текстов (модальность, актуальное членение и логико-синтаксическая структура текста, смысловая законченность текста), проявляющимися только на уровне сверхфразовых единств и связного текста (Зильберман 1982) и это положение лингвистики может быть использовано в методических целях, а именно для определения лингвистических и экстралингвистических параметров научного текста при обучении чтению и пониманию.

В-третьих, именно английская научная статья имеет структурно-композиционные особенности, способствующие использованию целостной модели восприятия при ее чтении (Виноградова 2006), а знание магистрантом специфики своего предмета позволяет ему создать ментальное ситуативное представление о тексте.

Таким образом, жанр научной статьи, на наш взгляд, является наиболее релевантным для обучения чтению и пониманию английских научных текстов по специальности, а в дальнейшем и для развития текстообразующей деятельности.

В работах, посвященных жанрам научной прозы (А. Н. Мансурова, А. И. Неворотин, Г. А. Калмыкова, R. Day и др.), большое внимание уделяется описанию структурной организации английской научной статьи.

Ввиду разнообразия подходов к членению английской научной статьи в отечественной и зарубежной литературе, магистранту, трудно сформировать четкое представление о структурно-информационных компонентах данного жанра. Это членение сводится:

1) к перечислению плана статьи и приложению списка клише, употребляемых в каждом из перечисленных пунктов плана;

2) к описанию структуры в виде вопросов, ответом на которые является тот или иной компонент статьи;

3) к упрощенному пониманию каждой из составляющих жанра и представлению их в виде номинативных предложений типа: «нечто известно», «предмет исследован хорошо», «предмет исследован недостаточно» и т. п.

Наша задача заключается в разработке общей схемы-модели научной статьи на английском языке, являющейся инвариантом жанра, обучение которому может способствовать эффективному пониманию текстов (статей) по специальности и созданию собственных.

Для более полного представления о жанре, становимся подробнее на характеристике структурно-композиционных особенностей жанра английской научной статьи.

Научная статья – жанр письменный, ядерный, первичный, фиксирующий промежуточный результаты, малый, собственно научный, с «открытой», «свободной», «мягкой» структурой, научно-исследовательская работа ученого (по Н. И. Колесниковой).

Английские научные статьи по содержанию делят на 3 типа:

1) contributed papers – описывающие новые оригинальные знания, полученные в результате исследований;

2) review papers – представляющие собой обзоры и анализ новых положений;

3) tutorial papers – являющиеся обширным обзором, представленным в дидактической манере.

Первый тип (contributed papers) является наиболее распространенным видом научной статьи, поскольку отражает новое знание или результаты, полученные в ходе оригинального исследования, является средством представления первичной информации и имеет строгую композиционно-смысловую структуру.

Английская научная статья имеет следующие жанровые характеристики:

- Автор – один или несколько ученых – представителей разных областей науки и техники.
- Регламентированная структура.
- Наличие таблиц, графиков, чертежей, фотографий и т.п.
- Публикация в узкоотраслевых журналах, сборниках или трудах научных конференций.

В научной статье выделяют следующие структурно-информационные компоненты, имеющие определенное значение, выполняющие конкретные функции и являющиеся носителем конкретной информации:

1. Заглавие.
2. Автор.
3. Аннотация.
4. Принятые обозначения.
5. Введение.
6. Основная часть.
7. Заключение.
8. Благодарность коллегам.
9. Приложение.
10. Библиография (по Мансуровой).

1. Заглавие (Title of the scientific paper) отражает общую тематику публикации.

2. Автор, авторская сноска, редакционная сноска (Author of the scientific paper, author's affiliation, editorial footnote). Вместе с именем автора (авторов) сообщается дополнительная информация о его (их) месте работы, городе и стране проживания.

3. Аннотация научной статьи (Abstract), которая является кратким изложением основного содержания статьи, и, будучи помещенной непосредственно после сведений об авторе, помогает читателю принять решение о необходимости чтения данной статьи.

4. Принятые обозначения (Nomenclature, Notation) – раздел, являющийся перечнем обозначений различных определений, символов, подстрочных и надстрочных индексов, используемых в тексте публикации.

5. Введение (Introduction) – раздел, цель которого – описать современное состояние вопроса, раскрыть суть исследовательской проблемы, решаемой автором, и провести анализ возможных решений с обоснованием выбора релевантного направления исследования этой проблемы.

6. Основная часть (Body of the paper) – наиболее насыщенная информационная часть научной статьи, имеющая в большинстве случаев внутреннюю систему рубрикации (макроструктуру), и включающая до 3-5 разделов, подразделяемых на подразделы. Основная часть может содержать развитый математический или иллюстративно-графический аппарат со сквозными системами нумерации формул и графических материалов. На уровне абзаца

научный материал может быть организован по тематическому признаку или по намерению автора, который вправе развивать свою идею в хронологическом, логическом или пространственном порядке. В основной части также выделяют логические компоненты:

1) изложение хода решения поставленной задачи или «методы» **(Methods)**

2) анализ полученных результатов или «результаты»**(Results)**

7. Заключение или выводы (Discussion and or Conclusion(s), Summary and Conclusions, Interpretation, Comparisons, , Conclusions & Comments, Concluding remarks or Summary) – раздел, цель которого – кратко изложить идеи решения поставленной задачи, описать полученные результаты и сделать выводы на их основании. Заключение служит для уточнения и конкретизации информации, представленной в информационно-селективной части введения, а также прогнозирования дальнейших исследований и возможностей. Цель заключения состоит в том, чтобы завершить информационный блок «введение - основная часть - заключение», и таким образом придать ему значительную семантическую самостоятельность.

8. Благодарность коллегам (Acknowledgements).

Данный подраздел представляет собой заключительный абзац научной статьи, в котором автор выражает благодарность лицам, внесшим вклад в исследование и организациям, оказавшим финансовую поддержку.

9. Приложение (Appendix) – факультативный структурный компонент, вводимый в случаях громоздкого математического аппарата.

10. Библиография (References) – раздел, знакомящий с предшествующими публикациями автора и других исследователей по данному вопросу или направлению.

Анализ имеющихся в отечественной и зарубежной литературе представлений о композиционно-смысловой структуре жанра английской научной статьи позволяет выделить общие (инвариантные) компоненты внутри разделов «Аннотация», «Введение», подразделов «Методы», «Результаты», а также прийти к выводу о взаимозаменяемости разделов «Обсуждение результатов» и «Заключение». Ряд исследователей выделяют в структуре научной статьи «Заглавие» и «Автора», а также разделы «Благодарность» и «Приложение».

Таким образом, мы предлагаем следующую методическую модель английской научной статьи:

Схема-модель английской научной статьи

Заглавие

Автор(ы) , организация, адрес

Аннотация

- тема и цель исследования
- методы
- результаты
- общие выводы

Введение

- актуальность темы/исследования/ статьи
- изложение истории вопроса
- нерешенные вопросы
- постановка цели исследования

Основная часть

1. Методы

- описание условий и хода эксперимента
- описание методов и методик
- описание оборудования и материалов

2. Результаты

- представление результатов
(с использованием графиков и таблиц)

Обсуждение (интерпретация результатов)

- анализ результатов на фоне имеющихся данных
- оценка результатов
- сравнение полученных результатов с ожидаемыми результатами

и/или

Заключение

- описание значения результатов/ исследования
- общий вывод
- рекомендации для дальнейшего исследования

Благодарность

-благодарность за помощь в исследовании

-благодарность за финансовую поддержку

Библиография

Приложение

В заключение отметим, данная модель английской научной статьи позволяет обучающимся иметь четкое представление о логико-информационной структуре английской научной статьи и облегчает понимание текстов при чтении данного жанра, и в дальнейшем будет способствовать эффективной работе при написании оригинальных текстов по теме научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

ВИНОГРАДОВА, Е. В., 2006. О моделях восприятия научного иноязычного текста // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч .тр. – Вып. 4 / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орёл: ОГИИК, С. 279-283

КАЛМЫКОВА Г. А., 2010. Как написать статью на английском языке? Ульяновск: УлГПУ, 90 с.

КОЛЕСНИКОВА Н. И., 2009. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ. – М.: Флинта; Наука, 408 с.

КУБРЯКОВА Е. С., 2001. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., С. 72−81

МАНСУРОВА А. Н., 2010. Теоретические и практические основы информационно-смыслового анализа научно-технического текста (английский язык). М.: Издательство «Спутник+», 62 с.

МИХАЙЛОВА Е. В., 1998. Жанры научного дискурса. // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 окт. 1998 г. / ВГПУ. – Волгоград: перемена, С. 64-65

НЕВОРОТИН А. И., 2001. Матричный фразеологический сборник: Пособие по написанию научной статьи на английском языке. СПб.: спецЛит, 205с. – ISBN 5-299-00087-1

ЗИЛЬБЕРМАН Л. И., 1982. Лингвометодические основы отбора учебных и экзаменационных текстов // Повышение эффективности учебного процесса в обучении научных сотрудников иностранным языкам: тез. докл. Москва, Ташкент, С. 17-20

DAY R., 1998. How to Write and Publish a Scientific Paper. 5th ed. Oryx Press

Yuliya Ridnaya
Novosibirsk State Technical University

THE GENRE OF SCIENTIFIC PAPER IN ENGLISH AS METHODOLOGICAL MODEL OF TEACHING

Summary

The article is concerned with the issue of teaching the master programme students of engineering specialities to comprehend and write scientific texts. The reasons for choosing a scientific paper in English as the most relevant genre while teaching text producing activity are given. An attempt to present an invariant methodological scheme-model of the genre is made.

KEY WORDS: genre, scientific paper in English, structure, methodological model

Галина Токарева
Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Россия
ул. Рабфаковская, 34, корпус Б, 153033 Иваново, Россия
Эл. почта: offise@ispu.ru
Научные интересы: русский язык и культура речи, русский язык как иностранный, риторика, современные образовательные технологии

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье описывается опыт проведения исследования на тему «Проблемы преподавания общетехнической и узкоспециальной терминологии иностранным студентам», в котором приняли участие преподаватели технических дисциплин Ивановского государственного энергетического университета.

Данное исследование было направлено на развитие интереса к лингвистическим аспектам преподавания терминологии, на понимание трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты при изучении терминологии данной предметной области, поиск новых путей более эффективной работы с теми студентами, для которых русский язык не является родным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык как иностранный, термин, общетехническая и узкоспециальная терминология, терминологическая система, предметная область «энергетика», полисемия, синонимия, антонимия, омонимия.

В мировом языкознании существует множество работ, посвященных теории термина, исследованиям частных отраслевых терминологических систем, их развитию, а также системным, лингвистическим и экстралингвистическим характеристикам, функционированию отдельных терминологических единиц. Это связано с тем, что являясь инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения, термины и терминология представляют собой важную составную часть науки и техники. Термин является словесным обозначением понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термины каждой отрасли науки, техники, производства формируют свои системы, определяемые, в первую очередь, понятийными связями профессионального знания при стремлении выразить эти связи языковыми средствами. Терминология (как совокупность терминов) составляет автономный сектор любого национального языка, тесно связанный с профессиональной деятельностью.

Знание терминологии будущей специальности − обязательная составляющая профессиональной подготовки студентов технического вуза, в том числе иностранных. Однако совершенствование знаний по общетехнической и узкоспециальной терминологии невозможно без представления о ее системном характере. Причем, понимание этой закономерности, на наш взгляд, важно как для преподавателей (специальных дисциплин и русского языка как иностранного) с точки зрения методики обучения, так и для студентов.

В данной статье рассматривается опыт подхода к решению проблемы системного преподавания терминологии предметной области «Энергетика» иностранным студентам, обучающимися в Ивановском государственном энергетическом университете по направлению «Электроэнергетика и электротехника».

Изучая терминологию, студенты-иностранцы сталкиваются с множеством трудностей, на которые, к сожалению, как правило, не обращают внимания преподаватели технических дисциплин. Первая трудность касается предметной области «Энергетика» в целом и не связана с незнанием языка специальности. Мы имеем в виду отсутствие в данной предметной области единой, упорядоченной терминологии. По мнению ученых-энергетиков, это часто приводит к тому, что один термин имеет несколько значений и служит для выражения разных понятий (то есть наблюдается явление многозначности) или для одного и

того же понятия применяется несколько различных терминов (синонимия). Некоторые термины являются неправильно ориентирующими, противоречат сущности выражаемых ими понятий и создают ложные представления. Как утверждал профессор Ю.Н. Руденко, выдающийся ученый-энергетик с мировым именем, эти недостатки нарушают взаимопонимание даже среди специалистов, затрудняют преподавание, мешают обмену опытом и нередко приводят к практическим ошибкам (Руденко 1980, с. 4). Вот почему было принято решение создать словари научно-технической терминологии, в составлении которых приняли участие специалисты-энергетики и ученые Института русского языка Академии наук, которые оценивали термины с точки зрения норм русского языка. В данный момент подготовлено несколько терминологических выпусков на русском, английском, немецком и французском языках, в которых дано расширенное толкование терминов на русском языке (Надежность систем в энергетике 2007) .

Вторая трудность связана с лингвистическим аспектом восприятия терминов иностранными студентами. Как известно, термины являются неотъемлемой частью номинативных средств языка, поэтому для терминологической лексики характерны такие же лексико-семантические процессы, как и для языка в целом. Мы имеем в виду такую особенность терминологической системы, как наличие полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, то есть таких семантических явлений, которые характеризуют системный характер языка.

Важно, чтобы термин правильно «встраивался» в лексическую систему изучаемого иностранными студентами русского языка и был правильно соотнесен с лексической системой их родного языка. Студенты должны осознать, в какие отношения вступает новый для них термин с другими словами в русском языке. Это позволит обучающимся более эффективно пользоваться языком специальности и решать проблемы профессиональной коммуникации. Значение термина в этом случае будет прочнее укоренено в русской языковой картине мира, даст стимул к большему количеству ассоциаций, активизирует словесно-мыслительные процессы, повысит жизнеспособность терминологии в языке и сознании иностранного студента.

По нашему наблюдению, именно на этот лингвистический аспект изучения терминологии преподаватели специальных предметов не обращают внимания, так как не видят здесь проблемы. В связи с этим нами была предпринята попытка поиска путей, направленных на формирование мотивации интереса у преподавателей технических дисциплин к лингвистическим аспектам преподавания терминологии при работе с иностранными студентами, что, на наш взгляд, должно способствовать повышению качества их обучения.

Преподавателям технических дисциплин было предложено принять участие в лингвистическом исследовании «Проблемы изучения общетехнической и узкоспециальной терминологии иностранными студентами» и заполнить анкеты следующего содержания:

Уважаемый _____

Просим Вас принять участие в исследовании, посвященном проблеме изучения общетехнической и узкоспециальной терминологии предметной области «Энергетика» иностранными студентами. Для этого от Вас требуется привести примеры терминов по дисциплине, которую Вы преподаете, с учетом тех лингвистических аспектов, которые отмечены в данной анкете (количество примеров не ограничено), и ответить на некоторые вопросы. Спасибо за участие!

1. Приведите примеры многозначности в терминологии. Например, термины могут быть образованы на базе метафорического переноса от слов общелитературного языка (пример: *гусеница* трактора).

А) Можно ли сказать, что метафоричность образования термина обусловливает его образность в восприятии русского студента? Иностранного студента?

В) Сохраняется ли у термина эмоциональная окраска, если он образуется от эмоциональных слов активного словарного запаса: пример *отрицательной* эмоциональности

− *старение* энергооборудования). Доступно ли понимание эмоциональной окраски термина иностранным студентам?

2. Приведите примеры синонимов в терминологии.

А) Приведите примеры терминов-синонимов, которые соотносятся с одним и тем же понятием, то есть представляют собой дублеты (пример: *сжатие – компрессия*).

Б) Можно ли считать синонимами следующие примеры (отметьте плюсом, на ваш взгляд, «правильные» синонимы, и минусом – неверные синонимы)? Какие интернационализмы (термины с латинскими и греческими корнями), которые предложили иностранные студенты использовать в качестве синонимов к «русским» терминам, можно оценить как удачный пример синонимии?

Примеры, предложенные студентами:

отрасль – сектор;
совокупность – коллекция;
утилизация – рециклинг;
установка – инсталляция;
устройство – механизм;
распределение – дистрибуция;
двигатель – мотор;
преобразование – трансформация;
накопление – конденсация;
перевооружение – модернизация;
промышленность – индустрия;
нетрадиционные источники энергии – альтернативные источники энергии.

В) Приведите примеры одновременного использования краткой и полной формы термина: (пример: *электрический привод* - *электропривод*).

Г) Приведите примеры употребления фамильных терминов и их вариантов (пример: *законы разветвленных электрических цепей – законы Кирхгофа).*

Д) Приведите примеры термина и его варианта-аббревиатуры (пример: *линии электропередачи – ЛЭП)*. Испытывают ли иностранные студенты трудности при активном использовании аббревиатур преподавателем?

Е) Приведите примеры сосуществования термина и синонимичного ему словосочетания (пример: *диагностика – оценка технического состояния*)

3. Приведите примеры антонимии в терминологии.

А) Каковы причины этого явления, на Ваш взгляд?

Б) Согласны ли Вы с тем, что терминологической лексике антонимия свойственна в большей степени, чем общелитературной лексике (пример: *анод – катод*). Помогает ли, на Ваш взгляд, прослеживание антонимических отношений в терминологии иностранным студентам легче запомнить новый термин, понять его суть?

4. Приведите примеры омонимии в терминологии (обратите внимание, что при наличии омонимии один и тот же термин может входить в разные терминосистемы). Какие трудности данное явление может вызвать у иностранных студентов?

В исследовании приняли участие преподаватели технических дисциплин, имеющие степень доктора и кандидата наук, которые после консультации преподавателя русского языка как иностранного постарались добросовестно ответить на поставленные перед ними в анкете вопросы. По количеству приведенных примеров на первом месте оказалось такое явление, как многозначность, хотя известно, что в большинстве случаев термины не способны развивать метафорическую многозначность. Приведенные участниками анкетирования примеры продемонстрировали наличие большого количества терминов, образованных от слов общелитературного языка на базе метафорического переноса:

старение материалов изоляции,
гололед на проводах воздушной линии,
лавина электронов,

коронный разряд,
электрическая *прочность*,
каскад трансформаторов,
разгрузка трансформатора,
водные *деревья* (дефект изоляции),
преломление волн напряжения,
падающая волна напряжения,
звезда (схема соединения обмоток трансформатора),
электрическая *нагрузка*,
смещение нейтрали,
тарелка изолятора,
фарфоровая *рубашка*,
измерительный *мост*,
катодное *пятно*,
бомбардировка зарядами поверхности электрода.

Известно, что многозначным словам свойственна так называемая единая «внутренняя форма», то есть первоначальное значение, на базе которого могут возникать другие значения данного слова. Переносное значение слова отражает связь между словом и называемым явлением действительности не прямо, а через сопоставление с другими словами. Между отдельными значениями многозначного слова имеются определенные смысловые связи, и эти связи позволяют понять, почему довольно разные предметы, явления, свойства оказываются названными посредством одного и того же слова. Проследить эти смысловые связи носителю языка не составляет особой трудности, но иностранному студенту их необходимо помочь «открывать», как необходимо «открывать» и «внутреннюю форму» многозначного слова. Кроме того, метафоричность лексико-семантического способа образования термина обусловливает его образность. Если у русского студента, впервые услышавшего термин, созданный на основе данного способа, возникает соответствующая картина – образ, помогающий понять и запомнить термин, то у иностранного студента этого не происходит. На эту особенность и обращали внимание преподавателей технических дисциплин следующие вопросы анкеты: «Можно ли сказать, что метафоричность образования термина обусловливает его образность в восприятии русского студента? Иностранного студента? Доступно ли понимание эмоциональной окраски термина иностранным студентам?»

Приводя в качестве примера многозначности термин *коронный разряд*, обозначающий явление, связанное с ионизацией воздуха в электрическом поле с высокой напряженностью (свечение газов в неоднородном электрическом поле высокой напряжённости), один из преподавателей обратил внимание на то, что, когда напряжённость поля достигает предельного значения для воздуха, вокруг электрода возникает свечение, имеющее вид оболочки или короны. У русского студента сразу же при знакомстве с термином *коронный разряд* возникает соответствующий образ, который позволяет ему легче запомнить этот термин, понять суть явления. В сознании иностранного студента, не знающего слово «корона», этого не происходит. Термин не рождает ассоциаций, не активизирует мыслительные процессы.

Преподаватели также заметили, что у терминов, образованных на основе метафорического переноса, может сохраняться эмоциональная окраска. Причем, приведенные ими примеры свидетельствовали о сохранении у некоторых терминов отрицательной эмоциональности (*старение* материалов изоляции, *гололед* на проводах воздушной линии). Примеров с положительной эмоциональной окраской приведено не было.

Анкетирование показало, что для терминологии предметной области «Энергетика» характерно сосуществование термина и его аббревиации. Аббревиация оказалась самым распространенным семантическим способом образования терминов-синонимов в этой предметной области. Это подтверждает общую закономерность, наблюдающуюся в

современном русском языке. Как известно, широкая распространенность сокращений в современных языках связана с тенденцией современного общества к рационализации языка и экономии языковых усилий (Заботкина 1989, с. 35). Аббревиация, как емкий и достаточно экономичный способ терминообразования, получила наибольшее распространение в XX веке, после так называемого «информационного взрыва» (Крысин 1998, с. 23).

Приведем некоторые примеры наиболее употребляемых аббревиатур в анкетах:

воздушная линия – ВЛ;
кабельная линия – КЛ;
трансформаторная подстанция – ТП;
сверхвысокое напряжение – СВН;
генератор импульсных напряжений – ГИН.

Отмечая распространенность терминов-аббревиатур, участники исследования вместе с тем обратили внимание на то, что их чрезмерное использование является большим препятствием для понимания содержания текстов по специальности иностранными студентами.

Приводя примеры антонимов, преподаватели подчеркивали, что антонимические отношения между терминами относятся к числу характерных. Эти отношения, по их мнению, помогают научно описать новые понятия, которые, как правило, возникают парами. Например, были названы следующие случаи проявления антонимических отношений:

подключение – отключение,
проводник – изолятор,
неразветвлённая электрическая цепь – разветвленная электрическая цепь,
источники электроэнергии – приёмники электроэнергии,
возобновляемые ресурсы – невозобновляемые ресурсы,
одноимённые заряды – разноимённые заряды,
постоянный ток – переменный ток,
замкнутая электрическая цепь – разомкнутая электрическая цепь,
рассеиваться – накапливаться,
активные элементы цепи – пассивные элементы цепи,
ротор – статор,
емкость – индуктивность,
ионизация – рекомбинация,
отрицательный ион – положительный ион,
первичная энергия – вторичная энергия и т.д.

В анкетах было отмечено, что, целенаправленно обращая внимание на антонимические отношения между понятиями, можно значительно облегчить процесс усвоения новой терминологии иностранными студентами.

Участники исследования с большим интересом отнеслись к такому явлению в терминологии, как омонимия, при которой одно и то же слово может быть термином различных областей знания. Было отмечено, что для понимания терминов-омонимов (например, таких как *проводник, изолятор, лидер*) важен терминологический контекст, который сложно формируется у иностранных студентов. В качестве примера один из анкетируемых привел слово *лидер*, которое, в отличие от других областей знания, в электроэнергетике обозначает термически ионизированную часть канала стримера, то есть узкого светящегося канала, образующегося в газе, находящемся в сильном электрическом поле при давлениях, близких к атмосферному.

Таким образом, проведенное исследование дало возможность преподавателям технических дисциплин обратить внимание на тот факт, что терминологической системе предметной области «Энергетика» свойственны в той или иной степени те же лексико-семантические процессы, которые характерны для языка в целом. «Идеальные» характеристики терминов (однозначность, отсутствие эмоциональности, образности, синонимов и др.) не реализуются в данной предметной области полностью, что затрудняет

изучение терминологии иностранными студентами. Совместная аналитическая работа преподавателей русского языка как иностранного и преподавателей технических дисциплин, на наш взгляд, способствовала формированию интереса к проблеме системного преподавания общетехнической и узкоспециальной терминологии, к трудностям, с которыми сталкиваются иностранные студенты, получающие техническое образование в энергетическом вузе. Участие в данном исследовании стало стимулом для поиска новых путей более эффективного преподавания специальных дисциплин иностранным студентам в сотрудничестве с преподавателями русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

ЗАБОТКИНА, В.И., 1989. *Новая лексика современного английского языка*: *учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков.* Москва: Высшая школа, 126 с.
КРЫСИН, Л.П., 1998. *Толковый словарь иноязычных слов.* Москва: Русский язык, 848 с.
Надежность систем энергетики. *Терминология*, 1980. Под общей ред. Ю.Н. Руденко. Москва: Наука, 44 с.
Надежность систем энергетики. Сборник рекомендуемых терминов, 2007. Отв. ред. Н.И. Воропай. Москва: ИАЦ «Энергия», 192 с.

Galina Tokareva
Ivanovo State Power Engineering University, Russia
Research interests: Russian language and culture of speech, Russian as foreign language, rhetoric, modern education

SYSTEM APPROACH TO TEACHING TERMINOLOGY TO FOREIGN STUDENTS IN POWER ENGINEERING UNIVERSITY

Summary

The article deals with the results of the research on ‘Issues on teaching basic and single-purpose terminology to foreign students’ among Ivanovo State Power Engineering University Professors of Engineering.

The key goals of the research are to attract attention to linguistic aspects of teaching terminology, to figure out the problems foreign students face studying terminology of the subject matter, to look for new ways to work more efficiently with the foreign students.

KEY WORDS: Russian as foreign language, term, basic and single-purpose terminology, terminological system, subject matter «power engineering», polysemy, synonymy, antonymy, homonymy.

Виталий Чарторийский
Российский университет дружбы народов
Улица Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, Россия, 117198
Эл. почта: taranka111@mail.ru
Научные интересы: выработка приемов, способствующих формированию в кратчайшие сроки у студентов, изучающих РКИ, умений и навыков продуцирования связных текстов.

ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ (ДОВУЗОВСКОМ) ЭТАПЕ

В статье подробно описывается система практических действий (упражнений), направленных на формирование (выработку) умений и навыков, необходимых при обучении письменной речи на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Навыки письменной речи, которые являются наиболее сложными среди других речевых умений и навыков, необходимы студентам университетов, так как практически вся учебная деятельность – это работа с письменными формами речи, работа с текстовыми материалами, то есть работа по сворачиванию, развертыванию и (ре)продуцированию различных видов текстов. Обучение письменной речи (при одновременном развитии умений в других видах речевой деятельности) должно начинаться с первых занятий и опираться на достижения современной методики преподавания РКИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: письменная речь, начальный этап, навык.

Одной из конечных целей при обучении русскому языку иностранных учащихся является формирование и развитие умений и навыков в письменной речи. В современной методике широко используют термины «письмо» и «письменная речь» на иностранном языке. Под обучением письму обычно понимают обучение графическим и орфографическим навыкам. То есть письмо – это «овладение графической и орфографической системами языка для фиксирования отдельных слов», а «умение сочетать эти слова в письменной форме для выражения мыслей в соответствии с потребностями общения» называют письменной речью (Сосенко 1982, с.85). Навыки письменной речи, которые являются наиболее сложными среди других речевых умений и навыков, необходимы студентам вузов, так как практически вся учебная и научная работа – это работа с письменными формами речи, то есть работа по сворачиванию, развертыванию и продуцированию различных видов текстов.

Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации утвердило в 1998 году Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. (Утвержден Президиумом Совета Учебно-методического объединения вузов РФ по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации (протокол № 192\522 от 14.04.98). В этом документе так сформулированы требования к речевым умениям: Иностранец должен уметь:

- репродуцировать письменные и аудиотексты, демонстрируя умение выделять основную информацию, производить компрессию путем исключения второстепенной информации;
- продуцировать письменный текст, относящийся к официально-деловой сфере общения;
- осуществлять дистантное письменное общение, вести записи на основе увиденного и прочитанного с элементами количественной и качественной характеристики, оценки, с использованием типизированных композиционных компонентов (введение, развертывание темы, заключение).

При обучении в вузе студент должен уметь на основе прочитанного научного материала создавать вторичные тексты, излагать ранее усвоенную информацию в устной и письменной форме.

Чтобы уже на первом курсе студент мог записывать лекции, конспектировать различные источники, писать планы и тезисы к семинарским занятиям, готовить рефераты и делать другие письменные работы, преподаватель должен правильно построить обучение РКИ на начальном этапе. Для этого необходимо следовать принципам разработанной советскими лингвистами уникальной коммуникативно-сознательной методики и… не терять темп при прохождении учебного материала.

Первая задача, которую решает преподаватель РКИ (независимо от формы обучения), - научить студента правильно читать. Преподаватель добивается постановки правильного произношения и интонации. Неумение быстро и с правильной интонацией прочитать слог, слово, синтагму, предложение на начальном этапе будет мешать в дальнейшей работе и студенту, и преподавателю. (Методическую ошибку допускают те преподаватели, которые начинают обучение чтению с изучения русского алфавита. Также неправильно разрешать студентам записывать транскрипцию русских звуков и слов на родном языке).

Желательно научить и приучить учащихся правильно писать русские буквы и их сочетания, применяя приемы скорописи. С первого занятия нужно обращать внимание студентов на правила написания прописных и строчных букв, на написание и расположение знаков препинания, Отсутствие навыка писать грамотно, быстро и правильно (разборчиво) даже у одного студента в группе приводит к большим потерям аудиторного времени и невозможности выполнения этим студентом многих необходимых упражнений.

Для выработки умения правильно читать и писать можно предложить следующие упражнения:

- буквенный диктант. (Диктуются буквы, введенные в данном или в предыдущих уроках. Один студент пишет буквы на доске, остальные в тетрадях);
- слоговой диктант, направленный на различение звонких и глухих согласных (до – ту, по – бу), слоговой диктант, направленный на преодоление интерферирующего влияния латинского алфавита (ма – та, ан – ап – ар);
- зрительный диктант. (Преподаватель пишет на доске слово, анализирует его с точки зрения графики и орфографии, определяет место ударения, подчеркивает трудные орфограммы. Затем слово стирается и студенты пишут его по памяти. (Окно, город, друг);
- словарный диктант. (Преподаватель диктует слово. Один студент повторяет и пишет на доске, остальные пишут в тетрадях. Затем студент читает написанное);
- диктант – связный текст. Диктуется небольшой текст или диалог. Возможно использование иллюстраций. После диктанта можно задать вопросы, направленные на проверку понимания написанного;
- фразовый (интонационный) диктант. Студенты должны правильно поставить знаки препинания. (Это твоя сумка. Это твой журнал?);
- творческий диктант с грамматическим заданием. Студенты слушают предложение с существительным в единственном числе, а пишут во множественном, или с местоимением, или с прилагательным. (Это газета – это газеты, моя газета, новая газета).

Обычно в методической литературе рекомендуется при написании диктанта повторять слова и предложения два раза. Наш опыт показывает, что с первого занятия, с первого диктанта возможно и нужно(!) даже в слабых группах произносить слоги, слова и предложения только один раз. (Ошибкой является повторение преподавателем диктуемого три раза).

Незаменимым для решения нашей задачи являются упражнения на увеличение объема памяти. Например, все студенты повторяют небольшое предложение, которое постепенно расширяется до 11 – 13 слов. Один студент в полной тишине пишет на доске последний (полный) вариант предложения, остальные пишут в тетрадях. (Марта хочет учиться. Марта очень хочет учиться. Марта очень хочет учиться в университете. Марта очень хочет учиться в российском университете. Марта очень хочет учиться в Российском университете дружбы народов. Я знаю, что Марта очень хочет учиться в Российском университете дружбы народов.)

Полезным, решающим несколько задач, является задание написать ответы на устные вопросы преподавателя, а также упражнение на оформление прямой и косвенной речи. В последнем упражнении обращается внимание на знаки препинания и на прописную букву в начале прямой речи. (К доске одновременно вызываются два студента. Другие студенты придумывают предложения. Первый, вызванный к доске, оформляет высказывания в виде прямой речи, второй – в виде косвенной).

С первого занятия мы выводим студентов в речь. Используя наглядность, преподаватель и студенты продуцируют два – три связанных предложения. Первым письменным домашним заданием также должно стать речевое задание – микрорассказ по картинке. (Это карта. Это город. Это парк. Это Иван. Это дом. Иван дома.)

В самом начале обучения для проверки и развития навыков устной и письменной речи и грамотного письма подходят упражнения по переписыванию небольших текстов и диалогов (желательно иллюстрированных). В дальнейшем на дом нужно задавать упражнения творческого характера:

- придумать подпись к фотографии;
- после рассмотрения рисунка ответить на вопросы, написать диалог, рассказ;
- написать другу записку;
- написать письмо родителям;
- заполнить в тексте пропуски, залитые места, придумать начало или продолжение истории.

С помощью картинок можно быстро выработать умение задавать вопросы и выходить в речь, научить правильно употреблять глаголы НСВ и СВ. Иллюстрации помогают освоить предложно-падежную систему. Постепенно задания усложняются. Предъявив фотографию читающей в парке девушки, мы просим написать полноценный рассказ. Можно помочь учащимся вопросным планом, проговорив в аудитории: Что это? Кто это? Как ее зовут? Где она? Что она делает? Что она читает? И т.п.

Обучая студентов письменной речи, обращаем внимание на правильное написание и соединение букв и правила переноса слов. Часто студенты неправильно пишут русские буквы «ц», «щ», «й», не соблюдают правила переноса слов.

Трудную задачу – научить правильно связывать предложения – помогают решить упражнения на использование слов тоже, и, а, но. (Это компьютерный класс. Это тоже компьютерный класс. Максим хочет купить новый телефон, но у него нет денег.)

Выработке устойчивого навыка продуцирования связного текста способствуют следующие задания:

- передать информацию, полученную из прослушанного диалога, двумя-тремя предложениями;
- заменить в рассказе имя на местоимение;
- прочитать рассказ иностранного студента Альфредо о его друзьях и написать свой рассказ;
- заменить краткую запись «11/XI, пятница. Контрольная работа» на рассказ из 4 – 5 предложений;
- используя серию рисунков, написать, чем занимался студент в течение дня, недели, как он написал контрольную работу и т.п.

По мере прохождения учебного материала увеличивается объем продуцированных текстов. Студент пишет заметку в газету о концерте, об экскурсии, о празднике. В письме другу подробно рассказывает о себе, использует настоящее, прошедшее и будущее время, сложные предложения, расспрашивает друга о его делах, об общих знакомых, помогает советами.

Следующим шагом должно стать обобщение и закрепление пройденного материала. Для этого мы просим студента написать о себе рассказ в университетскую газету по определенной схеме (плану). Можно предложить несколько тем:

Тема	Что нужно написать
1. Почему я приехал в Россию (Москву)	Кто Вы? Как Вас зовут? Откуда Вы приехали? Почему Вы приехали в Россию? Где Вы живете и учитесь? Сколько времени Вы будете учиться? Что Вы будете делать потом?..
2. Как я живу и учусь в России (Москве)	
3. Я живу в Москве (Твери)	

Продолжая осваивать различные способы связи предложений, предлагаем выполнить соответствующие упражнения. Например, используя данные словосочетания, написать два предложения. ЦУМ (Театральная площадь). – ЦУМ. Этот магазин находится на Театральной площади. Красная площадь (самая известная в Москве). – Красная площадь. Эта площадь самая известная в Москве.

Можно попросить во втором предложении дополнение-существительное заменить на наречие, или самим придумать второе предложение. (Вчера я был в цирке. В цирк меня пригласил мой друг. – Туда (там, здесь, сюда) меня пригласил мой друг.)

Следующий этап в обучении письменной речи – выработка умений находить в тексте микротемы и их расширение, формирование навыка подбирать предложения, развивающие микротемы из 2–3 предложенных. Например, мы предлагаем студентам текст, состоящий из нескольких микротем.

1. У меня есть русский друг. Его зовут Виктор. Он учится в РУДН на филологическом факультете. Он хочет стать переводчиком.

2. Виктор – серьезный студент. Он много занимается и хорошо учится.

3. Я всегда говорю, что Виктор – очень хороший друг.

4. Мой друг любит музыку, и мы часто слушаем ее вместе.

5. Но Виктор любит не только музыку. Он хороший спортсмен. Виктор прекрасно играет в баскетбол и в волейбол.

Студентам предлагается развить микротему 3 и 4, выбрав расширение из предложенных ниже двух расширений.

1) Он сам хорошо играет на гитаре и поет. Мне нравится, как он поет французские песни.

2) У него мало свободного времени, но он всегда помогает мне. Когда я не понимаю… физику, он все объясняет.

Следующая задача – разделение текста на смысловые части, выделение частей текста по предложенному плану, написание планов текста, работа с опорными словами, устный и письменный пересказ текста с использованием плана и опорных слов. Сначала студенты изучают данный преподавателем текст, план текста, микротемы и предложения, которые вводят и развивают микротемы, опорные слова. После этого студенты пробуют рассказать текст, используя план и опорные слова. На следующем занятии студенты вместе с преподавателем выполняют эту работу с новым текстом, а в дальнейшем такая работа становится домашним заданием. Развитию навыков письменной речи служит задание написать в правильном порядке несколько приведенных предложений, а также задание прочитать план статьи и саму статью, написанную, условно, Карлосом. После этого мы спрашиваем, какой пункт плана не раскрыл в статье Карлос, узнаем у студентов, что мог бы написать Карлос, и предлагаем дописать недостающую часть статьи. Также можно предложить студентам текст и план с несколькими пропущенными пунктами. Задача – полностью восстановить план текста.

На следующем этапе мы даем студентам предложения, которые вводят микротемы и просим дописать по 2-3 предложения, которые будут развивать эти микротемы.

Семья Андрея живет в новом доме…

В семье моего друга шесть человек…

Мне очень понравилась сестра Антона…

Можно предложить студентам подобрать к нескольким связанным предложениям первое из 2-3-4 предложенных и записать полностью весь микротекст, а также составить текст из данных 3-4-5 предложений. Можно попросить студентов написать подробное письмо, взяв за основу имеющееся. Например:

Здравствуй, Мигель!

Извини, что я давно не писал тебе. У меня все хорошо. Мне очень нравится моя группа. Мы часто ездим на экскурсии…

Развивая умения студентов использовать в речи сложные предложения, мы предлагаем выполнить упражнения, в которых нужно простые предложения объединить в сложные с помощью различных союзов (а. но, когда, потому что, поэтому, который). Предлагая студентам продолжить и (или) закончить рассказ, просим использовать в качестве соединительных элементов частей текста и другие слова: особенно, больше всего, дело в том, что, не только, но и.

Продолжая и развивая описанную выше работу, переходим к более объемным текстам, текстам различной тематики и стилей.

Этой работой, требующей определенных усилий, как со стороны студентов, так и со стороны преподавателя и занимающей много времени, конечно, не заканчивается обучение письменной речи. Но выполнение описанных заданий-упражнений шаг за шагом подводит студента к тому уровню, достигнув который студент почувствует уверенность в своих силах и сможет самостоятельно (то есть без посторонней помощи) осваивать учебную программу и выполнять задания не только по русскому языку, но и по другим дисциплинам.

ЛИТЕРАТУРА.

ГАДАЛИНА И. И., 2008. К вопросу создания цикла учебных пособий по русскому языку. В сб. «Прагматика и коммуникация в обучении русскому языку как иностранному». Тезисы докладов и статьи Всероссийской научно-практической конференции 3-4 апреля 2008 г. *Москва, РУДН, 78 с.*

СОСЕНКО Э.Ю., 1982. Обучение русской письменной речи. *Москва, «Русский язык» , 112 с.*

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. *Второй уровень. Общее владение*. Москва – Санкт-Петербург, «Златоуст», 1999, 32 с.

Vitali Chartoriski

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

TEACHING OF WRITING AT AN EARLY STAGE OF TRAINING (RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGNERS)

Summary

This paper describes the actions' system (a system of exercises), which is aimed forward skills' forming and developing necessary for teaching of writing at an early stage of training (Russian language for foreigners) Writing skills, which are the most difficult among other speech skills, are necessary for University students. Because all the training activities is a work with the written forms of speech, with text materials, that is the work of termination, deployment and (re)production of different types of texts. Training of written speech (with the simultaneous development of skills in other kinds of speech activity) must begin with the starting lessons and build on the achievements of modern methods of teaching Russian as a foreign language.

KEY WORDS: written speech, the initial stage, the skills.

Шевченко Мирослава
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
бульв. Т.Шевченко, 14. Киев, Украина.
Эл. почта: mirvik@bigmir.net
Научные интересы: лингвистические и лингво-методические основы преподавания русского и украинского языков как иностранных, межкультурная коммуникация.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

В статье обосновывается целесообразность использования газетных текстов как источника социокультурной информации в процессе обучения межкультурному общению, в лингводидактическом аспекте рассматриваются встречающиеся в русскоязычных печатных изданиях Украины разговорные номинации, трудно воспринимаемые или полностью не воспринимаемые иностранными студентами, предлагаются упражнения, помогающие инокоммуникантам осваивать некодифицированные языковые единицы и ускоряющие процесс их вхождения в социальный мир изучаемого языка, продуктивную адаптацию в этом мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инокоммуникант, языковая среда, разговорная речь, язык прессы, разговорные номинации, речевая культура

Иностранный учащийся, который ставит перед собой цель приблизиться во владении русским языком к уровню носителя, должен понимать любой текст на литературном русском языке, более или менее полно выражать свои мысли, высказывая суждения во всех областях, которые его касаются. Изучение современной русской разговорной речи очень важно для практических целей, которые преследует каждый инокоммуникант, поскольку не секрет, что владение только книжно-письменной речью недостаточно для полноценного общения в социально-бытовой, социально-культурной и даже официально-деловой сферах. «Язык как неотчуждаемый объект тематизирует шкалу ценностей, встроенную в логико-лингвистическую систему социума» (Демьянков 2000, с.209). Кроме того, «разговорную речь надо знать не только тем, кто вступает в непосредственное общение с русским собеседником. В современном русском языке разговорная речь – очень активная стихия. Всюду, где требуется сделать текст более образным и ярким, используются элементы живой разговорной речи. Она влияет на кодифицированный язык, проникая в язык газет, в художественную литературу, в научно-популярные статьи и книги, в язык радио, кино и телевидения» (Земская 2006, с. 234).

За последнее время произошли существенные изменения в языке российской прессы, которые нашли отражения в исследованиях многих лингвистов. Эти изменения уже зафиксированы и представлены в учебных пособиях по стилистике русского языка и русскому языку как иностранному, которые имеют цель – «показать разнообразие языка прессы и газетных жанров, активизировать языковые и речевые навыки учащихся, подготовить их к чтению оригинальных материалов текущей периодики» (Дерягина и др. 2000, с. 3). Использование современных газетных текстов разных жанров при обучении русскому языку иностранных студентов способствует созданию дифференцированных учебно-коммуникативных ситуаций, более полно отражающих состояние современного русского языка и особенности его функционирования в современной Украине.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что лингводидактический аспект языка русскоязычной прессы в Украине исследован не достаточно глубоко, несмотря на большое количество иностранцев, изучающих русский язык в Киеве, Харькове, Донецке, Запорожье, Одессе и других украинских городах.

Новая коммуникативная ориентация методики РКИ – «обучение межкультурному общению», характеризуемая как «культуроведческая» (Митрофанова 2000, с. 29), придала не только «новые импульсы изучению культуры и проблемы языковой личности, но и позволила в новом ключе рассматривать газетные тексты как источник социокультурной

информации, имплицирующей по возможности общенациональную культуру с ее морально-этическими, эстетическими ценностями и многовековыми традициями, что способствует созданию прочной мотивационной базы обучения иностранных студентов на основе языка прессы, а также определяет коммуникативно-прагматическую направленность образовательного процесса» (Штерн 2001, с. 8). В настоящее время понимание данного аспекта газетной информации для иностранных студентов затруднено дестандартизацией, полифункциональностью и многожанровостью языка газеты, которые выражаются в широком использовании стилистических вариантов, в разнообразии тем и жанров газетных публикаций, а также в неоднородном стиле газетно-публицистической речи.

Для русскоязычной прессы в Украине последних десятилетий свойственно активное употребление лексики, характерной для разговорной речи представителей разных социальных групп, поскольку «живая речь каждодневного общения принадлежит к наиболее динамичным структурам, которые чутко реагируют на изменения в общественно-политической жизни и культуре народа и характеризуется самой большой открытостью к инновациям и развитию» (Масенко 2010, с. 58). Таким образом увеличилось количество пластов лексики трудно воспринимаемых или полностью не воспринимаемых иностранными студентами, так как их формируют стилистически-маркированные (разговорные) языковые единицы, которые не отражены в словарях.

Характерной особенностью современных публицистических текстов является соединение книжной и разговорной лексики. Смешение стилей нередко встречается даже в статьях на политические, экономические темы. Например: *Чиновники еще год* ***не покажут карманы****. «Нефтегаз»* ***таки*** *поделят «****на троих****». «Закон правильный, это первый шаг к успешным переговорам с Россией* ***по цене*** *на газ, от правительственного он отличается только запретом приватизации, а ее и не требовалось. Оппозицию лишили возможности* ***пиариться*** *на «предательстве национальных интересов» властью»* (Сегодня, 21.03.2012). Можно заметить некоторую лексическую разнородность газетных текстов, в которые включаются самые разнообразные в тематическом и стилистическом отношении группы лексики: и общеупотребительная, и книжная, и термины, и заимствования, и слова высокой стилистической окраски, и, конечно, факты просторечия, диалектов и жаргона. Но это абсолютно не означает, что публицистический стиль «всеяден», или что разговорная лексика составляет ее основу. Просто существование разговорной речи «в двух тональностях – серьезной и шутливой» (Земская 2006, с. 27) позволяет авторам газетных текстов избегать строгости узуса, иногда рамок грамматической правильности и свободно прибегать к творчеству, достигая таким образом непринужденности общения с читателем. Но понять шутку или разгадать языковую игру может человек, отличающийся высокой степенью владения литературным языком, а иностранцу зачастую не хватает знаний или опыта «дешифровки» подобных элементов.

И сегодня очень важным является создание учебного курса, включающего такой языковой материал, который бы обеспечивал возможность выхода в реальную коммуникацию и содержал бы, в частности, разговорную лексику. Елена Андреевна Земская считает, что «при изучении разговорной речи необходимо установить типические для современного русского общества ситуации, в которых она обнаруживается» (Земская 2006, с. 15), но в газетах чаще всего встречаются разговорные элементы, не связанные с типичными ситуациями. Например: *Хозяева* ***«звездного»*** *бизнеса в Киеве могут получить нешуточную прибыль во время Евро-2012* (Сегодня, 05.03.2012). Речь идет о владельцах 5- и 4-звездочных отелей, хотя чаще «звездным» называют шоу-бизнес, поскольку в нем вращается огромное количество «звезд» – популярных исполнителей.

Попробуем проанализировать наиболее частотные разговорные номинации, встречающиеся в газетных текстах.

1. Наименование лица – сокращение от фамилии или имени. Такие наименования воспринимаются как обычные, поскольку их владельцы известные личности в Украине. Так, футболиста Андрея Шевченко называют очень часто Шева***:*** *У Шевы рецидив травмы, но он*

верит, что завтра выиграют и без него (кроме того, *Шева с иврита – 7* , и раньше он играл под таким номером), других игроков сборной Украины: *Воронина – **Ворона**, Шовковского – **Сашо**, Тимощука – **Тимо**, Гусева – **Гусь*** (Сегодня, 07.03.2012). Свою дочь Евгению Юлия Тимошенко в детстве называла Жужа и теперь это ласкательное имя вовсю используется журналистами: *На днях **Жужа** (Евгения Тимошенко) появилась на популярном шоу BBC HardTalk* (Сегодня, 16.03.2012).

2. Метонимические номинации, связанные с названием страны, участием в войне или ликвидацией последствий аварии*: Сегодня песни – его хлеб. **Афганец** оставил карьеру военного и стал бардом. Говорит: тех, кто прошел **Афган**, а затем подался в творчество – много* (Сегодня, 27.03.2012). Украинские власти говорят о росте социальных выплат населению в новом году. Однако чернобыльцы и "афганцы" утверждают, что правительство их обмануло, и угрожают новыми уличными протестами (Сегодня, 12.12.2011); номинации, связанные с членством в украинских партиях: «Фронтовик» Арсений Яценюк отчитался о своих доходах – в 2011 году они составили … (Лидер оппозиционной партии «Фронт змин (Сегодня, 23.03.2012).

3. Наименования лиц по профессии, по общественно важной деятельности, по роду занятий, не употребляемые в кодифицированном языке, образованные при помощи продуктивных суффиксов, например: ***Гаишники** прятались в кустах либо стояли в гражданской одежде; Подобные акции проплачены и срежиссированы профессиональными **пиарщиками** и агентствами, которые организовывают **корпоративы** и розыгрыши; Но вся загвоздка в **мажоритарщиках**. На округах оппозиционеры могут взять до 40 мандатов (Сегодня, 03.04.2012);* часто в тексте автор обозначает не только профессию лица, но и пол: *Вместо симпатичного судьи с интеллигентной **бородкой** – **секретарши**, дремлющие в канцелярии на засаленных папках* (Сегодня, 02.03.2012).

4. Номинации с относительными прилагательными, в которых прилагательное выражает отношение к предмету, однако связь его с определяемым существительным не является типичной и возникает лишь в данной ситуации: *«Динамо» перед дерби теряет Шевченко, а Срна обещает снять с Луческо **«днепровское» напряжение*** (Сегодня, 27.03.2012) – у футбольных команд «Шахтер» и «Днепр» всегда напряженные матчи; *Хозяин одного из районов Харькова имеет целую **«слоновью» комнату** и попал в Книгу рекордов* (Сегодня, 27.03.2012) – чиновник коллекционирует фигурки слонов – 1187 штук; *Последние **газовые новости** для Украины неутешительные* (Сегодня, 03.04.2012) – новости, связанные с повышением цен на газ; *Работники завода «Арсенал» уверяют: есть и **«космические» заказы*** (Сегодня, 21.04.2012) – часто в разговорной речи прилагательное «космические» имеет значение «огромные», но в этом случае «космические заказы» связаны с производством военной и космической продукции.

5. Номинации-конденсаты, образованные от номинаций-словосочетаний, которые подверглись сжатию в одно слово: *Скорее всего, весной **«молочка»*** (молочные продукты) *будет опускаться в цене* (Сегодня, 21.02.2012); *Так же и на **Пейзажке*** (Пейзажная аллея в центре Киева) *привычно стали забывать колышки под агитационные палатки* (Сегодня, 23.03.2012); *«Снова **шестивагонка!**»* (электричка из шести вагонов) – *загудела толпа и смачно выругалась* (Сегодня, 24.04.2012).

6. Субстантивы, нередко встречающиеся в разговорной речи, в газетных текстах используются не столь часто, но тем не менее можно достаточно четко выделить определенные виды транспонирования прилагательного в существительное, требующие, однако, особых обстоятельств. Для синтаксического перехода прилагательного в существительное нужна исходящая единица-конструкция – субстантивное словосочетание, в котором опорным выступает существительное, а зависимым – прилагательное, которое транспонируется. В качестве номинативного средства употребляется только имя прилагательное, ставшее в речевом контексте репрезентантом всей субстантивно-адъективной структуры и используемое в соответствующей именной позиции, например: *В прошлом году мы купили **из дорогого*** (из дорогих вещей) *только стиралку»; В **налоговой***

(налоговой инспекции) *не исключают, что декларации могут стать публичными;* ***Майские*** (майские праздники) *в Украине* (Сегодня, 04.04.2012); *ПР обгоняет БЮТ лишь на* ***десятые*** (десятые доли процента) (Сегодня, 03.04.2012); Для ***Банковой*** (улица Банковая, на которой находится Национальный банк Украины) – *две новости: плохая и хорошая*. Важно, что такие частеречевые преобразования не всегда закрепляются в системе языка, а, таким образом, направлены в речь.

7. «Имя ситуации» – когда журналист «употребляет условный знак-сигнал» (Земская 2006, с. 65), который понятен читателю в силу его знакомства с конситуацией, общности каких-то предварительных сведений: *«Наша* ***собака*** *подошла!»– крикнул мальчик на весь зал ожидания Киевского вокзала, подбежал к своей бабушке, схватил громоздкие сумки и понес к выходу.* («Собакой» электричку прозвали потому, что для пенсионеров и льготников «дешевле только на собаках ездить»); *Кабмин разработал законопроект, согласно которому предлагается оставить Украину* ***в зиме*** (на страницах украинской периодики несколько недель велись бурные дискуссии – стоит ли переходить всей страной на летнее время, или нет). *На железной дороге и в аэропортах, где осенью возникали проблемы* ***из-за неразберихи со стрелками****, говорят, что сейчас все в порядке –* ***утрясли*** *расписание в Россию и Беларусь. А так мы перейдем* ***на лето*** *синхронно с Европой* (Сегодня, 23.03.2012); *Алексей, завсегдатай политических, а теперь уже и строительных митингов, говорит, что* ***«на стройках»*** *работать выгоднее* (в Украине прокатилась волна так называемых «строительных митингов», происходящих по всей стране из-за большого количества захвата застройщиками парков, скверов и других мест для отдыха с целью строительства офисных помещений или торговых центров); *Тройная перестановка в Кабмине: Хорошковского повысили, но отняли* ***«кошелек»****, Порошенко* ***сватают на экономику****, а замглавы НБУ –* ***на финансы*** (речь идет о кадровых изменениях в Кабинете Министров Украины: Хорошковсий перестал быть министром экономики, а Порошенко должен занять его место) (Сегодня, 03.03.2012).

8. Жаргонизмы – номинативные единицы, представляющие криминальный, молодежный и профессиональный социолекты. Газетно-журнальная практика жаргонного словоупотребления всегда на шаг впереди самого современного словаря соответствующей лексики. Исследователи отмечают, что единицы криминального жаргона активно проникают в молодежный субъязык, разговорную речь и публицистику (Третяк 2008, с. 7; У Хао 2003, с. 34). В газетных текстах они употребляются в прямом значении в статьях, освещающих криминальную хронику, а в переносном – политическую, экономическую, спортивную, и даже культурную жизнь: *Чем выше первоначальный взнос, тем большую сумму нужно иметь* ***«на входе»****. А большие* ***«заначки под подушкой»*** *есть далеко не у каждого, кто хочет обзавестись машиной*; *Начнут провоцировать гаишников, чтобы не платить огромные штрафы и не* ***давать «в лапу»***; *Напомним: приказ МЭРТ от 15 марта касается не только запрета* ***«полубодяжных»*** *топливных смесей, но и импортных бензинов и дизтоплива премиум-класса, которые дороже обычной* ***горючки*** (Сегодня, 23.03.2012); *«До кризиса могли и* ***сотню баксов*** *за день дать: велика вероятность* ***загреметь в ментовку****. Сейчас 50 долларов – это максимум. Разве что* ***фингал*** *поставят, то могут* ***десятку накинуть****»* (Сегодня, 23.03.2012); *Еще летом 2010 года владельцы летних площадок у ресторанов жаловались на одну* ***«левую»*** *структуру при главке благоустройства*.

Сленговые единицы употребляется в молодежных рубриках газет на тему компьютерного обеспечения, шоу-бизнеса, общественной жизни, политики: ***Поползли слухи*** *о том, что цифры на фотографиях с нарушениями в ГАИ* ***«фотошопят»*** (Сегодня, 24.03.2012); ***Фишка*** *этого сайта в том, что здесь хранятся тематические подборки образовательных ссылок*; *У нас на тесте – наиболее* ***«фаршированный»*** *X-Trail*; *Следующий свой* ***товарняк*** *Украина сыграет* ***аж*** *28 мая, с Эстонией (товарищеский матч; раньше товарняк – поезд); Израильтяне сетуют на* ***блат****, а Девич уважил Гусева обращением: «Профессор»!; Пример скорости израильским футболистам показал местный* ***коп*** (Сегодня, 04.04.2012).

Безусловно, приведенные здесь примеры, вызывают закономерный вопрос: «А так ли необходимо изучать жаргонные или сленговые единицы иностранным студентам?» Однозначно ответить на него трудно. Многое зависит от контингента учащихся, степени их владения языком и мн. др. Очевидно, что лексика такого характера не должна активно употребляться в речи студентов, но может быть отнесена к пассивному словарю, что обеспечит им понимание текстов СМИ, содержащих разговорные и, в частности, жаргонные элементы.

9. Украинизмы, использование которых, «с одной стороны, подчинено теме (адекватному изображению украинской действительности, политических, исторических, бытовых реалий), с другой – в диалогической речи – установке на имитацию непринужденной разговорной речи» (Озерова 2002, с. 2). Традиционно не переводятся на русский язык названия украинских правительственных учреждений, политических партий, блоков, союзов и объединений: *В результате они постановили полностью удовлетворить иск прокуратуры к* ***Киевраде*** *и застройщику*; *Чехи вступились за наших* ***заробитчан***. *После ужесточения правил для иностранцев бизнесмены боятся потерять* ***дешевые руки*** (поскольку в Чехии очень много нелегально работающих украинцев, автор употребил слово «заробитчанин» вместо «трудящийся-мигрант» или германизма «гастарбайтер»)***;*** *Для Тимошенко готовят целое отделение в харьковской больнице* ***«Укрзализныци»,*** *куда отправят* ***вип-заключенную*** (Сегодня, 24.04.2012).

Рассмотренные номинации фиксируются в разных формах газетной речи: в прямой, несобственно-прямой (главным образом в жанре интервью и очерка), косвенной, реализуя конструктивный принцип публицистического стиля – сочетание стандарта и экспрессии, логического и образного. Таким образом, можно утверждать, что в языке современных украинских газет использование разговорно-просторечных элементов почти не регламентируется жанром или темой публикации.

Деятельность преподавателя русского языка как иностранного связана с задачей обеспечения вхождения иностранного учащегося в социальный мир изучаемого языка, «его продуктивную адаптацию в этом мире» (Зимняя 2006, с. 1), погружение в языковую среду. Языковая среда является ведущим фактором, стимулирующим иностранных учащихся к овладению русским языком в различных его формах и проявлениях. В Украине языковая среда имеет свои особенности, в связи с чем немаловажной проблемой является специфика преподавания русского языка в условиях близкородственного двуязычия, при котором иностранцев необходимо научить понимать услышанное, читать и писать на русском языке, то есть использовать язык в коммуникативных целях, как в русскоязычном, так и в украиноязычном окружении, а также в условиях языкового суржика. Элементы такого смешения очень часто наблюдаются, к сожалению, не только в бытовом общении, оказывая влияние на формирование речевой культуры, вызывая определённые трудности в восприятии и понимании даже общеупотребительных слов. Трудности, возникающие у иностранных студентов, связанные с вариативным языковым употреблением, и обусловили необходимость разработки комплекса упражнений, который приблизит их к рецепции не только современных газетных текстов в целом, но и научит находить, «чувствовать» разговорные элементы в данных текстах. Комплекс должны составлять некоммуникативные (языковые), условно-коммуникативные (условно-речевые) и подлинно-коммуникативные упражнения, выполнение которых активизирует языковые и речевые навыки учащихся, подготовит их к чтению оригинальных материалов текущей периодики и к продуцированию собственных текстов на ту или иную «животрепещущую» тему.

В качестве иллюстративного материала рассмотрим статью (в сокращенном варианте) из газеты «Сегодня», входящую в серию репортажей «В Польше – так, в Украине – так», посвященную сравнению жизни в двух странах перед Чемпионатом Европы 2012 года.

«Бензин растет в цене, а «грачей» нет»

Личный транспорт вполне ***по карману*** *многим варшавянам. Они могут купить подержанную машину в соседней Германии и* ***растамаживать*** *ее* ***не придется***. *А* ***вот цены***

на бензин ***кусаются****, и что ни день, то больнее. Сейчас литр бензина 95-1 марки стоит 5,94 zl (15 грн), и как опасаются поляки,* ***вот-вот*** *дойдет до 6 zl за литр. В Киеве сейчас бензин стоит порядка 11-12 гривен за литр. Еще один минус –* ***пробки****. Правда, в Варшаве это выглядит* ***куда цивилизованней*** *– водители* ***не мечутся*** *между полосами, не говоря уже о том, чтобы выскочить на* ***встречку*** *или объехать по тротуару, все* ***тихонько тащатся*** *в нужном направлении. ...Платная парковка – только в центре Варшавы: 3 zl за первый час (7,5 грн). Сейчас в украинской столице с парковками* ***мутная*** *история. Согласно постановлению Кабмина, платными стоянками не могут считаться парковки без паркомата, а последних у нас* ***маловато.*** *...Поймать такси, голосуя на тротуаре в Варшаве почти нереально.* ***«Грачей»*** *нет, а таксисты сосредоточенно едут по вызову или ждут клиента на специальных стоянках. ...Манеры варшавских таксистов мало отличаются от киевских – они* ***лихачат*** *и любят* ***болтать*** *о жизни в дороге* (Сегодня, 03.05.2012).

Студентам предлагается выполнить следующие задания (здесь мы не разделяем их на предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы):

1. Прочтите заголовок текста и постарайтесь определить его основную тему.
2. Определите ключевые слова и словосочетания текста, отметьте принадлежат ли они к кодифицированному языку.
3. Составьте цепочку из основных фактов текста, в которой ключевые слова были бы связаны по смыслу.
4. Назовите и выпишите из текста слова, которые можно использовать в качестве опоры при обсуждении темы, освещаемой в тексте.
5. Определите стилистические особенности текстового отрывка.
6. Выпишите из текста разговорные единицы, укажите, есть ли среди них жаргонные или сленговые слова, понятно ли вам их значение.
7. Попробуйте заменить выделенные единицы словами из кодифицированного литературного языка. Как изменится тональность текста?
8. Перескажите текст, используя средства разговорной речи, которые вы запомнили.
9. Сравните транспортные системы в Украине и в вашей родной стране и расскажите о них, используя сначала только средства литературного языка, а потом и средства разговорной речи.
10. Обсудите с одногруппниками особенности транспортной системы в Украине, отмечая ее недостатки и положительные характеристики.
11. Вспомните, что вы слышали от жителей Киева о городском транспорте, по возможности передавая особенности их речи.

Процесс адаптации к языковой среде иностранных студентов будет более быстрым и легким, если обучение РКИ будет включать элементы разговорной речи, которые «вычленяются» не только из устной речи, но и из аутентичных газетных текстов. Такие материалы способствуют удовлетворению потребности чувствовать себя «своим» в данном обществе, потребности взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

ДЕМЬЯНКОВ В.З., 2000. Семантические роли и образы языка. Язык о языке. Москва: Языки русской культуры, 624 с.

ДЕРЯГИНА С.И. и др., 2000. В газетах пишут… Москва: «Русский язык». Курсы, 276 с.

ЗЕМСКАЯ Е.А., 2006. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. Москва: Флинта, 240 с.

ЗИМНЯЯ И.А., 2006. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. Интернет-журнал «Эйдос». 5 мая.

МАСЕНКО Л., 2010. Нариси з соціолінгвістики. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 243 с.

ОЗЕРОВА Н.Г., 2002. Украинизмы в русской газетной речи на рубеже тысячелетий // Русский язык и литература в учебных заведениях. № 5, с. 2-4.

ТРЕТЯК Н.В., 2008. Жаргонна лексика в друкованих ЗМІ (номінативно-експресивна функція). Київ, 18 с.

У ХАО, 2003. Разговорно-просторечная и жаргонная лексика в современном русском языке: на материале толковых словарей и российских газет. Москва, 186 с.
ШТЕРН Е.А., 2001. Жанрово-стилистический аспект изучения газетных текстов на уроках русского языка как иностранного. Санкт-Петербург, 193 с.

Myroslava Shevchenko
Taras Shevchenko National University of Kyiv
Research interests: linguistic and tutorial basics of Russian and Ukrainian language teaching as foreign languages, cross-cultural communication.

CONVERSATIONAL SPEECH IN TERMS OF LINGUODIDACTICS

Summary

The article substantiates an expediency of using newspaper texts as a source of social and cultural information within the teaching process aimed at cross-cultural communication. In terms of linguodidactics, it considers colloquial naming units, which can be found in Russian-language press in Ukraine and are difficult or impossible to apprehend for foreign students. The article also offers exercises beneficial to foreign communicants in absorbing uncodified linguistic units, entering the social world of the object language and adapting to this world efficiantly.

KEY WORDS: foreign communicant, verbal environment, conversational speech, press language, colloquial naming units, verbal culture.